Дч 355

BEOGRADSKI MEĐUNARODNI SLAVISTIČKI SASTANAK

(15—21. IX. 1955)

IZDANJE ORGANIZACIONOG ODBORA

BEOGRAD

1957

Q. Dyšek

Čsf, 13. IX 1976.

BEOGRADSKI MEĐUNARODNI SLAVISTIČKI SASTANAK

(15—21. IX. 1955)

МСЦ
ПРВИ МЕЂУНАРОДНИ
СЛАВИСТИЧКИ ЦЕНТАР
СР СРБИЈА
БЕОГРАД
ЈУГОСЛАВИЈА

IZDANJE ORGANIZACIONOG ODBORA

BEOGRAD

1957

БИБЛИОТЕКА
СЕМИНАРА ЗА ЈУЖНОСЛОВЕНСКЕ ЈЕЗИКЕ
И ОПШТУ ЛИНГВИСТИКУ
524
Инв. Дб 355
Сиг.
ФИЛОЛОШКИ ФАКУЛТЕТ
УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ

REDAKCIONI ODBOR:

Dr. JOSIP BADALIĆ, Dr. ALEKSANDAR BELIĆ, Dr. MATE HRASTE, BLAŽE KONESKI, RADOVAN LALIĆ, Dr. SALKO NAZEČIĆ, Dr. DRAGOLJUB PAVLOVIĆ, Dr. HARALAMPIJE POLENAKOVIĆ, Dr. ANTON SLODNJAK, Dr. MIHAILO STEVANOVIĆ, Dr. KIRIL TARANOVSKI, Dr. FRANCE TOMŠIČ i Dr. JOVAN VUKOVIĆ

Odgovorni redaktor:
Dr. KIRIL TARANOVSKI

Naučno delo

IZDAVAČKA USTANOVA SRPSKE AKADEMIJE NAUKA

Slog: Izdavačke ustanove „Naučno delo", SAN, Beograd, Vuka Karadžića ul. 5
Štampa i povez: Grafičko preduzeće „Akademija", Beograd, Kosmajska ul. 28

S A D R Ž A J

IZVEŠTAJ O MEĐUNARODNOM SLAVISTIČKOM SASTANKU ODRŽANOM U BEOGRADU OD 15 DO 21 SEPTEMBRA 1955 GODINE . . 1— 24

I Prethodna savetovanja i organizacija sastanka . . . . . 3—5
II Otvaranje sastanka i početak rada . . . . . 5—10
III Naučnoinformativni referati . . . . . 10—12
IV Naučni referati . . . . . 12—13
V Diskusija i odluke o organizacionim pitanjima . . . . . 13—16
VI Završna sednica Plenuma . . . . . 16—21

Učesnici Međunarodnog slavističkog sastanka . . . . . 22—24
I Učesnici iz inostranstva 22
II Učesnici iz Jugoslavije . . . . . 23—24

REFERATI O RAZVOJU SLAVISTIKE OD 1945 DO 1955 . . . . . 25—480

М. Стевановић: Рад на науци о српскохрватском језику код Срба за десет година после Другог светског рата . . . . . 27—39
Mate Hraste: Rad na lingvistici i filologiji u Narodnoj Republici Hrvatskoj zadnjih deset godina . . . . . 41—46
Anton Bajec: Slovansko jezikoslovje v Sloveniji od Osvoboditve do današnjega dne 47—57
Блаже Конески: Развитак македонске лингвистике после Ослобођења . 59—61
Петар Ђорђић: Преглед рада на словенској филологији у Југославији у послератном периоду (1945—1955) из области упоредне граматике словенских језика са прасловенским, старословенског језика са његовим рецензијама и источних и западних словенских језика . . . 63—78
Драгољуб Павловић: Рад на проучавању историје српске књижевности од 1945 до 1955 . . . . . 79—89
Emil Štampar: Poslijeratna nauka o hrvatskoj književnosti . . . . . 91—104
Anton Slodnjak: Pregled slovenske literarne zgodovine po l. 1945 . . . . 105—113
Х. Поленаковић: Рад на проучавању историје македонске књижевности у периоду после Другог светског рата . . . . . 115—124
Радован Лалић: О раду на проучавању источнословенских и западнословенских књижевности у Југославији у времену од 1945 до 1955 године 125—129
Л. Андрейчин и Ив. Леков: Българското и славянското езикознание в България през последните десет години . . . . . 131—139
Петър Динеков: Развитие на литературните проучвания в България след Втората световна война . . . . . 141—149
В. В. Виноградов: Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР . . . . . 151—197

В. И. Борковский: Разработка советскими учеными вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков (в послевоенные годы) . . . . . 199—228
Ю. С. Маслов: Изучение южных и западных славянских языков в СССР за последние десять лет . . . . . 229—240
Д. С. Лихачев: Изучение древней русской литературы за последние десять лет . . . . . 241—252
А. С. Мясников: Изучение русской литературы XVIII—XX вв. в СССР за последние десять лет . . . . . 253—281
П. Н. Третьяков: О деятельности Института славяноведения Академии наук СССР . . . . . 283—288
Tadeusz Lehr-Spławiński i Alfred Zaręba: Polski dorobek badawczy w zakresie językoznawstwa słowiańskiego po Drugiej wojnie światowej . . . . . 289—310
Zdzisław Stieber: Dialektologia polska w ostatnim dziesięcioleciu . . . . . 311—313
Jerzy Ziomek: Badania nad literaturą staropolską w okresie dziesięciolecia Polski Ludowej . . . . . 315—325
Tadeusz Mikulski: Studia nad Oświeceniem w Polsce w latach 1945—1955 . 327—335
Henryk Wołpe: Rok Mickiewiczowski w nauce polskiej . . . . . 337—341
Marian Jakóbiec: Osiągnięcia i drogi rozwojowe historii literatur słowiańskich w Polsce w latach 1945—1955 . . . . . 343—352
Bohuslav Havránek: Slovanská jazykověda v Československé republice . . . 353—367
Josef Kurz: Slovník jazyka staroslověnského Československé akademie věd . 369—376
Frank Wollman: Literárněvědná slavistika u Čehů a Slováků v l. 1945—1955 377—391
André Vaillant: Rapport sur les études slaves en France de 1944 à 1954 . 393—398
R. Triomphe: Le problème des échanges entre les slavisants français et les pays slaves . . . . . 399—404
Wacław Lednicki: The Development of Slavic Studies in America since 1945 405—414
Роман Якобсон: Изучение славянских языков и сравнительное славяноведение в Соединенных Штатах Америки за послевоенное десятилетие . . . . . 415—428
Elizabeth Hill: The Development of Slavic Studies in Britain during the last decade . . . . . 429—439
A. Schmaus: Die Slavistik in Westdeutschland nach 1945 . . . . . 441—447
Rudolf Jagoditsch: Die Slavistik in Österreich 1945—1955 . . . . . 449—454
Giovanni Maver: Slavistika u Italiji . . . . . 455—458
Эмиль Петрович: Вопросы славистики в Румынии за последние десять лет 459—464
Péter Király: Zehn Jahre slawischer Sprachwissenschaft in Ungarn (1945—1955) 465—478
T. Eekman et C. H. van Schooneveld: Les études slaves aux Pays Bas de 1944 à 1954 . . . . . 479—480

REFERATI O POJEDINIM PITANJIMA SLOVENSKE LINGVISTIKE I ISTORIJE SLOVENSKIH KNJIŽEVNOSTI . . . . . 481—658

А. Белич: О глаголах, имеющих два вида . . . . . 483—484
W. K. Matthews: Trubetzkoy's ѫ/ѧ and the Old Bulgarian groups шт/жд . 485—490
В. Кипарский: О стабилизации ударения в славянских языках . . . . 491—495
Эйно Нийеминен: К вопросу о влиянии праславянского языка на прибалтийско-финские языки . . . . . 497—502
L. Hadrovics: Neki problemi mađarskih elemenata u srpskohrvatskom jeziku 503—510
Владимир Георгиев: Концепция об индоевропейских гуттуральных согласных и ее отражение на этимологии славянских слов . . . . 511—517
Witold Doroszewski: Dialektologia a metoda historyczno-porównawcza w językoznawstwie . . . . . 519—526

Виктор Новак: Палеографија и словенско-латинска симбиоза од VII до XV столећа . . . . . 527—530
Georges Luciani: Quelques réflexions d'un étranger sur l'enquête de Letopis Matice srpske au sujet de la langue littéraire serbocroate . . . . 531—536
Ђ. Сп. Радојичић: Старе српске повеље и рукописне књиге за време Другог светског рата . . . . . 537—542
Tadeusz Lehr-Spławiński: Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko-prasłowiańskich 543
Bohuslav Havránek: K problematice vztahu vývoje společnosti a vývoje spisovného jazyka českého . . . . . 545—547
Josip Hamm: Praslav. ě i njegov izgovor . . . . . 549—550
Ив. Леков: Отклонения от флексивния строеж на славянските езици . 551—558
В. Томановић: О неким случајевима дијатезе у српскохрватском и руском језику . . . . . 559—563
Karel Horálek: K problematice srovnávací slovanské lexikologie . . . . 565—569
Vincent Blanár: Lexikologická a gramatická problematika vlastných mien . 571—578
Sreten Živković: O slovenskom glagolskom vidu . . . . . 579—585
Ljudevit Jonke: Ideološki osnovi Zagrebačke filološke škole 19. stoljeća . . 587—594
Блаже Конески: Неколку белешки за јазикот на јужнословенските апостоли од првата редакција . . . . . 595—598
М. П. Алексеев: Славянские источники „Утопии" Томаса Мора . . 599—603
André Mazon: Артаѯерѯово дѣиство. La Comédie d'Artaxerxès de Gregorii le Pasteur (1672) . . . . . 605—608
Fran Petrè: Od Moderne do ekspresionizma i nadrealizma . . . . . 609—612
Marja Boršnik: O doprinosu novejše slovenske literature k svetovni literaturi 613—616
A. Schmaus: O uporednom proučavanju narodnih epika . . . . . 617—618
Мираш Кићовић: Вертепска драма код Срба у вези са сличном страном драмом . . . . . 619—622
Julius Dolanský: Zadaci i metodi proučavanja međusobnih književnih veza naroda Jugoslavije i Čehoslovačke . . . . . 623—629
Ivan Esih: Nova književna vrsta Science Fiction i slavenske književnosti . . 631—636
Andrej Mráz: Srbská ľudová poézia vo vývine slovenskej literatúry . . . 637—643
Н. Ф. Преображенский: Волшебные солдатики (Пушкин и Вашингтон Ирвинг) 645
Х. Поленаковиќ: Врските на Јордан Хаџи Константинов-Џинот со Друштво српске словесности . . . . . 647—651
J. Ravlić: Odraz domaće stvarnosti u dubrovačkoj književnosti (I. Gundulić i njegova „Dubravka") . . . . . 653—658

DODATAK . . . . . 659—692
Napomena Redakcionog odbora 661
Азбучни регистар . . . . . 663—675
Abecedni registar . . . . . 677—692

BEOGRADSKI
MEĐUNARODNI SLAVISTIČKI SASTANAK

IZVEŠTAJ
O MEĐUNARODNOM SLAVISTIČKOM SASTANKU ODRŽANOM U BEOGRADU OD 15 DO 21 SEPTEMBRA 1955

IZVEŠTAJ

O MEĐUNARODNOM SLAVISTIČKOM SASTANKU ODRŽANOM U BEOGRADU OD 15 DO 21 SEPTEMBRA 1955

I PRETHODNA SAVETOVANJA I ORGANIZACIJA SASTANKA

Pre Drugog svetskog rata naučna saradnja među slavistima raznih zemalja počela je dosta lepo da se razvija. Dva velika slavistička kongresa, u Pragu 1929 i u Varšavi i Krakovu 1934 godine, postavili su joj solidan temelj. Na tim kongresima bile su zastupljene manje više sve zemlje u kojima je slavistika razvijena, osim Sovjetskog Saveza, bez čijeg učešća međunarodna saradnja na polju slavistike, naravno, nije mogla biti potpuna. Treći međunarodni slavistički kongres trebalo je da se održi u Beogradu u septembru 1939 godine. Za njega su bile izvršene sve pripreme, objavljeno je i pet knjiga prethodnih publikacija, ali usled izbijanja rata Kongres je otkazan. Posle rata vršene su pripreme za nov kongres u Moskvi. On je prvo zakazan za 1947 godinu, zatim je odgođen za 1948; međutim, zbog poznatih političkih događaja u toj godini, do njega uopšte nije došlo. Posle toga nijedna zemlja nije pokazivala inicijative da na široj osnovi obnovi kontakt među slavistima raznih zemalja. Počelo se pomišljati na uže međunarodne sastanke slavista, uglavnom pretstavnika onih zemalja koje su i dalje održavale među sobom kulturne veze. Među prvima na tu ideju su došli i profesori slavističkih katedara jugoslovenskih univerziteta. Još u proleće 1954 godine odlučeno je da se zakaže jedan takav sastanak u Beogradu za oktobar te godine, a njegova organizacija pala je u deo slavističkim katedrama Beogradskog univerziteta. Međutim, u toku samih priprema došlo se do uverenja da bi bilo bolje odložiti sastanak za 1955 godinu. U tom smislu stigle su sugestije i od nekih slavista iz inostranstva. Tako je ovaj sastanak odložen za septembar 1955. U međuvremenu održana su dva manja međunarodna slavistička sastanka: u Istočnom Berlinu (u novembru 1954) i u Rimu (krajem avgusta i početkom septembra 1955). Broj učesnika na tim sastancima bio je, iz ovih ili onih razloga, veoma ograničen. Zbog toga se na njima i nije rešavalo o pitanjima međunarodne saradnje kojom bi bili obuhvaćeni svi slavistički centri.

Za beogradski sastanak slavista pripreme su vršene čitavu godinu dana. Još 5 i 6 novembra 1954 održana je u Beogradu konferencija pretstavnika slavističkih katedara svih jugoslovenskih univerziteta. Na toj konferenciji utvrđen je datum sastanka (15–21 septembar 1955) i odlučeno je da se pozivi na sastanak upute u sve zemlje u kojima se radi na slavistici. Vođenje svih poslova oko sazivanja sastanka povereno je Organizacionom odboru, u koji su ušli: dr. Aleksandar Belić (Beograd) kao pretsednik, dr. Antun Barac (Zagreb), dr. Anton Slodnjak

(Ljubljana) i Blaže Koneski (Skoplje) kao potpretsednici, dr. Kiril Taranovski (Beograd) kao generalni sekretar, dr. Stjepan Ivšić (Zagreb), dr. Francè Tomšič (Ljubljana) i dr. Jovan Vuković (Sarajevo) kao sekretari, a kao članovi: dr. Dragoljub Pavlović, dr. Mihailo Stevanović, Radovan Lalić i dr. Vido Latković (iz Beograda), dr. Josip Badalić, dr. Mate Hraste i dr. Fran Petrè (iz Zagreba), dr. Anton Ocvirk, dr. Nikolaj Preobraženski i dr. Emil Štampar (iz Ljubljane), dr. Haralampije Polenaković i Dimče Levkov (iz Skoplja), Salko Nazečić i Boško Novaković (iz Sarajeva) i dr. Milivoj Pavlović, Mladen Leskovac i dr. Petar Đorđić (iz Novog Sada). Na drugoj konferenciji pretstavnika svih jugoslovenskih univerziteta, održanoj 28 i 29 decembra 1954, utvrđen je i sledeći okvirni program sastanka: 1) organizaciona pitanja: a) o sazivanju međunarodnog slavističkog kongresa; b) o izradi slavističke bibliografije; c) o razmeni publikacija; d) o raznim drugim mogućnim formama bliže saradnje među slavistima raznih zemalja; e) o pružanju organizovane pomoći naučnom slavističkom podmlatku, itd.; 2) naučno-informativni referati o razvoju slavistike u pojedinim zemljama u posleratnom periodu; 3) naučni referati o sledećim temama: a) Zadaci i metodi proučavanja slovenskih jezika (kao napr.: Savremene lingvističke struje u svetu i slovenska lingvistika, Osnovi slovenske sintakse, Stvaranje i razvitak slovenskih književnih jezika i sl.); b) Zadaci i metodi proučavanja slovenskih književnosti (kao napr.: Proučavanje međusobnih veza slovenskih književnosti i njihovih odnosa prema drugim književnostima, Proučavanje narodne književnosti kod Slovena, i sl.).

Inicijativa jugoslovenskih slavista naišla je na puno razumevanje kod jugoslovenskih narodnih vlasti: Savezno izvršno veće, Izvršno veće NR Srbije i Komisija za kulturne veze s inostranstvom obezbedili su Organizacionom odboru novčana sredstva potrebna za održavanje sastanka. Da je ova inicijativa došla u pravi čas, vidi se i po svestranoj podršci koju su najistaknutiji pretstavnici slavističke nauke u čitavom svetu pružili Organizacionom odboru. Poziv na sastanak upućen je u dvadeset raznih zemalja. Pretstavnici sedamnaest zemalja odazvali su se pozivu. Izvinili su se samo naučnici iz Belgije, Norveške i Kanade. Koliki je interes za beogradski sastanak vladao među slavistima, vidi se po impozantnom broju naučnika koji su uzeli na njemu učešća: 67 iz inostranstva i oko 160 iz Jugoslavije (od toga 60 kao punopravni učesnici, a ostali kao gosti). Od jugoslovenskih slavista na sastanak su bili pozvani svi profesori i docenti slavističkih katedara na jugoslovenskim univerzitetima, naučni saradnici akademija nauka, kao i drugi poznati naučnici na polju slavistike, lingvisti ili istoričari književnosti. Takođe su pozvani kao gosti i naučnici drugih struka (istoričari, etnolozi, romanisti, germanisti i sl.) koji su se u svom naučnom radu bavili i problemima slovenske lingvistike ili istorije književnosti. Kao gosti su pozvani još i nastavnici jugoslovenskih pedagoških škola, asistenti univerziteta, kao i drugi mladi naučni radnici. Ogromna većina pozvanih jugoslovenskih naučnika odazvala se pozivu i uzela je učešća u radu sastanka. Među učesnicima iz neslovenskih zemalja (iz Evrope i SAD), pored manjeg broja mladih naučnih radnika, na sastanku su se našli bezmalo svi najpoznatiji pretstavnici slavističke nauke u tim zemljama. Slovenske zemlje (SSSR, Poljska, Čehoslovačka i Bugarska) bile su na sastanku pretstavljene zvaničnim delegacijama koje su odredile njihove akademije nauka. Mora se konstatovati činjenica da su se u Beogradu, u septembru 1955 godine, prvi put sastali na zajedničkom skupu slavisti iz svih slovenskih, kao i većine

neslovenskih zemalja u kojima se neguje slavistika. Tako je beogradski slavistički sastanak dobio pun autoritet da odlučuje o svim gorućim pitanjima međunarodne organizacije naučnog rada na polju slavistike.

II OTVARANJE SASTANKA I POČETAK RADA

Svečano otvaranje sastanka izvršeno je 15 septembra u 10 sati pre podne u dvorani Srpske akademije nauka. Otvaranju su prisustvovali, pored učesnika iz zemlje i inostranstva, predsednik Savezne skupštine Moša Pijade, potpredsednik Izvršnog veća NR Srbije Jovan Veselinov, kao i veći broj političkih, javnih i kulturnih radnika iz Beograda.

Sastanak je otvorio predsednik Organizacionog odbora dr. Aleksandar Belić sledećim govorom:

»Meni je osobita čast što mogu pozdraviti dobrodošlicom slaviste gotovo iz celog sveta koji nisu žalili ni truda ni sredstava da dođu na ovaj sastanak! Svi su slavisti sveta podjednako naši dragi gosti, jer i oni iz neslovenskih isto kao iz slovenskih zemalja podjednako rade na usavršavanju i uzdizanju naše zajedničke slavističke nauke.

U dva maha već dosada, računajući od poslednjeg slavističkog Kongresa u Varšavi i Krakovu 1934 g., trebalo je da se sastanemo na zajedničkom poslu: 1939 god. u Beogradu i 1947/48 g. u Moskvi. I oba puta smo bili ometeni teškim političkim prilikama: Drugim svetskim ratom od 1939 do 1945, a zatim – teškim oblacima koji su se nadneli nad solidarnošću i sporazumom rukovodnih krugova slovenskih zemalja.

Danas su se te prilike iz osnova izmenile. Izgledi za trajni mir povoljniji su nego ikada dosada i izmirenje slovenskih rukovodnih krugova na osnovu uzajamnog razumevanja i poštovanja – danas je stvarnost kojoj se od sveg srca raduju svi slovenski narodi. Sve će to zajedno značiti nesumnjivo početak nove epohe uzajamnih kulturnih veza među slovenskim narodima, a sa tim svakako i novi polet naše nauke.

Zato, gospodo, neka nam je srećan rad pod tako povoljnim uslovima i neka njegovi rezultati opravdaju veličinu ovog trenutka!

Današnji naš sastanak je skup drugova slavističke struke radi viđenja i dogovora. Više od petnaest godina bile su razdvojene slovenske zemlje, jedno vreme uništavanjem do temelja, a drugo vreme posledicama pomenutih teških prilika. Mali predah od tri godine, od 1945 do 1948, jedva je bio dovoljan da se u novim prilikama snađu, a kamo li da štogod znatnije zajednički otpočnu. I evo nas zbog svega toga danas, sa punim poverenjem u budućnost, i sa željama da se naša nauka ponovo izvede na široki put uzajamne saradnje.

Naš glavni cilj je danas, kao što sam napomenuo, da pokušamo da vratimo stvari u stari tok i da ga još pojačamo da se mogu dalje povoljno razvijati. Kongres od 1939 god. stavio je ceo niz naučnih pitanja da se o njima znalački raspravi i da se njihov dalji razvitak uputi pravilnim putem. Svakako bi se i na Kongresu od 1948 g. raspravljalo o sličnim pitanjima, mada je njegov široki obim – on je obuhvatao i istoriju, i etnografiju, i folklor, i tradicionalnu usmenu književnost slovenskih naroda i još druge srodne discipline – obećavao da će se na njemu raspravljati naročito o uzajamnosti svih pomenutih nauka kod Slovena.

Danas se nismo toga radi skupili. Rešavanje naročitih problema i metodološkog i naučnog karaktera – ostavljamo budućim slavističkim sastancima i kongresima kada će biti sve što je za to potrebno i naročito spremljeno. A ovoga puta mi smo se sastali radi naših opštih organizacionih poslova. Da bismo ih mogli savladati, mi smo uzeli one naučne discipline koje su nam najbliže: jezik i književnost. Ukoliko smo time suzili obim slavistike u širokom smislu, utoliko ćemo, čini mi se, moći da udubimo više naše predmete obuhvatajući ih u svima njihovim i glavnim i sporednim disciplinama.

Pre svega da li su nam povremeni sastanci potrebni, i kakvi su najpotrebniji? Da li kongresi u punom smislu njihova običnog značenja ili i skupovi druge vrste, posvećeni samo izvesnim problemima bilo naučno-tehničke ili isključivo naučne sadržine ili, najzad, i jedno i drugo? Ako slavisti današnjeg vremena smatraju da su im zajednički kongresi potrebni i korisni kao smotra onog što je urađeno za izvesno vreme u oblasti slavističkih studija, kao izvesna vrsta konsekracije onoga što je pozitivno u njima i korisne kritike onoga što nije takvo, na osnovu obilate stručne diskusije, onda se treba dogovoriti o tome: kako će se sazivati povremeni kongresi, ili sastanci, kakvom će sadržinom biti ispunjeni i na koji će se način sam rad u njima vršiti itd. Sve to iziskuje smišljene, ostvarljive odluke jednog opšteslovenskog naučnog skupa. Tu je, dakle, pitanje o jednom stalnom internacionalnom slavističkom komitetu koji bi se o svemu tome brinuo.

Ali mi ne možemo gledati danas samo u budućnost jer ono što je prethodilo današnjici za poslednjih desetak godina nije bilo sasvim obično i može nam, ako se ne ispravi na vreme, smetati u budućem naučnom radu. Zato se po sebi razume da se to mora dovesti u normalno stanje. Informativni referati ovog sastanka samo su jedan maleni delić toga. Oni će nam u preglednoj slici, ali sasvim ukratko, izneti stanje naših disciplina za proteklih deset godina. Naravno, i ti se referati ne mogu ovde čitati uvek u potpunosti, već će biti prema Vašem rešenju iznošeni i u skraćenom obliku. Međutim oni će biti svi do jednog štampani, i to u najskorije vreme, u radovima ovog skupa da posluže kao prilog poznavanju razvitka slavistike za pomenuto vreme i kao kratak uvod u proučavanje iznošenih problema. Ali to nije sve. To je samo jedna strana ovih pitanja koja treba da osvetle odnose slovenskih naroda od 1948 god. do danas. Jer ne treba kriti ni pred sobom ni pred ikim drugim da su za tih 6–7 godina veze među slavistima i slovenskim naučnim ustanovama po slovenskim zemljama bile većinom prekinute, što je ostavilo prazninu u naučnim kolekcijama njihovih biblioteka, a još u većem stepenu praznine i u samim ispitivanjima slavista koje se ničim u to vreme nisu mogle popuniti. I to treba ispraviti iz osnova, ako je moguće za najkraće vreme, i to tako da i one ustanove koje ne mogu u zamenu pružiti svoja izdanja u dovoljnom broju dođu do potrebnih publikacija ne na štetu onih od kojih publikacije dobijaju. Ja mislim da se za taj cilj mogu stvoriti pomoćna tela koja će pouzdano i smišljeno rešavati ta pitanja ne bežeći u slučaju krajnje potrebe i od obraćanja za materijalnu pomoć i respektivnim državnim upravama.

Tih i takvih pitanja ima mnogo. O njima će se raspravljati na našim sednicama, iznosiće se različiti projekti i želje. Ali, gospodo, na tome ne može ostati. Ako ne pronađemo načine da svemu ovome damo objektivne oblike i ako u njih ne udahnemo duh stvarnosti i života, – sve će ostati po starom. Uostalom, to vredi za sve ono što budemo na ovome skupu rešavali: ono nas sve obavezuje da ne miru-

jemo dok svemu što se bude ovde rešilo ne damo što realniji i što ostvarljiviji oblik. Ako udružimo svoje snage i ako budemo svugde sa istim oduševljenjem postupali, uveren sam da uspeh neće izostati.

Ovamo ide i pitanje slovenske slavističke bibliografije. Ja mislim da nigde na svetu nema takve biblioteke koja bi mogla dati građu za iscrpne slavističke bibliografske godišnjake. Međutim takvi su godišnjaci, koji će izlaziti najdalje za šest meseci posle završetka svake računske godine, nasušna potreba slavističke nauke. Zašto ja smatram da su takvi godišnjaci naročito potrebni slavističkoj nauci? Iz prostog razloga što slavistika, gledana sa tačke gledišta posebnih slovenskih naroda, udubljuje i domaću, nacionalnu nauku, mnogo štošta u njoj dopunjuje i proširuje, a za mnogo štošta pokazuje put kako će se doći do pravilnog rešenja. Slavistika je za slovenske zemlje, u izvesnom smislu, nacionalna nauka.

Ja ovim nimalo ne potcenjujem slavistiku koja se radi u inostranstvu. Ona nam pokazuje, što je osobito korisno, kako se pravac naučnih ispitivanja tih zemalja, kako se duh i talenat njihovih pretstavnika, ukoliko se oni bave slavistikom, ogledaju u njihovim delima. Setimo se samo Leskiena, Sieversa, O. Brocha, A. Meillet-a i tolikih drugih koji su učinili dragocenih usluga slovenskoj nauci!

Njihov rad u ovom pravcu mora biti zajednički, i slovenstva i inostranstva. Svaka zemlja u kojoj se slavistika obrađuje imala bi, preko s v o g a r e f e r e n t a, da pruži bibliografsku građu biro-u slavističkog bibliografskog godišnjaka svake godine, odmah po završetku tekuće godine, da bi se sve to moglo srediti i što pre objaviti. Na našem je skupu da u toku svojih sednica predvidi stalno mesto i redakcije i objavljivanja godišnjaka, starajući se da u njemu budu ljudi vični ovim poslovima i uvereni u njihov veliki značaj.

Ali, gospodo, pred nama nisu samo organizatorski ili naučno-tehnički poslovi ove vrste. Najveći i najznačajniji naš zadatak bila bi organizacija naučnoga rada u izvesnom pravcu.

Mislim da ćete me lepo razumeti ako još jednom ponovim da je slavistika, i ne samo ova u užem smislu reči koja se bavi jezikom i književnošću, nego u mnogim pravcima i opšta slavistika, u izvesnom pravcu, za svaki slovenski narod i nacionalna nauka, tj. stoji u istom redu po značaju sa napr. proučavanjem jezika danog naroda ili književnosti. Ja sam već ponešto od ovoga pomenuo, ali mislim da slobodno mogu reći da će neposredno poznavanje slavističkih problema na licu mesta, poznavanje društvenih prilika i samog života slovenskih naroda dobrim ispitivačima različnih specijalnih pitanja svoga jezika i svoje književnosti u drugim slovenskim sredinama dati mnogo potsticaja i sugestija ne samo da prošire svoje vidike nego i preduzmu u izvesnom pravcu i nova ispitivanja. To ne znači, gospodo, da ja mislim da su se svugde u slovenskih naroda sačuvale praslovenske tendencije. To bi bilo i naivno i nemetodski. Već je pouzdano da su za izvesne vrste proučavanja jezika i književnosti jedne slovenske zemlje od velikog značaja slični pojavi jedne ili više drugih slovenskih zemalja. Da bi se tom prilikom i uzajamne veze naučnika ne samo osvežile nego bi mogle biti i uzajamno u različnom pravcu korisne, to se po sebi razume.

Ja smatram da su za ovo sada naročito povoljne prilike kod svih naroda. Samo ja ne mislim da ovo treba shvatiti kao studiske boravke za početnike. Oni se po sebi razumeju i biće, svakako, ostvarivani kao i ranije. Ali ja pomišljam ovde o olakšicama za već gotove i iskusne naučne radnike (profesore univerziteta,

akademike i druge stručnjake) koji žele da prouče izvesne probleme važne za njihov rad u kojoj drugoj slovenskoj ili neslovenskoj zemlji ili da se upoznaju sa nizom naučnih pitanja u njima. Ne samo koji mesec, već i semestar, i cela godina, pa i više, osiguranog ostanka u toj zemlji treba da su mogućnosti sa kojima bi oni u svome radu mogli računati. Ja ovde ne mislim samo o tome da bi svestrano poznavanje naučnog rada u oblasti pomenutih studija znatno pomoglo podizanju slavističke nauke u danoj slovenskoj zemlji, već i slavistike uopšte.

Danas, kada se sa velikim oduševljenjem i još većim nadama stvaraju kulturne konvencije među narodima, i kada je prosveta i nauka u njima jedna od glavnih tačaka, smatram da bi primena gornjih, relativno skromnih, misli morala naći u njima mesto.

Dolazim, najzad, do onoga što je k r u n a i ovoga sastanka, čemu će biti posvećeno i sve ono što se bude stvorilo na osnovu naših odluka. To je sam n a u č n i r a d o kojem sam ja u izvesnom pravcu i dosad govorio. Pa i ovoga puta, iako je ovaj sastanak dogovornog i organizatorskog karaktera, on nije mogao izostati. Makar bio u ovom slučaju i samo s i m b o l u čije smo se ime, u krajnjoj liniji, i sastali i sjajni cilj kojemu svi težimo. Kao što sam napred rekao, iako ima vrlo mnogo pitanja o kojima bi valjalo raspravljati, i koja se tiču i naučne metodologije, različnih naučnih pravaca, naučne terminologije i mnogih drugih problema koji zadiru u samu srž naše nauke, – mi o njima ovog puta ne možemo o svima govoriti. Istina, Organizacioni odbor je tražio i dobio čitav niz rasprava u kojima pojedini učesnici ovoga skupa raspravljaju o znatnim naučnim pitanjima. Ali, gospodo, Organizacioni odbor je imao na umu samo takva rešenja pojedinih pitanja koja bi, i po značaju, i domašaju svome, neizostavno tražila da budu na ovome skupu saopštena. Međutim čitanje mnogobrojnih rasprava i raspravljanje o njima tražilo bi n e k o l i k o puta više vremena nego što ga mi imamo na raspoloženju. Zato će naš R a d n i k o m i t e t, sastavljen od V a š i h p r e t s t a v n i k a, odrediti u kakvom će se obliku, da li u celini ili u saopštenju opširnijem, ili kraćem, ili čak i vrlo kratkom, saopštiti rezultati podnesenih rasprava. To će se moći činiti i na zajedničkim opštim sednicama ovoga skupa, ili sednicama njegovih sekcija ili već kako pomenuti Radni komitet za najbolje nađe. Međutim sve te rasprave, sa celim naučnim aparatom, na onom jeziku kako su napisane, biće publikovane, u najskorijem vremenu, u delima ovoga skupa. Ona će još jednom pokazati: čega smo se radi bili sakupili i u kakvom se pravcu kreću naša ispitivanja...

Ja sam, gospodo, u nekoliko prilika govorio o slavistima slovenskih zemalja i neslovenskih. Ali to nije nikakva razlika u slavistima, već u predmetu slavistike. Slovenski narodi i slovenske zemlje, sa svojim osobinama duhovnim i materijalnim izvesne vrste, predmet su podjednako i jednih i drugih slavista. Otuda i potiče po prirodi samih izvora njihovih studija izvesna razlika. Međutim među samim stubovima slavistike i slavistima uopšte u svetu nema nikakve razlike. Isuviše je poznato da su često slavisti i u neslovenskim zemljama, pored domaćih ljudi, Sloveni po poreklu, čiji rad, sa radom domaćih ljudi, znatno doprinosi razvitku slavistike uopšte. Pa zar i slavni slavisti kao Kopitar, Miklošič i Jagić, da se zaustavimo samo na najkrupnijim, nisu najveći deo života kao Jagić, ili i ceo život kao Miklošič i Kopitar, proveli radeći u neslovenskim zemljama i bili ne samo učitelji i Slovena i Neslovena, nego su učinili da se i centar slavistike za

izvesno vreme premesti u zemlju gde su oni živeli, kao za vreme Miklošičeva i Jagićeva rada u Beču.

Zato će, gospodo, i na ovom skupu, nadamo se, vladati jedan duh, duh slavistike, koji ne zna ni za zemaljske ni narodnosne granice, već jedino za rad i uspeh u oblasti slavistike. Samo ćemo tako, za vreme ovih dana slavističkih većanja u Beogradu, moći postići znatnih rezultata ako u svima slučajevima budemo oduševljavani ovom zajednicom interesa slavističke nauke kod slavista svih zemalja. Neka zato živi taj slavistički duh kod svih slavista i neka rukovodi svima njima u svim poslovima.

Ja sam tvrdo uveren da ih je on i doveo u glavni grad Jugoslavije gde će oni na svakom koraku naići na isto raspoloženje i isti duh. Uostalom u pojedinim neslovenskim zemljama, kao i slovenskim, stvaraju se važni slavistički centri kao u Parizu, u Londonu, Kembridžu, Oksfordu i drugde u Britaniji, u Minhenu i drugde u Nemačkoj, u Rimu u Italiji, na Harvardskom i Kaliforniskom univerzitetu u Americi i drugde. Zato opštenje slavističkih centara slovenskih zemalja sa njima čini jedan od uslova razvitka slavističke nauke uopšte. Ovakve i slične ideje imaju da prožmu sve organizacione poslove koje budemo preduzimali.

Ostaje mi na kraju još najprijatnija dužnost da – otvarajući ovaj skup – i neposredno pozdravim naše drage goste iz različitih krajeva sveta i da im iskažem svu radost što ih vidimo u svojoj sredini. U isto vreme želeo bih da im iznesem i naše najlepše želje da provedu dane naših većanja u prijateljskom saglasju i drugarskom dogovoru i da ponesu sa njih, a tako isto i sa celog boravka u našoj zemlji, nezaboravne uspomene! Dobro nam došli!«

Posle prof. Belića govorili su pretstavnici pojedinih delegacija: Viktor Vinogradov (SSSR), André Vaillant (Francuska), Tadeusz Lehr-Spławiński (Poljska), Elizabeth Hill (Velika Britanija), Bohuslav Havránek (Čehoslovačka), Wacław Lednicki i Roman Jakobson (SAD), Vladimir Georgiev (Bugarska), Paul Diels (Zapadna Nemačka), Giovanni Maver (Italija), László Hadrovics (Mađarska), Eino Nieminen (Finska), Cornelis H. van Schooneveld (Holandija) i André Mazon (Francuska). Svi govornici su toplo pozdravili inicijativu jugoslovenskih slavista da se na širokim osnovama obnovi saradnja među slavistima raznih zemalja, istakli značaj ovog sastanka kojim se nastavlja tradicija ranijih međunarodnih kongresa slavista i poželeli ovom sastanku plodan rad. Već se iz prvih ovih govora moglo osetiti da naučnici iz celoga sveta s oduševljenjem i punim srcem pristupaju zajedničkom radu na dobro slavističke nauke. Posle toga je sekretar Organizacionog odbora Kiril Taranovski obavestio skup da je Organizacioni odbor na poziv upućen Pretsedniku Republike Maršalu Josipu Brozu Titu dobio odgovor iz njegove kancelarije da je drug Pretsednik otsutan iz Beograda i da šalje najlepše želje svima učesnicima za uspeh u radu ovog značajnog sastanka. Zatim su pročitani pozdravi koje su uputili sastanku Kanadsko udruženje slavista i profesor Varšavskog univerziteta Julian Krzyżanowski. Time je svečani deo prve plenarne sednice završen.

Prelazeći na radni deo sastanka, pretsednik prof. Belić dao je ponovo reč sekretaru prof. Taranovskom, koji je u ime Organizacionog odbora predložio Plenumu da izabere Radni komitet koji bi preuzeo dalje rukovođenje sastankom i pripremio rezoluciju o organizacionim pitanjima. Prema tom predlogu u Radni

komitet bi ušli po dva pretstavnika delegacija koje imaju više od tri delegata, po jedan pretstavnik ostalih delegacija, a od jugoslovenskih slavista – pretsednik, sekretar i pet članova Organizacionog odbora, jer su oni pripremili izvesna pitanja o kojima će se diskutovati u Radnom komitetu. Pošto je ovaj predlog usvojen, dat je kraći odmor, posle koga je predložena sledeća lista članova Radnog komiteta: V. I. Borkovski i M. P. Aleksejev (SSSR), T. Lehr-Spławiński i Henryk Wolpe (Poljska), Bohuslav Havránek i Julius Dolanský (Čehoslovačka), Vladimir Georgiev i Petar Dinekov (Bugarska), W. K. Matthews a Elizabeth Hill (Velika Britanija), André Mazon i André Vaillant (Francuska), Roman Jakobson i Wacław Lednicki (SAD), Alois Schmaus i Alfred Rammelmeyer (Zapadna Nemačka), Giovanni Maver (Italija), C. H. van Schooneveld (Holandija), Carl Stief (Danska), Gunnar Gunnarsson (Švedska), Eino Nieminen (Finska), Ernest Dickenmann (Švajcarska), Rudolf Jagoditsch (Austrija), Emil Petrovici (Rumunija), László Hadrovics (Mađarska), Aleksandar Belić, Anton Slodnjak, Mate Hraste, Radovan Lalić, Salko Nazečić, Blaže Koneski i Kiril Taranovski (Jugoslavija). Ova lista prihvaćena je aklamacijom, s tim da dvojicu članova koji još nisu doputovali, M. P. Aleksejeva i Gunnara Gunnarssona, zamenjuju V. Vinogradov i Gunnar Jacobsson. Posle toga je sednica zaključena.

III NAUČNOINFORMATIVNI REFERATI

Za čitanje naučnoinformativnih referata bilo je predviđeno dva dana: subota 17 septembra i nedelja 18-og. Kako za to vreme svi referati nisu mogli doći na dnevni red, preostala tri referata pročitani su na popodnevnoj sednici Plenuma 21 septembra.

Prvoga dana, u subotu 17-og, referati su čitani po sekcijama.

U Sekciji za jezik pročitani su sledeći referati:

a) Na prepodnevnoj sednici:

1. M. Stevanović, M. Hraste, A. Bajec, B. Koneski i P. Đorđić: Rad Jugoslovena na slovenskoj filologiji i lingvistici posle Drugog svetskog rata (referat je pročitao prof. M. Hraste);

2. Bohuslav Havránek: Hodnoceni desetiletě práce v oboru slovanské jazykovědy v Československu;

3. Josef Kurz: Slovník jazyka staroslověnského Československé akademie věd;

4. Tadeusz Lehr-Spławiński: Polski dorobek badawczy w zakresie językoznawstva słowiańskiego po drugiej wojnie światowej.

b) Na poslepodnevnoj sednici:

1. В. В. Виноградов: Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР;

2. Zdzisław Stieber: Dialektologia polska w ostatnim dziesięcioleciu;

3. Л. Андрейчин и Ив. Леков: Славянското езикознание в България през последните десет години.

Sednice su držane pod pretsedništvom V. I. Borkovskog i J. S. Maslova.

Istoga dana u Sekciji za književnost pročitani su sledeći referati:

a) Na prepodnevnoj sednici:

1. Jerzy Ziomek: Badania nad literaturą staropolską w okresie dziesięciolecia Polski Ludowej;

2. Tadeusz Mikulski: Studia nad Oświeceniem w Polsce w latach 1945–1955;

3. Henryk Wolpe: Rok Mickiewiczowski w nauce polskiej;

4. Jan Kott: Stan badań nad polską literaturą nowoczesną w okresie dziesięciolecia Polski Ludowej;

5. Marian Jakóbiec: Osiągnięcia i drogi rozwojowe historii literatur słowiańskich w Polsce w latach 1945–1955;

6. П. Динеков: Развитие на литературните проучвания в България след втората световна война.

b) Na poslepodnevnoj sednici:

1. Dragoljub Pavlović, Emil Štampar, Anton Slodnjak, Haralampije Polenaković i Radovan Lalić: Rad na istoriji slovenskih književnosti u Jugoslaviji za poslednjih deset godina (referat je pročitao prof. Dragoljub Pavlović);

2. А. С. Мясников: Изучение истории русской литературы 18—20 в. за последние десять лет;

3. Frank Wollman: Literárněvědna slavistika u Čechů a Slovaků v l. 1945–1955.

Na istoj sednici pročitan je i jedan naučni referat prof. M. P. Aleksejeva: Славянские источники „Утопии" Томаса Мора.

Sednicama su pretsedavali Elizabeth Hill i Dragoljub Pavlović.

Sem pročitanih referata sovjetskih naučnika, koji su svi štampani kao zasebne brošure i podeljeni učesnicima sastanka, delegacija SSSR podelila im je u štampanom obliku još i sledeće referate:

1. В. И. Борковский: Разработка советскими учеными вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков (в послевоенные годы);

2. Ю. С. Маслов: Изучение южных и западных славянских языков в СССР за последние десять лет;

3. Д. С. Лихачев: Изучение древней русской литературы в СССР за последние десять лет.

Svi ostali naučnoinformativni referati pročitani su na plenarnim sednicama, koje su održane 18 i 21 septembra, pod pretsedništvom Bohuslava Havránka i André Mazona. Referati su čitani sledećim redom:

a) Na prepodnevnoj sednici 18 septembra:

1. André Vaillant: Les études slaves en France de 1944 à 1954;

2. Wacław Lednicki: The Development of Slavic Studies in America since 1945;

3. Роман Якобсон: Изучение славянских языков и сравнительное славяноведение в Соединенных Штатах Америки за послевоенное десятилетие;

4. Elizabeth Hill: The Development of Slavic Studies in Britain during the last decade;

5. Peter Király: Zehn Jahre slawischer Sprachwissenschaft in Ungarn.

b) Na poslepodnevnoj sednici 18 septembra:

1. Rudolf Jagoditsch: Die Slavistik in Österreich 1945–1955;

2. Giovanni Maver: La slavistica italiana nell' ultimo decenio;

3. Alois Schmaus: Die Slawistik in Westdeutschland nach 1945.

c) Na poslepodnevnoj sednici 21 septembra:

1. Emil Petrovici: Вопросы славистики в Румынии за последние десять лет;

3. П. Н. Третьяков: О деятельности Института славяноведения Академии наук СССР;

3. Robert Triomphe: Le problème des échanges entre les slavisants français et les pays slaves.*)

IV NAUČNI REFERATI

Svi naučni referati čitani su po sekcijama, i to: u utorak 20 septembra pre i posle podne i u sredu 21 septembra samo pre podne.

U Sekciji za jezik održani su sledeći referati:

a) 20 septembra pre podne, pod pretsedništvom A. Vaillant-a:

1. Aleksandar Belić: O značaju glagola sa dva vida u slovenskim jezicima;

2. W. K. Matthews: The old bulgarian groups шт-жд;

3. Валентин Кипарский: О стабилизации ударения в славянских языках;

4. Эйно Ниеминен: К вопросу о влиянии праславянского языка на прибалтийско-финские языки;

5. László Hadrovics: Neki problemi mađarskih elemenata u srpskohrvatskom jeziku;

b) 20 septembra posle podne, pod pretsedništvom T. Lehr-Spławińskog:

1. Владимир Георгиев: Концепция об индоевропейских гутуральных согласных и ее отражение на этимологии славянских слов;

2. Witold Doroszewski: Dialektologia a metoda historyczno-porównawcza w językoznawstwie;

3. Viktor Novak: Morfološki preobražaji slovenskih pisama u zoni slovensko-latinske simbioze;

4. Georges Luciani: Quelques réflexions d'un étranger sur l'enquête de Letopis Matice srpske au sujet de la langue littéraire serbo-croate;

5. Đorđe Sp. Radojičić: Stare srpske povelje i rukopisne knjige za vreme Drugog svetskog rata.

U sredu 21 septembra Sekcija za jezik radila je samo pre podne i zato se morala podeliti u dve potsekcije.

U prvoj potsekciji, pod pretsedništvom W. K. Matthews-a, održani su sledeći referati:

1. Tadeusz Lehr-Spławiński: Kilka uwag o stosunkach językowych celtycko-prasłowiańskich;

2. Bohuslav Havránek: Studium vývoje spisovných jazyků slovanských v souvislosti s vývojem národní společnosti;

3. Josip Hamm: Praslovensko ě i njegov izgovor;

---

*) Već posle održanog sastanka Organizacioni odbor je dobio referat T. Eekmana i C. H. van Schooneveld o holandskoj slavistici za poslednjih deset godina; taj referat takođe će biti objavljen u izdanjima Organizacionog odbora.

4. Иван Леков: Отклонения от флексивния строеж на славянските езици;

5. Vaso Tomanović: O nekim slučajevima dijateze u srpskohrvatskom i ruskom jeziku.

U drugoj potsekciji, pod pretsedništvom V. Georgieva, pročitani su sledeći referati:

1. Karel Horálek: K problematice srovnávaci slovanské lexikologie;

2. Vincent Blanár: Lexikologická a gramatická problematika vlastných mien;

3. Sreten Živković: O slovenskom glagolskom vidu;

4. Ljudevit Jonke: Ideološki osnovi zagrebačke filološke škole XIX st.;

5. Блаже Конески: Неколку белешки за јазикот на јужнословенските апостоли од првата редакција.

U Sekciji za književnost referati su čitani sledećim redom:

a) U utorak 20 septembra pre podne, pod pretsedništvom G. Mavera:

1. André Mazon: La comédie d'Artaxerxès de Gregorii le Pasteur;

2. Fran Petrè: Od moderne do ekspresionizma i sirrealizma u jugoslavenskim književnostima;

3. Marja Boršnik: O doprinosu novejše slovenske literature k svetovni literaturi;

b) U utorak 20 septembra posle podne, pod pretsedništvom F. Wollmana:

1. Alois Schmaus: O uporednom proučavanju narodnih epika;

2. Miraš Kićović: Vertepska drama kod Srba u vezi sa sličnom stranom dramom;

3. Julius Dolanský: Zadaci i metodi proučavanja međusobnih književnih veza naroda Jugoslavije i Čehoslovačke;

4. Ivan Esih: Nova književna vrsta Science Fiction i slavenske književnosti.

c) U sredu 21 septembra pre podne, pod pretsedništvom M. P. Alekseјeva:

1. Andrej Mráz: Srbská l'udova poézia vo vývine slovenskej literatúry;

2. Николай Преображенский: Волшебные солдатики (Пушкин и Вашингтон Ирвинг);

3. Харалампие Поленаковиќ: Врските на Јордан Хаџи Константинов-Џинот со Друштво српске словесности;

4. Jakša Ravlić: Odraz domaće stvarnosti u dubrovačkoj književnosti.

Naučni referat M. P. Alekseјeva: „Славянские источники Утопии Томаса Мора" bio je pročitan već ranije, 17 septembra, zajedno s naučnoinformativnim referatima.

V. DISKUSIJA I ODLUKE O ORGANIZACIONIM PITANJIMA

Sva organizaciona pitanja prvo su pretresana na sednicama Radnog komiteta. Diskusija o njima bila je vrlo iscrpna. Tek pošto bi se došlo do jednodušnih rešenja, s kojima bi se saglasili svi članovi Komiteta, odluke su iznošene pred Plenum da ih potvrdi. Radni komitet se sastajao u tri maha: u četvrtak 15 septembra u 4 sata posle podne, u petak 16 septembra u 9 sati pre podne i u utorak 20 septembra od 9 do 10 sati pre podne. Sednicama Radnog komiteta pretsedavao je prof. Belić.

Prva sednica Radnog komiteta, održana 15 septembra, bila je posvećena pitanju sazivanja Međunarodnog slavističkog kongresa i osnivanju Međunarodnog odbora slavista koji bi taj kongres pripremio. Posle svestrane diskusije odlučeno je da u ovaj Odbor uđe po jedan pretstavnik svake slovenske zemlje i sedam pretstavnika iz neslovenskih zemalja, tako da bi Odbor imao dvanaest članova. Pretsednik Odbora bi bio onaj njegov član u čijoj se zemlji održava kongres. Svaki član bi imao i svoga zamenika. Na ovoj sednici članovi Radnog komiteta složili su se i o kandidatima za članove Odbora i njihove zamenike koje će predložiti Plenumu.

Na drugoj sednici Radnog komiteta, održanoj 16 septembra, određeni su pretsednici za plenarne sednice kao i sednice sekcija na kojima će se čitati naučno-informativni i naučni referati. Odlučeno je da ovi pretsednici dogovorno naprave raspored po kome će se referati čitati. Zatim se prešlo na diskusiju o redovnom objavljivanju slavističke bibliografije za svaku proteklu godinu. Kako se pokazalo da je ovo pitanje veoma komplikovano, to je i diskusija o njemu bila vrlo iscrpna. Pošto je pretreseno samo pitanje o izdavanju lingvističke bibliografije, sednica Radnog komiteta je morala biti prekinuta da bi se održala zakazana sednica Plenuma.

Ova druga sednica Plenuma održana je pod pretsedništvom prof. Belića, koji je obavestio delegate o radu Radnog komiteta. Plenum je usvojio predlog o osnivanju Međunarodnog odbora slavista i aklamacijom je prihvatio predloženu listu njegovih članova i njihovih zamenika:

1) član Viktor Vinogradov, zamenik Viktor Borkovski (SSSR);
2) član Tadeusz Lehr-Spławiński, zamenik Witold Doroszewski (Poljska);
3) član Bohuslav Havránek, zamenik Julius Dolanský (Čehoslovačka);
4) član Vladimir Georgiev, zamenik Petar Dinekov (Bugarska);
5) član Aleksandar Belić, zamenik Antun Barac (Jugoslavija);
6) član André Mazon, zamenik André Vaillant (Francuska);
7) član Elizabeth Hill, zamenik W. K. Matthews (Velika Britanija);
8) član Roman Jakobson, zamenik Wacław Lednicki (SAD);
9) član Ad. Stender-Petersen (Danska), zamenik Gunnar Gunnarsson (Švedska);
10) član Max Vasmer (Zapadna Nemačka), zamenik Rudolf Jagoditsch (Austrija);
11) član Giovanni Maver, zamenik Ettore Lo Gatto (Italija);
12) član Emil Petrovici (Rumunija), zamenik István Kniezsa (Mađarska).

Posle izbora ovog Odbora sednica je zaključena, s tim da se ostale odluke o organizacionim pitanjima donesu na završnoj sednici Plenuma u sredu 21 septembra posle podne.

Odmah posle ove plenarne sednice Radni komitet je nastavio rad diskusijom o slavističkoj bibliografiji. Članovi komiteta saglasili su se da se ubuduće objavljuje jedinstvena bibliografija samo za slovensku lingvistiku, u bibliografskom godišnjaku koji će izdavati uredništvo časopisa »Rocznik slawistyczny« u Krakovu u redakciji Tadeusza Lehr-Spławińskog. Materijal za taj Godišnjak prikupljaće u slovenskim zemljama akademije nauka ili univerziteti, a u neslovenskim zemljama pojedini naučni radnici. Odlučeno je takođe da se organizacija toga posla poveri: u Poljskoj T. Lehr-Spławińskom, u SSSR V. Vinogradovu, u Jugoslaviji A. Beliću, u Čehoslovačkoj J. Kurzu, u Bugarskoj I. Lekovu, u Engleskoj B. Un-

begaunu, u Rumuniji E. Petroviću, u Italiji G. Maveru, za SAD i Kanadu H. Luntu, za publikacije na francuskom – Slovenskom institutu u Parizu (Institut d'Études slaves), a za sve publikacije na nemačkom E. Dickenmannu. Takođe je odlučeno da se zamoli prof. Stender-Petersen da organizuje prikupljanje slavističke bibliografije u severnoevropskim zemljama, prof. Kniezsa u Mađarskoj, prof. Cošeriu (Urugvaj) u Južnoj Americi i prof. Kimura u Japanu. Redakcija Godišnjaka pobrinuće se da se mreža referenata proširi i na ostale zemlje ne samo u Evropi nego i na drugim kontinentima. Pošto se slavistika razvija i u aziskim državama (osim Japana još u Kini i Indiji), trebalo bi potražiti referente za bibliografiju i u tim zemljama. U diskusiji je naročito istaknuto da ova bibliografija treba da izlazi redovno i na vreme. U slovenskim zemljama odgovornost za iscrpno skupljanje i tačno dostavljanje građe za bibliografiju primiće akademije ili univerziteti; oni će snositi i troškove oko organizovanja toga posla u svojim zemljama. Troškove oko štampanja godišnjaka, kao i oko ostalih radova na lingvističkoj bibliografiji u samoj Poljskoj, uzela bi na sebe redakcija u Krakovu. U neslovenskim zemljama za ispravnost rada na bibliografiji jamčiće sami referenti. Odlučeno je takođe da lingvistička bibliografija bude što iscrpnija i da sadrži kratke rezimeje svih važnijih napisa; ukoliko se pak bude davala i ocena nekog dela, ona će morati biti potpisana. U bibliografiju će se unositi i publikacije koje se objavljuju kao rukopisi (sa tiražem preko sto primeraka), kao i neštampane doktorske disertacije čiji se mikrofilm može dobiti. Pored opštih jezičkih disciplina u lingvističku bibliografiju će se unositi i radovi iz metrike, kao i o svim pitanjima pesničkog jezika i strukture stiha.

Dalja diskusija, posvećena pitanju bibliografije radova iz oblasti istorije slovenskih književnosti, pokazala je da je zasad nemoguće organizovati da se bibliografija svih tih radova publikuje na jednom mestu, jer se u ovoj oblasti objavljuje mnogo više radova nego o slovenskim jezicima. Zato je odlučeno da se u svakoj slovenskoj zemlji izdaju bibliografije svega što se tiče proučavanja svih slovenskih književnosti u njoj. Brigu o tome uzeće na sebe akademije nauka ili univerziteti. A za sve neslovenske zemlje osnovaće se jedan bibliografski centar pri Univerzitetu u Lajdenu (Holandija), koji će obrazovati mrežu svojih referenata u svim neslovenskim zemljama (evropskim i vanevropskim) u kojima se radi na slavistici; radi koordinacije posla taj centar će se povezati sa bibliografskim centrima u slovenskim zemljama (akademijama ili uniterzitetima). Brigu oko organizovanja toga centra uzeo je na sebe profesor Lajdenskog univerziteta C. H. van Schooneveld. Bibliografski godišnjak koji će izdavati ovaj centar obuhvatiće po mogućstvu sve što se o slovenskim književnostima piše u neslovenskom svetu. U diskusiji je naročito podvučeno da svi bibliografski godišnjaci posvećeni slovenskim književnostima moraju biti što detaljniji i iscrpniji, kao i jedinstvena lingvistička bibliografija. Troškove oko prikupljanja istoriskoknjiževne bibliografije i izdavanja godišnjaka snosiće pojedini centri u Moskvi, Varšavi, Pragu, Sofiji, Beogradu i Lajdenu. Oni će takođe snositi i odgovornost za redovno izlaženje godišnjaka.

Posebna pažnja posvećena je u Radnom komitetu i pitanju razmene naučnih publikacija, kao i popunjavanju praznina koje su u toku rata, a i u poslератnim godinama, nastale u mnogim slavističkim bibliotekama, naročito u kolekcijama

raznih periodičnih i seriskih izdanja. Odlučeno je da se pri akademijama nauka ili pri univerzitetima pojedinih zemalja, na prvom mestu slovenskih, osnuju posebna tela koja će se brinuti o razmeni publikacija i popunjavanju biblioteka. Ta tela moraće imati svoje samostalno finansisko poslovanje.

Najzad, u Radnom komitetu je usvojen predlog da se organizuje sistematska razmena starijih i mladih naučnih radnika između pojedinih zemalja na taj način što bi troškove oko boravka nekog naučnog radnika u inostranstvu snosile naučne ustanove one zemlje u kojoj je on gost. Time bi se otklonile teškoće koje u mnogim zemljama postoje oko nabavke deviza radi odlaska na studiski boravak u inostranstvo. Naravno, takva razmena naučnih radnika mora se vršiti na bazi reciprociteta. Pojedine delegacije koje učestvuju na sastanku tražiće od svojih vlada da omoguće ovakvu razmenu naučnih radnika, bilo putem kulturnih konvencija koje zaključuju s drugim vladama bilo na neki drugi način.

Na sednici Radnog komiteta održanoj u utorak 20 septembra u 9 časova završena je diskusija o izdavanju slavističke bibliografije. Odlučeno je da se odmah pristupi organizovanju toga posla tako da se u toku 1956 godine publikuju bibliografije svih radova objavljenih u 1955 godini. Na ovoj sednici prihvaćen je i predlog sovjetske delegacije da se idući kongres održi u Moskvi u prvoj polovini 1958 godine, a za pretsednika Međunarodog odbora slavista izabran je prof. V. V. Vinogradov. Prof. Vinogradovu je dato ovlašćenje da organizuje kongresni sekretarijat sa sedištem u Moskvi.

U sredu 21 septembra od 9 do 10 sati pre podne održao je svoju prvu sednicu i Međunarodni odbor slavista. Na toj sednici diskutovano je o karakteru budućeg kongresa i odlučeno da se sledeća sednica odbora održi u maju 1956 u Pragu ili Moskvi. Pojedini slavistički centri pripremiće za tu sednicu svoje predloge o programu kongresa.

VI ZAVRŠNA SEDNICA PLENUMA

Završna sednica Plenuma održana je u sredu 21 septembra u 6 sati posle podne pod pretsedništvom prof. A. Belića. Na toj sednici, posle izveštaja prof. K. Taranovskog o radu Radnog komiteta, Plenum je potvrdio sve odluke o organizacionim pitanjima, i to:

1) da se idući kongres održi u Moskvi u prvoj polovini 1958 godine;

2) da se za pretsednika Međunarodnog odbora slavista izabere prof. V. V. Vinogradov, koji će organizovati kongresni sekretarijat sa sedištem u Moskvi;

3) da se redovno objavljivanje jedinstvene slavističke bibliografije iz oblasti nauke o jeziku poveri redakciji časopisa »Rocznik slawistyczny« u Krakovu;

4) da se u svakoj slovenskoj zemlji pri akademiji nauka ili pri nekom univerzitetu osnuje bibliografski centar koji će redovno izdavati bibliografske godišnjake svih radova iz istorije slovenskih književnosti objavljenih u toj zemlji;

5) da se bibliografija slavističkih književnoistoriskih radova koji izlaze u neslovenskim zemljama objavljuje u godišnjaku koji će redovno izdavati bibliografski centar pri Univerzitetu u Lajdenu;

6) da se pri akademijama nauka ili univerzitetima pojedinih, u prvom redu slovenskih, zemalja organizuju posebna tela koja će se brinuti o razmeni publika-

cija i o popunjavanju praznina koje su nastale u toku ranijih godina u kolekcijama raznih periodičnih i seriskih izdanja, a tako isto i u ostaloj naučnoj literaturi;

7) da se putem kulturnih konvencija, ili na neki drugi način, omogući sistematska razmena starijih i mlađih naučnih radnika na bazi reciprociteta, s tim da troškove oko boravka nekog naučnog radnika iz jedne zemlje u drugoj snose naučne ustanove one države u kojoj je on gost.

Pošto su sve ove odluke prihvaćene aklamacijom, uzeo je reč prof. Aleksandar Belić.

»Dopustite mi, drugovi i drugarice, – rekao je prof. Belić, – da Vam svima, od prvog do poslednjeg, najdublje zahvalim, što smo mogli ovaj skup održati i što možemo zabeležiti i velike uspehe u njegovu radu. Ja mislim da se ovaj skup može nazvati u analima slavistike – lepim dankom u godini – kako veli naš pesnik. Jer se, mislim, neće skoro zaboraviti kada je ustanovljen odbor koji će se, imajući internacionalni karakter, dalje brinuti i o opštim sastancima slavista i takođe, možda, o sastancima slavista posvećenim pojedinačnim pitanjima. Ovamo idu i mnoga druga pitanja, koja ja neću ponavljati, a kojima je položena osnova na ovom sastanku. Ona će, kada budu ostvarena kako su zamišljena, pokrenuti našu nauku nesumnjivo unapred.

Ali, gospodo i drugovi, ima još nešto više što nam može pružiti jemstvo da naša rešenja neće ostati samo mrtvo slovo na hartiji. To je ona jednodušnost i izvanredno povišena atmosfera naučnosti i ozbiljnosti koja je pratila ceo naš rad: kao da je nasilno zadržavana snaga i dobra volja odjednom dobila punu slobodu, pa sa praskom i silinom izišla na čistinu, – tako je spontano i silno oduševljenje pratilo svaku odluku koja je išla na usavršavanje naše nauke.

Ta visina naučnoga raspoloženja najlepše se ogleda u bogatim i mnogobrojnim informativnim obaveštenjima. Pred nama se razvila veličanstvena slika naučnog rada u slavistici u slovenskim i neslovenskim zemljama koja je sadržavala i izvanredno tanane analize i sinteze koje obećavaju dalekosežne posledice. Bogatstvo slavističkih ispitivanja u njima tako je veliko i raznovrsno da ono služi sigurnim jemstvom da će slavistika u budućnosti zauzeti među srodnim naukama jedno od počasnih mesta.

Eto, gospodo, to se ne može postići ničim drugim do uzajamnim poštovanjem i uverenjem da sakupljeni naučni radnici raspolažu dovoljnom snagom i naučnim kapitalom da mogu ostvariti iznesene težnje i značajne probleme. Sve to zajedno stvorilo je čvrstu osnovicu za dalji uspešni naučni rad.

Ja Vam na svemu tome i zahvaljujem i čestitam. Zahvaljujem Vam na tome što se taj događaj desio na skupu u našoj zemlji i sa našim neposrednim učešćem, a čestitam Vam što ste učinili da se sa toliko i unutrašnje i spoljašnje lepote završi za kratko vreme. Bez Vaše dobre volje i izvanredne odanosti našoj nauci, koje su se u svemu ovom ogledale, to se ne bi moglo postići.

Ja naročito zahvaljujem Sovjetskoj delegaciji, što je, pored svega drugoga, predložila skupu da iduci Kongres bude u Moskvi 1958 godine i time odmah dala i logično i naučno produženje našeg rada ovih dana. Ali ja znam, gospodo, da su se i neke druge delegacije spremale da pozovu potonji Slavistički kongres u svoju zemlju. To nam samo pokazuje koliko je oduševljenje slavističkom naukom na ovom sastanku bilo opšte.

БИБЛИОТЕКА
СЕМИНАРА ЗА ЛУЖИЧКОСРПСКИ ЈЕЗИК
И СЛАВИСТИКУ

Ali, gospodo, sem ove zahvalnosti Vama, meni je i naročito zadovoljstvo i naročita dužnost da u ime celog skupa iskažem najdublju zahvalnost našoj Narodnoj vlasti, koja je sa velikom proniclјivošću osetila značaj ovog našeg sastanka izlazeći nam u susret u svemu što nam je bilo potrebno, I Savezno veće i Republičko veće Srbije i sve njihove ustanove, lično prisustvo njihovih pretstavnika na sednicama i priredbama skupa, a, zatim, i njihove priredbe posvećene skupu – sve je to, sa svoje strane, doprinelo uspehu našeg sastanka, ali sve je to i pokazalo koliko oni cene njegov uspeh i koliko mu se raduju. Svima njima – naša najdublja zahvalnost.

I na kraju dopustite mi da izrazim želje da uspomene i o našoj zemlji i o ovom sastanku ostanu u Vašem sećanju što duže kao što će Vaše prisustvo i učešće u ovom sastanku ostati kao jedna od najlepših uspomena naših. Neka Vas dobro raspoloženje prati i na povratku u Vašu zemlju i u daljem radu u njoj.«

Posle prof. Belića govorio je prof. V. V. Vinogradov u ime svih slovenskih delegacija. Prof. Vinogradov je rekao:

На мою долю выпала высокая честь — выразить от лица делегаций славянских стран глубокую и горячую благодарность Организационному Комитету съезда, югославским славяноведам и — прежде всего — их главе и руководителю академику Александру Беличу за дружескую атмосферу научного сотрудничества и живого творческого общения, за ту сердечную заботливость и чуткую отзывчивость, за то внимательное участие и широкое гостеприимство, которые окружали нас неизменно в течение всего нашего совещания и которые все мы вместе и каждый из нас в отдельности чувствовали ежедневно и ежечасно.

Мы все хорошо знали и знаем филологическую многосторонность академика Белича, его исследовательскую неутомимость, его уменье понять и трезво взвесить разнообразные, нередко очень далекие научные мнения, его дар широких обобщений, его способность выделить самое существенное и ценное в потоке многочисленных взглядов.

Все эти выдающиеся свойства академика Белича как научного организатора ярко проявились и в ходе нашего совещания и в его результатах. Под его председательством мы наметили действенные способы координации, верные пути развития славяноведческой науки на ближайшие годы.

На фоне непосредственного знакомства с югославскими учеными, с представителями разных слоев югославского общества, с развитием демократической Югославии, Ваш образ, дорогой председатель, и образы Ваших сотрудников и помощников выступили перед нами в новом, еще более ярком свете.

Даже в короткий срок нашего пребывания в Югославии мы не могли не ощутить остро и сильно привлекательных национальных качеств талантливого, полного сил, бодрой жизнедеятельности и мирных устремлений — югославского народа.

Примите же от нас всех, дорогой и глубокоуважаемый председатель, самые искренние выражения сердечних чувств дружбы, почтения и благодарности.

Zatim je uzeo reč prof. André Mazon u ime učesnika iz neslovenskih zemalja. Govor prof. Mazona glasi:

»Monsieur le Président,

Permettez-moi, puisque la communauté des slavistes se partage naturellement en deux groupes, comme parfois le choeur des tragédies antiques, permettez-moi, au nom de ceux de vos hôtes qui n'ont pas une langue slave pour langue maternelle, de vous exprimer les sentiments qui sont les nôtres à l'issue de cette réunion et au terme de ces sept journées de travail.

Nous vous devons mieux que les remerciements d'usage au Président d'un Congrès qui s'achève. Et cependant les mots les plus simples restent encore, tout brefs qu'ils soient, les plus chargés de sens et de sentiment. A l'accueil généreux et somptueux que nous avons trouvé ici, à l'hospitalité fraternelle qui nous a été si largement accordée, nous ne pouvons répondre qu'en vous disant affectueusement: Merci, merci, hvala lepo! à vous, mon cher Président, à l'infatigable Secrétaire de notre réunion, M. Taranovski, au Professeur Lalić et à leurs collaborateurs, hvala lepo! Et c'est encore ce même mot, c'est notre merci respectueux et reconnaissant que nous vous prions de transmettre à vos Confrères de l'Académie des Sciences de Serbie, à vos Collègues des Universités yougoslaves et, bien entendu, à toutes les Institutions qui ont si grandement facilité votre oeuvre: les chaires de slavistiques des Universités de Belgrade, Zagreb, Ljubljana, Skoplje, Sarajevo et Novi Sad, le Comité exécutif de la Yougoslavie en la personne de M. Čolaković, le Comité national de la Ville de Belgrade en la personne de M. Minić.

Mais notre reconnaissance, encore une fois, dépasse celle qui va spontanément au maître de la maison. La réunion dont vous avez pris l'initiative, Monsieur le Président, marquera une étape décisive dans l'histoire de nos études: Prague (1929); Varsovie (1934); Belgrade (1939), le rendez-vous interdit par la guerre; enfin de nouveau Belgrade (1955) et, cette fois, le rassemblement des slavistes réalisé après une longue attente, ceux de l'Occident retrouvant leurs Confrères de l'Est, les uns et les autres se rendant compte tour à tour de leurs travaux, tous ensemble faisant le bilan de leurs expériences et de leurs projets, tous ensemble élisant un Comité international des Slavistes qui organisera pour l'avenir la collaboration nécessaire. Leur première grande réalisation ce sera le Congrès prévu pour 1958 à Moscou. Mais nous pouvons espérer dès à présent, dans les cadres de cette collaboration, de pouvoir organiser les échanges scientifiques, non seulement échanges de livres, mais aussi échanges de professeurs et d'étudiants, tels ces cours d'été pour les étudiants étrangers comme ceux que la Yougoslavie a pris l'initiative si heureuse d'instituer pendant ces dernières années, peuplant ainsi nos Instituts de jeunes slavistes qui parlent votre langue. Ce sont là des mesures que nous sommes unanimes à appeler de nos voeux. Tout cela, mon cher Président, nous vous en sommes redevables. Et nous vous en remercions, ainsi que nos Confrères de l' Est qui ont répondu à votre appel et, si amicalement, sont venus rejoindre leurs Confrères d'Occident. Nous voilà, grâce à vous, réunis ici en grand nombre, comme nous l'étions à Rome, mais moins nombreux, au Colloque de notre Commission internationale des Études slaves, sous votre Présidence d'honneur. Nous vous remercions tous d'une seule voix et de tout coeur.

Nous ne saurions pourtant quitter Belgrade sans vous dire combien nous vous savons gré de nous avoir épargné le drame intérieur qui est à l'ordinaire celui des

participants à tout Congrès: nous faudrait-il, pour suivre assidûment le programme de nos réunions, renoncer à vivre de la vie du pays qui nous entoure, renoncer à vos musées, à vos théâtres, à la beauté de vos paysages, à la gravité de vos traditions nationales, aux danses, sux chansons, à toute la poésie de votre pays? Mais ce dilemme ne nous a pas été posé. Vos Congressistes, qui n'avaient pas manqué de faire une halte reposante à Ljubljana et à Zagreb, sont montés jusqu'au monument d' Avala; ils on été miraculeusement transportés à Dubrovnik et comblés de gaîté par la troupe du Théâtre dramatique; ils ont admiré la continuité séculaire de l'activité intellectuelle des institutions de Novi Sad; ils ont contemplé la boucle du Danube près de Karlovci; et jamais ils n'oublieront l'accueil émouvant de Stražilovo, les chants et les danses de ses jeunes gens et de ses jeunes filles, dans une clairière, au pied de la montagne.

Non, n'en doutez pas, mon cher Président, ces journées resteront bien vivantes dans leur mémoire, et votre figure leur apparaîtra comme celle du bon génie de leurs études qui a su les rassembler des quatre points de l'horizon pour poursuivre amicalement ensemble leur tâche commune.

Et chacun de nous, revenu dans son pays, pourra vous rendre grâces en murmurant la vieille chanson du forgeron:

»C'est pour la paix que mon marteau travaille . . .«

Oui, pour la paix en même temps que pour nos études vous nous avez aidé à travailler ici de notre mieux. A vous et à la Yougoslavie qui vient de nous accueillir, encore une fois: merci.«

Posle govora prof. Mazona pretsedavajući prof. Belić zaključio je sastanak.

VII PRIJEMI, IZLETI, PRETSTAVA U POZORIŠTU, OBILAZAK MUZEJA

Prvoga dana sastanka, u četvrtak 15 septembra, potpretsednik Saveznog izvršnog veća Rodoljub Čolaković priredio je svečani večernji prijem za sve učesnike sastanka. Ovom prijemu prisustvovao je veći broj političkih, javnih i kulturnih radnika iz Beograda, kao i šefovi diplomatskih misija.

U petak 16 septembra u četiri sata posle podne priređen je izlet na Avalu za delegate iz inostranstva. Tom prilikom gosti su posetili grob Neznanog junaka, posle čega im je Organizacioni odbor priredio zakusku u hotelu na Avali.

U subotu 17 septembra u 7,30 časova uveče održana je svečana pretstava u Jugoslovenskom dramskom pozorištu. Izvedena je komedija »Dundo Maroje« od Marina Držića.

U ponedeljak 19 septembra svi učesnici sastanka su proveli ceo dan na izletu. Iz Beograda su pošli autobusima u devet sati ujutru. Prvo su posetili Novi Sad, gde su obišli Filozofski fakultet i Maticu srpsku, a zatim, posle zajedničkog ručka u hotelu »Dunav« u Čortanovcima, koji je priredio Organizacioni odbor, odvezli su se na Stražilovo, gde im je Gradski odbor Sremskih Karlovaca priredio zakusku i vrlo uspelu folklornu priredbu. Posle toga su učesnici sastanka obišli Gradski muzej u Sremskim Karlovcima i vratili se u Beograd oko devet sati uveče.

U utorak 20 septembra Srpska akademija nauka priredila je u čast delegata prijem u svome klubu od 18 do 20 časova.

Poslednjeg dana, u sredu 21 septembra, svi učesnici sastanka bili su gosti pretsednika Narodnog odbora Beograda Miloša Minića na svečanom večernjem prijemu u prostorijama hotela »Majestic«.

Mnogi učesnici sastanka su u slobodno vreme razgledali beogradske muzeje, čiji je spisak sa svim potrebnim podacima Organizacioni odbor specijalno za njih otštampao.

Neki strani delegati nisu odmah posle sastanka napustili našu zemlju, već su posetili i druge naše slavističke centre (Zagreb, Ljubljanu i Skoplje).

UČESNICI MEĐUNARODNOG SLAVISTIČKOG SASTANKA

I. Učesnici iz inostranstva

AUSTRIJA: Rudolf Jagoditsch (Wien);

BUGARSKA: Ljubomir Andrejčin (Sofija), Petar Dinekov (Sofija), Vladimir Georgiev (Sofija), Ivan Lekov (Sofija);

ČEHOSLOVAČKA: Vincent Blanár (Bratislava), Julius Dolanský (Praha), Bohuslav Havránek (Praha), Karel Horálek (Praha), Josef Kurz (Praha), Andrej Mráz (Bratislava), Frank Wollman (Praha);

DANSKA: Carl Stief (København);

FINSKA: Eino Nieminen (Helsinki);

FRANCUSKA: Henri Boissin (Paris), Charles Corbet (Dijon), Marcelle Erhard (Lyon), Georges Luciani (Bordeaux), André Mazon (Paris), Robert Triomphe (Strasbourg), André Vaillant (Paris);

HOLANDIJA: C. A. van den Berk (Utrecht), Tom Eekman (Amsterdam), C. H. van Schooneveld (Leiden);

ITALIJA: Giovanni Maver (Roma), Carlo Verdiani (Firenza);

MAĐARSKA: László Hadrovics (Budapest), Peter Király (Budapest);

NEMAČKA (ZAPADNA): Paul Diels (München), Erwin Koschmieder (München), Alfred Rammelmeyer (Marburg-Lahn), Alois Schmaus (München), Vsevolod Setschkareff (Hamburg);

POLJSKA: Witold Doroszewski (Warszawa), Marian Jakóbiec (Wrocław), Jan Kott (Warszawa), Tadeusz Lehr-Spławiński (Kraków), Tadeusz Mikulski (Wrocław), Antonina Obrębska-Jabłońska (Warszawa), Zdzisław Stieber (Warszawa), Henryk Wolpe (Warszawa), Jerzy Ziomek (Poznań);

RUMUNIJA: George Bolocan (Bucureşti), Emil Petrovici (Bucureşti);

SAD: Roman Jakobson (Harvard University, Cambridge, Mass.) Wacław Lednicki (Berkley, California), Horace Lunt (Harvard University, Cambridge, Mass.), Svatava Pirková-Jakobson (Harvard University, Cambridge, Mass.);

SSSR: M. P. Aleksejev (Lenjingrad), V. I. Borkovski (Moskva), J. S. Maslov (Lenjingrad), A. S. Mjasnikov (Moskva), P. N. Tretjakov (Moskva), V. V. Vinogradov (Moskva);

ŠVAJCARSKA: Ernest Dickenmann (Bern);

ŠVEDSKA: Gunnar Gunnarsson (Uppsala), Gunnar Jacobsson (Göteborg);

VELIKA BRITANIJA: Robert Auty (Cambridge), Nadejda Gorodetzki (Oxford), Elizabeth Hill (Cambridge), V. E. J. Holltum (Glasgow), Vera Javarek (London), Valentin Kiparsky (Birmingham), Serge Konovalov (Oxford), W. K. Matthews (London), Monica Partridge (Nottingham), Boris Unbegaun (Oxford).

II. Učesnici iz Jugoslavije

Delegati: Radomir Aleksić (Beograd), Josip Badalić (Zagreb), Anton Bajec (Ljubljana), Aleksandar Belić (Beograd), Milan Bogdanović (Beograd), Marja Boršnik (Ljubljana), Petar Đorđić (Novi Sad), Vojislav Đurić (Beograd), Ivan Esih (Zagreb), Đuro Gavela (Beograd), Krešimir Georgijević (Beograd), Velibor Gligorić (Beograd), Irena Grickat (Beograd), Josip Hamm (Zagreb), Mate Hraste (Zagreb), Milka Ivić (Novi Sad), Pavle Ivić (Novi Sad), Stjepan Ivšić (Zagreb), Ljudevit Jonke (Zagreb), Vojislav Jovanović (Beograd), Ilija Kecmanović (Sarajevo), Miraš Kićović (Beograd), Rudolf Kolarič (Ljubljana), Petar Kolendić (Beograd), Blaže Koneski (Skoplje), Božidar Kovačević (Beograd), Bratko Kreft (Ljubljana), Rikard Kuzmić (Sarajevo), Radovan Lalić (Beograd), Vido Latković (Beograd), Dimče Levkov (Skoplje), Tine Logar (Ljubljana), Svetozar Marković (Sarajevo), Svetozar Matić (Beograd), Petar Mitropan (Beograd), Salko Nazečić (Sarajevo), Boško Novaković (Sarajevo), Dragoljub Pavlović (Beograd), Milivoj Pavlović (Novi Sad), Fran Petrè (Zagreb), Haralampije Polenaković (Skoplje), Serafima Poljanec (Skoplje), Nikolaj Preobraženski (Ljubljana), Đuza Radović (Beograd), Jakša Ravlić (Zagreb), Mirko Rupel (Ljubljana), Anton Slodnjak (Ljubljana), Mihailo Stevanović (Beograd), Olga Šojat (Zagreb), Emil Štampar (Ljubljana), Vjekoslav Štefanić (Zagreb), Kiril Taranovski (Beograd), Vaso Tomanović (Skoplje), Francè Tomšič (Ljubljana), Krum Tošev (Skoplje), Dimitrije Vučenov (Beograd), Jovan Vuković (Sarajevo), Vice Zaninović (Zagreb), Đorđe Živanović (Beograd), Sreten Živković (Zagreb).

Pretstavnici graničnih nauka: Nikola Banašević (Beograd), Henrik Barić (Sarajevo), Milan Budimir (Beograd), Mirko Deanović (Zagreb), Borivoje Drobnjaković (Beograd), Ljubomir Durković (Beograd), Miloš Đorđević (Beograd), Miloš Đurić (Beograd), Miodrag Ibrovac (Beograd), Mita Kostić (Novi Sad), Lazar Mirković (Beograd), Miljan Mojašević (Beograd), Viktor Novak (Beograd), Karel Oštir (Ljubljana), Mihail Petruševski (Skoplje), Đorđe Sp. Radojičić (Novi Sad), Mihail Rostohar (Ljubljana), Stanko Škerlj (Ljubljana), Josip Torbarina (Zagreb), Niko Županič (Ljubljana).

Gosti: Lijerka Babić (Sarajevo), Milosav Babović (Beograd), Štefan Barbarič (Ljubljana), Francè Bernik (Ljubljana), Živojin Boškov (Novi Sad), Vera Brnčič-Šermazanova (Ljubljana), Dalibor Brozovič (Ljubljana), Tvrtko Čubelić (Zagreb), Radmilo Dimitrijević (Beograd), Todor Dimitrovski (Skoplje), Matko Đaja (Banjaluka), Vlastimir Erčić (Sarajevo), Mihal Filip (Beograd), Aleksandar Flaker (Zagreb), Svetozar Georgijević (Zrenjanin), Milan Gjurčinov (Skoplje), Tamara Gnuni (Skoplje), Alfonz Gspan (Ljubljana), Franc Jakopin (Ljubljana), Vera Janeva (Skoplje), Stevan Janjić (Beograd), Janko Jurančič (Ljubljana), Krum Kepeski (Skoplje), Fahra Kolaković (Sarajevo), Blagoj Korubin (Skoplje), Srbislava Kovačević (Beograd), Risto Kovijanić (Kotor), Veljko Kuprešanin (Beograd), Miodrag Lalević (Beograd), Lino Legiša (Ljubljana), Janez Logar (Ljubljana), Bosiljka Ljepava (Sarajevo), Jože Mahnič (Ljubljana), Todor Manević (Beograd), Ilija Mamuzić (Beograd), Irma Marinčič (Ljubljana), Radmila Marinković (Beograd), Boris Markov (Skoplje), Milko Matičetov (Ljubljana), Branislav Milanović (Beograd), Milica Milidragović (Sarajevo), Živan Milisavac (Novi Sad), Dragutin Mirković (Beograd), Ljiljana Mojsova (Skoplje), Ana Muhina (Beograd), Anka

Nazečić (Sarajevo), Vladan Nedić (Beograd), Radmila Nenin-Pešić (Beograd), Svetozar Nikolić (Beograd), Cveta Organdžijeva (Skoplje), Miroslav Pantić (Beograd), Boris Paternu (Ljubljana), Asim Peco (Beograd), Kiro Penušliski (Skoplje), Breda Pogorelec (Ljubljana), Miodrag Popović (Beograd), Stojanka Popović (Beograd), Natalija Radošević (Beograd), Milorad Simonović (Beograd), Viktor Smolej (Ljubljana), Marin Somborac (Zagreb), Aleksandar Spasov (Skoplje), Trajko Stamatovski (Skoplje), Igrutin Stevović (Beograd), Josip Stošić (Sarajevo), Stojan Subotin (Beograd), Kiril Svinarski (Beograd), Rozka Štefan (Ljubljana), Franjo Švelec (Zagreb), Bogdan Terzić (Beograd), Josip Toporišič (Ljubljana), Ljubo Trivić (Banjaluka), Rada Ugrinova (Skoplje), Boris Urbančič (Ljubljana), Božo Vidoeski (Skoplje), Josip Vrana (Zagreb), Luka Vujović (Cetinje), Nevenka Vukomanović (Sarajevo), Janez Zor (Ljubljana), Dragiša Živković (Beograd).

REFERATI
O RAZVOJU SLAVISTIKE OD 1945 DO 1955

М. СТЕВАНОВИЋ

РАД НА НАУЦИ О СРПСКОХРВАТСКОМ ЈЕЗИКУ КОД СРБА ЗА ДЕСЕТ ГОДИНА ПОСЛЕ ДРУГОГ СВЕТСКОГ РАТА

Хитлеровом агресијом на Југославију, априла месеца 1941, свирепо је прекинут сваки културни живот у овој земљи. О научном раду, поготову, под окупацијом у Србији није могло бити говора. Научни радници или су као војни обвезници заробљени па одведени у Немачку или Италију, или су већ од првих дана окупације (уколико нису отишли у илегалство и партизанске одреде) затварани, малтретирани, одвођени у концентрационе логоре, на разне начине прогоњени и растеривани из научних установа у којима су радили. Библиотеке су већ при првом нападу на Југославију дошле под тежак удар; највећа од њих, Народна библиотека у Београду, погођена и запаљена авионском бомбом, до темеља је изгорела већ 6 априла 1941 г. Из већине осталих библиотека књиге су распљачкане, а уколико је у неким библиотекама и остало књига, исправним научним радницима приступ у њих је био онемогућен.

Колико је наш народ у току Другог светског рата, у борби и под окупацијом, дао људских жртава, то је целоме свету добро познато. Исто је тако, што се материјалних и културних добара тиче, непријатељ у нашој земљи оставио праву пустош тако да су се наши људи, сви од реда, одмах по истеривању непријатеља из земље морали предати тешкоме послу да земљу подигну из рушевина. Ни научни радници се у таквим приликама нису могли вратити своме правоме послу. Они су сада стали трагати за изгубљеним културним добрима, за разнесеним књигама, рукописима и др. У опустошеној земљи је, и уз недостатак свих услова, ваљало отварати школе, које четири године нису радиле. На овоме послу су се научни радници прекомерно морали заложити јер је кадар просветних радника у току рата и под окупацијом, у заробљеничким и кажњеничким логорима, на бојном пољу и многобројним стрелиштима, био преполовљен. Да би се настава могла изводити, они су, као професори појединих школа, иако крајње исцрпени четворогодишњим патњама, уз удвостручени, а често и утростручени број часова спремали и, макар у виду литографских скрипата, издавали универзитетска предавања и средњошколске уџбенике. Прве две-три године, напоредо с побољшањем општих животних услова, у научним установама се углавном врше припреме за

почетак организованог научног рада. Народна власт у новој социјалистичкој Југославији осигурала је релативно издашна средства за извођење овога значајног задатка. И до правога рада на науци дошло је тек почетком четврте године после ослобођења. Ове, 1949 године у Београду почињу излазити неколике филолошко-лингвистичке публикације. Али су на ономе што ће се у првим њиховим свескама објавити научни радници у неким случајевима већ од раније радили. А они су, осим тога, и пре почетка излажења научних публикација штампали поједине прилоге науци о српскохрватскоме језику и општој лингвистици.

Већ у првој и у наредним годинама после ослобођења, у наскоро покренутим књижевним часописима и у дневним листовима, појављују се мањи и већи чланци о језику, који су, нарочито с обзиром на промену друштвеног система и на промену услова за развитак културе наших народа, били од приличног значаја.

У политичком, јавном и културном животу у току револуције и иза ње на позорницу у Југославији ступају нове друштвене снаге, које су се раније једва осећале. У новом јавном и културном животу сада узимају учешћа многи појединци из свих крајева земље и из свих друштвених средина. За настале политичке, културне и економске потребе сада се много преводи и често се брзо преводи, па се и притом врло много пада под туђи утицај. И језик тих превода, а тако и језик дневне штампе, па и језик многих значајнијих књижевних прилога, сада постаје у понечему друкчији од језика на коме се раније развијала наша култура. О овоме се у текућој штампи доста писало. Кога занима да се о томе обавести, ми га упућујемо на одељке Библиографије у последње три књиге Јужнословенског филолога (XVIII, XIX и XX), у којима је нотирано све што је код нас о језику и у вези с језиком писано. А овде ћемо указати само на интересовања језичких стручњака за те појаве и на њихово мишљење о истима.

А. Белић (у Књижевности I, 1, 1946, 214—222, у Позоришту бр. 1—2 за 1948, у Билтену Удружења књижевника НРС I, 9 за 1949 и другде) говори о новим елементима у српскохрватском језику који су у њ ушли у току Народноослободилачке борбе и непосредно иза ње, указује на негативне појаве као што су непотребне позајмице из туђих језика, претерана употреба сложених скраћеница и сл., а изјашњава се у прилог свих новина које су народног карактера и нису противне природи народног језика. У тим чланцима он даје драгоцена упутства књижевницима, новинарима, позоришним радницима и свима онима што својим примером на књижевни језик и живи говор утичу. С овим циљем и ради популарисања знања о језику Белић је сабрао више ових и неке раније написане чланке, огледе и расправе о језику и штампао их у књизи *Око нашег књижевног језика* (Српска књижевна задруга, књ. 312, Београд 1951). Р. Лалић такође пише о сада насталим проблемима језика (Књижевност I, 2, 1946, 91—100 и Књижевне новине I, 5, 1948), даје њихово објашњење и износи мишљење да на култури књижевног језика стручно и брижљиво треба радити

преко израде стручних терминологија, нормативне граматике и другим путевима. А М. Стевановић (у Књижевним новинама 19, 1948, и 30, 1949), на конкретним примерима из дневне штампе и текуће литературе, објашњава ове појаве друштвеним променама и потребама и, не негирајући утицај друштвено-политичке револуције на језик, сада настале језичке промене тумачи и лингвистичким законима, па њихове могуће размере своди на праву меру одбацујући неосновано мишљење да социјално-политичка револуција треба да доведе до еквивалентне револуције у језику, до промене самих језичких закона и ранијих принципа његова развитка.

У времену о коме говоримо испољавала су се и схватања да се, ако и намерно не треба рушити оквире језичких закона који обележавају норму књижевног језика, у насталим револуционарним променама, свакако, није обавезно држати некаквих давно утврђених језичких закона и прописа. Нешто, можда, и овакав анархичан став у односу на књижевни језик, а свакако више објективни услови у којима се развијао наш послератни јавни и културни живот довели су до очевидно велике распојасаности у књижевном језику, која је захтевала хитну интервенцију и мобилисала све љубитеље чистоте књижевног језика — језичке стручњаке, дакако, на првоме месту — на послу организованог неговања културе књижевног језика.

На овоме послу међу првима је показала живу активност група језичких стручњака и књижевника града Сарајева; Ј. Вуковић, М. Марковић, М. Бубић и М. Шамић прво у појединим месним, дневним и недељним листовима и у часописима (у Просвјетном раду, Одјеку и у Бразди) истичу елементе богаћења књижевног језика и указују на грешке у томе језику, на туђинске обрте у синтакси, на стилске рогобатности и друге појаве које су противне духу српскохрватског језика. С овим програмом та група почетком 1949 почиње издавати стручно-популарни језички часопис *Питања савременог књижевног језика* (као орган Института за језик, прво Више педагошке школе па потом Филозофског факултета у Сарајеву), у коме су у току четири године његова излажења уз језичке поуке и стилска упутства обрађивана и поједина питања из нормативне граматике. Год. 1954 место овог часописа, као орган Катедре за језик и књижевност Фил. факултета у Сарајеву, почео је да излази научни књижевно-језички часопис *Питања језика и књижевности*, који већ од првог броја доноси и веће расправе као год и оцене и приказе појединих радова из науке о језику.

Брига за подизање културе књижевног језика, у првом реду, понукала је и београдске лингвисте да продуже с издавањем научно-популарног часописа *Наш језик*, који је 1941 престао у осмој години свога излажења. Место Лингвистичког друштва овај часопис сада издаје Институт за језик САН, а уредници су му и главни сарадници — предратни његови (Белић, Стевановић, Бошковић, Алексић, Гл. Елезовић, М. Павловић, Вуковић, Предић, Лалевић) и неки нови сарадници (Б. Милановић, И. Стевовић, С. Марковић, Д. Живковић, И. Попо-

вић, М. и П. Ивић, И. Грицкат, Св. Николић, А. Пецо и др.). Он излази двомесечно у свескама од 4—6 табака; бави се углавном проблемима савременог књижевног језика, обрађује поједина питања из нормативне граматике, а гдекад доноси и веће расправе. Ове године се завршила његова шеста књига нове серије. Институт за језик исте, 1949 г. преузео је и издавање *Јужнословенског филолога*, који опет уређује његов предратни главни уредник А. Белић уз сарадњу осталих професора српскохрватског језика Београдског универзитета и још по једног или два професора језика осталих југословенских универзитета. ЈФ и даље излази као повремени (засад двогодишњи) спис за словенску филологију (и лингвистику) и за ових шест година су изишле XVIII, XIX и XX књига, свака од по преко 30 штампаних табака језичких расправа, студија, већих и мањих научних прилога и критика. Он уз то на крају доноси и исцрпну библиографију свих радова о језику који излазе у Југославији.

Год. 1950 изишла је прва послератна, XI књига *Српског дијалектолошког зборника*, а скоро ће се појавити XII и XIII књига, у којима се ових дана довршава штампање по једне веће дијалекатске монографије.

Осим тога поједини радови о језику објављивани су и у другим научним публикацијама: у Гласнику САН, Гласнику Историског друштва, Историском часопису, Гласнику Етнографског института САН, Зборнику Филозофског факултета у Београду, Зборнику Института Матице српске у Новом Саду, Гласнику Земаљског музеја у Сарајеву, Годишњаку Историског друштва Босне и Херцеговине, у Прилозима за књижевност, језик, историју и фолклор, у Радовима Научног друштва Босне и Херцеговине и другде. Поред приказа појединих значајнијих радова објављених у поменутим језичким и општим публикацијама, задржаћемо се и на неким пригодним радовима из области науке о језику. Овде у првом реду мислим на оно што је објављено поводом прославе стогодишњице (1947) победе идеја Вука Караџића о језику и правопису и поводом стогодишњице смрти П. П. Његоша (1951). Нарочито се пригодом прве прославе много писало у свим дневним листовима и књижевним (научних онда још није било) часописима. У београдској Књижевности, Младости, Словенском братству, новосадском Летопису Матице српске, цетињском Стварању — за септембар, који месец је био посвећен прослави ове стогодишњице, — објављен је већи број прилога.

Тада је између осталих, и свакако више од осталих, и А. Белић написао неколико огледа и расправа о раду Вукову, о његовој борби за језик и правопис, о помоћи коју му је у тој борби пружио знаменити његов ученик и сарадник Ђ. Даничић. Те своје расправе, заједно с неким раније написаним, Белић је сабрао и издао у две врло значајне књиге с насловима: *Вукова борба* (Београд 1947, 279), и *Вук и Даничић* (Београд 1947, 214). Несумњиво најбољи познавалац Вука и Даничића, аутор је у овим двема књигама, синтетички и збијено, победу Вукових идеја образложио јасно претстављеном сликом културно-истори-

ских и социјално-политичких односа и прилика у којима се Вук борио против конзервативних и назадних снага које су се налазиле на челу српске просвете и управе међу Србима у Јужној Угарској — каснијој српској Војводини — и у младој кнежевини Србији у првој и на почетку друге половине XIX в. Б. је ту показао колико су Вукове идеје о књижевности, књижевном језику и правопису биле рационалистичке и реалистичне, иако се он за њих борио усред романтичарске епохе и често романтичарским методама. А величина и значај рада В. Караџића и Ђ. Даничића за српску културу сигурно нигде нису тако тачно оцењени као у овим двема Белићевим књигама. Онда је настала, иако је касније (1952 у Годишњаку Филозофског факултета у Београду II, 17—43) објављена, расправа *Вукова интерпункција* од М. Стевановића, у којој се одбацује укорењено погрешно мишљење да је тзв. логичка интерпункција у српској књизи резултат јачег утицаја француске књижевности и културе с краја XIX и почетка XX в. На Вукову начину интерпунгирања у појединим периодима његова рада и на Даничићевој интерпункцији у свим делима његовим, С. овде доказује да је корен слободне интерпункције код Срба у јачини Вукове логике, да је она код њих за читаво пола века старија од поменутог француског утицаја, који је несумњиво убрзао потискивање граматичке и допринео уопштавању логичке интерпункције, али да је ова последња као систем, свакако, резултат плодоносне сарадње Вука Караџића и Ђуре Даничића.

Највећи део радова српских језичких стручњака за ових десет година од свршетка Другог светског рата је из области савременог језика, а већина тих радова носи печат учења проф. А. Белића о језику, изложеног углавном у његовој књизи *О језичкој природи и језичком развитку* (Београд 1941 г.), чији кратки наслов казује садржину њену и у којој се језичка факта и језички појави тумаче на самом језичком материјалу и на тај начин износи један нов, специфичан поглед на језик, како је то сам аутор овог дела изложио у своме ауторефератy: *О лингвистици проф. А. Белића* (Јужносл. филолог XVIII, 1—37).

Од уџбеника и приручних књига овде на првом месту треба навести: А. Белића, *Савремени српскохрватски језик I, Гласови и акценат*, предавања за студенте универзитета (Београд 1948, 1—167 и друго издање 1951, 1—180), и *Савремени српскохрватски језик II, Наука о грађењу речи*, такође универзитетска предавања (Београд 1949, 1—326); затим: Б. Милетића, *Основе фонетике српског језика* (Београд 1952, 1—120), где је дат опис гласова и природе акцента и интонације српскохрватског изговора, углавном према експерименталном испитивању које је сам аутор вршио; М. Стевановића, *Граматику српскохрватског језика за више разреде средњих школа* (Београд 1951, 1—463 и друго издање 1954), у којој су тумачења језичких појава и граматичке дефиниције давани не само на грађи Вукова и Даничићева језика него и на примерима језика новијих, па и најновијих писаца, а резултати науке о језику усклађивани са средњошколским програмом,

и М. Лалевића, *Синтаксу српског језика*, литографисана предавања за студенте више педагошке школе (Београд 1951, 1—361).

Правопис српскохрватског језика А. Белића (Београд 1952, 1—129 + 130—544) теоријским делом својим је ранији његов правопис од 1930 г., са нешто измењеним и образложеним гледиштем о одвојеном и састављеном писању речи и о транскрибовању туђих имена, као и са усавршеним упрошћавањем система слободне интерпункције, које се тиче само стављања запете. У овоме издању Белићева правописа ново је и то што су оба књижевна изговора, екавски и ијекавски, у њему добила потпуну равноправност у тумачењима, а нарочито је проширен ранији речник, у који су ушле не само речи од правописног него и од ортоепског значаја. У књигама Ј. Вуковића: *Правописна правила за ијекавско књижевно наречје* (Сарајево 1949) и *Правопис савременог нашег језика I. Употреба великог слова и сложене ријечи* (Сарајево 1952) на шире обухваћеној правописној грађи се одређују правописне норме за ијекавски изговор и настоји се да се ускладе критерији за извођење правописних правила.

У области семантике и грађења речи значајна је и врло занимљива расправа А. Белића: *„Депрефиксација" у словенским језицима* (Јужносл. филолог XVIII, 87—101), у којој се на значењима примера највише из српскохрватског, али не само из овог него и из других словенских језика, каква значења имају сложени предлози: *изнад, испред, испод*, и сл., и на примерима сложених придева са префиксима: *на, о, по, при* и *су* доказује могућност депрефиксације, тј. уношења значења појединих префикса добивених у вези с глаголом у њихове нове везе с другим речима. Тако изразито аблативно *из*, у којег је свакако изворно ово значење и у глагола (у оних, например, типа *исцедити*), и које се у вези с појединим глаголима мења и развија у значење потпуног извршења радње (какво има у глагола *испавати се, исписати* и сл.), ово последње своје значење, које добива искључиво у означеној вези, уноси и у предлоге *изнад, испод* и др. Напоменућемо да ово значење које Б. теоретски документовано образлаже није свакад лако проверити на језичком осећању као у случају с примерима: *накисео, омален, приглуп, субјел* и др. сложених придева што значе умањењу особину простог придева и за које је несумњиво да су ово значење умањености понели из глагола: *накиснути, омалити, ократити, накрвити* и сл. Овом се расправом потврђује схватање о аутономности и секундарних значења префикса, и оних, дакле, значења њихових што су их накнадно добили у вези с појединим категоријама речи. Развитак бројних нијанси и прелива значења показао је М. Павловић у расправама *Значење придева с наставком -аст* (Наш језик IV, 9—24, 99—114 и 175—195) и *Апстрактне именице на -ост* (ibid., 296—307). А у овом ће се часопису наћи и још прилога у којима се расправља о сличним проблемима.

У докторској дисертацији И. Грицкат: *О перфекту без помоћног глагола у српскохрватском језику и сродним синтаксичким појавама*

Посебна издања САН, књ. CCXXIII, Београд, 1954, 1—123) на опсежном материјалу се у основи њеној потврђује одраније позната теза професора Белића да се овај облик (крњи перфекат) употребљава само у синтаксичком релативу, а као ново И. Г. даје разграничење трију посебних категорија ове употребе: наративне, емфатичне и резултативне, истичући, с довољно оправдања уосталом, ову последњу, која је раније запостављана. Зато ће овај рад, и поред давања категорија које мало доприносе расветљењу проблема (мислим на класификацију грађе по међусобном односу реченица) и поред занемаривања крњег перфекта ван означене три употребе, остати као запажена расправа из синтаксе глаголских облика.

У овој области науке о српскохрватском језику један од опсежнијих радова је расправа А. Стојићевића: *Значење аориста и имперфекта у српскохрватском језику* (Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Dela 3, Ljubljana 1951, 1—171), где аутор даје граматичке дефиниције ова два претериталних глаголска облика од најранијих времена и доста тачно утврђује исправност и недостатке тих дефиниција. С. даље са успехом констатује које од претериталних времена више одговара којој врсти стила, доказује оправданост истицања да се имперфекат и аорист употребљавају за казивање доживљене прошлости. Али он, ово безуспешно, покушава и да имперфекат по значењу и временској одређености изједначи са аористом, поједине употребе глаголских времена објашњава аналогијом и, што се још најмање може прихватити, чисто синтаксичке категорије меша са стилским, што се огледа у његову покушају да поред индикатива и релатива као посебну уведе „фигуративну" употребу глаг. времена. У вези с њом треба поменути и рецензију ове расправе М. Стевановића (објављену у Јужносл. филологу XIX, 272—287), јер су тамо дати делимично другчији погледи на ово питање. А посебно значењу имперфекта Стевановић је посветио расправу *Значење имперфекта према употреби у језику П. П. Његоша* (Јужносл. филолог XX, 39—80), које (расправе, мислим) суштина није само у томе што би се у њој утврђивало каква све значења ово претерито време има у употреби код великог песника него и у чињеници што је у њој — на језику једног писца (Његоша) из краја где се имперфекат и до данас очувао у врло широкој употреби — утврђује да је ово облик за казивање напоредности радње у одређеној (скоро редовно, али не искључиво, лично доживљеној) прошлости и да је то, према овоме, само облик релативног индикатива, а да су мишљења о другчијем значењу овога облика свакако настала као резултат несталог осећања за његову правилну употребу (код старијих синтаксичара) или падања под утицај литературе о овоме проблему код неких најмлађих. Потребно је указати да се истоветно значење имперфекта утврђује и на употреби у другим неким говорима у којима се ово време чува (исп. П. Ивић: *Систем значења основних претериталних времена у говору Галипољских Срба*, ЈФ XX, 229—260).

У Стевановићевој је расправи на разноврсним Његошевим примерима показана и велика скала модалних значења конструкције од облика имперфекта глагола *хтети* и инфинитива. Проблемом модалних конструкција с глаголом *хтети* и *имати* позабавио се Ј. Вуковић у расправи: *Посебни перифрастични модални глаголски облици у српскохрватском језику* (Радови научног друштва Босне и Херцеговине II, 5—48), а проблемом таквих конструкција с претериталним облицима глагола *бити* у расправи: *Модални облици с имперфектом и перфектом глагола бити* (Јужносл. фил. XX, 263—272). Да глаголска времена не губе у потпуности карактер свог основног значења ни у безвременским ситуацијама, али да се у таквим ситуацијама и у неким личним глаголским облицима претежно казује оно што глагол својом основом значи, показао је М. Стевановић у расправи: *Напоредна употреба инфинитива и презента са везицом да* (Наш језик, књ. V. н. с., 85—102 и 165—185).

Из синтаксе падежа најопсежнији је рад *Инструментал у српскохрватском језику* — докторска дисертација М. Ивић (Посебна издања САН књ. CCXXVII, Београд 1955, 1—291), у којој се углавном на материјалу српскохрватског језика, уз осврте на мишљења познатих европских компаративиста (Бругмана, Делбрика, Хирта) с успехом расправља сложен проблем употребе инструментала. Показујући сигурно осећање за схватање појединих прелива значења овога падежа, М. Ивић је лепо објаснила његове функције у којима се инструментал до данас очувао било у правој било у прилошкој употреби својој. Иако се свакад не би могло прихватити њено извођење једних значења из других, иако широка дискусија с ранијим синтаксичарима гдекад пре њима даје за право него М. И., она је, држећи се једног одређеног метода који је солидно савладала у београдској лингвистичкој школи проф. Белића, о чему сведоче и други њени радови, успела да у овоме раду дâ леп и користан прилог детаљном упознавању значења и употребе падежа у српскохрватском језику.

Синтакса реченице, тако значајна за правилно схватање односа у језику уопште, а на нарочит начин третирана у напред наведеној књизи проф. Белића, ближе осветљење једног дела свог добила је у Белићевој расправи: *О значају синтагма за развитак језичких појава* (Јужносл. филолог XX, 1—27), где аутор одређује садржину синтагме као синтаксичке јединице о којој се у последње време у науци много говори а неједнако мисли. За разлику од лингвиста који синтагму идентификују с реченицом или је логичком анализом бар своде на њу, Белић јасно показује разлику између реченице, у којој обавезно морају бити заступљена два појма и синтагме коју свакад карактерише јединство (или значења или функције). Он се, даље, задржава на органској повезаности чланова синтагме и на спољним ознакама њиховим — на конгруенцији и рекцији, и на тај начин свестрано објашњава природу синтагме да би тек на крају показао велики значај који синтагме, као носиоци падежних значења, имају у развитку падежне системе, како, рецимо, истоветност облика не може бити никаква сметња

за сигурно разликовање падежа јер се она одређује односом речи у синтагми, а не овим или оним завршетком као спољним обележјем њиховим, или како по том односу (речи у синтагми) утврђујемо разлику између посебних значења једног истог падежа (разлику између аблативног значења генитива, рецимо, с једне, и посесивног или партитивног значења, с друге стране) итд.

При расправљању синтаксичких и појединих других проблема ради правилног схватања њиховог неопходно се упуштати и у њихову генезу и пропраћати њихов историски развој. То се чинило у већини досад поменутих дела и расправа. Међутим, посебном проучавању појединих питања из историје језика посвећено је релативно мало радова за последњих десет година. Студије М. Решетара *Најстарији дубровачки говор* (Глас САН CCI, 1951, 1—46), и *Најстарија дубровачка проза* (Посебна издања САН CXCII, 1952, I — IV + 1—116) настале су пре Другог светског рата, а тек сада се стигло да се штампају. Остаје да овде наведемо Ј. Вуковића: *Један стари босански надгробни споменик* (Гласник Земаљског музеја у Сарајеву за 1947 год., 51—68) и *Ново читање неких босанских надгробних натписа* (Годишњак Историског друштва Босне и Херцеговине, Сарајево 1949, 80—100), у којима се дају језичка и палеографска тумачења текста тих натписа. Потребно је још поменути и осврт на питање о III-ој палатализацији, који је учинила И. Грицкат (*Још о трећој палатализацији*, ЈФ XIX, 87—110) стављајући се, с правом уосталом, у одбрану мишљења о постојању по времену најмлађе, тзв. III-ће палатализације и наводећи, притом, поред ранијих и неке нове доказе у корист овога мишљења.

Врло је значајна расправа Р. Бошковића: *О придевима типа орађи* (Наш језик I, 1949, 116—131), у којој он одбацује ранија схватања о пореклу ових придева до којих се схватања долазило само формалном анализом њиховом. Б. међутим, анализирајући и облик и значење одређеног броја примера, постанак ових, и придева на *њи* и *ни*, које он с придевима на *ћи* третира напоредо, доводи у везу с дативом именица на *теј* и *неј*. И сада је, после Бошковићеве расправе, јасно и да су, супротно од онога што се раније мислило, облици партиципа презента на *-ћи* придевима могли постати, уз друге услове, управо наслањањем на придеве типа *орађи*. А те је услове, дакако и морфолошке, а поготову семантичко-синтаксичке, на примерима из савременог језика утврдио М. Стевановић у своме раду: *Попридевљивање глаголског прилога на -ћи* (ЈФ XVIII, 55—85) и показао да је поред случајева с помереним значењем, какве имамо у примерима типа: *врућ држећ, болећ* и сл., у којима је веза с основним обликом скоро потпуно прекинута — за постанак придева од облика глаголског прилога на *-ћи* услов: означавање сталног или трајног стања или вршења радње и указивање на разлику према нечему сличном, што је без особине која се казује основним глаголом.

Од онога што је писано о језику појединих писаца треба споменути М. Павловића: *Гномички стил у Горском вијенцу* (Зборник радова САН XVII, Институт за проучавање књижевности 2, 1952,

241—268), где се на бројним примерима илуструје колико је тај стил одговарао блиставој поетско-филозофској мисли Његошевој. Као ова, пригодом стогодишњице смрти песникове (1951) настала је и расправа: *Неке особине Његошева језика* (ЈФ XIX, 17—33), у којој М. Стевановић на за то карактеристичним примерима показује да је Његош, који није могао избећи употребу црквенословенизама и русизама, ове најчешће узимао кад их је згодно могао накалемити на архаичне и дијалекатске особине народног говора свога краја. А и црквеноруске и новоруске, и све друге стране речи, као и дијалекатске речи и необичније изразе објаснили су Р. Бошковић и М. Стевановић у *Рјечнику уз пјесничка дјела П. П. Његоша* (који је дат као VI књига Његошевих дела јубиларног издања поводом стогодишњице смрти), у коме је по принципима савремене лексикографије обрађено нешто изнад 4.000 таквих речи.

Рад српских филолога на проучавању дијалеката за последњих десет година био је релативно плодан. У то ће се уверити свако ко погледа извештаје о дијалекатским испитивањима (у Гласнику САН I—IV), што су их на терену вршили ранији и садашњи чланови Института за језик САН: Московљевић, М. Павловић, Алексић, Бошковић, И. Поповић, П. Ивић, Б. Николић и др. Из тих извештаја се види да су већ у припреми описи и студије неколико говора српскохрватског језика. Али ћемо се ми овде задржати само на већ готовим радовима из дијалектологије, од којих ћемо споменути М. Стевановића: *Бачковачки говор* (Српски дијалектолошки зборник XI, 1—152), монографију говора једне мале оазе Срба староседелаца, која је међу шиптарским живљем дуго била изолована од осталих сународника и сачувала свој некадашњи (призренско-јужноморавски) дијалекатски тип од пре неколико векова и поред тога што се српско становништво из тога времена овде одавно већ потпуно сменило. Тај процес у овоме раду је објашњен економским, политичко-историским и етнографским збивањима за последња неколика века. И у њему се, осим тога, језичким елементима потврђује историска теза да се српско становништво из онога краја није масовно иселило у познатим сеобама с краја XVII и почетка XVIII в., да би Шиптари иза тога населили опустеле српске крајеве, него је, подвргнуто бездушном економском притиску и крајњем терору, било принуђено да промени веру и народност, и шиптаризовало се. У истом је Зборнику (стр. 153—223) штампан и *Говор острва Корчуле* од М. Московљевића, којему аутор као карактеристику даје укрштање тројаких језичких особина: чакавизама, „далматинизама", тј. особина које су на овоме терену поникле претежно под страним утицајем, и штокавизама, који са јужнодалматинског копна све више продиру и даље од Корчуле, на суседна чакавска острва.

Две опсежне дијалекатске монографије дали су И. Поповић (*Говор Госпођинаца у светлости бачких говора као целине*) и П. Ивић (*О говору Галипољских Срба*), који су пре неку годину израђени као докторске дисертације, а сада се штампају, прва као књ. XII, а друга као

књ. XIII Српског дијалектолошког зборника). У првој И. Поповић оштрим запажањем и фиксирањем свих, нарочито фонетских и морфолошких, особина бачких екавских говора, које он, исправљајући досадашње њихово груписање, с документованим образложењем дели на северозападну (сомборску) и југоисточну (шајкашку) групу и поређењем тих особина са, такође лично, провереним особинама суседних (банатских и сремских екавских као и северозападнобачких, буњевачко и шокачко-икавских) говора одређује место бачких екавских говора међу осталима говорима Војводине. Иако без потребних историских објашњења, П. је у овоме раду дао значајан прилог српскохрватској дијалектологији, која са његовим *Буњевачким говором* (Зборник Матице српске), краћим описом *О говорима Баната* П. Ивића (ЈФ XVIII, 141—156) и Б. Николића *О говору Срема* (ЈФ XX, 273—287) даје, можемо рећи, потпуно тачну слику свих данашњих говора ове периферне дијалекатске области. А материјал и закључци које П. Ивић даје у својој дијалекатској студији о говору Галипољских Срба од посебног су значаја за српскохрватску историску дијалектологију, јер се у тамо описаном језику мале групице Галипољских Срба сачувало стање из времена од пре неколика века, када су они, далеко одвојени од матице, потонули у туђинско језичко море, па се говор њихов у таквим околностима некако конзервирао. У оскудици историске и етнографске литературе, за којом је Ивић марљиво трагао, он је на језичким цртама утврдио да су се Галипољски Срби отприлике крајем XVI или почетком XVII в. отселили негде из североисточне Србије. Одвојивши вешто оно што је у тај говор моглоући из турског или грчког језика, чијем је утицају у Бајрамичу (крај Галипоља) био подвргнут читава три века, или што се касније у њему могло развити, Ивић је пружио могућности да се реконструише приближна слика једног некадашњег говора северне Србије и утврди његов однос према осталим суседним говорима. Корисни прилози историској дијалектологији су и радови: В. Томановића: *Acc. pl. личних заменица првог и другог лица — ни, ви (ny, vy)*, Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје, књ. 3, 1950, и Л. Вујовића: *Историски пресек губљења глаголске рекције у црногорским говорима* (ЈФ XX, 87—124), у коме аутор, полазећи од материјала најстаријих и периферних црногорских говора (мрковићког, некадашњег крајинског и других) и од материјала из старих зетских записа, уговора, пресуда и повеља, даје убедљиве доказе за већ раније изношену претпоставку да је до губљења глаголске рекције у црногорским говорима дошло под утицајем дукљанских романских и арбанашких дијалеката или, боље рећи — у симбиози с њима.

Р. Бошковић у студији: *О једној акценатској особини дијалеката западне и јужне Истре* (Прилози за књижевност, историју, језик и фолклор, Београд 1955) дао је вишестрану карактеристику акцентуације некада чакавских па поштокављених области Истре, исправио неке погрешне закључке па и погрешно бележење материјала у области акцентуације (а и не само акцентуације) ове релативно доста проу-

чаване дијалекатске области. И он је, знатно више од тога, својом расправом принципски решио значајан проблем јављања силазних акцената на слоговима где бисмо очекивали узлазне, што је раније објашњавано туђинским (талијанским) утицајем и натегнутим аналогијама. Б. га је, међутим, објаснио претходним постојањем различних дужина у предакценатским слоговима; у једним, наиме, говорима (у оним старијег типа) те дужине су, по Б., биле силазног, а у другима (млађим) узлазног карактера, па када је дошло до померања акцента, он је само добио карактер дужине на коју се пренео. Тиме је Б. дао најтачније, и свакако једино тачно, решење не само мешању узлазних и силазних акцената у говорима западне и јужне Истре него и јављању силазних акцената у узлазним позицијама уопште, која је појава јако раширена у многим говорима српскохрватског језика што не познају четвороакценатску систему његову.

Проблемима версификације бавио се К. Тарановски; у расправама *О тонској метрици проф. Кошутића* (Јужносл. филолог XVIII, 173—196), *О једносложним речима у српском стиху* (Наш језик II, 1950, 26—41) и *Принципи српскохрватске версификације* (Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор XX, 1—2, 14—27), у којима он, дајући структуру српскохрватског народног и уметничког стиха, нарочито истиче улогу акцената и квантитета, као и улогу реченичне интонације.

У Институту за експерименталну фонетику при Српској академији наука Ђ. Костић врши експериментална испитивања изговора гласова и акцената српскохрватског језика и (према извештајима штампаним у Гласнику САН, II—IV), дао је корисне прилоге објашњењу интезитета гласова, природе акцента и његових фонолошких особина, елемената реченичне интонације и њена утицаја на акценат.

Као прилоге топономастици треба прво споменути радове В. Томановића: *О топографским именима Боке Которске* (Споменик САН CIII, 1953, 41—52) и *Прилози топономастици јадранских отока* (Јужносл. филолог XX, 405—420); затим: М. Грбића: *Прилог проучавању археолошке топономастике у Србији* (ЈФ XX, 379—390), Гл. Елезовића: *О имену Шапца кроз векове* (Гласник Етнографског института САН I, 1952, 37—59); и даље: прилоге објашњењима појединих етимологија, живота речи и термина: М. Будимира (У Историском часопису, 1948, и Историском гласнику, 1949), В. Томановића (у Годишњем зборнику Фил. факултета у Скопљу за 1948 и 1949), И. Поповића (у радовима Научног друштва Босне и Херцеговине и у Нашем језику), Гл. Елезовића (такође у Нашем језику I, II) и др.

Активност српских лингвиста и значај те активности за развитак и напредак културе наших народа не би били верно претстављени ако не би било наглашено њихово видно учешће у анкети Летописа Матице српске о карактеру разлика у књижевном језику и правопису Срба и Хрвата. Неколико ових лингвиста су, у својим прилозима тој анкети, објављеним у самом Летопису и у другим часописима (Нашој стварности, Савременику, Нашем језику, загребачком Језику и др.), — показали да су минималне разлике у њихову иначе јединственом је-

зику код Срба и Хрвата остале као природна и неминовна последица донекле различних историско-политичких и културних услова у којима су два братска народа живела у току више векова. Узгред ћемо напоменути да ово даје још једну потврду тезе А. Белића што ју је изнео у својој теоријској расправи *О књижевним језицима* (Јужнослов. филолог XIX, 1—16), која је и замишљена, и обрађена и објављена пре поменуте анкете и у којој се на примеру српскохрватског језика, углавном Вукове епохе, као и на примерима старословенског и руског књижевног језика доказује да књижевни језик није ништа друго него израз културног мишљења његових претставника и да развитак сваког књижевног језика, према томе, у стопу прати развитак мишљења носилаца културе дотичног народа. А из овог теоријског излагања проф. Белића опет јасно истиче оно што су учесници поменуте анкете, полазећи од друштвене и политичке стварности у којој се данас развија култура југословенских народа, објаснили, а то је — стално ишчезавање стварних разлика из језика хрватских и српских писаца, које је претставнике лингвиста и књижевника, и хрватских и српских, навело да се (на састанку у Новом Саду од децембра 1954; в. Летопис Матице српске за јануар 1955) договоре о заједничком уклањању вештачких препрека природном развитку заједничког књижевног језика Срба и Хрвата.

Треба још додати да је проф. Белић објавио (највише у Нашем језику) већи број других чланака и расправа у којима је на анализи примера из српскохрватског језика објаснио многе појаве принципског, општелингвистичког карактера.

Стручни и научни рад лингвиста у Београду поготову не би био тачно приказан ако се не би истакло колико су они за све време од краја Другог светског рата били ангажовани и на изради речника појединих страних, у првом реду словенских језика и српскохрватског језика. Једни од њих у заједници са словеначким лингвистима довршавају већ релативно велики речник словеначко-српскохрватског језика; други су у заједници с домаћим русистима већ израдили речник руско-српскохрватског језика, који ће моћи да задовољи све научне, књижевне и општекултурне потребе. Тако исто се у Београду већ дуже времена раде пољско-српскохрватски и чешко-српскохрватски речник. А свакако најзамашнији и културно и научно најзначајнији је посао израда великог Речника српскохрватског књижевног и народног језика, који се у Институту за језик Српске академије наука, на основу дуго прикупљане лексичке грађе, интензивно ради од 1949 године. И досада је обрађено неколико првих слова, а слова А и Б, која ће с предговором чинити први том речника, већ су редигована и дефинитивно спремљена за штампу. На обради речника запослен је велики број стручних сарадника, а обрадом руководе и на редакцији његовој раде углавном претставници науке о српскохрватском језику о чијим смо другим радовима напред говорили.

MATE HRASTE

RAD NA LINGVISTICI I FILOLOGIJI U NARODNOJ REPUBLICI HRVATSKOJ ZADNJIH DESET GODINA

Za vrijeme okupacije prestao je svaki ozbiljan i nepristran rad na nauci. Istina, u Radu tadašnje Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti štampano je nekoliko dobrih radova prof. Milana Rešetara i Augusta Musića, ali su ti radovi bili predani i primljeni za štampu prije početka rata. Neprijatelji su uništili i poharali našu zemlju, pa se odmah nakon rata nije moglo pomišljati na ozbiljan naučni rad. Zagrebački lingvisti javljaju se poslije rata u književnim listovima i u dnevnoj štampi, ali organizirani rad na lingvistici i filologiji počinje pune dvije godine po svršetku rata. Takav se rad odvija u okviru Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Izvan nje nema organiziranog naučnog rada na lingvistici. Najvažniji i najpreči posao u Akademiji bio je nastavak rada oko izdavanja Rječnika hrvatskoga ili srpskoga jezika, što ga je 1880. počeo obrađivati Đuro Daničić. Od 1938., nakon smrti Tome Maretića, do 1947. zamro je svaki rad na Rječniku. Trebalo ga je obnoviti i nastaviti. U tu svrhu kreiran je u Akademiji radni kolektiv od desetak istaknutih slavista (Alaupović, Bosanac, Deanović, Grdenić, Hamm, Jedvaj, Musulin, Nagy, Pavičić, Rogić, Rončević, Stojković, Štefanić, Živković). Tome je kolektivu na čelu u svojstvu glavnog urednika akademik Stjepan Musulin, a pregledači izrađenog materijala jesu akademici D. Boranić i P. Skok. Od 1948. do danas štampano je deset svezaka »Rječnika«, od 53. do 62. U njima su obrađene i protumačene riječi *provrtotinica* do *simetići*. Više je novih svezaka sada u štampi, pa ima mnogo nade, da će cijeli »Rječnik« biti obrađen i štampan najkasnije do godine 1960. Jedna od najpreči potreba poslije rata bila je pisanje udžbenika iz jezika i pravopisa za potrebe srednjih i ostalih škola. Toj potrebi udovoljeno je 1947. i narednih godina izdavanjem »Gramatike hrvatskoga ili srpskoga jezika« za I., II., III. i IV. razred gimnazije, a sastavio ih je kolektiv Brabec-Frol-Hraste-Živković. Napisana je i 1952. prvi, a 1954. drugi put štampana cjelokupna »Gramatika hrvatskoga ili srpskoga jezika« za potrebe svih, koji žele naučiti naš književni jezik. Pisci su: Brabec-Hraste-Živković. Izašla su i dva izdanja Boranićeva »Pravopisa hrvatskoga ili srpskoga jezika«, 1947. i 1951.

Nakon rata malo se pazilo u javnom životu na pravilnost i čistoću književnog jezika, pa je novo osnovano Hrvatsko filološko društvo u Za-

grebu osjetilo potrebu izdavanja »Jezika«, časopisa za kulturu hrvatskog književnog jezika. U njemu se štampaju članci o pravilnosti jezika i pisanja i o ljepoti stila našega književnog jezika i ukazuje na nedostatke na tim područjima u našem kulturnom životu. Časopis izlazi dvomjesečno već četvrtu godinu na dva štampana arka u redakciji: J. Hamma, M. Hraste i Lj. Jonkea.

U svrhu proučavanja glagoljske književnosti i elemenata narodnog jezika u njenim pisanim spomenicima pokrenuo je Staroslavenski institut u Zagrebu 1952. časopis »Slovo«. Dosada su izašla tri broja u redakciji J. Hamma. Isti je Institut počeo izdavati i »Radove«. Dosada su izašle dvije knjige u redakciji Vj. Štefanića. Zadnjih godina pokrenuto je u Jugoslavenskoj akademiji pitanje izdavanja Hrvatskog dijalektološkog zbornika, u kome bi se štampali radovi s područja dijalektologije, onomastike i toponomastike. Prva knjiga već je u štampi i sadrži pet opsežnih radova: Jedvaj »Bednjanski govor«, Skok »Žumberački dijalekat«, Guberina-Hamm-Hraste »Susački govor«, Hraste »Onomastika i toponomastika općine hvarske«, Hraste »Bibliografija radova iz dijalektologije, onomastike, toponomastike i hidronimije na području hrvatskoga ili srpskoga jezika«. To je bio organizirani rad zagrebačkih slavista i filologa.

Pored toga hrvatski slavisti proučavali su pojedine grane nauke i po vlastitoj incijativi. Njihov interes bio je raznolik.

Iz područja opće lingvistike napisano je više dobrih radova, u kojima pisci proučavaju jezični izraz držeći se modernih načela, a osobito načela ženevske i praške lingvističke škole. Pored sitnijih radova u »Jeziku« i »Slovu« najvažniji su radovi: P. Guberina »Zvuk i pokret u jeziku«, Zagreb, 1952., 219 str. i »Povezanost jezičnih elemenata«, Zagreb, 1952., 430 str.; Zdenko Škreb »Značenje igre riječima«, Rad JA 278, 1949., 77—193.

Hrvatski filolozi posvećivali su najveću pažnju historiji hrvatskoga jezika i izdavanju starih jezičnih spomenika. Iz toga područja potrebno je u prvom redu spomenuti radove prof. Stj. Ivšića »Čistilište sv. Patricija u hrvatskom glagoljskom tekstu XV. stoljeća«, Starine, knj. 41, 1948, 111—119; »Tundalovo viđenje u Luličevu Zborniku«, Starine, knj. 41, 1948, 119—159; »Prijevod Lucidara Honorija Augustodunensisa u prijepisu Gverina Tihića iz god. 1533«, Starine knj. 42, 1949, 105—261. Vrijedan je i rad J. Hamma »Datiranje glagoljskih tekstova«, Radovi Staroslavenskog instituta knj. I., 1952., 5—63. U II. knjizi »Radova« štampani su još ovi radovi: Vj. Štefanić »Glagoljski notarski protokol iz Draguća u Istri« (1555—1639) s uvodom o Draguću i njegovim glagoljskim spomenicima, str. 73—174; Vl. Mošin »Poljičke konstitucije iz 1620. i 1688. godine«, str. 175—206. Zanimljiva su piščeva opažanja o grafiji i pravopisu tih spomenika. J. Vrana ilustrirao je »Hrvatsko-glagoljski blagdanar«, napisan u Novom god. 1506., Rad JA 285, 1951, 95—179. Isti je pisac objavio paleografsko-jezičnu studiju »Da li je sačuvan original isprave Kulina bana«, Radovi Staroslavenskog instituta, knj. II, 1955, 5—57. Analizirajući paleografiju pojedinih primjeraka Kulinove

isprave, Nemanjine hilandarske povelje i ćirilskih zapisa iz god. 1186., zaključuje pisac, da su svi ti spomenici nastali otprilike u isto vrijeme, krajem XII. i početkom XIII. stoljeća i da njihovi pisari nastavljaju tradicije iste škole, koja je nekako u to vrijeme postojala na travunjsko-zetskom području. U istim »Radovima« na str. 93.—128. štampano je djelo I. Milčetića »Berčićeva zbirka glagoljskih rukopisa i štampanih knjiga u Lenjingradu«. Taj je rukopis bio primljen za štampu na sjednici Historijsko-filozofičkoga razreda JA još 1. VI. 1917., ali se istom sada štampao. Pored toga štampane su i rasprave: Vj. Štefanić »Kločev glagoljaš i Luka Rinardis« (129—153) i »Oporuka Matije Baromića iz god. 1527. u Senju«, M. Japundžić »Glagoljski brevijar iz god. 1465.«, nađen u Vatikanskoj biblioteci 1953. (154—192), M. Polonijo »Prvi uzmak glagoljice u krčkoj biskupiji (193—212), gdje se utvrđuje, da je prodiranjem »Šćaveta« u crkveno bogoslužje na početku XVIII. stoljeća počela prvi put uzmicati glagoljica na otoku Krku; J. Vončina »Četiri glagoljske listine iz Like« (213—220), koje su nađene u biblioteci franjevačke provincije sv. Križa u Ljubljani; dvije od njih potječu iz XV., a dvije iz XVI. stoljeća. Ovamo spadaju i radovi, u kojima se proučavao jezik starih pisaca i isprava. Jezik M. Marulića povodom petstote godišnjice pjesnikova rođenja prikazao je M. Hraste u radu »Crtice o Marulićevoj čakavštini«, Zbornik M. Marulića, Zagreb, 1950, 243—277. »Jezik hrvatskih općinskih statuta istarskih i primorskih« razradio je A. Šepić u Radu JA 295, 5—41.

Dijalektologiji nije posvećena ona pažnja, koja joj po važnosti pripada, ali se i u toj nauci pokročilo dalje. Interes naših dijalektologa bio je usmjeren najviše u pravcu čakavskoga dijalekta, koji pruža dragocjenu građu za poznavanje prošlosti ne samo hrvatskosrpskog jezika, nego i ostalih slavenskih jezika. Najveća pažnja posvećivala se ispitivanju govora Kvarnerskog otočja i sjeverne Dalmacije, ali se nisu izgubili iz vida ni štokavski i kajkavski govori. Rad na tom dijelu nauke dijelom je štampan, dijelom je u štampi, a dijelom naskoro ulazi u štampu. Iz područja štokavskoga dijalekta napisani su radovi: J. Hamm »Štokavština Donje Podravine«, Rad JA 275, 1949, 5—69. U tom radu pisac se zadržao naročito na podravskom akutu i poludugom saltansu i odredio njihovo prostiranje. Drugi je rad: M. Hraste »O štokavskim govorima na Hvaru i Braču«, Zbornik radova Filozofskog fakulteta u Zagrebu I, 1951, 379—395. I. Brabec ispitao je govor Tuzlanske oblasti (doktorska teza). Tvorbi pridjeva općega značenja i onih, koji postadoše toponimi posvetio je P. Skok raspravu »O pridjevskim izvedenicama«, Pitanja savremenog književnog jezika III, knj. II., svez. 1, 1951, 12—27.

Pojedina područja čakavskoga dijalekta obrađena su u povećim i iscrpnim radovima: Guberina-Hamm-Hraste »Susački govor«, Hrv. dijalekt. zbornik JA I, P. Skok »Žumberački govor«, I. dio, Hrv. dij. zbornik JA I., M. Hraste »Osobine govora otoka Šolte, Čiova, Drvenika i susjedne obale«, Rad JA 272, 1947, 123—156. Iz područja tvorbe riječi u čakavskom dijalektu objelodanjen je manji rad M. Hraste »Sufiksi za tvorbu deminutiva i augmentativa u čakavskim govorima srednje Dalmacije«, Zbornik Fil. fak. II, 1954, 57—66. Opći rad, u kome se objašnjavaju neki akcenatski problemi u posavskim i južnočakavskim govorima,

koje je na drugi način objasnio A. Belić u raspravi »O čakavskoj osnovnoj akcentuaciji«, Glas SAN 168, 1935, 1—39, dao je Stj. Ivšić u radu »Iz naše akcentuacije i dijalekatske problematike«, Zbornik radova Fil. fak. u Zagrebu I, 1951, 359—378. Iz izvještaja, koji su štampani u Ljetopisu JA, knj. 57, 1953, i knj. 59, 1954, vidljivo je, da su se vršila dijalektološka ispitivanja na Cresu, Rabu, Pagu i Visu, kao i na Ugljanu, Dugom otoku i u Senju. Sva ti radovi čekaju na štampu.

Iz područja kajkavskoga dijalekta napisan je samo jedan rad J. Jedvaja »Govor Bednje«, Hrv. dij. zbornik JA I.

Onomastičkoj i toponomastičkoj nauci posvećivala se također prilična pažnja. Tom se naukom najviše bavio poznati hrvatski učenjak P. Skok. Najpoznatiji mu je rad: »Slavenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima«, Zagreb, 1950, 271+67 str. U tome radu luči slavensku toponomastiku od romanske na otocima u Jadranskom moru od Krka do Dakse. Skok je ispitivao i toponomastiku Rijeke i Istre: »Toponomastički problemi«, Istoriski časopis Istoriskog instituta SAN III, 1952, 1—39. Isti je pisac obradio i splitsku i solinsku toponomastiku sa historijskog aspekta u radu »Postanak Splita«, Anali Historijskog instituta JA u Dubrovniku, I—1, 1952, 19—62. Toponomastiku Vojvodine obradio je Skok u Zborniku Matice Srpske II, 1952, 5—11. U tom je radu prikazao mađarske i srpskohrvatske toponime, hidronime i antroponime. Vrlo je značajan i njegov rad »Supetarski kartular«, Djela Jug. Ak. knj. 43, 1952, 235—312. U toj zbirci historijskih dokumenata iz kraja XI. stoljeća pisanih u blizini Splita na latinskom jeziku pisac analizira onomastički i toponomastički materijal (slavenski i neslavenski) u tome kraju. Blaž Jurišić analizira starohrvatska imena dvaju naših otoka, Vrgade i Murtera, u srednjoj Dalmaciji, Rad JA 293, 1953, 235—251.

Skok je ispitivao i etimologiju riječi i leksičko blago na području Balkanskoga poluotoka. Vrijedan je spomena njegov metodološki rad na proučavanju romanizama u hrvatskosrpskom jeziku u Zborniku radova Fil. fak. u Zagrebu I, Zagreb, 1951, 445—485. U tom radu pored priloga metodu proučavanju romanizama proširuje svoje leksikološke studije, započete u Južn. fil. VIII, a nastavljene u Radu JA, knj. 272. U tome radu tumači romanizme: palatium, cella i cellarium.

Nije zanemaren ni rad na onomastici, općoj i hrvatskosrpskoj. Pavle Rogić u radu »Lična i porodična imena u jeziku«, Rad 303, 1955, tumači postanak ličnih i porodičnih imena kod svih naroda s osobitim osvrtom na imena francuska i jugoslavenska. O našim imenima, osobito u Dalmaciji, napisao je J. Smodlaka dva rada: »Nešto o splitskim prezimenima i o još nekima«, Split, 1945, i »Imena mesta i meštana na tlu Jugoslavije«, Split, 1946. Valentin Putanec tumači nekoliko toponima (Dubrovnik, Biograd na moru, Slavonija i Zadar) na temelju djela Martina de Canal »Cronique des Veniens«, Anali Historijskog instituta u Dubrovniku I—1, 1952, 171—181.

Problem stila naših starih pisaca interesirao je P. Skoka, pa je iz toga područja dao opširan i dobro razrađen rad »O stilu Marulićeve Judite«, Zbornik Marka Marulića 1450—1950, Zagreb 1950, 167—241.

Vrlo je vrijedan rad Đure Grubora »Aspektna značenja«, Rad JA knj. 293, 1953 i knj. 295, 1953, iz područja o aspektnom značenju kod glagola. U tom dosada najobimnijem i najtemeljitijem radu ove vrste pisac se osvrće na sva starija i novija mišljenja u gramatikama srpskohrvatskoga jezika, zagrebačkim i beogradskim, i u posebnim radovima o tome pitanju i daje o svim pitanjima svoje mišljenje. To djelo ima svojih nedostataka, ali i vrlo dobrih i oštroumnih opažanja.

Problemom slaganja vremena u romanskim, slavenskim i germanskim jezicima bavio se P. Guberina, koji je iz tog područja štampao raspravu »Problem slaganja vremena« Rad JA knj. 282, 1951, 33—74. U tom radu pisac nastoji odrediti bitnu vrijednost slaganja vremena na osnovi svoga pogleda na glagolske oblike i na glagol uopće, primjenjujući, kako sam Guberina kaže, u isto vrijeme princip ne samo nerazdvojnosti glagola i imenice, nego i princip nerazdvojnosti »slaganja vremena« od misaono-stilističke analize složenih rečenica.

Napisano je više dobrih i iscrpnih biografija istaknutih slavista. Najvažniji takvi radovi jesu: P. Skok »Jagić u Hrvatskoj«, Rad JA 278, 1949, 5—76; J. Hamm »Vatroslav Jagić i Poljaci«, Rad JA 282, 1951; R. Filipović »Jagić i Englezi«, Zbornik radova Fil. fak. u Zagrebu II, 1954, 226—244; P. Skok »Tomo Maretić«, Ljetopis JA 54, 1949, i 56, 1952; M. Deanović »Milan Rešetar«, Ljetopis JA 54, 1949, 336—361; J. Jernej »Podrijetlo Jakova Mikalje«, Zbornik radova Fil. fak. u Zagrebu I, 1951, 613—628, i »O Nikoli Beliniću Istraninu«, Zbornik radova Fil. fak. II, 1954, 209—218. U većini tih radova dana je temeljita analiza naučnog rada navedenih slavista.

Štampano je i više dobrih rječnika našega i nekog slavenskog ili neslavenskog jezika. Za nas je najvredniji J. Benešića »Hrvatsko-poljski rječnik«, Zagreb, 1949. Prednost je toga rječnika pred ostalima, što je u svakoj riječi našega jezika označen akcenat. Drugi su rječnici: H. Barić »Rečnik srpskoga ili hrvatskoga i arbanaskog jezika«, Zagreb, 1950; M. Drvodelić »Hrvatsko-engleski rječnik«, Zagreb, 1953; A. Hurm »Njemačko-hrvatski rječnik s gramatičkim podacima i frazeologijom«, Zagreb, 1954; R. Filipović »Enciklopedijski englesko-hrvatski rječnik«, Zagreb, 1955; B. Klaić »Rječnik stranih riječi«, Zagreb, 1951. Najvažnije djelo te vrste jest „Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika", što ga je na oko 1000 strana izradio P. Skok. Taj će rječnik uskoro u štampu. I Julije Benešić izrađuje »Rječnik novije hrvatske književnosti«. Dosada je završio do slova n.

Više je radova napisano i o našim starim, dosada neštampanim, rječnicima i dana je njihova analiza. Prvi je takav rad: Lj. Jonke »Dikcionar Adama Patačića«, Rad JA 275, 1949. U tom je radu pisac osvijetlio rukopisni kajkavski rječnik iz XVIII. stoljeća. Marko Kosor u Radu JA 303, 1955. prikazao je trojezični rječnik fra Josipa Jurina iz kraja XVIII. stoljeća. Jurin daje leksičko blago uglavnom iz područja šibenske okolice. Tomo Matić u raspravi »Prva redakcija Tanclingerova rječnika«, Rad JA 293, 1953, 253—279, utvrđuje, koje je riječi pisac unosio iz pojedinih naših dijalekata. Mnoge se od tih riječi ne nalaze u Rječniku JA.

Tanclinger je svoj trojezični rječnik pisao, da »hrvatski jezik zaštiti od bujice talijanskih tuđica i da suzbije klevetu, da je naš jezik neplodan i ubog«. Bilo je interesa i za našu stručnu i naučnu terminologiju. Pored manjih radova potrebno je spomenuti rad Lj. Jonkea »Šulekova briga o hrvatskoj naučnoj terminologiji«, Zbornik radova Fil. fak. u Zagrebu II, 1954, 67—81.

Zagrebačke filologe zanimale su i stare gramatike, koje se dosada čuvaju u rukopisu. Jedan od boljih radova te vrste jest »Trojezična gramatika fra Josipa Jurina«, Rad JA 295, 1953, 41—56. U tom je radu Marko Kosor prikazao i ocijenio gramatiku fra Josipa Jurina iz Primoštena u kotaru šibenskom, koju je napisao krajem XVIII. stoljeća. To je zapravo gramatika latinskoga jezika napisana pretežno hrvatskim jezikom, a namijenjena potrebama franjevačke omladine u Dalmaciji. Hrvatski joj je naslov »Slovkinja slavnoj slovinskoj mladosti diačkim, ilirićkim i talianskim izgovorom napravljena s naukom i trudom O. Josipa Giurina.«

I o naseljima u vezi s narodnim govorima izdao je veliko životno djelo Stj. Pavičić »Podrijetlo hrvatskih i srpskih naselja i govora u Slavoniji«, Djela JA, knj. 47, 1953. Rasprava prof. Pavičića plod je proširivanja i produbljivanja njegovih ranijih radova »O govoru u Slavoniji do velikih seoba u XVI. i XVII. stoljeću«, Rad JA 222, Zagreb 1921. i »Vukovska župa u razvitku svoga naselja od XIII. do XVIII. vijeka«, Hrvatska naselja, Zagreb 1940. U tom djelu pisac analizira jezične osobine u Slavoniji, koje su kroz stoljeća utjecajem govora doseljenika iz različitih krajeva formirale današnji slavonski govor. Naročitu pažnju posvetio je pisac refleksima glasa ě i drugim glasovnim crtama, koje su nastale ukrštavanjem osobina štokavskog, čakavskog i kajkavskog dijalekta na tom terenu.

Iz područja metodike nastave hrvatskog ili srpskog jezika štampano je više manjih radova u »Školskim novinama«, koje izlaze u Zagrebu, u »Pedagoškom radu«, što ga poslije rata izdaje pedagoško društvo Pedagoško-književni zbor, u časopisu »Jezik« i u »Radovima« Pedagoškog instituta Fil. fakulteta u Zagrebu, Zagreb 1950. Potrebno je posebno spomenuti djelo: R. Poljanec »Govorne i pismene vježbe u nastavi materinjeg jezika«, Zagreb 1951.

Rad zagrebačkih slavista ne bi bio potpuno prikazan, kad se ne bi spomenulo, da gotovo svi sudjeluju u izradi enciklopedijskih izdanja Leksikografskog zavoda FNRJ. Rade i na novom izdanju jedinstvenog »Pravopisa srpskohrvatskog jezika« i »Rječnika suvremnog hrvatskog ili srpskog književnog jezika«, što ih priređuju zajednički Matica Hrvatska u Zagrebu i Matica Srpska u Novom Sadu.

To bi bio pregled važnijih djela i rada hrvatskih slavista.

ANTON BAJEC

SLOVANSKO JEZIKOSLOVJE V SLOVENIJI OD OSVOBODITVE DO DANAŠNJEGA DNE

Med okupacijo je slavistika v Sloveniji domala zamrla. Umrl je tudi eden njenih najodličnejših predstavnikov dr. Anton Breznik (1944). Edini pomembni deli v tem razdobju sta bili Nahtigalov Euchologium Sinaiticum I, II (1941, 1942) in Ramovševa razprava o fonetični vrednosti praslovanskega ě (Razprave Akademije znanosti in umetnosti v Ljubljani 1944).

Po osvoboditvi je bilo treba vse lingvistično delo na novo organizirati, postaviti na širše osnove in mu določiti smernice. Vse to delo je izvršil do svoje prezgodnje smrti sekretar Slovenske akademije znanosti in umetnosti (SAZU) prof. dr. Fran Ramovš. Pri SAZU so bile ustanovljene naslednje komisije: Zavod za kulturo slovenskega jezika, Inštitut za slovenski jezik, Komisija za etimološki slovar, Komisija za slovar slovenskega knjižnega jezika, Odbor za lingvistični atlas slovenskega jezika, Odbor za historično-topografski leksikon srednjeveške Slovenije, Odbor za slovar slovenskih priimkov, Terminološka komisija (Prim. Letopis SAZU II 1947 in Letopis SAZU III 1949). K sodelovanju pri tem obširnem programu je bila pritegnjena večina starejših slavistov.

Vzporedno s tem je šlo delo na novo oživljenega Slavističnega društva v Ljubljani. Le-to je začelo l. 1948 izdajati kot nadaljevanje predvojnega Slovenskega jezika pod uredništvom prof. dr. Antona Ocvirka Slavistično revijo, ki je dosegla pomembno višino že takoj v naslednjih letih, ko je Slavistično društvo vskladilo svoje napore z delom SAZU.

Zelo pereče je postalo vprašanje znanstvenega pomladka, saj ga je bilo treba šele vzgojiti. Temu namenu je služilo prikazovanje dela, ki so ga izvršili pionirji slavistike in slovenistike: Rajko Nahtigal, Jerneja Kopitarja spisov II. del, Ljubljana 1945; Rajko Nahtigal, Trdina o Miklošiču. Prispevek k Miklošičevi karakteristiki (Slavistična revija – SR 1950). Nahtigalovo 70-letnico je SR proslavila z njemu posvečenim prvim snopičem letnika 1948, posebej še s člankom Rudolfa Kolariča, Prof. dr. Rajko Nahtigal. Življenje in delo. Bibliografski pregled tega dela je podal Zvonko Bizjak. Enako je posvečen III. letnik 60-letnici prof. dr. Frana Ramovša (SR 1950, 3—4). V njem je slavljenčevo delo ocenil France Bezlaj, bibliografijo njegovih del pa je podal Zvonko Bizjak.

Za izobrazbo znanstvenega naraščaja se je še prav posebno zavzel nestor slovenskih slavistov prof. Rajko Nahtigal, saj ga je k temu narav-

nost klicalo polstoletno znanstveno in pedagoško delo. Izdal je knjigo Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči (Ljubljana 1946). Enako je vsakemu začetniku neogibno potreben Nahtigalov Uvod v slovansko filologijo (Ljubljana 1949, $6^1/_2$ tiskovnih pol). V njem podaja kratek zgodovinski pregled, pojem in obseg slovanske filologije z najpotrebnejšo bibliografijo. L. 1952 so izšli v drugi, popravljeni in pomnoženi izdaji Nahtigalovi Slovanski jeziki. Knjiga ima 23 tisk. pol in obravnava slovanske jezike v njih skupnosti in medsebojnem razmerju. Sprva namenjena slušateljem domačih univerz, je to ozko začrtano področje kmalu močno prerasla. Posebno vrednost ji daje obširna bibliografija.

Splošnih načel jezikoslovja se je dotaknil Nahtigal v članku Trenja v ruski lingvistiki, kjer prikazuje Marrovo новое учение о языке in pomen Stalinovega posega.

1. FONETIKA

Po ogromnem delu, ki ga je v fonetiki in morfologiji opravil Ramovš, se zdi, kakor da mlajši rod nima kaj dodati, zato so se glasoslovna in oblikoslovna vprašanja v tem razdobju bore malo obravnavala. Predvsem je omeniti W. K. Matthewsa članek v Ramovšu posvečeni številki SR 1950, The fonetic value of jat' in old russian. Pisec prihaja do zaključka, da je glasovna vrednost jata nihala nekje med *i* in *a* ter da je bila verjetno različna po narečjih in poudarku.

Jakob Šolar, Spirantični nosnik v slovenščini (SR III 1950). Avtor kaže na osnovi kimografskih zapiskov, kako se je nazal pred spirantom spirantiziral in katere glasovne spremembe utegnejo temeljiti na tem pomembnem pojavu.

Fran Ramovš je v razpravi Osnovna črta v oblikovanju slovenskega vokalizma (SR IV 1951, 10 strani) jedrnato povzel svoja dognanja o naselitvi alpskih Slovanov in o nastanku slovenščine ter podčrtal nje značilne posebnosti: oženje in diftongiranje dolgih vokalov, kvantitetna ali kvalitetna redukcija kratkih vokalov.

Zadnja Ramovševa študija O splošnih slovenskih pojavih pri protezi in hiatu (SR V–VII 1954) je bila objavljena že po avtorjevi smrti. Obravnava rabo protetičnih konzonantov j, w, v, h, g, ɣ v slovenščini.

2. MORFOLOGIJA

Iz zgoraj omenjenega vzroka je tudi ta veja jezikoslovja prilično slabo zastopana: Fran Ramovš, Končnici dat. in lok. pl. *i*-jevske sklanje v slovenščini (SR II 1949, 8 strani). Prvotna oblika *ljudə̀m* je pod vplivom oblike *možȅm* prešla v *ljudȅm*. Tudi v lok. se je posplošilo obrazilo *-eh* od *o*-jevske deklinacije. V narečjih je še ohranjena intonacijska in kvalitetna razlika (ljudȅm: ljudȅh).

A. Vaillant, La flexion verbale dans la glagolite croate (SR III 1950, 9 strani). Avtor kaže po Vajsovih izdajah, kako so se v hrvatski cerkveni slovanščini dolgo ohranile oblike, ki veljajo v stcsl. za arhaične.

L. 1952 je izšla v Ljubljani Morfologija slovenskega jezika (10 pol), ki so jo slušatelji priredili po predavanjih prof. Ramovša. Predavatelj je korekture sicer pregledal, vendar ga je bolezen pri tem močno ovirala. Tako je ostala še marsikatera nedognanost in nedoslednost, tudi je znano, da je Ramovš v predavanjih dosti več zajel; vsekakor je knjiga dragocen pripomoček za študij slovenskega oblikovja.

3. SINTAKSA

O slovenski sintaksi ni bilo povedanega nič novega. Dela se nanašajo bodisi na splošno jezikoslovje ali na druge slovanske jezike. France Bezlaj, Doneski k poznavanju glagolskega aspekta (SR I 1948, 23 strani). V prvem delu podaja historiat dosedanjih pogledov na genezo slovanskih aspektov. V drugem delu kaže, kako se prepletajo stopnje dovršnosti in determiniranosti s posebnimi primeri: raba dovršnikov v prohibiciji; nedovršnega sedanjika za futur; afektivni sedanjik; lokalni adverbi nastopajo v funkciji preverbov; okoliščine, v katerih poteka dejanje.

A. Belić, Sintaksički, morfološki i semantički odnosi u jeziku i u gramatici (SR III 1950, 8 strani). To je odlomek daljše študije, ki razmejuje nauk o besedah od skladnje. Besednih vrst ne smemo mešati s stavčnimi členi. Besedne vrste so rezultat zgodovinskega razvoja. Potencialni karakter besedi. Jezik je izraz mišljenja po vsebini, a mišljenje je odraz tistega, kar obstaja v naravi. Slovnica razkriva zakone, ki ovladujejo možno realizacijo tistega, kar se dogaja v misli.

Stjepan Ivšić, O značenju prijedloga *sȕ* s akuzativom u slavenskim jezicima (SR III 1950, 10 strani). V primeru *s onu stranu* je tako vezanje predloga nastalo potem, ko je nekdanji akuz. cilja *stranu* okamnel. *Obistran* in *obapol* sta iz nekdanjega duala. Predlog *sȕ* lahko izraža tudi mero. S tem je avtor razložil dva temna Maruličeva verza.

Stanko Škerlj, Enunciacija, stavek, predikat (SR III 1950, 10 strani). Analiza psihičnega substrata kaže, da je treba upoštevati razliko med enunciacijo in stavkom. Brez poznanja psihološkega substrata ne moremo določiti resničnega pomena sintaktičnih oblik govora. Človeški duh išče potov, da bi čim jasneje izrazil psihični substrat, vendar je pri tem vezan na stereotipizacijo danih oblik govora.

Milan Grošelj, Abundantni refleksivni zaimek in medij (SR III 1950, 6 strani). V bistvu je to dat. commodi, izraz za afekt. Afekt je tudi vzrok medialnemu futuru v grščini, saj je osnovni pomen medija afekt.

France Jesenovec, Iz sintaktične in stilistične rabe povratnosvojilnega zaimka svoj (SR V–VII 1954, 10 strani). Obravnava nekatere posebnosti rabe v knjižni slovenščini in razlaga njih nastanek.

4. TVORBA BESEDI

To poglavje je bilo v slovenščini od Miklošičevih časov sem zelo zanemarjeno. Temu je skušal odpomoči Anton Bajec, Besedotvorje slovenskega jezika. I Izpeljava samostalnikov (SAZU 1950, 8 pol). Obravnava

sklanjatvene in sestavljene pripone po karakterističnih konzonantih z izključnim poudarkom na njih pomenu, tvornosti in rabi v knjižnem jeziku. Miklošičev material je izpopolnjen z gradivom iz Pleteršnikovega slovarja in na novo narejenih besed.

Rudolf Aitzetmüller, Ein baltisch-slavisches Elativsuffix und seine Entsprechungen in den übrigen indogermanischen Sprachen; der griechische Superlativ auf *-atos/-tatos* (SR III 1950, 8 strani). Slovanski in baltski jeziki uporabljajo sufiks *-nt-* za elativno izražanje, verjetno tudi hetitščina. Na to navezuje tudi grški *-atos* z elativno in komparativno funkcijo.

Linda Sadnik, Zur Frage des slavischen *-ěno-* Suffixes (SR III 1950, 4 strani). Pri razlagi slovanskega sufiksa *-ěno-* snovnih pridevnikov je misliti tudi na indoevropski sufiks *-oino-*, ki je v baltščini in iranščini zelo pogosten in ima isto funkcijo.

Józef Trypučko, O pewnej nie dostrzeżonej funkcji przedrostków czasownikowych w języku rosyjskim (SR III 1950, 16 strani). So preverbi, ki jih ne moremo šteti ne med „polne" in ne med „prazne". Avtor jih naziva „preverbe tretje funkcije". Rabijo se zlasti v ljudski poeziji in so izraz čustvene razgibanosti. Imajo pri glagolu isto funkcijo kakor deminutivni in hipokoristični sufiksi pri nominih.

Anton Bajec, O pridevniških obrazilih *-in*, *-ov* (SR 1950 III, 8 strani). Pripona *-inъ* še danes kaže na osebno svojino, *-ovъ* pa je bil prvotno fleksijski element, ki je šele postopno prevzel pomen svojilnosti.

Anton Bajec, Besedotvorje slovenskega jezika. II Izpeljava pridevnikov. III Zloženke (SAZU 1952, 8 pol). Obravnava pridevniške pripone s posebnim ozirom na še danes tvorne v knjižni slovenščini. Razmejuje rabo pripon, ki zaznamujejo svojilnost, lastnost, podobnost, obilico, snov, izvor, možnost in manjšanje. V poglavju o zloženkah kaže nastajanje sklopov, imperativnih, posesivnih in glagolskih zloženk. Iz gradiva ljudskih zloženk, navedenega v celoti, se dá posneti, da sta danes tvorni samo zadnji dve zvrsti.

Anton Debeljak, O mrtvih velarnih predponah (SR V – VII 1954, 8 strani). Razpravlja o čustvenih predponah *ka-*, *ga-*, *ko-*, *go-*, *g-*, *ha-*, *če-*, *še-*, *ško-* v slovenskih ljudskih besedah.

Anton Bajec, Prislovni paberki (SR V – VII 1954, 2 poli). Obravnava slovenski prislov po njega nastanku v poglavjih o partikulah, izimenskih, predložnih in izglagolskih tvorbah. Posebno poglavje posveča adverbom na *-oma* in *-ьsky*. Navaja tudi prislove iz neslovanskih jezikov.

5. AKCENTOLOGIJA

To je menda izključna domena Ramovševa. Pripomniti je treba, da velika večina Slovencev in torej tudi slovenistov v svojem narečju ne loči več intonacij. Res je tudi, da je analogija tako prepletla akcentske pojave, da jih je čedalje teže razvozlavati.

Fran Ramovš, O praslovanski metatoniji (SR IV 1951, 5 strani). Omenja pojave v določenih besednih vrstah ali fleksijskih oblikah, ki kažejo na metatonijo, in ugotavlja pogoje za to. Novi akuti in cirkumfleksi so bili

pretežno ekspiratorni, zato so vokali pod njimi kvantitativno pridobili, kakor se da pokazati na slovenskih zgledih. Novi akut se dá razložiti s konfliktom med melodijo starega cirkumfleksa in akcentom determinante. Metatonija je praslovanski fonetični pojav, ki pa so ga številne analogije močno zapletle.

Fran Ramovš, Relativna kronologija slovenskih akcentskih pojavov (SR III 1950, 7 strani). Avtor opisuje naravo prvotnih šest slovenskih akcentov. Akcentski premiki *zlâto* > *zlatô*, *dušà* > *dúša*, ponovno podaljšanje prvotnega akuta *kràva* > *kráva*, odvisnost vokalov od kvantitete, vse to omogoča v slovenščini približno datiranje akcentskih pojavov. Kronologijo podaja v sedmih točkah, najvažnejše med njimi so: *kráva* > *kràva* 7—8. stol., *kõlo* > *kôlo* > *kolô* v 10. – 11. stol., *dušà* > *dúša* v 12. stol., *bràta*, *vòlja* > *bráta*, *vólja* konec 14. stol., prehod *ženà* > *žẹ́na* je mlajši in še ni izveden v vseh dialektih.

6. ETIMOLOGIJA

Živo je zanimanje za etimološko raziskovanje. Rajko Nahtigal, Rusko бразда 'brazda' in бразда 'brzda' (SR II 1949). Oboje je cerkvenoslovanskega izvora. Iz brъzda > rus. csl. бpозда > po akanju бразда.

Fran Ramovš, Csl. *oslъnoti* 'esurire', slov. *sla* 'fames, cupido, libido' in *snagolten* 'avidus' (SR II 1949). Iz **sъld-ja*, prim. germ. *sweld-*, je slov. *slja*, *sla*. Iz **slnogltьnъ* > slov. *sənogoltən* > po ljudski etimologiji *samogolten*.

Fran Ramovš, Trubarjevo *od mladiu* 'a puero' (SR II 1949). Izvaja iz od *mladьju nogu*. Megiserjev zapisek *od mladesnogu* 'von kindswesen auf' kaže kontaminacijo z izrazom *od mladezni*.

Stjepan Ivšić, Značenje turske riječi *tutsaq* 'ratni zarobljenik' u hs. riječi tûcak (SR III 1950). Ko je v svojem pomenu obledela, so jo krivo naslonili na domači glagol *potucati se* in dobila je pomen 'prosjak'.

Rajko Nahtigal, *žrẽc* (SR III 1950). Popravlja članek nekega laika in podčrtava razloček med *žrti*, *žьrǫ*, lit. *girti* ter med *žrẽti*, *žьrǫ*, lit. *gérti*.

Fran Ramovš, Trubarjevo *hpomozhian* 'na pomoč' (SR III 1950). To je s sufiksom *-ьňь* adjektiviziran adverb *k pomoči*, torej **hpomočianje*.

Walter Steinhauser, Die altslavische Landstörzerin *sraka* (SR III 1950, 5 strani). Beseda je iz arabskega *šarq* bodisi direktno bodisi preko romanskega *sarca* in albanskega *šarke*.

B. O. Unbegaun, Slovène *opasen* et son prototype russe (SR III 1950). Beseda je prevzeta iz ruščine preko sh. jezika. Rus. опас pomeni 'previdnost, varnost, varnostno spremstvo' in je izvedenka od glagola *pasti*. Kdor je popotoval без опасу, je bil безопасный, iz tega pa se je lahko razvil obojni pomen 'varen' in 'nevaren'.

Giovanni Maver, *Kanâta* (SR III 1950, 5 strani) pomeni 'pojedino' in je iz roman. *cenata*. V kulturnem oziru se dá primerjati z izposojenkami iz srvnem. *litkouf*.

Josef Matl, Zur Frage der semasiologisch-kulturhistorischen Erforschung der Lehn- und Fremdwörter im Slovenischen (SR III 1950, 8 strani). Slavisti bi morali posvetiti več pozornosti jezikovno-kulturnim problemom.

Govori o prevzemanju besed na splošno in ugotavlja, da so ljudstvu bolj domače tujke kakor pa knjižno uvedeni izrazi. Prevzemanja tujk često ni povzročila potreba, marveč moda.

Petar Skok, Prilog ispitivanju predrimskih leksičkih ostataka u slovenačkom i srpskohrvatskom jeziku (SR III 1950, 6 strani). Obravnava besede *bajta, brenta; konablja; gudura; golida; košuta; grič, griža, hrid, hrib.* V obeh jezikih so poleg romanskih besed tudi take, ki izhajajo naravnost od Ilirov, Japodov in Karnov.

Tomo Matić, Leksički pabirci iz starih čakavskih pisaca (SR IV 1951, 6 strani). Zoraničev izraz iz Planina je treba brati *rignihu;* Barakovićev *reniše* je od glagola *gnati* in pomeni 'Blätter treiben', pa ni germanizem. Mrnavićeva *mocira* je iz *maceria.*

Santeri Ankeria, Beseda *'semja'* v ruskih bilinah (SR IV 1951) se rabi evfemično za ženo, za moža pa se rabi *semejuška, laduška, deržavuška.*

Santeri Ankeria, Rusko маймист (SR IV 1951) izvaja iz estonskega maimõista 'ne razumem'.

Jakob Kelemina, Langobardski spomini pri Slovencih (SR IV 1951, 20 strani). V prvem delu obravnava stike med furlansko vojvodino in Slovenci. Skuša določiti obseg Ravennatove Carneole na podlagi krajevnih imen ter izposojenk. Ugotavlja retoromanskim ustrezne slovenske glasove. Posebej obdela važni imeni Cagellia in Medaria. Večina langobardskih izposojenk je prevzeta s posredovanjem romanskega življa ter se tiče javnega življenja in inštitucij (fara, caf, fant, gaj, rubiti, vadljati). Tudi med osebnimi imeni imamo langobardska.

Milan Grošelj, Neizkoriščene glose (SR IV 1951). Iz Hesihijevih glos se dá osvetliti ime Bosna; γολεινὰ je najbližje sorodstvo slovanskemu *zelen,* verjetno s sufiksom *-oi-no-.*

Petar Skok, Grk (SR V—VII 1954, 10 strani). Staro ime Ἕλλην je krščanstvo' zavrglo kot pogansko, romanski živelj na Balkanu je zanj prevzel epirsko γραικὸς kot *graecus.* Južnoslovanski *grьk-* proti severnoslovanskemu *grek-* razlaga iz različne vokalne kvalitete v *gręcus* in *gręcęscus.*

Milan Grošelj, Etyma slavica (SR V—VII 1954). Slovanski *prazdьnъ* veže na het. *parš-* 'bežati' in germ. **ferzjan* 'oddaljiti'; slov. *trebuh* na lat. *strebula,* grš. στρεβλός; slov. *velik* veže s Hesihijevo gloso ἕλικον; slov. *votel* ima isti koren kakor het. *hant-eššar* 'Loch, Grube'.

Bojan Čop, Etyma balto-slavica I (SR V—VII 1954, 11 strani). Podaja kot nadaljevanje študije v Živi antiki razlago za slovansko *chajǫ, juriti, sъměti, sotiti,* let. *vaĩrs.*

E. Ellis, Russian words in contemporary czech (SR V—VII 1954). Analizira kronologijo, obliko in pisavo ruskih izposojenk v češčini.

7. ONOMASTIKA

S prejšnjo skupino je tesneje povezana onomastika, nekaj gradiva je bilo torej že zgoraj obdelanega. Večina člankov je priložnostnega značaja, posebej pa moram opozoriti na Bezlajevo sistematično raziskovanje na tem področju.

Rajko Nahtigal, O imenu Косьl'ъ (SR II 1949). Ne more sprejeti izvajanja imena iz *kotъ* 'maček', ki ga je podal Ján Stanislav, in vztraja pri svojem poprejšnjem mnenju, da je ime stvnem. izvora.

Fran Ramovš, O imenu Admont (SR III 1950). Proti Vasmerjevi razlagi iz* *otъmǫtъ* in Brandensteinovi o ilirskem izvoru podkrepljuje z novimi dokazi Štrekljevo razlago iz **vodo-mǫtъ*.

Rajko Nahtigal, Rasticь za Rastislav (SR III 1950) odklanja Vaillantovo mnenje, da je *Rasticь* stvnem. hipokoristikon.

Milko Kos, Pustota (SR III 1950, 8 strani). To je termin agrarnogospodarskega življenja od srednjega veka dalje na ozemlju oglejskega patriarhata in goriške grofije. Pomeni neobdelano, opuščeno kmetijo. Besedo so prevzeli tudi Furlani.

Jakob Kelemina, Kazaz, Kosez (SR III 1950). Besedo, ki danes ni več apelativ, izvaja iz latinske pravne terminologije pri Longobardih, iz *casagium*. Ta izvedenka od *casa* je na slovenskih tleh zabeležena l. 969.

Richard Ekblom, Drei slavische Ortsnamen altnordischen Ursprungs (SR III 1950, 7 strani). Izvaja imena *Olbiąg*, *Ljubjazь* iz staronordijskega *ælβingR 'majhna reka'.

Wilhelm Brandenstein, Haupt- und Nebenfluss (SR III 1950, 4 strani) kaže, kako si jezik pomaga pri označevanju rečnih imen, kadar se reka cepi na dvoje.

Henrik Barič, Ime reke Bojane (SR III 1950, 5 strani). Prvotno ime Barbanna iz **barb-* 'blato' je dalo še pred albansko-slovanskim stikom po disimilaciji **baganna*, iz tega Bo(j)ana. Ime je bilo prevzeto pred albanskim akcentskim premikom.

Ernst Dickenmann (SR III 1950) podaja oceno knjige: Stefan Hrabec, Nazwy geograficzne Huculszczyny.

Jakob Kelemina, Ljubljana. Imenoslovna študija. (Razprave SAZU 1950, 16 strani). Izhodišče njegove razlage je adj. *ljub-* s sufiksom *-ja* ter amplifikacijo *-no-*. Razlaga tudi tuja imena Lebra, Leopach, Lybac, Liubach.

Milko Kos, O prevzemu antičnih imen na slovenskem ozemlju (Ephemeridis Instituti archaeologici bulgarici 1950, 9 strani). Navaja vse zadevno toponomastično in hidronimično gradivo.

Rajko Nahtigal, Dudleipa (Dudlěba): Dudlěbi — Dulębi (SR IV 1951) podaja pregled dosedanjih razlag in predlaga novo: ime je sestavljenka z germ. *-aib-* 'pagus' v drugem delu, v prvem je ime za glasbilo *dudla*.

Fran Ramovš (SR IV 1951) ocenjuje knjigo: Ernst Dickenmann, Studien zur Hydronimie des Savesystems.

Petar Skok, Miklošičevo zanimanje za slovenačku toponomastiku u Furlaniji (SR IV 1951) kaže, kako je veliki slavist zbiral toponomastične podatke.

Stanko Bunc, Pogled v slovensko onomastiko (SR IV 1951, 10 strani). Najprej podaja pregled dosedanje strokovne literature, potem klasificira rodbinska imena v krstna, krajevna, stanovska in šaljive vzdevke.

Fran Ramovš, Iz slovenske toponomastike (Zgodovinski časopis VI—VII 1952—53) obravnava krajevna imena Ohonica (< olša), Kompolje (kom + polje), Skaručina, Vrhnika (vrh + nyrka), Ljubljana — Laibach (Laibahha).

France Bezlaj, Sinonima za 'locus fluminis profundior' (SR V—VII, 1954, 18 strani). Obravnava okoli 40 izrazov, med njimi z vso pripadno druščino *vir*, *pleso*, *bač*, *jarin*, *okno*, *oko*, *kotla*, *tonja*, *globodnica*, *tomf*. Svojo razlago daje za *verij* in *tolmun*, za Admont sprejema Vasmerjevo.

France Bezlaj (SR V—VII 1954) podaja temeljito oceno publikacij: Rudolf Badjura, Ljudska geografija (18 strani); Gunter Glauert, Deutsche und slovenische Hof- und Geländenamen im Bereich der Wasserscheide zwischen Drau, Sann und Save; revija Carinthia I 140, 1950. Pri oceni često nakazuje nova pota.

France Bezlaj, Zanimivosti iz toponomastike (Pogovori o jeziku in slovstvu, Maribor 1955, 1 pola). Predavanje informativnega značaja na zborovanju slovenistov v Mariboru. Opozarja na široko področje slovenske toponomastike, ki je še domala neobdelano.

8. DIALEKTOLOGIJA

Dialektologija je v zadnjem desetletju doživela pravi razcvet. To je posledica srečne Ramovševe zamisli, kako naj se pripravlja lingvistični atlas Slovenije. Tine Logar po nalogu SAZU na terenu sistematično proučuje narečja in je doslej zbral že nemalo dragocenega gradiva. Marsikaj, kar je Ramovš samo slutil, je tako doživelo potrditev, odkrivajo pa se tudi popolnoma nova jezikovna dejstva, ki jasneje osvetljujejo celo tako zamotane stvari, kakor je kolonizacija. Priznati je treba, da se je sistematični študij slovenskih narečij začel še komaj o pravem času, zakaj naša narečja so jela naglo giniti. Temu je krivo silno spremešavanje v dobi osvobodilnega gibanja, še več pa prodiranje kulture in civilizacije do zadnjih gorskih vasic. V Sloveniji danes skorajda ni več nepismenosti, vpliv knjižnega jezika se iz časnikov naglo širi med ljudstvo in preobraža jezik v nekakšno *xoivή*.

Franc Ramovš, O pomembnosti nekaterih pojavov v slovenskih narečjih na Koroškem (Koroški zbornik 1946, 8 strani).

Lucien Tesnière, Les voyelles nasales slaves et le parler slovène de Replje (SR III 1950, 5 strani). Omenjeni govor ima čiste nazalne vokale brez konzonantskega elementa in s tem kaže na prvotni izgovor slovanskih nosnih vokalov.

Arturo Cronia, Contributi alla dialettologia slovena (SR III 1950, 6 strani). Obravnava čakavizme v terskem narečju in le-tega izumiranje ter reflekse nosnikov v nadiškem dialektu. Predlaga novo delitev kraškega.

Mate Tentor, Leksička slaganja creskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika (Razprave SAZU 1950, 26 strani). Zanimiv prispevek iz čakavskega besednega zaklada.

Janko Kotnik, Štekanje (SR III 1950). Določa meje temu koroškemu pojavu. Razlaga ga tako kakor Štrekelj iz *viš tu* > *vštu* > *štu*.

Tine Logar, Obsoško-nadiška dialektična meja (SR IV 1951, 15 strani). S tem se začenja vrsta pomembnih študij, ki jih je rodilo delo za dialektološko karto.

Tine Logar, Dialektološke študije (SR V – VII 1954, 25 strani). Na osnovi narečnega gradiva ugotavlja, od kod se je izvršila kolonizacija gornje Savske, Tuhinjske in Savinjske doline. Nadalje obravnava arhaične reflekse nazalov v Soški dolini.

Rudolf Kolarič, Slovenska narečja na Štajerskem (Pogovori o jeziku in slovstvu, Maribor 1955, 8 strani) podaja delitev in karakteristiko narečij po Štajerskem na osnovi dosti obilnejšega gradiva, kakor ga je imel na razpolago Ramovš. Zanimiva razlaga krajevnih imen na *-ci, -ovci*.

Tine Logar, Karakteristika štajerskih govorov južno od Konjiške gore in Boča (Pogovori o jeziku in slovstvu, Maribor 1955, 5 strani). Razbira vpliv geomorfoloških, zgodovinskih, upravno-političnih in cerkvenoupravnih faktorjev na to narečje.

9. STAROŽITNOSTI

S področja mitologije je zabeležiti samo Franceta Bezlaja oceno, Nekaj besed o slovanski mitologiji (Slovenski etnograf III – IV 1951). Avtor odklanja Grafenauerjevo in podobno Gasparinijevo misel o prvotnem slovanskem monoteizmu, enako tudi Machkov poskus, vskladiti jo s Schröderjevimi zaključki in Kretzenbacherjevo hipotezo o vplivu germanske mitologije na slovansko.

10. SPOMENIKI

Zelo bogata je spomeniška literatura. Pomembno je osvetljevanje jezikovnih problemov v spomenikih s teološke plati.

Rajko Nahtigal, Nekaj pripomb k pretresu Hrabrovega spisa o azbuki Konstantina Cirila (SR I 1948, 14 strani). Ugotavlja, na katero pismo je mislil Hraber, in razpravlja o imenih Rastic in Blatograd.

Franc Grivec, O cerkvenoslovanskih prvinah v drugem frisinškem spomeniku (SR II 1949, 12 strani). Dokazuje, da je drugi brižinski spomenik delo Cirilove in Metodove šole. Na vzhod kažejo zlasti izrazi *slzno telo, bzzredu* (= po čredu), *eže* namesto grškega artikla.

Anton Bajec je v SR II 1949 ocenil knjigo: A. V. Isačenko, Jazyk a pôvod frizinských pamiatok. Odklanja avtorjevo tvegano trditev, da je Adhortatio (2. brižinski spomenik) po slovaščini vplivana stara cerkvena slovanščina in kraj nastanka Nitra.

Mirko Rupel, Vpliv protestantskega literarnega dela v Kastelčevih bratovskih bukvicah (SR II 1949, 15 strani). Ugotavlja, da si je Kastelec izposodil vrsto protestantskih tekstov in jih po svoje dokaj slabše prenaredil.

Rajko Nahtigal, Отьčьsky kъńigy (Razprave SAZU 1950, 24 strani). Avtor jih išče v prototipu Glagolita Clozianus.

Fran Grivec, Pohvala sv. Cirilu in Metodiju (Razprave SAZU 1950, 30 strani). Pisec ugotavlja avtorstvo Konstantina Bolgarskega, morda ob sodelovanju Klimentovem.

Fran Grivec, O težkih mestih v Clozovem Glagolitu (Razprave SAZU 1950, 5 strani). Osvetljuje nekatera temna mesta vzporedno z Vaillantom in Vašico.

Jakob Šolar, Vorenčev slovar (SR III 1950, 7 strani). Delo je kopija Kastelčevega slovarja.

Francè Grivec, Frisingensia (SR III 1950, 20 strani). Prinaša zanimive teološke pripombe k temnim mestom: *se mil tvoriv*; *česti jih pijem*; *spasi me v vsem blaze*; *posledine balovanije*; *prinizse ogni petsachv*.

André Mazon, Quatre fragments d'évangile de la Macédonie méridionale (SR III 1950, 11 strani). Avtor analizira svetopisemski tekst v govoru domačina iz vasi Gorenci.

Roman Jakobson, О стихотворных реликтах раннего средневековья в чешской литературной традиции (SR III 1950, 7 strani). Pesem „Hospodine, pomiluj ny" je stcsl. izvora v češki redakciji.

Rajko Nahtigal, Slovo o polku Igoševě (SR III 1950, 28 strani). Avtor daje odlomek iz slovenske prireditve izdaje.

Francè Grivec, Frisingensia (SR IV 1951, 6 strani) razlaga izraz „po lesu vešahu".

Rajko Nahtigal, Azbučni tabeli pri Bohoriču in v poznejših slovenskih slovnicah ter drugod (Trubarjev zbornik II 1952).

Arturo Cronia, Glagolitica vaticana v Karamanovih „Considerazioni su l'identità della lingua litterale slava" iz leta 1753 (SR V – VII 1954, 10 strani). Opozarja, da so v spisu dragoceni podatki, ki doslej niso bili znani ali dovolj upoštevani.

Rajko Nahtigal, Staroruski ep Slovo o polku Igoševě (SAZU 1954, 9 pol). Podaja zgodovinsko ozadje in jezikovno analizo epa s komentarjem, slovarjem in bibliografskimi podatki. V prilogi ima rodoslovno tabelo ruskih knezov in zemljepisni obris. Tekst je natisnjen v štirih stolpcih: editio princeps 1800 — rekonstruirani tekst — transkripcija — slovenski prevod.

II. MODERNI KNJIŽNI JEZIK

Na področju slovarskega, pravopisnega in pravorečnega kakor tudi slovničarskega dela je bilo desetletje izredno bogato. Ustalile so se ortografske in ortoepske norme.

Mirko Rupel, Slovensko pravorečje (Ljubljana 1946, 7 pol) je prvi sistematski prikaz slovenskega knjižnega izgovora.

Slovenska slovnica (Ljubljana 1947, 20 pol) anonimnega uredniškega zbora, temelječa na Breznikovi četrti izdaji, ureja sodobno slovensko pisanje. Sedaj je v tisku nova, močno predelana izdaja, ki so jo priredili A. Bajec, R. Kolarič in M. Rupel.

L. 1950 je SAZU izdala Slovenski pravopis (v odboru Ramovš, Župančič, Bajec, Kolarič, Rupel, Šmalc, Šolar; 58 tiskovnih pol), ki obsega slovensko ortografijo in ortoepijo. Delo je ostro kritiziral v Novem svetu 1950 Božo Vodušek. Grajal je zlasti izbor besednega zaklada, ki je po njegovem mnenju premalo ljudski in preveč izumetničen. Sledila je burna polemika v dnevnem časopisju, ki ni ostala brez koristi, saj je prispevala k razčiščenju pojmov. Odmev te pravde je poljudna brošura Antona Bajca, Rast slovenskega knjižnega jezika (Ljubljana 1951).

France Tomšič, Nomina agentis v knjižni slovenščini. Opombe ob Slovenskem pravopisu 1950 (SR III 1950, 5 strani). Avtor razbira težave, ki so nastale slovenskemu pisanju in izgovoru zaradi neupravičene zamenjave sufiksov *-vec* in *-lec*. Praktično se kažejo v nedosledni pisavi, v izgovoru *l* in v akcentuaciji tudi v SP 1950. Zadevno gradivo bi bilo treba zbrati in obdelati, nato pa pogumno poenostaviti pisavo in izreko v skladu s tendencami, ki so jele prevladovati v knjižnem jeziku in izgovoru izobražencev.

Ob tej priložnosti bodi omenjeno, da Inštitut za slovenski jezik pri SAZU že več leta ekscerpira po ekscerptorski mreži vse slovenske pisce. Listkov je že okrog dveh milijonov. To bo osnova za bodoči veliki akademijski slovar in za slovar slovenskega knjižnega jezika. Ta zadnji naj bi izšel že v prihodnjih letih. Vodstvo priprave je zaupano Božu Vodušku.

12. RAZNO

Kot obrobno publikacijo je omeniti Frana Ramovša, The national frontier between Slovenia and Italy. Linguistic and social features, Ljubljana 1945.

V okvir splošne lingvistike sodi delo Radivoja Mikuša, A propos de la syntagmatique du professeur Belić (SAZU 1952, 11 pol), ki pa zaradi ostre osebne note in polemičnega tona ni naletelo na razumevanje, ki bi ga morda sicer zaslužilo.

V VIII. letniku SR 1955, ki je že pripravljen za tisk, izidejo pomembne razprave F. Bezlaja o krčevinah z besedno geografijo ledinskih imen v zvezi s krčenjem zemljišča, nadalje T. Logarja dialektične študije o primorskih narečjih in Fr. Tomšiča razprava o skladanju participov. F. Bezlaj referira o Hubschmidovih Alpen- und Pyrenäenwörter in daje dodatne pripombe o takih imenih na slovenskem teritoriju. Še v teku letošnjega leta izide pri SAZU razprava F. Bezlaja, Slovenska vodna imena I.

Slavistično društvo ustanavlja ob podpori Društva književnikov, Društva prevajalcev in Novinarskega društva mesečnik, ki naj bi se ukvarjal s perečimi vprašanji knjižnega jezika.

Iz zgoraj obrazloženega sledi, da sloni lingvistično delo v Sloveniji na skladnem sodelovanju treh najvažnejših činiteljev: akademije, univerze in Slavističnega društva.

БЛАЖЕ КОНЕСКИ

РАЗВИТАК МАКЕДОНСКЕ ЛИНГВИСТИКЕ ПОСЛЕ ОСЛОБОЂЕЊА

Напори на језичком пољу у НР Македонији за протеклих десет година стоје под знаком изградње македонског књижевног језика, који је први пут у новој Југославији добио могућност слободног развитка. Врло је интересантна и у више погледа значајна та појава једног новог јужнословенског књижевног језика, формираног у условима интензивног темпа савременог живота.

Почетком 1945 године коначно је састављена азбука и правопис и утврђена граматичка структура македонског књижевног језика, на основици централних говора. Дошло је то као продужење једне писмене делатности на народном језику којој су почеци у првим деценијама прошлог века. За протеклих десет година слободног живота македонски језик се развио тако брзо да већ претставља тип устаљеног савременог књижевног језика. Томе развитку много је допринела млада македонска славистика.

Рад на изучавању македонског језика усретсређен је пре свега у Семинару за македонски језик при Филозофском факултету у Скопљу, као и у Институту за македонски језик у Скопљу, основаном почетком 1953 године. И поред тога што су ове институције почеле свој рад са врло ограниченим бројем научних радника, постигнути су резултати који претстављају добру основу за даљи развитак македонске лингвистике.

Појава значајне књижице *Македонски правопис* (1945) означила је први захват у нормализацију књижевног језика; *Македонски правопис* који су 1952 г. издали Блаже Конески и Крум Тошев бележи у томе погледу већ један стадијум сталожења норми књижевног језика, што је било постигнуто искуством књижевног стварања и свакодневне језичке праксе.

Природно је што се овде најпре главна пажња посветила питањима обраде материје књижевног језика. Настави македонског језика у средњим школама корисно је послужила *Македонска граматика* Крума Кепеског (I издање 1946 г.). Далеко обухватније излаже се структура македонског књижевног језика у књизи Блажа Конеског *Граматика на македонскиот литературен јазик* (I део 1952, II део 1954).

Опет са наменом да пре свега обрађује питања књижевног језика, и да тиме утиче и на језичку праксу, покренут је јануара 1950 часопис *Македонски јазик*, као орган Катедре за јужнословенске језике при Филозофском факултету у Скопљу. Са својом V књигом (1954) *Македонски јазик* је припојен Институту за македонски језик, а његов карактер је промењен утолико што се у њему не покрећу више питања практичне језичке поуке. На страницама тог часописа објављено је више интересантних прилога граматици књижевног језика — од Б. Конеског, К. Тошева, В. Иљоског, Б. Видоеског, Б. Корубина, Р. Угринове, Т. Димитровског и других.

Покушајима решавања македонског језичког питања у прошлом веку Б. Конески је посветио посебну књигу *Македонските учебници во 19 век* (1949). Појединим моментима у развоју тога питања, као и карактеристикама језика појединих македонских радника у прошлости, бави се низ чланака и прилога који су објављени у часопису *Македонски јазик*. Поменућемо од њих само неколико: *За првобитниот текст на Зборникот од браќа Миладиновци* од М. Петрушевског (MJ III, 2—16), *Настојувањата браќата Миладиновци да напишат македонска граматика* од Х. Поленаковића (MJ III, 22—29), *Најважните погледи и обиди на К. Мисирков* од Б. Корубина (MJ III, 221—239), *Рацин и прашањето за македонскиот литературен јазик* од А. Спасова (MJ IV, 97—104).

Радови посвећени македонској дијалектологији и историји македонског језика објављени су у *Годишњем зборнику* Филозофског факултета у Скопљу, као и у часопису *Македонски јазик*. Тако је Блаже Конески дао опис прилепског говора (ГЗ II); у чланку *Загубата на интервокалното в во западномакедонските говори* (ГЗ I) Конески је упозорио на значај места и карактера акцента у вези са овом појавом којом се позабавило више испитивача западномакедонског наречја; питању средњовековних правописних школа у Македонији Конески је дао прилог у своме раду *Една одломка од XIII век — споменик од Охридската школа* (ГЗ III). Михајло Петрушевски дао је кратак опис једног интересантног говора помака у Малој Реци, у коме је ѫ, као и секундарно развијени тамни вокал, различито замењено у зависности од акцента: *пѫ̀т — пѫ̀тот — пѫ́тишта — пѫ́тѝштата (Неколку црти на говорот од Жиронница*, MJ II, 3—4). У раду *Некои фонетски црти на охридскиот говор од крајот на XIV век* (MJ III, 8—9) Петрушевски анализира гласовни састав неких топонима поменутих у једном охридском натпису на грчком и указује на неколико интересантних података о фонетици овог говора, као што је например тај да се у њему крајем XIV века још чувао посебан изговор јата. Божо Видоески је дао преглед црта више месних говора у Северној Македонији, нарочито у раду *Северните македонски говори* (MJ V, 1 и 2). Више је прилога дато и изучавању тајних професионалних језика, који су у кругу македонских еснафа били необично раширени (уп. Х. Поленаковић, *Прилози кон македонските тајни јазици*, MJ II, 3 и 9—10; О. Јашар-Настева, *Албански зборови во македонските тајни јазици*, MJ IV, 3, 4 и 5—6; Борис Марков, *Прилог кон тајните јазици. Форничкиот говор*, MJ V, 2).

Увођење младих кадрова у научни рад, још у току студија, вршено је углавном на питањима из области македонске дијалектологије. Ради потстицања интереса у овоме погледу Катедра за јужнословенске језике при Филозофском факултету у Скопљу покренула је издавање серије студентских радова, у којој је досад изашло пет бројева, са описом говора: поречког, скопских, маријовског, неготинског и дебарског.

У Институту за македонски језик у Скопљу развија се рад на једном македонском речнику, за којим се осећа велика потреба. Рад на речнику налази се у одмаклој фази, јер се већ приступило коначној редакцији материјала. Један од задатака који је себи поставио Институт јесте вршење колективних теренских дијалектолошких испитивања, што се одвија под руководством Крума Тошева. Значајна је иницијатива Института да се приступи издавању старих словенских текстова македонске провенијенције. У овој серији изашла је у фототипском издању прва књига — *Македонско евангелие на поп Јована*, са студијом В. Мошина. У серији посебних издања Института досад је објављена књига Б. Видоеског *Прилог кон библиографијата на македонскиот јазик*.

Тако нам се претставља у главним цртама развој лингвистике у НР Македонији. Несумњиво је да ће млади научни радници, који већ притичу, проширити ускоро границе у којима се овде досада развијао тај рад.

ПЕТАР ЂОРЂИЋ

ПРЕГЛЕД РАДА НА СЛОВЕНСКОЈ ФИЛОЛОГИЈИ У ЈУГОСЛАВИЈИ У ПОСЛЕРАТНОМ ПЕРИОДУ (1945—1955) ИЗ ОБЛАСТИ УПОРЕДНЕ ГРАМАТИКЕ СЛОВЕНСКИХ ЈЕЗИКА СА ПРАСЛОВЕНСКИМ, СТАРОСЛОВЕНСКОГ ЈЕЗИКА СА ЊЕГОВИМ РЕЦЕНЗИЈАМА И ИСТОЧНИХ И ЗАПАДНИХ СЛОВЕНСКИХ ЈЕЗИКА

После ослобођења Југославије с обновом земље и културног живота уопште ишао је напоредо и развој југословенске славистике. Услови за њено шире развијање створени су у тренутку када је покренуто излажење стручних часописа. Прво се као орган Славистичког друштва у Љубљани појавила „Slavistična revija", с поднасловом: Časopis za literarno zgodovino in jezik (1948). Ту је, као што видимо, славистика узета у њеном ширем значењу. На то указује не само поднаслов часописа него и личност првог уредника: Антон Оцвирк је књижевни историчар. Други важан догађај у послератној југословенској славистици јесте поновно излажење „Јужнословенског филолога, повременог списа за словенску филологију", у издању Института за српски језик Српске академије наука под уредништвом проф. А. Белића (књ. XVIII, 1949—1950). У том часопису који има своју утврђену физиономију не третирају се чисто књижевноисториска питања. То је главни предмет часописа „Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор", који је такође поново почео излазити (књ. XX, 1954). Још специјалнији је нови часопис „Слово" који издаје Старославенски институт у Загребу, под уредништвом Јосипа Хама (бр. 1, 1952). У издању истога института излазе и „Радови Старославенског института" (књ. 1, 1952). „Слово" (а свакако и „Радови") по уводним речима његова одговорног уредника Светозара Ритига објашњаваће „књижевне споменике и књижевна и језична и уопће културна питања из наше старије прошлости и из прошлости, која нас је од IX стољећа па даље кроз цијели Средњи вијек — сада више, сада мање — везала за остале славенске народе". Разуме се да су радови из словенске филологије објављивани и у другим периодичким издањима, пре свега у публикацијама наших трију академија и наших универзитета (филозофских факултета). У свима нашим научним центрима све је већи број младих снага и нових имена која се стално појављују и унапређују нашу славистику.

Задатак је овога реферата да укратко изнесе шта се за последњих десет година код нас урадило у области упоредне граматике словенских језика са прасловенским, старословенског језика с његовим редакцијама и језика Источних и Западних Словена.

I

1. По својему општем карактеру на чело реферата долазе две публикације проф. Рајка Нахтигала. То је прво:

Uvod v slovansko filologijo. Љубљана, 1949; стр. 121. — То је мали али садржином богат приручник намењен почетницима у словенској филологији. Из техничко-практичних обзира подељен је у два дела готово једнака по обиму: главно излагање предмета и напомене. Први део има два поглавља: Кратак историски преглед и претрес досадашњих историја словенске филологије и њених дефиниција с методолошким екскурсом и Појам и опсег словенске филологије. Та обухвата и књижевност, уметничку и народну. На малом простору аутор, наравно, није могао дати све оно што он тако савршено зна и што би један такав увод заиста захтевао. Зато Нахтигалов приручник има карактер фрагментарности на коју је нарочито и указао проф. А. Белић у својем кратком приказу у ЈФ XVIII, 276—279.

2. *Slovenski jeziki.* II изд. Љубљана, 1952; стр. XXIV + 335. — Знаменити уџбеник упоредне граматике (фонетике и морфологије) словенских језика проф. Нахтигала у својем другом, после 14 година, издању у суштини је задржао свој ранији изглед. У појединостима пак има много штошта новога. Аутор се према потреби користио и напоменама критичара првога издања. Проширена је библиографија, наравно у ограниченом обиму с обзиром на прилике у међусловенским односима у време спремања новог издања.

3. Општији значај имају и две расправе проф. Милана Будимира у којима се третирају проблеми некадашње општесловенске заједнице: *Сколоти и Словени.* Историски гласник II, 1949; стр. 68—72. — Херодотови Сколоти (између Карпата и Дњестра и Дњепра) учествовали су у етногенези Словена, али имена Сколоти-Словени нису коренска, као што је сматрао Николај Ј. Мар. Полазећи сада од скитског тумачења Сколоти = краљевићи, проф. Будимир, да би објаснио етимологију словенског *korl'ь*, прво је рашчланио *skolot-* у *s* + *kolot* (*s* = *s mobile*). Паралелу за тај корен нашао је у Хесихијевој (лидској) глоси *Koalddein* 'краљ'; у Меценину презимену *Cilnius*, које изводи из етрурског *kiltna*; у карском називу краља *gela*; у имену божанства *Chaldu* (у Закавказју, одатле „Халдејци"). Исп. и герм. (немачко) *halten*, лат. *celebris*. Словенски идиоглотски облик гласио би *kordlia* < *kord-lo* (партиципска основа) + *io* (придевски формант). Само *kordlo* јесте дисимиловано *koldlo*. Чешке и пољске облике (са *l* место очекиваног *dl*) проф. Будимир објашњава црквенословенским утицајем, што је мало вероватно, поготово за пољски језик.

4. *Проблем букве и прасловенске домовине.* Рад ЈА 282, 1951; стр. 5—32. Традиционално је постало одређивање доње границе словенске прапостојбине на линији Кенигзберг—Одеса, тој северној граници распро-

стирања црвене букве и кентумске језичке групе, од које су германским посредништвом Словени позајмили своју лексичку групу *bukъ, buky*. Проф. Будимир сада доказује идиоглотско порекло словенског фитонима и изводи га из протоиндоевропске основе *bhəuqo-* 'блистав' за коју налази паралеле у претклаасичном (лидском) βαυκός 'црвен, красан', старобалканском *bukur*, германском *baukna*. То је безвучним гутуралом проширени корен *bhəu-* (исп. исти корен у грч. φῶς и сл.). Свој назив буква је добила по црвеној боји срчике. Закључак је ауторов да се према томе ни протословенска отаџбина не може одређивати границом распростирања букве. Словени су могли живети јужно од те границе.

Прелазимо сада на појединачна питања из упоредне граматике словенских језика.

5. Фран Рамовш: *O praslovanski metatoniji*. SR IV, 1951; стр. 157—161. — Пошто је најпре дао библиографију предмета, коју почиње и завршава Ившићем (Рад JA 187, 1911 и Зборник Филоз. факултета у Загребу, 1951) и свео у 4 тачке појаве метатоније (1. / > ~, 2. ⌒ > /, \\ > \, 3. окситоне и 4. дублети (напр. *zábava-zabâva*) аутор се задржава на условима и процесу промене интонације. Метатонија му је фонетскога (интонациско-акценатскога) порекла. На њен постанак је утицала детерминанта са својим психолошким (семазиолошким) акцентом који је тонски виши од коренских акцената: акута који је био ванредно експираторан и са јаким интензитетом и циркумфлекса који је био веома музикалан и лабав. (Зато му је суседни акут преузео акценат по Десосировом правилу и др.). Тежњом ка изједначењу са акцентом детерминанте аутор објашњава појаву коренског новог акута (*mȏldъjь* > *moldъjь ca /*) и новог циркумфлекса који је задржао своју интензивност и експираторност (*stârъjь* > *stârъjь*).

6. А. Белић: *„Депрефиксација" у словенским језицима*. (Предлози типа *изнад* и слични појави). ЈФ XVIII, 1949—1950; стр. 87—101. — Полазећи од српскохрватских сложених предлога са првим делом *из* и другим — са предлозима *над, под, пред, међу, за*, аутор налази у таквим случајевима измену значења другог саставног дела и другу рекцију (генитив место акузатива-инструментала), што је дошло од предлога *из*. Нова значења су аблативно и појачано компаративно, које је добивено депрефиксацијом (префикси који су своја нова значења добили у вези са глаголом прешли су тако измењени и у сложене предлоге и придеве).

7. Ирена Грицкат: *Још о трећој палатализацији*. ЈФ XIX,1951—1952; стр. 87—110. — Писац прво даје сумаран критички осврт на поједина тумачења прогресивне палатализације и полазећи од теорије Бодуена—Шахматова, као припадник лингвистичке школе проф. Белића, који је према ауторкиним речима дао последњу и такође најопсежније аргументисану формулацију те теорије, заустављa се на случајевима када се и поред свих фонетских услова није вршила трећа палатализација. Факултативност тога процеса довела је у свим словенским језицима до дублета, до фонетске бифуркације, тако да се суфиксни парови, који нису синонимични, одржавају (семазиолошка репартиција), а случајеви

синонимичности појединих речи углавном се репартирају територијално: у источнословенској групи и пољском језику преовлађују примери са неизмењеним веларом (*двигать, dźwigнąć*), а у српскохрватском је и старословенском (па и словеначком) највише примера са палатализацијом (*дизати*, **дизати**). Има и треће репартиције, и то према фонетском моменту: српскохрв. *жумањак-жуманац*, рус. *пирожок-оратец*. То значи да у истој, овде деминутивној, функцији иза меких (генетички или фактички) сугласника долази суфикс *-ькъ*, а иза тврдих *-ьсь*. Таквом тенденцијом дисимилације ауторка тумачи и руске (и пољске) облике типа *двигать*, које као и оба рефлекса *-ькъ*, *-ьсь* изводи из прасловенског умекшаног велара као првог резултата треће палатализације.

8. Ирена Грицкат: *Поводом једног покушаја примене структуралистичких метода на проблеме словенског глагола*. ЈФ XX, 1953—1954; стр. 307—332. — Писац, са позиција лингвистичке школе проф. Белића, подвргава врло оштрој критици Серенсеново структуралистичко учење о словенском глаголу и долази на крају до ова два закључка: 1. Серенсен није довољно пришао резултатима досадашње, „класичне" лингвистике. 2. Његове структуралистичке методе алгебраизирања језичких факата не дају резултата. Позитивно је у Серенсеновој студији разликовање категорије вида и времена.

9. Франце Безлај: *Doneski k poznavanju glagolskega aspekta*. SR I, 1948; стр. 199—220. — У чланку се даје прво информативан и критички преглед главне литературе о словенском глаголском виду и указује се на недовољну обраду тога питања. Затим се аутор задржава углавном на односу детерминисаности и индетерминисаности код глагола. Перфективни глаголи уопште узев изражавају и детерминисаност глаголске радње.

Доста је велики број прилога у области етимологије. Отпочећемо са истим претходним аутором, јер ћемо их сада навести по азбучном реду.

10. Франце Безлај: *Sinonima za pojem „locus fluminis profundior"*. SR V—VII, 1954; стр. 125—143. — Словеначки материјал је осветљен и осталим словенским рефлексима. У вези са *vir* прасл. **virъ* доводи аутор у везу с тим кореном и руске облике *выръ*, *бырь*. У тумачењу њихову не искључује ни утицај табу. За топоним *Admont* који одговара пољском *odmęt* и рус. *омут* брани етимологију *ot(ъ)mǫtъ* (Фасмер) насупрот етимологији *vodomǫtъ* (Левстик, Штрекељ, Рамовш).

11. Милан Грошељ: *Etyma slavica*. SR V—VII, 1954; стр. 121—124. — Доноси четири етимологије: 1. **porzdьnъ*: **porzdъ* < иевр. **pors-d(h)*. Исп. хетитски *parš-* 'бежати' и герм. *ferzjan* 'удаљити'. Основни корен је **per-* / *por-*. Исп. лат. *per* 'кроз' и грч. πέρ-νημι 'продајем'. 2. **trьbuh-*. Исп. лат. *strebula* 'coxendices hostiarum', грч. στοιβλός 'савијен'. Корен је са „*s mobile*". 3. **velikъ*. Исп. и грч. ἔλιχον (Хесихијева глоса) = ὀρθὸν καὶ μέλαν, περιφερές. 4. **ǫtьlъ* или *ǫtьlь*. Исп. хетитско *hant-eššar* 'рупа, јама'. Корен је *ant-* или *ont-*.

12. Антон Дебељак: *O mrtvih velarnih predponah*. SR V—VII, 1954; стр. 169—177. — Упоредно проучавање постанка и употребе емоционалних, „мртвих" предметака (*k-*, *ka-*, *ko-*, *sko-*, *g-*, *ga-*, *h-*, *ha-*, *če-*, *še-*)

у првом реду у словеначком језику у вези са осталим словенским језицима, поткрепљено и новим материјалом.

13. Стјепан Ившић: *О значењу приједлога съ с акузативом у славенским језицима.* SR III, 1950; стр. 360—362. — Да би објаснио два примера употребе предлога *с* са акузативом за поређење у Марулићевој Јудити (*биш не могућ са ње: јер ће биши са ње*) писац се позива на идентичне примере у староруском (Несторов летопис: *могу ли съ нь*) и старочешком (Далимилова хроника: *s ně býti netohu*).

14. Рајко Нахтигал: *О имени Косьѣ.* SR II, 1949; стр. 303—305. — Извођење *Косьѣ* од основе *kotъ* 'мачак', као што чини Јан Станислав (Slovenský juh v stredoveku II, 262—263), нема ни лингвистичког ни културноисториског оправдања.

15. Исти: *О zadnjem poskusu razlage imena češkega naroda.* ЈФ XVIII, 1949—1950; стр. 49—54. — Независно од Романа Јакопсона (Slavische Rundschau X, 1938) аутор изводи етникон *Чех* и словеначко дијалекатско *čẽh* 'дечак, пастир' од облика *čędo*.

16. Исти: *Rastiсь za Rastislav.* SR III, 1950; стр. 140. — Одговор А. Бајану (RÉS XXV, 1949, 122—123) који објашњава име **растиць** као старовисоконемачки хипокористикон насупрот пишчеву тумачењу (SR I, 1948, 15—16) који брани словенско (словачко-моравско) порекло тога имена.

17. Исти: *Dudleipa (Dudlěba): Dudlěbi - Dulębi.* SR IV, 1951; стр. 95—99. — Староруско, јужночешко и доњопанонско име *Dudlěb-* аутор сматра хибридном сложеницом. У првом делу је словенска основа *dudla* 'гајде', а у другом германско (и лангобардско) *-aiь-* 'земља, крај', дакле: „земља гајди". Такво тумачење се поткрепљује и староруским синонимима: *дулѣби = волыняне* и *волынка = дуды*.

18. Иван Поповић: *О словенским коренима *bǫb- и *pǫp- и неким њиховим дериватима.* ЈФ XIX, 1951—1952; стр. 159—171. — Од пуног паралелизма словенских експресивних корена *bǫb-, pǫp-* у општеиндоевропској епоси са значењем 'испупчење, надути се' и у општесловенској епоси са значењем 'испупченост, надувеност; испупчен предмет' добила се у развитку словенских језика поред непаралелности у облицима *(bǫbъl'-, bǫb-; bobъl'-, bob-; babъl'-, bab: pǫp-)* и бифуркација значења која су се губљењем експресивности корена почела све више конкретизовати: *bǫb-* = округао предмет: *pǫp-* = израштај.

19. Фран Рамовш: *О имену Admont.* SR III, 1950; стр. 137—139. — Топоним (и хидроним) *Admont* (Горња Штајерска) Штрекељ (ČZN I, 71—79) је правилно објаснио као старобаварски рефлекс словенскога (или словеначкога) *vodomǫtъ*. Фасмерово (JA 38, 1923, 89; ZfslPh 7, 1930, 425) извођење из *otъmǫtъ* фонетски не одговара. Археолошки и лингвистички разлози не говоре ни за Бранденштајново (Blätter für Heimatkunde 20, 1946, Bd. 3, 12) тумачење из супонираног илирског **Adamuntos*.

20. Петар Скок: *Грк.* SR V—VII, 1954; стр. 76—85. — Јужнослов. (старослов.) *грькъ* (= *gr̥kъ*), севернослов.: рус. *грек*, пољско *grek*, чеш. *řek* (< *hřek*) по писцу не могу се свести на један заједнички облик; он то неслагање објашњава различитим пореклом: *grekъ* < вулгариолат.

grękus, а *grьkъ* < *grękiscus*, преко *grьčьskъ*. Остаје необјашњено зашто у старословенском уопште нема облика *grekъ* (< *grękus*).

21. Бојан Чоп: *Etyma balto-slavica I.* SR V—VII, 1954; стр. 227—237. — Има 4 словенске етимологије. 1. *xajǫ, nexajǫ*. Иевр. база **sq/qsēi-* 'трудити се, бити марљив' (напр. грч. ἀσχέω). Словенски вокализам (са *ō*) тумачи се сталном композицијом тога глагола (са *ne-*). 2. *juriti*. Иевр. база *ĕur-* (грч. αὖρι 'брзо'). 3. *sъmĕti*. Иевр. база *sμem-* (преко *sūmē-*) 'кретати се према, настојати'. Лит. *sùmdyti* (*sùmə* + формант *dy*) 'дражити, подбадати'. 4. *sotiti* (чеш., словач. 'гурати'). Иевр. база *kap-* 'ударати, гурати'. Летонски *sist, situ* 'ударати, ударам' (с редукцираним вокалом).

Завршавајући општесловенски одељак и прелазећи посебно на старословенски језик и источне и западне словенске језике, споменућемо најпре расправу проф. А. Белића којом се згодно повезују оба та одељка нашег реферата.

22. *О књижевним језицима.* ЈФ XIX, 1951—1952; стр. 1—16. — Проф. Белић у изводу реферата намењеног неодржаном Славистичком конгресу у Москви, на примерима пре свега српскохрватскога, старословенскога и руског књижевног језика, указује на значај културнога мишљења за стварање књижевног језика дајући тим нов прилог проучавању сложених питања о књижевном језику уопште. Језик Вука Караџића јесте књижевни језик по томе што се њиме обрађују књижевни предмети, што је оруђе културног мишљења. Тако је добио књижевни карактер и израђени, традиционални језик народних песама и који је у основици наше уметничке поезије. Старословенски језик тек радом св. Ћирила и Методија и њихових ученика постаје књижевни језик и то превођењем грчке црквенорелигиозне књижевности, а никако пре тога. Старословенски језик постао је књижевни језик и Срба и Руса. Али поред њега појављивала су се и књижевна дела и на народном језику онда када је то захтевала културна потреба. Код нас напр. *Душанов законик*, а код Руса *Руска Правда, Слово о полку Игореве* и др. Од XVIII века под утицајем западноевропских језика, у првом реду немачкога и францускога, убрзава се развој руског књижевног језика. Од Пушкинова доба европско културно мишљење исказује се по правилу средствима народнога језика.

II

Као и у претходном, општесловенском одељку највећи број радова који третирају проблеме старословенског језика и старословенске писмености уопште има монографско-аналитички карактер. Општи карактер има на првом месту дело:

23. Јосип Хам: *Преглед граматике старocрквенословенског језика с хрестоматијом и рјечником.* Загреб, 1947. I, Граматика; стр. XI + 182. II, Читанка; стр. 140 са 15 репродукција. — Сама граматика (фонетика и морфологија) обрађена је на компаративно-историској основи и с устаљеним традиционалним погледима на старословенски језик када се доводи у генетичку везу са прасловенским и праиндоевропским и пореди са осталим словенским језицима. Мало је ипак неуобичајен термин „старocрквенословенски" (код нас, наравно). Необично је данас и недока-

зано извођење глагољских слова из готскорунског писма. Ново је навођење готских паралела уз наведене примере старословенског апсолутног датива. Методски несигурно је издвајање ћирилског писма у Босни као неке посебне ћирилице. Претеран је скептицизам ауторов када тврди да је наше знање о књижевном језику Солунске Браће, који он назива пра-староцрквенославенски, доста оскудно. У кратком одељку о језичким рецензијама није требало сва три дела Фризиншких споменика уврстити у словеначкопанонску редакцију, него само II део. Када се у бугарској рецензији посебно истиче охридска школа, онда се могла издвојити и посебна македонска редакција. Зато је правилније и Самуилов натпис везивати за македонско, а не за бугарско подручје, као што налазимо у Хамовој граматици.

Читанка има једну особину мимо остале старословенске читанке: први пут примењену латинску транскрипцију старословенског текста (одломак из Зографског јеванђеља) и латинску транслитерацију, која опет у свему не одговара Чрнчићевој транслитерацији Асеманијева јеванђеља: за варијанте „јери" употребљено је различито модификовано и непрактично „у" (ипсилон), што уствари није транслитерација него врста транскрипције. Чрнчић је ту доследнији. Он пише *ъi, ъī*. Није права транслитерација ни писање „*ê, ě*" *(vьsě, těmь)*, тј. разликовање јата према изговору датом у транскрипцији (јат се ту пише, и према томе чита, као *ја* односно *је*). Поједини одломци глагољских споменика дати су promiscue у три азбуке (глаг., ћир. и лат.). За текстове из јеванђеља и псалтира наведене су и варијанте (само из старословенског канона), а поред тога и паралелни текстови, па тако и за примере из редакција. Варијанте су уопште изостављене код Трактата Црнорисца Храбра (по рукопису из 1348). Тиме је знатно смањено критичко коришћење и разумевање тога важног састава.

24. Поред Хамове читанке можемо одмах навести још једну: Рад. Б. Алексић: *Читанка старословенскога језика с речником.* Београд, 1951; стр. XII + 121. — Први део читанке садржи одломке из свих већих старословенских споменика и по један или два примера из појединих редакција. Омашком је Трактат Црнорисца Храбра уврштен у канон старословенских споменика. И у сразмерно опширном речнику (52 стране према 69 страна текстова) има разноврсних омашака (непрецизно наведених и преведених речи).

Као што се у споменутим издањима старословенски језик мање или више узима у његову историском развитку који се огледа у његовим разним редакцијама, тако ће се поступити и при навођењу осталих многобројних прилога из те широке области. Почећемо од радова који се односе на питање глагољице код нас.

25. Петар Скок: *Услови живота глагољице.* Слово 3, 1953; стр. 50—53. — Старо подручје употребе глагољице код Хрвата (Хрватско Приморје, Кварнерска острва и Истра) спадало је под аквилејску патријаршију, одакле се ширило међу Хрвате и Словенце. То потврђује и црквена терминологија, ономастика и топономастика која је често фријулскога порекла. Значај расправе је у томе што се њоме покреће питање односа аквилејске патријаршије према глагољаштву уопште.

26. Јосип Хам: *Датирање глагољских текстова*. Радови Старославенског института. Књ. I, 1952; стр. 5—64. — Расправа има теоријско-практичан карактер. Њени резултати се оснивају на анализи текстова глагољске писмености XI—XV века. Према начину добијања података о времену постанка неког споменика расправа се може поделити у три отсека. На првом месту је, наравно, непосредно и посредно датирање. Друго, такви се подаци проверавају и палеографском анализом, и треће, када ова много не помаже, проучава се и језик рукописа. У свима тим методолошким категоријама има много нових запажања и важних закључака који сада тачније одређују хронологију одређеногa споменика. Централно место у расправи заузима Башчанска плоча. Досада се сматрало да је цео натпис уклесао или дао уклесати опат Добровит. Анализирајући облик и употребу појединих слова Башчанске плоче, Хам је открио најмање три писара, а сам натпис је поделио у два „језгра": старије, које чини Звонимирова донација коју је уклесао опат Држиха и потписи сведока од којих је бар један и уклесао своје име. Ознака године која се налази на почетку натписа није 1100 или 11.. него 1077. Други део натписа настао је после Звонимирове смрти (умро 1089). Опат Добровит је тада израдио минаиску формулу, а нешто доцније и запис о градњи цркве и о св. „Микули" (на прелому XI—XII в.). Сем тога неким спорним местима дата је нова и такође смела интерпретација. Полазећи од палеографске анализе глагољског писма Башчанске плоче, аутор је предложио овакав нов хронолошки ред споменика хрватске или српске редакције: Гршковићев апостол, (Башчанска плоча), Бечки листићи, Михановићев апостол. Развитак глагољице на нашем терену претстављен је овако: 1, до краја XI века — до Башчанске плоче и Бечких листића и, 2, до средине XIII века. То су времена графичких превирања. 3, од средине XIII века до појаве штампе (1483 и даље). Та највећа група захтева нарочити метод проучавања, мање палеографски, а више лингвистички и садржајно. Споменици се при томе морају повезати у групе и писарске школе.

27. Исти: *Варијанте у приједписима хрватских глагољаша*. Слово 2, 1953; стр. 13—36. — Аутор на основу анализе двеју првих глава књиге Јов из петнаестак хрватских бревијара XIII—XV в. показује да превод једне трећине свих рукописа потиче из грчкога текста (Хесихијева редакција), а две трећине из латинскога (Вулгата), који су и позније постања и зависни од прве групе. Варијанте су подељене у две категорије: опште и посебне („мјеста, којима се писац или преводилац сам није могао досјетити, која садрже изразе и синтагме, које нису синоптички везане и не улазе у опће каталоге и шаблоне"). Само су посебне варијанте релевантне за питања о пореклу превода.

28. Лео Кошута: *Глагољаши и глагољица на Цресу и Лошињу*. Ријечка ревија I, 1952; стр. 12—16. — На гробљу крај села Валуна на северозападној обали Цреса раније пронађена плоча има кратак текст писан глагољицом *(Теха, в(ну)к Луна)* и латиницом. По особинама глагољског писма натпис је старији (?) од Башчанске плоче. На Цресу и Лошињу глагољица се употребљавала у списима јавног (црквеног и световног) и приватнога карактера. Њену историју можемо пратити од XV до XIX века. Словенска литургија укинута је 1802 године.

29. Бранко Фучић: *Пломински натпис*. Ријечка ревија I, 1952; стр. 146—149. — На натпису на каменој плочи узиданој у зид цркве у Пломину у Истри сачувано је свега десет слова од којих су нека са елементима обле глагољице која је старија од типа глагољице на Башчанској плочи.

Друкчијег су карактера радови из области ћирилске писмености. За ћирилску палеографију имају практичан значај неколика фототипска издања појединих старих споменика у целини или огледних делова свих рукописа појединих збирки. Таква издања пружају, наравно, материјал и за језичка и књижевноисториска питања. За таква проучавања могу, у мањој или већој мери, служити и описи свих рукописа појединих библиотека.

30. Блаже Конески: *Една одломка од XIII век—споменик од охридска правописна школа*. Годишен зборник Филоз. фак. 3, Скопје, 1950; стр. 1—15. — Издајући одломке Октоиха (свега 5 страна текста, својина Семинара за јужнословенске књижевности Филоз. фак. у Скопљу) Конески износи принципијелно питање разликовања македонских споменика од чисто бугарских који се обично обухватају једним називом „средњобугарски" па као главну дискриминанту истиче употребу јусова а не јерова. За охридску школу и данашњи дијалекат карактеристично је чѧ > чѫ односно чъ (чѧдо > чѫдо > чъдо).

31. Владимир Мошин: *Македонско евангелие на йой Јована*. Скопје, 1954; стр. 52 + 266 снимака и 4 табле. Штампао Графички завод Хрватске у Загребу. — То је фототипско издање рукописа из Михановићеве збирке Југославенске академије. Садржи тзв. скраћено изборно јеванђеље. Писан је на пергаменту крајем XII или поч. XIII века. Рукопис је веома оштећен и непотпун је. Приређивач издања В. Мошин дао је палеографски и језички опис тога споменика. По њему општи облик писма потсећа на писмо Мирослављева јеванђеља. Препис је са ћирилских рукописа. Писар се служио двама различитим текстовима, од којих је један ближи Остромирову јеванђељу, а други Маријину и Мирослављеву јеванђељу. Месецослов (синаксар) има сличности са месецословом Асеманијева јеванђеља. Рукопис је писан у западној Македонији. То показује употреба назала: ѧ > ѫ (ѭ), графички, на почетку речи и слога; ѫ > *а*, ѭ > *ја*, фонетски.

Фототипска издања имају практичан значај нарочито за палеографију. Прворазредни материјал за историју ћирилице дају још и ова издања:

32. Владимир Мошин: *Ћирилски рукойиси Југославенске академије*. Дио II: Репродукције. Загреб, JA, 1952; стр. 146 + [3] — Албум садржи репродукције ћирилских рукописа XII—XIX в. (1823 г.). Аутор је припремио за штампу и палеографски опис свих рукописа.

33. Никола Радојчић: *Душанов законик йо Призренском рукойису*. Београд, САН, 1953; стр. 15 + [3] са 51 страном репродукција у боји. — Рукопис је с краја XV или поч. XVI века. Навели смо и тај споменик, иако је, као што смо већ сазнали из расправе проф. Белића (в. бр. 22), писан на народном језику српском, али је ипак по својему писму и правопису органски везан за старословенску традицију.

Овај палеографски одељак можемо завршити двама важним описима рукописних збирки.

34. Сава Петковић: *Збирка рукописа манастира Кувеждина, Дивше, Шишатовца и Грегетега*. Споменик САН, књ. CI, 1951; стр. 3—88. — Описана су 183 рукописа, од тих 56 руске редакције и 1 — бугарске, остали су српски. Најстарији је споменик познати Шишатовачки апостол (из 1324 г.) — једини из XIV века (сада у Патријаршиској библиотеци у Београду). Сви остали рукописи су, сем двају из XV в., из XVI века и даље.

35. Светозар Матић: *Опис рукописа Народне библиотеке* са прилогом: Породични архив Рашковића. Описао др. М. Костић. Београд, САН, 1952; стр. VII + 301. — 6 априла 1941 у ратном пожару уништена је до темеља знаменита Народна библиотека у Београду. Остала су сачувана само три рукописа, која су се затекла ван библиотеке. Матићев Опис рукописа јесте наставак описа (он носи наслов Каталог) Љубомира Стојановића из 1903 г., а који је имао 660 бројева. Исто толико (662) и исту поделу има и Матићев опис. Али ту је и велика разлика. Тако у Стојановићеву опису има 21 псалтир (од којих 4 из XIV века), а код Матића 8 (1 из XIV—XV в.). Четворојеванђеља: 61 (22 од XIII до XIV в.) према 32 (2 из XIV в.). Код Стојановића рукописа „бугарске" редакције има 58, а код Матића — 7. На пергаменту: 122 према 7. Писаних пре XIV в. код Стојановића има 14 рукописа, а у Матићеву опису свега један (XII—XIII в.). Сви остали су из XIV в. и даље. Из тога кратког поређења које смо овде извршили јасно се види да је Народна библиотека свој најдрагоценији фонд стекла још пре 1903 године.

Питањима о појединим делима старе словенске писмености, њихову језику, пореклу или садржини бавили су се углавном исти познати испитивачи као и пре последњег рата. Највише прилога у тој области дао је неуморни Франце Гривец. Навешћемо их хронолошким редом.

36. Франц Гривец: *O cerkvenoslovanskih prvinah v drugem frisinškem spomeniku*. SR II, 1949; стр. 126—137. — Чин исповести, непотпуно сачуван у другом делу Фризиншких споменика, настао је у IX веку у Моравској и потиче из школе Солунске Браће (Климент га је такође употребљавао). Старословенски језик првобитнога оригинала (а не словачки, као што тврди А. Исаченко) измењен је у фризиншком препису донекле под утицајем словеначкога језика (карантанскога дијалекта). Аутор посебно износи неке језичке (лексичке) и стилске особине фризиншког рукописа које су у вези са старословенском књижевном традицијом, напр. са Синајским требником. У похвали Ћирилу и Методију и у Климентову говору у спомен апостола или мученика то су: sizno telo, „ese" (= **нѣжи**, црквенослов. грецизам, тј. артикул τὸ код цитације), „bzzredu" (= **по чрѣдоу**)(?).

37. Исти: *Pohvala sv. cirilu in Metodiju*. Razprave Slov. akademije, II razr. I, 1950; стр. 25—58. — Иако писац допушта да је при састављању Похвале учествовало више Методијевих ученика, међу њима и Климент, ипак сматра да је коначну редакцију дао презвитер (потоњи

епископ) Константин. Писац је то утврдио на основу поређења текста Похвале са осталим списима Константиновим.

38. Исти: *O težkih mestih v Clozovem glagolitu.* Razprave Slov. akademije, II razr. I, 1950; стр. 59—65. — Чланак је писан поводом расправе Андреа Вајана: Une homélie de Méthode (RÉS 23, 1947) који је независно од проф. Гривеца дошао до истих резултата до којих и проф. Гривец у расправи: Clozov-Kopitarjev glagolit v slovenski književnosti in zgodovini (Razprave SAZU, I razr. I knj., 1943). Аутор усваја извесне Вајанове конјектуре и коректуре старословенскога текста. Обојици нејасно место **отъвръгѫ сѧ братиѣ** протумачио је врло просто J. Вашица (**братиѣ** је вокатив) у расправи: Origine Cyrillo-Méthodienne du code slave „Zakon sudnyj" (Byzantinoslavica 12, 1951). Ту расправу проф. Гривец је читао још у рукопису.

39. Исти: *Frisingensia.* SR III, 1950; стр. 107—124, 419—420; IV, 1951; стр. 71—76. — Интерпретација шест израза, од којих је само први у Првом фризиншком споменику, остали су из Другог споменика. 1. „*Se mil tvoriv*" = **сѧ милъ творѭ.** 2. *Česti jih pijem* = **чьсти ихъ пиѥмъ.** 3. *Spasi me v vsem blaze* = **съпаси** [тј. 'сачувај'] **мѧ въ вьсемь блазѣ.** 4. „*Posledine balovanie*" = **послѣдьнѥ балованиѥ.** 5. „*Prenizse ogni petsachv*" = **принизъше огни печаахѫ.** 6. *Po lesu vešahu* = **по лѣсоу** (место: **дрѣвоу**) **вѣшаахѫ.** Објашњавајући порекло, значење и употребу наведених израза аутор указује на везу Фризиншких споменика са великоморавском књижевном делатношћу Браће Просветитеља. То сведочи и савршенство језика и оригиналност стила II Фризиншког споменика.

40. Исти: *Žitja Konstantina in Metodija.* Viri, Žitje Konstantina, Žitje Metodija, Pohvala CM, Italska legenda, Frizinški spomeniki. Љубљана, 1951; стр. 179. — То је друго издање веома корисне књижице које се у многоме разликује од првог издања. Проширено је поглавље о изворима, поправљен превод житија, а напомене уз превод потпуно прерађене. Додат је превод Похвале Ћирилу и Методију и оригинални текст и превод II Фризиншког споменика.

41. Исти: *Pripombe k Žitju Konstantina.* SR IV, 1951; стр. 264—268. — Аутор даје три поправке текста у Ван Вејковој реконструкцији Ћирилова житија (ZfslPh 17, 1941). Треба: **прилежитъ на зълобѫ** а не **приложитъ** . . . Боље је: **мьдлость** него: **ослабленне, слабость.** Правилно је: **подобьни мьнѣ бываите** а не: . . . **ми** . . Затим поправља нека места у својем преводу (на словеначки) Житија и Похвале Ћ. и М. у горе споменутом делу.

42. Исти: *Sъprêstolьnъ — synthronos.* Слово I, 1952; стр. 6—18. — Полазећи од куртоазног изражавања као што је „**сьпрѣстольникь** светих и славних апостола (Петра и Павла)" код средњовековнога српскога књижевника Дометијана (из посланице св. Саве римском папи у Житију св. Саве) писац жели да докаже да је св. Сава признавао папски примат.

43. Исти: *Dikcija Assemanijevega glagolskega evangelistarja.* Слово 3, 1953; стр. 5—34. — Расправа има осам поглавља: преписивачеве грешке, слободни преводи, јеванђелска хармонија, додаци, испуштања, **къ тебѣ**

(за грчко εἰς σὲ), ред речи и закључци. Главни резултати били би ови: Писар Асеманијева јеванђеља није плански мењао текст својега оригинала (који је био посебна редакција првобитног старословенског превода) и према томе није био редактор нове рукописне рецензије, као што је то био писар тзв. Савине књиге (јеванђеља). Зато Асеманијево јеванђеље стоји ближе Ћирилову преводу јеванђелистара. Сем тога у оригиналу Асеманијева јеванђеља могу се наћи трагови и Климентове дикције. На основу неколико случајева слободног превода који се налазе и у сирском преводу, аутор види у томе доказ за Ћирилово познавање сирскога језика,

44. Лазар Мирковић: *Мирослављево јеванђеље.* Београд, САН, 1950; стр. 54 + 60 сл. — Мирослављево јеванђеље једним својим делом, месецословом, везано је за Цариград. То се знало и раније. Проф. Мирковић је сада ближе одредио ту везу. Прототип је месецослов типика Св. Софије. Аутор затим поново покреће питање писаца минијатура и допушта могућност да је главни писар јеванђеља Варсамелеон био у исто време готово и једини минијатор. Истиче са западним узорима минијатура и њихов ефемерни карактер у српској средњовековној уметности. Најзад показује да је садашњи увез јеванђеља извршен у XV или XVI веку у светогорском манастиру св. Павла, који су тада држали српски калуђери.

45. Рајко Нахтигал: *Nekaj pripomb k pretresu Hrabrovega spisa o azbuki Konstantina-Cirila.* SR I, 1948; стр. 5—18. — Чланак има три дела. У првом, и највећем, делу аутор утврђује и допуњује своја ранија схватања о питањима у вези са Храбровом апологијом (најверодостојнији је препис рукописа бив. Московске духовне академије који је преписан са глагољице): о изразима **подобьно, подобити** и сл.; о дублетима за *ф, х, ш* (код Храбра: **пѣ, хл҃ъ, тъ**); у ред „подобних" грчким словима убраја и глагољску ижицу, ферт и ђерв да би се добио број 24; знак ѥ за обележавање назалности вокала није самосталан знак него се доцније издвојио из лигатуре ѫ. Указује се на везу Храброве апологије са Азбучном молитвом. Други део чланка садржи тумачење порекла имена **растиць**, које се изводи од средњословачког. У трећем делу даје се словенски назив Коцељеве престонице: **блатьньскъ костел҃ь** = lat. Urbs paludarum, старовисоконемачки Mosapurc. Тај назив је сачуван у Хиландарском рукопису: **кѡцелѧ кнѧза блатѣнска кѡстелѧ.**

46. Исти: *Otьčьsky kъńigy.* (Žitje Metodovo pogl. XV). Razprave Slov. akademije, II razr. I, 1950; стр. 1—24. — Аутор, не улазећи у појединости, допушта могућност да је прототип Клочева зборника и Михановићева хомилијара (рукопис Југославенске академије, XIII в., српскословенска редакција), као и извесних делова Супрасаљског зборника и других сродних збирака, везан за Методијеву компилацију **отьчьскы кънигы**. То није превод збирке Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος, као што је сматрао Ван Вејк, којему је као основа служио Михановићев Патерик, а не Хомилијар.

47. Исти: *Žrec.* SR III, 1950; стр. 141—142. — Поводом нетачног тумачења речи „жрец" у једном словеначком листу. Жрец је старословенски **жьрьць** и није у вези с глаголом „ждерати", то је стсл. **жрѣти**, него је у основи други глагол: **жрьти** (одакле је и **жрьтва**) и значи 'жртвовати'.

48. Сергије Троицки: *Ко је превео Крмчију са тумачењима?* Глас САН CXCIII, 1949; стр. 119—142. — Једно од много расправљаних питања у словенској филологији јесте питање о пореклу словенскога номоканона или Крмчије. Проф. Троицки, данас свакако најауторитативнији стручњак за канонско право Источне цркве, узима у претрес досадашња мишљења и долази до закључка да словенска Крмчија није ни бугарског ни руског порекла него је дело св. Саве. Проф. Троицки се, између осталог, позива на два сведочанства, оба из времена св. Саве: епископа будимљанског Теофила и јеромонаха и познатог биографа Доментијана (в. овде и бр. 42) да је Крмчију превео сам св. Сава: **книгы многы прѣписа законьныѥ**. По Троицком **прѣписа** значи „преведе"(?).

49. Исти: *Како треба издати Светосавску крмчију?* Споменик САН CII, 1952; стр. IV + 114 + 20 снимака. — Као што је познато, словенска Крмчија још није издата у целости. Има 16 сачуваних преписа од којих су 11 српске рецензије. Проф. Троицки у својој расправи најпре је изнео значај Светосавске крмчије за Источно Словенство, а нарочито за правну историју. Затим је опширно изложио историјат питања о критичком издању Крмчије и указао на досадашње последице у науци због непостојања критичког издања Крмчије. За такво издање проф. Троицки припремио је неопходан помоћни материјал који је дао у три прилога: 1. Азбучни регистар издања словенског текста Крмчије, њезиних делова, њезиних грчких извора и литературе о Крмчији и о појединим списима који су ушли у њен састав. 2. Преглед српских и грчких рукописа Крмчије по хронолошком реду и литература о сваком рукопису. 3. Преглед глава и других делова Крмчије. Методолошка расправа проф. Троицкога јесте једна од главних теориско-практичних основа за припремни рад на потпуном и критичном издању Крмчије св. Саве. Тај историски задатак узела је сада на себе Српска академија наука.

III

После Ослобођења у нашој земљи настале су друге, кудикамо повољније прилике за студије источних и западних словенских језика. Свеопште интересовање за руски језик изазвало је широку појаву различитих уџбеника и приручника намењених организованом (школском и сл.) и индивидуалном учењу. Готово сва та издања била су без већих или најчешће без икаквих научних претензија, биле то само граматике или речници. Ми ћемо зато забележити само оне публикације које имају значај за науку. На првом месту и овде, као и на почетку овог реферата, треба истаћи рад и у тој области проф. Рајка Нахтигала.

50. Рајко Нахтигал: *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči.* Љубљана, 1946; стр. XXII + 260. — То је граматика руског књижевног језика (фонетика и морфологија) на компаративно-историској основи.

51. Исти: *Blodnje o staroruskem pismenstvu.* SR V—VII, 1954; стр. 86—98. — Поводом чланка А. Г. Љвова: *К вопросу о происхождении русской письменности* (Русский язык в школе XII, 1952) проф. Нахтигал оштро одбија постојање руске писмености и глагољице у Русији пре Ћирилове мисије у Моравској. Израз **росьскы писмены** из Житија Ћирилова значи „сирски", као што је то утврдио Андре Вајан, а подупро и Роман Јакопсон. Замена **роусьскы, росьскы** место **соурьскы** могла се појавити после настанка ћирилице (у времену цара Симеона 893—927). То није дакле „руски" (тј. рускословенски), као што хоће Љвов (и не само он).

52. Рад. Кошутић: *Граматика руског језика.* II: Облици. II изд. Београд, 1950; стр. [4]+303. — То се издање у редакцији Кирила Тарановског незнатно разликује од првога. Спроведена је савремена руска ортографија а изостављене извесне данас већ архаичне особине руског језика.

Иако имају само практичну сврху, могу се ипак по извесној солидности обраде споменути и неки речници, хронолошким редом.

53. Јанко Претнар: *Rusko-slovenski slovar.* Љубљана, 1947; стр. XII + 447.

54. Милош Московљевић: *Руско-српски речник.* Београд, 1949; стр. VIII + 441.

55. Јанко Котник: *Slovensko-ruski slovar.* Љубљана, 1950; стр. VIII + 736.

Специјално питањима метрике, дисциплине и лингвистичке и књижевноисториске, бави се код нас највише Кирил Тарановски који је досада објавио неколико расправа из тога подручја. Две од њих односе се на грађу из источнословенских језика.

56. Кирил Тарановски: *Руски дводелни ритмови.* I—II. Београд, САН 1953; стр. V+376 са 16 табела. — Опширна и темељно документована расправа проф. Тарановскога има три дела. У првом, уствари уводном, делу, на 45 страна, обрађене су лингвистички и књижевноисториски теориске основе руских дводелних ритмова (трохејских и јампских) у складу са модерним схватањима напоредо са критиком традиционалнога поимања метрике, која се бавила апстрактним метром место конкретним тонским ритмом. Писац је своја испитивања ограничио на примарне факторе песничког ритма (акценат и границе између акценатских целина) као основне ритмичке импулсе карактеристичне за ритам уопште. Описујући структуру песничког ритма, аутор оперише двема категоријама: метричких константа (ту се понављање извесних феномена региструје 100%) и доминанта (када моменат превареног очекивања наступа сасвим ретко) и ритмичких тенденција (када је то понављање мање или више вероватно). Особина је руских трохејских и јампских стихова да метрички ненаглашени

(слаби) слогови чине тонску основу ритма. Наглашени (јаки) слогови, као метричка константа, обавезно карактеришу само последњу стопу стиха. Писац износи и образлаже акценатска померања и прелази на подробније излагање о различитим могућностима и условима попуњавања слабог односно јаког слога (времена). Посебно се задржава на хоријамбу и пириху и у вези с овим последњим критички оцењује теорију интенза о изједначавању главних и споредних акцената, што се не може оправдати ни језиком ни захтевима ритма. — У другом, пространом делу (заузима 305 стр.) изложен је историски развитак ритмичке инерције дводелних ритмова у руској поезији XVIII и XIX века до симболизма. Проучен је распоред акцената у јаким слоговима као и употреба свих ритмичких варијација. Распоред акцената, тј. ритмичка инерција стиха (трохејског и јампског) може да буде карактеристична за поједине песнике, песничке школе и читаве епохе у развитку руске поезије. Испитан је страни утицај, у првом реду, разуме се, немачки и француски, на руски јампски стих, затим утицај руског народног стиха и узајамни утицаји руских дводелних ритмова. На крају је формулисан закон регресивне акценатске дисимилације и показано његово дејство у свим руским дводелним метрима у току XVIII и XIX века, које је ту могло бити мање или више ослабљено утицајем страног или руског народног стиха. — Трећи део књиге чине посебни статистички прилози са 16 табела комбинованих по врстама стиха и песницима у хронолошком реду са израчунатим процентима наглашених слогова, граница између акценатских целина испред слогова, ритмичких фигура (тј. варијација), средње оптерећености иктуса и друго.

57. Исти: *Четворостопни јамб Т. Шевченка*. ЈФ XX, 1953—1954; стр. 143—190 са 1 статистичком табелом. — Писац је на упоредној основи проучио украјински и руски четворостопни јамб Тараса Шевченка с обзиром на руски и украјински стих XVIII века и на стих руских песника прве половине XIX века.

У области западнословенских језика, изузимајући повремене приказе у часописима и белешке по новинама, можемо навести само два рада.

58. Крешимир Георгијевић: *Граматика чешкога језика*. Део I: Фонетика. Београд, 1949; стр. 92. — То су литографисана универзитетска предавања која у сажетом облику јасно и прегледно обухватају основе историске и описне фонетике чешкога језика. То је прво дело такве врсте у југословенској лингвистичкој литератури.

59. Јулије Бенешић: *Хрватско-пољски рјечник*. Загреб, 1949; стр. XII + 1314. — Бенешићев Хрватско-пољски рјечник са својих 66170 (готово 14.000 више него речник Ивековића и Броза) српскохрватских одредница обухвата основну речничку грађу из књижевности и журналистике обеју наших азбука. Поред тога у речнику су обрађени свакојаки турцизми, германизми и друге туђице, затим разне кованице, провинцијализми, локализми и доста често архаизми, тако да је такав речник заиста изузетак у српскохрватској лексикографији. Велики део

речничке грађе неразумљив је просечном читаоцу, било Хрвату или Србину. Зато праву корист сем Пољака, којима је и намењен, имаће тај речник за оне наше људе који добро знају пољски језик. Добра је страна речника што су све српскохрватске речи акцентоване. При томе треба истаћи да је акценат страних речи у складу с правилима српскохрватске, Вукове акцентуације, иако се извесне категорије туђих речи обично изговарају са туђим акцентом. Како то није нормативни речник, то у њему нису нарочито одвојене књижевне речи од некњижевних, иако би такво разликовање имало практичан значај за Пољаке. Слабу страну речника чини и оскудна фразеологија.

ДРАГОЉУБ ПАВЛОВИЋ

РАД НА ПРОУЧАВАЊУ ИСТОРИЈЕ СРПСКЕ КЊИЖЕВНОСТИ ОД 1945 ДО 1955

Дубоке и коренште промене које су извршене у политичком, друштвеном и економском животу наших народа после Другог светског рата учиниле су да и српска књижевна историографија и књижевна критика потраже нове путеве и поставе себи нове задатке. У том погледу временско раздобље од 1945 до 1955 године испуњено је напорима наших књижевних критичара и књижевних историчара да се не само настави рад на проучавању и оцењивању наше и старије и новије књижевности већ да се тај рад усклади са захтевима новог времена и нових потреба. Тај десетогодишњи напор усмерен је био углавном у два правца. С једне стране књижевни историчари и критичари који су располагали потребном теориском спремом трудили су се да у својим радовима покажу на примерима како треба примењивати историско-материјалистички метод у проучавању наше књижевне прошлости. У већини тих радова настојало се да се поједини писци и њихова дела проучавају у вези са одговарајућим политичким, друштвеним и економским приликама, да се у њима одреде напредни и конзервативни елементи, да се они објасне друштвеним и класним противуречностима, и сл. Сасвим је разумљиво да је у неким од тих радова, а нарочито у оним који су писани одмах после револуције, било и извесних претеривања, вулгарног социологизирања, и недовољно обраћања пажње на уметничку вредност и анализу стваралачких елемената књижевног дела, али се исто тако не може спорити да већина радова ове врсте означава ипак озбиљан прилог коренитој ревизији погрешних и застарелих судова и усмеравању наше књижевне историографије на нове прешније и реалније задатке. — С друге стране, научноистраживачки рад, филолошки, архивски, компаративни, библиотечки и библиографски, који још од времена Ст. Новаковића, Св. Вуловића, П. Поповића, Ј. Скерлића и др. има дугу и плодну традицију, настављен је са много залагања и труда, иако су извесне објективне тешкоће ометале правилнији и успешнији развој. У том погледу се нарочито у првим послератним годинама јако осећала, а и још увек се осећа, несташица млађих научних кадрова, а тако исто и недовољан број научних часописа и периодичних публикација. Последњих година, међутим, те тешкоће се постепено и успешно уклањају,

захваљујући, поред осталог, и напорима које у ту сврху чине наше највише научне установе. На нашим факултетима, например, сада је све више младих људи који с успехом улазе у тешке научне послове, а међу њима већ има добар део оних за које се без претеривања може рећи да су изграђени научни радници. Уз то, при појединим катедрама наших факултета обнављају се стари и оснивају нови научни часописи и публикације (Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, Питања језика и књижевности, Зборник Матице српске, Зборник Филозофског факултета у Београду и др.), и утешна је чињеница да се у тим часописима и периодичним публикацијама, поред радова старијих научних радника, јављају и врло запажени чланци и расправе млађих сарадника. Промене у Српској академији наука затим, која се од строго академског и репрезентативног научног тела све више преориjентише у радну научну установу, допринеле су такође да се рад на нашој књижевној науци што више прошири и продуби. Оснивање Института за проучавање књижевности (надамо се да ће овај привремено укинути Институт ускоро обновити свој рад), затим оснивање посебног Одбора за издавање целокупног корпуса наших народних песама, и сл. показују јасно да и наше академске установе могу врло активно радити не само на проучавању наше књижевне прошлости већ и на подизању научних кадрова. Оваква и слична настојања наших универзитетских и академских установа довела су до једног несумњивог резултата, који је карактеристичан за овај послератни десетогодишњи период и који треба нарочито истаћи. То је, најпре, чвршће повезивање нашег књижевног наслеђа из прошлости са савременом стваралачком књижевношћу, а затим уклањање, или бар ублажавање, оних великих разлика које су раније постојале између наших савремених текућих критичара, есејиста, с једне стране, и књижевних историчара-научника с друге стране. Тако се у последње време код наших многих и старијих и млађих критичара-есејиста осећа тежња за претходним студијама биографским и библиографским и за свестранијим познавањем документарног, чињеничког материјала, док се опет наши књижевни историчари-научници ослобађају све више извесних претераности у цитирању грађе и губљења у непотребним детаљима и дескрипцији. Том процесу зближавања ових двеју супротности и метода допринеле су, поред осталог, и разне прилике прославе књижевних јубилеја које су одржаване увек у знаку тежње за што свестранијом и потпунијом ревизијом наших књижевних вредности из прошлости. Тако је за ових протеклих десет година приређен низ разних педесетогодишњица и стогодишњица рођења или смрти појединих наших заслужних писаца (В. Караџић, Б. Радичевић, П. П. Његош и др.), или других по књижевност значајних датума. Том приликом у свима нашим стручним и књижевним часописима и дневним листовима појавио се велики број расправа, чланака и есеја посвећених одговарајућим писцима и њиховим делима. Карактеристично је да су у том послу подједнако учествовали и критичари-есејисти и књижевни историчари. Уз то, нова јубиларна изда-

ња дела, пропраћена исцрпним коментарима и предговорима, учинила су такође да се не само наша шира књижевна публика упозна ближе за нашом књижевном прошлошћу већ да се том приликом изврши свестрана ревизија ранијих судова и дају нова тумачења појединих наших писаца и читавих књижевних епоха. Осим тога, живот и рад многих од ових писаца осветљен је новим чињеничним материјалом који су том приликом објавили поједини књижевни историчари.

Посматран по појединим временским епохама, овај протекли десетогодишњи рад на проучавању српске књижевности није био подједнако интензиван на свима подручјима. Главни узрок томе је свакако недовољан број млађих научних радника који је требало да замени старије генерације наших научника. То важи у првом реду за нашу *средњевековну књижевност*, која је — како је познато — некада била у центру интереса свих слависта, а за коју данас наши млађи књижевни историчари имају све мање интересовања. Карактеристична је у том погледу чињеница да се у последње време проучавањем српске средњевековне књижевности много више баве наши историчари и историчари уметности, него књижевни историчари. Тако је у овом послератном периоду најплоднији радник на проучавању средњевековне српске књижевности историчар Ђорђе Сп. Радојичић, који је, додуше, и пре Другог светског рата био познат као истакнут научник на овом пољу. У времену од 1945 до 1955 Радојичић је дао читав низ расправа и чланака, од којих нарочито треба истаћи најпре његову расправу „Доба постанка и развој старих српских родослова" (Историски гласник 1948, бр. 2), у којој доказује да почетак српских родослова пада још у доба босанског краља Твртка, који је и на тај начин желео да докаже своје право на наслеђе Немањићке државе. Врло значајни су исто тако и Радојичићеви научни прилози објављени под заједничким насловом „Из старе српске књижевности" (Зборник Института за проучавање књижевности САН II, 1951), а нарочито његове расправе „О старом српском књижевнику Теодосију" (Историски часопис IV, 1954), у којој има лепих и значајних научних резултата. Од радова осталих историчара треба истаћи расправу др. Растка Марића „Трагови грчких историчара у делима Константина Филозофа" (Глас САН 169, 1946), у којој је лепо показано у којој се мери К. Филозоф служио старим грчким и византиским хроничарима када је писао биографију Стевана Лазаревића. — Од историчара уметности нове прилоге изучавању Мирослављевог јеванђеља као уметничког дела дао је др. Лазар Мирковић, који је у својој књизи „Мирослављево јеванђеље" (Посебно издање САН, 1950) изложио резултате својих испитивања о византиским елементима који се могу наћи у минијатурама овог тако значајног споменика старе српске писмености. Корисне прилоге изучавању Мирослављевог јеванђеља дао је исто тако др. Св. Радојчић у расправи „Старе српске минијатуре" (1954), као и млади историчар уметности Ђ. Стричевић у чланку „Мајстори минијатуре у Мирослављевом јеванђељу" (Зборник радова Византолошког института САН I, 1951). — Од историчара књижевности

Младен Лесковац је прештампао свој студиозно рађени преглед позније наше средњевековне књижевности „Српска књижевност у Војводини пре Велике сеобе" (На нашој постојбини I, Нови Сад 1951). Др. Драгољуб Павловић је као увод у антологију „Из наше феудалне књижевности" (Сарајево 1954), дао кратак преглед развоја средњевековне српске књижевности, а у краћем прилогу „Једна позајмица Данила II из Климента Охридског" (Прилози за књижевност, XX св. 2, 1954), указао је на једно заједничко место у Данилову „Животу краља Милутина" и Климентове похвале св. Ћирилу. Најзад, од радова из наше старије књижевности треба поменути и врло корисне описе наших старих рукописа, какав је „Опис рукописа Народне библиотеке" у Београду од Светозара Матића (Посебно издање САН, Београд 1952), који је сада драгоцен пошто су сви ти рукописи изгорели за време Другог светског рата.

Много интензивнији и плоднији рад наших књижевних историчара у последњем десетогодишњем периоду одвијао се у области тзв. средње тј. дубровачко-далматинске књижевности. Ту је нарочито у центру пажње била наша ренесансна књижевност, о чијем је главном претставнику Марину Држићу написан низ значајних есеја и књижевно-историских студија. По старој традицији у изучавању овог дела наше књижевности учествовали су подједнако и српски и хрватски књижевни историчари и критичари (о раду хрватских књижевних историчара на овој области в. реферат др. Е. Штампара). Од српских књижевних историчара на првом месту треба споменути радове др. Петра Колендића који је данас несумњиво најбољи живи познавалац не само дубровачко-далматинске књижевности, већ и целокупне наше старије књижевности. Од његових расправа и чланака о М. Држићу по новим научним резултатима посебно се истиче његова студија „Премијера Држићева Дунда Мароја" (Глас САН CCI, 1951), у којој је дао не само тачан историјат постанка ове најбоље Држићеве комедије већ и низ других драгоцених података за боље познавање Држића и његовог доба. Врло користан прилог у том погледу претставља и Колендићева расправа „Један непознати контраст Марина Држића" (Зборник Филозофског факултета II, 1952) у коме је на основу брижљиве анализе језика и метрике доказао да је шаљива сцена „Карање" дело М. Држића. Нове научне резултате исто тако доноси и низ других Колендићевих расправа, као што су „Крунисање Илије Црнојевића у Академији Помпонија Лета" (Зборник радова Института за проучавање књижевности САН I, 1951), „Избор Анђела Полицијана за ректора у Дубровнику" (Зборник радова Института за проучавање књижевности САН II, 1952) „Једна макарска комедија из друге половине XVIII века" (Глас САН CCVII, 1953) и др. Занимљиво је да је у овом последњем раду Колендић успео да помоћу архивских података утврди да су сва лица из ове комедије са неизмењеним именима узета из савременог друштва Макарске. Овим радовима треба додати још и Колендићево издање Држићевог „Дунда Мароја" (Изд. Југословенске књиге, Београд 1951), које и по брижљиво прире-

ђеном тексту, зналачким коментарима и речником претставља најбоље издање ове Држићеве комедије. — Од осталих српских књижевних историчара, ту, затим, долазе радови др. Драгољуба Павловића „Нови прилози за познавање биографије Марина Држића" (Зборник Института за проучавање књижевности I, 1951), „О кризи властеоског сталежа у Дубровнику XVII века" (Зборник Института за проучавање књижевности САН II, 1952), „Преглед дубровачке лирике" (Дубровачка поезија — Зборник, Београд 1950), „Мелодрама и почеци опере у старом Дубровнику" (Зборник Филозофског факултета II, Београд 1952), „О ренесанској комедији" (Питања језика и књижевности I, Сарајево 1954), „Прилози биографији Стијепа Ђурђевића" (Зборник Филозофског факултета III, 1954), и др. — Из области дубровачке књижевности значајан је по новим резултатима рад Миливоја Петковића „Дубровачке маскерате" (Посебна издања САН, 1950), у коме је с успехом доказао да је Чубрановићева „Јеђупка" највећим својим делом (изузев шесте песме) обичан плагијат истоименог дела хварског песника Микше Пелегриновића. Врло корисне студије из дубровачке књижевности, рађене по архивском материјалу, претстављају и радови младог научника Мирослава Пантића: „Архивске вести о дубровачком позоришту друге половине XVII века" (Зборник радова Института за проучавање књижевности САН II 1952), „Ка изучавању Хорација Мажибрадића" (Прилози за књижевност XX, св. 3—4, 1954). У овом последњем чланку Пантић је, поред архивских вести које говоре о Мажибрадићеву боравку на острву Мљету, утврдио и тачну годину рођења овог дубровачког песника. Занимљива су исто тако и два Пантићева прилога „О истраживању веза народне и уметничке књижевности у прошлости" (Прилози XX, 3—4, 1954), у којима је показао како су касније анонимни песници претварали стихове дубровачких песника Ц. Палмотића и А. Глеђевића у бугарштице. — Од историчара драгоцене прилоге историји дубровачке књижевности дао је и др. Јорјо Тадић најпре у својој књизи „Дубровачки портрети" (СКЗадруга 305, 1948), у којој се нарочито истичу биографије М. Држића, Савка Бобаљевића, Ф. Лукаревића и Цвијете Зузорић, а исто тако и у својој студији „О друштвеној структури Далмације и Дубровника у време Ренесансе" (Zgodovinski časopis VI—VII, Љубљана 1952). У овој последњој расправи Тадић је дао, поред осталог, и врло успелу анализу политичких, економских и друштвених прилика које су условиле и развој наше ренесансе уметности и књижевности.

У проучавању наше народне (усмене) књижевности учињени су извесни напори и постигнути извесни резултати, мада то није ни из далека оно што на том пољу треба урадити. Тешкоће су и ту долазиле углавном услед недовољног броја стручних и научних кадрова. Због тога су главне радове из ове области током последњих десет година дали углавном научници који су још пре рата били познати као истраживачи наше народне књижевности. Тако је, например, др. Никола Банашевић, који се пре рата јако истакао својим студијама о Косовском циклусу и о циклусу Краљевића Марка, дао после рата две ра-

справе из ове области: „Имена вила у нашим народним песмама" (Зборник за проучавање књижевности САН II, 1952), у којој је дао објашњења о именима вила Мандалина, Анђелија и Равијојла; као и расправу на француском језику „La chute d'un ange et la poésie populaire serbe" (Revue des études slaves XXXI, 1954), у којој је показао да је Ламартин у своме спеву „Пад једног анђела" употребио не само нашу народну песму „Зидање Скадра на Бојани" већ и песму „Женидба Јанковић Стојана". Обе те песме Ламартин је читао у француском преводу Елизе Војар. — Др. Војислав Јовановић објавио је документовану студију „О лику Филипа Вишњића и других гуслара Вукова времена" (Зборник Матице српске за књижевност и језик II, 1954), а у дневним листовима написао је неколико значајних програмских чланака о начину издавања наших народних песама („За општи зборник наших народних песама, „Борба" 8 и 10 јуна 1952), и др. — Светозар Матић је у двема својим расправама „Порекло косовских песама кратког стиха" (Зборник Матице српске I, 1953) и „Вуков певач Рашко" (Зборник Матице српске II, 1954) изнео занимљиву теорију о утицају сремских манастира и Карловачке митрополије на постанак косовских песама из Вукове збирке. — Др. Видо Латковић дао је такође неколико значајних радова из области наше народне књижевности. Таква је његова расправа „О певачима српскохрватских народних песама до краја XVIII века", у којој је дао критички преглед помена и извора о певачима наше народне епике, почевши од најстаријих византиских хроничара и историчара па све до Вукова времена. Таква је исто тако и његова студија „Прелазне форме од усмене ка писаној литератури" (Књижевност и језик у школи I, 1954), у којој је утврдио услове под којима се врши постепени прелаз од усмене ка писаној уметничкој књижевности. — Др. Драгољуб Павловић објавио је чланак „О подели наше народне књижевности на периоде" (Прилози за књижевност XX, 1954), у којој се залаже за повезивање појединих епоха развоја народне књижевности са одговарајућим временским раздобљима писане књижевности. — Од млађих научника нарочиту активност у изучавању и издавању народне поезије показао је др. Војислав Ђурић. Поред краћих чланака и предговора уз антологије (предговор збирци „Народне приповетке", Београд 1948; обиман предговор „Антологији народних јуначких песама", Београд 1954), Ђурић је издао и две обимне студије из ове области. У првој од њих „Постанак и развој народне књижевности" (Београд 1954), он проучава однос усмене књижевности према друштвеном животу код разних народа и у разним епохама, настојећи да при томе утврди колико се и како се та књижевност мењала под утицајем одговарајућих друштвених и економских прилика. У другој студији „Српскохрватска народна епика" (Београд — Сарајево — Загреб 1955) Ђурић доказује да српскохрватска епика не води порекло од средњевековне феудалне витешке епике већ да је она одувек била негована од стране певача из широких народних слојева. Том приликом Ђурић нарочито побија тачност теорије Н. Кравцова о „демократиза-

ција" нашег епоса. — Од осталих публикација из ове области треба посебно истаћи ново критичко издање Вукових народних песама, пропраћено стручним напоменама и објашњењима у редакцији др. Н. Банашевића, др. Вида Латковића, др. Војислава Ђурића, др. Р. Алексића и С. Матића. — Нове наде за успешнији рад на проучавању наше народне поезије даје скоро основани „Одбор за издавање народних песама при Српској академији наука", који је основан са циљем да изда све до сада и штампане и нештампане народне песме са српскохрватског подручја. — Посебно, најзад, треба поменути и покушаје скупљања и проучавања лирских и епских песама из Народноослободилачке борбе које су објавили Б. Дробњаковић, Д. Недељковић, С. Назечић, М. Мојашевић и др.

Доба рационализма и просвећеног апсолутизма улазило је такође у круг интересовања наших научника, али су и ту претежно учествовали научни радници који су се и пре Другог светског рата бавили поглавито овом епохом наше историје књижевности. Тако је наш историчар, одлични познавалац XVIII и XIX века, др. Мита Костић објавио обимну монографију „Доситије Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX века" (Посебно издање Српске академије наука, Београд 1952), у којој је изложио све досадашње научне резултате до којих су и он лично, а и остали научници дошли у испитивању Доситеја и његовог времена. Значајан прилог историји нашег рационализма претставља и Костићева расправа „Духовни регуламенат Петра Великог" (Зборник радова Института за проучавање књижевности II, 1952), као и неки други његови мањи радови из области наше књижевне и културне историје краја XVIII и почетка XIX века („Стратимировић о ћирилици и књижевном језику Срба" — Прилози за књижевност XX, 1—2, 1954, и др.). — Ту, затим, долазе и радови осталих истакнутих књижевних историчара који су се и пре Другог светског рата бавили научним проучавањем српске књижевности у доба Просвећености и рационализма. Тако је Младен Лесковац, поред своје зналачки састављене Антологије старије српске поезије (Нови Сад, изд. Матице српске, 1952), дао и обимну расправу „Српско грађанско песништво XVIII века" (Чланци и есеји, Нови Сад 1949), у којој је дао потпун и тачан приказ и оцену наше грађанске лирике у Војводини. — Др. Крешимир Георгијевић, поред краћих радова о З. Орфелину и Ј. Рајићу („Орфелинов животни пут", Летопис Матице српске 1946, књ. 356, „Када је Ј. Рајић завршио своју Историју", Глас САН 1946), објавио је и обимне расправе о Павлу Јулинцу (Зборник радова Филозофског факултета II, 1952) и о Стефану Живковићу Телемаку (Прилози за књижевност XXI, 1955). У обема овим расправама Георгијевић је дао детаљан приказ живота и рада ове двојице наших књижевника Доситејева доба. — Др. Мираш Киђовић је као наставак својих проучавања о историји српског позоришта у средњем веку дао и расправу „Школско позориште у Срба у току XVIII и на почетку XIX века" (Зборник Института за проучавање књижевности II, 1952), у којој је проучио историјат школских претстава у Војводини, повезу-

јући их нарочито са одговарајућим претставама у осталим словенским и несловенским земљама тога времена. Уз то, Кићовић је у расправи „Младост Јоакима Вујића" (Зборник Матице српске II, 1954) настојао да на основу разних извора установи историјат школовања овог занимљивог српског списатеља. — Др. Георгије Михајловић такође је дао неколико корисних прилога бољем познавању српске књижевности XVIII века. Од њих нарочито је значајан прилог: Орфелин — писац „Тренодије" (Прилози за књижевност XX, 3—4, 1954), у коме је утврдио да у ред до сада непознатих Орфелинових дела треба уврстити врло импресивну тужбалицу „Тренодија в мир человека вшедшаго" која је још 1763 штампана анонимно у Венецији. — О Стефану Живковићу Телемаку дао је такође леп прилог познавању његова рада Милован Ристић (Гласник Историског друштва 1955, св. 1).

Неколике јубиларне прославе (стогодишњица победе Вукове реформе језика и правописа, стогодишњица смрти Б. Радичевића и П. П. Његоша и др.) допринеле су много да се у овом периоду о главним претставницима српског националног препорода и епохе романтизма објави већи број научних студија, расправа и есеја који су обогатили досадашњу стручну литературу о писцима нашег романтизма. Додуше, није било великих синтетичних студија или монографија које би шире осветлиле и научно објасниле цео овај период, али највећи број тих објављених радова претстављају ипак корисне прилоге бољем познавању овог значајног дела новије српске књижевности. Тако је Видо Латковић дао монографију о П. П. Његошу (изд. Нолит, Београд 1951), која је додуше намењена широј публици и школској омладини, али која ипак садржи известан број нових тумачења и поставки Његошева живота и рада. Леп прилог досадашњој литератури о Његошу претставља књига Исидоре Секулић „Његошу књига оданости" (СКЗадруга, 1951), која, додуше, нема научноистраживачки карактер, али у којој је на уметнички начин оживљен лик Његоша и као песника и као човека. — Више је полемичног карактера књига М. Ђиласа, „П. П. Његош" (Београд, изд. Културе 1952), у којој је учињен покушај да се да критички осврт на дотадашње студије и расправе о песнику „Горског вијенца". Од научноистраживачких радова о Његошу треба истаћи нарочито расправе: др. Николе Банашевића, „О Његошевој Слободијади" (Зборник Института за проучавање књижевности САН, књ. II, Београд 1952), у којој је објашњен постанак и дата тумачења и анализа овог до сада не много проучаваног Његошевог спева; — др. Перо Слијепчевић, „Стварање света и слика васионе у Лучи Микрокозма" (Зборник Института за проучавање књижевности САН II, 1952); — Аница Савић-Ребац, „Његош и богумилство" (Зборник Института за проучавање књижевности САН I, 1951), а исто тако и расправа „Његош, Кабала и Милтон" (Зборник Филозофског факултета II, 1952); — др. Видо Латковић, „Текстолошке студије Горског Вијенца" (Зборник Института за проучавање књижевности САН II, 1952); — С. Матић, „Прилог проучавању извора Луче Микрокозма" (Зборник за проучавање књижевности САН II, 1952); Петар Колендић,

„Његош у Државном архиву Венеције" (Зборник за проучавање књижевности II, 1952). Значајан прилог у изучавању Његоша, најзад, претставља ново критично, и богато снабдевено напоменама и коментарима, издање целокупних Његошевих дела (изд. „Просвете", Београд), у редакцији Н. Банашевића, В. Латковића, Р. Лалића и Р. Бошковића. — Прослава „Вукове године", тј. стогодишњице победе Вукове реформе језика и правописа изазвала је такође низ публикација и чланака о Вуку и његовим сарадницима. Од тих чланака, од којих већина има пригодан карактер, треба нарочито истаћи најпре две збирке чланака др. Александра Белића „Вук и Даничић" (Београд 1947) и „Вукова борба за народни и књижевни језик" (Београд 1948), као и есеје М. Богдановића „До Вука и од Вука" (Књижевност 1947), В. Глигорића „Лик Вука Караџића" (Књижевност 1947), И. Андрића „Вук реформатор", и др. Посебно од ових чланака треба истаћи научни прилог Ж. Милићевића „За једним Вуковим писмом" (у збирци „Радозналости", Суботица 1954).

Стогодишњица штампања прве збирке песама Б. Радичевића, као и прослава стогодишњице његове смрти, биле су повод да се и о песнику „Бачког растанка" објави велики број научних прилога, есеја и чланака. Тако је Д. Кириловић објавио неколико нових података о Бранкову школовању у Темишвару (Летопис Матице српске 1951), а Урош Џонић саопштио нову грађу о односима између Бранка и Јована Илића (Зборник за проучавање књижевности II, 1952). Од осталих чланака о Бранку треба још поменути есеј Ј. Поповића, „Нови квалитети у поезији Б. Радичевића", штампан у књизи о Бранку коју је уредио Ђ. Гавела (1952), затим чланак М. Лесковца („Б. Радичевић у годинама 1848 и 1849"), М. Богдановића, Бориславе Михајловића, С. Назечића („Епске песме Б. Радичевића" и „Нешто о лирици Б. Радичевића"). — Поводом прославе педесетогодишњице смрти Јована Јовановића Змаја објављено је у нашим књижевним часописима и листовима (Књижевност, Летопис Матице српске, Књижевне новине и др.) више пригодних чланака и есеја у којима се настојало да се поново истакне и осветли целокупан поетски рад овог нашег заслужног песника који се, у последње време, све више сводио на песника дечјих и сатиричних песама. Такви су радови Вељка Петровића, М. Лесковца, Б. Новаковића, С. Назечића и др. Једну обимнију студију о Змају објавио је Ж. Милисавац (Нови Сад, 1955), а Ж. Бошков је у једном свом чланку осветлио односе између Змаја и Јакова Игњатовића (Летопис Матице српске 1954, св. 10—11). — О Ђури Јакшићу објављено је за ових последњих година неколико значајних научних прилога. Тако је најпре М. Костић публиковао у посебној књизи критички сређену и објашњену преписку Ђ. Јакшића (Београд 1951), која ће врло корисно послужити будућим испитивачима Јакшићевог књижевног рада, док је Б. Ковачевић публиковао више нових података о боравку Ђ. Јакшића у Пожаревцу (Летопис М. Српске 1948). Користан прилог изучавању Јакшића претставља и расправа др. К. Георгијевића „О постанку и изворима Јакшићевих драма" (Зборник Ма-

тице српске II). Краће чланке и есеје о појединим радовима Ђ. Јакшића објавили су још Јован Поповић, М. Богдановић, В. Глигорић и др. — О трећем истакнутом омладинском песнику, Лази Костићу, изишло је такође неколико корисних научних радова, какви су др. Ж. Младеновића „Лаза Костић и његова дипломатска служба" (Зборник Института за проучавање књижевности II, 1952), и С. Вукмановића који је објавио неколико писама Л. Костића В. Богишићу. Од чланака и есеја о Л. Костићу истичу се чланци Ђузе Радовића и С. Винавера. — Од осталих српских писаца из доба романтизма треба поменути још чланке о Стј. М. Љубиши које су објавили Живко Миличевић, Ђ. Радовић и В. Латковић, као и живо писану монографију Бориславе Михајловића о Васи Живковићу. Научне прилоге о писцима нашег раног реализма дали су Ж. Милићевић (Стеријина „Покондирена тиква", у књизи есеја „Радозналости", 1954), др. Ђорђе Живановић („Бранков критичар Ј. Ст. Забавић", Прилози XX, 1954) и М. Поповић („Јаков Игњатовић у 1948 г.", Прилози XXI, 1955).

Још много детаљније и обимније је за протеклих десет година писано о скоро свима истакнутијим писцима српског реализма. Тако је најпре 1946 године, поводом прославе стогодишњице рођења Светозара Марковића, у читавом низу чланака и есеја био узет поново у претрес значај и улога Марковићева за развој реализма у српској књижевности. Такве есеје објавили су у нашим књижевним часописима и листовима М. Богдановић, В. Глигорић, И. Секулић, Јован Поповић, Војислав Ђурић, К. Георгијевић, Ж. Бошков и др. — Од посебних књига и монографија најпотпунији приказ рада српских писаца из доба реализма даје књига В. Глигорића „Српски реалисти" („Просвета", Београд 1954), а тако исто и четири послератне књиге М. Богдановића „Стари и нови", у којима нарочито треба истаћи чланке о Л. К. Лазаревићу и Р. Домановићу. Од осталих већих монографија значајна је нарочито књига Тодора Крушевца о Петру Кочићу, у којој је детаљно обрађен биографски део. Значајне есеје и чланке о српским реалистима дали су још: др. В. Латковић о С. Матавуљу, Стј. М. Љубиши и А. Шантићу; Ж. Милићевић о Матавуљу и Б. Нушићу; Ђуза Радовић о Л. К. Лазаревићу и Сими Матавуљу; Бошко Новаковић о С. Сремцу; Ж. Бошков о М. Глишићу и Св. Ранковићу, и др. — Много мање писано је о српским писцима XX века, као и о писцима између два светска рата. Од тих радова треба поменути есеје М. Селимовића и Ђ. Радовића о Ј. Дучићу, затим посебну књигу Ж. Милисавца о Душану Васиљеву, М. Лесковца о В. Петровићу и Н. Митрову, Марка Ристића о Р. Петровићу и М. Црњанском, Ст. Винавера о Р. Петровићу и Б. Ћосићу, и др. — Савременом књижевном критиком у овом временском периоду бавили су се врло активно М. Богдановић, В. Глигорић, Е. Финци, М. Ристић, М. Лесковац, Ђ. Радовић, Ђ. Гавела, З. Мишић, Б. Михајловић, Б. Новаковић и др.

Овај сумарни реферат, у коме су само назначене главне линије развоја српске књижевне историографије, показује ипак да су за

ових протеклих десет година учињени знатни напори и постигнути извесни позитивни резултати. У том погледу треба нарочито истаћи успехе који су постигнути у раду на ревизији књижевних судова и идејној селекцији наше књижевне прошлости, при чему је сарадња између наших књижевних критичара и књижевних историчара била од велике користи. Уз то, решено је много мањих проблема, биографских, библиографских и компаративних, објављен је велики број антологија, појединачних избора и критичких издања књижевних дела, што је све заједно допринело да наша књижевна јавност има много шири и дубљи увид у значај и вредност наше и старије и новије књижевности.

EMIL ŠTAMPAR

POSLIJERATNA NAUKA O HRVATSKOJ KNJIŽEVNOSTI

Nakon Oslobođenja pristupilo se u Hrvatskoj, kao i u drugim republikama, sustavnijoj organizaciji naučnoga rada na području nauke o književnosti. Žarišta nauke o hrvatskoj književnosti jesu: katedra hrvatske književnosti na Filozofskom fakultetu u Zagrebu, Odjel za jezik i književnost Jugoslavenske akademije, zatim pojedine naučne ustanove, kao što su Institut za narodnu književnost u Zagrebu, Historijski instituti Jugoslavenske akademije u Dubrovniku i Zadru te izvan Akademije Staroslavenski institut u Zagrebu; usto se znanstveni život razvija u obliku predavanja i diskusije u Hrvatskom filološkom društvu.

Razumljivo je, da na području nauke o hrvatskoj književnosti rade nastavnici i na drugim fakultetima u zemlji, gdje za to postoji predavač, a budućnost očekuje prinose i od onih nastavnika, koji će zaposjesti katedre spomenute književnosti na ostalim fakultetima u zemlji, za ostvarenje kojih se težnja vrše iskreni napori, koji međutim nailaze na poteškoće u pogledu nedostatka stručnjaka. U vezi s tim problemom trebalo bi istaći, da bi oni fakulteti, koji još nemaju nastavnika iz slovenskoga i makedonskog jezika i književnosti, možda nešto energičnije pokušali zadovoljiti tu potrebu, koju svi osjećamo. Naravno, na dotičnim je fakultetima zadaća, da se pobrinu za stručnjake. Predavanje svih jezika i književnosti naših naroda na svim fakultetima u zemlji bit će najlepši prilog zbližavanju i realan prinos bratstvu i jedinstvu naših naroda.

Sve je to rečeno zato, jer nauku stvaraju ljudi, a naučni kadrovi – to je baš bolna rana naše nauke o književnosti. Dok je naša socijalistička zemlja dala materijalne mogućnosti, da se osnuju i novi instituti ili proširi rad u dosadašnjim ustanovama, javila se velika teškoća: premali broj stručnjaka. Katedra hrvatske književnosti u Zagrebu imala je prije rata dva redovna profesora, jednoga za stariju i jednoga za noviju književnost, a poslije Oslobođenja, kad se broj studenata nekoliko puta povećao, bili su na katedri jedan profesor i dva asistenta.

Zbog pretežno naučno-nastavničkoga rada, uz veliki broj studenata, nije efekat na fakultetu mogao biti velik, što se tiče objavljenih studija i članaka i razumljivo je, da je Akademija ustanova, gdje je moguća mirnija koncentracija u naučnom istraživanju. Odjel za jezik i književnost u Akademiji pojačan je s nekoliko suradnika, koji su sakupljali i objavljivali književnu građu i članke. Mlađi stručnjaci u institutima po Dalmaciji uvode se u naučni rad, i neki su od njih već dali pokoji prilog, a iskusniji stručnjaci i veće radove.

Na taj se način vidi, da je broj znanstvenih radnika u spomenutim ustanovama premalen. A ipak bilo je pojedinih studenata književnosti, koji su se istakli

radom, no onda su se izgubili u pokrajini. Jedan od uzroka, da nema dovoljno stručnjaka, jest i taj, što u Zagrebu ne izlazi nijedna literarno-historijska revija osim *Slova*, koje se ograničuje na priloge iz najstarije književnosti. Dok su se slovenski slavisti lijepo afirmirali kod nas i u stranom slavističkom svijetu *Slavističkom revijom* i dok se ponovo pojavio u Beogradu časopis za književnu historiju *Prilozi*, dotle u Zagrebu nema ništa tome slično, jer se list *Jezik* bavi jezičnim problemima, a tek ponekad može privući pažnju literarnoga historika kakva stilska analiza nekoga književnoga djela. Takva revija, koja bi obrađivala literarno-historijsku problematiku, aktivizirala bi niz mladih ljudi i pomalo uvodila u kolo naučnih radnika te obogatila istraživalačke rezultate.

Istina je doduše, da je Akademija imala na umu izdavati *Hrvatski filološki godišnjak*, ali se nije pojavio nijedan broj. Vjerojatno je veći dio krivnje na samim literarnim historicima, jer da su sustavno obradili niz važnih i zanimljivih pitanja omogućilo bi se i materijalno izlaženje naučne revije, koja bi opet naša kulturna nastojanja reprezentirala u stranom svijetu. U takvu bi se časopisu razvila i kritika literarno-historijskih nastojanja, koje gotovo uopće nema, nego se o izdanjima Jugoslavenske akademije ponajviše referiralo u lokalnim zagrebačkim novinama sa živahnom kulturnom rubrikom *Narodni list*. Pritom treba istaći, da su beogradski *Prilozi* baš u pogledu kritike naučnoga rada na našim književnostima pokazali simpatičnu živahnost.

Međutim potreba je naučne revije zaista velika i svaki je kulturan čovjek svijestan, da je nepostojanje toga časopisa velik gubitak, koji neprestano raste i osvećuje se kulturi naroda. Zato ne budućnost, nego sadašnjost treba da razmišlja o tome, ne bi li se koncentriranim nastojanjima Akademije i Hrvatskog filološkog društva omogućilo izlaženje takve revije.

Da je naučni rad ipak pokazivao većih znakova života, zasluga je i pojedinih srednjoškolskih profesora, koji su se od vremena do vremena javili ponekim prilogom, a također umirovljenih nastavnika, koji imaju još najviše slobodnoga vremena za naučni rad. Svakako bi bilo poželjno, da se srednjoškolski nastavnici više javljaju svojim naučnim prilozima. Postoje problemi, koji se mogu rješavati i u pokrajini. Sakupljati građu o pojedinim piscima i o književnoj prošlosti nekoga specijalnoga kraja značilo bi izvršiti vrlo koristan posao. Međutim tu neaktivnost nastavnici većinom s pravom opravdavaju. Preopterećeni školskim i vanškolskim radom oni na takve poslove, koji bi ih povezivali s užom strukom, gotovo i ne mogu stići.

Od ostalih naučnih radnika ponekad su dali vrijedne priloge i učenjaci susjednih struka, osobito u komparativnim temama. Naročito treba istaći, da je i niz literarnih kritičara u više navrata ušao duboko u područje literarne historije i tom prilikom, premda u istraživanju nije išao do tako svestranih analiza, koje zahtijeva naučni postupak, ipak je naročito u preocjenjivanju nekih književnika dao vrlo vrijednih prinosa.

Boreći se s nestašicom mladih kadrova i nemajući vlastite revije, u kojoj bi se odgojili novi stručnjaci i razvila kritika naučnog rada, literarna historija je ipak pokazala znatnu aktivnost. Postojale su ipak edicije skupnih radova, koje su donosile niz rasprava, članaka i književne građe.

Razumljivo je, da je s te strane Jugoslavenska Akademija već po tradiciji prednjačila. Njezin *Rad* iznio je niz članaka i rasprava iz novije i starije književ-

nosti, a kao zanimljivost treba istaći, da je 301. knjiga *Rada* posvećena suvremenoj književnosti. Njezina *Građa za povijest hrvatske književnosti* češće se je od 1948. javljala nego prije rata te je nagomilala prilično podataka, koje će literarni historik uplesti kao detalje u organizam sinteze. Za razliku od prije rata, kad je *Građa* pod uredništvom stručnjaka starije književnosti donosila uglavnom priloge iz starije književnosti, sad je pod uredništvom prof. Barca objavljivala pretežno priloge iz novije književnosti. Tim je dobila nešto na živosti, ali pritom treba istaći, kako bi za neke priloge bilo bolje, da su bili štampani u historijskim edicijama. *Ljetopis* JAZU iznio je dosta građe o Akademijinim intencijama na literarno-historijskom području, a usto i niz biografsko-bibliografskih podataka o našim piscima. Historijski institut JAZU u Dubrovniku i Zadru pokazali su svoju stvaralačku snagu, prvi zbornikom *Anala* (1951, 1953), a drugi edicijom *Radovi* (1954), gdje je nekoliko članaka posvećeno i literarno-historijskoj problematici, specijalno vezanoj za ta kulturna središta.

Priloge iz najstarije književnosti, koja bi se većinom mogla nazvati pismenošću, primala je Akademijina edicija *Starine* i od 1952. časopis *Slovo* kao glasilo Staroslavenskoga instituta u Zagrebu s urednicima Rittigom i Hammom te izdanje *Radovi* (1952, 1955) pod uredništvom V. Štefanića i sa specijalnim zanimanjem za glagoljske probleme.

Poneki članci s problematikom iz narodne književnosti pojavili su se u *Građi*, u *Radu*, a također u Akademijinu *Zborniku za narodni život i običaje*, koji je pretežno etnografskog karaktera, ali je cijelu 38. knjigu (1954) posvetio narodnoj poeziji i Kačiću.

Prema tome je Jugoslavenska akademija razvila vrlo živahnu djelatnost, zaista veliku opsegom, ali gdje je – kao što je i prirodno – znatno više posvećeno pažnje iznošenju građe i manjim problemima, a rjeđe naučnoj sintetizaciji krupnijih pitanja. Svakako je mnogo učinjeno, i Akademija se ne treba bojati nikakvih paralela.

Od vremena do vremena literarni je historik objavio svoje radove i u *Zborniku radova Filozofskog fakulteta u Zagrebu* (1951, 1954) ili je zatražio gostoprimstvo *Historijskog zbornika*, časopisa *Pogledi*, koji je časovito ušutio, ponekad književnih revija *Hrvatskog kola*, *Republike*, edicija Matice Hrvatske, gdje su se pojavila oveća djela prof. Barca *Mažuranić* i *Jugoslavenska književnost* te Nakladnog poduzeća Zora u Zagrebu, gdje su izlazile uvodne studije o piscima u izdanju *Djela hrvatskih pisaca*.

Ta opsežna djelatnost nije ostala u stihijnoj razlivenosti, nego je pod vodstvom prof. Barca u Akademiji i pod uredništvom Dragutina Tadijanovića u Zori plod organizirane usmjerenosti. A djelovali su na to i neki vanjski uzroci. U zadnjih deset godina javile su se godišnjice bilo izlaska važnih djela, bilo spomendana na rođenja ili smrti značajnih književnika, pa je i to konstruktivno djelovalo, da je istraživalačka pažnja literarne historije i kritike u prvom redu posvećena vrlo značajnim piscima naše prošlosti: Maruliću, o kome je izašao poseban zbornik (1951), M. Držiću, Gunduliću, Brezovačkom, Mažuraniću, Kranjčeviću, Matošu, Krleži, a osim toga i radu velikog slavista i literarnog historika Vatroslava Jagića. Usto kako se naročito isticala povezanost literature sa životom, također se s najviše sustavnosti proučavala književnost iz razdoblja realizma, pa je razumljivo, da

su izašli Gligorićevi *Srpski realisti*, a o hrvatskim je realistima više autora napisalo poveće članke.

U zadnjih deset godina zaista je dominantna sociološka metoda različitih nijansa. U većini radova nauka je proučavala pisca u vezi sa društvom, nastojala je odrediti napredne i konzervativne elemente književnog djela i objasniti ih društvenim proturječjima. Naročito je obraćala pažnju piščevoj kritici društva, ističući često da takve aktivističke težnje za boljim društvom nisu pesimizam. Pronalazila je glavne elemente ličnosti i često otimala pisca iz zagrljaja mistike, kuda je književnika jednostrano gurala prijašnja kritika zatvarajući pritom oči pred pretežnim aktivizmom. Nastojala je riješiti proturječja između pisca, opterećenog baštinom konzervativizma i sugestije stvarnosti, koja je djelovala na pisca tako, da je postao kritik one društvene klase, kojoj je pripadao, pa se tim približio čitaocu i kao umjetnik. Ulazila je i u analizu stvaralačkih elemenata djela, ali općenito se može reći premalo.

Najprije je bila potrebna idejna selekcija prošlosti, a estetske su analize često ostavljane za kasnije vrijeme. Rasprave kao Skokova o stilu *Judite* u *Marulićevu zborniku* (1951) ili Guberinina o ritmu u Krležinoj drami *Kristofor Kolumbo* (*Republika* 1953) ili Taranovskoga o Krležčevoj metrici (*Južnoslovenski filolog* 1951–1952) nisu česte pojave. Nasuprot tome ponekad se previše sociologiziralo, a rijetko doduše i ekonomiziralo.

To ne znači, da literarnog historika ne trebaju zanimati ekonomski problemi! Razumljivo je, da se istraživač mora čuvati vulgariziranog tumačenja književnih pojava izravnim ekonomskim utjecajima, namjesto da se diskretno uživi u psihološku atmosferu književnog događaja i piščeva talenta na magnetičnoj pozadini društvenih, političkih i kulturnih isprepletanja u određenoj vremenskoj lokalizaciji. Ali ako literarni historik na istraživalačkom putu naleti na književno djelo s ekonomskom problematikom, svakako će biti vrlo zahvalan ekonomistu, koji je taj problem obradio i dao mogućnost lakšeg snalaženja književnom istraživaču. Taj će ipak posvetiti osnovnu pažnju pitanju, koliko je piscu uspjelo specifičnim stvaralačkim zahvatima izraziti taj ekonomski proces. Novakov je roman *Posljednji Stipančići* po vremenskim epitetima prilično mutan, ali rasprava *Borba jedrenjača s parobrodima u Hrvatskom primorju* (*Historijski zbornik* 1949, br. 1–4) pokazuje, da je ekonomski problem propadanja jedrenjaka i pobjede parobroda s brojnim društvenim posljedicama bio u vrijeme, kad ga je pisao Novak, još dosta aktualan. To se uostalom tiče i Viktora Cara Emina.

A slične usluge prima literarni historik od sociologa i filozofa. Savković je na pr. podcjenjivao Tomićev roman *Melita* (1899), jer je smatrao, da je tu poslije Đalskoga sa zakašnjenjem prikazano propadanje plemića. Bolji poznavač društvenog razvoja u Hrvatskoj zna, da je Đalski uglavnom naslikao male i srednje plemiće na putu u grobnicu historije, jer su oni u nekoliko decenija poslije 1848. rapidno nestajali. Ali Tomić je ocrtao propadanje aristokracije, koja je udarce sudbine masovnije osjetila osamdesetih i devedesetih godina, te je *Melita* bila i te kako aktualna i nije značila zakašnjenje, jer je iznosila živu problematiku, koje se Đalski nije temeljito prihvatio.

Ili, koliko je hrabriji istraživač, kad pristupa Kozarcu, nekritičnom obožavaocu Darwina, s Prenantovom ocjenom pozitivnih i negativnih stavova toga značajnog prirodoslovca!

Inače je još važan odnos nauke i kritike, koji je uostalom već bio dotaknut. Katkad je zapravo i teško povući u radovima granicu između kritike i literarne historije. Poneki su kritici nastojali temeljitije ući u književnu problematiku prošlosti, a s druge strane poneki su literarni historici bili upućeni, jer nije bilo naučne revije, na suradnju u književnim časopisima, i to se onda odrazilo u djelomičnom esejiziranju radova, u većoj sintetičnosti, a manje u vanjskim oznakama naučnosti, kao što je na pr. previše citiranja tuđe literature o predmetu i zalaženje u sitnije probleme. Takav način rada, koji traži karakteristično, a ne gubi se u pozitivističkim prašumama i koji bitne elemente problema daje živahnijim sredstvima, često nalazi brži put u književnu sredinu, koju jače impresionira i veže za književnost, premda mu djelomično nedostaje naučna svestranost i potpunost dokumentacije. A gesta kritike, kojom je napuštena tradicija između dva rata, da se kritika bavi samo suvremenom književnošću i ne zanima se za starije pisce, pohvalna je i poželjna kao znatna pomoć radu literarnog historika, koji opet treba da budno prati i suvremenu književnost te tim osvježava svoj ukus i metodu u proučavanju književne prošlosti.

Razumljivo je, da je bilo stanovitih razlika i nijansa osim onih bitnih, koje leže u glavnim karakteristikama tih područja djelatnosti. Dok je jedan dio kritike bio previše deklarativan i u toj glasnosti promjenljiv, ili se pod estetskim kvalitetom smatrala katkad idejna naprednost pisca, nauka je baš zbog toga bila ponešto sustezljiva, ali je kod jednog dijela literarnih historika postojala pažljiva težnja, da osvjetljuju književne probleme marksističkom metodom. Baš zbog te metode nastaje zbližavanje tih dviju grana književnih aktivnosti, a nestaju »napeti odnosi«, koji su u prošlosti bili često nesnošljivi i nekonstruktivni.

U ostalim radovima primijenjena je obično pozitivistička metoda, pa ponekad u obradi starijih tekstova i filološka metoda. Razumljivo je, da su idejna osvjetljenja dobivena pozitivističkom metodom većinom izblijedjela i tek pojedini rezultati mogu da se upotrebe u kritičkoj sintezi književne problematike. Ako pozitivistička metoda postavi zadaću, da skuplja i priprema književnu građu i probleme, može da korisno djeluje i danas. Neprijatna je činjenica, da starije generacije literarnih historika, koje su marljivo istraživale građu po arhivima, pomalo odlaze, a da je premalo mladih stručnjaka, koji nastoje, da se dovoljno upoznaju s bogatim iskustvima starijih pozitivista i da im to onda koristi pri radu.

Rezultati nauke o hrvatskoj književnosti u zadnjih deset godina nisu preveliki, ali su svakako značajni. Najveća je nestašica u većim raspravama, u kojima bi se detaljno razradio neki važniji književni problem. Žurba vremena kao da je zahtijevala od literarnog historika aktualnost tematike i ažurnost, a nije mu ostavljala dovoljno vremena za radove duljega daha. Međutim zadnjih su godina mogućnosti s te strane bolje, te budućnost s pravom očekuje veće radove, koji su uostalom već na pomolu.

Zanimljivo je, da su na području nauke o novoj hrvatskoj književnosti upravo najveće monografije s problematikom iz ilirizma, i to knjige prof. Barca: *Mažuranić* (1946) i *Književnost ilirizma* kao prva knjiga *Hrvatske književnosti* (Jug. ak. 1954), koja postepeno treba da izađe u nekoliko svezaka. Iz toga razdoblja iznio je prof. Barac još dva portreta, i to o Stanku Vrazu i Petru Preradoviću, koji su štampani kao uvodi u *Djela* tih pisaca (Zora 1954). Ta dva oveća članka pisana

su s nekim esejističkim crtama, ali donose naučne rezultate i bitne karakteristike tih dvaju pjesnika.

Sudeći po građi, koju su ti radovi obuhvatili, očito se može reći, da je ilirizam svakako od svih razdoblja u hrvatskoj književnosti najsvestranije obrađen. Knjiga *Književnost ilirizma* na svaki je način vrlo široko i temeljito zasnovana monografija o književnosti jednog razdoblja. U njoj je prikazana kajkavska književnost uoči ilirizma u atmosferi polaganog nestajanja, a onda politički odnos Hrvatske prema Austriji, gospodarske i društvene prilike, utjecaj ideja sa Zapada, karakteristike evropske romantike, politički i kulturni ciljevi ilirizma s pokretanjem novina i časopisa i osnivanjem ustanova, idejnost ilirske književnosti, glavne književne vrste razdoblja, odnos prema jeziku, stihu, stilu i uopće prema književnim pojmovima, veze sa stranim piscima, odjek u čitalačkoj publici i odnos prema tadašnjoj evropskoj književnosti. Nakon te sintetske karakteristike razdoblja nanizao je prof. Barac portrete od 24 književnika.

Ta je monografija svakako najznačajniji prinos u proučavanju hrvatske književnosti i, u odnosu prema prijašnjim djelima o tom razdoblju, ona znači ogroman korak naprijed. Istina, možda bismo poželjeli, da isprepletanje gospodarskih, društvenih i političkih prilika bude povezano jačim nitima uzroka i posljedice, da slika romantike bude izrazitije dana, a u osvjetljenju pojedinih problema i pisaca bit će i starijih stavova. Ali to je ujedno i knjiga, koja je znala naći pravi razmjer u prikazu problema i portreta, uzimajući u obzir samo bitne biografske podatke, a onda se dala na analizu idejnih i stvaralačkih elemenata djela obično iznoseći u prvi red bitne karakteristike najboljih djela.

Nešto slično moglo bi se reći i za monografiju o Mažuraniću, koju je prof. Barac počeo pisati još prije rata, te je *Književnost ilirizma* očito svežije pisana. I tu se ne bismo mogli složiti s nekim tvrdnjama prof. Barca o Mažuraniću kao politiku, katkad o osvjetljenju idejnosti i glavnog problema u *Smrti Smail-age Čengića*, što je u kasnijem slovenskom izdanju toga djela on i sam konkretnije i izrazitije precizirao. Ali i opet treba istaći, da su u toj studiji sistematski postavljeni i riješeni mnogi problemi u vezi s temom i da je, više nego u bilo kojoj studiji zadnjih deset godina, prof. Barac posvetio pažnju detaljnoj estetskoj ocjeni Mažuranićeva djela provevši opširnu i ukusnu analizu pjesničkog izraza, kompozicije, stiha i stila, sa završnom sintezom, i pokazavši, uglavnom, u čemu je veličina Mažuranićeva.

Njegovi su članci o Vrazu i Preradoviću pisani živo, a s namjerom da se istaknu talenti tih pisaca i njihova borba s jezikom, zbog koje nisu mogli postići bogatu stvaralačku žetvu, do koje bi došli, da su bolje poznavali jezik.

Osim toga Vraz je privukao pažnju i drugih literarnih historika. Prof. Slodnjak je u ostavštini pronašao mnogo Vrazovih slovenskih pjesama te ih je s opširnijim popratnim uvodom izdao u Jugoslavenskoj akademiji (I, II, 1951), a Slavko Ježić je u dva uvoda kritičnom izdanju Vrazovih *Pjesničkih djela* I, II (1953, 1954) objasnio one momente, koji su djelovali na stvaranje tih djela. Prof. Petrè pisao je o Vrazu u izdanju *Godišen zbornik* (Skopje, 1948) kao o književniku, koji je vodio prve borbe za realizam u hrvatskoj književnosti. Iz građe toga razdoblja obradila je Olga Šojat dva problema, i to: *Prva satira na socijalne i književne prilike u vrijeme ilirizma* pisca Vladovita Zorca (*Zbornik radova Fil. fak.*, Zagreb 1951) i

Političko-patriotska lirika Ljudevita Vukotinovića (*Zbornik rad. F. f.* 1954), lirika koja doduše nije bila stvaralačka, ali je dizala nacionalnu svijest za ilirizma.

Na području komparativnih problema naročito je Josip Badalić istražio veze preporoda s ruskom književnošću: sveslavenski zanos, prijevode ruskih pisaca Ljermontova, Homjakova, Jazykova, Žukovskoga, Venevitinova i njihove utjecaje, poticaje, a osobito Puškina, koga su neki ilirci smatrali svojim učiteljem, zamjene knjiga, članke o ruskim piscima, pa i o Gogolju, pri čemu je sa žalošću konstatirano, da u preporodnoj književnosti nije odjeknuo glas naprednoga kritičara Bjelinskoga (*Ruski pisci u književnosti hrvatskog preporoda. – Hrvatsko kolo, 1946*).

Na takav se način slika ilirizma pojavila i u svestranoj sintezi i u radovima o pojedinačnim problemima, dok su prijašnje studije o ilirizmu većinom zastarjele. Nakon prof. Fanceva, koji je zaslužan za iznalaženja domaćih izvora preporoda, ali i jednostran zbog odbijanja stranih utjecaja, ti su noviji radovi uzimali u obzir ulogu obadviju komponenata, a više nego prije izvršena je estetska ocjena preporodnih vrednota i istaknute su literarno-historijske zasluge iliraca, pri čemu je znatno proširen pogled na neke pisce kao što su Mažuranić, Vraz i Preradović.

Skromna književnost pedesetih i šezdesetih godina nije mogla privući pažnju literarnih historika, tako da se osim Barčeva članka o Veberovim putopisima u *Radu* (281) i Ravlićeva uvoda o Luki Botiću u *Djelima* toga pisca (*Noviji hrvatski pisci, 2, 1949*) i ne može se nešto posebno istaći.

Ni Šenoinu razdoblju nije posvećena posebna pažnja. Istina je, da su se pojavili veći članci o glavnim piscima, i to Barčev o Šenoi u uvodu Zorinih *Djela* (1951), o Franji Markoviću u izdanju *Doma i svijeta* (Jug. ak. 1948) i moj članak o Josipu Eugenu Tomiću u uvodu Zorinih *Djela* (1952). Ali u biti su tu u sintetskom obliku dani rezultati iz predratnih opsežnih studija, s tim da je u članku o Tomiću njegov književni rad na bazi nekih novih podataka ocijenjen s nešto više priznanja.

Novijih osvjetljenja iz toga razdoblja naći će se u studiji Zdenka Škreba: *Tragovi njemačke poezije u Šenoinim stihovima* (*Rad* 290, 1952), gdje je dokumentarno prikazan Šenoin odnos prema njemačkoj književnosti, zatim pojedini utjecaji na njegovu poeziju, i to u prvom redu Schillera, Goethea, Lenaua i nekih manjih pisaca. Nove rezultate dao je prof. Barac u studiji *Hrvatska novela do Šenoine smrti* (*Rad* 290, 1952), gdje je na društveno-političkoj pozadini prikazan postepeni razvoj hrvatske novele od prvih djetinjih koraka za vrijeme ilirizma, preko hajdučko-turske novele pedesetih i šezdesetih godina, preko nešto vještijih pripovijesti Jurkovića, Vebera, Tomića, do kvalitetnih radova Augusta Šenoe.

Razdoblje realizma očito je najviše privuklo pažnju literarnih historika. Velikih studija kao o ilirizmu doduše nema. Ali zato se o pojedinim piscima realizma javilo i po nekoliko većih ili manjih članaka, pa su izuzetni pisci kao Harambašić, o kojima se nije posebno govorilo. I o njemu je ipak izašao oveći članak Antuna Barca u knjizi *Veličina malenih* (1947), ali je on, kao i ostali prilozi te knjige, objavljen već između dva rata. Inače je o Kovačiću pisao Milan Ratković u uvodnom članku *Djelima* A. K. (1950), Vice Zaninović u *Hrvatskom kolu* (1950) i Krešimir Georgijević u *Književnim studijama i ogledima* (1952), o Kumičiću i Novaku Antun Barac u predgovoru *Djela* (1950; 1951), o Turčiću, Leskovaru, Draženoviću Ivo Frangeš u uvodu njihovih *Djela* (1953), o Kranjčeviću Marin Franičević, Vladimir Popović, Marijan Matković, Petar Šegedin – svi u *Republici* (1948), Petar Lasta i Dragutin Tadijanović u *Hrvatskom kolu* (1948) i ja u *Republici* (1952 i 1955).

Razumljivo je, da je u obilju tih članaka bilo i stanovitih većih ili manjih nijansa u metodološkom pristupanju piscima, a i razlika u rezultatima. Ipak je u svim tim radovima, negdje više negdje manje, istaknuta težnja, da se pisac promotri u njegovu odnosu prema društvu, da se podignu u prvi red idejno-kritički stavovi pisca i da se eventualne zablude objasne društvenim proturječnostima i piščevim nesnalaženjem. U takvu je radu na pr. Ratković dao dosta novih podataka i idejnih osvjetljenja o Anti Kovačiću, a Zaninović je u prigodnom članku nešto više ušao u psihološke elemente toga pisca. Frangeš je možda najviše pisao esejistički, osim nekoliko kritičara, koji su zašli u literarnu historiju, da kao Franičević, Popović i Lasta dadu lirski lik aktivističkog, kritičkog, antiklerikalnog i socijalnog Kranjčevića, a Marijan Matković da takav lik izvojuje u borbi s prijašnjom kritikom. U prvom članku o Kranjčeviću (1952) pokušao sam, da takve težnje razmotrim u okviru cjelokupnog njegova rada te sam za takvo osvjetljenje našao potvrda u njegovu novelističkom radu, dramskim pokušajima, kritičarskom i uredničkom radu u *Nadi;* to je ujedno prvi pokušaj studije o cjelokupnom Kranjčevićevu književnom djelovanju. Iz drugoga se članka vidi, kako je Kranjčević poticaje za stvaranje dobio iz proturječja tadašnjeg društva, ali je često doživljaje raširivao retrospekcijama i perspektivama do širokih čovječanskih sinteza s ogromnom i plastičnom metaforikom izraza, obasjavajući probleme sa stajališta građanskog intelektualca potkraj 19. stoljeća, razočaranog u pozitivizmu, tražeći očima put prema socijalizmu i djelujući pritom i na svoje suvremenike i na kasnije čovječanstvo. Nazor je, osim vlastitih impresija o doživljavanju Kranjčevića, dao vrlo dobrih sudova o metričkim problemima Kranjčevićevim *(Rad* 251, 1950). Ilija Kecmanović je u *Gradi* (1951) iznio i komentirao obilnu korespondenciju Kranjčevićevu s njegovom suprugom. Tako je Kranjčeviću s pravom posvećena velika pažnja, ali još uvijek premala, jer je Kranjčević pjesnik u svjetskom mjerilu.

K. Georgijević je dobro istakao elegični stav Đalskoga u djelima sa zagorskim motivima *(Književne studije i ogledi,* 1952). Ja sam pokušao analizama pokazati, da je taj pisac često i kritik vlastite klase u propadanju, pa je tim Đalski postao i kao čovjek i kao stvaralac bliži današnjici *(Djela,* 1952).

Veze Josipa Kozarca s ruskim piscima, naročito s Turgenjevom, istražio je Josip Badalić *(Zbornik r. F. f.,* Zagreb 1954). Za atmosferu realizma značajna su dva članka Aleksandra Flakera, izvađena iz obranjene disertacije, i to: *Časopis »Svijetlo« (Zbornik r. F. f.* 1954) i *O pravaškom radikalizmu 80-tih godina XIX stoljeća (Hist. zbornik* 1954), koji dobro osvjetljuju književna nastojanja pravaške ljevice i kasniju dekadansu stranke.

Još je potrebno istaći, da su ispravljene neke nepravde, koje je piscima realizma nanijela cenzura. Tadijinović je pronašao dobru borbenu pjesmu osamnaestogodišnjeg Kranjčevića *In tyrannos,* koju 1885. nije mogao štampati zbog Khuenove cenzure. Isto tako je novela Đalskog *Životopis jedne Ekscelencije* bila 1898. cenzurirana u *Vijencu,* a 1952. je prvi put objavljena u punom opsegu u *Djelima* Đalskog. Kako sam pronašao nove podatke i koncept Kozarčeva romana *Među svijetlom i tminom,* bilo je moguće staviti pri kraju romana najbolju varijantu najnapetije situacije, pa je tim pojačana dramatičnost i psihološka dosljednost romana, koji je prije cenzura dvaput kljaštrila (izd. 1951).

Tako je – gledano u cjelini – razdoblje realizma najviše osjetilo suvremene metodološke zahvate i razumljivo uz otkrivanje nove građe prilično dobilo izrazi-

tiju fizionomiju i u pogledu biografskih, bibliografskih, idejnih, a i estetskih osvjetljenja. Nasuprot jednostranom Savkovićevu isticanju utjecaja francuske književnosti na taj književni period, u zadnjem su desetljeću naročito proučeni i istaknuti poticaji ruskih realista i književnih teoretika hrvatskoj književnosti.

Realizam je bio najživahnije sastajalište literarnih historika, pa i kritika, ali što se više ide prema najnovijoj književnosti, dobiva se osjećaj spuštanja s vrha nizbrdo. Već se o Modernoj vidi samo nekoliko osamljenih radova. Hrvatska Moderna, pretežno subjektivističko razdoblje, ostala je prilično po strani od naučno-istraživačkog interesa i Gligorićev poziv pred nekoliko godina u *Književnim novinama*, da se započne s proučavanjem modernije jugoslavenske književnosti, nije naišao na pravi odjek. Stariji članci o tom književnom razdoblju pretežno su isticali dekadentnost i morbidnost atmosfere. Pred današnjim se istraživačima postavlja zadaća, da prouče realističke elemente i patriotsko-aktivistički simbolizam toga razdoblja, što je već učinjeno na području Slovenske Moderne. Takve značajne oznake, za koje će se naći dovoljno dokumentacije, treba unijeti kao bitne u sliku Hrvatske Moderne.

Dosad je pažnja posvećena Nazoru i Matošu, a od ostalih pisaca značajno je, da je Tadijanović pronašao nekoliko dobrih pjesama Vladimira Vidrića *(Republika* 1951, *Narodni list* 1955. 17. IV.) Najpregledniji je Barčev članak o Nazoru u *Ljetopisu JAZU* (1952).

Zaninovićevi članci o Vladimiru Nazoru *(Republika* 1949) i o Viktoru Caru Eminu *(Hrvatsko kolo* 1951) zanimljivi su u prvom redu kao informativni pokusi, da se u glavnim crtama obuhvati rad tih pisaca, ali premalo kritični, jer su pisani prilikom smrti Nazora ili jubileja Cara Emina. No zato je u uvodu *Djela* (1953) kritičnije ocijenjen cjelokupni Šimunovićev rad, o kojem je Zaninović napisao studiju još prije rata. Članci Milana Marjanovića o književnim težnjama mladoga Nazora *(Hrv. kolo* 1951) i dva predgovora u Akademijinu izdanju *Hrvatska Moderna* I, II (1951) o društveno-političkoj atmosferi, u kojoj su djelovali Mladi s njihovim demonstracijama, tendencijama književnih časopisa, borbama sa Starima – više su esejističkog karaktera, ali s mnogo korisnih sudova i podataka za literarnu historiju. Nešto slično vrijedi za Matkovićev članak o Matošu kao kritiku *(Republika* 1951), u kojemu je iznad brojnih proturječnosti naročito podignut talentirani kriticizam toga borca za umjetničke vrednote.

Gotova disertacija Jure Kaštelana o Matoševoj lirici nije još štampana.

Dalji put prema suvremenosti vodi sve više u područje esejistike i suvremenije tematike. I literarno-historijski članci nose u sebi esejističkih elemenata. Tu će se pojaviti Barčev članak o Goranu Kovačiću *(Republika* 1945), Zaninovićev informativni članak o Augustu Cesarcu *(Republika* 1946), vjerojatno kao plan za disertaciju o tom piscu, koju je upravo završio, i moj članak o cjelokupnom radu Grgura Karlovčana *(Ostvarenja* 1947).

Znatan dio pisaca iz toga vremena još je u najboljem stvaralačkom zamahu i razvoju, pa literarna historija, želeći za analizu mirniju distanciju, rijetko ulazi u to područje, ostavljajući tu prednost kritici, koja se pokazala marljivom. Samo u vezi s parolom o distanci može se reći, da nije dovoljno motivirana, jer iskustvo uči, da kasnije generacije često revidiraju sudove, dobivene već iz distance, a opet iz dobrih kritika pisanih o živom autoru i djelu, koje je neposredno izašlo, često ostaju bitna zapažanja, koja trajno žive (Matoš). Zato esejistički članci,

gdje je provedena izrazitija koncepcija problema ili pisca zaslužuju veliko priznanje i za nauku su dragocjeni prinos vrednovanju pisca. Nekoliko Krležinih i Šegedinovih poslijeratnih referata o književnim problemima dalo je brojne poticaje na razmišljanje i kritici i nauci o književnosti.

Od esejističkih radova treba istaći Matkovićev članak o A. B. Šimiću *(Ostvarenja* 1947) i o Krležinu dramskom stvaranju *(Dramaturški eseji* 1949), Vučetićev članak o cjelokupnom radu Miroslava Krleže *(Pogledi* 1955) i Kaštelanov prikaz Gorana Kovačića, štampan kao pogovor Goranovih *Izabranih djela* (1951), a pažnju zaslužuje i Jeličićeva knjiga *Lica i autori* (1953), u kojoj je iznesen niz zapažanja o stvaralačkoj metodi naših suvremenih pisaca.

Miroslav Krleža, u užem izboru lirike, proze i naročito drame, najbolji suvremeni jugoslavenski pisac (premda Ivo Andrić ima u inozemstvu većih uspjeha), nije do danas dobio studije, koja bi razotkrila sve kvalitetne nijanse njegove visoke umjetnosti. Spomenuta dva rada, u kojima je osvijetljeno Krležino stvaralačko probijanje kroz simbolizam i ekspresionizam do realizma njegovih najviših ostvarenja, svakako sadrže u sebi mnogih sintetskih konstatacija, s kojih će biti znatno olakšan put u dublje proučavanje toga pisca.

Među sadržajnijim esejističko-sintetičkim radovima naročito se ističu još dva priloga u *Hrvatskom kolu* (1949), posvećena problemima drame.

Prvi je Matkovićev prikaz hrvatske drame 19. stoljeća, dan s kritičkom, idejnom i estetskom ocjenom pisaca, a često i prijašnje literature o tim problemima.

Drugi je članak Mihovila Kombola *Hrvatska drama do 1830. godine*, u kojemu je autor finim sintetičkim zahvatom prikazao razvoj dubrovačko-dalmatinske drame uz direktno označenu društveno političku pozadinu, što dobro služi kao dopuna njegovoj *Povijesti hrvatske književnosti* (1945). A tim radom otvoren je put prema nauci o starijoj hrvatskoj književnosti, o kojoj će biti iznesени neki sumarni pogledi. Kombol je osim spomenutog pregleda napisao još nekoliko sintetskih članaka iz starije književnosti, i to o Maruliću u predgovoru *Judite* (1951), o Ivanu Česmičkom u Akademijinu izdanju latinskih *Stihova i epigrama* (1951) i tomu dodanog živog prijevoda Nikole Šopa. Tom prilikom treba istaći, da je Akademija počela izdavati *Hrvatske latiniste*, jer su ih počeli neki susjedni narodi svojatati.

Nešto poput Kombolova pregleda starije drame može da bude za liriku predgovor Dragoljuba Pavlovića u zborniku *Dubrovačka poezija* (1950), a taj je autor izdao i niz članaka: *Iz književne i kulturne istorije Dubrovnika* (Sarajevo, 1955). Petkovićeva knjiga *Dubrovačke maskerate* (1950) već je opširnija znanstvena rasprava s novim rezultatima. Ne samo da je autor dao cjelovit rad o toj književnoj vrsti u »hrvatskoj Ateni«, nego je analizama nastojao razbiti mit o Čubranovićevoj *Jedupki*. Upozorio je na nove strane i domaće poticaje, dao znatno veću ulogu Pelegrinoviću, koji je prije nosio neprijatno ime plagijatora, a sad je to djelomično morao preuzeti Čubranović. Pritom je ipak priznata tom piscu kompoziciona spretnost, da je iz svojih i Pelegrinovićevih stihova sastavio »nizu neosporne ljepote«. Ipak i nakon Petkovića i Sečkareva, koji je pokušao *Jedupku* dati Gunduliću, taj će problem i dalje privlačiti nove istraživače.

Inače dok je u istraživanju na novijoj književnosti bilo više težnje za sintezom i više ulaženja u veće probleme, u proučavanju starije književnosti pretežno je posvećena pažnja postavljanju i rješavanju manjih problema književnih, zatim

skupljanju i objavljivanju građe, kritičkih tekstova, ali zato s većom pažnjom za pojedinost i dokumentaciju. Obično su glavni problemi tih prinosa: utvrđivanje autorstva pojedinih radova, otkrivanje novih djela, pronalaženje točnih dana rođenja, smrti pisaca ili godina njihovih izdanja, slika društveno-političkih prilika, odnos djela prema njegovim historijskim izvorima, veze naših pisaca sa stranim književnicima, odnosno utjecaji i t. d.

Prilozi Stjepana Ivšića, Petra Kolendića, Tome Matića, Mihovila Kombola, Josipa Badalića, Mirka Deanovića, Cvite Fiskovića, Dragoljuba Pavlovića, Jorja Tadića, Hamma, Ratkovića, Žica, Antoljaka, Štefanića, Kastropila, Musulina, Aranze, Vrane, Berića, Pantića, Đamića, Putanca, A. Zaninovića, Maštrovića, Muljačića, Morovića i drugih, unijeli su dosta svijetla u glagoljsku, dubrovačko-dalmatinsku, slavonsku i kajkavsku književnost, a za proučavanje novije književnosti objavili su dosta građe, manjih članaka i komentara Barac, Jagoditsch, Polenaković, Maixner, Esih, Ravlić, Zdenka Marković, Škreb, Magarašević, Kecmanović, Ivanišin i ja.

Međutim, ako su se stručnjaci za stariju književnost nekako ustručavali da uđu u šire probleme, s dosta su odvažnosti to učinili marksistički kritičari. Promatrajući Marka Marulića u sklopu tadašnjeg društva i podvrgavši kritici osvjetljenja prijašnjih literarnih historika, pokazao je Marin Franičević, da je taj pisac uza sve srednjovjekovne utjecaje ipak imao otvorene oči i za životnu stvarnost, koju je kritizirao, a u nekim dijelovima *Judite* i *Suzane* i umjetnički izrazio *(Pisci i problemi* 1948). Zasluga je Živka Jeličića, da je u životu i djelima Marina Držića istakao socijalne sklonosti, ali je nešto pretjerao, dajući mu preveliku revolucionarnost. To je s pravom kritizirao u članku o Marinu Držiću Franjo Švelec *(Pogledi* 1953), samo što bi, pogotovu u polemici sa stranim slavistima, trebao biti dokumentaran. Usto je Švelec dao kritičkih zapažanja o Gundulićevu književnom radu i o literaturi o tom piscu *(Republika* 1954).

Još je Musulin razmotrio Gundulićev odnos prema Poljacima u *Osmanu*, a Ratković ga je dao u okviru društva s novim gledanjem na kompoziciju epa i na estetske razloge mijenjaju povijesnih činjenica.

Uopće se može reći: proučavanjem pisca u okviru našega društva i analizom njegovih stvaralačkih sposobnosti oslabit će »utjecajomanija« s njenim katkad mutnim generalizacijama, a ojačat će autonomija pisca.

Od ostalih radova iz starije književnosti treba spomenuti, da obranjena disertacija Milana Ratkovića o Titu Brezovačkom s novim podacima o piscu i djelima još nije tiskana.

Pri svemu tome treba također istaći, da se zadnjih godina nauka zanimala i za zaslužne literarne historike te im posvetila potrebnu pažnju. U Sloveniji je izdala Slovenska Matica dva sveska *Izabranih djela* Ivana Prijatelja. U Zagrebu je s pravom objavljeno mnogo građe i članaka o Vatroslavu Jagiću, tom svestranom stručnjaku na području slavenskih književnosti i jezika. Osim sintetskih karakteristika Jagićeva rada, koje je zgusnuo Mihovil Kombol u predgovoru *Izabranih kraćih spisa* (M. H. 1948), potanje je Petar Skok, i to informativno-kritički, ocrtao Jagićev rad u Hrvatskoj *(Rad* 278, 1949). Josip Hamm Jagićeve veze s Poljacima *(Rad* 282, 1951), Rudolf Filipović odnose s Englezima *(Zbornik r. F. f.* Zagreb 1954), a niz stručnjaka priredio je za štampu brojna Jagićeva pisma, koja su objavljena u Akademijinoj knjizi *Korespondencija* Vatroslava Jagića (1953) i u *Građi*. Ježić pri-

ređuje u Akademiji Jagićeva *Djela*, koja su neobično počela IV. sveskom, a ostale knjige strpljivo čekaju na objavljivanje.

Područje narodne književnosti, koje podjednako zanima Hrvate i Srbe, zabilježilo je u Zagrebu osim članaka i manjih priloga Tvrtka Čubelića, Delorka, Ravlića, Šime Vučetića, Maje Bošković Stulli, Stipana Banovića Šetke, Bujasa još i životno djelo Matije Murka: *Tragom srpsko-hrvatske epike* (Jug. ak. 1951) i oveće Schmausove *Studije o krajinskoj epici (Rad* 297, 1955), a u Beogradu radove Vida Latkovića, Taranovskoga, V. Đurića, Mojaševića i dr.

Kao neko otkriće mogu se smatrati *Narodne popijevke Hrvatskog Zagorja*, koje je u izdanju Jugoslavenske akademije objavio Vinko Žganec (1952), a kao naročita zanimljivost izdižu se pjesme s protufeudalnim motivima.

Narodna pjesma, koja se ponovo rasplamsala u Narodno-oslobodilačkoj borbi, čeka sistematskoga obrađivača.

A sve jača težnja, da se na području narodne poezije prijeđe iz ekstenzivnog proučavanja na odabiranje estetskih vrednota svakako je vrlo pozitivna i podići će ugled narodnom stvaralaštvu.

Naravno još je bilo vrijednih radova, koji nisu specijalno spomenuti, a pridonijeli su, da je koji problem ili dio problema riješen, postavljen ili bar načet. Međutim u ovom malom mravinjaku imena, oni bi donekle razvukli ritam članka.

Zadnjih desetak godina javilo se i nekoliko pregleda o našim književnostima (Skerlić s novim bibliografskim prilogom, Boršnik, Janež, Koneski, Trifun Đukić, Trogrančić). G. 1954. izašla je i Barčeva *Jugoslavenska književnost*. Sretna je činjenica, da prof. Barac poznaje dobro sve naše književnosti, te je mogao jedinstvenim osvjetljenjem dati opširnu građu. Ali da je bilo više sintetizacije najkarakterističnijih sudova o piscu i manje griješaka u podacima, osobito o slovenskoj književnosti, a nešto više prikaza makedonske književnosti i književnosti između dva rata, bila bi knjiga znatno vrednija.

Pored kritičnih izdanja *Starijih pisaca hrvatskih*, gdje su izašla djela Tita Brezovačkoga s Batušićevim člankom i Ratkovićevom biografijom toga pisca i djela Filipa Grabovca sa uvodom Tome Matića o piscu, sad je Akademija počela sistematski izdavati i *Novije hrvatske pisce* s potrebnim komentarima. Dosad je Ježić uredio dva sveska Vrazovih *Djela*, Ravlić Botićeva *Djela*, Ratković tri sveska Kovačićevih *Djela*, Tadijanović jedan svezak Matoševih *Djela*, koja kao i Njegoševa sabrana djela uređuje odbor stručnjaka različitih struka. Ali zar to nije premali program, pogotovu kad se zna, da je dosad izdano više od četrdeset kritički uređenih knjiga slovenskih pisaca s uzornim komentarima?! S tim u vezi javlja se kod nekih hrvatskih kritičnih izdanja želja za opširnijim komentarom.

Relativno je mnogo učinjeno na području bibliografije. U izdanjima *Djela*, koja uređuje u Nakladnom poduzeću Zora Dragutin Tadijanović, uz studije dodana je obligatno i bibliografija, a često i literatura o piscu. Tako je o Kovačiću načinio popis radova Milan Ratković, o Šenoi Olga Šojat, o Kumičiću Ruža Štarhl-Majurin, o Draženoviću Tadijanović, o Leskovaru Cerovac, o Vrazu i Preradoviću Višnja Barac, o Šimunoviću Vice Zaninović, o Kozarcu, Đalskom i Tomiću ja. Jakša Ravlić i Miroslava Despot sabrali su opsežno djelo Vladimira Nazora *(Ljetopis Jug. ak.* 1952), a Vice Zaninović radove Viktora Cara Emina *(Hrv.*

kolo 1951 i Tadijanović radove Luke Perkovića (*Hrv. kolo* 1948). Josip Tomić je sastavio bibliografiju A. G. Matoša (*Hrvatska književna kritika* IV, M. H. 1952).

Prof. Badalić dao je bibliografiju Marulićevih djela i literature o njemu u *Marulićevu zborniku*, a bibliografija Jagićevih radova smjestila se u *Izabranim kraćim spisima* (1948).

Najveće je značenje takvih radova, da se tim bibliografskim prinosima pripremaju kritična izdanja pisaca. Razumljivo je, da će građa, sabrana u Leksikografskom zavodu u Zagrebu, kad se objavi, uštediti mnoge muke literarnim historicima, koji su prije morali godinama sabirati bibliografske podatke za studije o piscima.

Znatnu će pomoć dati nauci i nekoliko bibliografskih radova, koje je izdala Jugoslavenska akademija: Badalićeva *Bibliografija hrvatske dramske i kazališne književnosti* (1948), *Popis izdanja Jugoslavenske akademije* 1867–1950 (1951), *Inkunabule u Narodnoj Republici Hrvatskoj* (1952), zatim Maštrovićeva *Jadertina croatica* (1949, 1954), Blažekovićeve *Fluminensia croatica* (1953), Brlekovi *Rukopisi knjižnice Male braće u Dubrovniku* (1952), Kastropilovi *Rukopisi naučne biblioteke u Dubrovniku* (1954) i t. d.

U preocjenjivanju književnih djela znatnu su ulogu izvršile antologije i izbori iz piščeva stvaranja. S najviše sistema to je učinjeno u tekstovima *Djela hrvatskih pisaca* (Zora), a osim toga vrlo dobar je naročito izbor Kranjčevića (1948) i Gorana Kovačića (1951). Također treba istaći Čubelićeve izbore s preglednim uvodima u knjigama: *Epske narodne pjesme* (1951), *Narodne pripovijetke* (1951), *Lirske narodne pjesme* (1952) i fini estetski kriterij O. Delorka u izboru *Hrvatske narodne balade i romance* (Zora 1951).

Osim toga i dalje se neumorno skuplja građa o piscima, te su tako u Jugoslavenskoj akademiji uređene i dvije sobe književnika: Nazora i Matoša.

Sabire se i ilustrativni materijal u vezi sa piscima, pa ako i nije u Hrvatskoj izdano takvih djela, kao što su Prešernov i Njegošev album, ipak je u *Djelima* hrvatskih pisaca (Zora) objavljeno mnogo biranog ilustrativnog materijala.

Sva ova razlaganja pokazuju, da je na području nauke o hrvatskoj književnosti učinjeno relativno mnogo. Planski je bilo pravilno i korisno, da su oči nauke bile koncentrirane na važnijim problemima i piscima, a pritom je mnogo pridonijela i kritika, koja se više puta sa znatnim uspjehom spustila u književnu prošlost.

Izgrađen na važnijim ličnostima postao je profil hrvatske književnosti izrazitiji. Praznine, koje još zjape, žude za marljivim istraživačima. Naročito je izdignuta aktivistička, progresivna dinamika književnosti. Analiza stvaralačkih elemenata dala je lijepih plodova, ali joj je pretežnije posvećena manja pažnja nego idejnim razmatranjima.

Riješeno je mnogo manjih, a dosta i većih problema, biografskih, bibliografskih, idejnih, formalnih, komparativnih, izdano je u osrednjoj mjeri izbora pisaca, antologija, kritičkih izdanja djela, a skupljeno je i mnogo građe, koja željno čeka sintezu. Slika hrvatske književnosti primila je mnogo novih boja i analizom s pozicija socijalističkog humanizma prilično je izvršeno preocjenjivanje idejnih i estetskih vrednota. Negdje dosljednije, negdje tek djelomično, ali sve je to znatan uspon prema skromnijim rezultatima nauke o hrvatskoj književnosti između dva rata.

Usto su to većinom korisne predradnje za koncepciju povijesti hrvatske književnosti, kojoj se nada naše doba.

Sistem i organizacioni oblici rada znatno su napredovali, ali da nisu postignuti još veći rezultati, razlog je mali broj stručnjaka i pomanjkanje literarno-historijske revije. Zato je vrlo važna zadaća, da se posveti briljiva pažnja odgajanju mladih stručnjaka i organizaciji stručnog časopisa.

Javljale su se i druge slabosti, koje treba pobijediti pozitivnim akcijama. Bilo je metodoloških previranja, vulgarizacija i prelijetanja iz ekstrema u ekstrem. Zato treba dosadašnja pozitivna metodološka nastojanja produbiti, što zavisi i od prinosa naših historika društva, koji daljim radom na historiji naroda Jugoslavije ulijevaju literarnim historicima mnogo hrabrosti, a metodološki je uspon uvjetovan i daljim napretkom naučne estetike. Na nekim područjima rada bilo je katkad previše pozitivističke naučnosti, a premalo smisla za sintezu, dok je negdje opet bilo potrebno u sintetičkim zahvatima više dokumentacije.

Treba nadalje postavljati važne književne probleme i ulaziti u njih svestrano i sa mnogo sintetičkog osjećaja za organizaciju bitnih crta. Zbog dosadašnjih premalih nastojanja više ubuduće otkrivati stvaralačke elemente djela i razvijati kritiku naučnog rada. Kako je pažnja nauke bila koncentrirana pretežno na nekoliko razdoblja (renesansa, barok, prosvjetiteljstvo, ilirizam, realizam), potrebno je više nego dosad pristupiti istraživanju područja, koja su bila zapostavljena, kao razdoblje Moderne, a pogotovu književnosti između dva rata, koja je najbogatiji period hrvatske književnosti. Namjeru Akademije, koja sad daje inicijativu za proučavanje Moderne, valja zaista svim silama poduprijeti. Važna je također zadaća literarnih historika upoznavati strani svijet s našim književnim vrednotama te uspjeh slovenskih slavista Lavrina i Slodnjaka s engleskim prijevodom Prešerna zaslužuje veliko priznanje. A koliko je hrvatskoj nauci uspjelo da upozori strani svijet na ogromnu idejno-figurativnu sintetičnost S. S. Kranjčevića, na visoke kvalitete dramatika Miroslava Krleže, na pjesnika smionih metafora Tina Ujevića ili humorista Slavka Kolara? I da li je dovoljno učinjeno, da se trajno podrži interes stranoga svijeta za Marina Držića i Ivana Gundulića – pisce, kakvih nije bilo mnogo u Evropi u paralelnim historijskim razdobljima, a tako i za Ivana Mažuranića, koji je inače preveden gotovo na sve evropske jezike?

U svemu tom nastojanju potrebno je dati također mnogo ljubavi za afirmaciju književne kulture svih naših naroda.

Pojačavanjem rada na bazi dosadašnjih dostignuća, ispravljanjem nedostataka prošlosti i perspektivnim postavljanjem novih zadaća dočekat će budućnost nauku o hrvatskoj književnosti svakako s ljepšim plodovima.

ANTON SLODNJAK

PREGLED SLOVENSKE LITERARNE ZGODOVINE PO L. 1945

Če hočemo spoznati uspehe slovenskega literarnega zgodovinopisja v zadnjem desetletju, moramo pogledati nekoliko nazaj. Okrog 1900 se je namreč začela živo razvijati v slovenski moderni s preporodom celotne slovenske umetnosti in kulture tudi naša disciplina. Tu moramo najprej imenovati *Matija Murka* (1861–1952), prvega slovenskega akademskega literarnega zgodovinarja s trdno filološko-kritično metodo in širokim duhovnozgodovinskim primerjalnim obzorjem. Četudi je Murko obravnal domače probleme večinoma le v začetku znanstvene poti, je vendar močno deloval s predavanji in razpravami na *Ivana Prijatelja* (1875–1937) in *Avgusta Žigona* (1877–1941), ki sta prva slovenska literarna zgodovinarja s samostojnim pogledom na literaturo našega naroda in s posebno raziskovalno in kritično metodo.

Prijatelj je iskal v slovenski literaturi in njeni zgodovini dokazov za življenjsko in ustvarjalno sposobnost svojega naroda. Pri tem je težil, da bi združil pozitivistične literarnozgodovinske vidike z vidiki evropske impresionistične kritike. Dokazati je hotel, da so Slovenci od 16. stoletja sodelovali, kolikor jim je dopuščala politična in socialna usoda, z vsemi kulturnimi in literarnimi tokovi Evrope, ter so si s tem pripravljali gesla in sredstva za narodni preporod, a si ustvarili tudi literaturo z nekaterimi velikimi, obče zanimivimi deli. Prijatelj je vedno živo čutil umetnostno funkcijo literature, vendar jo je včasih na videz zapostavljal, ker ga je prav tako vroče zanimal preporodni proces slovenskega ljudstva iz razkosanih dialektičnih skupin v narod z enotnim književnim jezikom, skupno življenjsko voljo in izoblikovano socialno strukturo kakor zgodovina slovenskega literarnega ustvarjanja in njegovi estetski rezultati.

Žigon je bil učenec umetnostnega zgodovinarja Josefa Strzygowskega. Morebiti je prav zato prvi pri Slovencih zastavljal vprašanja o kompoziciji in slogu literarnega dela. Še pred Wölfflinom in Walzlom je stremel po »vzajemni osvetlitvi umetnosti«. Svoje delo je v začetku usmeril v raziskovanje Prešernove poezije ter je že v prvem desetletju našega stoletja ločil med biografsko-bibliografskimi, duhovnozgodovinskimi in stilnokompozicijskimi problemi. Ni še ugotovljeno, koliko je bilo tu novih pogledov in koliko ostankov Herbartove formalnoestetske šole. Kolerični temperament in večinoma trdovratno negativna kritika njegovih spisov sta žal prekmalu začela buditi v njem doktrinarno svojeglavnost in pretiravanje bistro dojetih ali vsaj zaslutenih problemov.

Prijatelju in Žigonu se je pridružil tik pred prvo svetovno vojno *Francè Kidrič* (1880–1950). Njegova moč je bila v neomajnem zaupanju v dokazno pre-

pričljivost literarnozgodovinskih podatkov in v veri, da je kolikor mogoče popolna in sklenjena veriga takšnih podatkov že tudi literarna zgodovina. Iz upravičenega odpora zoper razne rodoljubne in politične potvorbe starejšega slovenskega literarnega zgodovinopisja je kritično pretresal dobo pismenstva, preiskoval zgodovino naše protestantske knjige, vejal protireformacijsko, baročno in preporodno pismenstvo in se po prvi vojni končno ustalil v romantiki ter posvetil vso pozornost Prešernovemu življenju in delu. S tem prodorom v novejšo slovstveno zgodovino je prešel na področje Žigonovega pa tudi Prijateljevega raziskovanja. Zato se je morala pričeti tekma med posameznimi metodami. Kidrič je najprej srdito zavrnil Žigonove poizkuse odkriti v Prešernovi poeziji zavestno kompozicijsko »arhitektoniko«. S tem je soglašal tudi Prijatelj in večina svobodomiselnih literarnih zgodovinarjev, kritikov in literatov. Kljub temu je Kidrič povzročil s tem razkol v dotlej še precej vzajemno delujočem domačem literarnem zgodovinopisju. Na eni strani je ostal Žigon s svojim učencem Josipom Puntarjem in nekaterimi bolj ali manj pogojnimi in začasnimi pristaši (Ivan Grafenauer, Francè Koblar in dr.), na nasprotni strani so se začeli zgrinjati okrog Kidriča njegovi učenci, medtem ko se je Prijatelj umikal čedalje globlje v znanstveni molk. Kidričeva vera v znanstvenost »faktov« je privabljala od leta do leta več mladine v njegov seminar zlasti potem, ko je začel upoštevati poleg bio- in bibliografskih podatkov tudi stilistične fakte v obliki analiz o pogostnosti ali redkosti posameznih nižjih in višjih stilističnih kategorij v Prešernovih pesmih. Med temi učenci so ostali zvesti naši vedi: *Mirko Rupel, Marja Boršnik, Alfonz Gspan, Lino Legiša, Francè Petrè, Boris Merhar* in dr., o katerih je pa treba reči, da so pridobili tudi mnogo pobud od Prijatelja in da je vsak od njih skušal vplive svojih učiteljev bogatiti z lastnim nadaljnjim študijem.

Svoja pota je med tem že dolgo hodil *Ivan Grafenauer* (1881), ki je zlasti po 1931 našel svoje področje: predreformacijsko pismenstvo in narodno pesništvo. Dasi je o prvem in drugem pisal že prej ter je pokazal tudi v drugih svojih delih (*Zgodovina slovenskega slovstva I, II; Kratka zgodovina slovenskega slovstva* itd.) poleg snovne širine filološko vestnost in kombinatorično gibčnost, se je šele zdaj osredotočil in pojasnil v vrsti široko zasnovanih primerjalnih monografij o posameznih rokopisih in narodnih pesnitvah mnoga temeljna vprašanja slovenskega srednjega veka. Velike vrednosti je razprava *Slovensko narodno pesništvo* (1945), v kateri je skušal določiti vsebinsko, oblikovno in zgodovinsko jedro naše ljudske poezije. Najbolj je izdelal poglavje o narodni pesmi, ki ji je očrtal s primerjalno metodo in z etnološkimi ter kulturnozgodovinskimi kriteriji zgodovino, potem ko je obrazložil njen značaj, njeno življenje in razvoj njenih form.

Med prvima skupinama je skušala v 30-ih letih posredovati struja, ki je bila najbližja Prijatelju, oziroma je izhajala iz njegove šole. Med temi »posredovalci« naj omenimo tankočutnega esteta in široko razgledanega filologa *Jožo Glonarja* (1885–1946), vestnega editorja literarne korespondence in del raznih avtorjev *Avgusta Pirjevca* (1887–1944), *Franceta Koblarja* (1890), esejista in kritika sodobne literature, zgodovinarja novejše in najnovejše literature, pozneje najuspešnejšega urednika pri povojnem Zbranem delu slovenskih pisateljev, in pisca tega poročila, *Antona Slodnjaka* (1899), ki je neposreden Prijateljev učenec.

V zadnjem desetletju pred vojno pa se je začela uveljavljati z zahtevami univerzitetnega študija in s poglobljenim raziskovanjem domačih problemov tudi pri-

merjalna literarna zgodovina kot posebna panoga. Za to ima največ zaslug *Anton Ocvirk* (1907), učenec Franceta Kidriča in Paula Hazarda. Razumljivo pa je, da preko ugotavljanja najrazličnejših tujih literarnih zgledov ni mogla seči, razen kolikor je po zgledu drugih literarnih zgodovin začela bolj kakor tradicionalna literarna zgodovina raziskovati vprašanja stila in kompozicije. Pri tem pa ni sledila Žigonu, temveč je skušala izoblikovati nekakšno sintezo med nekaterimi zadevnimi metodami.

V literarnozgodovinski esejistiki in kritiki so se pa slišali tudi drugačni glasovi: od stilnega formalizma zahodne in ruske formalne šole, preko poskusov s psihoanalitično metodo, teorije o izpovednem značaju poezije in opozoril na marksistični literarni nauk do poskusov njegove aplikacije na domače literarnozgodovinske probleme (*France Vodnik, Rajko Ložar, A. V. Isačenko, Božo Vodušek, Josip Vidmar, Boris Ziherl, Ivo Brnčič* in dr.).

Glede na to bi površen opazovalec lahko sodil, da je bilo tik pred vojno slovensko literarnozgodovinsko raziskovanje dobro razčlenjeno in krepko ukoreninjeno. Toda temu ni bilo povsem tako. V znanstveni kritiki in javnem mnenju je gospodovala Kidričeva pozitivistična metoda, ki je rodila v *Zgodovini slovenskega slovstva od začetkov do Zoisove smrti* (1929–38) in v prvem delu monografije o *Prešernu* (1938) svoje najlepše sadove. Žigon že davno ni več objavljal svojih raziskavanj o umetnostnih zakonitostih v Prešernovi poeziji, sam zase je iskal umetnostnih in življenjskih začetkov vsake, torej tudi Prešernove pesmi, v objavah pa je hotel prekositi Kidriča s prevestnim objavljanjem literarnozgodovinskega gradiva in s prepodrobnim citiranjem bližnjih in daljnih literarnozgodovinskih faktov. Prijatelj se je do prerane smrti bavil samo še z urejanjem Jurčičevih in Tavčarjevih del, ki jim je pisal lepe esejistične uvode in stvarne komentarje. Edino Grafenauer je nezadržno raziskoval svoja področja, za katera se je delno zanimal tudi prezaposleni Glonar, medtem ko so bibliograf *Janko Šlebinger*, A. Pirjevec, *Silva Trdinova*, Boršnikova, Koblar, *Janez Logar* in poročevalec skrbeli za edicije drugih domačih avtorjev. Zadnji je poskusil v *Pregledu slovenskega slovstva* (1934) nanovo oceniti celotno domačo literaturo glede na narodnostni in socialni razvoj slovenskega ljudstva in njegovega notranjega kulturnega zorenja. Petrè pa je prikazal v monografiji *Poizkus ilirizma pri Slovencih* (1939), samostojno družeč Prijateljeve in Kidričeve pobude, s psihološkimi in sociološkimi prijemi, Vrazov prestop k ilirizmu.

V splošnem pa je vendarle treba reči, ka je mlajša literarnozgodovinska generacija vseh navedenih šol delovala, prepuščena večinoma sama sebi, kjer in kakor se ji je nudila prilika. Objavljala je prigodne članke, strokovne kritike, poskušala se z literarno biografijo in izdajala komentirana zbrana in izbrana dela domačih pisateljev. V njenem delu se je razodevalo orisano razmerje med vodilnimi literarnimi zgodovinarji, in sicer tako, da je bila Kidričeva smer na zunaj splošno priznana, četudi so bili v nekaterih delih odločilni ali vsaj vidni Prijateljevi zgledi, tu in tam pa je bilo opaziti celo Žigonove pobude. Toda večjih del ali svoje metode ta generacija pred vojno ni mogla pokazati, ker je morala delovati zgolj priložnostno, saj ni imela nobenih zvez z domačimi institucijami (Univerza, Akademija) niti ni mogla vedno slediti razvoju svoje discipline v svetu.

V vojni je zamrlo skoraj vsako večje literarnozgodovinsko raziskovanje in objavljanje. Redka dela tega obdobja so večinoma filološkega značaja (Grafenau-

erjeve študije o narodnem pesništvu, *Nabtigalova* izdaja Kopitarjevih spisov in *Grivčeve* razprave o zvezah med slovenskim pismenstvom in starocerkvenoslovansko literaturo). Novejša literarna zgodovina je izgubila Prijatelja že 1937, Žigona pa 1941. Tako je doživljala že pred vojno črne dni, med vojno pa je po Kidričevi internaciji in zavestnem molku mlajše generacije skoraj popolnoma zamrla.

L. 1945 sta s sistematičnim delom lahko nadaljevala samo Kidrič in Grafenauer. Mlajši literarni zgodovinarji so bili razkropljeni, prepuščeni sami sebi in novi politični situaciji, ki je zahtevala novih metod in ciljev. Šele z obnovitvijo Slavističnega društva (5. X. 1945) in z ustanovitvijo dveh zbirk *Zbrano delo slovenskih pisateljev* (1946) in *Klasje* (1947) so se začele oblikovati konkretne naloge. S *Slavistično revijo* (1948) pa je dobila ta generacija tudi svoj znanstveni organ. Okrog teh središč se je začelo osredotočati njeno delo, ki je zato kazalo pečat svojega namena in nastajanja. Kakor povsod v Jugoslaviji tako je tudi na Slovenskem zahtevala javnost ne le preocenitve nekaterih dosedanjih sodb in ocen, temveč pretres celotne literarne dediščine na eni strani, na drugi pa najraznovrstnejše pedagoške pripomočke za šole in tečaje. Tega pa skromna skupina literarnozgodovinskih delavcev, od katerih so bili nekateri v službah, ki z znanstvenim delom niso imele nič skupnega, ni mogla dati, zlasti ker še vedno niso bila zbrana in izdana poglavitna dela slovenskih pesnikov in pisateljev, kaj šele da bi bila literarnozgodovinsko in estetsko ocenjena. Prav temu bi naj odpomogla zbirka Zbrano delo s kritično prirejenimi teksti, izčrpnimi komentarji in sklepnimi monografijami. V zbirki Klasje pa bi naj izhajala posamezna klasična dela s poljudno razlago. Slavistična revija pa je bila namenjena programatičnim in strokovnim razpravam.

Toda ta premišljeni in nujni, četudi v primeri z drugimi literarnimi zgodovinami zakasneli načrt, se je le počasi uresničeval, ker je primanjkovalo sodelavcev, a še ti, ki so se odločili zanj, so bili preobremenjeni z delom po različnih službah. V glavnem so se ga lotili Prijateljevi in Kidričevi učenci, ki so se razvijali daleč od Akademije in Univerze, večinoma v srednjih šolah. In še sedaj se od obeh preživelih literarnozgodovinskih strokovnjakov nobeden ni hotel tesneje pridružiti temu programu, temveč sta nadaljevala s prejšnjim delom in metodami. Uredništvo Zbranega dela in Slavistične revije je prevzel Anton Ocvirk, poleg Kidriča edini predavatelj slovenske literarne zgodovine na Univerzi. L. 1950 se mu je po Kidričevem odhodu na Akademijo pridružila Marja Boršnikova, iniciatorka in prva urednica Klasja. Še pred tem pa je začel Petrè predavati o jugoslovanskih literaturah na Univerzi v Skoplju, Merhar pa na Višji pedagoški šoli v Ljubljani, medtem ko je poročevalec 1948 prevzel predavanja o slovenski književnosti na Univerzi v Zagrebu. Koblar je pa predaval o domači književnosti na Akademiji za igralsko umetnost od njene ustanovitve l. 1945. Rupel, Gspan in Logar so našli drug za drugim službo v ljubljanski Narodni in univerzitetni knjižnici. Poznejše spremembe so premaknile podpisanega na ljubljansko Univerzo, Petreta pa v Zagreb (1950), in tako je ta srednja literarnozgodovinska generacija mogla v celoti razmeroma pozno po osvoboditvi začeti s sistematičnim delom.

Kidrič in Grafenauer sta med tem delovala s prejšnjimi metodami na starih znanstvenih področjih. Prvi je pripravljal zaključni del monografije o Prešernu in podrobno komentirani album slik oseb, krajev, knjig in rokopisov, ki so imeli kakršnokoli zvezo s pesnikovim življenjem in delom. Priobčeval je krajše članke in govore o Prešernu, o njegovi dobi in sodobnikih. Iz nekaterih odstavkov slutimo,

da je želel v zaključni knjigi o Prešernu preiti iz filološko-pozitivistične metode k sodobnejši estetsko-stilni obravnavi. Toda nepričakovana smrt (1950) mu je onemogočila ta dokaz razvoja in knjiga o Prešernu je ostala torzo. *Prešernov album* pa sta dokončala in izdala Rupel in Gspan v letu Kidričeve smrti.

Grafenauer je nadalje pisal poleg prigodnih člankov o slovenski Koroški, njenih literarnih jubilejih in problemih monografije o posameznih narodnih pesniških ciklih *(Slovenske ljudske pesmi o Kralju Matjažu,* 1951; *Turki pred Dunajem,* 1951) ali posameznih pesnitvah *(Legendarna pesem »Spokorjeni grešnik«,* 1950; *Hrvaška inačica praobrazca balade »Kralj Matjaž v turški ječi«,* 1953/54 in dr.). Kakor prej je ugotavljal domače in tuje vzporednice pesnitve, iskal njene prvotne oblike, razlagal vsebinske in oblikovne spremembe ter skušal odkriti njeno življenjsko jedro in zgodovinsko usodo.

Poglavitno delo srednje generacije je zbrano v dosedanjih 50 knjigah Zbranega dela. Zbirko označuje vestno urejeno tiskano in rokopisno gradivo, kritično dognano besedilo, logična ureditev in obširni komentarji, ki se ponekod (Kersnik, Stritar, Linhart itd.) razraščajo v prave razprave. Trenutno opsega nad 1600 tiskovnih pol, od teh jih gre približno ena petina drobnega tiska, to je okrog 300 pol, na komentarje. Iz nje lahko spoznamo pozitivne pa tudi negativne strani dela danes najaktivnejše skupine naših literarnih zgodovinarjev.

Njena zamisel spominja na predvojno Prijateljevo edicijo Jurčiča in Tavčarja. Kidričeva izdaja Prešernovih Poezij je bila zasnovana drugače. Prijatelj je skušal s splošno umljivimi in zaokroženimi uvodi ter stvarnimi komentarji združiti zahteve kritične edicije in knjige za vsakega zahtevnejšega bralca. Za njegovim zgledom so šli že pred vojno drugi (Glonar, Šlebinger, Slodnjak, Koblar, Trdinova, Logar, Boršnikova in dr.). Začetniki povojnega Zbranega dela so opustili esejistične uvode, razširili in poglobili pa so komentarje ter obljubili končno monografijo o vsakem pesniku ali pisatelju. Dasi še doslej ni nobena taka monografija izšla, obetajo vendar nekateri dosedanji komentarji, da bodo končne študije res najboljša priprava za vsestransko utemeljeno in osvetljeno zgodovino domače literarne tvornosti.

Poudariti moramo, da se v nekaterih komentarjih kažejo posebne interpretacijske metode, ki bodo, kakor priča tudi neki literarnoteorijski spis, o katerem bomo pozneje govorili, morebiti tipične za slovensko literarno zgodovino. Iz strogega navajanja vseh literarnozgodovinskih podatkov, doslovnega citiranja osnutkov in variant ter določanja pristnega, umetnostno najboljšega besedila skušajo nekateri uredniki prodreti tudi do estetske interpretacije. Drugi iščejo predvsem biografskih in sociooloških elementov v posameznih delih, tretji se trudijo za sintezo obeh metod, umevajoč literarno delo kot v času iz nujnosti ustvarjeno podobo življenja, dvignjeno v brezčasovnost umetnostne podobe tega in vsakterega življenja. Morebiti ni pretirano, če trdimo, da takšnih komentarjev ni v sorodnih izdajah drugih jugoslovanskih literatur in da bi tudi drugje težko našli kaj podobnega. Res je, da takšni komentarji zahtevajo mnogo časa in moči, da izčrpujejo skoraj vso raziskovalno energijo urednikov, a da veljajo pri dnevni kritiki kot mehanično filološko delo in da jih domača in tuja strokovna kritika tako rekoč niti opazila ni. Vse to pa ne zmanjšuje njihove vrednosti. Kot priprava za monografije in kot podlaga znanstvene literarne zgodovine so naravnost nujni.

Od edicij Zbranega dela se ločijo druge zlasti antologične izdaje domačih avtorjev. Povečini posnemajo njihovi uredniki še Prijateljev zgled in objavljajo krajše ali daljše esejistične uvode ali življenjepise. Tudi komentiranju ter interpretaciji ne posvečajo toliko prostora kakor uredniki Zbranega dela. Njihov namen je predvsem popularizatorski, četudi ni mogoče zanikati, da je ponekod vidno samostojno raziskovanje ali vsaj stremljenje po preocenitvi prejšnjih sodb. Uvodna študija sociologa Borisa Ziherla k srbskemu prevodu treh *Cankarjevih dram* (1946) na primer nadaljuje z nekaterimi drugimi uvodnimi eseji in samostojnimi članki istega avtorja z dosledno razlago literarnega dela kot umetniško-filozofskega ali umetniško-reformatorskega odraza »družbene resničnosti«, ki se je začela javljati že v predvojnih spisih Ziherla in nekaterih drugih marksističnih publicistov. Pri tem se Ziherl rezko obrača tako zoper biografsko-pozitivistično kakor interpretacijsko-literarnoteoretično metodo. Pomembno pa se nam zdi, da je vcepil že tankočutni psiholog in za lepoto izredno dovzetni impresionistični kritik Prijatelj, ker se je pač mnogo naučil od Taina in Pipina, učencem smisel za sociološke ne le individualne in estetske elemente umetniškega dela, tako da Ziherlov obrat ni bil niti potreben niti ni našel kdo ve kaj posnemalcev. Večina literarnih zgodovinarjev pač ni mogla spregledati kljub upravičenemu večjemu ali manjšemu upoštevanju socialnih elementov delovanja individualnih in jezikovno stilističnih faktorjev pri nastanku literarne umetnine. Kot poskus razširitve in poglobitve komentarjev v predvojni izdaji literarnih spisov Ivana Cankarja v redakciji *Izidorja Cankarja*, je treba omeniti komentarje *Borisa Merharja* in *Franceta Dobrovoljca* v Izbranih delih istega pisatelja. Pri tem pa je treba poudariti, da je zamisel izbranih del namesto zbranih spisov gotovo nazadovanje in da tudi Izidorjevih sicer včasih enostranskih analiz Cankarjeve osebnosti in njegovega stila ne morejo vedno odtehtati Merharjevi bistri, vendar včasih preveč sociološko usmerjeni komentarji.

Zbirka Klasje namenjena zlasti šolski a tudi zasebni rabi, je s 34. zvezkom začasno prenehala izhajati. V največ primerih je prinesla sicer samo kratke zaključne besede in najnujnejše komentarje, v nekaterih zvezkih pa najdemo tudi daljše študije, včasih prave monografije o posameznih delih, n. pr. B. Merharja k Cankarjevemu *Hlapcu Jerneju*, *Janka Glazerja* k *Župančičevim Izbranim pesmim*, F. Koblarja k *Stritarjevim kritičnim spisom* in k izboru *starejše in novejše slovenske drame*, *Tineta Orla* k *Jurčič-Kersnikovim Rokovnjačem*, *Borisa Paternuja* k *Levstikovemu Martinu Krpanu* in *Dušana Pirjevca* k *Cankarjevi Beli krizantemi*.

Literarnozgodovinski del Slavistične revije pa priča, da notranja organizacija raziskovalnega dela v naši znanosti po osvoboditvi vendarle še ni tako napredovala, kakor bi bilo želeti. Neglede na sorazmerno malo število tistih, ki morejo sistematično znanstveno delovati, je krog sodelavcev mnogo preozek, ako sploh moremo govoriti o njem. To povzroča enoličnost problemov in metode ter ne kaže kritične spodbude, ki bi bila tudi tukaj vir napredka. Nasploh pa je opaziti v Reviji podobna prizadevanja kakor v komentarjih v Zbranem delu: razširitev in poglobitev dosedanjih literarnozgodovinskih sodb in rezultatov s pomočjo novega gradiva in nove razlage. V ospredju sta reformacija in romantika, ki sicer nista v programu Zbranega dela. Toda ponovni študij teh epoh, o katerih je mislil Kidrič, da sta že dovolj raziskani in pravilno ocenjeni, priča, da je tudi te razprave in članke treba vrednotiti kot iskanje koncepta celotne slovenske literarne zgodovine.

Zdi se, da se tu postavljajo prejšnjim zgolj narodnopreporodnim pogledom na vznik slovenskega pismenstva in na prvi razcvet literature nasproti tudi jezikovno izrazne in kulturno tvorne sile, izhajajoče iz prvih ter iz slovenskega življenja v evropskem kulturnem krogu, a ne da bi prve hotele izpodriniti, temveč samo okrepiti. Seveda so pri tem vidna samo prva tipanja v nove smeri. Kljub temu je čudno, da jih domača kritika ni niti opazila, kaj šele da bi jih ocenila. Tudi to govori za to, da je potrebno krog sotrudnikov Slavistične revije razširiti.

V naši dobi je izšlo tudi več knjižnih monografij o posameznih literarnih osebnostih. Petre je podrobno raziskal genealogijo, otroško in mladostno okolje ter šolsko dobo Ivana Cankarja *(Dom in mladost Ivana Cankarja,* 1947), ki pa ni napisano z literarnozgodovinsko metodo, temveč združuje spominske, psihoanalitične in polemične elemente. V slogu biografskokritičnih študij je zasnovala Marja Boršnik življenjepis *Frana Celestina* (1951), medtem ko so njeni *Pogovori s pesnikom Gradnikom* (1954) zanimiv poskus literarnega zgodovinarja prodreti z metodo intervjuja v delo živečega pesnika. Ziherlov spis *France Prešeren, pesnik in mislec* (1949) in Vidmarjev esej *Dr. France Prešeren* (1954) sta ponatiska iz revij. Prvi prikazuje največjega slovenskega pesnika kot glasnika narodnega in socialnega razvoja slovenskega ljudstva, drugi pa razlaga pa ga razlaga predvsem kot velikega artista in doslednega izpovedovalca osebnih čustev. Oba izhajata iz prejšnjih literarnozgodovinskih raziskovanj, a jih uporabljata dokaj samovoljno. Drugačna je »poljudna študija« Joža Mahniča *Oton Župančič* (1951), ki kaže znake Ocvirkove primerjalne literarnozgodovinske šole. Avtor spretno združuje literarnozgodovinske podatke z vsebinsko in formalno interpretacijo pesnikovih del, a se pri tem ne spušča v globljo psihološko in estetsko razlago.

Sem bi tudi lahko šteli poročevalčevo študijo o *Stanku Vrazu kot slovenskem pesniku,* četudi je izšla kot uvod v prvi zvezek *Vrazovih slovenskih del* (1952) in življenjepis *Prešerna* v Slovenskem biografskem leksikonu istega leta. Obe sta izpopolnili v biografskem in bibliografskem pogledu vrzel v zgodovini naše romantike. Z izdajo Vrazovega slovenskega dela pa se je zelo okrepilo tudi število slovenskih posvetnih tekstov te dobe. Biografija *Ivana Prijatelja* v prvem zvezku njegovih Izbranih esejev in razprav (1952) in *Matija Murka* v Slavistični reviji (1954) pa sta zasnovani kot prispevka k nenapisani zgodovini naše znanosti pri Slovencih.

Literarne obletnice, jubileji in rojstni ter smrtni dnevi naših pesnikov in pisateljev so povzročali tudi večje splošno zanimanje za nekatere dobe in osebnosti, kar se je pokazalo tudi v poglobljenem literarnozgodovinskem delu. Četudi je bilo v tem mnogo prigodniškega, je vendar nastalo iz takšnih pobud tudi več novih osvetlitev nekaterih dob, osebnosti in del. Naj omenimo članke in razprave v *Drugem Trubarjevem zborniku* (1951) ob štiristoletnici prve slovenske tiskane knjige, prvi poskus komentarja Prešernovih *Poezij* (1946, 1952), oris življenja in dela Prežihovega Voranca od 40-letnici njegovega pisateljevanja (1950), slovenski moderni posvečeno posebno številko Socialistične misli (1955) in dr.

Poročevalčev esej *Slovenska književnost med obema vojnama* (1951) je bil poleg Koblarjevih predvojnih pregledov literarnega delovanja te dobe prvi zaključeni poizkus literarnozgodovinskega vrednotenja slovenskega ekspresionizma. V najnovejšem času se je tej nalogi posebno posvetil Petre, o čemer pričajo študije: *Okvir književnosti med obema vojnama, Kozmična poezija Mirana Jarca* in *Vizionarnost v poeziji Otona Župančiča* (1955).

V dveh zvezkih Slovenskega biografskega leksikona, ki sta izšla po vojni (1949, 1952) je poleg drugega tudi nekaj izčrpnih literarnozgodovinskih biografij, n. pr. Kidričevi o *Marku Poblinu* in *Žigi Popoviču*, Koblarjeva o *Ivanu Preglju*. Kot samostojne knjige Slovenske akademije znanosti in umetnosti pa so izšle: *Prešernove nemške poezije* (s prevodi Otona Župančiča) z uvodom in komentarjem Janka Glazerja (1950). *Nove najdbe naših protestantik XVI. stoletja* Mirka Rupla, ki je že 1934 izdal dobro komentirano antologijo *Slovenski protestantski pisci*, pozneje pa izbor iz *Valvasorja* in *Janeza Svetokriškega* ter je uredil tudi Drugi Trubarjev zbornik. Sem gre tudi Nahtigalova knjiga *Staroruski ep Slovo o polku Igorevě* (1954), četudi obravnava nedomačo snov in teži bolj za filološkimi kakor literarnozgodovinskimi rezultati.

O raznih poizkusih, prikazati celoto ali vsaj najvažnejšo epoho domače literarne zgodovine, ni kaj povedati. Če izvzamemo *Pregled slovenskega slovstva* Marje Boršnikove (1948), ki je pa tudi samo načrt, izdan povrh kot rokopis, ne presega niti Stanka Janeža *Pregled zgodovine jugoslovanskih književnosti I, Slovenska književnost* (1953) niti Helene Stupanove prerez skozi zgodovino slovenskega slovstva 19. stoletja *Od Prešerna do Cankarja* (1955) ravni navadne kompilacije. V tem pogledu obeta nekaj novega *Zgodovina slovenskega slovstva*, kolektivno delo avtorjev, ki so vsak svojo dobo temeljito raziskovali. Prvi del bo izšel 1956 v uredništvu *Lina Legiše* ob sodelovanju *Franceta Tomšiča, Borisa Merharja, Milka Matičetovega, Mirka Rupla, Alfonza Gspana.*[1]

Takšen je bežen pogled na tipično literarnozgodovinsko delo pri Slovencih v našem desetletju. Če pa bi kdo vprašal, ali niso nove literarnoznanstvene metode zbudile pri njih nobenih odmevov, potem moramo ponovno opozoriti na nekatere misli v gornjih izvajanjih. Ne glede na to pa moramo posebej spregovoriti o edini večji literarnoteorijski razpravi, o Ocvirkovih *Novih pogledih na pesniški stil* (1951), ki je pomembna sama zase, v nekem pogledu pa tudi za del tega, kar smo označili kot slovensko literarnozgodovinsko metodo. Avtor označuje svojo razpravo kot »skromen odlomek iz obsežne monografije o stilu«. Kljub temu pomeni razprava zaradi svojega »literarnozgodovinskega pojmovanja stila« napredek ne le v domači literarnozgodovinski praksi, ki je doslej morala pretežno še vedno reševati filološke in biografske naloge, temveč tudi novost v kompleksu literarne znanosti sploh. Ocvirk nakazuje v njej v sintezi literarnozgodovinskih in stilnih kriterijev pot, ki bo morebiti združila literarnozgodovinska in literarnoteoretična prizadevanja. Nekaj takega se namreč že napoveduje v nekaterih komentarjih Zbranega dela in v razpravah Slavistične revije.

Zato je tem bolj nerazumljivo, da se zadnja leta može klici tako iz vrst starejših esejistov kakor iz vrst najmlajših literarnih zgodovinarjev, Ocvirkovih učencev, po novi literarnozgodovinski metodi, ne da bi bil kdo pred tem resno poizkusil uporabiti Ocvirkova navodila. Zdi se, da bolj mikajo vzgledi švicarske (Staiger) in nemške (Kayser) interpretacijske metode, ne da bi se pri tem kdo vprašal, ali naše pozitivno znanje predhodnih tipično literarnozgodovinskih dejstev že dovoljuje podobne postopke, in ali so omenjeni tuji zgledi, zasnovani in doseženi predvsem ob interpretaciji Goetheja in nemških romantikov, sploh uporabni za

[1] Medtem je zares tudi izšel.

naše pesnitve, ki so nastale iz drugačnega jezikovno-akustičnega in čustveno-pomenskega življenja.

V tej zvezi se pojavljajo tudi poizkusi radikalne preocenitve celotne domače literature. Njihovi avtorji trde, da je slovenska literatura samo takrat rodila umetnostna dela, kadar so pesniki in pisatelji hoteli doseči svetovne literarne vzglede, medtem ko je vsako drugačno stremljenje bilo že a priori obsojeno na umetnostni neuspeh. Glede na to so simptomatični *Zapiski o slovenski književnosti* (1953/54) esejista *Filipa Kalana*, predavanje *Vladimira Bartola Slovenska književnost in njena dialektika* (1954), predavanje Josipa Vidmarja na proslavi slovenske moderne (1955) in še to in ono.

Pogled na trenutno situacijo literarne zgodovine pri Slovencih nam kaže torej: filološko-pozitivistično desnico, biografsko-historično sredino in literarnoteorijsko levico ter skrajno opozicijo, ki zavrača literarnozgodovinsko delo sploh in zahteva samo interpretacijo literarnih umetnin. Med prvimi tremi strujami ni bistvenih nasprotij. Loči jih povečini samo gradivo in večja ali manjša možnost njegove estetske interpretacije ter vprašanje, katere naloge so prvotnejše in nujnejše in katere bo mogoče reševati šele potem, ko bodo prve rešene. Družita jih zavest, da je delitev dela potrebna, in pa dokaj enotni pogled na bistvo in namen literarnozgodovinskega raziskovanja. Zato je pričakovati, da bo med njimi raslo sodelovanje, kakor ga je nakazal Ocvirk v omenjeni razpravi, da bodo tipično literarnozgodovinski rezultati podlaga interpretaciji umetniških del in da bodo uspehi literarno-estetske interpretacije spodbujali literarne zgodovinarje k poglobljeni in širši estetski obdelavi.

Х. ПОЛЕНАКОВИЋ

РАД НА ПРОУЧАВАЊУ ИСТОРИЈЕ МАКЕДОНСКЕ КЊИЖЕВНОСТИ У ПЕРИОДУ ПОСЛЕ ДРУГОГ СВЕТСКОГ РАТА

Проучавање историје македонске књижевности (укључујући овде и рад на проучавању народне књижевности) на широкој основи омогућено је тек по завршетку Другог светског рата, односно по Ослобођењу Југославије и формирању Народне Републике Македоније. Иначе, природно, о појединим писцима из Македоније који су писали на неком македонском дијалекту (и о македонској народној књижевности) писано је и раније.

А

Општи прегледи македонске књижевности досада су дати у следећим књигама: 1. *Блаже Конески*, Македонската литература и македонскиот литературен јазик, Скопје, 1945; 2. *Франц Језа*, Makedonske povesti, Љубљана, 1947, предговор (на словеначком језику); 3, *Фран Петрè*, Makedonska poezija, Љубљана, 1948, предговор (на словеначком језику); 4. *Блаже Конески*, Македонската литература во XIX век (Краток преглед и текстови), Скопје, 1950, 1952; 5. *Харалампије Поленаковић*, Савремена македонска проза, Београд, 1951, предговор и белешке о писцима (на српскохрватском језику); 6. *Димитар Митрев*, Антологија на македонската лирика, Београд, 1951, предговор; 7. *Х. Поленаковиќ*, Страници од македонската книжевност, Скопје, 1952; 8. *Сафет Бурина*, Антологија македонске поезије, Сарајево, предговор; 9. *Христо Зографов*, Главните периоди во развитокот на македонската литература, „Разгледи", 1954, бр. 7; 10. *Јован Бошковски*, Македонската драмска литература меѓу двете војни, „Литературен збор", 1954, 3—4.

I

Проучавању македонске народне књижевности посвећени су следећи радови. Пре свега, за практичне потребе, одмах после Ослобођења, објављено је неколико збирки народних песама и приповедака (у редакцији Б. Конеског, К. Тошева — В. Иљоског, Ђ. Милошева, Ј. Бошковског, К. Тошева — Р. Угринове, В. Иљоског, В. Х. Манева), а известан број народних песама, и других умотворина, објављен је

у книжевним часописима, листовима и дневној штампи. — Систематским и критичким издањем народних умотворина приступило се 1954 године када је, у колекцији „Македонски народни умотворби" (у издању предузећа „Кочо Рацин"), изашла прва књига (иначе том IV-1 ове колекције) Пословици, у редакцији и са предговором д-р Хараламлија Поленаковића и Кирила Пенушлиског. Према припремљеном материјалу (и плану) у овој колекцији ће бити објављене, по могућности, све досада објављене македонске народне умотворине.

Посебне расправе из области народне књижевности:

Хараламлије Поленаковиќ је објавио: 1. Животот на народната песна во првата половина на XIX век (штампано у књизи Страници од македонската книжевност, 1952, даље скраћено: Страници); — у расправи се даје анализа народних песама, насталих, углавном, у првој половини XIX века, са указивањем на одраз живота македонског друштва односног времена, који се у тим песмама налази, на везе и међусобне утицаје са песмама суседних балканских народа; 2. Вук Ст. Караџиќ, Виктор И. Григорович и Станко Враз како собирачи и издавачи на македонската народна песна (Страници). — Даје се историјат скупљачког рада, анализа и оцена издања; 3. Македонске народне песме у Вразовој заоставштини (Грађа Југославенске академије знаности и умјетности, 21, 1951). — Објављују се македонске песме, нађене у Вразовој заоставштини; 4. Четири прилога кон проучувањето Зборникот од народни умотворби на К. А. Шапкарев (Годишен зборник на Филозофскиот факултет, Скопје, кн. VI-5, 1953, даље скраћено Годзб.). У првом прилогу се објављују две песмарице из заоставштине Шапкарева, са анализом и тумачењима, — у другом прилогу се објављује једно писмо К. А. Шапкарева, којим је он покушао од Штросмајера да добије помоћ за штампање свога Зборника народних умотворина; — у трећем прилогу се штампа једна надопуна Зборнику, која је нађена у Шапкаревљевој заоставштини; — четврти прилог претставља: библиографски преглед издања Шапкаревљева Зборника.

Васил Иљоски је објавио: 1. Народни јуначки песни („Литературен збор", Скопје, 1, 1954, 1; даље скраћено; Литзб.) — у расправи се даје анализа песама хајдучког циклуса; 2–7. Даје општу карактеристику: народне књижевности, епских песама, народних приповедака, скупљача народних умотворина („Разгледи", Скопје, 1954, бр. 11–13, 22–24).

Блаже Конески је објавио: 1. Нашата народна поезија како одраз на нашето национално-ослободително движење („Нов ден", Скопје, 1948, 5) — истиче елементе народноослободилачког карактера у народним песмама; 2. Марко К. Цепенков („Современост", Скопје, 1954, 3). Леп оглед о познатом скупљачу народних умотворина. Овај је оглед објављен као предговор књизи: *Марко К. Цепенков*, Сказни и стореније, Скопје, 1954.

Димитар Митрев је написао есеј: За македонската народна и уметничка поезија, предговор Антологији из 1951 (бр. 6 из увода овог прегледа). — Општа карактеристика народне песме.

Кирил Пенушлиски написао је предговор уз друго издање књиге „Јунак над јунаци" (избор песама из циклуса Марка Краљевића). Иначе Пенушлиски је написао докторску дисертацију о Стефану Верковићу — скупљачу македонских народних умотворина.

Александар Џукески је написао две расправе: 1. Стилски изразни средства во македонската народна поезија („Стремеж", Прилеп, 1954, 3 – 4); 2. Природата одразена во македонската народна песна („Стремеж", 1955, 1). — Прегледна анализа појединих елемената у народним песмама.

Неколико ситнијих прилога утврђују генезу појединих народних песама, говоре о личностима које се спомињу у појединим песмама и дају податке о популарности неких песама: 1. *Јован Бошковски*, Најсаканата песна на Григор Прличев („Македонски јазик", Скопје, 1953, 2; даље скраћено МакЈ). — Утврђује се о којој песми је реч; 2. *Х. Поленаковиќ*. За песната што многу ја сакал Григор Прличев („Разгледи", 1955, 5), — говори о варијантама песме „Вишничица род родила", коју је Прличев радо певао; 3. *Гроздана Данова*, Миле Поп-Јорданов и народната песна (Литзб, 1954, 1) — приказује хероја народне песме „Болен ми лежи Миле Поп-Јорданов"; 4. *Димче Маленко*, Една популарна лирска народна песна од Охрид и нејзините живи херои (Литзб 1954, 3 – 4) — о личностима једне охридске песме.

О народним приповеткама написали су расправе:

Харалампије Поленаковиќ: „Хиљада и една ноќ" и нашите народни умотворби, I (Страници). У расправи се утврђује факат да су прве две штампане македонске народне приповетке (Загреб, 1863) у ствари прераде приповедака из зборника „Хиљаду и једна ноћ".

Александар Сйасов је написао расправу: Кон прашањето за македонските народни приказни собрани од браќата Миладиновци („Современост", Скопје, 1952, 1 – 2). Износи се историјат 4 приповедака, које је К. Миладинов имао у својим фолклорним материјалима, и које је у часопису „Филологические записки" (Воронеж, 1866) објавио македонски књижевник Рајко Жинзифов. Прештампавају се приповетке.

Васил Иљоски, Поважни мотиви и елементи во поединиите видови наши народни приказни (Литзб, 1954, 3 – 4). Анализа мотива и елемената у појединим родовима македонских народних приповедака.

Критиком издања народних умотворина са успехом се бави *Бранислав Русиќ* (у „Новом дену", 1949, у „Современости", 1954, 1955).

II

У вези са проучавањем средњовековне македонске књижевности ваља рећи да се мало учинило. — Пре свега треба истаћи критично издање старих споменика (које издаје Институт за македонски јазик): Македонско евангелие на поп Јована, Скопје, 1954 (редакција и предговор Владимира Мошина).

Популарног су карактера прилози:

Васил Иљоски, Делото на Кирил и Методија и идејата за славјанско единство („Нов ден", 1946, 4–5) и *Христо Зографов*, Почетокот на словенската книжевност („Разгледи", 1954, 9) и Климент Охридски („Разгледи", 1954, 10), и *Харалампије Поленаковиќ*, О средњовековној македонској књижевности (у колективној Историји народа Југославије, Београд, 1953, I).

Преводом Јагићевих расправа: 1. Константин (Кирил) и Методи оснувачи на словенската црква и книжевност и 2. Прогонетите од Моравија по смртта на Методи, ширењето на словенската црква и книга меѓу Јужните Словени (у издању Института за националну историју, Скопје, 1954, а у редакцији и са предговором Х. Поленаковића), покушало се — уз одавање поштовања В. Јагићу — у извесној мери да се надопуни празнина оригиналних радова из ове области.

IIa

Више су филолошког карактера него књижевноисториског радови:

Благоја Корубин, Нешто за домаскините во врска со пронајдувањето на еден таков зборник кај нас (МакЈ, 1852, 4), *Х. Поленаковиќ*, Ваташки трепетник (МакЈ, 1952, 4) и *Т. Маневиќ*, Евангелски текстови и дамаскини на галички дијалект (МакЈ, 1953, 3–4).

III

Проучавању македонске књижевности XIX века посвећено је, релативно, највише пажње.

О првом македонском књижевнику из прве половине XIX века Јоакиму Крчовском написао је студију *Х. Поленаковиќ* (Страници), Јоаким Крчовски — просветител и книжевник. У студији се говори о животу и делу Крчовског, даје се анализа његових дела и истиче се његов значај за историју македонске књижевности.

О другом македонском писцу из прве књижевне генерације, о Кирилу Тетовцу Пејчиновићу *Х. Поленаковиќ* је написао више научних прилога (и научно-популарних). Од научних прилога се спомињу: 1. Нови податоци за Кирила Пејчиновиќа (Годзб I, 1948). — Објављују се архивски документи о покушају да се Пејчиновићево дело „Утјешеније грјешним" штампа у Београду, пошто је ово дело Пејчиновић послао кнезу Милошу са молбом да буде штампано; у другом прилогу приказује се један препис „Утјешенија грјешним" (и анализира се његов језик); тај препис је учињен, непосредно пошто је ово дело штампано у Солуну (1840), у Прилепу (1843). 2. Прилози за запознавањето на Кирила Пејчиновиќа (Годзб, V-5). — Објављују се записи које је Пејчиновић направио на неким средњовековним рукописима (од којих се један налази у Југославенској академији у Загребу, а други у Универзитетској библиотеци у Београду); 3. Епитафот на Кирил Пејчиновиќ (МакЈ, 1953, 9). — Даје се критично издање епитафа — првих стихова на македонском језику, које је на својој надгробној [illegible] и

издубио сам Пејчиновић десет година пре своје смрти, 1835; 4. Кирил Тетоец Пејчиновиќ (Страници). Даје се општи поглед на живот и рад Пејчиновићев и на његов значај за македонску књижевност.

О Пејчиновићу је дао један научни прилог академик *Петар Колендић*, Кнез Милош и Кирил Пејчиновић (Зборник радова Института за проучавање књижевности САН, I, 1951). — У прилогу се, на основу архивских материјала, износи веза између Милоша и Пејчиновића, а поводом молбе последњег да се његово дело „Утјешеније грјешним" штампа у Београду. (Овим се прилогом надопуњује Поленаковићев бр. 1 о Пејчиновићу).

Један оглед о Пејчиновићу је дао *Воја Илијашевић:* Просветитељске и књижевне идеје Кирила Пејчиновића (Књижевност и језик у школи, Београд, 1954, 2).

О плодном раднику на просветном пољу и о књижевном трудбенику Јордану Хаџи Константинову-Џиноту писало је више научних радника.

Х. Поленаковић је написао следеће радове: 1. Изворот на Таблица прваја од Јордан Хаџи Константинов Џинот (Страници). У раду је утврдио да је Џиновљева Таблица првая — школски приручник — у ствари превод једног дела Ижице Доситеја Обрадовића; 2. Една необјавена стихотворба на Јордан Хаџи Константинов Џинот (Страници). Објављује и анализира једну песму — најобимнију досад познату македонску песму тога времена — Џиновљеву са предметом: Косовска вечера; 3. Драмските обиди на Џинот („Современост", 1952, 7—8). Студија о драмским сценама Џиновљевим, првим драмским радњама у македонској књижевности, са анализом истих и објављивањем једне нове, непознате драмске сцене; 4. Две збирки од афоризми на Џинот (Годзб, VII, 1954). — Објављује две збирке Џиновљевих афоризама, које досада нису биле познате; 5. Биографски прилог за запознавањето на Џинот (Годзб, VII, 1954). Објављује једно аутобиографско писмо Џиновљево, досад непознато, важно за упознавање Џиновљева живота; 6. Кореспонденцијата на Јордан Хаџи Константинов Џинот со Друштвото српске словесности („Материјали", изд. Филозофског факултета у Скопљу, књ. 2, 1955). Објављује се преписка коју је Џинот водио са појединим члановима и са управом Друштва српске словесности; 7. За библиотеката на Џинот (Годзб, IV-1951). Критика на рад Г. Шоптрајанова, Библиотеката на Јордан Хаџи Константинов-Џинот (Годзб, II, 1949).

Ѓорѓи Шоптрајанов је написао рад о библиотеци Ј. Х. Константинова (в. горе) и одговор на Поленаковићеву критику: Некои појаснениј за библиотеката на Џинот (Годзб, IV, 1951), а *Димче Коцо, Блаже Конески* и *Крум Тошев* изнели су своје заједничко мишљење о полемици Поленаковић—Шоптрајанов.

Анатоли Дамјановски написао је прилог: Јордан Хаџи Константинов како географ („Културен живот", Скопје, 1951, 5); *Александар Матковски*, Јордан Хаџи Константинов Џинот како педагог и општествен работник („Просветно дело", Скопје, 1953, 5—6), а *Климе Дам-*

базов: Борбата на Џинот за Скопското народно училиште („Просветно дело", 1954, 9 – 10) и Снабдувањето Скопското училиште на Џинот со учебници („Просветно дело", 1955, 1 – 2).

Недоволно проучени културни и книжевни работници македонски (кои су већи део свога живота провели као руски дипломатски чиновници ван Македоније) браћа Константин и Андреја Петковиќ добили су неколико студија: *Александар Сйасов:* 1. Кој е автор на стихотворбата „Глас од далека земља", (МакЈ, 1952, 7). У расправи се доказује да је аутор наведене песме Андрија Петковиќ, а не Константин Миладинов, како се досада мислило; 2. Константин и Андрија Петковиќ („Разгледи" 1955, 13). Општи преглед живота и рада. — *Харалампије Поленаковиќ:* 1. Против кој владика е уперена песната на Андреја Петкович „Глас от далека земља"? (Годзб, VI, 1953). — Утврђује се да је Петковиќ песму испевао против владике Авксентија велешког; 2. Акција Константина Петковиќа на спасавању српских рукописа из манастира Добриловине (у Херцеговини). (Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, XX, 3 – 4). У прилогу се дају подаци о заузимању К. Петковиќа, тада руског генералног конзула у Дубровнику, на спасавању неких средњовековних рукописа.

Познатим борцима и скупљачима македонских народних умотворина и песницима браћи Димитрију и Константину Миладиновцима посвећено је, релативно, највише научних прилога, пригодних и популарних чланака.

Х. Поленаковиќ је написао већи број научних прилога, доносећи у њима нових архивских и библиотечних материјала:

1. Неколку прашања за Зборникот на браќа Миладиновци („Нов ден", 1947, 8 – 10). Ставља на дискусију неколико принципијелних питања у вези са проучавањем Зборника народних песама браће Миладиноваца (Загреб, 1861 год.);

2. Обид на Димитрија Миладинов да стане учител во Белград (Страници). На основу архивских материјала (Државни архив у Београду и Патријаршиски у Сремским Карловцима) — износи се покушај Д. Миладинова да добије учитељско место у Београду (1856) и за Константина у Срем. Карловцима;

3. Димитрија Миладинов како собирач на книжевно-историски споменици (Страници) — Архивска истраживања о скупљачком раду Д. Миладинова;

4. За подоброто познавање на браќата Миладиновци (Страници). — Општа анализа досадашњег доста слабог и нетачног писања о Миладиновцима, са исправљањем извесних погрешака и указивањем на непотпуности, са доношењем нових архивских података;

5. Местото на браќата Миладиновци во историјата на македонската книжевност (Страници). Оглед о месту и значају браће Миладиноваца за македонску књижевност, са доношењем нових архивских и библиотечних података;

6. Три прилога за запознавањето на браќа Миладиновци (Годзб, IV, 1953) — Архивска и библиотечна истраживања, а) Писање хрватске

(и српске) штампе о боравку Константина Миладинова у Ђакову и Загребу (1860–61) и о току штампања Зборника народних песама браће Миладиноваца, са утврђивањем тачног датума кад је Зборник Миладиноваца изашао из штампе и другим подацима; б) Ко је од браће Миладиноваца био у Загребу заједно са Константином? — На основу архивских података утврђује се да је реч о неком Горчелаву, који је сматран за брата Константиновог (иначе непознат науци); в) Ко је аутор дописа о Кукушу, штампаном анонимно у цариградском часопису „Български книжици", III, 1858. Износи се мишљење, на основу неких архивских материјала, да је аутор руски дипломатски службеник, пријатељ браће Миладиноваца, А. С. Рачински;

7. Поетот Константин Миладинов. Живот и дело (Литзб, I, 1, 2, 1954). Оглед о песнику Константину Миладинову са анализом његових дела;

8. Димитрија Миладинов како собирач на нумизматички материјали („Современост", 1954, 9). Архивска истраживања. Надопуна прилога под бр. 3;

9. Кој е автор на песната „Грк и Българин"? (Годзб, VII, 1954). — Песма је приписивана Константину Миладинову. На основу неких података, које је оставио К. А. Шапкарев, доказује се да је аутор Димитрије Миладинов;

10. За посветата на Ј. Ј. Штросмајер во Зборникот од народни песни на Миладиновци (Годзб., VII, 1953). Архивска истраживања. Посвета Миладинова у Зборнику је стварно превод са једног хрватског текста посвете, који се чува у Штросмајеровој заоставштини;

11. Еден избор од делата на Миладиновци („Разгледи", 1955, 8). Критика једног издања избора из дела браће Миладиноваца (Београд, 1954).

Блаже Конески је написао прилог: Забелешки во врска со песните на К. Миладинов (МакЈ. 1952, 1–2). — Критичка анализа досадашњих издања песама К. Миладинова и предлог како да се читају односна места.

Михаил Д. Петрушевски: За првобитниот текст на Зборникот од браќа Миладиновци (МакЈ, 1952, 1–2). Анализа и критика досадашњих издања Зборника, са утврђивањем исправности досадашњих хипотеза о томе откуд толики број грешака у Зборнику. Добар део тих грешака је настао приликом транскрипције Зборника са оригинала, написаног на македонском језику грчком графиком.

Александар Спасов је написао: 1. Фолклорни материјали на Миладиновци објавени во „Братски труд" и „Български книжници" (МакЈ, 1952, 1–2). О народним умотворинама које су Миладиновци објавили у споменутим часописима; 2. Преводи на Фрањо Рачки и А. Шеноа од Зборникот на Миладиновци („Разгледи", 1955, 19). Говори о преводима песама, које су Рачки и Шеноа учинили из Зборника Миладиновца.

Димитар Митрев, Миладиновци во другите литератури („Современост", 1952, 1–2). О Миладиновцима као о јунацима књижевних радова код Бугара, Чеха, Пољака.

Гане Тодоровски, Константин Миладинов („Разгледи", 1954, 25). Оглед о песнику К. Миладинову.

Славко Николов, Нови прилози за браќа Миладинови („Млада литература", 1952, 2). Архивска истраживања. Покушај удове Д. Миладинова да добије српску државну стипендију за једног свог сина.

О књижевнику Рајку Жинзифову има неколико научних прилога и научно-популарних чланака.

Х. Поленаковиќ, Три документа за фамилијата на Рајко Жинзифов („Современост", 1954, 1–2). Архивски подаци о породици Жинзифова.

Научно-популарне чланке о Жинзифову су написали *Ѓ. Шоптрајанов, А. Спасов* (који ради докторску дисертацију о Жинзифову), *Гане Тодоровски*.

О познатом књижевнику Григору Прличеву написано је неколико научних прилога и огледа; на македонски језик преведена су његова дела „Сердарот", „Автобиографија"; припремљено је издање материјала из његове заоставштине.

Киро Ќамилов је приредио издање македонског препева дела „Сердарот", који је учинио сам Прличев („Материјали" Филозофског факултета, Скопје, књ. 1).

Х. Поленаковиќ је написао радове: 1. Григор С. Прличев, поет и борец (Страници), оглед о песнику Прличеву; 2. Еден инцидент во животот на Григор С Прличев за коишто не се зборува во неговата „Автобиографија" („Современост" 1953, 2). — библиотечна истраживања. Указује се на један инцидент који је имао Прличев за време својих студија у Атини (1858) и о грчкој песми коју је тим поводом испевао; 3. Григор С. Прличев. Живот и дело. („Млада литература" 1953, 2) – расправа о животу и раду Прличева.

Блаже Конески, Ликот на Григор Прличев („Современост", 1953, 1–2). Оглед о Прличеву.

Димитар Митрев, Григор С. Прличев, предговор делима Прличева (Скопје, 1953).

Божидар Настев, Интересот на Прличев за францускиот јазик и литература (МакЈ, 1953, 2). Библиотечна и архивска истраживања.

Христо Андоновски, Г. Прличев и Ј. П. Хармосину („Нов ден", 1950, 8–10); објављује три стиховане загонетке Прличева написане на грчком језику и штампане у Атини 1852 г.

Поред овога објављено је и неколико прилога о Прличеву као о педагогу (Љ. Копров и К. Џамбазов).

У вези са књижевним и културним радом у XIX веку у Македонији су и следећи прилози: *Петар Коледиќ*, Вести за печатницата во македонското село Ваташа, „Нов ден", 1948, бр. 10 (претходно саопштење у „Новој Македонији" од 29.XI.1946). Архивска истраживања о Ваташкој штампарији. На основу материјала из Државне архиве у

Београду показано је да се из Београда набављао типографски материјал за штампарију у селу Ваташи.

Х. Поленаковиќ, Македонските печатари и печатници во првата половина на XIX век (Страници). На основу литературе и теренских испитивања говори о Солунској и Ваташкој штампарији, дајући анализу дела штампаних у овим штампаријама. — *Х. Поленаковиќ*, Качиħеве песме у Македонији (Зборник за народни живот и обичаје Јужних Славена, 38, Загреб, 1954). О преписивању појединих песама из Качиħева „Разговора", које су сматране као народне песме; *Х. Поленаковиќ*, Белешка за најстарото читалиште во Скопје („Нова Македонија", 18.II.1955). — Вести о првој читаоници у Скопљу.

Блаже Конески, Српската граѓанска лирика кај нас („Нов ден", 1950, 7). Објављује податке о једној песмарици српске грађанске лирике, нађеној у Прилепу. Песмарица је преписивана у четвртој деценији XIX века.

Блаже Конески, Македонските учебници од 19 век (Скопје, 1949). Леп прилог о групи македонских просветитеља који су, у времену од 1857—1875, објавили неколико школских уџбеника на македонском језику.

IV

Поред предговора антологија, које су споменуте у уводу овог прегледа, македонској књижевности у XX веку посвећени су ови редови:

О Крсти П. Мисиркову, македонском идеологу, писано је углавном у вези с разним јубилејима и поводом штампања његовог дела За македонцките работи (први пут у Софији 1903, прештампано у Скопљу 1946, 1953).

О познатом пролетерском песнику Кочи Рацину (— Кости Солеву) писано је много. Има знатан број научних прилога и, више, пригодних написа.

Блаже Конески, Како работел Рацин над „Белите мугри" („Нов ден", 1947, 4 - 5);

Александар Сйасов, 1. Соопштение за дел од книжевната заоставштина на поетот К. Рацин („Нов ден", 1948, 4); 2. Македонски песни на Рацина објавени пред излегувањето на „Бели мугри" (МакЈ, 1953, 4). О македонским песмама које је Рацин штампао пре него што је изашла његова збирка „Бели мугри"; 3. Рацин и прашањето за македонскиот литературен јазик (МакЈ, 1953, 5 - 6). О ставу Рацинову према македонском књижевном језику; 4. Околу Рациновиот роман („Разгледи", 1955, 11); 5. Припремио је критично издање сабраних дела Рацинових (Скопје, 1955);

Ѓорѓи Малошев, 1. Неколку Рацинови ракописи („Нов ден", 1948, 9 - 10); 2. Неколку зборови за Рацина и неговата преписка („Нов ден", 1950, 4). — Даје неколико података из Рацинова живота на основу његове преписке; 3. Уште неколку прилога кои Рациновата преписка

(Литзб, 1955, 1). Објављује неколико писама која је Рацин добио од Ст. Галогаже и Ч. Миндеровиќа.

Славко Николов, Грешките во објавените статии за Коста Рацин („Нов ден", 1949, 3).

Димитар Солев, За прозата на Рацин („Разгледи", 1955, 9).

Поред овога: већи број радова који говоре о партиском раду Рацина, о његовом научном интересу, о његовој лектири и иначе о њему (од Конеског, Митрева, Поленаковиќа, Спасова, Шоптрајанова, Д. Зографског, Б. Мокрова и др).

О песнику Колету Неделковском има есеј *Димитра Митрева,* Творешкиот пат на Коле Неделковски („Нов ден", 1946, 7–8) и неколико пригодних написа.

О песнику Мити Богоевском писао је *Лазо Каровски,* Мите Богоевски („Нов ден". 1948, 8–9). Даје биографске податке о песнику Богоевском, који је, као и Рацин и Неделковски, погинуо у Народноослободилачкој борби; *Ацо Филип,* „Усамљени путник". Една од првите стихотворби на Мите Богоевски („Разгледи", 1954, 20). Подаци о почетним радовима песника Богоевског.

О књижевнику Николи Јонкову Вапцарову, пролетерском песнику из Пиринске Македоније, написао је више радова *Димитар Митрев* и књигу: Вапцаров (Скопје, 1954), у којој је скупио своје главније радове о Вапцарову.

О Антону Попову као публицисти и писцу писао је *Ѓорѓи Абаџиев*: Антон Попов како публициста и писател („Нов ден" 1948, 7). Даје податке о македонском књижевнику из Пиринске Македоније.

О Аци Караманову је писао *Љупчо Стоименски* (у „Разгледима", 1954, 9).

Димитар Митрев је написао опсежну расправу: За темата НОБ во македонската литература („Нов ден", 1947, 8—10), онда: Илинден во нашата литература (Зборник 1903, Скопје, 1940), За современата македонска литература (Литзб, 1955, 1) и др.

О савременим књижевницима и њиховим делима редовно се пише у књижевним часописима и листовима, као и у дневној штампи. Главни критичари: Д. Митрев. Д. Солев, Б. Пендовски, А. Спасов, М. Ђурчинов, Ј. Бошковски и др.

РАДОВАН ЛАЛИЋ

О РАДУ НА ПРОУЧАВАЊУ ИСТОЧНОСЛОВЕНСКИХ И ЗАПАДНОСЛОВЕНСКИХ КЊИЖЕВНОСТИ У ЈУГОСЛАВИЈИ У ВРЕМЕНУ ОД 1945 ДО 1955 ГОДИНЕ

Проучавање источнословенских и западнословенских књижевности у Југославији у времену од завршетка Другог светског рата до овог скупа слависта носи добрим делом обележје оних специфичних услова под којима су се развијали односи југословенских народа са осталим словенским народима у поменутом раздобљу.

Прве послератне године у Југославији карактеришу се веома живим везама са народима СССР, Пољске и Чехословачке у свим областима живота. Снажан импулс овим везама, које и од раније имају своју традицију, дала је заједничка борба словенских народа у ослободилачком рату против фашизма и перспективе које су се пред њима отварале услед револуционарних промена извршених у њиховим земљама за време рата и непосредно после њега. Резултати овог јачања веза између народа Југославије и осталих словенских народа снажно су се манифестовале и у области културе, пре свега у области књижевног стварања.[1]

Интересовање за словенске књижевности у поменутом раздобљу испољило се у неколико видова. То су на првом месту преводи. На језике југословенских народа — српскохрватски, словеначки, македонски — преведено је за протеклих десет година врло много дела са свих словенских језика. Са превођењем из руске књижевности отпочело се још за време рата. Тако су, на пример, још 1944 године преведена на српскохрватски језик дела *Најезда* од Леонида Леонова и *Непокорени* од Бориса Горбатова; оба дела штампана су одмах по ослобођењу Београда.[2] У даљем току времена објављивани су преводи различитих књижевних дела не само са руског него и са пољског и чешког језика; нарочита пажња поклањана је руској совјетској књижевности. Новина овог преводилачког рада била је у томе што се он обављао

[1] Вредно је помена да се са наставом руског језика у Југославији почело још за време рата на ослобођеној партизанској територији (у Чрномељу у Словенији 1943—1944 школске године).

[2] Премијеру *Најезде* извело је Позориште народног ослобођења на слободној територији на острву Вису 9 септембра 1944 године.

по одређеним принципима и критеријумима. Избор дела није био случајан, као што се то раније доста често дешавало. Настојало се да се преводе квалитетна књижевна дела и дела која су најпотпуније и најверније одражавала друштвену стварност словенских народа. Као један од најважнијих послова ове врсте треба истаћи српскохрватски превод целокупних дела Максима Горког. Од старијих класичних дела ваља такође поменути српскохрватски превод *Путовања из Петрограда у Москву* од А. Радишчева (преводилац К. Тарановски) и словеначки превод *Јада због памети* од А. Грибоједова (преводилац Ј. Видмар). Само се по себи разуме да нису објављивани само нови преводи него да је прештампавано и много старих превода. Посебан значај за упознавање руске књижевности и књижевности уопште имају преводи критичких чланака и расправа руских прогресивних и револуционарних критичара и теоретичара (Белинског, Чернишевског, Добољубова, Плеханова, Горког, Љењина, Воровског, Луначарског). На српскохрватском и словеначком објављивани су не само поједини чланци поменутих аутора него и збирке њихових критичких дела.

Али, поред тога, југословенски слависти и други знаоци књижевности настојали су да у многобројним чланцима и огледима упознају читаоца са словенским књижевностима, да му растумаче њихов карактер, смернице развитка, да му укажу на главне проблеме и најистакнутије ствараоце. Аутори тих чланака и огледа настоје не само да дају добру информацију или занимљив приказ књижевних појава код словенских народа него често улазе у важна теоретска и књижевноисториска питања, уносећи у своје расправљање научне критеријуме и тумачења и дајући нове погледе на њих.

Ми нећемо набрајати све те чланке, него ћемо поменути само неке од њих. О питањима руске књижевности, класичне и совјетске, писали су: Б. Зихерл (*В. Г. Бјелински, његово дело и доба*, Књижевност, 1951, св. 3 и 4), В. Глигорић (*Драмски рад Максима Горког*, Наша књижевност, 1946, књ. II, *О Толстоју*, Наша књижевност, 1946, књ. I), Миле Клопчић (*Življenje A. S. Puškina*, предговор Пушкиновим *Песмама*, Љубљана, 1950), Братко Крефт (*Življenje in delo A. P. Čehova*, предговор књ. II изабраних дела А. П. Чехова, Љубљана 1950, *M. A. Šolohov*, Nova obzorja, I, бр. 5—6), Ј. Видмар (*Socialistični realizem Maksima Gorkega*, Novi svet, 1952, св. 3), Р. Лалић (*Пушкинове „мале трагедије"*, предговор „Малим трагедијама", Београд 1954, *О кризи совјетске књижевности*, Комунист, 1950, св. 6, *Други конгрес совјетских књижевника*, Наша стварност, 1955, св. 4), М. Франичевић (*Социјалистички реализам Тимофејева*, Република, 1951, св. 1), М. Јурковић (*Шчедрин у огледалу својих писама*, Република 1946, св. 4—5), Н. Преображенски (*Pelin in žolč. O umetnosti M. E. Saltikova-Ščedrina*, Glasnik Slovenske matice, 1955), А. Флакер (*Самоубојство Мајаковског*, Република 1952, св. 7, *Руски књижевник и револуција*, Погледи, 1953), затим Ј. Бадалић, М. Пешић, С. Пољанец, М. Селимовић, М. Бабовић, Љ. Мојсова и други. О пољској, чешкој и словачкој књижевности писали су: Б. Борко (*Adam Mickiewicz*, Novi svet, 1949), К. Георгијевић (*Јуљуш Словацки*, Словенско братство, 1947, *О Стефану Жеромском*, предговор књизи *Верна река*, Београд, 1950,

Петар Јилемњицки, Књижевност, 1949), Љ. Јонке (*Животност Нерудина дјела*, Зборник Филозофског факултета Свеучилишта у Загребу, I, 1951, *Петар Безруч — народни умјетник*, Република, 1947, св. 3), Б. Тамарин (*Карел Чапек*, Република, 1948, св. 4), С. Суботин (*Елиза Ожешкова*, поговор књизи *Меир Езофович*, Нови Сад, 1955) и други.

Чисто истраживачком раду у области словенских књижевности није се, из појмљивих разлога, могло приступити одмах. После рата у области проучавања словенских језика и књижевности код нас настале су значајне промене. На универзитетима у Београду, Загребу и Љубљани извршена је реорганизација катедара за источне и западне словенске језике и књижевности, и на новооснованом Скопском универзитету такође је формирана таква катедра. Док је пре рата био редак слависта са руским, пољским или чешким језиком и књижевношћу као главним предметом, од ослобођења до данас завршило је на нашим универзитетима своје студије преко двеста русиста, полониста и бохемиста. Међу њима се налази леп број даровитих младих људи који ће се несумњиво развити у солидне научне раднике. Међутим, реорганизована и проширена универзитетска настава претстављала је само један део предуслова за развитак научног рада у поменутој области. Остале предуслове било је далеко теже створити, тим пре што то није зависило само од нас у Југославији. Пре рата ми нисмо имали довољно и добро снабдевених славистичких библиотека, а добар део онога што је било створено — упропастио је рат. Да поменемо београдску Народну библиотеку и Словенски семинар Београдског универзитета, који су до темеља уништени. Ми у нашим библиотекама данас често немамо ни најобичнијих савремених књижевних текстова, а камоли комплета свих важнијих часописа или ређих научних расправа и критичких издања писаца. Што је још далеко горе, од 1948 године па све до најновијег времена, као што је свима добро познато, југословенски слависти не само што нису могли радити у библиотекама и архивама СССР, Пољске и Чехословачке него нису имали апсолутно никаквог контакта са својим стручним колегама у поменутим земљама.

Из тих разлога југословенски слависти који се баве историјом источнословенских и западнословенских књижевности били су приморани да сужавају круг својих тема, да напуштају многе лепе и плодне научне замисли или чак да врше преоријентацију у свом раду бавећи се све више југословенским књижевностима. Сасвим је природно, према томе, што се за ових десет година највише радило на проучавању словенских утицаја, нарочито руских, на југословенске књижевности. Чисто русистичке, полонистичке и бохемистичке теме морале су бити изостављене. Међусловенски књижевни утицаји и везе морају свакако заузимати важно место у раду књижевних историчара слависта, али би било преуско ограничити се само на ту врсту истраживања. Поводом тога треба додати да су испитивања југословенских књижевних историчара, из наведених разлога, и овде била упућена само у једном правцу: они су изучавали словенске утицаје на југословенске књижевности, а не и југословенске утицаје на друге словенске књижевности.

На истраживању руског утицаја у југословенским књижевностима ради већи број југословенских слависта. У припреми је неколико крупнијих радова из те области. Али ми те радове, разуме се, не можемо помињати, него ћемо навести само оне који су досада објављени.

Испитивањем руског утицаја у југословенским књижевностима, поглавито код Хрвата, одавно се бави Ј. Бадалић. Од његових послератних радова о тој теми поменућемо следеће: *Пушкин у хрватској књижевности* (Република, 1949, V), *Руски писци у књижевности хрватскога препорода* (Хрватско коло, 1946), *Висарион Г. Бјелински у књижевности југословенских народа* (Хрватско коло, 1952, св. 2), *Одрази руске књижевности код хрватских писаца* (Зборник радова Филозофског факултета Загребачког свеучилишта, књ. II, 1954), *Der Einfluss Tolstoj's auf die kroatische Literatur* (Festschrift Čiževskij, Osteuropa Institut, Berlin, 1954), *Двије Сумароковљеве трагедије у рукописима загребачке Свеучилишне књижнице* (Зборник радова Филозофског факултета Загребачког свеучилишта, I, 1951). У првој расправи Бадалић даје слику многоструког Пушкиновог утицаја на хрватску књижевност, напосе на драму и новелу, док у другој даје податке о везама претставника Илирског покрета са Русијом и о њиховом превођењу руских писаца истичући да су углавном руски писци реакционарног, словенофилског крила били познати илирцима и да су они од Руса највише утицали на хрватску књижевност, што се објашњава конзервативизмом и национализмом илираца. Занимљива је такође Бадалићева расправа *Der Einfluss Tolstoj's auf die kroatische Literatur*, где писац указује на повезаност хрватске натуралистичке драме са Толстојевим делом *Власть тьмы*.

О руским и другим словенским утицајима на југословенске књижевности и о међусловенским књижевним везама расправљају у својим студијама и чланцима и А. Барац (*Бјелински у хрватској књижевности*, Рад Југославенске академије знаности и умјетности, књ. 272, 1948; *Мажуранић према Пушкину*, Slavistična revija, 1950, св. 1—2), Б. Ковачевић (*А. С. Пушкин*, Књижевност, 1949, св. VI), П. Митропан (*Гоголь и Глишић*, Књижевност, 1951, св. IV), К. Георгијевић (*Вук и Пољаци*, Наша књижевност, 1947), Д. Живковић (*Први преводи В. Г. Бјељинскога код Срба*, Питања књижевности и језика, I, Сарајево, 1954), А. Флакер (*Часопис „Свијетло"*, Зборник Филозофског факултета Свеучилишта у Загребу, II, 1954) и други. Марја Боршник у својој књизи *Fran Celestin* (Љубљана, 1951) доста пажње поклања расправљању о руском утицају на овог словеначког књижевника, критичара и књижевног историчара. Треба такође поменути да је Р. Лалић своје коментаре Његошевих *Пјесама* радио са нарочитим обзиром на руски утицај који је код овог песника веома осетан (П. П. Његош, Цјелокупна дјела, II, Београд 1953). Радови Ј. Хама *Вратослав Јагић и Пољаци* (Рад ЈАЗУ, књ. 282) и Ђ. Живановића *Млади Даничић* (Зборник Матице српске за књижевност и језик, књ. I, 1953 и књ. II, 1954) спадају заправо у историју словенске филологије, али садрже доста важних података за проучавање словенских књижевности и њихових односа.

Проблему међусловенских веза посвећена је и документована студија Ст. Мусулина *Пољаци у Гундулићевом Осману* (Рад ЈАЗУ, књ.

281, 1950), иако се овде заправо не ради о књижевном утицају. У овој студији расветљава се једно од важних питања у спеву дубровачког песника. Мусулин доказује да је Гундулић одлично познавао пољску историју и савремене прилике у Пољској, и кад је у свом делу мењао историске чињенице, он је то чинио потпуно свесно прилагођавајући историске догађаје својој песничкој замисли.

У ширу област компаративног изучавања руске књижевности спада Крефтова студија о Пушкину и Шекспиру (Bratko Kreft, *Puškin in Shakespeare*, Љубљана, 1952). У својој студији аутор даје анализу Пушкиновог става према енглеском писцу и долази до закључка да се не може говорити о иоле битнијем утицају Шекспира на Пушкина.

Југословенска славистика обогатила је литературу о *Слову о полку Игореве* Нахтигаловим издањем знаменитог старуског епа (*Staroruski ep „Slovo o polku Igoreve"*, Љубљана 1954, изд. Словеначке академије наука). У књизи Р. Нахтигал даје поред editio princeps, своју реконструкцију *Слова*, латиничку транскрипцију са старуским акцентима и превод дела на словеначки језик. Поред тога, он је написао увод, исцрпан коментар и речник свих израза и облика употребљених у *Слову*. Мада је сав посао урађен са изванредном акрибијом и дубоким познавањем предмета, нека Нахтигалова мишљења подлежу дискусији. На пример, он је у својој реконструкцији *Слова* црквенословенски утицај свео на најмању меру приписујући највећи део облика у editio princeps каснијим изменама. По нашем мишљењу, ту треба бити далеко опрезнији. Многи се можда неће сложити ни са неким Нахтигаловим конјектурама. Али су нека његова објашњења и убедљива и оштроумна. Он, на пример, реч *шеломя* доводи у везу са словеначким и српскохрватским *слеме* у значењу планински гребен; за то мишљење он налази потврду у облику *соломя*, који је употребљен у неким руским летописима у истом значењу. *Слову* је посвећен и чланак Антице Менац *Око аутентичности „Слова о полку Игореве"* (Зборник Филозофског факултета Загребачког свеучилишта, II, 1954).

Резултати изучавања словенских књижевности постигнути за ових десет година код нас доста су скромни и нису без недостатака и грешака, и то како методских тако и материјалних, али то треба приписати добрим делом оним објективним чињеницама о којима смо говорили у почетку овог кратког извештаја. Надамо се да ће ти узроци бити сада уклоњени. Зато југословенски научни радници, који су организовали овај састанак ради успостављања што тешњег контакта међу славистима разних земаља, тако много очекују од њега.

Л. АНДРЕЙЧИН и ИВ. ЛЕКОВ

БЪЛГАРСКОТО И СЛАВЯНСКОТО ЕЗИКОЗНАНИЕ В БЪЛГАРИЯ ПРЕЗ ПОСЛЕДНИТЕ ДЕСЕТ ГОДИНИ

Славистиката и по-специално изучаването на българския и на другите славянски езици в България след Втората световна война се развива при нови условия. Народната политическа, икономическа и културна революция, подета в България на 9 септември 1944 г., създаде нови условия за развоя на науката изобщо, а също и за развоя на филологическата наука.

Преди войната главен център на славистиката в България беше Софийският университет. Дейността на Българската академия на науките в тази област беше твърде ценна, но в известен смисъл ограничена. Въпреки неблагоприятните условия, в предвоенните и военни години бяха приготвени и издадени от българските слависти редица трудове в областта на славянската и българската филология, каквито са напр. три големи славянски христоматии — полска, чешка и руска — от Ст. Романски, Етимологически речник и Граматика на българския език от Ст. Младенов, Нова българска граматика от А. Т.-Балан, Полско-български речник от Ив. Леков, Основна българска граматика от Л. Андрейчин, Български книжовен изговор от Ст. Стойков, някои монографии от К. Мирчев и Ив. Леков, и др. За съжаление езиковедите от по-старото поколение в предвоенните и военните условия не подготвиха достатъчен брой млади научни работници, нужни за по-нататъшното разрастване на тази от национално значение за нас наука.

I. *Организация на славистичната езиковедска работа след войната.* Още в първите години след войната народната власт взе сериозни мерки, за да се създаде необходимата основа за правилен развой на българското и славянското езикознание у нас.

Във връзка с основното преустройство и разрастване на Българската академия на науките след войната, в нея бе създаден Институт за български език (върху основата на създадената през време на войната Служба за български речник под ръководството на Ст. Романски). За кратко време Институтът за български език, ръководен първоначално от Ст. Романски, а от 1951 г. от Вл. Георгиев, стана средище на научния езиковедски (и преди всичко славистичен) живот в страната. В седемте секции на Института, в които работят 10 души академици и членове-кореспонденти, 20 души щатни

— младши и старши — научни сътрудници, както и редица нещатни научни сътрудници и голям брой технически сътрудници, се разработват проблеми на българската граматика, фонетика и лексикология, на историята на българския език, на българската диалектология, проблеми на славянското езикознание, а също и въпроси на балканското, индоевропейското и общото езикознание. В Института се съставят редица важни речници, за които ще стане дума по-нататък. Негови издания са: Известия на Института за български език (до сега излезли т. I, II и III, а под печат са т. IV и V), сп. Български език (от 1951 год.) — научно-популярен орган на Института, — който излиза вече пета година, нареждайки между други подобни издания в славянските страни като Język Polski (Краков), Наш језик (Бялград) и др. Освен тези периодични издания Институтът за български език издава и отделни научни публикации.

В Софийския университет бе извършено значително разширяване и диференциране на отделните специалности в областта на славистиката. На мястото на старата неразчленена „славянска филология" бяха създадени новите специалности българска филология, руска филология и славянска (с полски, чешки и сърбо-хърватски профил) филология, в които езиковедската научно-преподавателска работа е съсредоточена в три катедри: катедра по български език, завеждана от проф. К. Мирчев; катедра по славянско езикознание, завеждана от. проф. Ив. Леков, и катедра по руски език, завеждана от проф. Н. Дилевски. Една от важните задачи на нашите езиковедски катедри през последните години е подготовката на млади научни кадри.

След войната продължи да излиза Годишник на Софийския университет — Историко-филологически факултет (до т. XLVI, 1950), а сега — Филологически факултет (излязъл от печат т. L, 1955), където се печатат доста трудове по българско и славянско езикознание.

Важна задача на нашите слависти е и подготовката на университетски учебници в областта на българската и славянската филология.

Между книжовните почини във от Академията на науките и Университета може да се посочи започнатото от група слависти през 1946 г. научно-популярно списание Език и литература (приключващо сега десетата си годишнина), където се разглеждат доста славистични въпроси.

II. *Методологически и теоретически въпроси.* Езиковедската дискусия в СССР през 1950 г. даде благоприятно отражение и в българското езикознание. Настана понятно оживление, появиха се многочислени статии, целта на които бе да се изясни и популяризира марксическото учение за езика. Интересите на българските езиковеди се разпростряха свободно към всички области на езикознанието, потърсиха се връзки с положителните традиции на тази наука, установи се широка и разнообразна тематика, в която заеха подобаващо място и въпросите на сравнителното и историческото езикознание.

Във връзка с важните навременни задачи на българското езикознание Институтът за Български език при Българската академия на науките и Филологическият факултет на Софийския университет организираха няколко научни сесии, на които бяха обсъдени редица актуални въпроси. По-подчертан славистичен характер имаше сесията, посветена на въпроса за исто-

рията на езика във връзка с историята на народа (1952 г.). На тази сесия бяха разгледани въпросите за националната самобитност на езика, за устойчивостта на славянските езици срещу насилствена асимилация, за периодизацията на историята на българския език, за съдбата на турските думи в българския език, за отношението между литературния език и диалектите. Материалите от тази сесия бяха обнародвани в Известия на Института за български език, т. II (1952).

Освен това беше обнародван сборник под заглавие „Въпроси на езикознанието в сталинско осветление" (1951), съдържащ студии по следните въпроси: език и общество, език и мислене, развой на езика, вътрешни закони на езиковия развой, сравнително-исторически метод и критика на четирие-елементния анализ на Мар, морфологическа и генеалогическа класификация на езиците, с оглед към индоевропейските и уралоалтайските езици, кръстосване на езиците, етническо и лингвистическо единство. Макар и посветени на въпроси из общото езикознание, повечето от тези студии са разработени главно върху материал от българския и от други славянски езици.

Ценна методологическа помощ в нашата работа ни оказват трудовете на съветските колеги.

III. *Разработка на въпроси из славянското езикознание*. Известно е, че на практика въпросите на българското и славянското езикознание се свързват, но все пак е възможно, макар и условно, те да се отделят. През първите години след войната бяха публикувани студията на Ив. Леков „За диалектиката в езиковата система" (Годишник на Софийския университет — ИФФ, т. XLIV, 1948), основана върху материал от славянските езици, студията на Ем. Георгиев „Балтославянско-германското родство" (Известия на Семинара по славянска филология при СУ, кн. VIII—IX, 1948) и някои кратки проучвания върху лексиката на „Слово о полку Игореве" от Н. Дилевски.

След преломната 1950 г., когато значението на сравнителното и историческото изучаване на славянските езици се възвърна и нарастна много, Ив. Леков обнародва статии върху редица въпроси из сравнителната граматика на славянските езици, като напр. за вътрешните закони на развитие на славянските езици, за тяхното бавно и ускорено развитие, за сравнително-историческия метод в славянското езикознание, за класификацията на славянските езици и др. На лексикологична проблема е посветена работата му „Из славянската лексикология" (Известия на Института за български език, кн. III, 1954), както и студията „Единство и своеобразие на славянските езици в техния основен речников фонд", в която се изтъкват нови страни във взаимните отношения на славянските езици.

През изтекли период бе обърнато особено внимание на съставянето на двуезични славянски речници. Големият „Руско-български речник" на С. Чукалов претърпя няколко издания. „Пълен българско-руски речник" от същия автор (1947) не задоволи добре нуждите и изискванията. „Чешко-българският речник" на Цв. Вранска има вече второ издание. В секцията за славянско езикознание в Института за български език се работят няколко двуезични славянски речника: голям руско-български речник, голям българско-руски и малък българско-руски, а също и полско-български, словашко-български и българско-чешки речник.

Катедрата по славянско езикознание е издала за нуждите на университетското образование помагалата „Славянските езици и техните връзки и взаимоотношения" от Ив. Леков (1948), „Нови полски текстове" от Ив. Леков и „Сърбохърватски текстове" от А. Игов. Привършена е вече като колективен труд на катедрата голяма „Славянска христоматия с речници и коментар". Между изданията на катедрата по руски език може да се отбележат университетските ръководства по история на руския език от Н. Дилевски, по съвременен руски език от И. И. Лавров, както и редица други ръководства и помагала по руски език. Издадени са вън от университета няколко руски граматики от Н. Дилевски, А. Евдокимов и др., „Сръбска граматика" от Г. Исаев и М. Йоич (1948) и „Учебник по чешки език" от В. Кръиджалова (1950).

Голям брой славистични студии от български и чуждестранни автори са под печат в юбилейния сборник в чест на 95-годишнината на акад. А. Теодоров-Балан. Нека бъде позволено тук да изкажем нашата благодарност на всички колеги, които изпратиха трудове за този сборник.

IV. *Разработка на въпроси из областта на българския език.* На конкретни въпроси из различните страни на българския език са посветени преобладаващата част от езиковедските изследвания в България. Макар и да не се извършват, в повечето случаи, върху по-широка славистична основа, те са важен и количествено основен дял от славистиката у нас, а също трябва да се включат и в обсега на общата славистика, тъй като осветляват строежа и развоя на един славянски език.

В резултат на извършената през време на войната и в следвоения период значителна изследователска работа в областта на *българската граматика*, днес вече разполагаме със сериозни системни трудове върху граматическия строеж на българския език, каквито са главно „Основна българска граматика" (1944) от Л. Андрейчин и „Нова българска граматика" (1940) и „Нова българска граматика за всякого", I св. (1954) от А. Т.-Балан. С това се запълва една значителна празнота в граматическото проучване на славянските езици, между които до преди войната българският език беше най-слабо проучен. Научният интерес към въпросите на българската граматика доведе и до по-задълбочено обсъждане на редица общи и конкретни граматически проблеми, каквито са напр. проблемата за аналитичния характер на съвременния български език, за категорията на преизказването и др.

По първия въпрос след статиите на Л. Андрейчин „Към въпроса за аналитичния характер на българския език" (сп. „Български език", 1952, кн. 1—2) и А. Т.-Балан „Българско склонение" (пак там, 1953, кн. 1), застъпващи противоположни становища, последва оживена дискусия в страниците на същото списание, която вече отива към своя край, с ясно очертаващо се преобладващо становище, че при съществителните имена в българския език не може да се говори за падежни категории, тъй като изобщо не може да съществуват падежни категории без падежни форми.

По втория въпрос се налага вече напълно схващането, разработено главно от Й. Трифонов в миналото и от Л. Андрейчин в по-ново време, че съществува в българския език особена система от преизказани форми на всички глаголни времена, чиито функции не могат да се разглеждат в днешно време като разновидност на перфекта, и че те образуват, както посочи А. Т.-Балан, особено наклонение в българския език.

Значителен интерес представя за славянското езикознание изучаването на българските глаголни времена и глаголни видове в тяхното едновременно съществуване. Състоянието на разработката на тези въпроси сега е на по-голяма висота, отколкото преди войната. Разработват се и някои въпроси на залога, на словообразуването и др. Все още слабо разработен граматически и практически остава въпросът за същността, функциите и употребата на членните форми на имената в българския език. Не е достигнато нужното задълбочаване и във въпросите на българския синтаксис.

В своите проучвания днес българските езиковеди изхождат от основните положения за общонародния характер и националната самобитност на езика, от марксическото схващане за мисленето като отражение на действителността и за връзката между мисленето и езика като две неразделно свързани, но притежаващи своя специфика явления, от принципното разграничение между лексикалната и граматическата страна на езика, и др.

Интересен е от теоретическо гледище трудът на А. Т.-Балан „Състояние на българската граматика" (1947 г.), където нашият столетник езиковед, независимо от някои увлечения от друго естество, излага обстойно своето становище по редица принципни въпроси на граматическата ни теория.

Тази година се извършва предварителна подготовка на колективната работа по съставяне на „Нормативна българска граматика" в Института за български език.

Върху въпросите на *българската фонетика*, във от съответния отдел в споменатите общи граматически трудове, са посветени няколко експериментални проучвания и един цялостен труд на проф. Ст. Стойков. Това са „Българският книжовен изговор" (Сборник на Българската академия на науките, кн. XXXVII — 3, 1941), „Палаталните съгласни в българския книжовен език" (Известия на Института за български език, т. I, 1952), „Ятовият въпрос в новобългарския книжовен език" (Годишник на Софийския университет, ИФФ, т. XLIV, 1948), „Българска фонетична терминология" (т. XLV, 1949) и току-що излезлият „Увод в българската фонетика" (1955).

На по-широки обсъждания бяха поставени въпросите за отношението между звук и фонема, за броя и учленителния характер на меките съгласни в българския език и др.

Твърде значителен дял от работата на българските езиковеди през следвоенния период е посветен на *лексикографията и лексикологията*. Това се обяснява преди всичко с нашите конкретни нужди, чието задоволяване стана възможно след войната. Тази дейност бе улеснена от изясняването на някои основни въпроси из тази област в съветското езикознание.

След продължителна подготовка (от 1942 г. насетне), през 1950 г. бе пристъпено към съставяне на тритомен тълковен „Речник на съвременния български книжовен език" (с около 60,000 думи), който започна да излиза на свезки от миналата година и ще бъде довършен през 1958 г. (тези дни излиза от печат 4-а свезка, последна от I том).

Речникът се работи от значителен колектив от щатни научни сътрудници, редакционна колегия и главен редактор — Ст. Романски. С това важно дело на Българската академия на науките се запълва съществена празнота в една област, в която нашето изоставане беше значително до преди няколко години. Речникът представя живия лексикален състав на съвремен-

ния български национален книжовен език. Той има да играе и известна нормативна роля. Значенията на думите се извличат от системно събирани в картотеката на Института материали из художествената литература от втората половина на XIX в. насам и из съвременната публицистика и научно-популярна литература.

Успоредно със съставянето на речника се разработват и редица въпроси от теоретически лексикологжки характер, като напр. за системата на значенията на думите, за омонимите, за синонимите, за стилистичните пластове в речника, за фразеологичните съчетания и др., които ще бъдат обсъдени в една предстояща сесия. Първият системен учебен курс по българската лексикология бе даден от Л. Андрейчин в учебника „Съвременен български език" за учителските институти (1953).

Под печат е и ще излезе след няколко месеца и един едномомен „Български тълковен речник", съставен колективно преди няколко години от група езиковеди (Андрейчин, Л. Георгиев, Илчев, Леков, Стойков, Тодоров).

От „Български тълковен речник" на Ст. Младенов, започнал да излиза отдавна, излязоха след войната още няколко свезки, с които завърши първият му том (до буква К вкл.). Останалата част от речника ще бъде издадена от БАН в близките 2—3 години.

Приготвени са или са в процес на работа редица изследвания върху речника на наши писатели преди и след Освобождението, за които ще стане дума по-долу. Публикувани са някои монографични проучвания върху някои предлози и съюзи в българския език.

Под печат е и първият том от първия речник на отделен писател — Речник на Хр. Ботев, изработен от двама научни сътрудници от Института за български език и Института за българска литература при БАН.

Особено внимание се отделя в нашето езикознание през разглеждания период на въпросите, свързани с *устройството и културата на книжовния език*. Това явление стои във връзка с грижата за подобряване на грамотността на широките народни маси и грижата за по-тясна връзка на езиковата наука с практиката, характерни за новия период в нашето обществено развитие. В тази област са работили А. Т.-Балан, Л. Андрейчин, Н. Костов, Ив. Леков, Ст. Стойков и др.

Само няколко месеца след установяването на народната власт, правителството на Отечествения фронт извърши в началото на 1945 г. с помощта на специалистите езиковеди важна правописна реформа, която е твърде важно културно и демократично завоевание, тъй като освободи нашия правопис от излишното бреме на миналото (давайки превес на фонетичния принцип) и го направи вътрешно по-еднороден и по-лек за усвояване. Уредената през 1951 г. от Института за български език национална конференция по въпросите на правописа (материалите от която са публикувани в кн. 1—2, г. I, 1951, на сп. Български език) потвърди значението и правилността на реформата от 1945 г., като набеляза и редица въпроси за по-нататъшно подобрение и уточняване, свързани главно с употребата на главните букви, препинателните знаци, правописа на сложните думи и др. Тези въпроси сега се проучват в Института за български език, където се подготвя и нов правописен речник. Крачка напред в сравнение с миналото представя официалният „Правописен речник", съставен от Андрейчин, Георгиев, Леков и Стойков (III изд.,

1954), с доста системна разработка на правилата на нашата правописна система. „Правописният речник" на Ст. Романски (1951) съдържа богат материал, но страда от доста непоследователности.

Публикувани са досега редица проучвания по теоретически и конкретни правописни въпроси от А. Т.-Балан, Л. Андрейчин, Ст. Стойков и др.

На научна разработка е поставен в страниците на сп. Български език и въпросът за изговора и транскрипцията на чуждите имена в нашия език, както и въпросът за установяване на стандартна латинска транскрипция на българското писмо.

Главна трибуна за разработка на въпроси, свързани с езиковата правилност и нормативност, е сп. Български език, а отчасти и сп. Език и литература. Създадена е и служба за езикова консултация в Института за български език. Сп. Родна реч, редактирано преди войната от Ст. Младенов и Св. П. Василев, престана да излиза през 1943 г.

Характерно за нашата действителност е и уреденото през 1954 г. обсъждане върху езика на вестниците.

В областта на езиковото строителство трябва да се отбележат и грижите за умерена чистота на книжовната реч, които, след известно занемаряване в първите години, бяха подети отново в последно време. Особена заслуга, въпреки някои крайности, има в това отношение продължителната дейност на А. Т.-Балан и Ст. Младенов.

Общо взето, нашето съвременно езиково развитие се характеризира с тенденция към по-ясно установени норми. В тази обстановка се очертават условия за по-здрава връзка на езиковедската наука с практиката, отколкото в миналото.

В областта на обучението по родния език бе направено от войната насам доста много, за да се постави то на по-здрава научна и методична основа.

В областта на *историята на българския език*, където научните ни кадри за сега са най-малко, спадат някои отделни проучвания, като: „Употреба на местоимението *свой* в старо- и новобългарски език" от К. Мирчев (Годишник на Софийския университет — ИФФ, т. XLII, 1946), „Още една новобългарска Александрия от началото на XIX в." от К. Мирчев (т. XLIII, 1947), „Опит за нова периодизация на историята на българския език" от Вл. Георгиев (Известия на Института за български език, т. II, 1952), „За съдбата на турцизмите в български език от К. Мирчев (пак там) и др. Важна придобивка е краткият учебен курс за учителските институти от К. Мирчев „Историческа граматика на българския език" (1954), където се обобщава сегашното състояние на проучванията в тази важна област на нашата славистика.

Проучванията върху старобългарския език са все още недостатъчно застъпени в българската славистика. Заслужава отбелязване кратният учебник по старобългарски език за учителските институти от К. Мирчев (1955). През 1945 г. излезе голяма старобългарска христоматия — „Старобългарски език в образци" — от Ст. Романски. Под печат е старобългарска христоматия с доста богат речник от М. Янакиев и Ст. Стоянов. През тази година в Института за български език се пристъпи към съставяне на наръчен старобългарски речник под ръководството на К. Мирчев.

Започната е в Института за български език и подготвителна работа за съставяне на нов етимологически речник на българския език. За сега

разполагаме в това отношение с „Етимологически речник на българския книжовен език“ от Ст. Младенов (1941).

Съставянето на обширна и подробна история на българския език се очертава като една от малко по-далечните задачи на Института за български език.

На палеографски въпроси във връзка с новооткрити старобългарски епиграфски материали е посветена интересната статия на В. Иванова „Надписът на Мостич и Преславският епиграфски материал“ (сп. Български език, 1955, кн. 2), придружена с много клишета. Въпросът за произхода на старобългарските азбуки се разглежда в труда на Ем. Георгиев „Славянская письменность до Кирилла и Мефодия“ (1952).

Издаването на стари езикови паметници е доста занемарена област в нашата славистика. Единствен важен почин тук е изданието на Рилските глаголически листове, подготвено от Ив. Гошев (сега под печат).

Особено място заемат в нашето езикознание през последните години проучванията във връзка с *формирането и развоя на нашия книжовен език*. Историята на книжовния език е отделна област със свой специфичен кръг от явления. Безспорно, в много случаи паметниците на книжовния език от миналите векове дават богат материал за общата органическа история на народния език. Независимо от това материалите на книжовния език трябва да се изучават както от гледище на неговите особени функции — като твърде важно звено в системата на разнообразните форми на съществуване на общонародния език, — така и от гледище на специфичния характер на неговия развой.

През изтеклите след Втората световна война десетина години в българското езикознание е видимо засилен интересът към въпросите на развоя на нашия книжовен език. Тук могат да се споменат някои по-обстойни изследвания на Л. Андрейчин („Език и стил на Л. Каравелов“, Годишник на Софийския университет — ИФФ, т. XLVI, 1950; „Език и стил на Хр. Ботев“, сб. Христо Ботев, 1949; „Иван Вазов и българският език“, сб. Иван Вазов, 1950), разработени от гледище на развоя на книжовния език, както и редица статии от други автори — А. Т.-Балан, Ст. Младенов, Ив. Леков, П. Динеков, Д. Иванова, Р. Мутафчиев и др., разработени от различни гледища. През миналата година се появиха в отделна книга — „Строители на родната реч“ — нова серия статии на Ст. П. Василев върху езиково-стилните особености на наши по-стари и съвременни писатели. Под печат са в изданията на Института за български език и някои монографии, посветени на езика на П. Р. Славейков, Ив. Вазов, П. П. Славейков, Н. Вапцаров, на историята на пуризма у нас. В процес на работа са и редица други подобни проучвания.

В областта на *българската диалектология* се забелязва оживление през последните години. Извършват се подготвителни проучвания за съставяне на български лингвистичен атлас под ръководството на Ст. Стойков.

След като доста време не бяха излизали нови диалектологични проучвания, сега са под печат редица монографии в един том от Известията на Института за български език. На явления из социалната диалектология е посветен трудът на Ст. Стойков „Софийският ученически говор“ (Годишник на Софийския университет — ИФФ, т. XLII, 1946).

Като университетски ръководства бяха издадени „Христоматия по българска диалектология“ (1950) от Ст. Стойков и „Българска диалектология“ (1954) от същия автор (както и кратка „Българска диалектология“ за учителските институти, II изд., 1955).

В областта на *ономастиката* могат да се посочат книгите на Ив. Дуриданов „Местни названия в Ломско“ (1953) и В. Миков „Произход и значение на имената на нашите градове, села, реки, планини и места“ (1943).

Като недостатъчни трябва да се преценят грижите за критично проучване и преоценка на езиковедското ни наследство. Тук могат да се отбележат студията на Л. Стоичкова върху речника на Н. Геров (сп. Български език, 1953, кн. 1 и 3, 1954, кн. 1) и студията на Ст. Стойков върху делото на А. Т.-Балан (сп. Български език, 1954, кн. 4).

След като престана да излиза изданието „Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София“, в чийто последен (VIII—IX) том *библиографията* на българското езикознание е доведена до 1942 г., текуща библиография от 1950 г. насам се дава в изданията на Института за български език. — сп. Български език и Известия на Института за български език.

Такава е в общи черти картината на разработката на въпросите на славянските езици и на българския език у нас през последните десет години.

Ние, българските слависти, се надяваме, че в резултат та обсъжданията и обмяната на научни мнения и опит през време на нашата Бялградска славистична среща българската славистика ще получи нови импулси за по-нататъшното си развитие.

ПЕТЪР ДИНЕКОВ

РАЗВИТИЕ НА ЛИТЕРАТУРНИТЕ ПРОУЧВАНИЯ В БЪЛГАРИЯ СЛЕД ВТОРАТА СВЕТОВНА ВОЙНА

1. Дълбоките политически и икономически промени, които настъпиха в България след Втората световна война, дадоха своето отражение във всички области на науката. Това важи в пълна мяра и за литературната наука, която се преустрои основно в методологическо отношение, заставайки на здрави марксистко-ленински позиции. За това помогнаха от една страна традициите, които у нас вече имаше марксистката литературна наука, а от друга страна — благотворният контакт със съветската наука и литература. Благодарение на делото на такива видни марксисти — литературни теоретици, историци и критици като Димитър Благоев, Георги Бакалов и Тодор Павлов, цяла редица основни въпроси на българското литературно развитие бяха разрешени или най-малкото поставени за разрешение. Веднага след освобождението от фашистко-капиталистическия гнет българската литературна теория и критика се обърна към това ценно наследство и положи неговите постижения в основата на новото, коренно преустроено отношение към въпросите на литературата, още повече че един от тия видни представители на марксическата теория, сегашният председател на Българската академия на науките Тодор Павлов, все и продължава да взима най-дейно участие в научния и литературния живот на страната. Към това трябва да се прибави и решителната помощ, която оказа на нашата литературна наука Българската комунистическа партия с редица постановления и документи и особено чрез изказванията, статиите и докладите на самите ръководители на Партията Г. Димитров, В. Коларов и В. Червенков[1].

След 9 септември 1944 год. настъпиха сериозни промени и в организационните форми на българската литературна наука. Преустрои се работата преди всичко на литературните катедри в Софийския университет. Теоретично-методологическото преустройство на заварените кадри вървеше паралелно с привличането и създаването на нови кадри, а също така и с разширението на обсега на литературните преподавания. Това важи особено за

[1] Тия изказвания са събрани в книгите: *Г. Димитров*. За литературата, изкуството и науката, 1950; *В. Коларов*. За изкуството, науката и културата, 1953; *В. Червенков*. За науката, изкуството и културата, 1953.

преподаванията по теория на литературата и по история на българската литература. В миналото съвременната българска литература отсъствуваше напълно от университетските лекции — курсът по история на българската литература стигаше до началото на нашия век. Днес вече програмата по българска литература в Университета обхваща развитието на литературата до наши дни. Променена е основно и работата в самите литературни катедри; въведе се аспирантурата за създаване на нови кадри. Обособяването на нови специалности — руска филология и славянска филология — спомогна за засилване на интереса към славянските езици и литератури.

Обаче онова, което трябва специално да се отбележи, то е ролята, която играе след войната в цялостния научен живот на страната и следователно и в областта на литературните проучвания обновената и преустроена Българска академия на науките. При нея бе създаден Институтът за българска литература, който днес има шест секции: 1. Секция за българска литература до Освобождението (1878 г.); 2. Секция за българска литература след Освобождението; 3. Секция за теория на литературата; 4. Секция за руско-български и съветско-български литературни връзки; 5. Секция за славянски и западно-европейски литератури; 6. Секция за детска литература. Макар и още не разполагащ с достатъчен брой щатни научни сътрудници, поради което някои секции са слабо развити, Институтът си поставя сериозни задачи за разработка и постепенно се превръща в обединяващ център на литературните проучвания в страната. Той издава свой орган — „Известия" (до сега са излезли три тома) и отделни студии и сборници, между които заслужават да се отбележат сборниците със спомени, материали, документи и студии за Г. С. Раковски, Хр. Ботев, Ив. Вазов, Хр. Смирненски и Н. Вапцаров, двата тома на акад. Т. Павлов „За марксическа естетика, литературна наука и критика" (статии, доклади, изказвания, рецензии, том I 1929—1954; том II 1937—1955), монографиите на Ст. Каролев „Д. Благоев литературен теоретик и критик" (1951), П. Русев „Творческият път на Елин Пелин до Балканската война" (1954), разкошното издание на българския превод на „Слово о полку Игореве" (1955), и др. В Института се подготвят аспиранти по българска литература, съществува архивна сбирка и библиотека, а също така е изработена пълна библиография на българската и чуждата литература в отделни издания и периодиката. Най-важната задача в научния план на Института е написването на академическа история на българската литература. Работата е още в своето начало. Освен предварителни монографични изследвания, подготвени са два основни доклада по въпросите на периодизацията на историята на българската литература (Средновековна литература и Възраждане — от П. Динеков, литературата след Освобождението — от Г. Цанев). Предстои поставянето на тия доклади на широко обществено обсъждане.

Освен в изданията на Академията и в Годишника на Софийския университет, статии по литературно-исторически и теоретически въпроси се обнародват в сп. Септември (месечен орган на Съюза на българските писатели), Ново време (теоретичен орган на Българската комунистическа партия), Философска мисъл (главен редактор акад. Т. Павлов), в популярно-школското списание „Език и литература" и др.

Особено полезен се оказа личният контакт със съветските учени. В България гостуваха, освен цяла редица видни съветски писатели, известните познавачи на българската литература акад. Н. С. Державин, К. Н. Дер-

жавин и Д. Ф. Марков, а през м. октомври 1955 г. — Н. И. Кравцов, И. М. Шептунов и В. И. Злиднев. При гостуването на Д. Ф. Марков, което стана неотдавна — юни и юли 1955 г., бяха обсъдени въпросите на периодизацията на българската литература. Във връзка с подготвяната от Института по славяноведение при АН в СССР кратка едитомна история на българската литература контактът между съветските и българските специалисти ще бъде засилен; планът и макетът на историята ще бъдат обсъдени в Москва и София.

2. Сред литературните проучвания в последните десет години твърде широко място заемат теоретичните въпроси. За усвояване на марксистко-ленинската методология в литературната наука и на метода на социалистическия реализъм в художествената литература трябваше да се води борба срещу ненаучните, идеалистически и субективистки теории и схващания и срещу всякакви упадъчни влияния. Както бе отбелязано, в тая борба българската наука се опираше от една страна на здравите традиции, създадени от нашата революционна теория и художествена практика от миналото, а от друга — на теоретическия и художествен опит на съветската наука и литература. Характерът и насоките на общата борба на идеологическия фронт бяха определени ясно от В. Червенков в доклада му пред V конгрес на Българската комунистическа партия през 1948 г. — „Марксистко-ленинската просвета и борбата на идеологическия фронт": „Основна задача на нашата партия на идеологическия фронт е да се организира и проведе последователно, настойчиво, без колебание решителното преодоляване на капиталистическата идеология във всичките ѝ разновидности и, опирайки се на блестящия подем на съветската социалистическа наука и култура, учейки се и ръководейки се от нея, да осигури — заедно с преобразуването на нашата страна в страна социалистическа — пълно господство на творческата и боева марксистко-ленинска идеология във всички области на науката, изкуството и културата у нас".

Ето, тъкмо с оглед на тия задачи се наложи още в първите години след войната разработката на цяла редица теоретични въпроси в областта на литературата, литературната наука и естетиката. Между тях възникнаха такива проблеми: отношение между мироглед и художествен метод, двете основни линии в развитието на всяка национална литература и отношението към литературното наследство, същност на социалистическия реализъм, въпросът за типичното и т.н. Не е възможно тук да се спираме подробно и да излагаме основните положения, залегнали в конкретното разрешение на тия въпроси. Ще отбележим само някои от по-значителните трудове и изследвания, които им бяха посветени.

В областта на литературната теория и естетиката, несъмнено, най-голям принос представят трудовете на видния философ и литературен теоретик и критик акад. Тодор Павлов. Автор на редица теоретични работи по въпросите на изкуството още преди войната, той продължи своите занимания, въпреки огромната си заетост с политическа и организационна работа. Неговите теоретични изследвания по въпросите на естетиката и литературната теория са събрани главно в книгите „На литературни и философски теми" (1946), „Основни въпроси на естетиката" (том I, 1949), „За марксическа естетика, литературна наука и критика" (том I 1954, том II 1955), „За типичното в действителността и художественото му отражение в изкуството" (1955).

Т. Павлов разрешава теоретически въпроси и в книгите си, посветени на отделни писатели, като „Христо Ботев" (1949), „Български поети и писатели" (1949), „Пушкин, Горки, Маяковски, Ботев, Благоев" (1949), „Ив. Вазов" (1950), „Светозар Маркович" и др. В своите книги и студии Т. Павлов засяга най-важните въпроси на естетиката и литературната теория, разглежда ги в най-тясна връзка с художествената практика, разрешава ги с забележителна смелост на философ-марксист.

В областта на литературната теория работят и няколко по-млади автори, предимно литературни критици, които засягат най-вече въпросите на социалистическия реализъм (П. Зарев, Ив. Руж, Ст. Каролев, Ас. Киселинчев, Г. Д. Гошкин, П. Данчев, Б. Делчев, Ем. Стефанов, Ем. Петров и др.).

От извънредна важност се оказа въпросът за литературното наследство. В годините след войната в тая област бяха допуснати грешки, резултат на някои остатъци от вулгарен социологизъм в българската литературна критика и история. Макар че крупното национално дело на Иван Вазов намери правилна марксическа оценка още в навечерието на 9 септември 1944 г., с което се поправяха старите грешки на Г. Бакалов, вулгарният социологизъм остана да тежи върху оценката на такива големи писатели реалисти като Ст. Михайловски, Пенчо Славейков и др. При тяхното разглеждане някои критици не съумяваха да разкрият сложното им противоречиво развитие, изхождаха често само от някои теоретически изказвания на писателите, не виждаха основните, преобладаващи елементи на реализъм в тяхното творчество. От тук те лесно стигаха до отричане на това творчество.

Извънредно много помогна за преодоляване на погрешните тълкувания на литературното наследство редакционната статия на партийния орган в. „Работническо дело" за романа „Тютюн" на Дим. Димов и за грешките, допуснати от група критици при неговата оценка. Тая статия изигра историческа роля в борбата срещу схематизма в разбирането на метода на социалистическия реализъм, но също така насочи вниманието и към правилната оценка на литературното наследство, разобличавайки остро проявите на груб социологизъм и вулгаризаторство. След нея се ревизираха редица оценки на писатели-реалисти от миналото, внесе се теоретическа яснота в тая област, което даде своето отражение в литературно-историческите изследвания и в университетските и гимназиални програми по българска литература. Особено полезни се оказаха в това отношение няколко статии и доклади на Т. Павлов, Хр. Радевски, Г. Цанев („За нашето литературно наследство", сп. „Ново време", 1953).

3. В периода след войната вниманието на литературните историци, както може и да се предполага, бе насочено главно към проблемите на развитието на българската литература. Главната задача бе, като се използува всичко здраво и ценно като факти и материал в изследванията на буржоазните литературни историци, да се изяснят пътищата на развитието на българската литература в светлината на марксистко-ленинската методология. Задачата не бе съвсем лесна, защото трябваше да се извърши идейно превъоръжаване на научните кадри, да се създадат нови кадри, да се води борба срещу проявите на старата буржоазна методология. Колко необходима беше тая борба се вижда от обстоятелството, че в първите години някои буржоазни автори успяха да преиздадат своите литературно-исторически курсове (Малчо Николов, Ив. Радославов).

Без да се сметне, че е направено достатъчно много за изследване на историята на българската литература, известни постижения могат да се отбележат. На първо място тук трябва да се посочат цяла редица издания, които засягат изворите на литературната история — материали, писма, документи, спомени, биографии, издадени предимно от Института за българска литература при Академията на науките. Това са преди всичко ценните сборници с материали и документи за живота и творчеството на Г. Раковски (1954), Хр. Ботев (1949), Иван Вазов (1949 и 1950), Н. Вапцаров (1952), Хр. Смирненски (1953). Към тях трябва да се прибавят книгите: „Писмата на Ив. Вазов до Евг. Марс" (с предговор от Т. Павлов, 1947), „Ив. Вазов — Непубликувани писма" (1955), „Спомени за Вапцаров" от Б. Вапцарова (1952), „Спомени за Смирненски" от Кр. Кюлявков (1952), биографията на Ботев от акад. Мих. Димитров (1948), биографията на Смирненски от Г. Караславов (1953). Редица документи и материали са публикувани в периодични издания и особено в „Известия" на Института за българска литература. Обаче трябва да се сметне, че направеното в тая насока е съвсем недостатъчно. Една от големите задачи на Института за българска литература е да пристъпи към системно издаване на подобни извори за историята на българската литература, а също да създаде специална поредица от издания на съчиненията на български писатели от миналото. Чувствува се остра нужда от ново, критично издание на българските класици. Доста е направено в това отношение за пълното и критично издание на Ботев и Вазов (сега започва ново, 20-томно издание на неговите съчинения), но съвършено недостатъчно е направено по отношение на такива писатели като П. Р. Славейков и Л. Каравелов; същото важи и за писателите от Средновековието.

Що се касае до изследванията, посветени на българската литература, почти отсъствуват монографиите. Преоценката на литературното наследство е направена главно в общи прегледи и студии, много често четени като доклади. Такива студии, събрани в сборници и книги, дават картината на литературното развитие през по-дълъг или по-кратък период или развитието на отделни писатели. Такива са, например, сборниците посветени на Ботев и Вазов (излезли в 1949 и 1950 г. по случай стогодишнините от рождението им) и отделните книги на Т. Павлов („Български поети и писатели", „Христо Ботев", „Пушкин, Горки, Маяковски, Ботев, Благоев", „Иван Вазов" и др.), Пант. Зарев („Българска литература", 1950), Г. Цанев („Страници от историята на българската литература", 1953), П. Данчев („Индивидуализъм в българската литература", 1949) и др. Към тях могат да се прибавят и двата колективни сборника „Развитие на българската литература" (ч. I 1950, ч. II 1952). Като отделни монографии трябва да се посочат „Пътят на Яворов" от Г. Цанев (1947), „Д. Благоев литературен теоретик и критик" от Ст. Каролев (1951), „Ив. Вазов — художествен метод и литературни позиции" от Ст. Каролев (1951), „Творчеството на Елин Пелин до Балканската война" от П. Русев (1954), „Зах. Стоянов" от Г. Константинов (1952), „Д. Чинтулов" от Кр. Генов (1949), „Георги Бакалов" от Ж. Авджиев (1955) и др.

В областта на средновековната българска литература работи сравнително малък брой специалисти. Една част от вниманието е насочена към издирване и издаване на нови книжовни паметници на старата българска литература. Отделни такива паметници през последните години издадоха Ив. Снегаров, Ив. Гошев, В. Сл. Киселков, К. Мирчев, Ив. Дуйчев, Б. Ст.

Ангелов, Ал. Милев, П. Динеков. Дадена е за печат книгата на Ив. Гошев „Рилски глаголически листи“, в която се издава ценен старобългарски глаголически паметник, открит от Йорд. Иванов в Рилския манастир и внимателно разчетен, проучен и подготвен за издание от Ив. Гошев. Под печат се намира, подготвен от Ив. Дуйчев и Цв. Кристанов, обемист сборник от старобългарски книжовни паметници, посветени на естественонаучни въпроси.

Неголемият брой излезли изследвания по старобългарска литература се занимават с редица отделни въпроси, засягащи тълкувания и изяснения на писатели и произведения. Важни принципни въпроси се разглеждат в изследванията на проф. Емил Георгиев, посветени на въпросите, свързани с началото на българската и славянската писменост и делото на Кирил и Методий. Голям интерес събуди неговата студия „Славянская письменность до Кирилла и Мефодия“ (1952). С оглед на изясняване въпроса за класовия характер на старата българска литература представя интерес студията на Б. Ст. Ангелов „Списъкът на забранените книги в старобългарската литература“ (1952). На въпросите на богомилството, с което старата литература е тясно свързана, бяха посветени студии от Д. Ангелов и Б. Примов.

За нуждите на университетското образование бе издаден курс по история на старата българска литература (П. Динеков — „Стара българска литература“ част I 1951, част II,1953).

Най-важната задача, която стои пред българските литературоведи, е написването на академическа история на българската литература, основана върху марксистко-ленинската методология, предшествувана от изчерпателни монографични проучвания. Първата стъпка към изпълнението на тая задача представя предстоящето обсъждане на изготвените доклади върху периодизацията (докладът на Г. Цанев бе обнародван в кн. 9 на сп. Септември; предстои излизането на доклада на П. Динеков). Подготовката на подобна история ще бъде много сериозно изпитание за българската литературна наука и ще трябва да покаже нейната методологическа зрялост; несъмнено тя ще представя и сериозен преглед и оценка на всичко направено до сега в тая област.

4. Връзките на българската литература с останалите славянски литератури и през последните десет години са привличали постоянно вниманието на българските литературни изследвачи. Несъмнено, най-голям е бил интересът към руската и съветската литература, поради тяхното огромно значение за развитието на българската литература в миналото и настоящето. Трябва да се изтъкне, че сравнително малко са студиите, посветени на въпроси, засягащи руската и съветската литература, независимо от връзките ѝ с българската. Между тях трябва да се отбележат подготвеното от Академията издание на „Слово о полку Игореве“, изследването на В. Велчев „Драмата ‚На дие‘ в ново осветление“, изследванията на Н. Дилевски върху „Слово о полку Игореве“. Българските учени разработват повече въпросите, свързани с литературните отношения между руския и българския народ. Вниманието е насочено преди всичко към новия период — от XIX в. насам. На Средновековието бяха посветени само няколко изследвания, отчасти имащи по-популярен характер (от Ив. Снегаров, Н. Дилевски, Д. Ангелов, Б. Ст. Ангелов). Между твърде големия брой статии и студии, които се занимават с руско-българските отношения в ново време, трябва да се отбележат ония, които излязоха във връзка с годишнините на Пушкин, Гогол, Толстой,

Чернишевски, Чехов, Маяковски (от Т. Боров, Н. Лилиев, В. Велчев, Ст. Каракостов, С. Русакиев, П. Зарев, Н. Трайков, П. Динеков, и др.). Още в първия том на „Известия на Института за българска литература" бяха поместени няколко такива студии („Н. В. Гогол на българската сцена" от Н. Лилиев, „Гогол в България" от Т. Боров, „Първият български превод на Тарас Булба" от П. Динеков). В Института са подготвени за печат студии за отношението на П. Р. Славейков към руската литература (С. Русакиев), влиянието на Чехов върху Елин Пелин (П. Русев). Постоянно се разработват и въпросите за влиянието на съветската литература в България; излязоха от печат отделни книги за влиянието на Маяковски и Горки (от С. Русакиев и Ст. Каракостов); на влиянието на Маяковски в България е посветена и необнародваната още аспирантска дисертация на Бл. Димитрова. Несъмнено, Маяковски ще продължава да привлича вниманието на българските изследвачи. Някои от студиите за неговото влияние в България не са лишени от известно опростяване на проблема за влиянията и търсене на външна близост и сходство между бележития съветски поет и българските поети. Но подобен начин на разглеждане постепенно се преодолява и въпросът за литературните влияния все повече се поставя на правилна научна основа.

В последните десет години се написаха и редица студии върху връзките на българската литература с полската, чешката и сръбската литература. В тия изследвания се разглеждат обикновено два вида въпроси: българска тематика в славянските литератури и проникването на славянски писатели в България. Към първата група спадат изследванията на Ем. Георгиев за историческите драми с български сюжети на Йован Ст. Попович (1947 г.) и на Ванда Смоховска-Петрова за българските романи на Т. Т. Йеж (1955 г.). Към втората група е изследването на П. Динеков за проникването на Мицкевич в България. Полско-българските литературни отношения се осветляват и в студията на К. М. Куев „Вазови произведения на полски език". Ем. Георгиев обнародва обширно изследване върху чешко-българските културни отношения. Много малко са по-специалните проучвания на отделни представители на славянските литератури. Появиха се пообстойни статии върху Св. Марковић (от Т. Павлов), Фучик (от Г. Караславов), И. Волкер (Ем. Георгиев), Мицкевич (П. Динеков), А. Асник (К. М. Куев), Б. Прус (П. Динеков), но известна част от тях носят популярен характер. Ем. Георгиев написа университетски учебник по славянски литератури — „Славянски литератури в очерци и образци", в три части (1949—1954).

5. В България след войната е проявен значителен интерес към фолклорните проучвания. Проблемите на фолклора се разглеждат главно в Етнографския институт при Българската академия на науките, където съществува специална секция за фолклор; проектира се създаването на секция за фолклор и при Института за българска литература. Дълбоката демократизация на целия обществен живот спомогна за засилване на интереса към народното творчество, което широко се популяризира, особено чрез народните и самодейни колективи. Освен че продължиха някои стари издания (напр. Сборник за народни умотворения, който се издава от Академията на науките), но се явиха и издания от особен тип, които съдържат репертуара на съвременни народни певци — изпълнители и автори, като Вичо Бончов, Мита Стойчева, Павел Атанасов. Обръща се сериозно внимание на изучаването на творческата биография и творческия процес у народните певци; в това отношение

интересни са изследванията на Г. Керемидчиев, Цв. Вранска, Д. Осинин, Р. Кацарова (изследвачка на музикалния фолклор) и др. Тия публикации повдигнаха извънредно интересния въпрос за съвременния фолклор и за бъдещето на фолклора. Сравнително слабо се разработват въпросите на отделните фолклорни жанрове. Тук заслужава да се отбележат изследванията на Евг. Теодоров върху юнашкия епос. През 1949 г. П. Динеков издаде университетски учебник „Българска народна поезия".

6. Интерес представят библиографските публикации върху българската и славянските литератури. В това отношение усилена дейност развива Българският библиографски институт, станал държавно учреждение веднага след войната. Освен редовните библиографски бюлетини за излизащите книги и периодични издания, той подготвя и издава специални библиографии върху български писатели (Ботев, Вазов, Смирненски и др.) и проникването на славянски писатели в България (Пушкин, Мицкевич, Чехов, Маяковски и др.), излизащи обикновено под редакцията на директора на Института Т. Боров.

7. Прегледът на литературните проучвания в България в следвоенните години показва, че все още остават редица въпроси от българската литература и нейните връзки със славянските литератури слабо осветлени. Все още липсват нови монографични изследвания върху най-крупните български писатели. Все още Институтът за българска литература не е пристъпил към конкретното написване на история на българската литература. Твърде малко се засягат в литературните изследвания въпросите на езика на писателя (тук работи главно Ст. П. Василев; неговите проучвания са събрани в книгата „Строители на българската реч"; на езика на съвременната българска литература са посветени няколко статии на П. Динеков; за езика на Вазов, Ботев и Каравелов написа обширни студии Л. Андрейчин).

Но въпреки тия слабости, не може да не се изтъкне, че българската литературна наука е направила решителна крачка напред в годините след войната; в борба срещу старите идеалистически теории тя е вече стъпила здраво на позициите на марксистко-ленинската методология, учейки се непрекъснато от опита на съветската наука.

За съжаление, все още твърде слаб е контактът на българските учени с литературните специалисти от другите славянски страни. Засилването на тоя контакт ще допринесе извънредно много за осветляване на взаимните литературни връзки, а също и на редица въпроси, свързани със живота и дейността на български писатели в славянските страни (Раковски, Ботев, Каравелов и др.). В архивите и библиотеките на тия страни се намират множество неизвестни и необнародвани материали, писма, документи, засягащи развитието на българската литература. Това важи както за Средновековието, така и за новия период. Ние приемаме с голяма признателност подобни издирвания и публикации на материали, направени в братските славянски страни (напр. в Съветския съюз за Ботев, Каравелов и др., в Югославия — за Раковски и др., в Чехословакия — за Ботев и т.н.). Непосредните проучвания на български специалисти в тия страни също могат да дадат много добри резултати (това показаха командировките на Мих. Димитров в Съветския съюз и Югославия). Несъмнено, представят голям интерес и гръцко-българските и румъно-българските литературни отношения, слабо проучени досега.

Сериозна пречка за работата на българските учени се явява и слабата взаимна размяна на научни публикации между славянските страни, а също и липсата на редовни библиографски прегледи на излизащата научна литература. Чувствува се нуждата от едно общословянско списание за славистични проучвания. То би допринесло извънредно много за взаимното опознаване на славистите и за напредъка на славистичната наука.

Нека се надяваме, че при добра воля, при взаимно зачитане и сътрудничество, в обстановката на мирното социалистическо строителство съществуващите пречки за развитието на научните връзки между славянските народи ще бъдат преодолени, а международното научно сътрудничество със всички страни, където се извършват славистични изследвания, все повече ще укрепва и ще се разширява.

Българските литературоведи са готови да направят всички необходими усилия в тая насока, да помогнат за развитието на общата славянска наука и същевременно да извлекат всички полезни резултати за напредъка на българската славистика изобщо и по специално на българската литературна наука.

В. В. ВИНОГРАДОВ

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ В СССР

I

§ 1. Советское языкознание, достигшее значительных результатов в описательном и историческом изучении систем разнообразных языков народов многонационального Советского Союза, своими успехами в этой области до некоторой степени обязано обобщающим теоретическим и конкретно-аналитическим работам по исследованию русского языка, его грамматического строя и отчасти словарного состава.

Наука о русском языке является у нас до сих пор той главной лингвистической лабораторией, в которой активно и перспективно разрабатываются общие вопросы фонетики, грамматики, семасиологии и лексикологии. Показательно, что и те советские философы, которые занимаются проблемами связи языка и мышления, соотношения логических и грамматических категорий, проблемой слова, значения и понятия, вопросом о роли языка в развитии познавательной деятельности человека и т. п., чаще всего и больше всего обращались за материалами и иллюстрациями к русскому языку (см. работы проф. В. Ф. Асмуса, проф. П. С. Попова, П. В. Таванца; общие руководства по логике В. Асмуса, К. Бакрадзе, Н. Кондакова, С. Виноградова и А. Кузьмина, М. С. Строговича и т. д., многочисленные кандидатские диссертации и отдельные статьи на тему о предложении и суждении, о слове и понятии и т. д.[1]).

Вместе с тем, широко развернувшееся изучение языков народов Советского Союза, особенно в области описания их современного звукового и грамматического строя, их словарного состава, нередко соотносительно и сравнительно с русским языком — не могло не содействовать подъему науки о современном русском литературном языке. Появилось несколько сопоставительных грамматик русского и какого-нибудь иного языка, таких, как

[1] См. обзорную статью С. А. Фессалоницкого по вопросам связи языка и мышления и редакционное примечание к ней. Вопросы языкознания, М., 1953, № 3. См. также: А. П. Приаконский, Библиография по логике. Изд. Академии наук СССР. М., 1955.

„Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков“ Р. С. Газизова[2], „Сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков“ под редакцией проф. М. А. Ширалиева и доц. С. А. Джафарова[3] и другие подобные.

Само собой разумеется, что гораздо глубже и разностороннее производится анализ категорий русского языка и их функций в специальных сопоставительных исследованиях, посвященных сравнительному или сопоставительному изучению отдельных однотипных конструкций русского и иных языков или способов передачи тех или иных грамматических явлений русского языка эквивалентными формами других языков, преимущественно языков народов Советского Союза. При глубоком проникновении во внутреннее существо соответствующих разноязычных категорий или отдельных фактов рельефнее выступают специфические черты русских форм и конструкций.

Сюда относятся, например, работы такого типа: А. Н. Каухчишвили — „Номинативные односоставные предложения в русском и грузинском языках“[4]; А. Азизов — „Семантика настоящего времени глаголов в русском и узбекском языках“[5]; М. Мухамедова — „К вопросу о сравнительном изучении русского и узбекского языков“[6]; Г. М. Ахтямова — „Придаточные определительные предложения в современном русском языке и способы их выражения в узбекском языке“[7]; Х. Якубова — „Залоги в узбекском языке в сопоставлении с залогами русского языка“[8]; А. А. Тибилова — „Сравнительный анализ значений временны́х форм осетинского и русского глагола“[9]; А. Аннануров — „Основные вопросы сравнительного синтаксиса русского и туркменского языков в плане переводческой работы“[10] и многие другие подобные.

Таким образом, изучение современного русского литературного языка, его грамматической структуры, его лексической системы и его стилистических качеств играет совершенно особую, исключительную роль в общем развитии советского языкознания.

II

§ 2. Естественно, что за последнее десятилетие основным предметом изучения в советской науке о русском языке был грамматический строй русского литературного языка. В этой сфере сделано больше всего изысканий, наблюдений и обобщений. Исследованию современной русской грамматики посвящено преобладающее количество трудов советских руси-

[2] Татгосиздат, Казань, 1952.

[3] Изд. Азербайджанского гос. университета, Баку, 1954.

[4] Труды Тбилисского гос. пед. ин-та им. А. С. Пушкина. Тбилиси, 1952, т. IX, стр. 69—79; в том же издании ср. Э. Л. К р е м е р, Глагольные приставки в русском и грузинском языках, т. VIII, 1950.

[5] Труды Ин-та языка и литературы им. Пушкина АН Узбекской ССР, вып. 1,1949.

[6] Известия Академии наук (ИАН) Узбекской ССР, 1950, № 1.

[7] Автореферат. М., 1954.

[8] Автореферат. Ташкент, 1954.

[9] Автореферат. Сталинир, 1953.

[10] Автореферат. Ашхабад, 1953.

стов. В 1947 году вышла в свет книга В. В. Виноградова: „Русский язык. Грамматическое учение о слове" (Учпедгиз). В этой работе была сделана попытка дать грамматическую характеристику главных морфологических категорий современного русского языка, связанных с разными частями речи, представить широкое описание системы частей речи в сложном взаимодействии ее основных типов, разрядов и элементов, связать функционирование систем современного словоизменения с словообразовательными процессами и подвести итоги предшествующему развитию нашей отечественной и иностранной грамматической мысли в сфере изучения морфологического строя русского языка. Параллельно с этой книгой и вслед за ней издавались и переиздавались разные пособия для высших филологических учебных заведений, содержащие более или менее подробное, нередко не только с подведением итогов предыдущих работ, но и с элементами самостоятельного исследования, описание грамматической, преимущественно морфологической, системы современного русского языка[11].

Последним звеном соответствующей научно-исследовательской и научно-педагогической цепи является курс морфологии, подготовленный группой профессоров и доцентов Московского гос. университета имени М. В. Ломоносова под руководством В. В. Виноградова[12], и два тома академической Грамматики русского языка[13]. Отдельно следует назвать „Очерки по стилистике русского языка" проф. А. Н. Гвоздева[14].

Впервые морфологическая система современного русского языка была воспроизведена в такой широте и таком многообразии.

§ 3. Изучение разных морфологических проблем и морфологических категорий, относящихся к грамматическому строю современного русского языка, составляло предмет многочисленных монографических исследований, кандидатских диссертаций и статей, особенно за последнее пятилетие. Трудно было бы указать такой отдел или раздел современной русской морфологии, который был бы совсем заброшен или оставлен в стороне. Однако есть области морфологического исследования современного русского языка, в которых еще не достигнуто коренных, качественных сдвигов, решающих успехов. Сюда прежде всего относится категория падежей имен существительных, исследование основных, свободных, продуктивных и вторичных, несвободных, грамматически или лексико-семантически обусловленных, непродуктивных функций падежей, особенно таких, как творительный и предложный.

Правда, у нас есть несколько ценных монографий и статей, посвященных функциям разных падежей существительных, особенно именительного (например, диссертация А. В. Бельского о функциях номинатива), родитель-

[11] Таковы: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология, Учпедгиз, М., 1945; Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. 1, 5-е изд., Киев, 1952; А. М. Финкель и Н. М. Баженов, Современный русский литературный язык, 2-е изд., Киев, 1954; доц. В. Н. Зиновьев, Учебник русского языка для студентов казахов. Фонетика и морфология, ч. 1, 1949, Алма-Ата, и другие.

[12] Современный русский язык. Морфология, изд. МГУ, М., 1952.

[13] Грамматика русского языка, т. 1, Фонетика и морфология. Изд. АН СССР, М., 1952, т. II, Синтаксис, ч. 1 и 2, 1954.

[14] Проф. А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка. Изд. Академии педагогических наук (АПН) РСФСР, М. 1952.

ного, дательного и винительного падежей[15]. Но все же изучение функций разных падежных форм существительных как в современном состоянии, так и в историческом развитии явно отстает от изучения морфологии русского именного словоизменения, получившего глубокую разработку еще в трудах академиков А. И. Соболевского и А. А. Шахматова и продолженного работами акад. С. П. Обнорского, проф. Б. Унбегауна, Л. А. Булаховского, В. И. Чернышева, С. В. Фроловой, Н. С. Поспелова и других.

Правда, проблема значений и функций падежей существительных имеет более синтаксический характер, в особенности, если связать ее изучение со значениями предлогов.

Из других морфологических проблем, недостаточно глубоко исследованных, следует указать на современную систему имен числительных, на обнаружившиеся еще в русском литературном языке XIX в. колебания в употреблении их форм, на принципы образования и применения составных числительных.

Но особенно много неясного остается в системе категорий и форм русского глагола. Мало принципиально нового внесено в изучение категории залога глагола, в изучение закономерностей и правил образования залоговых форм. Нуждаются в углубленных исследованиях залоговые вариации глагола и их значения. Не вполне точно определены принципы видовой грамматикализации глагольных приставок в связи с разными основами, правила превращения приставок в чисто видовые префиксы. Система аналитических форм глагольного наклонения также не может считаться всесторонне раскрытой[16].

В области наречия важные неисследованные проблемы связаны с законами и правилами „адвербиализации" именных и глагольных форм, с функционированием переходных типов от предложных сочетаний существительных к наречиям.

---

[15] У. М. Протопопова, Значение и употребление существительных в предложном падеже с предлогами *в, на, при* и *по* в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1952; Я. И. Рословец, Употребление предлогов в формальных значениях в современном русском языке. Автореферат. М., 1953. Ср. М. Д. Мишаева, Наблюдения в области синонимики предложно-падежных конструкций в современном русском литературном языке. Автореферат. Куйбышев, 1954. Ср. А. Б. Правдин, Значения дательного падежа в древнерусском языке (XII—XVII вв.). Автореферат. М., 1954; Н. С. Василенко, Конструкции с творительным падежом в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1947; И. Я. Сахаров, Функции творительного падежа в современном русском литературном языке. Автореферат. Л. 1947; В. А. Силукова, Винительный падеж имен существительных в современном русском литературном языке. Автореферат. Л., 1954; Х. М. Сайкиев, Конструкции с винительным падежом в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1950; Н. И. Букатевич, Развитие значений и состава предлогов в русском литературном языке (заключительная глава из исследования „Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке"). Сб. филол. фак-та Одесского гос. ун-та им. И. И. Мечникова, т. 3, Киев, 1953.

[16] См. работы: В. Т. Володин, Ирреально-гипотетическое наклонение в современном русском литературном языке. Ученые записки гос. пед. и учит. ин-та им. В. В. Куйбышева, вып. 9. Куйбышев, 1948; И. Г. Голанов, Наклонения глагола в современном русском языке. Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. 75, Кафедра русского языка, вып. 4, М., 1954; Б. В. Хрычиков, Формы и значения сослагательного наклонения в современном русском литературном языке. Автореферат. М. 1954.

Острую полемику вызвало включение в систему частей речи русского языка категории состояния. Впервые в осторожной форме мысль о возможности выделения категории состояния в особую часть речи была высказана акад. Л. В. Щербой в его известной статье „О частях речи в русском языке“[17]. Эта мысль акад. Л. В. Щербы была затем обоснована и развита в работах В. В. Виноградова[18], в статьях проф. Е. М. Галкиной-Федорук[19], проф. Н. С. Поспелова[20].

Целый ряд языковедов высказался против выделения категории состояния в особую часть речи[21].

Предметом обсуждения был также состав слов, подводимых под категорию состояния[22].

Проф. А. В. Исаченко в книге „Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким“[23], в тезисах доклада на тему „Die Entwicklung der sogenannten Prädikativa in den Slavischen Sprachen“, предназначенных для Берлинского Конгресса славистов в ноябре 1954 г.[24], а также в статье „К вопросу о возникновении и развитии категории состояния“[25] высказал ценные соображения о путях формирования категории состояния в разных языках индоевропейской семьи и об особой интенсивности ее развития в русском языке по сравнению с другими славянскими языками.

В высшей степени важно, что вопрос о наличии этой категории в других славянских и иных западноевропейских языках стал предметом широкого обсуждения[26].

Таким образом, несмотря на огромную исследовательскую работу наших грамматистов, нельзя считать вполне решенными многие трудные, спорные теоретические вопросы русской морфологии (например, вопрос о системе частей речи в русском языке, в том числе и вопрос о так называемых предикативных наречиях, „предикативах“, или о категории состояния, о целе-

[17] „Русская речь“. Новая серия. Л., 1928, стр. 17.

[18] В. В. Виноградов, Современный русский язык, вып. 2, М., Учпедгиз, 1938 и Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М.—Л. Учпедгиз, 1947.

[19] См. Современный русский язык. Морфология. (Курс лекций), изд. МГУ, М.,1952.

[20] См. Вопросы языкознания, 1955, № 2.

[21] А. Б. Шапиро, Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? Вопросы языкознания, М., 1955, № 2; О. К. Балиашвили, Вопрос о категории состояния в русском языке. Автореферат. Тбилиси, 1952.

[22] См., например, статью Т. П. Малиша, К вопросу о категории состояния в современном русском языке. Ученые записки Киевского гос. ун-та, 1955, т. XIV, в. II.

[23] А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. 1. Изд. Словацкой Академии наук, Братислава, 1954, стр. 358—381.

[24] См. Slavisten Tagung in Berlin, 11—13 November. 1954, Résumés, стр. 26.

[25] См. Вопросы языкознания, 1955, № 6.

[26] См. Fr. Kopečný, Význám krátkých tvarů adjektivních a zejména tvarů neutrálního v češtině. „Slavia“, Praha, Roč. XXII, seš. 4, 1953. M. Komárek, K otázce predikativa (kategorie stavu v češtině). Sborník vysoké školy pedagogické v Olomouci. Praha, 1954; L. Ďurovič, K otázke neohybných čiastok reči v Slovenčine. Jazykovedný sborník, IV, Bratislava. 1950; Бл. Блажев, За думите, които спадат към категорията на състоянието в руски и български език. Български език, год. V, кн. 1, 1955; Ср. Б. А. Ильиш, О категории состояния в английском языке. Сб. „Памяти акад. Л. В. Щербы“, Л., 1951. Ср. также статью Л. О. Пинаста в журнале „Иностранные языки в школе“, 1951, № 5.

сообразности и возможности включения в морфологию разрядов служебных слов, а также междометий, вопрос о модальных словах и частицах, о функциях непроизводных, так называемых „первообразных" предлогов, вопросы о функциях падежных форм существительного как проблеме морфологии, о категории залога, об объеме и содержании категории вида в связи с значением и функциями глагольных приставок, о соотношении систем формообразования и словообразования, о месте словообразования в морфологии и другие подобные).

Однако, рассматривая то, что сделано в области современной русской морфологии, и сопоставляя это с другими еще не возделанными участками русской грамматики, ждущими новых исследований, нельзя не придти к выводу, что здесь особенно ощутительны плодотворные результаты работ многочисленного коллектива советских языковедов-специалистов по русскому языку. Достаточно назвать лишь некоторые морфологические проблемы, в решении которых советское языкознание значительно продвинулось вперед.

Очень расширилось и углубилось исследование типов словоизменения существительных, связи разных типов с строго определенными семантическими и словообразовательными категориями[27], исследование функций единственного и множественного числа существительных[28], категории грамматического рода[29], исследование соотношений кратких и полных форм имен прилагательных[30], форм степеней сравнения прилагательных и наречий[31], изучение наречий, их структурных разновидностей, их соотношений с другими частями речи[32], изучение глагольных категорий времени и вида[33].

---

[27] Наблюдения В. В. Виноградова в „Русском языке", М. М. Никитиной и подготавливаемой ею докторской диссертации о типах именного склонения и о разных степенях их продуктивности и др.

[28] См. канд. диссертации: Д. И. Арбатский, Значения форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1954; Л. В. Якимова, Значение единственного числа имен существительных в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1955, и др.

[29] См. еще не изданную докторскую диссертацию проф. А. В. Миртова „Категория грамматического рода".

[30] См. особенно работы по этому вопросу Н. Ю. Шведовой в Докладах и сообщениях Ин-та русского языка, вып. 1, Изд. АН СССР, 1948 и в Ученых записках кафедры русского языка МГУ за 1952 г.

[31] См. канд. диссертацию И. К. Калининой, Степени сравнения имен прилагательных, их употребление в современном русском языке и связанные с ними лексико-фразеологические обороты. Автореферат. М., 1952; Н. А. Еськова, Степени сравнения в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1955.

[32] Работы В. В. Виноградова, см. „Современный русский язык", вып. II, 1938, и „Русский язык", 1947; написанные проф. Е. М. Галкиной-Федорук главы в университетском курсе Морфологии русского языка и в I томе академической Грамматики русского языка, статья проф. А. Б. Шапиро в журнале „Русский язык в школе", 1947, № 1, и др.

[33] См. докторскую диссертацию Н. С. Поспелова, работы П. С. Кузнецова, Б. Н. Головина (Проблемы взаимодействия лексических и грамматических значений в приставочных видовых формах современного русского глагола, М., 1949, Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. Машинопись) и др.; Н. С. Поспелов, Категория времени в грамматическом строе русского глагола. Сб. „Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию", М., 1952; его же, О значении форм прошедшего времени на *-л* в современном русском литературном

Есть интересные и богатые материалом, наблюдениями и обобщениями работы, посвященные характеристике форм образования и функций причастий и деепричастий в современном русском языке[34].

Достигнуты значительные результаты в систематике разрядов и функций так называемых служебных слов.

Так, много нового материала собрано и систематизировано в кругу русских частиц[35].

§ 4. В систему русской морфологии обычно включается описание правил и закономерностей словообразования. В советскую эпоху и особенно за последнее десятилетие изучение русского именного словообразования значительно расширило свои пределы и сделало большие успехи. Обо всем этом можно судить по изложению соответствующих фактов и по принципам их систематизации в „Русском языке" В. В. Виноградова, в Курсе морфологии русского языка, изданном МГУ, в I т. академической Грамматики русского языка. Кроме того, формы словообразования существительных, относящихся к так называемой „категории общего рода", подробно описаны в докторской диссертации проф. А. В. Миртова „Категории грамматического рода в русском языке."

Можно указать также на ряд кандидатских диссертаций, содержащих ценный самостоятельно собранный (и при том не только из русских толковых словарей, но и из произведений русской научной, публицистической и художественной литературы XIX—XX вв.) материал по отдельным современным продуктивным словообразовательным категориям имен существительных и прилагательных, а иногда и ценные наблюдения и обобщения[36].

языке. Ученые записки МГУ, вып. 128, Труды кафедры русского языка, кн. 1, 1948; его же, Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке. Сб. „Исследования по грамматике русского литературного языка", М., 1955; Н. С. Власова, Формы и значения прошедшего времени глаголов в современном русском языке. Автореферат. М., 1954; Е. А. Иваничкова, Соотносительное употребление форм будущего времени глагола в современном русском языке (в слитном и сложном предложении). Автореферат. М., 1954.

[34] Ср., например, Г. А. Таболова, Образование причастий (действительных) и деепричастий в современном русском литературном языке. Автореферат. Л., 1952.

[35] См. диссертации: Д. С. Светлышев, Состав и функции эмоционально-экспрессивных частиц в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1955; А. Ф. Прияткина, Служебные слова, выражающие уточнение и пояснение, в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1954; Г. Г. Скиба, Переход самостоятельных слов в служебные в современном русском языке. Автореферат. Львов, 1954.

[36] Таковы, например, следующие работы: С. И. Ожегов, Существительные на *-аж* в русском языке. Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ, 1947; вып. 3; А. Г. Дементьев, Употребление суффиксов *-ак*, *-як*, *-ук*, *-як* при твердых и мягких основах. Ученые записки Куйбышевского гос. пед. и учит. ин-та им. Куйбышева, вып. 9, Куйбышев, 1948; П. Я. Горбунов, Проблемы именного словообразования в русской лингвистической литературе. Автореферат. М., 1953; Г. С. Зенков, О закономерностях суффиксального образования имен существительных в современном русском языке. Автореферат. Фрунзе, 1954; Г. Б. Липкес, Образование имен существительных с суффиксами активного производителя действия в современном русском языке. Автореферат. М., 1954; И. Т. Яценко, Морфологическое словообразование имен существительных в русском литературном языке советской эпохи. Автореферат. Киев, 1954; И. Ф. Протченко, Об образовании и употреблении имен существительных женского рода — названий лиц в современном русском языке. Автореферат. М., 1955; Н. З. Бакеева, Суффиксальные образования имени существительного в русском лите-

Есть также работы, исследующие вопрос о субстантивации прилагательных и причастий[37].

Гораздо менее у нас продвинулось исследование форм глагольного словообразования, хотя и в этой области сделано много новых наблюдений над словообразовательными функциями приставок, над типами суффиксального образования глаголов[38].

Недостаточно изучались за последние годы типы глагольного словообразования, связанные с функциями аффикса *-ся*[39].

ратурном языке. Автореферат. М., 1949; Ср. А. Супрун, Слова с корнями числительных в современном русском литературном языке. Автореферат. Фрунзе, 1955; Ф. Г. Коровин, Прилагательные с суффиксом *-тельн-ый* в русском языке. Автореферат. М., 1955. А. Ф. Кулагин, Префиксальное *не* в именах прилагательных современного русского литературного языка. Автореферат. М., 1955; В. Ф. Иванова, Отглагольные прилагательные с суффиксом *-к-* в современном русском литературном языке. Автореферат. Л., 1952; И. П. Чиркина, Отглагольные прилагательные с суффиксом *-л-* в современном русском языке. Автореферат. М., 1954; Н. В. Шемборская, Суффиксальное образование имен прилагательных эмоционально-оценочного характера в русском языке. Автореферат. Астрахань, 1954; В. П. Даниленко, Образование качественных прилагательных от основ имен существительных при помощи суффиксов *-ат-*, *-чат-* и *-ист-*. Труды Института языкознания АН СССР, т. III, 1954; З. П. Донова, Сложные прилагательные в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1950; В. М. Брысина, Сложные прилагательные в современном русском литературном языке. Автореферат. Саратов, 1954; В. Н. Мигирин, О некоторых случаях образования местоимений и местоименных выражений. Изв. Крымского гос. пед. ин-та им. Фрунзе, т. XIV, 1949.

[37] И. М. Подгаецкая, Переход прилагательных и причастий в существительные в истории русского литературного языка (XVIII—XX вв.). Автореферат. М., 1952; А. М. Барзилович, Субстантивация прилагательных в русском языке. Автореферат. Киев, 1952.

[38] См., например, работы: Б. Н. Головин, О видовых и внутривидовых грамматических значениях современных русских глаголов. Ученые записки Вологодского гос. пед. ин-та им. Молотова, т. 7, 1950; его же, О приставочных формах выражения внутривидовых значений в современном русском глаголе. Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. LXIV, Кафедра русск., яз., вып. 3, М., Учпедгиз, 1951; Ю. С. Маслов, Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. ИАН СССР, ОЛЯ, 1948, вып. 4; М. Ф. Сударчиков, К вопросу о категории вида (суффиксный способ выражения видового значения). Автореферат. Л., 1954; Н. С. Авилова, Вопросы глагольного суффиксального словообразования в современном русском литературном языке. Глаголы с суффиксом *-ова-*,. Автореферат. М., 1953. См. также ее статью „Глаголы с суффиксом *-ова-* и его вариантами *-ирова*, *-изирова-*, *-изова-* в русском языке". В сб. „Исследования по грамматике русского литературного языка", М., 1955; Е. А. Земская, Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов в современном русском языке. Автореферат. М., 1952; ее же, Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. Сб. „Исследования по грамматике русского литературного языка", М., 1955; К. С. Самуйлова, Вопросы суффиксального образования глаголов первого продуктивного класса в современном русском языке. Автореферат. М., 1954; С. С. Григорян, Неотносительные приставочные глаголы совершенного вида в современном русском языке. Автореферат. М., 1951; Т. В. Дыбина, Развитие значений приставки *из-* и ее связь с различными глагольными основами. Автореферат. Л., 1954; Н. А. Янко-Триницкая, Особенности префиксации глаголов движения. Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. М., 1952 (год изд. 1953), т. 22. Кафедра русского языка. Вып. 2; Ср. Е. В. Чешко, Словообразование глаголов движения в современном русском языке. Автореферат. М., 1947.

[39] А. В. Знаменская, Словообразовательное значение суффикса *-ся* в современном русском языке. Автореферат. Л., 1954.

Словообразование наречий всегда составляло главную тему их морфологического исследования, и в этой области много сделано, особенно для систематизации разных типов наречных образований[40].

Появилось несколько работ, посвященных проблемам образования производных предлогов и фразеологических конструкций в роли предлогов[41].

В отдельных работах ставился вопрос о путях перехода самостоятельных слов в служебные[42].

Таким образом, в сфере исследования законов и правил современного русского словообразования у нас наблюдается живое движение. Оно обнаруживается не только в накоплении и систематизации материала, в выделении и осмыслении основных словообразовательных категорий современного русского языка, в определении степени их продуктивности, но и в открытии закономерностей литературного словообразования, в выяснении путей словотворчества в современном русском языке.

В этой связи необходимо подчеркнуть теоретическую разработку общих проблем словообразования, вопросов об отношении словообразования к грамматике и лексике (лексикологии), о законах словопроизводства, о типах или видах словообразования, об изменениях соотношений между производными и непроизводными основами, об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка и другие подобные[43].

И все же пока еще нет в советском языкознании решения вопроса о месте словообразования в системе лингвистических дисциплин. Высказывалась мысль, что изучение исторических закономерностей образования слов одной своей стороной тесно примыкает к грамматике и иногда даже как бы сплетается с морфологией, но другими своими сторонами глубоко внедряется в лексикологию. Органическая связь суффиксального и префиксального словообразования с разнообразными морфологическими категориями, относящимися к системе частей речи, несомненна. Некоторые словообразовательные категории очень тесно сближаются с семантически родственными им грамматическими категориями (например, категории лица, отвлеченности, вещественности и т. п. в системе русских имен существительных) и являются лишь средством их обогащения и расчленения или дифференциации на от-

---

[40] См. работы В. В. Виноградова, А. Б. Шапиро, Е. М. Галкиной-Федорук. Ср. также О. К. Кочиева, Продуктивные типы словообразования качественных наречий в современном русском языке. М., 1953.

[41] Ср. Е. П. Калечиц, Отыменные формы и фразеологические конструкции в роли предлогов. Автореферат. М., 1954; Е. Т. Черкасова, К изучению образования русских отыменных предлогов. Сб. „Исследования по грамматике русского литературного языка", М., 1955.

[42] Г. Г. Скиба, Переход самостоятельных слов в служебные в современном русском языке. Автореферат. Львов, 1954; Н. А. Каламова, Переход наречий в служебные части речи: предлоги, союзы, частицы. Автореферат. Львов, 1954.

[43] См. напр., Г. О. Винокур, Заметки по русскому словообразованию. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка (ИАН, ОЛЯ), 1946, вып. IV; Г. Я. Гольдорт, О некоторых закономерностях словообразования. Ученые записки Новосибирского гос. пед. ин-та, вып. 1, 1945; Н. М. Шанский, Основы словообразовательного анализа. М., Учпедгиз, 1953; В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). Сб. „Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию". Изд. АН СССР, 1952.

дельные разряды. Все это побуждало многих лингвистов включать анализ словообразования в морфологию, в изложение системы частей речи. Вместе с тем изучение словообразования не может быть отделено от исследования исторических процессов творчества новых слов, развивающихся на базе структурных и семантических отношений между основным словарным фондом и прочей частью словарного состава языка. А все это должно быть отнесено к исторической лексикологии. Такое промежуточное положение словообразования между грамматикой и лексикологией побуждает многих языковедов выделять изучение законов словообразования в самостоятельную научную дисциплину. Так, например, думал и поступал акад. А. А. Шахматов. В истории развития русской грамматики морфология никогда еще не достигала полного охвата всех форм и типов глагольного словообразования, хотя после появления работы проф. С. И. Карцевского о системе русского глагола исследования в этой области очень оживились. Характерно, что то же ограничение сферы словообразовательного изучения глагола наблюдается и в недавно изданной академической Грамматике русского языка. В глагольном словообразовании особо выделены только хорошо обследованные приставки. „Что касается суффиксов, то они частично рассматриваются в связи с анализом категории залога, частично в связи с категорией вида, частично — с установлением продуктивных и непродуктивных классов глагола“[44]. Обобщенного полного очерка глагольного словообразования не получилось.

Среди тех теоретических вопросов, которые чрезвычайно важны для описательной грамматики современного русского языка, необходимо выделить проблему соотношения и взаимодействия грамматики и лексики (а следовательно, грамматики и лексикологии). Для советского языкознания эта проблема имеет особенную остроту, так как включение лексики в грамматику было одним из основных положений „нового учения“ о языке акад. Н. Я. Марра. При работе над грамматикой русского языка сразу же возникли вопросы, например, о том, все ли выделенные акад. А. А. Шахматовым в системе имен существительных категории, такие, как, скажем, категория лица, категория вещественности, являются морфологическими в собственном смысле слова[45]. Особенные трудности в этом смысле были связаны с грамматическим пониманием глагольных категорий вида и залога. Пока еще не намечены стройные и последовательные принципы разграничения грамматических и лексических элементов и значений в кругу этих категорий.

В описании категории залога в современном русском языке нет внутреннего единства в критериях разграничения так называемых залоговых форм и типов. Здесь вопрос о залоговых функциях возвратных глаголов постоянно смешивается с вопросом о словообразовательных значениях морфемы *-ся*[46]. Понимание внутренней сущности категории залога очень разнообразно.

[44] См. рец. Э. И. Каратаевой на т. I академической Грамматики русского языка. Вопросы языкознания, 1953, № 1, стр. 113.

[45] Ср. А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I, Братислава, 1954, стр. 90—97, 115—118.

[46] Ср. в рецензии В. П. Сухотина на 1 т. академической Грамматики русского языка. Советская книга, 1952, № 11, стр. 119: „...аффикс *-ся*, кроме непереходности, вносит в глагол ряд дополнительных залоговых и незалоговых значений, которые не образуют самостоятельных залогов, как не образуют самостоятельных падежей различные значения одной и той же падежной формы“.

Традиционные представления мешают свободно отнестись к анализу тех разнообразных языковых явлений в области грамматики и семантики глагола, которые иногда недифференцированно обозначаются старым термином — залог.

Вместе с тем, даже в академической Грамматике русского языка недостаточно полно представлена картина грамматикализованных или почти грамматикализованных аналитических способов выражения разных категорий глагола, в особенности наклонения. Здесь нет полной ясности в решении вопроса о различиях и границах между аналитическими формами слова, свободным словосочетанием и фразеологическими оборотами.

III

§ 5. Под влиянием синтаксических трудов проф. А. М. Пешковского, акад. А. А. Шахматова, акад. Л. В. Щербы и проф. М. Н. Петерсона усилилась тяга к исследованиям по синтаксису русского языка. Результаты этих исследований нашли концентрированное выражение в томе II академической Грамматики русского языка, посвященном синтаксису. Выдвинутые и отчасти реализованные здесь новые задачи исследования форм и типов словосочетаний нашли продолжение в ряде последующих работ по синтаксису именных и глагольных словосочетаний[47].

Сюда же примыкает довольно многочисленная серия работ, исследующих вопросы синтаксического употребления устойчивых или неразложимых словосочетаний[48].

К спорным проблемам теории словосочетания относится вопрос о способах классификации тех форм сочетания слов, которые служат для выра-

[47] Э. В. Самосюк, Сочетание прилагательного с зависимым от него существительным в современном русском литературном языке. Автореферат. Ростов-на-Дону, 1954; М. Т. Тагиев, Беспредложные именные словосочетания в поэтическом языке А. С. Пушкина (словосочетания с именем существительным в родительном падеже). Автореферат. М., 1954; Г. А. Золотова, Глагольные словосочетания и их типы в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1954; В. М. Филиппова, Глагольно-именные словосочетания с временным значением в современном русском языке. Сб. „Исследования по грамматике русского литературного языка". М., 1955; А. К. Кочетков, Устойчивые словосочетания с глаголом в современном русском языке. Автореферат. Куйбышев, 1954; И. С. Козырев, Устойчивые словосочетания с местоименными словами в современном русском языке. Ученые записки Орловского гос. пед. ин-та, т. IX, Кафедра русского языка, вып. IV, Орел, 1954; Н. Н. Прокопович, О влиянии словообразовательных связей частей речи на построение словосочетаний. Вопросы языкознания. М., 1953, № 6; М. В. Крылова, Словосочетания из существительных с временным значением с существительными и прилагательными. (К вопросу о переходе свободных словосочетаний в фразеологические). Автореферат. М., 1955; К. И. Кутьина, Наречные словосочетания в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1954.

[48] Вот некоторые из работ этого типа:
Л. В. Орлова, Особенности синтаксического употребления неразложимых словосочетаний, обладающих свойствами наречия. Ученые записки Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина, М., 1954, т. 75. Кафедра русского языка, вып. 4; З. В. Донскова, Фразеологические единицы, выполняющие роль главных членов двусоставного предложения в современном русском языке. Автореферат. Ростов-на-Дону, 1954; В. П. Жуков, Сказуемое, выраженное устойчивыми словосочетаниями в современном русском языке. Автореферат. Л., 1953; П. М. Кульчицкая, Устойчивые словосочетания в функции сказуемого в современном русском языке. Автореферат. Киев, 1954.

жения подлежащего и сказуемого предложения. В то время как одни грамматисты выводят сочетания слов этого типа за пределы словосочетаний в собственном смысле этого слова как синтаксических единиц речи, служащих для обозначения предметов, явлений, качеств и т. п., связывая их анализ с анализом структуры и типов предложений, другие исследователи русского языка вслед за Ф. Ф. Фортунатовым, А. М. Пешковским, М. Н. Петерсоном и др. (проф. Л. А. Булаховский, В. П. Сухотин и др.) склонны объединять вместе и предикативные и непредикативные словосочетания.

Решение этого вопроса в значительной степени зависит от понимания конструктивных признаков словосочетания и предложения, и прежде всего от понимания существа синтаксической категории предикативности и тесно связанных с ней, ее конкретизирующих синтаксических категорий модальности, времени и лица.

Эти вопросы широко обсуждались в работах советских языковедов[49]. Однако вопрос о многообразии способов выражения сказуемого в предложении и о модальных типах сказуемости, а следовательно, и о разных формах обнаружения предикативности в русском языке до сих пор еще не был предметом широкого и разностороннего исследования[50].

В сфере изучения простого предложения больше всего интереса и исследовательского внимания вызвали предложения номинативные[51], инфинитивные[52], побудительные (или волеизъявительные)[53] и разные виды безличных предложений (см. многочисленные статьи проф. Е. М. Галкиной-Федорук).

---

[49] См., напр., статью В. В. Виноградова, О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды Ин-та русского языка, АН СССР, т. II. М.—Л., 1950; книгу В. Г. Адмони, Введение в синтаксис современного немецкого языка. Изд-во литературы на иностранных языках, М., 1955, гл. VI, IX, X и отчасти XI и др. под.; Д. И. Ганич, Модальные функции вводных слов в современном русском языке. Автореферат. Киев, 1953. Ср. А. И. Аникин, Вводные слова и словосочетания в современном русском языке. Автореферат. М., 1953; В. М. Никитевич, Модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке. Автореферат. 1953; Е. Седун, Синтаксис вводных образований в современном русском языке. Автореферат. М., 1955.

[50] Ср. статью Н. Ю. Шведовой, Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке (наблюдения и материалы) в сб. „Исследования по грамматике русского литературного языка". М., 1955.

[51] Ср. Ф. К. Бужениик, Номинативные предложения в современном русском литературном языке. Автореферат. Л., 1954; М. П. Жоголева, Номинативные предложения в современном русском языке. Автореферат. Куйбышев, 1954; Н. И. Тарбасова, Номинативные предложения в современном русском языке. Автореферат. М., 1954; В. П. Шутова, Номинативные предложения в современном русском языке. Автореферат. Саратов, 1954.

[52] См. докторскую диссертацию проф. К. А. Тимофеева об инфинитивных предложениях и его статью в сб. „Вопросы синтаксиса современного русского языка". М., Учпедгиз, 1950.

[53] См. З. Р. Разилова, Типы волеизъявительных предложений в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1954; Д. Н. Шмелев, Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1955; М. К. Милых, Побудительные предложения в русском языке. Ученые записки Ростовск. ун-та им. В. М. Молотова, т. 22. Труды ист.-филол. фак-та, вып. 4, 1953; А. В. Прокопчик, Структура и значение побудительных предложений в современном русском литературном языке. Автореферат. М., 1955.

Предметом специальных исследований были так называемые неполные предложения[54]. Разграничены типы так называемых неполных предложений и выдвинуты очень существенные ограничения в понимании „неполноты" предложений, особенно для живой разговорной речи.

Из членов предложения определение (как согласованное, так и несогласованное) изучалось больше всего[55].

Продолжала развиваться и углубляться созданная проф. А. М. Пешковским теория так называемых „обособленных членов предложения"[56].

Но особенно много работ и исследований относится к области сложного предложения. Большая часть этих работ — описательного характера. Новым и ценным в некоторых из них является обостренное внимание к структурным свойствам разных типов сложных предложений и их составных частей — к соотношению видовременны́х форм глагола, к лексическим соответствиям и повторам, к порядку словорасположения. Представляют интерес сделанные в связи с этим наблюдения над разными степенями зависимости и взаимосвязи составных частей сложного предложения, осложняющие и углубляющие понимание синтаксических категорий сочинения и подчинения. В том же плане двигаются и исследования в области сложных модальных соотношений и связей сочетающихся предикативных частей в строе сложноподчиненного или сочиненного целого[57].

---

[54] Монография И. А. Поповой на эту тему помещена в т. II Трудов Ин-та языкознания АН СССР, М., 1953; Н. П. Колесников, Неполные предложения, их структура и условия их употребления (на материале трилогии А. Н. Толстого „Хождение по мукам"). Автореферат. Тбилиси, 1954. См. также А. Н. Назаров, Неполные предложения и их границы. Ученые записки Пензенского гос. пед. ин-та им. В. Г. Белинского, Пенза, 1953, вып. I.

[55] См., напр. авторефераты кандидатских диссертаций: Н. Г. Ковинина, Несогласованное определение в современном русском языке. М., 1954; М. Г. Иванова, Приложение как особый вид определения в современном русском языке. М., 1954; М. Г. Шатух, Приложение и его роль в современном русском языке. Львов, 1954; Г. П. Цыганенко, Приложение в современном русском языке. Харьков, 1954; А. С. Уськин, Однородные и неоднородные определения в современном русском языке, М., 1954.

[56] См. А. Г. Руднев, Обособленные члены предложения, функции и способы их грамматического выражения в современном русском литературном языке. Л., 1947; его же, О генезисе обособленных членов предложения как синтаксической категории в русском литературном языке. Автореферат. Л., 1952; Е. И. Франчук, Употребление обособленных причастных оборотов и определительных придаточных предложений в современном русском языке. М., 1952. Ср. также Н. М. Меделец, Определительные придаточные предложения и причастные обороты как синтаксические синонимы. Л., 1953; Л. А. Лавровская, Приемы и принципы построения А. М. Горьким простого предложения с деепричастным оборотом и обособленным определением по материалам повести „Фома Гордеев", М., 1955.

[57] См., напр., работы: М. С. Бунина, Из наблюдений над сложными предложениями с соединенными составными союзами в современном русском литературном языке. Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та имени В. П. Потемкина, М. 1954, т. 33. Кафедра русского языка, вып. 3; Э. И. Коротаева, Временно́е сложноподчиненное предложение. Вестник ЛГУ, 1953, № 6; М. М. Михайлов, Сложные предложения с временны́м союзом *когда* в современном русском языке. Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. III, М., 1954; Е. И. Диброва, Структура самостоятельных предложений, соединенных союзами *а* и *но* в современном русском литературном языке. Автореферат. Ростов-на-Дону, 1954; М. М. Копыленко, Теория сложного предложения в русском языкознании. Автореферат. Одесса, 1954; Г. Ф. Позинина, Употребление временны́х форм глагола в сложноподчиненном предложении (Предложения причинные и условные). Автореферат. Ростов-на-Дону, 1955; В. А. Белошапкова, Предложения со сво-

Необходимо отметить два важных обобщения, относящихся к изучению сравнительно новых и все шире развивающихся типов сложного предложения. Это прежде всего — выделение особого вида сложных предложений с устойчивыми синтаксико-фразеологическими связями и взаимоотношениями составных частей. Предложения этого типа включают в свой состав сложные фразеологические сочетания, создающие костяк предложений, определяющие схему его синтаксического построения (ср. предложения, организованные на основе таких „скреп" в обеих частях, как: „не пришло . . . как . . ."; „не проходит или не проходило . . . чтобы . . ."; „не проходит обеда и чая, чтобы вы не поднимали шума" (Чехов, Тяжелые люди); „не успел . . . как", „стоило . . . как" и другие подобные [58].

С другой стороны, очень ценны указания на конструктивную роль лексических элементов, которые типизируются, обобщаются и выступают вместе с интонацией в качестве своеобразного синтаксического средства объединения предложений, особенно — бессоюзных сложных предложений[59].

Нельзя не упомянуть также о новой постановке проблемы крупных синтаксических единств, выходящих за границы сложного предложения, — так называемых „сложных синтаксических целых" (Н. С. Поспелов) „сверхфразных единств" (Л. А. Булаховский) и т. д.[60]

Понятно, что создание синтаксиса современного русского языка на обширном и разнообразном материале русской литературы XIX—XX вв. было связано с большой теоретической работой в области анализа и изучения основных категорий и понятий синтаксиса. Но эта работа, нашедшая свое частичное выражение в сборнике „Вопросы синтаксиса современного русского языка" (1950) и в теоретическом введении ко второму тому академической Грамматики русского языка, уже выходит за пределы изучения русского литературного языка и характеризует достижения общего советского языкознания.

IV

§ 6. Менее продвинулось в нашей отечественной науке о русском языке изучение звукового строя современного русского языка. Правда, появилось несколько статей по вопросам русского произношения (М. И. Матусевич, С. И. Ожегова, Р. И. Аванесова и др.), вышла в свет книга проф. Р. И. Аванесова „Русское литературное произношение" (изд. 2, 1954), в

бодным временны́м союзом *как* в современном русском языке. ИАН Латв. ССР, 1953, № 7; А. К. Панфилов, Сложноподчиненные предложения с местоименными наречиями в роли относительных слов. Автореферат, М., 1955.

[58] См. статью В. В. Виноградова, Основные принципы русского синтаксиса в Грамматике русского языка АН СССР и в ИАН СССР, ОЛЯ, т. XIII, вып. 6, М., 1954.

[59] См. например, Н. В. Кирпичникова, Некоторые типы бессоюзных сложных предложений современного русского языка (с использованием элементов лексического состава в качестве средства синтаксической связи частей). Автореферат. М., 1954.

[60] Н. С. Поспелов, Из наблюдений над синтаксисом языка Пушкина. Материалы и исследования по истории русского литературного языка, изд. АН СССР, т. III, 1953; его же, Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР, вып. 2, 1948; ср. И. А. Фигуровский, От синтаксиса отдельного предложения — к синтаксису целого текста. Журнал „Русский язык в школе", 1948, № 3.

академической Грамматике русского языка было дано описание звуков русского языка такими видными фонетистами, как акад. Л. В. Щерба и М. И. Матусевич. Однако крупных исследований экспериментально-описательного или фонологического характера по современной русской фонетике не появилось[61].

Представляют интерес исследования проф. Р. И. Аванесова о структуре слога и о слогоразделе в русском языке в „Очерке грамматики русского литературного языка"[62], а также в статье, напечатанной в № 6 журнала „Вопросы языкознания" за 1954 г.

Вообще же фонологические работы в области русского языка у нас имели явный морфологический уклон. Любопытно, что охотно изучались исторические чередования звуков в корнях и суффиксах русского языка, звуковые свойства приставок в современном русском языке[63].

V

§ 7. Оживление интереса к проблемам русской лексикологии и фразеологии (ср. теоретические работы В. В. Виноградова, П. Я. Черных, А. И. Смирницкого, О. С. Ахмановой и др.) за последнее десятилетие пока еще не дало очень больших результатов в сфере изучения словарного состава современного русского языка и его изменений, еще не привело к полному и всестороннему описанию лексико-семантической системы современного русского языка в ее динамике, в ее живом развитии и в ее осевших исторических пластах. Впрочем, количество конкретных лексикологических исследований по отдельным семантическим группам в современном русском языке заметно возрастает[64]. Появилось несколько статей, содержащих некоторый фактический материал (разной ценности) из сферы лексических но-

[61] Впрочем, ср. Л. В. Златоустова, Длительность гласных и согласных звуков русского языка. Ученые записки Казанского государственного ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина. 1954, т. 114, кн. 6; М. В. Панов, Заударный вокализм современного русского литературного языка. Автореферат, М., 1952.

[62] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, Очерк грамматики русского литературного языка. М., Учпедгиз, 1945.

[63] См. Г. Винокур, Чередования звуков и смежные явления в современном русском языке. Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ, вып. 2, 1947; А. Н. Гвоздев, О пределах действия звуковых закономерностей в русском языке. Ученые записки Куйбышевского пед. и учит. ин-та имени Куйбышева, вып. 9, 1948; его же, Роль исторических чередований в современном русском языке. Журнал „Русский язык в школе", 1954, № 1; см. его же книгу „О фонологических средствах русского языка". Изд. АПН РСФСР, 1949; В. Н. Зиновьев, Морфологическое использование фонологического противопоставления согласных по твердости и мягкости в русском языке. ИАН Казахской ССР, № 29, 1946; Н. П. Яковенко, Чередование звуков в современном русском литературном языке, их морфологическая роль и соотношение в орфоэпии и орфографии. Автореферат. Киев, 1954.

[64] Ср., напр., А. И. Потемкина, Развитие качественных значений у относительных прилагательных в современном русском языке. Автореферат. М., 1953; В. Н. Цыганова, Из наблюдений над лексической синонимикой глаголов в современном русском литературном языке. Автореферат. Л., 1953; А. М. Чепасова, Просторечная глагольная лексика в современном русском языке. Автореферат. Саратов, 1954; Н. С. Александров, Принципы составления словаря синонимов современного русского литературного языка. Автореферат. Куйбышев, 1953; Г. Я. Дементьева, Семантико-стилистические особенности фразеологических выражений в современном русском языке. Автореферат. Алма-Ата, 1955.

вообразований в советскую эпоху, в частности в годы Великой Отечественной войны[65].

Таким образом, дополнена новыми наблюдениями над ходом развития лексики характеристика изменений в русском литературном словаре за советский период[66].

Изучалась производственно-профессиональная лексика в языке послевоенной советской прозы[67].

Ведется большая, хотя пока еще не систематизированная и не обобщенная, работа по истории и по упорядочению русской научной терминологии в разных специальных областях науки и техники[68].

Усилилась тенденция к введению в закономерные формы иноязычных заимствований, особенно в области научной терминологии, в области образования терминов, к упорядочению стиля научного изложения и систем специального научно-технического словаря[69].

Базой новых работ по лексикологии современного русского литературного языка являются толковые словари русского языка — четырехтомный под редакцией Д. Н. Ушакова, большой академический, четырнадцатитомный, три тома которого уже вышли в свет, однотомный, составленный С. И. Ожеговым, и вновь подготовляемый четырехтомный, который должен, придя на смену уже в значительной степени устаревшему „Толко-

---

[65] Ф. П. Филин, О языке Великой Отечественной войны. Диалектологический сборник. III, Вологда, 1946; П. Черных, Русский язык в дни войны. (Заметки собирателя). „Сибирские огни", 1946, № 4; А. М. Лукьяненко, Семантические и лексические процессы в русском языке эпохи Великой Отечественной войны. Ученые записки Саратовского гос. ун-та им. Чернышевского, т. XX, вып. филолог., 1948; В. М. Никитин, Изменения лексики в советский период. Ученые записки Рязанского гос. пед. ин-та, вып. 6, 1948; С. И. Ожегов, Из истории слов социалистического общества. Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, вып. 1, М., 1952; его же, К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху. Вопросы языкознания, 1953, № 2.

[66] С. И. Ожегов, Основные черты развития русского языка в советскую эпоху. ИАН СССР, ОЛЯ, т. X, вып. 1, 1951.

[67] Ф. П. Сороколетов, Производственно-профессиональная лексика в языке послевоенной советской прозы. В кн. „Научная конференция аспирантов-языковедов ленинградских секторов Ин-та языкознания АН СССР". Тезисы докладов, Л., 1952; И. С. Михалко, Лексика и фразеология современных советских романов на индустриальную тему (1945—1951 гг.). Автореферат. Киев, 1953.

[68] С. И. Коршунов, Синонимы в технической терминологии. ИАН СССР. Отд. тех. наук, 1952, № 10; Д. С. Лотте, Образование системы научно-технических терминов. ИАН СССР, Отд. тех. наук, 1948, №№ 5, 6 и 12; 1949, № 10; А. М. Терпигорев, Вопросы научно-технической терминологии. Вестник АН СССР, 1950, № 8; его же, Об упорядочении технической терминологии. Вопросы языкознания, М., 1953, № 1; Ср. Г. Ф. Коновалова, Литературоведческая терминология в произведениях В. Г. Белинского. Автореферат. М., 1953; Т. А. Лаврентьева, Терминология теории механизмов. Автореферат. М. — Л., 1950; Ср. Е. Н. Толкикина, Русская ремесленно-промысловая терминология первой половины XIX в. и ее отражение в лексикографии того времени (словарь В. Бурнашева). Автореферат. Л., 1954; М. И. Литвинов, Ремесленно-промысловая терминология в словаре В. И. Даля. Автореферат. М., 1955; Ср. Ю. И. Чайкина, Специальная лексика в языке Д. Н. Мамина-Сибиряка. Автореферат. М. 1955.

[69] См. статью акад. Л. С. Берга, О необходимости бережного отношения к русскому научному языку. Вестник ЛГУ, 1947, № 3; Ср. В. Г. Шапошников, О выправлении русской химической терминологии и оборотов языка. Украинский химический журнал, т XVI, 1951, вып. 6, и др. под.

вому словарю русского языка" под редакцией Д. Н. Ушакова, отразить словарные семантические и стилистические перемены в современном русском литературном языке, происшедшие за последние двадцать пять лет.

Вопросы словарного состава, особенно лексических новообразований в современном русском литературном языке, затрагиваются в многочисленных работах, посвященных проблеме влияния русского языка, главным образом его словаря, на семантику и на развитие лексики и терминологии других языков народов Советского Союза, например, языков народностей Севера[70], бурят-монгольского языка[71], казахского[72], узбекского[73], киргизского[74], уйгурского[75], туркменского[76], дунганского[77], коми языка[78], удмуртского[79], горно-марийского[80], осетинского[81], молдавского[82], армянского[83] и др.

Изучались, хотя и без привлечения новых значительных материалов, русско-украинские языковые лексические связи (работа Г. П. Ижакевича)[84].

[70] Н. М. Терещенко, В. Д. Колесникова и Г. А. Меновщиков, О прогрессивном влиянии русского языка на языки народностей Севера. Совещание по языкам народов Севера (Ин-т языкознания АН СССР), Тезисы докладов. М.—Л., 1952; Ср. Н. М. Терещенко, О русских влияниях на ненецкий язык. Ученые записки ЛГУ, № 157, Языки и история народностей Крайнего Севера СССР. Л., 1953.

[71] Т. А. Бертагаев. Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурят-монгольского языка. Сб. статей Бурят-монгольского гос. научно-исслед. ин-та культуры и экономики, 1948, его же, Влияние русского языка на развитие фонетической системы бурят-монгольского языка. Ученые записки Бурят-монгольского пед. ин-та им. Доржи Банзарова, Улан-Уде, 1947.

[72] С. К. Кенесбаев, К вопросу о влиянии русского языка на казахский. Вестник АН Казахской ССР, 1953, № 6; А. Хасенов, О роли русского языка в обогащении лексики казахского языка. ИАН Казахской ССР. Алма-Ата, 1954, № 135. Серия филологии и искусствоведения, вып. 1-2.

[73] М. Мирзаев, Советско-интернациональные слова и термины в узбекском языке. Сб. „К вопросам узбекской орфографии и терминологии". Ташкент, 1952; М. П. Пулатов, Влияние русского языка на узбекский язык. (Вопросы лексики и словообразования). Автореферат. М., 1953.

[74] И. Н. Бажина, Русская лексика в современном литературном киргизском языке. Автореферат. Фрунзе, 1954.

[75] И. А. Исмаилов, Русско-советско-интернациональная лексика в уйгурском языке. Автореферат. Л., 1953.

[76] Г. Сарыев, Влияние русского языка на обогащение словарного состава туркменского языка. Автореферат. Баку, 1954.

[77] Х. Б. Бугазов, Русская лексика в дунганском языке. Автореферат. М., 1954.

[78] А. С. Сидоров, Влияние русского языка на грамматический строй коми языка. Научное совещание по вопросам языкознания в г. Сыктывкаре, 28—31 января 1952 г. Тезисы докладов. М., 1952.

[79] П. Н. Перевощиков, Влияние русского языка на грамматический строй удмуртского языка. Научное совещание по вопросам удмуртского языка и письменности 1—4 июля 1952 г. Тезисы докладов. Ижевск, 1952.

[80] А. Саваткова, Русские заимствования в горном наречии марийского языка. Автореферат. М., 1953.

[81] Т. А. Гуриев, Влияние русского языка на развитие осетинской лексики в советскую эпоху. Автореферат. М., 1954.

[82] Р. Пиотровский, О влиянии русского языка на молдавский язык. „Октябрь" (Кишинев), 1952, № 2; Л. И. Лухт, Роль русского языка в развитии словарного состава современного литературного молдавского языка. Автореферат. Л., 1952.

[83] С. К. Казарян, Роль русского языка в обогащении и развитии современного армянского языка. Автореферат. Ереван, 1952.

[84] Г. П. Ижакевич. Питання російсько-українських мовних зв'язків, Київ, АН Украинской ССР, 1954.

Само собой разумеется, что вопросы соотношения русской и украинской, а также русско-белорусской лексико-семантических систем остро выступали при работе над сопоставительными русско-украинским (а также украинско-русским) и русско-белорусским словарями.

Отчасти сюда же примыкают статьи по вопросу о влиянии русского языка на развитие современного болгарского языка, об исторических связях русского и сербского (Л. Булаховский в журн. „Славяне", 1954, № 1), чешского и русского языков (Ф. Травничек в журн. „Славяне", 1954, № 4) и другие подобные[85].

Однако для изучения изменений в словаре русского литературного языка гораздо больший интерес представляют работы, в которых выясняются объем и состав семантических групп слов, заимствованных из современного русского языка.

Появились исследования о новых словах русского происхождения в итальянском языке[86], о влиянии русского языка на развитие общественно-политической терминологии демократической Германии[87], о русских заимствованиях во французском языке в советскую эпоху[88], о влиянии русского языка послеоктябрьской эпохи на словарный состав английского языка[89].

Таким образом, продолжает накапливаться материал для обобщений, относящихся к законам и правилам изменений современной русской литературной лексики в связи с строительством социалистического общества, в связи с ломкой старых общественных отношений и формированием новых. Само собой разумеется, что собиранию, систематизации и семантическому анализу лексической системы современного русского языка содействует и грандиозная, развернувшаяся в Советском Союзе работа по созданию и изданию дифференциальных русско-инонациональных и инонационально-русских словарей.

VI

§ 8. Характеризуя изучение современного русского литературного языка, нельзя обойти молчанием многочисленные статьи в наших журналах и сборниках, касающиеся проблем развития языка советской художественной литературы, а также сценической речи.

---

[85] Л. Андрейчин, Роль русского языка в развитии современного болгарского языка. Журнал „Славяне", М., 1953, № 9; А. Л. Григорьев, Русский язык в Болгарии (Роль русского языка в развитии литературного языка, общественной мысли и литературы в Болгарии). Вестник ЛГУ, 1953, № 3.

[86] А. А. Касаткин, Новые слова русского происхождения в итальянском языке. Ученые записки ЛГУ., Л., 1952, № 161, серия филол. наук, вып. 18. Вопросы грамматического строя и словарного состава языка.

[87] Ст. Н. И. Крепких, в журнале „Иностранные языки в школе", 1950, № 6. См. также Е. В. Опельбаум, О заимствованиях из русского языка в немецком языке. Автореферат. Львов, 1953.

[88] Ф. Е. Ройтенберг, О русских заимствованиях во французском языке в советскую эпоху. Журнал „Иностранные языки в школе", 1953, № 4; ср. О. В. Арнольд, Русская лексика в словарном составе французского литературного языка. Автореферат. Л., 1954.

[89] В. В. Акуленко, Влияние современного русского языка, в связи с развитием его словарного состава, на западноевропейские языки (на материале английского языка). Автореферат. Харьков, 1955; Г. Ю. Баллль, О влиянии русского языка послеоктябрьской эпохи на словарный состав английского языка. Автореферат. М., 1952.

Особенно горячо обсуждались вопросы „речевой характеристики героя“[90], проблема „выразительности языка киносценария“[91], вопрос о речевых средствах сатиры.

Усиленно дебатировалась также проблема специфики или главных качественных признаков „языка художественной литературы“[92]. Выдвигались темы о принципах и приемах анализа языка художественного произведения[93], об общенародном и индивидуальном в языке писателя[94], об эстетике слова.

В нашем языкознании очень распространена тенденция относить анализ языка и стиля художественных произведений к науке о русском литературном языке. С другой стороны, литературоведы, стремясь оправдать свое понимание художественного произведения и его образов, нередко иллюстрируют и обосновывают свои положения ссылками на своеобразие языка и стиля писателя. Возникает своеобразная стилистическая зона общего пользования и общего наблюдения.

Изучение современного литературного языка, особенно его лексико-фразеологического состава, вообще тесно связывается с изучением языка советской художественной литературы, с изучением языка выдающихся советских литературных произведений.

Из широкого круга представителей советской художественной литературы чаще всего избирался для исследования язык М. А. Шолохова[95],

---

[90] См. Л. Боровой, Речевая характеристика героя. (О специфике сценического языка). „Театр“, 1951, № 11; Б. Бурьяи, Слово и характер. „Советская отчизна“, Минск, 1954, № 5; Н. Велехова, О драматическом языке. „Театр“, 1954, № 9; А. Соловьев, Язык и характер. (К проблеме языка в кинодраматургии). „Искусство кино“, 1951, № 6, и мн. др.

[91] И. Вайсфельд, О выразительности языка киносценария. „Октябрь“, 1951, № 7; Н. Калитин, Языковая характеристика в сценарии. „Искусство кино“, 1954, № 10; Л. Погожева, О языке киносценария. „Искусство кино“, М., 1954, № 5; ср. с е ж е, Язык в сценариях и фильмах на исторические темы. О некоторых традициях и ошибках. „Искусство кино“, 1951, № 6; С. Фрейлих, К проблеме языка в кинодраматургии. Ремарки и реплики в киносценарии. „Искусство кино“, 1951, № 5, и мн. др.

[92] И. М. Захаров, К изучению языка и стиля художественных произведений в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания. Ученые записки Молотовского гос. ун-та им. А. М. Горького, т. 8, вып. 2, Молотов, 1953; В. Д. Левин, Заметки о языке художественной литературы. Журнал „Октябрь“, М., 1952, № 10; с е г о ж е, О языке художественных произведений. Журнал „Русский язык в школе“, 1951, № 3; К. Паустовский, Поэзия прозы. Журнал „Знамя“, 1953, № 9; М. Рыльский, О языке и литературе. Журнал „Знамя“, 1951, № 3; В. Саянов, Заметки о языке. Журнал „Знамя“, 1951, № 1; В. Тамахин, Заметки о художественном языке писателя. Журнал „Ставрополье“, Ставрополь, 1954, № 11; А. Чивилихин, О языке литературных произведений. Журнал „Звезда“, 1950, № 11; И. Эвентов, О новаторах и стилизаторах. Журнал „Звезда“, 1950, № 11; А. И. Ефимов, О изучении языка художественных произведений. Учпедгиз, 1952 (То же, Минск, 1953), и др. под.

[93] М. Н. Петерсон, К вопросу о методе анализа языка художественного произведения. Вестник МГУ, М., 1954, № 4, серия общественных наук, вып. 2; Л. И. Тимофеев, Об анализе языка художественно-литературного произведения. Журнал „Литература в школе“ М., 1954, № 4; Б. Томашевский, Язык и литература. Журнал „Октябрь“, 1951, № 7, и др. под.

[94] См., напр., Н. Ю. Шведова, К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя. Вопросы языкознания, 1952, № 2.

[95] См., напр., И. Лежнев, За чистоту языка. (О новой редакции романа М. А. Шолохова „Поднятая целина“). Жур. „Звезда“, 1953, № 6.

М. В. Исаковского[96], Л. М. Леонова[97], А. С. Макаренко[98], А. А. Суркова[99], К. М. Симонова[100], К. А. Тренева[101], А. Н. Толстого [102], В. Я. Шишкова[103], К. А. Федина [104], А. А. Фадеева[105]. Можно было бы вспомнить ряд журнальных статей о языке сочинений А. Твардовского, И. Эренбурга, Ф. Гладкова, П. Павленко и других видных деятелей советской художественной литературы.

Однако этот список писателей, в который пока еще не включены имена М. Горького и В. Маяковского, не может дать даже приблизительного представления ни о широте охвата произведений советской художественной литературы исследованиями по стилистике (главным образом в связи с анализом их лексики и фразеологии), ни о количестве статей и диссертаций, связанных с проблемами языка и стиля советской литературы[106].

Хотя у нас еще нет крупных монографических исследований о языке М. Горького, но написано много частных работ, посвященных характеристике

---

[96] В. В. Бабайцева, Ученые записки Кабардинского пед. ин-та, вып. 5, 1953. Ср. Д. Д. Ильин, Лексический состав произведений М. В. Исаковского. Автореферат. М., 1954; Н. С. Дмитриева, Строение простого предложения в стихотворной речи М. В. Исаковского. Автореферат. М., 1952, и др.

[97] Статья В. А. Ковалева в „Вопросах советской литературы", 1953, т. 2 и В. А. Рубана в Наук. записках Ін-та мовознавства АН УРСР, т. IX, 1951; ср. также: Наукові записки Київськ. держ. ун-ту ім. Т. Г. Шевченко, Київ, 1954, т. 13, вып. 9. Збірник фак-ту журналістики, № 1, и др.

[98] Статья Н. А. Морозовой в Вестнике ЛГУ, Л., 1954, № 12; ее же диссертация на тему о языке Леонова.

[99] М. Н. Морозова, Язык военной лирики А. А. Суркова. Ученые записки Тамбовского гос. пед. ин-та, вып. 3, 1950.

[100] А. П. Андриевская, Язык художественной прозы и публицистики военных лет К. Симонова. Автореферат. Сталино, 1954; Т. Г. Винокур, О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке (на материалах драматических произведений К. М. Симонова). Автореферат. М., 1953.

[101] Л. А. Введенская, Лексика драмы „Любовь Яровая" К. А. Тренева. Автореферат. М. 1952.

[102] Н. Л. Юзбашева, Особенности лексики романа А. Толстого „Петр Первый", как исторического произведения. Автореферат. Баку, 1954; Т. К. Чертожижская, Особенности языка и стиля трилогии А. Н. Толстого „Хождение по мукам". Автореферат. Киев, 1953 и др.

[103] В. С. Потапов, Стиль исторического повествования В. Я. Шишкова „Емельян Пугачев". Автореферат. М., 1952.

[104] Э. М. Вересова, Глагольные фразеологические единицы в прозе К. Федина. Автореферат. М., 1954.

[105] А. С. Бушмин, Из наблюдений над стилем А. Фадеева. „Вопросы советской литературы", т. 2, АН СССР, М.—Л., 1953; С. И. Цыпин, Некоторые особенности синтаксической структуры авторской речи в романе А. Фадеева „Молодая гвардия". Ученые записки Днепропетровского гос. ун-та, т. XXXVI, сб. работ филол. фак-та, вып. 5, 1950; М. Н. Морозова, О словаре романа А. А. Фадеева „Молодая гвардия". Ученые записки Тамбовского гос. пед. ин-та, вып. 3, 1950, и др. под.

[106] Ср. работы с более узкой тематикой в таком роде; Н. Я. Сердобинцев, Определяющие слова в языке романа П. Павленко „Счастье" (согласованные определения). Автореферат. Саратов, 1955; В. И. Чернова, Эмоционально-оценочное суффиксальное словообразование в системе имен существительных по материалам произведений В. Маяковского, Автореферат. Л., 1955, и др. под.

лексики и фразеологии отдельных произведений М. Горького или изучению работы Горького над стилем отдельных его сочинений[107].

Естественно также, что продолжают в большом количестве появляться статьи и диссертации о языке другого основоположника советской литературы — В. В. Маяковского[108].

Изучалась диалектная лексика в разных произведениях советской литературы, например, в сказах П. Бажова, в „Тихом Доне" М. А. Шолохова, в сочинениях М. Горького. Были работы, ставившие своей задачей исследование принципов использования профессиональной и производственно-технической лексики в языке советских художественных произведений[109].

Все же и в этой области остается широкое поле неисследованных задач и проблем.

Бросается в глаза недостаток глубоких работ исследовательского характера, богато оснащенных материалом и своими выводами, обобщениями, открывающих новые перспективы исследования стилистики современной художественной речи.

Кроме того, у всех работ этого типа есть несколько очень уязвимых пунктов. В них обычно смешивается языковедческий подход с литературоведческим. Не всегда достаточно четко и ясно разграничиваются задачи изучения литературного произведения как материала для исследования явлений современной литературной речи и задачи изучения способов художественного использования разных речевых элементов, преимущественно лексики и фразеологии, в композиции целого.

Самые принципы описания языка (главным образом лексики и фразеологии) произведения становятся однообразными, трафаретными. Отсут-

---

[107] Вот случайный перечень некоторых из таких работ: О. А. Шестакова, Работа А. М. Горького над языком и стилем повести „Фома Гордеев". Автореферат. М., 1953; М. И. Хмелинина, Фразеология ранних фельетонов А. М. Горького. Автореферат. М., 1952, И. А. Федосов, Лексика и фразеология романа А. М. Горького „Мать". Автореферат. М., 1953; В. А. Сиротина, Особенности языка и стиля публицистики А. М. Горького советского периода. Автореферат. Киев, 1952. Ср. также К. И. Павлова, Особенности языкового стиля публицистических произведений А. М. Горького периода советских лет. Автореферат. Киев, 1954; М. Я. Кривошеина, Общественно-политическая лексика публицистики А. М. Горького советского периода. Автореферат. М., 1953; С. М. Потапов, О некоторых особенностях языка и стиля романа А. М. Горького „Мать". Автореферат. Харьков, 1953; М. А. Карпенко, Лексика и фразеология романа А. М. Горького „Фома Гордеев". Автореферат. Киев, 1953; Т. А. Дзасохова, Работа А. М. Горького над языком романа „Дело Артамоновых". Автореферат. М., 1954; В. И. Зебель, Язык повести „Детство" А. М. Горького. Автореферат. Харьков, 1954; А. Д. Алексеенко, Работа А. М. Горького над языком романа „Мать". Автореферат. Пенза, 1953; М. Б. Борисова, Язык и стиль пьесы М. Горького „Враги". Автореферат. Л., 1952, и очень мн. др.

[108] Таковы, например, работы: А. Ф. Скляров, Октябрьская поэма В. В. Маяковского (жанровые особенности, стиль и язык поэмы „Хорошо"). Ученые записки Сев.-Осетинского пед. ин-та им. К. Л. Хетагурова. Дзауджикау. 1953, № 19; В. В. Тимофеева, О языке Маяковского, „Звезда", М.—Л., 1952, № 6; А. В. Яковлевская, Фразеология стихотворного языка Маяковского. Автореферат. М., 1950; Г. И. Макарова, Лексика поэм В. В. Маяковского. Автореферат. Киев, 1952, и др. под.

[109] Н. В. Черемисина, О языке и стиле советской научно-художественной прозы. Автореферат. Харьков, 1953.

ствие исторической перспективы мешает широким выводам. Однако во многих работах этого типа есть новый материал, интересные наблюдения и ценные мысли. Все это требует систематизации и обобщения.

VII

§ 9. Глубокое и разностороннее изучение системы современного русского литературного языка, сохраняющей в главном и существенном, особенно в своем грамматическом строе и основной части своего словарного состава, качественные особенности той структуры русского языка, которая определилась в первые десятилетия XIX в. и нашла высшее выражение в творчестве Пушкина, бросает яркий свет и на многие процессы развития русского литературного языка в XIX и начале XX в., а частично и в XVIII в. — и даже в более раннюю эпоху. Характерно, что русскому литературному языку именно XIX в. посвящены такие большие и богатые выводами и наблюдениями над новым материалом труды, как выпускаемые Академией наук сборники „Материалы и исследования по истории русского литературного языка" (том I — 1949; II — 1951; III — 1953), монография Л. А. Булаховского („Русский литературный язык первой половины XIX в.", Учпедгиз, М., 1954), а также докторские диссертации профессоров — А. Ф. Ефремова („Язык Н. Г. Чернышевского")[110], А. И. Ефимова („Язык сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина)[111], С. А. Копорского (о языке демократических писателей 60—70-х годов Н. Успенского, Ф. Решетникова и В. Слепцова)[112], М. В. Каикана („В. И. Даль как лексикограф")[113].

Внимательный анализ грамматической системы современного русского литературного языка свидетельствует, что основные морфологические свойства как системы склонения, так и парадигмы спряжения не претерпели существенных изменений на протяжении XIX в., хотя и подверглись унификации и выравниванию в деталях по законам аналогии. Например, изменения в системе форм существительных коснулись соотношений отдельных вариантов падежных окончаний, отчасти колебаний в роде. Наиболее существенны изменения в формах именительного падежа множ. числа существительных мужского и отчасти среднего рода (развитие форм мужского рода на *-а*[114], стабилизация форм именительного падежа множ. числа среднего рода — в связи с общим упорядочением системы именного словоизменения). В именах прилагательных, кроме некоторого лексико-семантического и стилистического суживания круга употребления кратких форм, необходимо указать на все большее вовлечение притяжательных прилагательных с суффиксом *-ин* в систему местоименного склонения. В структуре глагола глав-

[110] Ученые записки Саратовского гос. пед. ин-та, вып. XIV, Кафедра русского языка, Саратов, 1951.

[111] Изд. МГУ, 1953.

[112] Из истории развития лексики русской художественной литературы 60—70 годов XIX века. Автореферат. Калинин, 1951.

[113] Автореферат. Тбилиси, 1952.

[114] А. С. Фидровская, К вопросу о процессе и факторах новообразования на *-а* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода. Ученые записки Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 112, кн. 6, Сборник работ кафедры русского языка, Казань, 1952.

ные изменения были связаны с упорядочением видовых соотношений форм[115], с функциональным осложнением залоговых образований на *-ся*, с постепенным устранением равноправия дублетных форм в сфере глаголов состояния на *-нуть*, деепричастий и т. п. Возможно, что расширился процесс перехода страдательных, а также действительных причастий в качественные прилагательные. Возросло количество служебных слов производного характера, в том числе и фразеологических оборотов. Но центр динамики грамматического развития русского литературного языка в послепушкинскую эпоху находится в сфере синтаксиса. Происходят сложные процессы развития и взаимодействия разных форм и типов словосочетаний. Особенно важно подчеркнуть воздействие глагольных словосочетаний на сочетания субстантивные и адъективные, на формирование новых их разрядов, на расширяющиеся связи имен существительных и прилагательных с предложными конструкциями.

В области синтаксиса предложений происходит осложнение функций номинативных предложений, распространение их состава, развитие экспрессивно-модальных форм и разновидностей предложений вопросительных, эмоционально-восклицательных, прежде всего побудительных и междометных — в связи с расширяющимися функциями разговорно-литературной речи, усложнение стилистических функций разных типов простых предложений (например, безличных). Несколько изменяются значение и употребление страдательных оборотов[116]. Меньше всего изучены складывающиеся в это время разные правила и закономерности образования синтагматически дифференцированных форм распространенных предложений.

Но особенно глубоки и разнообразны в истории русского литературного языка XIX, а отчасти и XVIII веков, были процессы, относящиеся к области сложного предложения и связанные с усовершенствованием его структуры, с развитием разных его функциональных типов, с отбором союзов и расширением их значений, с ростом бессоюзных форм сложного предложения, с все более широким использованием лексико-фразеологических средств связи основных частей[117].

К сожалению, конкретно-исторические исследования грамматического строя русского литературного языка, особенно его синтаксиса, в период его национального развития, т. е. со второй половины XVII в., а особенно применительно к XVIII и XIX вв., занимали сравнительно мало места в лингви-

---

[115] См. Н. А. Федотова, Категория вида в русском литературном языке (глагольные суффиксальные образования с *-ыва-(-ива-)* в языке памятников XVII—XVIII вв.). Автореферат. Харьков, 1954.

[116] Вопрос о страдательном залоге и страдательных оборатах у нас был привлекательным предметом изучения, и ему посвящено несколько диссертаций: Р. А. Маркарян, Страдательный залог и страдательные обороты в современном русском языке. Автореферат. М., 1952; Е. А. Иванова-Яковская, Страдательные обороты в современном русском литературном языке. Автореферат. Л., 1952; П. С. Кузнецов, К вопросу о сказуемостном употреблении страдательных причастий в русском литературном языке XVIII и начала XIX в. Труды Ин-та русского языка АН СССР, т. II, 1950; Ср. Л. Н. Зевакова, Именные причастия действительного залога по памятникам русской письменности XVII — начала XVIII веков. Автореферат. Л., 1954.

[117] Ряд наблюдений над развитием синтаксических конструкций в русском литературном языке XIX и XX вв. можно найти в работе проф. А. Б. Шапиро „Основы русской пунктуации", М., 1955.

стических трудах за последнее десятилетие. Это объясняется отчасти влиянием традиции, которая объявила (в лице акад. А. И. Соболевского) изменения в грамматическом строе русского языка после XVI—XVII вв. „неважными", отчасти развившимся после выхода в свет моих „Очерков по истории русского литературного языка XVII—XIX вв." (1-е изд. 1934, 2-е 1938 г.) интересом к более быстрым темпам изменений литературной лексики, отчасти общим состоянием исторической грамматики русского языка, в дореволюционный период более или менее строго замкнувшейся в границах исторической фонетики и исторической морфологии.

§ 10. Изучение развития национального русского литературного языка XVIII и XIX вв., а также в первые десятилетия XX в. в основном свелось к исследованию изменений в словарном составе русского литературного языка, к исследованию обогащения и пополнения его лексической системы, а также к исследованию движения и взаимодействия разных его функционально-речевых стилей. Так, в статьях проф. Г. О. Винокура „Русский литературный язык в первой половине XVIII в." и „Русский литературный язык во второй половине XVIII в.", напечатанных в III и IV томах десятитомной „Истории русской литературы", издаваемой Академией наук, а также в его книге „Русский язык" (М., 1945) история русского литературного языка, представляемая вплоть до пушкинской эпохи как история стилей, а в последующий период как „раздельная история" языка художественной литературы, с одной стороны, и истории общелитературного языка — с другой, характеризуется и описывается в ее развитии в основном на базе изменений лексико-фразеологического состава. В еще большей степени эта черта выступает в „Истории русского литературного языка" проф. А. И. Ефимова (1954). В этом курсе вопросы изменений своеобразно понимаемой стилистической системы русского литературного языка, связываемые главным образом с развитием и стилевой дифференциацией лексико-фразеологического состава литературной речи, занимают центральное место.

При этом в большинстве исследований, посвященных изучению движения лексики и фразеологии в русском литературном языке нового периода, литературный язык в собственном смысле нередко отождествляется с языком художественной литературы. В основу изучения изменений его лексико-фразеологического состава обычно кладется лексика произведений художественной и отчасти публицистической литературы. Общие тенденции развития литературной лексики чаще всего не отграничиваются от индивидуальных своеобразий писателя и качеств его стиля[118].

Периодизация литературно-языкового развития в эту эпоху также нередко определяется именами великих писателей: от середины XVII в. — до Ломоносова, от Ломоносова до Пушкина, от Пушкина до наших дней или, вернее, до начала творчества Горького и до появления произведений Ленина. При этом в послепушкинском периоде отмечается как особая веха расцвет стилей революционно-демократической публицистики.

Правда, именно после лингвистической дискуссии 1950 г. ясно определилась задача изучения качественных своеобразий в общественно-исторических условиях формирования и развития национального рус-

[118] См. А. С. Орлов, Язык русских писателей. (Вступительная статья В. П. Адриановой-Перетц). М.—Л., 1948.

ского литературного языка — приблизительно со второй половины XVII века и в стремительно возрастающем объеме его культурных функций — сравнительно с историческим движением русского литературного языка донационального периода, периода древнерусской, а затем великорусской народности. Рядом исследователей (напр., Ю. С. Сорокиным, С. И. Ожеговым — составителем программы курса истории русского литературного языка для высших филологических учебных заведений, проф. Р. И. Аванесовым, проф. А. И. Ефимовым и др.) делались попытки периодизации истории русского литературного языка, преимущественно на основе развития его лексико-фразеологического состава, изменений его отношений к народно-разговорной речи и диалектам и осложнения его стилистических функций. Считается более или менее общепризнанным, что норма русского литературного национально-языкового выражения нашла свое широкое и полное воплощение в творчестве А. С. Пушкина.

Любопытно, что изучение языка Пушкина — и притом не только с лексико-фразеологической, но и с грамматической стороны — очень привлекало наших историков русского литературного языка нового периода[119]. Составляемый Институтом языкознания четырехтомный „Словарь языка Пушкина" (два тома его уже находятся в издательстве) поможет многое уяснить не только в литературно-языковой деятельности Пушкина, но и в общих процессах развития словаря русского литературного языка в XIX в.

Появилось также очень много статей о языке Гоголя, о языке отдельных его произведений или о тех или иных конкретных особенностях лексики и синтаксиса гоголевского стиля[120].

Кроме языка Пушкина и Гоголя, особенно много внимания уделялось изучению языка, преимущественно лексики и фразеологии, произведений революционных демократов — В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского,

[119] См., напр., Н. С. Поспелов, Синтаксический строй поэмы Пушкина „Медный всадник". Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ, вып. 1, 1946; его же, Из наблюдений над синтаксисом языка Пушкина. Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 3, 1953; С. П. Обнорский, Пушкин и нормы русского литературного языка. Труды юбил. научн. сессии ЛГУ, 1946. Секция филол. наук; И. С. Ильинская, Из наблюдений над лексикой Пушкина. Труды Института русского языка, т. II, 1950; Н. А. Прокь, Синтаксис повести А. С. Пушкина „Капитанская дочка". Автореферат, Саратов, 1953; О. В. Ляпунова, Личные формы глаголов в художественной прозе А. С. Пушкина. Автореферат. Горький, 1954; Т. Г. Ильинская, Лексика „Истории Петра" Пушкина. Автореферат. Тбилиси, 1954; И. Т. Гомонов, Предлоги и предложные сочетания в прозе А. С. Пушкина. Автореферат. Л., 1952; Д. Н. Введенский, Язык и стиль научно-исторической прозы А. С. Пушкина. Автореферат докторской диссертации. М., 1952. Е. А. Предтеченская, Работа А. С. Пушкина над языком повести „Дубровский". Автореферат. Саратов, 1955, и др. под.

[120] В. В. Виноградов, Язык Гоголя и его значение в истории русского языка. Материалы и исследования по истории русского литературного языка, М., 1953, т. 3; его же, О языке ранней прозы Гоголя. Там же, т. 2; Д. Демирчян, Язык и стиль „Мертвых душ" Гоголя. Науч. труды Ереванского гос. ун-та им. В. М. Молотова, т. 39, 1953; Д. І. Мірошник, Мовно-стилістичні українізми в творах М. В. Гоголя. Українська мова в школі, 1952, № 2; Т. Н. Мревлишвили, Придаточные образа действия по Н. Гоголю („Вечера на хуторе близ Диканьки"). Труды Тбилисского гос. ун-та им. Сталина, т. 55, 1954; ее же, Придаточные определительные в художественной речи Н. В. Гоголя. Труды Тбилисского ун-та, т. 47, 1952; Н. П. Третьякова, Работа Гоголя над языком и стилем „Тараса Бульбы". Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. III, 1953; Н. Ю. Шведова, Принципы исторической стилизации в языке повести Н. В. Гоголя „Тарас Бульба". Там же, и мн. др.

М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, в меньшей степени — А. И. Герцена, Д. И. Писарева и Н. А. Добролюбова[121].

Показательно, что изучению именно лексики и фразеологии писателей XIX в. посвящены докторские диссертации А. Ф. Ефремова „Язык Н. Г. Чернышевского" (1946); проф. А. И. Ефимова „Язык сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина" (изд. МГУ, 1953) и проф. С. А. Копорского „Из истории развития лексики русской художественной литературы 60—70-х гг. XIX в. [Словарный состав сочинений Н. Успенского, Слепцова и Решетникова]". (Автореферат. Калинин, 1951).

Говоря об изучении лексики и фразеологии произведений XVIII и XIX вв., легче указать тех русских писателей, произведения которых по разным причинам привлекли к себе меньше внимания наших исследователей, чем дать полный обзор статей и диссертаций на темы по вопросам лексики и фразеологии разных представителей русской литературы XVIII и XIX вв. Из классиков XIX в. мало исследован язык сочинений М. Ю. Лермонтова[122], Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, отчасти А. П. Чехова. Из крупнейших писателей XVIII в.[123] недостаточно изучен язык В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А.

---

[121] См., напр., Л. И. Карпенко, Язык критических статей В. Г. Белинского (1834—1836). Автореферат. Харьков, 1952; Ю. А. Бельчиков, Общественно-политическая лексика в сочинениях В. Г. Белинского 40-х годов, М., 1954; Г. Ф. Коновалова, Литературоведческая терминология в произведениях В. Г. Белинского, М., 1953; А. Ф. Ефремов, Язык Н. Г. Чернышевского. Ученые записки Саратовского гос. пед. ин-та, Саратов, 1951, вып. XIV, Г. А. Шелюто, Стиль и словарный состав публицистики Н. Г. Чернышевского. Автореферат. Киев, 1952; С. А. Пугач, О языке и стиле Писарева-публициста. Автореферат. Харьков, 1954; О. Н. Лимаренко, Синтаксис научно-популярного языка Д. И. Писарева. Автореферат. Саратов, 1953; Ю. С. Сорокин, Естественно-научная лексика в публицистике Д. И. Писарева. Ученые записки ЛГУ, Серия филол. наук, вып. 16, 1949; М. И. Привалова, Сложные слова и их функции в художественных произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. Автореферат. Л., 1952; Т. Н. Поповцева, Существительные отвлеченного значения в художественных произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина 60—70 гг. Автореферат. Л., 1953; В. П. Вомперский, Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 80-х годов. Автореферат. М., 1954; А. Х. Мищенко, Публицистическая лексика и фразеология А. И. Герцена (по статьям в „Колоколе"). Автореферат. М. 1954; Л. А. Страхова, К вопросу о стиле Герцена-критика. Ученые записки Сев.-Осетинского гос. пед. ин-та им. К. Л. Хетагурова, 1953, т. 19. Ср. также работы В. А. Путинцева о стиле Герцена; В. М. Самкова, Из истории общественно-политической лексики русского литературного языка 40—60-х гг. XIX века (по материалам произведений А. И. Герцена). Автореферат. Л., 1955; В. Н. Новицкая, Общественно-политическая лексика и фразеология Н. А. Некрасова. Автореферат. Рига, 1953; С. Л. Корчикова, Общественно-политическая лексика и фразеология стихотворных произведений Н. А. Некрасова. Автореферат. М., 1954., В. Т. Плахотишина, Поэтический язык поэмы Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо". Ученые записки Днепропетровского гос. ун-та, т. XXXV, вып. IV, 1949; К. И. Чуковский, Мастерство Некрасова (2-е изд. 1955) и др. Ср. Е. И. Мотина, Научная терминология в произведениях Н. А. Добролюбова. Автореферат. М., 1954.

[122] Впрочем, синтаксису словосочетаний в языке лермонтовской прозы была посвящена докторская диссертация проф. В. П. Сухотина. Ср. его статьи в „Вопросах синтаксиса современного русского языка", в „Материалах и исследованиях по истории русского литературного языка", т. III, 1953, и др.

[123] Особо следует отметить докторскую диссертацию Н. В. Трунева, Кантемир в истории русского литературного языка. Омск, 1952; ср. В. А. Приходько, Формы и категории глагола в произведениях А. Д. Кантемира. Автореферат. Л., 1953.

П. Сумарокова[124], Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, прозы И. А. Крылова и др.[125].

Таким образом, основная масса исследований по истории русского литературного языка XVIII и XIX вв. вращалась в области лексики, в сфере истории литературного словаря и литературной фразеологии. Накоплено много фактов, относящихся к лексике и фразеологии произведений выдающихся писателей этой эпохи, а также и шире — к лексико-фразеологическим особенностям стилей художественной литературы или стилей литературной речи как в XVIII, так и в XIX веке. Однако еще нет широких конкретно-исторических обобщений, позволяющих представить состояние, пути движения и закономерности изменений лексической системы литературного языка в целом, а также отдельных его стилей с начала XVIII в. по современную эпоху. Правда, попытки изучения наиболее важных словообразовательных или семантических групп слов, а также целых стилистических пластов в литературном языке той эпохи уже предприняты[126].

[124] Впрочем, см. А. Т. Кунгурова, Лексика комедий А. П. Сумарокова (Общелитературная книжная лексика). Автореферат. М., 1954; К. В. Ковалева, Элементы народного языка в баснях А. П. Сумарокова. Автореферат. Минск, 1955.

[125] Вот случайный список кандидатских диссертаций по вопросам изучения лексики и фразеологии литературных произведений XVIII и XIX вв.:

В. П. Новицкий, Проза И. М. Долгорукова (1764—1823). Автореферат. Харьков, 1952; П. В. Бурба, Особенности лексики „Жизни и приключений Андрея Болотова, описанных самим им для своих потомков". Автореферат. Киев, 1953; Е. В. Муза, Лексика и фразеология ирои-комической поэмы 60—70 гг. XVIII в. Автореферат. М., 1953; В. В. Замкова, Лексика притч А. П. Сумарокова. Автореферат. Л., 1953; Е. В. Алехина, Краткие и полные имена прилагательные в языке произведений А. П. Сумарокова. Автореферат. М., 1954; М. А. Иванова, Грамматическая терминология М. В. Ломоносова. Автореферат. Тбилиси, 1954; С. И. Глушков, Язык од М. В. Ломоносова. Автореферат. Киев, 1954; Е. В. Авдощенко, Суффиксы имен существительных в языке сочинений М. В. Ломоносова. Автореферат. М., 1954; С. М. Бурдин, Роль М. В. Ломоносова в создании естественно-научной терминологии в русском литературном языке. Автореферат. М., 1952; А. И. Горшков, Народно-разговорная лексика и фразеология в сатирических журналах Н. И. Новикова 1769—1774 гг. Автореферат. М., 1949; Л. В. Войнова, Лексика поэзии Г. Р. Державина. Автореферат. Л., 1954; В. Н. Айдарова, Лексико-фразеологический состав одического слога Г. Р. Державина. Автореферат. Тбилиси, 1953; В. П. Уткина, Лексика ранних повестей Н. М. Карамзина. Автореферат. Симферополь, 1948; Е. Г. Ковалевская, Борьба вокруг карамзинской реформы в конце XVIII — начале XIX века (Вопросы лексики). Автореферат. Л., 1955; Н. М. Гомон, Лексикографическая деятельность Д. И. Фонвизина и лексика его комедий. Автореферат. Киев, 1949; Н. Г. Жуковская, Язык и стиль басен И. А. Крылова (особенности синтаксиса). Автореферат. Баку, 1954; Е. Э. Биржакова, Лексика комедий И. А. Крылова. Автореферат. Л., 1953. Ср. статью И. М. Захарова „Прилагательные в функции определения в баенном языке Крылова" в Ученых записках Молотовского гос. ун-та им. А. М. Горького, т. VI, вып. 4, 1951; Е. А. Седельников, Использование форм времени и вида глагола в баснях И. А. Крылова. Ученые записки Казахского гос. ун-та им. С. М. Кирова, т. 14, вып. 1, Язык и литература, 1952; И. Н. Шахов, Лексика и фразеология басен И. А. Крылова. Автореферат. М., 1952; Н. В. Ермолаева, Общественно-политическая лексика стихотворных произведений К. Ф. Рылеева. Автореферат. М., 1953; В. Ф. Алтайская, Лексика поэзии Дениса Давыдова. Автореферат. Ужгород, 1950; Л. И. Шоцкая, Общественно-политическая лексика гражданской поэзии декабристов 29—30-х гг. XIX в. Л., 1953, и мн. др.

[126] Е. Т. Черкасова, О взаимодействии русских народных и церковнославянских элементов речи в русском литературном языке до-ломоносовского периода (полногласная и неполногласная лексика). Материалы и исследования по истории русского

Естественно, что и предложенную мной в статье „Русский язык" (для нового издания „Большой советской энциклопедии") схему периодизации развития лексического строя русского литературного языка в XVIII—XIX вв. (с конца XVII в. до 30—40-х гг. XVIII в., с 30—40 гг. до 70—80 гг. XVIII в., с 70—80 гг. XVIII в. до 10-х гг. XIX в., с 10-х гг. до 30—40-х гг. XIX в., с 30 —40-х гг. до 60—70-х гг. XIX в., а с 60—70 гг. XIX в. до советской эпохи) следует признать еще недостаточно обоснованной.

Так как изменения литературной лексики, отражая развитие общественной жизни, происходят более быстрыми темпами, чем изменения грамматического строя, то в развитии грамматического строя русского литературного языка XVIII—XIX вв. резких или значительных граней между разными периодами — меньше. Первая грань не может далеко отстоять от времени появления нормативной стилистической грамматики М. В. Ломоносова, следовательно, она проходит по середине XVIII в., другая грань — 30—40-е годы XIX в., когда вследствие образования новой системы функционально-речевых стилей — вместо прежней ломоносовской системы трех стилей складывается твердая литературная норма национально-языкового выражения.

Но все эти большие проблемы еще ждут своего полного решения и нуждаются в более глубокой разработке материалов, относящихся к истории как грамматического строя, так и словарного состава русского литературного языка трех последних столетий.

VIII

§ 11. Для того, чтобы воспроизвести картину изучения истории русского литературного языка в более широком как конкретно-историческом, так и теоретическом плане, необходимо вспомнить те общие задачи и проблемы, которые советское языкознание выделяет как основные, центральные при исследовании литературных языков. Это тем более необходимо, что теоретическая постановка и разработка этих проблем производилась, главным образом, на материале истории русского языка. Эти проблемы следующие:

1. Исторические взаимоотношения и взаимодействия письменно-литературного языка, народно-разговорного языка и диалектов в разные периоды истории народа. С этой проблемой связано выяснение общественно-исторических условий и функциональных своеобразий развития письменно-литературного русского языка в эпоху восточнославянской (или древнерусской) народности, т. е. до XIV—XV вв., в эпоху развития великорусской народности и ее языка, т. е. в XV—XVI вв. и первой поло-

---

литературного языка, т. II. Изд. АН СССР, 1951; И. Г. Галенко, Сложные слова в русском языке второй половины XVIII века. Автореферат. Киев, 1953; Л. Н. Саркисова, Наблюдения над лексической синонимикой в русском литературном языке первой трети XIX в. (однокоренные имена существительные). Автореферат. М., 1955; В. М. Григорян, Синонимичные прилагательные и их стилистические функции (на материале языка А. С. Пушкина). Автореферат. М., 1955; А. П. Евгеньева, Очерки по языку русской устной поэзии XVII—XX вв. Автореферат докторской диссертации. Л., 1950 и др. под.

вание XVII в.[127] и в эпоху становления и развития русской нации, т. е. приблизительно со второй половины XVII в.

2. Чужие языки (или чужой язык) в функции литературных языков и их влияние на последующие судьбы народно-литературных языков, формирующихся на базе живой речи соответствующего народа. По отношению к истории русского литературного языка это — вопрос о роли старославянского или церковнославянского языка в развитии языка русской письменности и литературы в донациональную эпоху и в начальные периоды формирования нации — в XVII—XVIII вв. — до создания общенациональной литературной языковой нормы в начале XIX в.

3. Исторические взаимодействия и взаимоотношения литературного языка и языка художественной литературы. В истории русского литературного языка выяснение этих взаимоотношений и взаимодействий особенно важно для понимания закономерностей литературно-языкового развития в XVIII, XIX и XX веках, тем более, что во многих современных работах наблюдается тенденция к полному смешению и даже слиянию литературного языка с языком художественной литературы.

4. Принципы периодизации истории литературного языка. Решение этого вопроса тесно связано с определением специфики законов развития литературных языков — соотносительно и сравнительно с историческими закономерностями развития соответствующих народно-разговорных языков, а также с уяснением различий в степени „народности" литературного языка, в объеме и содержании его культурно-общественных функций в периоды развития народности и нации.

5. Понятия „стилей языка" и „стилей речи" в истории литературного языка. Применительно к русскому литературному языку понятие „стиля языка", предполагающее — при внутреннем единстве языковой структуры — наличие в ней соотносительных и дифференцированных форм фонетического, грамматического и лексико-фразеологического выражения, наличие развитой системы синонимии — вполне оправдано лишь по отношению к позднему периоду истории литературного языка — не ранее второй половины XVI — начала XVII в., к периоду формирования системы „трех стилей" — высокого, посредственного и низкого, когда так называемые церковнославянские элементы в составе русского языка или, иначе говоря, признаки двуязычного параллелизма уже были целиком осмыслены в плоскости структуры единого общенародного языка. До этой эпохи можно говорить лишь о разных типах литературного языка — церковно-книжном и светском художественно-книжном, а также о языке письменном канцелярско-деловом, так как в эту эпоху не все данные типы были соотнесены и органически связаны с живым разговорным языком народа. А с пушкинской эпохи, когда закрепляется единая общенациональная литературно-языковая норма словесного выра-

[127] См. многочисленные работы проф. Р. И. Аванесова, проф. П. Я. Черных и др., а также К. В. Горшкова, Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. Автореферат. Вестник МГУ, 1947, № 10. См. также рецензию К. В. Горшковой на книгу: Chr, S. Stang. La langue du livre „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей, 1647", Вопросы языкознания, 1954, № 2.

жения, вместо прежних ломоносовских трех стилей развивается многообразие функционально-речевых стилей (или функциональных „стилей литературной речи"), таких, как повествовательно-беллетристический, публицистический, научный, официально-парадный или торжественно-риторический, канцелярско-деловой и т. п.

6. Процессы нормализации в развитии литературного языка, их социальная сущность — и понятие нормы в разные периоды истории литературного языка. Социальная, сословно-классовая направленность отдельных попыток литературно-языковой нормализации ярко выступает уже в период так называемого второго юго-славянского влияния, с конца XIV — начала XV в. Первоначально она сказывается в характере понимания литературных функций церковнославянского языка, в предпочтении тех или иных его форм и норм, в оценке „просторечия", в способах приспособления книжно-славянской стихии к живой разговорной народной речи. Борьба разных социальных групп за разное понимание норм русского национального литературного языка с наглядной остротой обнаруживается уже в XVII веке, особенно во второй его половине (ср. высказывания протопопа Аввакума, Кариона Истомина и других литературных деятелей второй половины XVII века). А далее оценки и предписания Петра I и его сподвижников, филологические рассуждения Кантемира, споры Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова, принципы нормативной грамматики, лексикологии и стилистики, выдвинутые М. В. Ломоносовым, литературно-стилистическая теория и практика Фонвизина, Радищева и Державина, нормализаторская деятельность Карамзина, его последователей и его эпигонов, нашедшая резкий отпор со стороны Шишкова и его сторонников, борьба Пушкина за утверждение национально-языковой нормы литературного выражения на широкой народно-разговорной демократической основе, — вот краткий перечень самых существенных вех и этапов на пути нормализации русского национального литературного языка до 30—40-х годов XIX в., когда развитие его стилистической системы вступило в новый фазис.

Вместе с тем необходимо помнить, что внутреннее содержание и единство нормы, а также степень ее обязательности и широта ее действия различны в разные периоды истории литературного языка, развивающегося в тесной связи с историей народа. Несомненно, что крепость норм неодинакова в разные эпохи развития литературного языка и по отношению к разным сторонам языка. Сознательность отбора языковых фактов возрастает в такие периоды, как период формирования национального литературного языка. Естественно, что начало книгопечатания оказывает сильное регулирующее влияние на процесс нормализации литературного языка. Интенсивность и строгость нормализации неоднородны также в разных типах или стилях литературного языка. Вот почему фиксация общенациональной литературной нормы во всех элементах языковой структуры является важнейшим событием в истории литературных языков.

IX

§ 12. Если при исследовании процессов развития национального русского литературного языка в XVIII, XIX и XX вв. основное внимание со стороны наших языковедов уделялось изменениям лексико-фразеологиче-

ского состава, то изучение истории древнерусского литературного языка периода древнерусской (восточнославянской), а затем великорусской народности, естественно, главным образом строилось на базе давно накопленных и за последнее время значительно увеличенных материалов русской исторической фонетики и исторической грамматики (преимущественно морфологии).

Три момента в развитии русского литературного языка привлекли особое внимание наших исследователей за последнее десятилетие. Это, — во-первых, условия и характер формирования древнерусского литературного языка. Во-вторых, это — период развития, связанный с образованием языка великорусской народности и, следовательно, с смещением народно-диалектной базы русского литературного языка. И, в-третьих, это подготовительные или начальные этапы становления национального русского литературного языка. В усилившемся интересе к этим вопросам нашла отражение тенденция к сближению истории литературного языка с историей русского народно-разговорного языка.

В своих „Очерках по истории русского литературного языка старшего периода" (1946) акад. С. П. Обнорский, отвергая точку зрения акад. И. И. Срезневского и акад. А. А. Шахматова на древнеболгарскую или старославянскую основу древнерусского литературного языка, искал истоки нашего литературного языка в живой народной восточнославянской речи и призывал „показать объективную меру церковнославянизмов в нашем языке, ибо представление о них у нас преувеличено" (стр. 8). В плане выделения структурных элементов самобытного, народного в своей восточнославянской основе древнерусского литературного языка акад. С. П. Обнорским была подвергнута лингвистическому анализу Русская правда сначала в пространной, а затем в краткой редакции, Сочинения Владимира Мономаха, Слово о полку Игореве, Моление Даниила Заточника.

С несколько более сложной, но по замыслу близкой к взглядам С. П. Обнорского концепцией развития древнерусского литературного языка выступил в своей „Истории древнерусского языка" (1953) проф. Л. П. Якубинский, опираясь, в основном, на те же памятники, кроме Моления Даниила Заточника, но с привлечением Новгородской летописи. В том же направлении двигался целый ряд работ Д. С. Лихачева по изучению языка раннего киевского и новгородского летописания, а также по изучению культуры устной речи в древней Руси[128], по изучению стиля Слова о полку Игореве, и несколько статей и брошюр проф. П. Я. Черных[129], работы акад. М. Н. Тихомирова (ср. особенно статью о грамотности в древней Руси — в т. IX Трудов Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР) и др. Те же исторические предпосылки лежат и в основе докторской диссертации Ф. П. Филина „Лексика русского литературного

[128] См., напр., диссертацию Д. С. Лихачева о киевском летописании (1927), обобщающую книгу „Возникновение русской литературы", изд. АН СССР, М.—Л., 1952, и статью „Литература" в „Истории культуры древней Руси", т. II, М.—Л., 1951; ср. также в журнале „Вопросы истории", 1951, № 12 — „Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы".

[129] См. „Язык и письмо", гл. 4 во втором томе „Истории культуры древней Руси", брошюру П. Я. Черных „Происхождение русского литературного языка и письма", М., Учпедгиз, 1950.

языка древнекиевской эпохи" (Л., 1949), в которой автор старался описать лексический состав Повести временных лет, распределенный по семантическим группам.

Вся сила научно-исследовательского внимания советских историков языка и литературы (акад. С. П. Обнорского, чл.-корр. Д. С. Лихачева, В. П. Андриановой-Перетц, проф. П. Я. Черных, проф. Ф. П. Филина, проф. М. А. Соколовой и др.) оказалась сосредоточенной на вопросах изучения народных восточнославянских элементов в составе языка древнерусских литературно-художественных и канцелярско-деловых памятников. Вопросы взаимодействия этой народной струи с церковнославянской, и тем более вопросы изменений в звучании, в морфологическом строе, в синтаксических конструкциях, словообразовании, лексико-фразеологическом составе церковнославянского типа древнерусского литературного языка с XI по XVII в. включительно — изучались очень мало (впрочем, см. исследование проф. С. Д. Никифорова „Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в.", М., 1952), а чаще даже совсем не изучались. Этот круг вопросов — актуальные задачи ближайшего будущего.

В отдельных статьях, двигавшихся в русле ранее определившихся проблем и целей изучения звукового строя русского языка или же — в отдельных случаях — опиравшихся на фонологию, сделаны попытки нового понимания течения таких процессов, как палатализация согласных перед гласными переднего ряда, как соотношение *ы* и *и*[130], как история редуцированных *ъ* и *ь* в древнерусском языке[131] и др.

Таким образом, в связи с новой концепцией образования литературного языка восточных славян значительно расширились наши сведения о народных восточнославянских элементах, лексических и грамматических, а отчасти и звуковых, в языке древнейших памятников русской письменности. Кроме того, наметилась тенденция (в работах проф. Л. П. Якубинского и отчасти проф. Г. О. Винокура) к изучению стилистических взаимоотношений и взаимодействий русизмов и славянизмов в древнерусской литературной речи. Однако недооценка старославянской языковой традиции и ее роли как в процессе образования древнерусского литературного языка, так и в дальнейших исторических его изменениях все еще мешает глубокому и всестороннему исследованию путей и закономерностей развития древнерусского литературного языка.

В исследовании вопроса об образовании языка великорусской народности и об изменении диалектной базы русского литературного языка XIV—XVII вв. обнаружилось много разногласий. Появился ряд статей, в которых была сделана попытка выяснить общие процессы развития народно-разговорного языка великорусской народности в основных его диалектных разветвлениях и определить те явления общей фонетики, грамматики и лексики, которые были связаны с образованием северновеликорусского государственного центра, а затем с формированием Московского царства.

---

[130] См. Р. И. Аванесов, Из истории русского вокализма. Вестник МГУ, 1947, № 1.

[131] В. Н. Сидоров, Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке XI века. Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. II, 1953.

Несомненно, что и новое направление этих работ, и новые данные, извлеченные из современных диалектов и из выводов лингвистической географии, а отчасти и из памятников древнерусской письменности, расширяют сферу изучения и понимания законов развития фонетического и морфологического строя русского литературного языка XIV—XVII вв. Более подробная картина достижений в исследовании этих вопросов будет раскрыта при характеристике того нового, что внесло наше отечественное славяноведение в изучение развития фонетики, морфологии и синтаксиса русского языка на протяжении XIV—XVII вв.[132].

Нельзя не подчеркнуть ценности тех данных, которые были добыты при работе над диалектологическими атласами русских народных говоров к востоку и западу от Москвы.

Что касается исследования подготовительных или начальных этапов становления национального русского языка, то в решении этого вопроса наметилось несколько направлений. Историки языка — диалектологи, пользуясь данными уже подготовленных работ по диалектологическому атласу говоров к западу и востоку от Москвы, выдвинули целый ряд новых положений о возрастающей роли южновеликорусского наречия в развитии общенародного русского языка позднего средневековья, особенно с середины XVI в.[133].

В отдельных исследованиях и статьях (например, проф. С. И. Коткова) ставился поднятый в труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания" вопрос о „курско-орловской речи", о ее месте в общей системе южновеликорусского наречия и ее влиянии на процессы формирования национального русского языка[134]. В настоящее время этот вопрос подвергается даль-

[132] Некоторые выводы, относящиеся к истории звукового и морфологического строя русского литературного языка, вытекают из работ, в которых изучались средневеликорусские, близкие к Москве говоры, или древнерусские письменные памятники соответствующих областей. См., например, следующие кандидатские диссертации: В. В. Иванов, Из истории говоров северозападного Подмосковья. Автореферат. М., 1953; Л. Э. Калнынь, Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Автореферат. М., 1952; К. А. Федорова, К истории говоров западного Подмосковья. Автореферат. М., 1951; ср. также О. Г. Гецова, Говор села Катагощи (Захаровск. района Рязанск. обл.). Автореферат. М., 1952, см. О. А. Князевская, К исторической фонетике русского языка в Московской Руси середины XVI в. Автореферат. М., 1952; Л. П. Жуковская, Из истории языка северовосточной Руси середины XIV в. Автореферат. М., 1953; Е. Г. Баш, К истории говоров южного Подмосковья (исследование языка „Пчелы"... 1623 г.). Автореферат. М., 1954; Т. А. Сумникова, К истории образования языка русской (великорусской) народности. Автореферат. М., 1954; Ср. также П. С. Кузнецов, К исторической фонетике ростово-суздальских говоров (по данным рукописи Переяславского евангелия 1354 г.). Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР, вып. 2, 1948; См. также ранее указанные работы проф. Р. И. Аванесова, П. Я. Черных и др.; ср. особенно труды Р. И. Аванесова: „Очерки русской диалектологии", ч. 1, М., 1949, статья „Лингвистическая география и история русского языка", Вопросы языкознания, 1952, № 6 и др. Ср. также: „Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров". Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ, вып. 2, 1947.

[133] Р. И. Аванесов, Лингвистическая география и история русского языка. Вопросы языкознания, 1952, № 6.

[134] И. М. Ионенко, Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка. Журнал „Вопросы истории". М., 1952, № 7; Г. И. Зикеев, К вопросу об исторических условиях развития русского

нейшему углубленному изучению с широким привлечением новых материалов, особенно в связи с подготовкой диалектологического атласа курско-орловских говоров.

Историки грамматического строя русского литературного языка проявляли живой интерес к изучению стабилизации системы русского словоизменения в XVI и особенно в XVII веках, а также к исследованию тех изменений в структуре разных видов сложного предложения, которые представлялись показательными для характеристики общих тенденций развития литературного языка на пути к закреплению единой общенациональной нормы.

Привлекали внимание также изменения в стилистической структуре русского литературного языка в XVI—XVII вв., во взаимоотношении разных его типов. В XVII в. московский деловой язык, подвергшись фонетической, а еще больше грамматической регламентации, претендует на роль национальной базы литературного выражения. Во второй половине XVII в. появляются сатирические произведения („Служба кабаку", „Сказание о куре и лисице" и др.), пародирующие нормы высокой литературной речи, осмеивающие ее пристрастие к славянизмам. В XVII в. со всей решительностью встает вопрос о перераспределении функций обеих основных разновидностей русского письменного языка: книжного русско-славянского типа и более близкого к народно-разговорной речи делового, административного. Художественная литература начинает играть все бо́льшую роль в синтезировании разнотипных и в то же время живых, продуктивных элементов русского литературного языка, в формировании и разграничении трех основных его стилей. В XVII в. устанавливаются более или менее единообразные и устойчивые — не только морфологические, но отчасти и фонетические — нормы общерусской разговорно-литературной формы национального языка. Процесс образования русского национального языка был связан с сужением культурно-общественных функций славянорусского типа книжного языка и с его приспособлением к единой системе и к единой норме общенародного языка. Русский национальный язык в XVII и XVIII вв. образуется на основе синтеза всех жизнеспособных и исторически продуктивных элементов русской речевой культуры, т. е. живой народной речи с ее областными диалектами, устного народно-поэтического творчества, государственного письменного языка и церковнославянского типа языка с их разными функциональными разновидностями[135].

X

§ 13. Достижения русского языкознания, особенно богатые в области изучения развития звукового и морфологического строя русского литературного языка с XI до XV в., в последнее десятилетие пополнились новыми данными и новыми обобщениями, относящимися к истории фонетической системы литературной речи в XV—XVIII вв., к природе звуков *ѣ* и

национального языка на основе курско-орловского диалекта. Журнал „Вопросы истории", 1953, № 2; ср. доц. Г. И. Колида, Курско-орловский диалект — основа русского национального языка. Ученые записки Сталинабадского объед. пед. и учит. ин-та им. Т. Г. Шевченко. 1952. Филол. серия, вып. 1.

[135] Подробнее см. в статье „Русский язык", написанной мной совместно с проф. Р. И. Аванесовым для „Большой Советской Энциклопедии".

е, к переходу *е* в *о* и к уточнению процессов аканья (работы К. В. Горшковой, Р. И. Аванесова, С. П. Обнорского[136], П. Я. Черных и др.).

Сделаны некоторые исторические наблюдения над произносительной системой стихотворной речи XVIII и XIX вв.[137].

Высказан целый ряд предположений и догадок о ходе изменений произносительных норм литературного языка в XIX и XX вв. (С. И. Ожегов, Р. И. Аванесов). Отмечено, что литературные нормы в области произношения и правописания устанавливаются позже, чем нормы грамматические[138].

В исторической морфологии русского литературного языка медленно, но довольно успешно заполняется пробел, относящийся к изучению русской грамматики XVI—XVII вв. В докторских диссертациях проф. П. С. Кузнецова — об истории употребления кратких форм страдательных причастий, С. Д. Никифорова — о глаголе, его формах и их функциях в языке русской письменности второй половины XVI в., М. А. Соколовой — о языке Домостроя в связи с языком деловой письменности XVI в., П. Я. Черных — о языке Уложения 1649 г., в других работах по истории именного и местоименного склонения, а также по истории временны́х и видовых форм глагола (например, А. И. Толкачева — об истории полных форм прилагательных, А. П. Яковлевой — о формах будущего времени в древнерусском языке, проф. Т. П. Ломтева, П. С. Кузнецова и Н. С. Поспелова — об истории категории вида и времени и др. под.), содержатся новые грамматические факты, новые наблюдения и выводы. Однако обобщения и систематизации всех явлений, характеризующих процессы развития морфологического строя русского литературного языка, особенно в XV—XVII вв., у нас пока еще нет. Ведь даже и по отношению к таким сторонам морфологического строя русского языка, которые подвергнуты более или менее тщательному и всестороннему исследованию, возникает целый ряд чрезвычайно существенных и почти вовсе еще не затронутых в нашем отечественном языкознании проблем. Большая часть этих проблем вращается в плоскости историко-стилистической. Сюда относятся, например, вопросы об употреблении и стилистическом соотношении народно-русских и церковнославянских форм склонения и спряжения, об их борьбе и взаимодействии, об отмирании грамматических церковнославянизмов, о дифференциации или унификации морфологических вариантов в системе склонения, спряжения, в системе образования степеней сравнения, в системе залоговых и видовых образований. С исследованием этих вопросов — применительно к литературному языку XVI—XVIII вв. — тесно связано разрешение проблемы формирования, изменения и развития общенациональных грамматических норм.

---

[136] С. П. Обнорский, Переход *е* в *о* в современном русском языке. Сб. „А. А. Шахматов. Труды комиссии по истории Академии Наук СССР", вып. 3, М.—Л., 1947.

[137] См. особенно статью Б. В. Томашевского о рифме и произносительной системе стихотворного языка в Трудах Отдела новой русской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, вып. 1, 1949. См. также работу: Н. П. Утехина, Из истории русской поэтической орфоэпии конца XVIII — начала XIX в. Автореферат. М., 1950.

[138] См. статью В. Г. Ордловой, Изменения в характере развития русского языка в связи с историей народа. Вопросы языкознания, 1953, № 1. Ср. Г. О. Винокур, Орфографическая теория Тредиаковского. ИАН СССР, ОЛЯ, 1948, вып. 2; его же. К истории нормирования русской письменности языка в конце XVIII в. Вестник Московского университета, 1947, № 5.

После работ акад. А. А. Шахматова, акад. С. П. Обнорского и проф. Б. Унбегауна оживился интерес к изучению развития системы именного склонения. Еще не все ясно в исторически изменявшихся соотношениях литературно-разговорных и книжно-славянских форм разных типов склонения существительных в русском литературном языке XI—XVII вв. Есть некоторые противоречия в понимании отдельных процессов формирования современной системы склонения существительных (например, закрепления окончания *-ами* в формах творительного падежа множественного числа)[139].

Но общая картина развития типов именного склонения в русском литературном языке до XVIII столетия становится все более ясной[140].

Дополнилась несколькими историческими деталями и датами картина изменений членных форм прилагательных в русском языке[141]. Подверглась более широкому изучению история образования и развития сравнительной степени прилагательных[142]. Есть работы, изучающие исторически меняющееся соотношение разряда притяжательных прилагательных с относительными и качественными[143].

От изучения морфологических разрядов прилагательных нельзя отрывать и исследования их синтаксических функций[144].

---

[139] См. работу проф. П. Я. Черных о языке Уложения 1649 г. (М., Изд. АН СССР, 1953); рецензию К. В. Горшковой на книгу проф. Станга (Chr. S. Stang. La langue du livre „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей, 1647") Вопросы языкознания. М., 1954, № 2, и др.).

[140] См. работы: С. В. Фролова. Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII—XVIII столетия. Ученые записки Куйбышевского гос. пед. и учит. ин-та им. Куйбышева, вып. 5, 1942; вып. 8, 1947; Г. А. Махароблидзе, Склонение имен существительных в московских деловых документах XV в. Автореферат. М. 1954; М. Ф. Парахина, Именное склонение в синодальном списке I Новгородской летописи. Автореферат. Львов, 1950; Н. В. Юстратова, Становление склонения существительных в национальном русском языке (первая половина XVII в.). Ученые записки Киишиевского гос. ун-та, т. 9, 1954; Б. И. Косовский, К истории именного склонения в русском деловом языке второй половины XVI в. М., 1946—1947; Ср. С. Д. Никифоров, Из наблюдений над именами существительными в памятниках второй половины XVI в. Ученые записки Львовского гос. ун-та им. Ив. Франко. Вопросы славянского языкознания, т. VII, вып. 1. 1948; Ср. также А. Д. Григорьева, К отношениям предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке. Доклады и сообщения Ин-та русского языка, в. 1, 1948; Б. И. Скупский, Совпадение форм именительного и винительного падежей множ. числа у существительных мужск. р. в древнерусском языке. Автореферат. М., 1953; Т. А. Якубайтис, История окончания дательного единственного числа существительных мужского рода *-ови* в восточнославянских языках. Автореферат, М., 1954.

[141] А. И. Толкачев, История членных прилагательных русского языка, ч. 1. Формы мужского рода ед. числа. Автореферат. Смоленск, 1952.

[142] С. В. Бромлей, История образования форм сравнительной степени в русском языке XI—XVII вв. Автореферат. М., 1954.

[143] Н. С. Валгина, Притяжательные прилагательные в памятниках русской письменности XVI—XVII вв. Автореферат. М., 1953; Ср. также В. К. Чернецкий, Грамматические средства выражения принадлежности в русском литературном языке конца XVII в. — первой трети XVIII в. Автореферат. Одесса, 1954; С. Я. Макарова, Выражение принадлежности в русском языке XI—XVII вв. Автореферат. М., 1952.

[144] В. Л. Георгиева, Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке. Автореферат. Л., 1952; Н. Ю. Шведова, Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVII вв. Автореферат. Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР в. I, 1948. ср. Н. И. Толстой, Краткие и полные прилагательные в старославянском языке. Автореферат. М., 1954.

Единичные исследования были посвящены истории форм личных, возвратных и указательных местоимений[145].

Работы по истории образования типов наречий в древнерусском языке до-национального периода больше относятся к сфере исторического словообразования[146].

Система русского глагола в ее историческом развитии — от общеславянских форм и соотношений к современным русским — между прочим и на протяжении XI—XVII вв. — еще не изучена во всех ее деталях даже применительно к литературному языку. Отчасти это объясняется ограниченностью привлекаемого материала из народных говоров и особенно из памятников письменности, отчасти же это вытекает из бедности сравнительно-исторических сопоставлений с другими славянскими языками, а также от пренебрежения к функционально-стилистическому анализу употребления грамматических форм. Некоторые результаты достигнуты в исследовании истории форм времени, а отчасти вида глагола. Здесь на первом месте должны быть названы исследования проф. С. Д. Никифорова „Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в." (М., 1952) и акад. С. П. Обнорского „Очерки по морфологии русского глагола" (М., 1953). В работе С. Д. Никифорова собраны факты видовых образований и соотношений из памятников XVI в., подробнее всего освещено употребление причастий; в труде С. П. Обнорского, напротив, преобладают диалектные данные; они бросают некоторый свет и на историю отдельных глагольных форм и категорий в литературном языке.

В других работах по исторической морфологии русского глагола или изучается употребление глагольных форм в отдельном памятнике, в группе памятников того или иного века, или рассматриваются диалектные варианты в кругу той или иной глагольной категории, той или иной парадигмы, или же высказываются некоторые общие соображения историко-грамматического порядка, не всегда достаточно подкрепленные фактами[147].

---

[145] М. А. Гадолина (Прево), К истории некоторых форм личных и возвратного местоимений в русском языке XIII—XVII вв. Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. V, 1954; ср. М. А. Прево, История форм личных и возвратного местоимений в русском языке. Автореферат. М., 1952; ср. также П. М. Кравченко, История форм личных местоимений по памятникам древнерусской письменности XI—XV вв. Автореферат. Л., 1949.

[146] См., напр., Н. С. Рыжков, Морфология и семантика именных и местоименных наречий в древнерусских памятниках XI—XIV вв. Автореферат. М., 1952; О. В. Петрушинина, Наречия, образованные от имен существительных (по памятникам русского языка XII—XVII вв.). Автореферат. Л., 1953; Н. Н. Светловская, Типы отыменных и отместоименных наречий, засвидетельствованных памятниками русской письменности XV—XVII вв. Автореферат. М., 1955.

[147] Т. П. Ломтев, Изменения в употреблении глагола относительно категорий вида и времени. Доклады и сообщения филол. факультета МГУ, вып. 3, 1947; его же, Несколько замечаний к состоянию видовой дифференциации основ настоящего времени в древнерусском языке. Ученые записки МГУ, вып. 128. Труды кафедры русского языка, кн. 1, 1948; его же, К характеристике видовой дифференциации претериальных форм глагола в древнерусском языке. Ученые записки МГУ, вып. 137, Труды кафедры русского языка, кн. 2, 1948; его же, Об употреблении глагола относительно категории времени в древнерусском языке. Там же, вып. 150, 1952; П. С. Кузнецов, К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка. Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. II. М., 1953; В. В. Земская, К истории деепричастий в южнорусских

Из служебных слов больше всего изучалась история союзов, особенно в связи с исследованием развития видов сложного предложения, и отчасти — предлогов[148].

XI

§ 14. В последние три десятилетия появилось значительное количество работ, посвященных историческому синтаксису русского языка XI—XVII вв. (работы Е. С. Истриной, Б. В. Лаврова, Т. П. Ломтева, С. Д. Никифорова, Э. И. Каратаевой, В. И. Борковского, А. А. Скворцовой, Н. Ю. Шведовой, А. И. Сумкиной, А. Г. Широковой и др.).

Однако об открытии каких-либо закономерностей в общем ходе развития синтаксического строя русского языка (напр., в развитии типов простого предложения, в изменениях структуры сложного предложения, в активизации или в возникновении новых типов словосочетаний, даже в дифференциации и распространении форм предложной связи и т. п.) или о точной и ясной периодизации процессов изменений в синтаксисе русского как народно-разговорного, так и литературного языка пока еще не приходится говорить. Поэтому характеристика различий в синтаксических формах и конструкциях между литературным языком эпохи древнерусской народности (XI—XIII вв.) и языком периода становления и развития великорусской народности (XIV—XVI вв.) свелась бы к указанию отдельных разрозненных изменений в строе простого предложения — изменения в употреблении форм прошедшего времени глагола, отчасти в соотношении функций кратких и местоименных форм прилагательных, в утрате форм двойственного числа, в некоторых формах сочетаний имен числительных и др. под., а между литературным языком эпохи XIV—XVII вв. и национальным русским литературным языком со второй половины XVII в., кроме указаний на утрату некоторых форм и конструкций (вроде именительного с инфинитивом), — к описанию отдельных способов упорядочения и развития структуры сложного предложения.

и среднерусских говорах. Автореферат. Челябинск, 1950; А. И. Сологуб, Формы повелительного наклонения в русских народных говорах. Автореферат. М., 1953; Е. Н. Прокопович, Категория вида глагола в языке памятников русской письменности второй половины XVII в. (Видовая соотносительность). Автореферат. М., 1953. И. М. Керницкий, Прошедшее время в украинских памятниках до XVI в. в сравнении с формами прошедшего времени в древнерусских и старославянских памятниках. Автореферат. Львов, 1950; О. И. Ларина, Глагольные формы в московских памятниках делового письма XV в. Автореферат. М., 1953; ср. А. М. Назарова, К вопросу о сказуемом в Псковских летописях. Известия Крымского пед. ин-та им. Фрунзе, т. XIV, 1949; М. Н. Кожина, Морфология глагола в „Ведомостях" петровского времени. Автореферат. Л., 1954; О. Т. Бархатова, Система спряжения глагола в деловой письменности северо-западной Руси XII—XV вв. (на материале новгородских и псковских грамот). Автореферат. Л., 1955.

[148] Ср., например, Е. Т. Черкасова, Служебное слово *бо* и его значение в древнерусском языке. Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. Ленина, т. LVI, Кафедра русского языка, вып. 2, 1948; И. М. Багрянский, История развития семантических функций предлога *в*. Труды Самаркандского гос. объед. пед и учит. ин-та им. Горького, т. VI, 1948; М. Х. Партенадзе, Предложные конструкции в грамотах XVII в. Автореферат, М., 1953, ср. также Труды Батумского гос. пед. ин-та, т. 4, 1954; Е. А. Седельников, Творительный падеж с предлогом *за* в древнерусском литературном языке. ИАН Казахской ССР. Алма-Ата, 1954, № 135. Серия филологии и искусствоведения, вып. 1—2.

Любопытно, что попытка акад. Л. А. Булаховского наметить „общие черты в развитии русского синтаксиса“ (усиление „моментов управления“, „подчиненности предложений“, последовательная „выдержанность конструкций“, более строгая организованность порядка слов и т. п.) лишена историко-хронологической определенности и не может служить основой периодизации развития синтаксического строя русского литературного языка. Она опирается на общее сопоставление „древнерусского“ синтаксиса с современным, при этом грань между разными сравниваемыми синтаксическими явлениями проходит по разным векам. Повидимому, большая часть выделенных синтаксических черт установилась в русском литературном языке конца XVIII — начала XIX вв. (ср. примеры в пунктах 1, 5, 6, 8, 10). Ср. замечания такого рода: „Возможные, напр., в XVIII в. сочетания с нарушенными отношениями зависимости предложений вроде: „...огнь быстрый и жестокий, казалось ему, что разливался по его жилам“ (Вечерние часы, II, 1788 г.) позже почти полностью изживаются“.

„Изживались также в истории русского литературного языка некоторые морфологически неоднородные сочетания, которые были возможны в XVIII и даже в начале XIX в., например, причастных оборотов и относительных придаточных предложений...“.

„Приблизительно с последней четверти XVIII в. (новиковско-карамзинская реформа) и в первой половине XIX в., решительно осуществлялось изживание иноязычных синтаксических конструкций, напр., латинских — типа accusativus (nominativus) cum infinitivo (винительный или именительный с инфинитивом), нередких и в прозе, и в поэзии основоположников русского художественного слова XVIII в.“[149].

Таким образом, в области исторического синтаксиса русского литературного языка до XVIII в. исследовательская работа еще не вышла за пределы первоначального накопления фактов, эмпирических наблюдений над развитием отдельных синтаксических категорий, некоторых форм словосочетания, преимущественно глагольного, типов простого и сложного предложения, над изменениями порядка слов. Значительная часть работ носит чисто описательный характер и говорит вообще о синтаксических особенностях отдельных памятников или об употреблении тех или иных синтаксических конструкций в одном памятнике или группе памятников (в разных списках летописи, в грамотах и других документах делового характера, в Хожении Афанасия Никитина за три моря, в исторических повестях начала XVII в. и т. д.)[150]. В области изучения форм словосочетания особенное вни-

[149] Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку. Радянська школа. 1950, 3-е изд., стр. 368—375.

[150] В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949; А. Д. Ботяков, Синтаксис договора 1229 г. как памятника русского языка. Строение предложения. Автореферат. Ярославль, 1949; В. И. Собинникова, Односоставные предложения во II Псковской летописи. Труды Воронежского гос. ун-та, т. 28. Научные сообщения и авторефераты, 1953; ее же, Способы соединения подлежащего и сказуемого во II Псковской летописи. Там же; В. В. Назаретский, Виды и формы подчинительной связи предложений в Лаврентьевской летописи (Повесть временных лет). Автореферат. М., 1954; Р. В. Алимпиева, Сложноподчиненные предложения в Ипатьевском списке летописи. Автореферат. Куйбышев, 1953; Г. И. Герасимов, Сложноподчиненное предложение в „Письмах и бумагах Петра I“. Автореферат. Л., 1953; Г. П. Уханов, Синтаксис Хожения Афанасия Никитина за три моря. Авто-

мание привлекли способы глагольного управления и разные типы предложных конструкций[151]. В нескольких работах — довольно однообразных, — связанных с изучением именных словосочетаний, освещались способы выражения принадлежности в русском языке на протяжении почти всей его истории[152].

Больше всего внимания уделялось из типов простого предложения — предложениям безличным[153], побудительным[154] и именным (последний тип исследовался больше всего со стороны структуры составного сказуемого)[155].

Изучение вопроса о развитии разных экспрессивно-модальных типов предложения приводит к необходимости выяснить историю вводных слов, словосочетаний и предложений в русском языке[156].

Необходимо отметить также появление работ по вопросу о способах передачи прямой речи в русском литературном языке до XIX в.[157].

Однако больше всего синтаксических исследований было сосредоточено на проблемах развития сложного предложения. Анализ форм и типов сложного предложения в русском литературном языке с XVII в. сопровож-

---

реферат. Калинин, 1952; В. П. Воробьев, Сложносочиненное предложение в русских оригинальных бытовых повестях второй половины XVII в. Ученые записки Саратовского пед. ин-та. Кафедра русской литературы и русского языка, 1948, в. XII; ср. С. М. Кардашевский, Порядок слов в Повести временных лет (по Лаврентьевскому списку). Ученые записки Моск. области. пед. ин-та, т. XII. Труды кафедры русского языка, вып. I, М., 1948; Л. А. Коробчинская, К вопросу о порядке слов в древнерусском языке (по материалам Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку). Автореферат. Львов, 1950.

[151] А. В. Исаев, Глагольное управление в языке Московского летописного свода конца XV в. Автореферат. Л., 1954; О. М. Трахтенберг, Глагольное управление в исторической повести начала XVII в. Автореферат. Куйбышев, 1953. Об именном управлении см. работу: С. Я. Макарова, Родительный падеж принадлежности в русском языке XI—XVII вв. Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. III, 1952.

[152] С. Я. Макарова, Выражение принадлежности в русском языке XI—XVII вв. Автореферат. М., 1952.

[153] См. многочисленные работы Е. М. Галкиной-Федорук, напечатанные в Докладах и сообщениях филол. фак-та МГУ, в Трудах кафедры русского языка МГУ, в Вестнике МГУ, в „Вопросах синтаксиса современного русского языка" и других изданиях. Ср. также А. А. Дибров, Безличные предложения в русской деловой письменности первой половины XVII в. (на материале сборника памятников „Донские дела"). Автореферат. Ростов-на-Дону, 1955; А. М. Смирнова, Безличные предложения в памятниках литературы и деловой письменности XVI в. Автореферат. М., 1955.

[154] М. А. Соколова, Очерки по языку деловых памятников XVI в. Автореферат докторской диссертации, Л., 1952; И. Б. Кузьмина, Употребление глагольных форм в предложениях со значением побуждения в русском языке XI—XVII вв. Автореферат. М., 1951.

[155] А. С. Феоктистова, К истории составного сказуемого в древнерусском языке (на материале некоторых новгородских памятников письменности XI—XVI вв.). Автореферат. М., 1954; Л. В. Соловьева, Именное сказуемое в языке памятников эпохи формирования русского национального языка (вторая половина XVII — начало XVIII в.). Автореферат. М., 1954.

[156] См. В. А. Ицкович, К истории вводных слов, словосочетаний и предложений в русском языке. Автореферат. Львов, 1954. Ср. В. Ф. Шабалина, К вопросу о выражении категории модальности в русском литературном языке. Автореферат. Л., 1955.

[157] А. И. Молотков, Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности XI—XVII столетий. Автореферат. Л., 1952; В. И. Кодухов, Способы передачи чужой речи в русском языке второй половины XVII—XVIII вв. Автореферат. Л., 1953.

дался исследованием истории союзов, принципов их отбора и обобщения, изучением законов осложнения их функций, а также изучением правил соотношения видовременны́х форм глагола в разных частях сложного предложения. Особенно многочисленны и важны в области развития сложного предложения в русском литературном языке до XVIII в. работы проф. Э. И. Каратаевой[158].

Из форм и типов сложного предложения изучались предложения сочинительного типа, особенно с союзом *а*[159], предложения временны́е[160], условные[161], целевые[162], причинные[163], изъяснительные с союзом *что*[164], сравнительные, относительные, определительные и другие[165].

В связи с возросшим интересом к изучению развития форм сложного предложения появляется несколько работ, посвященных проблеме синтаксических функций кратких причастий в истории русского языка[166].

Изучение исторического синтаксиса русского языка пока еще не привело также к выделению каких-нибудь твердых границ между разными периодами синтаксического развития, кроме одной грани: это XVII в., главным образом вторая его половина (или начало XVIII в.), когда более или менее четко вырисовываются свойственные национальному русскому лите-

---

[158] См. Э. И. Каратаева, Союзное подчинение в литературном языке второй половины XVII столетия. Автореферат докторской диссертации. Л., 1951; ср. также работы того же автора: „К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке", Ученые записки ЛГУ. Серия филол. наук, вып. 14, 1949; „Из истории сложного предложения в русском языке". Ученые записки ЛГУ, № 156. Серия филол. наук, вып. 15, 1952; „Союзное подчинение в русском литературном языке второй половины XVII столетия". Вестник ЛГУ, № 8. Серия обществ. наук, 1952; „Временно́е сложноподчиненное предложение". Там же, № 6, 1953.

[159] П. В. Попов, Сочинительные конструкции с союзом *а* в древнерусском языке. Автореферат. Л., 1953.

[160] О. Н. Варварова, Придаточные предложения времени в древнерусском языке. Автореферат. М., 1952; В. Н. Покровский, Предложения с подчинительными временны́ми союзами в памятниках XVI—XVII вв. Автореферат. М., 1954. Ср. И. А. Каламина, Сложноподчиненные предложения с временны́ми союзами в русском литературном языке. Автореферат. Горький, 1955.

[161] Ср. в „Истории древнерусского языка" Л. П. Якубинского, М., 1953; Ср. также В. А. Робинсон (Плотникова), Из истории условных предложений в русском языке. Автореферат. М., 1950.

[162] С. Л. Баженова, Придаточные предложения цели в древнерусском языке (по памятникам XVI—XVII вв.). Автореферат. М., 1954.

[163] Е. Т. Черкасова, Причинные союзы и их значения в старославянском языке. Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР, т. IX, 1954.

[164] С. И. Макарова, Из истории конструкций со словом *что* в русском языке. Автореферат. М., 1952.

[165] Н. А. Широкова, Относительное подчинение в русском литературном языке XVII в. Ученые записки Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 112, кн. 6. Сборник работ кафедры русского языка, 1952; А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. V, 1954; Г. А. Качевская, К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным (по данным памятников русской письменности XVI в.). Там же.

[166] Е. Л. Голубева, Синтаксические функции именных причастий действительного залога в памятниках письменности XVII в. Автореферат. М., 1952; Н. И. Маевская, Синтаксические функции кратких причастий действительного залога в памятниках XI—XV вв. Автореферат. Казань, 1952.

ратурному языку формы и типы сложных предложений с специфическим подбором или отбором союзов и их функций (*потому что, оттого что, если, ежели, когда* и т. п.).

XII

§ 15. Наименее исследованной, пока еще очень бедной обобщениями является историческая лексикология русского литературного языка, особенно с XIV—XVII вв. „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода" акад. С. П. Обнорского открыли дорогу целой серии работ, посвященных анализу лексики и фразеологии отдельных памятников древнерусского языка XII—XV вв., начиная с исследования проф. Ф. П. Филина о лексике Повести временных лет. Сюда относятся исследования лексики Послания Даниила Заточника, фреазеологии Поучения Владимира Мономаха, терминологии Русской правды, фразеологии новгородских договорных грамот XIII—XIV вв., лексики московских грамот XIV—XV вв., смоленских грамот XII—XIV вв., Псковской судной грамоты, Уральской грамоты, разных летописей, писцовых книг, челобитных Пересветова, посланий Ивана Грозного и т. п.[167].

---

[167] Напр. А. Н. Шиловский, Лексический состав „Послания" Даниила Заточника. Автореферат. М., 1953; В. Л. Архангельский, Фразеология „Поучения" Владимира Мономаха. Автореферат. М., 1950; В. Н. Туркин, Терминологическая лексика Русской Правды. Автореферат. М., 1953; К. И. Ходова, Наблюдения в области состава древнего славянского памятника („Житие Нифонта" в русском списке 1219 г.). Автореферат. М., 1952; Г. А. Селиванов, Фразеология новгородских договорных грамот XIII—XIV вв. Автореферат. Саратов, 1953; О. В. Горшкова, Язык московских грамот XIV—XV вв. (лексика и фразеология). Автореферат. М., 1951; С. Г. Капралова, Из наблюдений над словарным составом Псковской судной грамоты. Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, т. XXXIII. Кафедра русского языка, вып. 3, М., 1954; Н. С. Бондарчук, Лексика северодвинских грамот XIV—XV вв. Автореферат. М., 1955; С. М. Успенский, Язык смоленских грамот XII—XIV вв. Филол. сб. Смоленского обл. краевед. научно-исслед. ин-та, 1950; В. Л. Виноградова, Сравнительный анализ лексики Слова о полку Игореве и Задонщины. Автореферат. М., 1953; А. А. Горбунова, Описание Уральской грамоты XVII в. (исследование языка). Автореферат. М., 1952; М. К. Давыдова, Лексика Повести о Горе-злочастии. Автореферат. Л., 1953; В. Н. Рогова, Лексика челобитных И. С. Пересветова. Автореферат. Л., 1953; М. И. Помигалова, Лексика посланий Ивана Грозного (синонимика имен существительных). Автореферат. Л., 1954; Л. Л. Кутина, Лексика исторических повестей о смутном времени Московского государства (из истории русского литературного языка XVII в.). Автореферат. Л. 1953; Н. В. Юстратова, Лексика „Сказания" Авраамия Палицына. Праці Одес. держ. ун-ту ім І. І. Мечникова, т. VIII, 1949; В. Н. Прохорова, Бытовая лексика в языке московских памятников второй половины XVII в. М., 1953; С. А. Мартьянова. Лексика писцовых книг г. Казани (XVI—XVII вв.). Ученые записки Казанского гос. ун-та, т. 112, кн. 6, 1952; М. А. Соколова, Очерки по языку деловых памятников XVI в. Автореферат докторской диссертации. М., 1952; ее же, Из истории слов основного словарного фонда русского языка. Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, 1952, вып. 2; О. Г. Порохова, Лексика сибирских летописей XVII в. Автореферат. М., 1952; В. Н. Шорохова, Наблюдения в области словарного состава „Жития" Аввакума. Автореферат. М., 1953; В. П. Фелицына, Лексика русских пословиц XVII в. Автореферат. Л., 1952; С. М. Глускина, Общественная терминология в космографии 1637 г. Ученые записки Псковского гос. пед. ин-та им. С. М. Кирова, 1954, вып. 2; А. М. Бабкин, Лексика „Книги о скудости и богатстве" Посошкова. Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена, т. IX, 1948; М. Ф. Тузова, Русская военная лексика второй половины XVII — первой половины XVIII в. Автореферат. М., 1955.

Однако все это — лишь материалы, и притом не полные, не всегда достаточно ясно и глубоко систематизированные, для исследования закономерностей развития словарного состава древнерусского литературного языка в его разных типах. Характерно, что за истекшее десятилетие почти совсем не было работ, изучающих развитие церковнославянских лексических элементов на русской почве XII—XVI вв.[168] Сделаны разведки в области исследования диалектно-словарных вариаций письменной речи в до-московской Руси (Ф. П. Филин, П. Я. Черных и др.). Предпринимались попытки уяснить лексические расхождения в письменном языке трех восточнославянских народностей в XIV—XVI вв. (О. В. Горшковой, „Язык московских грамот XIV—XV в."; В. Ф. Кривчик, „Словарный состав белорусских переводных повестей второй половины XVI в." и др.). В этой сфере дело пока еще свелось только к указанию небольших дифференцированных групп слов или к поискам отдельных слов, которые составляют характерную особенность письменного языка белорусской, великорусской или украинской народности.

Представляют большой интерес усилившиеся за последние годы исследования лексики русского литературного языка XVI—XVII вв. — переходного периода, когда начали определяться контуры национального русского литературного языка. Сюда относятся работы проф. Б. А. Ларина по изучению Парижского словаря 1586 г., записей Ричарда Джемса и „Русской грамматики" Генр. Вильг. Лудольфа[169], исследования по лексике памятников XVII в. (Н. В. Юстратовой и Л. Л. Кутиной), по лексике повести о Горе-злочастии, Сборника пословиц XVIII в. (В. П. Фелицыной) и другие подобные.

Все же остается показательным тот факт, что если в исследованиях развития национального русского литературного языка в XVIII, XIX и XX вв. преобладают лексико-фразеологические интересы — в ущерб историко-грамматическим, то история древнерусского литературного языка до XVII в. в настоящее время еще недалеко вышла за пределы исторической грамматики, главным образом исторической морфологии. Несмотря на общее признание плодотворности выдвигаемого в советском языкознании понятия основного словарного фонда, у нас еще не появилось глубоких историко-лексикологических исследований, посвященных анализу общевосточнославянской лексики древнейшего периода и закономерностям ее последующего развития или изучению активного старославянского словарного наследия в составе древнерусского литературного языка или исследованию лексических традиций древнего Киева и Новгорода в языке московской письменности XIV—XVI вв. Поиски исторических законов семантических взаимодействий книжно-славянских и народно-русских элементов[170], в том числе

[168] Ср., впрочем: К. И. Ходова, Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника („Житие Нифонта" в русском списке 1219 г.). М., 1952.

[169] Б. А. Ларин, О записях иностранцев как источнике по истории русского языка. Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филол. наук. 1946; его же, Три иностранных источника по истории русского языка XVI—XVII вв. Доклады и сообщения Ин-та русского языка, вып. 1, 1948; Парижский словарь московитов, 1586. По рукописи Парижской нац. б-ки (Collection Dupuy № 844, Fol. 418—423). Перевод, исследования и комментарий Б. А. Ларина, Рига, Латв. ун-т, 1948.

[170] Е. Т. Черкасова, О взаимодействии русских народных и церковнославянских элементов речи в русском литературном языке до-ломоносовского периода (полногласная и неполногласная лексика). Сб. „Материалы и исследования по истории русского литературного языка". Т. II, 1951.

и разнодиалектных, — на ближайшее время основная задача изучения истории литературной лексики с XI — по середину XVIII в.

Не вполне ясным является ход, направление и развитие связей и взаимодействий в области лексики русского литературного языка с украинским, белорусским и польским языками[171].

Чрезвычайно важно также уяснить последовательность внедрения разных диалектных волн в словарный состав русского литературного языка в разные периоды его развития. В этом аспекте изучение изменений в лексике московской письменно-деловой речи XV—XVII вв. могло бы принести большие результаты. Кроме того, приходится сожалеть об отсутствии исследований по сравнительно-исторической лексикологии славянских литературных языков.

По отношению к изучению грамматического строя и словарного состава русского литературного языка в их специфике сохраняет всю свою силу принцип сравнительно-исторического исследования. Сравнение процессов развития русского литературного языка с аналогичными процессами и явлениями в других славянских литературных языках может привести к очень важным выводам и обобщениям.

§ 16. Некоторое оживление исследований по исторической лексикологии древнерусского литературного языка связано с усилением разработки проблем исторического словообразования.

Изучение истории форм и типов словообразования имен существительных и прилагательных в русском литературном языке XI—XVII вв. пока еще не привело к точным конкретно-историческим обобщениям. Правда, более или менее определились сроки возникновения и активизации отдельных суффиксов (напр., *-щик*, *-чик*, *-щина*, *-лив*, *-чив-* и нек. др.); более отчетливо вырисовались сферы действия разных суффиксов и развитие их функций в разные периоды истории русского языка (напр., суффикс *-тель*, первоначально продуктивный лишь в среде книжно-славянского типа языка, с XVII в. получает более широкое употребление; изменяются, особенно при усилившемся взаимодействии в XVII в. русского и украинского литературных языков, правила сочетания суффикса *-ость* с основами имен прилагательных и причастий и другие подобные)[172].

---

[171] Ср. В. М. Тамаинъ, О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII вв. Автореферат. Л., 1953.

[172] См., напр., следующие работы: Н. М. Шанский, К истории некоторых слов на *-ость*. Ученые записки Рязанского пед. ин-та, № 8, Фак-т языка и литературы. Рязань, 1949; С. И. Лобанов. Из истории имен существительных с агентивным аффиксом *-щик* (XIV—XVII вв.) Автореферат. М., 1950; Л. Н. Булатова, Отглагольные существительные на *-ье*, *-тье* в русских говорах. Автореферат. М., 1953; В. Л. Воронцова, Словообразование существительных со значением действующего лица в древнерусском языке. Автореферат. М., 1953., е е ж е. Образование существительных с суффиксом *-тель* в древнерусском языке. Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. V, 1954; Г. И. Рожкова, Из истории уменьшительных образований существительных в русском языке. Автореферат. М., 1950; В. М. Прилипко, Из истории русского словообразования. (Образования на *-ие*, *-ие* и их производные в русском языке). Наук. записки Житомирськ. держ. пед. ін-ту ім. І. Франка, т. 1, 1950; В. Д. Романовская. Образование относительных прилагательных в древнерусском языке (на материале Радзивиловской летописи). Труды Ин-та языкознания АН СССР, М., 1954, т. 3; Г. М. Макеева, Приставочно-суффиксальное образование прилагательных (на материале памятников XVII в.). Автореферат. М., 1954; В. Д. Романовская, Словообразование прилагательных в древнерусском языке (на материале Радзивиловской летописи). Авто-

В историческом изучении процессов словообразования по отношению к русскому литературному языку донациональной эпохи сделаны лишь первые шаги. Еще нет в области изучения вопросов как суффиксально-именного, так и префиксально-глагольного словообразования ни одной работы, в которой были бы открыты частные закономерности развития отдельных словообразовательных категорий в системе той или иной части речи на протяжении всего процесса развития русского литературного языка.

Само собой разумеется, что изучение исторического словообразования глаголов отстает от изучения словообразования существительных и прилагательных. У нас еще нет таких исследований, в которых были бы раскрыты исторические закономерности изменений словообразовательных функций глагольных приставок, даже отдельных их разрядов — в широкой сравнительно-исторической перспективе. Не все еще ясно и в истории возникновения и развития разных типов суффиксальных образований глаголов (напр., посредством суффикса *-а-*, *-ива-*, *-ыва-* и других подобных)[173].

Таким образом, основные цели и задачи изучения исторических законов русского словообразования не только пока еще не осуществлены, но во всей своей глубине и широте даже не определены. Понятно, как важно установить различия в приемах и тенденциях словообразования по диалектам и раскрыть пути и периоды проникновения в литературный язык словообразовательных диалектизмов (типа: *светоч*; ср. области. *светыч*; *синева*; *кишеть* и другие подобные).

В сфере словообразования особенную важность приобретает сравнение с аналогичными категориями и явлениями в других славянских языках.

XIII

§ 17. Разносторонность и интенсивность изучения русского языка объясняется не только глубоким интересом и любовью к этому великому и родному для советского общества языку, но и наличием очень многочисленного и все возрастающего количественно коллектива специалистов-русистов.

Объем и размах исследований по другим восточнославянским литературным языкам несколько ограниченнее. Но и в этих областях славяноведческого исследования работа не стоит. Об этом можно судить даже на основе очень общих и по необходимости очень кратких характеристик современного

реферат. М., 1953; М. В. Федорова, Суффиксальные существительные в „Книге о скудости и богатстве" И. Т. Посошкова. Автореферат. М., 1953; Е. В. Авдошенко, Суффиксы имен существительных в языке сочинений М. В. Ломоносова. Автореферат. М., 1954; В. Д. Иванов, Система суффиксального словообразования в „Хожении" Аф. Никитина, Ученые записки МГУ, вып. 137-й. Труды кафедры русского языка, кн. 2, 1948; Т. В. Собанская, Типы сложных прилагательных в языке русской письменности (XI—XVIII вв.). Автореферат. Ростов-на-Дону, 1954; О. М. Докинова, Субстантивация прилагательных и причастий в древнерусском языке (на материале некоторых памятников XIV—XVII веков). Автореферат. М., 1953; М. Л. Попова, Категория собирательности имен существительных в древнерусском языке. Автореферат. Л., 1955, и др. вод.

[173] Е. И. Самохвалова, Функции глагольных приставок в Лаврентьевской летописи. Автореферат. Л., 1953; Г. И. Колеватова, Префиксальные имена существительные, соотносящиеся с глаголами (на материале Повести временных лет по Лаврентьевскому списку). Автореферат. Л., 1954; А. Г. Волков, Классы глаголов древнерусского языка старшей поры (XI—XIV вв.) в их отношении к словообразованию. Автореферат. М., 1952.

состояния исследований в области истории украинского и белорусского литературных языков.

Вслед за изучением русского языка наиболее широко развернулось изучение украинского литературного языка. Кроме подготовки „Українського правопису" под руководством акад. Л. А. Булаховского, кроме обобщающих трудов по грамматике современного украинского языка (ср. Курс сучасної української літературної мови, 1—2 т.), важных работ по созданию новых украинско-русского и русско-украинского словарей, следует отметить многочисленный ряд исследований по языку украинской художественной литературы XIX и XX вв., по языку Шевченко (Л. А. Булаховского, В. С. Ващенко, В. С. Ильина, Т. В. Зайцевой и др.), по языку Котляревского (П. П. Плюща), Панаса Мирного, Ив. Франко и других выдающихся украинских писателей.

Проф. И. К. Белодедом написаны большая монография о развитии языка украинской художественной литературы преимущественно послевоенного периода (1945—1950) [174] и большое количество статей о языке отдельных советских украинских писателей. Все эти исследования являются подготовительными работами по созданию обобщающей истории украинского литературного языка. Этот замысел близок к завершению. Значительным вкладом в осуществление этого большого замысла являются работы акад. Л. А. Булаховского, входящие в „Історичний комментарій до української літературної мови" (Ученые записки Киевского гос. ун-та, 1946, т. V, вып. 1 и 2; 1947, т. VI, в. 1; Мовознавство, 1950, т. VIII; 1951, IX; 1952, X и др.).

Исследованию вопросов украинского словообразования посвящена монография В. С. Ильина „Нариси з українського словотвору. Префікси" (1954). Следует особенно выделить исследование Л. А. Булаховского „Питання походження української мови", в котором вопрос о происхождении и развитии украинского языка тесно связывается с развитием других языков восточнославянской группы. Ведутся работы по составлению „Словаря языка Шевченко" и „Словаря украинских синонимов".

Широко освещен вопрос о полтавско-киевском диалекте как основе украинского национального языка.

Таким образом, трудами украинских языковедов расчищены и исследованы пути развития украинского национального литературного языка в XVIII, XIX и XX вв. Кроме того, ими проделана значительная работа по изучению исторической грамматики древнейших периодов развития украинского языка, особенно XIII—XVII вв.[175].

Гораздо менее значительны достижения в области исследования истории белорусского литературного языка. Одной из основных задач изучения истории белорусского литературного языка было выяснение его народно-диалектной базы. Появилось несколько работ, в которых доказывается, что диалектную основу белорусского литературного языка образуют центральные белорусские говоры, хотя в белорусском литературном языке обнаружива-

[174] І. К. Білодід, Питання розвитку української радянської художньої прози (переважно післявоєн. періоду, 1945—1950 рр.). Київ, 1955.

[175] См., напр., С. П. Бевзенко, Студії над синтаксисом українських літописів XVII століття, Одесса, 1950; Т. С. Ярмоленко, Сложноподчиненное предложение в памятниках деловой украинской письменности XVI в. (придаточные определительные и придаточные дополнительные предложения). Автореферат. Киев, 1955.

ются черты, свойственные и другим диалектам. Впрочем, само понятие — центральные говоры — требует географического уточнения[176]. Кроме новой постановки вопроса о диалектной базе белорусского литературного языка (Н. Т. Войтович), кроме отдельных статей по исторической грамматике, между прочим и по историческому синтаксису белорусского языка XVI—XIX вв., а также по языку крупнейших белорусских писателей XIX и XX вв.[177], здесь трудно указать какие-нибудь широкие и значительные исследовательские работы, выходящие за пределы грамматического изучения отдельных явлений и диалектологического исследования говоров белорусского языка.

Однако изучение грамматического строя и словарного состава современного белорусского языка привело к созданию научной грамматики современного белорусского языка и очень ценного „Русско-белорусского словаря" (1953).

XIV

§ 18. Необходимо отметить, что интерес к исследованию русского литературного языка (а также и других литературных языков народов Советского Союза и зарубежных) тесно связан с сознанием глубокой принципиальной, теоретической важности проблемы образования и развития литературных языков для разработки основ общего марксистского языкознания. Отделение литературы и языка АН СССР выдвигает эту проблему как одну из центральных проблем советского языкознания на ближайшие годы. Ведь именно в области изучения литературных языков, их истории, процессов их образования и развития обозначилось больше всего до сих пор непреодоленных трудностей, противоречий и недоразумений, начиная с многозначности и неопределенности в употреблении самого термина — „литературный язык". Между тем изучение литературного языка приводит одновременно в движение и изучение таких явлений, как „диалекты", „жаргоны", с одной стороны, „разговорный язык", „письменный язык" — с другой, речевой и литературный стиль — с третьей. Изучение литературного языка теснейшим образом связано с изучением литературы и шире — всей культурной истории народа. С литературным языком сопряжены такие явления культуры, как письменность, наука и художественная литература. Широкий круг исторических задач и теоретических обобщений, относящихся к проблеме закономерностей развития литературных языков и основанных на марксистской концепции развития народа и его языка в связи с историей народа, нуждается в дальнейших углубленных исследованиях (особенно, с учетом всего того, что сделано в мировом языкознании) — применительно к разным языкам мира и к разным историческим условиям их развития.

---

[176] См. Н. Т. Войтович, О диалектной основе современного белорусского литературного языка. Вопросы языкознания, 1954, № 4; П. Н. Гапанович, К вопросу о народно-диалектной основе современного национально-литературного языка (Говоры Минского района Минской области). Автореферат. Минск, 1954; Ю. Ф. Мацкевіч. Важнейшыя пытанні беларускай дыялекталогіі. Працы Ін-та мовазнаўства АН БССР, вып. II, Минск, 1954. Ср. также: Е. И. Коренейчик, Экономические предпосылки формирования белорусской буржуазной нации. Вопросы истории, 1955, № 8.

[177] См. А. М. Базыленко, Роль Якуба Коласа в развитии белорусского литературного языка. ИАН БССР, 1952, № 6.

В. И. БОРКОВСКИЙ

РАЗРАБОТКА СОВЕТСКИМИ УЧЕНЫМИ ВОПРОСОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ И ДИАЛЕКТОЛОГИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ (В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ)

Разработка советскими учеными вопросов исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков все более определенно показывает ту тесную и органическую связь, которая имеется между историей языка и диалектологией, так как в настоящее время все большее и большее количество проблем истории языка, относящихся к истории формирования данного языка и разных сторон его строя, решается на основе показаний современного языка, взятого во всей совокупности его говоров, в сочетании с данными памятников письменности, дающими нам представление о развитии языка в прошлом.

Сказанное не означает, что тем самым снимается вопрос о самостоятельных задачах и о самостоятельной проблематике для каждой из этих двух областей. В области диалектологии наличие этого рода самостоятельных задач и проблем выступает, например, особенно ярко в связи с тем интенсивным развитием лингвистической географии, которое наметилось в последнее десятилетие, когда развернулась в широких масштабах работа по подготовке атласов: русского языка (двенадцать атласов), украинского (четыре), белорусского (один). Языковедческие институты Академии наук СССР, Академии наук УССР и Академии наук БССР выступают в этой работе в качестве ее научных руководителей и организаторов, объединяя вокруг себя работающие по единому с ними плану языковедческие кафедры университетов, педагогических и учительских институтов страны.

В решении ряда принципиальных и методических вопросов, связанных с работой над диалектологическими атласами русского языка, имелись в свое время весьма существенные расхождения между представителями „нового учения" о языке и их идейными противниками. Первые пытались направить работу над атласами по ложному пути, делая это с позиций отрицания диалекта как системы, исходя из того, что современные говоры представляют собой сумму напластований, отражающих результаты былого скрещения языков и взрывов, которые имели место в процессе развития языка. Эти установки и складывавшаяся на их основе методика диалектологического исследования получили отражение, в частности, в „Лингвистическом

атласе района озера Селигер", составленном М. Д. Мальцевым и Ф. П. Филиным (атлас вышел в свет в 1949 г.). Подробная критика этих и других работ представителей „нового учения" о языке в области лингвистической географии имела место в свое время, и на ней можно специально не останавливаться[1].

Основные принципы и конкретная методика изучения диалектных данных, на основе которых проводилось и проводится в настоящее время собирание материалов для диалектологического атласа русского языка, определены в „Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка"[2], снабженной вступительными и инструктивно-методическими статьями, составленными Р. И. Аванесовым и В. Г. Орловой. Эта „Программа" с 1945 г. стала обязательной для всех членов всесоюзного коллектива, работающего по подготовке атласа. В дальнейшем вопросы методического характера освещались в „Бюллетене диалектологического сектора Института русского языка Академии наук СССР"[3].

Одной из основных установок, сказавшихся при разработке вопросов этой „Программы", как и составляемых в дальнейшем карт диалектологических атласов русского языка, является установка на выяснение, а в дальнейшем и на картографирование целостных языковых явлений (система предударного вокализма, система образования основ у глаголов определенных классов или групп, система флексий тех или иных существительных и т. д.). При изучении и картографировании явлений учитываются связи, имеющиеся у данного явления, с системой, взятой в целом, связи фонетических явлений с морфологическими и лексическими, лексических с фонетическими и т. п.

Проводимое наряду с этим картографирование отдельных слов и единичных фактов языка, взятых со стороны их звучания или образования или других каких-нибудь точек зрения, всегда строится с учетом отношений этих единичных фактов к целостным явлениям, что нередко бывает показано и на соответствующей карте при помощи дополнительных обозначений. Таким образом опровергается широко распространенное мнение, что лингвистической географии чужд подход к языку как системе, что она занимается картографированием частных явлений.

Важное методическое положение заключается также и в том, что весь диалектологический материал для атласов русского, украинского и бело-

[1] Р. И. Аванесов, Новое учение о языке и лингвистическая география, Сб. „Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании", ч. I, М., 1951; В. Г. Орлова, Работы диалектологов марровского направления. Там же.

[2] См. издание этой программы: Ярославль, 1945, М.—Л., 1947.

[3] Р. И. Аванесов, Вопросы методики наблюдений над говорами. Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР, вып. 2, М.—Л., 1948; П. С. Кузнецов. К вопросу о качестве безударных гласных не первого предударного слога в акающих говорах. Там же; С. С. Высотский, Обзор материалов по составлению VI тома Диалектологического атласа русского языка. Там же, вып. 3, М.—Л., 1948; В. Г. Орлова, Подготовка студентов к экспедиции. Там же; Ф. П. Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису. Там же, вып. 4, М.—Л., 1948; Р. И. Аванесов, Вопросы методики наблюдений над говорами. Там же; С. С. Высотский, Обзор диалектологических материалов по X тому Диалектологического атласа русского языка. Там же; С. В. Бромлей, Наблюдения над ударяемыми гласными при собирании материалов по „Программе". Там же, вып. 5, М.—Л., 1949.

См. также статью С. С. Высотского „Методы изучения диалектов". Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, вып. 6, М., 1954.

русского языков собирается путем организации непосредственных наблюдений над повседневной речью типичных представителей данного говора. Материалы, получаемые таким методом, значительно выше по качеству тех, которые могут быть получены, например, от местных корреспондентов.

В настоящее время печатаются два атласа: „Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" (редактор Р. И. Аванесов), в котором картографированы данные по 938 населенным пунктам, и „Атлас русских народных говоров северо-западных областей СССР" (редакторы В. И. Борковский и С. С. Высотский), в котором картографированы данные по 287 населенным пунктам. В каждом атласе представлено около 250 лингвистических карт с сопроводительными статьями к каждой из них, а также вступительные статьи, справочные и библиографические материалы.

Некоторые данные по предварительным итогам проведенного картографирования появлялись в печати[4].

Заканчивается составление двух следующих атласов: „Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы" на материале о говорах 760 населенных пунктов и „Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР" на материале о говорах 550 населенных пунктов.

Экспедиционная работа идет также и на ряде еще не картографируемых территорий, в связи с чем в Институте языкознания с каждым годом возрастает количество материалов, собранных по „Программе" при подготовке атласов. Эти материалы широко используются при подготовке диссертаций и других научных работ.

На Украине работа по подготовке атласов, проводимая под руководством Института языкознания им. А. А. Потебни, особенно активизировалась с 1948 г., когда была утверждена „Программа для збирання матеріалів до Діалектологічного атласа української мови".

В 1955 г. будет закончено собирание материалов для всех четырех томов атласа украинского языка (северных, западных, восточных и южных украинских говоров). Составлен также ряд карт. Следует отметить, что работа по сбору материалов для атласа западных украинских говоров координируется с соответствующей работой, проводимой Чехословацкой Академией наук.

Подготовка к составлению однотомного диалектологического атласа белорусского языка началась в 1946 г. Институтом языкознания Академии наук БССР с помощью кафедр белорусского языка высших учебных заведений (университета, педагогических, а также учительских институтов) обследованы говоры всех намеченных населенных пунктов. Составлен проспект диалектологического атласа белорусского языка, весьма успешно идет составление лингвистических карт.

Работа над атласами восточнославянских языков необычайно расширила и обогатила наши сведения о говорах этих языков. Сведения о многих

[4] Р. И. Аванесов, Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей. Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка (ИАН СССР, ОЛЯ), т. XI, вып. 2, 1952; его же, Лингвистическая география и история русского языка. Вопросы языкознания, № 6, 1952; Т. Ю. Строганова, Одна из особенностей южновеликорусского вокализма. Вопросы языкознания, № 4, 1955.

диалектных явлениях, о реальных закономерностях их существования, развития и территориального распространения впервые поступают в широких масштабах в научный обиход. Таковы данные о распространении в русских говорах диссимилятивного аканья и яканья, звуках *ê*, *ô*, дифтонгах *у͡о*, *и͡е* и *о͡у*, *е͡и* под ударением, о так называемом непереходе *е* > *о*, о разных системах распространения глагольных форм без окончания, об утрате категории среднего рода и многие другие.

Таковы сведения о произношении в украинских говорах согласных перед гласным *и*, о проявлении в современной звуковой системе этимологически разных звуков *и* и *ы*, об образовании глагольных форм в различных диалектах и др.

Ценный материал собран о важнейших чертах белорусского консонантизма — дзеканье и цеканье, о глагольных формах в белорусских говорах.

Накоплены данные, на основе которых могут быть внесены поправки в существующую классификацию говоров восточнославянских языков.

На очереди — разработка вопроса об интерпретации изоглосс составляемых атласов (постановку этого вопроса см. в упомянутой выше статье Р. И. Аванесова „Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей"). Сопоставление границ языковых явлений с границами древних племен и феодальных образований откроет широкие возможности для исследования связи истории языка и истории народа, хотя следует подчеркнуть, что соответствие границ того и другого рода является далеко не непосредственным, в связи с чем вопрос об интерпретации изоглосс в ряде случаев будет весьма сложным.

Параллельно с работой в области лингвистической географии советские лингвисты немало внимания уделяли монографическому описанию отдельных говоров и их групп. Работы этого рода не противопоставляются нашими диалектологами работам в области лингвистической географии. Подход к говору как к определенной системе, а в известном смысле слова как к „системе систем" выражается при монографическом изучении и описании говора в том, что исследователи стремятся учесть и охватить все стороны системы описываемого говора в их реальном взаимодействии, а не одни лишь его „особенности", на которых строились традиционные диалектологические описания. В частности, при описании фонетической системы все более укрепляется подход к звуковому строю как к системе фонем.

Образцами описаний говоров подобного типа можно считать некоторые работы, вышедшие в 40-х гг. в издании „Материалы и исследования по русской диалектологии"[5]. В лучших из числа подготовленных за последнее время кандидатских диссертаций требование подобного всестороннего описания системы говора выполняется независимо от того, ограничивает ли автор свою задачу подобным углубленным описанием системы говора[6], или стремится показать связь современного состояния этой системы с историей

[5] Р. И. Аванесов, Очерки диалектологии Рязанской мещеры. Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I, М.—Л., 1949; В. Н. Сидоров, Наблюдения над одним из говоров Рязанской мещеры. Там же; П. С. Кузнецов, О говорах верхней Пинеги и верхней Тоймы. Там же; В. Г. Орлова, О говоре с. Пермас. Там же; С. С. Высотский, О говоре д. Лека. Там же, т. II. М.—Л., 1949.

[6] О. Г. Гецова, Говор села Катагощи (Захаровского р-на Рязанской обл.). Автореферат, М., 1952.

говоров[7]. В некоторых диссертационных работах задача указанного типа осложняется еще показом основных этапов развития, пройденных той или иной группой говоров[8], и постановкой проблем исторической диалектологии, как это имеет место, например, в докторской диссертации С. И. Коткова.

Монографии являются необходимым подспорьем в деле интерпретации карт атласа и дальнейшего изучения закономерностей развития тех или иных явлений; в свою очередь, выход в свет атласов русских народных говоров даст монографическому их изучению серьезнейшую опору.

Наряду с работами, в которых представлены определенные и небезрезультатные попытки подлинно монографического изучения говоров с учетом их развития и связей истории языка и истории народа, имеются отдельные работы, авторы которых не осуществили охарактеризованных выше современных требований к монографическому описанию.

Кроме того, следует отметить, что монографии, посвященные отдельным говорам или их группам, строятся обычно на материале фонетики и морфологии. Именно в этих областях и имеются известные успехи, связанные с осуществлением принципа всестороннего описания системы того или иного говора, изученной в развитии, во взаимодействии разных ее сторон в связи с историей носителей этих говоров.

В области изучения лексики и синтаксиса подобных достижений не наблюдается. Лексические данные приводятся в ряде диссертаций. Отдельные диссертационные работы специально или главным образом посвящаются изучению лексики говоров[9], но ценность этих работ преимущественно заключается в представленном материале, систематизированном по смысловому принципу, иногда с учетом моментов этнографического характера. Метод изучения лексической системы говора еще не создан. Одной из крупнейших очередных задач является интенсивное собирание словарного материала, разработка программы для обследования словаря русских народных говоров и переход к составлению областного словаря современного русского языка, так как имеющиеся областные словари как более общего, так и более частного характера не могут нас удовлетворить в ряде отношений.

---

[7] О. Н. Мораховская, Говоры Мещерского края (фонетика, морфология). Автореферат. М., 1951; Т. Ю. Строганова, Говоры междуречья Оки — Клязьмы (фонетика, морфология, лексика). Автореферат. М., 1950; ср. выполнение аналогичной задачи: Г. В. Шайтанова, Говоры по верхнему течению р. Костромы. Автореферат. Говоры по северной границе аканья в Костромской обл. М., 1952.

[8] С. И. Коткова, Говоры Орловской области. Автореферат докторской диссертации. Орел, 1952; ср. опубликованные части данной работы того же автора: Из истории изучения орловских говоров. Ученые записки Орловского гос. пед. ин-та, т. V, вып. 2. 1951; Говоры Орловской области со стороны их вокализма. Там же, стр. 58—124; Заметки по консонантизму курско-орловских говоров. Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, вып. II. М., 1952. Ср. также: В. В. Иванова, Из истории говоров северо-западного Подмосковья. Автореферат. М., 1953; Л. Э. Калнынь, Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Автореферат, М., 1952; К. А. Федорова, К истории говоров западного Подмосковья. Автореферат. М., 1951.

[9] В. А. Сенкевич, Говор Парабельского р-на, Томской обл. Автореферат. Томск, 1950; Э. В. Глазырина, Словарный состав говора Полевского р-на Свердловской обл. Автореферат. М., 1952; М. Н. Шабалина, Русские говоры на юго-востоке Кубани. Автореферат. М., 1952.

По синтаксису русских народных говоров опубликован ряд статей[10], написано несколько кандидатских диссертаций[11], из которых наибольший интерес представляет диссертация Л. М. Лосевой, рассматривающая как сложносочиненное, так и сложноподчиненное предложение в курских говорах.

Однако все это лишь первые шаги на пути всестороннего изучения синтаксиса русских народных говоров.

Вот почему следует отметить выход в свет в 1953 г. интересной монографии А. Б. Шапиро „Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения". Работа построена на большом и разнообразном материале, в ней исследовано и сложное и простое предложение. Следует особо отметить ценность глав, посвященных употреблению в говорах частиц и вводных слов и предложений.

Из учебных курсов по русской диалектологии заслуживают быть отмеченными опубликованные в 1949 г. „Очерки русской диалектологии" Р. И. Аванесова (т. 1). Автор книги имел возможность использовать диалектные данные послереволюционного периода, в том числе и собранные им лично.

Центральное место в „Очерках" как по объему, так и по значению занимает отдел фонетики, детально разработанный на большом материале и своеобразный по методу изложения. Здесь приводится большое количество нового фактического материала, а также объяснений и соображений автора по поводу этих фактов. Таково уточнение и детализация типов яканья, описание говоров, где отсутствует так называемый переход *е>о*, описание разновидностей долгих шипящих по говорам, освещение некоторых вопросов заударного вокализма и др.

В этом отделе автор осуществляет свой давний замысел[12] — построить общую фонетическую систему современного русского языка в целом, включая его диалекты, т. е. выделяя как общие, так и различительные признаки этой системы.

Фонетический раздел книги сыграл значительную роль в укреплении подхода к звуковой стороне языка как целостной системе. Он оказал также положительное влияние на повышение культуры диалектологических описаний и диссертаций по диалектологии.

Главы „Методы изучения диалектов" и „Лингвистическая география" обобщали опыт работы по подготовке атласов русских народных говоров, развернувшейся в советский период, и давали ряд ценных указаний, на-

[10] См., в частности: Ф. П. Филин, Из наблюдений над синтаксисом северо-западных говоров. Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена, т. XIX, Л., 1948; В. И. Собинникова, Синтаксические особенности говоров Гремяченского р-на Воронежской области (Материалы по синтаксису южновеликорусского наречия). Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, вып. 4, М., 1953; В. В. Палагина, Синтаксические особенности говора западной части Томской области. Ученые записки Томского гос. ун-та, т. 19, 1954.

[11] В. А. Иванова, Простое предложение в говорах Брасовского района Брянской области. Автореферат. Л., 1953; Л. М. Лосева, Организация сложного предложения в курских говорах. Автореферат. Киев, 1953; Н. М. Мешковская, Синтаксические явления в мордовских говорах Тамбовской области. Автореферат. М., 1950.

[12] См. статью того же автора: Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка (ИАН СССР, ОЛЯ, т. VI, вып. 3, 1947), в которой Р. И. Аванесов поднимает вопрос о правомерности и реальности построения общей фонетической системы современного русского языка, включая его диалектные разновидности, и отвечает на него положительно.

правлявших диалектологов в их практической работе по пути, намеченному в „Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка".

В книге имеются и малосодержательные, не связанные с исследованием материала главы: „Лексика", „Типы описаний диалектов", „Языковые процессы современной деревни". Последняя глава написана не без влияния „нового учения" о языке, проявляющегося, обычно в замечаниях декларативного характера, и в других частях книги.

Подводя итоги изучению русских говоров, можно сказать, что общий уровень развития диалектологии русского языка и темп накопления диалектных данных обеспечивают дальнейшую разработку основных проблем исторической диалектологии русского языка и истории его фонетического, грамматического и лексического строя.

Такой же итог мы вправе подвести и в отношении украинской и белорусской диалектологии.

О масштабах работы украинских диалектологов свидетельствует, в частности, факт выхода в свет в 1949—1955 гг. пяти выпусков специального издания Института языкознания АН УССР „Діалектологічний бюлетень", в которых опубликован ряд статей по украинской диалектологии. Наибольшее внимание в работах украинских диалектологов уделено вопросам фонетики и морфологии, в меньшей степени затронуты лексика и синтаксис.

Из описаний говоров следует отметить статью И. Г. Чередниченко „Деякі особливості говірок Ужгородської округи, Закарпатської області"[13], где дана предварительная характеристика украинских говоров, находившихся в своеобразных условиях развития, статью О. С. Мельничука „Південноподільська говірка с. Писарівки (Кодимський район Одеської області)"[14], в которой выявлен ряд особенностей в фонетике и лексике говора, не известных в диалектологической литературе, и др.

Статья Ф. Т. Жилко „Перехідні говірки від української до білоруської мови в північно-західних районах Чернігівщини"[15] представляет интерес в плане изучения вопросов взаимоотношения близкородственных славянских языков. В своей работе автор пришел к выводу, что изученные им говоры, которые относились к говорам белорусского языка, по целому ряду фонетических и морфологических черт сближаются с северо-украинскими.

Специально вопросам синтаксиса посвящено исследование И. А. Дзендзелевского „Спостереження над синтаксисом українських говірок Нижнього Подністров'я[16], представляющее интерес как для исторической диалектологии, так и для истории украинского языка, так как автор специально обращает внимание на те факты синтаксического строя нижнеподнестровского диалекта, которые отражают черты древнего периода в истории украинского языка.

Особо отметим выход в Киеве в 1954 г. книги „Полтавсько-київський діалект — основа української національної мови. Збірник статей", в которой центральное место занимают статьи описательного характера.

[13] Діалектологічний бюлетень, вып. II, Київ, 1950.
[14] Діалектологічний бюлетень, вып. III, Київ, 1951.
[15] Діалектологічний бюлетень, вып. IV, Київ, 1953.
[16] Діалектологічний бюлетень, вып. V, Київ, 1955.

Большое внимание уделено украинскими диалектологами тем говорам, которые были изучены недостаточно или совершенно не изучались.

К этого рода работам следует отнести названную выше статью И. Г. Чередниченко, статью П. И. Приступы „Тверді і м'які приголоскі перед *и* в українській мови"[17], построенную на материале говоров Брюховичского района Львовской области, его же кандидатскую диссертацию „Фонетическая система и грамматический строй говоров Брюховичского района Львовской области в их связях с другими говорами украинского языка"[18], кандидатскую диссертацию И. А. Дзендзелевского „Украинские говоры нижнего Подиестровья"[19] и ряд других исследований.

Белорусская диалектология насчитывает ряд монографий, в которых дается полное описание тех или иных говоров[20].

На материале говоров создаются работы, посвященные какой-либо одной стороне языковой системы. Такова, например, работа Ю. Ф. Мацкевич о некоторых формах глагола в белорусских говорах[21]. Автор отмечает, что основные черты грамматической системы глагола белорусского литературного языка встречаются во всех диалектах; это делает проблему определения диалектной основы белорусского литературного языка особенно сложной.

Описанию фонетической системы говора посвятил свою статью Н. В. Бирило[22], который устанавливает в изученных им говорах Бобруйской области черты, общие с южными белорусскими говорами. Работа эта дает некоторый материал для уточнения классификации белорусских говоров.

Одной из центральных проблем белорусской диалектологии является определение диалектной основы белорусского литературного языка. Белорусский литературный язык вобрал в себя черты, свойственные многим диалектам, что значительно усложняет проблему определения его диалектной основы.

Этой проблеме посвящена статья Н. Т. Войтович[23], которая, опираясь на факты языка и на историко-культурные данные, приходит к выводу, что диалектной основой белорусского литературного языка являются центральные белорусские говоры. Однако в литературный язык вошли не все диалектные особенности центральных говоров; с другой стороны, в литератур-

---

[17] Діалектологічний бюлетень, вып. V, Київ, 1955.

[18] Автореферат. Львов, 1953.

[19] Автореферат. Одесса, 1952.

[20] См. авторефераты кандидатских диссертаций: И. И. Зенько, Говоры Пружанского р-на Брестской области. Минск, 1953; Е. М. Романович, Говоры Уздеского р-на Минской области. Минск, 1953; И. М. Гайдукевич, Говоры Дрисенского р-на Витебской области. Минск, 1954; Т. Ф. Стешкович, Говоры Волковысского р-на Гродненской области. Минск, 1954; Ф. М. Янковский, Глусские говоры. Минск. 1954; Б. Д. Ефимов, Говоры Светловичского р-на Гомельской области БССР, М., 1955, и нек. др.

[21] Ю. Ф. Мацкевіч. Некаторые формы дзеяслова па матэрыялах дыялекталагічнага атласа беларускай мовы. Працы Ін-та мовазнаўства АН БССР, вып. I, Мінск, 1954.

[22] Н. В. Бірыла, Вопыт аіпсання фанетычнай сістэмы адной гаворкі (Па матэрыялах гаворак Чырвонаслабодскага раёна). Працы Ін-та мовазнаўства АН БССР, вып. I, Мінск, 1954.

[23] Н. Т. Войтович. О диалектной основе белорусского литературного языка. Вопросы языкознания, № 4, 1954.

ный язык вошел ряд особенностей, свойственных северо-восточным говорам. Литературный язык не совпадает полностью ни с одним из диалектов белорусского языка, однако большинство его черт свойственно именно центральным говорам.

Этой же проблеме посвящена работа П. Н. Гапанович[24], в которой дается описание минско-молодечненского диалекта. Автор приходит к тем же выводам, что и Н. Т. Войтович, подкрепляя свои положения новым материалом.

О том, что центральные говоры являются основой литературного языка, писали и другие авторы[25], однако нужно заметить, что само понятие „центральные говоры" не имеет до сих пор вполне конкретных очертаний. Окончательно этот вопрос разрешится после выхода в свет диалектологического атласа белорусского языка.

Белорусский язык находится в окружении двух близкородственных восточнославянских языков — русского и украинского. Естественно поэтому предполагать на территории БССР наличие переходных говоров. На материале этих переходных говоров можно и должно решать более общие вопросы переходности вообще. Проблеме переходности на материале говора, переходного от украинского к белорусскому языку, посвящена работа Т. С. Яковой[26]. На большом конкретном материале автор показывает постепенный процесс „белорусизации" украинского по происхождению говора и делает попытку установления известных закономерностей этого перехода, реализующихся в фонетике и морфологии говора.

Ту же проблему переходности, но на другом материале, изучала В. М. Цапникова, исследовавшая говор белорусов — переселенцев Ярославской области[27].

Недостатком в работе диалектологов Белоруссии является то, что до настоящего времени мало уделялось внимания исследованию синтаксиса белорусских говоров.

Исследование языка памятников письменности, этого второго важнейшего источника для разработки истории языка, отстает от диалектологических изучений. Эта оценка основана прежде всего на том, что у нас в сущности оборвалась традиция лингвистического издания памятников письменности: памятники письменности издаются преимущественно историками, в связи с чем многие публикации этого типа не дают материала (особенно в области фонетики), пригодного для лингвистического исследования.

Нельзя также считать достаточным количество работ, которые строились бы на материале неизданных рукописных памятников; единичны работы, которые охватывали бы при этом все стороны языкового строя и уделяли внимание вопросам палеографии, которые тоже не разрабатывались в течение многих лет.

---

[24] П. Н. Гапанович. К вопросу о народно-диалектной основе современного белорусского национально-литературного языка (Говоры Минского р-на Минской области). Автореферат. Минск, 1954.

[25] Например, Ю. Ф. Мацкевич, Важнейшыя пытанні беларускай дыялекталогіі. Працы Ін-та мовазнаўства АН БССР, вып. II, Мінск, 1954.

[26] Т. С. Янкова, Говоры Лоевского р-на Гомельской области (фонетика и морфология). Автореферат. М., 1955.

[27] В. М. Цапникова, Говор белорусов — переселенцев Ярославской области (фонетика, морфология). Автореферат. М., 1953.

Наибольшее внимание лингвистов привлекают в настоящее время найденные при раскопках в Новгороде берестяные грамоты. По поводу разных сторон языка этих грамот высказывался уже ряд лингвистов (В. И. Борковский, Ф. Ф. Кузьмин, В. К. Чичагов)[28].

Сектором истории русского языка и диалектологии Института языкознания АН СССР подготовлена коллективная монография (авторы: В. И. Борковский, Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, Н. Б. Бахилина, Л. П. Жуковская) — „Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот", охватывающая не только все стороны языкового строя грамот (фонетика, морфология, синтаксис, лексика), но и вопросы их палеографии с учетом особенностей письма на бересте.

Монография недавно вышла в свет.

В ряде исследований, посвященных изучению языка памятников письменности как более ранних, так и более поздних, мы можем проследить одинаковые тенденции, отличающие их от большинства аналогичных исследований более старого типа. Подвергая анализу язык памятников письменности, исследователи стремятся выявить по данным памятника систему говора писца, нередко обращаясь с этой целью для сравнения непосредственно к соответствующим диалектным данным со строгим учетом того, какие из этих данных могут быть отнесены к периоду создания памятника письменности. Таким образом, в соответствующих исследованиях проводится сравнительно-историческое изучение показаний памятника письменности и данных современных говоров, причем данные того или иного памятника письменности, еще до их сопоставления с данными живых народных говоров, подвергаются обычно сравнению с показаниями других, близких по месту и времени написания памятников.

Применение охарактеризованного выше метода представлено, например, в работе П. С. Кузнецова по рукописи Переяславского евангелия 1354 г.[29], в диссертационных работах К. В. Горшковой по письмам и бумагам Петра Великого, Л. П. Жуковской по рукописи Галичского евангелия 1357 г., О. А. Князевской по рукописи Московского евангелия 1358 г., Т. Н. Кандауровой по рукописи псковского пролога 1383 г., Е. Г. Баш по рукописи „Пчелы" 1623 г., Т. Н. Сумниковой по рукописи Чудовского сборника XVI в. и мн. др.[30].

---

[28] В. И. Борковский, Драгоценные памятники древнерусской письменности. Вопросы языкознания, № 3, 1952; его же, Новые находки берестяных грамот. Вопросы языкознания, № 4, 1953; его же, Берестяні грамоти як джерело для історії східнослов'янських мов. „Українська мова в школі". № 1, 1955; Ф. Ф. Кузьмин, Новгородская берестяная грамота № 9. Вопросы языкознания, № 3, 1952; В. К. Чичагов, Филологические заметки. Вопросы языкознания, № 3, 1954.

[29] П. С. Кузнецов, К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР, вып. 2, 1948.

[30] К. В. Горшкова, Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. Вестник МГУ, № 10, 1947; Л. П. Жуковская, Из истории языка северо-восточной Руси середины XIV в. Автореферат. М., 1953; О. А. Князевская, К исторической фонетике русского языка в Московской Руси середины XIV в. Автореферат. М., 1952; Т. Н. Кандаурова, Из истории древнепсковского диалекта XIV в. Автореферат. М., 1951, см. также Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, т. XXXII, 1954; Е. Г. Баш, К истории говоров южного Подмосковья. Автореферат. М., 1954; Т. Н. Сумникова, К истории образования языка русской (великорусской) народности. Автореферат. М., 1954.

В подобных работах мы находим не только анализ палеографических данных, орфографии памятника, изучение определенных сторон языкового строя памятника, но и выводы по исторической фонетике, а также по исторической диалектологии. Так, например, Л. П. Жуковской на основе проведенного ею анализа удалось установить, что галичский говор писца, отраженный в памятнике, в основных своих чертах не отличался от суздальского, переславль-залесского и московского говора того же времени. Автор приводит также интересные соображения по вопросу о времени возникновения различий между такими, в настоящее время отчетливо противопоставленными друг другу группами северновеликорусского наречия, как Владимирско-Поволжская и Вологодско-Вятская.

Т. Н. Сумникова, давшая детальный анализ языка памятника и спорных вопросов, возникавших прежде при обращении к данной рукописи, имела основание высказаться не только о том, что памятник ошибочно считали ранше белорусским, в то время как он был написан в 1540 г. в Москве, но и о неоднородности языка Москвы в XVI столетии. Разного рода новообразования южновеликорусского происхождения были, по мнению автора, неравномерно распространены в языке Москвы этого периода.

Характерен для современных описаний памятников письменности также строгий учет исторической обстановки и событий на той территории, где создавался тот или иной памятник. Вопрос о времени появления определенных языковых особенностей, о характере их дальнейшего распространения нередко наиболее основательно может быть разрешен при учете связей истории языка и истории народа.

Так, Т. Н. Кандаурова смогла подвергнуть убедительной критике гипотезу Н. М. Каринского о вторжении белорусских элементов в псковские говоры, лишь опираясь на учет связей истории языка, отраженной в изученном ею памятнике, и истории данной территории, которая не дает оснований для предположения о колонизации в XIII—XIV вв. в область древнего Пскова значительных масс „белорусского" населения. Интересен также вывод о том, что отраженное в ряде псковских памятников аканье может быть признано, с учетом определенных исторических предпосылок, характерным в XIV в. для собственно псковских говоров.

Как уже говорилось, при обращении к памятникам письменности, особенно неизданным, авторы соответствующих работ чаще ограничивают свое исследование палеографической стороной рукописи, ее орфографией и фонетикой и на этой основе решают соответствующие вопросы. Изучение вопросов морфологии, как это будет показано ниже, строится чаще всего на показаниях одновременно ряда памятников, поскольку один памятник, отдельно взятый, не всегда дает достаточный материал для построения выводов о морфологической стороне языка, особенно о характере грамматической системы.

В ряду других исследований, посвященных изучению языка памятников письменности, следует выделить монографию П. Я. Черных „Язык Уложения 1649 г." (М., 1953). Задача восстановления московского просторечья середины XVII в. со стороны его фонетики и морфологии, решаемая автором на основе сравнения Уложения с другими памятниками данного периода и соответствующими диалектологическими источниками, сочетается в исследовании П. Я. Черных с разрешением вопросов, касающихся истории

памятника, его источников и изданий, имеющих самостоятельный интерес и значение.

На материале 219 грамот построена вышедшая в свет в 1949 г. в г. Львове монография В. И. Борковского „Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение)", в которой автор привлек для сравнения и имеющиеся данные по синтаксису русских народных говоров.

В настоящее время публикуются четыре статьи В. И. Борковского, в которых на материале тех же грамот, а также найденных при раскопках новгородских берестяных грамот рассматриваются вопросы осложненного и сложного предложения.

В изучении вопросов лексики, к которым обращался ряд исследователей, не наметился определенный метод этого изучения, дающий наиболее ценные результаты. Проводя чаще всего группировку описываемой лексики по семантическому признаку, авторы отдельных работ или придают этой группировке самодовлеющее значение, что следует признать наименее удачным[31], или используют анализ лексики для решения вопроса о происхождении и составе памятника[32]. Элементы сравнительного изучения лексических данных одного памятника с данными других памятников, привлечение для сравнения также данных областных словарей и других славянских языков служат некоторым авторам для выяснения вопросов происхождения отдельных слов и их групп, а также отнесения тех или иных слов к основному словарному фонду или словарному составу языка[33].

Констатируя неравномерность в разработке двух основных источников, необходимых для построения истории языка, следует отметить, что и имеющиеся ресурсы не используются еще в достаточной мере, что особенно сказывается не только при разработке общих курсов, но также и при разработке отдельных вопросов исторической фонетики и исторической грамматики русского языка.

Вышедшие за последние годы общие курсы по истории русского языка Л. П. Якубинского, П. Я. Черных и П. С. Кузнецова ни в какой степени не отражают, например, тех значительных достижений и того накопления материала, которым располагает в настоящее время русская диалектология[34]. Это замечание в меньшей мере относится к книге Л. П. Якубинского, которая была закончена в 1941 г. и лишь в 1953 г. вышла посмертным изданием[35].

---

[31] С. А. Мартьянова, Лексика писцовых книг гор. Казани XVI—XVII вв. Ученые записки Казанского гос. ун-та, т. 112, кн. 6, 1952.

[32] К. И. Ходова, Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника („Житие Нифонта" в русском списке 1219 г.). Автореферат. М., 1952.

[33] М. А. Соколова, Очерки по языку деловых памятников XVI в. Автореферат докторской диссертации. М., 1952; ее же, Из истории слов основного словарного фонда русского языка. Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, вып. II, 1952; О. Г. Горшкова, Язык московских грамот XIV—XV вв. (лексика и фразеология). Автореферат. М., 1951. О. Г. Пороховa, Лексика сибирских летописей XVII в. Автореферат. М., 1952; С. Г. Капралова, Из наблюдений над словарным составом Псковской судной грамоты. Ученые записки Московского гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, т. XXXII, вып. 3, М., 1954.

[34] П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка. Изд. 1-е 1952, изд. 2-е, М., 1954; Л. П. Якубинский, История древнерусского языка. М., 1953; П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

[35] См. рецензию Т. П. Ломтева на книгу Л. П. Якубинского, Вопросы языкознания. № 6, 1953.

В книге П. С. Кузнецова[36], являющегося одновременно крупным специалистом в области диалектологии, следовало бы ожидать последовательного и систематического использования новых диалектных данных, чего фактически мы не наблюдаем. Имеют научный интерес и отличаются новизной преимущественно те главы, которые отражают круг исследовательских интересов самого автора; это главы, посвященные истории чередований, истории форм причастий и возникновению деепричастий, истории числительных, истории формирования видовых и залоговых форм глагола. Несмотря на наличие этих интересных глав, вопрос о создании полноценного курса исторической грамматики, стоящего на уровне современных требований и современной разработки соответствующих источников и после выхода в свет книги П. С. Кузнецова остается открытым.

„Историческая грамматика русского языка" П. Я. Черных, вышедшая раньше книги П. С. Кузнецова (в 1952 г.) и затем переизданная в 1954 г., является „кратким очерком" и не содержит нового материала (по сравнению с имеющимися исследованиями по исторической грамматике других авторов), кроме примеров из Уложения 1649 г., и выводов о языке этого памятника[37], что опять-таки связано с исследовательской практикой самого автора.

Вот почему с большим интересом научная общественность ждет выхода в свет двух монографий, подготовленных к печати: Т. П. Ломтев, „Очерки исторического синтаксиса русского языка"; П. Я. Черных, „Очерк русской исторической лексикологии (древнерусский период)".

Переходя к рассмотрению работ, посвященных разработке отдельных вопросов исторической фонетики и исторической грамматики русского языка, и начиная этот обзор с работ по исторической фонетике, отметим, что большинство из них базируется в первую очередь на анализе диалектных материалов, сочетающемся в той или иной степени с использованием данных памятников письменности.

Так, например, усиленно занимавший наших диалектологов вопрос о процессе изменения *е* > *о* был первоначально рассмотрен на основе обобщения ранее опубликованных данных в 1947 г. акад. С. П. Обнорским, еще скептически относившимся к самому существованию современных говоров, в которых *е* сохранилось не изменившимся в *о*[38]. Между тем широкое изучение народных говоров в процессе подготовки атласов дало материалы, позволяющие по-новому осветить вопрос о времени развертывания этого процесса и его внутренних закономерностях и отнести его к периоду более позднему (после падения редуцированных), а также высказать предположение, что в ряде южновеликорусских говоров переход *е* > *о* как собственно фонетический отсутствовал. Были установлены разные пласты в ряду тех случаев, где имеем *о* в соответствии с *е*, более ранние, морфологического происхождения (например, во флексиях и некоторых суффиксах), и более поздние, собственно фонетические.

---

[36] Рецензии: Т. П. Ломтева, Вопросы языкознания, № 5, 1954; П. Я. Черных, Мовознавство, т. XIII, Киев, 1955.

[37] См. рецензию Л. А. Булаховского, Вопросы языкознания, № 1, 1953.

[38] С. П. Обнорский, Переход *е*>*о* в современном русском языке. Труды комиссии по истории Академии наук СССР, вып. 8, М.—Л., 1947.

По данной проблеме нет специального труда, обобщающего все вопросы, связанные с ее разрешением, но ряд интересных соображений и выводов уже намечается в названных выше работах Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, посвященных описанию говоров Рязанской мещеры, а также в „Очерках русской диалектологии" Р. И. Аванесова, его статье „Лингвистическая география и история русского языка" и некоторых других работах[39].

К диалектным материалам исследователи обращались, как и при изучении истории изменения *е* > *о*, прежде всего для выяснения истории таких явлений, по которым памятники письменности или вовсе не могут дать необходимых данных, или представляют слишком отрывочные разрозненные свидетельства, недостаточные для выяснения системы отношений, характерных для той или иной стороны фонетического строя.

Такая задача стояла, например, перед исследованиями В. Г. Орловой, посвященными истории фонем *в* — *ф* в ряду других согласных звуков парных по глухости и звонкости или истории аффрикат *ц* и *ч*, различающихся в одних говорах русского языка и совпадающих в других[40]. Диалектный материал дал здесь исследователю возможность выяснить положение *в*—*ф* или губно-губного *w* в системе фонем ряда говоров и установить тот факт, что усвоение *ф* по говорам зависит от характера звука *в* и наличия или отсутствия у него определенных позиционных вариантов. В работе В. Г. Орловой поднимаются вопросы о методе и принципах использования диалектных данных в целях истории языка, о возможности располагать группы говоров, представляющих различную реализацию изучаемого явления, в порядке предполагаемой хронологии в развитии явления. Большое значение приобретает учет территориального распределения изучаемого явления, помогающий решению историко-фонетических вопросов.

Анализ показаний некоторых среднерусских говоров, сохранивших в пределах системы умеренного яканья следы различения предударных гласных по их происхождению, наподобие того, как они различаются в северновеликорусских говорах, позволил В. Н. Сидорову прийти к выводу о том, что умеренное яканье на некоторых территориях могло сформироваться при перестройке на южновеликорусский лад системы северновеликорусского предударного вокализма[41]. В этих работах также отчетливо выступает роль данных лингвистической географии при интерпретации диалектного материала: умеренное яканье подобного происхождения устанавливается в говорах, находящихся на стыке северновеликорусского и южновеликорусского наречия.

Обследование говоров, равномерно расположенных на большой территории, позволило установить современное распространение диссимиля-

[39] Ср., например, Р. И. Аванесов, Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров. Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ, вып. 2, М., 1947.

[40] В. Г. Орлова, Губные спиранты в русском языке. Труды Ин-та русского языка АН СССР, т. II, М.—Л., 1950, ее же, Цоканье в русских говорах. Ученые записки МГУ, вып. 128, М., 1948.

[41] В. Н. Сидоров, Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах. Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, II, 1952; его же, О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах. ИАН СССР, ОЛЯ, т. X, вып. 2, 1951.

тивного аканья и яканья в пределах южновеликорусского наречия и уточнить ранее имевшиеся представления по этому вопросу. Углубленное изучение собранных материалов позволило Т. Г. Строгановой выявить наличие в некоторых говорах параллелизма в типах диссимилятивного аканья и яканья при сложных типах этого последнего, в частности, при его обоянском типе[42], что имеет определенное значение для разработки общей теории происхождения аканья — яканья, основные положения которой намечаются в уже упоминавшихся работах Р. И. Аванесова (см. выше).

Положение об относительно позднем происхождении аканья основывается в настоящее время на наблюдениях над рядом явлений, связанных с аканьем в системе вокализма. Так, аканье, очевидно, развилось в русском языке после падения редуцированных, поскольку по говорам не отмечено различий в произношении предударных гласных в зависимости от того, находятся ли они в исконно первом предударном слоге или в новом предударном слоге, до падения редуцированных находившемся дальше от ударения.

О том же свидетельствует и тот факт, что *о* исконное (под нисходящим ударением) и *о* из *ъ*, а также *е* исконное и *е* из *ь* не оказывают различного влияния на гласный первого предударного слога. Положение о первоначальном параллелизме в развитии безударного вокализма после твердых и после мягких согласных также все более укрепляется в современной исторической фонетике русского языка.

В области исторической фонетики представляют интерес работы, в которых подвергается переоценке и переосмыслению традиционная трактовка некоторых процессов и их истории и предлагается определенное понимание внутренних закономерностей их развития. Эти работы нередко строятся на уже известном и ранее обобщенном материале и значение их заключается в применении метода, в основе которого лежит представление о том, что объектом исторической фонетики должна быть не история отдельных явлений самих по себе, а изучение возникновения, развития и изменения фонетических систем. Изменения физиологического порядка могут колебать установившиеся системные отношения, которые, однако, перестраиваются затем на новой основе.

Так, в статье Р. И. Аванесова „Из истории русского вокализма“[43] показано, к каким глубоким изменениям в области отношений, характерных для согласных фонем, в частности отношений твердых и мягких согласных, привело падение редуцированных гласных. Современная система употребления твердых и мягких согласных оформляется именно в этот период и вызывает, в свою очередь, определенные изменения в области гласных фонем, а именно, функциональное объединение *ы* и *и* и превращение их в одну фонему. В. Н. Сидоров[44], рассматривая вопрос о том, следует ли ставить в зависимость от старославянского оригинала последовательное употребление *ъ* и *ь* в древнерусских памятниках, опирается в своем отрицательном решении данного вопроса на анализ определенного круга системных отношений, характерных для древнерусского языка. Наиболее последовательное употребление

[42] Т. Г. Строганова, Об одной особенности южновеликорусского вокализма. Вопросы языкознания, № 4, 1955.

[43] Вестник МГУ, № 1, 1947.

[44] В. Н. Сидоров, Редуцированные гласные *ъ* и *ь* в древнерусском языке XI века. Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. II, 1953.

редуцированных в творительном падеже единственного числа форм типа *рабъмь* и формах глаголов 3-го лица и наличие известного числа колебаний в случаях типа *пълнъ*, *търгъ*, несмотря на то, что здесь в древнерусском языке имелся сильный редуцированный гласный, автор объясняет различным положением этих фактов в системе языка: на их судьбе сказывалась принадлежность одних из них к грамматической, а других к лексической системе языка.

Грамматикализацию известного круга фонетических позиционных чередований, становящихся признаком определенных морфем, П. С. Кузнецов показывает на примере истории чередований *к—ч*, *г—ж*, *х—ш* и выясняет те условия и изменения в системе языка, которые обусловливали подобную грамматикализацию, а тем самым определяли собой взаимодействие фонетической и морфологической стороны языка[45].

При разработке вопросов исторической морфологии до настоящего времени решающее значение имеют памятники письменности. Вовлечение диалектных данных в изучение вопросов исторической морфологии все еще является недостаточным. Отчасти это обстоятельство объясняется характером самого объекта изучения. Медленное изменение морфологического строя, решающее единство диалектных групп русского языка в этом отношении открывают меньше возможностей для прослеживания в пределах современного русского языка различных этапов, пройденных в своем развитии отдельными грамматическими категориями. Однако все же следует отметить, что роль диалектных данных при постановке ряда вопросов исторической морфологии будет еще возрастать и сыграет в дальнейшем в исследованиях этого рода очень большую, а в отдельных случаях даже решающую роль. Такова, например, роль этого материала при выяснении еще недостаточно изученной истории форм 3-го лица и выступающей здесь системы употребления глагольных форм без окончания, при изучении вопросов, связанных с историей системы ударения в различных частях речи и т. д.

В выборе памятников письменности явно сказывается преимущественный интерес исследователей к памятникам деловой письменности, позволяющим выявить систему форм живого языка того или иного периода и характер их употребления в разговорном языке.

История форм существительных прослеживается, например, как процесс перестройки древнейшей системы типов склонения и соответствующей системы флексий в пределах каждого из этих типов. В работах последнего времени заметно также стремление к выяснению в возможно полной мере лексического состава того или иного типа склонения.

С учетом работы Б. Унбегауна, рассматривающей явления XVI в., мы располагаем сейчас общей историей именного склонения на протяжении периода с XV до XVIII века; наиболее широко обобщен соответствующий материал в работах С. В. Фроловой (XVII—XVIII вв.) и Г. А. Махароблидзе (XV в.)[46].

---

[45] П. С. Кузнецов, О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. ИАН СССР, ОЛЯ, т. XI, вып. 1, 1952.

[46] С. В. Фролова. Именное склонение в русской оригинальной повести XVII–XVIII вв. Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та, вып. 5, 1942; вып. 8, 1947; Махароблидзе, Склонение имен существительных в московских деловых документах XV в. Автореферат. М., 1954.

Имеются работы и по более частным вопросам из истории именного склонения[47].

Из числа этих работ отметим интересную по методу работу А. Д. Григорьевой, посвященную изучению истории предложных и беспредложных конструкций локатива в древнерусском языке. Выясняя данные отношения, автор исходит при различении функций падежа из понимания двух типов отношений между лексическим составом определяемого и определяющего в пределах падежной синтагмы: отношений свободной и тесной связи. Если учесть при этом, что автор прослеживает употребление тех или иных конструкций в зависимости от семантических и грамматических групп существительных и от жанра памятника, то можно признать, что история исследуемого явления изучается с наиболее широким учетом разного рода связей и опосредствований.

Рассмотрение истории отдельных явлений, возникновение которых относится к позднему времени, оказывается возможным лишь на материале говоров. В работе, посвященной процессу утраты форм среднего рода, С. С. Высотский использует материалы по народным говорам центральных территорий к западу от Москвы[48]. Полагая, что фонетическое объяснение причин утраты среднего рода не может считаться исключительным при решении данного вопроса, автор строит свое исследование с учетом различных лексических слоев существительных, устанавливая таким образом определенное взаимодействие морфологического и лексического факторов.

В некоторых из появившихся работ по словообразованию существительных[49] прослеживаются процессы взаимодействия книжного литературного и народно-разговорного языка. Такова, например, изученная В. Л. Воронцовой история существительных с суффиксом *-тель*, первоначально распространенным только в сфере книжного языка, лишь с XVII в. резко расширяющим сферу своего употребления и становящимся продуктивным словообразовательным элементом русского языка.

Работа Л. Н. Булатовой, построенная на широком обобщении диалектного материала и посвященная изучению структуры и значения существи-

---

[47] Ср., например, А. Д. Григорьева, К отношениям предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке. Доклады и сообщения Ин-та русского языка, вып. I, 1948; М. Г. Лещинская, Родительный-винительный в именах существительных в русском литературном языке XII—XVII вв. Автореферат. М., 1949; Б. П. Скупский, Совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода в древнерусском языке. Автореферат. М., 1953; Т. А. Якубайтис, История окончания дательного единственного числа существительных мужского рода *-ови* в восточнославянских языках. Автореферат. М., 1954; Е. И. Кейдайтене, Из наблюдений над категорией лица в памятниках русского языка старшей поры. Вопросы языкознания, № 1, 1955.

[48] С. С. Высотский, Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР, вып. I, 1949.

[49] Ср. например, Н. М. Шанский, К истории некоторых слов на *-ость*, Ученые записки Рязанского пед. ин-та. Рязань, 1949; С. И. Лобанов, Из истории имен существительных с агентивным суффиксом *-щик* (XIV—XVII вв.). Автореферат. М., 1950; Г. И. Рожкова, Из истории уменьшительных образований существительных в русском языке. Автореферат. М., 1950; Л. Н. Булатова, Отглагольные существительные на *-ье*, *-тье* в русских говорах. Автореферат. М., 1953; В. Л. Воронцова, Словообразование существительных со значением действующего лица. Автореферат. М., 1953; ее же, Образование существительных с суффиксом *-тель*. Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. V. М., 1954.

тельных на *-ные, -тые* в русских народных говорах в сравнении с литературным языком, не является исторической по своему замыслу, но дает материал непосредственно для истории словообразовательных моделей русского языка, так как в данной работе доказывается, вопреки ранее господствовавшей точке зрения, исконность целого ряда подобных образований на *-ное, -тое* в русском языке.

В посвященной истории членных прилагательных мужского рода работе А. И. Толкачева и посвященной истории образования форм сравнительной степени работе С. В. Бромлей соответствующие вопросы рассматриваются, начиная с доисторического периода до наших дней. Работы эти строятся на использовании письменных памятников в сочетании с диалектными данными. В работе А. И. Толкачева широко привлекаются также данные других славянских и балтийских языков. Все это дает возможность авторам этих работ весьма основательно осветить историю интересующих их форм на протяжении длительного периода[50].

Большое внимание исследователей привлекала история глагольных форм. Здесь прежде всего следует отметить обширное исследование С. Д. Никифорова[51], посвященное периоду XVI века, недостаточно исследованному в отношении истории форм глагола. В данной работе автор сделал ценные наблюдения над употреблением глагольных форм в памятниках различных жанров, над тем, для каких жанров отдельные формы не являлись характерными, какие из форм не принадлежали разговорному языку второй половины XVI века, не ограничиваясь при этом вопросами морфологии, но рассматривая и ряд вопросов синтаксиса.

Исследователю не удалось в полном объеме решить весьма ответственную задачу — проследить глагольные формы в их историческом развитии, тем не менее работа не сводится к простому описанию фактов языка сравнительно ограниченного отрезка времени — второй половины XVI века. Во всех частях своей книги автор стремится установить, что́ является нормой для русского языка второй половины XVI в., что́ должно рассматриваться как пережиток, каков дальнейший путь развития того или иного языкового явления.

Рамки периода, к которому относится исследование С. Д. Никифорова, несколько раздвинутся, если примем во внимание наличие некоторых диссертационных работ, посвященных истории глагольных форм или определенной их части как в более раннее, так и в более позднее время[52].

Интерес исследователей к внутренним импульсам развития, нередко заключающемся во взаимодействии разных сторон развивающейся гла-

[50] С. В. Бромлей, История образования форм сравнительной степени в русском языке XI—XVII вв. Автореферат. М., 1954; А. И. Толкачев, История членных форм прилагательных русского языка, ч. 1, Формы мужского рода ед. числа. Автореферат. Смоленск, 1952.

[51] С. Д. Никифоров, Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952. См. рецензии: В. И. Борковского, Вопросы языкознания, № 3, 1953; И. Б. Кузьминой и О. Н. Мораховской, Советская книга, № 6, 1953.

[52] О. И. Ларина, Глагольные формы в московских памятниках делового письма XV века. Автореферат. М, 1953; М. Н. Кожина, Морфология глагола в Ведомостях Петровского времени. Автореферат. Л., 1954; А. П. Яковлева, К истории форм будущего времени в древнерусском языке. Автореферат. М., 1953.

гольной системы, представлен в некоторых статьях более частного характера, например, посвященных проблеме видо-временны́х отношений[53].

В работе С. П. Обнорского „Очерки по морфологии русского глагола" (М., 1953) содержатся данные по употреблению глагольных форм в современном русском языке, взятом во всем многообразии его говоров. Именно в связи с этим работа приобретает значительный интерес и для историков русского языка: в различных говорах представлены глагольные формы или случаи употребления этих последних, относящиеся к разным периодам истории системы русского глагола. Кроме того, в работе имеются и специальные исторические экскурсы[54].

Можно назвать еще ряд работ, посвященных широкому обобщению диалектных данных по тем или иным глагольным формам. Авторы подобных работ не всегда ставят перед собой непосредственную задачу рассмотрения вопросов исторического характера. Однако эти работы, обычно учитывающие наряду с внутренними закономерностями в реализации явления также и особенности территориального размещения его разновидностей, всегда дают основание для заключений по истории тех или иных явлений на позднем этапе их развития и потому имеют большое значение для общей разработки истории явления[55].

Из числа работ по истории других морфологических категорий отметим весьма обстоятельную работу Н. С. Рыжкова, посвященную истории наречий. В этой работе автор привлекает значительный круг разнообразных памятников, показания которых используются им полностью, что и позволяет ему дать детальную классификацию наречий и проследить важнейшие изменения, происшедшие в их составе, значениях и употреблении[56].

М. А. Гадолина разработала историю форм родительного-винительного и дательного-местного падежей единственного числа личного и возвратного местоимений на основе широкого использования, наряду с данными памятников письменности, также и диалектных данных. Работа показывает, что только использование этого последнего источника помогло автору оценить реальное соотношение определенных местоименных форм при их сосуще-

---

[53] Т. П. Ломтев, Изменения в употреблении глагола относительно категории вида и времени. Доклады и сообщения МГУ, вып. 3, М., 1947; его же, Несколько замечаний к состоянию видовой дифференциации основ настоящего времени в древнерусском языке. Ученые записки МГУ, вып. 128, Труды кафедры русского языка, т. I, 1948; его же, К характеристике видовой дифференциации претериальных форм глагола в древнерусском языке. Ученые записки МГУ, вып. 150, 1952; П. С. Кузнецов, К вопросу о генезисе видо-временны́х отношений древнерусского языка, Труды Ин-та языкознания АН СССР, том II, М., 1953.

[54] См. рецензию П. С. Кузнецова на данную работу, Вопросы языкознания, № 2, 1955.

[55] П. Я. Черных, О формах *ити*, *итить*, *идить*. Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ, вып. VII, 1948; Г. А. Касвин, Основы настоящего времени глаголов II спряжения. „Материалы и исследования по русской диалектологии", т. III, М.—Л., 1949, ее же, О некоторых особенностях в образовании глаголов *сесть* и *лечь* в русских говорах. Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР, вып. 6, М.—Л., 1949; В. В. Земская, К истории деепричастий в южнорусских и среднерусских говорах. Автореферат. Челябинск, 1950; А. И. Сологуб, Формы повелительного наклонения в русских народных говорах. Автореферат. М., 1953.

[56] Н. С. Рыжков, Морфология и семантика именных и местоименных наречий в древнерусских памятниках XI—XIV вв. Автореферат. 1952.

ствовании (см., например, в данной работе рассмотрение вопроса об употреблении форм *мя, тя, ся*, распространенных только в северновеликорусских и средневеликорусских говорах наряду с формами *меня, тебя, себя*, и обоснованный вывод о том, что эти формы являются новообразованиями)[57].

Как в области изучения лексического строя говоров или памятников письменности, так и в области исторической лексикологии мы не имеем в настоящее время ощутительных успехов, в связи с чем разработка вопросов этого рода и выдвигается в качестве „одной из основных и неотложных задач нашего отечественного языкознания"[58].

В статье В. В. Виноградова, посвященной общим вопросам исторической лексикологии, намечены принципы соответствующих изучений, рассмотрен ряд вопросов, касающихся метода исследований, однако мы не имеем еще таких исследований по исторической лексикологии, которые давали бы основу для изучения истории лексического строя как такового. Для диссертационных работ, относящихся к области исторической лексикологии, характерно в ряде случаев смешение различных планов изучения: стилистического, семантического, собственно лексикологического. В большинстве подобных работ представлено следование определенным установившимся образцам, отсутствие поисков новых путей исследования.

Большую роль в деле разработки вопросов исторической лексикологии должно сыграть создание словаря древнерусского языка. В Институте языкознания имеется картотека словаря древнерусского языка, в настоящее время ведется пополнение этой картотеки, которое должно включать также и выборки из неопубликованных источников.

Предполагается приступить к подготовке многотомного (восьмитомного) академического словаря древнерусского языка и одиотомного учебного словаря древнерусского языка, выпуск которых является задачей ближайших лет.

В области исторического синтаксиса можно отметить опубликование отдельных статей, посвященных теоретическим вопросам синтаксиса[59], подготовку ряда диссертаций, статей, где исследуется синтаксис древнерусских памятников.

Однако за истекшие годы вышла лишь одна монография по историческому синтаксису — отмеченное выше исследование В. И. Борковского по синтаксису древнерусских грамот.

Со стороны синтаксиса в многочисленных статьях и диссертациях исследованы памятники различных жанров: летописи[60], Хожение Афанасия

---

[57] М. А. Гадолина (Прево), К истории некоторых форм личных и возвратного местоимений. Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. V, 1954; ср. М. А. Прево. История форм личных и возвратного местоимений в русском языке. Автореферат. М., 1952.

[58] В. В. Виноградов, О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. Изв. АН СССР, ОЛЯ, вып. 3, 1953, стр. 185.

[59] См., в частности, В. И. Борковский, Основные вопросы исторического синтаксиса. Сб. „Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию", М., 1952.

[60] С. М. Кардашевский, Порядок слов в Повести временных лет (по Лаврентьевскому списку). Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та, т. XII. Труды кафедры русского языка, М., 1948; А. М. Назарова, К вопросу о сказуемом в псковских летописях. Известия Крымского гос. пед. ин-та, т. XIV, Симферополь, 1949; Р. В. Алимпиева, Сложноподчиненные предложения в Ипатьевском списке летописи. Авторе-

Никитина за три моря[61], Азовская записная книга 1698—1699 гг.[62], исторические повести начала XVII века[63], Письма и бумаги Петра I[64], древнерусские грамоты и другие деловые документы[65].

В работах, посвященных этим памятникам, чаще всего рассматриваются не все вопросы синтаксиса, а группа вопросов или один из вопросов: глагольное управление, предложные конструкции, безличные предложения, порядок слов в предложении, сложноподчиненные предложения и т. д.

Появились и работы, в которых рассматривается та или иная синтаксическая конструкция на протяжении одного или нескольких столетий по памятникам различных жанров. Так, рассмотрены синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке[66], синтаксические функции именных причастий действительного залога[67], составное сказуемое[68], выражение принадлежности[69], функции непредикативных конструкций с творительным падежом[70], употребление глагольных форм в предложениях со значением побуждения[71], конструкции с инфинитивом и формой именитель-

ферат. Куйбышев, 1953; В. И. Собинникова, Односоставные предложения во второй Псковской летописи. Труды Воронежского гос. ун-та, т. 28. Научные сообщения и авторефераты, 1953; е е ж е, Способы соединения подлежащего и сказуемого во второй Псковской летописи. Там же; Л. А. Коробчинская, К вопросу о порядке слов в древнерусском языке (по материалам Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку). Автореферат. Львов, 1950; В. В. Назаретский, Виды и формы подчинительной связи предложений в Лаврентьевской летописи (Повесть временных лет). Автореферат. М., 1954; А. В. Исаев, Глагольное управление в языке московского летописного свода конца XV в. Автореферат. Л., 1954.

[61] Г. П. Уханов, Синтаксис Хожения Афанасия Никитина за три моря. Автореферат. Калинин, 1952.

[62] З. Д. Попова, Виды синтаксических связей в Азовской записной книге 1698—1699 гг., Автореферат. Воронеж, 1954.

[63] О. М. Трахтенберг, Глагольное управление в исторической повести начала XVII века. Автореферат. Куйбышев, 1953.

[64] Г. И. Герасимов, Сложноподчиненное предложение в Письмах и бумагах Петра I. Автореферат. Л., 1952.

[65] А. Д. Ботяков, Синтаксис договора 1229 года как памятника русского языка. Строение предложения. Автореферат. Ярославль, 1949; М. Партенадзе, Предложные конструкции в грамотах XVII века. Труды Батумского гос. пед. ин-та, т. 4, 1954; е г о ж е, Предложные конструкции в грамотах XVII века. Автореферат. М., 1953; М. А. Соколова, Очерки по языку деловых памятников XVI века. Автореферат докторской диссертации. Л., 1952; А. А. Дибров, Безличные предложения в русской деловой письменности первой половины XVIII века (на материале сборника памятников „Донские дела"). Автореферат. Ростов-на-Дону, 1955.

[66] В. Л. Георгиева, Синтаксические функции прилагательных в древнерусском языке. Автореферат. Л., 1952.

[67] Е. Л. Голубева, Синтаксические функции именных причастий действительного залога в памятниках письменности XVII века. Автореферат. М., 1952; Н. И. Маевская, Синтаксические функции кратких причастий действительного залога в памятниках XI—XV веков. Автореферат. Казань, 1952.

[68] А. С. Феоктистова, К истории составного сказуемого в древнерусском языке. Автореферат. М., 1953; Л. В. Соловьева, Именное сказуемое в языке памятников эпохи формирования русского национального языка (вторая половина XVII — начало XVIII вв.). Автореферат. М., 1954.

[69] С. Я. Макарова, Выражение принадлежности в русском языке XI—XVII вв. Автореферат. М., 1952.

[70] Е. А. Седельников, Функции непредикативных конструкций с творительным падежом в древнерусском литературном языке. Автореферат. М., 1953.

[71] И. Б. Кузьмина, Употребление глагольных форм в предложениях со значением побуждения в русском языке XI—XVII веков. Автореферат. М., 1951.

ного падежа[72]. Особенное внимание было уделено сложным синтаксическим конструкциям. В первую очередь здесь следует назвать докторскую диссертацию Э. И. Каратаевой „Союзное подчинение в литературном языке второй половины XVII столетия" и ряд статей того же автора[73].

Рассмотрены сочинительные конструкции с союзом *а* в древнерусском языке[74], условные предложения[75], конструкции для передачи чужой речи[76], придаточные предложения цели[77], конструкции со словом *что*[78], придаточные предложения времени[79].

Особенное внимание здесь было уделено относительному подчинению[80].

Весьма важно то, что исследователи русского синтаксиса уделили большое внимание сложному предложению, что они не ограничивались только произведениями XI—XIV вв., но привлекали и памятники позднейшего времени — XV—XVII вв., ориентируясь преимущественно на произведения деловой письменности и привлекая для сравнения материалы современного русского языка, особенно его говоров, хотя нельзя не отметить, что такое сравнение являлось до известной степени ограниченным, так как материал для него извлекался в общем из одного языка.

Наконец, следует отметить и попытки изучать параллельные синтаксические конструкции, установить, развита или нет в языке того или иного периода синтаксическая синонимия.

---

[72] М. И. Пигин, Конструкции, содержащие в себе сочетание инфинитива с формой именительного падежа существительного в истории русского языка. Ученые записки Карело-Финского гос. ун-та, т. IV, вып. I. Исторические и филологические науки, Петрозаводск, 1954.

[73] Автореферат докторской диссертации, Л., 1951; ее же, К вопросу о развитии бессоюзного сложного предложения в русском языке, Ученые записки ЛГУ, Серия филол. наук, вып. 14, 1949; ее же, Из истории сложного предложения в русском языке, Ученые записки ЛГУ, № 156, филол. фак-т, Серия филол. наук, вып. 15, 1952; ее же, Союзное подчинение в русском литературном языке второй половины XVII столетия. Вестник ЛГУ, № 8, Серия общественных наук, 1952; ее же, Временное сложноподчиненное предложение. Вестник ЛГУ, № 6, Серия общественных наук, 1952.

[74] П. В. Попов, Сочинительные конструкции с союзом *а* в древнерусском языке, Автореферат. Л., 1953.

[75] В. А. Робинсон (Плотникова), Из истории условных предложений в русском языке. Автореферат. М., 1950.

[76] А. И. Молотков, Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности XI—XVII столетий (грамматический анализ). Автореферат. Л., 1952; В. И. Кодухов, Способы передачи чужой речи в русском языке второй половины XVII—XVIII вв. Автореферат. Л., 1953.

[77] С. Л. Баженова, Придаточные предложения цели в древнерусском языке (по памятникам XIV—XVII вв.). Автореферат. М., 1954.

[78] С. И. Макарова, Из истории конструкций со словом *что* в русском языке (К вопросу об абстрагирующей роли грамматики). Автореферат. М., 1952.

[79] О. Н. Варварова, Придаточные предложения времени в древнерусском языке. Автореферат. М., 1952; В. Н. Покровский, Предложения с подчинительными временными союзами в памятниках XVI—XVII веков. Автореферат. М. 1954.

[80] Н. А. Широкова, Относительное подчинение в русском литературном языке XVII в. Ученые записки Казанского гос. ун-та т. 112, кн. 6. Сб. работ кафедры русского языка, 1952; А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. V. М., 1954; Г. А. Качевская, К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным (по данным памятников русской письменности XVI в.). Там же.

Авторы бóльшей части исследований стремились также выяснить, в какой степени зависит от жанра памятника выбор той или иной синтаксической конструкции из параллельных синтаксических оборотов.

Характерной чертой исследований, посвященных сложному предложению, является то, что их авторы уделяют большое внимание не только выяснению функций союзов, союзных и относительных слов как средств грамматического оформления структуры сложного предложения, но и вопросу о роли видо-временны́х форм глагола в объединении частей сложного предложения и о соотносительном употреблении форм времени в составе сложного предложения, а также вопросу о средствах лексико-фразеологического сцепления частей сложного предложения.

Несмотря на указанные достижения, в области исторического синтаксиса перед исследователями стоят большие и ответственные задачи.

Многие оригинальные древнерусские памятники совершенно не изучены в синтаксическом отношении или изучены только с одной точки зрения — употребления отдельной синтаксической конструкции, интересовавшей исследователя. Особенно это относится к памятникам XVI—XVII вв.

Самая же большая задача — создание на основе уже имеющегося материала исторического синтаксиса русского языка, разработанного с широким привлечением данных других славянских языков.

Среди работ по исторической грамматике русского языка следует специально остановиться на работах, в которых поднимаются вопросы происхождения русского языка и исследуются процессы, связанные с формированием его основных диалектных групп. В плане обобщения многообразных данных русского языка построена работа Р. И. Аванесова „Вопросы образования русского языка в его говорах“[81], где указанный вопрос рассматривается в связи с параллельными процессами образования белорусского и украинского языков.

В работе много места уделено критике теории происхождения русского языка А. А. Шахматова и теории происхождения среднерусских говоров Н. Н. Дурново, особенно борьбе с элементами антиисторизма в концепциях названных ученых, с тем простым, в ряде случаев, проецированием современных диалектных различий русского языка в глубь веков, которое имеет в них место. В работе Р. И. Аванесова показано, что между современными и древними племенными диалектами лежит эпоха феодальной раздробленности, эпоха образования централизованных государств, вызывавшая к жизни образование территориальных диалектов.

Ряд наблюдений над современным территориальным распределением некоторых языковых черт русского и белорусского языков автор работы связывает с историческими данными о передвижении соответствующих групп населения.

Так, например, распределение на территории современной Белоруссии таких языковых черт, какими является произношение несмягченных согласных перед гласными переднего ряда и цеканье — дзеканье при произношении согласных в том же положении, связывается с историческими данными о движении с юга украинского, т. е. южнорусского населения, а с востока на запад восточнорусского населения под давлением монголов. С

[81] Вестник МГУ, № 9, 1947.

древними передвижениями населения связывается и убывание диссимилятивного аканья и яканья в направлении с востока на запад.

Наконец, при рассмотрении проблемы среднерусских говоров в работе выделяются средневеликорусские говоры первичного и вторичного образования. Вместо учения об основе и наслоениях, представленных с традиционной точки зрения в любом средневеликорусском говоре, предлагается оценивать различные группы средневеликорусских говоров с учетом конкретно-исторического процесса их формирования. В зависимости от исторических условий в различных группах средневеликорусских говоров может быть представлено различное соединение языковых черт.

Само собой разумеется, однако, что данная работа, как посвященная рассмотрению целого ряда вопросов общетеоретического характера, должна быть подвергнута в настоящее время глубокой критической переработке. В этом направлении Р. И. Аванесов и ведет работу, которая должна быть завершена в текущем году.

Возросший уровень разработки источников, необходимых для построения истории русского языка (хотя преимущественно и диалектологических), а также общее оживление интереса к вопросам теоретического характера, наблюдаемое в языкознании после лингвистической дискуссии 1950 года, вызвали к жизни появление ряда статей, посвященных общим вопросам истории русского языка и диалектологии[82].

Выше упоминались уже статьи, в которых определяются основные принципы советской лингвистической географии, а также методы собирания, обработки и картографирования диалектных данных.

Из числа теоретических вопросов, относящихся к области исторического развития языков, советских лингвистов интересовала проблема общенародности языка, те предпосылки, на основе которых общенародность сохраняется на любом этапе его исторического развития, хотя на каждом из этих этапов она обеспечивается разными средствами. Обращаясь преимущественно к истории русского языка, авторы соответствующих статей показали роль сохранения генетической близости, роль определенных ведущих диалектов и, наконец, роль нормализованной формы общенародного языка в сохранении языком его общенародного характера.

Затрагивались также и вопросы о характере связей, наблюдаемых в развитии разных сторон языка, с историей народа на разных этапах развития общества. Наметилось определенное противопоставление в этом отношении тех периодов, когда письменная форма языка не имеет широкого распространения, а нормализация является слабой, тем периодам, когда складываются национальные государства, развиваются литературные языки, нормализация охватывает не только письменную, но и устную форму литературного языка. Характер языкового развития, особенно развития территориальных диалектов, в это время существенно меняется.

[82] См., например, Р. И. Аванесов, Учение о языке и диалекте в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. Сб. „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина". Изд. 2-е, М., 1952; его же, К вопросам образования русского национального языка, Вопросы языкознания, № 2, 1953; П. Я. Черных, О связи развития языка с историей народа в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. ИАН СССР, ОЛЯ, вып. 3, 1951; Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова, Вопросы изучения диалектов языков народов СССР. Вопросы языкознания, № 2, 1953; В. Г. Орлова, Изменения в характере развития русского языка в связи с историей народа. Вопросы языкознания, № 1, 1953.

Вскрывалась также и сущность процесса развития языка народности в национальный язык. Анализу подвергалась та наблюдающаяся при этом сложная перегруппировка диалектов, изменение их положения в пределах языка, которая во многом определяет собой специфику любого национального языка. В рассмотрении этого круга вопросов имелась попытка опереться не только на данные русского языка, но и на другие языки Советского Союза. Проблема смены диалектной базы или сохранения ее на разных этапах развития языка, видимо, должна по-разному решаться для разных языков. Подчеркивалось, что формирование национального языка не только диалектологическая проблема, но и проблема письменного языка.

Особую специфику имеет рассмотрение ряда соответствующих вопросов для формирующихся в пределах СССР национальных языков некоторых социалистических наций, ранее не имевших литературного языка, поскольку здесь появляется возможность сознательного планирования и регулирования соответствующих процессов.

В области истории украинского языка наиболее плодотворно работал выдающийся украинский ученый Л. А. Булаховский, подготовивший в последнее время к печати книгу о происхождении украинского языка. О том, что в данной книге поднимается большой и интересный круг вопросов, свидетельствует опубликованный автореферат[83], а также статья Л. А. Булаховского[84], в которой он решает вопрос о времени происхождения и характерных чертах той языковой среды, которая явилась основой современного украинского языка. В связи с этим выясняется, были ли Киев и Киевщина в определенную эпоху настолько опустошены, что это исключает предположение о непрерывности в их языковой традиции. Автор соглашается с теми из историков и лингвистов, которые отрицают полное опустошение указанных земель, и приходит к выводу о наличии для определенной части населения данной территории этнической и языковой преемственности.

Сходные вопросы рассматриваются и в книге П. П. Плюща „Вопросы исторического развития украинского языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию", вышедшей в Киеве в 1953 г.

Книга представляет собою попытку осветить некоторые вопросы развития украинского языка, в частности — литературного, с учетом всей суммы явлений, характеризующих определенный период в истории народа.

Автор рассматривает процессы, происходившие в языке восточных славян, начиная со времени, предшествующего образованию Киевской Руси, до начала формирования русской, украинской и белорусской народностей, затем характеризует язык украинской народности, язык эпохи начала формирования украинской нации и, наконец, украинский национальный язык (с подразделением на периоды: до Великой Октябрьской социалистической революции и советский период).

Большой научный интерес представляют статьи Л. А. Булаховского, объединенные под общим названием „З історичних коментарїв до української мови"[85], в которых рассматриваются многие вопросы фонетики, морфо-

[83] См. Вопросы языкознания, № 2, 1953.

[84] Очерки по истории украинского языка. К вопросу о языке древнего Киева и Киевщины. Мовознавство, т. XIII, 1955.

[85] См. Наукові записки Київськ. держ. ун-ту, т. V. вып. I, 1946; т. V, вып. II, 1946; т. VI, вып. I, 1947; т. VII, вып. III, 1948. Наукові записки Львівськ. держ. пед. ин-ту, т. I, вып. I, 1946; Мовознавство, т. VIII, 1949; т. IX, 1951; т. X., 1952.

логии и синтаксиса украинского языка (о гласных звуках полного образования, о протетических согласных, о явлениях метатезы, о родительном падеже, о сравнительной степени прилагательных и наречий, о личных и возвратных местоимениях, о словообразовании числительных, о происхождении украинских союзов, о порядке слов в актовом украинско-белорусском языке XIV—XV вв., о способах синтаксического оформления сказуемых в украинском языке и о ряде других вопросов, которые решаются на большом фактическом материале).

Ему же принадлежат „Порівняльно-історичні коментарії до українського наголосу“[86] и исследование „Фонетичні и морфологічні південноруссизми в староруських пам'ятках XII—XIV століть“[87], в котором отмечены наиболее яркие диалектные особенности, позволяющие с уверенностью выделять южнорусский тип памятников.

Большой интерес не только для украинского языкознания представляет и статья Л. А. Булаховского „Очерки восточнославянского ударения“[88], в которой рассматривается ударение суффиксальных образований имен существительных с окончаниями женского склонения на *-а*, *-я* и особенности ударения былых *-ъ* основ.

Свою статью „Уваги до питання про відносини між давньоруськими південними („українськими“) говірками і іншими слов'янськими“[89] Л. А. Булаховский посвятил обоснованию взгляда на восточнославянскую языковую общность как на что-то длительное время самостоятельно существовавшее, четко отграниченное в определенную эпоху от других славянских языков.

Большое внимание уделено языковедами изучению различных сторон языка деловых документов.

Отметим статьи: В. И. Борковского „Безличные предложения в древнерусских грамотах XIV—XV вв. южного происхождения“[90], Л. Л. Гумецкой „Жіночі особові назви в українській актовій мові XIV—XV ст.“[91] и „Нариси з історії української мови. Словотворча будова чоловічих особових назв в українській актовій мові XIV—XV ст.“[92], диссертацию Ф. Е. Ткача „Язык деловых документов канцелярии Богдана Хмельницкого (лексика и фразеология)“[93], статью У. Я. Едлинской „Спостереження над мовою першого листа Богдана Хмельницького до московського царя Олексія Михайловича“, где рассматриваются фонетические, морфологические, синтаксические и лексические черты этого документа[94], кандидатскую диссертацию Л. И. Коломийца „Язык украинских грамот XIV—XV вв.“[95]

---

[86] Наукові записки Київськ. держ. ун-ту, т. II, вып. 9, Філологічний збірник, № 4, Київ, 1952.

[87] Праці Київськ. держ. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка, т. I, Гуманітарні науки, 1954.

[88] Наукові записки Київськ. держ. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка, т. XIV, вып. II, 1955.

[89] Збірник праць історико-філологічного ф-ту. Мовознавство, вып. 7. Видавництво київського держ. ун-ту, Київ, 1954.

[90] ИАН СССР, ОЛЯ, т. IX, вып. 5, 1950.

[91] Наукові записки ін-ту суспільних наук Львівськ. філіалу АН УССР, т. III, Дослідження з мови та літератури, Київ, 1954.

[92] Журнал Мовознавство, „Наукові записки“. т. X, Київ, 1952.

[93] Автореферат. Львов, 1954.

[94] Сборник „Віковічна дружба народів — братів“, Київ, 1954, АН УРСР.

[95] Автореферат. Харьков, 1953.

В диссертации Л. И. Коломийца содержится анализ лексики, фонетики и грамматики языка указанных грамот, являющихся важным источником при изучении языка украинской народности в период ее формирования.

Автор приходит к выводу о том, что в эпоху XIV—XV вв. на территории украинской народности складывается единый и общий язык народности. В это время возникает или расширяется в своем употреблении и укрепляется ряд специфических украинских явлений в области фонетической системы, грамматического строя, словарного состава.

Изучались и другие памятники письменности, в первую очередь летописи, в частности со стороны синтаксической. Имеем в виду статьи С. Ф. Бевзенко[96], И. С. Свенцицкого[97], И. И. Слынько[98], кандидатские диссертации С. Ф. Бевзенко[99], И. И. Слынько[100] и А. Я. Петренко[101]. На материале различных памятников построена статья И. М. Керницкого „Спостереження над складеними формами минулого часу в староруських и староукраїнських пам'ятках до XVI ст."[102].

Следует отметить еще выход в свет учебного пособия по исторической грамматике украинского языка, которое восполняет пробел в этой области в украинистике[103].

При освещении истории словоизменения в украинском языке автор исходит из древнейших форм, общих для всех восточнославянских языков, прослеживая затем их развитие и становление морфологической системы в современном языке.

Выводом данной книги является установление основной тенденции в процессе развития морфологической системы украинского языка, а именно — стремление к бóльшему единообразию и унификации системы флексий, которые развиваются наряду с развитием аналитического строя речи.

Наиболее значительными как по широте охвата материала, так и по глубине разработки отдельных тем работами по истории белорусского языка до сих пор продолжают оставаться капитальные труды акад. Е. Ф. Карского, давно ставшие библиографической редкостью.

Вот почему следует особенно подчеркнуть, что Институт языкознания АН БССР переиздает под редакцией В. И. Борковского все три выпуска тома II „Белорусов" Е. Ф. Карского, содержащие исследование в историческом плане фонетических, морфологических и синтаксических явлений белорусского языка. В этом году выходит первый выпуск тома II „Белорусов".

---

[96] Спостереження над синтаксисом українських літописів в XVII ст. Наукові записки Ужгородск. держ. ун-ту, т. IX, 1954.

[97] Мова галицько-волинського літопису. Наукові записки Львівськ. держ. ун-ту ім. І. Франко, т. XI, вып. 4, Серия філол., 1949.

[98] Часові звороти в літописі Величка. Наукові записки Кіровоградськ. держ. пед. ін-ту, т. I. 1951.

[99] Студії над синтаксисом українських літописів XVII століття. Автореферат. Одесса, 1950.

[100] Синтаксис летописи Величко. Автореферат. Львов, 1954.

[101] Очерки по истории гипотактических союзов в украинском языке. На материале летописи С. Величко. Автореферат. Харьков, 1952.

[102] Наукові записки ін-ту суспільних наук Львівськ. філіалу АН УРСР, т. III, Дослідження з мови та літератури, Київ, 1954.

[103] С. Ф. Бевзенко, Нариси з історичної граматики української мови. Морфологія, Изд. Київського держ. ун-ту. Київ, 1953.

Большое место в исследованиях белорусских ученых занимает проблема происхождения белорусского языка. Этой проблеме посвящена, например, работа А. Я. Биралы о происхождении и развитии белорусского языка, носящая, впрочем, компилятивный характер[104]. Бо́льшего внимания заслуживают работы, посвященные частным вопросам истории белорусского языка, построенные на конкретном и свежем материале. Такова, например, работа Н. Т. Войтович, посвященная одной из важнейших черт консонантизма современного белорусского языка — дзеканью и цеканью[105]. Автор решительно высказывается против „ляшской" теории происхождения этой черты, выдвинутой А. А. Шахматовым, и доказывает позднее происхождение ее. Дзеканье и цеканье автор считает чертой, развившейся на белорусской почве самостоятельно и в исторический период. Влияние польского языка опровергается рядом убедительных доводов.

Историческая морфология белорусского языка тоже привлекала внимание исследователей. Так, М. А. Жидович в статье, посвященной именному склонению, рассматривает процесс формирования современной системы именного склонения в белорусском языке[106]. Эта статья является частью большой монографии об именном склонении в белорусском языке, над которой автор в настоящее время работает.

На материале памятников XV—XVI вв., то есть периода становления белорусской народности, А. Я. Бирало проследил историю именного склонения прилагательных[107]. Формы прилагательных, рассмотренные в статье, показывают, что отдельные элементы народных говоров, несмотря на традицию, проникают в письменный язык.

Грамматической системе глагола посвящено исследование А. И. Журавского[108]. На материале памятников XIV—XVII вв. автор дает анализ форм повелительного наклонения и обзор синтаксических функций этих форм. В процессе исследования автор приходит к выводу, что система форм повелительного наклонения в белорусском языке в основном уже сложилась к началу XVI в. В процессе развития форм повелительного наклонения произошли троякого рода изменения: 1) такие же, как в русском и украинском языках; 2) такие же, как в украинском, но не в русском языке; 3) в северо-восточных говорах — как в русском языке, в юго-западных — как в украинском. Таким образом, изменения в области форм повелительного наклонения хотя и не выходят за пределы общей истории форм повелительного наклонения славянского глагола, тем не менее сочетание всех наблюдающихся особенностей создает особый, белорусский, тип, свидетельствующий о становлении белорусского языка как языка самостоятельного.

---

[104] А. Я. Бірала, Да пытання аб пахожданні і развіцці беларускай мовы. Працы Ін-та мовазн. АН БССР, т. II. Мінск, 1954.

[105] Н. Т. Вайтовіч. Да пытання аб пахожданні беларускага дзекання і цекання. Вуч. записки Мінскага дзярж. пед. ін-та им. А. М. Горкага. Філалагічная серыя, вып. I, Мінск, 1950.

[106] М. А. Жыдовіч, Да пытання аб устойлівасці скланення назоўнікаў у беларускай мове. Працы Ін-та мовазн. АН БССР, вып. II, Мінск, 1954.

[107] А. Я. Бірала, З гісторыі прыметнікаў у беларускай мове. Імянное скланение прыметнікаў. Кароткія (нячленныя) формы. Працы Ін-та мовазн. АН БССР, вып. I, Мінск, 1954.

[108] А. И. Журавский, История повелительного наклонения в белорусском языке. Автореферат. Минск, 1953.

Известная часть работ посвящена исторической лексикологии белорусского языка. В кругу проблем этой части белорусского языкознания важное место занимает проблема становления собственно белорусской лексики. Этой проблеме посвящена статья М. Г. Булахова[109], написанная на материале памятников XIV—XVI вв. На базе довольно большого материала автор делает попытку выделить в лексике древнебелорусского языка различные пласты: общеславянский, общерусский и собственно белорусский (последний в отличие от русского). Автор ставит своей задачей хотя бы в общих чертах определить специфически белорусскую лексику.

Попытке определить специфически белорусскую лексику древнебелорусского языка посвящено исследование П. Ф. Крапивина о словарном составе одного из памятников второй половины XVI века[110]. Отличия лексики „Отписов" от лексики древнерусского литературного языка XI—XIII вв. обусловлены, по мнению автора, влиянием местных западнорусских диалектов, не успевших перемолоться в литературном языке Киевской Руси и вновь оживших в период феодальной раздробленности; вторая причина отличий — новые слова, появившиеся в Восточной Руси и в Западной Руси. Этому же периоду (XVI в.) посвящено лексикологическое исследование В. Ф. Кривчика[111].

Историческому синтаксису белорусского языка посвящены большое исследование Т. П. Ломтева[112] и кандидатская диссертация Б. С. Лапова[113]. Задача последнего исследования — установление закономерностей словорасположения в письменном языке, влияние контекста на структуру предложения, а также выяснение изменений закономерностей порядка слов от XV—XVII вв. до нашего времени.

Монографическому изучению отдельных памятников белорусской письменности уделялось мало внимания. Из числа таких работ можно назвать статью М. А. Жидович о Супрасльской летописи[114]. В статье анализируются орфография памятника и отразившиеся в ней отдельные черты вокализма и консонантизма древнебелорусского языка.

Исследование отдельных вопросов истории белорусского языка, а также использование соответствующих работ предшествующего времени позволили коллективу белорусских языковедов создать труд — „Очерки по исторической грамматике белорусского языка", который явится важным

[109] М. Г. Булахаў, Да пытання аб асноўным слоўнікавым фондзе і слоўнікавым саставе старажытнай беларускай мовы. Працы Ін-та мовазн. АН БССР, вып. II, Мінск, 1954.

[110] П. Ф. Крапивин, Словарный состав „Отписов" Филона Кмиты Чернобыльского (К вопросу о словарном составе белорусского литературного языка второй половины XVI века). Автореферат. Минск, 1954.

[111] В. Ф. Кривчик, Словарный состав белорусских переводных повестей второй половины XVI в. Автореферат. 1952.

[112] Т. П. Ломтев, Исследование в области белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка. Ученые записки Белорусского гос. ун-та. Серия филологическая, вып. II, Минск, 1947.

[113] Б. С. Лапов, Порядок слов в белорусском языке на материале памятников XV—XVII вв. (Место подлежащего и сказуемого в простом предложении). Автореферат. Минск, 1955.

[114] М. А. Жыдовіч, Да гісторыі беларускага пісма і мовы. Арфаграфічныя і фанетычныя рысы Супрасльскага летапісу. Працы Ін-та мовазн. АН БССР, вып. I, Мінск, 1954.

учебным пособием для филологических факультетов университетов и педагогических институтов. В „Очерках“ освещаются вопросы развития белорусского языка, исследуются особенности его фонетической, морфологической и синтаксической системы, выясняется его место среди других славянских языков, показывается то общее, что роднит и сближает белорусский язык с языками других славянских народов, в первую очередь с русским языком, делается попытка периодизации истории белорусского языка. Авторская работа над „Очерками“ окончена, в этом году рукопись будет передана в издательство.

В своем докладе мы остановились только на основных вопросах разработки исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков, не ставя перед собой задачи отметить все появившиеся за последние десять лет труды советских ученых. Такая задача и не могла бы быть выполнена в одном докладе, так как за истекшие годы опубликовано огромное количество статей и авторефератов диссертаций.

Оценивая все сделанное советскими учеными за десять лет, мы должны отметить определенные достижения в области разработки исторической грамматики и диалектологии восточнославянских языков.

В то же время необходимо подчеркнуть, что советские языковеды не удовлетворены этими успехами, считая, что предстоит еще многое сделать, чтобы уровень работ соответствовал тем блестящим условиям, которые созданы для науки в Советском Союзе.

Ю. С. МАСЛОВ

ИЗУЧЕНИЕ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В СССР ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ[1]

В дореволюционной России и в СССР всегда существовал живой общественный интерес к истории, быту, культуре и языку братских славянских народов. Особенно возрос и усилился этот интерес за последние пятнадцать лет, в период совместной борьбы славян против фашистской агрессии и в послевоенный период, ознаменовавшийся тесным сближением славянских стран, укреплением дружественных связей между ними. Естественно, что в результате этого за послевоенные годы в СССР отмечается значительный подъем в работе по изучению западных и южных славянских языков. Еще более оживилась эта работа после свободной лингвистической дискуссии 1950 г., когда советское языкознание, освободившись от антинаучных, немарксистских концепций, вступило на новый путь развития, когда, в частности, был восстановлен в правах сравнительно-исторический метод и получила признание работа в области сравнительной грамматики славянских языков.

В настоящее время важнейшими научными центрами славянского языкознания в СССР являются Институт славяноведения АН СССР в Москве, именно — Сектор языкознания Института, Институт языкознания им. А. А. Потебни АН УССР в Киеве, кафедры славянских языков или славянской филологии в Московском, Ленинградском, Киевском и Львовском государственных университетах. В указанных научных центрах работает большинство советских славистов-языковедов, пишутся и издаются исследования по южным и западным славянским языкам и по сравнительной грамматике славянских языков, выходят славистические журналы или периодические сборники, такие, как „Ученые записки“ и „Краткие сообщения“ Института славяноведения, „Вопросы славянского языкознания“ (Москва), „Вопросы славянского языкознания“ (Львов), „Статьи и материалы по болгарской диалектологии“ (Москва). Здесь же на славянских отделениях университетов и через аспирантуру идет подготовка новых кадров языковедов-славистов.

---

[1] В докладе рассматривается также изучение сравнительной грамматики славянских языков за тот же период.

Тематика научных исследований по славянскому языкознанию, опубликованных в СССР за последние десять лет, либо защищенных за эти годы в качестве кандидатских и докторских диссертаций, а также тех работ по славянским языкам, которые сейчас близятся к завершению, охватывает вопросы фонетики, исторической грамматики и грамматики современных славянских языков, вопросы лексикологии и семасиологии, диалектологии, истории литературных языков, вопросы исторических связей между славянскими языками, а также между славянскими и неславянскими языками и т. д.

В области исторической и сравнительной фонетики славянских языков прежде всего отметим широко известные работы акад. АН УССР Л. А. Булаховского по славянской акцентологии. В 1950 г. в Киеве вышел его „Акцентологический комментарий к польскому языку", в 1953 г. первый выпуск „Акцентологического комментария к чешскому языку", несколько ранее была написана работа „Серболужицкие отражения древнейшей славянской акцентологической системы"[2], исследовался в сравнительно-историческом плане материал по акцентологии восточнославянских языков[3], в настоящее время готовится к печати обширное „Введение в славянскую акцентологию", которое, в частности, содержит развернутый очерк акцентологических особенностей сербохорватского и словенского языков. К названным работам Л. А. Булаховского примыкает его работа „Интонация и количество форм dualis именного склонения в древнейшем славянском языке"[4].

Другим вопросам фонетики общеславянского языка-основы посвящены работа проф. П. С. Кузнецова „Чередования в общеславянском языке-основе"[5] и докторская диссертация В. П. Петруся (1945 г.) „Славянская фонематическая структура типа tъlt, tьlt" (часть этого исследования опубликована в виде статьи „К вопросу о происхождении фонетической формы лексем pólk и mowa в польском языке")[6]. В настоящее время в Москве, в Институте славяноведения и в Институте языкознания АН СССР, ведется исследование большой темы „История категории твердости и мягкости согласных в славянских языках в связи с историей вокализма" (руководитель темы — проф. Р. И. Аванесов). Первая часть этой работы, исполненная Л. Э. Калнынь и построенная на материале истории русского языка, уже завершена и в ближайшее время будет опубликована в XIII томе „Ученых записок" Института славяноведения.

Ряд вопросов сравнительной и исторической фонетики славянских языков разрабатывается во Львове. Назовем, в частности, работу И. И.

---

[1] Краткую аннотацию автора об этой работе см. в киевском журнале „Мовознавство", т. IV—V, 1947 г., стр. 275.

[2] Ср. Л. А. Булаховский, Восточнославянские языки как источник реконструкции общеславянской акцентологической системы, ИАН СССР, ОЛЯ (Известия Академии наук, Отделение литературы и языка), т. V, 1946, вып. 6, стр. 467—477; его же, З історичних коментарів до українського наголосу, Наукові записки Льв. держ. пед. інст., т. I, вып. 1, 1946, стр. 5—10; его же, Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола, Доклады и сообщения Ин-та русского языка, вып. I, 1948, стр. 18—48 и др. работы.

[3] ИАН СССР, ОЛЯ, т. V, 1946, вып. 4, стр. 301—315.

[4] Вопросы славянского языкознания, I, М., 1954, стр. 24—67.

[5] ИАН СССР, ОЛЯ, т. VI, 1947, вып. 1, стр. 51—76.

Ковалика[7], в которой на материале главным образом народных говоров разных славянских языков рассматриваются явления ассимиляции и диссимиляции по работе нёбной занавески в группах с носовым согласным (*бм* > *мм*, *бл* > *мн* и т. д. и обратно *мн* > *бн*, *мн* > *мл* и т. п.); работу Г. Ф. Шило о протетических согласных в славянских языках[8]; кандидатскую диссертацию М. О. Онышкевича „Звуки польского языка XII—XVI вв."[9].

В области истории грамматического строя славянских языков внимание советских славистов привлекают вопросы синтаксиса падежей, истории полных и кратких форм имени прилагательного, историческое развитие местоимений, вопросы происхождения и исторического развития глагольного вида и его взаимоотношения с категорией времени, генезис сложноподчиненного предложения и его разных типов и т. д.

Работа по синтаксису падежей, в первую очередь творительного, дательного и местного, заняла видное место в планах научной работы Института славяноведения АН СССР и кафедры славянских языков Московского университета. Цель коллективных усилий советских ученых в этой области — создание на базе широкого исследования нового, ранее не привлекавшегося материала, важного раздела сравнительного синтаксиса славянских языков.

В настоящее время закончена и в недалеком будущем идет в печать обширная монография, посвященная истории функций творительного падежа (коллективная работа). В этом исследовании обстоятельно и по всем славянским языкам рассматриваются значения и функции творительного падежа как в беспредложном, так и в предложном его употреблении, анализируются синонимические и параллельные конструкции, широко освещаются процессы адвербиализации творительного падежа. К указанной работе тесно примыкает посвященная более частному вопросу кандидатская диссертация Н. Х. Ивановой „Творительный предикативный падеж в польском языке"[10], в которой на материале древних памятников письменности, современных народных говоров и литературного языка XIX—XX вв. рассматриваются соотношение творительного предикативного и именительного предикативного падежей и процесс постепенного расширения сферы употребления творительного предикативного.

В 1954 г. в Московском университете защищена и другая кандидатская диссертация, посвященная синтаксису падежей, — диссертация Н. М. Елкиной „Беспредложные конструкции применных родительного и дательного падежей в старославянских и среднеболгарских памятниках", подготовлена к печати и войдет в XIII том „Ученых записок" Института славяноведения большая работа А. Б. Правдина „Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках", закончено исследование функций славянского локатива.

---

[7] І. І. Ковалик, Назалізація і деназалізація приголосних у слов'янських мовах. Львовский гос. ун-т им. И. Франко, Вопросы славянского языкознания, кн. 3, Львов—Харьков, 1953, стр. 71—98.

[8] Г. Ф. Шило, Явище протези в слов'янських мовах. Там же, кн. 2, 1949, стр. 229—247.

[9] Автореферат. Львов, 1949.

[10] Автореферат. М., 1954, а также Краткие сообщения Ин-та славяноведения (КСИС), вып. 15, 1955, стр. 77—78.

Анализу функций кратких и полных прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) была посвящена кандидатская диссертация Н. И. Толстого[11]. В настоящее время коллектив сотрудников Института славяноведения работает над большой монографией, в которой тот же вопрос будет рассмотрен на материале всех южнославянских языков, особенно же — сербохорватского и словенского, как языков, в которых до настоящего времени сохранилась корреляция именных и местоименных форм имени прилагательного в рамках атрибутивной функции. Над сходными вопросами работает в Ленинграде Э. А. Якубинская[12].

Истории форм местоимения в славянских языках посвятили свои работы С. Ф. Самийленко в Киеве[13] и Н. В. Павлюк в Одессе[14]; запланирована работа по истории личных и возвратных местоимений и в Институте славяноведения в Москве.

Ряд работ был посвящен вопросам происхождения славянского глагольного вида и взаимоотношениям между видом и временем. Здесь прежде всего надо назвать статьи В. В. Бородич и ее докторскую диссертацию, посвященную вопросам вида в старославянском языке[15], далее работы П. С. Кузнецова[16], Е. В. Чешко[17], Ю. С. Маслова[18], кандидатские диссертации по истории употребления прошедших времен глагола в сербохорватском (диссертация И. Е. Можаевой)[19] и в болгарском языке (диссертация Е. И. Де-

---

[11] Краткие и полные прилагательные в старославянском языке. Автореферат. М., 1954. Основная часть диссертации будет опубликована в ближайшее время в готовящемся втором выпуске московских „Вопросов славянского языкознания".

[12] См. Э. А. Якубинская, Употребление и развитие кратких и полных прилагательных в славянских языках. Научная сессия 1953—1954 г. ЛГУ. Тезисы докладов по секции филол. наук. Л., 1954, стр. 23—26.

[13] См. его статью „Про форму називного відмінка множини займенника 1-і особи *мы* (*ну*) у слов'янських мовах" (Мовознавство, т. 12, Киев, 1953, стр. 119), представляющую собою автореферат раздела работы „История личных местоимений в славянских языках".

[14] См. Н. В. Павлюк, Категория местоимения в старопольском языке. Автореферат. 1952; его же, Категорія займенника в старопольській мові. Збірник філол. факультету Одеського держ. унів., т. III, 1953, стр. 59—64.

[15] Ср. следующие работы В. В. Бородич:
Видовые отношения старославянского глагола, автореферат докторской диссертации, М., 1953; К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола, Ученые записки Ин-та славяноведения (УЗИС), т. IX, 1954, стр. 50 и сл.; К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках, Вопросы языкознания, 1953, № 6, стр. 68 и сл.; К вопросу о значении аориста и имперфекта в старославянском языке, в сб. „Славянская филология", изд. МГУ, М., 1951, стр. 24—37; К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке, УЗИС, т. III, 1951, стр. 345—393; Из истории будущего времени в болгарском языке, Вестник МГУ, 1948, № 5, стр. 19—24; Об одной особенности болгарского глагола, в сб. „Славянская филология", 2 изд. МГУ, М., 1954, стр. 76—96.

[16] П. С. Кузнецов, К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка. Труды Ин-та языкознания, т. II, М., 1953, стр. 220—256.

[17] Е. В. Чешко, К истории славянских глагольных видов (основы глаголов движения в Зографском кодексе). УЗИС, т. III, М., 1951, стр. 328—344.

[18] Ю. С. Маслов, Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. Вопросы славянского языкознания, вып. 1, М., 1954.

[19] И. Е. Можаева, История употребления простых прошедших времен в сербохорватском языке. Автореферат. М., 1954.

миной)[20], по словообразованию глаголов движения в польском языке (диссертация З. Н. Стрекаловой)[21]. Несмотря на ряд расхождений в деталях, все перечисленные авторы рассматривают совершенный и несовершенный вид в славянских языках как категорию более или менее позднюю, слагающуюся на базе существенно иных отношений, отчасти сохраненных рядом славянских языков (разумеется, уже в сильно трансформированном состоянии), в противопоставлении моторно-некратных и моторно-кратных глагольных основ. Ряд работ советских славистов, посвященных происхождению глагольного вида, уже подвергся обсуждению в журналах Чехословакии и Польши[22]. Работа над этой темой продолжается и дальше, как над коллективной темой, объединяющей ряд сотрудников в Институте славяноведения АН СССР.

В украинском Институте языкознания им. А. А. Потебни под руководством Л. А. Булаховского коллектив сотрудников разрабатывает тему „Организация сложного предложения в западнославянских языках (под сравнительно-грамматическим углом зрения)". Более частным вопросам истории сложного предложения в разных славянских языках посвящены работы других советских славистов — Е. Т. Черкасовой „Причинные союзы и их значения в старославянском языке"[23], Я. В. Мацюсович „Сложноподчиненное предложение в польской письменности XIV—XVI вв."[24], О. Б. Ткаченко „Очерк истории изъяснительных союзов в польском литературном языке" (на материале произведений Рея, Бельского и Скарги)[25]. Работы двух последних авторов интересны и в плане стилистического анализа языка художественной литературы.

Ряд исследований советских славистов был посвящен исторической лексикологии и семасиологии славянских языков, а также вопросам словообразования и этимологии. Здесь прежде всего назовем исследования Л. А. Булаховского о славянских наименованиях птиц[26] и его статью „Отношения глагольных и именных образований в чешском языке"[27], в которой автор,

---

[20] Е. И. Д е м и н а, Значение и употребление прошедших времен в памятниках болгарской письменности XVII—XVIII вв. Автореферат. М., 1954.

[21] Автореферат. М., 1955. Назовем еще печатающуюся в Ученых записках ЛГУ работу А. В. Б о н д а р к о об употреблении глаголов совершенного и несовершенного вида в историческом настоящем в чешском языке, а из других областей исторической морфологии — работы Е. В. Н е м ч е н к о о причастиях действительного залога в древнечешском языке (см. УЗИС, т. IX, 1954, стр. 225 и сл., и КСИС, вып. 7, 1952, стр. 59 и сл.).

[22] A. Dostál, Zkoumání otazky slovesných vidů v sovětské jazykovědné literatuře poslední doby. Sovětská jazykověda, 1955, Ročník V. Sešit I, стр. 56—68. — A. M i r o w i c z, Dwie prace radzieckie o aspektach czasowników. Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, 4 (9), 1954, стр. 228—235. — F. Kopečny, Sovětská jazykověda, 1955, R. V., S. 2, стр. 117—119.

[23] УЗИС, т. IX, 1954, стр. 5—49.

[24] Автореферат. Л., 1953. См. еще статью того же автора „Основные особенности сложноподчиненного предложения современного польского литературного языка (сравнительно с русским языком)". Ученые записки ЛГУ, т. 156, Серия филол. наук, вып. 15, 1952, стр. 194—218.

[25] Автореферат. Киев, 1954.

[26] См. Ученые записки Львовского гос. ун-та, т. VII, 1948; Вопросы славянского языкознания, кн. 1, стр. 153—197 и Мовознавство, т. VI, 1948, стр. 34—66.

[27] Наукові записки Київського університету, т. X, вип. III, 1951, стр. 47—68.

опираясь на количественные различия гласных в префиксальных образованиях, на большом материале исследует первоначальные отношения глагольных и именных слов, как и случаи позднейших аналогических нарушений первоначального состояния; далее работы Р. М. Цейтлин о значениях применных приставок *на-* и *су-* в славянских языках[28]; большое исследование А. С. Львова „Из наблюдений над лексикой старославянских памятников"[29], работы О. Н. Трубачева по славянской этимологии.[30] В недалеком будущем будет завершена кандидатская диссертация того же автора „Происхождение славянских терминов родства и древнейшей общественной организации". В дальнейшем Институтом славяноведения запланированы работы по изучению в этимологическом и историко-семасиологическом плане славянских терминов гончарного и ткацкого дела, славянских названий земледельческих орудий, названий жилища и его частей и некоторые другие аналогичные темы. Работа над этой проблематикой ведется и будет в дальнейшем вестись в контакте с историками и археологами[31] и будет направлена на выявление древнейшей территории расселения, хозяйственного уклада и быта славянских племен. Некоторые теоретические вопросы сравнительно-исторической славянской лексикологии поставлены в выступлениях акад. В. В. Виноградова[32], Н. П. Гриньковой[33], И. И. Ковалика[34] и др.

Ряд трудов советских славистов был посвящен исторической диалектологии и истории литературных языков отдельных славянских народов, а также вопросам взаимодействий между славянскими языками в области лексики, синтаксиса, стиля и в других областях. Здесь в первую очередь отметим большую монографию проф. С. Б. Бернштейн, посвященную языку влахоболгарских грамот XIV—XV вв.[35]. Книга С. Б. Бернштейна представляет значительный интерес для истории болгарского языка, так как исследует язык текстов, в которых впервые в истории болгарской письменности широко и последовательно проявились черты восточноболгарской народной речи. Далее назовем статью того же автора, посвященную вопросу общей

---

[28] Статья „Об основных значениях применной приставки *на-* в славянских языках" напечатана в УЗИС, т. IX, 1954, стр. 205 и сл.; статья о приставке *су-* печатается в одном из ближайших выпусков „Кратких сообщений" того же института.

[29] УЗИС, т. IX, 1954, стр. 139 и сл.

[30] К этимологии слова *собака*. КСИС, 15, 1955, стр. 48—55. Другая статья того же автора, посвященная этимологии слов *зима*, *железо*, *гвоздь* и *щелять*, будет опубликована во втором выпуске „Вопросов славянского языкознания".

[31] Из работ историков и археологов, представляющих интерес для лингвиста, отметим книгу П. Н. Третьякова „Восточнославянские племена", 2-е изд., М., 1953 (см. рецензии на нее Т. Лер-Сплавинского, Вопросы языкознания, 1955, № 1, и Й. Эйснера, Slavia, XXIII, 1954) и его статью „Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языке и языкознании", Вісник АН УРСР, 1952, № 7, стр. 9—15.

[32] См. В. В. Виноградов, Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков. Научный бюллетень ЛГУ, 1946, № 11—12, стр. 26—29.

[33] Н. П. Гринкова, Некоторые вопросы изучения словарного состава славянских языков. Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена, т. 92, Л., 1954, стр. 35—70.

[34] І. І. Ковалик, Питання порівняльного вивчення словотвору слов'янських мов у світлі марксистського вчення про мову. Доповіді та повідомлення Львівського держ. університету ім. Ів. Франка, вип. 4, частина 1, Харьков, 1953, стр. 47—50.

[35] Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. I. Язык валашских грамот XIV—XV веков. М.—Л., 1948.

периодизации истории болгарского языка[36], кандидатскую диссертацию А. М. Булыгиной-Шейнкерман по истории чешского языка XV в.[37], работы С. С. Советова по истории польского литературного языка[38], Р. Т. Коломиец по истории чешского литературного языка в XIX в.[39], наконец, готовящуюся кандидатскую диссертацию Т. П. Поповой о словаре Вука Караджича.

Вопросы взаимодействия славянских литературных языков ставятся в интересной статье Л. А. Булаховского[40]. Более частным вопросам взаимодействия между славянскими языками посвящены работы М. О. Онышкевича о словах восточнославянского происхождения в польском языке[41], В. М. Тамзнь о польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII в.[42] и др.

За последние годы оживилась работа в области старославянского языка (см. упомянутые выше работы В. В. Бородич, Н. И. Толстого, Е. В. Чешко, А. С. Львова и др.). Отметим еще, что в настоящее время идет работа над подготовкой нового издания Остромирова евангелия. Издание будет приурочено к 900-летию памятника и будет содержать, кроме старославянского текста, греческий оригинал и словарь.

Значительное внимание уделяется в СССР исследованию современных литературных языков братских славянских народов, их фонетики, грамматики и лексики.

В области фонетики отметим работы П. С. Кузнецова — по фонологии сербохорватского языка[43] и С. К. Шаумяна — по польской фонологии[44], статью Б. М. Задорожного об интонации предложения в современных славянских языках (на материале вокальных произведений, главным образом русской и чешской музыки)[45].

---

[36] К вопросу о периодизации истории болгарского языка. ИАН СССР, ОЛЯ, т. IX, М.—Л., 1950, вып. 2, стр. 108—118.

[37] Язык „Сети веры" Петра Хельчицкого. Автореферат. М., 1952; и КСИС, 15, М., 1955, стр. 79—86.

[38] Стилистическое осмысление мужеско-личных и „предметных" окончаний в поэтическом языке „Гражины" Мицкевича. Ученые записки ЛГУ, Серия филол. наук, вып. 14, 1949, стр. 51—75.

[39] Порядок слов в чешской прозе первой половины XIX в. Автореферат. Киев, 1950; КСИС, 7, 1952, стр. 67—74 и „Вопросы славянского языкознания" (Львовского гос. ун-та), кн. 3, 1953, стр. 117—128.

[40] К истории взаимоотношений славянских литературных языков. ИАН СССР, ОЛЯ, т. X, 1951, вып. 1, стр. 37—49. (Ср. рецензию Н. Ю. Шведовой и Н. А. Баскакова, Советская книга, 1952, № 2, стр. 112).

[41] М. Й. Онишкевич. Слова східнослов'янського походження в польській мові. Доклады и сообщения Львовского гос. ун-та, вып. III, ч. I, Харьков, 1952, стр. 25.

[42] Автореферат. 1953. Ср. еще статью Л. В. Матвеевой-Исаевой. О заимствованных словах. Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена, т. 92, 1953, стр. 71—101.

[43] О фонологической системе сербохорватского языка. ИАН СССР, ОЛЯ, т. VII, М., 1948, вып. 2, стр. 125 и сл.

[44] Система гласных фонем современного польского литературного языка. УЗИС, т. III, М., 1951, стр. 394—406. Ср. также кандидатскую диссертацию того же автора „Система фонем современного польского литературного языка". Автореферат. М., 1950.

[45] Б. М. Задорожний, До питання про інтонацію в слов'янських мовах. Вопросы славянского языкознания (Львовского гос. ун-та), кн. 3, Львов—Харьков, 1953, стр. 107—116.

В области грамматики современных славянских языков укажем на кандидатскую диссертацию Н. А. Кондрашова „Категория личности и неличности в словацком языке" (МГУ, 1949 г.) и его статью на ту же тему в сборнике „Славянская филология" Московского университета[46], на небольшую статью А. Г. Широковой о морфологической классификации чешского глагола[47], работы А. С. Посвянской о порядке слов в польском языке[48], П. А. Дмитриева о сложноподчиненном предложении в современном сербохорватском языке[49] и др. Закончены и в недалеком будущем увидят свет работы Л. Н. Смирнова „Страдательные конструкции в словацком языке" и В. Т. Коломиец „Функции союзов и союзных слов в языке современной чешской художественной литературы".

Большую работу ведет Институт славяноведения по грамматике современного болгарского языка. Коллектив авторов работает здесь над книгой „Основные вопросы болгарской грамматики", в которой намечено дать экспериментально-фонетическое исследование литературного болгарского произношения, описание системы грамматических средств болгарского языка, исследование средств выражения синтаксических связей имени существительного и местоимения с другими словами в предложении, исследование системы вида болгарского глагола, категории пересказывательного наклонения и некоторых вопросов словообразования имени и синтаксиса простого предложения.

В ходе подготовки книги было проведено два совещания с обсуждением ее проспекта и некоторых уже написанных разделов будущей коллективной работы. Материалы этих совещаний опубликованы в „Кратких сообщениях" Института славяноведения[50]. Особенно оживленное обсуждение вызвал отраженный в докладе Е. В. Чешко подход авторского коллектива грамматики к исследованию средств выражения синтаксических связей имени существительного[51].

---

[46] Категория личности имен существительных в словацком языке. Славянская филология, 2 изд. МГУ, М., 1954, стр. 38—67.

[47] К вопросу о классификации чешского глагола. Вестник МГУ, 1948, № 4, стр. 29—35.

[48] К вопросу о порядке слов в польском языке (место одиночного определения, выраженного именем прилагательным). Автореферат. М., 1954. Часть работы, рассматривающая случаи локализационного отрыва определения-прилагательного от определяемого слова, печатается в XIII томе УЗИС.

[49] Сложноподчиненное предложение с определительным придаточным в современном сербохорватском языке. Автореферат. Л., 1955.

[50] См. КСИС, 10, 1953, где помещен проспект книги, доклады С. Б. Бернштейна, Е. В. Чешко и Ю. С. Маслова, выступления участников первого совещания по проспекту и по докладам, отзывы о проспекте, полученные из Института болгарского языка Болгарской Академии наук и от кафедры славяноведения Карлова университета в Праге; КСИС, 15, 1955, где помещены доклады: М. И. Матусевич „Экспериментально-фонетические исследования согласных болгарского языка", Е. В. Чешко „Словосочетания с предлогом *с* в болгарском литературном языке" и Ю. С. Маслова „О своеобразии морфологической системы глагольного вида в современном болгарском языке", а также, в разделе хроники, довольно подробный отчет о втором совещании. С проблематикой книги „Основные вопросы болгарской грамматики" тесно связана также статья Ю. С. Маслова „О морфологических средствах современного болгарского языка" (Ученые записки ЛГУ, № 156, 1952, Серия филол. наук, вып. 15, стр. 155 и сл.).

[51] Из других работ по болгарской грамматике укажем на кандидатскую диссертацию Л. П. Ивановской „Значение и употребление члена в современном болгарском языке" (Автореферат. Л., 1955) и на статью Г. К. Венедиктова о глаголах с двумя приставками, которая будет напечатана в одном из ближайших томов Ученых записок ЛГУ.

Особо отметим работы С. Б. Бернштейна, связанные с вопросами нормативной грамматики самого молодого из литературных славянских языков — македонского: небольшую статью „К вопросу о форме 3-го лица единственного числа настоящего времени в македонском литературном языке“[52], в которой автор, исходя из фактов центрально-македонских говоров, положенных в основу литературной нормы, а также из литературной традиции предшествующего периода, предлагает считать литературными формы 3-го лица единственного числа настоящего времени со звуком *-т* на конце (типа *бегаш, носиш, шраш, шеш*) вместо форм без *-т* (типа болгарских или сербских), и подготавливаемую им книгу „Македонский язык“, в которой будет дано описание основных норм литературного македонского языка в их отношении к фактам говоров и к предшествующей литературной традиции[53].

Ряд работ был посвящен вопросам словообразования и лексикологии современных славянских языков. Это кандидатская диссертация Т. Б. Козминской о сложных словах в современном чешском литературном языке, подготавливаемые кандидатские диссертации Р. В. Кравчука о суффиксах существительных в современном чешском языке, Г. А. Шилиной „Новые явления в лексике современного чешского языка“, В. С. Золотовой „Продуктивные именные суффиксы со значением лица в современном польском языке“, статья М. О. Онышкевича о сложносокращенных существительных современного польского языка[54]. Общий обзор новых явлений в лексике и фразеологии чешского и польского языков дан в статьях В. Т. Коломиец[55] и Л. Л. Гумецкой[56]. В области лексикографии укажем на заметку Л. Л. Гумецкой „К вопросу о переводе польских отглагольных существительных в польско-украинском словаре“[57].

Значительная работа проделана в Институте славяноведения АН СССР по болгарской диалектологии, именно по изучению болгарских говоров на территории СССР. В течение ряда лет в болгарские села Молдавской ССР и Измаильской области УССР, а также других областей юга УССР направлялись диалектологические экспедиции, собравшие большой материал для атласа. В настоящее время атлас, состоящий более чем из 100 карт, а также том объяснительного текста к картам и образцов записей подготовлены к печати и в недалеком будущем увидят свет. Кроме того подготовлен и опубликован на страницах специального периодического издания „Статьи и

---

[52] Вестник МГУ, 1948, № 2, стр. 13—21.

[53] Аннотацию автора об этой работе см. в Вестнике АН СССР, М., 1948, № 4, стр. 85—86.

[54] М. Й. Онишкевич, Абревіатури в польській мові та способи їх наголошування. Вопросы славянского языкознания (Львовского ун-та), кн. 3, Львов—Харьков, 1953, стр. 99—106.

[55] В. Т. Коломієць, Нові явища в лексиці чеської мови періоду народної демократії. Лексикографічний бюлетень Інст. мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР, № 4, 1953; ее же, Нові явища у фразеології чеської мови періоду народної демократії. Мовознавство, XII, 1953, стр. 79—94.

[56] Л. Л. Гумецька, Нова лексика і фразеологія сучасної польської літературної мови. Мовознавство, X, 1952, стр. 131 и сл.

[57] Лексикографічний бюлетень Інст. мовознавства ім. О. О. Потебні, № 2, 1952, стр. 35—57.

материалы по болгарской диалектологии"[58] ряд монографических описаний отдельных болгарских говоров, словарей говоров и других материалов С. Б. Бернштейна, Е. В. Чешко, И. К. Буниной, Н. В. Котовой, В. К. Журавлева, Э. И. Полторадневой-Зелениной и др. авторов. Взятые в совокупности эти материалы дают полное представление обо всех основных типах болгарских говоров в СССР, в том числе и о таких говорах (как, например, южнофракийский говор села Суворово), которые в настоящее время не представлены на территории Болгарии.

В области диалектологии других славянских языков отметим работу по словацкой диалектологии А. Г. Широковой, именно ее кандидатскую диссертацию „Восточнословацкие говоры Земплинско-Ужгского комитата", и работы Н. А. Кондрашова[59].

На базе уже завершенных и еще проводящихся работ по исторической фонетике, морфологии, синтаксису и лексикологии славянских языков, а также на базе учета всего, что делается в этой области в зарубежной науке, в настоящее время оказалось возможным приступить к работе по составлению сводной сравнительной грамматики славянских языков. Сейчас Институт славяноведения подготавливает развернутый проспект такой грамматики. В устных дискуссиях и в печати начато обсуждение вопросов структуры, состава, основной проблематики этого сводного труда[60]. Значительное место и в ходе дискуссии и в будущем коллективном труде принадлежит вопросам относительной хронологии языковых процессов общеславянского периода, проблеме сравнительно-исторического синтаксиса, т. е. приемов реконструкции первоначальных функций грамматических форм (в частности, падежей, кратких и полных прилагательных, видовых образований и т. д.), проблеме выявления общеславянского лексического фонда в связи с вопросами истории древних славян и т. д. Поскольку создание большой сводной сравнительной грамматики славянских языков потребует ряда лет, сейчас решено составить краткий очерк, который мог бы удовлетворить потребность в современном учебном пособии по этому предмету университетского курса. Такой краткий очерк будет готов к 1957 году.

В связи с занятиями сравнительной грамматикой значительное внимание уделено вопросу о связи славянских языков с другими индоевропейскими (а также и соседними неиндоевропейскими) языками. Помимо старого для славистики, но постоянно актуального вопроса о балтославянских свя-

[58] Уже вышло шесть выпусков этого издания, в настоящее время сдан в производство седьмой выпуск, содержащий материалы диссертации В. К. Журавлева, посвященной чушмелийскому говору.

[59] Имеется в виду диалектологическая часть его упомянутой выше работы о категории личности имен существительных, а также его „Очерк истории словацкой диалектологии", опубликованный в сборнике „Славянская филология", МГУ, 1951.

[60] Ср. след. статьи: Л. А. Булаховский, О некоторых вопросах и задачах сравнительно-исторического изучения славянских языков. ИАН СССР, ОЛЯ, т. IX, 1950, вып. 2, стр. 99—107; П. С. Кузнецов, Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков. Вопросы языкознания, 1952, № 5, стр. 38 и сл.; С. Б. Бернштейн, О некоторых вопросах сравнительно-исторического метода в языкознании. КСИС, 7, 1952, стр. 3—13; его же, Основные задачи, методы и принципы „Сравнительной грамматики славянских языков". Вопросы славянского языкознания, I, М., 1954, стр. 5—23 и Вопросы языкознания, 1954, № 2, стр. 49 и сл.; Л. В. Матвеева-Иванова, Сравнительно-историческое исследование родственных языков. Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена, т. 92, 1954, стр. 9—34.

зях, разрабатываемого в Риге Я. М. Эндзелином[61], в Ленинграде и Вильнюсе Б. А. Ларины м, в Москве В. Н. Топоровым[62], отметим печатающееся во 2-м номере „Вопросов славянского языкознания" (Москва) исследование В. В. Иванова „Значение данных хеттского языка для сравнительной грамматики славянских языков", небольшую статью П. А. Аристэ „О древнейших языковых связях между славянскими и прибалтийскими языками", посвященную рассмотрению лексики славянских и прибалтийско-финских языков как источника, свидетельствующего о древних исторических связях соответствующих народов[63], и, наконец, кандидатскую диссертацию О. Ф. Рипецкой, в которой рассматривается славянская топонимика междуречья Одры и Вислы в немецком языке XII—XVIII вв.[64].

Не останавливаясь подробно на работах по истории славяноведения в России[65], а также на работе по переводу на русский язык и изданию ряда книг о славянских языках зарубежных ученых[66], перейдем к вопросу о преподавании славянских языков в высших учебных заведениях СССР и об учебной литературе, вызванной к жизни потребностями этого преподавания.

В нескольких университетах страны имеются отделения славянской филологии, на которых готовят специалистов в области языка и литературы — болгаристов, сербистов, полонистов и чехистов, а также (в Московском университете) время от времени выпускают специалистов по словацкому языку. В учебных планах славянских отделений — практический и научный курс современного литературного языка, избранного в качестве специальности, обеспечивающий активное владение этим языком, курс истории языка с его диалектологией, курс современного русского языка и его истории, старославянского, одного-двух живых славянских языков (одного — обязательно другой группы, то есть, скажем, для болгаристов — польского или чешского), курс славянских литератур, сравнительной грамматики славянских языков и другие предметы. Во всех университетах страны на отделениях русского языка и литературы обязательно изучается один-два живых зарубежных славянских языка (по выбору), старославянский язык и сравнительная грамматика славянских языков, а в педагогических институтах на русских отделениях обязательно — старославянский и факультативно — тот или иной живой славянский язык и сравнительная грамматика. Наконец, в Вильнюсе есть специальный институт, где готовят учителей для польских средних школ Литовской ССР.

---

[61] См. Известия АН Латвийской ССР за 1952 г. № 3 (56), стр. 33—46 и Труды Института языка и литературы АН Латвийской ССР, т. II, 1953, стр. 67—82.

[62] Работы проф. Б. А. Ларина и В. Н. Топорова, посвященные балто-славянской проблеме, будут опубликованы в течение ближайших лет.

[63] Статья напечатана на эстонском языке в журнале „Loaming", Таллин, 1952, № 6.

[64] Автореферат. Львов, 1954.

[65] См. акад. Н. С. Державин, Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии. Ученые записки МГУ, вып. 107, т. III, кн. 2, 1946, стр. 3—24; М. В. Лунина, Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю. И. Венелина, в сб. „Славянская филология", изд. МГУ, М., 1951, стр. 108—123; сб. „Документы к истории славяноведения в России (1850—1912)", изд. в 1948 г.

[66] За последние годы переведены и изданы первый том чешской грамматики Фр. Травничка и болгарская грамматика Л. Андрейчина, книга Т. Лер-Сплавинского „Польский язык", „Введение в историю чешского языка" О. Гуйера, „Общеславянский язык" А. Мейе и „Руководство по старославянскому языку" А. Вайана.

Потребности преподавания в указанных высших учебных заведениях вызвали появление ряда учебников: учебника польского языка И. Х. Дворецкого, болгарского языка С. Б. Бернштейна, чешской грамматики А. Г. Широковой. В настоящее время готовы или подготавливаются к изданию еще некоторые другие учебные пособия, в частности большой учебник болгарского языка Е. И. Безикович и Т. П. Рыбальченко, а также очерки отдельных славянских языков для русистов. Каждый такой очерк будет содержать краткую грамматику, диалектологию и историю данного языка и подбор текстов для чтения. В ближайшее время будут готовы очерки сербохорватского языка (П. С. Кузнецова), чешского (А. Г. Широковой) и болгарского (В. В. Бородич), за ними последуют: словацкий язык (Н. А. Кондрашов), македонский (С. Б. Бернштейн), польский (А. С. Посвянская), а в дальнейшем — словенский и лужицкие языки.

Большая работа проделана за последние годы по изданию и переизданию двуязычных словарей славянских языков. В ближайшее время выйдет в свет сербско-русский словарь, составленный И. И. Толстым, будут переизданы значительно расширенными и дополненными изданиями чешско-русский и польско-русский словари. Положительную оценку получил недавно вышедший новый болгарско-русский словарь С. Б. Бернштейна. Все эти словари изданы и издаются большими тиражами, так как практическая потребность в них сейчас очень велика и все больше возрастает.

Нет и не может быть сомнения в том, что дальнейшее укрепление дружественных связей между СССР и зарубежными славянскими странами — Польской Народной Республикой, Чехословацкой Республикой, Народной Республикой Болгарией и Федеративной Народной Республикой Югославией будет способствовать новым успехам славянского языкознания во всех перечисленных странах, и, в частности, сделает возможным повседневное сотрудничество ученых этих стран в некоторых больших коллективных предприятиях, вроде общеславянского лингвистического атласа[67], потребность в котором давно назрела, а также расширит их сотрудничество в лексикографической работе, в работе по сравнительной грамматике, в лингвистических журналах[68] и т. д. Советские слависты готовы принять самое живое участие в такой совместной работе и горячо приветствуют любое начинание, направленное на укрепление творческого контакта между учеными всех славянских стран.

---

[67] Проект такого атласа выдвигался несколько лет назад Б. А. Ларинным в статье „О принципах составления атласа славянских языков", см. Ученые записки ЛГУ, Серия филол. наук, вып. 14, 1949, стр. 23—36.

[68] Укажем на положительный опыт сотрудничества в советских журналах „Вопросы языкознания" и „Известия АН СССР" ученых Польши (Т. Лер-Сплавинского, Я. Отрембского, Е. Курыловича), Болгарии (Вл. Георгиева), Югославии (акад. Белича) и других стран. В последнем, XIII томе журнала „Мовознавство" Л. А. Булаховский выдвигает интересную идею организации в СССР общеславянского лингвистического журнала, который печатал бы материалы на всех славянских языках.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Изучение древней русской литературы в Советском Союзе сосредоточено по преимуществу в Академии наук СССР в Москве и в Ленинграде. Главным центром является Сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР с его изданиями и ежегодником — „Труды Отдела древнерусской литературы" (ОДРЛ). Отдельные исследования по древнерусской литературе печатаются, кроме того, в Исторических записках, Историческом архиве, Известиях АН СССР по отделению литературы и языка (ИАН СССР, ОЛЯ). Изучение древней русской литературы ведется при филологических факультетах Московского и Ленинградского университетов, в Академии наук Украинской ССР (в Секторе древнеукраинской литературы под председательством действительного члена АН УССР Н. К. Гудзия) и т. д.

За последние десять лет в Советском Союзе появилось несколько сот работ по древнерусской литературе, среди них капитальные монографические исследования, издания памятников, учебники, общие курсы и популярные работы.

Продолжая лучшие традиции, углубляя методические приемы, выработанные в трудах крупнейших русских филологов — А. А. Шахматова, В. М. Истрина, М. Н. Сперанского, В. Н. Перетца и др., советские ученые, изучающие древнюю русскую литературу, за последние десятилетия, все теснее сближали свои исследования с данными исторической науки на основе исторического материализма, преодолевали упрощенчество и схематизаторство, свойственные формализму и вульгарному социологизму.

Коротко остановимся на тех общих проблемах, которые прежде всего интересовали специалистов по древней русской литературе за последние десять лет.

Обобщающие труды последнего десятилетия по древнерусской литературе выросли, с одной стороны, на основе текстологического пересмотра рукописного наследия древней Руси, который начался в послевоенные годы, с другой, — отразили возросший научно-общественный интерес к проблемам национальной специфики русской литературы, к проблемам ее народности, связей с фольклором и т. д.

По-новому была поставлена прежде всего проблема народности древнерусской литературы и ее связей с фольклором[1]. Народность литературы изучается сейчас в тесной связи с классовой борьбой, и самая классовая борьба в литературе понимается литературоведами гораздо глубже и менее упрощенно, чем раньше. Народные идеи проникают в литературу господствующего класса через его прогрессивных представителей. Народность не чужда литературе, созданной в среде прогрессивной части феодалов. Взаимоотношения фольклора и литературы также рассматриваются сейчас не только в плане механистических сопоставлений отдельных элементов (метафоры, эпитеты и т. д.). Исследователи стремятся проникнуть в самую суть взаимоотношения литературного памятника и фольклора, понять памятник во всей его жизненной конкретности.

Вот почему по-новому поставлена сейчас и проблема возникновения русской литературы[2]. Раньше эта проблема разрешалась в пределах чисто литературного материала (литературные явления, их возникновение и развитие рассматривались только в ряду литературных же явлений); сейчас проблема возникновения литературы понимается как проблема общеисторическая, как явление истории культуры, изучаются исторические предпосылки появления литературы, те потребности, которым она ответила, и т.д.

Все бóльшее и бóльшее внимание в изучении древней русской литературы начинает уделяться художественной форме. Здесь следует отметить книгу В. П. Адриановой-Перетц „Очерки поэтического стиля древней Руси" (М.-Л., 1950), ряд статей И. П. Еремина, посвященных летописанию[3] и Симеону Полоцкому[4], и некоторые мои статьи, в которых я пытаюсь рассматривать становление образа человека в древнерусской литературе, как часть проблемы ее движения к реализму[5].

Решение общих проблем тесно связывается с изучением отдельных памятников древнерусской литературы. Причем и здесь следует в первую очередь отметить стремление советских литературоведов-медиевистов добиться максимально объективных результатов, изучая литературные произведения в их конкретной жизни, в непосредственной связи с исторической действительностью, избегая упрощенчества и схематизаторства. Одно из самых интéресных явлений в этом направлении — это сближение собственно литературоведческих исследований с текстологическими.

---

[1] В. П. Адрианова-Перетц, Древнерусская литература и фольклор. Труды ОДРЛ, т. VII, М.-Л., 1949; ее же, Историческая литература XI — начала XV века и народная поэзия. Там же, т. VIII, М.-Л., 1950; ее же, Исторические повести XVII века и устное народное творчество. Там же, т. IX, М.-Л., 1953; ее же, Слово о полку Игореве и устная народная поэзия, серия „Литературные памятники", М.-Л., 1950; Д. С. Лихачев, Некоторые вопросы классового характера русской литературы XI—XVII веков. ИАН СССР, ОЛЯ, т. X, вып. 5, 1951.

[2] Д. С. Лихачев, Возникновение русской литературы. М.-Л., 1952.

[3] И. П. Еремин, Киевская летопись как памятник литературы. Труды ОДРЛ, т. VII, М.-Л., 1949.

[4] И. П. Еремин, Поэтический стиль Симеона Полоцкого. Труды ОДРЛ, т. VI, М.-Л., 1946.

[5] Д. С. Лихачев, Проблема характера в исторических произведениях начала XVII века. Труды ОДРЛ, т. VIII, М.-Л., 1949; его же, Изображение людей в летописи XII—XIII веков. Труды ОДРЛ, М.-Л., 1954.

Дело в том, что, следуя лучшим традициям русской и советской науки прошлого, изучение древней русской литературы все более и более опирается на конкретное изучение рукописного материала и истории текста произведений, а изучение рукописного материала и истории текста произведений все теснее связывается с общими проблемами истории литературы, приводит к широким историко-литературным обобщениям.

Именно конкретное изучение памятника, той рукописной традиции, в которой он сохранился, той исторической обстановки, в которой он возник и воздействовал на жизнь, позволяет литературоведу придти к прочным, объективным и глубоким выводам, лишенным субъективизма и тенденциозности.

В области изучения истории текстов и издания памятников за последние десять лет сделано немало.

Среди публикаций памятников древнерусской литературы особенно должны быть отмечены издания летописей: реконструированного текста сгоревшей в московском пожаре 1812 г. так называемой Троицкой летописи[6], Московского летописного свода конца XV в.[7], Устюжского летописного свода[8], Новгородской первой летописи[9] и др. В скором времени должен выйти второй выпуск Псковских летописей[10], подготовляется к печати Вологодско-пермская летопись[11] и Новгородская третья летопись[12].

Все это не обычные издания текстов сохранившихся списков, а издания, сопряженные с большими и глубокими исследованиями истории русского летописания. Особенно следует подчеркнуть совершенно исключительное значение, которое имеет своеобразное „воскрешение" текста погибшей Троицкой летописи, сделанное М. Д. Приселковым на основании тончайшей и кропотливейшей филологической работы.

За послевоенные годы наша наука обогатилась также новыми научными изданиями Казанской истории[13], Временника дьяка Ивана Тимофеева[14] Хожения за три моря Афанасия Никитина[15], сатирических произведений XVII в.[16]. Впервые целиком издан цикл произведений о Николе Заразском[17].

---

[6] М. Д. Приселков, Троицкая летопись. М.-Л., 1950.

[7] Полное собрание русских летописей, т. XXV, М.-Л., 1949.

[8] К. Н. Сербина, Устюжский летописный свод. М.-Л., 1950.

[9] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.-Л., 1950.

[10] Подготовил А. Н. Насонов.

[11] Подготовляет к печати М. Н. Тихомиров.

[12] Подготовляет к печати С. Н. Азбелев.

[13] Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой, М.-Л., 1954.

[14] Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной, М.-Л., 1951.

[15] Хожение за три моря Афанасия Никитина. Под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.-Л., 1948.

[16] Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.-Л., 1954.

[17] Д. С. Лихачев, Повести о Николе Заразском. Труды ОДРЛ, т. VII, М.-Л., 1949.

Новые научные издания получили Повести об Азовском осадном сидении казаков[18], Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков[19] и Послания Ивана Грозного[20] существенно изменившие наши представления о литературном наследстве его как своеобразного русского писателя XVI в.[21]. Кроме того издан ряд основных древнерусских историко-бытовых повестей: Повесть о Савве Грудцыне[22], Повесть о Иулиании Лазаревской[23], Повесть о Петре и Февронии муромских[24]. Изданы также тексты Задонщины[25] и ее реконструкция[26]. В ближайшее время выходят в свет Сказание Авраамия Палицына[27], Сказание о князьях владимирских[28], Сочинения Ивана Пересветова[29]. Подготовлены к печати древнерусский текст Истории Иудейской войны Иосифа Флавия[30], которая впервые будет издана полностью (парижское издание В. М. Истрина, как известно, не закончено), Сказания о Мамаевом побоище[31] и др. Ведется подготовка к новому изданию сочинений протопопа Аввакума на основании вновь найденных, лучших списков[32] и с привлечением новых, ранее неизвестных произведений.

Найдены и изданы новые списки целого ряда первоклассных произведений древнерусской литературы: Слова о погибели Русской Земли[33], Моления Даниила Заточника[34], Сказания о киевских богатырях[35], Девгениева деяния[36] и т. д.

---

[18] Повести об азовском взятии и осадном сидении в 1637 и 1642 гг. Подготовил к печати А. Н. Робинсон. Воинские повести древней Руси, под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.-Л., 1949.

[19] Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статья В. И. Малышева, М.-Л., 1952.

[20] Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. М.-Л., 1951.

[21] Я. С. Лурье, Новые списки „Царева государева послания во все его Российское царство". Труды ОДРЛ, т. X, М.-Л., 1951.

[22] М. О. Скрипиль, Повесть о Савве Грудцыне. Труды ОДРЛ, т. V, М.-Л., 1947 г.

[23] М. О. Скрипиль, Повесть о Улиании Осорьиной. Труды ОДРЛ, т. VI, М.-Л., 1948.

[24] М. О. Скрипиль, Повесть о Петре и Февронии. Труды ОДРЛ, т. VII, М.-Л., 1949.

[25] В. П. Адрианова-Перетц, Задонщина. Текст и примечания. Труды ОДРЛ, т. V, М.-Л., 1947.

[26] В. П. Адрианова-Перетц, Задонщина (опыт реконструкции авторского текста). Труды ОДРЛ, т. VII, М.-Л., 1949.

[27] Подготовлено к печати О. А. Державиной.

[28] Подготовлено к печати Р. П. Питолиной.

[29] Подготовлены к печати А. А. Зиминым.

[30] Подготовлена к печати Н. А. Мещерским.

[31] Подготовлено к печати Л. А. Дмитриевым.

[32] Подготовляются к печати В. И. Малышевым.

[33] В. И. Малышев, Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге). Труды ОДРЛ, т. V, М.-Л., 1947.

[34] В. И. Малышев, Новый список Слова Даниила Заточника. Труды ОДРЛ, т. VI, М.-Л., 1948.

[35] Л. Н. Пушкарев, Новый список „Сказания о киевских богатырях". Труды ОДРЛ, т. IX, М.-Л., 1953; в т. XI Трудов ОДРЛ В. И. Малышев печатает еще один список „Сказания о киевских богатырях".

[36] В. Д. Кузьмина, Новый список „Девгениева деяния". Труды ОДРЛ, т. IX, М.-Л., 1953.

Недалеко то время, когда мы будем иметь все сохранившиеся лучшие древнерусские произведения в новых научных изданиях, выполненных на основе внимательного изучения всей истории текстов и с привлечением максимального количества списков. И это немалое достижение последних лет.

К тому же список лучших произведений древнерусской литературы обогатился включением в него ряда новых произведений, среди которых в первую очередь следует назвать замечательную стихотворную повесть XVII в. о Сухане, найденную В. И. Малышевым[37].

* * *

Изучение истории текстов, всего рукописного наследия столь увлекающее сейчас нашу научную молодежь, принципиально чрезвычайно важно. Оно позволяет достигать объективных, точных и конкретных результатов там, где раньше господствовало только тенденциозное жонглирование одними и теми же фактами, добытыми из посредственно изданных текстов, без учета их сложной истории.

Почти все издания памятников, а их вышло за последние десять лет, как мы видели, довольно много, выполнены на основе полного пересмотра рукописного наследия, на основании текстологического изучения всех доступных списков. Но дело не только в этом: само текстологическое исследование памятников ведется в настоящее время более широко, чем оно велось раньше. Изучаются составы сборников, в которых дошло то или иное произведение, его рукописное окружение, и это дает очень много для истории его текста. Вместе с тем исследователи все более и более осознают необходимость изучать историю текста отдельного памятника в связи с историей общественной мысли и всем историко-литературным процессом в целом. Текстология из „суммы филологических приемов" к изданию памятников все отчетливее превращается в самостоятельную научную дисциплину, изучающую историю текста памятников на всем протяжении его существования в тесной связи с историей общества и историей литературы в целом. История текста памятника дает подчас бесспорный материал для разрешения споров о его идейном содержании, общественной значимости, зависимости от литературной традиции — своей и других стран, целей его составления и т. д.

Изучение рукописного окружения, в котором переписывался тот или иной памятник, привело в ряде случаев к важным результатам. Так, например, состав тех сборников, в которых дошли до нас списки „Сказания о князьях владимирских", позволяет совершенно точно установить, для каких целей служило это произведение, степень его официальности, позволяет уточнить наши представления о его идейном содержании и отбросить различные произвольные толкования его. В частности, устанавливается различие идей „Сказания" и известных положений о Москве — третьем Риме старца Филофея.

Важные поправки в наше понимание сущности ереси „жидовствующих" вносит изучение истории текста основного исторического источника по этой ереси — „Просветителя" Иосифа Волоцкого. Оказывается, что обвинение в „жидовстве" было внесено позднее в текст того материала, из

[37] В. И. Малышев, Повесть о Сухане. ИАН СССР, ОЛЯ, т. XIII, 1954, вып. 3.

которого сложился „Просветитель", и цель этого обвинения совершенно ясна — подготовить общественное мнение к расправе с еретиками.

Сущность иосифлянства иначе (и гораздо более сложно) раскрывается сейчас после изучения двух редакций „Устава" Иосифа Волоцкого.

Изучение истории текста „Казанской истории" показало этот памятник публицистическим произведением 70-х тодов XVI в., мимо чего проходили все исследователи, изучавшие только текст, изданный в Полном собрании русских летописей.

Можно было бы привести еще много примеров того, какую прочную основу приобретает в текстологическом изучении списков история литературы и история общественной мысли, и как много мы теряем в тех случаях, когда не обращаемся непосредственно к рукописям, а занимаемся произвольными их толкованиями, игнорируя подчас сложную историю текста памятников.

* * *

Особый интерес, как и всегда, привлекало к себе в послевоенные годы Слово о полку Игореве. Прошедший в 1950 г. юбилей первого издания Слова о полку Игореве вызвал к жизни целый ряд новых переводов Слова на современный русский язык и языки народов Советского Союза, кроме того о Слове появилось большое число научно-популярных работ и серьезных исследований.

И в изучении Слова о полку Игореве явно видна та же тенденция, которая характерна и для изучения всей древней русской литературы: тенденция к конкретному пониманию памятника в связи со всей исторической обстановкой, культурной и литературной традицией своего времени.

Исследователей прежде всего интересует связь Слова с литературой, культурой и исторической действительностью XII в. Ряд трудов появился о жанровой природе Слова о полку Игореве[38], о его идейном содержании[39], языке[40], взаимоотношении с фольклором[41], об отношении к Слову Задонщины[42].

Основной исследовательский пафос всех работ о Слове послевоенных лет заключался в стремлении конкретно понять Слово в тесной связи с русской действительностью XII в., с классовой борьбой своего времени, в связи с

[38] И. П. Еремин, Слово о полку Игореве (К вопросу о его жанровой природе). Ученые записки ЛГУ, серия филол. наук, вып. 9, Л., 1944; И. П. Еремин, Слово о полку Игореве как памятник политического красноречия Киевской Руси. Сб. „Слово о полку Игореве", изд. Инст. русск. лит. АН СССР, М.-Л., 1950; А. А. Назаревский, О жанровой природе Слова о полку Игореве. Київський державний університет. Філологічний збірник, № 7, Киев, 1955.

[39] Д. С. Лихачев, Общественно-политические идеи Слова о полку Игореве. Труды ОДРЛ, т. VIII, М.-Л., 1951.

[40] Особенное значение имеют работы акад. С. П. Обнорского в книге „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода", М.-Л., 1946, и Л. П. Якубинского в книге „История древнерусского языка". М., 1953. Ср. также работы Л. А. Булаховского, С. И. Коткова, Б. А. Ларина и др.

[41] Наибольший принципиальный интерес представляет статья В. П. Адриановой-Перетц „Слово о полку Игореве и устная народная поэзия". Сб. „Слово о полку Игореве", серия „Литературные памятники". М.-Л., 1950.

[42] В. П. Адрианова-Перетц, Задонщина. Труды ОДРЛ., т. VI, М.-Л., 1948.

идейными разногласиями и историческими познаниями тех времен, особенностями языка, материальной культуры и даже природы XII века. В этом направлении сложили свои усилия представители различных специальностей: литературоведы, лингвисты, искусствоведы, историки, археологи, природоведы, палеографы и др.

Исследования последних лет ясно показали в авторе Слова современника описываемых им событий, разъяснили ряд мало понятных и „темных" мест Слова и тем еще раз подтвердили его подлинность. Автор XVIII в. — будь то Бантыш-Каменский или кто-либо другой — не мог бы быть так хорошо осведомлен в реалиях XII в., оценить точность которых мы в состоянии только теперь — после изучения всех видов исторических источников.

Как современник разбирается автор Слова в политическом положении отдельных русских княжеств: Владимиро-Суздальского, Галицкого, Полоцкой земли и т. д.[43]. Только в самое последнее время оказались мы способны оценить правильность многих исторических указаний автора Слова, до недавнего времени казавшихся ошибочными (например, похороны Изяслава у святой Софии в Киеве[44]; исследователи предполагали раньше, что Изяслав был похоронен в Десятинной церкви, и на этом основании без конца переиначивали и „оправдывали" текст Слова).

Язык Слова — несомненно язык второй половины XII в.[45]. Автор Слова употребляет политическую терминологию, которая начала входить в обиход только в 70-х годах XII в. (термин „господин" в отношении князя)[46]. Он правильно пользуется сложной феодальной и военной терминологией именно своего времени, феодальной символикой, понятной только для современников[47]. Как доказали исследования последнего времени, автор Слова употребляет тюркские слова в их типичной для XII в. форме[49]. Археологически точными оказались в Слове все указания на оружие[49], одежду[50]. Этнографически подтвердились и древнерусские поверья, отразившиеся в сне Святослава Киевского[51]. Особый интерес представили работы, выяснившие

---

[43] А. В. Соловьев, Политический кругозор автора Слова о полку Игореве. Исторические записки, № 25, М.-Л., 1948, Д. С. Лихачев, Политический и исторический кругозор автора Слова о полку Игореве. Сб. „Слово о полку Игореве", изд. Инст. русск. лит. АН СССР, М.-Л., 1950.

[44] И в. М. Кудрявцев, Заметка к тексту „Съ тоя же Каялы Святоплъкъ..." в Слове о полку Игореве. Труды ОДРЛ, М.-Л., 1949.

[45] С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л., 1946, стр. 132—198. Д. С. Лихачев. Из наблюдений над лексикой Слова о полку Игореве. ИАН СССР, ОЛЯ, т. VIII, 1949, вып. 6.

[46] Д. С. Лихачев, Общественно-политические идеи Слова о полку Игореве. Труды ОДРЛ, т. VIII, М.-Л., 1951, стр. 25—26.

[47] Д. С. Лихачев, Устные основы поэтической системы Слова о полку Игореве. Сб. „Слово о полку Игореве", изд. Инст. русск. лит. АН СССР, М.-Л., 1950.

[48] С. Е. Малов, Тюркизмы в языке Слова о полку Игореве. ИАН СССР, ОЛЯ, т. V, 1946, вып. 2.

[49] А. В. Арциховский, Русское оружие X—XIII вв. Доклады и сообщения. Ист. фак. МГУ, вып. 4, М., 1946.

[50] А. В. Арциховский, Русская одежда X—XIII вв. Доклады и сообщения. Ист. фак. МГУ, вып. 3, М., 1945.

[51] М. П. Алексеев, К „сну Святослава" в Слове о полку Игореве. Сб. „Слово о полку Игореве", изд. Инст. русск. лит. АН СССР, М.-Л., 1950.

точность Слова о полку Игореве в упоминаемых деталях степной природы[52]. Наконец, существенное значение имели попытки объяснить некоторые детали текста Слова о полку Игореве палеографическими особенностями его сгоревшей рукописи[53] и дать анализ его текстологическим интерпретациям[54].

Попрежнему интенсивно шло в последнее десятилетие изучение летописания и исторических повестей. Особое внимание советских исследователей именно к этой, исторической линии литературы древней Руси объясняется не только тем, что здесь интенсивнее всего сказались национальные черты и общественно-политическая борьба своего времени, но и тем еще, что именно этого рода исторические произведения отчетливее всего датированы и тем самым представляют ценную хронологическую основу для построения истории литературы. В связи с этим в послевоенные годы особенно много внимания уделялось литературной стороне летописания. Я имею в виду статью И. П. Еремина „Киевская летопись как памятник литературы"[55], его же брошюру „Повесть временных лет"[56] и свою книгу „Русские летописи"[57], в которой я ставил себе, в качестве основной цели, выяснение изменяемости самого типа летописей, развития жанра летописания.

С точки зрения развития жанров представляет интерес целый ряд исследований „Повестей об Азовском осадном сидении казаков", опубликованных А. Н. Робинсоном[58], и исследование Г. Н. Моисеевой „Казанской истории" (известной также под названием „Казанского летописца")[59].

Наконец, в изучении национальной специфики, народности и связей древней русской литературы с фольклором помимо исторических произведений большое значение имеет демократическая сатира XVII в. Как известно, особенно много в изучении этого вида литературы, открытии новых памятников этого вида и их издании сделала В. П. Адрианова-Перетц. Вот почему своего рода событием последнего десятилетия явился выход в свет в серии

---

[52] Н. В. Шарлемань, Из реального комментария к Слову о полку Игореве. Труды ОДРЛ, т. VI, М.-Л., 1948; его же, „Дебрь Кисаню" — „дебрь кияньскаа". Сб. „Слово о полку Игореве", изд. Инст. русск. лит. АН СССР, М.-Л., 1950; его же, Природа в „Слове о полку Игореве". Там же; его же, Заметки натуралиста к Слову о полку Игореве. Труды ОДРЛ, т. VIII, М.-Л., 1951; его же, Из комментариев к Слову о полку Игореве. Труды ОДРЛ, т. X, М.-Л., 1954; Г. И. Имедашвили, „Четыре солнца" в Слове о полку Игореве. Сб. „Слово о полку Игореве". Изд. Инст. русск. лит. АН СССР, М.-Л., 1950.

[53] М. В. Щепкина, Замечания о палеографических особенностях рукописи Слово о полку Игореве. Труды ОДРЛ, т. IX, М.-Л., 1953; В. Ф. Ржига, Из текстологических наблюдений над Словом о полку Игореве; что такое „въ стазби". Сб. „Слово о полку Игореве". Изд. Инст. русск. лит. АН СССР, М.-Л., 1950.

[54] Н. К. Гудзий, Судьба печатного текста Слова о полку Игореве. Труды ОДРЛ, т. VIII, М.-Л., 1949.

[55] Труды ОДРЛ, т. VII, М.-Л., 1949.

[56] И. П. Еремин, Повесть временных лет. Изд. ЛГУ, Л., 1947.

[57] Д. С. Лихачев, Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947.

[58] Отмечу в первую очередь его статью „Жанр поэтической повести об Азове", Труды ОДРЛ, т. VII, М.-Л., 1949.

[59] Г. Н. Моисеева, Автор „Казанской истории", Труды ОДРЛ, т. IX, М.-Л., 1953, и указанное издание „Казанской истории".

„Литературные памятники" книги В. П. Адриановой-Перетц „Русская демократическая сатира XVII в." (М.-Л., 1954), которая, в известной мере, может рассматриваться как итоговая.

* * *

Событием в изучении историко-литературного процесса древней Руси явился выход первой и второй части второго тома десятитомной „Истории русской литературы", издаваемой Институтом русской литературы АН СССР. В отличие от первого тома, изданного в 1941 г., обе части второго тома, охватившие XIII—XVII вв., были в гораздо большей степени историчны, давали отчетливое представление о движении литературы. Вместе с первым томом обе части второго тома в целом составили наиболее подробную историю древней русской литературы из всех существующих. Правда, эта история древней русской литературы имела существенные недостатки: все историко-литературное развитие XI—XVII вв. рассматривалось в ней нерасчлененно, несколько „летописно", как нечто компактно-единое, без борьбы, противоречий, в результате чего движущие силы историко-литературного развития XI—XVII вв. не были в ней показаны. Отсюда ясно, что написание истории древней русской литературы все еще не снято с повестки дня.

В данное время в Москве и в Ленинграде идет работа по составлению краткой „Истории русской литературы" в трех томах под ред. Д. Д. Благого. Древняя русская литература займет в ней большую часть первого тома. Думается, однако, что эта новая история древней русской литературы не сможет полностью заменить той, которая закончена в первых двух томах десятитомной „Истории русской литературы", несмотря на все недостатки последней, как не сможет заменить и учебника по истории древней русской литературы Н. К. Гудзия, продолжавшего совершенствоваться в нескольких переизданиях последних лет (последнее издание вышло в 1953 г.).

* * *

Несколько слов необходимо сказать о такой важной вспомогательной дисциплине как археография, имеющей особенно большое значение в связи с наметившимся общим стремлением изучать памятники древней русской литературы непосредственно по рукописям, о котором я уже говорил в начале своего доклада. Выявление новых литературных рукописей, их собирание у населения проходит весьма успешно, главным образом, благодаря неутомимой экспедиционной деятельности В. И. Малышева. В общей сложности им собрано у населения несколько тысяч рукописей, среди них ряд первоклассных по своему историко-литературному значению (второй список Слова о погибели Русской Земли, неизвестная ранее, уже упоминавшаяся мною стихотворная Повесть о Сухане, ряд записей былин XVII в. и т. д.). Огромная работа проделана им в местных, периферийных архивах по научному описанию наиболее ценных рукописей, упорядочению их хранения и т. д. Наконец, необходимо отметить, что по преимуществу его трудами при Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР создано новое, чрезвычайно ценное рукописное собрание, насчитывающее до четырех тысяч единиц хранения.

Слабее обстоит дело с научным описанием рукописей в наших центральных хранилищах. Из печати вышли „Описание русских и славянских пергаменных рукописей Публичной библиотеки в Ленинграде", составленное Е. Э. Гранстрем (Л., 1953), обширный первый выпуск четвертого тома „Описания Рукописного отделения библиотеки Академии наук СССР", составленное А. П. Конусовым и В. Ф. Покровской (Л., 1951), и некоторые другие издания (путеводители, обзоры и т. д.), но их, конечно, пока что явно недостаточно.

Следует также отметить большую работу, которая ведется советскими учеными по подготовке к печати литературного наследия крупнейших русских ученых прошлого: А. А. Шахматова, В. М. Истрина, М. Н. Сперанского и др. Продолжая начатую еще до войны работу по подготовке к печати незаконченных работ А. А. Шахматова (в 1937 г. вышло его „Обозрение русских летописных сводов XI—XV вв.", в 1940 г. в IV т. Трудов ОДРЛ „Источники Повести временных лет"), ученики и продолжатели А. А. Шахматова подготовили к печати и опубликовали его большую незаконченную работу „Киевский начальный свод 1095 г."[60]. Кроме того, в т. X Трудов ОДРЛ опубликована работа М. Н. Сперанского „Повести и сказания о взятии Царьграда турками" (М.-Л., 1954). В т. XII Трудов ОДРЛ будут помещены полные обзоры всего печатного и рукописного наследия В. М. Истрина и М. Н. Сперанского. Предположено подготовить к печати некоторые из оставшихся незаконченными работ последнего по древнерусской литературе и славяноведению.

* * *

Не все области древнерусской литературы в должной степени охвачены изучением, хотя в последнее время мы стремимся это положение исправить. Отмечу прежде всего, что мы мало занимаемся переводной литературой, имевшей большое значение в литературном развитии древней Руси и представляющей существенный интерес для изучения связей между славянскими литературами. Исследования в этой области почти не выходят. Однако это положение постепенно исправляется. Н. А. Мещерский, как я уже упоминал, подготовил полное издание древнерусского текста „Иудейской войны" Иосифа Флавия. В основу этого издания, в отличие от парижского издания В. М. Истрина, положен Виленский список — лучший из сохранившихся.

Н. А. Мещерским выполнено, кроме того, очень интересное исследование древнерусского перевода „Книги Есфирь", сделанного в XI в. непосредственно с древнееврейского. Исследование этого перевода обстоятельно рисует переводческое искусство XI в. В. Д. Кузьмина работает над переводной литературой конца XVII — начала XVIII в. В Трудах ОДРЛ публикуются отдельные переводные произведения (вновь найденные списки уже

[60] А. А. Шахматов, Сборник статей и материалов, под ред. акад. С. П. Обнорского, М.-Л., 1947.

известных произведений или даже целые новые произведения по всем спискам): Девгениево деяние[61], О причинах гибели царств[62] и некоторые другие.

Недостаточное внимание уделяется также житийной литературе. В настоящее время, впрочем, положение это также начинает постепенно выправляться. Л. А. Дмитриев готовит полное издание всех житий Михаила Клопского, усиленно занимается новгородской житийной литературой XV в. На очереди стоит изучение Великих Макарьевских Четьих миней с точки зрения истории общественной мысли. Обнаруженный недавно в Ярославле В. В. Лукьяновым превосходный список Киево-печерского патерика кассиановской редакции позволит в ближайшее время приступить к новому изданию этого замечательного памятника.

Особенно досадный пробел в изучении древнерусской литературы за последнее десятилетие: это недостаточное внимание, уделявшееся изучению связей древнерусской литературы с литературами других славянских стран.

* * *

В заключение мне хотелось бы сказать несколько слов о наших молодых специалистах по древнерусской литературе. С удовлетворением следует отметить, что из числа молодежи, окончившей высшие учебные заведения в послевоенные годы, вышли подающие надежды ученые, выступившие в научной печати с серьезными трудами по древнерусской литературе: А. Н. Робинсон (Москва), Г. Н. Моисеева (Ленинград), Я. С. Лурье (Ленинград), Л. А. Дмитриев (Ленинград), Н. Н. Розов (Ленинград) и др.

Ряд молодых и талантливых ученых обучается сейчас в аспирантуре Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР, некоторые готовятся стать специалистами по древнерусской литературе еще на студенческой скамье и уже выступают в печати с небольшими самостоятельными исследованиями. Среди молодежи — будущие специалисты по сравнительному изучению древнеславянских литератур, по истории летописания, древнерусской повествовательной литературе и т. д.

Отрадно отметить, что к изучению древней русской литературы с интересом относятся и молодые ученые соседних литературоведению специальностей: историки, искусствоведы, лингвисты. Заседания Сектора древнерусской литературы в Ленинграде, происходящие еженедельно, а иногда и по два раза в неделю, усиленно посещаются молодежью. Специальное совещание по изучению древнерусской литературы, состоявшееся в этом году в Ленинграде 24—29 апреля, происходило при переполненном зале. Съехались ученые многих городов Советского Союза. Среди участников совещания было много молодежи. Так же многолюдны были и предшествующие совещания по древнерусской литературе, созывавшиеся в Москве и в Ленинграде.

---

[61] В. Д. Кузьмина, Новый список Девгениева деяния. Труды ОДРЛ, т. IX, М.-Л., 1953.

[62] М. А. Салмина, О причинах гибели царств, сочинение начала XVII в. Труды ОДРЛ, т. X, М.-Л., 1954.

Отличительная черта научной молодежи в нашей области — хорошее (даже весьма хорошее) владение ею историческими фактами и текстологической методикой. Многие из молодых специалистов по древнерусской литературе имеют высшее историческое образование. Они преисполнены интереса к древнерусской культуре в целом и отнюдь не ограничиваются изучением только древнерусской литературы. Некоторые из них изучают древнерусское искусство, с энтузиазмом участвуют в археологических раскопках в Новгороде, посещают старинные русские города (Новгород, Псков, Владимир, Ярославль и т. д.) для ознакомления с памятниками старины, участвуют в розысках и собирании старинных рукописей.

Такие широкие научные интересы молодежи создают прочную базу для глубокого изучения связей древнерусской литературы с исторической действительностью, для выяснения отражения в ней классовой борьбы, классовой идеологии на методологической основе исторического материализма.

Можно быть уверенным, что будущее нашей науки находится в надежных руках.

А. С. МЯСНИКОВ

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII—XX ВВ. В СССР ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Советскую литературную общественность серьезно волнует вопрос о научной периодизации истории русской литературы. Наши ученые создали немало монографий, в которых рассмотрено творчество отдельных крупных писателей. Однако до сего времени не написана история русской литературы, которая отражала бы современный уровень развития литературоведения и удовлетворяла бы запросы широких кругов читателей, интересующихся литературой, и, в первую очередь, учащихся высших и средних учебных заведений.

Проблема периодизации истории русской литературы стала предметом оживленных дискуссий в наших научных учреждениях и в печати (например, статьи Д. Д. Благого, А. Г. Цейтлина, У. Р. Фохта в „Известиях Академии наук СССР" и др.). Такое широкое обсуждение этого вопроса помогает выявить как достижения советского литературоведения, так и его серьезные недочеты, которые особенно становятся заметными при постановке важнейших проблем развития русской литературы.

Эта дискуссия началась в связи с критикой десятитомной истории русской литературы, которая издается Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) Академии наук, и подготовляемого двумя институтами — Институтом мировой литературы имени А. М. Горького в Москве и Пушкинским Домом в Ленинграде — нового труда по истории русской литературы. В процессе этой дискуссии выявились различные точки зрения на ряд вопросов периодизации истории литературы и на принципы ее построения.

Десятитомное издание начало выходить в 1938 году. До настоящего времени вышло восемь томов. Остальные два тома, в которых отражена история русской литературы 30—80-х годов XIX века, находятся в производстве. За два десятилетия, в течение которых создавался этот труд, наше литературоведение ушло далеко вперед. Поэтому сейчас особенно ярко видны недостатки, характерные для данного издания в целом. Однако некоторые литературоведы подвергли критике не отдельные недостатки десятитомного издания, а самый принцип его построения.

Как известно, в каждом томе десятитомника имеются обзорные главы, в которых рассматриваются основные социально-политические и культурно-исторические предпосылки развития литературы того или иного периода, дается обзор критики и журналистики и т. д. Затем следуют главы об отдельных писателях. Противники такого построения считают, что составители десятитомника недостаточно учитывают специфику литературы как формы идеологии, не подчеркивают ее относительной самостоятельности и поэтому не могут показать самого процесса развития литературы. По мнению этих критиков, примерно одна треть всего материала, который помещен в вышедших томах истории литературы, освещающей литературную жизнь эпохи, литературные объединения, журналистику и критику, может быть и должна быть изъята, так как она относится к смежным дисциплинам и не является материалом собственно литературы как вида искусства. Литературный процесс в обзорных главах десятитомника рассматривается главным образом при анализе творчества второстепенных писателей. Произведения крупных писателей анализируются преимущественно в отдельных главах и тем самым как бы выключаются из общего литературного процесса. При таком построении не видно, как эти писатели оказывают влияние на литературный процесс и как литературный процесс влияет на их творчество.

Авторы статей о принципах периодизации истории русской литературы профессора Д. Д. Благой и А. Г. Цейтлин предлагают идти по другому пути. В основу периодизации истории русской литературы они считают нужным брать основные этапы формирования русской нации и освободительной борьбы русского народа. Они предлагают отказаться от создания двух типов глав — обзорных и монографических. В центре их внимания — синхронный процесс развития русской литературы, отражающей основные этапы жизни народа. Журналистика, критика, история литературных объединений исключаются из рассмотрения.

Сторонники синхронного раскрытия истории литературы рассматривают свой труд как серьезный шаг вперед в развитии литературоведения, как переход от изучения творчества отдельных писателей к изучению истории литературного процесса, как отказ от примитивного рассмотрения литературы как простой иллюстрации к гражданской истории, как стремление изучить специфику литературного процесса.

Критики этой точки зрения подчеркивали, что они не являются противниками изучения процесса развития русской литературы, но их не удовлетворяет разработка этого вопроса в названных статьях и выступлениях. Возражения против этих проектов шли по следующим направлениям:

1. Подвергся критике основной принцип построения истории русской литературы, предложенный Д. Д. Благим и А. Г. Цейтлиным, — принцип рассмотрения литературы как отражения отдельных этапов формирования русской нации. Как известно, марксизм-ленинизм рассматривает национальную борьбу как составную часть освободительной борьбы. Оппоненты указывали своим противникам на то, что у них есть серьезная опасность ошибочно рассматривать освободительную борьбу лишь как момент в формировании нации. Такая постановка вопроса может привести к затушевыванию социальной борьбы внутри нации, к изображению развития литературы как единого потока.

2. История литературы без специального исследования творчества крупных писателей — это в лучшем случае история метода, история направ-

лений, а в худшем — эмпирическое сопоставление фактов. Этот „культ безличности", как подчеркнул один литературовед, не менее вреден, чем культ личности; он может представлять интерес научного эксперимента для узкого круга специалистов, а не для широких читательских масс.

3. Особенно резкие возражения вызвали попытки исключить из истории литературы критику и журналистику. Некоторые ученые утверждали, что критика наряду с эпосом, лирикой и драмой является самостоятельным жанром искусства. Другие подчеркивали, что если в допушкинский период критика и не имела серьезного значения, то после Белинского она стала неотъемлемой частью литературного процесса.

4. В статьях сторонников синхронного построения сохранились остатки вульгарного социологизма: литературные произведения нередко рассматриваются лишь как простые иллюстрации социально-политических процессов или как средство изложения социально-политических взглядов писателей. Эволюция художественных форм и средств показана слабо. В результате синхронность часто сводится к простому сопоставлению литературных фактов.

5. Горячо поддерживая стремление авторов показать взаимодействие и взаимовлияние русской литературы и литературы зарубежной, особенно славянской, критики указывали, что в обсуждаемых работах еще не раскрыта роль русской литературы в мировом литературном процессе.

6. Многие критики рекомендовали сторонникам синхронного метода построения истории литературы соединить в своем будущем труде обзорные главы с монографическими.

Эта дискуссия и еще в большей мере значительная работа советских исследователей за последние десять лет поставили в центр внимания ряд коренных вопросов теории и истории литературы.

Решению сложных вопросов литературоведения помогает движение вперед смежных дисциплин, в первую очередь философии и истории. Разработка советскими философами марксистско-ленинской теории отражения, учение о передовых и реакционных идеях, об абсолютной и относительной истинах, об общих закономерностях общественных явлений и их специфических особенностях, которые более всего важны для науки, — все эти вопросы имеют первостепенное значение для решения коренных проблем эстетики и, следовательно, для правильного понимания литературы и путей ее развития. Немало помогли советским литературоведам и историки, которые много потрудились над изучением крестьянского движения XVIII—XIX веков, истории декабризма, революционного разночинства и народничества и особенно истории русского пролетариата.

Конечно, ни сторонники историко-культурного метода, ни формалисты, ни декаденты, ни переверзианцы, ни рапповские вульгаризаторы марксизма не смогли дать научной периодизации истории русской литературы. Еще в конце 20-х — начале 30-х годов наши литературоведы обратились к серьезному изучению трудов классиков марксизма-ленинизма, особо выделяя их замечания по литературным вопросам. Появились первые сборники, в которых были объединены эти высказывания. Было опубликовано немало статей и брошюр, где анализировались и комментировались эти высказывания. Эти драгоценные мысли прочно вошли в научный обиход, стали неотъемлемой частью, сердцевиной нашей науки. Вскоре после войны Б. С.

Мейлах опубликовал серьезное исследование „Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX века".

Еще в конце 30-годов впервые начали рассматривать ленинскую концепцию трех этапов освободительного движения как основу для периодизации истории русской литературы XIX—XX веков. Это дало свои плодотворные результаты для анализа процессов развития литературы в целом и для изучения творчества отдельных писателей. Однако в этой работе некоторые исследователи проявили необдуманную поспешность и подчас грубую прямолинейность: они начали механически сортировать всех писателей по этим трем этапам освободительного движения, не учитывая ни специфики развития литературы, ни индивидуальных особенностей творчества, ни времени начала и конца творческого пути отдельных художников.

Дальнейшее исследование вопроса показало, что дело здесь обстоит значительно сложнее, что нельзя механически переносить схему исторического процесса на процесс развития искусства.

Дальнейшая разработка проблемы народности искусства также помогла решить ряд сложных вопросов периодизации. Нужно было прежде всего четко представить особенности развития истории нашей страны. Как известно, в XVII, XVIII, XIX веках на Западе происходили буржуазные революции, которые смели феодализм. В этих революциях крестьянин был союзником буржуазии, он получил в свои руки землю, стал мелким собственником. Его революционная роль была сыграна. Совсем иначе обстояло дело в России. Здесь в этот период не было буржуазной революции. Крестьянство оставалось революционным классом, тем пороховым погребом, взрыва которого так боялось дворянство. „Идейное движение, происходящее сейчас в России, — писал Маркс в 1871 году, — свидетельствует о том, что глубоко в низах происходит брожение. *Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа*..."[1] (Курсив мой. — *А. М.*). Обнаружить эти невидимые нити, которые связывают большого художника с многомиллионными народными массами, где происходит социальное брожение, — дело исследователя. Степень народности искусства определяется не только тем, избирает ли писатель объектом изображения жизнь народных масс или изображает другие слои общества, а тем, с какой степенью правдивости он изображает жизнь, смотрит ли на нее глазами народа, отражает ли передовые идеи общества. Как известно, вульгарные социологи вообще сняли проблему народности, убеждая, что народность — понятие буржуазно-либеральной критики. Вопрос о народности был поднят в период разгрома вульгарного социологизма, когда советские исследователи в 30-х годах обратились к углубленному изучению трудов В. И. Ленина. Однако некоторые исследователи, забыв учение В. И. Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре, стали всех значительных писателей считать народными писателями. Это была уступка буржуазной теории единого потока. В настоящее время литературоведы различают гражданский патриотический классицизм Ломоносова и дворянский классицизм Сумарокова, сентиментализм Радищева и сентиментализм Карамзина, мистический романтизм Жуковского и боевой революционный романтизм Рылеева и т. д.

[1] Письмо К. Маркса З. Мейеру от 21 января 1871 г. Цит. по кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 256.

Выявляя те невидимые нити, которые связывают художников и критиков с народом, советские исследователи, следуя замечаниям В. И. Ленина, вопреки схемам Г. В. Плеханова, доказали, например, что Белинский и Чернышевский отражали настроения крепостных крестьян, что первая революционная ситуация конца 50-х — начала 60-х годов определила не только создание выдающегося произведения революционно-демократической литературы — романа Чернышевского „Что делать?", но и выход в свет великой народной эпопеи Л. Н. Толстого „Война и мир" и т. п.

При решении сложной проблемы периодизации нельзя забывать о том, что литература не только отражает общественную жизнь с определенных позиций, но является специфической формой отражения жизни, обладает относительной самостоятельностью, связана особыми путями с народными движениями и т. д.

Изучая историю развития русской литературы XIX века, большинство исследователей пришло к такому выводу: границы этапов развития литературы могут и не совпадать с границами исторических этапов освободительного движения. Как известно, дворянский этап освободительного движения ограничен рамками 1825—1861 годов. В литературе он начался несколько раньше. Знаменитая книга Радищева еще в конце XVIII века зазвучала как набатный колокол русской революции. После победы в Отечественной войне 1812 г. появились вольнолюбивые стихи Пушкина, Рылеева и других поэтов декабризма, была написана комедия Грибоедова, пронизанная декабристскими идеями. Второй этап освободительного движения развертывался в течение 1861—1895 годов. Однако еще в 50-х годах появились такие произведения, как знаменитый трактат Чернышевского „Эстетические отношения искусства к действительности", программное стихотворение Некрасова „Поэт и гражданин", „Губернские очерки" Салтыкова-Щедрина, свидетельствующие о начале нового этапа в развитии литературы. Следовательно, и здесь границы периода для литературы должны быть расширены.

Пока еще не выработана общепризнанная периодизация истории советской литературы. Большинство исследователей считает, что периоды развития советской литературы совпадают с теми, которые обозначены как этапы истории Коммунистической партии в известном „Кратком курсе Истории ВКП(б)". Другие ученые полагают, что было бы правильнее делить историю советской литературы на более крупные периоды, например, выделить период от Великой Октябрьской социалистической революции до начала 30-х годов, когда были ликвидированы эксплуататорские классы, затем от этого времени до начала Великой Отечественной войны и т. д.

Особую сложность представляет изучение творчества Л. Н. Толстого. Как известно, он выступил в литературе в начале 50-х годов и умер в 1910 году. В гениальных ленинских статьях о Толстом точно указана та эпоха, которая получила отражение в творчестве великого художника. Это период с 1861 года по 1904 год., эпоха пореформенная и предреволюционная. Эта эпоха охватывает весь второй период освободительного движения и часть третьего. Ленин называл весь этот огромный период „эпохой Толстого". Следовательно, Ленин находил возможным определять границы творчества гениального художника не в соответствии с хронологическими датами начала и конца его творческого пути или с рамками отдельных этапов освободительного движения, а исходя из особенностей и значения его творчества. До

сего времени вопрос о роли Толстого в литературном процессе второй половины XIX и начала XX веков слабо разработан специалистами-литературоведами. Пока еще нет таких больших работ, где была бы показана органическая связь Толстого с литературой этого периода. Чтобы восполнить этот существенный пробел, необходимо решить ряд сложных вопросов.

Остановимся на одном из них. Как известно, творчество Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, освещенное передовыми идеями революционной демократии, имело важнейшее значение для развития освободительного движения второй половины XIX века. Известно также, что политические позиции Тургенева, Гончарова, Островского, Толстого не только не совпадали с позициями революционных демократов, но были во многом враждебны им. На этом основании у ряда исследователей имеется тенденция именами Чернышевского и Некрасова заслонить имена Тургенева и Толстого. Но Тургенев, Гончаров, Островский, Толстой отразили в своих произведениях такие стороны жизни, своеобразие которых не подчеркнуто в творчестве Салтыкова-Щедрина или Чернышевского. Только более глубокое изучение вопроса о роли мировоззрения художника и специфических форм отражения действительности искусством поможет исследователям определить своеобразие и значение творчества этих выдающихся писателей.

Еще очень мало сделано советскими исследователями в области изучения эволюции художественных форм. Белинский в свое время говорил, что каждая эпоха выдвигает не только известные „идеи времени", но и определенные „формы времени". Встает вопрос: почему, например, в первую четверть XIX века наибольшей популярностью пользуются стихи, почему в 30—40-е годы внимание читателей завоевывает повесть, почему в 60—80-х годах господствует роман, развиваются публицистические жанры, почему в 80—90-х годах начинает выдвигаться на первый план очерк и рассказ? Почему, наконец, в 90-х годах Толстой создавал роман, Чехов — короткий рассказ, Горький — романтическую новеллу? Эти вопросы ставятся на дискуссиях, но пока не получают удовлетворительного объяснения.

Так же слабо изучена история русского романа, который занимает ведущее место в истории русской литературы. Попытка представить эволюцию романа как цепь переходов от романов семейно-бытовых к романам социально-психологическим, а от них к романам социально-политическим приводит к надуманной схематизации сложного и противоречивого процесса.

Советские литературоведы пересматривают отношение к целым периодам развития русской литературы. Возьмем, например, период после разгрома декабристов — с 1825 года по 1836 год. Герцен говорил, что в России наступила ночь, и нечем было дышать. Однако в эти мрачные годы реакции звучал звонкий голос великого оптимиста Пушкина, раздавался овеянный мягким юмором смех автора „Вечеров на хуторе близ Диканьки", вышли „Литературные мечтания" Белинского, полные глубокой веры в силы народа и в будущий расцвет русской литературы, собирался кружок Герцена—Огарева.

Или другой период: 80-е годы. Они вошли в историю России, как эпоха „безвременья", тяжелой реакции, грубого насилия. Но в эту же эпоху зародились первые марксистские организации в России, в эту эпоху жил и творил один из самых мужественных и проникновенных русских писателей А. П. Чехов, маленькие рассказы которого и драматические произведения стали известны всему миру.

Советские ученые внимательно изучают социальные причины, которые формировали творчество крупнейших художников слова эпох реакции, вдохновляли их на создание оптимистических произведений.

За последние десять лет заново переосмыслена концепция развития русской литературы конца XIX — начала XX века. Изучение творчества крупнейших русских художников слова привело к выводу, что представление о кризисе критического реализма и о том, что господствующее место в литературе заняли, с одной стороны, декаденты и натуралисты, а с другой стороны, небольшая группа писателей социалистического реализма, не соответствует действительности.

Изучение творчества Л. Толстого, Чехова, Горького, Короленко, Вересаева, Серафимовича, Куприна, Бунина и других реалистов (в частности, объединенных Горьким вокруг издательства „Знание") показало, что русский реализм занимал господствующее положение в литературе XX века, что декаденты и натуралисты совсем не определяли направление литературного процесса, что значение в литературе наиболее крупных представителей декадентства — Брюсова и Блока — определяется степенью их отхода от догм декадентства.

Мощный подъем освободительного движения под руководством пролетариата, творчество Горького, зарождение социалистического реализма привели к тому мощному подъему реалистического творчества, о котором писала дореволюционная „Правда" за несколько лет до Великой Октябрьской социалистической революции.

Большинство рассмотренных проблем нельзя считать только подсобным материалом для работы над научной периодизацией русской литературы: каждая из них имеет одновременно и свое самостоятельное научное значение. К числу наиболее сложных и в то же время важных как в плане методологическом, так и в плане историко-литературном относится проблема метода и направления в искусстве.

На Втором Всесоюзном съезде советских писателей выступающие подвергли серьезной критике тех исследователей, которые ограничивают изучение этого вопроса механическими аналогиями с историей философии. Как известно, в истории философии всегда шла борьба между материализмом и идеализмом. Следовательно, делают отсюда выводы некоторые литературоведы, основа развития искусства — это только борьба между реалистическим методом и всеми нереалистическими течениями. Некоторые подходили к этому вопросу еще примитивнее: все, что реализм — хорошо, все, что не реализм — плохо. При этой постановке вопроса такие направления, как классицизм, сентиментализм, романтизм, рассматривались как некие неполноценные явления искусства. Участники Второго съезда писателей, критикуя эту точку зрения (которая и раньше подвергалась критике в трудах некоторых литературоведов) заявили, что они считают себя наследниками всего прогрессивного, что создано человечеством за многовековую историю развития искусства.

Советскими учеными за последние годы немало сделано как для изучения истории отдельных направлений, так и для выявления их существенных черт и, особенно, для раскрытия своеобразия их в русском искусстве.

Многие дореволюционные критики (и в советскую эпоху вульгарные социологи) считали русский классицизм явлением подражательным, свя-

заниым лишь с придворной культурой дворянства. В 30-е годы советские ученые начали глубокое изучение классицизма, которое впоследствии дало свои плодотворные результаты.

Конечно, существуют некоторые общие черты, которые присутствуют в произведениях писателей разных стран, но имеются и такие, которые характерны только для классицизма данной страны. Выяснением общих и национальных черт русского классицизма и заняты советские исследователи, которые считают русский классицизм национальным течением общеевропейской школы.

В конце 30-х годов получила довольно широкое распространение и проникла даже в учебники такая точка зрения: русский классицизм ограничивается творчеством Сумарокова и писателей его школы. Дальнейшее изучение привело к выводу, что классицизм очень сложное явление, включающее в себя и сатиры Кантемира, и творчество Ломоносова, и басни и драмы Сумарокова и т. д. Более того, внутри самого классицизма шла борьба между универсальным гением Ломоносова, творчество которого не умещается в рамках классицизма, и дворянским классицизмом Сумарокова.

Советские исследователи подчеркивают прогрессивное значение классицизма (постановка существенных социальных и психологических проблем своего времени, гражданский пафос и т. д.) и его ограниченность (отказ от изображения народа, условные характеры, сложный язык и т. д.).

Не менее сложна проблема изучения русского сентиментализма. Советские исследователи полагают, что социальной базой развития сентиментализма на Западе была борьба буржуазии против феодализма. В России виднейшие представители сентиментализма отражали настроения дворянства в эпоху усиления крестьянских движений, в эпоху роста капиталистических отношений. Поэтому русские сентименталисты идеализировали крепостнический строй. Но в сентиментализме были и свои положительные стороны: более глубокое раскрытие психологии человека, хотя часто и растворяемое в потоках надуманной чувствительности.

До сих пор дискутируется вопрос об отношении Радищева к сентиментализму. Многие ученые склонны называть Радищева представителем левого, революционно-демократического крыла сентиментализма. Другие полагают, что его творчество представляет собою совершенно самобытное явление и может быть связано с сентиментализмом только лишь по линии раскрытия психологии героя; они подчеркивают в его творчестве лишь реалистические тенденции.

В оценке романтизма советские ученые пришли к ряду общепринятых положений. Вслед за Горьким они различают в истории прошлого два типа романтизма — романтизм реакционный и романтизм прогрессивный. Они считают, что революционный романтизм Горького, родившийся в начале третьего этапа освободительного движения, явился новым звеном в развитии прогрессивного романтизма. Все эти положения, утвердившиеся в результате серьезного изучения истории литературы, направлены против антинаучной теории единого потока. Однако целый ряд проблем романтизма остается еще не разрешенным. Встает, например, такой вопрос: в творчестве Жуковского причудливо переплетены черты мистического реакционного романтизма с некоторыми прогрессивными чертами. Можно ли считать Жуковского только реакционным романтиком или попытаться при анализе

его творчества найти в нем борьбу двух направлений романтизма? Или другой вопрос. Как известно, декабристы остались на позициях революционного романтизма. Почему Пушкин, который был так близок к декабризму, не остановился на романтизме, а пошел по пути реализма? Почему Лермонтов после Пушкина вновь обратился к романтическим образам? Очень слабо еще изучен вопрос о характере романтизма Короленко и влиянии его на формирование революционного романтизма Горького.

Термин „критический реализм" прочно вошел в научный обиход. О критическом направлении русской литературы говорили русские революционные демократы, термином „критический реализм" пользовался Горький.

За истекшее десятилетие продвинулось вперед изучение некоторых важных проблем критического реализма.

Так, например, было уделено внимание изучению отношения реализма к другим художественным методам. Были отвергнуты научно несостоятельные представления некоторых критиков о реализме и романтизме как о двух взаимоисключающих методах. Сторонники таких выводов утверждали, что задача художника-реалиста будто бы сводится к простой фиксации явлений реальной жизни, а художника-романтика — к изображению своих представлений о том, какова должна быть жизнь. Таким образом, в этой схеме художник-реалист выглядел бескрылым регистратором, а художник-романтик — беспочвенным мечтателем. В ходе дискуссии было установлено, что такое представление не только обедняет реализм, лишает его перспективы, но фактически сводит его к натурализму. В больших произведениях реалистического искусства, как справедливо подчеркивает Горький, реализм и романтизм соединены в одно неразрывное целое. Изучение этого сложного единства в творчестве крупных художников — одна из важнейших задач истории литературы.

С этим вопросом связана и проблема положительного героя в произведениях критического реализма. Разработка и этой проблемы проходила в острой борьбе. Некоторые критики вообще отрицали наличие положительного героя в литературе критического реализма. Они полагали, что вся задача критического реализма сводится лишь к критике действительности. По их мнению, критический реализм все отрицает и ничего не утверждает. Изучение этого вопроса и дискуссия вокруг него привели к выводу, что отрицательное отношение писателей критического реализма к буржуазно-дворянской действительности могло быть таким страстным и художественно убедительным только потому, что оно опиралось на высокие идеалы художников, не совместимые с окружающей жизнью. Писатели критического реализма не только отрицали, но и утверждали. Утверждающее начало критического реализма воплощалось и в замечательные положительные образы, и в взволнованные лирические отступления, и в самом характере отрицания, которое рождало в душе читателя не отчаяние, а надежду на лучшее будущее, рисовало контуры этого должного будущего.

Критический реализм имеет свою славную историю. Изучение этой истории показало, что не было никакого кризиса критического реализма в конце XIX века, а тем более не было распада его на натурализм и декадентство (о чем писали некоторые наши литературоведы в конце 30-х и в 40-е годы). Более того, в наши дни критический реализм в капиталистических странах может создать значительные художественные ценности. Плодотворному

изучению основных проблем критического реализма поможет серьезный анализ отдельных этапов его развития, дальнейшее раскрытие своеобразия творчества ведущих художников, научная разработка проблем типизации (включая вопрос об особенностях создания образа положительного героя и сатирического образа).

В послевоенное время значительно глубже и шире, чем в предыдущие годы, изучаются проблемы социалистического реализма. Плодотворному изучению этих проблем (как и других вопросов литературы) помогает Коммунистическая партия Советского Союза. В 1946—1948 годы были опубликованы программные документы по вопросам развития искусства. Важнейшие вопросы развития искусства обсуждались на XIX съезде Партии, состоявшемся в 1952 году. Известное положительное значение в разработке этих проблем сыграла и та дискуссия, которая развернулась в период подготовки ко Второму Всесоюзному съезду писателей и на самом съезде.

Отметим некоторые, наиболее важные вопросы социалистического реализма, которые были поставлены в послевоенное время.

1. Проблема традиции и новаторства. В 30-х годах наши исследователи стремились акцентировать внимание на различии между критическим и социалистическим реализмом. Это приводило некоторых из них к противопоставлению двух методов. Советские литературоведы плодотворно разрабатывают проблему творческого освоения социалистическим реализмом достижений писателей критического реализма.

2. Проблема партийности. Разработка этого вопроса опирается на основные положения статьи Ленина „Партийная организация и партийная литература". Знание законов развития общества, открытых классиками марксизма-ленинизма, неизмеримо расширяет творческие возможности советских художников, стимулирует их к активной открытой борьбе средствами искусства за торжество высоких идеалов современного человечества. Вопрос о социалистическом идеале, о народности искусства, о традициях и новаторстве тесно связан с проблемой партийности. Поэтому советская общественность так резко реагировала на выступления одного вульгаризатора, который пытался противопоставить писателей партийных писателям беспартийным, то есть попытался пропагандировать сектантские идейки.

3. Проблема реализма и романтизма как составных частей социалистического реализма. Некоторые критики пытались доказать, что социалистический реализам — это соединение отрицающих начал критического реализма и утверждающих начал революционной романтики. Наши исследователи вскрыли ошибочность такой механистической трактовки социалистического реализма, которая пропитана недоверием к реализму и субъективистским представлением о романтике. Социалистический реализм — новый метод искусства, органически включающий в себя революционную романтику.

4. Проблема типического. Не всякое распространенное типично. Типическим может быть и нераспространенное, если оно отражает сущность данного социально-исторического явления (например, образы революционеров или новаторов). Для более яркого раскрытия сущности типического образа художник заостряет его, преувеличивая потенциальные возможности изображаемого социально-политического явления. Разумеется, характер типизации зависит от мировоззрения художника. Поэтому проблема типизации есть всегда проблема политическая, партийная.

5. Проблема конфликта. Сторонники теории бесконфликтности не понимали того, что ликвидация эксплуататорских классов в нашей стране не уничтожает конфликтов. Но эти конфликты приобретают новую форму: форму борьбы нового со старым, передового с отживающим, лучших людей с людьми отсталыми. Этот конфликт отражает не только драматургия, но и вся советская литература.

6. Проблема положительного и отрицательного героя. Советские читатели наиболее ценят не те произведения, в которых показан сначала человек, каким он был, а затем, каким он стал, а те, в которых изображен процесс сложного роста, раскрыта „поэзия трудных дорог". Не исключительная личность в центре их внимания, а тот, по выражению Горького, „маленький великий человек", который вышел из самой глубины народных масс. Советские критики вели борьбу против тех, кто не понимал ведущего значения положительного героя в советском искусстве, кто представлял его однолинейно — только в труде и общественной деятельности, забывая об изображении его в личной жизни. Одновременно советская критика осуждала тех писателей, которые погружали героя в быт, то есть изображали его так же односторонне, как и их противники. Долго шли споры о том, возможен ли в наших условиях типический отрицательный герой. Разумеется, такой образ, возбуждающий ненависть ко всему, что мешает двигаться вперед, нужен советским людям.

7. Проблемы сатиры. Нам нужны Гоголи и Щедрины, но мы не можем ограничиться лишь подражанием великим сатирикам. Наши литературоведы установили принципиальную разницу между сатирой эпохи критического реализма и сатирой в социалистическом обществе. Борясь с мерзостями буржуазно-дворянского общества, сатирики прошлого расшатывали самые основы социального строя, основанного на угнетении человека человеком. Борясь с фальшивыми людьми и другими отрицательными явлениями нашей жизни, советские сатирики тем самым укрепляют основы советского строя.

8. Проблема стиля. Методом советской литературы является метод социалистического реализма. Единый метод не исключает многообразия различных течений и стилей, а предполагает их. Горький говорил с трибуны I съезда: „Наше творчество должно остаться индивидуальным по формам и быть социалистически ленинским по смыслу его основной, руководящей идеи"[2]. Маяковский стремился к тому, чтобы в нашей стране было больше поэтов „хороших и разных". Однако существующие творческие течения, ярко выраженные в художественном творчестве, еще довольно слабо изучены нашими литературоведами.

Эта проблема в настоящее время широко ставится в советском литературоведении. Изучение стиля отдельного произведения, индивидуального стиля большого писателя, стилистических особенностей целого направления искусства — одна из самых актуальных задач нашей науки.

Горький еще в 1909 году подчеркивал: при изучении русской классической литературы „вас поразит разность лиц, приемов творчества, линии мысли, богатство языка.

---

[2] А. М. Горький. Заключительная речь на первом Всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года. Собр. соч. в тридцати томах. Т. 27, 1953 г., стр. 340.

В России каждый писатель был воистину и резко индивидуален, но всех объединяло одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе ее народа, о ее роли на земле"[3]. Продолжая развивать эти мысли, уже в 1917 году Горький писал: „Радостно, до безумной гордости волнует не только обилие талантов, рожденных Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их, — разнообразие, которому историки нашего искусства не отдают должного внимания"[4].

Чтобы раскрыть своеобразие художественного почерка великих писателей, необходимо прибегнуть и к помощи философии и эстетики.

Искусство есть одна из форм общественного сознания. Оно имеет много общего с другими формами общественного сознания — политикой, социологией, философией, так же как и они, являясь средством познания и изменения жизни. Но искусство имеет и свою специфику, свои внутренние законы, которые отличают его от других форм идеологии, как другие формы идеологии имеют свои законы, отличающие их от искусства.

Человек способен творить „по законам красоты"[5], отмечал Маркс. Ленин рассматривал творчество Толстого „как шаг вперед в художественном развитии всего человечества"[6]. Изучение внутренних законов искусства позволяет нам понять закономерности художественного развития человечества.

Здесь встает большая проблема — проблема содержания и формы искусства, проблема очень сложная, далеко еще не разработанная в такой мере, чтобы дать ответ на все важнейшие вопросы современного искусствознания.

Мы исходим из понимания искусства как синтетической формы познания мира, которая воздействует одновременно на ум, чувство, волю человека, пробуждает в нем эстетические эмоции. Поэтому, в частности, мы говорим не только о мировоззрении, о партийности современного писателя, но и, употребляя терминологию Горького, о его „эмоциональной грамотности". Художник не только раскрывает красоту действительности, но и воссоздает ее в произведениях искусства, воспитывает в людях любовь к прекрасному и возвышенному, ненависть к низменному и безобразному, показывает трагические и комические стороны жизни.

В разрешении проблемы формы и содержания у нас были серьезные заблуждения. Основа этих заблуждений — непонимание специфики художественной литературы, которое вело к разным типам разрыва содержания и формы.

Искусство — это не зеркально-точное отражение жизни, а переработка этого отражения художником. Причем здесь не два акта — сначала отражение, а затем переработка, а единый сложный акт, который включает в себя и отбор явлений жизни, обусловленный идейными позициями писателя, и их оценку и использование художественных приемов отражения, открытых предшественниками, и переосмысление этих приемов, и изобре-

[3] А. М. Горький. Разрушение личности. Собр. соч. в тридцати томах. Т. 24, 1953 г., стр. 66.

[4] А. М. Горький. (О русском искусстве.) Там же, стр. 184.

[5] К. Маркс. Философско-экономические рукописи 1844 г. Цит. по кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве. 1938 г., стр. 57.

[6] В. И. Ленин. Л. Н. Толстой. Соч., т. 16, стр. 293.

тение новых и т. д. Поэтому, как справедливо утверждает один исследователь, форма это отнюдь не род разрисованного футляра, куда писатель запрятывает свою идею. Искусство создавать художественные произведения — это искусство понимать, искусство чувствовать, искусство видеть, искусство слышать, искусство пользоваться всеми пятью чувствами человека, искусство воссоздавать виденное и слышимое, искусство воспитывать лучшие черты характера человека.

Следовательно, если под содержанием понимать действительность, отраженную в свете определенных общественно-эстетических идеалов, а под формой — внутреннюю организацию произведения искусства при помощи различных художественных приемов, выявляющих это содержание, то окажется, что и содержание и форма отражают действительность, что они неотрывны друг от друга, хотя и не тождественны друг другу. Видимо, исходя из такого понимания соотношения содержания и формы Горький писал поэту Пастернаку: „Мне часто кажется, что слишком тонка, почти неуловима в стихе Вашем связь между впечатлением и образом. Воображать — значит внести в хаос форму, образ. Иногда я горестно чувствую, что хаос мира одолевает силу Вашего творчества и отражается в нем именно только как хаос, дисгармонично“[7].

Разумеется, глубокое изучение специфики литературы, рассмотрение единства и различия формы и содержания не могут быть расценены как уступка формализму. Мы не можем видеть в вульгарных социологах защитников идейного искусства, мы также не можем считать формалистов компетентными судьями в области формы. Как могут понимать искусство люди, которые видят в нем только сумму различных приемов, оторванных от воспроизведения жизненно-важных явлений. Искусство, созданное по рецептам формалистов, может представлять интерес для изысканного кружка гурманов, а не для многомиллионных народных масс — истинных ценителей настоящего большого искусства. Мы не можем поэтому не согласиться с выводом автора книги „Этюды по эстетике“, французского исследователя А. Лефевра, который заметил: „Формализм — враг формы“[8]. Наши критики резко осуждают малейшие проявления формализма, какие бы формы он ни принимал. В частности, в некоторых критических статьях последнего времени исследователи делали акцент не на сопоставлении художественного произведения с жизнью, а на сопоставлении его только с замыслом писателя. Как справедливо отметила наша печать, такие тенденции приводят не к осмыслению сущности изображаемых событий, а к смакованию внешних деталей изображаемого, к формалистическому логизированию.

Нередки в нашем литературоведении и недостатки такого характера, которые объясняются, с одной стороны, слабой разработанностью некоторых вопросов содержания и формы, а с другой стороны, отдаленными отголосками вульгарного социологизма. Назовем некоторые из этих недостатков:

1. Недооценка специфики искусства. Некоторые критики делят свое исследование на две части: в первой, наиболее обстоятельной, они пытаются выяснить идейное содержание произведения и раскрыть характер от-

[7] А. М. Горький. Письмо Б. Л. Пастернаку от 30 ноября 1927 года. Опубликовано в „Литературной газете“ 21 сентября 1954 года.

[8] Цит. по русскому переводу. А. Лефевр. Введение в эстетику. 1954 г., стр. 106.

дельных образов; во второй, занимающей обычно небольшое место в работе, сказать о жанре, композиции, сюжете, образной структуре, стиле, языке. Такое „исследование" дает основание полагать, что идейную сущность произведения можно раскрыть помимо анализа его художественных средств.

2. Подмена конкретного анализа особенностей данного художественного произведения общими словами. Автор такой работы обычно говорит о стройной композиции, увлекательном сюжете, выпуклых, красочных образах, сочном, народном языке, снабжая каждое свое определение соответствующими выписками из разбираемого произведения. Разумеется, такие вкусовые оценки не могут помочь читателю уяснить, в чем же состоит особенность того произведения, о котором говорит критик.

3. Подмена анализа индивидуального стиля писателя характеристикой особенностей художественного метода. Например, при рассмотрении реалистического произведения критик выделяет те его черты, которые доказывают, что произведение написано писателем-реалистом, то есть акцентирует внимание читателей только на тех особенностях произведения, которые роднят его с произведениями других писателей, но не показывают индивидуального творческого почерка данного писателя.

При всех этих недостатках наше литературоведение последних лет делает некоторые успехи в изучении специфических особенностей литературы. Теперь уже нет статей или монографий, где бы с разной степенью глубины не ставился вопрос о художественном своеобразии метода и стиля писателя. Анализу проблемы художественного метода, жанра, композиции, сюжета, идейно-образной структуры, языка, стиля и т. д. уделяется все больше и больше внимания. Появляются отдельные книги, специально посвященные этому вопросу (например, книга К. И. Чуковского „Мастерство Некрасова", В. Б. Шкловского „Заметки о прозе русских классиков", Н. З. Шаховы „О художественности" и др.).

В изучении стиля писателя большую помощь литературоведам оказывают языковеды. Работы многих языковедов и прежде всего труды академика В. В. Виноградова, посвященные изучению языка и стиля писателя, показывают широкие возможности плодотворного сотрудничества языковедов и литературоведов в изучении творческого облика великих мастеров художественного слова.

Каждый писатель пользуется общенародным языком. Но из всего этого богатства он отбирает такие слова и выражения, которые нужны ему для воплощения его творческого замысла, отбирает и по-своему комбинирует. „Разум неистощим в *сообразнении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. — писал Пушкин. — Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона"[9]. Своеобразное использование разными писателями богатств общенародного языка помогает им создать свой оригинальный стиль. Советский писатель В. Я. Шишков как-то сказал, что каждое слово, фигурально выражаясь, имеет свою душу. Задача писателя так расставить слова во фразе, чтобы они засветились, как фонарики. Тогда каждое слово в художественном произведении помимо своего основного значения приобретает дополнительное, обусловленное тем, что оно употребляется как средство создания типического

[9] А. С. Пушкин. „Об обязанностях человека". Сочинение Сильвио Пеллико. Полн. собр. соч. в десяти томах. Том VII, 1951 г., стр. 445.

образа в типических обстоятельствах. Так в художественном произведении расширяется эмоциональное и идейное звучание слова.

Однако писатель обычно не ограничивается использованием фонда общенародных слов. Он, если ему нужно, привлекает элементы классовых жаргонов, устарелые слова и выражения, лексику областных народных говоров, пользуется языком исторических и литературных памятников и т. д. „Но язык подлинно-художественного произведения, — как отмечает академик В. В. Виноградов, — не может далеко отступать от основы общенародного языка, иначе он перестанет быть общепонятным"[10].

Из сложного сочетания синтеза различных языковых стилей создаются неповторимые индивидуальные стили писателей. „В развитом литературном языке, — указывает академик В. В. Виноградов, — выделяются разнообразные стили, то есть более или менее устойчивые, целесообразно организованные системы словесного выражения. Понятие стиля языка основано не столько на совокупности установившихся „внешних" лексико-фразеологических и грамматических примет, сколько на своеобразных внутренних экспрессивно-смысловых принципах отбора, объединения, сочетания и мотивированного применения выражений и конструкций. Кроме того, стили языка соотносительны, и эти соотношения подчинены определенным правилам, ограничивающим и упорядочивающим формы разностильных смешений"[11]. Дальнейшее углубленное изучение индивидуального стиля писателя поможет решить многие сложные вопросы литературоведения.

Достижения и недостатки литературоведения особенно ярко сказались на монографиях об отдельных русских писателях, которые были опубликованы за последние десять лет. Монографии у нас — всегда некоторый итог исследования не только автора данной работы, но и всего коллектива советских исследователей, при том не только литературоведов, но и историков и философов. В нашем литературоведении складывается определенный тип монографии о писателе.

В большинстве таких книг основное внимание исследователя обращено на изучение творчества писателя. Художественное творчество, как мы считаем, есть субъективное отражение объективного мира. Поэтому автор монографии уделяет серьезное внимание изучению той объективной действительности, которая нашла отражение в искусстве, то есть социальной жизни эпохи, послужившей материалом для художественного творчества. Но, как известно, художественное творчество не зеркально-мертвое отражение, а живой и сложный процесс. Между жизнью и искусством стоит художник, который изучает жизнь и создает произведения искусства. Поэтому советские исследователи должны внимательно изучать и биографию художника. Их, конечно, интересуют, в первую очередь не занимательные детали из жизни писателя, а только те ее стороны, которые оказали серьезное влияние на его творчество. Поэтому они изучают прежде всего ту социальную среду, которая формировала его политические, философские, эстетические воззрения. При этом, конечно, встает и вопрос о классовом лице художника. Современные исследователи далеки от мысли о том, что классовое происхождение и социальное положение писателя являются решающим фактором, который

[10] В. В. Виноградов. Язык художественного произведения. Журн. „Вопросы языкознания", № 5, 1954, стр. 12.

[11] Там же.

определяет все направление его творчества. При анализе идейных позиций писателя на первое место они выдвигают критерий правдивости отражения жизни. Чем шире социальный опыт писателя, чем значительнее его талант, тем крупнее произведение он может создать. В какой мере классовые позиции писателя помогают или мешают отразить правду жизни — этот вопрос выясняется в процессе конкретного анализа творчества писателя. Обычно передовое мировоззрение при прочих равных условиях расширяет творческие возможности художника, реакционное — сужает их.

Итак, создавая монографии, советские исследователи далеки как от биографического метода исследования, когда анализ творчества подменяется описанием жизни писателя, так и от метода культурно-исторической школы, когда исследователь рассматривает художественные произведения только как фактор истории общественной мысли. Не могут пойти советские исследователи и по пути формалистов, которые анализируют только приемы писателей, отрывая эти приемы от анализа идейного содержания. Путь советского литературоведа сложнее и труднее.

Рассмотренные проблемы показывают, какие сложные и большие задачи стоят перед советскими исследователями. Они очень хорошо сознают, сколько ими еще не сделано, какие большие недостатки и пробелы имеются в их работе. Однако мы глубоко уверены в том, что в решении центральных вопросов, связанных с выяснением проблемы специфики искусства, его места среди других форм общественного сознания — мы на верном пути.

Попытаемся теперь кратко остановиться на некоторых выводах, к которым пришли наши исследователи при изучении русской литературы XVIII, XIX, XX веков.

II

Советские исследователи немало сделали для изучения русской литературы XVIII в.: написаны монографии об отдельных писателях, создан курс истории русской литературы XVIII века, написанный Д. Д. Благим, вышли томы истории русской литературы, освещающие важные моменты русской литературы этого периода. Литературоведы и историки, опираясь на ранее известные факты и на вновь привлеченный материал, изучив историю народных движений XVIII века, по-новому осмыслили важнейшие явления русской литературы XVIII века, раскрыли ее национальную оригинальность, показали ее общественное значение.

Большое значение для изучения русской литературы XVIII века имеет правильное понимание русского классицизма. Наши литературоведы вскрыли черты его национального своеобразия, показали, как он помог дальнейшему формированию русской литературы и русского литературного языка, как произошло в его системе преобразование русского стихосложения. Гневные строки сатир Кантемира положили начало сатирическому направлению в новой русской литературе. Он еще писал силлабическим стихом. Начало преобразования русского стихосложения было положено Тредиаковским. Великий сын великого народа Михайло Ломоносов создавал торжественные оды, проникнутые высоким гражданским пафосом, поднимая в них вопросы большого общественного значения. Он разработал принцип силлаботонического стихосложения, многое сделал для сближения литературного языка с языком народным. Вопросы теории драматургии классицизма были

поставлены в работах драматурга и поэта Сумарокова. Он уже говорил о равноправии различных поэтических жанров.

Сумароков положил начало русской сатирической публицистике. Он вел борьбу против „высокого парения" Ломоносова, утверждая принцип простоты и точности. Однако мировоззрение Сумарокова было ограниченно: он полагал, что судьба России зависит от судьбы одного дворянства.

Особенно большое внимание уделяют наши литературоведы изучению русской литературы последней трети XVIII века, эпохи крестьянской войны под руководством Пугачева, эпохи, когда весь мир был потрясен событиями французской и американской революций.

В русской литературе крестьянский вопрос постепенно выдвигается на первый план. Развивается русская сатирическая журналистика. Возникает впервые тема царя-тирана.

В новых условиях происходит трансформация сложившихся ранее стилей. Поэт Державин уже не удовлетворен ломоносовско-сумароковской системой классицизма. Он смело соединяет „высокое" и „низкое", одическое и сатирическое в одном произведении, он дает материально-ощутимое изображение предметного мира и природы. Драматург Фонвизин (анализу творчества которого посвящена недавно вышедшая книга К. В. Пигарева) в построении своих комедий „Бригадир" и „Недоросль" следовал принципам классицизма, но впервые вывел на сцену образы-типы, наделенные ярким индивидуальным языком. Однако, как справедливо указывал исследователь, борясь за национальную самобытность, Фонвизин не отрицал самого принципа крепостного права, а сатирически осуждал только злоупотребления крепостников.

Яркое представление о деятельности Новикова дает публикация свода текстов новиковских сатирических журналов, прокомментированных П. Н. Берковым. Работа Новикова — журналиста, писателя, книгоиздателя, оказавшего большое влияние на развитие русской демократической культуры, освещена в книге Г. П. Макогоненко „Николай Новиков и русское просвещение XVIII века".

Самым крупным писателем России конца XVIII века был Радищев. Он был не только художником слова, но и крупнейшим мыслителем своего времени. Радищев получил прекрасное образование, он хорошо знал произведения западных философов. Его взгляды определялись в первую очередь задачами освободительной борьбы в России конца XVIII века. Его знаменитое „Путешествие из Петербурга в Москву", направленное против основ крепостничества и самодержавия, органически объединяет различные стилевые принципы: здесь и яркие зарисовки народной жизни, и гневные сатирические обличения помещиков, и философские рассуждения, и речь революционного трибуна, и задушевный разговор с читателем. Это произведение не умещается в рамки жанра сентиментальных „путешествий": писатели-сентименталисты заботились прежде всего об изображении переживаний своего героя, чутко реагирующего на различные события жизни. Радищева же в первую очередь волновали социальные вопросы, судьба Родины и народа. Творчество Радищева предваряло развитие русского критического реализма. О героической и трагической жизни Радищева, о его деятельности и произведениях, о его современниках и последователях рассказывают в своих работах Г. П. Макогоненко, В. Н. Орлов, Л. И. Кулакова и другие советские исследователи.

В конце XVIII в. началась литературная деятельность Крылова. Один из выдающихся журналистов-сатириков, Крылов создает ряд сатирических комедий, развивая сатирическое направление русского классицизма. В начале XIX в. Крылов завоевывает известность своими баснями. Как отмечает исследователь творчества Крылова Н. Л. Степанов, Крылов преодолевает традиционную аллегоричность жанра, превращая басню в реальную жизненную картинку. Басня Крылова — это и бытовая сценка, и маленькая комедия, и сатира, и лирическое раздумье.

В становлении русского реализма выдающаяся роль принадлежит Грибоедову. Изучению его творчества и общественной деятельности посвящены монографии М. В. Нечкиной, В. Н. Орлова, том „Литературного наследства". Грибоедов вырос как гражданин и художник в атмосфере победоносной Отечественной войны 1812 г., в кружках деятелей декабристского движения. Он создал антикрепостническую комедию „Горе от ума", в которой, формально следуя некоторым принципам классицизма, смело соединил любовную интригу с раскрытием большого социального конфликта, отказался от однолинейного изображения характеров и создал многоплановые характеры, типические и глубоко индивидуальные.

Русский реализм рождался в борьбе и соревновании с другими литературными направлениями начала XIX века.

Распад классицизма в России начался еще в XVIII веке: он терял свой гражданский пафос, эпигоны классицизма занимались риторическим прославлением монархического строя, создавали придворную поэзию. Однако некоторые поэты в первой половине XIX века использовали приемы классицизма для выражения ненависти к существующему строю, для пропаганды свободолюбивых идей (молодой Пушкин, Рылеев, Катенин, Кюхельбекер).

Русский сентиментализм, отражая настроение дворянства, далекого от освободительной борьбы, имел ограниченно-прогрессивное значение, раскрывая мир внутренних переживаний дворянских интеллигентов. В начале XIX века стиль сентименталистов вырождается в ту слезливую манерность, которая характерна для эпигонов Карамзина. После Отечественной войны 1812 года, когда особенно резко обнаружилось противоречие между героическим характером народа, проявившимся в дни тяжких испытаний, и его положением закрепощенного раба, сентиментализм, проповедующий мирное сосуществование господ и рабов, акцентирующий внимание, главным образом, на индивидуалистических переживаниях, потерял серьезное общественное значение.

От сентиментализма к романтизму переходит в середине десятых годов XIX века один из выдающихся русских поэтов — Жуковский, который первый с такой глубиной раскрыл мир интимных переживаний, противопоставил внутренний мир человека официальной идеологии. Однако романтизм Жуковского — глубоко противоречивое явление. В период подготовки декабристского восстания пассивно-созерцательный романтизм Жуковского и его соратников играл уже реакционную роль.

В период подготовки восстания декабристов складывался революционный романтизм декабристов и молодого Пушкина. Этот процесс хорошо показан в сборнике поэтических, драматических и литературно-критических текстов писателей-декабристов, подготовленных В. Н. Орловым, антологии

поэтов-декабристов, подготовленной Б. С. Мейлахом, монографиях о творчестве Рылеева, написанных К. В. Пигзревым и А. Г. Цейтлиным, в ряде работ В. Г. Базанова, А. Н. Соколова, в томах „Литературного наследства" и др. „Я не поэт, а гражданин!" — в этих словах Рылеева — эстетическое кредо декабристов. В своих произведениях, написанных подчас в стиле прокламаций, проповедей, народных песен, проникнутых пафосом трибунов, они прославляли героический образ борца с тиранами и угнетателями. Декабристы вели неустанную борьбу с придворным классицизмом, мистическим романтизмом, слезливым сентиментализмом. Однако они не могли принять реализм.

Появление Пушкина — целая эпоха в истории русской культуры: он является основоположником русского реализма и всей новой русской литературы. Нет никакой возможности даже перечислить основные работы о Пушкине, вышедшие за последние десять лет. Ежегодно в Институте русской литературы в Ленинграде (который называется Пушкинским Домом) проводятся Всесоюзные пушкинские конференции, где ученые Советского Союза делятся своими открытиями в области пушкиноведения. В 1949 году страна отмечала 150-летие со дня рождения Пушкина. К этому времени было завершено 20-томное академическое издание полного собрания его произведений. Д. Д. Благой в обширной монографии, первый том которой вышел в 1950 году, рассказал о творческом пути Пушкина до 1826 года. Исследователь завершает работу над вторым томом. Б. С. Мейлах опубликовал книгу о Пушкине и фрагменты из новой большой монографии. Выходит летопись жизни и творчества Пушкина, подготовленная М. А. Цявловским. Институт языкознания готовит издание словаря языка Пушкина. Новые материалы о Пушкине появились в томах „Литературного наследства". Вышел в свет том истории литературы, посвященный Пушкину, его предшественникам и современникам.

Пушкинисты выявляют те жизненные и идейные истоки, которые формировали творчество Пушкина. Эпоха Отечественной войны 1812 года, когда русский народ спас народы Европы от тирании Наполеона, эпоха движения декабристов оказала решающее влияние на становление и развитие неповторимого таланта Пушкина. Поэт рос и воспитывался в атмосфере воспоминаний о крестьянской войне под руководством Пугачева, о событиях Великой Французской революции, о запрещенной книге Радищева. Он мучительно осознал трагедию декабристов, далеких от народа, и обратился к изучению народной жизни.

Пушкинисты установили, что в политической лирике Пушкин поставил две важнейшие радищевские темы: тему борьбы с крепостничеством и тему борьбы с самодержавием. Под пером Пушкина преображается романтическая „байроническая" поэма, русский поэт вводит в нее реальный образ современника, а в „Цыганах" уже разоблачает романтическое разрешение конфликта между личностью и обществом. Пушкин создает новый тип трагедии — народную трагедию (анализ драматургии Пушкина дан в книге проф. Е. Городецкого). В романе „Евгений Онегин" Пушкин открывает возможность синтетического изображения жизни целой страны в определенную эпоху, находя подлинную поэзию в изображении реальной действительности. Пушкин создает русскую реалистическую прозу. Он первый дал в литературе реалистическое изображение народных движений и вождя

крестьянской войны Пугачева. Пушкин не только изобразил все основные социальные слои русского общества конца XVIII — начала XIX века, но показал и жизнь некоторых других народов. Великий художник работал во всех жанрах литературы.

Творчество Пушкина не только завершало целую эпоху в развитии русской литературы, но и намечало дальнейшие пути ее движения. Он создал образ так называемого лишнего человека, дальнейшая эволюция которого показана в творчестве Лермонтова, Герцена, Тургенева. Он был родоначальником изображения тех „маленьких людей", которые стали героями произведений Гоголя, Достоевского, писателей-демократов. Его сатирические зарисовки продолжали традиции XVIII века и предваряли Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Обращение Пушкина к изображению народа помогло Л. Н. Толстому в создании его народных эпопей. Сжатости и точности языка учился у Пушкина Чехов. Пушкинский гимн в честь Солнца, Поэзии и Разума перекликается с произведениями Горького и Маяковского.

Проблема отношения творчества Гоголя к творчеству Пушкина занимала внимание исследователей. Реакционная критика противопоставляла Гоголя как поэта сатирического, тенденциозного — Пушкину как поэту служителю „чистого искусства". Эта легенда была развеяна исследователями. Гоголеведы и пушкинисты пришли к выводу: Гоголь не противостоял Пушкину, а, продолжая развивать основы пушкинского реализма, сделал ряд новых открытий.

Гоголь обратился к изображению „среднего человека" современного ему общества. В его произведениях помещичья и чиновничья Россия, по которой рыскают темные дельцы Чичиковы, противопоставлена народной России. Романтическое, патетическое изображение народа сочетается в его произведениях с сатирическими зарисовками образов различных представителей господствующего класса. Гоголь показал глубину и красоту народных характеров и духовное уродство тех, кто угнетает народ. Чтобы глубже раскрыть бесчеловечность того общества, которое уродует людские характеры, Гоголь очень часто обращается к приему изображения людей через окружающие их вещи. Сочетание внешней анекдотичности сюжета („Ревизор", „Мертвые души") с внутренней типичностью образов и положений — одна из характерных черт гоголевского стиля, основа его смеха сквозь слезы. Роль писателя в общественной жизни Гоголь оценивал очень высоко и труд художника приравнивал к государственной службе. Читающая Россия узнала о грандиозном замысле „Мертвых душ", в которых художник отважился показать Россию такой, какая она есть, обещая показать ее и такой, какая она по его мнению, должна быть. Произведения Гоголя заставили всех мыслящих людей задуматься над судьбами родной страны. В 40-х годах прошлого века в русской литературе возникает целая школа писателей, которая продолжает развивать „гоголевское направление". Эта „натуральная школа" объединила писателей самых различных политических позиций: демократов — Герцена, Огарева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, либералов Григоровича, Тургенева, Гончарова, к натуральной школе примыкал и молодой Достоевский.

В те дни, когда наша страна отмечала столетнюю годовщину со дня смерти Гоголя, было завершено издание 14-томного академического полного собрания сочинений Гоголя. Ленинградский и Московский универ-

ситеты выпустили сборники научных трудов о Гоголе, вышла книга С. О. Машинского „Гоголь в оценке русских революционных демократов", книга М. Б. Храпченко о „Мертвых душах", книга В. В. Ермилова об идейно-художественных особенностях творчества Гоголя, том „Литературного наследства". Недавно появилась новая обстоятельная монография М. Б. Храпченко о творчестве Гоголя.

Прямым наследником Пушкина выступил также Лермонтов. Трагическая судьба поэта, жившего в переходную эпоху, глубоко волнует исследователей. Лермонтовский романтизм носил особый характер: поэт вводил в свои романтические произведения такой реальный жизненный материал, который помогал романтическому герою резче выражать протест против существующего социального строя („Мцыри", „Демон"). Лермонтовская политическая лирика, лермонтовский „железный стих" были, по удачному выражению одного из искусствоведов, последним эхом декабристского восстания и вместе с лермонтовским обращением к фольклору предваряли появление некрасовского стиха. В романе „Герой нашего времени" раскрылись те особенности психологического реализма Лермонтова, которые получили дальнейшее развитие в творчестве Л. Н. Толстого.

Ранние годы жизни Лермонтова освещены в вышедшем первом томе биографии поэта, написанной Н. Л. Бродским. Перу этого же, ныне покойного исследователя, принадлежит работа об одном из шедевров лермонтовского творчества — стихотворении „Бородино". И. Андроников неутомимо продолжает разыскивать новые материалы о Лермонтове, которые помогают уяснить многие вопросы жизни и творчества великого поэта. Несомненый интерес представляют также отдельные работы о Лермонтове, собранные в книге С. А. Андреева-Кривича и в томах „Литературного наследства". В небольшой книжке А. Н. Соколова освещен сложный творческий путь Лермонтова.

Русская литература играла особую роль в развитии русского общества. Как установили наши историки и литературоведы, это объяснялось своеобразными условиями развития нашей страны. Освободительная борьба в России имела более широкую социальную базу, чем на Западе. Русская литература не только отражала этот процесс, не только развивалась в связи с освободительным движением, но сама была одной из мощных форм борьбы народа за свое освобождение. Эту роль русской литературы хорошо понимали великие русские мыслители — Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов.

Тщательное изучение их трудов привело к таким выводам: в напряженной идейной борьбе 40-х годов Белинский и Герцен занимали самостоятельные революционные позиции. Круг их политических и философских интересов был гораздо шире тех споров, которые велись в кружках „западников" и „славянофилов". Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов не были только учениками Гегеля и Фейербаха, а являлись оригинальными философами и критиками. Опираясь на опыт развития мирового искусства и в первую очередь на достижения русского реализма, они создали боевую материалистическую теорию искусства — высшее достижение домарксистской эстетической мысли. Их оценка творчества Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Гон-

чарова, Тургенева, Достоевского, Островского сохраняет свое значение для наших дней.

Большой и сложный путь идейного развития Герцена прослежен в монографии Я. Е. Эльсберга. Деятельность Герцена-писателя проанализирована в книге В. А. Путинцева. Исключительное значение для изучения деятельности и творчества Герцена и Огарева имеют переданные Советскому правительству материалы Пражской и Софийской коллекций из архивов, которые публикуются в томах „Литературного наследства". Вышли в свет первые томы тридцатитомного академического собрания сочинений Герцена. Это первое научное издание литературного и эпистолярного наследия Герцена. Художественные произведения Герцена 40-х годов в стиле гоголевской школы разоблачают крепостников и крепостничество. Еще Белинский считал пафос мысли характерной чертой этих произведений. В своей многотомной эпопее „Былое и думы" Герцен органически соединил изображение фактов личной жизни с воспроизведением больших исторических событий, показал себя мастером литературного портрета, замечательным сатириком, мастерски владеющим приемами иронии, сарказма, веселой шуткой. Это произведение и мемуары, и историческая хроника, и художественный очерк, и публицистика, куда введены и письма, и дневник, и яркие бытовые зарисовки. Очень многие события русской и зарубежной жизни с 30-годов до канупа Парижской коммуны запечатлены в этом произведении.

Белинскому, предшественнику полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении, посвящен ряд исследований. В. С. Нечаева опубликовала I и II томы биографии Белинского. О Белинском и русской литературе его времени рассказал в своей книге Н. И. Мордовченко. Большой сборник Института мировой литературы им. А. М. Горького посвящен Белинскому как теоретику и историку литературы. Серьезные исследования и важные материалы опубликованы в трех томах „Литературного наследства". Выходит академическое полное собрание сочинений Белинского в 13 томах, включающее все произведения Белинского и его письма.

Борьба Чернышевского за реалистический путь развития русской литературы прослежена в книге В. В. Горбунова. В. И. Бурсов написал исследование о Чернышевском как литературном критике. Его же перу принадлежит обобщающий труд „Вопросы реализма в эстетике революционных демократов".

Русская литература второй половины XIX века постепенно завоевывает международное признание.

Путь ее развития был сложным и трудным. Центральная проблема этой эпохи — борьба с крепостничеством и его проявлениями в самых различных формах. Борьба против крепостничества объединяет таких писателей, как Тургенев, Гончаров, Островский, с одной стороны, и Некрасов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, с другой; но спор о реформистском или революционном решении этой задачи разъединяет их. Центральное место в литературной жизни второй половины XIX века занимает творчество Л. Н. Толстого. Мучительные противоречия раздирают творчество Достоевского. С гениальной силой показывает он страдания человека своего вре-

мени и в то же время ведет борьбу против тех, кто призывал революционными средствами освободить народ. В эту эпоху создаются монументальные жанры русского искусства: исторический роман-эпопея Л. Н. Толстого, социально-психологические романы Тургенева и Достоевского, социально-политический роман Чернышевского, социально-психологическая драма Островского, где исчезает грань между трагедией и комедией, впервые появляется жанр реалистической политической поэмы в творчестве Некрасова.

Могучий рост русской литературы идет в процессе борьбы против теоретиков так называемого чистого искусства Дружинина, Анненкова, Боткина и др. и славянофильских иллюзий раннего Островского, против всех писателей, которые обличали не всю социальную систему, а мелкие злоупотребления, против субъективизма „чистой поэзии" Фета, А. Майкова, А. К. Толстого, против натуралистических тенденций творчества писателей-демократов (Н. Решетникова, Н. Успенского) и ограниченности в изображении новых людей в романах Тургенева и Гончарова, против антинигилистических романов Писемского, Клюшникова, Лескова, Достоевского и народнической идеализации деревни Златовратским и Засодимским. У каждого писателя было свое отношение к важнейшим вопросам эпохи, свой художественный стиль.

Пушкин жил и творил в эпоху первого этапа освободительного движения в России, возглавляемого передовым дворянством. Некрасов был крупнейшим представителем поэзии второго этапа освободительного движения — революционно-демократического. О Некрасове — соратнике Белинского, Чернышевского и Добролюбова, о Некрасове журналисте и поэте рассказал в трехтомной, к сожалению, незавершенной работе В. Евгеньев-Максимов. Его же перу принадлежит книга „Творческий путь Некрасова". Советским литературоведам пришлось много поработать, чтобы восстановить подлинный облик Некрасова, искаженный реакционной критикой. Они доказали, что Некрасов не был одиноким поэтом „мести и печали", а отражал сокровенные думы революционного крестьянства, что Некрасов не боролся с поэзией Пушкина, а развивал его лучшие традиции в новых исторических условиях, что поэзия Некрасова представляет собой новый этап в развитии русской поэзии, который должен изучаться во всем его своеобразии. Пафос некрасовского стиля — в слиянии правдивого изображения жизни с острой публицистической направленностью, в синтезе социальной и интимной лирики, в умении использовать разнообразные приемы фольклора для выражения самых передовых идей эпохи, в нераздельности эпических и лирических начал. Отсюда — народность творчества Некрасова. Анализу мастерства Некрасова посвящена книга К. И. Чуковского. Ряд важных вопросов биографии и творчества Некрасова освещен в трех томах „Литературного наследства".

Другим крупнейшим художником революционной демократии был Салтыков-Щедрин. С. Макашин опубликовал первый том биографии Щедрина, где проследил процесс формирования будущего сатирика, рассказал о влиянии на него Белинского, о его первых литературных опытах.

В монографии Я. Е. Эльсберга прослежен весь жизненный и творческий путь Салтыкова-Щедрина. В другой книге Я. Е. Эльсберг проанализировал традиции Гоголя и Щедрина в советской литературе. Перед исследователями стояла задача — раскрыть особенности щедринского реализма.

Салтыков-Щедрин всегда вел борьбу за идейность литературы. Те, кто отстаивает теорию „искусства для искусства", — справедливо подчеркивал писатель, — сужают поле зрения художника, исключая из сферы его творческого внимания животрепещущие вопросы политической борьбы. Разрабатывая теорию сатиры, Щедрин жестоко высмеивал тех писателей, которые, считая себя сатириками, ограничиваются изображением курьезов и странностей, а не касаются вопросов, имеющих большое общественное значение. Настоящий сатирик поднимает только те вопросы, которые интересуют широкие народные массы. Отрицая, он должен носить в душе идеал, который освещает ему несовершенства реальной жизни и зовет в будущее. Щедрин старался показать те обстоятельства, которые порождают характер героя; внутренняя сущность образа раскрывалась Щедриным через поступки его героя. Щедрин умел создавать гротескные сатирические образы, не изменяя правде жизни, а глубже раскрывая, проникая в нее. Щедриноведы показали, как циклы очерков Щедрина перерастали в социально-сатирический роман („Господа Головлевы"), как Щедрин создавал свои сатирические хроники, романы-обозрения, сказки, как рождался его „серьезный и свирепый юмор".

Самым крупным художником второй половины XIX века был Л. Н. Толстой. Все, что написано Толстым, публикуется в девяностотомном академическом полном собрании сочинений. Это издание, выходящее в течение многих лет, близится к завершению. Идет большая работа по накапливанию материала для создания обстоятельной научной биографии Толстого. Недавно вышла книга Н. Н. Гусева о раннем периоде жизни и творчества Толстого. Отдельные вопросы большого и сложного творчества Толстого освещены в двух научных сборниках, выпущенных Институтом мировой литературы им. А. М. Горького. Творческий путь Толстого освещен в труде Н. К. Гудзия и в монографии С. П. Бычкова.

Опираясь на гениальные ленинские статьи о Толстом, советские исследователи стараются раскрыть своеобразие творческого метода Толстого, жанровые особенности его крупнейших произведений, мастерство композиции, искусство создания характеров, принципы психологического анализа, проанализировать богатство языка. Толстой с неподражаемым искусством умел показывать те процессы, которые происходят в душе человека, раскрывать связи человека с обществом, изображать через внешние детали психологическое состояние героев, создавать замечательные внутренние монологи. Благодаря Толстому появился новый тип романа-эпопеи. Его „Война и мир" соединяет воспроизведение грандиозных событий с изображением характеров отдельных героев. Событие не только не заслоняет человека, но отношение к событию, участие в нем глубже выясняет характер. Отвергая решающую роль исключительной личности в историческом процессе, Толстой рисует героизм масс и отдельных людей в их обыденном проявлении. Литературоведы отказались от старых представлений о романе „Анна Каренина", как о семейно-психологическом романе. Круг вопросов, поднятых в этом романе, не исчерпывается проблемами любви, семьи и брака. Этот роман, полный тревоги и ожидания трагических перемен, раскрывает трагедию любви и остро ставит крестьянскую проблему, проблему взаимоотношения различных классов русского общества. В романе „Воскресение" с особой остротой раскрывается противоречие между внешними фор-

мами жизни господствующих классов и их поведением. Сатирические приемы изображения жизни, которые присутствуют и в других произведениях Толстого, здесь проявляются с огромной силой. Однако рамки мировоззрения патриархального крестьянства сужали творческие возможности могучего реализма Толстого, порождали в его творчестве и публицистике кричащие противоречия.

Последним крупнейшим представителем критического реализма XIX века был Чехов. Реакционная критика считала его певцом безвременья 80-х годов, глубоким пессимистом, равнодушным к горю и радостям людей. Недавно завершенное 20-томное первое полное собрание сочинений и писем Чехова, глубокое изучение его творчества, отзывов современников и мемуарной литературы о нем подтверждают, как прав был Горький, который еще более полстолетия тому назад говорил об оптимистической подоснове всего его творчества, об умении Чехова подниматься от мелочей жизни к большим философским обобщениям, о его вере в будущее своего народа, о его непревзойденном мастерстве. Чехов создал такой рассказ-миниатюру, который вобрал в себя содержание повести и романа. Он создал оригинальную драматургию. В его пьесах нет внешне увлекательных сюжетов, в них раскрыто глубокое подводное течение жизни, внутренние драмы человека.

Чехов, создавая сатирические образы, почти отказался от гиперболы Гоголя и Щедрина. Он отказался также и от подробных описаний пейзажа, характерных для произведений Тургенева, заменяя такие описания какой-нибудь одной резко выделенной деталью. И вместе с тем Чехов продолжал развивать генеральную линию русского искусства — он открыл великие характеры в маленьких людях, он восхищался не исключительными героями, а видел прекрасное в будничном.

Новая эпоха освободительного движения, когда во главе борющегося народа стал пролетариат и его партия, получила отражение в творчестве великого пролетарского писателя Горького.

Центром изучения творчества Горького является Институт мировой литературы им. А. М. Горького в Москве, который завершает издание наиболее полного 30-томного собрания сочинений, статей и писем писателя, публикует архивные материалы, проводит ежегодные научные сессии, издает отдельные исследования, научные доклады горьковедов. Изучение Горького идет и во многих других научных учреждениях страны. О Горьком написано около 15 тысяч работ, поэтому трудно перечислить даже важнейшие из них.

Научную биографию Горького разрабатывает И. А. Груздев. О творческом пути Горького написано немало книг, назовем среди них книги Б. В. Михайловского, Е. Б. Тагера, А. С. Мясникова. Выходят сборники статей о Горьком А. А. Волкова, Б. А. Бялика, С. В. Касторского и др. Ряд вопросов горьковедения освещается в журналах, Ученых записках университетов и институтов, научных сборниках.

При изучении творчества Горького исследователи уделяют большое внимание раскрытию связи его творчества с традициями классической литературы и в то же время выяснению новаторского характера его творчества.

Проблема становления метода социалистического реализма — в центре внимания горьковедов. Вопрос о времени возникновения социалистического реализма, о его составных частях — реализме и романтизме, об этапах фор-

мирования этого метода, об изображении роли народных масс как творцов истории, о принципах типизации, — эти вопросы поставлены во многих работах. Исследователи занимаются изучением материалов об участии Горького в революционном движении, о его связях с Коммунистической партией, о его близости к Ленину, раскрывают влияние марксистско-ленинского мировоззрения на творчество великого художника.

Написан ряд работ, в которых дан анализ классического произведения социалистического реализма — романа „Мать" (работы С. Касторского, Б. Бурсова и др.).

Горьковеды прослеживают эволюции тем и жанров в творчестве Горького от фольклорно-легендарных произведений, в которых путь заблудившимся людям освещало воспламененное любовью к человечеству сердце Данко, раздавались смелые призывы Буревестника, — к первым эпическим полотнам, где одинокий бунтарь обличал мерзость буржуазно-дворянского строя, а от них — к произведениям о пробудившемся народе, о революции и революционерах, мужественно идущих навстречу тяжелым испытаниям под красным знаменем Павла Власова, о самоотверженном сердце матери, простой русской женщины, почувствовавшей себя матерью всех революционеров. В 10-х годах и в начале 20-х годов Горький создает широкие автобиографические полотна и литературные портреты великих и рядовых представителей русского народа. Последние романы Горького — „Дело Артамоновых" и „Жизнь Клима Самгина", последние пьесы его — картины истории целых классов, повествования о разложении и гибели „хозяев жизни" и тех, кто им служит, рассказ о возрождении народа, освобожденного Великим Октябрем.

Исследование горьковской драматургии показало, что Горький, опираясь на традиции русской драмы и, в частности, на театр Чехова, создал новый тип драмы, драмы социальных конфликтов, драмы острых идейных столкновений, драмы борьбы мировоззрений (о драматургии Горького написаны книги С. Данилова, Б. В. Михайловского, Б. А. Бялика).

Для понимания творчества и общественной деятельности Горького большое значение имеет анализ его публицистических статей и работ по вопросам искусства. Горький вел страстную борьбу с теми, кто унижал человека, кто угнетал его, кто отнимал у него возможность творческого труда, кто проповедывал человеконенавистнические идеи, кто готовил войны. Отстаивая принципы реализма в борьбе с натурализмом и декадентством, Горький еще в дореволюционные годы разрабатывал проблемы партийности и народности литературы, а в советское время много сделал для развития теории социалистического реализма.

Исследователи изучают влияние Горького на советскую литературу. Писатель не создал узкой и замкнутой группы учеников, горьковской школы — он оказал влияние на всю советскую литературу, на писателей самых различных индивидуальных стилей.

Под влиянием Горького формировалось творчество лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи Владимира Маяковского.

Предреволюционное пятилетие творчества Маяковского рассмотрено в первом томе монографии В. О. Перцова. Свой литературный путь Маяковский начал в рядах футуристов, но не футуристы определили основное направление его творчества. Исследователи установили влияние на него

нового подъема освободительной борьбы, творчества Горького и других классиков. Раннее творчество Маяковского — сатирическое отрицание старого мира и романтический гимн в честь свободного Человека. Поэт создает монологическую поэму и стихи, в которых слиты пафос трибуна и язвительный голос сатирика.

Творчество Маяковского периода 1917—1924 годов освещено в монографии А. И. Метченко. Октябрьская революция была для Маяковского не только великой исторической датой, но и датой его второго рождения как гражданина и поэта. Маяковский пишет гимны и марши победившей революции. Он создает поэму „150 000 000", в которой, пытаясь отобразить эпический размах революции, рисует условно-обобщенные образы представителей двух борющихся сил. Одно из сатирических стихотворений Маяковского было высоко оценено Лениным.

Исследователи изучают становление в творчестве Маяковского метода социалистического реализма. Поэт создает новую лирику, в которой интимные переживания переплетаются с решением больших социальных и этических вопросов, лирику, рассчитанную на чтение в цехах и среди колхозных полей. Его сатира помогает выжигать остатки старого мещанского мира. Он выступает грозным обвинителем империалистических хищников. В многочисленных стихах о поэзии Маяковский создает новый образ поэта — певца, воина, труженика.

Его поэмы „В. И. Ленин" и „Хорошо" отличаются от ранних произведений тем, что пафос отрицания старого в них сочетается с пафосом утверждения нового, социалистического мира. Это уже не монолог истерзанного жизнью поэта, не схематически-условное изображение событий, а конкретно-историческая картина истории подготовки революции, ее победы, гражданской войны и социалистического строительства. Исторические события, биография Ленина, лирика и публицистика неотделимы друг от друга. Так, „во весь голос" о счастье освобожденного народа мог писать только поэт новой эпохи.

Число работ, посвященных Маяковскому, приближается к тысяче. В ряде книг (Маслина, Усиевич, Новикова и др.) освещен творческий путь Маяковского. Представляет интерес хроника жизни и творчества Маяковского, составленная В. А. Катаняном, некоторые сборники статей, как например, сборник, изданный Институтом мировой литературы им. А. М. Горького, сборник Института славяноведения „Маяковский в странах народной демократии" и другие.

За последнее десятилетие отмечаются некоторые достижения не только в изучении творчества Горького и Маяковского, но и других писателей, а также путей развития советской литературы.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького приступил к изданию истории советской литературы: первый том очерка истории русской советской литературы, освещающий путь ее развития с 1917 по 1934 год, вышел в свет; второй том, посвященный периоду 1935—1952 годов, находится в печати. Недостатки и достоинства этого издания оживленно дискутируются. Институт готовит объемное издание истории советской литературы (в трех томах). Недавно в издании Учпедгиза вышел сборник статей „Русская советская литература", в котором рассмотрены основные пути ее развития и творчество виднейших советских писателей.

Отдельные периоды истории советской литературы и творчество некоторых крупных писателей проанализированы в вышедших трех сборниках лекций Московского Государственного Университета им. Ломоносова. Борьбе Коммунистической партии за высокую идейность советской литературы в 1917—1932 годах посвящена книга В. И. Иванова. Различные вопросы развития советской литературы рассматриваются в ряде интересных сборников, выпущенных Институтом мировой литературы им. А. М. Горького, Институтом русской литературы (Пушкинским Домом), Государственным издательством художественной литературы, Учебно-педагогическим издательством и др.

За последние годы появляются отдельные издания, посвященные анализу творчества выдающихся писателей многонациональной советской литературы. Число таких книг приближается к пятидесяти. Они различны как по объему, так и по содержанию: одни из них приближаются к типу монографии, другие напоминают брошюры; в одних проанализирован творческий путь писателя, в других собран и прокомментирован материал к его изучению, в третьих — дан набросок будущей большой работы. (Следует отметить книги И. Лежнева о Шолохове, Л. Якименко о романе „Тихий Дон", В. Щербины о А. Н. Толстом, Д. Брайниной о Федине, А. Бушмина о романе Фадеева „Разгром", Е. Наумова о Фурманове, Д. Юферова о Н. Островском, И. Уханова о Гладкове, В. Александрова об Исаковском и др.).

Советские журналы „Известия Академии Наук", „Новый мир", „Октябрь", „Звезда", „Знамя", „Нева", „Литература в школе" и др. регулярно печатают большие статьи о советской литературе и знакомят читателей с выходящими новинками.

По темам русской литературы прошлого и советской литературы пишется и защищается немало диссертаций. Лучшие главы из этих диссертаций и интересные научные доклады публикуются в Ученых записках университетов и институтов.

Сила и значение лучших произведений советской литературы заключаются в том, что они правдиво отражают на своих страницах важнейшие этапы развития советской страны, помогают развивать лучшие качества советских людей, являются голосом народа и ведут народ за собой. Советские писатели никогда не пропагандировали человеконенавистнических идей, никогда не призывали к угнетению других народов, к нападению на другие страны. Они мужественно рассказывали о сложных и трудных путях строительства новой жизни, поэтизировали радость творческого труда, гневно клеймили тех, кто мешал народу строить новое общество.

Центральный Комитет Коммунистической партии на важных этапах развития советского общества выступал с программными документами по вопросам развития литературы и искусства. Коммунистическая партия всегда призывала советских писателей творчески осваивать наследие классиков, предостерегала от увлечения натурализмом и декадентством, которые уводят от правдивого воспроизведения жизни, разрушают основы реалистического метода, заменяя правдивые типические образы бескрылым фотографированием или субъективистскими измышлениями. Социалистический реализм требует от писателей правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. Писать правду — это значит видеть процесс жизни, видеть то, что отмирает, и то, что растет и развивается.

Передовое марксистско-ленинское мировоззрение помогает лучше понять этот сложный процесс, чтобы определить свое отношение к различным явлениям общественной жизни. Страстная защита всего передового и бескомпромиссная борьба со всем отсталым в жизни определяет партийность советской литературы. М. Шолохов на Втором съезде писателей правильно сказал: „О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которому мы служим своим искусством"[12].

Вопрос об изучении индивидуальных стилей советских художников — один из самых важных вопросов изучения советской литературы. Как было отмечено на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, наши исследователи, изучая идейное содержание произведений советской литературы, недостаточно еще уделяют внимания анализу художественной формы, индивидуальных стилей советских писателей, без которого, во-первых, нельзя понять все богатство их содержания и, во-вторых, нельзя раскрыть многообразие творческих почерков советских художников.

Как полагают советские исследователи, изучение истории советской литературы и литературы прошлых веков помогает вскрыть основные внутренние законы развития искусства, обогащает душу и сердце советских людей, пробуждает и воспитывает эстетические эмоции строителей коммунизма.

[12] „Литературная газета", 1954 г., № 159 от 26 декабря, стр. 2.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

До Второй мировой войны научно-исследовательская работа в области славяноведения в Академии наук СССР была рассредоточена между несколькими научными учреждениями. Историей западных и южных славян, а также вопросами русско-славянских связей занимался сектор истории западных и южных славян Института истории, вопросами славянского языкознания — Славяно-балтийский сектор Института русского языка, славянским литературоведением и историей культуры — Славянская комиссия при Президиуме Академии наук СССР. В центре внимания исследователей стояли вопросы болгарской истории и филологии, а также польской истории, тесно связанной с историей народов СССР. Речь здесь не идет о тех научных работах, которые велись в области филологии и истории славянских народов СССР — русского, украинского и белорусского, что в СССР является особой областью знания, не включаемой в рамки славяноведения, хотя и тесно с ним связанной.

После завершения Второй мировой войны, когда славянские народы Средней и Южной Европы, освободившиеся от тирании германского империализма, встали на путь социалистического развития, для научно-исследовательской работы в области славяноведения создались чрезвычайно благоприятные условия. Разработка вопросов филологии, истории и истории культуры славянских народов приобрела особенно важное значение. С целью расширения научно-исследовательской работы в области славяноведения в Академии наук СССР в 1947 г. был образован Институт славяноведения, сосредоточивший в своих стенах всех специалистов в области филологии и истории западных и южных славянских стран. На Институт славяноведения была возложена задача научной разработки общих вопросов славянской филологии и истории, вопросов языка, истории и истории литературы западных и южных славян и, наконец, задача изучения межславянских исторических, языковых, литературных и культурных связей. Одной из важнейших задач Института в первые годы его деятельности была подготовка научных кадров, так как имевшихся специалистов-славяноведов было недостаточно.

Основателями Института и его первыми руководителями являлись ныне покойные крупные советские ученые академик Б. Д. Греков, академик В. И. Пичета и академик Н. С. Державин.

В отличие от большинства других славянских Институтов, имеющихся в славянских и в неславянских странах и являющихся преимущественно филологическими учреждениями, Институт славяноведения Академии наук СССР является учреждением историко-филологическим. Более того, в настоящее время историческая тематика в Институте несколько преобладает над филологической тематикой. Организационно Институт входит в состав Отделения исторических наук Академии наук СССР, поддерживая тесную связь с Отделением языка и литературы.

Особое внимание Института славяноведения Академии наук СССР к вопросам истории славянских народов объясняется тем, что в этой области перед советскими славяноведами стоят особенно большие и сложные задачи. Старая историография, как известно, не дала объективной картины исторического процесса в славянских странах, особенно тех, которые в течение столетий находились под иноземным гнетом. Старая официальная историография была, если можно так выразиться, в значительной степени антиславянской, она умаляла роль славянских народов в историческом процессе и в истории культуры, она выдвигала на первый план те факты истории, которые не соединяли, а наоборот — разъединяли славянские народы, стремясь тем самым нанести ущерб той братской дружбе, которая всегда связывала трудящиеся массы славянских народов между собой. Не приходится говорить о том, что старая историография, далекая от марксизма, интересовалась преимущественно фактами политической и юридической истории, не изучая истории производства и экономической жизни, истории трудящихся масс, истории классовой борьбы и национальной борьбы славян — истории народов, что составляет главное содержание исторического процесса.

Стремясь удовлетворить настоятельные требования советской общественности, проявляющей живейший интерес к истории славянских стран, и потребности советской высшей школы, пока что не имеющей необходимых учебных пособий по истории славянских народов, Институт славяноведения поставил перед собой задачу дать обстоятельные синтетические очерки истории западных и южных славянских стран. Этому предшествовала большая подготовительная работа по изучению отдельных вопросов и тем, о которой можно судить по публикациям в „Ученых записках“ и „Кратких сообщениях“ Института славяноведения.

Более доступной для коллектива Института оказалась задача дать систематические марксистские очерки истории Болгарии и Польши. Историей этих стран, в прошлом особенно тесно связанных с Россией, много занимались, как русские дореволюционные, так и советские историки. В архивах Советского Союза имеются богатые материалы по истории Болгарии и Польши. В настоящее время работа над очерком по истории Болгарии закончена. В 1954 г. вышел в свет первый том этого труда, освещающий период с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Второй том „Истории Болгарии“, охватывающий период с 1917 г. по настоящее время выйдет из печати в ближайшие дни. Завершается работа над трехтомной „Историей Польши“. Первый том уже опубликован, второй — выйдет в свет в этом году, третий — в следующем, 1956 г.

Значительно более сложной для коллектива Института славяноведения оказалась задача дать систематические очерки истории народов Чехословакии и Югославии. В этих областях русская дореволюционная и советская

историография не имеют богатых традиций. Институт недостаточно обеспечен соответствующими специалистами. Тем не менее есть основания полагать, что в ближайшие два-три года и эти труды, каждый в трех томах, будут завершены. Первый том истории Чехословакии, освещающий период с древнейших времен до революции 1848 г., выйдет в свет в начале 1956 г. Работа над первым томом „Истории народов Югославии" значительно облегчается благодаря выходу соответствующего труда в Белграде.

Коллектив Института выражает надежду, что выпускаемые им очерки истории славянских стран привлекут внимание не только историков, но и специалистов в области филологических дисциплин, поскольку развитие языка и литературы теснейшим образом связано с ходом исторического процесса.

Мы не будем здесь останавливаться на других исследованиях в области истории славянских стран, проведенных в Институте славяноведения. Отметим лишь, что коллектив историков занимается разработкой таких тем, как история крестьянства и крестьянских движений, история национально-освободительной борьбы славянских народов, освобождения Болгарии от турецкого ига, формирование славянских наций и др. Особо здесь остановлюсь лишь на одной работе, оставшейся, к сожалению, незавершенной. Речь идет о работе акад. Б. Д. Грекова, посвященной сравнительному изучению древнеславянских „Правд". Завершенными и опубликованными являются лишь части этой работы — „Виноdол" и „Полицкий статут". Перед смертью академиком Грековым была завершена работа над „Польской правдой", которая скоро будет опубликована. Большой интерес представляет известная статья Грекова „Русская Правда и ее славянское окружение", суммирующая предварительные итоги его работы по сравнительному изучению древних славянских „Правд", которые, как оказалось, имеют очень много общих черт и особенностей. Работы академика Б. Д. Грекова по изучению древних славянских „Правд" будут продолжены. В частности, сейчас Институт будет готовить полную публикацию древнего исторического памятника — „Закон судный людям". Возглавляет эту работу академик М. Н. Тихомиров.

Исследовательская работа в области славянского языкознания в Институте славяноведения первоначально почти не выходила за рамки болгаристики.

Наиболее крупной работой, проведенной в области языкознания в первые годы деятельности Института было изучение болгарских диалектов на территории СССР. Как известно, в начале прошлого века в Россию переселилось большое количество болгар, составляющих ныне население ряда сел на юго-западе Украины и в Молдавии. Переселенцы-болгары, происходящие из разных районов Болгарии, сохранили в своей речи многие такие элементы старых болгарских диалектов, которые на территории самой Болгарии не сохранились. Так, например, у болгар на территории СССР сохранились восточнофракийские говоры, в самой Болгарии ныне уже неизвестные. Это обстоятельство послужило причиной того внимания, которое проявляют к языку болгар СССР как советские, так и болгарские славяноведы. В результате работ ряда диалектологических экспедиций была дана исчерпывающая характеристика болгарских диалектов и говоров на территории СССР. Итогом этой работы, проведенной под руководством профессора С. Б. Бернштейна, являются шесть выпусков „Материалов по болгарской

диалектологии СССР", вышедших в свет в 1950—1955 гг. и ожидающий ныне опубликования капитальный обобщающий труд — „Атлас болгарских говоров на территории СССР", состоящий более чем из ста диалектологических карт и большого собрания образцов различных диалектов и говоров.

Одновременно велась работа над вопросами грамматического строя болгарского языка. Помимо отдельных исследований на эту тему, опубликованных в изданиях Института, ныне подготавливается к печати обобщающий капитальный труд коллектива авторов — „Основные вопросы болгарской грамматики". Проспект этого труда был опубликован и подвергся рецензированию в СССР и Болгарии.

В развитии славянского языкознания в СССР важную роль сыграла языковедческая дискуссия 1950 г., завершившаяся выступлениями И. В. Сталина, показавшего полную научную несостоятельность немарксистских концепций акад. Н. Я. Марра и его последователей, отрицавших факт генетического родства славянских языков и народов и наносивших тем самым удар по самым основам славянского языкознания. После языковедческой дискуссии перед советскими языковедами встала задача восполнить те серьезные пробелы, которые возникли в советском славянском языкознании благодаря деятельности Марра и его последователей. В первую очередь встала задача возродить в СССР работу в области сравнительного изучения славянских языков, с целью выяснения их происхождения, взаимных связей, а также выявления внутренних законов их развития.

В настоящее время коллектив языковедов Института славяноведения Академии наук СССР ведет работу над следующими темами в области сравнительного славянского языкознания:

1. История категории твердости и мягкости согласных в славянских языках в связи с историей вокализма. Этой работой руководит профессор Р. И. Аванесов.

2. Синтаксис падежей в славянских языках. Этой работой руководит профессор С. Б. Бернштейн. Уже завершены монографии „Творительный падеж в славянских языках", „Местный падеж в славянских языках" и „Дательный падеж в старославянском и древнерусском языках". В них подвергнуты всестороннему анализу грамматические значения, синтаксические функции падежей и сделана попытка реконструкции значений и функций для общеславянского периода. Монография находится в печати.

3. История именных и местоименных прилагательных в славянских языках. Руководит данной темой Н. И. Толстой.

4. Общие и специфические черты развития вида и времени в славянских языках. Руководит данной темой И. К. Бунина.

5. Славяно-балтийские языковые отношения — (В. Н. Топоров). Кроме этого проф. Бернштейном ведется работа над „Очерком сравнительной грамматики славянских языков". С проспектом этой книги, которая должна послужить, в частности, пособием для высшей школы, Институт рассчитывает познакомить соответствующих специалистов как в СССР, так и в других странах в середине 1956 г. и будет очень благодарен всем тем организациям и ученым, которые откликнутся на этот проспект своими замечаниями и отзывами.

Работа над указанными выше темами потребовала разбработки ряда частных вопросов отдельных славянских языков, а также старославянского

языка. Результаты некоторых из этих исследований публикуются в сборниках „Вопросы славянского языкознания", вып. 1 (1955) и вып. 2 (находится в печати), а также в „Ученых записках Института славяноведения".

В области литературоведения в первые годы деятельности Института славяноведения велись работы, главным обазом, по истории болгарской литературы, возглавляемые академиком Н. С. Державиным. Впоследствии круг литературоведческих тем был расширен за счет изучения творчества крупных представителей чешской, сербской, польской и словацкой литературы.

Основное внимание в настоящее время уделяется тем проблемам, которые особенно интересуют советскую литературоведческую науку. К их числу относится выявление закономерностей в развитии литератур разных народов, взаимодействие и взаимосвязи литератур славянских народов, этапы развития критического реализма, генезис социалистического реализма и пути его развития.

Результаты работ коллектива литературоведов-славистов публиковались в трудах Института славяноведения — „Ученых записках", „Кратких сообщениях", сборниках или в виде отдельных изданий. Так были изданы книга проф. К. Державина о жизни и творчестве И. Вазова, выпуск „Кратких сообщений" — „Классик болгарской литературы Иван Вазов", были опубликованы статьи, посвященные творчеству А. Мицкевича, Б. Немцовой, Я. Неруды, Х. Ботева, И. Вазова и других писателей славянских стран. Авторы этих работ стремились показать национальное своеобразие и художественное мастерство выдающихся писателей-реалистов.

Ряд исследований был посвящен выяснению мировоззрения и метода революционных писателей славянских народов. В „Ученых записках" опубликованы статьи о творчестве И. Волькера (работа С. В. Никольского) и Х. Смирненского (работа Д. Ф. Маркова), в которых показано, как эти поэты, продолжая лучшие национальные традиции и воспринимая идеи Великой Октябрьской социалистической революции, закладывали основы социалистического реализма в своих литературах. На примере эволюции творчества Л. Стоянова (статья Д. Ф. Маркова) раскрывается острая литературная борьба разных направлений в Болгарии в первой четверти XX века, прослеживается путь поэта от символизма к революционной поэзии. Выяснению идейно-художественных особенностей творчества П. Безруча посвящено специальное исследование А. П. Соловьевой, которое будет опубликовано в следующем году.

Значительное место в трудах Института занимает проблема русско-славянских связей. Роли Гоголя в развитии критического реализма в чешской и болгарской литературах, а также идеям славянской взаимности в творчестве Яна Коллара посвящен выпуск „Кратких сообщений" — „Из истории русско-славянских литературных связей". В отдельных выпусках этой же серии освещается роль Горького и Маяковского в развитии революционной литературы польского, чешского и болгарского народов. В трудах Института опубликован и ряд других статей о литературных связях. „Ян Неруда и русская культура", „Челаковский и русский фольклор", „О знакомстве Пушкина с культурой чехов и словаков" и другие.

За последние годы коллектив литературоведов Института славяноведения поставил перед собой в качестве главной задачи создание обобщаю-

щих очерков по истории литературы славянских народов. Они рассчитаны на широкий круг советских читателей и могли бы быть использованы, в частности, как пособия в высших учебных заведениях. Ныне заканчивается работа нескольких авторов над книгой „Очерки болгарской литературы XIX—XX вв." Начата работа над „Очерками по истории чешской литературы" и над учебным пособием по истории польской литературы XIX—XX вв. Наши специалисты по литературам народов Югославии подготавливают сборник статей „Из истории критического реализма в литературе народов Югославии", который, как мы предполагаем, выйдет к концу следующего года. В сборник войдут статьи о сербской реалистической прозе 60—70-х годов (характеристика наиболее значительных произведений Якшича, Глишича, Игнятовича). Основные черты сербской сатиры на рубеже XIX—XX вв. устанавливаются на основе анализа произведений Радое Домановича. Специальная статья посвящается реалистической поэзии Йована Йовановича Змая, в богатом литературном наследии которого важное место занимает гражданская лирика и сатира. Утверждение принципов критического реализма в хорватской литературе будет прослежено на основе идейно-художественного анализа лучших произведений Августа Шеноа.

Авторский коллектив сборника, возглавляемый проф. Н. И. Кравцовым, стремится в своей работе показать национальное своеобразие сербской и хорватской литератур, демократические традиции выдающихся писателей югославских народов и их связь с русской культурой и литературой. Мы надеемся, что подготовка и выход из печати этого сборника будут содействовать укреплению научных связей советских славистов с литературоведами Югославии и, несомненно, послужат делу укрепления дружбы советского и югославского народов.

К исполняющемуся в этом году столетию со дня смерти великого польского поэта Адама Мицкевича Институт публикует две книги — „Адам Мицкевич" — очерк жизни и творчества (автор Горский) и „Адам Мицкевич и русская прогрессивная общественность" — (автор Стахеев), а также сборник статей „К столетию со дня смерти А. Мицкевича".

В своих работах советские литературоведы-слависты стремятся выявить передовые демократические и революционные традиции в литературе славянских народов, раскрыть связи передовой литературы с революционным и национально-освободительным движением, проследить зарождение и развитие метода критического, а затем — социалистического реализма.

Институт славяноведения Академии наук СССР поддерживает постоянные связи с родственными учреждениями в СССР — с кафедрами истории славянских стран и славянского языкознания Московского, Ленинградского, Воронежского, Одесского и других университетов, с Институтами Истории, Этнографии, Истории материальной культуры, Языкознания и Мировой литературы Академии наук СССР, с научными учреждениями Украинской и Белорусской ССР.

Большое положительное значение для работы Института имеют связи с учеными славянских стран. Эти связи с каждым годом укрепляются. Настоящий конгресс славяноведов в Белграде послужит, несомненно, важным стимулом дальнейшего укрепления и расширения этих связей.

TADEUSZ LEHR-SPŁAWIŃSKI I ALFRED ZARĘBA

POLSKI DOROBEK BADAWCZY W ZAKRESIE JĘZYKOZNAWSTWA SŁOWIAŃSKIEGO PO DRUGIEJ WOJNIE ŚWIATOWEJ*

W okres powojenny weszła polska slawistyka i polonistyka językoznawcza z pięknymi tradycjami wielostronnej pracy i inicjatywy badawczej oraz z poważnym dorobkiem naukowym, na który składały się zarówno prace badawcze jak i organizacyjne, dające widoki ze wszech miar pomyślnego rozwoju na przyszłość. W międzywojennym dwudziestoleciu badania językoznawcze na polu slawistyki rozwijały się głównie w dwu kierunkach: porównawczo-historycznym, z którym wiązały się też studia onomastyczne, i gwaroznawczym, który zwłaszcza w ostatnim dziesięcioleciu przed 2. wojną światową mógł się wykazać bardzo poważnymi osiągnięciami. Nie mamy potrzeby wdawać się tu w szczegółową charakterystykę tych badań i ich wyników, wystarczy tu tylko przypomnieć, że inicjatywa rozszerzenia badań gwaroznawczych na obszar innych języków słowiańskich wyszła od prof. Nitscha, a opierała się głównie na siłach młodszych dialektologów jak prof. M. Małecki (badacz gwar Istrii i Macedonii), prof. Z. Stieber (autor prac o gwarach łużyckich i słowackich), prof. J. Janów (gwary huculskie) i prof. W. Kuraszkiewicz (gwary zachodnio-ukraińskie i z pogranicza ukraińsko-białoruskiego) oraz ich uczniowie. Badania historyczno-porównawcze koncentrowały się głównie koło osoby prof. J. Rozwadowskiego, M. Rudnickiego i T. Lehra-Spławińskiego, dotyczyły zaś nie tylko problemów z zakresu gramatyki porównawczej i badań onomastycznych o charakterze ogólnosłowiańskim (J. Rozwadowski, M. Rudnicki, T. Lehr-Spławiński) ale także badań nad poszczególnymi językami słowiańskimi i ich grupami, w szczególności nad narzeczami Słowian nadbałtyckich (T. Lehr-Spławiński, T. Milewski, J. Heydzianka) i Słowian wschodnich (T. Lehr-Spławiński, W. Kuraszkiewicz, J. Janów). Organizacyjnie skupiały się one w Krakowie koło

* Referat powyższy przedstawiony przez T. Lehra-Spławińskiego na Międzynarodowym Zjeździe Slawistycznym w Belgradzie został w zakresie badań polonistycznych znacznie rozszerzony i uzupełniony przez A. Zarębę.

Skróty czasopism i wydawnictw użyte w referacie: BPTJ — Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego; JP — Język Polski; LP — Lingua Posnaniensis; PKJ — Prace Komisji Językowej Polskiej Akademii Umiejętności; PL — Pamiętnik Literacki; PorJ — Poradnik Językowy; PrPol — Prace Polonistyczne; PWN — Państwowe Wydawnictwo Naukowe; PZWS — Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych; RS — Rocznik Slawistyczny; RWF — Rozprawy Wydziału Filologicznego PAU; SAU — Sprawozdania z Czynności i Posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności; SO — Slavia Occidentalis; SFPS — Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej.

Studium Słowiańskiego Uniw. Jagiellońskiego oraz koło katedr slawistyki i językoznawstwa porównawczego indoeuropejskiego w uniwersytetach lwowskim i poznańskim, a także koło redakcji czasopism: Rocznik Slawistyczny, Slavia Occidentalis i Lud Słowiański.

Działalność językoznawczej polonistyki w okresie międzywojennym skupiała się wokół pięciu centrów, katedr języka polskiego w Krakowie, Lwowie, Warszawie, Poznaniu i Wilnie. Badania nad językiem polskim rozwijały się w tych ośrodkach w kierunku gramatyki historycznej, historii języka, dialektologii, onomastyki i gramatyki opisowej. Gramatyki historycznej z szerokim uwzględnieniem komparatystyki dotyczyły prace prof. J. Rozwadowskiego, który zdołał utrzymać i rozwinąć osiągnięcia J. Baudouina de Courtenay z czasów jego pobytu na katedrze w Krakowie, stwarzając w ten sposób trwałe podstawy dla krakowskiej szkoły lingwistycznej oraz prof. J. Łosia, autora pierwszej, niestety niedokończonej, gramatyki historycznej języka polskiego, zasłużonego badacza i wydawcy również w dziedzinie historii polszczyzny. Znakomite osiągnięcia dialektologii polskiej są dziełem prof. K. Nitscha, którego wielostronna działalność naukowa, organizacyjna, wydawnicza i pedagogiczna wpłynęła na ugruntowanie krakowskiej szkoły lingwistycznej i wywarła duży wpływ na całą polonistykę językoznawczą. Badania w dziedzinie dialektologii historycznej prowadził głównie W. Taszycki i W. Kuraszkiewicz, w dziale onomastyki W. Taszycki, M. Rudnicki, St. Rospond, ks. St. Kozierowski, w zakresie gramatyki współczesnego języka St. Szober, H. Gaertner, W. Doroszewski, zwłaszcza nad zagadnieniami słowotwórstwa, Z. Klemensiewicz, który przede wszystkim zajmował się składnią. Organami językoznawstwa polonistycznego były, oprócz wymienionych wyżej czasopism, Prace Filologiczne, Język Polski, Biuletyn Pol. Tow. Jęz., Poradnik Językowy oraz wydawnictwa poszczególnych towarzystw naukowych z Polską Akademią Umiejętności na czele.

Wybuch wojny i ciężkie lata wrogiej okupacji podcięły tę pracę i unieruchomiły wszystkie jej warsztaty. Po wojnie trzeba było w odrodzonym Państwie organizować je na nowo i z nową energią nawiązywać przerwane nici myśli i pracy naukowej. W zmienionych warunkach formy jej i treść musiały ulec pewnym zmianom, aby zadość uczynić nowym zainteresowaniom naukowym, zmieniającym się założeniom metodologicznym i potrzebom życia narodu. Na tym tle uległy zmianie główne kierunki językoznawczych badań slawistycznych w Polsce.

Na pierwszy plan w zakresie badań historyczno-porównawczych wysunęły się zagadnienia języka prasłowiańskiego i jego stosunku do innych języków pokrewnych i dalszych, mogące rzucić światło na kwestię pochodzenia i praojczyzny Słowian, nieobojętną dla ogółu narodu wobec częstego tendencyjnego jej ujmowania i nadużywania dla celów politycznych przez wrogów Słowiańszczyzny.

Badania nad zagadnieniami prasłowiańskimi w aspekcie językoznawczym rozwijały się w ostatnim dziesięcioleciu w Polsce silniej niż kiedykolwiek. Ze względu na treść i metody badawcze wyróżnić w nich można trzy działy: 1. gramatyczny, 2. historyczno-językowy, 3. słownikowy i onomastyczny.

W dziale gramatycznym na pierwszym miejscu wymienić trzeba doniosłego znaczenia książkę prof. J. Kuryłowicza „L'accentuation dans les langues indoeuropéennes" (Kraków 1952, PKJ nr 37, s. 527), której znaczna część poświęcona jest problemowi powstania systemu akcentowo-intonacyjnego zespołów bałtyckiego i słowiańskiego, dostarczając nie tylko nowych, pierwszorzędnego zna-

czenia argumentów na poparcie tezy o wspólnocie językowej bałto-słowiańskiej, ale także bardzo ważnych danych dla naświetlenia rozwoju akcentuacji w języku prasłowiańskim i w poszczególnych językach słowiańskich. Nie tak doniosłe znaczenie mają inne drobniejsze prace ostatnich lat dziesięciu, naświetlające poszczególne zagadnienia budowy gramatycznej języka prasłowiańskiego. Należą tu takie prace jak Mariana Molè „Kilka uwag o rozwoju prasłowiańskiego systemu wokalicznego" (SAU XLIX, 1948, s. 18—21), w których autor stara się wykazać związek systemu fonologicznego prasłowiańskiego z podstawą fonologiczną wspólną całej północnej grupie narzeczy indoeuropejskich, jak F. Sławskiego „Oboczność *o* : *u* w językach słowiańskich" (SO XVIII, 1947, s. 246—290), J. Otrębskiego „Pochodzenie tzw. Baudouinowskiej palatalizacji w językach słowiańskich" (SO XIX, 1948, s. 23—62), W. Konecznego próbę rozwiązania w oparciu o kompletny materiał etymologiczny ciągle wątpliwego zagadnienia warunków powstania nagłosowego *ch-* w prasłowiańskim (w recenzji pracy czeskiego językoznawcy V. Machka, RS XVII, 1, 1952, s 122—132) i T. Lehra-Spławińskiego drobny przyczynek do tego samego zagadnienia (SAU LIII, 1952, s. 343—344).

Więcej znacznie uwagi i pracy poświęcono zagadnieniom historyczno-językowym, a w szczególności sprawie związków między językiem prasłowiańskim a innymi pokrewnymi językami oraz stanowisku jego w rodzinie języków indoeuropejskich i mogącym stąd wynikać wnioskom co do pochodzenia i najdawniejszych siedzib zespołu prasłowiańskiego. Tutaj ze względów chronologicznych i zakresowych wspomnieć trzeba najpierw o pracy T. Lehra-Spławińskiego „O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian" (Poznań 1946, s. 246 + mapy), której znaczna część dotyczy tych problemów zarówno z punktu widzenia językoznawczego oraz ujmuje je syntetycznie w związku z wynikami badań na polu archeologii, antropologii, etnografii i zagadnień prawno-ustrojowych. W dziale językoznawczym została tam ze szczególną uwagą potraktowana kwestia wspólnoty językowej bałto-słowiańskiej, której w tym samym czasie poświęcił szereg wnikliwych i cennych uwag J. Safarewicz w swoich „Przyczynkach do zagadnienia wspólnoty bałto-słowiańskiej" (SAU XLVI, 1945, s. 199—202). W związku z jego poglądami do zagadnienia tego powrócił raz jeszcze T. Lehr-Spławiński w pracy pt. „Wspólnota językowa bałto-słowiańska a problem etnogenezy Słowian" (wyszła ona w t. IV, 1954, poznańskiego czasopisma „Slavia Antiqua", s. 1—21). Cenny przyczynek do leksykalnych związków bałto-słowiańskich dał J. Otrębski w „Les mots d'origine commune dans les langues slaves et baltiques" (LP I, 1949, s. 121—151), zestawiając kilkanaście etymologii appellatiwów i nazw rzecznych wspólnych obu tym grupom językowym. Związki językowe słowiańsko-germańskie były przedmiotem bardzo ważnego studium J. Kuryłowicza (Przegląd Zachodni VII, nr 5/6, Poznań 1951, s. 191—206), które wprowadza ład w chaotyczną dotąd chronologizację zapożyczeń germańskich w języku prasłowiańskim. Problemu związków języka prasłowiańskiego z innymi pokrewnymi językami dotyczy także, niestety dotąd drukiem w całości nie ogłoszona, a znana tylko ze streszczenia (w SAU XLVIII, 1947, s. 124—129), praca prof. K. Moszyńskiego „Z zagadnień pochodzenia języka słowiańskiego", która kładzie nacisk na związki, głównie leksykalne, między językiem prasłowiańskim a innymi językami, przede wszystkim wschodnimi, irańskimi i indyjskimi a także pozaindoeuropejskimi, aby znaleźć tą drogą poparcie dla od dawna przez autora głoszonej tezy o wschodnim pochodzeniu zespołu językowego słowiańskiego. Teza ta pozostaje, jak wiadomo, w sprzeczności z poglądami wszystkich innych badaczy polskich zajmujących się tym problemem, z

których prócz T. Lehra-Spławińskiego zabierali w tej kwestii po wojnie głos spośród językoznawców prof. M. Rudnicki w rozprawach „L'habitat primordial des Slaves après l'époque indoeuropéenne" (SO XVIII, 1947, s. 201—216) i „Rzut oka na dzieje Słowiańszczyzny w czasach najdawniejszych" (Archeologia t. IV, Wrocław 1953, s. 39—50). Duże dzieło tegoż autora dotyczące tych zagadnień będzie niebawem ogłoszone drukiem w wydawnictwach Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Na omawianie poświęconych problemowi pochodzenia i praojczyzny Słowian prac uczonych nie-językoznawców, jak J. Czekanowski, J. Kostrzewski, St. Nosek i K. Tymieniecki, którzy stoją na tym samym co M. Rudnicki i T. Lehr-Spławiński stanowisku autochtonistycznej etnogenezy Słowian, nie miejsce w sprawozdaniu z badań językowych.

Wielką rolę we wszystkich tych badaniach nad pochodzeniem i praojczyzną Słowian zarówno z punktu widzenia językoznawczego jak i historycznego grają z natury rzeczy dane toponomastyczne, przedstawiające najstarsze i najtrwalsze ślady językowe dawnych populacji na odnośnych terenach. Najbogatsze ich repertorium zyskała nasza nauka w pośmiertnym wydaniu znakomitego dzieła prof. J. Rozwadowskiego „Studia nad nazwami wód słowiańskich" (Kraków 1948, Prace Onomastyczne nr 1 PAU, s. 344 z mapą), które, nie wykończone przez autora, od 1909 r. czekało na ogłoszenie drukiem z wielką stratą nie tylko dla toponomastyki, ale dla całego językoznawstwa słowiańskiego, w szczególności dla badań etymologiczno-leksykalnych. T. Lehr-Spławiński, dzięki udostępnieniu mu znajdującego się w archiwum Akademii Umiejętności rękopisu tego dzieła, mógł zeń korzystać w czasie wojny w swej pracy nad pochodzeniem Słowian i materiał zeń czerpany pozwolił mu na rozbudowę i snucie szerszych wniosków w opartej na tych studiach książce. W zakresie badań nad nazwami miejscowości ważne znaczenie, także dla zagadnień prasłowiańskich, ma niewielka, teoretyczna praca W. Taszyckiego „Słowiańskie nazwy miejscowe. Ustalenie podziału" (Kraków 1946, PKJ nr 29, s. 64), która porządkuje podstawy naukowej klasyfikacji słowiańskich nazw miejscowych, ułatwiając przez to systematyczne ich badania zarówno w czasach współczesnych, jak i w przeszłości. Z zagadnieniami onomastycznymi wiąże się też praca o nazwach plemion słowiańskich, nie wszystkich zresztą, jaka wyszła spod pióra J. Otrębskiego pt. „Słowianie. Rozwiązanie odwiecznej zagadki ich nazw" (Poznań 1947, s. 191). Niestety jednak wbrew nadziei autora, wyrażonej w tytule, i mimo wielkiej jego erudycji i pomysłowości, nie przynosi ona rozwiązań, które by można uznać za przekonujące, a pod względem metodycznym budzi wiele wątpliwości i zastrzeżeń, o czym pisał T. Lehr-Spławiński w „Języku Polskim" (XXVIII, 1948, s. 140—146). Na koniec trzeba jeszcze wspomnieć, że ogólny obraz zewnętrznych dziejów kształtowania się zespołu językowego prasłowiańskiego na tle rozmieszczenia i wzajemnego ustosunkowania się sąsiadujących z nim innych zespołów indoeuropejskich, przede wszystkim języków germańskich i bałtyckich, dał T. Milewski w II t. zesz. 1. swego dzieła „Zarys językoznawstwa ogólnego" (Lublin—Kraków 1948, s. 292—308), zestawiając syntetycznie wszystkie dotychczasowe dane w tym względzie i uzupełniając je własnymi ujęciami zasadniczych linii rozwoju językowego prasłowiańszczyzny. Podobnie też ogólną charakterystykę budowy i rozwoju języka prasłowiańskiego znaleźć można w napisanym przez T. Lehra-Spławińskiego pierwszym rozdziale świeżo wydanego zbiorowego podręcznika pt. „Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich", o którym będzie jeszcze mowa w dalszym ciągu referatu.

W przeprowadzonych w okresie powojennym studiach nad poszczególnymi językami słowiańskimi wyróżnić można pięć działów: 1. badania gramatyczne w

ścisłym tego słowa znaczeniu zarówno w zakresie gramatyki opisowej jak i historycznej, 2. badania nad historią języka i nad rozwojem języków literackich, 3. badania nad słownictwem, 4. badania dialektologiczne, 5. badania onomastyczne i toponomastyczne.

W pierwszym z tych działów w zakresie gramatyki opisowej i historycznej nie wiele mamy do zanotowania, jeśli nie uwzględnimy w tym miejscu prac o charakterze podręcznikowym. Zaliczymy tu więc tylko: południowo-słowiańskie studia F. Sławskiego: 1. „Miejsce enklityki odmiennej w dziejach języka bułgarskiego" (Kraków 1946, PKJ nr 30, s. 87), 2. „Podstawy staro-cerkiewno-słowiańskie zaniku infinitiwu w języku bułgarskim" (SAU XLVI, 1945, s. 265—269), 3. „Szyk przydawki przymiotnikowej w bułgarszczyźnie" (SAU XLIX, 1948, s. 80—84), 4. „Infinitivus w języku serbo-chorwackim" (SAU XLVII, 1946, s. 303—307), M. Brodowskiej „Próba słowotwórczej charakterystyki formacji przymiotnikowych w najstarszych zabytkach staro-cerkiewno-słowiańskich" (Sprawozdania Instytutu Językoznawstwa Uniw. Jag. I, 1953, s. 12—17), Z. Gołąba „Funkcja syntaktyczna proklityki zaimkowej w gwarach macedońskich" (LP IV, 1953, s. 277—291), M. Molè „Z historii prasłowiańskiego *ě* w słoweńskim" (RS XVI, 1948, 1, s. 24—27). Z zakresu języków zachodnio-słowiańskich: Z. Stiebera „Zagadnienie iloczasu kaszubskiego" (SAU, LI, 1950, s. 503—508), J. Kuryłowicza „Akcentuacja słowińska (pomorska)" (RS XVII, 1, 1952, s. 1—18), tegoż autora „Akcentuacja połabska" (Sprawozdania Instytutu Językoznawstwa Uniw. Jag. I, 1953, s. 17—22), Z. Kempfa „Geneza połabskich *ō ū* w świetle średniowiecznych zapisów onomastycznych" (Sprawozdania Inst. Językozn. Uniw. Jag. I, 1953, s. 22—25). Z języków wschodnio-słowiańskich: L. Ossowskiego „O zwężonym lub dyftongicznym *o* w pewnych gwarach i zabytkach rosyjskich (ze studiów nad akcentem rosyjskim)" (BPTJ X, 1950, s. 141—146), J. Otrębskiego „Charakterystyka języka rosyjskiego w porównaniu z językiem polskim" (Język Rosyjski IV, 1951, nr 2 s. 8—18), tegoż „Właściwości charakterystyczne składni rosyjskiej w porównaniu z polską" (Język Ros. IV, 1951, nr 5, s. 10—21), A. Obrębskiej-Jabłońskiej „Następstwa syntaktyczne zaniku form fleksyjnych, ilustrowane materiałem rosyjskim" (Sprawozdania Komisji Język. Tow. Nauk. Warsz. III, 1949, s. 81—95).

W zakresie badań nad historią języka i językami literackimi dorobek nasz tak samo nie przedstawia się zbyt pokaźnie. Języka staro-cerkiewnego i jego roli w piśmiennictwie słowiańskim dotyczą prace: śp. prof. M. Małeckiego „Najstarszy język literacki Słowian" (fragment niedokończonej większej całości, Kraków 1947, s. 42) i F. Sławskiego „Piśmiennictwo słowiańskie na terenie Wielkich Moraw i Panonii w dobie cyrylo-metodejskiej" (Życie i Myśl II, 1951, nr 7—8, s. 7—32), w której omawia autor w przystępnej formie najważniejsze zagadnienia piśmiennictwa słowiańskiego w związku z działalnością Konstantyna i Metodego na Morawach. Z zagadnieniem tym łączy się T. Lehra-Spławińskiego, wprawdzie raczej historyczna niż językowa rzecz pt. „Działalność Konstantyna i Metodego a Słowaczyzna" (RS XVI, 1, 1948, s. 116—138), w której jednak porusza się szereg momentów nieobojętnych dla językoznawstwa oraz przygotowany całkowicie do druku tegoż autora polski przekład „Żywotów Konstantego i Metodego", nadto zaś ważny dla studiów nad językiem najdawniejszych zabytków „Index verborum do Kodeksu zografskiego" opracowany w Poznaniu przez L. Moszyńskiego pod kierunkiem prof. W. Kuraszkiewicza. Ważnym też przyczynkiem do dziejów języka cerkiewno-słowiańskiego jest praca K. Heintscha o „Staro-cerkiewno-słowiańskim Psałterzu Eugeniusza", zabytku XI w. redakcji ruskiej, którego

całość tekstu przygotowana do druku i opracowana językowo przez autora ma się ukazać w wydawnictwach Towarzystwa Naukowego Wrocławskiego, a tylko tymczasowy opis i charakterystyka językowa zabytku już została ogłoszona w Sprawozdaniach tegoż Towarzystwa (t. V, 1950, zesz. 1, s. 33—48). Tenże sam autor dał też przyczynek do dalszych dziejów języka cerkiewnego na Rusi zachodniej wydając (we wrocławskim czasopiśmie „Ze skarbca kultury", 1953, zesz. 2., s. 78—94 z 18 tablicami) „Fragment druku Świętopełka Fiola" drukarza krakowskiego z XV w., zachowany w Bibliotece Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Dziejów języka czeskiego i jego wzajemnych stosunków z polszczyzną dotyczą pewne, przez T. Lehra-Spławińskiego opracowane partie w zbiorowej pracy „Polska — Czechy. Dziesięć wieków sąsiedztwa" (autorzy: T. Lehr-Spławiński, K. Piwarski i Z. Wojciechowski, wyd. Inst. Śląskiego, Katowice—Wrocław 1947), oraz praca St. Urbańczyka „Z dawnych stosunków językowych polsko-czeskich. Cz. I Biblia Królowej Zofii a staroczeskie przekłady Pisma św." (Kraków PAU, 1946, s. 182). Do dziejów języków wschodnio-słowiańskich odnoszą się prace: T. Lehra-Spławińskiego pt. „Zagadnienie języka kulturalnego Rusi przedchrześcijańskiej" (RS XVI, 1, 1948, s. 152—162), L. Ossowskiego „Najnowsze wyniki badań radzieckich nad pochodzeniem rosyjskiego języka literackiego" (Sprawozdania Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego IV, 1949, s. 73—78), T. Lehra-Spławińskiego popularno-naukowe ujęcie tego samego problemu w artykule „Z rozważań nad pochodzeniem rosyjskiego języka literackiego" (Język Rosyjski II, nr 2, 1949, s. 9—15). Jeszcze bardziej popularny charakter ma drugi artykuł tegoż autora „Puszkin w dziejach rosyjskiego języka literackiego" (ibid. II, z. 3, 1949, s. 23—30). Kwestię wpływów ukraińskich w języku polskim porusza praca S. Hrabca „Elementy kresowe w języku niektórych pisarzy polskich XVI i XVII w." (Toruń, Tow. Nauk. 1949, s. 159). Zagadnieniom rozwoju dziejowego języka ukraińskiego poświęcone zostały obszarne referaty T. Lehra-Spławińskiego („Początki języka ukraińskiego"), P. Zwolińskiego („Język ukraiński w dobie narodowości i tworzenia się narodu. Wiek XIV—XVIII") i S. Hrabca („Zarys historii języka ukraińskiego od ukazania się »Eneidy« I. Kotlarewskiego") wygłoszone na sesji poświęconej 300 rocznicy połączenia Ukrainy z Rosją zorganizowanej przez Polską Akademię Nauk i Instytut Polsko-Radziecki (por. streszczenia referatów w Kwartalniku Instytutu Polsko-Radzieckiego 1955, zesz. 1—2, s. 70—99).

Z zagadnieniami rozwoju języków literackich łączą się w znacznym stopniu badania nad słownictwem. Tutaj na pierwszy plan wysuwają się nader wnikliwe i na wielkiej erudycji oparte badania nad słownictwem zachodnio-ruskim śp. prof. J. Janowa: „Leksykografia wschodnio-słowiańska do końca XVII w. Cz. I: Uwagi o »Azbukownikach« i »Rozmówkach« bizantyńsko-rosyjskich" (SAU LII, 1951, s. 129—135), „Cz. II: 1, Leksykon P. Beryndy i jego stosunek do nauki zachodnio-europejskiej" (SAU LII, 1951, s. 327—334), „2. Etymologie Maksyma Greka, Manuela Retora i innych autorów w słowniku imion P. Beryndy z 1627 r." (SAU LII, 1951, s. 466—474). Słownictwa zachodnio-słowiańskiego, a w szczególności połabskiego, dotyczą dwie prace: śp. prof. A. Kleczkowskiego „Trudności w etymologiach słowiańsko-niemieckich języka Wendów Lüneburskich" (SAU XLVII, 1946, s. 262—266) oraz B. Szydlowskiej „Życie Połabian w świetle zabytków ich języka. Uprawa roślin" (Pamiętnik Słowiański III, 1952, s. 58—105), stanowiąca ciekawą próbę zużytkowania danych słownikowych dla rekonstrukcji obrazu zamarłego życia kulturalnego tego ludu. Dalsza część tej pracy pt. „Hodowla zwierząt domowych u Połabian w świetle języka połabskiego" ukazała się w czaso-

piśmie „Studia z filologii polskiej i słowiańskiej" (t. I, 1955, s. 449—485). Praca Z. Stiebera „Z badań porównawczych nad słownictwem Karpat", której streszczenie znajdujemy w Sprawozdaniach PAU (XLVI, 1945, s. 148—151) stanowi przejście z działu badań nad słownictwem do studiów dialektologicznych.

Dialektologia słowiańska stanowiła przed wojną jeden z najbardziej produktywnie uprawianych u nas działów slawistyki językoznawczej. Obecnie w skutek zmienionych stosunków politycznych i gospodarczych studia te musiały ulec ograniczeniu, niemniej jednak ostatnie dziesięciolecię przyniosło przecież i w tej dziedzinie dość bogate rezultaty. Dotyczą one zarówno bezpośrednich badań nad gwarami ludowymi jak i dialektologii historycznej. Z badań gwaroznawczych na pierwszy plan wysuwają się studia K. Dejny: 1. „Gwary małoruskie na zachód od Zbrucza" (SAU XLVIII, 1947, s. 217—223, z mapą), 2. „Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski. Cz. I Atlas" (s. 40 i 364 mapy. Łódź 1951), „Cz. II (opis gwar, s. 270 i 16 map. Łódź 1953), największa z powojennych prac dialektologicznych, bardzo cenna zarówno dla polskiej jak i czeskiej dialektologii. Tutaj też zaliczyć trzeba prace Z. Gołąba: wspomnianą już wyżej „Funkcja syntaktyczna proklityki zaimkowej w gwarach macedońskich" (LP IV, 1953, s. 277—291) i „Z fonologii gwar Bogdańska" (SFPS I, 1955, s. 289—333), które nie były wprawdzie wykonane na podstawie własnych obserwacji autora w terenie, ale opierają się na materiałach zebranych przez tak znakomitego dialektologa jak śp. prof. M. Małecki. Dialektologii historycznej dotyczą prace M. Małeckiego: „Romańsko-słowiańska granica językowa na zachodzie południowej Słowiańszczyzny" (SAU XLVII, 1946, s. 31—33), T. Lehra-Spławińskiego „Tło historyczne ugrupowania gwar czeskich" (RS XVII, 1, 1952, s. 19—27 z mapą), referat W. Kuraszkiewicza „Nowe wyniki badań w zakresie dialektologii historycznej języka rosyjskiego" (Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, 1953, nr 5, s. 92—101) oraz szkice dotyczące gwar Słowian nadbałtyckich: T. Lehra-Spławińskiego nowe, uzupełnione wydanie popularnej książeczki o „Plemionach słowiańskich nad Łabą i Odrą w wiekach średnich" (Katowice—Wrocław 1947, s. 30 z mapą) i Z. Sułowskiego „Podstawy historyczne ugrupowań gwarowych Słowian nadbałtyckich" (SAU LII, 1951, s. 784—789 z mapą), w której autor wprowadza poważne korektury do dotychczasowych poglądów na genezę ugrupowania gwar Słowian nadbałtyckich.

Z dialektologią wiążą się wspólnością badań terenowych studia toponomastyczne, które w odniesieniu do współczesnych języków słowiańskich mogą się w Polsce w ubiegłym dziesięcioleciu poszczycić bardzo poważnym dorobkiem, opartym po części na zebranych jeszcze przed ostatnią wojną materiałach. Najpierw wymienić tu trzeba obszerną, z dwu części złożoną pracę prof. Z. Stiebera „Toponomastyka Łemkowszczyzny, Cz. I. Nazwy miejscowości" (Łódź 1948, s. 78), „Cz. II. Nazwy terenowe" (Łódź 1949, s. 113), następnie pracę S. Hrabca „Nazwy geograficzne Huculszczyzny" (Kraków, PAU, 1950, s. 264), dotyczącą również nomenklatury ziem karpackich. Spod pióra tegoż autora wyszła niewielka praca dotycząca toponomastyki terenów Rosji: „Podział znaczeniowy rosyjskich nazw miejscowych" (Księga Pamiątkowa 75-lecia Tow. Nauk. Toruńskiego, Toruń 1952, s. 163—176). Bułgarskimi nazwami miejscowymi zajmował się P. Zwoliński, z czego ogłosił dotąd trzy referaty: 1. „Studia nad toponomastyką Bułgarii. Cz. I. Nazwy z sufiksem *-ištica*" (SAU XLIX, 1948, s. 261—264), 2. „Nazwy miejscowe pamiątkowe w Bułgarii" (SAU LI, 1950, s. 673—676), 3. „Słowiańskie nazwy miejscowe Bułgarii. Ujęcie syntetyczne" (SAU LI, 1950, s.

495—498). Toponomastyki historycznej dotyczą prace: prof. T. Lewickiego „Ze studiów nad toponomastyką Rusi w dziele geografa arabskiego al-Idrisiego (XII w.). *Sudāska-Sąciaska*" (SAU XLVIII, 1947, s. 402—407) i St. Urbańczyka „Czesko-polska granica etniczna w średniowieczu w świetle nazw miejscowych" (SAU XLVII, 1946, s. 11). Doskonałe vade-mecum dla dalszych prac nad onomastyką słowiańską stanowi wspomniana już poprzednio rozprawa prof. W. Taszyckiego „Słowiańskie nązwy miejscowe. Ustalenie podziału" (Kraków 1946). Pod jego też patronatem odbywają się dalsze studia na tym polu. Stanowią one jedną z najbardziej produktywnie uprawianych dziedzin slawistycznych w Polsce. Organem ich jest nowostworzone czasopismo „Onomastica", którego pierwszy tom pod redakcją W. Taszyckiego wyjdzie w 1955 r.

Osobno zająć się trzeba przedstawieniem rozwoju i wyników badań w zakresie językoznawstwa polskiego, które ze względów naturalnych są w Polsce szczególnie bogate i różnorodne. Badania nad językiem polskim rozwijały się w latach powojennych w czterech działach: 1. gramatyki opisowej i historycznej, 2. historii języka ze szczególnym uwzględnieniem dociekań nad pochodzeniem i rozwojem polskiego języka literackiego, 3. onomastyki i toponomastyki, wreszcie 4. słownictwa. Odrębny i żywotny dział badań stanowi dialektologia zarówno opisowa jak i historyczna, którą w tym przedstawieniu pomijamy (z wyjątkiem prac dialektologiczno-historycznojęzykowych), ponieważ jej wyniki przedstawił tu w osobnym referacie prof. Z. Stieber.

Ze względu na dużą ilość prac dotyczących polszczyzny ograniczymy się w przedstawieniu jedynie do ukazania głównych kierunków badań oraz do wymienienia, zwłaszcza dla artykułów i mniejszych rozpraw, już to pozycji ważniejszych, już to tworzących pewne grupy zagadnień. Krytyczny referat o językowych pracach polonistycznych wygłosił prof. Z. Klemensiewicz na zjeździe Polskiego Towarzystwa Językoznawczego w 1954 r. (w druku w Biuletynie PTJ w tomie XIV).

Badania nad systemem gramatycznym języka polskiego rozwijały się w zakresie fonologii i fonetyki, morfologii i składni. W zakresie fonologii najpoważniejszym osiągnięciem jest zwarta, przejrzysta praca Z. Stiebera pt. „Rozwój fonologiczny języka polskiego" (Warszawa 1952, s. 96), w której autor daje syntezę polskiego systemu głosowego w rozwoju historycznym dla wokalizmu i konsonantyzmu w poszczególnych okresach historii polszczyzny przy uwzględnieniu systemu głosowego dialektów polskich wraz z kaszubszczyzną. Syntetyczną tę pracę (por. też uzupełnienia autora „Uwagi na marginesie »Rozwoju fonologicznego języka polskiego«", Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Tow. Nauk., 1954, s. 115—118) poprzedziły wcześniejsze rozprawy i referaty Z. Stiebera, m. in: „Czas i przyczyny zaniku polskiego iloczasu" (SAU XLVI, 1945, s. 103—106), „Dwa problemy z polskiej fonologii: I Fonologiczna funkcja samogłosek nosowych; II Fonologiczne sposoby oznaczania granicy słowa i morfemu w dzisiejszej polszczyźnie kulturalnej" (BPTJ VIII, 1948, s. 56—78), dający charakterystykę fonologiczną języka polskiego na tle ogólnych zagadnień fonologicznych artykuł T. Milewskiego „Derywacja fonologiczna" (BPTJ IX, 1949, s. 43—57) z odpowiedzią Z. Stiebera „Na marginesie derywacji fonologicznej" (ibid. X, 1950, s. 72—77) i P. Zwolińskiego „Dokoła fonemów potencjalnych" (na marginesie najnowszych polskich prac fonologicznych T. Milewskiego i Z. Stiebera)" (LP III, 1951, s. 323—339), wreszcie ostatniego autora artykuł „Przejście *l* > *u* w języku polskim" (BPTJ IX, 1949, s. 81—96).

Jedno z zagadnień polskiego konsonantyzmu, mianowicie grup spółgłoskowych, poruszane jest w artykułach M. Bargielówny „Grupy fonemów spół-

głoskowych współczesnej polszczyzny kulturalnej" (BPTJ X, 1950, s. 1—25), J. Kuryłowicza „Uwagi o polskich grupach spółgłoskowych" (ibid. XI, 1952, s. 54—69); niektóre szczegóły dotyczące historii tychże grup przedstawia I. Klemensiewicz-Bajerowa w artykułach „Z historii polskich grup spółgłoskowych" (BPTJ XII, 1953, s. 129—147) oraz po części w pracy „Polska oboczność *e : Ø* w przyimkach i przedrostkach" (Studia z Fil. Pol. i Słowiańskiej I, 1955, s. 162—202). Praca W. Śmiecha „Rozwój historyczny polskich grup spółgłoskowych **sť*śť*źť*" (Łódź 1953, s. 158 + mapa) bada to zagadnienie w historii polszczyzny w oparciu o analizę wybranych zabytków i materiałów z dzisiejszych gwar.

Z prac nad istotą i historią polskiej akcentuacji wymienimy przede wszystkim syntetyczny artykuł H. Turskiej „Zagadnienie miejsca akcentu w języku polskim" (PL XLI, 1950, z. 2, s. 434—469), w którym autorka wyjaśnia drogę rozwoju akcentu polskiego od pierwotnego akcentu swobodnego i ruchomego do paroksytonezy oraz określa przypuszczalną chronologię poszczególnych faz rozwijając i uzupełniając w ten sposób partie pracy M. Dłuskiej „Prozodia języka polskiego" (Kraków 1947, PKJ nr 31, s. IV + 72) o akcencie i o zestrojach akcentowych. W związku z pracami M. Dłuskiej i H. Turskiej powstały artykuły W. Mańczaka „O akcentuacji grup dwuwyrazowych" (JP XXXII, 1952, s. 15—24), „Enklityki i proklityki w języku polskim" (ibid., s. 66—76), „O akcentuacji grup ponaddwuwyrazowych" (ibid., s. 145—156), „O akcentowej ewolucji zrostów" (ibid. XXXIII, 1953, s. 155—176), wreszcie rozprawa H. Popowskiej i Z. Topolińskiej „Pisownia łączna i rozdzielna rękopisów staropolskich (w. XIV—XV)" (SFPS I, 1955, s. 223—286) przedstawiająca zagadnienie w świetle analizy zabytków.

W. Cyran w artykule „Ślady iloczasu w głównych zabytkach języka polskiego XIV i XV w." (BPTJ XI, 1952, s. 1—21) stwierdza filologicznie istnienie różnic kwantytatywnych.

W bliskim związku z zagadnieniami iloczasowo-akcentuacyjnymi pozostają prace z wersyfikacji i prozodii. Oprócz wymienionej już pracy M. Dłuskiej: „Prozodia języka polskiego" należą tu tejże autorki „Studia z historii i teorii wersyfikacji polskiej" (Kraków, t. I 1949, PKJ nr 33, s. VI + 367; t. II 1950, PKJ nr 35, s. V + 379), St. Furmanika „Podstawy wersyfikacji polskiej" (Kraków 1947, s. 323) oraz K. W. Zawodzińskiego „Studia z wersyfikacji polskiej" (Wrocław 1954, s. 476).

Kilka szczegółowych problemów historycznej fonetyki dają: artykuł St. Urbańczyka „Z zagadnień staropolskich" (JP XXXII, 1952, s. 119—127) oraz rozprawa W. Kuraszkiewicza „Oboczność *-'ev- : -'ov-* w dawnej polszczyźnie i dzisiejszych gwarach" (Wrocław 1951, s. 48), artykuły Z. Stiebera „Przyczynki do historii polskich rymów" (JP XXX, 1950, s. 110—113) (rymy *Greków — sęków kazał — obwiązał*, tzw. rymy sandomierskie), M. Karasia „Historia i geografia prepozycji *ot : od* w języku polskim" (SFPS I, 1955, s. 59—110). Trzy ostatnie pozycje dotyczące również zjawisk gwarowych nie są obojętne dla historii polskiego systemu fonetycznego. Nowo wydana „Gramatyka historyczna języka polskiego" Z. Klemensiewicza, T. Lehra-Spławińskiego, St. Urbańczyka (Warszawa 1955, s. 596), zgodnie z intencją autorów podręcznik uniwersytecki, daje w części zatytułowanej „Fonetyka" (s. 19—156) historię polskiego systemu głosowego z uwzględnieniem nowszych osiągnięć nauki w tej dziedzinie.

Dla fonetyki opisowej i eksperymentalnej wymienimy prace M. Dłuskiej „Fonetyka polska" (Kraków 1950, wyszła do tej pory cz. I: „Artykulacje głosek polskich", s. 144) oraz H. Koneczney i W. Zawadowskiego „Przekroje rentgeno-

graficzne głosek polskich" (Warszawa 1951), 145 rysunków odczytanych ze zdjęć rentgenowych artykulacji głosek polskich.

W badaniach nad morfologią polszczyzny mamy do zanotowania kilka większych monografii: dwie prace o liczebnikach polskich, ogólną monografię francuskiego uczonego H. Grappina „Les noms de nombre en polonais", drukowaną przez Polską Akademię Umiejętności (Kraków 1950, s. 166) oraz szczegółowe studium jednego typu liczebnikowego, oparte na materiale nie tylko polskim, P. Zwolińskiego „Liczebniki zespołowe typu *samotrzeć* w języku polskim na tle słowiańskim i indoeuropejskim" (Warszawa 1954, s. 92), dalej opisowe studium I. Klemensiewiczówny „Wyrazy złożone nowszej polszczyzny kulturalnej. Próba systematyki" (Kraków 1951, s. 141), monografię słowotwórczą H. Kurkowskiej „Budowa słowotwórcza przymiotników polskich" (Warszawa 1954, s. 175), wreszcie pracę J. Tokarskiego „Czasowniki polskie" (Warszawa 1951, s. 288) z pogranicza zagadnień teoretycznych i praktycznych koniugacji polskiej.

H. Turska w dwóch artykułach „W sprawie rzeczowników typu *cielak*" (SO XIX, 1948, s. 190—202) oraz „Mianownik l. mn. typu *chłopy, draby* w języku ogólnopolskim" (JP XXXIII, 1953, s. 129—155) porusza ważne zagadnienia z historii fleksji; problem repartycji końcówek dopełniacza l. poj. rzeczowników męskich rozpatrują P. Zwoliński (JP XXVIII, 1948, s. 174—177), E. Słuszkiewicz (ibid. XXX, 1950, s. 120—123), St. Westfal i A. Obrębska-Jabłońska (JP XXX, 1950, s. 80, 83 i 138), W. Mańczak (ibid. XXXIII, 1953, s. 70—84), St. Jodłowski (ibid., s. 84—94). Z. Kempf w artykule „Przyswojone tematy samogłoskowe" (JP XXXIV, 1954, s. 162—171) porusza zagadnienie przystosowania do polskiego systemu fleksyjnego jednego typu rzeczowników zapożyczonych. Wymieniona wyżej uniwersytecka „Gramatyka historyczna języka polskiego" w dwóch działach „Słowotwórstwo" (s. 157—261) i „Fleksja" (s. 263—390) przedstawia rozwój polskiego systemu słowotwórczego i fleksyjnego.

Intensywnie prowadzono w minionym okresie badania składniowe, zarówno opisowe jak i historyczne. Oprócz Z. Klemensiewicza „Zarysu składni polskiej" (Warszawa 1953, s. 74), dającego opis i klasyfikację ważniejszych struktur we współczesnym języku przy uwzględnieniu osiągnięć naukowych w tej dziedzinie w latach dzielących tę pracę od wydanej w 1937 roku przez tegoż autora „Składni opisowej współczesnej polszczyzny kulturalnej", mamy kilka monografii syntaktycznych. Dla składni współczesnego języka są to: Z. Klemensiewicza „Skupienia czyli syntaktyczne grupy wyrazowe" (Kraków 1948, PKJ nr 34, s. IV+96) oraz studium A. Mirowicza „O grupach syntaktycznych z przydawką" (Toruń 1948, s. 130), zaś dla składni historycznej 4-arkuszowa rozprawa K. Nitscha w „Studiach z historii polskiego słownictwa" (Kraków 1948, Rozpr. Wydz. Fil. PAU LXVII, nr 6) o spójnikach „*Póki* i *nim* (składnia, słowotwórstwo, głosownia; geografia i historia; gramatyka i stylistyka)" (s. 1—65) przedstawiająca całość problematyki związanej z tymi dwoma spójnikami (wraz z pochodnymi) w historii polszczyzny z wnikliwym uwzględnieniem stosunków gwarowych, geograficzno-językowych, z nawiązaniem do innych języków słowiańskich oraz Z. Klemensiewicza zarys składni w „Gramatyce historycznej języka polskiego" trzech autorów (por. wyżej) (s. 393—508), jedyne historyczne ujęcie na przestrzeni bez mała lat 30 (tzn. od 1927 r., daty wydania J. Łosia „Krótkiej gramatyki historycznej języka polskiego" zawierającej szkic składni historycznej).

Oprócz wymienionych większych ujęć monograficznych na wyniki badań syntaktycznych składa się szereg artykułów analizujących funkcje poszczególnych

składników i części mowy oraz rozpatrujących ogólne zagadnienia syntaktyczne w oparciu o materiał polski. Wymienimy tu prace St. Jodłowskiego „O przysłówkach, partykułach i im pokrewnych częściach mowy" (JP XXIX, 1949, s. 97—106), Z. Klemensiewicza „Lokalizacja podmiotu i orzeczenia w zdaniach izolowanych" (BPTJ IX, 1948, s. 8—19), H. Konecznej „O roli uczuciowej tzw. zaimków konwencjonalnych" (PorJ 1948, s. 8—12), A. Mirowicza „Przysłówki przy liczebnikach, zaimkach i rzeczownikach" (JP XXVII, 1947, s. 166—168), „O partykułach, ich zakresie i funkcji" (BPTJ VIII, 1948, s. 134—148), „O swoistej funkcji pozagramatycznej partykuł" (JP XXIX, 1949, s. 30—34), „Z zagadnień struktury zdania" (BPTJ IX, 1949, s. 57—70), A. Obrębskiej-Jabłońskiej „Liczebniki nieokreślone w systemie języka polskiego" (JP XXVIII, 1948, s. 111—116), J. Safarewicza „O funkcji przysłówków w języku polskim" (ibid., s. 47—50), „W sprawie składniowej funkcji łącznika" (ibid. XXXIII, 1953, s. 94—98), H. Safarewiczowej „Rzeczowniki »zwrotne« w języku polskim" (ibid. XXXIV, 1954, s. 332—348).

Składni historycznej dotyczą artykuły E. Ostrowskiej „Z historii przymiotników złożonych typu *biało-czerwony* i *jasnoniebieski*" (JP XXVIII 1948, s. 6—14 i 40—47), K. Nitscha i E. Ostrowskiej „Zakres używania *jak* i *niż*" (ibid. XXXII, 1952, s. 215—223) oraz M. Brodowskiej „O dzierżawczej funkcji celownika" (BPTJ XII, 1953, s. 119—127). „Historyczne procesy przekształceń polskiego celownika w formy przyimkowe" (SFPS I, 1955, s. 1—58).

W badaniach nad historią polszczyzny na pierwsze miejsce wysunęło się zagadnienie genezy polskiego języka literackiego, w około którego powstała ożywiona i płodna w następstwa naukowe dyskusja. Nawiązuje ona do polemiki rozpoczętej jeszcze w latach 1910—1911 przez A. Brücknera i K. Nitscha, kontynuowanej przy udziale wielu uczonych aż do wybuchu 2. wojny światowej. Przebieg dyskusji do 1932 r. przedstawił T. Lehr-Spławiński w artykułach „Problem pochodzenia polskiego języka literackiego" oraz „Spory o pochodzenie polskiego języka literackiego" (przedruk w tegoż autora „Szkicach z dziejów rozwoju i kultury języka polskiego", Lwów—Warszawa 1938, s. 46—63 i 64—90). Dyskusję nad genezą polskiego języka literackiego wznowił, po przerwie dziesięcioletniej, W. Taszycki rozprawą „Dawność tzw. mazurzenia w języku polskim" (Warszawa 1948, s. 33), w której opierając się o argumenty geograficzne, filologiczne, lingwistyczne i historyczne wysuwa tezę o późnym powstaniu mazurzenia (pod koniec średniowiecza: w XV w. objęło Mazowsze, Małopolskę w XVI), występując w ten sposób przeciwko, w okresie międzywojennym prawie ogólnie przyjmowanej, tezie o wielkopolskim pochodzeniu polszczyzny literackiej. Praca W. Taszyckiego wywołała żywą i wszechstronną dyskusję, toczącą się na łamach czasopism: Język Polski, Slavia Occidentalis, Lingua Posnaniensis, Pamiętnik Literacki, Poradnik Językowy, Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, Przegląd Zachodni, w której oprócz reprezentantów dwóch przeciwnych tez, wielkopolskiej K. Nitscha i małopolskiej W. Taszyckiego, biorą udział: T. Brajerski, Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, W. Kuraszkiewicz, J. Kuryłowicz, T. Milewski, St. Rospond, M. Rudnicki, Z. Stieber, St. Urbańczyk i inni. W szczegóły tej szerokiej, w dalszym ciągu trwającej, dyskusji nie możemy się tu wdawać, ponieważ pobieżne bodaj przedstawienie jej przebiegu, kolejnych stadiów i wyników wymagałoby osobnego opracowania oraz wyjścia poza tematyczne ramy referatu z uwagi na konieczność uwzględnienia wyników badań dialektologicznych. Ograniczymy się jedynie do stwierdzenia że polemika, której szczegóły przedstawiają (wprawdzie tylko do 1953 r.) artykuły St. Urbańczyka „Dzisiejszy stan sporów o pochodzenie pol-

skiego języka literackiego" (Slavia XX, 1951, z. 1., s. 1—39), T. Milewskiego „Nowe prace o pochodzeniu polskiego języka literackiego" (PL XLIII, 1952, z. 1—2, s. 312—334) oraz praca W. Kuraszkiewicza „Pochodzenie polskiego języka literackiego w świetle wyników dialektologii historycznej" (Wrocław 1953, s. 121+ ilustracje fragmentów zabytków), chociaż nie doprowadziła do rozwiązania tego doniosłego zagadnienia, pobudziła językoznawstwo polskie do szczegółowych badań i studiów przede wszystkim w dziedzinie filologii i dialektologii historycznej.

Niezależnie od prac nad genezą literackiej polszczyzny znaczne osiągnięcia mają inne działy badań historii języka. Wymienimy tu najpierw syntetyczne ujęcie T. Lehra-Spławińskiego „Język polski. Pochodzenie, powstanie, rozwój" (wyd. 1. Warszawa 1947, wyd. 2. rozszerzone, Warszawa 1951, s. 514), w tłumaczeniu na język rosyjski „Польский язык" (przekład z 2. polskiego wydania I. Ch. Dworeckiego, ze wstępem W. W. Winogradowa, Moskwa 1954), najpełniejsze do tej pory, mimo że przeznaczone dla szerokiego ogółu miłośników mowy ojczystej, przedstawienie dziejów i rozwoju polszczyzny, w którym na szczególne podkreślenie zasługuje po raz pierwszy skreślona historia polszczyzny XIX i XX wieku, oraz St. Słońskiego zrewidowane wznowienie popularnej „Historii języka polskiego w zarysie" (Warszawa 1953). Monograficzne przedstawienie dziejów polszczyzny wybranej epoki czy dzielnicy albo wybranego zagadnienia dają: wymieniona już w dziale slawistycznym praca St. Urbańczyka „Z dawnych stosunków językowych polsko-czeskich. Cz. I Biblia Królowej Zofii a staroczeskie przekłady Pisma Świętego" (Kraków 1946, RWF LXVII, nr 2), St. Rosponda „Zabytki języka polskiego na Śląsku" (Wrocław-Katowice 1948, s. 264), przegląd całokształtu językowych zabytków śląskich z uwzględnieniem strony filologicznej i językoznawczej, tego samego autora „Druki mazurskie XVI w." (Olsztyn 1948, s. 126), M. R. Mayenowej „Walka o język w życiu i literaturze staropolskiej" (Warszawa 1955, 2 wyd. rozszerzone, s. 213), P. Zwolińskiego „Wypowiedzi gramatyków XVI i XVII wieku o dialektyzmach w ówczesnej polszczyźnie" (PL XLIII, 1952, z. 1—2, s. 375—407), prace związane z badaniami nad Odrodzeniem: Z. Klemensiewicza „Szkic zewnętrznej historii języka polskiego doby Odrodzenia" (JP XXXIII, 1953, s. 194—213), „Czynniki sprawcze w rozwoju polszczyzny w dobie Odrodzenia" (Warszawa 1954, s. 48), E. Ostrowskiej „Walka o piękne słowo psalterzowe (Psalterz Kochanowskiego i Psalterz brzeski)" (JP XXXIII, 1953, s. 285—317) oraz P. Zwolińskiego „Najdawniejsze opracowanie języka Mikołaja Reja (»Wizerunk« M. Reja z r. 1558 a »Polonicae grammatices institutio« P. Stojeńskiego z r. 1568)" (ibid., s. 255—284), dalej St. Urbańczyka „Rozwój ortografii polskiej" (JP XXXV, 1955, s. 81—93), M. Zembatówny, St. Rosponda, W. Taszyckiego i W. Kuraszkiewicza artykuły o czasie i miejscu powstania Psalterza Puławskiego (JP XXXII, s. 223—229, ibid., s. 229—231 oraz PorJ 1954, s. 8—17, ibid. 1955, s. 107—112 i 193).

Odrębną grupę tworzą opracowania języka poszczególnych autorów już to większe monografie, już to szkicowe rozprawy i artykuły. Pełnymi monografiami są St. Rosponda „Studia nad językiem polskim XVI w." (Wrocław 1949, s. 534) wyczerpujące i syntetycznie charakteryzujące system gramatyczny, grafikę i ortografię, słownictwo, elementy gwarowe dzieł Jana Seklucjana, Stanisława Murzynowskiego, Jana Sandeckiego-Maleckiego, Grzegorza Orszaka, dalej St. Słońskiego „O języku Jana Kochanowskiego" (Warszawa 1949, s. nlb. 4+100) oraz o szerszych aspektach, wybiegająca poza charakterystykę języka osobniczego praca W. Doroszewskiego „Język Teodora Tomasza Jeża (Zygmunta Miłkow-

skiego). Studium z dziejów języka polskiego XIX w." (Warszawa 1949, s. 417), przedstawiająca wszechstronnie zjawiska językowe dzieł Jeża (ze szczególnym uwzględnieniem słowotwórstwa) na tle polszczyzny XIX w. i mająca przez to wartość ogólną dla historii polszczyzny tego okresu. Tu należą też zreferowane na Sesji Odrodzenia Polskiej Akad. Nauk, mające się ukazać drukiem w księdze z tej Sesji, monografie W. Kuraszkiewicza o języku Mikołaja Reja, St. Rosponda o języku Jana Kochanowskiego i P. Zwolińskiego o języku Marcina Bielskiego.

Znaczna ilość mniejszych rozpraw i artykułów dotyczy języka autorów XVII i XIX w. Pewną całość dają dla języka XVII w. prace Z. Stiebera „Uwagi o języku Wacława Potockiego" (PrPol V, 1947, s. 9—32), „O języku fraszek i minucji sowizdrza'skich w XVII w." (ibid. VI, 1948, s. 9—17), „Uwagi o języku komedii rybałtowskiej" (ibid. VIII, 1950, s. 59—63) poruszające zagadnienie lokalnej, południowo-polskiej odmiany polszczyzny kulturalnej, oraz jego uczniów: Melanii Szuster „Z zagadnień języka Wacława Potockiego (Formy osobowe nazw zwierzęcych)" (PrPol IX, 1951, s. 61—69), K. Kamińskiej „Kilka uwag o pisowni i języku »Argenidy« Wacława Potockiego" (ibid. XII, 1955, s. 21—30), Z. Strzelczykówny „Formy liczebników »dwa«, »oba«, »obadwa« i złożonych z »dwa«... ...u Wacława Potockiego" (JP XXXIII, 1953, s. 49—52). Dla wieku XIX wymienimy artykuły Z. Klemensiewicza „Szkic gramatycznej charakterystyki poetyckiego języka Słowackiego" (JP XXXI, 1951, s. 1—14 oraz 68—75: Składnia), Janiny Mally „O języku listów Słowackiego" (PorJ 1952, z. 1, s. 4—10, z. 3, s. 17—23, z. 5, s. 23—30, ibid. 1953, z. 1, s. 8—21), tejże autorki „O języku listów Chopina" (PorJ 1950, z. 4, s. 9—15, z. 6, s. 11—18, ibid. 1951, z. 1, s. 7—12), H. Turskiej „Z zagadnienia języka Mickiewicza. Rymy typu *osie — stało się*" (PL XLII, 1951, z. 3—4, s. 816—841), K. Górskiego „Staropolszczyzna w języku Adama Mickiewicza" (PL XLVI, 1955, z. 1, s. 153—210) oraz „Kilka wyrażeń prawniczych w języku Mickiewicza" (JP XXVIII, 1948, s. 129—133; Uwagi do tego artykułu A. Obrębskiej-Jabłońskiej, ibid. s. 180—182), dalej Z. Gosiewskiej „Uwagi nad językiem »Bogunki na Gople« Ryszarda Wincentego Berwińskiego" (PrPol XII, 1955, s. 31—52), H. Kurkowskiej „O języku »Lalki« Prusa" (PorJ 1948, z. 1, s. 2—8) i „Składnia w utworach E. Orzeszkowej" (ibid. 1951, z. 8, s. 9—13, z. 10, s. 1—7), Zofii Mitros „Archaiczne formy fleksyjne »Ogniem i mieczem« H. Sienkiewicza" (PrPol XII, 1955, s. 53—69). Przygotowywana na koniec 1955 r. Sesja Mickiewiczowska Polskiej Akad. Nauk da szczegółową charakterystykę języka Mickiewicza.

Prace S. Hrabca „Elementy kresowe w języku niektórych pisarzy polskich XVI i XVII w." (Toruń 1949, s. 159), Z. Sobierajskiego „Elementy gwarowe w utworach Kasprowicza" (Poznań 1950, s. 26) oraz W. Taszyckiego „Język ludowy w »Krakowiakach i góralach« W. Bogusławskiego" (PL XLII, 1951, z. 2, s. 419—429), o problematyce gwarowej, częściowo tylko do naszego tematu należą.

Dorobek w zakresie historii języka uzupełnia działalność wydawnicza, której osiągnięcia wykraczają poza samą edycję zabytków i dzieł starszej literatury polskiej przez to, że w wielu wypadkach dają zarazem charakterystykę języka autorów jak też monograficzne opracowania pewnego okresu historii polszczyzny. Spośród wydawnictw na pierwsze miejsce wysuwają się edycje dwóch ważnych zabytków staropolskich sporządzone przez S. Vrtla-Wierczyńskiego, mianowicie „Rozmyślania o żywocie Pana Jezusa tzw. przemyskie", na razie tylko podobizna rękopisu (Warszawa 1952, s. XXII: wstęp + 852) oraz wzorowe i piękne w formie graficznej wydanie „Kazań gnieźnieńskich. Podobizna — transliteracja

— transkrypcja" (Poznań 1953, s. XXIV+167+49 tablic) zawierające, oprócz części wymienionych w tytule, trzy słowniki w opracowaniu I. Reślińskiej, pełny słownik wyrazów zawartych w Kazaniach wraz z podaniem form i odmian graficznych, ze wskazaniem ważniejszych funkcji syntaktycznych, słownik do glos polskich w kazaniach łacińskich oraz słownik do tekstów modlitewnych. Z innych wydawnictw wymienimy W. Kuraszkiewicza i A. Wolffa „Zapiski i roty polskie XV—XVI w. z ksiąg sądowych ziemi warszawskiej" (Kraków 1950, PKJ nr 36, s. XVIII +559), St. Rosponda „Psałterz floriański a tak zwana Karta medycka, czyli Świdzińskiego" (Wrocław 1953, s. 54), wydanie zabytku oraz porównanie z Psałterzem floriańskim, puławskim i staroczeskimi psałterzami, wreszcie Jana Sandeckiego (Maleckiego) „Ewangeliarz z początku XVI w. i dwa późniejsze druki tegoż autora" w wydaniu J. Janowa (Bibl. Pisarzów Polskich, Kraków 1947, nr 87, s. CLVIII+2 nlb+192).

Instytut Badań Literackich Polskiej Akad. Nauk rozpoczął w serii B zatytułowanej Biblioteka Pisarzów Polskich wydawnictwo dzieł staropolskich, nawiązując do takiej serii Polskiej Akad. Umiejętności, w oparciu jednak o unowocześnione zasady edytorskie, polegające na wydawaniu całego dorobku pisarza w starannym opracowaniu filologicznym i językowym przy ścisłej współpracy historyka literatury i filologa-lingwisty. Przykładem tak pojętej działalności wydawniczej są M. Reja „Krótka rozprawa między trzemi osobami panem, wójtem a plebanem" (Wrocław 1953, nr 1) w opracowaniu K. Górskiego i W. Taszyckiego, Grzegorza Pawła z Brzezin „O różnicach teraźniejszych..." (Wrocław 1954, nr 2) i „O prawdziwej śmierci, zmartwychwstaniu i żywocie wiecznym" (Wrocław 1954, nr 3) w opracowaniu K. Górskiego i W. Kuraszkiewicza, S. Twardowskiego ze Skrzypny „Dafnis w drzewo bobkowe przemieniela się" (Wrocław 1954, nr 6) w opracowaniu R. Pollaka i S. Saskiego; mają one dużą wartość dla historii polszczyzny ze względu na zawarte w nich uwagi o języku utworu, małe monografie języka osobniczego oraz wzorowo sporządzone indeksy wyrazów i form.

Ważną dla historii polszczyzny pozycja jest opracowany przez W. Taszyckiego zbiór tekstów pt. „Obrońcy języka polskiego. Wiek XV—XVIII" (Bibl. Narodowa nr 146, seria I, Wrocław 1953, s. LXXXIX+393) zarówno ze względu na obfity i urozmaicony wybór z pisarzy staropolskich, propagatorów i miłośników polszczyzny, jak też ze względu na monograficzne przedstawienie we wstępie dziejów walki o język ojczysty w okresie od XV do XVIII w. Dla XVII wieku wspomnimy o dwóch zbiorach wydanych przez K. Badeckiego; są to: „Polska fraszka mieszczańska, minucje sowiźrzalskie" (Kraków 1948, Bibl. Pis. Polskich nr 88, s. XXXVIII+434) oraz „Polska satyra mieszczańska, nowiny sowiźrzalskie" (Kraków 1950, Bibl. Pis. Polskich nr 91, s. XLVIII+483).

W działalności wydawniczej widoczna jest w okresie powojennym wyraźna dążność do współpracy teoretyków i historyków literatury z językoznawcami. Nawiązując do tego faktu omówimy przy sposobności prace z pogranicza języka i literatury poruszające zagadnienia teorii przekładu, stylu i języka poetyckiego (o wersyfikacji była mowa wyżej w związku z pracami nad systemem głosowym). Dla teorii przekładu wymienimy podstawowy artykuł Z. Klemensiewicza „Przekład jako zagadnienie językoznawstwa" (JP XXXIV, 1954, s. 65—76), dalej artykuły K. Nitscha „Jak oddawać obcojęzyczne sposoby przemawiania do drugich" (ibid. XXIX, 1949, s. 167—169), A. Obrębskiej-Jabłońskiej „Transpozycja imion własnych w polskich przekładach »Słowa o wyprawie Igora«" (ibid. XXXI, 1951, s. 97—111), W. Jakubowskiego „Uwagi o językowej stronie przekładów z języka

rosyjskiego" (ibid. XXIX, 1949, s. 155—167), O. Wojtasiewicza „Sposoby przemawiania do drugich po angielsku a po polsku" (ibid. XXIX, 1949, s. 73—79), A. Zajączkowskiego „Z notatek orientalisty o przekładach" (PorJ 1952, z. 2, s. 10—13).

Dla teorii stylistyki podstawową pracą jest K. Budzyka „Stylistyka teoretyczna w Polsce" (Warszawa 1946), dająca krytyczną analizę całego dorobku polskiego w dziedzinie stylistyki od połowy XIX w. do 2. wojny światowej, uwypuklająca wzrost zainteresowań tymi zagadnieniami w językoznawstwie międzywojennym, wskazująca na potrzebę udoskonalenia metod badawczych. Teoretycznie rozpatrują zagadnienie stylu artykuły Z. Stiebera "O sprecyzowanie pojęcia stylu" (BPTJ VIII, 1948, s. 118—119), Z. Klemensiewicza „Problematyka składniowej interpretacji stylu" (PL XLII, 1951, z. 1, s. 102—157), M. R. Mayenowej rozważania stylistyczne na tle dyskusji w językoznawstwie radzieckim (PL XLV, 1953, s. 113—140). Zagadnienia języka poetyckiego analizują prace J. Kuryłowicza „Język poetycki ze stanowiska lingwistycznego" (Sprawozd. Wrocł. Tow. Nauk. za r. 1947, z. 2, Wrocław 1948, s. 4—11), M. R. Mayenowej „Poetyka opisowa. Opis utworu literackiego" (Warszawa 1949, s. 259), Z. Klemensiewicza „Historia składni języka poetyckiego" (PL XLI, 1950, z. 1, s. 184—187), A. Mirowicza „Uwagi w sprawie badań nad składnią języka poetyckiego" (ibid., s. 188—192), St. Skorupki „Prace leksykograficzne a badania języka i stylu poetyckiego" (ibid., z. 2, s. 469—484) i in.

Wpływy języków obcych na język polski stanowią osobne zagadnienie w historii polszczyzny. Z większych prac wymienimy tu A. Zajączkowskiego „Studia orientalistyczne z dziejów słownictwa polskiego" (Wrocław 1953), zbiór prac przeważnie wcześniej opublikowanych w różnych czasopismach, dający poza historią i metodologią badań nad zapożyczeniami orientalnymi w języku polskim kilkadziesiąt etymologii pożyczek i obrazujący drogi ich przejmowania. Wpływów języka greckiego, japońskiego, włoskiego, węgierskiego dotyczą artykuły J. Schnaydra „Język grecki we współczesnej polszczyźnie kulturalnej" (Meander I, 1946, s. 228—239), W. Kotańskiego „Japońskie wyrazy w języku polskim" (JP XXVII, 1947, s. 161—166), A. Zaręby „Włoskie zapożyczenia we współczesnej polszczyźnie" (ibid., s. 16—21), tego samego autora „Węgierskie zapożyczenia w polszczyźnie" (ibid. XXXI, 1951, s. 113—125) oraz uzupełnienia do ostatniego artykułu E. Słuszkiewicza (ibid. s. 196—203) i J. Reychmana (ibid., s. 203—211). Zjawisko odwrotne, wpływów języka polskiego na inne, porusza rozprawa T. Milewskiego „Stosunki językowe polsko-pruskie" (SO XVIII, 1939—1947, Poznań 1947, s. 21—84).

Tematycznie wiążą się z zagadnieniem historii języka prace o zjawiskach i zmianach we współczesnej polszczyźnie. Dużo uwagi poświęca im W. Doroszewski w popularnych „Rozmowach o języku" (seria I—IV, 1948, 1951, 1952, 1954) oraz czasopisma Poradnik Językowy i Język Polski. Zajmują się nimi artykuły Z. Klemensiewicza „*Pan* i *obywatel*" (JP XXVI, 1946, s. 33—42), dalej poruszające zagadnienia zmian semantycznych wyrazów i nowotworów leksykalnych A. Obrębskiej-Jabłońskiej „*Kinofikacja*" (ibid., s. 42—46), J. T. Milika „Słownictwo powstańcze" (ibid. XXVII, s. 97—100) i inne tegoż autora w Języku Polskim, A. Zaręby „Nieco uwag o polskim słownictwie powojennym" (JP XXIX, s. 116—122). Interesujący objaw współczesnego zaniku odmiany w nazwiskach żeńskich i maskulinizacji omawiają artykuły E. Pawłowskiego „*Baran* mówi o *Kozal*. O tworzeniu i odmianie nazwisk i tytułów żeńskich" (JP XXXI, 1951, s. 49—62), K. Nitscha „Uwagi o nazwiskach kobiet zamężnych i panien" (ibid. s. 62—68), A. Obrębskiej-Jabłońskiej „O żeńskich formach tytułów i nazw zawodów"

(PorJ 1949, z. 4, s. 1—4), K. Nitscha „Jeszcze o formach nazwisk kobiet" (JP XXXII, 1952, s. 41—42) i inne.

Dziejów polszczyzny za granicą dotyczą artykuły W. Kuraszkiewicza „Język polski w obozie koncentracyjnym" (Lublin 1947, s. 47) i A. Zaręby „Język polski w Szwecji" (JP XXXIII, 1953, s. 29—37 i 98—111).

W badaniach onomastycznych notujemy dla omawianego okresu pracę W. Taszyckiego „Patronimiczne nazwy miejscowe na Mazowszu" (Kraków 1951, Prace onom. PAU nr 3, s. 106 + mapa) rozpatrującą na podstawie materiałów historycznych i nowszych znaczenie, budowę gramatyczną i dzieje dwóch typów nazw miejscowych, typu *Boleścięta, Janowięta* i *Biskupice, Michałowice* i ustalającą m. in. patronimiczne znaczenie i mazowieckość typu *-ęta* oraz M. Karasia „Nazwy miejscowe typu *Podgóra, Zalas* w języku polskim i w innych językach słowiańskich" (Wrocław 1955, s. 145), monografię jednego typu słowotwórczego opracowaną na obfitym materiale polskim i częściowo innosłowiańskim z uwzględnieniem polskiego materiału dla wyrazów pospolitych o tejże strukturze. Poza tymi dwoma pracami (duża monografia H. Safarewiczowej „Nazwy miejscowe typu *Mroczkowizna, Klimontowszczyzna*" wyjdzie wkrótce drukiem) różne zagadnienia toponomastyczne omawiają rozprawy i atrykuły H. Ułaszyna „Pochodzenie etnicznej nazwy *Ukrainiec*" (Łódź 1947, s. 14), „Znaczenie nazw »Wielkopolska« i »Małopolska«" (Łódź 1950, s. 38), „Jeszcze w sprawie nazw: *Wielkopolska — Małopolska*" (Rozpr. Komisji Językowej Łódzkiego Tow. Nauk, Łódź 1954, s. 98—114) (por. do ostatniego zagadnienia polemikę St. Urbańczyka i H. Ułaszyna, JP XXXI, 1951, s. 140—143 i 228—233 oraz artykuł St. Zajączkowskiego „Nazwa Wielkopolski w świetle źródeł historycznych" (Przegląd Zachodni VII, 1951, nr 9—10, s. 1—31), dalej S. Hrabca „O nazwie »Mazowsze«" (PrPol XII, 1955, s. 5—20), P. Galasa „Urzędowe a ludowe nazwy miejscowości w powiecie bocheńskim i okolicy" (JP XXIX, 1949, s. 51—62), A. Siuduta „*Stradom*" (JP XXXV, 1955, s. 100—111), M. Karplukówny „Polskie nazwy miejscowe od imion kobiecych" (SFPS I, 1955, s. 111—161). W związku z akcją ustalania nazw miejscowych na Ziemiach Zachodnich (por. T. Milewski „Nazwy miejscowe Ziem Odzyskanych, PorJ, 1952, z. 10, s. 24—37) powstał szereg artykułów, również dyskusyjnych, np. w. sprawie nazwy rzeki *Nysa* (W. Taszyckiego, St. Rosponda, T. Lehra-Spławińskiego, M. Rudnickiego, A. Kleczkowskiego, K. Nitscha; por. podsumowanie polemiki w artykule J. Safarewicza „Dyskusja nad nazwą *Nysa*" RS XVI, cz. 1. 1948, s. 138—151) oraz zbiorów nazw miejscowych, z których najpoważniejszym jest St. Rosponda „Słownik nazw geograficznych Polski zachodniej i północnej" (Wrocław—Warszawa 1951, s. LII+794+3 mapy, cz. I polsko-niemiecka i cz. II niemiecko-polska).

Nazw osobowych dotyczą artykuły K. Nitscha „Pogadanki o imionach i nazwiskach: 1. *Nowocień, Przybocień, Stępień, Pochopień*" (JP XXVI, 1946, s. 150—152), „2. Nazwiska od ptaków i... potraw" (ibid. XXVIII, 1948, s. 52—53), „3. O obocznościach *-owski : -oski* i *-iński : -ński*" (ibid. XXIX, 1949, s. 224—227), J. Safarewicza „Polskie imiona osobowe pochodzenia litewskiego" (JP XXX, 1950, s. 113—119), P. Zwolińskiego „Funkcja słowotwórcza elementu *-sław* w staropolskich imionach osobowych" (BPTJ X, 1950, s. 166—185) i A. Siuduta „Nazwiska polskie z przyrostkiem *-uć*" (SO XIX, 1948, s. 389—397).

Szczególnie ożywione były w okresie powojennym badania i prace nad polskim słownictwem, których wynikiem są monografie leksykalne oraz wielkie

przedsięwzięcia leksykograficzne. Z monograficznych opracowań na pierwszym miejscu wymienimy K. Nitscha „Studia z historii polskiego słownictwa" (Kraków 1948, Rozpr. Wydz. Filolog. Polskiej Akad. Um. LXVII nr 6, s. XXII + 191), zbiór 27 różnych co do rozmiarów i tematyki artykułów rozpatrujących zagadnienia zmian formalnych, semantycznych, składniowych, dalej geografii, etymologii wybranych wyrazów czy też grup synonimicznych w szeroko pojętej historii polszczyzny. W „Uwagach wstępnych" (s. X—XXII) daje autor wnikliwą krytykę dwóch największych słowników, Lindego i Słownika warszawskiego, która wraz z ogłoszoną w 1911 r. w Roczniku Slawistycznym (t. IV, s. 199—243) krytyczną recenzją „Słownika Gwar Polskich" J. Karłowicza stanowi cenny, dla badaczy słownictwa nieodzowny przewodnik we wszelkich pracach leksykalnych. Pozostałe większe monografie to A. Zaręby „Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego" (Kraków 1954, s. 204 + 2 mapy) dająca przegląd nazw kolorów, opis struktur gramatycznych, zmian semantycznych, geografię wyrazów oraz rozwój formacji oznaczających barwy w polszczyźnie na podstawie materiałów gwarowych i historycznojęzykowych (stąd tu wzmianka o pracy) oraz praca L. Moszyńskiego „Geografia niektórych zapożyczeń niemieckich w staropolszczyźnie" (Poznań 1954, s. 95), analizująca zasięgi geograficzne 16 staropolskich pożyczek z niemieckiego w oparciu o całokształt materiału, analizę semantyczną i etymologiczną, zawierająca indeks wyrazów pochodzenia germańskiego występujących w tekstach staropolskich do roku 1500.

Historię i rozwój znaczeniowy poszczególnych wyrazów przedstawiają artykuły E. Ostrowskiej *„Odziać* i jego synonimy" (JP XXXII, 1952, s. 1—15 i 97—119), tejże autorki „Z zagubionych wyrazów, 1. *Czyn*" (JP XXXV, 1955, s. 167—181), „2. *Robota*" (ibid., w druku), A. Siuduta „Modrzewskiego »Lepszy rycerz niż *panosza*«" (ibid. XXXIII, 1953, s. 318—325). Nie brak też opracowań języków specjalnych jakimi są H. Ułaszyna „Język złodziejski" (Łódź 1951, s. 90) i S. Hoppego „Polski język łowiecki" (Warszawa 1951, wyd. 2.).

Ogólnych zagadnień leksykograficznych oraz historii leksykografii dotyczy, oprócz omówionych wyżej „Uwag wstępnych", zawartych w „Studiach z historii polskiego słownictwa" K. Nitscha, praca W. Doroszewskiego „Z zagadnień leksykografii polskiej" (Warszawa 1954, s. 147), dająca historyczny przegląd polskich prac leksykograficznych, omówienie norm i kryteriów ocen w pracy słownikowej, uwagi metodologiczno-semantyczne, ponadto artykuły Cz. Pankowskiego „Bliziński, jakiego nie znamy" (PorJ 1954, z. 2, s. 16—24, z. 5, s. 26—33, z. 6, s. 5—10, z. 9, s. 1—14) o niewydanym słowniku języka polskiego Blizińskiego, J. Puzyniny „Neologizmy Grzegorza Knapskiego" (ibid. 1955, z. 2, s. 41—51, z. 3, s. 19—107).

Spośród prac leksykograficznych na czoło wszystkich poczynań wysuwa się monumentalne osiągnięcie polskiego językoznawstwa „Słownik staropolski" (w. XIV i XV) tak ze względu na jego doniosłe znaczenie dla nauki, jak też z uwagi na to, że jest to pierwsze na taką miarę według nowoczesnych metod leksykografii realizowane, zespołowe przedsięwzięcie naukowe, które zaczęło się pojawiać w publikacji. Pierwszy zeszyt „Słownika staropolskiego", poprzedzony wydaniem przez St. Urbańczyka „Próby »Słownika staropolskiego«" (Kraków 1947, PKJ nr 32, s. 48), ukazał się w 1953 r. Zawiera on „Przedmowę" K. Nitscha, „Wstęp" St. Urbańczyka, „Wykaz skrótów" (źródła) oraz artykuły w ramach haseł *A — Ażeć*. Historię, charakterystykę, zakres Słownika i zasady redakcyjne szczegółowo przedstawia St. Urbańczyk we „Wstępie", wobec czego ograniczymy się do zaznaczenia, że to wielkie dzieło, którego zrąb przygotowywany od kilkudziesięciu lat myślą

i wysiłkami kolejno J. Baudouina de Courtenay, J. Łosia, K. Nitscha stworzyła Polska Akademia Umiejętności, przejęte obecnie przez naczelną naszą naukową instytucję, Polską Akademię Nauk, kierowane w ramach jej prac przez Komitet Redakcyjny złożony z K. Nitscha (przewodniczący), Z. Klemensiewicza, S. Safarewicza, St. Urbańczyka (redaktor naczelny) jest wzorowo i systematycznie realizowane. Do tej pory ukazało się pięć zeszytów „Słownika Staropolskiego": (o pierwszym była mowa), drugi (1953: *Ba — Boleść*), trzeci (1954: *Boleść — Bystry*), czwarty (1954: *Bystry — Ciec*), piąty (1955 : *Ciec — Czeluść*).

Z innych prac słownikowych, które zaczęły się ukazywać w druku wymienimy Franciszka Sławskiego „Słownik etymologiczny języka polskiego" wydawany staraniem Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego w Krakowie. Do tej pory wyszły cztery zeszyty (1. w 1952, 2. w 1953, 3. w 1954, 4. w 1955, hasła od *A* do *Ile*), które wraz z przygotowywanym piątym złożą się na pierwszy tom. Drugi będzie wychodził w kolejnych zeszytach. Słownik ten, dający etymologie wybranych wyrazów (podstawowy zasób słów), uwzględniający dane geografii wyrazowej, opatrzony pełnym aparatem bibliograficznym stanowi cenną pozycję w powojennym dorobku nauki polskiej. Na uwagę zasługują w związku z wydawaniem „Słownika etymologicznego" oprócz recenzji J. Kuryłowicza (JP XXXIII, 1953, s. 65—70) i T. Milewskiego (PorJ 1953, z. 3, 23—30) wnikliwe uwagi i uzupełnienia K. Moszyńskiego do każdego zeszytu Słownika (JP XXXII, 1952, s. 193—202, XXXIII, 1953, s. 345—367, XXXV, 1955, s. 112—135, por. też XXXV, 1955, s. 189—194) oraz odpowiedzi F. Sławskiego na recenzje i uwagi (w Języku Polskim XXXIII, 1953, s. 186—190, ibid., s. 398—401).

Obraz prac nad polskim słownictwem byłby niepełny, gdybyśmy nie wspomnieli o różnorodnych poczynaniach, drukiem jeszcze nie ogłoszonych, ale będących w stadium przygotowań, dobiegających w pewnych wypadkach kresu. Wielkimi przedsięwzięciami naukowymi są prowadzone od szeregu lat, obecnie w ramach działalności Komitetu Językoznawczego czy Instytutu Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk, przez W. Doroszewskiego prace nad Słownikiem współczesnego języka polskiego w Warszawie (w 1951 r. ogłoszono zeszyt dyskusyjny Słownika), przez W. Taszyckiego w Krakowie nad Słownikiem Staropolskich Nazw Osobowych, w kilku ośrodkach uniwersyteckich (Poznań, Wrocław, Kraków, Toruń, Łódź) nad Słownikiem XVI-wiecznym, przez K. Górskiego i S. Hrabca prace nad Słownikiem Mickiewiczowskim (w Toruniu i w Łodzi; pierwszy zeszyt spodziewany jest z końcem 1955 r.) oraz przez St. Rosponda we Wrocławiu prace nad Słownikiem nazwisk śląskich. W Instytucie Polsko-Radzieckim w Warszawie przygotowuje się pod redakcją A. Mirowicza i W. Jakubowskiego pełny Słownik rosyjsko-polski i polsko-rosyjski (zeszyt próbny tego Słownika wyszedł w jesieni 1955 r., s. 33). Tak więc prace nad słownictwem polskim w okresie powojennym cechuje duży rozmach i wielostronność, których miarę uwypukli wzmianka o przygotowywanym przez K. Nitscha Słowniku i Atlasie Gwar Polskich oraz podjętych przez W. Doroszewskiego i Z. Stiebera pracach nad gwarami Warmii i Mazur oraz Kaszub, co w omówieniu pominięto, zgodnie z założeniami referatu, jako prace całkowicie dialektologiczne. O pracach Zakładu Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk nad podstawowym zasobem słownictwa prasłowiańskiego będzie mowa niżej.

Przegląd ten uzupełnimy wiadomością o nowym opracowaniu pod redakcją Z. Rysiewicza, J. Safarewicza, E. Słuszkiewicza, E. Tryjarskiego „Słownika wyrazów obcych" (Warszawa 1955, s. 783) oraz o fotooffsetowym wznowieniu „Słow-

nika Lindego" (według 2. wydania, Warszawa 1951, I—VI) i J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego „Słownika języka polskiego" (tzw. warszawskiego, Warszawa 1952, I—VIII).

Na zamknięcie powyższego przeglądu polskiego dorobku naukowego w zakresie językoznawstwa słowiańskiego i polonistycznego w dziesięcioleciu Polski Ludowej trzeba się jeszcze zastanowić nad warsztatami i narzędziami pracy, jakimi rozporządzają u nas te dziedziny badań. Otóż warsztatami są w tej chwili katedry językoznawstwa lub filologii słowiańskiej w naszych uniwersytetach, przede wszystkim w Uniwersytecie Jagiellońskim w Krakowie i w Uniwersytecie Warszawskim, a także w Uniwersytetach Poznańskim, Łódzkim, Wrocławskim, Toruńskim i Lubelskim; wszystkie one szkołą w mniejszym lub większym zakresie nowych adeptów tych działów nauki. Przy Zakładzie Języka Polskiego Uniw. Jagiellońskiego powstała z inicjatywy prof. Z. Klemensiewicza, kierowana przez niego pracownia składni historycznej języka polskiego, subwencjonowana przez Polską Akademię Nauk. Poza katedrami naukowo może bardziej doniosłą rolę spełniają pracownie Komitetów Językoznawczego i Słowianoznawczego Polskiej Akademii Nauk. O pracach leksykograficznych Komitetu Językoznawczego i Instytutu Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk była już wyżej mowa. Zakład Słowianoznawstwa PAN przejął prowadzone początkowo w ramach Katedry Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego badania nad zasobem słownictwa prasłowiańskiego, które są w pełnym toku jak również pracownię bohemistyczną w Warszawie oraz na szeroką skalę zakrojone prace pod kierunkiem W. Kowalenki, T. Lehra-Spławińskiego i Z. Wojciechowskiego nad Słownikiem Starożytności Słowiańskich, w którym zagadnienia językowe znajdą oczywiście szerokie uwzględnienie. Obszerny zeszyt próbny tego Słownika został właśnie przygotowany do druku (Redakcja i główna pracownia Słownika Starożytności Słowiańskich znajduje się w Poznaniu).

Organami periodycznymi, ogłaszającymi wyniki badań językoznawstwa słowiańskiego w Polsce są trzy czasopisma: Rocznik Slawistyczny, cieszący się dawną i dobrą tradycją w całej Słowiańszczyźnie jako organ krytyki i bibliografii, Lingua Posnaniensis i Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. W ostatnich czasach powstało jeszcze jedno, największe objętością czasopismo, wydawane pod egidą Komitetu Slawistycznego i Rusycystycznego Polskiej Akademii Nauk pt. „Studia z filologii polskiej i słowiańskiej", którego pierwszy 40-arkuszowy tom wyszedł w 1955 r., a drugi jest w przygotowaniu. Czasopismo to ma zastąpić nie odnowione po wojnie „Prace Filologiczne", ogłaszając drobniejsze i średniej wielkości prace z szeroko pojętej filologii i językoznawstwa słowiańskiego.

Wyniki badań nad językiem polskim ogłaszane były, poza wymienionymi organami, w czasopismach Slavia Occidentalis (obecnie nie wychodzi), Język Polski, Poradnik Językowy, Prace Polonistyczne, Pamiętnik Literacki oraz w Sprawozdaniach z posiedzeń naukowych wydziałów filologicznych poszczególnych uniwersytetów. Ostatnio utworzono dwa nowe organy, mianowicie Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Tow. Naukowego oraz Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, będące kontynuacją i rozszerzeniem, w dziale językowym, wydanego w 1953 r. jednego zeszytu „Sprawozdań z posiedzeń naukowych Instytutu Językoznawstwa U.J." O nowym organie poświęconym badaniom nad imiennictwem, „Onomastica", którego pierwszy tom jest w druku, była już mowa wyżej. Większe prace ogłasza się w nowoutworzonej serii prac Komitetu Językoznawczego Polskiej Akademii Nauk, która dla działów językowego i onomastycznego stanowi

kontynuację dawniejszych wydawnictw Polskiej Akademii Umiejętności, Towarzystwa Naukowego Warszawskiego i Studium Słowiańskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego, oraz w Rozprawach poszczególnych towarzystw naukowych (w Poznaniu, Łodzi, Wrocławiu). W związku z organami wydawniczymi wspomnimy o wydaniach zbiorowych, dwóch jubileuszowych, skromnym rozmiarami (bo przygotowanym w trudnych chwilach okupacji) z okazji 70-lecia prof. K. Nitscha zbiorze „Inter arma" wydanym tuż po 2. wojnie światowej w Krakowie (s. IX + 129) oraz wydanym przez Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego dla uczczenia 80-lecia tegoż uczonego czterotomowym „Wyborze pism polonistycznych" jubilata (t. I Wrocław 1954, s. XV: bibliografia prac naukowych prof. K. Nitscha 1895—1953 + 284, t. II Studia wyrazowe, Wrocław—Kraków 1955, s. 348, t. III Pisma pomorzoznawcze, wydane przed tomem drugim w związku z Sesją Pomorzoznawczą Polskiej Akad. Nauk, Wrocław—Kraków 1954, s. 438 + 5 map, t. IV i ostatni, obejmujący studia dialektologiczne w przygotowaniu), dalej o zbiorze S. Jaszuńskiego „Prac językoznawczych" (Warszawa 1953, s. 95) oraz przygotowywanym wyborze pism J. Baudouina de Courtenay, zapowiedzianym na Sesji Naukowej PAN ku czci pamięci tego znakomitego uczonego.

Na koniec trzeba jeszcze zwrócić uwagę na bardzo ważny, a w Polsce przedwojennej dosyć zaniedbany dział produkcji naukowej, od którego w znacznym stopniu zależy przyszłość każdej nauki, mianowicie na podręczniki naukowe i uniwersyteckie. Stan rzeczy w tym względzie poprawił się wybitnie w okresie powojennym. Mamy więc dzisiaj w zakresie językoznawstwa słowiańskiego kilka ważnych podręczników już wydanych, a więcej jeszcze zaplanowanych i będących w druku lub przygotowaniu. Wydany w 1954 r. podręcznik „Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich" (Warszawa PWN, s. 161), opracowany przez T. Lehra-Spławińskiego, W. Kuraszkiewicza i F. Sławskiego stanowi rodzaj wstępu do nauki o językach słowiańskich dla młodych adeptów slawistyki. Ukazała się też pierwsza część „Gramatyki opisowej języka rosyjskiego" pióra prof. A. Mirowicza (Warszawa PWN, 1953, s. 80 z mapką); obejmuje ona niestety tylko wiadomości wstępne oraz głosownię. Zanim dobiegnie do końca jej opracowanie i wydanie młodzież slawistyczna musi w nauce rosyjskiej gramatyki opisowej korzystać z podręcznika „Gramatyki języka rosyjskiego" dla wyższych klas szkół średnich, opracowanego przez prof. W. Jakubowskiego, W. Galeckiego i T. Lehra-Spławińskiego (Warszawa PZWS, wyd. VI 1955, s. 248). Dla wszystkich slawistów ważną pomocą naukową jest nowe, trzecie wydanie T. Lehra-Spławińskiego „Zarysu gramatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego na tle porównawczym" (Kraków 1949, s. 110) oraz „Gramatyka języka starosłowiańskiego (starobułgarskiego)", opracowana już po wojnie przez najlepszego u nas znawcę tego przedmiotu prof. St. Słońskiego (Warszawa PZWS, 1950, s. 172). Tenże sam autor wydał ponownie „Wybór tekstów starosłowiańskich (starobułgarskich)" (Warszawa PZWS, 1952, s. VIII + 138 + VI tablic, fotografii zabytków), wydany najpierw jeszcze przed wojną w ramach „Lwowskiej Biblioteki Slawistycznej" nr 1 (nakład K. S. Jakubowskiego, Lwów 1928). Nieodzowny dla ćwiczeń slawistycznych zbiór tekstów we wszystkich językach słowiańskich, opracowany przez wykładowców Studium Słowiańskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego, wydany został w „Bibliotece Studium Słow." pt. „Chrestomatia Słowiańska" (t. I Teksty południowosłowiańskie, Kraków 1949, s. 236, t. II Teksty zachodnio-słowiańskie, Kraków 1950, s. 290, t. III obejmujący teksty wschodnio-słowiańskie, całkowicie w Studium opracowany, ma wyjść nakładem Instytutu Polsko-Radzieckiego w Warszawie). W

1954 r. wyszła F. Sławskiego „Gramatyka języka bułgarskiego" (Warszawa PZWS, s. 176), a w druku znajdują się gramatyka opisowa języka serbochorwackiego V. Frančicia i daleko w przygotowaniach posunięte podręczniki gramatyki historycznej czeskiej w opracowaniu prof. Z. Stiebera i T. Lehra-Spławińskiego oraz gramatyki historycznej języka rosyjskiego w opracowaniu W. Kuraszkiewicza i T. Lehra-Spławińskiego. Zanim książki te ujrzą światło dzienne korzystają studenci ze skryptu T. Lehra-Spławińskiego „Gramatyki historycznej języka czeskiego w zarysie" oraz z wydanej w 1946 r. małej „Gramatyki języka czeskiego" w opracowaniu tegoż autora. Wydano też w formie skryptów wybór najstarszych tekstów staroruskich i staroczeskich, potrzebnych do ćwiczeń seminaryjnych. Wszystko to są środki naukowe, których brak było przed wojną, a które ułatwiają ogromnie kształcenie młodej kadry naukowej slawistycznej. Napływ zaś młodzieży do tej kadry wzrasta z roku na rok zarówno w Krakowie, gdzie istnieją na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Jagiellońskiego trzy kierunki studiów: czeski, bułgarski i serbochorwacki, jak i w Warszawie, gdzie prowadzony jest na razie jeden tylko kierunek, czeski. Prócz tego w Krakowie, Warszawie i Wrocławiu istnieją też studia rusycystyczne, w Warszawie także ukrainistyczne, które kształcą nie tylko historyków literatury, ale również i językoznawców.

Dla językowych studiów polonistycznych w zakresie wydawnictw podręcznikowych wymienimy dla gramatyki opisowej Z. Klemensiewicza „Podstawowe wiadomości z gramatyki języka polskiego" (Kraków 1952, s. 188), W. Doroszewskiego niedokończone jeszcze „Podstawy gramatyki polskiej" (cz. I. Warszawa 1952, s. 320) i M. Dłuskiej „Fonetykę polską" (cz. I, Kraków 1950, s. 144), dla gramatyki historycznej duży podręcznik uniwersytecki Z. Klemensiewicza, T. Lehra-Spławińskiego, St. Urbańczyka „Gramatyka historyczna języka polskiego" (Kraków 1955, s. 596). Obok nowych opracowań ukazały się wznowienia, np. „Gramatyki języka polskiego" St. Szobera w opracowaniu W. Doroszewskiego (wyd. 3., Warszawa 1953, s. XVI + 390) i T. Lehra-Spławińskiego i R. Kubińskiego „Gramatyki języka polskiego" (wyd. 6, Wrocław 1952).

Z nowych wyborów tekstów ukazały się, wymieniona już wyżej „Chrestomatia Słowiańska", której tom 2. w obrębie tekstów zachodnio-słowiańskich zawiera teksty polskie w opracowaniu Z. Klemensiewicza, oraz W. Taszyckiego „Obrońcy języka polskiego" (por. o nich wzmiankę wyżej). Ze wznowień notujemy S. Vrtla-Wierczyńskiego „Wybór tekstów staropolskich" (wyd. 2., Warszawa 1950), tegoż autora „Średniowieczną poezję polską świecką" (Wrocław 1949. Bibl. Narod.), W. Taszyckiego „Wybór tekstów staropolskich XVI—XVIII w." (Warszawa 1955, wyd. 2 z dodatkiem 4 nowych tekstów) i tego samego autora „Najdawniejsze zabytki języka polskiego" (wyd. 3, Wrocław 1951, Bibl. Narod.). Wznowiono również „Wybór z pism Jana Kochanowskiego ściśle według pierwszych druków" (Bibl. Tow. Miłośników Języka Polskiego nr 2, Kraków 1948).

Związane z wydawnictwem podręczników są opracowania dotyczące poprawności językowej. Oprócz wznowień St. Szobera „Słownika poprawnej polszczyzny" (Warszawa 1948) i H. Gaertnera i A. Passendorfera „Poradnika gramatycznego" (wyd. 2., Wrocław—Warszawa 1950) ukazały się St. Słońskiego „Słownik polskich błędów językowych" (Czytelnik 1947), W. Doroszewskiego „Kryteria poprawności językowej" (Warszawa 1950) oraz tegoż autora liczne artykuły w „Rozmowach o języku" (seria I—IV, por. wyżej). Dla przeglądu innych prac z tej dziedziny odsyłamy do artykułu A. Siuduta „Prace nad upowszechnieniem kultury językowej w dziesięcioleciu 1944—1955" (JP XXXIV, 1954, s. 365—373).

Ten szeroki rozwój warsztatów dydaktycznych i pomnożenie środków naukowych, służących do kształcenia młodych pracowników w dziedzinie slawistyki i polonistyki, pozwala żywić niepłonną nadzieję, że językoznawstwo slawistyczne w Polsce, mimo znacznych szczerb i szkód, jakie poniosło w czasie wojny, będzie się nadal rozwijało pomyślnie, zgodnie ze swymi pięknymi tradycjami, ku pożytkowi naszej nauki i kultury narodowej.

Aby jednakowoż nadzieje te mogły się ziścić, potrzeba prócz wskazanych wyżej czynników, oddziałujących pomyślnie na rozwój językoznawstwa slawistycznego i polonistycznego w Polsce, spełniania także kilku zewnętrznych, powiedzmy, warunków, nieodzownych dla ich dalszego rozwoju. Należą do nich przede wszystkim trzy czynniki: 1. konieczność podniesienia nauki języka ojczystego i języków obcych w szkołach średnich w oparciu o najnowsze zdobycze metodologiczne, która powinna się przyczynić do obudzenia zainteresowania zagadnieniami językoznawczymi u młodzieży przed jej wstąpieniem na uniwersytet, a równocześnie powinna przez lepsze przygotowanie językowe odciążyć tę młodzież od konieczności uzupełniania braków w wykształceniu językowym dopiero po rozpoczęciu studiów akademickich, 2. konieczność ułatwienia młodzieży, studiującej językoznawstwo, wyjazdów za granicę w celu doskonalenia się w żywym opanowaniu języków badanych oraz w celu bezpośredniego zapoznawania się z metodami badawczymi stosowanymi w innych krajach, 3. konieczność usprawnienia wymiany książek i wydawnictw periodycznych językoznawczych z zagranicą, i to nie tylko z krajami słowiańskimi, aby nauka nasza mogła w pełni zarówno korzystać z wyników badań zagranicznych jak zajmować wobec nich w odpowiednich momentach stanowisko krytyczne, 4. udział polskich językoznawców, slawistów i polonistów, w konferencjach i zjazdach naukowych językoznawczych i nauk pokrewnych w celu utrzymania stałego kontaktu naukowego między nami a uczonymi zagranicznymi, w szczególności z uczonymi wszystkich krajów słowiańskich. Spełnienie tych warunków, które ułatwią w wysokim stopniu pracę naukową na polu językoznawstwa słowiańskiego i polskiego zależy od poparcia Polskiej Akademii Nauk i czynników rządowych, na których opiekę nauka nasza zawsze może liczyć.

ZDZISŁAW STIEBER

DIALEKTOLOGIA POLSKA W OSTATNIM DZIESIĘCIOLECIU

Już przed ostatnią wojną mieliśmy dzięki Nitschowi jasny i wcale dokładny obraz całości gwar polskich uzupełniany przez młodszych uczonych, w znacznej części uczniów Nitscha. Już przed wojną przystąpiono do wstępnych prac nad ogólnopolskim atlasem gwarowym. Pierwszą próbą zastosowania w Polsce metod atlasu gwarowego był wydany w r. 1934 „Atlas językowy polskiego Podkarpacia" Małeckiego i Nitscha. W okresie „międzywojennym" podjęto też na dość dużą skalę prace nad polską dialektologią historyczną (Taszycki, Kuraszkiewicz i inni).

W tym samym czasie kwitły też u nas badania nad dialektami innych języków słowiańskich. Dialekty południowych Słowian badał M. Małecki, studia nad gwarami słowackimi i łużyckimi prowadził Z. Stieber, dialektom ukraińskim i białoruskim poświęcili szereg prac K. Dejna, J. Janów, W. Kuraszkiewicz, L. Ossowski, Z. Stieber, J. Tarnacki. Resztki wymarłych dialektów pomorsko-połabskich opracowywali głównie T. Lehr-Spławiński i T. Milewski.

Okupacja hitlerowska przerwała oczywiście pracę w zakresie dialektologii. Podjęli ją jednak polscy językoznawcy, gdy tylko jako tako ustabilizowały się stosunki w kraju zniszczonym przez okupację i działania wojenne. Najwcześniej podjęło pracę na większą skalę środowisko warszawskie stosując metody wypracowane jeszcze przed wojną przez prof. Doroszewskiego i jego uczniów. Zespół dialektologiczny przy Katedrze Języka Polskiego Uniwersytetu Warszawskiego podjął już w pierwszych latach po wojnie intensywną pracę nad opisem gwar odzyskanych ziem północno-polskich (Warmia i Mazury). Przekształcony w pracownię Polskiej Akademii Nauk zespół ten opracowuje obecnie niezmiernie bogaty materiał gwarowy z tych ziem równocześnie prowadząc prace terenowe w Polsce północno-wschodniej (Mazowsze, Podlasie).

W r. 1950 podjęto pod kierunkiem prof. K. Nitscha prace nad ogólnopolskim atlasem gwarowym. Kierownictwo tych prac znajdowało się w Krakowie, ale udział w zbieraniu materiału brały wszystkie polskie ośrodki uniwersyteckie. Zdecydowano się na razie na program minimalny: kwestionariusz złożony z 600 pytań i około sto „punktów" terenowych rozrzuconych równomiernie po całym rdzennie polskim obszarze językowym. Kwestionariusz opracowano bardzo starannie, tak że mimo małej ilości pytań Atlas pokaże zasięgi najważniejszych faktów fonetycznych i morfologicznych którymi się od siebie nawzajem różnią duże zespoły dialektalne. Starano się wprowadzić do kwestionariusza również wszelkie

takie pytania, na które odpowiedzi mogą rzucić światło na problem powstania polskiego języka literackiego. Pracownia prof. Nitscha będąca dziś również placówką PAN przygotowała już do druku pierwszy zeszyt Atlasu, który się zapewne ukaże w r. 1956.

Różne ośrodki podjęły już badania nad poszczególnymi regionami Polski. W Warszawie powstała obok pracowni prof. Doroszewskiego druga pracownia dialektologiczna PAN pod kierownictwem Z. Stiebera. Celem jej jest jak najdokładniejsze opracowanie gwar Pomorza na lewym brzegu Wisły dla ostatecznego rozwiązania problemu genetycznego stosunku kaszubszczyzny do dialektów Polski lądowej. Kwestionariusz z około 2000 pytań „odpyta się" w ponad 230 punktach terenowych na Pomorzu. Dotychczas zebrano materiał z połowy obszaru kaszubskiego. Materiał ten równocześnie się opracowuje segregując go i mapując.

Metodą atlasową opracowuje też prof. K. Dejna (Łódź) dialekty północnej Małopolski. Prof. H. Turska (Toruń) kieruje pracami nad dialektami po prawej stronie dolnej Wisły. Wreszcie ośrodek poznański kontynuuje przedwojenne prace A. Tomaszewskiego nad gwarami Wielkopolski. W Poznaniu też prowadzi się akcję nagrywania gwar na płyty gramofonowe. Akcja ta objęła dotychczas prawie wyłącznie zachodnią część przedwojennego polskiego obszaru językowego. Nagrywanie tekstów gwarowych przeprowadza też Zakład Fonetyki Uniwersytetu Warszawskiego.

Do ożywienia badań nad dialektami północnej Polski oraz do uzyskania tymczasowej przynajmniej syntezy przyczyniła się bardzo Sesja Pomorska Polskiej Akademii Nauk odbyta w Gdańsku w r. 1954, tj. w pięćsetną rocznicę powrotu Pomorza do Polski. Obraz prac związanych z Sesją da językoznawczy tom księgi zawierającej referaty wygłoszone na Sesji wraz z dyskusją. Zeszyt poświęcony Sesji wydało też czasopismo Język Polski. Z okazji Sesji ukaże się niedługo nowe fototypiczne wydanie Gramatyki pomorskiej Lorentza, której cały nakład zniszczyli hitlerowcy. Z tej samej okazji wydano tom prac pomorzoznawczych prof. K. Nitscha jako jeden z czterech tomów zawierających na nowo wydane dawne prace polonistyczne Profesora.

Obraz gwar Kujaw dał w niezbyt zresztą obszernej pracy Z. Sobierajski. Bardzo dokładny opis „gwary podegrodzkiej" w górach (koło Sącza) mamy w książce E. Pawłowskiego. Opis fonetyki gwary Kurpiów na Mazowszu daje praca H. Friedricha wydana w 11 lat po śmierci jej autora, który zginął w powstaniu warszawskim. W przygotowaniu są bardzo szczegółowe monografie gwar poszczególnych wsi z Łęczyckiego, pogranicza Wielkopolski i Kujaw etc.

Słownictwo gwarowe opracowuje się przede wszystkim w Pracowni Atlasu i Słownika gwar polskich PAN w Krakowie pod kierunkiem prof. Nitscha, który prace nad nowym słownikiem gwar polskich prowadził już na długo przed ostatnią wojną. Na razie trudno jeszcze podać termin ukazania się pierwszego tomu nowego słownika gwarowego, który zastąpi zupełnie już nie odpowiadający dzisiejszym potrzebom Słownik gwar polskich Karłowicza.

Opracowuje się oczywiście również poszczególne zagadnienia językowe odnoszące się do całości polskiego obszaru gwarowego. Przykładem takiej pracy jest książka A. Zaręby „Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego".

Prace z zakresu dialektologii słowiańskiej pozapolskiej dotyczą dziś — poza wydawaniem lub opracowywaniem materiałów zebranych dawniej — przede wszystkim obszaru Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. Granicę językową polsko-czeską w powiatach raciborskim i głubczyckim omawia bardzo gruntownie dwu-

tomowa praca K. Dejny „Polsko-laskie pogranicze językowe" oraz inne prace tego autora. Niedługo ukaże się duża praca Dejny o gwarach ukraińskich nad Zbruczem oraz inne prace z dialektologii ukraińskiej i białoruskiej. Badania nad enklawą gwar białoruskich koło Białegostoku prowadzi sekcja językowa Instytutu Polsko-Radzieckiego pod kierunkiem prof. A. Jabłońskiej. Rozpoczęto też badania nad dawnymi osadami ewangelików czeskich w Polsce i nad gwarami czeskimi okolicy Kudowy na Dolnym Śląsku (aspirant Siatkowski). W planie jest zbadanie gwar starowierców rosyjskich na Mazurach.

Gdy chodzi o metody pracy dialektologa, nie są one jednakie we wszystkich ośrodkach. Pracownia prof. Doroszewskiego stosuje metody wypracowane jeszcze przed wojną przez niego i jego uczniów. Nieco inaczej pracują placówki kierowane przez prof. Nitscha lub jego uczniów, bezpośrednich czy pośrednich. Na temat metod dialektologii toczy się dyskusja na łamach pism językoznawczych jak też i na zebraniach organizowanych przez Komitet Językoznawczy Polskiej Akademii Nauk. Dyskusje te przyczyniają się niewątpliwie bardzo do podniesienia poziomu pracy naszych dialektologów, zwłaszcza młodej kadry.

Dialektologię historyczną uprawia się dziś również w Polsce intensywnie. Trzeba tu wspomnieć przede wszystkim liczne prace W. Taszyckiego i W. Kuraszkiewicza. Prace te sprawiły, że dziś mamy już wcale dokładny obraz rozczłonkowania gwar polskich w średniowieczu i w. XVI. Łączą się one bardzo wyraźnie z problemem powstania polskiego języka literackiego.

Wiele dają też dialektologowi prace onomastyczne i toponomastyczne, przede wszystkim Słownik imion staropolskich opracowywany pod kierunkiem W. Taszyckiego.

Warunki pracy dialektologa są w Polsce Ludowej zupełnie inne niż w Polsce przedwojennej. Przed wojną nie było u nas ani jednego pracownika, któryby się mógł w całości poświęcić dialektologii, dziś mamy takich stałych pracowników naukowych (w Zakładzie Językoznawstwa PAN) ok. 25 nie licząc osób wykonujących prace zlecone, lub asystentów katedr uniwersyteckich, którzy część swojego czasu mogą oddać na prace gwaroznawcze. W tych warunkach nawet wielkie przedsięwzięcia zbiorowe mają szanse rychłej i pełnej realizacji.

JERZY ZIOMEK

BADANIA NAD LITERATURĄ STAROPOLSKĄ W OKRESIE DZIESIĘCIOLECIA POLSKI LUDOWEJ

Nauka polska wkroczyła w nową ludową niepodległość w warunkach nieznanych historii i historycznie niepowtarzalnych. Hitlerowska okupacja zabrała nauce wielu uczonych, ogień zniszczył księgozbiory, a ci, którzy przetrwali wracali do zrujnowanych warsztatów. Po przedwojennej Polsce pozostał trudny spadek tak w zakresie metodologicznego eklektyzmu, jak w zakresie organizacji badań. Jeśli mimo to polska polonistyka ma prawo spoglądać na minione dziesięciolecie z dumą, to zawdzięcza to niespożytej energii polskich uczonych, którzy w niezwykle krótkim czasie odbudowali, rozbudowali i oddali na użytek narodu swoje warsztaty. Zawdzięcza to zarówno nieznanej dotychczas opiece organizacyjnej ludowego państwa.

Dziesięciolecie przyniosło tak wielki przełom w dziedzinie nauki o literaturze, że stanowi wprost epokę. I jak każdy okres historyczny wymaga zabiegów periodyzacji. „Ostra walka tendencji materialistycznych z idealistycznymi cechuje rozwój nauki o literaturze w Polsce Ludowej od pierwszych miesięcy powojennych"[1] pisał ostatnio Stefan Żółkiewski, zasłużony inicjator i organizator badań planowych i współzałożyciel Instytutu Badań Literackich. Ale walka o nowe literaturoznawstwo początkowo prowadzona była przez redakcję lewicowych czasopism literackich. Momentem zwrotnym było założenie w 1948 roku Instytutu Badań Literackich. Instytut, pierwsza tego rodzaju w dziejach filologii polskiej instytucja, objął jednolitym planem badań rozproszone dotychczas wysiłki wszystkich ośrodków polonistycznych w Polsce. Zorganizowany przez IBL w maju 1950 roku Zjazd Polonistów[2] dokonał podsumowania stanu badań we wszystkich epokach literatury polskiej, a więc i zakresie staropolszczyzny, oraz przedyskutował potrzeby rozwoju dalszych badań. Potrzebom tym w znacznej mierze sprostała wielka Sesja Odrodzenia Polskiego, o której bardziej szczegółowo za chwilę. Tak wyglądał ogólny rytm przemian polonistyki: od indywidualnych nieskoordynowanych warsztatów do prac zespołowych i kompleksowych, od idealizmu i eklektyzmu metodologicznego do marksistowskiej metodologii.

[1] S. Żółkiewski, Rozwój badań literatury polskiej w latach 1944—1954. Pamiętnik Literacki XLV, z. 4, s. 383.

[2] Materiały Zjazdu ukazały się w tomie: O sytuacji w historii literatury polskiej, Warszawa 1951.

Ważną i istotną pomocą w dokonaniu przełomu metodologicznego był przykład literaturoznawstwa radzieckiego. Badania nad literaturą staropolską nie mogły korzystać z bezpośrednich wzorów (złożyła się na to odmienność procesów rozwojowych literatury staropolskiej i literatury starorosyjskiej), lecz korzystały także z przykładów ogólnometodologicznych rozwiązań i interpretacji związanych z innymi epokami, czy innymi literaturami. Tak więc (by wymienić tu tylko parę nazwisk dla przykładu) szukaliśmy pomocy w pracach Gudziego, Błagoja, Jewniny, Iwaszczenki i wielu innych.

Jednakże obok impulsów, jakie nauce polskiej dała rewolucja, filologia staropolska rozwijała się w okresie dziesięciolecia w kręgu dobrych, rzetelnych tradycji starej filologii, tej filologii, która ratowała szacunek dla faktu, szacunek dla tekstu przed zniekształceniami i dowolnościami idealistycznej interpretacji. Nie zapomnieliśmy też o przedwojennych, postępowych, nowatorskich w swoim czasie badaniach Stanisława Kota czy Marka Wajsbluma.

Zniszczone biblioteki były zapewne powodem szybkich postępów edytorstwa staropolskiego. Ale po pierwszym okresie, który przyniósł szereg wznowień i stosunkowo łatwych wydań popularnych, nastąpiły prace, których rezultaty pozostawiły daleko w tyle dorobek przedwojennej tekstologii. Można by się tu posłużyć parafrazą: „Od tekstu poczynajmy, tekst początkiem wszemu."

Prace edytorskie szły w trzech kierunkach: 1. odkrycia i przypomnienia, 2. nowe, krytyczne, poprawniejsze wydania, 3. fotograficzne utrwalanie unikatów. W grupie pierwszej zasłużony edytor Karol Badecki do wydanego przed wojną korpusu komedii rybałtowskiej i liryki mieszczańskiej dorzucił tomy fraszki i satyry mieszczańskiej I poł. XVII w.[3]. Stanisław Pigoń wydał Tragedię o polskim Scylurusie Jurkowskiego[4], Roman Pollak Fraszki Korczyńskiego z końca XVII w.[5], Dürr-Durski udostępnił nieznane utwory Andrzeja Morsztyna[6], przygotował dwa tomy utworów Zbigniewa Morsztyna[7], dwa tomy Wacława Potockiego[8], obejmujące częściowo także inedita. Były to swego rodzaju historyczno-literackie „rewindykacje", zmieniające oschły fakt bibliograficzny na żywą, dostępną pozycję książkową.

Niemniej ważne są tu wydania autorów znanych co prawda, ale udostępnionych teraz nowo w poprawniejszej, bardziej krytycznej postaci. Mam na myśli pozycje takie, jak trzytomowe wydania Dzieł polskich Kochanowskiego[9], w którym wytrawny filolog Julian Krzyżanowski dorzucił sporą wiązkę ciekawych i

[3] Polska fraszka mieszczańska. Minucje sowiźrzalskie. Opr. K. Badecki. Kraków 1948. Biblioteka Pisarzów Polskich PAU 88. Polska satyra mieszczańska. Nowiny sowiźrzalskie. Opr. K. Badecki. Kraków 1950. Biblioteka Pisarzów Polskich PAU 91.

[4] Jan Jurkowski, Tragedia o polskim Scylurusie i trzech synach koronnych ojczyzny polskiej. Opr. S. Pigoń. Kraków 1949. Biblioteka Pisarzów Polskich PAU 90.

[5] Adam Korczyński, Fraszki. Z rękopisu po raz pierwszy wydał i opr. R. Pollak. Wrocław 1950. Biblioteka Narodowa I 134. Adam Korczyński, Złocista przyjaźnią zdrada. Z rękopisu Biblioteki Narodowej wydał R. Pollak przy współudziale S. Saskiego. Kraków 1949. Biblioteka Pisarzów Polskich PAU 89.

[6] Jan Andrzej Morsztyn, Wybór poezji. Opr. i wstępem zaopatrzył Jan Dürr-Durski. Warszawa 1949.

[7] Zbigniew Morsztyn, Muza domowa. Wydanie krytyczne spuścizny poetyckiej opr. J. Dürr-Durski. Warszawa 1954, t. 1—2.

[8] Wacław Potocki, Pisma wybrane. Opr. J. Dürr-Durski. Warszawa 1953, t. 1—2.

[9] Jan Kochanowski, Dzieła polskie. Wstępem i przypisami opatrzył J. Krzyżanowski. Warszawa 1953, t. 1—3.

niespodziewanych emendacji. To samo dałoby się powiedzieć o wydaniu Pism wierszem Mikołaja Reja[10] w opracowaniu Krzyżanowskiego w Bibliotece Narodowej i o przygotowanym do druku wydaniu Rejowej prozy.

Znana i zasłużona przed wojną seria Biblioteki Narodowej kontynuuje tę dobrą tradycję i rozszerza zakres swej działalności.

Ale najwybitniejszym i najciekawszym, bo oryginalnym osiągnięciem Instytutu Badań Literackich jest redagowana przez Marię Renatę Mayenową Biblioteka Pisarzów Polskich. Tylko nazwą nawiązuje ona do dawnej Akademickiej B. P. P. Tamta dawała mniej lub więcej poprawny tekst i słowniczek trudniejszych wyrazów — ta stanowi monumentalne przedsięwzięcie, owoc zespołowej współpracy historyków literatury i językoznawców. Seria ta przynosi teksty w ich możliwie najbardziej autentycznej postaci: albo w odbitce fotograficznej, albo w transkrypcji, albo też (jak w wypadku Krótkiej rozprawy Mikołaja Reja) łączy obie wersje — fotografię i transkrypcję. Każdy tom zawiera kompletny indeks wyrazów opracowany zespołowo przez jedną z pracowni leksykograficznych, oraz niezależnie od indeksu, objaśnienie wyrazów trudniejszych, zwrotów przysłowiowych, realiów itp. To wielkie przedsięwzięcie, w szczegółach ciągle jeszcze dyskutowane, po wydaniu dotychczasowych pięciu tomów[11], szuka dalej nowych doskonalszych metod.

Pietyzm dla tekstu, aczkolwiek zrozumiały dla każdego filologa nie jest tu jedynym celem. Sprawą najważniejszą nowego edytorstwa jest perspektywa rozwoju nauki o stylu, która zaczyna w ten sposób wkraczać na nowe tory, które prowadzą od impresji do sądów opartych o ścisłą, naukową dokumentację.

I wreszcie trzecia grupa poczynań edytorskich, to nieobjęte powyższą serią wydania fototypiczne, których celem zabezpieczenie przed zniszczeniem cennego unikatu. Utrwalono w ten sposób zamojski rękopis Kroniki Galla[12] (Julian Krzyżanowski), Kazania gnieźnieńskie[13] oraz Rozmyślanie przemyskie[14] (Vrtel-Wierczyński).

Ale teksty to tylko początek i punkt wyjścia. Nowa koncepcja literatury staropolskiej kształtowała się ze zrozumiałych powodów w toku prac interpretacyjnych. Zanim w przededniu przygotowań do Sesji Odrodzenia Kazimierz Budzyk dał próbę syntezy literatury renesansu[15], a przy okazji także średniowiecza i wieku

[10] Mikołaj Rej, Pisma wierszem (wybór). Opr. J. Krzyżanowski. Wrocław 1954. Biblioteka Narodowa I 151.

[11] Biblioteka Pisarzów Polskich. Polska Akademia Nauk, Instytut Badań Literackich. Seria B. T. 1: Mikołaj Rej, Krótka rozprawa między trzemi osobami, Panem, Wójtem a Plebanem. Opr. K. Górski i W. Taszycki. Wrocław 1953. T. 2: Grzegorz Paweł z Brzezin, O różnicach teraźniejszych. Opr. K. Górski i W. Kuraszkiewicz. Wrocław 1954. T. 3: Grzegorz Paweł z Brzezin, O prawdziwej śmierci, zmartwychwstaniu i żywocie wiecznym. Opr. K. Górski i W. Kuraszkiewicz. Wrocław 1954. T. 4: Maciej Kazimierz Sarbiewski, O poezji doskonałej czyli Wergiliusz i Homer. Tłum. M. Plezia, opr. S. Skimina. Wrocław 1954. T. 5: Samuel Twardowski, Dafnis w drzewo bobkowe przemieniona się. Opr. R. Pollak i S. Saski. Wrocław 1955.

[12] Galla Anonima Kronika. Podobizna fotograficzna rękopisu Zamoyskich z w. XIV. Wydał i wstępem opatrzył J. Krzyżanowski. Warszawa 1948.

[13] Kazania Gnieźnieńskie. Podobizna, transliteracja, transkrycja. Wyd. S. Vrtel-Wierczyński. Poznań 1953.

[14] Rozmyślanie o żywocie Pana Jezusa t. zw. przemyskie. Podobizna rękopisu. Wyd. i wstępem poprzedził S. Vrtel-Wierczyński. Warszawa 1952.

[15] K. Budzyk, O syntezę polskiego renesansu. Artykuł dyskusyjny. Pamiętnik Literacki XLIII z. 1/2.

XVII, szczegółowe prace budowały zręby nowego poglądu na literaturę staropolską. Trzeba przyznać, że rzadkością były prace o reakcyjnych tezach apoteozujących jezuityzm i zaborczą ekspansję na wschód. W zasadzie koncepcja literatury staropolskiej kształtowała się poprzez nowatorskie, rewizjonistyczne prace. Sprawozdawca nie jest w stanie zreferować wszystkich prac, które by na uwagę zasługiwały. Wypadnie więc zatrzymać się chwilę przy węzłowych punktach badań.

Uwagę mediewistyki literackiej przyciągnęła osoba pierwszego polskiego kronikarza Galla-Anonima. Julian Krzyżanowski wydanie Kroniki zaopatrzył w rozważania nad literackim charakterem dzieła Anonimowego, dostrzegł w nim swego rodzaju „chanson de geste", „carmen de rebus gestis tres Boleslaorum". Zagadnienie pochodzenia Galla nie przestało w dalszym ciągu intrygować historyków epoki. Do hipotezy Zatheya[16] łączącej Galla z iroszkockim klasztorem St. Hubert, nasz czeski sąsiad Bartoš dorzucił ponętną, mniejsza w tej chwili czy słuszną, hipotezę o czeskim pochodzeniu kronikarza.

Nowe światło na kulturę polską wieków średnich i początków renesansu rzucają prace filologów klasycznych: Gansińca o Tragedii Petri Comitis[17], Sinki o Długoszu[18], Skiminy[19] o Dantyszku.

Szczególne zainteresowanie budziła i budzi sprawa Arian. Sprawa ta miała dobre tradycje naukowe w postaci przedwojennych studiów Stanisława Kota, które traktowały o społecznym obliczu Braci Polskich. Wydana w pierwszych latach po wojnie antologia poezji ariańskiej Dürra-Durskiego[20], mimo swych błędów, miała zasługę zainicjowania dyskusji wokół tego interesującego problemu. Arianie, zjawisko w dawnych podręcznikach z zasady drugorzędne, stanęło w centrum sporów naukowych, jako problem radykalnego, lewicowego nurtu polskiego renesansu, a nie wąskie zagadnienie dogmatycznych utarczek.

W roku 1952 ukazał się pokaźnej objętości zeszyt Pamiętnika Literackiego[21], organu naukowego Instytutu Badań Literackich, poświęcony problematyce staropolskiej. Był to pierwszy snop nowego siewu. Numer otwierał artykuł Kazimierza Budzyka rozpoczynający dyskusję nad syntetycznym ujęciem problematyki polskiego renesansu[22].

Budzyk wychodząc z ogólnometodologicznych założeń materializmu historycznego i szczegółowej formuły Engelsa przeprowadza przede wszystkim nową periodyzację epoki. Według dziś już przyjętego poglądu początków renesansu w Polsce szukać należy w poł. XV w. Podstawą takiego przesunięcia jest twórczość Ostroroga, są nowe, nieśredniowieczne elementy w historiografii Długosza oraz odgłosy husytyzmu w literaturze. Ponadto uzasadnienie nowej cezury wyjściowej stanowi infiltracja laickich wyobrażeń i poglądów do literatury religijnej II. poł. XV w. To ostatnie sformułowanie jest w dalszym ciągu przedmiotem sporu.

[16] J. Zathey, Kim był Anonim Gall? Sprawozd. z czynności i posiedzeń PAU 1948 nr 2.

[17] R. Gansiniec, „Tragedia Petri Comitis". Pamiętnik Literacki XLIII z. 1/2.

[18] T. Sinko, De Dlugossii praefatione Historiae Polonorum. Studia z dziejów kultury polskiej. Warszawa 1949.

[19] S. Skimina, Twórczość poetycka J. Dantyszka. Rozpr. PAU Wydz. Filol., t. 68 (1948) nr 1. Joannis Dantisci Poetae laureati Carmina. Eddidit, praefatione instruxit, annotationibus illustravit S. Skimina. Kraków 1950.

[20] J. Dürr-Durski, Arianie polscy w świetle własnej poezji. Zarys ideologii i wybór wierszy. Warszawa 1948.

[21] Pamiętnik Literacki XLIII z. 1/2. Warszawa-Wrocław 1952.

[22] Por. przypis 15.

Przeciwnicy tezy Budzyka, dokumentowanej takimi utworami jak Żale Matki Boskiej pod krzyżem i Rozmyślanie przemyskie, dowodzą, że utwory te można zaliczyć co najwyżej do postępowego nurtu kultury średniowiecznej, podobnie jak to czynimy z ich wzorami, z zachodnioeuropejskimi planktami, „Historia scholastica" Comestora, licznymi apokryfami czy wreszcie z poważną częścią późnogotyckiego malarstwa. Autor niniejszego sprawozdania podziela w dużym stopniu poglądy Budzyka i uważa, że o zakwalifikowaniu świeckich elementów aprokryfów czy literatury pokrewnej nie mogą decydować wyłącznie kryteria genetyczne. Znaczenie roztrzygające mieć tu tylko może funkcja literatury apokryficznej w II. poł. XV w. W tym sensie polski planctus piętnastowieczny czy Rozmyślanie przemyskie, traktujące tematykę religiiną zgodnie z laickim, często nawet ludowym, doświadczeniem życiowym, nie są w Polsce zjawiskiem schyłkowym, lecz inicjującym długotrwały, bo wiekowy, proces laicyzacji literatury.

Drugą ważną tezą nowej syntezy było przesunięcie dolnej granicy renesansu na wiek XVII. Motywacją tego przesunięcia jest twórczość poetów i dramatopisarzy tak zwanych sowizdrzalskich, zjawisko ideowo i artystycznie niejednolite, lecz stanowiące w dobie jezuickiej kontrreformacji i reakcji najsilniejsze ogniwo renesansowej tradycji w pierwszej poł. XVII w.

Ale najistotniejszą sprawą nowej koncepcji było odnalezienie właściwych związków między literaturą renesansową a podłożem historycznym, ustalenie miejsca literatury wśród innych dziedzin nadbudowy. Tu musiało dojść do przezwyciężenia i odrzucenia Diltheyowskiej koncepcji renesansu jako określonej struktury duchowej, oraz nawyków kosmopolityzmu traktującego polskie Odrodzenie jako bardziej lub mniej spóźniony refleks renesansu zachodnioeuropejskiego, jako więcej lub mniej niewolnicze naśladownictwo wzorów obcych.

Walka o nową koncepcję Odrodzenia była wszakże walką na dwa fronty. Trzeba było bowiem wyjść z błędów wulgarnego socjologizmu traktującego poszczególnych pisarzy jako ciasnych ideologów i wyrazicieli egoistycznych interesów szlachty. Roli literatury odrodzeniowej nie wolno sprowadzać do roli narzędzia walki z dziesięcinami; literatura ta bowiem stawiała sobie cele szersze, była współtwórcą narodowej świadomości Polaków, a ściślej mówiąc, pomogła budować elementy nowoczesnego narodu w łonie dawnej narodowości. Takie postawienie problemu pozwala uniknąć błędów socjologizmu oceniającego dzieło literackie zależnie od stopnia bezpośredniego zaangażowania pisarza w tematykę społeczną. Inaczej mówiąc, Kochanowski jest wielkim poetą nie dzięki Przymówce chłopskiej, lecz dzięki swym lirykom, w których ukazał niespodziewanie szeroką, nieznaną jego poprzednikom skalę przeżyć i doznań świeckiego, zwykłego człowieka.

Powodzenie planowych prac badawczych zależy w dużej mierze od właściwego ustawienia hierarchii ważności problemów. Jak dotychczas uwaga Działu literatury staropolskiej Instytutu Badań Literackich skupiała się (poza zagadnieniami teoretycznymi) na osobach Biernata z Lublina, Mikołaja Reja, Jana Kochanowskiego oraz na literaturze sowizdrzalskiej XVII wieku. Uzasadnienie tego faktu jest proste: są to węzłowe punkty literatury polskiego renesansu.

Dotychczasowe prace nad Biernatem[23] (na dobrą sprawę dopiero zaczęte) bezspornie przyznały tego pisarza renesansowi. Co więcej, mówiąc o Biernacie

[23] J. Ziomek, Plebejskie początki renesansu polskiego czyli o Biernacie z Lublina. Zeszyty Wrocławskie 1951 nr 2. K. Budzyk, Ośmiozgłoskowiec stroficzny w twórczości Biernata z Lublina. Pamiętnik Literacki XLIV z. 4. J. Ziomek, Wstęp do wyd. Wyboru pism Biernata z Lublina. Wrocław 1954. Biblioteka Narodowa I 149. K. Budzyk, Poglądy społeczne Biernata z Lublina (w książce: Szkice i materiały do dziejów literatury staropolskiej, Warszawa 1955).

mówimy o plebejskich początkach polskiego renesansu. Biernat jest pisarzem, który wprowadził do literatury polskiej ludową tradycję antycznej i średniowiecznej literatury światowej.

Wspomnieliśmy przed chwilą o przezwyciężeniu kosmopolityzmu w literaturoznawstwie Polski Ludowej. I właśnie twórczość Biernata jest dobrym przykładem, że walka z kosmopolityzmem nie oznacza bynajmniej lekceważenia roli, jaką literatury obce odegrały w procesie narodzin polskiej literatury narodowej. Biernat bowiem nie dał ani jednego całkowicie oryginalnego dzieła, tak że badacz jego twórczości nie może pominąć zagadnienia tzw. wpływów i zależności. Nie może i nie ma zamiaru. Tym jednak różni się badacz dzisiejszy od dawnego „uczonego wpływologa", że dzieło pisarza polskiego traktuje nie jako bierny rezultat wpływu, lecz jako mniej lub więcej świadomie dokonany wybór określonej tradycji. Inaczej: przyswojenie dziejów Ezopa — mądrego niewolnika nie było skutkiem przypadkowego zetknięcia się z compendium Rimicjusza czy Steinhoevela, lecz było uwarunkowane dążeniami epoki i ludzi, którzy uczyli się wątpić o autorytecie i niezmienności porządku feudalnego.

* * *

W roku 1952 zaczęły się przygotowania do Zjazdu Naukowego im. Frycza Modrzewskiego. Przygotowania do Zjazdu połączone były z monumentalnym przedsięwzięciem wydania Dzieł Modrzewskiego w oryginalnej wersji łacińskiej i przekładzie polskim. Praca ta obliczona na wiele lat trwa jeszcze dzisiaj. Ale najwybitniejsze dzieło tego wielkiego myśliciela De republica emendanda ukazało się już w krytycznym opracowaniu po łacinie, jak i po polsku w przekładzie Edwina Jędrkiewicza[24] oraz jako fototypia wydania i przekładu Bazylikowego[25]. Trudno tu doprawdy powstrzymać się od patetycznej nieco konstatacji. Wielka „Emendanda" po raz pierwszy po polsku w całości wraz z księgą O kościele! Trzeba było doprawdy rewolucji socjalistycznej w Polsce, by zakaz szesnastowiecznej cenzury kościelnej przestał w praktyce działać. Cóż z tego, że do czasów wojny działał nie formalnie, lecz prawem inercji, skoro naród nie znał jednego z wybitniejszych swych myślicieli takim, jakim był naprawdę?

Przygotowania do Zjazdu Modrzewskiego przekształciły się rychło w przygotowania do inaczej pojętej Sesji Odrodzenia. Sesja Odrodzenia (25.—30. X. 1953) stała się pierwszym wielkim wydarzeniem w humanistyce polskiej, po raz pierwszy na wielką skalę zrealizowana została zasada zespołowości i kompleksowości nauki. Nad wspólnym problemem obradowali przedstawiciele wszystkich pokrewnych dyscyplin: historycy bazy gospodarczej, historycy sztuki, nauki, języka i literatury w zespole liczącym ponad 100 współpracowników przygotowali 46 referatów wygłoszonych w ciągu 6 dni na posiedzeniach plenarnych lub sekcyjnych.

Pierwszym widomym rezultatem zasady kompleksowości badań było ukazanie znaczenia renesansu jako przełomu i skoku jakościowego u progu czasów

[24] Andreae Fricii Modrevii Opera omnia. Vol. I: Commentatorium de republica emendanda libri quinque. Ed. Casimirus Kumaniecki. Warszawa 1953. Vol. II: Orationes. Ed. Casimirus Kumaniecki. Warszawa 1954. Andrzej Frycz Modrzewski, Dzieła wszystkie. Tom I: O poprawie rzeczypospolitej. Tłum. E. Jędrkiewicz. Wstęp: Ł. Kurdybacha. Red. naukowa i komentarze S. Bodniak. Warszawa 1953. Tom II: Mowy. Tłum. E. Jędrkiewicz. Wstęp: Ł. Kurdybacha. Red. naukowa i komentarze: K. Koranyi. Warszawa 1954.

[25] Andrzej Frycz Modrzewski: O poprawie rzeczypospolitej. Przekład Cypriana Bazylika z r. 1577. Wydanie drugie fotooffsetowe. Warszawa 1953.

nowożytnych[26]. Znane reakcyjne próby likwidowania pojęcia i roli renesansu na rzecz przedłużanego niepomiernie średniowiecza nie mogły się ostać w obliczu skoordynowanych wysiłków kilku dyscyplin humanistycznych. Zacieranie przełomu renesansowego zdarzało się, gdy poszczególne dziedziny życia społecznego rozpatrywane były osobno — jest niemożliwe, gdy wyniki badań historyków potwierdzają wyniki literaturoznawców, gdy te z kolei korespondują z rezultatami poszukiwań historyków sztuki i odwrotnie. Ponadto zespołowe wysiłki uczonych różnych dziedzin stwierdzały ponad wszelką wątpliwość prawidłowość procesu historycznego.

Obrady sesji literatury objęły kolejno 8 następujących referatów: J. Krzyżanowskiego o Kochanowskim[27], K. Budzyka o przełomie renesansowym w literaturze polskiej[28], M. R. Mayenowej o problematyce stylistycznej staropolszczyzny[29], J. Ziomka o poezji renesansu[30], B. Nadolskiego o poezji polsko-łacińskiej[31], J. Krzyżanowskiego o prozie XVI w.[32], J. Lewańskiego o popularnym dramacie i teatrze polskiego Odrodzenia[33] i A. Gryczowej o drukarstwie polskim w dobie Odrodzenia[34].

Referaty podjęły próbę rewizji tradycyjnych sądów o pisarzach polskiego renesansu i próbę nowej interpretacji ich twórczości. Dzieje literatury polskiego renesansu zostały ujęte jako dzieje walki dwu nurtów: nurtu literatury postępowej, narodowej, realistycznej i świeckiej z antyrealistycznymi tendencjami nurtu kosmopolitycznej literatury kościelnej. To ujęcie nie oznacza bynajmniej mechanicznego przeciwstawiania pisarzy jako skończonych monolitów, lecz raczej wyśledzenie w twórczości każdego pisarza charakterystycznych dla epoki sprzeczności.

Szczegółowe analizy poszczególnych referatów złożyły się na propozycję periodyzacji literatury polskiego Odrodzenia. Wyodrębniono następujące okresy: 1. okres schyłku średniowiecza i zapowiedzi przełomu renesansowego (druga połowa XV w. i początek XVI do r. 1513); 2. okres początków renesansu (1513—1543), którego cechą znamienną jest rozwój równoczesny poezji polsko-łacińskiej i przodującej literatury plebejskiej w języku polskim (Biernat, Jan z Koszyczek, anonimowy tłumacz Sowizdrzała); 3. okres pełni renesansu (1543—ok. 1580); okres schyłku renesansu (1580—do lat dwudziestych XVII w.?)[35]. Końcową

---

[26] Z. Modzelewski, Tło społeczne nauki polskiej w dobie Odrodzenia. Warszawa 1953.

[27] J. Krzyżanowski, Poeta żywy, Warszawa 1953.

[28] K. Budzyk, Przełom renesansowy w literaturze polskiej drugiej połowy XV i pierwszej połowy XVI wieku. Warszawa 1953.

[29] M. R. Mayenowa, Problematyka stylistyczna staropolszczyzny. Warszawa 1953 (Maszynopis powielany).

[30] J. Ziomek (przy współpracy J. Pietrusiewiczowej i A. Sajkowskiego), Poezja polska w okresie renesansu. Warszawa 1953 (Maszynopis powielany).

[31] B. Nadolski (przy współpracy zespołu), Poezja polsko-łacińska w okresie renesansu. Warszawa 1953 (Maszynopis powielany).

[32] J. Krzyżanowski, Proza polska XVI wieku. Warszawa 1953 (Maszynopis powielany).

[33] J. Lewański (przy współudziale pracowników PIS), Popularny dramat i teatr polskiego Odrodzenia. Warszawa 1953 (Maszynopis powielany).

[34] A. Gryczowa, Drukarstwo polskie w dobie Odrodzenia. Warszawa 1953.

Wszystkie referaty sekcji literatury wraz ze stenogramami dyskusji ukażą się w znajdującym się w druku IV t. księgi pt. Odrodzenie w Polsce.

[35] cf. J. Ziomek, Poezja polska w okresie renesansu. Warszawa 1953 (Maszynopis powielany).

cezurę musimy zaopatrzyć znakiem zapytania. Była ona często kwestionowana w trakcie dyskusji. Istotnie sprawa nie jest łatwa. Trudności w określeniu daty zamykającej renesans wynikają ze specyfiki tej epoki, która nie kończy się w Polsce żadnym wyraźnym przełomem, lecz wygasa powoli pod naporem reakcyjnych sił kontrreformacji. Ponadto zdobycze literatury renesansu stają się bardzo szybko wspólnym dobrem kultury narodowej i siła ich tradycji nie przestaje oddziaływać przez całe stulecie siedemnaste. Tak więc datę 1620 należałoby raczej traktować jako sygnał orientacyjny (indeksy biskupie tępiące radykalną twórczość sowizdrzalską), natomiast wiek siedemnasty badać pod kątem trwania lub zanikania ducha literatury renesansowej, której ostatnim wielkim przedstawicielem byłby Wacław Potocki.

Oczywiście nasuwa się tu pytanie: a co z barokiem? Otóż Sesja potwierdziła częste i przedtem przekonanie, że należy przestać mówić o baroku jako o e p o c e, a jedynie rozpatrywać barok jako s t y l, styl złożony i niejednolity, stojący raz na usługach jezuityzmu, innym razem na usługach dworu. W tym sensie wybitny poeta polsko-łaciński, Maciej Sarbiewski (którego De perfecta poesi ukazała się ostatnio w dwujęzycznej wersji Biblioteki Pisarzów Polskich[36]) jest po części tylko prawodawcą stylu barokowego, po części zaś kontynuatorem poglądów renesansowych na poezję, przeciwstawiających się w tym punkcie poetyce J. Pontana Societatis Jesu.

Sesyjny referat K. Budzyka był w stosunku do artykułu opublikowanego w Pamiętniku Literackim dalszym krokiem naprzód w kierunku pogłębienia i udoskonalenia badań nad problematyką artystyczną epoki. Najbardziej niebezpieczną stroną praktyki badawczej formalistów była dezintegracja poszczególnych elementów dzieła literackiego — Budzyk dał wzór marksistowskiej analizy wiersza, jako elementu formy związanej zasadą jedności z treścią dzieła i będącej wobec treści zjawiskiem wtórnym. Nowatorstwo wersyfikacyjne Biernata i Reja — oto co głównie zainteresowało Budzyka. Budzyk pokazał, jak pod wpływem czynników treści (zainteresowanie otaczającym światem) następuje przełamanie średniowiecznego schematycznego wiersza zdaniowo-rymowego. Procesowi temu towarzyszył proces narodzin wiersza sylabicznego, z tym, że wiersz stroficzny ewoluował od sylabizmu ścisłego do sylabizmu względnego, gdy wiersz stychiczny od asylabizmu poezji średniowiecznej poprzez sylabizm względny Biernata i częściowo jeszcze Reja do doskonałości sylabizmu ścisłego u Kochanowskiego. Oba zjawiska mają swe źródła nie w immanentnych prawach rozwoju wiersza, lecz w czynnikach treściowych.

Centralnym punktem rozważań referatu J. Ziomka o poezji była twórczość Kochanowskiego jako liryczny dokument przemian w psychice narodowości polskiej: Kochanowski jest wielki nie jako autor Satyra, Zgody czy Wróżek, które stanowią wyraz dezorientacji politycznej humanisty (zjawisko częste, niemal typowe w każdym kraju), lecz jako autor Fraszek i Pieśni, jako gloryfikator świeckiej, twórczej myśli, jako kodyfikator laickiej moralności, jako autor Psałterza — parafrazy humanistycznej, odnajdującej w przeżyciach psalmisty bogactwo ludzkich namiętności. Jest wielki jako autor Trenów, utworu zrodzonego zarówno z humanistycznej pasji nobilitowania przeżyć zwykłego człowieka, który „non est persona gravis", jak i z filozoficznych wątpliwości zmierzchającego renesansu.

[36] Maciej Sarbiewski, O poezji doskonałej czyli Wergiliusz i Homer. (De perfecta poesi sive Vergilius et Homerus). Przełożył M. Plezia. Opr. S. Skimina. Wrocław 1954. Biblioteka Pisarzów Polskich Seria B Nr 4.

Ujęcie następców Kochanowskiego w referacie o poezji było poszukiwaniem kontynuatorów tradycji Kochanowskiego. Już bowiem za życia poety zostały określone dwa sposoby recepcji Kochanowskiego: jeden sposób to nawiązanie do tradycji Jana z Czarnolasu we wczesnych utworach Erazma Otwinowskiego (przedariański okres tego poety), drugi, to wykorzystanie izolowanych osiągnięć tropiki i wersyfikacji Kochanowskiego w znacznej części dewocyjnej twórczości Szarzyńskiego.

Referat J. Krzyżanowskiego nie tylko dał skrupulatny przegląd zabytków prozy, ale podjął m. in. interesujący problem walki o język narodowy w literaturze Odrodzenia. W miejsce tradycyjnego, schematycznego ujęcia kwestii, polegającego na uproszczonym przeciwstawieniu łacinie polszczyzny, Krzyżanowski pokazał dialektyczny proces walki łaciny humanistycznej ze średniowieczną i z kolei języka narodowego z łaciną w ogóle. Przy tym jednak referent ostrzegał przed traktowaniem łaciny jako legitymacji wstecznictwa. Łacina pozostała bowiem międzynarodowym językiem nauki i w tej roli była w dalszym ciągu sprzymierzeńcem postępowej myśli europejskiej.

Zresztą zagadnienie walki o język, występujące przygodnie w referacie Krzyżanowskiego, doczekało się z okazji prac przygotowawczych do Sesji opracowania monograficzno-bibliograficznego. Pod redakcją i z analitycznym wstępem M. R. Mayenowej[37] ukazała się bibliografia rejestrująca wszystkie wypowiedzi obrońców i przeciwników języka narodowego, gramatyki, podręczniki i traktaty o języku polskim, słowniki itp. Niezależnie od tej publikacji został wydany w serii Biblioteki Narodowej w opracowaniu Taszyckiego tom wyboru źródeł i tekstów ilustrujących zagadnienie sporu o język[38].

Swego rodzaju rewelacją były wyniki referatu Alodii Gryczowej o drukarstwie. Referentka dysponowała ogromnym materiałem niejednokrotnie nieznanym lub prawie nieznanym, w każdym razie po raz pierwszy będącym przedmiotem tak gruntownej systematyki. Wnioski wypływające z rozważań Gryczowej w bardzo istotnym stopniu oddziałają na przyszłą syntezę polskiego renesansu. Świadczą one bowiem o aktywności oficyn drukarskich. Dzięki suchym na pozór cyfrom otrzymaliśmy możność spojrzenia na przełom renesansowy nie tylko od strony luminarzy epoki, lecz także od strony odbiorców, czytelników. Fakt, że w szesnastowiecznej Polsce książki ukazywały się w przeciętnym nakładzie 500 egzemplarzy, że łączną produkcję drukarń polskich w. XVI można obliczyć w przybliżeniu na 3.500.000 egzemplarzy, a produkcję samych tylko oficyn krakowskich w pierwszej połowie XVI w. na z górą 1600 pozycji, stanowi zdecydowaną odpowiedź na wszelkie próby kosmopolitycznego lekceważenia kultury polskiego renesansu.

Referat Juliana Lewańskiego o dramacie popularnym przyniósł dokumenty świadczące o niespodziewanej i nieznanej niejednokrotnej aktywności plebejskiego nurtu literatury. Próba inwentaryzacji repertuaru polskiego (w chwili wygłaszania referatu niezakończonej) wypadła imponująco. Po odnotowaniu każdego drukowanego lub rękopiśmiennego tekstu oraz każdej notatki dowodzącej wystawienia ewentualnie wznowienia dramatu, okazało się, że repertuar teatru popularnego epoki renesansu przekracza 900 pozycji. A dalsze kwerendy mogą wpłynąć tylko na podniesienie tej cyfry.

[37] M. R. Mayenowa, Walka o język w literaturze staropolskiej. Warszawa 1953. (Toż w książce: Bibliografia literatury polskiej okresu Odrodzenia, Warszawa 1953).

[38] Obrońcy języka polskiego wiek XV-XVIII. Opr. Witold Taszycki. Wrocław 1953. Biblioteka Narodowa I 146.

Słabą stroną Sesji był brak neofilologów, brak badań nad miejscem polskiego Odrodzenia w ogólnoeuropejskim renesansie. Jest to postulat, który filologia staropolska wysuwa z całą stanowczością, szczególnie w tym gronie. Czynimy to tym śmielej, że w świetle wyników Sesji ustalającej rodzime źródła polskiego Odrodzenia, badanie wpływów i zależności nie rzuci bynajmniej cienia na wielkość narodowej kultury. Innymi słowy nie może się powtórzyć paradoksalna sytuacja z lat Zjazdu im. Kochanowskiego, kiedy to część polskich uczonych niemal rywalizowała w wykazywaniu wtórności polskiego Odrodzenia wobec wzorów obcych, natomiast poloniści-obcokrajowcy, jak np. prof. Giovanni Maver[39], z godnym pamięci uznaniem mówili o samodzielności i rodzimości polskiej kultury renesansowej.

Sesja była finałem Roku Odrodzenia, obchodzonym uroczyście w całej Polsce, a uświetnionym wielu imprezami, by wymienić tu najważniejszą, piękną Wystawę Odrodzenia w Muzeum Narodowym, o walorze nie tylko popularyzatorskim, lecz także naukowym. Przygotowaniom do Sesji towarzyszyły prace i publikacje, które bezpośrednio pod obrady nie weszły. Były to na ogół krótkie zarysy monograficzne, jak np. Kurdybachy o Modrzewskim[40], Krókowskiego o Andrzeju Trzecieskim młodszym[41], Ziomka o Kochanowskim[42].

Swego rodzaju wydarzeniem Roku Odrodzenia okazał się odnaleziony w Bibliotece Uniwersytetu Wrocławskiego druk z r. 1543 Rurale iudicium albo Ludycje wiesne, zbiór żartobliwych minucji oraz pieśni popularnych, częściowo autentycznych pieśni ludowych. Ludycje wydał w odbitce fototypicznej z komentarzem odkrywca tekstu Rombowski[43]. Tak wczesny zbiór pieśni ludowych jest rewelacją nie tylko dla badacza folkloru.

Sesja nie tyle podsumowała stan badań, ile rozpoczęła okres planowych studiów. Przed wydaniem pięciotomowego Pamiętnika Sesji (referaty i dyskusje) trudno mówić o jej pełnym plonie. Faktem jest, że Sesja obudziła wielkie zainteresowanie problematyką staropolską, czego dowodem obficie obesłany konkurs prac studenckich z zakresu staropolszczyzny, z których niejedna rokuje poważne nadzieje naukowe.

Wydane już po Sesji studia o literaturze staropolskiej K. Budzyka[44] w niejednym punkcie korygują wyniki Sesji, w niejednym ją uzupełniają. Tak np. szkic o Wacławie Potockim w interesujący sposób uzupełnia lukę powstałą wskutek zbyt wąskiego określenia granic renesansu w trakcie prac przedsesyjnych, które tego poety nie objęły.

Książka Krzyżanowskiego o Krótkiej rozprawie Mikołaja Reja[45], precyzyjne studium analityczne o języku i realiach, podłożu politycznym i wzorach obcych

---

[39] Pamiętnik Zjazdu Naukowego im. Jana Kochanowskiego w Krakowie 8 i 9 czerwca 1930. Kraków 1931.

[40] Ł. Kurdybacha, Ideologia Frycza Modrzewskiego. Warszawa 1953.

[41] J. Krókowski, Andrzej Trzecieski, poeta humanista i działacz reformacyjny. Warszawa 1953.

[42] J. Ziomek, Jan Kochanowski (rekonesans). Warszawa 1953.

[43] A. Rombowski, Ludycje wiesne. Zabytek literatury ludowej z połowy XVI wieku. Wrocław 1953.

[44] K. Budzyk, Szkice i materiały do dziejów literatury staropolskiej. Warszawa 1955.

[45] J. Krzyżanowski, Mikołaja Reja „Krótka rozprawa" na tle swoich czasów. Warszawa 1953.

Krótkiej rozprawy, w wielu punktach wpłynęłaby na tok obrad, gdyby nie to, że ukazała się po zamknięciu Sesji.

Rozbudowuje się także warsztat pomocniczy filologa staropolskiego. Podjęte przed kliku laty prace nad wznowieniem Bibliografii Korbuta tak się rozrosły, że podwoiły, a nieraz i potroiły materiał Korbutowy i oczekiwane wydanie Bibliografii według Korbuta (taki bowiem tytuł jest najwłaściwszy) będzie zupełnie oryginalną i samodzielną publikacją. Jaskółka tej publikacji, wydana z okazji Sesji Bibliografia literatury Odrodzenia[46], objęła tylko kilkanaście wybranych nazwisk a pomieściła się z trudem na 460 stronach[47].

Trudem polskich uczonych kultura renesansu pokazana w kształcie wolnym od przeinaczeń i tendencyjnych przemilczeń reakcyjnej części starego literaturoznawstwa, świadczy o wielkości umysłów, które — by zacytować Biernata z Lublina — „od badania prawdy powstrzymać się nie dały".

[46] Bibliografia literatury polskiej okresu Odrodzenia (materiały). Opr. K. Budzyk, R. Pollak, S. Stupkiewicz. Warszawa 1954.

[47] Obszerne, doprowadzone do r. 1952 omówienie prac o literaturze staropolskiej dał Czesław Hernas w Pamiętniku Literackim t. XLIII, z. 1—2, 1952.

TADEUSZ MIKULSKI

STUDIA NAD OŚWIECENIEM W POLSCE W LATACH 1945—1955

I

„Cytat to węzeł literatury" — powiedział ktoś przed nami. Idźmy za tym zdaniem. I zadzierzgnijmy mocny węzeł przeżycia ideowego i artystycznego między literaturą naszych czasów a literaturą Oświecenia.

Kajetan Koźmian, stary klasyk, wprowadził do „Ziemiaństwa polskiego" wiersze następujące:

> Dobrześ mówił, Trembecki, czem są te pałace,
> Łzami ludu zlepione ubogiego prace.[1]

W słowach tych rozpoznajemy natychmiast antyurbanistyczny incipit poematu Trembeckiego „Powązki":

> O, miasto! cóż są twoje częstokroć pałace?
> Łzami dobrych zlepione ubogiego prace.[2]

Lecz cóż znaczą te wiersze pod piórem Koźmiana, ideologa ziemiaństwa? Jest to przedewszystkim ornament literacki, wstawka erudycyjna, w której lubuje się pióro poety klasycystycznego — i jeszcze niewątpliwy dowód popularności Trembeckiego w „salonie" warszawskim. Wątpię, czy w tym fragmencie Koźmiana potrafimy znaleźć inny, mocniejszy „węzeł literatury".

Ciekawym zbiegiem okoliczności napotykamy dziś odbicie „Powązek" Trembeckiego w wierszu Adama Ważyka „Lud wejdzie do śródmieścia". W wierszu o tematyce najbardziej współczesnej, w którym tętni dzień dzisiejszy, znalazło się miejsce dla oddalonej reminiscencji literackiej:

> Nie nasze były mury
> naszej architektury,
> krwią zlepiane pałace,
> te ubogiego prace.[3]

---

[1] Kajetan Koźmian, Ziemiaństwo polskie. Poema w czterech pieśniach. Wrocław 1839, s. 154.

[2] Stanisław Trembecki. Pisma wszystkie. Wydanie krytyczne. Opracował Jan Kott. T. 1. (Warszawa) 1953, s. 39.

[3] Adam Ważyk, Nowy wybór wierszy. (Warszawa) 1950, s. 107.

Odbiegliśmy daleko od lektury „Ziemiaństwa" Kozmiana. Dla Ważyka ten wkrustowany świetnie element tekstu Trembeckiego nie jest nawet cytatą, w dosłownym znaczeniu wyrazu. Nie ma tu żadnej wskazówki uczonej, żadnego przypisu bibliograficznego w rodzaju: „Dobrześ mówił, Trembecki . . ." Jest natomiast organiczny związek między myślą poety współczesnego a tym fragmentem tekstu Oświecenia, podanym w postaci zdyscyplinowanej doskonale pod względem artystycznym. To Ważyk, nie Kozmian odczytał przenikliwie sens historyczny i społeczny wersetu Trembeckiego i wprowadził go do poezji współczesnej, jako doniosły skrót poetycki, przydatny do pokazania przemian historii. Zdaje się, że dopiero w tej chwili dotknęliśmy naprawdę „węzła literatury".

Ale oto stwierdzenie ogólniejsze: Poezja — na równi z nauką o literaturze — wzięła na siebie trud odkrywania i poznawania zapomnianej epoki, którą włączyliśmy wspólnie do zasobów twórczej tradycji narodowej. Toteż nie może nas zadziwić formuła syntetyczna Oświecenia, pisana pięknym trzynastozgłoskowcem Mieczysława Jastruna w jego „Poemacie o mowie polskiej":

Oświecenie — lecz nie dla jaśnie oświeconych,
Oświecenie — dla ciemnych i wydziedziczonych.
Bajki — lecz dla dorosłych drani, nie dla dzieci.
Bryłant księdza biskupa blask rozumu nieci.
Trembecki wyjrzy ze swych strzyżonych ogrodów
Jak z ram portretu i u pałacowych schodów
Zobaczy tłum, co własną krwią zlepia marmury
I alabastry — ciemny, obdarty, ponury.
Hej! zatrzymać karetę! Niech blask Oświecenia
Sięga dalej, niż kładą się światła jej latarń!
Nech paszkwil Zabłockiego serca rozpłomienia,
Niech Jasiński wyzwanie rzuci władcom świata!
Nocą zabrzęczą szyby, pistolet wystrzeli,
Podskoczy „Jeszcze Polska . . ." w takt bębnów rebelii!
I jakże tu nie głosić twej wesołej chwały,
Mowo ludu, przed którą pałace zadrżały![4]

Komentarz historycznoliteracki do tego urywka poematu Jastruna odkryłby wszelkie wiązania syntezy poetyckiej okresu. Oto dyskretna polemika z tradycyjnymi sądami literackimi: rehabilitacja bajek Krasickiego „dla dorosłych drani, nie dla dzieci" (a pamiętamy, że jeszcze wiek XIX zawlókł bajki Biskupa Warmińskiego do dziecinnego pokoju, z uszczerbkiem dla właściwego poznania ich treści moralnych i walorów artystycznych! [Słowacki uczył się sylabizować na bajkach Krasickiego . . .). Nowe echo wersetu Trembeckiego, włączone do dialektyki dziejów. Nowatorski akcent położony na walczącej poezji Zabłockiego, nie na jego komedii salonowej. Apoteoza Jasińskiego, poety-jakobina. Tymi krokami, „w takt bębnów rebelii" zmierza Jastrun do roku 1794, wielkiego przełomu historycznego, by głosić chwałę anonimowej piosenki plebejskiej, do wtóru wielkim wydarzeniom narodowym. W tych wszystkich elementach poematu znajdziemy bez trudu poszukiwania, dyskusje, niemal źródła biblioteczne historyków literatury, pracujących równolegle nad Oświeceniem. Uderzająca współpraca pisarza i historyka literatury może mieć wartość wysokiej inspiracji. Ale znowu podkreślmy zdobycz ogólniejszą: to spotkanie poetów i historyków przy wspólnej lekturze jest przejawem poszukiwania tradycji narodowej, z której chcemy uczynić podstawowy składnik współczesnego budownictwa.

[4] Mieczysław Jastrun, Poemat o mowie polskiej. (Warszawa) 1952, s. 82.

Można ułożyć całą książeczkę z wierszy sygnowanych nazwiskami dzisiejszych poetów, którzy pochylają się nad dziedzictwem Oświecenia. „Grób Krasickiego" Gałczyńskiego[5], „Krasicki w Licbarku" Chróścielewskiego[6], „Czytanie Kniażnina" Hertza[7] — oto najcelniejsze i najbardziej poetyckie karty tego cyklu. Są to utwory spontaniczne, nie wywołane żadnymi rocznicami, świadectwa gustów i upodobań indywidualnych, bez żadnych śladów „poezji uczonej", aleksandryjskiej, żywe i sugestywne rekonstrukcje całych rozdziałów twórczości narodowej. Toteż nie wahamy się nazwać pisarzy — dobrymi sojusznikami historii literatury.

2

Dziesięciolecie badań nad Oświeceniem 1945—1955 nie stanowi z natury rzeczy całości zamkniętej. Da się w nim wyróżnić kilka etapów roboczych, które dobrze uwydatniają rozwój badań literackich w Polsce. Z dzisiejszej perspektywy naszych studiów potrafimy uchwycić zupełnie przekonywająco daty kolejnych przełomów.

Okres pierwszy przypada na pięciolecie 1945—1950. Nazwijmy go okresem poszukiwań lub nawet — w zgodzie z ogólnym charakterem ówczesnej sytuacji naukowej w Polsce — okresem prawie eklektycznym. Z dużym naciskiem trzeba tu zanotować reedycje dawnych dzieł Smoleńskiego „Przewrót umysłowy w Polsce wieku XVIII" (1949) i „Kuźnica Kołłątajowska" (1949). Książki te uczyły nas szacunku dla faktów historycznych, rozumienia ich postępowej wymowy. Dopomogły też — zwłaszcza pierwsza — ustalić przełomowy charakter naszego Oświecenia w stosunku do tradycji staropolskiej. To wznowienie warsztatu Smoleńskiego — choć wyszliśmy już znacznie poza jego wiadomości źródłowe — miało jeszcze wagę ogólniejszą: uczony-pozytywista demonstrował uczciwy stosunek do przeszłości wolny od nastawień reakcyjnych czy ograniczeń fideistycznych. Był zatem szkołą dobrej pracy historycznej. Jego klasyczne książki służą nam do dziś, zaledwie w niektórych problemach szczegółowych zastąpione czy poparte przez nowe ujęcia.

W tamtych też latach wyszło z druku dzieło Wacława Borowego „O poezji polskiej w wieku XVIII" (1948), napisane w latach okupacyjnych, sięgające jeszcze dawniej swoim rodowodem naukowym. Książka Borowego znalazła się natychmiast w ogniu żywej polemiki krytycznej. Można było podziwiać w tym dziele sztukę portretu literackiego, w której Borowy celował w swojej twórczości naukowej i pisarskiej, równie jak przenikliwość spojrzenia krytycznego we wszystkich niemal analizach artystycznych. Ale tu właśnie przemówiło także ograniczenie książki: „W zarysie niniejszym chodzi wyłącznie o wartości artystyczne" — wywodzi autor w przedmowie. „Historia jest tu ciągle obecna jako zespół tradycji i środków ekspresyjnych przekazanych przez epoki wcześniejsze"[8]. Wydało się to zbyt mało — już w r. 1948, kiedy pełnej miary dla poezji Oświecenia szukaliśmy w wymiarach historycznych epoki.

Te dwa, tak różnorodne zjawiska: reedycje Smoleńskiego i estetytzm Borowego, wyznaczają charakterystykę pierwszego okresu naszych studiów nad Oświeceniem. Ponadto jednak trwa w tych latach żmudna i wielokierunkowa, choć

[5] Konstanty Ildefons Gałczyński, Ślubne obrączki. (Warszawa) 1949, s. 67.
[6] Tadeusz Chróścielewski, Krasicki w Licbarku. Twórczość VIII, 1952, nr 7, s. 6.
[7] Paweł Hertz, Wiersze wybrane. (Warszawa) 1955, s. 164.
[8] Wacław Borowy, O poezji polskiej w wieku XVIII. Kraków 1948, s. 1.

jeszcze niezorganizowana należycie kwerenda historycznoliteracka. Wynikiem tych poszukiwań jest bogate, mimo że rozproszone pokłosie bibliograficzne. Wyliczył je i ocenił poprawnie sprawozdawca „Pamiętnika Literackiego" w r. 1950: „cały dorobek pięciolecia w zakresie literatury Oświecenia posiadał charakter raczej przygotowań do interpretacji zasadniczych"[9]. Monografia Zdisława Skwarczyńskiego „Chłop i sprawa chłopska w romansie stanisławowskim" (1950) jest niewątpliwie najcenniejszą zdobyczą materiałową i metodologiczną, która zamknęła etap prób i wstępnych poszukiwań.

3

Na lata następne 1950—1951 trzeba położyć syntezy robocze okresu. W maju r. 1950 obradował w Warszawie Zjazd Polonistów, który dokonał przeglądu badań we wszystkich dziedzinach polonistyki. Przegląd ten, ujęty później w obszerną książkę „O sytuacji w historii literatury polskiej" (1951) stanowił punkt wyjścia dla prac późniejszych, zorganizowanych w Instytucie Badań Literackich, naczelnej organizacji naukowej w naszym życiu polonistycznym. Ponadto jednak Zjazd Polonistów w r. 1950 oznacza poważny i pogłębiający się coraz bardziej przełom metodologiczny, który badaniom literackim zapewnił pomoc i narzędzia badawcze metodologii marksistowskiej. Ta nowa dyscyplina intelektualna studiów występuje coraz wyraźniej, poczynając od tych lat przełomowych 1950—1951, także w pracowni historyka literatury okresu Oświecenia.

W tym szerszym związku nabiera pełniejszego znaczenia referat „Stan badań i potrzeby nauki o literaturze wieku Oświecenia", przedstawiony na zjeździe r. 1950[10]. Referat usiłował ocenić rozwój studiów nad Oświeceniem w nauce polonistycznej w. XIX i XX, ale jednocześnie w swojej części konstruktywnej — postawił nową podówczas tezę, że literatura Oświecenia inauguruje polską literaturę nowożytną. Pogląd ten nakazał oświetlić inaczej związek między Oświeceniem i literaturą staropolską. Spostrzegliśmy z wielką wyrazistością, że nie można utrzymać w jednym zespole historycznym dwu odmiennych kultur — i ustrojów społecznych. To historyk pomógł nam zauważyć elementy przemiany zasadniczej: od feudalizmu do nieukształtowanej jeszcze, ale rysującej się coraz wyraźniej formacji kapitalistycznej. Zmianom tym w ogólnej strukturze społecznej towarzyszą z wielką prawidłowością zjawiska kultury, które czasom Stanisława Augusta nadały cechę nowożytną. Odtąd rewolucja kulturalna Oświecenia stała się w naszych oczach wartością przełomową, nie zaś rozdziałem — literatury staropolskiej. Była to zdobycz *podstawowa* nowej szkoły. Kiedyś Brückner, potem Zawodziński sugerowali przygodnie taki właśnie układ syntezy literackiej: zamknięcie „tomu 1" na dacie 1764, na wydarzeniach „przełomu umysłowego". Z tych aluzji rozwinęła się teraz, przy żywej współpracy z historykiem kultury, nowa i twórcza — jak sądzimy — koncepcja „tomu 2" literatury polskiej, napisanego wspaniałymi piórami pisarzy stanisławowskich.

Robocza synteza Oświecenia uczyniła niebawem krok następny. W czasie zjazdu warszawskiego r. 1950 ukazał się zeszyt czasopisma „Polonistyka", gdzie

[9] Roman Kaleta, Powojenne prace o literaturze stanisławowskiej (1945—1950). Pamiętnik Literacki, XLI, 1950, z. 3/4, s. 1082—1116.

[10] Tadeusz Mikulski, Stan badań i potrzeby nauki o literaturze wieku Oświecenia. Pamiętnik Literacki, XLI, 1950, z. 3/4 s. 841—860 i w książce zbiorowej: O sytuacji w historii literatury polskej. (Warszawa) 1951, s. 165—185.

Kazimierz Budzyk pomieścił artykuł „Ideologia Oświecenia — przełom w rozwoju kultury narodowej" [11]. Istotny walor rozważań autora polegał na tym, że Budzyk przeprowadził pierwszy ciekawą i samodzielną próbę periodyzacji wewnętrznej okresu, uściślając daty, według których rozwijała się aż do cezury granicznej, upadku państwa — dialektyka historycznoliteracka Oświecenia. Jednolity pozornie blok chronologiczny, trzydziestolecie Stanisława Augusta, zostało rozszczepione na kilka zespołów literackich, kilka etapów rozwoju historycznego, który przestał być zjawiskiem statycznym, nabrał cech życia i bujności dynamiki rozwojowej.

Tym samym torem myślenia poszedł niezadługo Jan Kott, który na sesji Kołłątajowskiej r. 1951 przedstawił z talentem „Trwałe wartości literatury Oświecenia" [12] i wartości te ukazał w cyklu dynamicznym, szkicując ponownie periodyzację wewnętrzną okresu. Powstała w ten sposób — rzeczywiście wspólnymi siłami — robocza, a więc jeszcze nie wyprecyzowana należycie, ale bardzo twórcza i pomocna w studiach szczegółowych synteza Oświecenia, dobry przewodnik dla monografistów i analityków okresu. Prace te i dyskusje zamykamy datami zjazdów naukowych 1950—1951 i doniosłe zdobycze tego etapu widzimy w walce o syntezę, w pobudzającej próbie periodyzacji wewnętrznej Oświecenia czyli w konstrukcji naukowej, która zamierzała uchwycić rozwój historyczny Oświecenia (nie zaś przegląd np. rodzajów literackich, jak to czyniła stara szkoła pozytywistyczna).

4

Z wynikami tego twórczego roku rozpoczęliśmy dalszą pracę nad epoką. Nowy ten etap studiów nad Oświeceniem można by nazwać walką o nowe źródła. Synteza okresu, zarysowana raczej intuicyjnie, na podstawie materiałów fragmentarycznych, jeszcze nie w oparciu o kompletne zasoby archiwalne, miała spełnić rolę roboczą, miała dopomóc w badaniach analitycznych. Ten plan pracy: tymczasowa propozycja syntetyczna jako wsparcie dla poszukiwań szczegółowych, wydaje się trafny i owocny. Widzieliśmy w przeszłości, jak załamywały się wielkie syntezy romantyczne, ponieważ wyprzedzały stadia analizy. Jak uginały się później, pod naporem materiału szczegółowego syntezy pozytywistyczne, niezawsze dając sobie radę z opracowaniem surowca naukowego. Nasza synteza Oświecenia miała charakter rekonesansu, to prawda. Ale nie poprzestaliśmy na samym szkicu mapy terenowej. Posłużyła ona zupełnie praktycznie: weszliśmy z nią do przebogatych magazynów bibliotecznych i archiwalnych w. XVIII, gdzie czekały nas „nowe fakty", uzasadnienia, argumenty i korekty do otrzymanych propozycji syntetycznych. Ten etap pracy, rozpoczęty planowo w r. 1951 trwa właściwie do dziś. Ale przyniósł już plony konkretne, które mówią z całym przekonaniem o słuszności obranego kierunku. Siłami starszej i młodej kadry, która zaledwie niedawno uzyskała dyplomy uniwersyteckie Wrocławia, Warszawy, Łodzi (by wymienić najpoważniejsze obecnie skupiska pracy historycznoliterackiej nad Oświeceniem) a stanowi dzisiaj liczny zastęp twórczych pracowników nauki, jął powstawać bardzo ambitny i rozległy warsztat naukowy, który zdobywa i kształtuje nowoczesną wiedzę o przełomowej epoce.

[11] Kazimierz Budzyk, Ideologia Oświecenia — przełom w rozwoju kultury narodowej. Polonistyka, III, 1950, nr 2, s. 1—8.

[12] Jan Kott, Trwałe wartości literatury polskiego Oświecenia. (Warszawa) 1951. Poprzednio: O nową syntezę polskiego Oświecenia, w książce zbiorowej: Kołłątaj i wiek Oświecenia. Warszawa 1951, s. 107—128.

Szło o rzecz żenująco prostą (ale wiemy, że dotykamy bardzo trudnego zagadnienia): o teksty pisarzy stanisławowskich. Kanon wydawniczy poetów Oświecenia ustalił się na początku wieku XIX na podstawie fragmentarycznych materiałów źródłowych i pod sugestią epoki Dmochowskich, która bujną twórczość stanisławowską zamykała w rygorystyczne ramy rodzajów literackich. Kanon ten przez cały wiek XIX i połowę w. XX nie był poddawany rewizji naukowej. Co najwyżej — przy bylejakich reedycjach pisarzy Oświecenia — przeglądano doraźnie rękopisy czy zapomniane druki, które niezawsze przy niekompletności kwerendy chroniły wydawców przed popełnieniem nowych błędów rzeczowych. Ten stan sprawy przedstawił Ign. Chrzanowski w głośnym i sprawiedliwie ostrym artykule z r. 1908 „O wydaniach poetów stanisławowskich"[13]. Może warto przypomnieć tutaj początkowy fragment tego artykułu:

> Słusznie skarżyć się mają prawo miłośnicy literatury ojczystej, a zwłaszcza jej badacze — pisał Chrzanowski, młody wówczas filolog — na brak dobrych wydań pisarzów staropolskich, zarówno poetów jak prozaików. Nie stanowią tu wyjątku i pisarze stanisławowscy: mamy niby to po dwa, po trzy, albo nawet po kilka wydań poezji Kniaźnina, Karpińskiego, Naruszewicza, Zabłockiego, Węgierskiego, Trembeckiego, Krasickiego, ale po pierwsze te „zbiorowe" i „zupełne" wydania chyba przez ironię tak się nazywają, a po drugie są to wydania niekrytyczne, zgoła liche, bo sporządzone przez ludzi niepowołanych, nie umiejących czy też nie chcących uszanować autorskiego tekstu.

Rzadko która z długiej listy prac Ign. Chrzanowskiego zachowała tak długo całą świeżość i słuszność swojej argumentacji, jak ten materiałowy artykuł z r. 1908. Bo wiemy, co zmieniły w tych wywodach lata następne. Wprawdzie zaraz w r. 1908 Ludwik Bernacki ogłosił krytyczne wydanie „Satyr i listów" Krasickiego, zachowujące swoją wartość do dziś. Ale była to publikacja na wiele lat jedyna. Dorobek edytorski dwudziestolecia w zakresie literatury Oświecenia jest zdumiewająco ubogi. Z tomików Biblioteki Narodowej zachowały swoją wartość właściwie tylko wydanie „Poezji barskiej" Kazimierza Kolbuszewskiego (seria I, nr 108; przy znanych i uzupełnionych częściowo niedostatkach źródłowych) i wydanie rzeczywiście pieczołowite „Sarmatyzmu" Zabłockiego, znowu spod ręki Bernackiego (nr 115). Dodajmy do tej szczupłej serii tomik Kniaźnina (nr 129), który przygotował Borowy jeszcze w latach okupacji i w ramach swojej indywidualnej poetyki. Z pośród niewymienionych np. wydanie Bronisława Gubrynowicza „Mikołaja Doświadczyńskiego przypadków" (nr 41), rzekomo „z autografu", kilkaset razy zniekształciło autograf pierwszej powieści polskiej!

Ze słuszną dumą mamy prawo mówić o wynikach edytorskich naszej dopiero pracowni Oświecenia. Dopiero dziś Roman Pollak wydał z autografu „Opis obyczajów za panowania Augusta III" Kitowicza (Biblioteka Narodowa, seria I, nr 88, 1951), usuwając wreszcie pośrednictwo cenzurowanej i obskuranckiej edycji Raczyńskiego. W serii Oświecenia, prowadzonej przez Państwowy Instytut Wydawniczy (PIW) w Warszawie, wyszły właśnie w dwu tomach „Pisma wybrane" Konarskiego (w opracowaniu Juliusza Nowaka-Dłużewskiego, 1955). Przygotowaniem tekstów i kadry naukowej do wydania zupełnego Krasickiego jest edycja w czterech tomach „Pism wybranych" Biskupa Warmińskiego (opracowana przez zespół wrocławski, pod redakcją T. Mikulskiego, 1954). Nowatorską serię badań nad tekstem w. XVIII rozpoczął Jan Kott wydaniem „Pism wszystkich" Trem-

[13] Ignacy Chrzanowski, O wydaniach poetów stanisławowskich. Pamiętnik Literacki, VII, 1908, z. 4, s. 598—616.

beckiego (1953), które zapowiada w niedalekim czasie krytyczną i zupełną edycję dzieł Trembeckiego. Już w tej chwili trzeba mówić z powodu wydania Kotta o znacznym obudzeniu ciekawości naukowej dla zagadnień edytorskich Trembeckiego (które reprezentuje przedewszystkim Juliusz W. Gomulicki) i o samodzielności komentarza historyczno-obyczajowego, którym Kott swoje wydanie opatrzył. Nasza enumeracja nie ma się jeszcze ku końcowi. Pod redakcją Kotta zaczęła ukazywać się drukiem — jak niegdyś pod opieką Piotra Dufoura — wielotomowa seria „Teatr polskiego Oświecenia", której dwa tomy: „Komedie" Adama K. Czartoryskiego (opracowała Zofia Zahrajówna, 1955) i „Drama mieszczańska" (opracowała Janina Pawłowiczowa, 1955) stoją już na półce podręcznej.

Z prozy publicystycznej zanotujmy bodaj „Listy patriotyczne" Józefa Wybickiego w opracowaniu Kazimierza Opałka (Biblioteka Narodowa, seria I, nr 155, 1955), wybór źródeł do działalności „Kuźnicy Kołłątajowskiej" Bogusława Leśnodorskiego (Biblioteka Narodowa, nr 130, 1949), pełne wydanie „Listów Anonima i Prawa politycznego narodu polskiego" w opracowaniu B. Leśnodorskiego i H. Wereszyckiej (1954), Kołłątaja „Stan oświecenia w Polsce" (Biblioteka Narodowa, nr 144, 1953), który po raz pierwszy odczytał z autografu — znowu wbrew Raczyńskiemu — Jan Hulewicz. Ten imponujący blok Kołłątajowski uzupełniają wydania „Wyboru pism" Franciszka Salezego Jezierskiego w opracowaniu Zdzisława Skwarczyńskiego i Jerzego Ziomka (1952) oraz „Pism filozoficznych i społecznych" Staszica w opracowaniu Bogdana Suchodolskiego (1954). Bogaty ten korpus dzieł i pisarzy wsparł jeszcze B. Suchodolski tomem wypisów i komentarzy „Nauka polska w okresie Oświecenia" (1953) i Stanisław Tync opasłym wyborem źródeł wielkiej ceny, także dla historyka literatury, „Komisja Edukacji Narodowej" (Biblioteka Narodowa, nr 126, 1954).

Cały ten indeks osób i rzeczy — mimo swojej szczegółowści — mówi zaledwie część prawdy o dokonanym dziele. Trzeba znaznaczyć osobno trud filologiczny, który towarzyszył przedewszystkim edycjom poetów stanisławowskich. Zawdzięczamy mu ważne zdobycze tekstowe — dość niespodziewane np. przy Krasickim: poprawny dopiero dziś tekst „Monachomachii", rehabilitację filologiczną i literacką „Historii" (na trzy, nie na dwie księgi podzielonej). Zbadanie — bynajmniej jeszcze nie ostateczne — rękopisów epoki ujawniło liczne dubia w poezji Trembeckiego (i zbliżyło do niektórych przynajmniej rozwiązań), pozwoliło uzupełnić nowymi znaleziskami nawet twórczość Krasickiego[14], która nie rokowała pod tym względem nic wielkiego. Na kartach tych edycji, w pracowniach edytorskich toczy się w czasie dociekliwej pracy — walka o tekst, zupełny, ustalony krytycznie, porównany z autografem czy autentycznym rękopisem, osadzony możliwie najstaranniej w sytuacji historycznej. Na podstawie uzyskanych doświadczeń można dziś napisać podręcznik tekstologii Oświecenia, ułożyć szczegółową i wiążącą instrukcję postępowania redakcyjnego.

Trzeba i to zaznaczyć z naciskiem: dotychczasowe wyprawy filologiczne po teksty Oświecenia dość przypadkowo i niezawsze szczęśliwie korzystały z puścizny rękopiśmiennej. Pamiętamy ryzykancką próbę filologii Bolesława Erzepkiego, gdy usiłował uporządkować na podstawie niepewnych przekazów tekstu i autorstwa „Pisma Franciszka Zabłockiego" (1903). Potem szperał po rękopisach wieku XVIII Ign. Chrzanowski, ale czynił to przygodnie i ogłaszał znaleziska

[14] Mieczysław Klimowicz, Nieznane wiersze Krasickiego. Pamiętnik Literacki, XLIV, 1953, z. 2, s. 552—589. Tenże, Ign. Krasickiego „Bajka o kapitule" i inne nieznane wiersze. Pamiętnik Literacki, XLV, 1954, z. 3, s. 235—240.

fragmentaryczne[15]. Nawet późniejsze prace Juliusza Nowaka „Satyra polityczna sejmu czteroletniego" (1933), „Satyra polityczna konfederacji targowickiej i sejmu grodzieńskiego" (1935), chociaż czerpały swój wątek także z zasobów rękopiśmiennych, przynosiły zaledwie urywki tekstów, nieraz po prostu ich sygnatury biblioteczne. (Dopiero w ostatniej swojej publikacji „Poezja powstania Kościuszkowskiego" z r. 1946 J. Nowak-Dłużewski dał antologię tekstów insurekcji, nie zaś analizy i streszczenia, jak w pracach poprzednich). Otóż cały współczesny ruch filologiczny, którego zakrój i charakter szkicujemy w tym przeglądzie, wyrasta z podstawy rękopiśmiennej i dąży stopniowo, w miarę sił i rozrostu kadry naukowej, do opanowania źródeł literackich Oświecenia w ich bogatym komplecie i całej różnorodności archiwalnej.

Poszerzenie podstawy źródłowej przynoszą studia nad epistulografią Oświecenia, znaną dotychczas właściwie z legendy bibliotecznej: w tekach Bernackiego spoczywały latami listy Krasickiego, Trembeckiego, Naruszewicza... Wielkie te kodeksy ukazują się stopniowo drukiem. Listy Trembeckiego wydali już Kott i Kaleta (1954). Obszerna i stanowiąca bardzo trudny problem wydawniczy korespondencja Krasickiego znajduje się już w drukarni. Za nią pójdą przygotowane już od strony edytorskiej zespoły listów Naruszewicza i Karpińskiego. Tak ulega poważnemu poszerzeniu wiedza o życiu pisarzy, ich środowisku, działalności, powiązaniach literackich i kulturalnych. List, dokument intymny odsłania charakter pisarza nierównie jaśniej i wszechstronniej, aniżeli wiersz przyniesiony na obiad czwartkowy do Łazienek. Rośnie podstawa, na której oprze się niezadługo bio-bibliografia pisarza, kalendarz twórczości, którego bodaj w zarysie nie ma dotychczas nawet Krasicki. Ale nadewszystko zaludnia się realiami kulturalnymi nasza wiedza o epoce, która odsłania zwolna swoje żywe, skomplikowane pod względem ideowym i artystycznym wnętrze.

Ze studiów szczegółowych wskażmy przynajmniej jeden zakres: to historia czasopiśmiennictwa. Trzeba odwołać się do dawnego nazwiska Romana Pilata, by przypomnieć przestarzałe już opracowania zagadnienia. Później znowu Chrzanowski badał początki literackie Krasickiego w „Monitorze". Jego torem szedł Leon Kisiel, ustalający zależności między treścią „Pana Podstolego" a publicystyką „Monitora". Tyle też otrzymaliśmy zachęty od poprzedników.

Problem historii czasopiśmiennictwa obiecywał wiele. Dla okresu prekursorskiego: Mieczysław Klimowicz zbadał działalność wydawniczą i redakcyjną Mitzlera de Kolof, odsłaniając ważny etap narastania antagonizmów kulturalnych epoki saskiej. Na tle walki elekcyjnej r. 1763 osadził Roman Kaleta „Monitora" Czartoryskich, dodając do czterech (1—4) numerów czasopisma — niespostrzeżony dotychczas przez nikogo nr 5. Wielkie zagadnienie dla historyka Oświecenia stanowi „Monitor" stanisławowski z lat 1765—1785. Nowe roczniki „Monitora" z okresu jego schyłku (1784—1785) odkryła Jadwiga Rudnicka. W ten sposób potężny periodyk dyskusji obyczajowej, w pierwszym okresie reformy kulturalnej za Stanisława Augusta, odsłonił swoją trwałość, cały cykl redakcyjny — i zygzakowatą linię działalności, mającą swój okres heroiczny (do r. 1767), potem załamania i wzniesienia dość przygodne. W miarę dochowanych dokumentów i przedewszystkim interpretacji treści czasopisma została odczytana jego ideologia,

[15] Zob. m. in. Ign. Chrzanowski, Z dziejów satyry polskiej XVIII wieku. Warszawa 1909 i nawiasy bibliograficzne w studium późniejszym „Poezja stanisławowska", w tomie: Studia i szkice. Rozbiory i krytyki. T. 1. Kraków 1939, s. 75—147.

a także twórczy udział publicystyki w narodzinach literatury stanisławowskiej (zbiorowa monografia „Monitora" przygotowana w środowisku wrocławskim)[16].

Historia czasopiśmiennictwa traci swój walor naukowy w późniejszych okresach Oświecenia. Miejsce czasopisma, wrażliwego barometru opinii, zastąpił raczej kolportowany żywo wiersz ulotny, czy komedia „na teatrum", reagująca natychmiast na potrzeby dnia. Ale mimo nowej sytuacji czasopisma Piotra Świtkowskiego (opracowane w tej chwili w kartotece bibliograficznej) zawierają cały udokumentowany proces przemiany społecznej lat osiemdziesiątych w. XVIII. Już ogłoszone drukiem przyczynki do historii czsopiśmiennictwa okresu Konstytucji: „Gazeta narodowa i obca" (Anna Goriaczko) i schyłku Oświecenia: „Co tydzień" Krasickiego (Jan Gawałkiewicz) przyniosły cenny materiał szczegółowy[17].

Na tych drogach rozwija się planowa i systematyczna praca nad pomnożeniem źródeł historycznych, kulturalnych i literackich okresu Oświecenia. Doraźne opracowanie nowych źródeł przynoszą studia monograficzne, częstokroć dużej wartości, choć z natury rzeczy jeszcze szkicowe, kładzione na czele edycji tekstów literackich i publicystyki w. XVIII. Są to zazwyczaj „portrety" literackie (dobrym przykładem tego rodzaju twórczości jest „Trembecki" Jana Kotta) lub zarysy historyczno-problemowe (na czele tomów Suchodolskiego „Nauka polska w okresie Oświecenia" i Tynca „Komisja Edukacji Narodowej"). Ale dopiero po ukończeniu — z grubsza mówiąc — kwerendy można oczekiwać rozleglejszych prac monograficznych. Cała ta — ukazana tu w skrócie — ekspozycja tekstów i źródeł zmierza do jednego jeszcze celu: do podjęcia nowej, dojrzałej syntezy epoki, jaką będzie „Historia literatury polskiej Oświecenia", przygotowywany obecnie podręcznik uniwersytecki. W ten sposób zamykamy prawidłowy obwód pracy: systematyczne poszukiwania źródeł, jakie charakteryzują obecny stan badań nad Oświeceniem w Polsce, służą myśli zcalającej, myśli syntetycznej[18].

[16] Mieczysław Klimowicz, Mitzler de Kolof, redaktor i wydawca. — Roman Kaleta, Monitor z roku 1763 na tle swoich czasów. Obie prace wydane razem w tomie zbiorowym: Prekursorzy Oświecenia. Wrocław 1953. — Jadwiga Rudnicka, Z genealogii Monitora z roku 1763. Pamiętnik Literacki XLVI, 1955, z. 1. — Jadwiga Rudnicka, Nieznane roczniki Monitora (1784—1785). Pamiętnik Literacki XLIV, 1953, z. 2.

[17] Anna Goriaczko, Gazeta narodowa i obca. Wrocław 1953. — Jan Gawałkiewicz, Krasicki w czasopiśmie „Co tydzień". Pamiętnik Literacki XLIII, 1952, z. 3/4.

[18] Por. także bilans naukowy dziesięciolecia w badaniach nad Oświeceniem, jaki ułożył Stefan Żółkiewski w książce: Stefan Żółkiewski i Janusz Stradecki, Rozwój badań literatury polskiej w latach 1944—1954. (Warszawa) 1955, s. 32—39, przypisy bibliograficzne Stradeckiego s. 114—121.

HENRYK WOLPE

ROK MICKIEWICZOWSKI W NAUCE POLSKIEJ

Rok Mickiewiczowski w Polsce to nie jest jedynie rok uroczystych obchodów, urządzanych dla oficjalnego zamanifestowania uczuć kultu dla największego naszego poety. To przede wszystkim szeroka ogólnonarodowa akcja, obejmująca różne dziedziny i formy życia kulturalnego a zmierzająca do pogłębienia naszego stosunku do postępowych tradycji naszego narodu, do utrwalenia więzi między kulturą Polski Ludowej a wielką tradycją walk o wyzwolenie narodowe i społeczne, której uczestnikiem i piewcą był Adam Mickiewicz. W tej szerokiej akcji ogólnonarodowej największe i najważniejsze miejsce przypada nauce.

Założeniem powołanej przez Polską Akademię Nauk Komisji Naukowej Obchodu Roku Mickiewiczowskiego od samego początku jej pracy było podjąć badania naukowe nie tylko nad twórczością Adama Mickiewicza, ale zarazem nad historią okresu, w szczególności historią filozofii i myśli społecznej, jak również historią sztuki. Co więcej, badania miały objąć nie tylko zagadnienia kultury, literatury i sztuki polskiej, ale również rozległe tło literatury i sztuki europejskiej okresu, m. in. zagadnienie recepcji Mickiewicza w literaturze innych narodów. Tak pojęte badania miały więc przynieść skoncentrowane studia nad romantyzmem polskim i europejskim, nad twórczością Adama Mickiewicza, nad historią kultury pierwszej połowy XIX wieku.

Nauka nasza w ubiegłych latach podjęła kompleksowe badania nad Odrodzeniem i Oświeceniem w Polsce. Wyrazem tych badań były zorganizowane sesje naukowe w latach 1951 i 1953. Komisja Naukowa Obchodu Roku Mickiewicza oparła się w swej pracy na doświadczeniu obu wspomnianych sesji, ale zarazem pojęła swe zadanie znacznie szerzej. Od samego bowiem początku powołano w obrębie Komisji 4 równolegle działające sekcje: sekcję historii i historii filozofii, sekcję historii literatury i historii języka, sekcję literatur obcych oraz sekcję historii sztuki. Sekcje te pracowały równolegle i jednocześnie według ustalonego i przedyskutowanego z udziałem całej Komisji Naukowej planu badań naukowych. Sprawdzianem i uwieńczeniem prac wszystkich sekcji miały być 3 zaplanowane sesje naukowe: historyków i historyków myśli społecznej, historyków literatury i historyków języka oraz historyków sztuki. Na zakończenie zaś, po wspomnianych 3 sesjach traktowanych jako sesje o charakterze roboczym, ma być zorganizowana na wiosnę r. 1956 z udziałem uczonych zagranicznych sesja Polskiej Akademii Nauk, przez co organizacyjnie Rok Mickiewiczowski ma się zakończyć.

Sesja historyków i historyków myśli społecznej miała być najwcześniejsza. Tak też się stało. Sesja ta trwała 4 dni i odbyła się w Warszawie w ostatnich dniach czerwca 1955 r. Zajęła się problematyką bazy ekonomiczno-społecznej kształtowania się nowoczesnego narodu polskiego, walk narodowo-wyzwoleńczych okresu, problemem „Mickiewicz jako polityk", historią filozofii i myśli społecznej okresu. Na sesji wygłoszono 20 referatów, odbyła się ożywiona dyskusja, w której wzięli udział również historycy literatury, a w związku z sesją opublikowano szereg prac naukowych pod ogólną nazwą: „Z prac dyskusyjnych Komisji Naukowej Roku Mickiewicza".

Oto tytuły ważniejszych prac dyskusyjnych: W. Kula — Kształtowanie się kapitalizmu w Polsce, K. Piwarski — Kuria rzymska a polski ruch narodowo-wyzwoleńczy, S. Kieniewicz — Legion Mickiewicza 1848—49. W druku zaś: H. Jabłoński — Międzynarodowe znaczenie polskich walk narodowo-wyzwoleńczych, N. Assorodobraj — Historia Lelewela i jej znaczenie dla rozwoju polskiej demokratycznej myśli społecznej. Na sesji zaś wygłoszono ponadto referaty m. in. na temat: Rola ruchów plebejskich w powstaniach polskich XIX w. (Halicz), Działalność Mickiewicza w czasie wojny krymskiej (Reychman), Ideologia rewolucyjnych demokratów lat 60-tych (Bobińska), Socjalizm utopijny Gromad Ludu Polskiego (Temkin), Mickiewicza misja naukowo-literacka w r. 1855 (Batowski), Walka o podstawy światopoglądowe w polskich ruchach demokratycznych do r. 1860 (Baczko) i szereg innych.

Tych kilka danych może dać wyobrażenie o charakterze sesji historyków i historyków myśli społecznej oraz o jej szerokim zakresie tematycznym. Sesja ta, stwarzając grunt dla obu sesji następnych, miała przede wszystkim dokonać analizy bazy i ideologii okresu. Była też poważnym wkładem w naszą wiedzę o okresie romantyzmu, nierzadko w badaniach szczegółowych dopomogła polonistom-Mickiewiczologom w rozwiązywaniu konkretnych zagadnień dotyczących ideologii poety i jego działalności politycznej.

Od samego początku zadaniem Komisji Naukowej było przyciągnięcie do pracy jak najszerszych kół pracowników nauki. Można bez przesady powiedzieć, że w pracy naukowej nad Rokiem Mickiewicza była zaangażowana niemal cała humanistyka polska, z wyjątkiem dyscyplin takich jak prawo czy ekonomia. Bo czynni byli historycy, filozofowie, socjologowie, historycy literatury, językoznawcy, teoretycy literatury, filologowie klasyczni, romaniści, slawiści, rusycyści, orientaliści, historycy sztuki. Przyznać trzeba, że zasięg badań i liczba zainteresowanych dyscyplin stanowią zjawisko niecodzienne w dziejach badań naukowych. Kompleksowość, wielokierunkowość i kolektywność — oto były zasady, na jakich oparto pracę naukową w zakresie Roku Mickiewicza.

Druga kolejna sesja poświęcona historii sztuki okresu romantyzmu odbyła się 7—9 listopada 1955 r. Sesja ta omówiła m. in. następujące zagadnienia: Przemiany malarstwa europejskiego od romantyzmu do realizmu (Starzyński), Podstawy i tendencje romantyzmu w sztukach plastycznych (W. Molè), Polskie malarstwo historyczne doby romantyzmu a rozwój historyczny świadomości narodu (Porębski), Twórczość malarska Piotra Michałowskiego, Mickiewicz na scenie (Sivert), Problemy stylu narodowego twórczości Chopina (Lissa) i szereg innych. Łatwo zauważyć, że w stosunku do problemu głównego — twórczość Adama Mickiewicza — sesja ta przyniosła wiele materiału porównawczego, wyjaśniającego i poszerzającego w stosunku do wąsko i specjalistycznie pojętej problematyki

historyczno-literackiej. W dyskusji poruszono ponadto szereg zagadnień metodycznych wspólnych wielu dyscyplinom.

Trzecia i ostatnia sesja przewidziana na początek grudnia 1955 r. ma być poświęcona problematyce historyczno-literackiej i językowej, w pewnej mierze na porządek dzienny wejdą również tematy z pogranicza filologii klasycznej, neofilologii i orientalistyki.

Na czoło wysuną się na tej sesji zagadnienia samej twórczości Adama Mickiewicza, nowe interpretacje ważniejszych jego utworów: Filomatyzm A. Mickiewicza (Witkowska), Ballady (Żmigrodzka), Konrad Wallenrod (Janion), Dramaturgia Mickiewicza (Treugutt), Dziady (Kott), Księgi Pielgrzymstwa (Treugutowa), Pan Tadeusz (Wyka), Ludowość w twórczości Mickiewicza (Krzyżanowski i jego zespół). Rzecz znamienna, że tematy te są podjęte niemal wyłącznie przez młodszych badaczy stojących na gruncie metodologii marksistowskiej, jakkolwiek wygłoszą również referaty uczeni należący do starszego pokolenia (Pigón, Kleiner, Krzyżanowski). Prace te zmierzają do przygotowania w przyszłości nowej monografii twórczości Adama Mickiewicza. Drugą grupę zagadnień tej sesji stanowią problemy języka i formy. Dotyczą ich referaty następujące: Różnice językowe między rękopisami a drukami Mickiewiczowskimi (Hrabec), Język Mickiewicza w związku z historią języka polskiego (Klemensiewicz), Słownictwo i frazeologia opisów przyrody w „Panu Tadeuszu" (Turska), Mickiewicz a tradycje stylistyczne (Mayenowa), Problematyka stylistyczno-językowa w publicystyce Mickiewicza (Pepłowski), Wersyfikacja Mickiewicza (Dłuska) i szereg innych. Problemy te nigdy dotąd nie były przedmiotem systematycznego badania i po raz pierwszy w mickiewiczologii kładą fundament pod znajomość języka, wiersza i stylu poety.

Osobną grupę stanowią referaty o zasadach edycji dzieł Mickiewicza w Polsce Ludowej w porównaniu z edycjami dawniejszymi, dalej takie referaty jak Mickiewicz w Rosji (Fiszman) itp.

W związku z tą sesją publikuje się również szereg prac pod ogólnym tytułem „Z prac dyskusyjnych Komisji Naukowej Obchodu Roku Mickiewiczowskiego". Wymienić można ważniejsze: K. Wyka — O formie prawdziwej „Pana Tadeusza", A. Zajączkowski — Orient jako źródło inspiracji w literaturze romantycznej doby Mickiewiczowskiej, Z. Szmydtowa — Mickiewicz jako tłumacz literatur zachodnioeuropejskich, T. Sinko — Antyk Mickiewicza, J. Magnuszewski — Mickiewicz w Słowacji itd. Prac tych, o charakterze dyskusyjnym, będzie w najbliższych miesiącach przybywać.

Podsumowując informację w zakresie przygotowanych przez Komisję Naukową Roku Mickiewicza sesji naukowych, stwierdzić można, że

1) sesje te mobilizowały liczne i rozmaite zespoły naukowe do prac badawczych nad twórczością Adama Mickiewicza i jego epoką;

2) sesje te przynoszą obszerny dorobek naukowy powodując i ożywiając dyskusję w rozmaitych środowiskach naukowych;

3) prace z sesjami związane ukazują Mickiewicza jako człowieka, działacza i artystę w szerokim powiązaniu z kulturą okresu.

W ten sposób podstawowe zadanie Roku Mickiewiczowskiego zostało zrealizowane. Przypomnieć warto, że w pracy badawczo-naukowej związanej z Rokiem Mickiewicza uczestniczyły czynnie trzy Instytuty Naukowe: Instytut Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk, Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk oraz Państwowy Instytut Sztuki. Oprócz tego szereg zakładów i komitetów naukowych Polskiej Akademii Nauk, jak Komitet slawistyki i rusycystyki, Komitet orienta-

listyczny i inne. Prace związane z Rokiem Mickiewiczowskim publikowały i publikują nadal ważniejsze czasopisma naukowe: Pamiętnik Literacki, Kwartalnik Historyczny, Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego i inne. Pomijamy czasopisma o charakterze popularnym, jak różne tygodniki literackie i literacko-społeczne, publikujące artykuły o Mickiewiczu.

Sesje naukowe oraz związane z nimi publikacje nie wyczerpują prac naukowych nad Mickiewiczem w szerokim sensie. Niektóre bowiem prace, co łatwo zrozumieć, nie mogą być związane z sesjami naukowymi. Tak więc w przygotowaniu obszerna, bo kilkutomowa bibliografia dzieł A. Mickiewicza, obejmująca również bibliografię krytyki literackiej o Mickiewiczu. Na ukończeniu praca nad obszernym tomem — w ramach kontynuacji bibliografii Korbuta — bibliografii Mickiewicza do codziennego użytku w pracy naukowej.

Podjęto na bardzo szeroką skalę pracę nad Słownikiem Mickiewiczowskim (Górski, Hrabec), który obejmie cały materiał leksykograficzny poezji i prozy Mickiewicza. Pierwszy zeszyt już jest w druku. Praca zakreślona na kilka lat, całość Słownika składać się będzie z kilku opasłych tomów. Słownik ten da nauce polskiej pełny pogląd na język literacki pierwszej połowy XIX wieku, więcej bo całego XIX wieku, ponieważ z języka Mickiewicza wyszli nasi pisarze XIX wieku. Słownik ten jest przedsięwzięciem trudnym i kosztownym, w dziejach publikacji naukowych jest to zjawisko dość szczególne.

Doniosłe znaczenie naukowe i ogólnonarodowe mają wydane w Polsce Ludowej 2 edycje Dzieł A. Mickiewicza. Jeszcze przed zakończeniem wojny, 5 maja 1945 r. Krajowa Rada Narodowa, ówczesne przedstawicielstwo narodowe Polski, uchwaliła edycję Dzieł A. Mickiewicza pod nazwą Wydania Narodowego. Warto zaznaczyć, że w okresie międzywojennym zdołano wydać zaledwie połowę zamierzonej edycji Dzieł Mickiewicza (8 tomów tzw. Wydania Sejmowego).

Obecnie mamy już w Polsce całe Wydanie Narodowe Dzieł Adama Mickiewicza — w 16 tomach. Wydanie to zawiera m. in. (oprócz utworów poetyckich) nowy przekład artykułów Mickiewicza z „Trybuny Ludów", nowoopracowany tekst Wykładów paryskich i, co najważniejsze, wszystkie znane dotąd listy Mickiewicza. Korespondencja Mickiewicza, zebrana i opracowana naukowo przez St. Pigonia, zawiera wiele listów dotąd nieznanych, a w stosunku do dawniejszych wydań posiada o kilkaset listów więcej.

Z okazji stuletniej rocznicy śmierci A. Mickiewicza ukazało się nowe Wydanie, w wersji poprawionej, z licznymi wariantami, co wprowadza w warsztat artystyczny poety. Wydanie to (nazwijmy je rocznicowym) stanowi krok naprzód na drodze do krytyczno-naukowego wydania, co będzie stanowiło zadanie najbliższych lat. Prace wstępne nad krytyczno-naukowym wydaniem dzieł A. Mickiewicza już się rozpoczęły. Trwa praca nad indeksem nazw osobowych i geograficznych do publicystyki, wykładów i korespondencji Mickiewicza. Odpowiedni tom będzie stanowił naturalne uzupełnienie do obu wydań narodowych dzieł Mickiewicza. Ukażą się nadto w edycji fototypicznej dwa pierwsze wileńskie tomy poezji Mickiewicza, stanowiące wielką rzadkość bibliofilską.

Duże znaczenie dla pracy naukowej a także dla kultu Mickiewicza posiada zorganizowane Muzeum Mickiewicza w Warszawie. Jest to pierwsze muzeum tego typu w Polsce. W perspektywie Muzeum to stanie się ośrodkiem pracy naukowej nad twórczością Mickiewicza.

W związku z Rokiem Mickiewicza podjęto równie rozległe prace poszukiwawcze w archiwach. W tym zakresie warto wymienić prace poszukiwawcze w

archiwach radzieckich, dokonane przez docenta S. Fiszmana. Prace te dały wyniki w postaci autografów listów Mickiewicza oraz materiałów z nim powiązanych. Są też systematycznie publikowane.

Rozległą pracę prowadzą towarzystwa naukowe oraz Towarzystwo Wiedzy Powszechnej. Instytucje te popularyzują w postaci odczytów wiedzę o Mickiewiczu wśród najszerszych mas, wydają popularne książki, albumy itp.

W Roku Mickiewicza wznowione będzie — w nowej inscenizacji — arcydzieło Mickiewicza — Dziady. W Warszawie nastąpi otwarcie wystawy Mickiewiczowskiej w Muzeum Mickewicza. Również inne wielkie dramaty romantyczne (np. „Kordian" Słowackiego) ukażą się na scenie w Warszawie i w Krakowie.

W pracach nad Mickiewiczem biorą również udział pracownicy naukowi innych krajów. Mowa o pracach podjętych wspólnie lub przynajmniej w pewnym kontekście. Tak więc na ukończeniu bibliografia Mickiewiczowska w języku czeskim — przy współpracy polskich i czeskich uczonych, w ścisłej współpracy między polskimi i białoruskimi pracownikami naukowymi powstało Muzeum Mickiewicza w Nowogródku. Osobny rodzaj prac stanowią studia nad recepcją Mickiewicza w literaturze innych narodów. Takie prace mają się ukazać w szeregu krajów.

Twórczość Mickiewicza, poety wolności i wielkiego artysty, droga jest bowiem ludziom na całym świecie.

MARIAN JAKÓBIEC

OSIĄGNIĘCIA I DROGI ROZWOJOWE HISTORII LITERATUR SŁOWIAŃSKICH W POLSCE W LATACH 1945—1955

I

Literatury słowiańskie i problemy związane z ich procesami rozwojowymi interesowały zawsze żywo społeczeństwo polskie. Wielka literatura rosyjska, promieniująca na świat indywidualnością twórczą Puszkina, Lermontowa, Gogola, Turgieniewa, Dostojewskiego, Lwa Tołstoja i Gorkiego, ludowość i patos wolnościowy literatury ukraińskiej i białoruskiej, oryginalność wyrazu artystycznego literatur zachodnio-słowiańskich, wieczna świeżość i ludowe, soczyste piękno literatur narodów południowo-słowiańskich: Serbów, Chorwatów, Słoweńców i Bułgarów, były zawsze przedmiotem podziwu polskich mas czytelniczych. Niestety, polscy historycy literatury nie wykazywali zainteresowania tymi literaturami w stopniu odpowiadającym ich wyżynom ideowo-artystycznym i funkcji społecznej. Tradycje polskiej slawistyki literackiej nie były, jak wiadomo, szczególnie bogate. Mimo bujnego rozwoju tej dziedziny nauki na początku w. XIX w kręgu warszawskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, reprezentowanej przez uczonych tej miary co Michał Bobrowski, Andrzej Kucharski, Ignacy Rakowiecki, Jerzy Samuel Bandkie i Samuel Bogumił Linde, mimo wykładów paryskich Mickiewicza, który postawił sprawę literatur słowiańskich po raz pierwszy w historii na szerokim forum kulturalnym świata, mimo wreszcie żywych powiązań literatury polskiej z literaturami innych narodów słowiańskich i konkretnego wpływu, jaki zwłaszcza literatura rosyjska wywierała na życie polskie w w. XIX i XX, na kształtowanie się w Polsce ideologii postępu i wolności — nasza slawistyka literacka znajdowała się przez szereg dziesięcioleci na planie drugim, po językoznawstwie słowiańskim, które zdobyło sobie powszechny rozgłos i uznanie. Przyczyny tego niewątpliwego zaniedbania badań nad historią literatur słowiańskich w Polsce widzimy dziś jasno w sytuacji społeczno-politycznej kraju, w orientacji kulturalnej czynników nadających ton jego życiu naukowemu, w powiązaniu nauk humanistycznych z niektórymi programami politycznymi, utrudniającymi spokojne i obiektywne spojrzenie na problematykę literacką narodów słowiańskich, zwłaszcza narodu rosyjskiego. Świadczą o tym prace o literaturze rosyjskiej Włodzimierza Spasowicza czy Józefa Tretiaka. Tej drogi w odniesieniu do literatury rosyjskiej nie zdołały wyprostować solidne, filologiczne prace rusycystyczne Jana Łosia, Stanisława Ptaszyckiego, czy Jana Janowa.

Osobną kartę w historii polskiej slawistyki literackiej, którą oddziedziczyliśmy po minionych dziesięcioleciach, tworzą prace Aleksandra Brücknera. Wielki talent i gruntowna wiedza slawistyczna tego uczonego, ujawniona w setkach artykułów i prac o najszerszym zasięgu tematycznym, zawiodły w dwutomowej „Historii literatury rosyjskiej" (1922) i „Zarysie dziejów literatur i języków literackich słowiańskich" (1929) opracowanym wspólnie z Tadeuszem Lehrem-Spławińskim. Nie mieliśmy więc i w tym uczonym wzoru do którego moglibyśmy nawiązać przy tworzeniu podstaw wiedzy o literaturach słowiańskich w Polsce Ludowej. Nie dawały go także pracowite, ale pozbawione szerszego oddechu książki i studia slawistyczne Józefa Gołąbka i Władysława Bobka. W poszukiwaniu tradycji polskiej slawistyki literackiej zwracamy się dziś raczej w stronę postępowej krytyki literackiej w. XIX, ku artykułom i studiom rusycystycznym Bronisława Białobłockiego, ku pracom poświęconym literaturze ukraińskiej Leonarda Sowińskiego — a wreszcie ku niestrudzonym zbieraczom i badaczom słowiańskiej ludowej kultury literackiej, jak Wacław z Oleska, Żegota Pauli, Oskar Kolberg, Roman Zmorski, Izydor Kopernicki.

Na tym wątłym na ogół gruncie przystąpiliśmy w ostatnim dziesięcioleciu do budowy w Polsce zrębów nowego literaturoznawstwa słowiańskiego[1]. Mimo dotkliwego braku należycie przygotowanych kadr, zdołaliśmy, nie wahamy się stwierdzić, dokonać niemałego przełomu w naszej nauce na rzecz literaturoznawstwa słowiańskiego i wyrównujemy dziś powoli dysproporcje między badaniami literaturoznawczymi i językoznawczymi na polu słowianoznawstwa polskiego.

II

Przełom ten zaznaczył się najwyraźniej na polu rusycystyki w Polsce Ludowej, najbardziej obciążonej tradycją przeszłości, najbardziej zaciemnionej fałszem, a równocześnie stanowiącej kluczowy problem słowianoznawstwa polskiego od chwili jego ukształtowania się u progu w. XIX[2]. O osiągnięciach współczesnej naszej rusycystyki świadczy to, że zdołaliśmy zorganizować cztery uniwersyteckie katedry filologii rosyjskiej, w Krakowie, Wrocławiu, Warszawie i Łodzi, że kształcą się w nich setki młodych rusycystów, tworzących zalążek nie tylko dobrze przygotowanych nauczycieli języka rosyjskiego, znawców i popularyzatorów rosyjskiej kultury literackiej, ale też młodej kadry naukowej. O zdobyczach organizacyjnych rusycystyki w Polsce Ludowej świadczy wreszcie powołanie do życia w r. 1952 Instytutu Polsko-Radzieckiego, pozostającego pod opieką naukową Polskiej Akademii Nauk, z rozbudowanym zakładem badań literackich, prowadzącym w pierwszym rzędzie prace nad historią stosunków literackich polsko-rosyjskich. Wydawany w tym ośrodku „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego" jest pierwszym polskim czasopismem naukowym poświęconym zagadnieniom rusycystycznym.

Trudnym zadaniem jakie stanęło przed rusycystyką w Polsce w ostatnim dziesięcioleciu było ożywienie i unowocześnienie prac nad przyswojeniem i nau-

[1] I Kongres Nauki Polskiej, Sekcja Nauk Społecznych i Humanistycznych. Referaty Podsekcji Neofilologii, seria I, zeszyt 6, Warszawa 1951, str. 1—40.

[2] Jakóbiec M., Stan i postulaty naukowe historii literatur słowiańskich w Polsce, „Pamiętnik Słowiański", II, Kraków 1951, str. 61—88; tenże, Stan i potrzeby naukowe badań nad stosunkami literackimi polsko-radzieckimi, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego", 1952, nr 1, str. 7—28; Fiszman S. i Jakóbiec M., Dziesięć lat rusycystyki literackiej w Polsce Ludowej, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego", 1954, nr 3(8), str. 55—93.

kową interpretacją literatury staroruskiej, w oparciu o olbrzymie zdobycze nauki radzieckiej w tej dziedzinie i w dostosowaniu do specyficznych własnych potrzeb. Musimy poddać rewizji wszystko, co w dziedzinie tej uczynili nasi slawiści starszego pokolenia. W związku z tym daliśmy dwie pełne interpretacje „Słowa o wyprawie Igora" na tle kongenialnego przekładu tego zabytku pióra Juliana Tuwima: popularno-naukową[3], która po raz pierwszy w rusycystyce polskiej naświetliła ten zabytek na tle całokształtu kultury umysłowej Rusi Kijowskiej w oparciu o osiągnięcia literaturoznawstwa radzieckiego, ukazując jego treść ideową, artyzm, zagadnienia autorstwa, sprawę autentyczności i znaczenie w literaturze — oraz naukową[4], pióra Antoniny Obrębskiej-Jabłońskiej, z własną lekcją oryginału oraz obszernym twórczym komentarzem filologicznym. Ważny rozdział tej książki stanowi historia przekładów zabytku na język polski. Szereg naukowo-popularnych i popularnych artykułów poświęcono w Polsce w ostatnich latach zagadnieniu autentyczności „Słowa" i rozprawiono się już chyba ostatecznie na gruncie polskim z próbami wskrzeszenia koncepcji sceptyków. Ważne argumenty na rzecz autentyczności zabytku ogłosił przed paru laty polski orientalista Ananiasz Zajączkowski[5]. Cennym uzupełnieniem polskich prac dotyczących kultury piśmienniczej Rusi Kijowskiej będzie także polska edycja „Kroniki lat doczesnych", z bogatym aparatem naukowym, przygotowywana obecnie w Krakowie przez Tadeusza Lehra-Spławińskiego i Wiktora Jakubowskiego.

Po raz pierwszy w dziejach slawistyki polskiej sięgnęliśmy ostatnio również do literatury staroruskiej w. XV, ogłaszając polski przekład „Wędrówki za trzy morza" Atanazego Nikitina z obszernym wstępem i komentarzem naukowym[6]. Nieco uwagi poświęcili rusycyści polscy także postaci protopopa Awwakuma[7]. W najbliższych tygodniach ukaże się wreszcie w wydawanej przez Ossolineum „Bibliotece Narodowej" tomik polskich przekładów bylin[8] z obszernym studium wstępnym, nawiązującym, ale też przeciwstawiającym się niektórym wywodom głośnej książki Juliana Krzyżanowskiego o rosyjskiej epice ludowej z r. 1934.

Literatura rosyjska w. XVIII w słabym jeszcze stopniu znalazła się w kręgu zainteresowań polskich rusycystów. Co prawda, wyszedł już z druku tom I antologii literatury rosyjskiej tej epoki[9] z oryginalnymi tekstami oraz komentarzem filologicznym w języku polskim. Na szczególną uwagę zasługuje jednak to, co zrobiono u nas w ubiegłym dziesięcioleciu w zakresie udostępnienia i spopularyzowania twórczości pierwszego rewolucyjnego pisarza rosyjskiego, Aleksandra

[3] Słowo o wyprawie Igora. Przełożył Julian Tuwim. Wstęp i objaśnienia Mariana Jakóbca. Wydanie drugie, zmienione, Wrocław 1950, Biblioteka Narodowa, seria II, nr 50.

[4] Słowo o wyprawie Igora. W opracowaniu Antoniny Obrębskiej-Jabłońskiej, Warszawa 1954.

[5] Zajączkowski A., Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław 1949, Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, Seria IA, nr 34, str. 48—64.

[6] Nikitin Atanazy, Wędrówka za trzy morza. Przełożyła H. Willman-Grabowska. Wstępem i objaśnieniami opatrzyli W. Jakubowski i H. Willman-Grabowska, Wrocław 1952, Biblioteka Narodowa, seria II, nr 72.

[7] Jakubowski W., Protopop Awwakum na tle walk ideowo-religijnych w Rosji XVII stulecia. „Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności", t. XLIX, 1948, nr 1, str. 7—11.

[8] Byliny. Wybrał, wstępem i objaśnieniami zaopatrzył M. Jakóbiec, Wrocław 1955, Biblioteka Narodowa, seria II, nr 89.

[9] Antologia literatury rosyjskiej wieku XVIII. Część pierwsza. 1700—1760. Opracował W. Jakubowski, Warszawa 1954.

Radiszczewa. Ukazał się doskonały przekład jego „Podróży z Petersburga do Moskwy" z obszernym wstępem i komentarzem[10]. Trwałą wartość przedstawiają wreszcie materiały sesji naukowej zorganizowanej przez Instytut Polsko-Radziecki i Komitet Slawistyki i Rusycystyki Polskiej Akademii Nauk z okazji 150 rocznicy śmierci pisarza: studium o jego życiu i twórczości, o języku jego dzieł, a wreszcie omówienie polskich sądów o Radiszczewie[11]. Twórczością jego zajęli się także w sposób nowatorski polscy historycy[12], wykazując zbieżności poglądów Radiszczewa i Staszica.

W centrum zainteresowań polskich rusycystów znalazła się wielka dziewiętnastowieczna literatura rosyjska. Wyświetliliśmy parę szczegółów dotyczących literatury dekabrystowskiej. Na tle Tuwimowskiego przekładu komedii „Mądremu biada" ogłoszono kilka artykułów o Gribojedowie. Główną wszakże uwagę poświęcamy Puszkinowi, mającemu najpiękniejsze i najbogatsze tradycje w naszej historii literatury. Współczesne polskie prace i artykuły o Puszkinie dążą przede wszystkim do wyświetlenia wartości jego puścizny poetyckiej dla nas, dla naszej epoki. Wokół problemu tego koncentrują się bogate materiały roku jubileuszowego poety (1949). Z zagadnień szczegółowych na plan pierwszy wysunęliśmy problem realizmu twórczości Puszkina[13]. Stosunkowo dużo uwagi poświęciliśmy jego prozie i dramaturgii[14]. Otrzymaliśmy ciekawe omówienie oddziaływania puszkinowskiej poezji na muzykę[15]. Kontynuowaliśmy też prace nad stosunkiem poety do kultury polskiej[16]. Podjęliśmy wreszcie próbę ustalenia genezy niektórych utworów Puszkina związanych tematycznie z postacią Mickiewicza[17]. Osobną grupę współczesnyh polskich puszkinianów stanowią prace nad losami poety w Polsce, nad przekładami jego utworów na język polski i stosunkiem doń polskiej krytyki literackiej[18]. Wskazujemy wreszcie na nowe, znakomicie poszerzone i przerobione wydanie „Zarysu bibliograficzno-literackiego" pt. „Puszkin w Polsce" pióra Mariana Toporowskiego[19].

Z tematem Puszkinowskim wiąże się znaczna ilość polskich prac o Mickiewiczu i literaturze rosyjskiej. Jest to trwały temat w polskich badaniach literackich począwszy od r. 1886, tj. od pamiętnych odczytów Włodzimierza Spasowicza wy-

[10] Radiszczew Aleksander, Podróż z Petersburga do Moskwy. Przełożył S. Pollak. Wstęp i objaśnienia W. Jakubowskiego, Wrocław 1954, Biblioteka Narodowa, seria II, nr 87.

[11] Jakubowski W. Aleksander Radiszczew; Bazylow L., Epoka Radiszczewa; Jakóbiec M., Kilka polskich sądów o Radiszczewie; Mirowicz A., O języku Radiszczewa. „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego", 1953, nr 2—3, str. 13—58.

[12] Bobińska C., St. Staszic i A. Radiszczew wobec kwestii społeczno-gospodarczych. (Próba powiązania historycznego), „Przegląd Historyczny", 1950, t. XL, str. 201—232.

[13] Jakubowski W., Droga Puszkina do realizmu, „Pamiętnik Słowiański" 1950, t. II, str. 7—16.

[14] Gomolicki L., Wielki realista Aleksander Puszkin. Warszawa 1954, str. 103—160; Krzyżanowski J., Dramaturgia Puszkina. „Teatr", 1949, nr 6, str. 4—7.

[15] Lissa Z., Puszkiniana muzyczne, „Kuźnica", 1949, nr 22; Lissa Z., Poezja Puszkina w muzyce rosyjskiej i radzieckiej, Dodatek do numeru 7—8 „Życia Słowiańskiego", 1949, str. 472—477.

[16] Jakóbiec M., Artyści polscy w otoczeniu Puszkina, „Sprawozdania Towarzystwa Naukowego Warszawskiego", Wydział I, R. XLII, 1949, str. 44—46.

[17] Jakóbiec M., Słowacki w kręgu poetyckim Puszkina. Na tropach rozwiązania jednej zagadki, „Zeszyty Wrocławskie", 1949, nr 1—2, str. 1—10.

[18] Toporowski M., O nieznanym tłumaczu Puszkina, Wrocław 1949.

[19] Toporowski M., Puszkin w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki, Warszawa 1949.

głoszonych w Krakowie, stanowiących w pewnym sensie punkt wyjściowy nowoczesnej rusycystyki w Polsce, temat, kontynuowany później przez Józefa Tretiaka i Wacława Lednickiego. Wokół głębokiej wymowy historycznej kontaktów literackich Mickiewicza i Puszkina i ich znaczenia jako symbolu zbliżenia tego, co w narodzie polskim i rosyjskim było w przeszłości najlepsze, koncentrują się artykuły, referaty i prace stanowiące pokłosie jubileuszu Puszkina i Mickiewicza obchodzonego w Polsce niezwykle uroczyście w r. 1949. Jednocześnie niemal ukazują się na ten temat książki, prace i artykuły Henryka Batowskiego, Samuela Fiszmana, Leona Gomolickiego, Mariana Jakóbca, Juliana Krzyżanowskiego, Leonarda Podhorskiego-Okołowa, Henryka Wolpego, Czesława Zgorzelskiego. Zaznaczmy tylko, że Samuel Fiszman[20] odkrył w archiwach radzieckich i opublikował nieznane dotychczas autografy poety, wyjaśnił okoliczności wyjazdu Mickiewicza z Rosji, opublikował ciekawe o nim sądy i wspomnienia Rosjan, odszukał miejsca związane z pobytem poety w Rosji, ogłosił niezwykle cenne wspomnienie o procesie filaretów oraz rosyjskie relacje z wykładów paryskich. Stefan Żółkiewski w polemicznej książce „Spór o Mickiewicza"[21] dał nowatorską analizę przemian jakie zaszły w poecie pod wpływem ideologii dekabryzmu. Podsumowując całość dorobku polskiego ostatnich lat dziesięciu nad sprawami rosyjskimi w kręgu Mickiewicza stwierdzamy, że wyszły one znacznie poza spuściznę naukową Spasowicza, Tretiaka, Brücknera i Lednickiego, odkryły nowe materiały, dały ich słuszną interpretację historyczną i stworzyły podstawę do dalszych badań nad tym ważnym tematem.

Znacznie słabiej rozwijały się w Polsce w ostatnich latach dziesięciu prace nad twórczością Lermontowa i Gogola, jakkolwiek i na tych odcinkach notujemy kilka ciekawych publikacji dotyczących zwłaszcza powiązania tych pisarzy z literaturą polską. Z drugiej strony daje się zauważyć ogromny wzrost zainteresowań twórczością rosyjskich rewolucyjnych demokratów: Bielinskiego, Czernyszewskiego, Dobrolubowa oraz twórczością literacką i działalnością społeczno-polityczną Aleksandra Hercena. Nie tylko uprzystępniliśmy szerokim rzeszom polskich czytelników teksty ich dzieł. Kilka studiów o filozofii, estetyce i etyce Bielinskiego[22] oraz prace o Czernyszewskim, przedstawione na sesji naukowej poświęconej temu rewolucyjnemu pisarzowi, zorganizowanej w r. 1954 przez Instytut Polsko-Ra-

[20] Fiszman S., Pokłosie Mickiewiczowskie z archiwów radzieckich. „Twórczość", 1947, zeszyt 3, str. 5—24; tenże; Wyjazd Mickiewicza z Rosji w świetle dokumentów, „Odrodzenie", 1947, nr 51—52; tenże, Mickiewicz w Rosji, Warszawa 1949; tenże, Mickiewicziana w Instytucie Literatury Akademii Nauk ZSRR w Leningradzie, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego", 1952, nr 1, str. 29—36; tenże, Wspomnienia Iwana Łobojki o procesie filaretów, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego", 1953, nr 2—3, str. 107—133; tenże, Pisma urzędowe Adama Mickiewicza do D. W. Golicyna, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego", 1955, nr 1—2 (10—11), str. 297—302; Batowski H., Na marginesie tematu: Mickiewicz w Rosji, „Twórczość", 1948, zeszyt 3, str. 251—287; Gomolicki L., Mickiewicz wśród Rosjan, Warszawa 1950; tenże, Dziennik pobytu Mickiewicza w Rosji 1824—1829, Warszawa 1949; Zgorzelski Cz., Mickiewicz w Rosji, „Twórczość" 1947, zeszyt 11, str. 94—103; Jakóbiec M., Nad autografem Mickiewiczowskiego wspomnienia o Puszkinie, „Rocznik Zakładu Narodowego im. Ossolińskich", tom III, Wrocław 1948, str. 29—56.

[21] Żółkiewski St., Spór o Mickiewicza. Wrocław 1952, str. 81—112.

[22] Walicki A., Poglądy etyczne W. Bielinskiego, „Myśl Filozoficzna" 1954, nr 2, str. 124—156; tenże, Zagadnienie piękna w estetyce rosyjskich rewolucyjnych demokratów, „Materiały do studiów i dyskusji z zakresu teorii i historii sztuki, krytyki artystycznej oraz badań nad sztuką", 1953, nr 3—4, str. 129—172; Fiszman S., Aleksander Hercen, Warszawa 1951; Kowalski J., Rewolucyjna demokracja rosyjska a powstanie styczniowe, Warszawa 1949.

dziecki i Komitet Slawistyki i Rusycystyki Polskiej Akademii Nauk, dały wnikliwe spojrzenie w problematykę filozoficzną, historyczną i estetyczną tego pisarza[23]. Taka sama sesja zorganizowana w 75 rocznicę śmierci Mikołaja Niekrasowa, przyniosła, poza materiałem omawiającym twórczość poety i język jego dzieł, sporo nowych danych do recepcji Niekrasowa w Polsce oraz ocenę dawnych i nowych przekładów jego utworów na język polski[24].

Wiele — jakkolwiek wciąż jeszcze nie dość — poświęciliśmy w ostatnich latach uwagi twórczości Lwa Tołstoja. Zajęli się nim jednak raczej pisarze i krytycy literaccy niż historycy literatury. W polu widzenia rusycystów znalazły się tylko poglądy estetyczne pisarza[25] oraz recepcja i wpływ jego dzieł na literaturę polską. Problem żywotności wielkich powieści Lwa Tołstoja w Polsce opracowuje obecnie wspólnie Instytut Polsko-Radziecki i Katedra filologii rosyjskiej Uniwersytetu Wrocławskiego. W ośrodkach tych zainicjowano już prace nad Czechowem w Polsce: obecnie znajdują się już w druku rozprawy młodszego pokolenia polskich rusycystów na temat początków sławy Czechowa w Polsce, pierwszych inscenizacji jego dramatów na polskich scenach i recepcji jego utworów w Polsce w okresie międzywojennego dwudziestolecia. Prace te były przedstawione na konferencji naukowej Instytutu Polsko-Radzieckiego i Komitetu Slawistyki i Rusycystyki Polskiej Akademii Nauk w r. 1955 z okazji pięćdziesiątej rocznicy śmierci pisarza i wywołały żywe zainteresowanie.

Poważne prace przeprowadzono w Polsce w ostatnich latach w kierunku wyświetlenia kluczowych zagadnień literatury radzieckiej. Zasłużyli się w tym przede wszystkim pisarze, krytycy i tłumacze. Oni przede wszystkim zajęli się problemami metodologicznymi tej literatury. Im przypada udział w dziele przyswojenia literaturze polskiej znacznej części spuścizny pisarskiej Gorkiego i Majakowskiego. Na warsztacie slawistycznym pozostał problem zasięgu i oddziaływania pisarzy radzieckich na literaturę polską i życie społeczne w Polsce. Pewne próbne prace wykonane już w tej dziedzinie dały rezultaty ciekawe i wykraczające poza wyniki, jakie przyniosły badania radzieckie w tej dziedzinie.

III

Problemy rusycystyczne zajęły pierwsze miejsce w polskiej slawistyce literackiej minionego dziesięciolecia. Nie przysłoniły nam one jednak znaczenia zagadnień historyczno-literackich innych narodów słowiańskich. Podjęliśmy próbne na razie prace nad zagadnieniami związanymi z literaturą ukraińską. Koncentrują się one w uruchomionej niedawno katedrze filologii ukraińskiej w Uniwersytecie Warszawskim oraz w Instytucie Polsko-Radzieckim i dotyczą głównie historii stosunków literackich polsko-ukraińskich. Przekłady polskie prozy artystycznej

[23] Kowalski J., Wielki rewolucjonista rosyjski — przyjaciel i nauczyciel rewolucyjnych demokratów polskich; Siekierska J., Czernyszewski o pięknie; Walicki A., Czernyszewski jako krytyk literacki; Żurawicki S., Czernyszewski jako krytyk ekonomii burżuazyjnej. „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego", 1954, nr 4 (9), str. 5—90.

[24] Fiszman S., Mikołaj Niekrasow; Jakóbiec M., Niekrasow w oczach Polaków; Tołkaczow A., Język Niekrasowa; Cesarz A., Więzień Szlisselburga tłumaczem Niekrasowa; Galster B., Pieczyński M., Przybylski R., Niekrasow w przekładach J. Tuwima, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego", 1953, nr 5, str. 3—76.

[25] Walicki A., Lwa Tołstoja poglądy na sztukę w związku z estetyką rewolucyjnych demokratów. „Materiały do studiów i dyskusji z zakresu teorii i historii sztuki, krytyki artystycznej oraz badań nad sztuką", 1954, nr 1, str. 209—254.

Kociubyńskiego, wierszy Szewczenki[26] oraz utworów wybranych Iwana Franki otrzymały już należyte wstępy i częściowo komentarze. Zajmujemy się stosunkiem postępowej polskiej krytyki wobec Szewczenki oraz udziałem w polskim życiu kulturalnym i literackim Iwana Franki. Ogłoszone na ten temat studia i artykuły w „Kwartalniku Instytutu Polsko-Radzieckiego"[27] stanowią pierwszą na razie próbę spojrzenia na to kluczowe zagadnienie stosunków literackich polsko-ukraińskich. Do ożywienia prac ukainistycznych w Polsce przyczyniła się zorganizowana przez Instytut Polsko-Radziecki i Wydział I Polskiej Akademii Nauk sesja w związku z 300 rocznicą Rady Perejasławskiej, w programie której znalazły się także zagadnienia kultury ukraińskiej[28] Dotychczasowy dorobek ukrainistyki polskiej pozwala nam już na przystąpienie do wydania chrestomatii literatury ukraińskiej z tekstami oryginalnymi i komentarzami historyczno-literackimi i językowymi po polsku. Dodamy wreszcie, że przystąpiliśmy do pewnych badań nad literaturą białoruską. W chwili obecniej toczą się już prace nad wydaniem dalszych tomów materiałów folklorystycznych Michała Federowskiego, które szczęśliwie ocalały z pożogi wojennej, a dla poznania kultury duchowej narodu białoruskiego przedstawiają pierwszorzędną wartość.

Prace nad literaturami zachodnio- i południowo-słowiańskimi skupiają się obecnie w Polsce w trzech katedrach uniwersyteckich, w Warszawie, Krakowie i Poznaniu, oraz w Komitecie Slawistyki i Rusycystyki Polskiej Akademii. Komitet ten rozporządza już swoimi pracowniami naukowymi w Warszawie i Krakowie, które częściowo zajmują się także sprawami historyczno-literackimi. Po raz pierwszy w dziejach słowianoznawstwa polskiego uzyskaliśmy możność druku prac historyczno-literackich poświęconych Słowiańszczyźnie zachodniej i południowej na łamach specjalnego czasopisma naukowego „Pamiętnik Słowiański", założonego w r. 1949 jako organ Studium Słowiańskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie, które obecnie staje się organem Komitetu Slawistyki i Rysycystyki Polskiej Akademii Nauk.

Badania w zakresie literatury czeskiej i słowackiej koncentrujemy dziś w Polsce przede wszystkim wokół stosunków literackich polsko-czeskich i polsko-słowackich. Kontynuując prace nieodżałowanej pamięci Mariana Szyjkowskiego zwracamy uwagę zarówno na dawniejsze, jak też nowsze związki literackie Polski i Czech oraz Słowacji, poszerzając je na najszersze zagadnienia kultury[29]. Drogami tymi prowadzi od lat swoje studia Stefan Vrtel-Wierczyński[30]. Z tematyką pogranicza literackiego polsko-czeskiego i polsko-słowackiego związane są również

[26] Szewczenko T., Utwory wybrane. Redaktor i słowo wstępne Wł. Słobodnik. Posłowiem i przypisami opatrzył M. Jakóbiec, Warszawa 1955.

[27] Kozłowski J., Iwan Franko a polski ruch robotniczy w Galicji w latach 70—80 wieku XIX, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego", 1954, nr 1 (6), str. 93—102; Dunin-Wąsowicz K., Publicystyka Iwana Franki w prasie ruchu ludowego w Galicji, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego", 1955, nr 1—2 (10—11), str. 232—257.

[28] Jakóbiec M., Źródła i drogi rozwojowe kultury ukraińskiej, „Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego", 1955, nr 1—2 (10—11), str. 100—123.

[29] Lehr-Splawiński T., Piwarski K., Wojciechowski Z., Polska—Czechy. Dziesięć wieków sąsiedztwa, Katowice—Wrocław 1947, Pamiętnik Instytutu Śląskiego, seria II, 7.

[30] Wierczyński St., Motywy polskie u Alojzego Jiráska. Poznań 1951, Nadbitka z „Przeglądu Zachodniego", 1951, 3—4; tenże, Polski i czeski „Dialog Palinura z Charonem". Biernat z Lublina i Mikuš Konáč, „Pamiętnik Literacki", 1952, R. XLIII, str. 617—622.

prace Józefa Magnuszewskiego[31], którego książka „Stosunki literackie polsko-czeskie w końcu XIX i na początku XX wieku"[32] jest pozycją ważną nie tylko dla polskiego słowianoznawstwa. Spod piór polskich współczesnych bohemistów wyszło też kilka wartościowych komentarzy popularno-naukowych do dzieł literackich. „Wybór pism" Jana Kollara w opracowaniu Henryka Batowskiego[33] zaopatrzony został w pierwsze w naszym słowianoznawstwie studium o autorze niezapomnianej rozprawy „O literackiej wzajemności między różnymi szczepami i narzeczami narodu słowiańskiego". W „Bibliotece Narodowej" wyszły również ciekawe naukowo-popularne studia i komentarze do „Wyboru obrazków i opowiadań" Bożeny Niemcowej[34] i „Wyboru poezji" Jarosława Vrchlickiego[35].

Bohemistyka polska przechodzi w chwili obecnej stadium szybkiego rozrostu[36]. Plany naukowo-badawcze katedr filologii słowiańskiej w Warszawie, Krakowie i Poznaniu wskazują, że praca w tym kierunku potoczy się szybko i przyniesie ciekawe rezultaty.

Najpoważniejszą lukę we współczesnym słowianoznawstwie polskim odczuwamy w dziedzinie badań nad literaturami południowo-słowiańskimi. Brak dostatecznie wykwalifikowanych kadr znawców tych literatur, spowodowany wyjątkowo ciężkimi stratami wojennymi, wywołał obniżenie zainteresowań tymi zagadnieniami — nawet w porównaniu z latami przedwojennymi. Tomik południowo-słowiańskich pieśni epickich ze studium wstępnym i komentarzami[37], parę artykułów z historii stosunków literackich polsko-jugosłowiańskich[38], parę szkiców o recepcji literatury polskiej w Jugosławii, w szczególności Mickiewicza i Słowackiego[39] — oto wąski na razie cykl naszych studiów świadczących o zaintereso-

[31] Magnuszewski J., Uwagi nad „Tragedią żebraczą", „Pamiętnik Literacki", 1952, R. XLIII, str. 623—634; tenże, Nieznana korespondencja Marii Konopnickiej z Jarosławem Vrchlickim, „Pamiętnik Literacki", 1950, str. 551—557. Zobacz także: Śliziński J., Z materiałów do dziejów pierwszej emigracji Braci Czeskich do Polski, „Pamiętnik Literacki", 1952, R. XLIII, str. 635—639; tenże, Korespondencja J. I. Kraszewskiego i F. A. Hory. „Pamiętnik Literacki", 1951, R. XLII, str. 1049—1056; tenże, Z pogranicza zagadnień literackich czeskich i polskich, „Przegląd Zachodni", 1952, z. 9—10.

[32] Wrocław 1951.

[33] Kollár Jan, Wybór pism. Opracował Henryk Batowski, Wrocław 1954, „Biblioteka Narodowa", seria II, nr 89.

[34] Niemcowa Bożena, Wybór obrazków i opowiadań. Przełożył i opracował Józef Magnuszewski, Wrocław 1952, Biblioteka Narodowa, seria II, nr 70.

[35] Vrchlický Jarosław, Wybór poezji. Opracował Józef Magnuszewski, Wrocław 1954, Biblioteka Narodowa, seria II, nr 88.

[36] Zob. prace i artykuły bohemistyczne Tadeusza Stanisława Grabowskiego i Jerzego Pogonowskiego w „Pamiętniku Słowiańskim".

[37] Jugosłowiańska epika ludowa. W przekładzie Cz. Jastrzębiec-Kozłowskiego. Wybrał wstępem i objaśnieniami opatrzył M. Jakóbiec, Wrocław 1948, Biblioteka Narodowa, seria II nr 58.

[38] Jakóbiec M., Z przeszłości polsko-jugosłowiańskiej współpracy kulturalnej. „Sprawozdania Towarzystwa Naukowego Warszawskiego", Wydział I, Rok XLI, 1948, str. 20—30; Molè W., Polacy w cywilizacji Jugosławii, „Pamiętnik Słowiański", 1951, tom II, str. 167—186.

[39] Frančić V., Adam Mickiewicz w chorwackich i serbskich przekładach, „Pamiętnik Słowiański", 1949, tom I, str. 130—147; tenże, Poezje Słowackiego w chorwackich i serbskich przekładach, „Pamiętnik Słowiański", 1951, tom II, str. 127—154; tenże, A. Fredro na scenie zagrzebskiej, „Pamiętnik Słowiański", 1952, tom III, str. 186—194. Z prac specjalnych o literaturze narodów Jugosławii zob. ponadto: Molè W., Oblicze społeczne słoweńskiej „moderny", „Pamiętnik Słowiański", 1952, tom III, str. 195—221, oraz Cirlić Br., Próba nowego spojrzenia na „Pamiętniki Janczara". „Pamiętnik Literacki", 1952, XLIII, str. 140—152.

waniu słowianoznawców polskich literaturami narodów Jugosławii. W odniesieniu do Bułgarii dorobek ten jest jeszcze skromniejszy, mimo rzetelnych wysiłków polskich pisarzy i tłumaczy, przyswajających teksty bułgarskie literaturze polskiej, oraz dużej poczytności tłumaczonej u nas prozy i poezji bułgarskiej wśród szerokich rzesz czytelniczych.

IV

Przystępując do organizacji prac nad historią literatur słowiańskich w Polsce Ludowej postawiliśmy przed sobą konkretne cele. Świadomie wzięliśmy na siebie obowiązek propagowania postępowych zdobyczy kultury literackiej narodów słowiańskich. Pomagamy w przyswajaniu wartości tych literatur narodowi polskiemu. Tłumaczone teksty staramy się zaopatrywać we wstępy i komentarze zbliżające je do szerokich mas społeczeństwa, staramy się ujawniać ich specyfikę ideowo-artystyczną i miejsce w systemie kultur narodów słowiańskich. Główny wszakże nacisk kładziemy na tzw. pogranicze literackie polsko-słowiańskie. I w tej właśnie dziedzinie osiągnięcia nasze wydają się ważne. Zagadnienie żywotności rosyjskiej literatury w społeczeństwie polskim i odwrotnie, sprawa literatury polskiej w Rosji, wykracza poza problem prostej recepcji literackiej i nie ogranicza się do wykrywania, co o jakim autorze w Polsce pisano i co z niego tłumaczono. Wśród Polaków, znających w dużej mierze język rosyjski w w. XIX i na pocz. XX, nie było to najważniejsze. Dziś staramy się wykrywać korzenie społeczne polsko-rosyjskich związków literackich, określać ich historyczne uwarunkowanie, wykrywać użyteczność społeczną literatury rosyjskiej w Polsce i odwrotnie, literatury polskiej w Rosji.

O słuszności obranej przez nas drogi świadczy to, że wytrzymały próby krytyki nasze studia o dziejach sławy „Słowa o wyprawie Igora" w Polsce, o odgłosach polskich sławy Radiszczewa, o polskich sądach o Niekrasowie, o popularności i zasięgu oddziaływania prozy artystycznej i teatru Czechowa, o literaturze rosyjskiej w Polsce w okresie pozytywizmu[40], a zwłaszcza nasze nowe prace Puszkinowsko-Mickiewiczowskie. Tą samą drogą pójdziemy w badaniach żywotności literatury polskiej na gruncie rosyjskim. Przypominamy sąd Brücknera, że Rosja znała i ceniła literaturę polską nierównie lepiej niż my jej literaturę od czasów Niemcewicza i Mickiewicza aż do Orzeszkowej, Sieroszewskiego i Przybyszewskiego. Zaczęliśmy już badania nad żywotnością poezji Mickiewiczowskiej wśród Rosjan. Wkrótce damy większą monografię o literaturze polskiej w kręgu pisarskim Korolenki, wykonaną przez polskiego młodego rusycystę na radzieckim warsztacie naukowym. Badania te prowadzić będziemy konsekwentnie dalej.

Te same prace zaczęliśmy i prowadzić będziemy w odniesieniu do innych literatur słowiańskich. Prześledzimy powiązania literatury polskiej i ukraińskiej oraz białoruskiej, zwłaszcza wpływy białoruskiej poezji ludowej na literaturę polską. Ogłoszona na ten temat przed wojną praca daleka jest od wyczerpania tematu.

[40] Jakóbiec M., Literatura rosyjska wśród Polaków w okresie pozytywizmu, Wrocław 1950, Osobne uzupełnione odbicie ze Studiów historyczno-literackich, T. II, Pozytywizm, cz. I, Instytut Badań Literackich. Sprawami stosunków literackich polsko-rosyjskich zajęli się także poloniści: Krzyżanowski J., Sienkiewicz a literatura rosyjska (w setną rocznicę urodzin autora „Trylogii"). „Nauka i Sztuka", 1946, nr 5—6, str. 129—142; Mikulski T., Z korespondencji Turgieniewa, „Zeszyty Wrocławskie", 1950, nr 3—4, str. 85—87; tenże, Zapomniany list Orzeszkowej do Szczedrina, „Zeszyty Wrocławskie", 1951, nr 2, str. 43—47; Sandler S., U początków marksistowskiej krytyki literackiej w Polsce. Bronisław Białobłocki. Wrocław 1954, Studia historyczno-literackie Instytutu Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk, tom XXI.

Wpływami piśmiennictwa staroczeskiego na literaturę polską zajmowano się w Polsce wiele, ale bynajmniej nie zamknięto tego tematu. Śledzić będziemy w dalszym ciągu reakcje polskie na literaturę czeską w w. XIX oraz literatury południowo-słowiańskie. Dotychczas mamy tylko dobrą pracę uczonego jugosłowiańskiego, Krešimira Georgijevicia, o żywotności i znaczeniu jugosłowiańskiej epiki ludowej w Polsce. Reszta leży prawie odłogiem. Poszerzymy też badania nad żywotnością literatury polskiej wśród innych Słowian i nad jej udziałem w zbogacaniu ich życia kulturalnego i narodowego. Zagadnienia te, dzięki pracom Mariana Szyjkowskiego, Juliusa Dolanskiego, Karola Krejči i Władysława Bobka zostały opracowane na odcinku czeskim i słowackim, ą dzięki gruntownej dysertacji Djordje Živanovicia na odcinku literatury serbskiej. Dziś wszakże tematy te wymagają ponownego przepracowania, w oparciu o nowe materiały i w świetle nowych założeń metodologicznych.

Stawiając te zagadnienia w programie polskiej slawistyki literackiej staramy się wykazywać jak wśród narodów słowiańskich sprzęgała się ze sobą postępowa i nowa myśl społeczna przyobleczona w formę dzieła literackiego, jaki był wzajemny zasięg tych literatur, jaka wzajemna funkcja ideowo-artystyczna. Dopiero później, po zaspokojeniu tej najpilniejszej potrzeby naukowej, przystąpimy do szerszych monografii i syntez literackich, uwzględniających specyficzne potrzeby polskiej slawistyki literackiej.

W roku Mickiewiczowskim koncentrujemy nasze siły na sprawach związków poety ze Słowiańszczyzną i na szczególnej roli jaką odegrały jego utwory wśród narodów słowiańskich. W Instytucie Polsko-Radzieckim przygotowywana jest monografia o Mickiewiczu w Rosji oraz duże studium o Mickiewiczu jako historyku literatury rosyjskiej. W Komitecie Slawistycznym i Rusycystycznym Polskiej Akademii Nauk prowadzone są prace nad historią przekładów dzieł Mickiewicza na język czeski i słowacki oraz nad czeską i słowacką krytyką literacką poświęconą poecie. Wydamy też bibliografię „Mickiewicz w bułgarskich przekładach i krytyce literackiej" przygotowaną w Bułgarii i poprzedzoną wstępem pióra bułgarskiego uczonego. Ogłaszać u nas będziemy również studia, prace i materiały które dostarczą nam koledzy slawiści jugosłowiańscy.

Rok Mickiewiczowski będzie dalszym krokiem w rozwoju polskiej slawistyki literackiej, wolnej od tak częstych w naszej przeszłości slawistycznej nalotów wąskiego nacjonalizmu i dyletantyzmu. Budujemy polską slawistykę literacką jako naukę służącą narodowi polskiemu, związanemu braterskimi więzami z innymi narodami wschodniej, zachodniej i południowej Słowiańszczyzny.

BOHUSLAV HAVRÁNEK

SLOVANSKÁ JAZYKOVĚDA V ČESKOSLOVENSKÉ REPUBLICE

Slovanská jazykověda má dnes v lidovědemokratickém Československu dobré podmínky pro svůj rozvoj: pracovně organisační, osobní i metodické. Nabývala jich od osvobození r. 1945 postupně s uskutečňováním socialistického řádu v ČSR. Protože budování nového života v socialistické společnosti děje se na základě vědeckého rozboru hospodářských i společenských podmínek, nemůže ani vědecké poznání jazyka — při těsném vztahu jazyka a společnosti a vztahu jazyka národního k vývoji národní společnosti — zůstávat stranou tohoto historického dění. Ovšem ani tyto vztahy nejsou prosté, ani samo vytváření nové společnosti není věcí snadnou; proto je pochopitelnou, ba nezbytnou skutečností, že ani vývoj naší vědy nemohl neprocházet potížemi metodickými, nehledíme-li ani k výchozím nesnázím organisačním i osobním.

Vstup do nového života r. 1945 byl sice radostný pro českou jazykovědu, ale také značně svízelný. Fašistická okupace zničila v českých zemích jakoukoli práci na zavřených vysokých školách a rozvrátila pracovní a zejména publikační možnosti (na př. hned r. 1940 přestala vycházet Slavia, r. 1942 Slovo a slovesnost atd.). Došlo i ke značným ztrátám osobním: r. 1939 zemřel předčasně významný slavista Miloš Weingart, r. 1940 senior českých slovanských filologů František Pastrnek, v červnu r. 1942 náhle srovnávací jazykozpytec Oldřich Hujer a r. 1945 těsně před osvobozením (po leteckém zásahu jeho bytu) myslivý a podnětný linguista Vilém Mathesius, popraveni byli za okupace v červnu 1942 Josef Páta, pracující o Lužických Srbech, a mladý rusista Jan Frček, v Terezíně zahynul mladý bulharista Arnošt Gerad; k těmto ztrátám přibyla brzy po osvobození v létě 1945 smrt srovnávacího jazykozpytce J. M. Kořínka, působícího v Bratislavě, nemoc a stáří vyřadily z práce tehdy již stařičkého Mat. Murka (zemřel v 91 letech r. 1952) a bohemistu Emila Smetánku (zemřel r. 1949).

Takřka hned po osvobození na jaře r. 1945 byly sice české vysoké školy otevřeny, ba postupně i rozmnoženy (o Palackého universitu v Olomouci, o vysoké školy pedagogické v Praze a v Olomouci a o Vysokou školu ruského jazyka a literatury v Praze), obnovena byla rychle činnost předválečného Slovanského ústavu, na začátku r. 1946 byl ještě v bývalé České akademii věd a umění ustaven Ústav pro jazyk český, koncem r. 1950 vznikl Československo-sovětský institut a v něm

i středisko pro práci o jazyce ruském; koncem r. 1952 všechna tato vědecká střediska se stávají pracovišti nové Československé akademie věd. Avšak na druhé straně počtem ztenčení vědečtí pracovníci v slovanské jazykovědě, ač byli rychle doplňováni nečetnými novými odborníky, školenými ještě před r. 1938 anebo tajně za okupace (slavisty Ant. Dostálem a Karlem Horálkem, bohemisty Jar. Běličem, Al. Jedličkou, Fr. Kopečným a j.), stěží stačili zdolávat neobyčejně rozšířené úkoly pedagogické i vědeckoorganisační. A tato počáteční nezbytná extensivní činnost organisační nebyla ovšem příznivá pro klidnou tvůrčí práci vědeckou.

Bylo také třeba postupně promýšlet a vyjasňovat metodické postupy plynoucí z nových posic vědeckého poznání. Věda se rozvíjí a nebyl myslitelný prostý návrat do r. 1938, obdobně jako při dnešní renesanci komparatistiky nejde o prostý návrat ke komparatistice staré, i když chceme co nejvíce navazovat na dobré tradice domácí a co nejvíce z nich těžit.

Ani na Slovensku za doby války ve vasalském Slovenském státě naprosto nebyly pod útlakem cizí nevědecké ideologie, rozdmychávající pro své politické mocenské cíle šovinistický nacionalismus, dobré podmínky pro opravdovou vědeckou práci: jen základní formy organisační nebyly natolik rozrušeny jako v českých zemích a umožňovaly do jisté míry lépe těžit z práce minulé a intensivněji připravovat práci další. Teprve však osvobozením r. 1945 se i zde podstatně změnily pracovní, osobní i metodologické podmínky slovanské jazykovědy.

Z počátku pěstovala se nová práce — kromě university — ve třech jazykovědných střediscích, v jazykovědném odboru Matice slovenské v Turč. Martině, v jazykovědném ústavu Slovenské akademie a v bratislavském Linguistickém kroužku, založeném r. 1945; do popředí vystupují noví pracovníci, vědecky vyrostlí za války, zejména E. Pauliny, Št. Peciar, Joz. Ružička a Joz. Štolc. Postupně však se účelně soustředila práce především v ústavu akademickém, změněném v Ústav slovenského jazyka, na katedrách slovenské university Komenského a nové vysoké škole pedagogické. Ani zde rušný život nového organisování a rychlé jeho přesuny nebyly z počátku příznivé soustavné nové práci vědecké; i zde bylo třeba probojovávat se obdobně k novému metodickému postoji.

Je proto pochopitelné, že jak na samém počátku, tak ještě i dlouho do prvního desítiletí vycházela jak v českých zemích, tak na Slovensku díla, která tkvěla svým vznikem v době starší.

Tak začíná po osvobození opět vycházet stále pravidelnějším tempem základní slovník současného spisovného jazyka českého, akademický *Příruční slovník jazyka českého*, vydávaný od r. 1935 a za okupace takřka přerušený; r. 1948 byl dokončen jeden nový díl (IV, do písmene Ř) a slovník pravidelně pokračoval, takže do r. 1955 přibyly další tři díly (V. až VII., do začátku písmene Z) a začal vycházet díl osmý, poslední[1]. Hned r. 1945 vyšel první svazek souborného díla Jos. Zubatého *Studie a články* (a rychle pak následovaly svazky další 1949, 1954); r. 1946 vyšlo 3. vydání Hujerova *Úvodu do dějin jazyka českého* a soubor theoretických statí Mathesiových *Čeština a obecný jazykozpyt* (1947).

R. 1946 vyšlo třetí, přepracované a doplněné vydání oblíbeného jednosvazkového *Slovníku jazyka českého* Váši-Trávníčka (r. 1952 vyšlo pak vydání čtvrté, opět značně přepracované a označené již jen jménem Trávníčkovým). — Od roku 1947 začala vydávat Česká akademie Profousova *Místní jména*

[1] Bude dokončen r. 1957.

v Čechách (1. díl. r. 1947, 2. díl 1949 a 3. díl 1951[2]). Téhož roku (1947) přibyla Šmilauerova *Novočeská skladba*. Konečně vyšla s jistým zpožděním r. 1948 a 1949 ve dvou dílech monumentální, v základě za okupace napsaná *Mluvnice spisovné češtiny* Frant. Trávníčka (vydaná pak brzy, r. 1951, již ve vydání třetím) a r. 1950 zhuštěná *Stručná mluvnice česká* B. Havránka a Al. Jedličky, vysázená již v r. 1939, ale za okupace nevydaná (nyní již ve 4. přepracovaném vydání r. 1955[3]), a ve větším rozsahu jako *Česká mluvnice* r. 1952.

Náleží sem i základní práce české dialektologie, Kellnerova *Východolašská nářečí*, s jejichž sazbou se začalo ještě za fašistického protektorátu (1. díl vyšel r. 1946 a 2. díl r. 1949) a obsáhlá studie V. Vážného *Z mezislovanského jazykového zeměpisu* (r. 1948). Obě tyto práce zasahují svým polským materiálem i do slavistiky. Z ní pak je třeba uvésti aspoň sborník věnovaný prof. J. Vajsovi k osmdesátinám, *Slovanské studie* z r. 1948, s thematikou převážně staroslověnskou, a rusistickou posthumní prací J. Frčka, pečlivou edicí *Zádonštiny* (1948); také obsáhlý rozbor členu slovanského J. Kurze *K otázce členu v jazycích slovanských, se zvláštním zřetelem k staroslověnštině* byl dokončen až v 8. svazku Byzantinoslavic r. 1946. I jiné práce ze staroslověnské filologie později uvedené (Dostálova, Horálkova a Kurzova) sahají aspoň svými počátky do okupace.

Rovněž na Slovensku vycházely posthumné pietně vydané práce: J. M. Kořínka *Úvod do jazykospytu*, který je vlastně jen úvodem do fonologie (1948), a nedokončený pohled na vývoj praslovanské hláskové morfologické struktury od indoevropského východiska, *Od indoeuropského prajazyka k praslovančine* (1948); a r. 1949 starší Weingartův filologický rozbor staroslověnských památek tzv. české redakce, *Československý typ cirkevnej slovančiny*. K těmto pracím Čechů, působících v Bratislavě, druží se i nerozsáhlé práce ruského linguisty A. V. Isačenka *Začiatky vzdelanosti vo Veľkomoravskej ríši* (Príspevok k dejinám západoslovanského písomníctva predcyrilometodejského), vyšlé r. 1946—47, a slovenského filologa Jána Stanislava *Slovanskí apoštoli Cyril a Metod a ich činnosť vo Veľkomoravskej ríši* z r. 1945, která spolu se Stanislavovými studiemi z doby Slovenského státu sleduje stopy působení Cyrila a Metoděje a jejich žáků na Slovensku, namnoze domnělé, a pokouší se — ne se zdarem — lokalisovat počátky staroslověnské vzdělanosti do Nitry. Rovněž základní dílo Stanislavovo *Slovenský juh v stredoveku*, vyšlé ve dvou dílech r. 1948, tkví v mnoholeté autorově práci starší a tím nemohlo být v souladu s novým chápáním vývoje národnostního a opírat se vždy o kriticky zhodnocený materiál. Do starší doby vznikem sahají i podnětné a originální *Dejiny spisovnej slovenčiny* E. Paulinyho, vyšlé r. 1948, založené ještě na idealistickém chápání dějin, i nedávno v Bratislavě vyšlé významné monografie českých badatelů, V. Vážného práce z jazykového zeměpisu a historie slov *O jménech motýlů v slovenských nářečích* (338 s. + 10 map, 1935) a Ryšánkův rozsáhlý, filologicky propracovaný *Slovník k Žilinské knize* (r. 1954) s jazykovým rozborem této zajímavé české památky ze slovenské oblasti.

Jiné perspektivy práce než na samém počátku se nám otvírají nyní a umožňují už dnes novou tvůrčí práci a tím více slibují pro budoucnost.

Podíváme-li se na př. jen na pracovní možnosti organisační a osobní: v Československé akademii věd má dnes česká bohemistika pracoviště v novém Ústavu pro jazyk český (s 44 vědeckými pracovníky z 51 zaměstnanců a s 8 věd. aspiranty),

[2] Zakončující 4. díl vyšel v r. 1957.

[3] Zatím vyšlo r. 1956 již 5. vydání.

slovanská jazykověda v Slovanském ústavě, která má k r. 1955 25 věd. pracovníků a 2 věd. aspiranty (proti 1 věd. pracovníku r. 1938 i 1945) a rusistika v linguistickém oddělení Československo-sovětského institutu, postupně budovaném od r. 1950 (s 5 pracovníky na úseku gramatickém a 17 v lexikografickém a 1 věd. aspirantem); Ústav pro jazyk český a Slovanský ústav mají své pobočky v Brně. Na Slovensku má akademický Ústav slovenského jazyka k r. 1955 19 vědecky pracujících sil a 2 věd. aspiranty.

K tomu přistupují katedry českého, resp. slovenského jazyka, dále slavistické a rusistické katedry na všech fakultách universitních, na vysokých školách pedagogických i na Vysoké škole ruského jazyka a literatury.

Po osvobození byly sice rychle obnoveny všechny časopisy, v nichž se před válkou výhradně nebo aspoň zčásti pěstovala bohemistika a slavistika, jako *Naše řeč, Slovo a slovesnost, Listy filologické, Slavia, Časopis pro moderní filologii*, ale jejich vycházení v prvních letech nebylo pravidelné a také rozptýlení prací o slovanských jazycích do tolika orgánů nebylo na prospěch věci. Nová organisace našeho vědeckého života od r. 1952 přispěla jak k pravidelnému vycházení těchto časopisů, tak k lepšímu rozdělení práce: práce o jazyce českém se soustřeďují v časopisech dvou, ve vědeckém časopisu *Slovo a slovesnost* a v populární *Naši řeči*, doplněných v oblasti staročeské filologie i o *Listy filologické*, slavistika v *Slavii* a rusistika v *Sovětské jazykovědě*[4]. Všechny tyto časopisy vydává Československá akademie věd péčí svých vědeckých ústavů.

Na Slovensku po osvobození z počátku jednak pokračovaly jazykovědné časopisy starší, populární *Slovenská reč* a vědecká *Linguistica Slovaca*, jednak přibyly časopisy další: *Jazykovedný sborník* (od r. 1946) a *Slovo a tvar* (od r. 1947).

Po uzákonění nové Slovenské akademie věd r. 1953 i zde došlo ke koncentraci: Jazykovedný sborník a Linguistica slovaca splynuly v *Jazykovedný sborník* (pak *Jazykovedný časopis*) a Slovenská reč a Slovo a tvar v časopis *Slovenská reč*; oba časopisy vydává Slovenská akademie. Od r. 1955 bude však Jazykovedný časopis vycházet jen jako nepravidelný sborník; přibyl od r. 1953 nový měsíčník *Slovenské odborné názvoslovie*.

K tomu přistupují četné sborníky a periodika universit i ostatních vysokých škol.

Nic tak necharakterisuje nový nástup práce v posledních letech jako prostý bibliografický fakt, že v r. 1954 a v 1. pol. 1955 vyšly tyto práce: I. svazek *Studií a prací linguistických* (554 s.) se zásadními příspěvky obecně linguistickými, slavistickými i bohemistickými; slavistická obsáhlá monografie Horálkova *Evangeliáře a čtveroevangelia* (313 s.), Dostálovy *Studie o vidovém systému v staroslověnštině* (681 s.) a synthetický Horálkův *Úvod do studia slovanských jazyků* (487 s.); z české dialektologie Běličova *Dolská nářečí na Moravě* (328 s. + 18 map) a Voráčova *Česká nářečí jihozápadní I* (147 s. + 15 map) jako 1. a 2. svazek nové sbírky „Česká nářečí", sborník jazykovědných studií *Ad. Kellnerovi* (193 s.) a posthumní jeho *Úvod do dialektologie* (114 s.); dále Machkova práce *Česká a slovenská jména rostlin* (366 s.) a uvedený již Ryšánkův *Slovník k Žilinské knize* (799 s.), Váženého práce *O jménech motýlů* (338 s. + 10 map) a II. díl Zubatého *Studií a článků* (489 s.)[5].

[4] Od r. 1956 *Československá rusistika*.

[5] Koncem roku 1955 vyšla ještě Kurzova edice *Assemanova evangeliáře*, Tylova *Bibliografie české linguistiky za léta 1945—1950*, 2. díl *Jazykového koutku čs. rozhlasu* (soubor rozhlasových relací o jazyku českém) a Běličových *Sedm kapitol o češtině*.

To vše je jen vnější obraz dnešní situace v českém a slovenském bádání o jazyku českém a slovenském i o ostatních jazycích slovanských. Je třeba blíže objasnit v l a s t n í p r o b l e m a t i k u této práce, její metodické postupy a cíle a její výsledky.

V prvním pětiletí po osvobození byl nový nástup linguistické práce u nás, vedený snahou překonat novým pohledem idealistické i positivistické stíny předválečné práce, brzděn a maten pseudomarxistickým „novým učením o jazyce" Marrovy školy. I když u nás nezapustila tato teorie hlubší kořeny, přece zasáhla hlásáním třídnosti jazyka do práce o spisovných jazycích a o jazyku literatury, protože zde se sbližovala s naším předválečným učením o jejich vypjaté autonomnosti a bránila překonat toto zužující pojetí. Dále odklonem od historického a komparatistického bádání jazykovědného brzdila vývoj naší linguistiky, zejm. slavistické, a bránila jak pokračovat v naší již před válkou nastoupené cestě k synthesi synchronického a diachronického pojetí jazyka, podporované nově dialektickým chápáním vztahu jazyka a myšlení, tak rozvíjet úspěšně tradiční a u nás nikdy neopuštěnou srovnávací jazykovědu slovanskou a prohlubovat ji sledováním vztahů vývoje jazyka a společnosti i novým osvětlením vývoje národnostního.

Teprve památná sovětská diskuse z r. 1950 tyto brzdy zrušila a umožnila i naší jazykovědě opravdový, ničím nerušený nástup do nové práce, i když ovšem nedostatky minulé nemohly být rázem odstraněny a bylo třeba překonat i některé počáteční jevy dogmatického lpění na formulích a zastírání vlastního názoru, ba někdy i názorů starých a zcela tradičních, nadbytečným citátováním[6].

Tento nástup procházel řadou pracovních konferencí českých i slovenských linguistů: byly uspořádány dvě konference o srovnávací jazykovědě slovanské, první r. 1951 v Brně a druhá r. 1953 v Olomouci (z první vyšly základní referáty v Slavii 21, 1952, č. 1, 2-3 a z druhé celé jednání rovněž v Slavii 22, 1953, č. 2-3), konference lexikografická s cílem ujasnit a prohloubit rozsáhlou naši konkretní slovníkářskou práci, uspořádaná v Bratislavě r. 1952 (z ní byl vydán pak Lexikografický sborník v Bratislavě r. 1953), byly konány dvě menší porady o otázkách fonologických, které nedošly k jasným výsledkům, první r. 1953 a druhá r. 1954 (základní referáty z první viz v Slově a slovesnosti 15, 1954, 29—48, o druhé zprávu v Sovětské jazykovědě 4, 1954, 384—388); z oblasti bohemistiky a slovenistiky pak byly dvě porady v r. 1954, o stylu a o dialektologické práci (základní jednání obou vyšlo v Slově a slovesnosti 16, 1955).

Všechny tyto konference uspořádala jednotlivá pracoviště Československé akademie věd, vždy za spolupráce akademických pracovišť jiných i příslušných kateder vysokoškolských; první, z r. 1951, měla charakter více proklamativní a programový, ostatní diskusně pracovní a prospěly jak k ujasnění problematiky a metody práce, tak zejména pomohly vychovávat mladé kádry; toto odůvodňuje jistou jejich přemíru.

Jaké základní problémy byly především předmětem těchto diskusí i veškeré české i slovenské práce v publikacích samostatných i v příspěvcích časopisů a sborníků[7]?

[6] Teoretické výsledky tohoto nástupu v oblasti synthese synchronického a diachronického zkoumání jazyka i v oblasti historickosrovnávacího studia slovanských jazyků, zbavené zbytečného dogmatismu, nejlépe nyní představily dvě československé konference: o vědeckém studiu soudobých jazyků, konaná koncem listopadu 1956, a o historickosrovnávacím studiu slovanských jazyků koncem ledna 1957; obě vyjdou tiskem nejpozději začátkem r. 1958.

[7] Neuvádím je zde plným výčtem, ani přesnými bibliografickými údaji, protože za léta 1945—1950 vyšla už souborná bibliografie a za léta 1951—1955 vyjde r. 1957 (v. o nich ke konci toho přehledu na str. 366).

Z obecné problematiky linguistické probírala se předně otázka vztahu pojmu a slova, kde se strohé ztotožňování pojmu a významu slova střetlo s chápáním složitějšího jejich vzájemného vztahu a rozdílného vztahu u interjekcí, zájmen a pod., a otázka vyjasnění poměru pojmenování jako jednotky sémantické a slova jako jednotky lexikálně gramatické. Tyto otázky byly diskutovány zejména na lexikografické konferenci i v článcích a diskusích v Slově a slovesnosti, Studiích a pracích linguistických I, ve Sborníku filosofické fakulty v Brně, v Sovětské jazykovědě i jinde (zejm. Fr. Trávníčkem, K. Horálkem, M. Dokulilem a P. Trostem v polemice s Vl. Hrabětem). K této problematice lexikografické se připojuje na jedné straně i zkoumání otázek charakteru vlastních jmen V. Blanára (*Príspevok ku štúdiu slovenských osobných a pomiestnych mien v Maďarsku* 1950) a P. Trosta, doplněné materiálem, i etymologický rozbor toponymický v základních pracích, jako je Profousova a Stanislavova (v. již výše); na druhé straně lexikologicky podložené práce lexikografické, o jejichž teorii podrobně jednala uvedená lexikografická konference (v. Lexikografický sborník), ale i jiné stati v Sovětské jazykovědě a Slově a slovesnosti (L. Kopeckého, M. Helcla a j.) a jejichž konkretisaci vidíme ve velkých lexikografických dílech již vydávaných nebo připravovaných (v. dále str. 361 a 364).

Dále obecné pozornosti se těšila problematika národního jazyka, jak jeho poměr ke spisovnému jazyku, tak ve vztahu k vývoji celonárodního jazyka i k vývoji nářečního rozrůznění i dnešního stavu mizení nářečí; vyslovili se k těmto otázkám několikanásobně Frant. Trávníček (souborně v „Úvodu do českého jazyka" z r. 1952), Jar. Bělič v řadě článků, zejm. v Slově a slovesnosti a v Naší řeči[8], a B. Havránek i mladší pracovníci dialektologičtí v studiích i v souborných pracích (v. dále).

Za třetí z obecných problémů vystupovaly do popředí zásadní otázky stavby mluvnické chápané v mnohonásobných vztazích jako skloubený systém a možnosti synchronického a diachronického, statického a dynamického jejího chápání. Je pochopitelné, že po předchozím sklonu až někdy k vypjatému ahistorismu se na tomto úseku zdůrazňovala především potřeba historického studia mluvnické stavby jazyka, ale bez popírání jeho systémovosti; do této oblasti zasáhly i dost ještě neujasněné diskuse o fonologii. Nedošlo zde k větší soustavné studii a otázky byly více řešeny jen diskusně za účasti Fr. Trávníčka, K. Horálka, B. Havránka, B. Trnky, Vl. Skaličky a j. mladších pracovníků příležitostně na stránkách jazykovědných časopisů[9]. — Rozvinuly se diskuse o kategorie slov, zejm. o t. zv. predikativu (категория состояния) mezi jeho obránci Al. Isačenkem, Ľ. Ďurovičem a zejm. M. Komárkem a odpůrci, zejm. Fr. Trávníčkem (srov. Slovo a slovesnost 17, 1956, č. 1. a č. 3).

V syntaxi šlo především o poměr gramatické a významové výstavby věty, o otázky aktuálního (kontextového) členění věty a o otázky slovosledu a příklonek, resp. předklonek, opět vše více v drobných příležitostných příspěvcích na stránkách časopisů.

Konkretní práci slavistickou představíme ve dvou základních úsecích: v komparatistickém studiu slovanských jazyků a v úseku užší práce bohemistické a slovenistické.

[8] Stati Běličovy vyšly v souboru *Sedm kapitol o češtině* (1955, 147 s.).

[9] Uceleněji byla celá tato problematika stavby mluvnické postavena teprve na uvedené konferenci o vědeckém zkoumání soudobých jazyků r. 1956.

Naše srovnávací studium slovanských jazyků vychází z těchto zásad: předmětem srovnávací slovanské jazykovědy není jen společné východisko, ale sledování dalšího vývoje a rozvoje slovanských jazyků v jejich vzájemných shodách i rozdílech; srovnávací studium má větší měrou obracet zřetel i na významovou stránku mluvnických tvarů, tedy na zkoumání kategorií gramatických, a na srovnávací zkoumání syntaxe, které je třeba ve vlastním smyslu teprve vybudovat; je třeba učinit předmětem srovnávací slovanské jazykovědy i srovnávací studium spisovných jazyků. Srovnávací studium v tradičním smyslu je třeba doplnit si konfrontací (porovnáváním) soudobých jazyků (na něm je založen Kopečného pokus o novou klasifikaci slovanských jazyků v Slavii 19, 1949—50, 1—12).

Zčásti syntheticky, zčásti programově jsou cíle i výsledky české komparatistiky slovanské shrnuty v Horálkově *Úvodu do studia slovanských jazyků* (1955), který sám představuje první marxistický pokus o srovnávací slovanskou jazykovědu; opírá se o řadu dílčích prací autorových jak z jazyka staroslověnského, zejm. ze syntaxe staroslověnského jazyka, tak o jazycích a nářečích balkánských i o zásadních otázkách studia spisovných jazyků slovanských. Kromě prací Horálkových je celá řada zásadních komparatistických příspěvků Havránkových (v Slavii a j.), Dostálových (na př. *Vývoj duálu v slovanských jazycích, zvláště v polštině*, 1954, s. 94), o otázkách vidu, složených adjektiv a tvoření slov). Z mladších pracovníků vyniká připravovaná práce o fonologickém systému praslovanském F. V. Mareše, příspěvky k tvoření kmenů slovesných a ke vzniku vidového systému slovanského Ig. Němce (v Slavii 23, 1954), které pokračují v příspěvcích Machkových o tvoření slovesném, uveřejňovaných v časopisech domácích i cizích.

Vývojem abstrakt v starých slovanských jazycích se zabývá soustavně A. Mátl, ale jeho práce není ještě skončena. V dobré české tradici etymologického bádání, založené Zubatým a Hujerem, důsledně pokračuje v mnoha příspěvcích v našich i cizích časopisech V. Machek a v menším rozsahu i K. Janáček; oba promýšlejí i případy irregulérních vztahů formálních a kladou důraz na sémantický vztah spojovaných slov. V. Machek připravuje vlastní práci etymologický slovník českého jazyka a vede v Slovanském ústavu kolektivní práci o novém etymologickém slovníku slovanském za spolupráce A. Mátla, Fr. Kopečného a j. — Zasluhuje zmínky i nové (třetí) vydání Holubova *Etymologického slovníku jazyka českého* (1952), na němž význačný podíl má Fr. Kopečný, třeba nese stopy leckteré komparatistické neujasněnosti prvního období.

Ústřední místo v české slavistické komparatistice stále zaujímá intensivní studium jazyka staroslověnského. Kromě pronikavých a již zmíněných Horálkových příspěvků k syntaxi staroslověnské, viděné v jejím vztahu k řeckému originálu, jsou to jeho dvě textologické práce *Význam Savviny knigy pro rekonstrukci staroslověnského překladu evangelia* (1948) a *Evangeliáře a čtveroevangelia* (1954), jejichž cílem je otázka poměru redakce staroslověnského textu k redakci řeckého originálu a poměr textu stsl. evangeliáře a čtveroevangelia a jejich textový vývoj. Základní prací z jazyka staroslověnského v tomto období se staly Dostálovy *Studie o vidovém systému v staroslověnštině* (1954), které s vyčerpáním plného materiálu usilují řešit úspěšně jak základní otázky vzniku a vývoje vidu, tak přesně určit vidový význam jednotlivých staroslověnských sloves a slovesných typů a jejich vztah k soustavě času. Jos. Kurz po své starší práci o členu staroslověnském, výše už zmíněné, obrátil nyní zřetel ke studiu par-

ticipiálních vazeb v staroslověnštině; za jeho vedení studovali mladí slavisté brněnští pádosloví staroslověnského jazyka i jiné dílčí otázky syntaktické (J. Bauer, R. Večerka a j.; jejich příspěvky jsou v Slavii a v brněnském Sborníku prací filolosof. fakulty) a je připravován sborník prací o syntaxi staroslověnské.

Jako kolektivní dílo připravují čeští slavisté podrobnou soubornou mluvnici staroslověnského jazyka; prozatím je připravena menší příručka jako vysokoškolská učebnice.

Za redakce J. Kurze, A. Dostála, K. Horálka, B. Havránka, J. Vašici a za účasti mladších pracovníků připravuje se slovník jazyka staroslověnského, kterým by česká slavistika splnila úkol, jejž na sebe vzali postupně V. V o n d r á k a později Miloš W e i n g a r t. Od let okupace byl systematicky a pečlivě shromážděn úplný materiál nejen z kanonických děl staroslověnských, ale i z těch památek, které se svým vznikem hlásí k nejstaršímu období staroslověnskému (jako Apoštol a p.), a z církevněslovanských památek české redakce. Začalo se pracovat na redakci hesel[10].

Tato práce o jazyce staroslověnském je doplňována jednak filologickými rozbory drobnějších památek od Jos. Kurze i F. V. Mareše (rozbor Pražských zlomků, Slavia 19, 1949—50), J. Vašici rozbor nejstarších právnich památek slovanských (*Metodějův překlad Nomokanonu*, Slavia 24, 1955), jednak přesnými kritickými edicemi, mezi nimiž v popředí stojí K u r z o v o vydání *Assemanova evangeliáře* (1955). Připravena je Dostálova edice rukopisu Clozova. Tuto ediční činnost doplňuje chrestomatie Weingartova (*Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnského*), kterou s přesnou revisí vydal nově J. Kurz (1949).

Z ostatních jazyků slovanských samozřejmě středem zájmu stalo se studium jazyka ruského a dočasně zastínilo studium ostatních slovanských jazyků. Jen z p o l o n i s t i k y můžeme upozornit v oblasti historického bádání na uvedený již Dostálův *Vývoj duálu v slovanských jazycích, zvláště v polštině*, na drobný příspěvek Havránkův *Staropolské szto* v sborníku Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi (1948), na H á l o v u *Fonetiku polštiny* (1954), v oblasti dialektologie na pomezní práce Kellnerovy a Vážného, výše uvedené, na polemiku s polským dialektologem K. Dejnou o původní příslušnost a další vývoj lašských nářečí, které se účastnili J. Bělič, Frant. Kopečný, A. Lamprecht, a zejm. na filologicky důkladné Kyasovo studium vzájemného poměru bibl. textů staropolských a staroslověnských (*Za českou předlohou staropolské bible*, Slavia 22, 1953) a konečně i na Vydrovy slovníky, Polsko-český (1947, 2. vyd. 1951) a Česko-polský (1954). — Jinak lze uvésti jen z bulharistiky příspěvky Horálkovy a Blanárovy konfrontační studie o jevech slovensko-bulharských a česko-bulharských (*Význam jazyka slovenskej a českej menšiny v Bulharsku*, Slavia 22, 1953; *Jeden prípad medzislovanských jazykových vplyvov*, Studie a práce linguistické I, 1954).

Česká a slovenská r u s i s t i k a našla si svůj speciální úsek pracovní: konfrontací jazyka ruského s jazykem českým, resp. slovenským, přispět k vědeckému osvětlení mluvnické stavby obou jazyků i k praktickým účelům překladatelským a pedagogickým. Základní prací srovnávající mluvnickou stavbu obou jazyků je I s a č e n k ů v Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. I. Морфология (1954); na české straně pak skupina mladých českých rusistů (P. Adamec, V. Barnetová, R. Mrázek, O. Parolková, St. Žaža) vydala za red. B. Havránka v r. 1956 první svazek *Kapitol ze srovnáv-*

[10] Zatím koncem r. 1956 vyšel ukázkový sešit.

vací mluvnice rusko-české (224 s.) s problematikou syntaktickou (otázky jednočlenných vět slovesných, problematika passiva, vyjádření násobenosti děje, postavení přívlastku, pořádek slov v ruštině a v češtině); četné další obdobné příspěvky jsou v časopise Sovětská jazykověda. Současně se pracuje na řadě kandidátských prací týkajících se problematiky vývoje participií, komparativu a modálních výrazů[11]. Mladí čeští rusisté připravují kolektivně ruskou mluvnici založenou na srovnávání s češtinou. Soustavnou fonetiku ruskou na srovnávacím podkladě vydal již. r. 1947 A. V. Isačenko (*Fonetika spisovnej ruštiny*).

Je pochopitelné, že česká i slovenská rusistika, plníc tradici naší linguistiky vůbec, nezanedbává spojení teorie s praxí. Kromě nezbytné práce školsky metodické, teoreticky vedené zejména L. Kopeckým, důležitým úsekem tohoto spojení stala se lexikografie a teorie překládání. V prvním úseku soustavnou kolektivní prací, vedenou L. V. Kopeckým, vychází za redakce jeho, B. Havránka a K. Horálka *Velký rusko-český slovník* od r. 1952: dosud vyšly I. a II. díl (A — O, r. 1952 a 1953)[12]; v této práci, která se stala východiskem a podkladem jiných ruských slovníků v zemích lidově demokratických, je lexikografická práce postavena na vědeckém podkladě. Připravují se a zčásti již vyšly i menší slovníky česko-ruské a rusko-české.

Na Slovensku vyšel prací Isačenkovou promyšlený stručnější *Slovensko-ruský prekladový slovník* (prozatím I. díl, A — O, 1951) a kolektiv jeho žáků pracuje na třísvazkovém slovníku rusko-slovenském.

Druhým úsekem spojení teorie a praxe je systematické studium otázek překladu. I zde za vedení K. Horálka a B. Ilka pracuje řada mladých rusistů. Vyšel soubor *Kniha o překládání*, redigovaný Jar. Moravcem (1953, 358 s.) s články týkajícími se obecné teorie i konkrétních otázek mluvnických i lexikologických. Řada studií z tohoto úseku vycházela v Sovětské jazykovědě. Neomezuje se toto studium překladatelské problematiky jen na překlad z ruštiny; teoretickými otázkami překládání vůbec se kromě K. Horálka zabýval především J. Levý (viz jejich články zejm. v Slově a slovesnosti); konkrétními překlady z polštiny — ne vždy zcela ujasněně — mladí polonisté (v statích v Slavii a v Slově a slovesnosti).

Je přirozené, že v Československu je nejbohatěji zastoupen pracovní úsek bohemistiky a slovenistiky; v něm pak v našem období do popředí vystupoval rozbor současného jazyka spolu s pracemi lexikografickými a dialektologickými.

Teprve v poslední době se znovu obrací pozornost — nemalou zásluhou Fr. Trávníčka a za soustavného vedení mladých pracovníků jím a Fr. Ryšánkem — k bádání o vývoji českého jazyka. Jsou připraveny do tisku dva díly nové historické mluvnice české, která má být vysokoškolskou příručkou: historická skladba od Fr. Trávníčka[13], která pokračujíc v tradici Zubatého nejen popisuje, ale také vysvětluje vznik větné stavby české, zejména vět neslovesných, vět podřadných, syntaktické platnosti jmenných tvarů slovesných a jiných jevů, a hláskosloví nově pojaté s hlediska fonologického od mladého bohemisty M. Komárka, který uveřejnil i řadu průpravných studií k historii české hláskové soustavy[14]. V

[11] Zatím vyšla práce Ľ. Ďuroviče, *Modálnosť* (1956, 220 s.).

[12] Díl III (P) vyšel r. 1956.

[13] Zatím už vyšla r. 1956 (*Historická mluvnice česká 3, Skladba*, 199 s.).

[14] Srov. zejména *Entwicklung des tschechischen Vokalsystems* v berlínském Zeitschrift für Slawistik 1956, č. 4. a 1957, č. 1.

oblasti větné syntaxe systematicky pracuje žák Trávníčkův J. Bauer (připravil rozsáhlou práci o staročeské parataxi a hypotaxi, ale publikoval z ní časopisecky jen jednotlivé stati), v oblasti pádové syntaxe pracují moji žáci K. Hausenblas o vývoji předmětného genitivu[15] a P. Novák o predikativním instrumentálu. — Soustavně se začalo rozvíjet zkoumání vývoje tvoření slov. Rovněž bylo v Ústavu pro jazyk český ČSAV začato s přípravou slovníku staré češtiny, který by nahradil nedokončené dílo Gebauerovo[16]. O Ryšánkově *Slovníku k Žilinské knize* byla již řeč.

Práce o historii českého jazyka je podporována dobrými edicemi starých českých památek zejm. ve sbírce „Památky staré literatury české", v níž vyšlo od roku 1945 sedmnáct svazků[17]; připravují se kritická vydání nejstarších českých legend, Husovy Postilly a péčí Ústavu pro jazyk český i Ústavu pro českou literaturu za redakce B. Havránka a J. Hrabáka byl dokončen a dán do tisku první svazek rozsáhlého *Výboru ze staré české literatury*, sahající po dobu Husovu.

Na Slovensku probíhalo studium jednotlivých drobných památek k historii slovenského jazyka (od J. Štolce a j.) a J. Stanislav připravuje velkou historickou mluvnici slovenskou[18]. Vynikají *Dejiny spisovnej slovenčiny* od E. Paulinyho (1948), které — přes některé zásadní výhrady — úspěšně pokračují v české i slovenské teoretické práci o problematice spisovného jazyka. S české strany dosud k novému pohledu na vývoj spisovné češtiny přispěly jen drobné články. Na nově pojatých dějinách spisovné češtiny B. Havránka se teprve pracuje. K otázce obrozenské češtiny přispěla studie Al. Jedličky o terminologickém úsilí Jungmannově (1948).

V oblasti spisovného jazyka se zaměřilo bádání české i slovenské větší měrou na současný jazyk. Vyšly uvedené již mluvnice spisovné češtiny: velká Trávníčkova *Mluvnice spisovné češtiny* (v. výše), jejíž první díl byl také přeložen do ruštiny (Moskva 1950), a zhuštěná *Stručná mluvnice česká* a *Česká mluvnice* B. Havránka a Al. Jedličky. Na Slovensku po ne zcela zdařilé a osobitě pojaté Letzově *Gramatice slovenského jazyka* (1950) vyšla nová dobrá mluvnice slovenštiny, vzniklá spoluprací E. Paulinyho, J. Ružičky a J. Štolce: *Slovenská gramatika* (1. vyd. 1953, 2. vyd. prohloubené 1955).

Na obou stranách, české i slovenské, vychází v příslušných časopisech mnoho příspěvků o jednotlivých jevech mluvnické stavby českého nebo slovenského jazyka. Stále lákají zejména otázky vidu a poměru vidu a prefixace; psali o nich zejm. M. Dokulil, Fr. Kopečný a I. Poldauf, na Slovensku vznikla obšírná polemika mezi Št. Peciarem a E. Paulinym o třídění slovesné flexe. Bylo diskutováno o otázkách větného členění, rekce slovesné, spony a sponových slov v Naší řeči i v metodickém časopise Český jazyk. Vůbec syntaktické problémy se těší živé pozornosti u nás i na Slovensku, kde zejména J. Ružička podal již významné syntaktické příspěvky[19].

Nebyly zanedbávány ani otázky hláskové stavby a přízvuku. Na Slovensku otázka krácení druhé délky byla znovu probírána a po starší studii Peciarově vyšla

[15] Práce je v sazbě jako třetí svazek Studií a prací linguistických.

[16] R. 1956 vyšla anketní ukázka chystaného slovníku.

[17] Poslední svazek, osmnáctý, je *Nejstarší česká rýmovaná kronika t. zv. Dalimila*, kriticky vydaná B. Havránkem a J. Daňhelkou; vyšel r. 1957.

[18] R. 1956 vyšly jeho *Dejiny slovenského jazyka I. Hláskoslovi* (590 s.).

[19] Nově pak publikoval *Skladbu neurčitku v slovenskom spisovnom jazyku*, 1956, 186 s.

nová práce L. Dvonče: *Rytmický zákon v spisovnej slovenčine* (1955, 256 s.). Na české straně pak byly zkoumány zejména otázky přízvuku slovního i větného (Al. Jedlička, J. Ondráčková); nově vzniká speciální Fr. Daneše o větné intonaci[20]. Vyšly i práce rozbírající fonetickou stránku češtiny, jak souborné práce Hálovy (*Úvod do fonetiky* 1948, 174 s., spolu s M. Sovákem *Hlas, řeč a sluch*, 2. vyd. 1947, 3. vyd. přepr. 1955), tak i speciální studie Romportlovy o jednotlivých jevech fonetických viděných v historických i místních souvislostech; fonetikou dětské řeči se zabývá K. Ohnesorg.

Pozornost byla věnována i orthoepické normě spisovného jazyka a na české straně vyšla jako výsledek dlouhé práce orthoepické komise kolektivní *Výslovnost spisovné češtiny, její zásady a pravidla. Díl I. Výslovnost slov českých* (1955) v redakci B. Hály; na slovenské straně práce J. Stanislava *Slovenská výslovnosť* (1953), pojatá značně individualisticky. Souborně byla fonetická i orthoepická problematika spisovné češtiny vyložena v populárním kolektivním spisku „*O mluveném slově*" (1954).

U českého i slovenského jazyka se po osvobození ukázala potřeba úpravy grafického obrazu, pravopisu. U českého jazyka může jít jen o úpravy drobné, ale naléhavější byla tato úprava na Slovensku, kde za první republiky byla vydána pravidla slovenského pravopisu ečchisující, za války v Slovenském státě opět pravidla oddělující slovenštinu od češtiny. Proto na Slovensku soustavně diskutovali o otázce pravopisu od r. 1946, a když byly odmítnuty návrhy na radikální změny, pracovalo se od r. 1950 na úpravě definitivní, na niž se zúčastnili i čeští linguisté; ta vyšla v r. 1953. Na nové, celkem nepatrné úpravě českého pravopisu se pracuje[21].

V tradici české filologie byla vždy i péče o kulturu spisovného jazyka, a když v 30tých letech byl mladými linguisty potřen nevědecký úzkoprsý purismus a historismus, vystoupila před novou českou jazykovědu tím více potřeba spojovat teorii a praxi na tomto poli. Známý sborník Pražského linguistického kroužku *Spisovná čeština a jazyková kultura* (1932) a jeho časopis Slovo a slovesnost (od r. 1935), vedený V. Mathesiem a B. Havránkem, propracovaly zásadní stanoviska. Skvěle se tu uplatnilo, zejména v letech válečných, i proslulé Trávníčkovo „Jazykové zákampí" v Lidových novinách (knižně vyšel výbor z něho *Nástroj myšlení a dorozumění* 1940). Je pochopitelné, že se na této cestě po teoretickém prohloubení pokračovalo i po osvobození, tím spíše, že fašistická okupace a znehodnocení českého školství přinášely jisté nebezpečí i pro vývoj spisovného jazyka. Fr. Trávníček pokračuje v této činnosti příležitostně i dále a Ústav pro jazyk český organisoval od r. 1946 pravidelné rozhlasové relace o praktických otázkách spisovného jazyka, zvané „Jazykový koutek". V thematickém výběru vyšly tyto relace tiskem již ve dvou svazcích souboru zvaného též *Jazykový koutek* (1951 a 1955). Toto soustavné úsilí o kulturu jazyka se odráží zejména v Naší řeči.

Na Slovensku byla potřeba překonat purismus i po r. 1945 a mladí linguisté bojovali proti němu v časopisech (zvl. v časopisu Slovo a tvar). Speciálním otázkám kultury jazyka se věnuje nyní soustavně Slovenská reč[22]. Prakticky se projevuje toto úsilí zejména v oblasti odborné terminologie.

---

[20] Tato práce *Intonace a věta ve spisovné češtině* vyjde v r. 1957 jako 2. svazek Studií a prací linguistických.

[21] Nová *Pravidla českého pravopisu* vyjdou koncem r. 1957.

[22] Nově vyšel i teoretický rozbor otázek „kultury jazyka": J. Horeckého, *Kultúra slovenského slova*, 1956.

S kulturou jazyka těsně souvisí otázky s t y l u a jazyka literatury krásné a odborné. I zde — po překonání strohého pojetí autonomnosti uměleckého jazyka — rozvíjí se dobře předválečné tradice. Z prvního období je důležitá práce F. V o d i č k y *Počátky krásné prózy novočeské* (1948) s podrobným výkladem rozvoje stylového využití větné stavby a malý soubor statí J. Mukařovského, F. Vodičky a B. Havránka *O básnickém jazyce* (1947), v němž ještě nebylo dostatek překonáno autonomistické pojetí uměleckého jazyka. Z téhož roku je i souhrnný výklad Fr. Trávníčka *Umělecká mluva*. Důsledky z nového pojetí jazyka pro jazyk literatury se snaží vyvozovat B. H a v r á n e k v brožuře z r. 1951 *Stalinovy práce o jazyce a jazyk literárního díla i překladu* a v několika článcích o jazyce soudobé prózy, stejně i F r. T r á v n í č e k, který mimo to usiluje i o nové osvětlení základních otázek uměleckého stylu teoreticky *(O jazykovém stylu* 1953) i konkretně břitkých, někdy jednostranných poznámkách o jazykových i stylových nedostatcích současné české literatury. Školské cíle má značně kompilační *Úvod do stylistiky* J. V. Bečky (1948).

K stylu obracejí nyní značnou pozornost i naši mladí bohemisté (K. Hausenblas, L. Doležel, M. Jelínek a j.); teoreticky uvažovali spolu se staršími pracovníky českými (Havránek, Horálek, Trost) i slovenskými (Pauliny) o této problematice na uvedené již konferenci o stylu r. 1954 (referáty z ní v. v Slově a slovesnosti 1955, č. 1, 2) a konkretně rozbírají otázky ty u autorů novějších (u Tyla A. Jedlička, u Jiráska K. Horálek, u Wolkera K. Hausenblas).

S tímto úsilím spojovat teorii a praxi ve prospěch kultury spisovného jazyka těsně souvisí i rozsáhlá práce l e x i k o g r a f i c k ý c h středisk českých i slovenských. O brzkém úspěšném zakončení velkého *Příručního slovníku jazyka českého* i o nových vydáních *Slovníku jazyka českého* P. Váši a Fr. Trávníčka byla již řeč. Nyní se připravuje v Ústavu pro jazyk český nový třídílný slovník současného spisovného jazyka českého, který by zachytil současnou zásobu slovní i frazeologii a základní synonymiku, dobře sloužil aktuálním potřebám co nejširší veřejnosti a byl dobrým pomocníkem jazykovědcům ve snaze o ustálení spisovného jazyka, zejména v oblasti terminologie. Obdobný slovník spisovné slovenštiny se připravuje v Ústavu slovenského jazyka. Oba tyto slovníky mohou plně těžit z promyšlení celé lexikologické a lexikografické problematiky, které dokumentovala lexikografická konference bratislavská r. 1952 *(Lexikografický sborník* 1953) a dále prokazuje řada příspěvků v časopisech i na dalších konferencích. Nedokončen zůstal *Slovník spisovného jazyka slovenského* A. Jánošíka a E. Jóny, vydávaný v Matici slovenské 1946—1948 (vyšel I. díl, A — J).

S touto prací lexikografickou souvisí i prohlubující se pomoc jazykovědy při dotváření a přetváření české odborné terminologie na mnoha úsecích vědeckých, technických i hospodářských (připravuje se slovník hornický, hutnický a jiné odborné slovníky vycházejí nebo se připravují za spolupráce linguistické). Obecné zásady této terminologické práce shrnuje na české straně *Příručka o českém odborném názvosloví* K. Sochora (1955)[23]. Na Slovensku jde namnoze přímo o vytváření slovenského odborného názvosloví a tato spolupráce jazykovědců s odborníky za vedení Ústavu slovenského jazyka a péčí hlavně J. Horeckého je ještě intensivnější; dokonce od r. 1953 vydává ÚSJ měsíčník *Slovenské odborné názvoslovie* a od r. 1954 zde vycházejí terminologické slovníčky různých oborů. K těmto

[23] Na Slovensku obdobná práce J. Horeckého *Základy slovenskej terminológie* vyšla r. 1956.

pracím terminologickým lze připojit Machkovu práci *Česká a slovenská jména rostlin* (1954), v níž však nejde jen o aktuální zřetel terminologický, nýbrž především o historickosrovnávací probádání tohoto názvosloví.

Třetí úsek, dnes publikačně skoro nejúspěšnější, je dialektologie. Před světovou válkou osudy české a slovenské dialektologie nebyly stejné; zatím co se dialektologie v českých zemích — přes všechno úsilí brněnského střediska, vedeného Fr. Trávníčkem a B. Havránkem — rozvíjela velmi pomalu, na Slovensku pokročil značně kupředu už tehdy systematický výzkum nářečí prací prof. V. Vážného a jeho slovenských žáků. Po r. 1945 se práce na tomto úseku v českých zemích značně zlepšila. Především vyšlo několik prací připravených ještě za okupace: V. Mazlové fonetická studie z moravské dialektologie *Výslovnost na Zábřežsku* (1949), *Hláskosloví obce Nechvalína u Kyjova* (1947) od J. Běliče a Malinův *Slovník nářečí mistřického* (1946). Brzy pak byl v Ústavu jazyka českého a v jeho brněnské pobočce za spolupráce s vysokými školami zahájen rozsáhlý systematický průzkum českých nářečí, který je průpravou pro plánovaný atlas českých nářečí. Česká dialektologie v tomto svém novém rozmachu utrpěla sice těžkou ztrátu předčasným úmrtím Ad. Kellnera v r. 1953 (o jeho dvoudílné monografii *Východolašská nářečí* v. výše), přesto však neopouští, ale naopak prohlubuje jeho úsilí o zvládnutí otázek spojených s vytvářením nářečních celků a vůbec historického pohledu na vývoj českých nářečí, opřeného o bezpečný materiál. Toto zaměření, překonávající samoúčelnost jazykového zeměpisu, sledují větší nebo menší měrou nové monografické práce dialektologické o menších oblastech, které již vyšly ve sbírce „Česká nářečí" anebo jsou v práci[24]. Oba vyšlé svazky, *Dolská nářečí na Moravě* od J. Běliče (1954) a *Česká nářečí jihozápadní I.* od J. Voráče (1955) usilují na podkladě nového rozsáhlého materiálu nejen podat obraz sledovaného nářečí, ale také řešit vývoj nářečí v souvislosti s vývojem společnosti; zvlášť úspěšně tuto stránku uplatnila práce Běličova, která je přímo vzorem dialektologické práce marxisticky pojaté. Toto pojetí nemohlo být tak vykrystalováno v nářeční monografii A. Lamprechta *Středoopavské nářečí* z r. 1953, ale i zde se uplatňuje historické hledisko. Sborník věnovaný Ad. Kellnerovi (1954), nové stati ve Sborníku filosofické fakulty brněnské university a jinde i diskuse na dialektologické konferenci r. 1954 (otištěná v Slově a slovesnosti 1955, č. 3) ukazují jak i mladí čeští dialektologové (A. Lamprecht, J. Skulina, J. Chloupek, Sl. Utěšený a j.) dobře se orientují v této problematice a promýšlejí základní teoretické otázky.

Na Slovensku se po osvobození pokračovalo v předválečném výzkumu nářečí; byl prohlouben a převeden na přímý výzkum v terénu na podkladě nového dotazníku z r. 1947. Postup prací se však proti očekávání značně zpomalil. Vyšla však řada cenných monografií dialektologických, třebaže metodicky značně odlišných. R. 1948 a 1949 vyšly dvě knižní monografie shrnující výsledky průzkumu, který byl vyvolán aktuální potřebou: E. Paulinyho *Nárečie zátopových osád na hornej Orave*, která je pokusem o přesně synchronní zachycení struktury nářečí, jasně rozlišila znaky podstatné od podružných, ale zůstala značně schematická, a práce Joz. Štolce *Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku*, důležitá přesným materiálem, celkem však postupující tradiční popisnou metodou, stejně jako i později monografie F. Buffy *Nárečie Dlhej Lúky v bardejovskom*

[24] Už vyšlo r. 1957 Kopečného *Nářečí Určic* a připravují se na našich pracovištích práce další.

okrese (1954) a G. Horáka *Nárečie Pohorelej* (1955)[25]. Metodicky pozoruhodný je rozbor slovenského i českého nářečí v bulharském prostředí, který zčásti publikoval V. Blanár a o němž byla zmínka už dříve. Není na Slovensku zanedbávána ani historická dialektologie; z ní vyšly zajímavé příspěvky časopisecké, zejména E. Paulinyho, a v základě každá práce o historii slovenského jazyka je převážně historickou dialektologií. Přesto však bylo by záhodno, aby Ústav slovenského jazyka věnoval dialektologické práci intensivnější zájem.

V českých zemích i na Slovensku v souhlase s dnešní dobou, která zdůrazňuje pokrokové domácí tradice, cení se a hodnotí i linguistická práce minulá. Tak čeští i slovenští linguisté znovu a zčásti objevně zhodnotili veliké dílo Josefa Dobrovského v r. 1953 při dvoustém výročí jeho narození jak ve sborníku *Josef Dobrovský* 1753—1953 (1953), tak na konferenci uspořádané na konci roku 1953, jejíž příspěvky vyšly v časopise Slavii (23, 1954, č. 2-3). Vyšlo také několik dalších svazků v souborné edici spisů Dobrovského: *Cyril a Metod, apoštolové slovanští* (1948), *Fragmentum Pragense evangelii S. Marci* (1953), *Rossica* (1953, čtyři menší práce rusistické) a *O zavedení a rozšíření knihtisku v Čechách* (1954). Vysoce bylo hodnoceno dílo Josefa Zubatého při 100. výročí jeho narození r. 1955 a pokračovalo se ve vydávání jeho prací (r. 1954 vyšel 3. svazek jeho *Studií a článků*, obsahující výklady tvaroslovné, syntaktické a jiné; bude třeba pokračovat ve vydání jeho prací i dále a rozšířit tento postup i na nová vydání děl Gebauerových, souborné vydání statí O. Hujera a j. — Na Slovensku bylo vhodně oceněno dílo Benedikta Nudožerského, význačného gramatika z počátku 17. století, a vykonány přípravy k zhodnocení díla spolutvůrce spisovné slovenštiny Ľud. Štúra[26].

Bibliografický přehled veškeré české práce linguistické z oboru slavistiky a bohemistiky (spolu s obecnou linguistikou a indoevropským srovnávacím jazykozpytem) je dobře zpracován. Adnotovaná bibliografie za léta 1945—1950 vyšla na podzim 1955 prací Zd. Tyla a od téhož autora je připravována urychleně do tisku i část další, za léta 1951—1955[27]. Kromě toho vychází bibliografický přehled české jazykovědné práce ve jmenovaných oborech v časopise Slovo a slovesnost (v roč. 16, 1955 za léta 1953 a 1954)[28]. Široce založené *Zpravodajství ze slavistiky* v časopise Slavia, zahrnující také práce jazykovědné, přineslo dosud jen záznamy za rok 1950 (roč. 20, 1951), 1951 (22, 1952-53) a 1952 (23, 1954).

Na Slovensku je bibliografická situace zatím poněkud horší; je tu Blanárova *Bibliografie jazykovedy na Slovensku v rokoch 1939—1947* (vyšla r. 1950); pokračování této bibliografie (za léta 1948—1952) připravuje L. Dvonč[29], který také otiskl soupis prací za rok 1952 v Jazykovedném časopise 1953. Jen práce dialektologické za léta 1938—1953 byly shrnuty v Jazykovedném časopise r. 1954 prací A. Habovštiaka. Dobrý přehled slovenské jazykovědy za léta 1945—1955 s četnými bibliografickými údaji podal E. Jóna v časopise Slovenská reč 20, 1955.

Celkem lze tento přehled české i slovenské jazykovědy slovanské, bohemistiky a slovenistiky uzavřít s oprávněnou sebedůvěrou. Přes počáteční potíže spo-

[25] R. 1956 vyšla další monografie: P. Ondrus, *Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľudovej republike.*

[26] K 100. výročí jeho úmrtí v r. 1956; řada příspěvků k tomuto jubileu vyšla v časopise Slovenská reč 1956, č. 3-4.

[27] Vyjde na podzim r. 1957.

[28] Za rok 1955 tamtéž, roč. 17, 1956.

[29] Vyjde rovněž r. 1957.

jené s hlubokou přestavbou naší společnosti a přes plynoucí z toho i boje metodické lze s oprávněním říci, že právě tato přestavba a tyto boje metodické přinesly naší práci dobré podmínky organisačně hospodářské, osobní i metodické, příznivější, než jsme měli kdykoli v minulosti. Naučily nás, jak bychom ještě lépe využili tradičních předností naší vědecké práce: spojovat teoretické promýšlení samých principů s dobrou znalostí rozsáhlého materiálu, vidět a uplatňovat spojení teorie s praxí. S hlediska prvního je centrem naší práce mluvnická stavba jazyka a synthese historického a synchronního chápání jazykových jevů, s hlediska druhého pak vzniklé práce lexikografické, terminologické a péče o kulturu jazyka.

Nedosahujeme ovšem na všech pracovních úsecích takových výsledků, abychom byli zcela spokojeni a nemohli vytýkat nedostatky; namnoze jde jen o úsilí a o počátky, a ne ještě o výsledky. Ale byli bychom zaslepeni, kdybychom nedovedli uznat už dnes značné pokroky a nepřiznali naší slovanské jazykovědě právo hledět do další práce s oprávněným přesvědčením, že nastává pro ni období skutečného rozmachu.

JOSEF KURZ

SLOVNÍK JAZYKA STAROSLOVĚNSKÉHO ČESKOSLOVENSKÉ AKADEMIE VĚD

1. Jeho potřeba. V jazykovědném oddělení Slovanského ústavu Československé akademie věd se vedle jiných kolektivních a individuálních prací připravuje také slovník jazyka staroslověnského.

O jeho potřebě a významu není zajisté třeba ztráceti slov. Jeho potřeba se naléhavě pociťuje v celé slavistice.

Je ho nutně zapotřebí jak při studiu všech slovanských jazyků způsobem srovnávacím, tak i při studiu dějin většiny slovanských jazyků jednotlivých, neboť církevní slovanština měla v nich významnou úlohu. Vyžaduje si ho také studium staroslověnštiny samé, konané buď pro ni samotnou, pro poznání a hodnocení její slovní zásoby, nebo pro cíle jiné, na př. pro poznání dějin a kultury byzantsko-slovanské, pro poznání základů a vývoje slovanské liturgie, pro srovnávací studium literárněl átkoslovné a pod. Staroslověnština je význačným dokladem kulturní výše Slovanů v 9., 10. a 11. století, je obdobou starých kulturních jazyků evropských a stala se mezinárodním jazykem východní Evropy, usnadňujíc mezislovanské kulturní styky a styky se sousedy Slovanů, zvláště s Rumuny. Poznání dokumentárního materiálu v ní obsaženého je nesporně významné a naléhavé.

2. Starší díla tohoto druhu. Naléhavá potřeba nové důkladné pomůcky pro poznání lexikálního bohatství staroslověnštiny vyplývá ovšem také z naprostého nedostatku starších děl tohoto druhu; jeť dobře známo, že se ještě dnes musíme utíkat k nečetným pracím dávno zastaralým nebo neúplným a s dnešního hlediska zcela nevyhovujícím. Jediným velkým slovníkem církevněslovanským zůstává dosud Miklosichův *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum*, Vindobonae 1862—1865, slovník to velice záslužný, ale založený na pozdějších památkách církevněslovanských, nikoliv na poznání památek nejstarších, které v 60. letech minulého století, kdy byl vydán, nebyly většinou ještě známy nebo aspoň vydány. Kromě tohoto díla máme po ruce jen záslužné slovníkářské práce, týkající se na př. — jako je tomu u díla Daničićova[1] nebo Vostokovova[2] nebo I. I. Sreznevského[3] — některé větve

[1] Gj. Daničić, Рјечник из књижевних старина српских, 1863—1864, tři svazky.

[2] A. Ch. Vostokov, Словарь церковно-славянского языка, 1858—1861, dva svazky. Srov. jeho charakteristiku v díle Vatroslava Jagiće, История славянской филологии, Sanktpeterburg 1910, 221.

[3] I. I. Sreznevskij, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, Sanktpeterburg 1890—1912, 3 svazky.

církevní slovanštiny, nebo — jako je tomu na př. u díla Jagićova[4] — jistého okruhu památek a jejich lexikálního hodnocení. Kromě toho máme již jen menší slovníčky v chrestomatiích nebo indexy verborum[5]. Proto se obecně pociťovala potřeba nového slovníku staroslověnského jazyka a vzpomínám zejména na úsilí, které přípravě takového díla věnoval varšavský profesor St. Słoński.

Slavistika česká, které je nyní úkol připravit takový slovník svěřen, má dobrou tradici v práci o lexikologickém průzkumu církevní slovanštiny. Vzpomínali jsme v roce 1953 a 1954, při výročích 200. narozenin a 125. výročí smrti Josefa Dobrovského, že již patriarcha slavistiky Josef Dobrovský pracoval při přípravě svých Institucí (*Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*, Vindobonae 1822) ve Vídni s Bertolomějem Kopitarem také o církevněslovanském slovníku, a shledávali jsme v tomto jeho díle v nauce o tvoření slov zárodky slovního rozboru církevněslovanského jazyka; nacházeli jsme v něm dokonce i občasný zřetel k lexikálním vrstvám v něm se vyskytujícím, jímž se Dobrovský stal předchůdcem pozdějších slavných rozborů Jagićových[6], a zjišťovali jsme jeho velký smysl pro přesné vystižení významu vykládaných slov[7]. Také u pozdějších českých slavistů můžeme konstatovat neustálý zájem o lexikální průzkum staroslověnštiny a jejich menší příspěvky k takovému studiu. Soustavně pak připravoval materiál k staroslověnskému slovníku profesor Václav Vondrák a po jeho smrti před druhou světovou válkou profesor Miloš Weingart[8]. Díla jejich zůstala pro jejich předčasnou smrt bohužel torsy. O Vondrákově materiálu ukázal již Miloš Weingart[9], že je neúplný, že je v něm v podstatě obsažena jen slovní zásoba evangelií a že v něm chybějí slova i z kánonu staroslověnských památek, že propracována je sotva jen část hesel a že k dokončení díla by zbývalo vykonati ještě asi 75% celé práce. To se nám při novém prozkoumání Vondrákova díla nejen potvrdilo, ale ukázalo ještě v tmavších barvách, když jsme zjistili, že profesor Vondrák nikde nezanechal bližších záznamů o úplnosti svého materiálu a o pramenech, z kterých jej čerpal, takže by bylo bývalo třeba revidovat vše to, co v slovníku už je, a k tomu doplnit vše ostatní, vykonat tedy veškerou přípravnou práci znova. Přes to však, že Vondrákovo dílo zůstalo torsem, může být v některých heslech pomůckou našeho zpracování, případně vodítkem při řešení některého temného místa nebo v otázkách semasiologických. V takových případech k jeho materiálu rádi sáhneme a poctivě označíme — i když případy takové budou poměrně ne příliš četné — každou jednotlivost, kterou bychom z něho event.

[4] V. Jagić, Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, Berlin 1913, str. 281—485.

[5] Srov. Jos. Kurz, „Pocta Fr. Trávníčkovi a Fr. Wollmanovi", 1948, 288—292. — Josef Kurz připravuje nově vydání indexů ke kodexu Assemanovu a ke kodexu Zografskému.

[6] Kromě díla uvedeného v poznámce 4. srov. ještě V. Jagić, lexikální rozbor textu Assemanova kodexu v Račkého edici tohoto kodexu, u Zagrebu 1865, LX násl., dále jeho rozbor slovního bohatství textu kod. Mariánského v poznámkách k edici z r. 1883 (463 násl.), jeho poznámky k lexiku žaltářnímu v díle Четыре критико-палеографические статьи z r. 1884 (zvláště v druhé stati), a jeho práce o textu apoštolském (Zum altkirchenslavischen Apostolus, II, III, 1919, 1920).

[7] Srov. mé pojednání „Josefa Dobrovského Základy vědeckého studia církevněslovanského jazyka", Slavia 23, 1954, zvláště str. 127—128.

[8] Srov. Jos. Kurz, Časopis pro moderní filologii 25, 1939, 241—243 (v rozboru Weingartových prací z církevní slovanštiny a ze slovanského jazykozpytu).

[9] O slovníku jazyka staroslověnského, Symbolae grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowski, Cracoviae 1928, 2. díl, 231—243.

mohli přejmouti. Také materiál profesora Weingarta může být jen příležitostnou pomůckou při naší práci. Sebrali jej totiž posluchači zesnulého slavisty, ne dosti spolehlivě, bez přesných pravidel, nesystematicky a nestejnorodě a profesor Weingart se pro svou předčasnou smrt nedostal sám k jeho kontrole. A tak se stalo, že jsme v roce 1943, kdy jsme práci o staroslověnském slovníku obnovovali, musili začít se sbíráním materiálu i s jeho zpracováváním zcela od počátku.

3. Práce vykonaná od roku 1943 a dnešní stav příprav. Pokračování v díle bylo zahájeno přednáškou, kterou jsem z podnětu jednatele Společnosti pro slovanský jazykozpyt Jana Frčka proslovil dne 8. května 1942 (je otištěna ve sborníku „Pocta Fr. Trávníčkovi a Fr. Wollmanovi", Brno 1948, 286—309, s názvem *„Můj návrh na pokračování v přípravných pracích o staroslověnském slovníku"*)[10]. Bylo to v době krvavého Heidrichova teroru, jehož se právě za měsíc, dne 8. června 1942, stal obětí také Jan Frček. Výsledkem mé přednášky a diskuse po ní bylo rozhodnutí Společnosti, že se zúčastní spolupráce na připravovaném díle. Hned po přednášce jsem o plánu tom referoval generálnímu tajemníku tehdejší České akademie věd a umění, profesoru Oldřichu Hujerovi, který okamžitě slíbil pomoc České akademie věd a umění; než však mohl slib svůj uskutečnit, zemřel náhle, jako nepřímá oběť tehdejších událostí, dne 4. června 1942. Teprve na návrh profesora Bohuslava Havránka dne 30. října 1942 došlo k organisačnímu zachycení proponovaného díla, a to vytvořením akademické komise pro staroslověnský slovník, která se od roku 1952 přetvořila v jeho redakci. Předsedy této komise byli od roku 1943—1948 profesor Bohuslav Havránek, od roku 1948—1952 profesor Josef Vajs, senior našich slavistů —dovolte mi, abych směl tlumočit jeho srdečný pozdrav k našemu jednání —, od roku 1952 je-jím Josef Kurz. Členy redakce jsou kromě něho A. Dostál (tajemník) a dále akademik B. Havránek, Karel Horálek, Josef Vašica, F. V. Mareš a Antonín Mátl; na pracovišti se kromě nich na vnitřní redakci materiálu podílí Markéta Štěrbová. Dnes je dílo v rukou Československé akademie věd, a to jejího Slovanského ústavu; dříve se na jeho přípravě hmotně zúčastňovala také Královská česká společnost nauk. V kanceláři slovníku v Praze a v Brně pracuje na díle kromě pracovníků již uvedených ještě dalších 9 sil, v kanceláři dohromady 12 sil. Vedle členů hlavní redakce a členů kanceláře spolupracují na excerpci materiálu a pod. také spolupracovníci externí.

Od počátku své činnosti věnovala komise (redakce) velkou pozornost získání spolehlivého materiálu. Byla vypracována přesná excerpční a transkripční pravidla, byly stanovovány památky k excerpci úplné nebo k zachycení variantovému, byly určovány pomůcky pro zjišťování originálních předloh (řeckého, latinského nebo starohornoněmeckého textu), někdy musily být dokonce vykonány důkladnější přípravy k zpracování problematiky jednotlivých památek. Pro excerpci byly zvoleny nejlepší edice, v některých případech bylo použito i snímků, pro kodex Assemanův bylo použito již nového vydání Kurzova (ještě před jeho publikací). Každý lístek zachycuje excerpované slovo v normalisovaném pravopise, dále jeho bližší určení (na př. určení rodu nebo pádu u jmen, vidu, času, osoby u sloves), dále záznam paralel (řecké, latinské — této vždy, i když je originální paralela jen řecká —, někdy starohornoněmecké), určení významu česky (v *zpracování* slovníku však bude kromě češtiny užito i ruštiny a němčiny, srov. tu dále odstavec 6.), konečně celý citát v náležitém kontextu, s ev. bližším výkladem nebo

[10] S doplňky o práci vykonané do roku 1948.

se záznamem variant. Kromě větších lístků staroslověnskočeských byly zavedeny také malé lístky pro materiál k indexu řeckostaroslověnskému, který rovněž připravujeme, nebo pro odkazy. Aby se nemusil text stále opisovat, zavedli jsme jeho rozmnožování na cyklostylu, takže každý spolupracovník na excerpci materiálu obdrží již lístek s hotovým textem a je povinen jen doplnit potřebné údaje.

Tímto způsobem jsme získali přes 1,000.000 lístků obojího druhu; asi polovina z nich obsahuje přímo lístky s hesly staroslověnskými, druhá polovice je pak, jak pověděno, určena záznamům obráceným (řeckostaroslověnským a pod.) a odkazům. Máme vyexcerpovány veškeré památky klasické a řadu památek dalších.

Tento materiál je také neustále kontrolován a abecedně řaděn. Již dnes má získaný materiál značný význam pro slavistiku a představuje solidní materiální základnu, o kterou se může opřít zkoumání staroslověnského jazyka. V nejbližší době vydáme malý ukázkový sešit slovníku a od příštího roku (1956) chtěli bychom dílo po částech vydávat.

4. Otázka rozsahu materiálu, který byl pro slovník excerpován. Názory o tom, co by měl budoucí slovník obsahovat, byly vysloveny velmi rozdílné, podle toho, jak si kdo představoval rozsah a určení slovníku. Někteří pomýšleli hned od počátku na thesaurus v plném slova smyslu církevněslovanský (Vondrák původně, Lavrov, Cronia)[11], tedy na slovník, který by byl měl zachytit slovní bohatství velikého počtu památek, nejen nejstarších, nýbrž i pozdějších, na př. středobulharských, srbskocírkevněslovanských, charvátskohlaholských, ruskocírkevněslovanských a pod. Jiní pomýšleli na slovník rozsahu středního (Vondrák později, Miloš Weingart, Bohuslav Havránek)[12]. Podle tohoto návrhu měly být excerpovány pro staroslověnský slovník památky nejen svou formou, nýbrž i svým vznikem staroslověnské. Prof. Weingart v praxi tento okruh ještě poněkud překračoval, a stejně i prof. Vondrák. Konečně byl vysloven ještě třetí názor: připravit jako první etapu práce, se zaměřením zvláště pro studující slavistiky, slovník studijní, založený na excerpci, arci úplné, pouze památek staroslověnských klasických, kanonických (Al. Belić, St. Słoński, Jan Frček, Josef Kurz)[13]. Jako hlavní důvody uváděl jsem potřebu brzkého vydání slovníku a dále nehotovost zpracování úkolů, vztahujících se k poznání literární činnosti apoštolů, jejich žáků a další epochy[14].

V průběhu práce a porad komise a redakce byl přijat názor připravovat slovník rozsahu středního a pojmout do jeho materiálového základu památky

[11] O původních plánech Vondrákových srov. M. Weingart, Symbolae grammaticae 2, 1928, 233—234. — P. A. Lavrov, Le lexique du vieux slave, Revue des études slaves 7, 1927, 199—216 (zvláště strany 203—208, 215). — A. Cronia, Izdanja Izvršnog odbora (3. sjezdu slavistů), Beograd 1939, № 1, 86—88.

[12] O pozdějším plánu Vondrákově srov. Miloš Weingart, Symbolae grammaticae 2, 1928, 234—241. Svůj vlastní návrh podává Weingart ibid. 243—244. Weingart psal později o slovníku ještě několikrát (srov. blíže o těchto jeho pracích v mém ocenění jeho prací z oboru církevní slovanštiny a slovanské jazykovědy v Časopise pro moderní filologii 25, 1939, 241—243). Referát o Weingartově programu ze sborníku Symbolae 2 podal Ivan Ohijenko v Byzantinoslavica 4, 1932, 209—210. — Boh. Havránek psal o slovníku církevněslovanském v Izdanja Izvršnog odbora (3. sjezdu slavistů), № 3, Beograd 1939, 22.

[13] A. Belić, These a poznámky k diskusi (na prvém sjezdu slavistů), sekce II, 1929, poznámky k thesi 4. — St. Słoński, Izdanja Izvršnog odbora (3. sjezdu slavistů), Beograd 1939, № 1, 83—85. — Jan Frček, Izdanja Izvršnog odbora téhož sjezdu № 3, 1939, 21.

[14] Srov. můj článek ve sborníku „Pocta Fr. Trávníčkovi a Fr. Wollmanovi", Brno 1948, 294—300.

jednak zachované, jednak vzniklé svým překladem nebo sestavením v nejstarším období staroslověnského písemnictví, i když nejsou zachovány v kanonické podobě, a dále památky českocírkevněslovanské (tyto z důvodů jazykových a kulturněhistorických). Prakticky jsou to památky náležící do kánonu klasických památek a mimo něj biblické, liturgické, homiletické, právní a patristické texty náležící vznikem nejstarší periodě církevněslovanské literatury. Zejména jsme do excerpce pojali také žitija Konstantinovo a Metodějovo.

Nepřipravujeme tedy ani církevněslovanský thesaurus ani menší studijní slovník z nejstarších klasických textů, nýbrž slovník střední. Ale přípravu thesauru církevněslovanského neztrácíme z mysli; takové dílo bude tvořit další etapu naší práce. A nezapomínáme ani na přípravu slovníku menšího, kterého je již naléhavě třeba a který bude musit brzy následovat.

5. Otázka míry excerpce. Prováděli jsme excerpci úplnou. Také při redakci materiálu budeme vyčerpávat veškeren dostupný materiál z daného okruhu památek. Toto stanovisko vyplývá z poznání, že v jazycích jen knižně dochovaných, v kterých je materiál omezen tradicí, máme pro některá slova nebo aspoň pro některé významy slov materiálu hojnost, pro jiná však zase málo, a z toho, že se každý případ použití daného slova může ukázat ve větší nebo menší míře cenný pro určité závěry. K ověření případů užití je u jazyků doložených jen knižně nutno znát všechny případy použití, zatím co u živých jazyků tomu tak být nemusí, protože si můžeme ověřovat výběr případů svým živým jazykovým citem. Proto musí být slovník jazyka staroslověnského jako každý slovník jazyka jen knižně doloženého založen na veškerém dostupném materiálu z vytčeného okruhu textů. Omezený rozsah textů nikterak neoslabuje požadavek úplného vyčerpání slovního bohatství v daných textech obsaženého (vyslovený hlavně L. V. Ščerbou)[15]. Všímáme si tedy veškerého materiálu, zpracováváme zejména též lexikální nebo významová hapax legomena a nenecháváme stranou ani místa temná, ba ani leckteré t. zv. chyby. Jsou to, jak známo, leckdy chyby skutečné, které musíme od ostatního materiálu oddělit, jindy však jde jen o chyby zdánlivé a my musíme o nich uvažovat, právě proto, poněvadž nemáme po ruce taková kriteria, která by nám umožnila věc rozhodnout přímo jen svým živým jazykovým citem; o výklad takových zvláštních případů se budeme pokoušet všemi cestami.

6. Jazyky, kterými bude určován význam heslových slov. Náš slovník bude několikajazyčný. Významy budou podávány jednak česky, jednak rusky, jednak německy, kromě toho však budou uváděny také originální paralely (řecké, latinské, starohornoněmecké, podle jazyka originálu). Latina však bude mít při uvádění paralel výsadní postavení. Bude nejen jazykem originálních paralel přímých (na př. u Kyjevských listů, u části textů Euchologia sinajského), ale i paralel nepřímých (na př. u textů biblických, kde bude vedle řecké paralely uváděn i její starý překlad podle vulgáty, nebo u kodexu Supraslského, kde bude citován i paralelní výraz podle staršího překladu obsaženého v edici Acta Sanctorum). Nadto však bude latiny použito i jako jazyka významového tam, kde nemáme originál dochován vůbec (na př. u některých textů z kodexu Supraslského). Latina bude konečně také jazykem výkladů. Prakticky bude tedy v každém hesle užito latiny a někdy mnohonásobně. Budeme tedy v

[15] Viz blíže v mém článku „Dnešní stav přípravných prací pro vydání slovníku staroslověnského jazyka a problematika jeho zpracování", Slavia 22, 1953, 300—310.

našem slovníku užívat k objasňování heslových slov řady jazyků. Budou mezi nimi ovšem jisté rozdíly: zatím co čeština, ruština, němčina a zčásti latina budou jazyky tlumočícími *význam* slov, bude řečtina, latina jindy a starohornoněmčina jazyky *paralel*, které se, jak ukážeme v následujícím odstavci, s významy vždy krýt nebudou.

7. *Problematika spojená s určováním významů.* Tu bych vytkl hlavně tyto zásady.

a) *Paralely nesmíme ztotožňovat s významy.* Při stanovování významů je dobře zásadně odlišovat určování významů od podávání originálních paralel. Není zajisté pochybnosti o tom, že se paralely budou často, ba řekl bych většinou, s udanými významy hesel shodovat; tomu tak však daleko nebude vždycky. Při některých staroslověnských překladových textech (na př. při kodexu Supraslském, při Euchologiu sinajském, při některých textech homiletických, při listech Kyjevských a pod.) neznáme totiž originálních předloh tak poměrně přesně, jak je tomu na př. u textů biblických (i když i zde máme ještě neúplné znalosti o stavu originálních textů). A jistě mi potvrdí každý, kdo se na př. zabýval podrobnějším studiem jazyka a textu kodexu Supraslského, že dosud známé řecké texty k jednotlivým částem tohoto kodexu jsou většinou jen volnými protějšky podobného obsahu, že málokdy jde při nich o protějšky naprosto přesné; často jde o řecké texty jiné recense nebo o jiný rukopis téže recense. Podobně jsou staroslověnské modlitby obsažené v Euchologiu sinajském mnohdy dosti vzdáleny od doložených originálních textů řeckých. Podobně postačí dosti povrchně srovnati text Kyjevských listů s jejich latinským protějškem, nalezeným *Mohlbergem*, aby bylo ihned patrné, že je mezi nimi značná vzdálenost. Vzdálenost originálů a překladů nevyplývá však *jen* z naší neznalosti pravých textů originálních, nýbrž vyplývá mnohdy *i* z *povahy* textů a ze vztahu překladatelů (a někdy též opisovatelů) ke znění originálů. Je totiž po této stránce jistý rozdíl mezi texty biblickými a liturgickými na jedné straně a texty hagiografickými, homiletickými a pod. na straně druhé. Tam, kde nešlo přímo o texty Písma, mohli překladatelé postupovati svobodněji než při textech biblických a liturgických, mohli si dovolovati rozličná odchýlení od řeckých originálů, mohli pojmouti leckdy to nebo ono místo svobodně podle svého vlastního ponětí, podle svého vlastního porozumění smyslu místa. V pracích věnovaných těmto otázkám v poslední době[16] bylo to nejednou konstatováno a příklady dokládáno. Uvádíme-li tedy přesto i při dokladech čerpaných na př. z kodexu Supraslského originální paralely, pak si musíme být dobře vědomi nebezpečí, které by vyplývalo z *mechanického* srovnávání slovanských překladů se známými řeckými originálními texty. Ze všech těchto úvah vyplývá požadavek, abychom se nedali *otrocky* vést originálními paralelami, abychom vycházeli sice také ze srovnání s řeckým originálem, avšak bez otrocké závislosti na něm a abychom sami podle situace a podle celé dějové souvislosti uvažovali o smyslu míst, o která jde.

b) Opatrnost nás musí vést také k tomu, abychom *nevnášeli dnešní naše hledisko, dnešní naše pojímání významu slov do starého jazyka, abychom se nedali svést slovem náhodou stejně znějícím v hesle a v jazyce heslo tlumočícím* a pod. Všemi

[16] Srov. na př. K. H. *Meyer*, Altkirchenslavische Studien I, Fehlübersetzungen im Codex Suprasliensis, Halle (Saale) 1939 a mou recensi této práce v Byzantinoslavica 8, 1939—1946, 306—309.

cestami se musíme snažit vnikat do prostředí jazyka starých textů, musíme se vciťovat do situace, do starého způsobu jejího vyjadřování atd.

Zvláště při uvádění významů slov tak zv. gramatických (toto označení platí většinou teprve s dnešního hlediska) musíme postupovat velmi obezřetně. Nejen ovšem v těchto případech musíme být opatrní, zásad právě vyložených nutno dbát obecně.

Tak se na př. spojka *jako* (ꙗко) velmi často pojímá jako spojka uvádějící vedlejší větu vypovídací. Její význam ve větách typu глаголѧ вамъ · ꙗко нѣнꙗ приде bývá vystihován naší spojkou *že*, polskou *iż* a pod.[17]. Ve skutečnosti tomu však takto není a značný materiál ukazuje jasně, že *jako* po slovesech označujících vypovídání (ale hojně i ve spojeních jiných) má úkol jiný, ten totiž, že jako interjekce uvádí, zahajuje přímou řeč, zejména v případech, v kterých má být zároveň vyjádřeno upozornění, zdůraznění, údiv, překvapení. Význam by se nejlépe dal vyjádřit slovy *aj, hle, hej, zajisté:* ne tedy *pravím vám, že Eliáš přišel*, nýbrž *pravím vám, zajisté, vskutku, Eliáš přišel!* V řečtině je tu spojka ὅτι, která může mít význam spojky také podřadicí, ale řeckou paralelou ustáleně chápanou ani dnešním pojetím daného místa se nesmíme dát svést a musíme se snažit sami vnikat do chápání celé situace.

Nebo není *i, a, da*, jak je tomu většinou v dnešních jazycích slovanských, vždy souřadnou (na př. kopulativní) spojkou. Na základě podrobného rozboru povahy těchto spojek, zvláště ve spojení participií se slovesem určitým ve větách typu кѣшꙋтъ сѧ нс · і ѩзвнде отъ · водꙑ Zogr. Matouš 3. 16, ѩзхождѧ отъ водꙑ · і вндѣ ѳазвождѧшта сѧ нбса Zogr. Marek 1. 10. [stejně staročesky *(jelen) přeběhna... i stavi sě na tu skálu;* staroruský, staropolský atd.][18], dále na počátku apodose v souvětích podmínkových, časových a pod., na př. аште и вьси съблажнѧт сѧ о тебѣ · а азъ николиже не съблажнюсѧ Ass. 89 c 19[19] dále na počátku hlavní věty po vazbách dativu absolutního (na př. ѩшьдшоу нсоу ѩх капєрѫнаоумъ · и пристѫпи къ немоу сѫтьникъ Ostr. Matouš 8. 5, přišel jsem k závěru, že v nich není *i* nebo *a* nebo *da* již spojkou, nýbrž že tu jde ještě o *i, a, da* a pod. interjekční, asi ve významu „*hle, aj, tedy, může*“ a pod. Význam spojkový se vyvinul teprve později ze staršího významu interjekčního. Je tedy třeba pojímati na př. větu ѩзхождѧ отъ водꙑ · і вндѣ ѳазвождѧшта сѧ нбса takto: *vystupuje z vody, hle, spatřil otvírající se nebesa*[20].

c) Třetí obtíž je obecného rázu. Musíme si být vědomi, že systémy pojmů kterýchkoli dvou jazyků nejsou adekvátní a že mezi

[17] Takto, totiž jako větu vedlejší, vykládají větu s *jako* V. Vondrák, Altkirchenslavische Grammatik², 1912, 621, M. Weingart, Rukověť jazyka staroslověnského, 1937, 243, Z. Klemensiewicz, Inter arma, 1946, 5.

[18] Srov. na př. o tom tyto práce: Josef Dobrovský, Institutiones linguae slavicae veteris dialecti, 1822, 647—648, A. Potebnja, Изъ записокъ по русской грамматикѣ II, Char'kov 1874, 81—92, 117, Vatroslav Jagić, Beiträge zur slavischen Syntax, Vídeň 1899, 69—72, Wit. Taszycki, Imiesłowy czynne, teraźniejszy i przeszły I w języku polskim, Kraków 1924, Jan Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého IV (vyd. Fr. Trávníček), 1929, 606, atd.

[19] Podobné doklady jsou opět ve všech slovanských jazycích, zvláště v jejich starších stadiích. Jsou známy také z dialektů novoruských, jak ukazuje práce A. B. Šapirovova Очерки по синтаксису русских народных говоров, Moskva 1953.

[20] Srov. o těchto otázkách mé projevy v Slavii 21, 1952, 242, Slavia 22, 1953, 304 (o *jako*), a Slavia 24, 1955, 143—144 (o *i, a, da*).

slova heslová a slova je tlumočící často nelze položit rovnítko. Je tomu tak i u jazyků živých, větší měrou to však platí u starých jazyků dochovaných jen knižně. Musíme se proto snažit zmírňovat nedostatky, které tím vznikají, rozličnými cestami, na př. budeme uvádět pro vystižení významů několik synonym, budeme užívat opisů, rozličných připomínek, budeme co nejvíce dbát kontextu atd. Především bude naší hlavní oporou sám materiál, který bude musit mluvit vedle nás a někdy místo nás a který bude naší pevnou bází, od které nesmíme odbočovati. Ovšem uvádění synonym musí být oboustranné: nejen uvádět synonyma k vystižení významu, nýbrž také sledovat synonyma heslových slov; poznáme je snadno podle řeckostaroslověnského indexu, který budeme mít stále po ruce. Prostě při stanovování významu půjde o jemné vystižení smyslu každého dokladu a každého místa a o zevšeobecnění, vyplývající z detailního pozorování.

8. Konečně chci jen souhrnně uvést, že jsme v podrobných diskusích probrali také problémy spojené s formální výstavbou hesel. Odkazuji na podrobný referát o konferenci věnované těmto problémům v dubnu 1954, uveřejněný v Slavii 24, 1955, 123—145. Z jednotlivostí bych uvedl zejména to, že slovník bude podle potřeby obsahovat také údaje z morfologie a ze syntaxe vykládaných slov, a to ne vše, ne věci samozřejmé (na př. nebudeme zaznamenávat pravidelné paradigmatické tvary ze skloňování nebo z časování mimo základní údaje o genitivu sing. při substantivech, o tvaru pro femininum a neutrum při adjektivech a zájmenech, o tvarech pro 1. a 2. osobu indikativu praes. při slovesech), ale vždy poučení o každém případě zvláštním, informaci o morfologických dubletách a pod.

9. Chtěl bych svůj referát zakončit ujištěním, že redakce staroslověnského slovníku vděčně přijme každou spolupráci, týkající se získávání materiálu pro staroslověnský slovník i pro budoucí thesaurus. Uvítali jsme proto s velkou vděčností slova o potřebě jihoslovanské spolupráce na našem díle, o které psal zasloužilý znalec církevněslovanské kultury prof. Fr. Grivec v časopise Slovo 2, 1953, str. 90. Rádi takovou pomoc přijmeme a mohu již zaznamenat, že se nám takové spolupráce dostalo od Akademie věd SSSR, která nám ochotně dala zhotovit snímky některých rukopisů, a také od kol. K. Heintsche z Vratislavě, který nam zapůjčil pro excerpci Eugeniova žaltáře své snímky, získané ze Sovětského svazu. Na druhé straně sami poskytneme rádi informace z našeho materiálu odborníkům v studiu církevní slovanštiny a staré kultury, kdykoliv si toho budou přáti.

FRANK WOLLMAN

LITERÁRNĚVĚDNÁ SLAVISTIKA U ČECHŮ A SLOVÁKŮ V l. 1945—1955

Literární bádání v oboru slovanské filologie u Čechů a Slováků v období poválečném v letech 1945—1955 jeví se v celku takto:

1. je tu skupina prací paleoslovenistických;
2. skupina prací srovnávacích;
3. skupina prací rusistických, jugoslavistických, bulharistických, polonistických, ukrajinistických a sorabistických.

Literární bohemistika a slovenistika mají u nás zvláštní místo a nemohou být pojaty do tohoto krátkého referátu.

I

Skupina prací paleoslovenistických pokračuje v slavné tradici Dobrovského a Šafaříka. Církevněslovanská vzdělanost se všestranně osvětluje po stránce lexikologické v dokončovaném mohutném slovníkovém thesauru; to už má blahodárný vliv na studie kulturněliterární a na hodnocení cyrilometodějského dědictví. Slovanské základy naší vzdělanosti vystihl synteticky J. Kurz v populární stati[1]. Z četných prací paleoslovenistických jsou některé důležité pro literární bádání. Především práce Vašicova Origine Cyrillo-Méthodienne du plus ancien code slave dit „Zakon sudnyj ljudem"[2]. J. Vašica filologickým rozborem dokazuje, že Zakon sudnyj ljudem napsal Konstantin-Cyril podle řecké předlohy s úpravami podle kanonického práva západního. Vrhl tím ostré světlo na politicko-sociální stránku misse cyrillometodějské. Sem směřují nové důkazy Vašicovy, že nomokanon, to je Scholastikova Synagoga, byla přeložena Metodějem, a to už s použitím právních termínů českých[3].

Přímo se dotýká dějin literatur slovanských hypothesa K. Horálka, nadhozená kdysi už Geitlerem: charvátsko-hlaholská literatura nemá přímé velko-

[1] Josef K u r z, Slovanské základy naší vzdělanosti, sborník Slovanství v českém národním životě, Brno 1947, 9 n.

[2] Josef V a š i c a, Origine Cyrillo-Méthodienne du plus ancien code slave, dit „Zakon sudnyj ljudem", Byzantinoslavica 12 (1951) 154—174.

[3] Josef V a š i c a, Metodějův překlad nomokanonu, Slavia 24 (1955) 9—41.

moravské kořeny, je tu třeba předpokládat balkánské prostřednictví[4]. Horálek tvrdí, že z evangelních textů nelze ničím opřít souvislost s velkomoravskou tradicí; ovšem připouští přímé styky s církevněslovanskými středisky v Čechách.

Pro literární badatele má význam také charakteristika glos Jagićových a svatořehořských od Fr. Trávníčka. Podle něho glosy svatořehořské „jsou ukázkou nepochybné převahy češtiny nad církevní slovanštinou, a patří-li nesporně již do dějin českého písemnictví a jazyka, dokazují nebo aspoň zřetelně naznačují, jak české písemnictví souvisí s církevněslovanským, jak užívání českého jazyka na poli písemnictví bylo podníceno obdobím církevněslovanským"[5].

Vašica ukazuje hlaholský zlomek legendy svatovítské jako pouto hlaholismu v Slovanských Emauzích v Praze v druhé polovině XIV. století s českou epochou církevněslovanskou[6].

Počátky unionismu s historického stanoviska zachycuje Milada Paulová v studii L'idée cyrillo-méthodienne dans la politique de Charles IV et la fondation du monastère Slave de Prague[7].

Také ovšem nové práce Josefa Vajsa a na ně a na starší práce navazující Horálkovo dílo o evangeliářích a čtveroevangeliích[8] a jiné příspěvky k textové kritice a k dějinám staroslověnského překladu evangelia mají hodnotu literárně historickou a přispívají k poznání prolínající se kultury mediterranní v té době, k osvětlení mezislovanských styků a tvoření národních kultur slovanských.

Také Vašicovo pojednání o slovanské liturgii sv. Petra osvětluje styky t. zv. západu a t. zv. východu[9]. K tomu směřuje též jeho nové vydání a výklad t. zv. staroslověnské legendy chersonské[10]; Vašica podpírá názor Rusa Nikolského, že toto slovo o přenesení ostatků sv. Klimenta vyslovovalo ideu ekumenicity církve, ideu, která vznikla na půdě Soluně. Lví spár autora řeckého originálu, Konstantina-Cyrila, je patrný i z porušeného překladu staroslověnského.

II

Nejpočetnější je skupina prací srovnávacích. Srovnávací bádání o slovanských literaturách počíná se u nás také už s Dobrovským, Šafaříkem a Kollárem. Připomenuli jsme si to při jubileu dvoustého výročí narození Dobrovského a při stém výročí Kollárovy smrti. Jaký význam měla Dobrovského srovnávací methoda a činnost v jazykově literárním obrození u slovanských národů, ukázal jsem ve zvláštní stati[11]. V stopách Dobrovského šel Čelakovský, Šafařík, Kollár, Erben i Ľud. Štúr. Ještě před jubileem Dobrovského vyšly v nových kritických vydá-

[4] Karel Horálek, Kořeny charvátsko-hlaholského písemnictví, Slavia 19 (1950) 285—292.

[5] František Trávníček, Glosy Jagićovy a svatořehořské, Slovanské studie, sbírka statí, věnovaných prelátu un. prof. Dr Josefu Vajsovi k uctění jeho životního díla, red. Josef Kurz, Matyáš Murko, Josef Vašica, Praha 1948, 168.

[6] Josef Vašica, Staroslověnská legenda o sv. Vítu, Slovanské studie 159—163.

[7] Milada Paulová, L'idée Cyrillo-Méthodienne dans la politique de Charles IV et la fondation du monastère Slave de Prague, Byzantinoslavica 11 (1950) 174—186.

[8] Karel Horálek, Evangeliáře a čtveroevangelia, Příspěvky k textové kritice a k dějinám staroslověnského překladu evangelia, Praha 1954, ČSAV, St. pedag. nakl., 316 str.

[9] Josef Vašica, Slovanská liturgie sv. Petra, Byzantinoslavica 8 (1946) 1—54.

[10] Josef Vašica, Slovo na prenesenie moštem preslavnogo Klimenta neboli Legenda chersonská, Acta Academiae Velehradensis 19 (1948) 38—80.

[11] Frank Wollman, Josef Dobrovský a jazykově literární obrození u Slovanů, Sborník prací filos. fak. brněnské univ. 3 (1955) 4 (D 1) 1—40.

ních sbírky lidové slovesnosti, sestavené Čalakovským, t. j. slovanské národní písně a Mudrosloví národu slovanského v příslovích, Erbenovy Vybrané báje a pověsti národní jiných větví slovanských a Kollárovy Národnie spievanky, kde Kollár už také srovnával slovenské písně s jinoslovanskými[12].

Působilo jiště na české slavisty základní dílo Zdeňka Nejedlého o dějinách předhusitského a husitského zpěvu: ukázalo píseň lidovou jako výraz a nástroj politicko-sociálního života národa. Jen začleněním ústní lidové slovesnosti do organismu jednotlivých slovanských literatur dostáváme správný historický obraz jejich vývoje. Metodologická zásada začlenění lidové slovesnosti do celého vývoje literárního pronikla do naší literární vědy a je opřena nyní vývojem sovětské folkloristiky, o kterém právě podávám zprávu v Slavii[13]. Vývoj sovětské literární vědy potvrdil také správnost srovnávací metody (nikoli ovšem „vlivologie", násilného vyhledávání vlivů, a kosmopolitického komparativismu). Jaké důsledky má vědomé nebo nevědomé nechápání ústní lidové slovesnosti v organickém celku jednotlivých slovanských literatur, ukázal můj spis K methodologii srovnávací slovesnosti slovanské, psaný právě před dvaceti lety[14]. Dostalo se mi cti, že hlavní části mého spisu byly uveřejněny jako diskusní these připravovaného sjezdu slovanských filologů v Bělehradě r. 1939[15]. Názory v něm projevené mohou nyní být podrobeny kritice, opraveny a doplněny. Jisté je: tradice srovnávací vědy literární náleží ke kulturnímu dědictví české a slovenské slavistiky.

Ve srovnávacím bádání u nás zcela přirozeně bylo třeba vyrovnat se s výsledky sovětské vědy a její kritiky kosmopolitického komparativismu školy Marrovy a Veselovského. U nás už dříve ozývaly se varovné hlasy proti „vlivologii", proti extrémní snaze dokazovat v naší a jinoslovanské literatuře cizí vlivy (nebo i vlivy jedné slovanské literatury na druhou) a vůbec redukovat literární bádání na vlivy. Ale teprve sovětská kritika formalismu, strukturalismu, marrismu a veselovštiny, přežitků t. zv. historické školy a školy t. zv. pokleslé kulturní hodnoty (das gesunkene Kulturgut), kritika komparativismu skandinávské školy a j. ve folkloristice dělaly jasno také u nás. Bylo třeba se seznamovat s výsledky sovětské vědy literární a byl proto zřízen zvláštní orgán Sovětská věda — literatura (později Sovětská literatura) a Sovětské divadlo. Také Slavia přináší výsledky sovětských diskusí literárněvědných a folkloristických; věnovala se čile referentské a recensní činnosti[16]. To dělají také Byzantinoslavica. Dělal to i někdejší Slovanský obzor, vydávaný v Martině.

Na druhé straně bylo třeba bránit se vulgarisaci nových metod a zásad badatelských, která se obracela proti srovnávací metodě vůbec. Vulgarisace zabrz-

[12] František Ladislav Čelakovský, Slovanské národní písně, k vydání připr. Karel Dvořák, Praha 1946, Kuncíř, 729 str. + 11 příl. — Týž, Mudrosloví národu slovanského ve příslovích, do tisku připr., rejstříkem, pozn. a dosl. opatřil Karel Dvořák, Praha 1949 (Dílo Čelakovského I). — Karel Jaromír Erben, Vybrané báje a pověsti národní jiných větví slovanských, vyd. připr., předml., pozn. a dosl. napsal Jiří Horák, Praha 1953 (Nár. knihovna 42). — Ján Kollár, Národnie spievanky I — II, texty pripr. a poznámkami doplnil Eugen Pauliny, úvodná štúdia František Votruba, Bratislava 1953.

[13] Frank Wollman, Sovětská věda o lidové slovesnosti na nových cestách, Slavia 24 (1955) seš. 4.

[14] Frank Wollman, K methodologii srovnávací slovesnosti slovanské, Brno, 1936.

[15] Zbirka odgovora na pitanja, Réponses aux questions, Izdanja Izvršnog odbora № 1, III Međunarodni kongres slavista (slovenskih filologa), Beograd 1939.

[16] Srov. recensní část v poválečných ročnících (Slavia XVIII n.) a souborné referáty: Frank Wollman, Literárněvědná problematika v SSSR po Stalinových statích, Slavia 21 (1952) 109—146; týž, Polemika o srovnávací metodu v literární vědě, Slavia 21 (1952) 439—449.

díla na čas srovnávací bádání; postihlo to zejména slavistiku. U nás srovnávací bádání totiž bylo především mezislovanské. Na řadě interních porad Slovanského ústavu došlo se k oprávněnosti a nutnosti srovnávacího studia na základě marxisticko-leninské metodologie. Veřejná konference Slovanského ústavu o mezislovanských vztazích za účasti cizích delegátů a pracovní konference Ústavu pro českou literaturu o vlivech v české literatuře koncem roku 1954 byly výsledkem tohoto metodologického úsilí a vření[17].

Tradice srovnávacího bádání mezislovanského je spolu s paleoslovenistikou páteří české a slovenské slavistiky. Kořeny této tradice ukázal Zdeněk Nejedlý už za války v stati К истории славяноведения до XVIII века v sovětském časopise Историк марксист r. 1941; učinili jsme to přístupným v Slavii k pětasedmdesátce Nejedlého[18]. Mezitím Nejedlý dal pokračování své stati v úvodu I. dílu Dějin národa českého z r. 1949[19], kde zejména osvětlil dílo Dobnera a Dobrovského. Dva velké soubory jubilejních prací o Dobrovském[20] po stránce historické šly ve stopách Nejedlého. Z materiálů nových v akademickém sborníku Dobrovského stať Macúrkova ukazuje závislost Dobrovského na současném feudálním dějepisectví maďarském, zejména v otázce Velké Moravy[21].

Kritika nových prací o Dobrovském v zásadní stati J. Černého usiluje o skutečně marxistické zhodnocení vědeckého a ideového odkazu Josefa Dobrovského[22].

V stati Předchůdci Dobrovského[23] pokusil jsem se rozlišit pokrokové a reakční slovanovědění u nás v XVIII. století a začlenit práci Dobrovského do soudobého vědeckého ruchu a ukázal jsem také na vztah Dobrovského k ruské vědě. Pokrokovost slovanství Dobrovského současně osvětlil Bohuslav Havránek a pak v zahajovací přednášce konference na paměť Josefa Dobrovského, která se konala koncem r. 1953[24], podrobně rozebral pokrokovost slovanské vědy u Dobrovského a význam jeho metod pro dnešek. Dolanský rozvedl význam Ruska pro práci Jos. Dobrovského v slovanských literaturách[25].

Na základě starého a nového materiálu pokusil jsem se o zachycení rozmezné osobnosti slovanského patriarchy v poměru k jazykově literárnímu obrození u

---

[17] O těchto konferencích přinesla podrobné zprávy Slavia, a to: Karel Haderka, Antonín Měšťan, Zdeněk Váňa, Slavomír Wollman: Konference o mezislovanských vztazích, Slavia 24 (1955) 323—351; Slavomír Wollman, Konference o vlivech v české literatuře, ibid. 351—367.

[18] Зденек Неедлы: К истории славяноведения до XVIII века, Slavia 22 (1953) 1—28.

[19] Zdeněk Nejedlý, Dějiny národa českého, I Starověk, Praha 1949, Svoboda, srov. Úvod, zejména 64—71.

[20] Josef Dobrovský 1753—1953, sborník studií k dvoustému výročí narození, red. Bohuslav Havránek a Julius Dolanský, Praha 1953, ČSAV, 595 str., 11 obr. příl. Referáty, pronesené na konferenci na paměť Dobrovského a souborná zpráva o Konferenci, Slavia 23 (1954) 81—266.

[21] Josef Macůrek, České a uherské dějepisectví v počátcích českého a maďarského národního obrození, sborník Josef Dobrovský 1753—1953, 473—506.

[22] J. Černý, Za marxistické zhodnocení vědeckého a ideového odkazu Josefa Dobrovského, Nová mysl 8 (1954) 541—552.

[23] Frank Wollman, Předchůdci Dobrovského, Slavia 22 (1953) 413—426.

[24] Богуслав Гавранек, Значение Иосифа Добровского для славян, Slavia 23 (1954) 81—100.

[25] Julius Dolanský, Význam Ruska pro práci Jos. Dobrovského o slovanských literaturách, Sovětská literatura 3 (1954) 71—86.

Slovanů v Sborníku filosofické fakulty brněnské university, který byl založen jako nový vědecký orgán[26]. Protiklad Dobrovského k Dobnerovi jako představiteli pokrokové německé buržoasie a určitá zdrženlivost Dobrovského vůči vznikajícím novým spisovným jazykům slovanským přestávají být hypothesami.

Vztah Dobrovského k německé filologii vyšetřila Svobodová z pražského dorostu germanistického v samostatné rozpravě[27]. Bechyňová prověřila Durycha jako prvního zpravodaje Dobrovského o současné ruské produkci vědecké[28]. Slavomír Wollman doložil vysoké oceňování Slova o pluku Igorově Dobrovským a jeho školou a výstižnou charakteristiku této poetické skladby od Dobrovského[29].

Jubileum pětasedmdesátých narozenin Zdeňka Nejedlého padlo do oslav dvoustého výročí narození Dobrovského. Bylo se nad čím zamyslit při srovnání revoluční vědecké činnosti Nejedlého s jeho vzdáleným a přece blízkým předchůdcem. Slavistické dílo Nejedlého, které je osou jeho ohromné činnosti, vešlo do dějin. Je to ovšem jiné chápání slavistiky, než bylo u nás v období positivismu. V souboru statí Nejedlého Boje o nové Rusko z r. 1948 je uvedena také stať Slovanství (z Varu r. 1926); už tam Nejedlý charakterisoval positivistickou slavistiku takto: „Dávnou chloubou naší vědy byla a jest slavistika, v níž jsme od dob Dobrovského měli mistry, jakých měl málokterý jiný národ. A nebyli to jen velcí učenci. Jaké hluboké pásky tu byly mezi Dobrovským a probouzejícím se tehdy národem ruským, co teplého smyslu pro vnitřní proudy ve slovanských národech bylo v Šafaříkovi! Dnes však naše slavistická věda se ocitá pomalu stejně tak mimo dnešní skutečný život slovanských národů, až na tuze řídké výjimky, jako oni naši politikové. I ona je tak pohroužena v minulost, že nevidí přítomnosti..."[30]

R. 1948, kdy vyšly předválečné a přece tak aktuální stati Nejedlého, shrnuté v knihu Boje o nové Rusko, působí některé do minulosti zahleděné předválečné stati vydávané v knihách[31] jako ukázka minulé slavistiky. Je zde také mnoho, co už v tuhých vědeckých bojích bylo překonáno, na př. víra v kulturní schisma mezi Slovany západními a východními, ethický realismus, chápaný jako znak slovanské tvorby integrálně a nikoli historicky a v dialektických protikladech a j. Tyto omyly tedy už nenáleží do poválečného vývoje české slavistiky. Nejedlý opravil především omyly buržoasního výkladu Kollárova významu; také tím zasáhl přímo do historie slovanovědění, neboť Kollár vedle Šafaříka a Mickiewicze byl pokračovatelem Dobrovského v kladení základů srovnávací literární vědy slovanské. Už v Moskvě za války u příležitosti 150. výročí narození Kollárova a pak zejména k století od smrti Kollárovy zdůraznil Nejedlý v Kollárově ideji vzájemnosti slovanské hluboký humanismus a ducha boje za svobodu národů. Zároveň s ním odmítl Alexander Fadějev pokusy, které dávaly Kollárově ideji panslavistický zvuk[32]. Z hodnocení Nejedlého vyšel už Mráz ve své studii o ruských momen-

[26] Frank Wollman, Dobrovský a jazykově literární obrození u Slovanů; srov. zde pozn. 11.

[27] Zdeňka Svobodová, Dobrovský a německá filologie, Praha 1955, Rozpravy ČSAV, roč. 65, řada SV seš. 2, 98 str.

[28] Věnceslava Bechyňová, Ruská literatura v díle V. F. Durycha a její význam pro Durychovo slovanství, Slavia 24 (1955) 269—282.

[29] Slavomír Wollman, Dobrovský a Slovo o pluku Igorově, Slavia 24 (1955) 269—282

[30] Zdeněk Nejedlý, Boje o nové Rusko, Praha 1948, Svoboda, 631 str.

[31] Na př. Jiří Horák, Z dějin literatur slovanských, Statí a rozpravy, red. a předml. J. Dolanský a J. Thon, Praha 1948, Vilímek, 540 str.

[32] Zdeněk Nejedlý — Alexander Fadějev, Tři projevy, Praha 1952.

tech v Kollárově díle a pak v celkové studii o Kollárovi po výtce ideologické[33]; vysvětluje, jak Kollár v odporu proti maďarisaci dospěl na kontrarevoluční platformu a hledal ochranu u císařského dvoru. Názor, že by to bylo „menší zlo", opravil Rosenbaum. Starších názorů při výkladu versí rozpravy o vzájemnosti držel se Brtáň v studii vzniklé ještě za války, která znamená materiálový přínos (zejména krakovské znění básně Slavian podle prózy Ant. Marka)[34]. Rosenbaum měl už všestranně připravenou půdu k slovenskému vydání Kollárovy rozpravy o literární vzájemnosti a v úvodě vydatně použil hodnocení Nejedlého a studií jeho žáků[35]. Z těchto četných studií zmíním se aspoň o Gašparíkově srovnání Kollárovy koncepce slovanské vzájemnosti s koncepcí Palárikovou v 60. letech, která zdůraznila Kollárovu demokratičnost a humanitu[36].

Poválečná slavistika u nás se řídila příkladem Nejedlého i v jiných otázkách; studovala jeho vztah nejen k české literatuře, ale vůbec k slovanským literaturám, zejména ruské, k divadlu, jeho teorii literární vědy[37]. Učila se od něho vytvářet slavistickou publicistiku, které bylo po válce tolik potřebí.

Nejedlý sám se soustavně zabýval sice jen literaturou českou, ale to bylo vždy ve vztahu k jiným literaturám, zejména k ruské a polské[38]. Po válce v jeho četných projevech dozrávají jeho názory o výchovné a umělecké hodnotě ruského románu a o jeho vlivu na českou a slovenskou literaturu; tak ve svém časopise Var r. 1952 sleduje vliv Gogoľův na Němcovou, Jiráska, Vajanského a Kukučína, jinde rýsuje filiaci Gogoľ — Němcová — Neruda — Jirásek — Čechov — Hašek; celoživotní zkoumání vztahu Sienkiewicz — Jirásek a hodnocení jejich místa ve vývoji evropského historického románu dostává osobitý výraz v stati z r. 1946 Komunisté, dědici velikých tradic českého národa[39]. Od počátku právě ruskou literaturou bojuje Nejedlý proti reakčnímu rusofilství, učí pokrokovému názoru na ruské klasiky, ruskou literaturou ukazuje cestu k revoluci a staví Čechům a Slovákům před oči revoluční literatury[40]. Je to stále ve vztahu k československému kulturnímu a sociálnímu vývoji.

Z prací nyní v sebraných spisech přetiskovaných působí Nejedlý na vývoj našeho srovnávacího bádání. Na př. už dávno před válkou upozornil Nejedlý na vliv revolučních demokratů ruských na Karla Sabinu. To je příklad a podnět pro náš vědecký dorost, který vyšetřuje vlivy ruských revolučních demokratů na naše revolucionáře z r. 1848, Sabinu, Friče a j. (Kosík, Grebeníčková)[41]. Jiní sle-

[33] Andrej Mráz, Ruské momenty v diele Jána Kollára, 1946, Tranoscius. Týž, Ján Kollár, Literárně historická štúdia, 1952, Slovenský spisovateľ.

[34] Rudo Brtáň, Vznik, vývin a versia Kollárovej rozpravy o vzájemnosti. Štúdia. 1942, Tranoscius.

[35] Ján Kollár, O literárnej vzájomnosti. Preložil, štúdiu a poznámky napísal Karol Rosenbaum, Bratislava 1954, SAV.

[36] Mikuláš Gašparík, Kollárova a Palárikova koncepcia slovanskej vzájomnosti. Literárnohistorický sborník SAVU 9 (1952) 22—32.

[37] Dnes hlavní věci z teorie literárněvědné v knize Zdeněk Nejedlý, O literatuře, uspoř. a předml. napsal Václav Pekárek, Praha 1953, Čs. spis., 1000 str.

[38] Karel Krejčí, Zdeněk Nejedlý a slovanské literatury, Slavia 22 (1953) 29—42.

[39] Zdeněk Nejedlý, O smyslu českých dějin, Praha 1952, Svoboda, 263—264 (Spisy XVI).

[40] Julius Dolanský, Zdeněk Nejedlý a ruská literatura, Praha — Moskva 3 (1953) č. 2, 46—57.

[41] Růžena Grebeníčková, Český článek o A. I. Gercenovi z r. 1863, Praha—Moskva 2 (1952) č. 5, 94—100; táž, Poznámka o vlivu A. I. Gercena v letech 60-tých u nás, So-

dují vzor Nejedlého ve vyhledání vlivů ruského románu (tak Parolek ruské vlivy u bratří Mrštíků). Řada časopiseckých statí vychází už z názorů vybojovaných Nejedlým[42]. Podle vzoru Nejedlého pokusil se Mráz zachytit ruskou realistickou literaturu na Slovensku v jejím tvořivém vlivu, zvláštní pozornost věnuje poznání díla Gogoľova u Slováků a ještě větší vlivu Tolstého. Také hodnocení rusofilství Vajanského jde v stopách diagnos Nejedlého o pokrokovém a reakčním rusofilství u Čechů. Poté pak Mráz už přistupuje soustavně k ohlasům ruské literatury u Slováků od doby nejstarší až po dobu nejnovější s prohloubenými kriterii sociálně politickými[43].

Z brněnské srovnávací školy, která už před válkou si udělala programem vyšetřit poměr hlavních spisovatelů českých k Slovanstvu a slovanství, z okupační ruiny zachovaly se a byly vydány po válce práce Jaromíra Běliče, který ukázal Havlíčkův vztah k slovanství v jeho politicko-sociálních souvislostech a krisích přelomového období r. 1848[44], a studie Otakara Vaška August Šenoa a česká literatura[45]. Vašek zde ukázal podněty a vlivy progresivní české literatury na charvátského spisovatele, který žil několik let v Praze a přátelil se se spisovateli t. zv. májového kruhu, zejména s Nerudou a Hálkem. V mezislovanské biblistice pracuje Vladimír Kyas, a to na vztazích českých a polských biblických textů[46]. K tisku se připravuje práce Fr. Váhaly o starších stycích československo-jugoslávských.

Tradicí srovnávací slavistiky české a silou potřeb života jsou vedeni také slavisté odborníci z bratrských národů, kteří žijí nebo do nedávna žili mezi námi. Polonista Karlovy university Marjan Szyjkowski vydal už před válkou dva díly své monumentální práce o česko-polských literárních vztazích. Jedno z prvních děl, která vydal Slovanský ústav po válce, je III. díl základního díla mezislovanské komparatistiky, Szyjkowského Polská účast v českém národním obrození, část III., romantismus[47]. Dílo Szyjkowského v celku znamená materiálově velký přínos, který neztratí svou cenu po ideologické revisi a po korektuře vlivologických výkyvů.

Jiným pilným pracovníkem v našem mezislovanském bádání je Rus A. V. Florovskij. Historik Karlovy university, autor velkého předválečného spisu o rusko-českých vztazích a válečného spisu o působení českých jesuitů na Rusi,

---

větská věda — literatura 1 (1952) 107—109. — Čeští radikální demokraté o literatuře (Výbor ze statí K. Sabiny, J. V. Friče, V. Vávry Haštalského, J. Knedlhanse Liblinského, J. E. Sojky a E. Vávry), uspoř. a dosl., pozn. a rejstříkem opatř. Růžena Grebeníčková, Praha 1954, Čs. spis., 304 str. — Karel Kosík a Růžena Grebeníčková, J. V. Frič a ruští revoluční demokraté (Několik poznámek k objasnění pokrokové linie českého rusofilství), Praha — Moskva 3 (1953) č. 10, 73—86. — Karel Kosík, N. G. Černyševskij a české osvobozenecké hnutí, Lit. noviny 2 (1953) č. 34, 3.

[42] Na př. Josef Kadlec, Gogol v Mariánských Láznich, Praha — Moskva 2 (1952) č. 4, 103, kde shrnuje vliv Gogoľův na českou literaturu podle výstavy Gogoľovy (referát o ní ibid. 117).

[43] Andrej Mráz, Zo slovenskej literárnej minulosti, Bratislava 1953, 240—252, 253—265, 266—287, 288—301; týž, Z ruskej literatúry a jej ohlasov u Slovákov. Bratislava 1955, str. 211.

[44] Jaromír Bělič, Karel Havlíček Borovský a Slovanstvo, Praha 1947, Stejskal, 293 str.

[45] Otakar Vašek, August Šenoa a česká literatura, Praha 1955, Rozpravy ČSAV roč. 65, řada SV seš. 1, 88 str.

[46] Vladimír Kyas, Za českou předlohou staropolské bible, Slavia 22 (1953) 112—124.

[47] Marjan Szyjkowski, Polská účast v českém národním obrození, část III., Romantismus, z rukopisu přel. Josef Bečka, Praha 1946, Slovanský ústav, 291 str.

brzy po válce vydal studii Чешская библия в истории русской культуры и письменности[48]; zde navázal na tradice mezislovanské biblistiky, kterou rovněž založil Dobrovský. Florovskij přinesl další doklady, že český příklad měl vliv na vznik překladu bible do lidové řeči na Rusi, že česká bible byla z pomůcek Skorynova pražského vydání ruského Starého Zákona (1517—1519); našel nové údaje o dvojím pobytu Skorynově v Praze a řešil otázku husitských vlivů u Skoryny i vliv jeho edicí v XVI. a XVII. století. Ukázal českou bibli jako pomůcku při zpracování ruských biblických textů a při vydání bible Ostrožské a Jelizavetiny.

O ukrajinsko-českých stycích literárních kromě hlavní práce z linguistiky ukrajinské pracuje Pańkevič. Jeho referát o česko-ukrajinských literárních a kulturních stycích v XIX. století na koferenci o mezislovanských vztazích minulého roku podal nový materiál ze západní Ukrajiny (Haliče) i z východní Ukrajiny[49]. Zde shrnul Pańkevič i některé starší práce. Vliv Kollárův a Šafaříkův v západní Ukrajině, vliv Královédvorského a Zelenohorského rukopisu ve východní Ukrajině, vytvoření postavy Husa jako neochvějného bojovníka za pravdu v Ševčenkově básni Jeretyk a ideové spoje Cyrilo-metodějského bratrstva s českou literaturou a to, co vede až k pražskému vydání Kobzara r. 1876, to vše vyroste jistě z hutné zkratky na dílo propracované politicko-sociálně.

Naše práce srovnávací je ve své většině dána jubilejní aktuálností v dobrém smyslu slova. V čele je tu Dolanský (dříve Heidenreich), který má pro ty příležitosti zvlášť plodné a obratné péro. V knize Jungmannův odkaz vyšetřil vztahy poetiky Jungmannovy k ruské, zejména Grečově, bohužel však odkaz Jungmannův hledal ještě r. 1948 v českém formalismu a strukturalismu. V menších studiích dal se už vést spíše Nejedlým, tak v studii Svatopluk Čech a Slovanstvo nebo Bělinskij a česká literatura. Stal se pak vykladačem slovanské složky díla Nejedlého a jeho teorie literatury. Odtud proniká k marxistické metodě literární. Na okraji Taufrova překladu výboru z Majakovského pokouší se vystihnout působení Majakovského v českém prostředí. Pod stejným titulem jako Nejedlý r. 1937, ale jinak v konečném hodnocení píše studii Masaryk a Rusko. Několik studií věnoval přelomovému vztahu Havlíčkovu k carskému Rusku a samostatnou knížku Čelakovskému, kde ukazuje jeho pokrokové rusofilství[50]. To jsou ovšem jen hlavní studie Dolanského; plody jeho slavistické publicistiky jsou početm hojné.

Také žáci Dolanského jdou tímto směrem. Tak na př. Procházková píše do jubilejní sbírky materiálů Náš Puškin komparatistický pokus o vysledování

[48] А. В. Флоровский, Чехи и восточные славяне, Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.), том I, Прага 1935, Славянский институт; týž, Čeští jesuité na Rusi, Praha 1941; týž, Чешская библия в истории русской культуры и письменности, Sborník filologický 12 (1946) 153—258.

[49] Srov. Slavia 24 (1955) 342—343.

[50] Julius Dolanský, Jungmannův odkaz, Praha 1948, Stejskal, 360 str. — Týž, Svatopluk Čech a Slovanstvo, sb. Svatopluku Čechovi k 100. výročí narození, Praha 1946, 138—194. — Týž, Bělinskij a česká literatura, Slavia 19 (1949) 153—207. — Týž, Zdeněk Nejedlý a Slovanstvo, sb. Zdeňku Nejedlému Československá akademie věd k 75. narozeninám, Praha 1953, 115—156, a Zdeněk Nejedlý, průkopník nové literární vědy a kritiky u nás, Sovětská věda — literatura 2 (1953) 3—29. — Srov. také Artur Závodský, Příklad Zdeňka Nejedlého dnešní literární vědě, Sovětská literatura 3 (1954) 495—502. — Julius Dolanský, Majakovskij mezi námi, sb. Náš Majakovskij, Praha 1951, Svět sovětů, 50—99. — Týž, Masaryk a Rusko, Sovětská literatura 3 (1954) 585—624; 4 (1955) 28—58. — Týž, Havlíček v Moskvě, sb. Pražská universita Moskovské universitě 1755—1955, Praha 1955, 13—47. — Od téhož autora srov. také Čechov v Čechách, Lit. noviny 3 (1954) č. 31, 8—9; č. 32, 9; č. 33, 8—9.

vlivů Puškinových na českou literaturu do 60. let (ovšem nepřihlíží k vlivům jiných literatur, tak u Máchy). Cenný je v sborníku bibliografický soupis Puškin v české literatuře[51]. U Slováků slovanská jubilea má na paměti hlavně Brtáň. Jeho puškinské statí, sebrané v knížku[52] přinášejí nový materiál, zejména pro Vajanského a Jesenského; jsou ještě zatíženy starou vlivologií. Podobná je i jiná jubilejní literatura v knížkách jako Náš Gogol, Náš Ševčenko, Náš Gor'kij. Často se tu jen improvisuje, themata se nepropracovávají nebo nedokončují. Ale jistě mají tyto publikace záslužný cíl lidovýchovný, snahu získat čtenáře pro slovanské autory. Obyčejně je to spojováno s výstavami děl oslavovaných spisovatelů, překladů do češtiny a slovenštiny, práce literárněvědné o nich a obrazového materiálu. Tak znalost slovanské literatury za podpory slavistické publicistiky proniká do našeho lidu, zejména účastní-li se populární osobnost, jako v případě výstavy Ševčenkovy, jejíž katalog zdobí předmluva Nejedlého[53]. Ve sborníku Náš Gorkij vedle starších studií Nejedlého a Fučíka s mladým vědeckým dorostem českým je uvedena i studie mladého sovětského badatele Nikolského o Gor'kém v Československu[54].

Je řada takových popularisujících publikací. Širší slovanský ráz má překladový výbor literatury slovanské, ve které se obrazí rok 1848, Jaro národů ve slovanských literaturách. V úvodních poznámkách Krejčí vychází ze srovnávacího politicko-sociálního hlediska[55].

Z velké historické práce o slovanském sjezdu v Praze r. 1848 od Zdeňka Tobolky a Václava Žáčka vyšla prozatím část prvá, přinášející sbírku dokumentů. Už tyto dokumenty jsou znamenitým přínosem pro srovnávací vědu mezislovanskou v oblasti literárně kulturní[56]. Sborník přednášek historiků o slovanském sjezdu[57] dal správné chápání událostí také pro literární badatele.

Jubilejní rámec přerostlo dílo Jana Jíši, pracovníka Slovanského ústavu ze školy zemřelého profesora Bohumila Mathesia, o vlivu sovětské poesie na českou. V tisku ČSAV je první část práce Básníci nového Ruska a česká poesie 20. let. Z tohoto široce založeného díla uveřejnil Jíša studie Jesenin a cesta Josefa Hory[58] a Česká poesie dvacátých let a Majakovskij[59]. Ze srovnávací praxe krystalisovaly

[51] Ve sb. Puškin u nás 1799—1949, uspoř. Julius Dolanský s red. kruhem, Praha 1949, viz: Helena Procházková, Po stopách Puškinových do let šedesátých, 152—239; J. Bečka, H. Kosterka a H. Procházková, Puškin v české literatuře (Bibliografie), 384—417.

[52] Rudo Brtáň, Puškin v slovenskej literatúre, Turč. sv. Martin 1947, 122 str.

[53] Taras Ševčenko 1814—1861, Výstava o životě a díle, Katalog, předmluvu napsal Zdeněk Nejedlý, stať Ševčenko u nás Julius Dolanský, Praha 1951.

[54] Náš Gorkij, sborník statí a dokumentů, Praha 1952, Svět sovětů; zde zejm. M. Botura vyšetřuje vztah českého dělnického tisku na př. 20. let ke Gor'kému a J. Kadlec pobyt Gor'kého v Československu za policejního dozoru první republiky.

[55] Jaro národů ve slovanských literaturách, uspoř. a úvody opatřil Karel Krejčí, překlady Jaroslav Závada, Praha 1948, ELK, 150 str.

[56] Slovanský sjezd v Praze 1848, sbírka dokumentů, část I., k vyd. připr. Zdeněk Tobolka a Václav Žáček, Praha 1952, Slovanský ústav. 523 str. + 20 obr. příl. (Vydáno jako rukopis.)

[57] Václav Čejchan, Václav Žáček, Josef Macůrek, Václav Husa: Slovanský sjezd v Praze 1848, sborník přednášek Slovanského ústavu, Praha 1948, Slovanský ústav, 138 str.

[58] Jan Jíša, Jesenin a cesta Josefa Hory, Slovesná věda 3 (1950) 19—25.

[59] Jan Jíša, Česká poesie dvacátých let a Majakovskij, Sovětská věda — literatura 2 (1953) 396—408.

se Jíšovi závěry teoretické o srovnávací vědě literární[60]. K objasnění nových hledisek srovnávacích na materiálu česko-polském z doby obrození přispěl na konferenci o mezislovanských vztazích také brněnský pracovník Milan Kudělka[61].

Jak patrno z uvedení hlavních věcí srovnávací skupiny, desítiletí poválečné bylo naplněno hledáním nových metod, vyrovnáváním se s pokročilou vědou sovětskou, osvojováním si výsledků práce badatelské jiných národů, zejména slovanských.

Ale síla problematiky už vede badatele ke kolektivnímu úsilí. Právě v těchto dnech objevuje se I. díl Česko-polského sborníku vědeckých prací za redakce Milana Kudělky. Je to podnik našeho regionálního pracoviště Slezského ústavu a je věnován Slezsku. Sešli se tu už Češi, Poláci, Slováci na řešení problematiky Slezska prozatím se stanoviska archeologie a politické historie. V tisku je už II. díl filologický. Pro srovnávací bádání česko-polské přináší studie F. M. Bartoše paralelu Kosmas-Gallus; sleduje vznik pověsti o Čechu a Lechu[62]. Studie Oldřicha Králíka o pochodu sarmatské teorie o vzniku Slovanů polského historiografa Kromera k pražskému Janu Matyáši ze Sudet a odtud pak už na kritickou kovadlinu Dobnerovu a Dobrovského je příspěvkem k dějinám slovanské myšlenky[63].

Práce srovnávací v širokém měřítku není ovšem myslitelná bez řádného základu dokumentačního a bibliografického. Proto jsme už r. 1946 v Slovanském ústavě pověřili knihovníka Bečku organisací bibliografické práce. Přistoupil i přímý podnět z ministerstva: soupis bulgarik v českém jazyce. Protože měl tehdy Slovanský ústav kromě kulturního také hospodářský odbor, byla práce založena v širokém měřítku: cílem soupisu jsou všecka slavica tištěná v českém jazyce. Současně jsem jako tehdejší referent Ústavu pro českou literaturu pečoval o to, aby zde byl založen a vybudován srovnávací sektor, vycházející z české literatury. Začleněním Slovanského ústavu do Čs. akademie věd odpadl z něho hospodářský odbor. Jsme před reorganisací celé slovanské práce bibliografické a dokumentační. Práce utrpěla nedávnou smrtí Bečkovou. Uspěl krátce před smrtí tohoto roku vydat z materiálů ústavu I. díl Slavic v české řeči, a to České překlady ze slovanských jazyků do r. 1860. Tam v úvodě je historie a plán celé práce[64].

Druhým zařízením bibliograficko-dokumentačním je zpravodajství ze slavistiky našeho centrálního orgánu Slavie. V oboru literárněvědném zachytilo dostupnou produkci, také neslovanskou, od r. 1950[65].

Sovětskou produkci literárněvědnou téměř à tempo zachycuje bibliografie Otona Berkopce v časopise Sovětská literatura.

*

Do tohoto přehledu našeho srovnávacího bádání o mezislovanských literárních vztazích nejsou pojaty po vyloučení bohemistiky a slovenistiky přirozeně ani vztahy mezi českou a slovenskou literaturou, které jsou specifického rázu.

[60] Jan Jíša, O významu literárních styků, Sovětská literatura 3 (1954) 556—570.

[61] Srov. Slavia 24 (1955) 330—333.

[62] F. M. Bartoš, Kosmas a Gallus, Čech a Lech, Česko-polský sborník vědeckých prací I., red. Milan Kudělka, Praha 1955, St. pedag. nakl., 73—83.

[63] Oldřich Králík, Vliv Kromerův na českou historiografii XVII. a XVIII. století, Příspěvek k dějinám slovanské myšlenky, Česko-polský sborník 369—401.

[64] Slavica v české řeči I., České překlady ze slovanských jazyků do r. 1860, s kolektivem spolupracovníků Slovanského ústavu ČSAV uspořádal Josef Bečka, Praha 1955, ČSAV, Slovanský ústav, 167 str. — Srov. také stať Bečkovu v Slavii 22 (1951) 493—495.

[65] Srov. Slavia 20 (1951) seš. 4, 21 (1952—55) seš. 4, 23 (1954) seš. 2—3 a 24 (1955) seš. 4.

III

Třetí skupina prací jsou práce z literárněvědné rusistiky, jugoslavistiky, bulgaristiky.

Měli jsme před válkou na Karlově universitě do široka organisovaný Slovanský seminář. Byla to jistě zásluha prof. Matiji Murka. Ale ani Murko, ani ruští emigranti profesoři nevychovali si žáky, ba ani nástupce na katedře. Příčina ležela v neporozumění politicko-sociálnímu vývoji českého a slovenského národa, jeho potřebám politicko-sociálním a v neuváženém výběru sil. Jediný polonista Szyjkowski vychoval, když ne žáky, kteří by tvořili školu, alespoň nástupce, Karla Krejčího.

Tak můžeme mluvit o české polonistice v osobě Krejčího. Krejčí je po válce autorem monografie o českopolském spisovateli Bartoloměji Paprockém z Hlohol[66], knížky o Slowackém[67], četných studií a zejména velkých Dějin polské literatury z r. 1953[68]. Těmto prvním marxistickým dějinám polské literatury dostává se v samém Polsku uznání. Krejčí opřel se ovšem už o bohatou monografickou práci polskou, zejména v novém pojetí osvícenství a t. zv. positivismu. V pozornosti Krejčího na mezislovanské vlivy hlásí se tradice české slavistiky.

Druhé desiderium — české dějiny ruské literatury — zůstává nesplněno. Jiráskův přehled ruské literatury do r. 1918[69] ani pojetím ani zpracováním nepřesahuje ráz kompilačně populární příručky.

Nadaného rusistu Jana Frčka, vzdělaného v Paříži a v Moskvě, zavraždili okupanti. Slovanský ústav vydal jeho výklad a vydání Zádonštiny, připravené k tisku už před válkou[70]. Hledíme nyní vstříc velkému rozvoji rusistiky. Máme Vysokou školu ruského jazyka a literatury, Československo-sovětský institut při akademii, jehož pracovním polem je rusistika v širokém smyslu slova; na vysokých školách československých je deset kateder rusistiky. Z disertací a diplomových prací, které se brzy publikačně projeví, je mnoho věnováno literatuře.

Rusisty vychovává nám také a především Sovětský svaz a příklad sovětské vědy. Někdy rusisté vychovaní ve Svazu neberou si za své větší práce čistě rusistická themata, ale dávají se vést tradicí srovnávací vědy. Vojtěch připravuje práci o teorii sovětské satiry a satirické žurnalistiky, jak vidět z publikovaných ukázek[71].

Velmi pilná práce Miroslava Drozdy Boj KSR(b) o sovětskou literaturu a jeho ohlas u nás 1917—1925, která právě vyšla, je v partiích vlastního vědeckého zkoumání, t.j. právě ve stanovení ohlasu v české literatuře, v podstatě prací srovnávací[72]. Sám učitel Drozdův, Bohumil Mathesius, byl nejlepší zprostředkovatel vlivů sovětské literatury a jejích ideologických zdrojů svými mno-

[66] Karel K r e j č í, Bartoloměj Paprocký z Hlohol a Paprocké vůle, Život — dílo — forma — jazyk, Praha 1946, Slovanský ústav, 275 str.

[67] Karel K r e j č í, Julius Słowacki, polský básník revolucionář, Praha 1949, Práce.

[68] Karel K r e j č í, Dějiny polské literatury, Praha 1953, Čs. spisovatel, 590 str.

[69] Josef J i r á s e k, Přehledné dějiny ruské literatury I—IV, Praha 1945—1946, Stejskal, 275, 230, 272, 180 str.

[70] Jan F r č e k, Zádonština, Staroruský žalozpěv o boji Rusů s Tatary r. 1380. Rozprava literárně dějepisná. Kritické vydání textů. Praha 1948, Slovanský ústav, 259 str.

[71] Jaroslav Vojtěch, Jaká má a jaká nemá být satira, Sovětská věda — literatura 2 (1953) 453—461.

[72] Miroslav D r o z d a, Boj KSR(b) o sovětskou literaturu a jeho ohlas u nás 1917—1925, Praha 1955, Svět sovětů, 575 str.

hými překlady, úvody a doslovy i samostatnými studiemi a poznámkami. S ním vznikl na naší vysoké škole obor překladatelství z ruské literatury: odpovídá to potřebám života, potřebě čtenářské obce, která se chce seznámit a která má být seznámena s ruskou literaturou[73]. Předčasná smrt zabránila Mathesiovi sevřít v dílo hluboké znalosti sovětské literatury, s kterou český lid seznamoval. Drobná jubilejní knížka Třicet let ruské literatury sovětské (1947) svědčí o tom, co mohl dát, kdyby našel klid a čas pro badatelskou synthesu[74].

Nejvíc, co se v rusistice u nás udělalo, je v rámci překládání a verše. J. Závadův Úvod do estetiky ruského verše uvádí jen povrchně do historie ruského verše. Z přerodu ruského verše do češtiny vznikly u Závady některé správné postřehy o dekanonisaci ruského rýmu[75]. Mathesius v poznámkách o svém překladu básně 150,000.000 od Majakovského[76] a v nedokončené přednášce o překládání Rozrušené země Šolochovovy uvedl mnoho, co má význam obecnější, zejména o rozdílech čtenářského vnímání a národní psychiky. Je to v sborníku Kniha o překládání[77], který byl vhodně připsán už památce Mathesiově. V témž sborníku Ilkova „metodika překládání" známá fakta snaží se vtěsnat v poučky. Více dávají v sborníku poznámky mladých linguistů. Z praxe překladu mohutného výboru z Majakovského vzniklo zasvěcené pojednání Jiřího Taufra O poetice Vladimíra Majakovského a překladech jeho poesie[78]. Je to jedna z nejlepších prací; vznikla z dokonalé znalosti básnického jazyka českého a ruského, z vlastní básnické síly a ze schopnosti přebásňovat ruské originály. Doplňkem k tomu je Závadovo sledování verše Majakovského v českém překladě[79]. Také na Slovensku rozvětvená práce překladatelská vynucovala si teoretické propracování (Jesenská, Kochol, Branko a j.)[80].

Zvláště puškinskému verši byla věnována teoretická pozornost. Sto dvacet let to už zaměstnává české puškinské překladatele. Škoda, že nejlepší překladatel Puškina Petr Křička se omezil jen na letmé poznámky s citováním uznalých sovětských kritik[81]. Závada[82] vylíčil jen část zápasu o český verš puškinský a jen povrchně zachytává vliv, kterým působil Puškin na básnický český jazyk. Také

---

[73] Miroslav Drozda, Deset let bojů o sovětskou literaturu 1945—1955, Sovětská literatura 4 (1955) 273—303.

[74] Bohumil Mathesius, Třicet let ruské literatury sovětské, Praha 1947, Orbis. — Mathesiův vývoj v poměru k sovětské literatuře pokusila se proniknout jeho žačka Dagmar Pohorská v článku Bohumil Mathesius a Sovětský svaz, Sovětská věda — literatura 2 (1953) 626—642, a Miroslav Drozda, Učitel mladých rusistů, Sovětská literatura 4 (1955) 525 — 531; ibid. Karel Horálek, Mathesius jako překladatel z ruštiny.

[75] Jaroslav Závada, Úvod do estetiky ruského verše, Praha 1949, Universum, 208 str.

[76] Bohumil Mathesius, Historie jednoho překladu, sb. Náš Majakovskij, 137—140.

[77] Ve sb. Kniha o překládání. Příspěvky k otázkám překladu z ruštiny. Red. Jaroslav Moravec. Praha 1953, 107—123.

[78] Jiří Taufer, O poetice Vladimíra Majakovského a překladech jeho poesie, sb. Náš Majakovskij, 141—185, a také samostatně spolu s Taufrovým překladem Majakovského Jak dělat verše.

[79] Jaroslav Závada, Verš Majakovského v českém překladě, sb. Náš Majakovskij 186—201.

[80] Viktor Kochol, Lermontov v slovenčině. K problematike prekladania poézie, Literárnohistorický sborník 10 (1953), 91—115, také Ľub. Ďurovič, Desať rokov rusistiky na Slovensku, Sovětská jazykověda 5 (1955), 258.

[81] Petr Křička, Zpověď puškinského překladatele, sb. Náš Puškin, 310 n.

[82] Jaroslav Závada, A. S. Puškin a český verš, sb. Náš Puškin, 243—261.

vliv puškinského verše na slovenský a problematika lermontovovského verše v slovenštině jsou otázky dosud nedořešené (Brtáň, Jesenská, Kochol).

To jsou práce střední a nejstarší generace. — Ale už z publikovaných projevů — nikoli jen z plánů a archivů kateder a vědeckých ústavů — je patrno, že se už vědecký dorost chápe čistě rusistických themat. Slavomír Wollman uveřejnil dvě studie z historické dramatiky ruské[83] a předmluva, kterou doprovodil nový překlad Slova o pluku Igorově[84], Zádonštiny a Pověsti o pádu Rjazaně, prozrazuje, že mnoho získal recensemi sovětských spisů o Slově[85] pro svůj nejbližší úkol, umělecké určení Slova. Ján Komorovský od themat srovnávacích přistupuje k thematice starší ruské literatury a zejména k překládání Slova do slovenštiny[86]. Do ruské teorie literární sahají i bohemisté nejen pro vzory, ale i pro úkoly; tak na př. Závodský se zabývá mistrovstvím Čechovovým[87].

Sovětské drama a divadlo nové i klasické je obrovská kapitola v našem kulturním dění. Náleží do teatrologie a přesahuje rámec filologického referátu. Stačí říci, že máme zvláštní časopis pro sovětské divadlo a že mu věnují pozornost všecky kulturně literární časopisy i denní listy. Recepci ruského dramatu a divadla v minulosti i přítomnosti věnuje se badatelská pozornost, zejména ovšem Moskevskému uměleckému divadlu. Z dorostu divadelních teoretiků už vyšla studie Ljubovi Klosové o ruském realistickém dramatu na české scéně v 60. letech XIX. stol. a Josefa Balvína o moravských divadlech jako nástupišti sovětské dramaturgie[88].

O ruských a sovětskoruských spisovatelích je ovšem značná publicistika jubilejní, většinou už vzniká z veřejných přednášek. Ale jsou v ní i práce znalců ruské literatury, tak na př. Taufrova knížka o Gogoľovi a Gor'kém. Štollova o Gor'kém, Běhounkova o Puškinovi a o Gor'kém, Jíšova o Čechovovi, Fraňkova o Gogoľovi[89].

Ve všech našich časopisech kulturních i v denním tisku je množství statí jubilejních o ruských spisovatelích i méně významných, jen jako příklad uvedu Konvalinkovu stať o Maminu-Sibirjakovi[90]. Podobně ve vydáních překladů slovanských klasiků jsou pravidelně informativní studie. Uvažuje a píše se o ruské lite-

[83] Slavomír Wollman, Z ruské historické dramatiky I—II, Slavia 20 (1951) 263—310.

[84] Slavomír Wollman, K českému překladu Tří zpěvů staroruských, v knize Tři zpěvy staroruské, Praha 1955, St. nakl. kr. lit., 7—23.

[85] Slavomír Wollman, Slovo o pluku Igorově, stav výzkumů 150 let po 1. vydání, Slovesná věda 3 (1950) 134—146 a Slovo o pluku Igorově v jubilejním roce 1950, Slavia 21 (1952) 67—82, 22 (1953) 484—491.

[86] Ján Komorovský, K prekladaniu „Slova o pluku Igorovom" do slovenčiny, Slovo a tvar 1 (1947) 21—25.

[87] Artur Závodský, Čechovův sen o budoucnosti (Příspěvek k poznání uměleckého mistrovství A. P. Čechova), Sovětská literatura 3 (1954) 503—513.

[88] Ljubov Klosová, Ruská realistická drama na české scéně v 60. letech XIX. stol., Listy z dějin českého divadla, sborník studií a dokumentů I., Praha 1954, 27—53; Josef Balvín, Moravská divadla nástupištěm sovětské dramaturgie za první republiky, ibid. 153—181.

[89] Jiří Taufer, N. V. Gogol, Praha 1952; týž, Mistr sovětské kultury Maxim Gorkij, Praha 1952; Ladislav Štoll, Veliký člověk Maxim Gorkij, Praha 1951; Václav Běhounek, Maxim Gorkij klasik socialistického písemnictví, Praha 1951; Jan Jíša, A. P. Čechov, bojovník za krásu života, Praha 1954; Jiří F. Franěk, O Gogolovi, Praha 1952.

[90] Miloň Konvalinka, Dílo Mamina-Sibirjaka, Praha—Moskva 2 (1952) č. 9, 103—113.

ratuře, zejména o sovětskoruské, také se stanoviska pedagogického a výchovného (Popelová, Dohnal a j.)[91].

Samozřejmě sledují se u nás všecky akce sovětských spisovatelů, zejména otázky teorie a kritiky a reaguje se na ně v našich časopisech kulturně literárních a literárněvědných i v denním tisku. Jsou tu bezprostřední vlivy a působení ruské literatury na českou a slovenskou. Jejich stanovení bude záležitostí slavistů z obou stran.

Naše jugoslavistika v posledních letech trpěla nedostatkem kulturních styků. Zanedbali jsme vydání Murkova díla o srbocharvátské lidové epice, jehož originál byl napsán česky a je majetkem Slovanského ústavu. Vydali jsme aspoň Murkovy Paměti, důležité pro dějiny slavistiky[92]. V německém rukopise zaležela Polívkova práce o srbocharvátských povídkách lidových, určená kdysi pro Grundriß der slavischen Philologie. Mohla to být publikace rovnocenná Murkově epice. Nyní opět jugoslavistika rozkvétá a zanedlouho vyjdou z našich institutů nové práce.

Do jugoslavistiky se hlásí většinou Horálkovy Studie o slovanském verši[93]. Je tam ovšem i studie o poměru staročeského verše k polskému, ale v druhé studii srovnává Horálek dvanáctislabičný verš se srbocharvátským veršem folklorním. V jiné studii chce se dobrat základů pětistopého bulharského jambu. Zde by bylo jistě pole součinnosti slovanských metriků.

V bulgaristice jsme byli šťastnější. Hlásí se tu publikačně už dorost vzdělaný v Bulharsku, tak Urban knížkou o Botevovi a Bechyňová knížkou o Kirilu Christovovi, Vašková studií o Karaslavovovi[94]. Všichni jmenovaní chystají práce o literárních stycích česko-bulharských a účastní se na referentských a recensních úkolech.

Naši ukrajinistiku literární představuje u nás už zdomácnělý Pańkevič, podstatou a hlavní prací linguista. Ale máme od něho řadu statí a recensí literárních v Slavii. Také Orest Zilynskij je hlavní činností filolog. Nejnověji napsal pro Slavii stať o osudech Kacíře Ševčenkova[95]. Fričovy překlady Jeretyka a Ševčenkova Poslání k Šafaříkovi zapojuje do vlivu revolučních demokratů M. Molnár[96]. Mikuláš Nevrlý (po matce Ukrajinec) napsal monografii o Ivanu Frankovi jako básníku, k níž připojil i hlavní momenty jeho recepce u nás[97], a překlady děl z ukrajinštiny (zejména od své manželky) doprovází úvody a doslovy. Také zde čekáme na ukrajinisty, vychované v Sovětském svazu.

Před válkou se pěkně rozvíjela naše sorabistika v tradicích, jdoucích už od Dobrovského. Bratří Josef a František Pátové, za okupace zavražděni, položili ži-

[91] Jiřina Popelová, Výchovná síla sovětské literatury, Praha 1953; Bedřich Dohnal, Hrdinové, kteří nás učí žít, Praha 1954.

[92] Matyáš Murko, Paměti, Praha 1949, ČAVU, Borový, 256 str. — Rec.: Frank Wollman, Slavia 20 (1951) 475—483.

[93] Karel Horálek, Studie o slovanském verši, Sborník filologický 12 (1946) 261—343.

[94] Zdeněk Urban, Christo Botev, bulharský spisovatel a revolucionář, Praha 1948; Věnceslava Havlíčková, Kiril Christov, Praha 1948; Olga Vašková-Kolářová, Georgi Karaslavov jako publicista, Slavia 24 (1955) 65—76.

[95] Orest Zilynskyj, K osudům Ševčenkova Kacíře, Slavia 24 (1955) 45—64.

[96] Michal Molnár, Na okraj Ševčenkovy poemy Kacíř, Sovětská literatura 3 (1954) 227—236.

[97] Mikuláš Nevrlý, Ivan Franko, ukrajinský básník-revolucionář. K 35. výročí jeho smrti (1916—1951). Praha—Brno 1952.

vot za nejmenší slovanský národ a za sorabistiku. Na místo J. Pátovo přišel na fakultě Antonín Frinta. Podařilo se mu sebrat — byť starými metodami — materiál, namnoze už propracovaný předchůdci, v dějiny lužickosrbské literatury, připravené k tisku v ČSAV.

* * *

Z toho, co jsem uvedl, je vidět, že skutečně se u nás rozvíjí nejvíce mezislovanské srovnávací bádání literární. Odpovídá to naší tradici a naší politickosociální situaci. Dva malé sborníky prací, a to Slovanství v českém národním životě a Obrysy Slovanstva, vyšly z té tradice i situace. I když jsme ještě nestačili silami a neosvojili jsme si hned nová hlediska, podali jsme tam aspoň materiál a podněty k dalšímu zkoumání. Dvě studie v Obrysech Slovanstva, které se přímo vztahují k historii literatury, a to Macůrkova pod názvem Dějiny Slovanstva — vědecký postulát či fikce? a má studie pod názvem Duch a celistvost slovanské slovesnosti[98], která je poslední formulací mých předválečných názorů, pokládám dnes za překonané.

Bádání o vztazích mezi slovanskými literaturami, krátce řečeno o mezislovanské slovesnosti, zaměřujeme k národně a sociálně osvobozovacímu významu slovanských literatur včetně ovšem s lidovou poetickou tvorbou[99] a k její přítomné a budoucí úkonnosti politickosociální.

To předpokládá vybudování jednotlivých oborů pro každou slovanskou literaturu zvlášť spolu se srovnávacím sektorem mezislovanských vztahů a hlavně čilého koordinačního střediska srovnávacího, ve kterém by se práce plánovala, koordinovala a ovšem také konala. To zase předpokládá ohromnou práci vedoucích jednotlivců a pracovních kolektivů. Budou-li vybudovány podobné pracovní orgány také u jiných slovanských národů a ovšem také u národů neslovanských, bude možno práci si rozdělit. To by mělo být předmětem porad.

[98] Josef Macůrek, Dějiny Slovanstva — vědecký postulát či fikce? Obrysy Slovanstva, sborník přednášek Slovanského ústavu, Praha 1948, Orbis, 94—167, a Frank Wollman, Duch a celistvost slovanské slovesnosti, ibid. 168—224.

[99] Frank Wollman, Osvobozovací úkonnost slovanské slovesnosti, sb. Jednotou Slovanstva k míru, Praha 1948, Ročenka SOPVP, 99—101.

ANDRÉ VAILLANT

RAPPORT
SUR LES ÉTUDES SLAVES EN FRANCE DE 1944 À 1954

A l'issue de la deuxième guerre mondiale, l'intérêt pour les pays slaves, surtout pour la Russie, s'est trouvé considérablement accru en France comme ailleurs. Ceci s'est aussitôt traduit par un afflux d'étudiants désireux d'apprendre le russe et d'autres langues slaves.

A Paris, des centaines d'élèves se sont inscrits au cours de russe de l'École des Langues orientales vivantes: jusqu'à 700 certaines années. Pour une bonne part, simple curiosité, ou velléité passagère; mais il est resté chaque année une moyenne de 300 élèves sérieux. La Faculté des lettres, qui n'accueille plus de débutants, mais prépare aux certificats de licence, a vu son chiffre d'étudiants de russe monter à une centaine. De graves problèmes se sont posés pour l'enseignement du russe dans ces établissements: problème des locaux, et la plus grande salle de cours de l'École des Langues orientales, prévue pour une centaine d'élèves, ne suffisait plus pour les auditeurs qui débordaient dans le couloir et jusque dans l'escalier d'accès; problème surtout du personnel enseignant, qu'il a fallu renforcer. Il y a actuellement à la Faculté des lettres de Paris un professeur, un chargé de cours et un assistant, avec deux lecteurs pour le russe et un pour le serbo-croate; outre la chaire, qui est ancienne, d'histoire et de civilisation des Slaves. L'École des Langues orientales vivantes a dû dédoubler sa chaire de russe: elle a deux professeurs, avec deux répétiteurs pour chacun, et c'est insuffisant. Pour les autres langues slaves, à ses chaires déjà existantes de polonais, de tchèque, de serbo-croate et de bulgare, avec leurs répétiteurs, elle a ajouté une chaire d'ukrainien remplaçant un cours libre, et il a été créé une chaire de géographie, histoire et civilisation des pays de l'Europe orientale, qui est pour la plus grande part consacrée aux pays slaves.

Les Facultés de province ont bénéficié de la même façon de cet afflux d'étudiants, et les enseignements de russe et de slavistique s'y sont également accrus, en nombre comme en importance. Complétant les chaires de Strasbourg, Lyon, Lille, Bordeaux, Dijon, une chaire nouvelle a été créée à Rennes, et la Direction de l'Enseignement supérieur envisage d'autres créations. Des charges de cours ou des enseignements libres existent dans d'autres Facultés. Mais Montpellier vient de perdre, avec Lucien Tesnière, l'enseignement du russe que notre éminent collègue ajoutait à sa chaire de grammaire comparée et de linguistique. Outre le russe, le polonais est enseigné à Strasbourg, à Lille, à Bordeaux, à Nancy, à Aix-en-Provence, le tchèque à Strasbourg, le serbo-croate à Bordeaux, et plu-

sieurs Facultés possèdent, à côté des lecteurs de russe, des lecteurs pour d'autres langues slaves.

L'enseignement du russe dans les lycées s'est fortement étendu, à Paris et dans beaucoup de villes de province. Il a nécessité la constitution d'un cadre régulier de professeurs de l'enseignement secondaire, sous la direction d'un professeur faisant fonction d'inspecteur général. Une agrégation de russe, projetée depuis longtemps par Paul Boyer, a été créée par les soins et sous la présidence de M. André Mazon. Rapidement, après l'organisation qu'elle exigeait de cours de préparation dans les Facultés, l'agrégation de russe est devenue une agrégation importante: cette année-ci, environ 25 candidats s'y sont présentés, dont 6 ont été définitivement reçus.

*
* *

De l'aspect universitaire du développement des études slaves en France, dont l'importance est primordiale pour le recrutement des slavisants français, passons à la production scientifique. L'Institut d'Études slaves de Paris n'avait pas interrompu ses publications pendant la deuxième guerre mondiale, mais il avait dû fortement les ralentir. Depuis 1944, la Revue des Études slaves s'est accrue de 11 nouveaux tomes, de XXI (1944) à XXXI (1954), avec le tome XXXII (1955) en cours d'impression. Le tome XXVII (1951) a été offert à M. André Mazon comme volume de *Mélanges*, et il a représenté en même temps le tome jubilaire de la revue pour ses 30 ans d'existence (1921–1951). Un index des tomes I–XXI a paru en 1949.

Bien entendu, en France comme dans les pays non slaves, il ne peut être question de grandes entreprises de recherches, comme sont celles qu'organisent les Académies slaves. Il ne s'agit que de travaux individuels, répondant à des curiosités variées dans l'ensemble du vaste domaine des études slaves. Il nous faut indiquer les voies diverses où se sont engagés nos auteurs.

En linguistique, André Vaillant a donné un *Manuel du vieux slave* (1948, I, Paris; II, Sofia), et le premier tome d'une *Grammaire comparée des langues slaves* (Phonétique, 1950), dont le second tome, sur la morphologie nominale, est prêt pour l'impression; il a consacré une étude à la dépréverbation *(Revue des Études slaves*, 1946). Robert Triomphe a présenté une thèse complémentaire sur *O et ob slaves, étude d'une préposition*. B. O. Unbegaun, dont le livre sur *La langue russe au XVIe siècle* connaît un second tirage, a publié une *Grammaire russe* (1951) et *A Bibliographical Guide to the Russian Language* (Oxford, 1953, avec la collaboration de J. S. G. Simmons), et, à côté d'études sur les lexiques anglo-russes, il fait imprimer un *Traité de versification russe*. Frédéric Cocron a soutenu une thèse sur *La langue russe dans la deuxième moitié du XVIIe siècle* (Morphologie), et Mme Gerta Hüttl Worth une autre consacrée à des *Recherches sur les innovations verbales des écrivains russes au XVIIIe siècle*. Henri Grappin a fait paraître une *Introduction phonétique à l'étude de la langue polonaise* (1944) et une monographie sur *Les noms de nombre en polonais* (Kraków, 1950). Marc Vey a publié une monographie suggestive sur *La morphologie du tchèque parlé* (1946). Etienne Decaux a soutenu à la Sorbonne une thèse, qui est actuellement en cours d'impression, sur la *Morphologie des enclitiques polonais*, avec comme thèse com-

plémentaire une étude sur *Le Braille dans les langues slaves*, et Yves Millet une thèse sur *Les postverbaux en tchèque*. Ces deux dernières thèses sont encore inédites, mais elles ont été déposées en exemplaires dactylographiés, et peuvent être consultées à l'Institut d'Études slaves. Henri Boissin a donné une étude linguistique sur *Le Manassès moyen-bulgare* (1946), et Roger Bernard une *Étude étymologique et comparative de quelques mots bulgares concernant le vêtement et la parure* (1946).

Plusieurs études soit historiques, soit descriptives, ont été consacrées aux langues littéraires: pour le russe par Lucien Tesnière *(Revue des Études slaves,* 1951) et par B. O. Unbegaun *(ibidem,* 1951); par Marc Vey pour le tchèque littéraire *(ibidem,* 1946, 1951, 1952); par Henri Grappin pour le polonais *(ibidem,* 1947–1952); pour le serbo-croate, par André Vaillant *(ibidem,* 1951); pour le bulgare, par Léon Beaulieux *(ibidem,* 1951) et par Roger Bernard *(ibidem,* 1951, 1953, 1954); pour l'onomastique des Slaves du Sud, par Henri Boissin *(ibidem,* 1951).

Les grammaires de la collection de l'Institut d'Études slaves ont été rééditées: celle de la langue russe par André Mazon (3e éd., 1949), celle de la langue polonaise par Henri Grappin (2e éd., 1949), celle de la langue tchèque par André Mazon, revue et complétée par Jacqueline Mazon (3e éd., 1952), celle de la langue serbo-croate par Antoine Meillet et André Vaillant (2e éd., 1952), celle de la langue bulgare par Léon Beaulieux (2e éd., 1950). Deux collections nouvelles de l'Institut d'Études slaves ont été ouvertes: l'une de *Lectures annotées*, avec des *Lectures tchèques* par Jacqueline Mazon (1944) et des *Lectures ukrainiennes* par Élie Borščak (1946)); l'autre de *Lectures en deux langues*, avec *Destin de paysanne* de Léon Tolstoï (1945), *Poèmes en prose* d'Ivan Tourguénev (1946), et *Les Quatre livres de lecture* de Léon Tolstoï (1951), par André Mazon et Charles Salomon. Une traduction française a été procurée par Yves Millet de *La langue russe* de G. Vinokur (1947). B. O. Unbegaun a exposé le problème des noms indéclinables en russe *(Revue des Études slaves,* 1947).

En philologie et en histoire des littératures anciennes, Henri-Charles Puech et André Vaillant ont apporté une traduction et une étude du *Traité contre les Bogomiles de Cosmas le Prêtre* (1945); André Vaillant une édition du *Livre des secrets d'Hénoch* (1952) et du premier *Discours contre les Ariens de saint Athanase* (Sofia, 1954); Émile Turdeanu un exposé sur *La littérature bulgare du XIVe siècle et sa diffusion dans les pays roumains* (1947), un autre, en deux articles, sur *Apocryphes bogomiles et apocryphes pseudo-bogomiles (Revue de l'histoire des religions,* 1950), et une notice sur les lettres slaves en Moldavie au XVe siècle *(Revue des Études slaves,* 1951). La Préface de l'Évangéliaire vieux-slave *(Revue des Études slaves,* 1948) d'une part, et, d'autre part, une homélie de Méthode du Clozianus *(ibidem,* 1947), et Cyrille de Turov dans ses relations avec ses modèles grecs *(ibidem,* 1950), ont été l'objet d'études d'André Vaillant. Un article posthume du regretté Michel Gorlin restera comme une contribution précieuse à l'histoire des origines du Слово о погибели русской земли *(ibidem,* 1947). Émile Turdeanu a démontré le caractère apocryphe des documents apportés par Jacimirskij à la biographie de Camblak *(ibidem,* 1946). André Grabar a relevé les influences musulmanes sur la décoration des manuscrits slaves balkaniques *(ibidem,* 1951). A. Frolow a étudié les origines de la légende du *Znamenie* de Nov-

gorod *(ibidem,* 1949) et le thème de la croix dans le ciel si fréquent dans les Chroniques *(ibidem,* 1951).

André Mazon a éclairé les origines littéraires du poème anonyme de *Gore-Zločastie (Revue des Études slaves,* 1950); il a, d'autre part, découvert et vient d'éditer avec Frédéric Cocron la première pièce du théâtre russe, présentée en 1672 au Tsar Alexis, *La Comédie d'Artaxerxès par Grégorii le Pasteur* (1954), texte allemand et texte russe. Mme Marie Scherrer a reproduit, traduit et commenté les *dumy* ukrainiennes anciennes: *Les dumy ukrainiennes, épopée cosaque* (1947). Émile Turdeanu a dressé l'inventaire du livre grec en Russie de 1682 à 1725 *(Revue des Études slaves,* 1950).

Dans le domaine des littératures modernes, Melle Marcelle Ehrhard (1948) et Charles Corbet (1951) ont donné des exposés d'ensemble sur *La littérature russe,* et Vladimir Boutchik une bibliographie de *La littérature russe en France* (1947). Une série de monographies sont parues: de Mme Sophie Bonneau sur *L'univers poétique d'Alexandre Blok* (1946), d'Armand Coquart sur *Dmitri Pisarev et l'idéologie du nihilisme russe* (1946), de Charles Corbet sur *Nekrasov, l'homme et le poète* (1948), de Melle Thaïs S. Lindstrom sur *Tolstoï en France* (1952), de Henri Granjard sur *Ivan Tourguénev et les courants politiques et sociaux de son temps* (1953), de Melle Kyra Sanine sur *Les Annales de la Patrie et la diffusion de la pensée française en Russie* (1954). La thèse principale de Melle Kyra Sanine, sur *Saltykov-Chtchédrine, sa vie et son oeuvre,* est sous presse.

D'autres thèses sont demeurées dactylographiées: celles de Charles Corbet sur Dobroljubov (dont des chapitres ont été publiés dans la *Revue des Études slaves,* 1952), de Jean Drouilly sur *La pensée religieuse et politique de Dostoïevski,* de Robert Triomphe, *À la découverte de Joseph de Maistre,* d'Yves Millet, *Pisemski et Tourguénev d'après leur correspondance,* de Henri Granjard, *Le poète Mácha et le mouvement de la Renaissance nationale en Bohême* (avec compléments publiés dans la *Revue des Études slaves,* 1953, et dans la *Revue de littérature comparée,* 1954). Claude Backvis a traité de la piteuse aventure du Duc Jean de Finlande et de la princesse Catherine *(Revue des Études slaves,* 1952) et d'autre part a évoqué *Le dramaturge Stanislas Wyspiański* (Paris, 1952). Marcel Girard et Vlasta d'Hermies ont rassemblé les jugements de la critique tchèque sur Émile Zola *(Revue des Études slaves,* 1950 et 1953). Jean Dayre a publié de piquantes notes sur les *Iskrice* de Tommaseo *(ibidem,* 1951). Pierre Christophorov a rapproché le *Médecin de campagne de Balzac* et *La reine de Kazalar* d'Ivan Vazov *(ibidem,* 1951).

André Mazon a consacré deux études à L. N. Tolstoï et Бабья доля *(Revue des Études slaves,* 1946) et à Чем люди живы *(ibidem,* 1949); il a, d'autre part, poursuivi la publication et l'étude de textes inédits de Tourguénev: la *Tentation de saint Antoine (ibidem,* 1953) et *Deux soeurs (ibidem,* 1954). L'Institut d'Études slaves a réuni, sous le titre *Chez Tolstoï* (1950), les articles où Paul Boyer a relaté ses séjours à Jasnaja Poljana. Robert Triomphe a consacré une notice au père de Nicolas Gogol *(Revue des Études slaves,* 1948); Charles Corbet a caractérisé les idées de Černyševskij en tant qu'esthéticien et critique *(ibidem,* 1948). Henri Grégoire a déterminé les sources rythmiques écossaises du *Borodino* de Lermontov *(ibidem,* 1951).

Dans le domaine de l'histoire des idées, connexe à celui de l'histoire littéraire, Georges Luciani a présenté deux thèses, l'une sur *La Société des Slaves*

Unis, encore inédite, et l'autre sur *Le Livre de la genèse du peuple ukrainien*, traduction et commentaire, qui va être mise sous presse. Albert Lortholary a exposé *Le mirage russe en France au XVIIIe siècle* (1951). Alexandre Koyré a rassemblé en un recueil ses articles sur les slavophiles: *Études sur l'histoire de la pensée philosophique en Russie* (1950). Raoul Labry a montré ce qu'Alexandre Blok doit à la pensée de Nietzsche *(Revue des Études slaves*, 1951). Élie Borščak a donné de l'*Istorija Rusov* un commentaire critique: *La légende historique de l'Ukraine* (1949). Jean Fabre a consacré un grand travail à *Stanislas-Auguste Poniatowski et l'Europe des lumières* (1952); Paul Cazin a soutenu en 1946 une thèse importante sur *Le Prince-évêque de Varmie Ignace Krasicki (1735–1801)*, qui avait été imprimée, mais non publiée, en 1945.

En histoire, Pierre Georges a exposé *Le problème allemand en Tchécoslovaquie* (1947), et Serge Goriaïnov *La question d'Orient à la veille du traité de Berlin, 1870–1878* (1948). Roger Portal a donné une étude d'histoire économique et sociale sur *L'Oural au XVIIIe siècle* (1950). Boris Nolde a laissé deux volumes posthumes de grande importance, le second incomplet malheureusement, sur *La formation de l'Empire russe* (I, 1952, II, 1953). Le R. P. Rouët de Journel a terminé la publication de ses *Nonciatures de Russie* (1927, 1943, 1952). Ambroise Jobert a montré le rayonnement intellectuel de Rome en Pologne au temps de la Renaissance et de la Contre-Réforme *(Revue des Études slaves*, 1951) et Stanislas Kot le rayonnement de Strasbourg en Pologne à l'époque de l'humanisme *(ibidem*, 1951). Pierre Pascal a éclairé de données nouvelles la conquête de l'Amour au XVIIe siècle et les campagnes de Paškov *(ibidem*, 1949–1950) et par ailleurs il a précisé la durée de quelques voyages en Russie au XVIIe siècle *(ibidem*, 1951). Élie Borščak a traité de l'hetman Orlyk à Salonique d'après son journal inédit *(ibidem*, 1951). Le R. P. Rouët de Journel a exposé l'oeuvre de trois nonces pontificaux en Russie *(ibidem*, 1953). Les confins militaires croates au XIXe siècle ont fait l'objet d'une étude substantielle et neuve d'André Blanc *(ibidem*, 1951). Le regretté Jean Mousset avait publié presque à la veille de sa mort une analyse remarquable sur l'histoire du socialisme serbe entre le bakuninisme et le marxisme *(ibidem*, 1947).

La Revue des Études slaves, par sa Chronique des publications de plus en plus étendue et confiée à près de 20 spécialistes, continue à s'efforcer de tenir le public occidental au courant des travaux sur l'ensemble des études slaves. Elle tient à remercier les Académies slaves et les centres d'études occidentaux qui l'aident dans l'établissement de cette bibliographie en lui envoyant largement leurs publications. La collaboration entre les Académies slaves et la slavistique française se manifeste sous une autre forme, bien précieuse à une époque où l'édition d'ouvrages purement scientifiques reste difficile en France: l'Académie polonaise, l'Académie bulgare et l'Institut vieux-slave de Zagreb ont généreusement fait place dans leurs collections à des travaux d'Henri Grappin et d'André Vaillant.

* * *

Dès qu'il l'a pu, l'Institut d'Études slaves de Paris a repris sa tradition d'inviter des collègues étrangers et de leur demander des conférences. Nous avons eu ainsi l'honneur et le grand plaisir d'entendre, de Yougoslavie, MM. Alexandre

Belić, Mirko Deanović, Nikola Banašević; – de Tchécoslovaquie, M. Jan Mukařovský; – de Belgique, MM. Henri Grégoire et Claude Backvis; – d'Allemagne et d'Autriche, MM. Max Vasmer et Heinrich F. Schmid; – d'Italie, MM. Ettore Lo Gatto et Giovanni Maver; – d'Angleterre et des Universités américaines: MM. William J. Rose, Reginald R. Betts, Alfred Senn, François Dvornik, Valentin Kiparski. Cette année, l'éminent archéologue russe, M. Rybakov, est venu nous faire deux conférences. Ce sont chez nous les conférences en russe qui attirent l'auditoire le plus nombreux, et nous avons dû demander à notre voisin, l'Institut d'Histoire de l'Art, de mettre à notre disposition sa grande salle, pour les quelque cinq cents personnes qui sont venues écouter et applaudir M. Rybakov.

L'Institut d'Études slaves a constitué dans une de ses salles un petit Musée Tostoï, grâce aux dons généreux et aux prêts des descendants de Tolstoï, grâce aussi aux livres rares et manuscrits légués par l'ami et le traducteur de Tolstoï, Charles Salomon.

*
* *

On a signalé les thèses récentes, imprimées ou provisoirement dactylographiées, qui ont valu le titre de docteurs de l'enseignement d'État à plusieurs slavisants, Georges Luciani, Charles Corbet, Henri Granjard, Melle Kyra Sanine, Jean Drouilly, Yves Millet, Robert Triomphe, Étienne Decaux. D'autres thèses vont être soutenues, ou sont en préparation.

Avec des professeurs d'enseignement supérieur plus nombreux, avec de nouveaux docteurs qui vont bientôt se joindre à eux, avec l'extension de l'enseignement du russe dans les lycées et la nomination de professeurs agrégés, les études slaves en France sont en plein développement. Elles font maintenant partie intégrante du système universitaire français, aux deux degrés du secondaire et du supérieur. Mais ceci n'est qu'un développement numérique. Il appartient aux slavisants français, plus nombreux, d'attester qu'ils ne sont pas trop indignes du petit groupe des savants qui les ont précédés et ont fondé leurs études, les Meillet, les Paul Boyer, les Ernest Denis, les Gabriel Millet.

R. TRIOMPHE

LE PROBLÈME DES ÉCHANGES ENTRE LES SLAVISANTS FRANÇAIS ET LES PAYS SLAVES

Je crois qu'il n'est pas inutile, quoi qu'on puisse penser, qu'un slavisant français soumette au présent congrès quelques considérations pratiques sur le problème des échanges culturels entre les pays slaves et les pays non-slaves, tel qu'il se pose actuellement en France. Sans doute ce problème est-il d'abord un problème de relations internationales, qui ne dépend pas seulement de nous. Sans doute aussi sommes-nous tous d'accord sur la solution de ce problème, qui est l'amélioration des relations internationales et l'accroissement des échanges culturels. Mais il ne sert à rien de faire des voeux si l'on n'envisage pas les moyens pratiques de les réaliser et les difficultés qu'ils soulèvent. D'autre part, si les slavisants attendent sans rien faire que les relations internationales avec les pays slaves s'améliorent, ils manquent dans une certaine mesure à leur devoir qui est de faciliter, dans les pays non-slaves, le développement des relations culturelles avec les pays slaves – ces pays slaves que les slavisants conaissent et qu'ils aiment.

Je vais donc essayer d'envisager nos difficultés et nos voeux, à nous Français, et cela dans un esprit à la fois véridique et pacifique, ce qui n'est pas facile; tandis qu'il est très facile d'attendre, de se taire, ou d'accuser l'une ou l'autre partie en recourant à des arguments politiques. La slavistique française traverse une phase difficile. La raison de ces difficultés est simple. Tandis que l'intérêt pour les études slaves augmente, comme l'a si bien montré Mr. André Vaillant, les moyens pratiques de satisfaire cet intérêt n'augmentent pas ou même diminuent. Cette tragique disproportion entre nos désirs et nos moyens fait que, pratiquement, la slavistique française connaît aujourd'hui plus de difficultés qu'avant la guerre. Car les créations nouvelles de chaires dans les universités, de postes de russe dans les lycées, d'un concours d'agrégation, etc., posent souvent dans la pratique plus de problèmes qu'elles n'en résolvent. Et cela continuera tant que les vrais moyens de satisfaire la curiosité française pour les choses slaves ne seront pas trouvés, à moins que (ce qui serait plus grave encore) cette curiosité elle-même, à force d'être insatisfaite, finisse par se lasser. Il n'y a qu'une solution, solution dont dépend non seulement l'avenir, mais la vie même de la slavistique: c'est d'ouvrir plus largement la France à tous les pays slaves et les pays slaves à la France. Sinon le bilan favorable des études slaves pendant les dix dernières années sera sans lendemain et les mesures prises pour développer en France les études slaves n'auront abouti qu'à mettre les désirs avant les réalités.

Aucune comparaison n'est donc possible entre la situation morale des études slaves en France et celle des études anglaises, germaniques ou même hispaniques dans notre pays d'une part ou bien la situation des études slaves dans les pays slaves d'autre part. Voici, pour le professeur de russe que je suis, le détail de la situation dans les universités et les remèdes que j'envisage à titre de suggestion.

L'enseignement des langues et littératures slaves dans nos universités concerne des étudiants, des lecteurs et des professeurs.

Problème des étudiants et des lecteurs. Les lecteurs slaves de nos universités sont pour la plupart (sauf les Yougoslaves avec lesquels nous avons des relations faciles dont nous nous félicitons) des Slaves qui ont rompu avec leur pays. Ces lecteurs sont, comme tous les lecteurs, nommés pour un an seulement; l'absence de relations avec les pays slaves a fait que ces nominations ont été reconduites tacitement. Il était difficile qu'il en fût autrement à une époque où les ponts étaient coupés; ces lecteurs ont rendu des services et ce n'est pas moi qui reprocherait à personne son origine et ses opinions. Mais la question n'est pas là. La question est de savoir pourquoi on nomme des lecteurs dans les universités. N'est-ce pas pour qu'ils servent de trait d'union actif entre les étudiants et le pays dont ceux-ci étudient la langue, pour qu'ils parlent à ces étudiants de la civilisation moderne de leur pays et non pas de celle d'il y a dix ans ou d'il y a trente ans, de leurs contemporains et non pas de leurs pères ou de leurs grands-pères, pour qu'ils organisent à l'occasion des échanges ou des voyages de vacances? Des lecteurs qui ne se renouvellent pas souvent et qui ne sont pas les représentants officiels de leur pays ne remplissent, avec la meilleure bonne volonté et les meilleures qualités du monde, qu'une petite partie de leur tâche. Enfin la règle de la *réciprocité*, qui permettrait à un lecteur français d'aller séjourner dans le pays slave qui enverrait en France un lecteur, ne joue évidemment pas avec les émigrés, de sorte que chaque lecteur émigré porte, involontairement, peut-être, mais immanquablement, un coup double aux études slaves.

Quant aux étudiants, sachant bien qu'aucune perspective normale de contact avec les pays slaves n'est possible, ils se recrutent dans des milieux différents du milieu universitaire normal. Nos étudiants de langues slaves dans les universités de France appartiennent à diverses catégories. Ou bien ce sont, eux aussi, des Slaves qui ont quitté leur pays, ou les enfants de ceux-ci, et, encore une fois, ce n'est pas moi qui leur reprocherait de venir à nous, bien au contraire. Ou bien ce sont des originaux, déjà d'un certain âge, et plus ou moins en dehors du cercle universitaire: intellectuels, prêtres, militaires, etc. Mais les étudiants authentiques, capables, à partir d'une formation culturelle française normale, de rechercher l'enrichissement de la culture slave, demeurent encore une minorité. Tant que ce dernier élément ne sera pas dominant, les études slaves resteront déshéritées par rapport aux études anglaises ou germaniques.

Problème des professeurs. J'arrive maintenant, après les étudiants et les lecteurs, aux sommet de l'échelle universitaire, c'est-à-dire aux professeurs. Je ne parlerai que des professeurs de russe, dont je fais partie et qui constituent l'énorme majorité des slavisants français. En mettant à part ceux qui sont recrutés parmi les meilleurs éléments de la colonie slave de France, on peut dire que ces professeurs savent insuffisamment le russe; comme ils ne sont, pour la plupart,

jamais allés en U. R. S. S., ils n'ont aucune possibilité de faire des recherches dignes de ce nom. Alors l'enseignement et la science, faute de mieux, deviennent étonnamment théoriques, élémentaires ou incomplets, quand on ne se contente pas de faire de la traduction, comme certains sont tentés de faire. Quels que soient nos efforts, notre infériorité par rapport à nos collègues anglicistes, par exemple, est écrasante. La valeur culturelle de nos travaux, accomplis en vase clos, est considérablement amoindrie, car ce qui définit le rayonnement culturel, celui d'un professeur comme celui d'une revue, c'est précisément la force de son lien avec la vie; c'est la capacité qu'a la culture à la fois de refléter la vie et de réagir sur elle, d'être communiquée d'un pays à l'autre et à un public aussi large que possible. Au lieu de cela, les centres d'études slaves en France ne sont encore que des petites chapelles sans lien solide avec le public intellectuel français.

La faute de tout cela, encore une fois, est dûe avant tout à des relations internationales déplorables. Aujourd'hui, alors qu'un peu d'espoir nous revient, je me permets de poser la question: les relations culturelles franco-slaves seront-elles livrées, demain comme hier, aux émigrés, aux cercles de propagande politique et à une minorité d'universitaires réduite à se réjouir d'échanges de publication ou d'échanges purement symboliques? S'il en était ainsi, les conséquences seraient, à notre avis, désastreuses. Les échanges entre les slavisants français et les pays slaves, comme les échanges entre les »francisants« slaves et notre pays, sont la pierre de touche d'une collaboration culturelle franco-slave sincère et cette collaboration culturelle est elle-même la pierre de touche de la paix. Voyons donc, après avoir mesuré l'étendue du mal, quels pourraient être les solutions ou les remèdes. En tant que professeur enseignant dans une université française, j'envisagerai ces solutions aux trois échelons de l'enseignement universitaire, en me plaçant toujours sur le terrain de la *réciprocité* qui est le seul solide. Ancien professeur de littérature française moi-même, je n'oublie pas en effet que le tort causé en France aux études slaves par l'absence d'échanges a vraisemblablement pour réplique le tort causé dans certains pays slaves à la culture française, et que les pays slaves ont autant besoin de notre pays que notre pays a besoin d'eux. Voici donc les mesures réciproques qui me paraissent les plus urgentes:

I. En ce qui concerne les lecteurs des universités, la première mesure indispensable consisterait à substituer aux lecteurs émigrés des lecteurs qui soient vraiment les représentants officiels de leur pays. Ces lecteurs seraient nommés, comme il est d'usage, pour un an, et sur une base de réciprocité; ainsi, à chaque lecteur soviétique en France correspondrait, par exemple, un lecteur français en U. R. S. S. La méfiance politique qui a interdit cet échange de lecteurs, pourrait se satisfaire d'un système de garanties facile à établir, pourvu que les deux parties engagent la discussion sur ce point.

II. Les lecteurs pourraient, en retournant en vacances dans leur pays d'origine, emmener avec eux les meilleurs étudiants. Ainsi l'échange des lecteurs et celui des étudiants s'appuieraient l'un sur l'autre. Mais on peut aussi concevoir des échanges d'étudiants indépendants de l'échange des lecteurs, dans le cadre de cours de vacances internationaux, ou de bourses pour la durée d'une année scolaire: le principe de la réciprocité résoudrait les questions les plus difficiles et

notamment le problème financier, chacune des deux parties finançant le séjour des étudiants qu'elle invite. L'essentiel est que les étudiants français des langues slaves, comme les étudiants slaves de la langue française, aient des facilités pour se rendre dans le pays qui les intéresse.

Naturellement, et pour des raisons diverses, il faut compter que ces mesures ne pourraient être mises en place que progressivement. Mais il importerait dès le début, et sans plus tarder (car nous attendons depuis trop longtemps, car nous sommes menacés d'asphyxie) de montrer sa bonne volonté par des exemples. Par la suite l'échange de lecteurs et d'étudiants devrait s'étendre et englober notamment les professeurs et les élèves de l'enseignement secondaire, où, comme l'a dit Mr. Vaillant, le russe tend à se développer de plus en plus.

III. En ce qui concerne les professeurs d'université, on peut envisager, pour favoriser les échanges culturels franco-slaves, les mesures suivantes: création temporaire, auprès de certaines universités ou instituts, sur la base de la réciprocité, de chaires réservées à des professeurs étrangers invités. Pour commencer un professeur français pourrait aller enseigner la langue ou la littérature française dans une université soviétique (ou polonaise, tchèque, bulgare, etc.) tandis qu'un professeur des pays en question serait invité à venir faire dans une université française des cours de russe ou de toute autre langue slave. Cet échange de ce que les Allemands appellent »Gastprofessor« favoriserait au premier chef la collaboration culturelle. L'Institut slave de l'Université de Strasbourg, que je représente ici, serait prêt pour sa part (dans la mesure où cela dépend de lui) à instituer un tel échange avec une université soviétique, ne serait-ce qu'à titre d'essai, ne serait-ce que pour un trimestre ou même un mois.

D'autres formes d'échanges, non moins importantes, doivent être envisagées. Je ne pense pas seulement aux échanges de conférenciers. Je pense surtout aux réunions de spécialistes compétents pour discuter certaines questions littéraires ou scientifiques préoccupantes et non encore résolues. Certes les congrès internationaux atteignent en partie ce but, et je suis le premier convaincu de l'utilité considérable d'un congrès comme celui-ci. Je dis merci de tout coeur à nos amis yougoslaves qui l'ont si magnifiquement et si généreusement organisé. Mais l'expérience des congrès internationaux ne prouve-t-elle pas souvent que ces grandes réunions, soit par l'ampleur et la variété des sujets traités, soit par le nombre élevé des participants, soit en raison du zèle des orateurs prompts à dépasser le temps limité qui leur est imparti, excluent toute possibilité de discussion véritable et sont d'une utilité surtout psychologique et morale? Pour poser vraiment les problèmes scientifiques et faire avancer leur solution, il faut avoir un seul sujet d'entretien nettement défini et faire appel à un petit nombre de spécialistes qui doivent avoir le temps de s'expliquer sans que la durée des discussions à la suite d'un rapport soit trop réduite. En d'autres termes, il faudrait que dans l'intervalle des grands congrès de slavistique, il y ait souvent, comme cela se pratique pour d'autres disciplines, des *colloques* restreints. Une tentative de ce genre a été faite cette année à Rome, mais à mon avis il faut envisager pour ces colloques une base plus étroite et par là plus féconde. Il serait bon qu'une douzaine de spécialistes, venus à la fois de l'Est et de l'Ouest, discutent ensemble telle question de littérature, de linguistique, d'histoire des idées, qui, tout en étant spécifiquement slaves, ont souvent une signification mondiale et préoccupent ou divisent l'opinion:

ainsi en littérature la personnalité et l'oeuvre de Gogol, de Dostoievski, d'Alexandre Blok, de Maxime Gorki, etc.; en linguistique la question des aspects; etc. A l'Université de Strasbourg (université qui par sa position frontalière à proximité de l'Europe centrale a des facilités et des traditions pour l'organisation des colloques internationaux), l'Institut slave serait prêt à organiser un colloque international de slavistique sur Gogol ou sur Alexandre Blok. Nous pensons que d'autres universités pourraient entreprendre des colloques analogues et qu'ainsi la slavistique vivrait mieux que si elle doit se contenter de congrès nécessairement fort espacés les uns des autres.

Enfin dans le cadre des échanges qui viennent d'être envisagés, nous pensons qu'il serait bon que des relations particulières d'université à université s'établissent. Il ne s'agit pas en effet que les échanges (même élargis) se limitent à des échanges de conférenciers, de professeurs, voire de lecteurs ou d'étudiants, *entre les seules capitales* des pays intéressés. Une certaine *décentralisation* des échanges serait le but vers lequel devrait tendre une collaboration confiante et féconde. Je suis sûr que toutes les universités de la province française envisageraient avec faveur l'établissement de relations franco-soviétiques avec une université autre que celle de Moscou: celle de Léningrad, Kiev, Kazan', ou toute autre.

Je m'excuse encore une fois de parler surtout d'échanges franco-russes, plutôt que franco-slaves. C'est que le russe est ma spécialité et celle de la majorité des slavisants français. Des échanges analogues devraient se développer avec tous les pays slaves, avec la Pologne, la Tchécoslovaquie, la Bulgarie, avec la Yougoslavie enfin pour laquelle nous pouvons sûrement faire encore plus que par le passé dans la voie de l'amitié si solide et si ancienne qui nous unit à elle.

C'est par un ensemble de mesures de ce genre que les étudiants et professeurs français qui se consacrent aux études slaves auront enfin la certitude de travailler pour une oeuvre vivante, pour un rapprochement sincère entre la France et les pays slaves, pour la paix enfin. Il est bien évident que ces mesures, d'ailleurs modestes, ne sont que des suggestions. Elles peuvent être modifiées au gré du présent congrès. Elles doivent surtout obtenir l'accord des gouvernements intéressés; et pour cela il faut que les slavisants sachent faire entendre en haut lieu leurs désirs et leurs besoins. C'est pourquoi je tiens à remercier publiquement Mr. Vinogradov d'avoir déjà transmis officiellement à Moscou ce désir d'un élargissement des échanges culturels dont je lui avais parlé.

A ceux d'entre nous qui attendent que la situation s'améliore toute seule sans prendre leur responsabilité dès aujourd'hui, je voudrais, rappeler une histoire que tous connaissent ici: celle d'Oblomov. Oblomov avait une fiancée de l'autre côté de la Néva. Mais le fleuve étant menacé par la débâcle, les ponts avaient été levés. A force d'attendre que les ponts fussent abaissés de nouveau et la circulation rétablie, Oblomov a perdu l'habitude d'aller voir souvent sa fiancée, et puis il a perdu la fiancée elle-même; et vous savez dans les bras de quelle femme il finira par tomber. Eh bien! aujourd'hui où, malgré le bienfait d'un congrès comme celui-ci, les ponts sont encore coupés entre la plupart des pays slaves et la France, je me permets de rappeler aux slavisants qu'il ne faut pas attendre paresseusement le rétablissement de la circulation, qu'il faut tout mettre en oeuvre pour retrouver la fiancée que nous désirons tous.

C'est pourquoi je termine en posant au congrès deux questions: la réponse à ces questions pourrait nous permettre de rompre avec *l'oblomovščina* qui fait tant de mal à la slavistique.

1) Le présent congrès approuve-t-il les mesures d'extension des échanges préconisées par l'Institut slave de l'Université de Strasbourg?

2) S'il n'a pas d'objection contre cette extension des échanges culturels, les slavisants des pays slaves acceptent-ils de porter les voeux qui viennent d'être exprimés à la connaissance de leur gouvernement, étant bien entendu que nous nous engageons à les porter à la connaissance du nôtre et à assurer aux slavisants des pays slaves la réciprocité des services rendus?

WACŁAW LEDNICKI

THE DEVELOPMENT OF SLAVIC STUDIES IN AMERICA SINCE 1945

„Our hero's origin was humble and obscure." The study of Slavic languages began in America in 1885 when Oberlin College started offering courses in Czech to prepare ministers for clerical activities in Czechoslovakia. However, the first attempt at a comprehensive program of Slavic studies was made at Harvard University in 1896 when, through the efforts of Professor A. Coolidge, Leo Wiener was engaged to present courses in Russian, Polish, and Church Slavic. Professor Coolidge previously had presented courses in Slavic history. In 1899 courses in Slavic literature were added to Harvard's schedule. The next step was made at the University of California in 1901 where George R. Noyes, a student of Professor Wiener, instituted the study of Russian and Polish. Of course, the role of Father R. H. Lord at Harvard and of R. T. Kerner at California should not be forgotten.

The modest article of Professor Noyes, published in 1944, is very illustrative of the beginning of Slavic studies in America[1]. „President Wheeler announced in 1901 that a course in the Russian language had been established in connection with the possible development of trade relations between California and the Russian Empire." Similar considerations acted in other places too, and testify to the empiricism and practicality which have shaped the development of this discipline in America. Formerly the prestige of the powerful Russian Empire of the tsars determined the course of American Slavistics, which from its birth became Russology. With very few exceptions this situation lasted until the last war, which caused these trends to be reaffirmed as far as the general picture is concerned. Needless to say, besides the two-hundred-year-old political prestige of the Russian Empire, some other factors should be taken into consideration in this case. I would be the last to criticize the attention and admiration paid everywhere in the world to the fantastic flowering of Russian culture during the nineteenth century and the beginning of the twentieth century. Still, there were also other forces which sponsored this domination of Russia in the Slavic field in this country. Doubtless, in the last decades the influence of Communism itself should not be forgotten as well as the role of the fellow travelers, who imposed on Slavic studies a special character. Finally, we must also remember the vast immigration of Russian intellectuals. Of course, not all of them were scholars in humanities or in the Slavic

[1] „Slavic Languages at the University of California", by G. R. Noyes in *The Slavonic and East European Review*, Vol. XXII, No. 60, 1944.

field, but their presence and the active part which they took in American academic life, frequently characterized by brilliant archievements, indirectly served the same cause. The other political-intellectual Slavic immigrations occurred some twenty-five years later, and they were much smaller.

For several decades, the absolute majority of departments confined their programs to the teaching of languages, and most of them reduced the Slavic languages to the Russian language. The teaching of language was and still is based, in the majority of cases, on purely practical considerations, therefore, if we eliminate only a few departments of a different character, we must come to the conclusion, which I think is justified, that this teaching has nothing to do with a scholarly approach to the language. The history, the interrelations of Slavic languages, even the Indo-European origin of the Slavic languages – *de facto* of the Russian language – generally do not enter at all into the scope of these programs. Very often the teachers are just native speakers who have no scholarly preparation for such purposes.

The emphasis on this type of training and the preponderance of Russian were due to a number of factors besides those I have mentioned above: the period of political flirtation with Soviet Russia and the optimistic hopes for the establishment of normal political, economic, and cultural relations, interest in the accomplishments of Russian scientists, and Army and Navy encouragement, all attracted students to Russian. University administrations (which must justify their budgets) consequently emphasized Russian and de-emphasized other languages. Therefore, courses in Russian were taken (and they often still are) by students who belonged to other departments, by people who did not have any special interests in Slavic philology and who were, because of this, not at all interested in the history of the language or in its literary achievements or even in its historical background. They simply sought a practical command of the language. The approach, the interests, and the needs of these different groups were so diverse that the task of the instructor was not simple. Needless to say, under these conditions it was not easy to develop genuine studies of a scholarly nature in our Slavic departments.

Following this historical introduction and my remarks of a general nature concerning Slavic studies in the United States, I should like to consider the problem with which our program here deals: namely, the development of American Slavic studies in the post-war period.

There is no doubt that significant changes have occurred in the curriculums of Slavic departments in the United States. First, however, it should be noted that there are only three universities in the United States which present what might be considered a full program of Slavic studies and which grant doctorates (Ph. D's) in the field of Slavic philology. In alphabetical order these are: The University of California in Berkeley, Columbia University in New York, and Harvard University in Cambridge, Massachusetts. There are several other universities which, though having more limited programs, must also be mentioned inasmuch as they, too, are developing their Slavic studies with the aim of being able to grant Ph. D's; these are the University of Wisconsin, the University of Pennsylvania, the University of Washington, Yale University, the University of Michigan, and the University of Indiana.

I think that I may quite properly base my present analysis and discussion primarily on the changes which have occurred in the three leading Slavic

departments in this country (Harvard, Columbia, and California). As I am personally best acquainted with developments at the University of California since 1944, I shall choose most of my examples from this institution; however, I shall also comment upon representative changes at Harvard and Columbia.

The Slavic Department at California was founded, as I have mentioned, and was directed for some forty years by Professor George Rapall Noyes. Professor Noyes' reputation is known to all of you; he was a scholar who was certainly a kind of American Slavic encyclopaedia and who, through his translations, and through his specialized studies, was a pioneer in the popularization of Slavic literature in the United States as well as an American pioneer in Slavic scholarship. While Professor Noyes was active, the Slavic Department at the University of California included in its program several Slavic languages and several Slavic literatures, as well as comparative courses in the field of Slavic philology, although in 1944, when I arrived in Berkeley, the program consisted, *de facto*, only of courses in the Russian language and literature, with an emphasis on Soviet literary works. Slavic literatures other than Russian were not taught at all. Parenthetically, I might observe that about this time the situation at Harvard was no better, and perhaps even worse. Most instruction was devoted to Russian, with Czech and Polish presented, one might say, accidentally. At the time of my stay there, from 1940 to 1944, the instruction in the Polish language was somewhat better organized, and a course entitled „Introduction to Polish Literature and Civilization" was introduced.

Let us now consider briefly the present programs of these two departments which will show very graphically the developments in Slavic Studies in recent years. First of all, at California we have a rather large staff of instructors with some eleven persons attached to the department. Among these are two full professors, two associate professors, and one instructor.

Naturally, the greatest stress is still upon Russian philology, but our program today includes courses in all other Slavic languages and literatures. Not only have we extended the frames of our field, we have tried to develop the department not only on horizontal lines but on vertical lines as well. That is, we have deepened our instruction. Insofar as *languages* are concerned, we have supplemented practical instruction – the exclusive concern in former days – with instruction in the theoretical aspects of each of the languages. In addition to elementary and advanced courses in several languages, our students have at their disposal courses such as Comparative Slavic Linguistics, Old Church Slavic, Mediaeval Slavic Texts, Historical Russian, Polish, Serbo-Croatian and Czech Grammar, the History of the Russian Literary Language, Russian Phonetics and Phonemics, Russian Syntax. Naturally, before they may take these courses, our students must spend at least three years taking the so-called Lower and Upper Division instruction in the Slavic languages of their choise, be it Russian, Polish, Czech, or Serbo-Croatian; on demand we also present year courses in Ukrainian and Bulgarian.

The same broad developments characterize Slavic *literatures* at the University of California. We have courses in Old Russian Literature, Russian Literature of the Eighteenth Century, courses in various periods of the nineteenth century, the beginning of the twentieth century, Soviet literature, and several monographic courses (Turgenev, Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov), not to mention courses

devoted to various literary genres, such as poetry, the novel, the short story, drama, folklore. Then, too, there are also many specialized seminars. The whole field of Polish literature is also covered. Our department presents courses in Polish literature from the sixteenth to the eighteenth century, a course on Polish Romanticism, a course on the post-romantic period and Young Poland, and a monographic course on Mickiewicz. We have a survey course of Czech and Slovak literature, a course on Czech and Slovak literature of the nineteenth century, a survey course of South Slavic literatures, a course on Slavic literature in general, and courses on the cultures of Russia and Poland.

All of these courses in literature are given in English and the students read the authors in translation. However, there are two lecture courses on Russian literature given in Russian, one a graduate course on Gogol and the other an undergraduate course on Russian poetry of the nineteenth century. For these courses the students are required to read their texts in Russian. In seminars the discussions and reports are in English, but the authors are read in the original and the analysis of the texts is based on the original.

I will not fatigue you with a list of courses at Harvard and Columbia. Developments similar to those at the University of California characterize these two departments. A great effort has been made to cover the whole of the Slavic field and to achieve the greatest possible variety in their programs.

But one should not be misled by this picture. If the courses in Russian literature and Russian language are large, the same cannot be said for the courses in other Slavic languages and literatures. A few years ago we had to count almost exclusively on students of Slavic descent to fill these non-Russian Slavic courses. For instance, there is a rather large Serbo-Croatian minority in California around Berkeley and San Francisco; therefore, our courses in Serbo-Croatian were fairly well attended; these classes were sometimes larger than those in Polish, Czech, or Ukrainian, whose minorities are small in our region.

In more recent years, however, significant changes have occurred which have considerably altered the life and work of our department. Before 1944 our department had conferred perhaps two, or at the most, three Ph. D's, but at the present time we have some ten Ph. D. candidates, all of whom are working on the Ph. D. theses. While in recent years the general enrollment in our department has decreased – statistics indicate that there are now in general 35 percent fewer students studying Slavic languages in America as compared with 1945 – we have had a constant proportional increase in our graduate students. This is not only a very striking but a very significant phenomenon. Formerly the large enrollments – of course, always in Russian language and literature – resulted from general political considerations. During the war and immediately after, courses in elementary Russian or courses in Russian literature were attended by students, most of them from other departments, who wanted to acquire some knowledge of Russian culture or language for reasons of a political nature or because they hoped to use their language training for commercial or scientific pursuits. Today, however, the majority of our students consists of those who are determined to devote themselves to Slavic philology. While the decrease in enrollment disturbs the University administration, which must justify its enormous budget to the State Legislature, our department is not suffering from this decrease. Just the opposite is true. Though we have fewer students, we have better students, more and more of whom are

conscious of their future tasks. Our department becomes ever more a school for future American scholars in the field of Slavic philology.

Returning to what I previously said about courses in non-Russian Slavic philologies, I am happy to report that these courses are now attended not just by students of Slavic descent. As our Ph. D. candidates must have a command and knowledge of more than one Slavic language and more than one Slavic literature, the graduate student of today is involved in the study of two, and often more, languages and literatures. Of course, Russian philology is still the most popular field and Polish, Czech, or Serbo-Croatian philologies compete for second place, but if the example of the three leading Slavic departments in this country are indicative of a general trend, then it is quite possible that we shall soon have Ph. D. candidates who will choose to specialize first in Polish, Czech or Serbo-Croatian languages or literatures. This becomes even more probable in view of the fact that there are very few specialists in these fields in America at the present time, and soon the expanding Slavic departments in the United States will create a definite need for scholars specializing in non-Russian Slavic philologies.

*
* *

I shall not at the present time discuss in detail the problem of publications in the field of Slavic philology. The American, English, German, Italian, and Serbian reviews, and particularly the *Revue des Études Slaves* in Paris, give regular and detailed bibliographical summaries of material appearing in the Slavic field in the United States. Therefore, all of you are well acquainted with the American publications on Slavic matters. You will certainly have observed the great increase in these publications. I should like, however, to mention a few matters which are apropos. America now possesses three scholarly reviews which are dedicated entirely or primarily to the Slavic world. I have in mind *The American Slavic and East European Review*, *The Journal of Central European Affairs*, and the *Slavic Word*.

In addition to the three reviews which I have mentioned, I must also emphasize that the three universities which lead Slavic studies in America – Harvard, Columbia, and California, also have their own Slavic series. Columbia has already published several volumes in its series, Harvard has published two volumes of Slavic Studies and some other separate publications, such as Čiževsky's critical edition of *Eugene Onegin* and his *Outline of the Comparative History of Slavic Literatures*. The University of California Press has published a number of books in the field of Slavic, such as Professor Noyes' *The Life and Adventures of Dimitrije Obradović*, which appeared in 1953 in the Series of Modern Philology, Professor Maslenikov's *The Frenzied Poets*, primarily concerning Andrey Bely, which our University Press published on a commercial basis and outside of any series. Furthermore, our Press has now inaugurated a special Slavic Series. In November there will appear in the University of California Series of Slavic Studies my monograph on Pushkin's *The Bronze Horseman* (with a large appendix which will include in English translation the essential poetic documentation, such as Pushkin's „Anti-Polish Odes," Mickiewicz's *Digression*, *The Bronze*

Horseman, and other poetic texts). I may also call to your attention the happy circumstance that the California Press has accepted for publication an international symposium dedicated to Mickiewicz on the occasion of the centennial of the poet's death. This volume will be entitled *Mickiewicz in World Literature,* and it will consist of some thirty articles written by outstanding European and American specialists in the field of Slavic studies. I am pleased to announce that the three literatures of this country – Serbian, Croatian, and Slovenian – will be represented: e. g., there will be an excellent article on Mickiewicz in Serbo-Croatian literature by Professor Đ. Živanović from the University of Belgrade.

I shall not touch upon the activities of various institutes in the Slavic field in America. Most of them are Russian institutes and all of them are principally, sometimes exclusively, concerned with problems connected with Soviet Russia. There are, however, two exceptions: the Institute of Slavic Studies at the University of California, and the recently established Institute for the Study of Central and Eastern Europe at Columbia University. The Slavic Institute at the University of California does not conduct any concrete activities, since it is more of an administrative unit which coordinates the work of students who actually accomplish their studies in the various departments, such as the departments of Slavic, History, Political Science, Economics, and Geography. Besides, our Institute has no financial means. At Harvard and Columbia the situation of the Russian institutes is different, but they serve purposes which are primarily political. There are also several institutes throughout the country sponsored by Slavic minorities. The Polish Institute of Arts and Sciences, located in New York, was, during the war, a very active institution and published a regular bulletin as well as several distinguished scholarly works, the majority of which were connected with Slavic history or Polish literature, such as Kucharzewski's *The Origins of Modern Russia* or Noyes' *Poems by Adam Mickiewicz.* Among these organizations the Ukrainian Academy is now the wealthiest and the most productive. The Ukrainians have succeeded in obtaining very large subventions from private organizations, such as the Ford Foundation, which have enabled them to undertake large-scale publishing activities. An even larger scale of publishing activities has been achieved by the Russian emigration: a very generous subvention was given to the Russian Chekhov Publishing House, which has produced about one hundred and fifty volumes in the four years of its existence. There are also, in America, several Russian reviews, like *Novyj Zhurnal, Opyty,* and every large city has its Russian newspapers. *The Russian Review,* appearing in English, should also be mentioned.

At the present time the Poles (belonging to the old and very numerous emigration of the end of the nineteenth and the beginning of the twentieth century) have established several cultural institutions, mostly in Chicago, Detroit, Pittsburgh, and Buffalo. They have museums and libraries. Some of these institutions publish works dedicated either to Polish history and culture or to subjects connected with the history and achievements of the old Polish emigration in the United States. In the East and Mid-West almost every city and town has its newspaper, sometimes even two of them, its Polish clubs, art associations, libraries, etc. As far as Polish cultural achievements in America are concerned, one may say that the American philanthropic foundations until now have not assisted them with

subventions. The money which is needed comes from the Poles themselves. Sometimes these donations are very touching, particularly when they are given by people whose cultural background is very modest[2].

Here I should like to touch upon a problem which has for many years preoccupied me. The importance of Slavic studies for America is so obvious that there is no need to justify them, particularly when one considers this problem on the level of international political relations. But it has always been my belief that the development of these studies on various levels has had a great significance – heretofore unrealized – for purely American internal interests. The population of the United States includes large Slavic emigrations. I have in mind not the political exiles of our days but the old, if you wish, economic emigration of the end of the nineteenth century and the beginning of the present one. There are certainly millions of Slavs in America. The majority of them are found in the mid-west and east. The old Slavic emigration consisted of elements which had no cultural background. The generation of Americans of Slavic descent which grew up in this country quickly acquired, along with wealth, an education based on Anglo-Saxon culture, which they considered superior, particularly inasmuch as they associated their Slavic origin with economic and social shortcomings and limitations. Therefore, even those who became completely assimilated into American society could not rid themselves of a certain inferiority complex connected with their Slavic origin. I think it is in the best interests of America to grant to these people the possibility of becoming acquainted with their rightful historical and cultural background, of which they have not the slightest reason to be ashamed. On the contrary, the great cultural traditions which are the patrimony of Slavic nations, once they are realized by these *émigrés*, would destroy their inferiority complexes and make them even more distinguished American citizens.

I should like now to return to the main theme of the first part of my report. For a long time, that is, before the establishment of the Bolshevik regime in Russia (at which time Russian intellectuals started to emigrate to America) the very modest Slavic studies in the United States were conducted by American scholars. Among these were Wiener, Noyes, Lord (historian), Manning, Cross, and Simmons, to mention the most important and active figures. Gradually, however, many American universities absorbed a large number of Russian scholars, among whom there were several historians and philologists. Later, in the years preceding the second World War, and during that war, a very large number of Russian scholars, as well as scholars from Central and Western Europe, arrived in America and started to teach in American universities. Many of them joined Slavic departments. If one takes any catalogues, be they of Columbia, Harvard, California, Pennsylvania, Wisconsin, Michigan, Yale, or Washington, one may confirm this statement. Harvard's Slavic Department has on its staff six scholars of European training. Columbia has eleven. In Berkeley we have two Russian professors, one Russian lecturer, one Russian associate, and the secretary of the department is also a Russian. Besides these, we have two Poles, one Yugoslav,

[2] I should like to mention, parenthetically, the fact that the University of Chicago, which is situated in what may well be termed the third largest „Polish" city in the world, a city richly populated also with other Slavic minorities, has only a very modest Slavic department.

and one Czech. In Pennsylvania there are one Swiss and one Czech, and in Wisconsin three Poles. This indicates clearly that until now Slavic philology at the leading American universities has been guided by European scholars. Even on the board of the *Slavic Word* you will find a Russian, a Frenchman, and one American. On the board of *The American Slavic Review,* which consists of twenty-one members, you may find six scholars from Europe.

This situation will gradually change; it is already changing. The last few years have shown a very considerable increase in Ph. D's in Slavic, and the majority of these young scholars consist of Americans of non-Slavic descent. Several of them are already teaching. For instance, in Berkeley many courses in Slavic languages are given by well-trained American scholars, Professor Whitfield and Dr. Thomas. The first got his Ph. D. at Harvard in the early forties; the latter received his degree a year ago at Berkeley. Naturally, native speakers are also employed, and all Slavic departments in America will always need them, but their role will more and more be reduced to teaching language courses dedicated to conversation and pronunciation. In Berkeley, elementary language courses are given by Americans, and so are the graduate language courses devoted to comparative historical grammar, Church Slavic, etc. Five of the six Ph. D. candidates who are now working under my guidance and who are writing their theses are Americans of non-Slavic descent, and all of them are from American families which have been in the United States for several generations. Therefore, I am almost certain that by 1960–1965 the American Slavic departments will have American professors and instructors and only a few native speakers as associates. Their functions will be comparable to those of European lectors. Slavic scholarship will become truly American. This will be a favorable development from every point of view – Europeans will have played their role and will be succeeded by their American pupils.

*
* *

Now I am coming to the second part of my report, to the problems and aims of Slavic philology and to methods in the field of the comparative study of Slavic literatures.

From what I have already said, it should be clear that Russian studies are those most emphasized in American Slavic departments. As a matter of fact, many departments were, and many minor ones still are, Slavic *de nomine* but *de facto* Russian departments. The emphasis on Russian studies has been gradually lessened, particularly in the leading Slavic departments (Harvard, Columbia, California). But, to be realistic, it must be known that the importance of non-Russian Slavic studies has not yet been sufficiently recognized in the American Slavic world. This is primarily due to a well-rooted ignorance of the history, culture, and even literature of non-Russian Slavic countries. There are, of course, a few exceptions, especially with respect to literatures; for instance, Kafka is well-known, as are some modern Polish writers whose novels have been Book-of-the-Month Club selections.

Amazingly enough, before the first World War, the situation was different. One may still meet in America people belonging to the older generation who have

a good knowledge of the lesser Slavic countries and their cultural achievements. But Americans who matured after 1918 and particularly the present American youth know practically nothing of this Slavic world. That is why, no doubt, the falling of the iron curtain, which separated some hundred million westerners from the West, did not provoke any protest or even lead people to meditate on this historical tragedy.

One of my chief arguments in defense of the immediate necessity of developing non-Russian Slavic studies in America is based on my own personal experience. My fate from the beginning of my academic career has been to dedicate considerable attention to, for instance, the Russo-Polish problem. Studies in the field of sixteenth century political theories, Muscovite political theories, studies of Polish political writers of the fifteenth, sixteenth, and seventeenth centuries, studies in the field of Slavophile and pan-Slavic ideas and concepts, studies in Pushkin and Mickiewicz, Gogol, Dostoevsky, Tolstoy, and Blok have brought me to what I believe are very important conclusions. I earnestly believe that there are many creative and productive problems connected with these studies. The vast geographical area in which Russia and Poland met was a battlefield on which a century-old combat of opposed ideologies took place. Studies dedicated to this encounter of these two civilizations are fruitful, for they reveal many essential traits of western European civilization which are more evident when considered from this comparative point of view than they are in the West. Poland, deeply devoted from her birth to the West and to its traditions, often gave a more radical expression to these traditions than the West itself. Here there acted a spirit of missionarism, very often unrewarded by Western Europe, whose cultural prestige was being served with extreme zeal by Poland. Western European trends often became crystallized in the life of the Polish nation, whose fate already in the fifteenth and sixteenth centuries was to become in her own conscience the *antemurale Christianitatis*.

This method of approach is also revealing with respect to Russia, and it may disclose many aspects of Russian culture and civilization which would otherwise remain undiscovered. Besides, Russo-Polish studies show the importance which the Polish problem acquired in the conscience of Russian thinkers and writers.

This leads me, finally, to the great problem which developed in discussions which were particularly intense in the period between the two wars and of which one might give two contrasting formulations: Mazon's *Le Patrimoine commun d'études slaves* and my own *Existe-t-il un patrimoine commun d'études slaves?* I shall not repeat here what I said in that article in 1926, which provoked polemics in which Eisenman, Horák, Trautman, Brückner, Baudouin de Courtenay, Rozwadowski, and many others participated. I shall not repeat what I said in my studies on Slavophile ideas in Poland, in my study on pan-Slavism, or what I said in my publication »The State of Slavic Studies in America«, which was published in America in February, 1954[3]. I may simply state that I stubbornly remain faithful to my conception of 1926. Though I am fully agreed as to the fruitfulness of studies dedicated to parallelisms in the development of various Slavic cultures and literatures, in my opinion it is much more interesting and productive

[3] The beginnig of the report is mostly based on it.

to study the differentiations characterizing the Slavic world, differentiations arising from dissimilarities of geographical location or historical fate. Of course, I recognize that comparative Slavic linguistics, for instance, has revealed many elements of language common to the Slavs, but it also has shown significant linguistic differences. However, if we transfer our comparative methods to the field of literature, the differences become immediately more strjking. However, this subject is outside the bounds of our present discussion.

I should like to finish by simply saying: let us know each other, let us like each other, and let us ground our feelings of mutual affection not only on the memory of our common origin but particularly on an understanding and respect for the uncommon traits developed in each of us by our historical pasts.

РОМАН ЯКОБСОН

ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ ЗА ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Нельзя не согласиться с Виктором Владимировичем Виноградовым, подчеркнувшим в своем содержательном докладе необходимость тесного международного сотрудничества в славяноведческой работе. Всякий изоляционизм зловреден в славистике, как и в любой другой культурной деятельности. Но изучая славянский мир, каждая страна вносит свой оригинальный вклад в общий научный фонд. Своеобразие этого вклада определяется специфическими особенностями местной обстановки и традиции.

Начиная с тридцатых годов прошлого века, иммигрировавшая в Соединенные Штаты дочь первого харьковского профессора политической экономии, немца фон Якоба, Тереза Альбертина Луиза Робинсон-Талви, своими основательными и оригинальными обзорами славянских литератур и народной словесности открывала американскому обществу новый для него мир. Такие замечательные собрания славянских, особенно русских книг и рукописей, как например коллекции Гарвардского, Йельского, Калифорнийского и Станфордского университетов, Нью-Йоркской публичной библиотеки и, прежде всего, исключительное по богатству славянское отделение Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, свидетельствует о давнишнем и непрерывном интересе к этой области. Компетентного посетителя этих книгохранилищ ждут на каждом шагу истинные сюрпризы, как например едва ли не единственный в мире по своей полноте гарвардский подбор словацких публикаций девятнадцатого века до листовок и редчайших альманахов включительно[1].

Тем не менее можно сказать, что за единичными исключениями изучение славянских языков и литератур оставалось до недавнего времени на периферии американских научных занятий. Только в нынешнем столетии, особенно после первой мировой войны, развили свою деятельность первые очаги славяноведения в американских университетах — Гарвардском, Калифорнийском и Колумбийском, первоначально также в Чикагском университете. Все же для междувоенного периода

---

[1] D. Čiževsky, „The Slovak collection of the Harvard College Library", *Harvard Library Bulletin*, VII (1953).

слависты высокой квалификации, как например переводчик Мицкевича Джордж Нойс и переводчик *Повести Временных Лет* Самюэл Кросс, были исключениями. Число студентов на славистических курсах оставалось весьма невысоким, и на всей области попрежнему лежал некоторый налет провинциальности.

После последней войны положение резко и стремительно переменилось. Возникают все новые кафедры славянских языков и литератур в высших учебных заведениях Америки, и ряды славистов обогащаются отчасти пришлыми европейскими специалистами, отчасти молодыми туземными учеными, на которых положительно сказалось интенсивное развитие современной американской лингвистической мысли и смежных научных областей. Славистические аудитории относятся в настоящее время к числу наиболее посещаемых языковых и литературных классов в американских университетах. Многолюдность и увлечение местной учащейся молодежи наиболее новыми и сложными вопросами славянского языкознания и словесности — все это разительно отличается от недавнего прошлого.

Хотя центральное положение естественно занимают русские культурные проблемы, все большее внимание уделяется прочим славянским языкам и народам. Для допущения к докторским экзаменам и к защите диссертации теперь обычно требуется серьезное знание по меньшей мере двух или трех живых славянских языков и литератур и сверх того серьезное знакомство со старославянским языком.

Наиболее развернутые славянские отделения (или, согласно местной академической терминологии, департаменты) американских университетов включают в свою программу до шести живых славянских языков — русский, польский, чешский, сербохорватский, болгарский или словенский и либо украинский либо словацкий. К прежним славистическим центрам прибавились новые: Пенсильванский, Ейльский, Мичиганский в Анн Арборе, Уэйнский в Детройте, Висконсинский в Мэдисоне, Индианский в Блумингтоне, Вашингтонский в Сиатле (штат Вашингтон). Многие университеты и колледжи учреждают отдельные кафедры русского, а иногда и западнославянских языков и литератур. У каждого из главных славистических центров Америки определился свой специфический круг руководящих научных интересов.

Америка — единственная в мире неславянская страна с миллионами славян, тогда как в странах Старого света славянский элемент либо преобладает, либо напротив составляет сравнительно малочисленное, а то и вовсе незначительное меньшинство. При последних переписях населения в Соединенных Штатах и Канаде, свыше пяти миллионов признали тот или иной славянский язык своей родной речью. Взаимодействие славянской речи с иноязычной, преимущественно английской языковой средой, требует тщательного изучения. Начало ему было положено вдумчивой книгой варшавского полониста Витольда Дорошевского[2]. Один из руководящих американских языковедов Эйнар

[2] W. Doroszewski, *Język polski w Stanach Zjednoczonych A. P.* (Варшава, 1936).

Гауген своим исчерпывающим трудом о лингвистических судьбах норвежцев в Америке[3] дал великолепный методологический образец для дальнейших разысканий. В настоящее время профессор Колумбийского университета Юриэл Вейнрейх, автор интересной монографии о двуязычии[4], разработал план систематических коллективных наблюдений над речью славянских иммигрантов и их потомков: постепенное приспособление к окружению (т. н. „аккультурация"), характерные изменения в звуковом, грамматическом, словарном, и фразеологическом составе речи, анализ наиболее устойчивых элементов и наконец влияние славянских языковых навыков на новоприобретенную английскую речь[5].

В применении в фольклору американских славян, особенно к народной словесности и бытовому укладу чешских и словацких переселенцев и их потомства, аналогичные темы разрабатываются и богатый материал сосредоточивается в Славянском отделении Гарвардского университета, включившем в свою постоянную программу курс — „Славянский фольклор в Америке"[6].

Немаловажная для американской жизни проблема двуязычия невольно толкает исследователей к занятию такими продуктами традиционно двуязычного коллектива, как идиш и в частности к учету славянского воздействия на его языковый строй[7].

Дальнейшим импульсом к славяноведческим разысканиям является американско-русское соседство. Экспедиции Копенгагенского лингвиста Луи Гаммериха, снаряженные при активном участии американских институций, дали ценную работу о русском слое в лексике эскимосов Аляски[8]. Надо надеяться, что возросший интерес американского языкознания к алеутам поможет определить то русское наслоение, которое значительно видоизменило их речь в течение прошлого столетия, как это было подмечено уже Иохельсоном, и как свидетельствуют его рукописные материалы по алеутскому языку и фольклору, хранящиеся в Нью-Йоркской публичной библиотеке[9].

На проблематику американского славяноведения налагают особый отпечаток не только этнографические условия, но и общий характер научной жизни в этой стране. Наравне с редкостными возможностями и широкой постановкой новых экспериментов, следует отметить истин-

[3] E. Haugen, *The Norwegian language in America* (Pennsylvania VP, 1953).

[4] U. Weinreich, *Languages in Contact* (Нью Йорк, 1953); его же, „Linguistic convergence in immigrant America", Georgetown University, *Monograph Series on Language and Linguistics*, VII (1954).

[5] См. колумбийскую диссертацию — M. D. Berger, The American English pronunciation of Russian immigrants, 1951.

[6] Этим вопросам уделено значительное внимание и в славянском томе *Journal of American Folklore* (№ 273), подготовленном к печати A. Lord'ом. См. особенно S. Pirková-Jakobson, „Harvest festivals among Czechs and Slovaks in America".

[7] R. Jakobson, „The Yiddish sound structure in its Slavic environment", *Yidisha Sprakh*, XIII (1953), U. Weinreich, „Sábesdiker loshn in Yiddish: a problem of linguistic affinity", *Slavic Word*, I (1952).

[8] L. L. Hammerich, „The Russian stratum in Alaskan Eskimo", *Slavic Word*, III, (1954).

[9] A. Yarmolinsky and R. Jakobson, Aleutian Manuscript Collection, оттиск из *Bulletin of the New York Public Library* (1944).

ную склонность и навык к интердисциплинарным разысканиям, к совместным, согласованным усилиям разнообразных специалистов. Характерным приложением этих принципов к славянскому материалу является коллективная работа по описанию и анализу современного русского литературного языка, которая с 1950 года ведется в Славянском отделении Гарвардского университета при поддержке Рокфеллерского фонда и при активном участии научных сотрудников из различных университетов и лабораторий Америки и Европы. В книжной серии, озаглавленной *The Structure of Contemporary Standard Russian*, итоги этой работы будут опубликованы гаагским издательством Мутона под редакцией славистов Гарвардского и Лейденского университетов. Подготовлено восемь томов, двадцать дальнейших томов готовятся к печати.

Первая секция серии посвящена обследованию звуковой стороны русского языка[10]. Превосходно оборудованный рентгенологический институт при Гарвардском медицинском факультете дал точные снимки органов речи при произношении всех русских гласных и согласных. Результаты этих съемок оказались чрезвычайно любопытны и в некоторых отношениях совершенно неожиданны. Например, выяснилось, что характерная разница между звучанием русских мягких и твердых согласных, которая обычно приписывалась исключительно различию в расстоянии между языком и передним небом, в действительности зависит главным образом от разительного изменения в поперечном размере зева. Звуки, произносимые для этих съемок, одновременно записывались на ленту, и эти записи подвергались подробному акустическому анализу в лабораториях Massachusetts Institute of Technology и Northeastern University в Бостоне при помощи физических приборов, превращающих звуковые волны в зрительные образы. Согласованная разработка физиологии и физики звуков речи дала возможность Гуннару Фанту впервые исчислить соотношение между артикуляцией и ее акустическим эффектом и сделать из заснятого произношения математически точный вывод о звучании. Были найдены формулы, позволяющие предсказать на основании рентгеновского снимка все акустические свойства любого звука русской речи. Всем различительным элементам (distinctive features), лежащим в основе русской фонологической системы, было дано ясное акустическое определение, при чем широта звуковых вариаций, характерная для русских гласных фонем,

[10] Три тома подготовлены к печати: рентгеновские снимки русских звуков и их интерпретация (C. G. M. Fant, M. Halle, G. Kelemen и A. S. MacMillan), акустический и фонологический анализ звуков русской речи (L. Jones и M. Halle); просодическое строение русской фразы (C. van Schooneveld и A. Buning). Ср. также русские примеры и иллюстрации к работе — R. Jakobson, C. G. M. Fant и M. Halle, Preliminaries to speech analysis: The distinctive features and their correlates. Massachusetts Institute of Technology, Acoustics Laboratory. *Technical Report*, № 13, 1-ое издание — январь 1952, 2-ое дополненное и исправленное издание — май 1952, 3-е изд. — 1955. Дальнейшие выпуски названной гаагской серии будут посвящены звуковой характеристике русских словоразделов, экспрессивным средствам, основам современного стихосложения и статистической структуре фонологического плана русской речи. Предварительный опыт статистического подхода: E. C. Cherry, M. Halle и R. Jakobson „Toward the logical description of languages in their phonemic aspect", *Language*, XXIX (1953).

была взята под учет Лоренсом Джонсом, а Морис Галле удачно справился с трудностями акустического анализа согласных[11].

Описывая ту или иную стадию речевого процесса, — звукопроизводную работу, физический аспект звука или его слуховое восприятие, — мы должны задать себе вопрос, какого рода информацию передают слушателю различные компоненты речи. В этом направлении большая работа была проделана лингвистикой, начиная с казанских исканий Бодуэна де Куртенэ и его учеников и кончая современной фонологией. Взаимная близость американской и русской традиции в подходе к этим вопросам была справедливо подчеркнута безвременно скончавшимся московским языковедом Г. Винокуром в радиограмме, присланной Американскому Лингвистическому Обществу в августе 1942 года и воспроизведенной в восемнадцатом томе журнала *Language*. Но анализ звуков под углом зрения их различных языковых функций требовал дальнейшего методологического уточнения.

Сближение лингвистики с математикой было подсказано внутренним развитием обеих наук. Математики нераз характеризовали лингвистику как мост между гуманитарными и точными науками. Есть мало областей, где сотрудничество русской и американской мысли дало такие плодотворные результаты, как в так называемой теории коммуникации. Эта новая отрасль математических наук выросла из работ А. А. Маркова над статистической структурой „простой стационарной цепи", например строк „Евгения Онегина", использованных русским математиком для его гениальных выкладок[12]. Этот труд, вызвавший в свое время обличительное зубоскальство нововременского борзописца, вдохновил нынешних международных, особенно американских, теоретиков коммуникации на постановку основоположного вопроса об энтропии марковской цепи, причем редкая из таких работ обходится без ссылок на „Markoff process". Американская „теория сообщений" была в свою очередь подхвачена и успешно развита московским математиком А. Хинчиным, увидевшим, что это „учение об энтропии в ближайшие годы должно стать неотъемлемой главой теории вероятностей" и в частности лечь в основу научных разысканий о передаче информации различного рода, а следовательно и в основу речевого анализа[13].

Взаимная связь между лингвистикой и теорией коммуникации благотворна для обеих дисциплин. Без лингвистического подступа к вну-

[11] См. гарвардские диссертации: L. G. Jones, *Acoustic pattern of the Russian vowels* (1953); M. Halle, *Russian consonants: a phonemic and acoustical investigation* (1954). Переработка обоих исследований входит в гаагскую серию. Ср. также L. G. Jones, „The vowels of English and Russian: an acoustic comparison", *Slavic Word*, II. (1953).

[12] А. А. Марков, „Пример статистического исследования над текстом Евгения Онегина, иллюстрирующий связь испытаний в цепь", *Известия И. Академии Наук*, VI серия (1913).

[13] А. Хинчин, „Понятие энтропии в теории вероятностей", *„Успехи математических наук"*, VIII, № 3 (1953). „Проделанная мною работа, — справедливо признал автор, — представляется мне необходимым этапом в развитии этого учения." Для анализа речи не менее важна солидарная работа двух выдающихся представителей американской и русской математической мысли, Норберта Винера и А. Колмогорова, над вопросами возмещения информации, утраченной при передаче: ср. F. Le Lionnais, „Bases et lignes de force de la cybernétique", *Diogène*, IX (1955).

тренним законам языка теория коммуникации не может совладать с анализом речевого общения. С другой стороны, продолжительные искания языковедов нашли себе прочное обоснование в доводах и выводах математиков. Так например, лингвистика давно уделяет внимание двойному аспекту языковых фактов: это parole и langue в понимании Соссюра, speech и language в терминах Алана Гардинера, речевое поведение (verbal behaviour) и языковый уклад (language pattern) в привычном подходе антропологов или, наконец, sign event и sign design согласно общей теории знаков. Но в языковедческих операциях над обоими соотносительными понятиями оставалось немало туманного и спорного, и лишь теория коммуникации с ее четким различением „текста" (точнее, message) и „кода" внесла надлежащую ясность и последовательность, позволив и лингвистам и психологам речевых процессов плодотворно интерпретировать высказывание и его восприятие как текст закодированный и декодированный.

Понятие плеоназма (redundancy), перенятое из науки о языке, было широко использовано теорией коммуникации: последовательное извлечение плеонастических элементов позволило обнаружить систему автономно различительных элементов, т. е. измерить количество информации, получаемой адресатом речи при продвижении в звуковой цепи, и для каждого отдельного случая вскрыть оптимальный код. Со времен казанской школы лингвистика с возрастающей четкостью отмежевывает различительные единицы — фонемы от комбинаторных (contextual) вариантов, т. е. плеонастических элементов в звуковом плане речи, но отныне теория коммуникации показала пути к разысканию оптимального кода и тем самым к однозначности фонологического анализа. Есть все основания думать, что тот же принцип максимальной экономии лежит в основе декодирования текстов также в обычном процессе речевого общения: новейшие психологические опыты над восприятием звуков речи блестяще подтверждают такое предположение.

Бинарные противопоставления, на которых базируется фонологическая и грамматическая структура, все яснее рисовались языковедам, но та решающая роль, которую „простая альтернатива" между двумя противоположными единицами приобрела в теории коммуникации, и сопутствующие наблюдения психологов над значительностью этого фактора для восприятия — все это позволило шире и точнее применить принцип дихотомии в лингвистическом анализе.

Наконец, языковедение привыкло оперировать такими плеонастическими элементами, которые с абсолютной достоверностью (или, как сказали бы теоретики коммуникации, с „нулевой энтропией") позволяют предсказать последующее или предшествующее или же совместно наступающее событие в речевой цепи, но теория коммуникации дает лингвистам инструмент несравненно большей тонкости и гибкости, „матрицу переходных вероятностей". В частности, этот инструмент помогает осветить различные степени „сжатия" кода, наблюдаемые в конкретных текстах, — от полноты (explicitness) кода до его более или менее эллиптических разновидностей.

Попытки использовать эти новые возможности для лингвистического анализа были предприняты впервые на русском материале. Законы

сочетания фонологических и грамматических компонентов в единицы высшего порядка — задача, тщательно разработанная в американском языковедении, особенно в трудах Зеллига Гарриса, — подлежат дальнейшему изучению и уточнению в свете теории вероятностей. Здесь особенно поучителен разбор фонологического строения различных классов морфем и междуморфемных швов: работа Роберта Абернати, трактующая звуковой состав русских корней как вопрос статистической структуры, знаменует новый шаг на этом пути[14]. Другая пограничная тема между фонологией и грамматикой — морфологическая утилизация звуковых чередований — была выдвинута в славянском языкознании еще Крушевским и Бодуэном де Куртенэ, а затем разработана Н. С. Трубецким; сравнительное структуральное описание сербохорватских, русских и чешских альтернаций дает книга Герберта Рубенстейна[15].

На основании данной языковой единицы есть возможность предсказать с той или иной степенью вероятности, с одной стороны, смежную единицу в контексте, а с другой — всю парадигму, к которой данная единица отнесена в коде. Уже Леонард Блумфилд в принципе знал, что грамматический анализ должен стремиться к максимальной возможности предсказания (maximum predictability), но лингвистике предстояло овладеть техникой такого анализа. В Гарвардском проекте описания современного русского языка этой задаче уделено особое внимание. Работа Гарольда Клагстада, публикуемая в гаагской серии[16], трактует вопрос о чередовании гласных с нулем в русских морфемах и доказывает, что альтернанты могут быть предсказаны с полной или по крайней мере с высокой определенностью, тогда как еще недавно утверждалось об этих альтернациях, что возможность предсказания здесь близится к нулю[17].

Тот же критерий максимальной возможности предсказаний был применен к анализу словоизменения. Взамен описаний русского спряжения, традиционно построенных на двух исходных глагольных основах[18], оказалось возможным свести этот дуализм к чередованию полной и усеченной основы, причем условия и характер усечения могут быть всецело предсказаны, за вычетом малочисленных исключений. Не только в русском, но и в других славянских языках достаточно знать одну лишь полную основу, чтобы вывести из нее все прочие формы

[14] R. H. Abernathy, The structure of the Russian roots (диссертация Гарвардского университета, 1952). Переработка этой монографии выйдет в гаагской серии. Попытка инвентаризировать „гнезда" русских корневых морфем — Корнеслов Е. Волконской (Vassar College, Poughkeepsie, N. Y.) и М. Полторацкой (Army Language School, Monterey, Cal.) печатается Колумбийским университетом.

[15] H. Rubenstein, *A comparative study of morphophonemic alternations in Serbocroatian, Czech and Russian* (Анн Арбор, 1950). Ср. также D. L. Olmsted, „The morphophonemics of Russian noun inflection", *Studies in Linguistics*, IX (1951).

[16] Переработка гарвардской диссертации: H. Klagstad, Vowel-zero alternations in contemporary standard Russian (1954).

[17] D. L. Olmsted, „The so-called inserted vowels in Russian", *Language Learning*, III (1950).

[18] W. G. Corsyn, „On the classification of Russian verbs", *Language*, XXIV (1948).

данного глагола[19]. Тот же кардинальный вопрос о высшей мере определенности в предсказаниях ставится и при описании склонения, а также при изучении словообразования. Так, например, непредвиденно строгая закономерность была обнаружена Эдуардом Станкевичем в употреблении уменьшительных и увеличительных суффиксов[20]. Именно в предельной экономии формального анализа при исчерпывающей полноте привлекаемого материала лежит насущная задача работы гарвардского коллектива над всеми областями русской морфологии.

Как в вопросе о фонеме и ее комбинаторных (контекстом обусловленных) вариантах, так и в определении общего значения данной грамматической формы и ее комбинаторных значений, лингвистика стоит перед спорной задачей извлечения инвариантов, и здесь она снова находит поучительный пример в математических науках, особенно в топологических операциях над инвариантами. В грамматическом анализе русского слова последовательный учет принципиального различия между частными, зависящими от синтаксического контекста значениями данной морфологической категории и ее общим значением, опять-таки является одним из краеугольных заданий гарвардского проекта[21].

[19] R. Jakobson, „Russian conjugation", *Word*, IV (1948); H. Rubenstein, „The Czech conjugation", *Word*, VII (1951); H. Kučera, „Notes on the Czech conjugation", *Slavic Word*, I (1952); A. M. Schenker, „Polish conjugation", *Slavic Word*, III (1954); H. Lunt, „Морфологијата на македонскиот глагол", *Македонски јазик*, II (1951). Синхронический анализ ранней славянской системы спряжения в свою очередь базируется на учете полной глагольной основы и приходит к схожим результатам: M. Halle, „The Old Church Slavonic conjugation" (with an appendix on the Russian conjugation), *Word*, VII (1951).

[20] E. Stankiewicz, The declension and gradation of substantives in contemporary standard Russian (гарвардская диссертация, 1954); его же, „Expressive derivation of substantives in contemporary Russian and Polish". *Slavic Word*, III (1954); C. L. Dawson, The derivational suffixes of the Russian substantive — a synchronic study (гарвардская диссертация, 1954); на заведомо механистической концепции построена ейльская диссертация на ту же тему: S. Wise, Russian noun suffixation — a descriptive study (1953). Реалистическое описание русского склонения у Станкевича противостоит трюкаческому подходу (в терминах американской лингвистики, hocus-pocus approach), характерному для статьи G. L. Trager, „Russian declensional morphemes", *Language*, XXIX (1953). Обе названные гарвардские диссертации в переработанном виде входят в гаагскую серию, равно как и ценный труд Ю. Шереха-Шевелева о русских сложных существительных. Приготовлен обширный материал для монографии о прилагательных. Морфологию прилагательных трактует чикагская диссертация R. A. Goodwin'a (1952). Словообразованию и словоизменению русских глаголов посвящена гарвардская диссертация: L. R. Micklesen, A morphological analysis of the modern Russian verb (1951). Micklesen, P. Garvin, S. Ragozin, I. Lynch разрабатывают морфологию русского глагола для гаагской серии; H. Rubenstein исследует структуру местоимений и числительных, а J. Ferrell взял на себя анализ наречий.

[21] Этюды о грамматических значениях русских глагольных категорий публикует J. Ferrell: „The meaning of the perfective aspect in Russian", *Word*, VII (1951); „On the aspect of *byt'* and on the position of the periphrastic imperfective future in contemporary literary Russian", *Slavic Word*, II (1953); „The tenses of the Russian verb", *Slavonic and East European Review*, XXXII (1953). Его же подготовительные работы к книге о системе причастий и деепричастий для гаагской серии: The syntax of the gerund and participle (колумбийская диссертация, 1949); „The past gerunds of the imperfective aspect in Modern Russian", *Slavonic and East European Review*, XXX (1951). Сравни ответ на первую из этих статей: G. Struve, „Some observations on past imperative gerunds in Russian", *Slavic Word*, II (1953).

Схожие методологические предпосылки определяют и дальнейший этап этой коллективной работы — разбор и классификацию словосочетаний[22] и особенно трудные по своей новизне разыскания о строении (patterning) русской лексики и фразеологии, причем существенная роль уделяется анализу переводов с русского на английский и с английского на русский.

Опытом исследований о русской грамматической структуре пользуется и, в свою очередь, немало любопытных показаний дает лабораторная подготовка к конструкции машины для автоматических переводов с русского на английский язык[23]. Славянское отделение Уэйнского университета в Детройте при поддержке Рокфеллерского фонда разработало статистику словарных и грамматических единиц современного русского литературного языка[24].

Начиная с военного времени, достижения научной описательной лингвистики постепенно проникают в той или иной степени в практические учебники славянских языков[25]. Все острее ощущается недостаток славяно-английских и англо-славянских словарей, отвечающих научным требованиям. Работа Ф. Уитфилда и К. Буласа над фундаментальным англо-польским и польско-английским словарем обещает быть первым серьезным опытом в этом направлении.

Наибольшее внимание в американской славистике уделено русскому языку, но исследовательская работа над прочими славянскими языками тоже дает за последнее время немало оригинального и ценного. Как мы уже упомянули (см. примечания 19, 20), Станкевич и Шенкер приложили руку к описательной грамматике польского языка[26], а Уитфилд, Олмстед и Фолеевский анализируют польскую фонологическую систему, Рубенстейн и Гарвин занимаются чешскими грамматическими вопросами; Кучера печатает в Slavic Word этюд о звуковом строе чешского разговорного языка (hovorová čeština), как закономерной гамме промежуточных образований между фонологическими системами литера-

[22] Из работ по синтаксису следует отметить: C. L. Ebeling, The parts of the sentence in modern Russian (гарвардская диссертация 1950); A. van Holk, „On the actor-infinitive construction in Russian", *Word*, VII (1951) и полемический ответ — L. Spitzer: „The actor-infinitive construction in Russian and other Indo-European languages", *Slavic Word*, III (1954).

[23] Особенно интересна в этом направлении гарвардская диссертация A. G. Oettinger, „A study for the design of an automatic dictionary" (1954); он же, „The distribution of word length in technical Russian", *Mechanical Translation*, I (1954); те же вопросы трактуют L. E. Dostert, K. E. Harper, A. G. Oettinger в сборнике *Machine Translations of Languages* (Кембридж, Масс., и Нью Йорк, 1955).

[24] H. H. Josselson. *The Russian word count* (Детройт, 1953); „Stress patterns in Russian noun inflection", *Studies in Linguistics*, VI (1948); ср. его же мичиганскую диссертацию на ту же тему.

[25] Помимо сжатой сводки основных сведений по русской грамматике, сделанной L. Bloomfield'ом для *Dictionary of spoken Russian* (War Department, Вашингтон, 1945) могут быть отмечены: J. W. Perry, *Scientific Russian* (Нью Йорк, 1950); G. Luckyj and J. B. Rudnyckyj, *Modern Ukrainian Grammar* (Миннеаполис, 1949); C. Hodge, *Spoken Serbocroatian*, I—II (Linguistic Society of America, 1945—46); W. E. Harkins, *A modern Czech Grammar* (Columbia University, 1953).

[26] См. A. M. Schenker, „Polish nominal inflection — a structural analysis" (ейльская диссертация 1953) и его же статью „Gender categories in Polish" *Language* XXXI (1955). Ср. P. Scherer, „Derivation in Polish", *Language*, XXIV (1948).

турного и вульгарного языка (spisovná a obecná čeština)[27]. Гарвардский славист Горас Лант выпустил первую научную грамматику македонского литературного языка, и этот учебник отвечает строжайшим требованиям дескриптивной лингвистики[28].

Приемы описательной лингвистики применяются и к ранним стадиям славянских языков. Таковы работы Ланта по старославянской фонологии и морфологии[29] и веские разыскания Корнелиса ван Схоневелда о значениях древнерусских глагольных времен[30].

Теория коммуникации побуждает языковедов интерпретировать языковые изменения в терминах транскодирования. Эта концепция кладет конец разрыву между описательной и исторической наукой о языке и уже повышает интерес традиционно описательной американской лингвистики к истории языка и, в частности, к истории языков славянских. До последнего времени работы по истории звуков и форм занимали сравнительно малое место в американской славистике[31].

Значительная работа ведется в области исторической лексикологии. Близится к окончанию труд известного специалиста по греческой филологии Александра Турына о словах, переведенных с греческого, в ранней славянской лексике. Елизавета ван Схоневелд, совместно с гарвардским германистом Т. Старком, Р. Якобсоном и датскими учеными Л. Гамерихом и А. Стендер-Петерсеном, готовит к печати трехтомное критическое издание объемистого нижненемецкого руководства по русскому разговорному языку, написанного в Пскове на пороге семнадцатого века: этот рукописный учебник, содержащий тысячи слов и технических терминов, а также богатейший материал по ста-

---

[27] Упомянем также статью, опубликованную в Америке лондонским славистом: W. K. Matthews, „The Ukrainian system of declension", *Language*, XXV (1949).

[28] H. Lunt, *A Grammar of the Macedonian literary language* (Скопле, 1952). Ср. P. Ivić, „On the present state of the study of Standard Macedonian", *Slavic Word*, II (1953).

[29] H. Lunt, *Old Church Slavonic Grammar* (Гаага, 1955); „On Old Church Slavonic phonemes: *The Codex Zographensis*", *Slavic Word*, I (1952) — ответ на статью G. H. Fairbanks, „The phonemic structure of Zographensis", *Language*, XXVIII (1952). Ср. вышеупомянутую статью Halle о старославянском спряжении.

[30] C. H. van Schooneveld, The grammatical expression of the past in Old Russian (колумбийская диссертация, 1949). Ее переработка выйдет в Гааге. Ср. его же ценную статью „The aspect system of the Old Church Slavonic and Old Russian verbum finitum *byti*", *Word*, VII (1951).

[31] См. напр. A. Martinet, „Concerning some Slavic and Aryan reflexes of IE *s*", *Word*, VII (1951); R. Jakobson, „On Slavic diphtongs ending in a liquid", *Slavic Word*, I (1952); A. Abele, „Zur Weiterentwcklung urbaltischer Liquida-Diphtonge im Lettischen: Parallelen zum Slavischen tort/torot", *Slavic Word*, III (1954); A. Senn, „Verbal aspects in Germanic, Slavic and Baltic, *Language*, XXV (1949); P. Tedesco, „Slavic *ne-* presens from older *je-* presens", *Language*, XXIV (1948); J. Serech, *Participium universale im Slavischen* (Уиннипег, 1952); его же, *Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen* (Лунд, 1952). Богаты новыми наблюдениями и работы Шерехa-Шевелева по истории междуславянских языковых отношений: „The problem of Ukrainian-Polish linguistic relations from the tenth to the fourteenth century", *Slavic Word*, I (1952); *Problems in the formation of Belorusslan* — Supplement to *Word*, IX (1953); вопрос о происхождении русского языка трактует: A. Senn, *The pre-history of Russian language* (Fordham University, 1954). Сжатый обзор славянских языков и их истории: R. Jakobson, *Slavic Languages* (Columbia University, 1949; второе расширенное издание, 1955).

рорусской устной фразеологии, является ценнейшим источником для истории живого русского языка и особенно псковского говора[32].

Серьезное внимание уделено в американских центрах славистики филологическому разбору русских памятников, начиная с древнейших церковнославянских рукописей русского извода[33] и недавно открытых берестяных грамот и надписей на обиходных предметах[34] до новонайденного львовского букваря Ивана Федорова, приобретенного гарвардским университетом и воспроизведенного с филологическим введением[35]. Из древнерусских литературных памятников наиболее подробному и тщательному обследованию подверглось *Слово о полку Игореве*. Обстоятельным разбором языка *Слова*, строгой экзегезой и сравнением этого произведения с различными памятниками древнерусской письменной и устной традиции и с византийским литературным наследством установлен критический текст *Слова*, и попутно отвергнуты многие рискованные чтения и гипотезы, в частности, недавние спекуляции о якобы позднем происхождении *Слова*[36]. Существенным подспорьем для полного понимания *Слова* и для точного определения его места в древнерусской культуре был подробный словарь этого памятника, сравнивающий весь лексический состав *Слова* с лексикой и фразеологией других документов русского средневековья, в особенности с теми текстами, которые так или иначе примыкают к повести о полку Игореве, т. е. с летописными сказаниями об Игоре Святославиче и о его

[32] Ср. гарвардскую диссертацию Elisabeth van Schooneveld, A western source for seventeenth century spoken Russian (1952). Над историей русской литературной лексики восемнадцатого века работает G. Worth-Hüttl: см. ее статью „About *obstojatel'stvo*, etc." *Slavic Word*, III (1954). Русской поэтической лексике недавнего прошлого посвящена гарвардская диссертация: A. Humecky, The neologisms in the poetry of the Futurists — Igor' Severjanin and Vladimir Majakovskij (1955). Подробно обследован голландский слой в русской лексике: A. M. Haupt, Problems in the investigation of Dutch influence on the Russian vocabulary (колумбийская диссертация 1953).

[33] H. G. Lunt, The orthography of eleventh century Russian manuscripts (колумбийская диссертация 1949).

[34] R. Jakobson, „Vestiges of the earliest Russian vernacular", *Slavic Word*, I (1952).

[35] *Ivan Fedorov's Primer of 1574*, Facsimile edition with commentary by R. Jakobson and appendix by W. A. Jackson. Published under the auspices of the Harvard College Library and the Department of Slavic Languages and Literatures of Harvard University (Кембридж, Масс., 1955). Это издание, как и многие другие публикации американской славистики, осуществлено при поддержке Committee for the Promotion of Advanced Slavic Cultural Studies. Председатель названного комитета, R. G. Wasson, сочетающий в себе авторитетного финансиста, миколога и славяноведа, сделал неимоверно много для развития славянских знаний в Америке.

[36] La Geste du Prince Igor', sous la direction d'H. Grégoire, de R. Jakobson et de M. Szeftel — *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves*, VIII (Нью Йорк, 1948); A. Stender-Petersen, „The Igor' Tale", *Word*, IV (1948); Russian epic studies, ed. by R. Jakobson and E. Simmons — *Memoirs of the American Folklore Society*, XLII (Филадельфия, 1949); R. Jakobson, „The puzzles of The Igor' Tale on the 150th anniversary of its first edition", *Speculum*, XXVII (1952); I. Ševčenko, „To the unknown land: a proposed emendation of the text of the Igor' Tale", *Slavic Word*, I (1952); R. Poggioli, R. Jakobson, *Cantare della Gesta di Igor'* (Турин, 1954). Готовится к печати обширное критическое издание Слова с комментариями М. Шефтеля, Р. Якобсона и А. Грабара и с английским переводом В. Набокова (Bollingen series, Нью Йорк).

времени, а также с воинскими повестями Куликовского цикла[37]. Авторитетному колумбийскому тюркологу принадлежит систематическая сводка и подробнейшая этимологическая интерпретация восточных элементов в лексике *Слова*, бросающая новый свет на этот памятник и на историю славяно-алтайских языковых и культурных связей[38]. Поэтика *Слова* обогатилась двумя проникновенными работами: одна из них обнаруживает одинаковую технику аллитераций в *Слове* и в эпических фрагментах, вошедших в летописи Киевской Руси[39]; другая рассматривает тропы и фигуры *Слова* в свете византийского учения о поэтических образах, пришедшего в одиннадцатом веке на Русь в старославянском переводе; под этим углом зрения находят себе замечательно простое объяснение строки *Слова*, еще недавно озадачивавшие комментаторов[40]. Наконец, для критического издания *Слова* полезно было проследить всю подготовительную работу к его первому изданию в 1800 году[41].

Круг ранних церковнославянских рукописей может быть расширен путем реставрации старшего слоя в славянских палимпсестах. Современная техника позволяет осуществить эту задачу, и первые шаги на этом пути были сделаны по почину гарвардских славистов. Эта работа должна быть проведена в международном масштабе и обещает дать немало увлекательных находок. Так например, глаголические строки, просвечивающие под вторичным, в свою очередь глаголическим, текстом Пражских листков, должны быть вскрыты, и каковы бы ни были содержание, происхождение и датировка старшего слоя, это будет сенсационное открытие.

Совместные усилия филологов и музыкологов, славистов и византинистов сулят новый приступ к тайникам церковнославянского языка и культуры в ее далеком прошлом. Гарвардские слависты и византинисты совместно с музыкологами Оксфорда (Egon Wellesz) и Копенгагена (Carsten Høeg), достигшими замечательных результатов в расшифровке византийской нотной системы, работают над фототипическим изданием двух древних хиландарских церковно-певческих рукописей русского происхождения и над реконструкцией их музыкальной и стихотворной формы в сопоставлении с формой греческих образцов. Первые опыты позволяют ждать от начатой кропотливой работы акцентологических

[37] T. Čiževska, The vocabulary of the Igor' Tale compared with other Old Russian texts (гарвардская диссертация 1955), ее переработка выйдет в Лейдене в серии *Studies in Russian Epic Tradition*, under the auspices of the Department of Slavic Languages and Literatures, Harvard University; для той же серии подготовлена акцентуированная реконструкция первоначального текста *Задонщины* под редакцией Р. Якобсона.

[38] K. H. Menges, „The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos, the Igor' Tale" = *Supplement to Word*, VII (1952).

[39] D. Čiževsky, „On alliteration in the ancient Russian epic literature", *Russian Epic Studies* (Филадельфия, 1949).

[40] Justinia Besharov, „Imagery of the Igor' Tale in the light of Byzantino-Slavic poetic theory" = *Studies in Russian Epic Tradition*, II (Лейден).

[41] R. Jakobson, „The archetype of the first edition of the Igor' Tale", *Harvard Library Bulletin*, VI (1952); А. Соловьев и Р. Якобсон, „Слово о полку Игореве в переводах конца восемнадцатого века" = *Studies in Russian epic tradition*, I (Лейден, 1954).

показаний о языке славянских переводчиков этих песнопений, в частности, о месте словесных ударений, оправдывая чаяния датского эксперта[42].

Как показывают такие примеры, лингвистическая мысль Америки быстро преодолевает свой недавний односторонне статический уклон и открывает для истории языка новые возможности, благодаря таким типично американским предпосылкам, как смычка гуманитарных с точными науками, высокий технический стандарт и широкая постановка интердисциплинарных опытов.

Еще одно любопытное явление наблюдается за последние годы в американском языкознании. Это реакция против недавнего обособления лингвистики и возвращение к традиционным усилиям знаменитого ейльского языковеда Уитнея и американских антропологов увязать науку о языке с науками об обществе и культуре. Так и сравнительное славяноведение выходит за пределы сравнительной грамматики славянских языков; шаг за шагом разрастаются его задачи. Работа по реконструкции праславянского языка естественно вызывает вопросы о его носителях, о их родине и миграции, о их материальной и духовной культуре[43]. Критически сравнивая показания памятников о дохристианских верованиях славянских племен и пережитки этих верований в славянском фольклоре и топонимии, мы в силе восстановить с значительной достоверностью основные черты праславянской мифологии и наметить генетические связи общеславянского пантеона с религиозными системами других индоевропейских ветвей[44]. Сравнительное изучение устной словесности всех славянских народов позволяет определить праславянский репертуар поэтических жанров и характерные особенности их поэтики; в частности, наука о стихе, пользуясь богатым методологическим опытом сравнительного языковедения, вскрывает принципы праславянской версификации и основные общеславянские метры и обогащает разыскания в области сравнительной индоевропейской метрики новым источником[45].

Суеверный страх перед сравнительным изучением славянских литератур отходит в прошлое. Рядом с вопросами об общеславянском наследии в устной традиции славянских народов и о влиянии этой традиции на их письменную культуру, внимание исследователя привлекают многочисленные конвергентные явления в истории поэтических форм у отдельных славянских народов, возникающие под давлением схожего языкового материала. Далее, наряду с общеславянским устным фондом, требует систематического изучения общеславянский письменный фонд — история церковнославянского языка и литературы, в частности,

[42] См. C. Høeg, „The oldest Slavonic tradition of Byzantine music", *Proceedings of the British Academy*, XXXIX (1954).

[43] S. H. Cross, „Primitive Slavic culture", *Handbook of Slavic studies* (Кембридж, Масс., 1949); „Slavic origins and migrations", там же; K. H. Menges, *An outline of the early history and migrations of the Slavs* (Columbia University, 1953).

[44] R. Jakobson, „Slavic mythology", *Funk and Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology, and Legend*, II (Нью Йорк, 1950).

[45] R. Jakobson, „Studies in comparative Slavic metrics", *Oxford Slavonic Papers*, III, (1952).

разнообразные фазы и пути международной унификации этого языка и международной экспансии этой письменности. Вообще междуславянская языковая близость неоднократно благоприятствовала диффузии того или иного славянского литературного языка и литературы[46]. Наконец, субъективная реакция на объективный факт языковой близости, лозунги междуславянской солидарности, при всем разнообразии формулировок, неустанно всплывают с раннего средневековья до наших дней в различных областях славянского мира[47]; вдали от тех центростремительных и центробежных сил, которые сближают и разъединяют славянские народы, эта идеология может найти себе наиболее беспристрастную историческую оценку, несклонную ни к панегирику, ни к пасквилю. Конечно, речь идет о серьезной научно-исследовательской работе, а не о той макулатуре по „панславизму", которая время от времени появляется на книжном рынке.

[46] К дискуссии о задачах сравнительного славянского литературоведения в тесной связи с языковыми вопросами см. R. Jakobson, „The kernel of comparative Slavic literature", *Harvard Slavic Studies*, I (1953).

[47] К вопросу об изучении междуславянской и всеславянской идеологии см. R. Jakobson, „Comparative Slavic studies", *Review of Politics*, XVI (1954).

ELIZABETH HILL

THE DEVELOPMENT OF SLAVIC STUDIES IN BRITAIN DURING THE LAST DECADE

May I first of all bring greetings and wishes of success from the University of Cambridge to this, the first international Congress of Slavists in a Slavonic country since the war, and thank the Organising Committee for inviting me to read the paper on the development of Slavonic Studies in Britain during the last decade.

Although I represent only the University of Cambridge and am a member of the Academic Council of the London University School of Slavonic and East European Studies, I trust that my colleagues from the British Universities at the Congress who have elected me here as the „šef britanske delegacije", will find my statement objective and balanced with regard to all the Universities in our country and that they will confirm the unprecedented and serious development of Slavonic Studies in Great Britain between 1945 and 1955. The overall picture is a positive and an encouraging one.

British Slavonic Studies have gone through three stages: the first period – their Ancient History so to speak – ended with World War I. Their Middle Ages are the years between the two world wars; their Modern History covers the post-war decade. The latter cannot be understood except against the background of the first two periods and I therefore must first say a few words about these.

I. The ancient period is characterised by a vast accumulation of informed and uninformed material which reflects British interest in the Slavs for over 500 years. This work of our diplomats, politicians, travellers, merchants and, more rarely, disinterested scholars, exists in published and unpublished form in our libraries and archives, public and private. It is time that this material were systematically examined and assessed, for it is a fertile field for future research.

After the language monopoly had been held for centuries by the ancient languages, modern languages at last became recognised as subjects for a University degree at Cambridge in 1886 and at Oxford in 1903. At Oxford, occasional courses of lectures in Slavonic subjects were endowed in 1869 by the 5th Earl of Ilchester with W. R. Morfill as the first lecturer. For 40 years Morfill worked in the Slavonic field. He became Reader in 1889 and was the first to hold the title of Professor of Russian and other Slavonic languages in 1900 and till his death in 1909. At Cambridge monies for the teaching of Russian were first provided in 1899 by a private individual and then by the Worshipful Company of Fishmongers. In 1900 a lectureship in Slavonics was established and A. P. Goudy filled the post for 36

years. At Liverpool Bernard Pares was Honorary Lecturer in 1906 and in 1907 a School of Russian began there. It published „The Russian Review" from 1912.

In that first period the Universities were slow in instituting academic posts in Slavonic studies. Hardly any students were attracted and potential professors were not encouraged by appointment. Such an exceptional scholar, for instance, as the late Sir Ellis Minns, regarded at home and abroad as a Slavonic expert, never held a Slavonic post, but was regrettably deflected into a Professorship in Archaeology and Paleography. Nevertheless the first recognition of Slavonic Studies as a University discipline, and conducted by British scholars, had been made. By 1915 there were 6 academic posts in England.

II. The second period begins with a wave of optimism. The prominence of the Slavs in the first World War stimulated the learning of their languages, aided by the publication of dictionaries and grammars in England.

1915 marks the modest beginnings of a School of Slavonic Studies in King's College, London, and between 1915 and 1917 such notable figures as the future President of Czechoslovakia, Thomas Masaryk, August Zaleski, later the Polish Foreign Minister between 1926 and 1932, and Professor Pavle Popović lectured there, while M. Trofimov, subsequently the first Russian professor at Manchester and Arshak Raffi, who trained generations of students between 1915 and 1944, were responsible for the teaching of the Russian language.

The Governmental Leathes Committee of Enquiry into Modern Languages in British universities and secondary schools recommended in their 1918 Report that Russian studies should be developed as one of five modern languages: French, German, Spanish, Italian and Russian.

Anticipating expansion, business interests endowed Chairs in Russian in Manchester (1918) and Nottingham and posts in Birmingham, Glasgow, Leeds and Sheffield Universities, only to be disappointed in their ill-timed investment, for political events had taken another course.

The Leathes report recommendations remained unimplemented: no arguments in favour of further expansion of Russian studies could carry weight.

But if as a result of the Russian Revolution the anticipated expansion of Russian studies was impeded, the other Slavonic Studies came into prominence. They were generously supported by the newly formed Slav States. The London School of Slavonic Studies, a separate specialist institute from 1918, rapidly developed owing to the historical and political interests of W. R. Seton-Watson and the indomitable enthusiasm of the first Director, Sir Bernard Pares, in the face of general scepticism. Pares became Professor of Russian language, literature and history (from 1919–36), the Chair having been endowed by the London County Council. The Masaryk Chair of Central European History was established for Professor Seton-Watson and supported by the Czecho-Slovak Government from 1922 to 1945. The Chair of Polish dates from 1935. Lectureships, assistant lectureships and part-time lectureships were established in all the Slavonic languages and a Readership in Comparative Slavonic Philology, with N. B. Jopson as first holder from 1922-37. A valuable post-graduate studentship was offered by the Jugoslav Government: lecture courses were available; honours degrees could de taken in Russian, Polish, Czecho-Slovak and Serbo-Groat. But few honours students were attracted: most were deterred from embarking on Slavonic studies without the prospect of a career.

At Oxford, after the death of Professor Forbes in 1929 S. A. Konovalov was appointed – a Russian with Oxford degrees – and he at the same time held the only post in Russian, with the title of professor, in Birmingham University. His students numbered in units.

At Cambridge, where there were two students, Mr. Goudy retired in 1936 and I – Russo-British with London degrees – was appointed to the Lectureship in Slavonics and provision was made for the occasional student to learn Serbo-Croat, Polish and Czech.

In the other universities, apart from Russian, Polish could be taught in Liverpool, Birmingham and Nottingham; Serbo-Croat in Nottingham and Birmingham. But Slavonic studies there were in the same discouraging state: the occasional student; few prospects.

Yet despite this, some bilinguals, some emigrés and the few exceptionally gifted or philologically interested Britishers qualified in Russian and other Slavonic subjects. These amounted to less than 150 in all in 30 years and to never more than 10 a year in any university (24 of these 150 took honours degrees in London). 16 PhD's were awarded in London and a few in other centres. But regardless of the small number of students the university posts were kept up and some of the holders produced written work mainly in the nature of textbooks: in history: Pares, Rose, Seton-Watson, Bruce Boswell, Meyendorff, Lowensohn, S. Yakobson; in philology and language: Forbes, Jopson, Trofimov, Birkett, Kolny-Bolotsky, Boyanus; in literature: Mirsky, Lavrin, Struve, Subotić; „The Slavonic Review" appeared regularly from 1922. Throughout this second phase of Slavonic studies it must be said that though the largest number of graduates was not produced at London, but at Cambridge and Oxford, the London School of Slavonic Studies occupied the central position.

The libraries of Slavonic books continued to be built up by means of difficult exchange or purchase and here we must record that purchases were made mainly through the helpful medium of Collets of London, Dom Knigi, Paris and YMCA Éditeurs Réunis, Paris. The invaluable Slavonic collections in the British Museum continued to be the main up to date source for reference and research.

When one looks back now one marvels at the courage of those who persisted in working in the Slavonic field during that period and at the achievement despite the adverse circumstances, the missed opportunities, the lack of vision or encouragement. The Soviet Union was virtually sealed off, except for diplomats and delegates and a spell of Intourism. The other Slav countries were open, but few scholars and students had the funds to travel. Moreover, the slow expansion is understandable: if Slavonic languages were not taught in British schools, except Russian in rare cases, it was unrealistic to expect any but the exceptional student to achieve anything more than a limited knowledge of the language in the few hours of language teaching provided for honours courses in French or German. Moreover, obviously the same standard of scholarship and specialisation in a Slavonic subject could not possibly be reached other than by exceptional students when, instead of serious reading works of scholarship they had to spend their time reading the Slavonic language in translation or accumulating a vocabulary and struggling with grammar and syntax.

And yet, if an academic post or one in government service was a student's aim – and occasionally such posts became available – graduates with Honours

degrees in Slavonic subjects often did not qualify for such posts where the standard demanded was necessarily but discouragingly high.

Clearly a sound knowledge of a Slav language is the indispensable foundation of Slavonic scholarship. To improve matters the London School of Slavonic Studies conducted annual summer-schools attended by as many as 200, mainly schoolteachers. Some of these subsequently extended their teaching to Russian in schools as a voluntary or additional subject. But the results of their efforts began to be felt only by 1945 when some of their pupils took Russian as a matriculation or university entrance or scholarship subject.

Another attempt to remedy this seemingly hopeless situation was made at Cambridge, where from 1936–45 instruction in the practical language side of the Russian tripos work was notably intensified in the first year of a university course. The results achieved began to attract more students. This was to bear undreamed of fruit in the post-war decade.

III. Let us now concentrate on this third period. Deterioration or amelioration in political Anglo-Slav relations had consistently affected Slavonic studies, but in this decade their effect has had positive results regardless of the political swing. The prominence of the Slavs in World War II had shown once again how imperative it is to know the Slav world and had revealed the scarcity of highly-qualified British Slavonic linguists and specialists in Slavonic subjects. It was widely assumed that with the Anglo-Soviet Alliance of 1942 and with the advent of peace this scarcity would be felt still more. The impetus therefore for development was due to two factors: (1) the needs of the government; (2) increased public interest of all political shades and a wider realisation that qualifications in Slavonic studies offered career opportunities.

The needs of the government prompted government action. In August 1944 there was set up a Foreign Office Committee of Enquiry on Russian Studies (of which I was a member), to consider the facilities existing in Great Britain for the study of the Russian language, literature, history, art, sciences generally. We reported our findings to the Governmental Inter-Departmental Commission of Enquiry on Slavonic Studies, known as the Scarbrough Commission from the name of the Chairman. We reported that there were 27 academic posts in Russian studies in 11 Universities: Oxford, Cambridge, London, Birmingham, Glasgow, Leeds, Liverpool, Manchester, Sheffield, Nottingham, Southampton. These 27 posts were held by: 3 Professors (Manchester, Liverpool, Nottingham), 3 readers, 12 lecturers and assist. lecturers and 9 part-time and temporary lecturers.

The largest number of students reading for Honours degrees in Russian were at Cambridge, Oxford and London, in that order. The Slavonic posts other than Russian were 2 Professors (Czecho-Slovak at Oxford and Polish at London), no readers, 8 lecturers. A total of 37 Slavonic posts. The findings of the Commission were published as a Report by H. M. S. A. in 1947. They recommended that the Schools of Slavonic Studies at London, Cambridge and Oxford should be developed as the main centres and posts created in the other Universities; Glasgow, Birmingham and Liverpool were encouraged to develop along lines already adopted; 20 post-graduate scholarships for the training of future holders of academic posts were to be awarded over 5 years; funds were to be allocated for the publication of Slavonic study-aids.

I must stress that these recommendations were not dictates to the Universities, but only an encouragement. The autonomy of the British Universities is strictly respected and preserved in our country. Treasury grants were earmarked to assist this development of Slavonic studies in British Universities during the Quinquennium 1947/52. The Universities were free to accept or to reject the proposed development.

Meanwhile, in 1945, in view of experience in Russian language training during the war, the University of Cambridge was invited by the Government to undertake the intensive training of British service interpreters and translators for the Control Commission in Germany. The methods used for this were such as to produce a generation of young practical linguists with a high standard in Russian both written and spoken and with an awakened interest in Russian literature and history. On demobilization a high percentage of these men obtained grants (both for fees and maintenance) from the Ministry of Education and returned to the Universities. Some came to complete their interrupted studies, or to research, others, as first year men, came to specialise for three years in Slavonic studies, a degree being a necessary qualification, though in many cases these men already possessed a practical knowledge of Russian that most students could never have attained in 3 years at the universities in the past without intensive tuition.

Now at last the vicious circle was broken, since here was a new supply of high quality student material, of potential scholars and school and university teachers and future experts in the civil service. The influx of these advanced students into the universities called for an expansion of Slavonic studies and the acceptance by the several universities of the offer of a government grant followed.

But the universities were wisely cautious in the first quinqennium and adopted a careful policy of expansion, for they were aware (1) that the number of scholars available and capable of filling the new posts was limited and that posts should be established only when a scholar was ready to hold it, (2) that this influx was possibly only a temporary postwar phenomenon and (3) that the cost of maintaining such posts, newly created by Treasury earmarked grant, would in the future become a charge on the general university funds because the earmarked grants would cease at the end of the quinquennium.

In the following quinquennium – the present one – the earmarked grant did stop and the same cautious policy continued. But the farsighted government and university policy between 1945–55 has resulted in a major and vigorous development in university Slavonic studies, with London, Oxford and Cambridge as the three main centres and several others. (Southampton has not had any occupied post in this quinquennium).

In 1955 we have the following picture: 8 Professors (London 4, Oxford 2, Cambridge 1, Manchester 1), 4 Readers (Birmingham, London, Nottingham and Oxford), 64 Lecturers, Assistant Lecturers, Lectors and parttimers; a total of 76 academic posts. About a quarter of these posts are in Slav history and the economics and institutions of the U.S.S.R. and Eastern Europe.

Many of the old guard belonging to the years before 1945 have died: scholars not specifically in Slavonic posts: Humphrey Sumner (Oxford) and Sir Ellis Minns (1953, Cambridge), and those in Slavonic posts: A. Raffi (1946), D. Subotić (1952), R. Duboski, Kolny-Bolotsky, Boyanus, Birkett (1953), Seton-Watson (1951) and Pares, the undefatigable first Director of the London University School of

Slavonic and East European Studies, who crusaded for these studies until his death in 1948 at the age of 80.

Others have retired: Professor Lavrin (Nottingham), Bruce Boswell (Liverpool), Professor Jopson (Cambridge, Professor of Comparative Indo-European Philology who also taught Slavonic Philology), Prof. Dobrin (Manchester).

Some resigned their posts: D. S. Mirsky returned to the U.S.S.R. (his „History of Russian Literature" is still a student guide); Gleb Struve took up a post in the U.S.A.; Professor Kiparsky has resigned his Birmingham professorship and is returning to Finland.

A new generation of men and women is taking their place with greater possibilities unfolding before them: Professor Costello, a New Zealander, has been appointed to Manchester; the chairs of Russian at Liverpool, Birmingham and Nottingham and of Polish in London are in abeyance.

The Slavonic events during this decade have been as follows:

1945: The establishment of a chair of Russian at Oxford and the election of Professor S. A. Konovalov to it. His inaugural lecture on „Oxford and Russia" was published in 1947 at the Clarendon Press.

1946: Professor R. R. Betts' appointment to the Masaryk Chair of Central European History. His inaugural on „The Place of the Czech Reform movement in the History of Europe" was published in the Slavonic Review vol. 25, No. 65.

1948: The establishment of a chair in Comparative Slavonic Philology at London to which Professor Nandriş was elected. His inaugural on „Old and New Paths in Slavonic Philology" was published in the Slavonic Review, vol. 28, No. 20.

1948: The opening of a separate Department of Slavonic Studies in the Faculty of Modern and Medieval Languages at Cambridge to which I was appointed Head.

1948: The establishment of a Professorship in Slavonic Studies to which I was elected. My inaugural on „Why need we study the Slavs" was published by the Cambridge University Press in 1951.

1949: The election of W. K. Matthews to the Chair in Russian Language and Literature at London. There had been no professor from 1936–49. His inaugural on „Russian grammatical design" was published in the Slavonic Review vol. 29, No. 22.

1951: The establishment of a Chair in Russian History at London to which H. Seton-Watson (the son of Professor R. W. Seton-Watson) was elected. No inaugural.

1953: The establishment of a Chair of Comparative Slavonic Philology at Oxford to which Professor Unbegaun was appointed.

1955: The institution of a Postgraduate Diploma in Slavonic Studies at Cambridge (there is one at Oxford). This new diploma is for graduates from any university, British or foreign.

It will be noticed that with the exception of some valuable foreign scholars in the field of Slavonic Philology, as Professors Nandriş from Romania and Unbegaun from France and until this year Prof. Kiparsky from Finland, all the other holders of chairs are graduates and doctors of British universities. I stress this not out of chauvinism. It is well known that British universities have always had a generous policy of making appointments regardless of nationality. I stress this because it

is a sure sign that the tradition of Slavonic scholarship in British universities can now be said to be settling on a sound foundation.

Today the younger men in charge of Departments of Slavonic or Russian Studies took their degrees in Slavonic studies at the older Universities: those at Birmingham, Leeds and Liverpool (until June 1956) are from Oxford; Glasgow from London; Edinburgh, Nottingham and Liverpool from Cambridge.

With the notable exception of Dr. Nicholas Andreyev from Prague and the Kondakov Institute, and now doing valuable work at Cambridge, most of the men and women holding posts as lecturers in the British universities (and 2 in the Commonwealth) in one or another branch of Slavonic studies have been prepared at Cambridge, Oxford or London.

Some of these have had the strenuous task of having to conduct university teaching and equip themselves further for their posts and work for a higher degree at the same time. That will not have to be in the future.

In this decade there has been a marked tendency for the Russian Departments to become Slavonic Departments, or for Slavonic languages other than Russian to be included in the syllabus. At London and Cambridge Serbo-Croat, Polish or Czech can be taken in the Honours degree examinations. At Oxford there is an Honours School in Russian only, but the other Slav languages are offered for examination for the Diploma of Slavonic languages. Whereas Russian will probably always be the language with the largest number of students, other languages can now be taken as a second language: Serbo-Croat at Nottingham; Serbo-Croat, Polish and Czech at Leeds; at Birmingham Polish and Serbian are considered in conjunction with Russian in the paper on Comparative Slav Philology. A Comp. Slav Phil. paper has also been introduced in Leeds, while at Manchester a Comp. Literature paper with questions in Slav literature can be taken in the Russian Honours Course. Bulgarian is the least developed of all the Slav languages in Britain to date.

In the syllabus at London, Oxford and Cambridge there is a large measure of specialisation and a wide choice of papers on periods and Slavonic subjects is left to the candidates. I say papers, because in our country the examinations are written. The oral examinations are mainly for testing oral proficiency in a language. The questions set in the three hour examinations are printed annually by the University presses and become available for public purchase. Specimen papers are for perusal at this Congress. It will be seen that standards and syllabuses vary considerably.

Although the stress at this congress is on Philology in the widest continental sense and history is not properly its business, I must emphasize that the languages and literatures of the Slavs in the British Universities cannot be separated from their histories and they are therefore studied against their historical background. Also, the student who can read one or more Slavonic languages and who is reading for a degree in Slavonic studies will usually be required to have some knowledge of Slavonic history in posts open to him after he has taken a degree. The honours history student studies the Slavs, but for the most part cannot read the Slavonic languages; in the future more students in the Faculty of History will acquire a reading knowledge of Slav languages and possibly more questions on the Slavs will figure in the Faculty of History examinations and a

greater degree of cooperation will develop between the Faculties of History and Modern Languages. At present the position is that in Cambridge and in some of the Slavonic and Russian Departments of the other universities special papers in History can be taken. At London the degree course is divided into either Regional (language and history) or Philological and Literary. At Glasgow there is a separate Department for Soviet Social and Economic Institutions with a periodical published by the school. At Birmingham there is also a separate Department of the Economics and Institutions of the U.S.S.R. with Dr. Baykov and 2 lecturers. In both Russian is an essential part of their syllabus. At the London School of Economics there is a lecturer in Soviet Institutions.

It will interest the Congress that in the universities a greater measure of cooperation between the disciplines is developing. Far more combinations of subjects are allowed than in the past when usually the second subject was a modern language, usually French or German. At Edinburgh Russian and Turkish will be a possible combination. At Cambridge it is possible to combine a classical language with a Slav language, and so on. Moreover graduates in Slavonic subjects have in this decade passed on to the study of Byzantine history of Armenian, Georgian and the Oriental field and have thus access to the rich literature in Russian on those subjects. The students of the first quinquennium took their degrees and some completed their theses for the Ph. D. and have taken up posts, but what student material then have we in the second quinquennium i. e. now?

It is not generally realised what an educational force our services are in Britain. A man on his two-year national service has a wide choice of courses for which to volunteer and can thus virtually continue his post-school education. Just as the generation of men that was trained as Russian translators and interpreters for the Control Commission in Germany, so in this second quinquennium many volunteered to learn Russian. In this intensive language training Cambridge and London Universities in view of their exceptional experience have held special courses in which National service men, specially selected for their intellectual quality, have reached an unprecedented high degree of competence as practical linguists. While on these courses a large percentage of men took Russian in the General Certificate of Education, many at advanced level, as compared with 4 in 1938. Many passed the Civil Service interpretership examination of a standard which in the past only postgraduates could have attained. On completion of this valuably spent National Service they proceeded in the normal way to the universities to train for careers in any Faculty, but with the added advantage of a good knowledge of Russian. The majority of the students taking Slavonic subjects at the universities and in particular specialising at Cambridge and Oxford are these ex National Service men now in their 1st, 2nd or 3rd year of degree work.

The university student who sets out on a degree course in Russian without any previous knowledge is at present in the minority and at a distinct disadvantage in comparison with students who have read during their intensive training thousands of pages of Russian, speak fluent Russian and who follow with ease lectures in Russian. To remedy this inequality in student material which cannot be taken into account in degree examination, the Universities of Leeds and Manchester allow a fourth year, the first being spent on intensive language work. In other Universities where three year courses are the norm, the hours of instruction in the language have been increased.

This flow of students with an advanced knowledge of Russian (some of which have now extended their study to a second Slavonic language) has solved a national problem. In the next decade graduates in Russian will become available for posts and careers where before it was usual to offer qualifications in French and German. Slavonic studies as an academic discipline are now no longer considered exclusive or exotic or an easy option for students of Slavonic origin.

The pre-1945 scarcity of students and posts belong to the past and a spirit of optimism reigns for the undergraduates are keen and confident they will be wanted. The Slavonic and Russian Departments today are occupied in training future holders of academic posts, civil servants and teachers.

In 1949 a memorandum called *The case for the teaching of Russian in schools* was prepared by the Student Union Society of the London School of Slavonic Studies with the approval of the undergraduates of the Departments of Cambridge, Oxford, Glasgow, Leeds and Liverpool. In the next decade their case will be proved, in view of the growing recognition that Russian is one of the world languages. Russian teaching in schools will expand – already today it is in the main public schools and in some secondary schools (Eton, Harrow, Winchester, Radley, Bloxham). Graduate personnel will be available.

It is a promising generation. The postgraduate work in this decade has produced a good record of Ph. D's – unpublished for the most part, but they can be consulted in the libraries of the respective universities.

Here are the subjects of some of them:

Language

London – The structure of neologisms in Russian and Czech (J. O. Ellis, 1948)
– The phonological system of original Old Slav and its genesis (H. Galton, 1951)
– The stress of Russian nouns in a/ja (R. Hingley, 1952)
– The use of verbal prefixes in Russian (V. du Feu, 1949)
– The genetive sing. masc. in modern literary Polish (S. Westfal, 1954)

Cambridge – The deminutive in Russian (G. Furness, 1952)

History

Cambridge – The conversion of the Slovenes (A. Kuhar, 1949)
– The Bogomils (D. Obolensky, 1944; published C. Univ. Press, 1948)

London – Anglo-Montenegrin relations 1803–14 (Ivan Avakumović, 1954)
– The development of Panslavist thought in Russia from Karamzin to Danilevsky 1800–70 (Fadner, 1949)
– The development of industry, agriculture and transport in the Soviet Arctic and Subarctic, north of 60° (C. J. Webster, 1949)
– Polish society and the Rebellion of Nov. 1830 (R. Leslie, 1951)
– The economic background of the Russian conquest of Central Asia in the second half of the 19th century. (A. Lunger, 1953)
– Great Britain, Russia and the Turkish Straits 1908–13 (R. Mulligan, 1953)
– The Czech exiles in the 30 years war (W. Wallace, 1953)
– The development of Social Democracy in Russia 1898–1907 (J. Keep, 1954)
– The origin and character of the Pacta Conventa of Henri de Valois, King of Poland (P. Skwarczyński, 1954)

Birmingham – The development of the social budgetary system (R. W. Davies, publ. CUP 1954)
– Some problems of incentives and labour productivity in Soviet industry (G. R. Barker, Blackwell, Oxford, 1953)

Cambridge – The Soviet Arctic (T. Armstrong)

Theses in *literature* are in the majority:

London
- Reflections of western European literature chiefly French, German and English in Czech literature 1860–1918 with special reference to Jaroslav Vrchlický (J. Woodward, 1954)
- The peasantry, Orthodox clergy, dissenters and Jews as seen by Leskov (F. Smith, 1949)
- The narodnik movement in Bulgarian literature (V. de S. Pinto, 1953)
- Ivan Goncharov and his relation to the intelligentsia (Helen Rapp, 1953)
- English influence on the works of Dositej Obradović. Its extent and importance (V. Javarek, 1954)

Cambridge
- Radishchev and his foreign sources (D. Lang)
- The literature of the possessors and the non-possessors (J. Fennell)
- Russian School drama (L. Lewitter)
- The 18th century Russian stage (M. Burgess)
- Heraskov – an analysis of his works (A. Vlasto)
- The poetry of Alexander Blok (J. Horvat)

Birmingham
- The sources of Pushkin's Songs of the Western Slavs (Johnson)

Cambridge
- The infiltration of Russian thougt into Serbia in the second half of the 19th century (E. Goy 1955)

Edinburgh
- The works of Sir Walter Scott in Russian literature (M. Green, 1954)

Cambridge
- Russian literature in England – a study in literary perspective (R. Davie)

Oxford
- The humiliated Christ in Russian literature (N. Gorodetskaya, published)
- Tihon Zadonsky (N. Gorodetskaya, published 1954)

A number are in process of preparation: 5 at Oxford, 8 at Cambridge on Legal marxism, Gorchakoff, Bulgarian influence on Kiev and Russia, Maupassant in Russia, Some aspects of the Russian language in the first quarter of the 18th century, Merezhkovsky and the Russian Decadent movement.

Directing this research, and lecturing are our essential pedagogic functions. Added to it is academic research and publications. In this quinquennium the academic staffs of London, Oxford and Cambridge are for the most part involved in the study aids programme for which a nonrecurrent treasury grant has been set aside.

I can report that the London University Athlone Press is in the process of publishing the following, which are all to appear by 1957: – A Handbook of Old Church Slavonic by Prof. Nandriş and R. Auty; A Polish Prose and Verse Reader by Dr. Pietrkiewicz; A Bulgarian Prose and Verse Reader by Dr. V. Pinto; A Serbo-Croat Prose and Verse Reader by Dr. Javarek.

S. E. Mann is writing a Czech Historical Grammar; Professor Matthews' Russian Historical Grammar is almost completed.

The Camb. Univ. Press will publish in the next quinquennium the Serbian-Russian Dictionary on which work will begin next year. It has published stressed editions of Dostoevsky's „Crime and Punishment" and Turgenev's „Fathers and Sons" (with annotations) and a reprint of Chekhov's plays.

Already we can record published research outside the study aids programme by some members of the academic staffs less concerned with administration or with the language training programmes; but when the study aids programme has been fulfilled we shall then all be free to turn each to our separate interests in original research.

If in our second period there was only The Slavonic Review which is vigorous to-day under the editorship of Prof. Matthews, in this decade we have also Prof. Konovalov's „The Oxford Slavonic Papers", where valuable material, not exclusively by Oxford slavists, has been published. In the third decade Cambridge proposes to publish Cambridge Slavonic Monographs and Slavonic Medieval texts.

But the Slavonic Departments have no monopoly in publications on Slavonic subjects: much valuable work has been appearing, but it is outside the scope or time limit of this paper to provide a bibliography. A useful Annual survey by R. Bancroft of the Department of Printed Book, British Museum, is published in „The Year's Work in Modern Languages".

Thus this decade is a record not of aspiration but of British achievement.

The next decade will show us firstly: what the generation of young Slavists prepared by us in this decade can produce in the way of published work when they are mature scholars, secondly: we shall see what contribution they will make to the development of the respective Departments to which they have been appointed, and thirdly it will show what influence the enlightened graduates in Slavonic Studies will have on future British-Slav relations as a results of their work in diplomacy, industry and as experts in the service of our country.

And if we are moving into an era of greater peace and understanding then the next generation of students will need no prompting or persuading to equip themselves with university degrees.

While we in the senior academic posts, now that the organisation work is virtually at an end, can, I hope, look forward to years of fruitful original research. And we shall have no anxieties over the next generation of professors and lecturers to whom to pass on the academic torch which we in our ten British universities have helped to keep alight and have nurtured into a bright flame thanks to the exceptional support we have received and the conditions prevailing in this exceptional decade.

A. SCHMAUS

DIE SLAVISTIK IN WESTDEUTSCHLAND NACH 1945

Die Wiederaufnahme der wissenschaftlichen Arbeit war 1945 erschwert, da beträchtliche Teile der slavistischen Bücherbestände vernichtet oder günstigstenfalls verlagert waren. Die in den Kriegs- und ersten Nachkriegsjahren in der Versorgung mit slavistischer Literatur entstandenen Lücken sind z. T. auch heute nicht geschlossen. Von einem regelrechten Buchhandel, Leihverkehr und Publikationentausch, vor allem mit den slavischen Ländern, konnte zunächst keine Rede sein.

Inzwischen hat sich vieles gebessert. Das Verständnis für die Bedeutung der slavistischen Studien und die Notwendigkeit ihrer Förderung ist im Wachsen. Zwar sind die meisten Seminare noch immer ungenügend dotiert, aber die größeren Bibliotheken zweigen dafür heute mehr Mittel für die Slavistik ab als früher und manche Länder unterstützen auch die im Ausbau befindlichen Seminare in erfreulich großzügigem Maße. Neben der Westdeutschen Bibliothek in Marburg entwickelt sich die Bayerische Staatsbibliothek in München zu einer ansehnlichen slavistischen Zentralbibliothek, da sie im Auftrag und mit Mitteln der Deutschen Forschungsgemeinschaft die Slavistik als Sondersammelgebiet zu pflegen hat. Über ihre Zugänge unterrichten die Neuerwerbungsverzeichnisse »Slavica«.

Zu begrüßen ist die Vermehrung der slavist. Lehrstühle. Heute besitzen zehn Universitäten – Berlin (Freie Universität – M. Vasmer), Kiel (L. Müller), Hamburg (Vs. Setschkareff, E. Tangl), Münster (D. Gerhardt), Göttingen (M. Braun), Köln (R. Olesch), Bonn (M. Woltner), Marburg/L. (A. Rammelmeyer), Erlangen (W. Lettenbauer), München (P. Diels, E. Koschmieder, A. Schmaus) – slavistische Lehrstühle. Mainz steht vor der Besetzung. Gestiegen ist auch die Zahl der wissenschaftlichen Assistenten. Erfreulich ist die Vermehrung der Lektorate, häufig freilich nur in Form von Lehraufträgen; immerhin besteht damit heute an größeren Universitäten die Möglichkeit zum Studium aller größeren slavischen Sprachen. Andere Universitäten, z. T. mit Lehrstühlen für osteuropäische Geschichte ausgestattet, setzen wenigstens nichtplanmäßige Lehrkräfte oder Lektoren für den Slavischunterricht, besonders des Russischen ein.

Unzulänglich ist die Frage des Nachwuchses und seiner fachgerechten Unterbringung gelöst. Eine Grundvoraussetzung dafür – die Einführung slavischer Sprachen im Unterricht der höheren Schulen – ist trotz aller Bemühungen und bescheidener Ansätze noch nicht verwirklicht. Die Assistenten-, Bibliothekars- u. ä. Stellen reichen hierfür nicht aus. Gewisse Arbeitsmöglichkeiten bieten die Forschungsstipendien der Deutschen Forschungsgemeinschaft, ferner Institute wie die Osteuropa-Institute in Berlin (M. Vasmer) und München (H. Koch), das Südostinstitut in München (F. Valjavec) und das Herderinstitut in Marburg.

Die Hauptarbeit ist indes nach wie vor auf die Seminare beschränkt und findet ihren Niederschlag in der verhältnismäßig großen Zahl slavistischer Dissertationen (s. in »Jahrbücher für Geschichte Osteuropas« Jgg. I–III das Verzeichnis der Dissertationen für 1945–1953). Leider liegt davon nur wenig gedruckt vor, so daß sich der Interesssierte schwer einen Überblick über Umfang und Wert des Geleisteten verschaffen kann. Erst in letzter Zeit werden Maßnahmen zu Wiedereinführung des Druckzwanges (z. B. München ab 1956) ergriffen.

Um die Andeutungen über die institutionellen und organisatorischen Voraussetzungen der Slavistik in der Bundesrepublik abzuschließen, noch einige Angaben über die Fachzeitschriften und sonstigen Publikationsmöglichkeiten.

Vasmers verdiente »Zeitschrift für slavische Philologie« erscheint nunmehr bereits im XXIV. Jg. (seit einigen Jahren bei Winter, Heidelberg, unter maßgeblicher Beteiligung von M. Woltner). Noch in diesem Jahr tritt eine Münchner slavistische Zeitschrift »Die Welt der Slaven« hinzu (Schriftleitung E. Koschmieder, Verlag Harrassowitz – Wiesbaden). Daneben erscheinen slavistische Arbeiten in den Institutsorganen (Jahrbücher f. Geschichte Osteuropas, Südostforschungen, u. a.). Eine gewisse Konzentration bahnt sich durch die Veröffentlichungsreihen der Institute an (»Slavist. Veröffentlichungen« des Osteuropa-Instituts Berlin, »Veröffentlichungen« des Osteuropa-Instituts München). Der Druck größerer Werke wird durch Zuschüsse der Deutschen Forschungsgemeinschaft ermöglicht. Von westdeutschen Verlagen sind in jüngster Zeit besonders Winter – Heidelberg, W. de Gruyter – Berlin und Harrassowitz – Wiesbaden wieder zum systematischen Ausbau des slavistischen Publikationswesens übergegangen.

*
* *

Die deutsche Slavistik hat nach 1945 das Abgeschnittensein vom Ausland, besonders von den slavischen Ländern, schmerzlich empfunden. Wenn sich die Beziehungen inzwischen rascher, als zu hoffen war, gebessert und intensiviert haben, so gebührt unser Dank nicht zuletzt dem Verständnis und Entgegenkommen der ausländischen Slavisten. Besonders dankbar gedenken wir an dieser Stelle der großzügigen Förderung, die die deutsche Slavistik in den Nachkriegsjahren durch unser Gastland Jugoslavien, seine Akademien, Universitäten, das Bibliographische Institut in Form von Bücherspenden, Buchtausch und Nachwuchsbetreuung erfahren hat.

So viel zum Organisatorischen. Was die Gesamtrichtung, Themenstellung und Methoden der wissenschaftlichen Arbeit betrifft, bedeutet die Nachkriegszeit keinen Bruch mit der Tradition. Die Träger aus den Reihen der älteren Generation sind dieselben geblieben, und in die neugeschaffenen Stellen rücken größtenteils ihre Schüler ein, so daß schon dadurch die Kontinuität gewahrt ist. Programmatische Äußerungen und grundsätzliche methodische Auseinandersetzungen nehmen vorerst geringeren Raum ein. Manchem Betrachter mag die nach 1945 geleistete Arbeit zu wenig koordiniert und auf größere, zentrale Problemkreise ausgerichtet erscheinen. Ein Minus ist es zweifellos, daß für größere kollektive Arbeitsvorhaben Koordinierungszentren fehlen, jedoch sind hierbei die besonderen Schwierigkeiten, wie sie sich schon aus der Spaltung Deutschlands ergaben, nicht zu übersehen.

Ein kurzer Überblick soll zeigen, daß die Arbeit nach 1945 trotz der Ungunst der Zeiten vielseitig war und i. w. alle wichtigeren Teilgebiete der Slavistik einbezog. Vorneweg seien zwei allgemeinslavenkundliche Vorhaben genannt. P. Diels wird demnächst sein Buch »Die Slawen« in beträchtlich erweiterter Gestalt vorlegen und damit für weitere Kreise ein wichtiges Unterrichtungsmittel schaffen. Der von E. Koschmieder vertretene Plan eines 6–8bändigen »Handwörterbuchs der Slavenkunde«, für das gewisse Vorarbeiten bereits geleistet sind, sollte eine Bestandsaufnahme unseres Wissens von den Slaven bieten als Frucht weitgesteckter internationaler Zusammenarbeit, die dem Werk nicht nur sein fachliches, sondern zugleich sein moralisches Gewicht verleihen würde.

Zur Frage der Bibliographie: auf das Verzeichnis der Dissertationen von G. Hanusch wurde schon hingewiesen. Wertvoll wäre die vor dem Abschluß stehende »Bibliographie der slavischen Bibliographien« von E. Koschmieder und A. Adamczyk (Osteuropa-Institut München). In den »Mitteldeutschen Forschungen«, die von R. Olesch (Köln) mitbetreut werden, ist die »Bibliographie zur Geschichte der Niederlausitz« von R. Lehmann (1954) erschienen, zu der auch der Slavist gern greifen wird. In der Zeitschrift »Die Welt der Slaven« wird O. Mach (München) laufend die Bibliographie slavistischer Neuerscheinungen führen. Im Münchner Südostinstitut ist seit langem die Arbeit an einer umfangreicheren Südosteuropa-Bibliographie im Gang. Verdienstvoll ist ferner die Arbeit des Marburger Seminars, das systematisch die in der Westdeutschen Bibliothek vorhandenen slavist. Zeitschriften verzettelt.

Vorweggenommen sei auch die slav. Namenforschung, die R. Trautmann und M. Vasmer so viel verdankt. Leider ist die umfangreiche Vasmersche (ostslav.) Materialsammlung (Akademie Berlin) dem Luftkrieg zum Opfer gefallen. Heute sind m. W. Sammelarbeiten dieser Art unter maßgeblicher Beteiligung von M. Woltner bei der Mainzer Akademie in Gang. In Aussicht gestellt sind für 1955 die ersten Lieferungen des auf zwei Bände berechneten Werkes von R. Olesch, L.-E. Schmitt, W. Schlesinger »Die Ortsnamen des Landes Sachsen«.

Sprachwissenschaft. – Unter den ungünstigen Verhältnissen nach 1945 waren die allgemeinen Einführungen von R. Trautmann (Die slav. Völker und Sprachen 1947) und M. Braun (Grundzüge der slawischen Sprachen 1947) willkommen.

Verstärktes Interesse für die Phonetik tut sich kund in den Arbeiten von D. Gerhardt, M. Braun und I. Mahnken (u. a. über Vokalquantität, expirat. Akzent und Sprachmelodie des Russischen). Vermerkt seien zwei Bonner Dissertationen über die Struktur des skr. Wortschatzes.

Gering ist die Zahl der Beiträge zur vergleichenden slav. Grammatik. Außer der Arbeit von P. Diels (Zur slav. und germ. Formenbildung 1949) wären K. Röslers Aufsatz über das slav. Futur (1952) und W. Lettenbauers »Synthet. und analyt. Flexion in den slav. Sprachen« (1953) hierher zu rechnen. Auch balt. und baltoslav. Probleme fanden wenig Pflege, wenn man von E. Fraenkel absieht, dessen Buch »Die balt. Sprachen« (1950) auch für den Slavisten eine ausgezeichnete Einführung in die balt. Sprachwissenschaft darstellt. Dagegen kann für das Aksl., dessen Erforschung in Deutschland auf eine stolze Tradition von Leskien bis Diels zurückblickt, auf eine Reihe wichtiger Beiträge hingewiesen werden. Zu den bekannten Handbüchern des Winter-Verlags kam 1955 die »Histor. Laut- und Formenlehre des Altbulgarischen« von B. Rosen-

kranz hinzu. Bedeutungsvoll für die mähr. Phase wurde eine Entdeckung Lettenbauers (Eine lat. Kanonessammlung in Mähren im 9. Jh., 1952), der – nach Hocij – auch zur Entstehung der Glagolica und für deren westl. Ursprung (1955) Stellung nahm. Koschmieder verficht in seinem im Zagreber »Slovo« erscheinenden Beitrag unter Heranziehung westkirchl. Sakramentarien den Neumencharakter der Zeichen in den Kiever Blättern. H. Bräuer handelte über »den persönlichen Agens beim Passiv« (1952), J. Hahn über den ipt. *rači* im Euchol. Sin. (1953). Hinzu kämen Dissertationen über den Kondit. im Aksl., über Wortbildung u. a.

Für das Russ. ist die bedeutendste Leistung jedenfalls M. Vasmers »Russ. Etymolog. Wörterbuch«, das mit Lief. 18 bei *ssúda* angelangt ist und schnell seinem Abschluß entgegengeht. Von E. Koschmieder ist eine russ. histor. Grammatik auf phonologischer Grundlage in Vorbereitung. Zum Ukr. wären Oleschs Dialektstudien (1954) und H. Nakonetschna's Beiträge zur Wortgeographie (Diss. 1951) zu nennen. Für das Wr. dürfte die von Koschmieder und Stankevič vorbereitete Ausgabe des Al-Kitab bedeutsam werden.

Eine poln. Aussprachelehre ist von Koschmieder abgeschlossen. Dialektstudien verdankt man R. Olesch (1951), der überdies in seinen Polonica-Berichten (ZfslPh) die poln. Sprachwissenschaft – ebenso wie die Sorbistik – laufend verfolgt. Eine altčech. Chrestomathie – für Seminarübungen geeignet – ist soeben von H. Kunstmann herausgegeben worden. Gedruckt liegt die Diss. von N. Reiter »Die dt. Lehnübersetzungen im Tschech.« (1953) vor. Eine Münchner Diss. (1950) über ač. Aorist und Ipf. soll mit anderen Münchner Aspektuntersuchungen in einem eigenen Aspekt-Sammelband erscheinen. Abgeschlossen ist hier auch eine Untersuchung über die Quantitäten des Slovak.

Zum Skr. ist vor allem P. Diels Akademieabhandlung »Zur Geschichte der lat. Schrift bei den Südslaven« (1951) zu nennen. R. Olesch befaßt sich mit montenegr., Dr. Leewe mit einem dalmat. Inseldialekt. N. Pribić hat in seiner Diss. (1949) Beiträge zur Charakteristik der Sprache Dos. Obradovićs geliefert. Mit Problemen der bg. Aussprache beschäftigte sich E. Koschmieder, eine Göttinger Diss. (1951) handelt über die Funktionen der Kj. *da* im Neubulg.

Nicht unwichtig, auch als Symptom allgemeinerer Bestrebungen nach Neuorientierung, scheint mir die Erörterung sprachwissenschaftlicher Grundfragen als Beitrag der Slavistik zur allgemeinen Sprachwissenschaft. Hier ist vor allem auf mehrere Arbeiten von E. Koschmieder (Die noetischen Grundlagen der Syntax 1951; Aufsätze über Sprache und Logik, die Problematik des Übersetzens, Sprache und Schrift) hinzuweisen.

Literaturwissenschaft. – Rege ist das Interesse und die Arbeit auch auf dem Gebiete der Literaturwissenschaft. Prinzipien- und Methodenfragen kommen erst in jüngster Zeit mehr zur Sprache. In der praktischen Arbeit wirkt sich besonders der Leitgedanke der ergozentrischen, »werkimmanenten« Methode aus. Die Probleme der historischen Entwicklung, des Gattungs- und Epochenstils treten demgegenüber zurück. Es liegt im Zug der Zeit, daß bestimmte Schriftsteller und Themen (Dostojevskij, auch Gogol') gern zu weltanschaulichen Auseinandersetzugen herangezogen werden, woran aber die eigentliche Slavistik in geringerem Maße beteiligt ist. Der methodischen Besinnung kommt die Beschäftigung mit dem russ. »Formalismus« zugute, dem Vs. Setschkareff und F. W. Neumann Aufsätze widmeten; der letztgenannte schrieb auch über sowietische Literaturtheo-

rien seit 1917 (1952) und versuchte das Generationenprinzip auf die Periodisierung der russ. Literatur anzuwenden.

Fragen der slav., besonders der russ. Metrik interessieren A. Adamczyk (München), der 1953 einen geschichtlichen Überblick der russ. Verskunst gab. Eine Göttinger Dissertation (1948) hatte Lermontovs Verstechnik zum Thema.

Den Löwenanteil literaturwiss. Arbeiten beanspruchte auch nach 1945 die russ. Literatur. Noch der deutschen Wirkensphase D. Čyževśkyjs entstammt seine »Altruss. Literaturgeschichte« (1948), die konsequenter als bisher ästhetische Kriterien zur Geltung bringt und die Stilmerkmale einzelner Epochen herauszuarbeiten unternimmt. Kleinere russ. Literaturgeschichten verdankt man Vs. Setschkareff (1949) und W. Lettenbauer (1952); von letzterem befindet sich z. Zt. eine ausführlichere Geschichte der gesamten russ. Literatur im Druck. M. Brauns »Russ. Dichtung im 19. Jh.« (1947), ist – was für ihre Beliebtheit zeugt – 1953 in 2. A. erschienen.

Von größeren Monographien verdienen zunächst Setschkareffs Gogol'-Buch (1953), ferner F. Siegmann »Die Musik im Leben und Schaffen der russ. Romantiker« (1954) Erwähnung. Puškins Gedächtnis war die Festschrift »Solange Dichter leben« (1949) gewidmet, u. a. mit den Beiträgen »Über die Langeweile bei Puškin« (Setschkareff), »Der hintergründige Puškin« (M. Braun), »Schicksal und Liebe in E. Onegin« (L. Müller).

Für die Kenntnis der altruss. Literatur und des Standes ihrer Erforschung sind die gründlichen und kritischen Berichte (ZfslPh seit 1951) von M. Woltner wertvoll; ich verweise besonders auf ihre Berichte über die Annalistik und das Igorlied. Dem Igorlied ist eine Abhandlung von D. Gerhardt und eine Göttinger Diss. gewidmet. Die nichthagiograph. Quellen der Chronikerzählung von Boris und Gleb untersuchte (1954) L. Müller. Nebenbei sei auch mein Beitrag zum altruss. Digenis in der F. Dölger-Festschrift (1951) erwähnt.

Zahlreicher sind natürlich die Arbeiten, vor allem Diss., zur neueren russ. Literaturgeschichte. Nur eine Auswahl sei geboten. Das aetas aurea-Bild bei Del'vig (Lettenbauer), Zu Gribojedovs Sof'ja (E. Tangl), Deutscher Einfluß auf Karamzin (Diss. Bonn), Radiščev und seine »Reise« in der westeurop. Lit. d. 18. Jh. (Sacke), Die Entwicklung der polit. Anschauungen Karamzins (Mitter) – die beiden letztgenannten in »Forschungen zur osteurop. Geschichte« 1954 und 1955 –, Puškins Verhältnis zur Sprache (Diss. Hamburg) lauten einige Themen. Lettenbauer untersucht »Krieg und Frieden und das Problem des historischen Romans« (1953), L. Müller »Sinn der Liebe und Sinn des Lebens, den ideologischen Plan der Anna Karenina«(1951). Reich ist die Dostojevskij-Literatur, die aber meist von Philosophen und Theologen wie Dempf, Steinbüchel, Lauth, Guardini, Stepun stammt. Ich verweise dazu auf Setschkareffs Bericht »Dostojevskij in Deutschland« (ZfslPh 1953). Eine größere Dostojevskij-Monographie, zu der etwa »Dostojevskijs Begegnung mit Belinskij« (1951/52) Vorarbeiten darstellt, wird von A. Rammelmeyer vorbereitet. Geistesgeschichtliche Probleme behandeln auch F. Stepun (München) und seine Schüler. Erwähnt sei Falk, Das Weltbild Peter J. Tschaadajews nach seinen acht »Philosophischen Briefen«. Hierher gehören auch mehrere Beiträge von L. Müller, etwa »Schelling in Rußland« (1949), »Nietzsche und Solov'ev« (1947).

Der sowietischen Literatur wenden M. Woltner und A. Rammelmeyer ihr Augenmerk zu. Eine Münchner Diss. behandelt Gor'kijs Romantechnik. Die Habil.-

Arbeit von Holthusen (Hamburg) hat die Ästhetik und Poetik des russ. Symbolismus zum Vorwurf.

Aus der p o l n. Literaturgeschichte sind die »Studien über Maurycy Mochnacki« (1953) von H. Schroeder, von der auch Beiträge über die deutsche Mickiewicz-Forschung und über Mickiewicz in Deutschland zu erwarten sind, ferner F. W. Neumanns Abhandlung über Przybyszewski und Dehmel (1953) sowie Diss. Über das Rußlandbild Mickiewicz's (Göttingen), die 'Śpiewy' von Niemcewicz (München) u. a. zu erwähnen. Den Beziehungen zwischen Altdorf und Prag im Zeitalter des Humanismus und der Reformation widmet H. Kunstmann ein gründliches Quellenstudium. An kleineren Beiträgen wären etwa die von K. Bittner über »Erasmus, Luther und die böhm. Brüder« oder meine eigenen über den Stilfrid, über S. Gelenius nachzutragen. Dem s l o v a k. Romantiker Janko Kráľ ist eine Marburger Diss. (1951) gewidmet.

Von Beiträgen zur s k r. Literaturgeschichte ist an erster Stelle Setschkareffs Buch »Die Dichtungen Gundulićs und ihr poet. Stil« (1952), das die Erkenntnisse der deutschen Barockforschung auf Gundulić anwendet, ferner N. Pribićs Quellenstudien zur Vorgeschichte des Illyrismus und einige Aufsätze von mir (Njegoš, J. Ignjatović) zu nennen. Eine Münchner Diss. über Vazovs Romantechnik ist abgeschlossen.

Verständlicherweise finden deutsch-slavische Themen immer wieder das Interesse der deutschen Slavistik. In Stammlers »Aufriß der dt. Philologie« hat A. Rammelmeyer den russ., ich selber den ssl. und čech. Anteil an der deutschen Literatur auf engem Raum zu umreißen versucht. Manche Diss. der Nachkriegszeit sind solchen Themen zugewandt, etwa: Tolstoj und Th. Mann (Göttingen), Th. Mann und die russ. Lit. (Marburg), Das Goethebild in der russ. Lit. der ersten Hälfte des 19. Jh. (München), Dostojevskij und J. Wassermann (Bonn), Der Deutsche bei Mickiewicz (München), bei Prus (Göttingen), u. a.

Wie sich die Methoden etwa der Germanistik auswirken, bezeugt eine Bonner Diss. »Morpholog. Untersuchung der Karamazov unter bes. Berücksichtigung der Zeitgestaltung«, für die G. Müllers Forschungen die Anregung vermittelt haben dürften.

Slav. Altertumskunde und Mythologie finden bei der jüngeren Generation vorläufig wenig Beachtung. Die slav. Volkskunde wird nur von J. Hanika (München) stärker berücksichtigt. Dagegen weist die Nachkriegszeit eine Reihe von Beiträgen zur Erforschung der slav. V o l k s d i c h t u n g auf. Die Feldarbeit wurde von M. Braun wiederaufgenommen (»Beobachtungen zum heutigen Stand der epischen Volksdichtung in Jugoslavien« in »Die Nachbarn« II), der an einer Gesamtdarstellung der ssl. Volksdichtung arbeitet. Ich habe in »Studije o krajinskoj epici« (1953), ferner in Aufsätzen in der F. Babinger- (Serta Monacensia) und Diels-Festschrift einiges zum Prozeß der Episierung und des Nachlebens der Geschichte beizusteuern gesucht. Mit dem Sbornik des Kirša Danilov befaßt sich seit längerem J. Hahn (München). Eine Münchner Diss. untersuchte (1950) »die epischen Stilmittel der ukr. Duma«.

Ein Spezialgebiet muß zum Schluß genannt werden, für das Westdeutschland in E. Koschmieder einen ausgezeichneten Kenner besitzt: der altslav. bzw. altruss. Kirchengesang. Außer der Ausgabe der »ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente«, von der in der Bayer. Akademie zwei Lieferungen vorliegen und

die mit einem Wörterbuch ihren Abschluß finden soll, verdient der Aufsatz »Zur Herkunft der slav. Krjuki-Notation« (1954) hervorgehoben zu werden. Inzwischen hat Koschmieder in enger Zusammenarbeit mit kroat. Gelehrten seine Forschungen auch auf den kroat.-glagolit. Kirchengesang ausgedehnt und die Bearbeitung der Azbuka der Münchner Staatsbibliothek durch J. von Gardner angeregt.

Damit könnte ich meinen kurzen, rein informativen Überblick schließen. Es sei mir jedoch noch eine Bemerkung gestattet. Aus dem Vorangehenden dürfte der Zusammenhang mit der slavist. Tradition in Deutschland hervorgehen. Dagegen konnten gewisse Entwicklungstendenzen, etwa die Auseinandersetzung mit dem sog. Historismus, die Versuche zu einer neuen Grundlegung der Sprachwissenschaft, das Verhältnis zu Phonologie und Strukturalismus, in der Literaturwissenschaft das Abrücken von der früher vorherrschenden geistesgeschichtlichen Betrachtungsweise und die Auswirkung methodischer Neuerungen in Nachbardisziplinen nicht eingehender gewürdigt werden.

Die deutsche Slavistik ist trotz der Schwierigkeiten der ersten Nachkriegszeit bemüht, mit der Forschung der anderen Länder Fühlung und – soweit es ihr möglich ist – auch Schritt zu halten. Sie begrüßt die Initiative der jugoslavischen Slavisten, da sie eine Verbreiterung und Vertiefung der internationalen Zusammenarbeit verheißt. Sie ist von sich aus bereit, nach bestem Können und mit allen Kräften ihr Teil dazu beizutragen.

RUDOLF JAGODITSCH

DIE SLAVISTIK IN ÖSTERREICH 1945—1955

Gegenwärtig wird das Fach Slavische Philologie an allen österreichischen Universitäten in weiterem oder geringerem Umfange gelehrt, und zwar in Wien, Graz und Innsbruck; jedoch hat der Ausbau des Personalstandes der Universitäten (Professoren und Dozenten) mit der breiten und intensiven Entwicklung der Slavistik, wie sie in den slavischen, und seit den letzten Jahren auch in nichtslavischen Ländern vor sich geht, nicht Schritt halten können, da nach den Zerstörungen des letzten Krieges die Finanzen des Landes zusehr noch für den wirtschaftlichen Wiederaufbau in Anspruch genommen waren.

An der Universität *Wien,* wo schon im Jahre 1900 für die Slavistik 3 Professoren tätig waren (V. Jagić, M. Rešetar, V. Vondrák) und wo vor 1945 zwei Lehrkanzeln (aufgeteilt auf Sprachwissenschaft und Literaturwissenschaft) bestanden, besteht derzeit für das gesamte Fach Slavische Philologie und Altertumskunde nur ein Ordinariat (R. Jagoditsch)[1]; außerdem hält noch der Vertreter der Osteuropäischen Geschichte (H. F. Schmid) einige slavistische Vorlesungen.

Im Lehrprogramm (Vorlesungen und Seminarübungen) finden derzeit besondere Berücksichtigung: das Altkirchenslavische, die Historische Grammatik der russischen und serbokroatischen Sprache, die Vergleichende Grammatik, die Geschichte der russischen und aller südslavischen Literaturen, die slavische Volksdichtung, die slavische Altertumskunde, die Landes- und Kulturkunde der slavischen Länder (letztere durch Lektoren). In den Seminarübungen aber finden die Sprachen und Literaturen aller slavischen Völker eingehende Behandlung. Ferner werden in Sprachkursen durch Lektoren am Wiener Slavistischen Institut Russisch, Ukrainisch, Serbokroatisch, Slovenisch, Bulgarisch, Čechisch und Polnisch unterrichtet.

An der Universität *Graz* wird die Slavistik derzeit durch ein Ordinariat (J. Matl) und eine Dozentin (L. Sadnik-Aitzetmüller) vertreten. Das Lehrprogramm ist in Graz ähnlich universal gerichtet wie in Wien, nur findet hier wegen der größeren Nähe zu Südosteuropa seit jeher das Südslaventum stärkere Berücksichtigung. Durch Lektoren wird derzeit in Graz Unterricht im Serbokroatischen, Slovenischen, Russischen und Polnischen erteilt.

---

[1] Diesem unhaltbaren Zustand soll nun endlich abgeholfen werden und für das Jahr 1958 ist die Wiedererrichtung der zweiten slavistischen Professur geplant. Da die während der nationalsozialistischen Zeit (1938–45) für dieses Fach habilitierten Dozenten mit der Erneuerung der Republik Österreich aus politischen Gründen ihre venia docendi verloren, fehlte es seither auch an Dozenten, doch haben sich seit dem Kriege einige jüngere Slavisten wissenschaftlich bereits so weit entwickelt, daß Habilitierungen schon für das Jahr 1957 zu erwarten sind.

Seit dem Jahr 1947 werden auch an der Universität *Innsbruck* durch einen (tit.) oa. Professor für osteuropäische Geschichte (H. Halm) Vorlesungen über Altkirchenslavisch, Russische Sprache und Literatur, sowie über russische und polnische Volksdichtung gehalten. Slavische Sprachkurse (Lektorate) bestehen an der Universität Innsbruck für Russisch und Ukrainisch.

Während aber die Slavistik in Österreich sich hinsichtlich des Personalstandes seit 1945 empfindlich im Rückstand befindet, hat anderseits das Interesse für das slavistische Studium bei der akademischen Jugend eine erfreulichere Entwicklung erfahren. Vor 1918 waren an den österreichischen Universitäten die Professoren der Slavistik ausschließlich, die Studenten dieses Faches zu 95% slavischer Nationalität. Da diese nach dem Zusammenbruch der österreichisch-ungarischen Monarchie zur Gänze in ihre nun selbständigen Heimatländer abwanderten, gab es unmittelbar nach 1918 in Österreich für die Slavistik weder Lehrer noch Schüler. Und nur allmählich setzte sich die Erkenntnis der Notwendigkeit des wissenschaftlichen Studiums der slavischen Völker in dem von drei Seiten von slavischen Nachbarn umgebenen Österreich durch. Aber noch 1938 hatte an der Universität Wien N. S. Trubetzkoy in seinen ausgezeichneten Vorlesungen selten mehr als 5–6 Hörer. Heute beträgt in Wien der Besuch der slavistischen Vorlesungen schon durchschnittlich das vier bis fünffache[2]. Ähnlich steht es auch an der Universität Graz.

Die Ursache für diese aufsteigende Entwicklung liegt nicht nur an dem heute in allen westlichen Ländern wachsenden Interesse für alle Fragen des Ostens, sondern viel mehr noch in der *Einführung des Unterrichts slavischer Sprachen an den österreichischen Mittelschulen*. Seit dem neuen Mittelschullehrplan vom J. 1956 wird an immer mehr Gymnasien, Realgymnasien, Lehrerbildungsanstalten usw. slavischer Sprachunterricht, und zwar Russisch, Serbokroatisch, Slovenisch und Čechisch eingeführt, meist wohl als Freigegenstand, an einzelnen Schulen aber auch schon als Pflichtfach oder Wahlfach an Stelle von Französisch oder Englisch.

Die Einführung slavischen Sprachunterrichts an Mittelschulen, wie dies in solchem Ausmaß noch in keinem anderen nichtslavischen Land besteht und von der österreichischen Unterrichtsverwaltung stetig ausgebaut wird, hat größte Bedeutung auch für die Entwicklung der Slavistik an den Universitäten. Vor allem kommen nun immer mehr Studenten mit guten, bereits an den Gymnasien und Realschulen erworbenen slavischen Sprachkenntnissen an die Hochschulen. Die wissenschaftliche Ausbildung der Mittelschullehrer obliegt den Universitäten. Es vermehren sich die Berufsaussichten der jungen Slavisten und damit immer mehr auch die Zahl der Hörer der Slavistik an den österreichischen Universitäten. Und schließlich entsteht in dem Lehrerstand für slavische Sprachen ein wertvoller Auswahlkader für den wissenschaftlichen Nachwuchs der Hochschullehrer (Assistenten, Dozenten, Professoren).

Der wissenschaftliche Ertrag der österreichischen Slavistik der letzten zehn Jahre ist in den in- und ausländischen Fachzeitschriften, vor allem in den Beiträ-

[2] Und dies trotz der Einbuße, die die Wiener Slavistik in den letzten 10 Jahren dadurch erlitt, daß die Hörer aus den Kreisen der russischen und ukrainischen Emigration Wien, als in der sowjetischen Besatzungszone liegend, mieden und Graz und Innsbruck vorzogen oder überhaupt nach dem Westen abwanderten.

gen zum »Wiener Slavistischen Jahrbuch« niedergelegt, größere Arbeiten erscheinen hiezu in »Ergänzungsbänden«: I.) L. Sadnik-Aitzetmüller, Südosteuropäische Rätselstudien (1953); II.) W. Walder, Ivan Cankar als Künstlerpersönlichkeit (1954), weitere Bände sind in Vorbereitung. Hiezu kommen noch die an den Universitäten verfaßten Doktordissertationen. Da letztere mit Rücksicht auf die meist schwierige finanzielle Lage der Verfasser nicht im Druck veröffentlicht sind, soll nur auf diese näher eingegangen werden.

In den Jahren 1945–1955 wurden an der Universität Wien 27, in Graz 30 und in Innsbruck 9, also im Ganzen 66 slavistische Dissertationen approbiert. Zur besseren Beurteilung dieser Leistung sei ein Vergleich mit früheren Jahren und besonders für die Universität Wien, wo die Abfassung von slavistischen Doktorarbeiten die längste Tradition hat, herangezogen. So wurden während der Zeit von Franz Miklosich von 1875–1885, also in 10 Jahren 10 slavistische Dissertationen verfaßt; unter V. Jagić, 1886–1908 waren es schon 67, also 3–4 Dissertationen jährlich; unter V. Vondrák und M. Rešetar, 1909–1920 bereits 88, also 7–8 jährlich. Dies war aber zur Zeit der österreichisch-ungarischen Monarchie, als in Wien Hunderte von Studenten aus allen slavischen Teilen des Reiches studierten. Unter N. S. Trubetzkoy ging die Zahl der Dissertanten dann auch stark zurück; in den Jahren 1923–1938 wurden 23 Dissertationen, also 1–2 jährlich verfaßt. Seit dem letzten Kriege, 1945–1955 wurden an der Universität Wien 27, also durchschnittlich 3 Dissertationen im Jahr approbiert[3].

Von den 27 *Wiener Dissertationen* waren 17 literatur- und geistesgeschichtlichen, 9 linguistischen und 1 volkskundlichen Themen gewidmet. Nach den slavischen Nationen geordnet, befaßten sich 14 mit russischen, 2 mit ukrainischen, 9 mit südslavischen und 2 mit čechischen und slovakischen Problemen:

I. Sontheimer, Die Aufführungen russischer Bühnenwerke in Wien in den Jahren 1884–1914 (1941).
M. Terlakowec, Kopitar und Vuk (1941).
H. Dürrigl, Die Markogestalt in der mazedonisch-bulgarischen Volksepik (1946).
G. Neuhauser, Beiträge zur Etymologie der russischen Tiernamen (1946). Siehe Wr. Slav. Jahrb. I (1950), S. 110 ff.
J. Pflanzl, Weltbild und Kunstschau des Russischen Symbolismus in der thematischen Gestaltung durch Andrej Belyj (1946).
P. Viret, Beitrag zur Charakterisierung der Sprache Makedoniens, unter besonderer Berücksichtigung des Dialektes von Bitola–Monastir (1947). Wr. Slav. Jb. I (1950) S. 87 ff.
F. Cocron, Über das Fremdwort im Russischen (1948).
A. Schmid, Die religiöse Entwicklung des russischen Volkes im Spiegel seiner Sprache (1948).
I. G. Skrovanek, Die slowakische realistische Prosa im Rahmen des europäischen Realismus (1948).
O. Tureček, Dostoevskij in der čechischen Literatur (1948). Siehe Wr. Slav. Jahrb. I (1950) S. 134-154.
N. Wacyk, Die Entwicklung der nationalpolitischen Ideen Ivan Frankos und seine Kämpfe für sie (1948).
C. Schwarz, Die Bedeutung Turgenevs für das Schaffen von L. K. Lazarević, J. Kozarac und Ks. Š. Đalski (1949).

[3] Verfasser und Titel der Dissertatitonen sind publiziert im »Dissertations-Verzeichnis der Philosophischen Fakultät der Universität Wien« (hg. vom Dekanat d. Fakultät). Die Slavistik ist enthalten in: Bd. 2 (1938), S. 232–247 (für die Zeit von Miklosich, Jagić, Rešetar, Vondrák, Trubetzkoy) und Bd. 4 (1939, Nachtrag), S. 76; für die weiteren Jahre in: »Dissertationen, Universität Wien«. I. Bd. 1937–1944, S. 108, Bd. II., 1945–1949, S. 37 (Verlag O. Kerry, Wien 1952 u. 1954). Mikrofilme von den ungedruckten Dissertationen können bei der Österreichischen Nationalbibliothek u. der Univ.-Bibliothek in Wien bestellt werden.

W. Walder, Der künstlerische Werdegang des slovenischen Dichters Ivan Cankar (1949, Siehe Ergänzungsband I des Wr. Slav. Jahrb.s, Wien 1954).
G. Gruber, Das Stimmungsdrama Anton Čechovs (1950).
E. Mayr, Die lyrischen Dramen Alexander Bloks (1950).
E. Tietz, Die Idee des Messianismus im russischen Geistesleben (1950).
T. Eckhardt, Die Technik der Erzählung bei Jordan Jovkov (1950).
M. Varga, Die Hochzeitsbräuche der Kroaten des österreichischen Burgenlandes (1951).
N. Dutka, Das Problem der Schriftsprache bei den österreichischen Ukrainern von 1772–1848 (1951).
G. Wytrzens, D. Vl. Venevitinov und die russische Romantik (1952).
E. Koplenig, Gorkij und der sozialistische Realismus (1952).
E. Kubaschek, A. K. Tolstojs Dramentrilogie und ihre Technik (1953).
E. Neumayr, Das Prosaschaffen des kroatischen Dichters Vladimir Nazor (1954).
O. Peschl, Die Entwicklung von Ivan Bunins Prosastil (1954).
J. Morskoi, Die slovenische Wiedergeburt im Lichte der deutschsprachigen Publizistik 1800–1850 (1954).
H. Dihanich, Das Verbum im Burgenländisch-Kroatischen (1954).
G. Schartl, Produktive wortbildende Elemente in der heutigen russischen Sprache (1954).

Ein besonderes Arbeitsfeld der österreichischen Slavistik bilden die slavischen Minderheiten, die Kroaten im Burgenland, die Slovenen in Unterkärnten. Das Studium ihrer Dialekte und Folklore wurde in den letzten Jahren eifriger betrieben und bildet laufend den Gegenstand von Grazer- und Wiener Dissertationen. Da solche isolierte Volkssplitter in ihrer Sprache, im Volkslied, in Sitte und Brauchtum Archaisches viel treuer bewahren als ihre einstigen Mutterländer, hat ihr Studium besonderen Wert. Das Wiener Slavistische Institut unternimmt seit einigen Jahren regelmäßig Exkursionen zu den burgenländischen Kroaten, die ein Aufnahmestab der Phonogrammabteilung der Österreichischen Akademie der Wissenschaften begleitet. Es wurden Mundarten, Volks- und Brauchlieder und im J. 1954 eine ganze kroatische Bauernhochzeit mit allem volkskundlichen Zubehör auf Magnetophonband festgehalten. Das ganze bisher aufgenommene Material erliegt im Phonogrammarchiv der Akademie der Wissenschaften (Wien I., Liebiggasse 5) und steht der wissenschaftlichen Auswertung allgemein zur Verfügung.

Von den 30 *Grazer Dissertationen* waren 23 literatur- und geistesgeschichtlich, 6 linguistisch und 1 rechtsgeschichtlich gerichtet; 15 befaßten sich mit südslavischen, 7 mit russischen, 5 mit ukrainischen und 3 mit allgemein slavischen Problemen:

E. Kanduth, Puschkins Erzählung »Dubrovskij« und Kleists »Michael Kohlhaase (1945).
E. Hofmann-Brandner, Die serbokroatischen astralen Volksrätsel (1945).
F. Markow, Die Biographie des hl. Symeon vom hl. Sava (1947).
R. Staszko, Die Ukraine in den Werken Michael Czajkowskis (1947).
B. Terček – Jug, Die slovenische Literatur von 1918–1940 (1947).
V. Inzko, Das Leben und Wirken Andreas Einspielers (1948).
I. Hrycaj, Das Waldlied von Lesja Ukrajinka und die Versunkene Glocke von Gerhard Hauptmann (1948).
M. Ćović, Fra Ivan Despot (1948).
V. Jaszczun, Der Nikolauskult in der Ukraine (1949).
H. Kettenbach, Deutsche Lehnwörter und Lehnübersetzungen im Serbokroatischen in ihren kulturhistorischen Voraussetzungen (1949).
I. Genyk – Berezowskyj, Dialektologische Untersuchung der westukrainischen pokutischen Mundart (1949).
H. Lipp, Die soziale und psychologische Problematik in den Prosawerken Krležas (1949).
K. Klein, Die Abkürzungen in der heutigen russischen Sprache (1949).
M. Trinkunaite, Die litauischen Fremdwörter in den slavischen Sprachen (1950).

A. Pszywyj, Die Rechtslage der Kirche im Kiewer Staat auf Grund der fürstlichen Statuten (1950).
O. Nürnberg, Michael Šolochov, Analyse und Wertung seines Werkes (1950).
St. Deringer, Strukturanalyse des Romans »U registraturi« von Ante Kovačić (1950).
M. Armbruster, Stilkritische Untersuchung zur neueren kroatischen Literatur (Kranjčević) (1950).
A. Scherer, Das Balkanische in der neueren serbokroatischen Literatur (1950).
I. Erbida, Die ethische Lebenshaltung in den serbischen und bulgarischen Hajdukenliedern (1950).
E. Vlk, Die Gestaltung und Auffassung des Bauern in den Erzählungen Puschkins und Tolstojs (1950).
E. Trenczak, Zum Problem der Gestalt des russischen Nationalbewußtseins im frühen Moskauer Reich 15.–16. Jh. (1951).
A. Pocivauschek, G. Jurčič als künstlerischer Gestalter des slovenischen Volkslebens (1951).
K. Rednak, Die Bezeichnungen für soziale Führungs- und Herrschaftspersonen im Slavischen, semasiologisch untersucht (1951).
L. Watzl, Ivo Vojnović als symbolistischer Dichter (1951).
P. Zablatnik, Die geistige Volkskultur der Kärntner Slovenen (1951).
R. Mayer, Ivo Andrić. Gehalt und Gestalt seines dichterischen Werkes (1951).
G. Reithofer, Dostojewskij und Dickens. Gestaltung des Humanitätsproblems (1952).
M. Mache, Ivan Cankar und Bernard Shaw als Gesellschaftskritiker (1952).
R Schelesniker, »Pri« in seiner Funktion als Präposition und Verbalpraefix in den slavischen Sprachen (1952).

Die an der Universität *Innsbruck* in den Jahren 1947–1954 verfaßen 9 *Dissertationen* waren alle literatur- und geistesgeschichtlich gerichtet; es befaßten sich 2 mit russischen, 3 mit ukrainischen, 2 mit südslavischen und 2 mit polnischen Themen:

I. Argasinski, Das soziale Problem in der Presse und im Roman des polnischen Positivismus (1947).
B. Milanović, Traditionen und Volkslieder in der südslawischen Erziehung (1948).
M Bojčević, Die südslawischen Anachoreten (1949).
I. Pyrih, Der Mönchsberg Athos in der Literatur und Geschichte der Ukraine (1949).
B. Sotnyk, Realismus in den Werken von Ivan Nečuj-Levyckyj und Ivan Franko (1949).
J. Matuszkiewicz, Polnische Volkslieder und Märchen, betrachtet vom psychologischen und pädagogischen Gesichtspunkt (1950).
E. Berger, Die Frau im russischen Märchen (1952).
K. Siehs, Dr. Oswald Burghardt (Jurij Klen), seine Stellung in der ukrainischen Literatur (Kiewer Neoklassizismus) (1953).
H. Wehinger, Das Problem der »lišnie ljudi« in der russischen Literatur (1953).

Der slavische Sprachunterricht an den Mittelschulen und die theoretische und praktische Ausbildung der Lehrer hiefür ist die eine die slavischen Studien in Österreich fördernde Neuerung. Ein anderer bedeutender Fortschritt besteht darin, daß die österreichische Slavistik seit 1950 zur Publikation ihrer Arbeit ein eigenes Fachorgan besitzt, das schon oben erwähnte *Wiener Slavistische Jahrbuch*, das gegenwärtig bereits im V. Jahrgang erscheint. Umfangreichere Arbeiten werden in »Ergänzungsbänden« hiezu veröffentlicht. Diese Zeitschrift wird vom Slavistischen Institut der Universität Wien herausgegeben. Das »WrSlJb« will aber nicht nur der österreichischen Forschung dienen, es will darüber hinaus auch die internationale slavistische Zusammenarbeit manifestieren und fördern, indem es sich auch den ausländischen Fachkollegen zur Publikation ihrer wissenschaftlichen Arbeiten gern zur Verfügung stellt.

Ungeachtet der in vielen Dingen grundlegend geänderten Verhältnisse ist sich die Slavistik in Österreich ihrer großen, noch aus der Zeit Miklosich's und

Jagić's kommenden Tradition auch heute bewußt und bestrebt, an den großen, völkerverbindenden Aufgaben dieses Faches fruchtbar mitzuwirken. Die reichen Bestände an slavischer Literatur, alten Druckwerken und Handschriften in den großen österreichischen Bibliotheken (Nationalbibliothek in Wien, Universitätsbibliotheken in Wien und Graz), das schier unerschöpfliche Material, das sich in den langen Jahrhunderten unseres engen Zusammenlebens mit slavischen Völkern im ehemals gemeinsamen Staat in den großen Archiven angesammelt hat, machen Österreich zu einem wichtigen Mittelpunkt des Studiums der slavischen geschichtlichen Entwicklung. Die österreichischen Slavisten sind stets bereit die internationale Forschung auch dadurch zu fördern, daß sie den nach Österreich kommenden ausländischen Gelehrten behilflich sind diese reichen Quellen der Forschung zu erschließen.

GIOVANNI MAVER

SLAVISTIKA U ITALIJI

Opširan i svestran interes Italije za slavenske zemlje prikazao je potanko prof. A. Cronia u *Per la storia della slavistica italiana – Appunti storico-bibliografici* (1933). Ali tek poslije prvog svjetskog rata italijanska je slavistika, kao nauka, dobila autonomiju i ušla, kao poseban predmet, u italijanske univerze.

To se dogodilo 1920., kada je na sveučilištu u Padovi bila osnovana prva katedra slavenske filologije. Ovaj skroman, ali i za opću slavistiku dosta važan početak, nije bio, u sveučilišnoj obuci, bez preteča. Tako se, na primjer, u Padovi Emilio Teza, sanskritista i lingvista, živo zanimao za slavenske jezike i književnosti, prevadao iz raznih slavenskih jezika, i bio, u toj svrsi, u korespondenciji s J. Vrchlickým; a u Rimu je, baš za vrijeme rata, prof. Luigi Ceci predavao slavensku uporedbenu gramatiku, dok je prof. Belić održao u »Sapienzi« nekoliko lekcija o srpskohrvatskom jeziku.

Sam osnutak katedre za slavensku filologiju nije, naravno, mogao da udovolji prijekim, početnim potrebama univerzitetske obuke. Trebalo je u prvom redu snabdjeti katedru neophodnim knjigama – priručnicima i originalnim tekstovima. To je u dosta kratko vrijeme uspjelo, zahvaljujući susretljivosti Ministarstva prosvjete i Fiolozofskog fakulteta Padovanskog sveučilišta; ali treba sa zahvalnošću naznačiti, da su stvaranju slavističke bilioteke i Instituta za slavensku filologiju u Padovi mnogo doprinijele, obilatim darovima potrebnih knjiga, razne vlade slavenskih država.

S druge strane je u isto vrijeme naglo poraslo zanimanje širokih krugova obrazovane italijanske publike za slavenske jezike i kulture. U Rimu je E. Lo Gatto pokrenuo, koncem 1920 g., na vlastiti trošak, časopis *Russia*, a malo kasnije bio je osnovan, isto tako u Rimu, *Istituto per l'Europa Orientale*, koji je 1921. počeo da izdaje reviju *L'Europa Orientale*. To nije bilo privatno poduzeće, već dobro dotiran zavod, kojemu je glavna zadaća bila da Italiju sistematski bliže upozna s političkim, ekonomskim i naročito kulturnim prilikama istočne Evrope. Za vrijeme svog više nego dvadesetogodišnjeg opstanka *Istituto per l'Europa Orientale* izdao je 22 knjige časopisa *L'Europa Orientale*, a uz to niz posebnih djela (O. Randi, *Jugoslavia*, zbornik *Cecoslovacchia* i t. d.).

Iako je IPEO djelovao više u informativnom, nego u čisto naučnom smjeru, ipak je već u prvim brojevima njegovog časopisa izašao cio red kritičnih članaka o slavenskim književnostima (A. Cronia, *Dante nella letteratura serbocroata*, 1921; G. Maver, *K. H. Mácha*, 1925; E. Lo Gatto, *Storia di un'amicizia letteraria – Mickiewicz e Puškin*, 1926).

Pošto je program revije *L'Europa Orientale* bio veoma opsežan, a program časopisa *Russia* previše uzak, to je E. Lo Gatto godine 1926. počeo da izdaje, u zamjenu za *Russia*, novu *Rivista di letterature slave* (svega, od 1926 do 1932, šest knjiga). Zadaću novog časopisa izložio je sam Lo Gatto u uvodu prvog broja: »Allo sviluppo ognor crescente anche in Italia dell'interesse per le letterature del mondo slavo, che quando iniziai »Russia« nel 1920 non era neppure prevedibile, debbo oggi la possibilità di aggiungere, a quanto già si fa tra noi, anche questa rivista speciale che vuol essere non soltanto un organo di divulgazione, ma anche un contributo ad avviare su d'una strada più scientifica quel che già si è fatto e si fa per le letterature slave nel campo dell'informazione e della divulgazione«.

Ovaj je program bio potpuno ostvaren. Uz bogati informativni materijal *Rivista di letterature slave* štampala je niz naučno-kritičnih eseja, kao što su E. Gasparini, *Elementi della personalità di Dostoevskij* (1927), W. Giusti, *Momenti di vita spirituale ceca* (1932) i monografski prikazi profesora A. Cronije – *Župančič* (1927), *Bezruč* (1931), *Lazarević* (1930–32).

Da se potpuni slika brzog zamaha mlade italijanske slavistike treba još dodati dvije značajne činjenice: 1. dok su prije g. 1920. dobri prijevodi iz slavenskih literatura bili, u Italiji, iznimka, a loši, ponajviše s druge ruke, pravilo, razmjer se je u kratko vrijeme toliko promijenio, da se već za decenij 1930–1940 može da kaže, bez pretjeravanja, da su dobri prijevodi postali pravilom, a loši iznimkom. Danas se Italija u ovom pogledu može uspješno da takmi sa svim drugim velikim zapadnoevropskim kulturama. Najljepši su dokaz tome izvrsna cjelokupna izdanja velikih ruskih pisaca. A ako su prevađanja iz drugih slavenskih književnosti daleko zaostala, ipak je i tu napredak prema prvim godinama XX. stoljeća bio kod nas veoma brz i radikalan; 2. nova velika italijanska *Enciclopedia* posvetila je Slavenima mnogo veću pažnju, nego i koja druga zapadnoevropska enciklopedija. Nije sve što je u njoj tiskano o Slavenima bez prigovora, ali danas može svatko u Italiji, da se iz tog ogromnog djela brzo i točno informira o svim kulturnim tekovinama slavenstva.

Ovaj svestran i plodan interes za slavenske jezike i književnosti imao je, naravno, dobre posljedice i za naučnu universitetsku obuku slavistike. Povećao se, osobito za vrijeme drugog svjetskog rata i odmah poslije rata, broj redovnih katedara iz područja slavistike. U Padovi je 1940., umjesto profesure slavenske filologije (u kojoj je E. Lo Gatto g. 1929. zamijenio G. Mavera), utemeljena katedra za srpskohrvatski jezik i literaturu i povjerena prof. A. Croniji. U Rimu, gdje je od 1922. prof. R. Pollak predavao, kao »professore incaricato« poljsku književnost, osnovana je g. 1929. redovna katedra za taj predmet (Maver), a uz to, g. 1940., još druga katedra – za ruski (Lo Gatto). Za ruski jezik i literaturu postoje osim toga, od g. 1947., još tri katedre: u Trstu (W. Giusti), Veneciji (E. Gasparini) i Napulju (Istituto Universitario Orientale, L. Pacini). Prednost dana, također na universitetima, ruskoj književnosti odgovara velikom prestižu koji ona uživa u Italiji, osobito kod mladeži. Iako ograničenje redovnih katedara slavistike na ruski (uz rimsku katedru polonistike i padovansku za srpskohrvatski) nije ostalo bez škode za slavistiku kao cjelinu, a naročito za naučno proučavanje svih onih problema koji se odnose na slavensku filologiju u užem smislu riječi – to još ne znači da je ona na italijanskim univerzama zanemarena. Nastava slavenske filologije postoji, kao »incarico«, na svim onim sveučilištima, koja imaju »cattedra di ruolo« iz područja slavistike, a osim toga i u Firenci.

Dužnost mi je da osobito istaknem Fiorentiski univerzitet, gdje je u zadnjim godinama, zahvaljujući pobudi poznatog lingviste prof. Devota, postalo novo ognjište italijanske slavistike, i to slavistike, gdje se na mjesto pretjeranog preimućstva književnosti njeguju, u doličnom razmjeru, filologija i lingvistika.

Ako se još doda, da postoje »incarichi« za poljski jezik i literaturu u Turinu i Napulju, za bugarski u Rimu i Napulju, onda je u glavnim crtama prikazan stav slavistike na italijanskim višim školama.

Kako je već prije bilo spomenuto, osnivanje novih slavističnih profesura išlo je uporedo s uvijek većim prodiranjem u šire slojeve zanimanja za slavenske kulture. U tome je stekao vanredne zasluge E. Lo Gatto. Citiranje važnijih njegovih djela zauzelo bi previše mjesta; dosta je da se spomenu: *Storia della letteratura russa* (knj. I–VII, 1929–39), priručnik istog naslova (1. izd. 1942, 4. 1950), *Storia della Russia* (1946) i *Storia del teatro russo* (I–II, 1952). Uz prof. Lo Gatta pišu o ruskoj književnosti L. Pacini *(Saggio di una biografia di von-Vizin,* 1935; *Il »Revisore« e la »follia mistica« gogoliana, Ric. Slav.* 1952), W. Giusti *(Studi sul pensiero illuministico e liberale russo dei secoli XVIII e XIX, 1938),* R. Poggioli *(Pietre di paragone,* 1939), E. Gasparini *(L'esordio di Tolstoj,* 1942; *Il vigore di Tolstoj,* 1943), A. M. Ripellino *(Poesia russa del novecento,* 1954), L. Gančikov *(Dell' umilità – Commento a »Il Mantello« di Gogol', Ricerche Slavistiche,* 1954) i mnogi drugi.

Poljskoj književnosti posvetili su posebne studije G. Maver *(Saggi critici su J. Słowacki,* 1925), E. Damiani *(I narratori della Polonia d'oggi,* 1928), C. Verdiani *(S. Krasiński – Prealba e il Figlio delle ombre,* 1950), M. Bersano Begey *(Pagine di via e d'arte romana in S. Krasiński,* 1932; *Storia della letteratura polacca,* 1953) i t. d.

Za češku književnost citiram, uz već spomenute radnje, G. Maver, *Vrchlický e Leopardi,* 1929; A. Cronia, *La fortuna del Petrarca nella letteratura ceca (Annali della cattedra Petrarchesca,* 1932); A. M. Ripellino, *Storia della poesia ceca contemporanea,* 1950; D. D. Di Sarra, *Materiali per uno studio sulla tecnica del romanzo novecentesco – »Povětroň« di K. Čapek (Ric. Slav.* 1952); – za slovenačku U. Urbani, *Scrittori jugoslavi,* 1936; L. Salvini, *Sempreverde e rosmarino,* 1951; – za srpskohrvatsku G. Maver, *Leopardi presso i Croati e i Serbi,* 1930; B. Calvi, *G. Carducci presso gli Slavi meridionali,* 1933; A. Cronia, *Riflessi danteschi nella poesia popolare serbocroata (Romana,* 1940); L. Salvini, *Poeti croati moderni,* 1942; Fr. Trogrančič, *Storia della letteratura croata,* 1953; – za bugarsku E. Damiani, *Patria e umanità in Vazov,* 1942; *Sommario di storia della letteratura bulgara,* 1942; L. Salvini, *La letteratura bulgara dalla liberazione alla prima guerra balcanica,* 1936; R. Picchio, *L'occidentalismo conservatore di Penčo Slavejkov (Ric. Slav.* 1952).

Živom i, uopće uzeto, uspješnom interesu za književnosti suprostavlja se malen broj rasprava iz drugih grana slavistike.

Što se tiče lingvistike, A. Cronia je prikazao *Gradu o božavskom narječju (Južnosl. fil.* 1927–28), G. Maver je kao nekoliko prinosa za bolje poznavanje dalmatskih i italijanskih tudica u srpskohrvatskim narječjima (u raznim časopisima i zbornicima), C. Tagliavini je posvetio svoju pažnju *Sugli elementi italiani del croato* (1942), a C. Verdiani je napisao raspravu o *Aspetti del verbo polacco nel linguaggio letterario* (1952).

O slavenskoj mitologiji pisali su V. Pisani *(Il paganesimo balto-slavo,* 1939), R. Pettazzoni *(La progenie del sole, Mélanges Grégoire,* 1950), B. Meriggi *(Il concetto di dio nelle religioni dei popoli slavi, Ric. Slav.* 1952).

Čisto filološke radnje su rijetke: A. Cronia, *Il Canzoniere raguseo del 1507* (1927), C. Verdiani, *Il Salterio Laurenziano-Voliniense – Codice paleoslavo del 1384 (Ric. Slav.* 1954), R. Picchio, *Gli Annali del Baronio-Skarga e la Storia di Paisij Hilendarski* (ibid.); A. Cronia e L. Cini, *Rivalutazione di una scoperta di Emilio Teza: »L'Editio Princeps« dei breviari glagolitici (Atti dell' Ist. Veneto,* 1954–5), C. Giannelli je zajedno s Fancevom izdao *Vatikanski hrvatski molitvenik* (1934), a zajedno s Rešetarom *Dva dubrovačka spomenika iz XVI vijeka* (1938).

Na polju uporedbene slavenske etnografije ističe se u zadnje vrijeme E. Gasparini *(La cultura lusaziana e i protoslavi, L'esogamia degli antichi slavi, La danza circolare degli Slavi* – u *Ric. Slav.* 1952–4).

Posebno mjesto zauzimaju razna djela i rasprave, kao W. Giusti, *Mazzini e gli Slavi,* 1940; F. Venturi, *Il populismo russo,* I–II, 1952; R. Picchio, *Tradizione »Sarmatica« e slavismo polacco (Ric. Slav. 1953);* N. Minissi, *La tradizione apocrifa e le origini del Bogomilismo (Ric. Slav.* 1954). C. Giannelli, *Documenti inediti sullo stato di alcune comunità cattoliche nella Serbia meridionale (Ric. Slav.* 1955).

Na koncu treba spomenuti tri važna bibliografska djela: A. Cronia, *Čechy v dějinách italské kultury* (1936), E. Damiani, *Avviamento agli studi slavistici in Italia* (1941) i Maria e Marina Bersano Begey, *La Polonia in Italia – Saggio bibliografico, 1799–1948* (1949).

Od godine 1952 izlazi u Rimu, kao organ rimskog Instituta za slavensku filologiju i Slavističnog seminara univerzitetskog Orijentalnog instituta u Napulju, nova revija »Ricerche Slavistiche«. Njezini glavni zadaci su: da prebrodi dosadašnji pretežno informativni karakter italijanske slavistike, da omogući italijanskim slavistima štampanje čisto stručnih rasprava i da stegne veze s inostranom slavistikom. Naslovi citiranih članaka dokazuju, da već prve tri knjige *Ricerche Slavistiche* (1952, 1953, 1954) idu odrešito u tom smjeru.

Treća knjiga *Ricerche Slavistiche* posvećena je uspomeni E. Damianija. Cijeli njegov rad i sav njegov život bili su prožeti čistom, nesebičnom ljubavlju za one jezike i kulture, koje u Italiji, i u zadnjim decenijima, nijesu bile dosta poznate. Tu je svoju ljubav znao, kao nitko drugi, da prelijeva svojim učenicima u Rimu i Napulju. Zadnji dokaz te ljubavi bio je dar cijele svoje dragocijene slavističke biblioteke napuljskom Orijentalnom institutu, gdje je poslije rata predavao poljski i bugarski. Zahvaljujući tom daru Istituto Universitario Orientale može da se bogatstvom svoje slavističke biblioteke takmi sa starijim sveučilišnim zavodima u Padovi i Rimu.

ЭМИЛЬ ПЕТРОВИЧ

ВОПРОСЫ СЛАВИСТИКИ В РУМЫНИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

После смерти замечательного знатока древнерумынской культуры на славянском языке Иоана Богдана, славистика развивалась крайне медленно. К счастью, свержение фашистского режима в Румынии ознаменовало глубокое изменение в позиции нашего государства и общественного мнения по отношению к славянским народам и их культуре.

Такой славянский язык как русский, больше столетия изгнанный из наших школ, был снова введен в преподование. В наших университетах помимо русского языка изучаются: украинский, болгарский, польский, сербохорватский, словацкий и чешский языки. Изучается также история отдельных славянских языков. Большое число молодых кадров готовится в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Болгарии.

Из года в год укрепляются дружественные отношения и расширяется обмен культурными ценностями между нашей страной и соседними славянскими странами.

Таким образом, в Румынии создались благоприятные условия для развития славистики. К сожалению, после войны у нас особенно остро стало ощущаться отсутствие достаточных научных кадров в области славистики.

Новая здоровая атмосфера в отношениях к окружающему нас славянскому миру дала пока незначительные результаты, но в будущем, мы убеждены, она, без сомнения, даст ценные плоды.

* * *

Как и можно было ожидать, интерес наших славистов, как и в прошлом так и сейчас, направлен почти исключительно на изучение славянского влияния на румынский язык. Этот факт не трудно объяснить, если учесть сильное влияние славянских языков на румынский язык, в результате многовекового совместного существования румын и славян на одной территории, если принять во внимание, что славянский язык около четырех столетий был языком письменности в румынских странах.

После второй мировой войны румынские лингвисты с новой силой подчеркнули величайшее значение славянского элемента для румынского

языка, что „официальная наука" прошлого умышленно старалась замалчивать. Но некоторые наши лингвисты, не уделяя должного внимания всем разделам языка, пришли к ложному выводу, что румынский язык это смешанный славяно-романский язык.

Сейчас все румынские лингвисты согласны, что морфология и бóльшая часть основного словарного фонда румынского языка — латинского происхождения, и что, следовательно, румынский язык по происхождению — романский язык.

Славянское влияние коснулось прежде всего словарного состава, а уж потом остальных разделов языка: основного словарного фонда, синтаксиса, фонетики и фонологии, словообразования и, наконец, морфологии, которая почти не затронута славянским влиянием. Этот порядок проникновения славянских элементов в румынский язык, установленный нами в 1951 году[1], должен быть существенно изменен. Теперь мы думаем, что славянское влияние на румынский язык было на много сильнее в фонетике чем в лексике.

* * *

Румынские лингвисты по разному решают вопрос об образовании румынского языка. Некоторые, как проф. Йоргу Йордан, например, защищают точку зрения О. Денсушяну, согласно которой до соприкосновения со славянами можно говорить не о румынском языке, а только о восточнороманском диалекте. Однако, большинство наших лингвистов придерживается мнения акад. Шишмарева, который правильно утверждает, что до славянского влияния румынский язык существовал как самостоятельный язык, отличный от других романских языков[2].

* * *

Трудности, стоящие на пути лингвистов, изучающих славянское влияние на румынский язык, многочисленны и значительны. Самая большая трудность — это отсутствие румынских текстов, предшествующих XVI веку, а также отсутствие исторических данных о румынах до XIII века, как раз в период интенсивных языковых отношений румын и славян. Отсутствие таких данных румынские лингвисты стараются заменять изучением топонимики страны. Работа проф. Й. Йордана „О местных названиях в Румынии" и ряд наших статей о румынской топонимике славянского происхождения, появившихся в журналах Limba romînă и Studii şi cercetări lingvistice[3] проливают более яркий свет на отдаленные времена истории Румынии.

---

[1] См. Problemele ştiinţelor sociale în desbaterea Academiei R. P. R. din 21—25 martie 1951, стр. 91.

[2] Шишмарев, Романские языки юговосточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. Вопросы языкознания № 1, 1952.

[3] См. Elementele slave din limba romînă — mărturie a legăturii istorice dintre poporul nostru şi poporul rus. „Limba romînă" nr. 1, 1952, стр. 9—124 и Adjective posesive slave în -j- ca toponimice pe teritoriul R. P. R. „Studii şi cercetări lingvistice" IV, 1953, стр. 63—87.

Из данных топонимики можно прийти к следующему выводу: такие названия как: Dîmboviţa, Jalomiţa, Prahova, Ilfov, Mostiştea, Snagov, Moldova, Suceava, Cerna, Craiova, Braşov, Sibiu, Bălgrad, Milcov, Putna, Bucov, Teleajen, Predeal, Bran, Slănic, Doftana, Zlatna, Moigrad и т. д. давала не горстка людей, а многочисленный народ, который жил на этой территории сотни лет. Этих славян мы должны причислить к предкам нынешних румын[4].

Число древнейших названий рек и населенных пунктов романского или румынского происхождения, засвидетельствованных памятниками, значительно меньше чем число названий славянского происхождения. Противоречие между латинским характером румынского языка и нелатинским, главным образом, славянским характером старой топонимики на нашей территории, может быть разрешено, по нашему мнению, лишь предполагая распространение романского (румынского) языка на территории, где говорилось прежде всего на славянском[5].

Фонетические особенности нашей топонимики славянского происхождения свидетельствуют о наличии на протяжении веков непрерывного контакта и постоянного общения между славянами, жившими на территории нынешней Румынии, и теми славянами, которые жили в соседних славянских странах.

Благодаря этому контакту, наречия славян, живших на разных территориях Румынии, претерпели те же изменения как и наречия ближайших славянских областей: полногласие, замена носового *о* (*ж*) через *у*, переход *г* в *h*, вставочное *л* — распространены на востоке и на северо-востоке Румынии (в Молдавии, в Буковине и на северо-востоке Трансильвании); рефлексы *шт*, *жд* вместо *tj*, *dj*, дифтонгоид *еа* вместо *ѣ*, *în* вместо носового *о* (*ж*) — встречаются в Валахии, Олтении, Доброджу, на юге Трансильвании и в восточной части Баната. В свою очередь аффрикаты *ć*, *đ* (*g'*) вместо *t*+*j*, *d*+*j*, замена носового *о* (*ж*) через *у*, вставочное *л* — встречаются на юге Баната и на западе Олтении[6].

* * *

Известно, что из всех разделов языка словарный состав является самым чувствительным к влияниям и изменениям. В самом деле, число слов славянского происхождения в румынском языке очень велико. Словарный состав славянского происхождения, который был хорошо изучен в старых работах и особенно в этимологических словарях не претерпел сколько-нибудь значительных изменений. Так что, в основном, оценка, данная в прошлом словарному составу, кроме некоторых уточнений и поправок, отстается прежней.

Составляя статистику происхождения румынских слов, в одной статье последнего времени[7], проф. Д. Макря установил, что из общего

[4] Problemele ştiinţelor sociale în desbaterea Academiei R. P. R. 21—25 martie 1951, стр. 91.

[5] Problemele ştiinţelor sociale în desbaterea Academiei R. P. R. 21—25 martie 1951, стр. 91.

[6] См. E. Petrovici. Adjective posesive slave în -j- ca toponimice pe teritoriul R. P. R. „Studii şi cercetări lingvistice" IV, 1953, стр. 86 и след.

[7] D. Macrea. Contribuţii la studiul fondului principal de cuvinte al limbii române. „Studii şi cercetări lingvistice" V, 1—2, стр. 10.

количества слов представленных в словаре Кандри, славянские слова составляют 16,59%, латинские слова 20,58%, французские 29,69%, турецкие 4,36%, мадьярские 3,14%.

Большая разница между статистикой Макри и Чихака (Чихак считал, что слова латинского происхождения составляют одну пятую всех румынских слов, а славянские две пятых) находит себе объяснение в недостатках этимологического словаря Чихака. Во первых, этот словарь охватывает незначительную часть румынских слов (5765 слов). Во вторых, многие из приведенных Чихаком слова вышли из употребления даже в то время, когда им был составлен словарь. Кроме того, многие из этимологий, предложенных Чихаком, безусловно ошибочны.

В последнее время наши лингвисты, как акад. А. Граур, акад. Й. Йордан, акад. Э. Петрович, акад. А. Росетти, проф. Д. Макря и др., все больше и больше занимаются изучением основного словарного фонда. В своей работе „К основному словарному фонду румынского языка" акад. А. Граур показал что из 1412 слов, сколько, по его мнению, охватывает основной словарный фонд румынского языка, 21,49% — слова славянского происхождения, а около 60% латинских. А остальные иного происхождения.

Эти данные лишний раз убеждают в том, что румынский язык принадлежит к романской семье языков, а также проливают свет на сильное влияние славянских языков на румынский. Славянский элемент идет вслед за латинским, а другие элементы остаются далеко позади.

* * *

Новые интересные результаты достигнуты нашими лингвистами в изучении славянского наследства в области фонетики и фонологии румынского языка. Помимо исследования местных фонетических особенностей славянского происхождения в румынском языке, как напр. изучение украинских фонетических особенностей молдавских говоров[8], наши лингвисты А. Граур, А. Росетти, Э. Петрович занялись вопросом изучения фонологической системы современного румынского языка.

В противоположность акад. А. Росетти, который считает, что противопоставление между твердыми и мягкими согласными встречается только в конце слова: lup — lup' (= lupi), alb — alb' (= albi), мы пришли к выводу, что соотносительность согласных по твердости и по мягкости встречается в румынском языке не только в конце, но и в середине слова, точно также, как в восточных болгарских говорах, в русском, украинском, белорусском и польском языках.

„Привычка произносить согласные звуки в положении перед гласными переднего ряда мягко и соотносительность согласных по твердости и мягкости остались нам в наследство от наших предков, говоривших на славянских наречиях"[9]. Это славянское население говорило на болгарских говорах[10].

[8] См. I. Pătruț, Raporturi fonetice ucraino-romîne, „Dacoromania", XI, стр. 51–59.
[9] E. Petrovici, Corelația de timbru a consoanelor dure și moi, „Studii și cercetări lingvistice", I, 2, стр. 216.
[10] Idem, ibid., стр. 217.

Результатом славянского влияния является также появление соотносительности согласных по лабиализации и отсутствию лабиализации[11].

По нашему мнению фонетический и фонологический строй румынского языка настолько насыщен особенностями славянских языков, что его можно считать строем славянского типа[12].

Следовательно, фонологический строй любого языка может быть изменен коренным образом под влиянием другого языка. Фонетический и фонологический строй любого языка может иметь иной характер, чем морфологический строй.

В румынском языке фонетический и фонологический строй — славянского типа, а морфологический — романского типа. Следовательно, фонетический и фонологический строй является более восприимчивым к иностранным влияниям чем лексика.

До сих пор только некоторые из наших лингвистов, как А. Граур, приняли изложенную выше точку зрения и вытекающие из нее теоретические выводы.

* * *

Менее плодотворно работали наши лингвисты по установлению славянского влияния в области морфологии, синтаксиса и словообразования. Этим вопросам посвящены несколько работ акад. А. Граура и акад. А. Росетти.

Последний указывает, что звательный падеж женского рода на *o*, а также сохранение звательного падежа на *e*, как и вообще сохранение звательного падежа в румынском языке является результатом славянского влияния[13].

Акад. А. Граур показал, что образование и сохранение среднего рода в румынском языке является следствием славянской среды, в которой образовался наш язык[14].

В последнее время акад. А. Росетти и акад. Э. Петрович исследовали глаголы мадьярского происхождения с суффиксами *-ui-* в румынском языке, типа: *bănui, bîntui, cheltui*. Мы, считаем, что славянский суффикс *-ui-* стал словообразовательным элементом для всех глаголов иностранного происхождения[15]. Акад. А. Росетти думает, что глаголы мадьярского происхождения перешли в румынский язык посредством славянского[16].

Славянское влияние было сильнее в области синтаксиса, чем в области морфологии. По этому вопросу готовится к печати детальная

[11] E. Petrovici, Corelaţia de timbru a consoanelor rotunjite şi nerotunjite. „Studii şi cercetări lingvistice", III, 1952, стр. 127.

[12] „Studii şi cercetări lingvistice" I, 1950, fasc. 2, стр. 219; III, 1952.

[13] Bulletin linguistique, стр. 103—105.

[14] Genul neutru în romîneşte. „Limba română", I, 1954, стр. 30—44.

[15] Dacoromania XI, стр. 188—190.

[16] Studii şi cercetări lingvistice I, 1, стр. 88—90.

работа Е. Зейделя, углубляющая вопросы, поставленные им в труде „Studie zur Sprachtypologie, Rumäno-russiche Kriterien"[17].

Неоценимый вклад в дело изучения румынско-славянских языковых отношений, а также изучения славянских говоров на территории Румынии безусловно внесут дальнейшие три тома румынского лингвистического атласа, которые скоро появятся в свет. В нем представлены пять славянских говоров (один украинский, два болгарских и два сербохорватских).

Укажем также на то, что в Академии Наук РНР ведется большая работа по составлению славянских двуязычных словарей.

* * *

Мало работ писалось в последнее время о влиянии отдельных славянских языков на румынский.

Укажем на III-е издание работы акад. Росетти „Влияние южнославянских языков на румынский", вышедшее в 1954 году без особых изменений. До сих пор, к сожалению, нет ни одной более детальной работы о влиянии русского языка на румынский. Работа акад. И. Иордана „Русские элементы в румынском языке" не снимает с наших лингвистов обязанности серьезно и глубоко заниматься этим вопросом. Мы надеемся в настоящее время закончить свою работу относительно влияния сербского языка на румынский.

Такие работы о влиянии отдельных славянских языков на румынский необходимы для составления основательной работы о славянском влиянии в целом на румынский язык. Это, безусловно, почетная задача наших лингвистов.

[17] Bulletin linguistique XIII, 1945, стр. 53.

PÉTER KIRÁLY

ZEHN JAHRE SLAWISCHER SPRACHWISSENSCHAFT IN UNGARN [1] (1945–1955)

Wir betrachten es als eine besondere Ehre, bei dieser Gelegenheit, vor der geehrten Konferenz, über die nach der Befreiung erzielten Ergebnisse der ungarländischen Slawistik Bericht erstatten zu können. Wir ergreifen diese, sich uns bietende Gelegenheit mit umso größerer Freude, als ein großer Teil der ungarländischen slawistischen Arbeiten in ungarischer Sprache erscheint, demzufolge das Ausland von unserer Tätigkeit und unseren Ergebnissen in vielen Fällen keine Kenntnis erhält. Wir sind uns natürlich dessen bewußt, daß wir weder was die Erfolge, noch was den Umfang der Tätigkeit anbelangt, mit den bedeutenden Arbeiten der slawischen Staaten wetteifern können, doch dank unserer spezifischen Lage besteht auch bei uns jedwede Möglichkeit zur Ausweitung und Vertiefung der slawistischen Studien.

Geehrte Konferenz!

Eingangs möchte ich mit einigen Worten die früheren Forschungen der ungarländischen Slawistik kurz charakterisieren. Die Wurzeln der ungarländischen Slawistik reichen in die ältere Vergangenheit zurück. Schon i. J. 1849 wurde an der Budapester Universität ein Lehrstuhl für Slawistik errichtet, dessen erster Leiter József Ferenc war, dem auf der Lehrkanzel Oszkár Asbóth und sodann János Melich folgten. Derzeit hat István Kniezsa die Professur inne.

Den Zeitraum bis zur Befreiung, d. h. bis 1945, können wir kurz als die Epoche der individuellen Forschungen bezeichnen. In diesem Zeitabschnitt beschäftigte sich die ungarländische slawische Philologie, ihrer eigenartigen Lage zufolge, hauptsächlich mit auf Ungarn bezüglichen Fragen der Slawistik, u. zw., dem Geiste der Zeit folgend, in erster Linie mit Ortsnamenforschung; außerdem nahmen aber auch etymologische Erörterungen und die Untersuchung der ungarisch-slawischen Wechselwirkungen einen bedeutenden Raum ein. Alle diese Forschungen waren selbstverständlich nicht nur vom Standpunkte der slawischen Philologie, sondern auch von dem der ungarischen Linguistik, Geschichtswissenschaft, Volkskunde und Archäologie ungemein wichtig und, wenn die erzielten Ergebnisse auch nicht immer von bleibender Gültigkeit waren, so hatten unsere Slawisten dennoch nicht geringen Anteil an der Bereinigung vieler grundlegender Fragen.

Die ungarländischen slawistischen Forschungsarbeiten nahmen eigentlich erst nach der Befreiung eine organisierte Form an. Dies hängt in unserem Lande mit

[1] In anderer Anordnung s. Péter Király: Dix années d'études slaves en Hongrie (1945—54). [Studia slavica I (1955), Nr. 1 - 3, 307 - 310].

der Entwicklung der sozialistischen Wirtschaftspolitik, der Planwirtschaft eng zusammen. In der Zeit nach der Befreiung sind die ersten wissenschaftlichen Pläne, darunter auch der erste Fünfjahrplan unserer Sprachwissenschaft entstanden. Wenn wir heute, aus der Perspektive von zehn Jahren, die Ergebnisse unserer Wissenchaft vom Zeitpunkt der Befreiung an bis zum heutigen Tage werten wollen, ergibt sich eine günstige Bilanz. Um die Worte des ungarischen Akademikers Gyula Németh zu zitieren: »Das eine ist sicher, daß die ungarische Sprachwissenschaft noch keine Zehnjahrsperiode besaß, im Laufe derer die Wirksamkeit so organisiert, so vielversprechend und in so großem Umfange geführt wurde, als in diesen letzten zehn Jahren, besonders seit der Reorganisierung unserer Akademie.«[2]

Heute können wir mit Recht von einem Aufschwung unseres wissenschaftlichen Lebens sprechen. Während in der Vergangenheit unsere Akademie nicht ein einziges wissenschaftliches Institut besaß, verfügt sie heute über zwanzig Forschungsinstitute, in denen emsig gearbeitet wird. In der Vergangenheit hatten die Gelehrten mit Editionssorgen zu kämpfen, heutzutage sichert der Akademie-Verlag das prompte Erscheinen der Ergebnisse unserer neugeborenen ungarischen Wissenschaft. Früher gab es bei uns kein sprachwissenschaftliches Institut, heute sind an dem 1949 ins Leben gerufenen Akademischen Institut für Sprachwissenschaft ungefähr 50 interne Forscher tätig. Um bei der Slawistik zu bleiben: während in der Vergangenheit (im ganzen Lande) neben dem leitenden Professor nur 1–2 junge Arbeitskräfte tätig waren, sind wir unser heute, im Sprachwissenschaftlichen Institut allein, zu viert Slawisten, und in ganz Ungarn beträgt die Zahl jener, die auf dem Gebiete der Slawistik Forscherarbeit treiben – die jüngsten Mitarbeiter mit inbegriffen – beinahe zwanzig.

Unsere Volksdemokratie schätzt die Ergebnisse der wissenschaftlichen Tätigkeit hoch ein. Die Akademiker, die Gelehrten werden ansehnlich dotiert, außerdem wird die Intensität der wissenschaftlichen Arbeit und die Steigerung der wissenschaftlichen Leistungen durch Verteilung von Nationalpreisen (Kossuth-Preis), durch Verleihung hoher staatlicher Auszeichnungen, durch die Systematisierung des, die Vertiefung in wissenschaftliche Arbeiten sichernden Schaffens-Urlaubes und durch die Einführung der Aspirantur wesentlich gefördert. In diesem Zusammenhange können wir es freudig begrüßen, daß auch unser Akademiker Prof. István Kniezsa zu jenen gehört, denen in Anerkennung ihrer wissenschaftlichen Tätigkeit der Nationalpreis verliehen worden ist.

Ehe ich zu Besprechung unserer, im Laufe der letzten zehn Jahre auf dem Gebiete der Slawistik erzielten Ergebnisse übergehe, scheint es mir geboten, als Einführung die prinzipiellen und methodischen Gesichtspunkte zu umreißen, die in den Werken der ungarländischen slawistischen Philologie zur Geltung gelangen. Wollte ich die Frage kurz charakterisieren, müßte ich sagen, daß die ungarländische Linguistik, und innerhalb dieser auch die ugarländische Slawistik die Traditionen, die von der sogenannten Budapester Schule vertreten wurden, im Geiste des dialektischen Materialismus weiter auszubauen trachtet. Bekanntlich entwickelte sich die Schule der Junggrammatiker in Ungarn (von Simonyi und Szinnyei über Zoltán Gombocz bis zu noch heute lebenden Linguisten) zu einer

[2] Gyula Németh: Nyelvtudományunk múltja, jelene és jövője. [A magyar tudomány tíz éve 1945—1955]. „Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft unserer Sprachwissenschaft [Zehn Jahre ungarischer Wissenschaft 1945—1955].“ Budapest 1955, 34.

speziellen Richtung, für die, Géza Bárczis Worten gemäß, der linguistische Realismus kennzeichnend ist. Die Budapester Schule befreite sich in ihrer Methodik zum größten Teil von der Starrheit der junggrammatischen Lehren, sie wurde geschmeidig, versuchte die Fesseln des engstirnigen Positivismus zu sprengen und wandte sich sogar – indem sie das Gebiet der linguistischen Forschungen ausweitete – der Aufdeckung jener Fäden zu, welche die ungarische Sprache mit der Kultur und Geschichte des Ungartums, sowie der angrenzenden Völker eng verknüpfen. Diese Schule hat keine größeren Synthesen geschaffen; ihr bedeutendstes Unternehmen war das monumentale Etymologische Wörterbuch der ungarischen Sprache, redigiert von Gombocz und Melich, das jedoch ein Torso blieb. Die ungarische Sprachwissenschaft verfolgte natürlich auch die neueren linguistischen Richtungen mit Interesse; einige dieser Schulen, so z. B. die funktionale Phonologie und die Sprachgeographie blieben auch auf die ungarische Linguistik nicht ohne Einfluß, andere Richtungen dagegen, wie z. B. die strukturelle Sprachwissenschaft, konnten bei uns nicht heimisch werden. Ebenso haben auch die Marr-schen Lehren bei uns im Grunde nicht Wurzel gefaßt. Daß die Theorie Marrs die ungarische Sprachwissenschaft nicht gelähmt hat, ist in erster Linie den sprachwissenschaftlichen Arbeiten Stalins zu verdanken. Die darin enthaltenen Ausführungen wiesen zugleich der ungarischen Philologie ganz neue, bedeutende Wege der Entwicklung[3].

Unsere Slawisten, die im Geiste der eben geschilderten Anschauungen erzogen, ihre linguistischen Kenntnisse früher von deutschen, russischen und polnischen Professoren bezogen und diese in neuerer Zeit an der Seite tschechoslowakischer und sowjetischer Slawisten erweitert und vertieft haben, trachten ihre Forschungsmethoden solide zu fundamentieren, um die ungarländische slawistische Sprachwissenschaft auf fester Basis weiter ausbauen zu können.

»Der größte Fehler der früheren ungarischen Sprachforschung war die System- und Planlosigkeit«, stellt Gyula Németh in seinem erwähnten Artikel fest (33). Gerade in dieser Hinsicht brachte der Fünfjahrplan in der ungarischen Sprachwissenschaft eine ganz neue Wendung mit sich.

Der im Rahmen des Fünfjahrplanes der ungarischen Philologie ausgearbeitete sprachwissenschaftliche Plan der Slawistik brachte, der Vergangenheit gegenüber, in mehreren Beziehungen Neues: er inaugurierte vor allem die planmäßige Forschungsarbeit, setzte die zu lösenden vordringlichsten Aufgaben auf die Tagesordnung, sicherte die ungestörte Entwicklung der individuellen Forschertätigkeit, sowie der gemeinschaftlichen Arbeiten und ermöglichte, durch die Einführung der Aspirantur die planmäßige Ausbildung von Wissenschaftlern.

Bei der Zusammenstellung des slawistischen sprachwissenschaftlichen Planes waren folgende Prinzipien richtunggebend:

1) Man soll sich auf die fortschrittlichen Überlieferungen der ungarländischen Slawistik zu stützen;

2) Man soll beherzt aus den Ergebnissen der slawischen Sprachwissenschaft schöpfen.

Diesen Gesichtspunkten gemäß wurden folgende – bisher z. T. vernachlässigte – Aufgaben in den Plan aufgenommen:

[3] Géza Bárczi: Bevezetés a nyelvtudományba. „Einleitung in die Sprachwissenschaft." Budapest 1953, 137—140.

I. Forschungen bezüglich der ungarisch-slawischen sprachlichen Beziehungen, mit besonderer Rücksicht auf die slawischen Elemente der ungarischen Sprache und den historischen Hintergrund ihrer Übernahme.

Themenkreise innerhalb dieser Arbeit:

a) slawische Elemente der ungarischen Sprache;

b) ungarische Elemente der slawischen Sprachen;

c) anderweitige ungarisch-slawische Beziehungen.

II. Das Studium der einzelnen slawischen Sprachen, sowie ihrer Geschichte, vor allem auf Grund des reichfließenden Quellenmaterials in Ungarn.

Themenkreise:

a) Vermittlung der slawistischen sprachwissenschaftlichen Resultate der Sowjetunion und der übrigen Völker, sowie Organisation einer slawischen Dokumentation.

b) Veröffentlichung von Quellenwerken. Vor allem die Erschließung, Bearbeitung und Herausgabe ungarländischer slawischer Sprachdenkmäler.

c) Das Studium slawischer Sprachen und ihrer Geschichte.

d) Die Erforschung der ungarländischen slawischen Dialekte und die Herausgabe von Sprachatlanten.

III. Schaffung einer Slawistik von allgemeinem Interesse. Innerhalb dieser die Popularisierung von Resultaten der Slawistik, die geeignet sind allgemeines Interesse zu erwecken, sowie die Schaffung der zur Aneignung des Russischen und der anderen slawischen Sprachen erforderlichen Behelfe.

Themenkreise:

a) Herausgabe von Universitäts-Lehrbüchern, ferner von Sprachlehren, Sprachbüchern und Wörterbüchern.

b) Regelung der Transkription der in zyrillischer Schrift geschriebenen Texte.

Aus dem bisher Gesagten geht hervor, daß der hier umrissene Plan den Aufgabenkreis und die Richtlinien der ungarländischen slawischen Sprachwissenschaft nicht nur für die Dauer von 5 Jahren, sondern für lange Zeit vorausbestimmt. Dieser Plan bietet gleichzeitig reiche Möglichkeiten für die Zusammenarbeit mit der Slawistik der benachbarten und der entfernteren Völker.

Wenn wir die Ergebnisse der verflossenen 10 Jahre einer Betrachtung unterziehen, können wir feststellen, daß sich die ungarländische Slawistik in vielversprechender Weise entwickelt hat. Dies wird auch aus unserem nachfolgenden Rechenschaftsbericht hervorgehen.

I

a) In der Erforschung ungarisch-slawischer sprachlicher Beziehungen bedeutet István Kniezsas Werk: »Slawische Lehnwörter der ungarischen Sprache«[4] einen wichtigen Markstein, den erfolgreichen Abschluß der Arbeiten, die von Miklosich, Asbóth und János Melich begonnen wurden. Bisher ist nur der erste Teil von Kniezsas Werk erschienen, der sogenannte lexikalische Teil, es steht jedoch zu hoffen, daß auch der zweite, zusammenfassende Teil in absehbarer Zeit erscheinen wird, welcher sich mit der Lautlehre der slawischen Lehnwörter, mit der Wortbildung, mit der Frage der verschiedenen Schichten der slawischen Lehnwörter

[4] István Kniezsa: A magyar nyelv szláv jövevényszavai. „Slawische Lehnwörter der ungarischen Sprache." I (1—2). Budapest 1955, 1044.

und mit ihrem slawischen und ungarischen gesellschaftlichen Hintergrund befaßt. Dieser Teil wird zugleich auch die Schlußfolgerungen enthalten, die aus der Untersuchung der Lehnwörter bezüglich der ungarischen Lautgeschichte gezogen werden können. Der Verfasser hat im I. Teil, der über tausend Seiten umfaßt, die Etymologie der Lehnwörter (genauer gesagt, die der Umgangssprache, der in Wörterbücher aufgenommenen Dialektwörter und der slawischen Lehnwörter in alten ungarischen Sprachdenkmälern) behandelt, indem er sie in drei Gruppen teilte: 1) Wörter zweifellos slawischen Ursprungs (insgesamt 800 Wörter, wovon 460 Wörter einen Teil des modernen ungarischen Wortschatzes bilden, die übrigen aber Dialektwörter sind); 2) Wörter zweifelhaften slawischen Ursprungs (800) und 3) bisher irrtümlicherweise für slawisch gehaltene Wörter, nichtslawischen Ursprungs (cca 430 Wörter). Im 2. Abschnitt werden jene Wörter behandelt, deren slawischer Ursprung zweifelhaft ist. Der Zweifel entsteht dadurch, daß entweder der Ursprung des slawischen Wortes unbekannt, oder, daß das Wort selbst fremden Ursprungs ist und das unwiderlegbare Merkmal der zweifellos slawischen Vermittlung nicht an sich trägt, so daß also nicht entschieden werden kann, ob das fragliche Wort unmittelbar aus einer fremden Sprache stammt, oder ob hiebei slawische Vermittlung vorauszusetzen ist. In diesem Abschnitte hatte der Verfasser große Schwierigkeiten zu überwinden, die sich daraus ergaben, daß wir noch nicht über entsprechende historische, etymologische und dialektische slawische Wörterbücher verfügen, und daß die Lehnwörter der slawischen Sprachen nahezu noch überhaupt nicht bearbeitet worden sind. Bei der ersten Gruppe, d. h. bei der Behandlung der Wörter zweifellos slawischen Ursprungs, hat der Verfasser folgende Methode angewandt: auf das Titelwort folgt die, das erste Vorkommen betreffende Angabe, darauf werden die verschiedenen Varianten des Wortes in geschichtlicher Reihenfolge angeführt. Der folgende Absatz enthält die Bedeutungen, danach werden, im Zusammenhange mit dem slawischen Ursprung des Wortes, die slawischen Entsprechungen angegeben; es folgen die eventuellen Bemerkungen in Bezug auf das ungarische Wort. In diesem Absatz wird z. B. die Frage erörtert, aus welcher Schichte und aus welcher slawischen Sprache das betreffende Wort entlehnt worden ist. (Bekanntlich hat die ungarische Sprache die »slawischen« Lehnwörter aus etwa neun verschiedenen slawischen Sprachen übernommen.) Den Beschluß des Artikels bilden endlich die Angaben bezüglich der Literatur des Wortes.

Kniezsas Werk wird zweifellos zu den schönsten Schöpfungen der ungarländischen Slawistik gehören. Es wird mit Erfolg zur Bereinigung von zahlreichen, die slawischen Völker betreffenden Fragen der ungarischen Geschichte beitragen.

Zu dieser Gruppe von Arbeiten gehört noch die Abhandlung József Erdödis, der den seit 1945 auf das Ungarische ausgeübten Einfluß der russischen Sprache untersucht hat[5]. Péter Király ging der Frage nach, was die Ursache der Entstehung, bzw. des Aufhörens der ungefähr zehnerlei Bedeutungen des aus dem Slawischen stammenden Wortes *»paraszt«* war, indem er Vergleiche mit der Bedeutungsentwicklung der slawischen »prost«-Wörter anstellt. Aus dieser Studie geht hervor, daß die Erklärung für den Bedeutungswandel in wirtschaftlichen und gesellschaftlichen Faktoren zu suchen ist[6]. László Gáldi beleuchtet in einer, einigen Bahn-

[5] József Erdödi: Az orosz nyelv hatása a magyarra 1945 óta. „Einfluß der russischen Sprache auf die ungarische seit 1945." Magyar Nyelvőr LXXVII (1953) und folg.

[6] Péter Király: Geschichte des ungarischen Wortes *paraszt* „Bauer". Acta Linguistica Hung. III (1953), 61—121.

brechern der slawisch-ungarischen Worterklärungen gewidmeten Studie einen Abschnitt aus der Geschichte der ungarländischen Slawistik[7].

b) Einige weitere, größere und kleinere, bereits erschienene, im Erscheinen befindliche, oder noch in Vorbereitung stehende Studien beschäftigen sich mit der Wirkung, die das Ungarische auf die benachbarten slawischen Sprachen ausgeübt hat. So werden die ungarischen Elemente des Serbisch-Kroatischen von László Hadrovics, die des Bulgarischen und Polnischen von Gyula Décsy, des ungarländisch Ukrainischen von Emil Baleczky und Sándor Bonkálo[8], des Slowakischen von Péter Király[9] und des Tschechischen von Béla Sulán, gemeinsam mit Gyula Décsy[9] untersucht.

c) Außer den ungarisch-slawischen lexikalen Wechselwirkungen wurden auch die in der Rechtschreibung der ungarischen Sprache, bezw. in der Orthographie der slawischen Nachbarvölker nachweisbaren gemeinsamen Elemente einer Untersuchung unterzogen. So beschäftigt sich Kniezsa mit dem Einfluß der tschechischen Orthographie auf die ungarische[10], während Hadrovics auf die mit der ungarischen Rechtschreibung parallelen Erscheinungen in der Orthographie der aus dem XVI. Jahrhundert stammenden protestantischen kroatischen Druckwerke hinweist[11].

Beachtenswert ist außerdem eine weitere Abhandlung von Hadrovics, indem der Verfasser anhand philologischer Vorgehen beweist, daß die südslawischen »Troja«-Romane des Mittelalters im westlichen Kulturkreis der lateinischen Völker entstanden sind, ihre unmittelbare Quelle jedoch in einer verloren gegangenen ungarischen Troja-Sage des Mittelalters zu vermuten ist[12].

II

a) Was die Übermittlung der Forschungsergebnisse von ausländischen Slawisten anbelangt, sind bei uns noch große Mängel zu verzeichnen. Es werden zwar in den Mitteilungen des Sprachwissenschaftlichen Instituts auch slawistische Artikel veröffentlicht, sowie Nachrichten aus den Werkstätten der Slawistik, auch ist die Dokumentation schon in gewisser Beziehung organisiert, doch erfolgt dies noch nicht systematisch und ist vor allem äußerst lückenhaft. Dies erklärt sich z. T. daraus, daß es bei uns eine Zeitlang keine slawistische Zeitschrift gab, ferner auch aus dem Umstand, daß sich der Geist der Kritik bei uns noch nicht in entspre-

[7] László Gáldi: Sur quelques pionniers des rapprochements étymologiques slavo-hongrois. Studia Slavica Hung. I (1955), 5—28.

[8] Emil Baleczky: К вопросу о значении и этимологии слова „дог". ÉSR I (1948), 106—111; Ungartsche Lehnwörter der Gemeinde Komlóska, in Vorbereitung.

[9] Péter Király: Chronologie des éléments hongrois dans la langue d'un village slovaque oriental. ÉSR I (1948), 201—214. — Ungarische Elemente der slowakischen Sprache, in Vorbereitung.

[10] István Kniezsa: Vgl. die entsprechenden Teile seiner Studien: Helyesírásunk története a könyvnyomtatás koráig. „Geschichte unserer Rechtschreibung bis zur Zeit der Buchdruckerei". Budapest 1952 und A magyar helyesírás története. „Geschichte der ungarischen Rechtschreibung". Budapest 1952.

[11] László Hadrovics: A XVI. századi protestáns horvát nyomtatványok helyesírása. „Die Orthographie der protestantischen kroatischen Druckwerke des XVI. Jahrhunderts. MTA I Osztályának Közleményei. „Sektionsmitteilungen" I (1951), 164—172.

[12] László Hadrovics: Az ómagyar Trója-regény a délszláv irodalomban. „Der altungarische Trojaroman in der Südslawischen Literatur". Sektionsmitteilungen V (1954), 79—175; Der südslawische Trojaroman und seine ungarische Vorlage. Studia Slavica Hung. I, 49—135.

chendem Maße entwickelt hat. In dieser Hinsicht ist jedoch bereits eine Besserung wahrzunehmen, die unserer seit kurzem erscheinenden slawistischen Zeitschrift zu verdanken ist. In Hinkunft ist es unsere erste Pflicht, durch bessere Organisation des Bücher- und Zeitschriftenaustausches, sowie durch Veröffentlichung von Artikeln ausländischer Gelehrter in unserer Zeitschrift die Kenntnis der slawistischen Forschungsergebnisse zu vertiefen.

b) Eine der gemeinschaftlichen Arbeiten, die unter der Ägide des Sprachwissenschaftlichen Instituts der Akademie, sowie des Instituts für slawische Sprachen an der Universität Budapest durchgeführt werden, ist die Herausgabe der ungarländischen slawischen Sprachdenkmäler. Leiter der Arbeit ist Akademiker István Kniezsa.

Die Erforschung und Veröffentlichung der ungarländischen slawischen Sprachdenkmäler dient dem Zwecke, sprachgeschichtlichen Quellenstoff zum Studium der Geschichte der einzelnen slawischen Sprachen zu bieten. Bekanntlich findet sich in den ungarländischen öffentlichen Sammlungen sehr viel Material in verschiedenen slawischen Sprachen, so vor allem Aufzeichnungen in slowakischer, kroatischer und serbischer Sprache, aber auch Vieles in tschechischer, polnischer, ja sogar in karpatoukrainischer Sprache.

1) In der ersten Phase unserer Forschungen haben wir die in tschechisch-slowakischer Sprache geschriebenen Aufzeichnungen des Landesarchivs erschlossen (bis inkl. 1700), und dieses Material inventarisiert. Hievon ist die Bearbeitung von 73, bis 1526, d. h. bis zum Ende des ungarischen Mittelalters reichenden Materials, als I. Band der Slawischen Sprachdenkmäler bereits erschienen[13]. Die Mitarbeiter dieses Bandes waren: die Historiker Béla Bottló und Erik Fügedi, sowie István Kniezsa und zum kleineren Teil Péter Király. In diesem Band stellt Kniezsa die Frage der tschechischen Sprache, als Literatursprache der Slowaken, in einer neuen, der Wahrscheinlichkeit am ehesten entsprechenden Weise klar. Seiner Meinung nach kann die Verbreitung der tschechischen Sprache unter den Slowaken mit den Auswirkungen der Notariats-Institution auf die Schriftlichkeit erklärt werden. Den Ausführungen Kniezsas nach hat sich auf heimatlichem Boden die tschechische Schriftlichkeit nicht auf Initiative Tschechisch sprechender Slowaken entwickelt, sondern sie wurde von tschechischer Seite her eingeführt.

Dem hier besprochenen Bande werden noch weitere folgen.

2) Parallel mit der im Landesarchiv vonstatten gehenden Arbeit registrieren wir die Manuskripte in tschechisch-slowakischer Sprache der Budapester Bibliotheken, unter Mitwirkung von Emília Urbegyi, Péter Király und Gyula Décsy. Es wäre natürlich wünschenswert, wenn sich die Registrierung auf das ganze Land erstreckte. Zweck derselben wäre es, das auffindbare Material in Evidenz zu nehmen und weiterhin hierüber eine, mit geschichtlichen, literarischen und linguistischen Anmerkungen versehene Publikation nach Art einer Bibliographie anzufertigen.

Diese Forschungen sind unter anderem auch deshalb von großer Bedeutung, weil im Laufe derselben bereits mehrere Sprachdenkmäler zum Vorschein gekommen sind. Das älteste dieser Denkmäler ist ein aus dem XI–XII. Jahrhundert stammendes Fragment in glagolitischer Schrift. Wir haben außerdem noch zwei aus dem XIV. Jahrhundert und drei aus dem XV. Jahrhundert stammende Fragmente in eckiger Glagoliza entdeckt, sowie einige andere in zyrillischer Schrift. Es kamen

[13] Stredoveké české listiny. Red. Št. Kniezsa. Bp. 1952, 208 S. + 12 T.

sogar ein kurzer, mit lateinischen Buchstaben geschriebener kroatischer Text aus dem XIV. Jahrbundert und drei aus dem XIV. Jahrhundert stammende tschechische (d. h. mährisch-slowakische) Schriftdenkmäler zum Vorschein. Eines davon ist vermutlich ein bisher unbekanntes Alexandreis-Fragment, das zweite enthält einige, teilweise auch schon von J. Macůrek veröffentlichte tschechische Kirchenlieder[14]; das dritte, älteste Fragment, harrt noch einer genaueren Bestimmung. Außerdem stießen wir noch auf mehrere tschechische und polnische Glossen aus dem XV. Jahrhundert. Ein vom Ende des XVII. Jahrhunderts stammendes Gebet erwies sich als das älteste ungarländische, in slowenischer (wendischer) Sprache aufgezeichnete Schriftdenkmal. Ferner sind uns auf einigen, der 1613 erschienenen Hren-schen slowenischen Evangelien-Übertragung beigefügten Blättern slowenische Gebete und Gesänge aus dem XVII. Jahrhundert überkommen.

Obwohl die ungarländischen Archive und Bibliotheken schon mehreremale durchforscht worden sind und einige Fachleute, hauptsächlich V. Chaloupecký[15] und J. Kukuljević[16] bisher schon wichtiges Material veröffentlicht haben, beweisen die bisherigen Erfolge, daß man sich von derartigen Forschungen auch in der Zukunft gute Resultate versprechen kann.

Über die in den Budapester öffentlichen Sammlungen befindlichen slawischen Sprachdenkmäler sind wir uns schon im großen und ganzen im Klaren, dasselbe können wir dagegen bezüglich des Materials der öffentlichen Sammlungen in der Provinz noch nicht behaupten. Gerade deşhalb beabsichtigen wir nunmehr alle bei uns auffindbaren Sprachdenkmäler in slawischer Sprache in Evidenz zu nehmen, also außer den tschechischen und slowakischen auch die in kirchenslawischer Sprache geschriebenen, ferner die kroatischen, slowenischen, karpatoukrainischen Aufzeichnungen usw.

3) Im Jahre 1954 haben die Vorarbeiten zu unserer wichtigsten slawistischen Arbeit, dem Wörterbuche der ungarländischen slowakischen Sprachdenkmäler ihren Anfang genommen. Im Laufe dieser Arbeit werden wir voraussichtlich die Schriftdenkmäler des bis zum Auftreten Bernoláks reichenden Zeitabschnites bearbeiten. Falls es gelingt, diese Arbeit erfolgreich zu beenden, werden wir der Slawistik der Welt das erste slowakische sprachhistorische Wörterbuch überreichen können. Diese Arbeit wird von Prof. Kniezsa geleitet.

c) Mit den hier angezeigten Arbeiten steht die Bearbeitung der Sprachdenkmäler, und im Allgemeinen das Studium der einzelnen Probleme der verschiedenen slawischen Sprachen in engem Zusammenhang.

Auf die kirchenslawische Sprache bezieht sich eine einzige, demnächst erscheinende Studie. Es ist das eine Abhandlung Péter Királys[17], die von dem bereits erwähnten Fragment in glagolitischer Schrift handelt. Dieses 9-zeilige, teilweise unleserliche Bruchstück ist mit einem Teil der Makarius-Legende verwandt. Aus der Untersuchung geht hervor, daß es wahrscheinlich im XI–XII.

[14] Macůrek, Josef: Bohemika v budapešťských archivech a jejich význam pro české dějiny. Věstník ČAVU LIX (1950), 121.

[15] Chaloupecký, Václav: Středověké listy ze Slovenska. Bratislava—Praha 1937.

[16] Kukuljević, J. S.: Acta croatica. Listine hrvatske. U Zagrebu 1863; И. В. Ягичъ: Глаголическое письмо. С.—Пб. 1911, 166—167.

[17] Péter Király: A budapesti glagolita-töredék. I. „Das Budapester Glagolitische Fragment. I." — Erscheint im Jahrgang 1955/56 der Studia Slavica Hung.

Jahrhundert auf mazedonisch-serbischem Gebiet entstanden ist. Den größten Wert weist dieses Fragment in paläographischer Beziehung auf. Einzelne runde Buchstaben des Schriftdenkmals erinnern an einen Typus, welcher vielleicht am ehesten in den sogenannten morawisch-pannonischen, bzw. mazedonischen Denkmalgruppen der ältesten Aufzeichnungen in glagolitischer Schrift vertreten ist. Sie bedeuten gleichzeitig einen bisher unbekannten, zwischen der ältesten Gruppe der glagolitischen Denkmäler und der Gruppe der kroatischen glagolitischen Aufzeichnungen stehenden, neuen Übergangstypus.

Ein beträchtlicher Teil der slawistischen Studien handelt von der Geschichte der slowakischen Sprache; so bespricht Prof. Kniezsa in zwei Abhandlungen das Problem der südslawischen Elemente im Slowakischen und kritisiert in einem Vortrag über die Sprache der Slawen Transdanubiens vor der Landnahme der Ungarn, das Werk Ján Stanislavs: Slovenský juh v stredoveku (1943)[18]. Im Gegensatz zu Stanislav, der die Bevölkerung Transdanubiens zur Zeit der Landnahme für slowakisch hält, kann, Kniezsas Ansicht nach, der südslawische Charakter der slawischen Bevölkerung Transdanubiens nicht bezweifelt werden. Seiner Meinung nach wohnte an beiden Ufern der Donau, in der Vág- und Nitra-Gegend und in Transdanubien ein- und dieselbe südslawische Bevölkerung, die jedoch nicht näher bestimmt werden kann. – Gyula Décsy untersucht in zwei Arbeiten die orthographischen, bzw. sprachlichen Slowakismen in den von Slowaken stammenden, bzw. bei den Slowaken verbreiteten ältesten Schriftdenkmälern in tschechischer Sprache[19]. In seinem als Kandidaturs-Dissertation verfaßten, nächstes Jahr im Druck erscheinenden Werke bearbeitet Décsy ein aus dem XVII. Jahrhundert stammendes, viele Besonderheiten des mittelslowakischen Dialektes aufweisendes Arzneibuch[20]. Der Verfasser bietet hier zugleich ein Beispiel für die Methode der Erforschung der slowakischen mundartlichen Elemente in den slowakisierenden tschechischen Schriftnormen. Wir können in diesem Werke zugleich auch die erste sprachhistorische Monographie begrüßen, in der ein umfangreiches slowakisches handschriftliches Denkmal bearbeitet wird. – In Vorbereitung befindet sich noch eine Veröffentlichung ähnlichen Charakters von Emilie Urhegyi, in welcher die im XVII. Jahrhundert abgefaßten slowakischen Protokolle der Gemeinde Nádaska publiziert werden sollen. In einer interessanten Studie untersucht Erik Fügedi die Entwicklung der slowakischen Schriftlichkeit in der Domäne Bytča[21]. Péter Király widmet der Entwicklung der slowakischen Literatursprache zwei Aufsätze. In einem davon beschäftigt er sich mit dem 1788 zur Drucklegung gelangten Manuskripte A. J. Hasskos. Auf Grund der »slowakisierenden Berichtigungen des Verfassers, der bohemisierenden Verbesserungen des Zensors, und endlich der neuerlich reslowakisierenden Korrekturen des Autors« beweist Király, daß die am

[18] István Kniezsa: A honfoglalás előtti szlávok nyelve a Dunántúlon. „Die Sprache der Slawen Transdanubiens vor der Landnahme." Sektionsmitteilungen II (1952), 373–390; Die Sprache der Alten Slawen Transdanubiens. Studia Slavica Hung. I, 29–47.

[19] Gyula Décsy: Орфография древнейших памятников словацкого языка. Acta Linguistica Hung. III (1953), 353–372; Čeština v středověkých Uhrách. Studia Slavica Hung. I, 278–287.

[20] Gyula Décsy: „Eine ärztliche Handschrift aus dem XVII. Jahrhundert als slowakisches Sprachdenkmal (Handschrift).

[21] Erik Fügedi: K otázke užívania slovenského jazyka na panstvách v 17. storočí. Studia Slavica Hung. I, 179–225.

Ende des XVIII. Jahrhunderts entstandene Bernolák-sche Literatursprache als eine notwendige Folge der realen Entwicklung der slowakischen Sprache anzusehen ist[22]. In einer weiteren Abhandlung beschäftigt sich Király mit der – bisher wenig bekannten – ersten slowakischen regionalen Literatursprache, d. h. mit den aus den Jahren 1750–58 stammenden, in ost-slowakischem Dialekt und mit ungarischer Orthographie geschriebenen, in Debrecen gedruckten Kirchenbüchern der reformierten Ostslowaken. Seiner Meinung nach können diese fünf Büchlein als die ersten umfangreicheren slowakischen Sprachdenkmäler betrachtet werden, und auch als die ersten, noch dazu mit lateinischen Lettern gedruckten Bücher in wirklich slowakischer Sprache[23].

In die Bereiche der tschechischen Linguistik gehört eigentlich nur ein einziges Werk, die Studie Emília Urbegyis, in welcher die Verfasserin eine tschechische Handschrift von Anfang des XVI. Jahrhunderts einer genauen philologischen Analyse unterzieht[24].

Auf dem Gebiete der russischen Sprachforschung ist bei uns bisher kaum etwas Nennenswertes aufzuweisen. Zu erwähnen sind bloß die Studien László Gáldis[25] und Béla Kálmáns, die die französischen, bzw. die obi-ugrischen Elemente der russischen Sprache untersuchen[26].

Die Ursache der geringen wissenschaftlichen Produktion auf diesem Gebiete liegt darin, daß es bei uns bisher wenig Russisten gab. Die Aussichten für die Zukunft aber sind vielversprechend. Es gibt nun schon junge Kader, die ihre Fachausbildung teils in der Sowjetunion erworben haben, teils bei uns der Aspiranten-Ausbildung teilhaftig wurden. Der wissenschaftliche Nachwuchs läßt bereits von sich hören[27]. Die Studie István Fodors über die Syntax der Sadonschtschina[28] und die Mihály Péters über den Tonfall des russischen Fragesatzes sind bereits erschienen[29]. Die Veröffentlichung weiterer Abhandlungen von László

[22] Péter Király: К вопросу о словакизации. Acta Linguistica Hung. II (1952), 189–201.

[23] Péter Király: A keletszlovák nyelvjárás nyomtatott emlékei. „Die gedruckten Denkmäler des ostslowakischen Dialektes". Bp. 1953. 296 S. + XI. T. + 1 A.

[24] Emília Urbegyi: Budapešťský rukopis „Knijh o zarmutcenjch welikých Czýrkwe Swaté". Studia Slavica Hung. I., 261–277.

[25] László Gáldi: Francia-orosz nyelvi kapcsolatok a XVIII. században. „Französisch-russische Sprachverbindungen im XVIII. Jahrhundert". Nyelvtudományi Közlemények LII (1948), 31–39.

[26] Béla Kálmán: Obi-ugor elemek az orosz nyelvben. „Ob-ugrische Elemente in der russischen Sprache". O. c. LIII (1952), 153–171; Русские заимствования из обь-угорских языков. Acta Linguistica Hung. I (1951–52), 249–272.

[27] Vgl. den demnächst erscheinenden Artikel Emil Baleczkys: „Die ungarländische russische Philologie".

[28] Istvan Fodor: Синтаксические явления „Задонщины". Studia Slavica Hung. I 137–178.

[29] Mihály Péter: Методика вопросительного предложения в русском языке. O. c. 245–259.

Dezső[30], József Juhász[31], Lajos Kiss[32], Ferenc Kovács[33], Nándor Molnár[34], Nadezsda Országh[35] und Ferenc Papp[36] steht zu erwarten.

Mit den Fragen der südslawischen Linguistik beschäftigt sich leider, mit Ausnahme von Hadrovics, augenblicklich eigentlich niemand; deshalb ist es unsere vordringliche Pflicht, das Versäumnis auf diesem Gebiete durch entsprechende Ausbildung von Fachleuten baldigst nachzuholen.

Bei den Slawisten wird die in Vorbereitung befindliche »Bibliographie der ungarländischen Slawistik« sicherlich Interesse erwecken. Die Organisation dieser Arbeit versieht Emil Baleczky.

d) Die zweite kollektive Arbeit, die von Kniezsa und Hadrovics geleitet wird, ist der Atlas der ungarländischen slawischen Sprachen. Der Plan einer Bearbeitung der ungarländischen slawischen Dialekte wurde schon 1903 aufgeworfen, als der sprachwissenschaftliche Ausschuß der Ungarischen Akademie der Wissenschaften die Erforschung der ungarländischen slawischen Dialekte ins Auge faßte. Die erste (und zugleich letzte) Studie, die im Zusammenhang mit diesem Plan ans Licht kam, war die Studie Ágost Pável[37]. Vereinzelt erschienen zwar wohl später einige kleinere Studien, aber, mit Ausnahme der Štolc-schen Forschungen[38], ist auf diesem Gebiet im wesentlichen überhaupt nichts geschehen.

Zu einer systematischen Bearbeitung der ungarländischen slawischen Dialekte kam es erst nach der Reorganisierung der Ungarischen Akademie der Wissenschaften und der Errichtung des Sprachwissenschaftlichen Instituts. Der Sprachatlas dient dem Zwecke, über den Zustand der einzelnen ungarländischen slawischen Dialekte einen Überblick zu gewinnen, um sodann, mit Hilfe des Dialektatlasses, dialekthistorische Studien und die Abfassung von Monographien zu ermöglichen.

1) In Ungarn gibt es Gemeinden, in denen slowakische, serbisch-kroatische, slowenische, karpato-ukrainische und polnische Dialekte, sowie Gemeinden, in denen karpato-ukrainische-ostslowakische Übergangsdialekte gesprochen werden.

In der ersten Phase der Arbeit am Sprachatlas führten wir die sogenannten informativen Forschungen durch, deren Zweck es war, auf Grund kurzer Fragebogen eine Übersicht über die Zugehörigkeit, den Charakter und die Zusammensetzung der ungarländischen slawischen Dialekte zu gewinnen.

---

[30] László Dezső studiert die Sprache der karpato-ukrainischer Urbarien.

[31] József Juhász beschäftigt sich mit den Problemen der heutigen literarischen russischen Sprache, in erster Linie mit der Wortbildung.

[32] Lajos Kiss bereitet eine Dissertation aus dem Problemenkreis der russischen Wortbildung vor.

[33] Ferenc Kovács bereitet eine Kanditaturs-Dissertation mit dem Titel: „Die Geschichte der mit dem Denken in Verbindung stehenden Ausdrücke in der russischen Sprache" vor.

[34] Nándor Molnár schreibt seine Kandidaturs-Dissertation unter dem Titel: Spiegelwörter der altslawischen Bibelübersetzungen.

[35] Nadezsda Országh's Kandidaturs-Dissertation führt den Titel: Der Aspekt in der russischen Sprache und seine ungarischen Entsprechungen.

[36] Ferenc Papp hat unter dem Titel „Einige Bemerkungen zur Frage des Beiwortes in der russischen Sprache" seine Kandidaturs-Dissertation angefertigt.

[37] Ágost Pável: A vashidegkuti szlovén nyelvjárás hangtana. „Die Lautlehre des Vashidegkuter slowenischen Dialektes. Bp. 1909. 148.

[38] Štolc, Jozef: Nárečie troch slovenských ostrovov v Mad'arsku. Bratislava 1949.

Vorläufig sind nur die slowakischen Arbeiten des Sprachatlasses im Gange. Die informative Sammeltätigkeit der slowakischen Sektion war bereits Ende 1952 abgeschlossen, auch ist die Bestimmung der slowakischen Orientierungspunkte bereits beendet; mehr als die Hälfte der Forschungspunkte ist bereits erschlossen. Die Forschungspunkte werden auf Grund des Dialekt-Fragebogens der Slowakischen Akademie der Wissenschaften bearbeitet[39]. Zur Kontrolle unserer Aufzeichnungen benützen wir das Magnetophon unseres Instituts.

Bei der südslawischen Sektion ist das informative Sammeln mangels entsprechender Mitarbeiter noch nicht beendet, doch kann auf Grund der bisherigen Arbeiten schon jetzt festgestellt werden, daß z. B. auf serbisch-kroatischem Gebiete alle drei Dialekttypen: die štokavština, kajkavština, sowie die čakavština vertreten sind.

Die Mitarbeiter des slawischen Sprachatlasses sind: Gyula Décsy, Ferenc Gregor, Péter Király, István Sipos, bzw. Kálmán Bor und Ferenc Botka.

2) Das Studium der ungarländischen slawischen Dialekte ist von großer Bedeutung. In erster Linie deshalb, weil unsere slawistischen, ja bis zu einem gewissen Grade auch unsere allgemeinen sprachwissenschaftlichen Kenntnisse dadurch in beträchtlichem Maße bereichert werden. Infolge der außerordentlich vorteilhaften Zusammensetzung der Dialekte ist uns Gelegenheit geboten zum unmittelbaren Studium sozusagen aller slawischen Sprachen, bzw. ihrer Dialekte, sowie zum vergleichenden Studium derselben. Außerdem besteht für uns die Möglichkeit, das Entstehen von Übergangsdialekten und neuer Dialekttypen, die Doppelsprachigkeit, die ungarisch-slawischen Wechselwirkungen usw. zu studieren.

Außer den gemeinschaftlichen Arbeiten werden auch individuelle Untersuchungen durchgeführt. So bearbeitet z. B. Emil Baleczky, in Form einer Monographie, den karpato-ukrainischen Dialekt der Gemeinde Komlóska. Ferenc Gregor schrieb eine Studie über die Sprache einer Gemeinde mit westslowakischer Mundart. László Hadrovics beschäftigt sich mit den im XVIII. und XIX. Jahrhundert gedruckten Schriftdenkmälern des westungarischen (burgenländischen) kroatischen Dialektes. Péter Király schreibt eine Studie über die Entstehung des mittelslowakischen Dialektes der Gemeinde Tótkomlós, sowie über den ostslowakisch-karpato-ukrainischen Übergangsdialekt. István Sipos studiert die Sprache der slowakischen Gemeinden im Bükk-Gebirge. (Ein großer Teil dieser Studien wird in Bälde erscheinen).

Gestatten Sie mir, hier als Beispiel die handschriftlich vorliegende Kandidaturs-Dissertation von István Sipos mit einigen Worten zu charakterisieren, die ich von mehreren Gesichtspunkten aus für bedeutend halte. Auf Grund siedlungsgeschichtlicher Daten beweist der Verfasser, daß die im XVIII. Jahrhundert an den Hütten- und Hammerwerken des Bükk-Gebirges angesiedelten Einwohner aus fast allen Komitaten der heutigen Slowakei, außerdem haupsächlich aus Mährisch-Valašsko eingewandert sind. Die Besiedlung währte fast bis zur Zeit des Ersten Weltkrieges. Aus den Sprachen der, verschiedene Sprachen und Mundarten sprechenden Volkselemente ist heute ein Dialekttypus entstanden (u. zw. in drei Varianten), der auf dem Gebiete der Slowakei eigentlich nicht existiert. Im Laufe seiner archivalischen Forschungen stieß der Verfasser auf wichtige Angaben; er fand z. B. Aufzeichnungen, aus denen hervorgeht, woher jemand kam und welche Sprache

[39] Paulíny, E — Štole, J.: Dotazník pre výskum slovenských nárečí. Bratislava 1947.

(»slawische«, deutsche und ungarische) er sprach. Im Besitze dieser Angaben, vermochte der Verfasser, unter Benützung des linguistischen Beweismaterials, über den Vereinheitlichungsprozess der Sprache der Bükker Siedlungen, fast in ihrem ganzen Umfange, ein lebenswahres Bild zu geben.

Die Geschichte fast aller slawischen Niederlassungen in Ungarn verläuft ähnlich, wie die der Bükker Ansiedlungen. In den tiefer gelegenen Gegenden entstanden die Kolonien in Gebieten, die infolge der Türkenherrschaft entvölkert waren. Da es sich in den meisten Fällen nicht um eine organisierte Besiedlung, sondern um freiwillige Niederlassung handelte (dies bezieht sich hauptsächlich auf unsere slowakischen Kolonien), kam aus den Sprachen der, verschiedene Dialekte sprechenden Siedler in jedem Falle ein Dialekt ganz neuer Art zustande. Gerade aus diesem Grunde ist das Studium der ungarländischen slawischen Dialekte auch vom Standpunkte des Problems der Sprachmischungen besonders lehrreich.

III. Der sozialistischen Auffassung gemäß stehen Leben und Wissenschaft in engster Beziehung zueinander. Und das Leben, das steigende kulturelle Niveau erfordern es, daß der Bevölkerung Wörterbücher (Lexika), Sprachlehren und Sprachbücher von entsprechendem Niveau zur Verfügung gestellt werden. Diesem Bedürfnisse Rechnung tragend, kam die Wissenschaft den breiten Volksmassen zu Hilfe; so sind die Werke entstanden, über die ich im Folgenden Bericht erstatten möchte.

a) Es läßt sich im allgemeinen feststellen, daß uns anfangs keine entsprechenden slawischen Wörterbücher und Sprachbücher zur Verfügung standen. So waren z. B. erwähnenswerte russische Wörterbücher zum letztenmal Ende des vorigen Jahrhunderts, bzw. in den 20-er Jahren erschienen[40], eine russische Sprachlehre auch bloß zur selben Zeit[41]. In dieser Beziehung mußten wir nach 1945 große Lücken ausfüllen. Eben deshalb ist den langentbehrten Wörterbüchern von Hadrovics und Gáldi großer Wert beizumessen[42]. Außer diesen sind übrigens noch zahlreiche russisch-ungarische Fachwörterbücher erschienen. Unter den zahlreichen russischen Sprachlehren ragt die von Miklós Szabó verfaßte hervor[43]. In wissenschaftlichen Kreisen, ebenso wie von den Pädagogen, wird das in Vorbereitung befindliche russich-ungarische, linguistisch-terminologische Wörterbuch von József Juhász mit großem Interesse erwartet.

Auch auf dem Gebiete anderer slawischer Sprachen wird eifrig gearbeitet. Von Hadrovics ist bereits eine serbo-kroatische Sprachlehre erschienen[44]; demnächst wird auch das tschechische Sprachbuch von István Sipos und Leopold Bena herauskommen. Außerdem ist auch die Herausgabe, bzw. Vorbereitung eines

[40] Ich denke hier an die Wörterbücher László Csopei's (1883) und Sándor Mitrák's (1881—84; 1922).

[41] Von den ältesten Sprachlehren ist die beste Oszkár Asbóth: Kurze russische Grammatik. Leipzig 1904[3] (deutsch), (In ungarischer Sprache) Bp. 1888.

[42] L. Hadrovics—L. Gáldi: Orosz-magyar szótár. „Russisch-ungarisches Wörterbuch." Bp. 1951, XVI + 996; von denselben: Magyar-orosz szótár. „Ungarisch-russisches Wörterbuch." Bp. 1952, XVI + 1354; Magyar-orosz kéziszótár. „Ungarisch-russisches Handwörterbuch." Bp. 1953. 720.

[43] Miklós Szabó: Az orosz nyelv tankönyve. „Lehrbuch der russischen Sprache." Bp. 1952.

[44] László Hadrovics: Gramatika hrvatskoga ili srpskoga jezika za srednje škole. Bp. 1954, 290

tschechischen Wörterbuches von größerem Umfang, ferner die Veröffentlichung eines polnischen und eines bulgarischen Wörterbuches im Gange. Als erstes wird das tschechisch-ungarische Wörterbuch im Druck erscheinen.

b) Vor der Befreiung verfügte die ungarländische Slawistik über keine selbständige Zeitschrift. Die einschlägigen Artikel erschienen zum größten Teil in verschiedenen einheimischen Zeitschriften, in ungarischer Sprache, was zur Folge hatte, daß das Ausland in vielen Fällen von denselben keine Kenntnis nahm. In dieser Hinsicht trat eine günstige Wendung von großer Bedeutung ein, als unsere Slawistik eine selbständige Zeitschrift bekam (Études slaves et roumaines, redigiert von István Kniezsa). Leider war dieser Zeitschrift keine lange Lebensdauer beschieden, im ganzen erschienen bloß anderthalb Jahrgänge (1948), doch ist ihre Bedeutung dennoch nicht zu unterschätzen, da es uns hiedurch gelungen war, mit den Slawisten der verschiedenen Länder in Verbindung zu treten. Jetzt, wo die ungarländische Slawistik über eine neue Zeitschrift verfügt, können die unterbrochenen Verbindungen wieder aufgenommen werden. Schriftleiter der neuen Zeitschrift ist István Kniezsa; bisher ist eine Doppelnummer unter dem Titel: »Studia slavica« erschienen.

Geehrte Konferenz!

Ich bin ans Ende meines Rechenschaftsberichtes gelangt. Aus dem Gesagten geht hervor, daß, wenn auch die in Ungarn durchgeführten slawistischen Arbeiten nicht eben von größter Bedeutung und von umfassendem Charakter sind, unsere bisherigen Ergebnisse dennoch nicht unterschätzt und unsere Pläne für die Zukunft nicht geringgeachtet werden dürfen. Mit unserer Tätigkeit wollen auch wir den guten Ruf der slawischen Sprachwissenschaft fördern und wir wünschen durch die erzielten Ergebnisse unsere Beziehungen zu den nachbarlichen und den entfernteren Völkern zu vertiefen, um auch auf diese Weise zur Festigung des so sehr ersehnten Friedens beitragen zu können.

Ich danke Ihnen, daß Sie die Liebenswürdigkeit hatten, meiner Rechenschaftsbericht Gehör zu schenken.

T. EEKMAN et C. H. VAN SCHOONEVELD

LES ÉTUDES SLAVES AUX PAYS BAS DE 1944 À 1954

Avant la deuxième guerre mondiale, la philologie slave, représentée autrefois en Hollande d'une façon si brillante par N. van Wijk (mort en 1941), ne trouvait son champs d'action qu'à l'Université de Leyde. C'était R. van der Meulen qui a occupé, à partir de 1946, la chaire pour les langues balto-slaves (fondée en 1913); en 1952, il était succédé par C. H. van Schooneveld. En 1948, à Leyde a été créé un Institut slave. L'enseignement a été étendu par plusieurs postes d'assistants (Dr. A. G. F. van Holk pour la linguistique russe, Mme Dr. I. de Vries-de Gunzburg pour la langue et la littérature russe). En même temps, le professeur Th. J. G. Locher (chaire d'histoire générale) s'occupe spécialement du monde slave. Enfin, il faut signaler le Centre pour le droit d'Europe orientale, fondé à Leyde en 1953 (directeur Dr. Zs. Szirmai).

Sous l'influence de l'intérêt croissant pour le monde slave, la chaire de l'histoire culturelle de l'Europe orientale existante depuis 1930 à Amsterdam (occupée par B. Becker) fut transformée en 1945 en une chaire ordinaire d'histoire, de langue et des lettres russes. En outre, l'enseignement a été fortifié par des postes d'assistant pour la philologie slave et pour les langues polonaise, tchèque et serbocroate (Mme T. Voogd-Stojanowa, Dr. C. L. Ebeling, Dr. T. Eekman), ainsi que pour l'étude de la Russie moderne (J. W. Bezemer). En 1955, après la retraite de B. Becker, C. L. Ebeling est devenu professeur ordinaire des langues et littératures slaves. La philosophie russe est enseignée par le »privaat-docent« Dr. J. H. Dubbink. En 1948 a été fondé, à coté du département russe de l'Institut international d'histoire sociale, qui existait déjà, l'Institut russe (dir. professeur Becker), qui a pour but la formation d'une bibliothèque de livres et de périodiques traitant la Russie moderne.

A l'Université d'Utrecht, le professeur extraordinaire K. E. O. Jahn donne des cours de slavistique depuis 1950, avec à son coté depuis 1955 un »privaat-docent« pour les langues slaves du sud (C. A. van den Berk). A Groningue, H. G. Schogt est chargé d'un cours de langue russe. A l' Université catholique de Nimègue, la langue russe est enseignée depuis 1948 par le P. Zacharias Anthonisse.

La bibliothèque la plus importante pour la philologie slave est celle de Leyde grâce au legs de N. van Wijk dont la riche collection forme la partie principale de la salle de lecture slave de l'université. L'Institut russe à Amsterdam compte déjà plus de 6500 livres sur la Russie moderne et reçoit plus de 75 périodiques et journaux russes et étrangers; on y espère publier bientôt un catalogue complet des titres en possession de l'Institut. Le département russe de l'Institut international d'histoire sociale possède une bibliothèque de plus de 10.000 vol. relatifs à l'histoire sociale de Russie au 19e et 20e siècles; surtout le populisme, les partis politiques

et le mouvement ouvrier sont bien représentés. L' Institut possède également un certain nombre d'archives (de Herzen, P. B. Axelrod et Potresov e. a.). Enfin, en ce qui concerne l'organisation des études slaves aux Pays-Bas, il faut signaler la préparation à Amsterdam et à Leyde d'un catalogue central des *slavica* des grandes bibliothèques hollandaises.

Les thèses suivantes ont été soutenues à Amsterdam: T. Eekman, Anton Tsjechov en de Russische intelligentsia (1951); K. van het Reve, Goed en schoon in de Sovjetcritiek (1954); F. C. Driessen, Gogol' als novellist (1955); J. M. Meyer, The Russian colony in Zürich 1870–1873 (1955); à Leyde: A. G. F. van Holk, The semantic spectrum of the Russian infinitive (1953); J. de Graaf, De anthropologie in de moderne Russische wijsgerige theologie (1949); I. Gad'ourek, The political control of Czecho-Slovakia, a study in social control of a Soviet Communist State (1953); à Nimègue: R. Jans, Tolstoj in Nederland (1952); à l'Université libre (calviniste) d'Amsterdam: G. Kuypers, De Russische problematiek in het Sowjetstaatsbeeld (1954). Les thèses suivantes sont en préparation: sur K. Aksakov (Leyde); sur le langage de N. S. Leskov (Leyde); sur le réalisme chez Dostoevskij (Amsterdam); sur le héros positif dans le roman soviétique (Amsterdam); sur les témoins occidentaux de la révolution russe (1917–1918) (Amsterdam); et sur Marin Držić (Utrecht).

Outre les thèses, qui sont toutes imprimées et à vendre, des nombreux livres et articles scientifiques sur le terrain slave ont été publiés dans les dernières années; nous signalons l'oeuvre historique »Rusland, epos van leed en strijd« (2 vol., 1949) par H. Enno van Gelder, l'édition revisée du dictionnaire russo-hollandais de B. Raptschinsky (1953), les monographies sur Bakunin (par A. L. Constandse, 1948), M. Gor'kij (par K. F. Proost, 1952), Herzen (par T. Eekman, 1953), Pierre le Grand (par Th. J. G. Locher, 1947), les études de R. van der Meulen publiés dans les comptes rendus de l'Académie royale néerlandaise: De Nederlandsche woorden in het Russisch (1945), Het Lexikon vokabulam novym po alfavitu (1950); et sa contribution au volume collectif De godsdiensten der wereld, »De Godsdienst der Slaven en Balten« (Amsterdam 1948).

A l'occasion de la retraite de B. Becker, est parue la collection d'études Analecta Slavica (Amsterdam, 1955).

Enfin, la série Slavistic printings and reprintings, redigée par C. H. van Schooneveld, a commencée à paraître à La Haye en 1954; jusqu'alors ont été publiés: The poetry of Adam Mickiewicz (par W. Weintraub); Old Church Slavonic Grammar (par Horace G. Lunt); Russian formalism, History-Doctrine (par V. Erlich); The modern Polish short story (par Olga Scherer-Virski); Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten (par L. Sadnik et R. Aitzetmüller; le dernier volume en collaboration avec Carl Winter, Heidelberg).

Les slavistes hollandais se réunissent régulièrement dans la Société d'études slaves (Slavische Studievereniging), dont les membres font des conférences.

En conclusion, on peut dire que les études slaves aux Pays-Bas font évidence des efforts des slavistes néerlandais à s'informer le plus possible sur tout le vaste terrain de la slavistique, et de leur orientation internationale. L'interêt scientifique aux langues et aux cultures slaves s'accroit constamment; ceci malgré le fait que le développement des études slaves se voit sensiblement entravé par le fait qu'un slavisant diplomé dans notre pays trouve difficilement un poste qui correspond à ses aptitudes.

REFERATI
O POJEDINIM PITANJIMA SLOVENSKE LINGVISTIKE I ISTORIJE SLOVENSKIH KNJIŽEVNOSTI

А. БЕЛИЧ

О ГЛАГОЛАХ, ИМЕЮЩИХ ДВА ВИДА*

Автор указывает на несомненный факт, что в славянских языках имеется известное количество глаголов с друмя видами, несовершенным и совершенным, которыми они пользуются без видимого изменения значения, кроме значения, конечно, самого вида. Так как они чаще всего встречаются в сербохорватском языке, то автор подвергает всестороннему анализу эти глаголы только в этом языке, а относительно остальных славянских языков дает только примеры принципально тождественые с примерами сербохорватского языка.

Автор считает, что два вида у этих глаголов первоначально распределялись по временам: в настоящем времени и глагольных формах от него зависящих — употреблялся несовершенный вид (*рӯчāм, вѐчерāм, обéдаю, вúжу* и т. п.), а в прошедших временах (претеритальных) — совершенный (*jâ сам рýчао, вѐчерао, я обéдал, я вúдел* и т. п.). Это значит, что во втором случае упомянутые примеры обозначают: *jâ сам рýчао* — „я кончил обед", вѐчерао — „я кончил ужин", *я обéдал* — „я пообедал", *я вúдел* — „я зрением воспринял". Для того, чтобы объяснить эти глаголы, автор берет сербохорватской глагол *пӣса̄ти* в особом значении „писать письмо": в наст. вр. *пӣшēм* — несоменно вид несовершенный (= „я пишу письмо"), в претерите *jâ сам му пӣсао* — „я ему послал письмо", „я ему написал". Это по его мнению имеется и в русском языке. Автор думает, что ясно в чем заключается разница между обычным значением глагола *пӣса̄ти* („писать"), который и в наст. вр. и в претерите является несовершенным, и глаголом *пӣса̄ти* в значении „писать письмо". Во втором случае глагол *пӣса̄ти* имеет определенный внутренний объект „писать (письмо)". От этого невысказанного объекта и зависит вся разница: „пӣшēм" значит „совершаю писание письма", а „пи́сао сам" значит „я письмо послал". В первом случае „объект" — в процессе, во втором — он готов, обработан. И так бывает всегда у этих глаголов; на разнице в их употреблении автор и строит их видовое изменение: они в настоящем времени обозначают дело в процессе, в приготовлении, в обработке, в претерите же они обозначают дело готовое, обработанное и т. п. Напр. „я телефонирую" „я разговариваю по телефону" „я имею разговор по телефону"; „я телефонировал" — „я кончил разговор по телефону".

* Полный текст доклада напечатан по-сербски в журнале Јужнословенски филолог XXI (1955-6), стр. 1—11.

Обыкновенно глаголы этого типа имеют „внутренний объект", но они могут быть по значению и только в связи с каким-нибудь подразумеваемым предметом (напр. *ỳзроковати* „быть причиною", *калàјисати* „лудить, внутреннюю поверхность облагать полудой" и т. п.).

Автор думает, что эти глаголы более нового происхождения. Но как только они появляются в славянских языках, они приспособляются к уже готовой системе вида: соответственно совершенному виду в претеритальных временах — образуется совершенный вид и настоящего времени, а соответственно несовершенному виду настоящего времени образовался и несовершенный вид претеритальных времен. Эти члены системы славянского вида могли образоваться и тогда, когда они были необходимы для предложения, и когда это соответствовало их значению, так что в некоторых случаях они и не образовывали полной системы.

Автор также пользуется этим случаем, чтобы выдвинуть вообще для происхождения славянского глагольного вида — значение соотношения наст. времени и претерита. Он считает, что у известного рода глаголов в настоящем времени имелся всегда насовершенный вид, а в претерите обязательно — совершенный. Такой случай у сложных глаголов (с приставками-наречиями). Ср. *ја идем до села* — несовершенный вид, и *ја сам ишао до села* — совершенный вид. Если мы с этим согласимся, — а трудно с этим не согласиться, так как для этого имеются подтверждения во многих яыках, а и само славянское значение указанных предложений это подтверждает, — то все остальное, касающееся полного образования славянского вида, не очень трудно понять.

W. K. MATTHEWS

TRUBETZKOY'S ѫ/ѧ AND THE OLD BULGARIAN GROUPS шт/жд

I

The application of phonological theory and method to the study of Slavonic languages was inaugurated with a militant manifesto in the late 1920s by Prince N. Trubetzkoy and developed to a certain pitch by the members of the Prague Linguistic Circle. Since then phonology has become entangled in the modernistic fashions of language-study known collectively as structuralism, which has other than Slavonic and even European sources of origin. Some phonologists (e. g. R. Jakobson) have influenced and aligned themselves with the American trend of structuralism; others (e. g. A. Martinet) prefer the European trend, which, outside Hjelmslev's glossematics, still pays due tribute to Trubetzkoy's views. These views are also influential among Soviet phonologists, like S. K. Šaumjan, who in his critique of Hjelmslev has pleaded for less 'agnosticism' or 'idealistic' abstraction in phonology[1].

Slavonic scholarship was enriched in 1954 by the appearance of Trubetzkoy's *Altkirchenslavische Grammatik* under the scrupulous editorship of Professor R. Jagoditsch of Vienna[2]. The appearance of this torso at the present time illustrates the extent of Trubetzkoy's posthumous celebrity and influence, especially as this work has been subjected to revision by R. Jakobson. Trubetzkoy's standpoint and method are amply illustrated here, though the emphasis, as might be expected, is on phonology. This emphasis suits our present purpose.

Trubetzkoy's reconstruction of what he calls 'Urkirchenslavisch', by which he means the artificial ecclesiastical style of 9th-century Thessalonican or Macedonian Slavonic created by St Cyril and St Methodius and symbolised by the Glagolitic alphabet, recognises among others the correlative group of phonemes specified in our title and under examination in this paper. Instead of шт/жд which figure in Cyrillic transliterations

[1] Против агностицизма в фонологии, *Ученые записки Московского университета*, вып. 150, *Русский язык*, Moscow, 1952, pp. 311—323.

[2] See my review of this in *The Slavonic and East European Review*, XXXIII, 81, London, 1955, pp. 540—544.

of Macedonian, Serbian, and Bulgarian Glagolitic MSS. in such common illustrations as свѣшта and межда, Trubetzkoy uses the arbitrary symbols ⰲ and ⰰ, which appear to be based on a stylised distortion of щ, with a glance at Greek ψ, and differentiated by inversion. These symbols, in spite of their unfortunate resemblance to extant and well-authenticated prototypes, have here entirely different phonetic values from those of шт/жд. Their use appears to be determined by a subjective interpretation of the Glagolitic symbols ⰲ and ⰰ, the first of which does not occur in the Codex Zographensis[3], where it is represented by шт (Cyrillic шт), and the second of which (ⰰ in R. Nahtigal's Table of 38 Glagolitic characters[4]) is sometimes represented by Cyrillic ґ or Bosnian Cyrillic ћ, but is normally transliterated with a bold-type Serbian ћ.

II

Before we examine the validity of Trubetzkoy's phonetic and phonological interpretation of Glagolitic ⰲ and ⰰ, we must first place Old Bulgarian шт/жд synchronically on a par with their Old Moravian equivalents ц/з, as well as range them with their modern Slavonic counterparts, viz. Bulgarian щ/жд, Macedonian ќ/ѓ, Serbo-Croatian ћ/ђ (*ć/đ*), Slovene *č/j*, Russian and White Russian ч/ж, Ukrainian ч/(д)ж, Czech and Lusatian *c/z*, Slovak, Polish, and Cassubian *c/dz*[5]. It will be observed that the Bulgarian and Czech equivalents are lineal descendants of the Old Bulgarian and Old Moravian forms respectively. The other Slavonic languages show a curious set of interrelations cutting across the customary tripartite division ot Slavonic. The heterogeneous South Slavonic group, with individual variations in all its four constituents, sharply contrasts with the relative uniformity of East Slavonic and West Slavonic. The West Slavonic group mostly illustrates the Old Moravian *cokan'je* (*c*-articulation), with the voiced member represented in most cases by what appears to have been its historical prototype, the affricate *dz*. Collation of the various Slavonic equivalents of Trubetzkoy's ⰲ / ⰰ enables us to distinguish several phonological pairs, viz. *ḱ/ǵ*, *ć/dź*, *č/(d)ž*, *c/(d)z*, and *št/žd*. Of these the only one that is phonetically anomalous is the Bulgarian, but all of them apparently ascend to the same source, which in the 10th century showed the dialectal or 'diaphonic' ratio *št/žd* ~ *c/z* and in later times the more complicated and illuminating parallelism which figures above. All our parallel forms will have to be considered as we trace the stages of phonetic movement from unrecorded and reconstructed Common Slavonic to recorded 10th-century Old Bulgarian, for we cannot imagine that any one of the diaphones is derived from any of the rest. Our knowledge Common Sla-

[3] P. Diels, *Altkirchenslavische Grammatik*, Heidelberg, 1932, p. 48.
[4] *Slovanski jeziki*², Ljubljana, 1952, pp. XXIII—XXIV.
[5] M. Weingart, *Rukověť jazyka staroslověnského* I, Prague, 1937, pp. 14—15.

vonic enables us to establish the *terminus a quo* or sources of the 10th-century forms. These sources[6] would seem to have been: (a) *t/d*+*j* (e. g. O. B. свѣшта/мєжда); (b) *kt/gt*+front vowel (e. g. O. B. нощть/мощть); (c) *st/zd*+*j* or front vowel (e. g. O. B. очиштєниѥ/пригвожденѣ); *st/zd* + palatal *r'* or *l'* (e. g. O. B. ощтрѣ/оумѧждр̀ѣти); (d) *sk/zg*+j (e. g. O. B. нштѫ/нжденѫ). A corollary to the foregoing is the existence of consonantal alternations or apophonies, which have arisen as the result of palatalisation and may be seen, for example, by contrasting forms derived from common roots (e. g. *t/št* ~ *d/žd* in O. B. свѣтѣ/свѣшта, побѣда/побѣждати; *st/št* ~ *zd/žd* in очистити/очиштєниѥ, гвоздь/пригвожденѣ; *sk/št* ~ *zg/žd* in искати/нштѫ изгѣнати/нжденѫ).

III

With this background of fact and reconstruction in mind, we shall revert to Trubetzkoy's identification of the Glagolitic characters Ⱍ and Ⱁ, and we shall follow him closely down the subtle corridors of his argument. These characters, as we know, have numerical as well as a phonological and phonetic value, but we cannot agree with Trubetzkoy that the two sets of values are equally important. The Glagolitic and Cyrillic alphabets must have been devised in the first instance as symbols of recognisable and familiar phonemes rather than as numerical signs. These latter were most likely a secondary consideration. But as sound-symbol and numerical sign are correlated in a certain way, we must try to elucidate this relationship between them. The relationship is one of order or sequence; and we find our two characteres separated in the Glagolitic alphabet by fourteen intermediate places, for Ⱁ stood for a decade (30) and Ⱍ for a century (800). Moreover both symbols were devised to represent phonemes unknown to Greek. Glagolitic Ⱍ follows Ⱇ (700), the equivalent of omega (ω) which is the traditional last letter of the Greek alphabet. In the 'parallel' Cyrillic alphabet all the characters after ѡ (cf. Gk ω) are, as in Glagolitic Slavonic, additions to the Greek section of the alphabet. If it is true, as seems likely, that the two Slavonic alphabets were composed in an identical way, we have two series of symbols, viz. the Greek set, 'from alpha to omega', and the Slavonic 'supplement' of not quite the same size. The inventors of the Glagolitic alphabet, as we have found, appear to have been influenced also by the numerical values of the Greek characters, and as they modified the Greek set to their own purposes, they simultaneously created a new sequence of numerical signs. These were not reproduced in Cyrillic, where the Greek numerical values are preserved, and the numerically 'empty' Cyrillic characters (e. g. ѕ, ж) are easily recognisable as the symbols of Slavonic sounds. Though Trubetzkoy was disinclined to regard the position of the Slavonic charac-

[6] Cf. W. Vondrák, *Altkirchenslavische Grammatik*², Berlin 1912; J. J. Mikkola, *Urslavische Grammatik* I, Heidelberg, 1913; A. Leskien, *Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*, Heidelberg 1919; S. Kul'bakin, *Le vieux slave*, Paris, 1929; P. Diels, *op. cit.*; A. Meillet, *Le slave commun*², Paris, 1934; A. M. Seliščev, *Старославянский язык*, Moscow, 1951; R. Nahtigal, *op. cit.*

ters in the Greek section of the Glagolitic alphabet as being an indication of their phonetic value[7], there can hardly be any doubt that ⰱ (в) was placed next to ⰲ (в), because of its close phonetic connection with that sound and, possibly, of the localisation of Latin B, and that ⰶ (ж), whatever its graphic source may be, preceded ⰷ (ⰸ, ⰹ) because of its partial resemblance to the phonetic value of Greek ζ. The other interpolations in the Greek section of the *glagolica* are ⰼ (ń), which, significantly enough, follows not ⰽ (г), but ⰾ (н). The position of ⰼ (ń) in Glagolitic and Cyrillic may contain some hint of its phonetic value, especially as the other interpolated characters, viz. ⰱ and ⰶ, have phonetic values comparable to those of the characters immediately following them. The important thing to bear in mind here is that the characters were placed in this way not because of their numerical values, for the symbolism of Glagolitic numeration distorts the Greek and Cyrillic systems, but apparently for phonetic reasons, i. e. because of the obvious similarity to extant Greek sounds. If this had not been the reason — and St Cyril was primarily inventing a new alphabet modelled on the Greek and only secondarily trying to reproduce the Greek system of numerals — he would no doubt have placed all the Slavonic characters in the second half of his alphabet, viz. after ⰿ(ω), when his Greek characters had been exhausted. And that he was guided by phonological rather than by numerical considerations when he devised his *glagolica*, is proved by the lack of correspondence between the Glagolitic and the Graeco-Cyrillic symbolisation of numerals.

The position of ⰼ in the Glagolitic and Cyrillic alphabets shows that it is related to ⰾ (н). A traditionally accepted ortographic interpretation of the character is S. Kul'bakin's 'le *g* mou grec'[8] (анѣелъ < ἄγγελος, ѣеона < γέεννα). This sound, like *i*, is phonetically in the palatal area. But the interpretation of it as having been merely palatalised *g'* in 9th-century (Cyrillo-Methodian) Church Slavonic does not account for the existence of the peculiar Glagolitic character ⰼ. Trubetzkoy, rightly to my mind, interprets it as a palatal consonant, but he prefers to treat it as an affricate, viz. as equivalent to Serbo-Croatian ђ (*đ*) rather than as the plosive ѓ (*ť*) of Macedonian[9]. His argument appears to be that if ⰼ and its voiceless correlate *c* (ќ) were occlusives, they would have been treated as combinative variants of velar *k/g*, and in such case St Cyril would not have allocated a special character to either of them. But Trubetzkoy, who seems to envisage St Cyril as a mediaeval phonologist, uses an argument, supplemented by the monographic Greek prototypes of compound phonemes (ξ, ψ), which does not allow sufficiently for the acoustic impression of the palatal plosives, for we know that in some languages which have these sounds, they are represented not only *ḱ/ǵ* but by *t'/d'* (cf. Albanian *q/gj* with Czech and Slovak *t'/d'*, Hungarian *ty/gy*). We may agree here that

[7] N. Trubetzkoy, *Altkirchenslavische Grammatik*, Vienna, 1954, p. 22 note.

[8] *Le vieux slave*, Paris, 1929, p. 13.

[9] See my article „Phonology of the Palatal Plosives in East European Languages", *Archivum Linguisticum*, VIII, 1, Glasgow, 1956, pp. 51—65.

k'/g' is the more usual way of indicating the pair (e. g. Macedonian ḱ/ґ, Latvian *ķ/ģ*); but nevertheless the acoustic impression is very different from that of palatalised *k/g*, because Latvian, for example, transliterates Russian *ходить* as *choǯiķ*. And we have already seen that the sound-groups шт/жд, which we are studying, are derived by palatalisation not only from *st/zd* but from *sk/zg*.

Trubetzkoy's interpretation of Glagolitic Ⱍ (ṅ) as a voiced palatal affricate, i. e. as Serbo-Croatian *ђ(đ)*, leads him to interpret Glagolitic Ⱏ as its voiceless correlative, i. e. as Serbo-Croatian *h(ć)*. We recall that Ⱏ is ihe first Slavonic symbol in the *glagolica* after Ѳ (cf. Greek ω) and is represented by щ in Cyrillic, where it is interpreted as шт. According to Trubetzkoy this Cyrillic character is modelled on the Glagolitic prototype, and therefore symbolised a different sound from this sound group. Its phonetic interpretation as a palatal affricate of the Serbo-Croatian *h(/ć)* or Polish type *(ć)* may be accepted, if it is correlated with Ⱍ (ṅ) as an affricate (cf. Serbo-Croatian *ђ(đ)*, Polish *dź*); but the presence of Ⱏ (ϒ) in the Slavonic alphabet hardly makes such an interpretation credible, because Slavonic *č* appears to have been palatalised, as it is in modern Russian. Perhaps however we could point to the similar shapes of Glagolitic Ⱏ (щ) and Ⱏ (ϒ) as an indication of their phonetic similarity, but this would seem to be an insufficient argument. We are therefore inclined to interpret Glagolitic Ⱏ/Ⱍ as palatal plosives of the Macedonian type (ḱ/ґ). This interpretation does not place 9th-century Church Slavonic, which had a strictly regional (Thessalonican) origin, at the source of, say, Old Bulgarian *št/žd*, Old Moravian *c/z*, or the other diaphones, both old and new, but it merely attempts to identify Glagolitic Ⱏ/Ⱍ phonetically. The source of all these parallels lies, as we have seen, in specific Common Slavonic phonemes and groups of phonemes which have undergone the process of palatalisation.

IV

If we compare the 10th- and 11th-century diaphones of Old Bulgarian *št'/žd'* with their modern counterparts we shall realise that we could have reconstructed the former *a posteriori* from the latter. The parallelism is complete if we accept the foregoing interpretation of our Glagolitic characters. We have accordingly the following modern groups:

Common Slavonic
tj/dj

	(South Slavonic)		(East Slavonic)	(West Slavonic)		
10th c.	Old Bulgarian		Old Russian	Old Moravian		
	št'/žd'		*č'/ž'*	*c'/z'*		
20th c.	Bulgarian	Macedonian	Serbo-Croatian	Russian	Czech	Slovak
	št/žd	*ḱ/ǵ*	*ć/dź*	*č'/ž*	*c/z*	*c/dz*

This is only part of the picture, for the 10th- and the 20th-century forms result not only from the Common Slavonic palatalisation of *t/d*, but, as we have noted, from the effect of palatalisation by front vowels on single phonemes and on certain groups of phonemes of marked disparity (cf. *st/zd* with *sk/zg*). It is this circumstance that enables us to account for the Old and Modern Bulgarian forms, which differ perceptibly in acoustic quality, for the Modern Bulgarian forms (*št/žd*) are 'hard' or non-palatalised, whereas the Old Bulgarian forms (*št'/žd'*) were 'soft' or palatalised.

The development of Common Slavonic *tj/dj* could not have resulted in Old Bulgarian *št'/žd'* without contamination or the operation of analogical influence. The groups *tj/dj* could abut only in Russian-style palatalised dentals (*t'/d'*), palatalised plosives of Czech (*ť/ď*) or Macedonian type (*ḱ/ǵ*), or palatalised affricates of Serbo-Croatian (*ć/dź*) or Ukrainian type (*č/dž*). The operation of a less radical palatalisation than the last two of these, a something like the secondary palatalisation of Common Slavonic, gave rise to the West Slavonic hiss-affricates (*c/dz*), which originally were no doubt palatalised and became subsequently 'hardened' as in Modern Czech and Polish (e. g. Czech *svíce/meze*, Polish *świeca/miedza*; cf. Bulgarian *свещ, межда*). Old Bulgarian *št'/žd'* could have developed only from original *š'č'/ž'dž'*, and these are the outcome of the palatalisation of *st/zd* and *sk/zg*, and of the effect of regressive assimilation. The hiss-sibilants *s/z*, finding themselves before the two types of palatalised plosives, would become hush-sibilants when the plosives had been changed into palatalised affricates either of the Serbo-Croatian type (*ć/dź*) or of the 'harder' Ukrainian type (*č/dž*). The development of Old Bulgarian *št'/žd'* from the more complicated *š'č'/ž'dž'* is easy enough to conceive, as it implies the 'de-affrication' or dissimilation of the second element of the group (phonetically *tʃ/dʒ*) and a purely plosive release. This may have been prompted by the influence of the palatal plosives (phonetically *c/ɟ*), into which Common Slavonic *tj/dj* may have developed dialectally (cf. possibly Old Thessalonican Slavonic as embodied in the Glagolitic alphabet) as well as of the non-fricative palatalisation of the second element of the group *sk/zg*; for though *k/g* followed by *i* (ѣ) became *č'/dž'* in Common Slavonic as the outcome of primary palatalisation, apical and regressive[10] (cf. C. S. *čьrnъ* with O. Pruss. *kirsnan* and C. S. *žьrny* $<$ * *džьrny* with Lith. *gìrnos*), the origin of modern East European, including Slavonic, *c/ɟ* appears to be twofold, viz. the palatalisation of *t/d* and of *k/g*, the first of which is illustrated by Czech and Slovak (*t'/d'*) and the second by Latvian (*ķ/ģ*).

The attempt to explain the Old Bulgarian groups *št'/žd'* as the result of metathesis is less cogent than the argument we have just pursued. It is known that Greek ζ in the 6th and 5th centuries before our era[11] has been phonetically interpreted as either *dz* or *zd*. If the second interpretation is accepted, as is done by many competent Classical scholars, the symbol can hardly represent a phonetic development, but rather a graphic device like (Greek) ξ, ψ, or Latin *x*. The parallelism with Old Bulgarian **щ**т/**ж**д is striking; but here, as with Greek ζ, the phonetic interpretation would seem to be the more convincing.

[10] R. Ekblom, *Die frühe dorsale Palatalisierung im Slavischen*, Uppsala, 1951, p. 3.

[11] See my article „The Pronunciation of Attic Greek ζ in the 6th and 5th centuries B. C.", *Lingua* IV, 1, Amsterdam, 1954, pp. 63–80.

В. КИПАРСКИЙ

О СТАБИЛИЗАЦИИ УДАРЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Причину стабилизации ударения в некоторых славянских языках (чешском, словацком, верхне- и нижнелужицком, польском, македонском и в части кашубских говоров) видят или во внутреннем развитии или в иноязычном влиянии. Сторонники первого объяснения предполагают, что в словах с ударением на флексии развилось вторичное ударение на первом слоге слова, после чего произошло обобщение этого нового ударения (чешск., словац., лужицк.) или же оставшегося неизменениым ударения на предпоследнем слоге (польск., кашуб.), см. напр. A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves, 1950, § 93. Сторонники второго объяснения предполагают, что перенос ударения на первый слог слова произошел в устах славянизированных немцев, напр. W. Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik² I, 1924, § 227, O. Hujer, Úvod do dějin jazyka českého³, 1946, стр. 91.

Окончательно доказанным нельзя считать ни то ни другое. С целью проверки вероятности обоих объяснений мы попытаемся установить, наблюдается ли в русском языке, все еще сохраняющем свободное ударение, какая бы то ни было тенденция к его стабилизации. Как известно, еще Леонид Васильев высказал мнение, что „стремление [русского] ударения занять срединный слог — есть результат времени: чем дальше в глубь веков пойдем, тем чаще встретимся с начальною и наконечною акцентовками" (Сборник ОРЯС АНСССР, том I, вып. 2, 1929, стр. 144). Это мнение было, однако, основано на одном единственном примере: *челоби́тье* вм. старшего *челобитьё*. Оно может быть легко опровергнуто такими примерами, как *ло́говище* вм. старшего *логови́ще*, *чу́вствование* вм. старшего *чувствова́ние*, *архимандри́т* вм. старшего *архи́мандрит* и др. Как показывает собранный мною и отчасти уже опубликованный материал, за тот сравнительно короткий период, за который мы имеем акцентуированные памятники русского или русско-церковнославянского языка (XIV—XX вв.), ясным изменениям подвергается лишь типология ударения, причем количество различных типов, особенно в склонении имен существительных, не уменьшается, а наоборот, увеличивается. Ударение русского языка становится, таким образом, все более „свободным" и, стало быть, и более сложным.

Так например, существительные, оканчивающиеся на согласную, выработали вместо трех типов, предполагающихся для праслав. эпохи (уда-

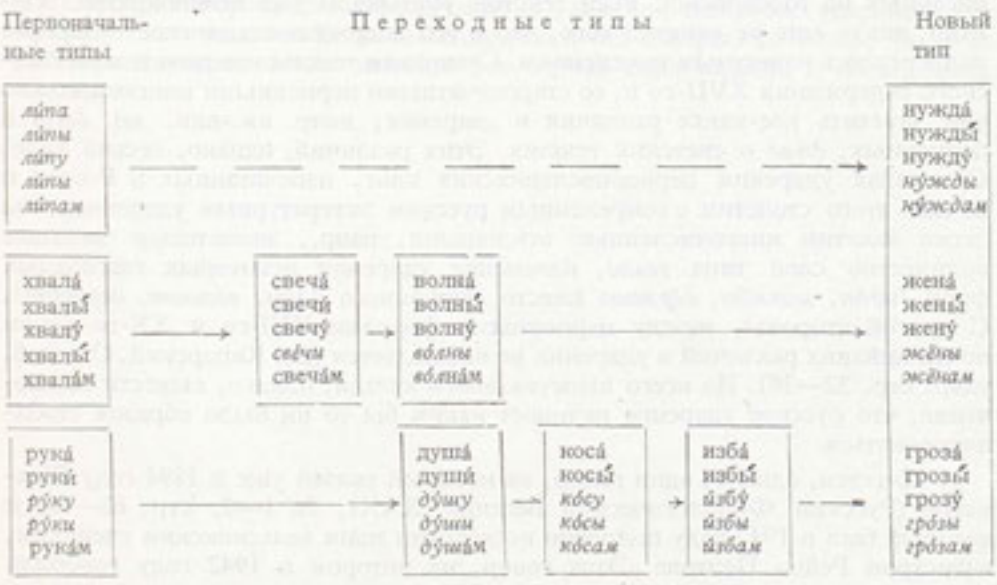
рение неподвижное на основе, неподвижное на флексии, и подвижное, обусловленное влиянием закона Фортунатова — де Соссюра), целых пять: I-й, неподвижное на основе *(рак, хо́бот, нить, о́сень,)*, II-й, переход на флексию с род. мн. *(вор, ле́бедь, кость, ло́шадь)*, III-й, переход на флексию с им. мн. или даже с м. ед. *(сад, бе́рег, ко́локол)*, IV-й, неподвижное на флексии, кроме форм с нулевым окончанием *(гриб, топо́р, молодня́к)* и V-й, неподвижное на флексии, кроме форм с нулевым окончанием и им.-вин. мн. *гвоздь, груздь, конь, у́голь, червь)*. Можно считать доказанным, что III-й и V-й типы развились в сравнительно позднюю эпоху из II-го, который за последние 150 лет идет сильно на убыль (см. В. Кипарский, О колебаниях ударения в русском литературном языке I, Хельсинки 1950).

У существительных среднего рода количество типов ударения (неподвижное на основе, неподвижное на флексии, и два подвижных: *по́ле: поля́* и *село́ : сёла)* осталось то же, но распределение их сильно изменилось. Очень мало уцелело слов типа *деревцо́, очко́* (неподвижн. на флексии), бо́льшая часть которых перешла к типу *село́ : сёла*. Отдельные формы мн. числа с ударением на флексии сохранились еще в старших текстах: *бревна́ми* Учение и хитр. рати. строен. 1647 г., стр. 113; *ведра́ми* у Грибоедова, см. Пиксанов, Грибоедов, исследов. и характер., стр. 288; вин. мн. *вина́ фряские* Домострой; *гнезда́м* Ф. Глинка „Ранняя весна на родине"; *кольца́ми* Дельвиг „Поляк", Баратынский „Цыганка"; *крыла́мь* Учение и хитр. рати. строен. 1647 г., стр. 158, *крыла́ми* ibid., стр. 151, 155, и у Ломоносова; вин. мн. *лица́* Библия 1900 г., Деян. 10, 34, *лица́ми* Учение и хитр. рати. строен. 1647 г., стр. 80, 92, 116, 113, 159; вин. мн. *мыта́* Домострой, дат. мн. *мыто́мь* Улож. 1649 г., стр. 6, 86, 87, 91, *мыта́хъ* ibid. стр. 6, 86, 88; *окна́ми* Кольцов „Дом лесника"; вин. мн. *ребра́* Домострой и Литург. свят. Василия Великого, *ребра́м* Лермонтов „Боярин Орша"; им.-вин. *ремесла́* Учение и хитр. рати. строен. 1647 г. (приводится Стангом в его исследовании языка этой книги, стр. 35).

С другой стороны многие слова со старым неподвижным ударением на основе (тип *го́рло, конь́то)*, перешли к типу *по́ле: поля́*, ср. серб. *йо́ле : йо́ла*. Отдельные формы мн. числа с ударением на основе сохранились еще в старших текстах: им.-вин. мн. *во́йска* Учение и хитр. рати. строен. 1647 г., стр. 10, Жуковский „Орлеанская дева", Крылов „Три мужика", *во́йсками* Жуковский ibid., Озеров „Фингал"; вин. мн. *дво́ла*, дат. мн. *дво́ломъ*, м. мн. *дво́лехъ* 1650 г., см. Кипарский, О колеб. удар., стр. 32 и 36; им.-вин. мн. *ло́шта* Улож. 1649 г. стр. 173, 186, 207, Пушкин „Евг. Он", *ле́там* Грибоедов „Горе от ума", *ле́тах* Лермонтов „Кавказ"; им.-вин. мн. *мо́ста* Улож. 1649 г., Учение и хитр. рати. строен. 1647 г., passim, *мо́стами, мо́стамъ* ibid.; им.-вин. мн. *пра́вы* (вм. * *пра́ва* Озеров „Поликсена"; вин. мн. *слова* Чудовск. Нов. Зав. XIV в., Деян. II. 19; им.-вин. мн. *чо́деса* ibid., 6, 8, твор. мн. *чо́десы* ibid., Евр. 2, 4; некоторые слова с неподвижн. удар. на основе переходят к типу *по́ле : поля́* пока что только в просторечии и разговорном языке: *бло́до, мя́со, чу́чело*. Во всяком случае, подвижные типы перетягивают к себе слова из неподвижных.

Значительно более сложным представляется изменение типологии ударения существительных на *-а, -я* женского рода. Для общеславянской эпохи можно с уверенностью предполагать три типа (ударение неподвижное на

основе: *ли́па, корова́* ~ серб. *ли́па, кра́ва*; неподвижное на флексии: *уха́, жена́* ~ серб. *ју́ха, же́на;* подвижное: *рука́: ру́ку*, серб. *ру́ка* : *ру́ку*). Этот последний был еще сравнительно недавно значительно более „подвижным", чем теперь. Напр., в Чудовском Новом Завете встречаются дат. ед. *во́дѣ* Деян. 8, 38, *го́рѣ* Евр. 12, 20, в Учении и хитр. рати. строен. 1647 г. *к'сто́ронѣ* стр. 10, в Улож. 1649 г. около 20 раз *к' Мо́сквѣ* рядом с многочисленными примерами м. ед. *на Москвѣ* (ср. также *под Мо́скву* у Шолохова „Тихий Дон" книга IV-ая, ч. 7-ая, гл. 24-ая, в речи старика Мелехова), у некоторых поэтов XVIII—XIX вв. *к зи́ме*. Эти дательные с оттянутым ударением вполне соответствуют серб. *ру́ци*, лит. *rañkai*. Переход от трех первоначальных типов к современной типологической пестроте чрезвычайно сложен. Его еще в 1952 году, посоветовавшись со мной, иллюстрировал диаграммой молодой английский ученый Р. Хинглей (The Slavonic and East European Review, vol. XXXI, No. 76, стр. 198). Эта диаграмма приводится ниже в исправленном на основании найденного мною исторического и инославянского материала виде. *Курсивом* в ней отмечены падежные формы с ударением на основе.



Все девять типов встречаются в современном русском языке, причем наименее стойким кажется тип *хвала́*, который хотя и представлен еще в академической граматике 1952 года более чем ста тридцатью примерами, все же совершенно ясно идет на убыль. В числе приведенных в указанной грамматике примеров огромное большинство — singularia tantum или почти таковые *(буза́, уха́, бирюза́, чепуха́* и др.), или же это — исключительно книжные, устарелые выражения *(княжна́, ладья́, праща́, раба́, стезя́* и др.). При определении древнейшего типа ударения нельзя ограничиваться одним лишь сравнением русских современных форм с сербохорватскими, словенскими, болгарскими, кашубскими и т. д., но необходимо изучить историю ударения каждого отдельного русского слова. Так напр., все еще повторяется утвер-

жение, что *со́сна* у Пушкина — ударение диалектическое или „неверное", хотя в действительности это — ударение более старое, которое, еще в XVIII—XIX вв. было вполне „академическим". Ввиду отсутствия соответствующего слова в южнослав. языках, путем сравнения здесь доказать ничего нельзя. Однако, академический словарь 1794 года указывает только *со́сна;* ударение *сосна́* появляется лишь в первой половине XIX века.

Причинами изменения типа ударения являются, с одной стороны, стилистически-эмоциональные факторы. Так напр., слово *кишка́*, при нормальном постоянном ударении на флексии, переходит к типу *свеча́* в разговорно-просторечном выражении *кишки́ выпустить*. Слово *гусь*, нормально имеющее ударение типа *вор*, в аффективно-просторечном языке получает ударения типа *конь*. Сравни также род. ед. *чёрта*, но *ни черта́!* — С другой стороны, изменения типа ударения вызываются постепенным освобождением русского языка от церковнослав. влияния. В русском литературном языке существовали, как известно, две параллельные стихии: чисто русская и церковнославянская, по существу древне- и среднеболгарско-македонская с примесью сербского влияния. На „южнославянский" характер акцентовки многих написанных на Московской Руси текстов указывали уже неоднократно. Однако, никто еще не отметил того, что и это „церковнославянское" ударение подвергалось известным изменениям. Сравнивая тексты исключительно светского содержания XVII-го в. со старопечатными церковными книгами можно уже заметить кое-какие различия в ударении; напр. им.-вин. мн. *дво́ла* в церковных, *дво́ла́* в светских текстах. Этих различий, однако, весьма мало. Сравнивая ударения церковнославянских книг, напечатанных в России в начале этого столетия с современным русским литературным ударением, мы легко заметим многочисленные отклонения, напр., значительно меньшее количество слов типа *хвала́*, изменение ударения некоторых глагольных форм *(идёт, возьмёт, де́ржит* вместо церковного *и́дет, во́зьмет, держи́т)*. С другой стороны, между церковными формами XVI-го и XX-го веков почти никаких различий в ударении не наблюдается (см. Кипарский, О колеб. удар. стр. 32—36). Из всего вышеуказаного нельзя, однако, вывести заключение, что русское ударение начинает каким бы то ни было образом стабилизироваться.

Имеется, однако, один говор, на который указал уже в 1894 году Шахматов (Русский Филологический Вестник XXXI, № 1—2, стр. 63—65) и который был в 1942 году подробно исследован моим хельсинкским учеником, магистром Рейно Пелтола. Этот говор, на котором в 1942 году говорила часть русского населения полуострова Заонежье, не знавшая уже никакого другого языка, кроме русского, характеризуется в отношении ударения чертами, полностью совпадающими с чертами некоторых кашубских говоров: ударение с последнего слога слова переносится на первый, но на серединном слоге сохраняется без изменения: напр., *пу́ўтора (< полтора́), при́шла, при́бежаў (< прибежа́л)*, но *каро́ва, кабы́ла, гара́зда*. Таким образом, оппозиции вроде *мука́ : му́ка* дефонологизируются, что, однако, не затрудняет понимание. Особенно интересно то, что это перенесенное ударение зачастую падает на *а*, соответствующее общеславянскому *о (да́мой < домо́й, да́ить < дои́ть, ва́да < вода́)* или же сравнительно позднему русскому *о (са́греть < согре́ть, ста́роны < стороны́)*. Самое вероятное объяснение этого явления то, что в момент переноса ударения неударяемое *о* уже звучало как *а* или *ъ*.

С другой стороны, в случае переноса ударения с *о*, это последнее, оказавшись безударным, заменяется *а* или *ъ*, напр. *тáпла* или *тáпль* (< *теплó*). Известно, что Заонежье было заселено в XVII веке раскольниками, выходцами из акающих областей. Перенос ударения, однако, совершился уже на севере, т. к. подобных явлений нигде в акающих говорах средней России не обнаружено. Поэтому, весьма вероятно, что он вызван влиянием окружавших Заонежье в то время карельских диалектов, хотя и трудно обосновать карельским влиянием сохранение ударения на серединном слоге: учащиеся говорить по-русски финны и карелы обычно во всех случаях переносят ударение на первый слог, сообразно неподвижному ударению своего родного языка. Во всяком случае, в этих и только в этих русских говорах, находившихся под сильным иноязычным влиянием, имеется налицо первая ступень стабилизации ударения, которую мы видим, совершенно независимо от них, и в некоторых кашубских говорах, преимущественно южных.

Было бы весьма интересно узнать, не имеется ли на границах с венгерской, немецкой и турецкой языковыми областями каких либо южнославянских говоров, стабилизировавших ударение сообразно ударению этих неславянских языков. Если бы нашлись такие говоры, то можно было бы с большей уверенностью относить все случаи стабилизации к иноязычному влиянию.

ЭЙНО НИЕМИНЕН

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ

В настоящем кратком докладе я не имею возможности входить во все подробности вопроса, имеются ли среди славянских заимствованных слов в прибалтийско-финских языках также и праславянские по происхождению элементы. Я хотел бы совсем в общих чертах отметить сразу в начале моего реферата, что мне кажется необоснованным относить древнейшее наслоение славянских слов в прибалтийско-финских языках к праславянской эпохе, как это имеют склонность делать некоторые исследователи.

При более близком анализе звуковой формы славянских по происхождению слов, существующих в прибалтийско-финских языках, легко убедиться, что большинство слов, принимавшихся за праславянские заимствования не дают возможности с точностью определить эпоху заимствования. С таким же успехом можно производить эти слова и из языка восточных славян, а именно из древнерусского языка доисторической эпохи.

Правда, некоторые исследователи думают, что в прибалтийско-финских языках существуют заимствования, отличающиеся особым признаком, указывающим на их праславянское происхождение. Эти исследователи допускают даже, что некоторые слова, встречаемые в прибалтийско-финских языках, заимствованы уже в древнейшую праславянскую эпоху. К неоспоримым заимствованиям из раннего праславянского языка они причисляют финские существительные *kimalainen* (значит „шмель") и *ies* (произошло из **iγes*; имеет значение „иго, ярмо").

Финское *kimalainen* этимологически связывали с русским словом *шмель* (диалектически *чмель*), которое восходит к праславянской форме **č'mel'ь*. Недавно Лер-Сплавинский в своей известной книге „O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian" одобрил именно это объяснение названного финского слова. Так как праславянское *č'* перед передним гласным возникло из более старого *k*, то считают естественным предполагать начальное *k* в праславянском прототипе финского слова *kimalainen*. Таким образом, славянским прототипом финского слова *kimalainen* считают праславянское * *kĭmel-*.

Сопоставление финского слова *kimalainen* с упомянутым славянским словом все же невозможно. Это финское существительное можно считать только исконным финским производным словом, образованным посредством

суффикса *-lainen*. Это слово является не только названием шмеля, но также и названием растения „солодковый папоротник" (Polypodium vulgare). Тот факт, что как это растение, так и шмель, называются тем же словом, являющимся бесспорно исконно финским производным, заставляет предположить, что шмель и солодковый папоротник характеризуются каким-то общим свойством, по которому они и названы. Единственное свойство, характеризующее как солодковый папоротник, так и шмеля, это понятие „сладкий сок". Известно, что корневище названного растения отличается сладким вкусом, а с другой стороны, что шмели собирают из цветов сладкий сок, содержащий сахар. Следовательно, основное слово **kima*, от которого следует производить *kimalainen*, имело значение „жидкость, содержащая сахар (в растениях)". Первичное бессуффиксное слово **kima* вышло из употребления, но оно встречается еще и в настоящее время в первоначальном уменьшительном *kimara* „мед, сладость", произведенном посредством суффикса *-ra*. Первоначальное значение слова *kimalainen* „шмель", следовательно, было приблизительно „медоносное насекомое". Другое производное слово встречаем в водском *tšimo* „пчела" (возникло из **kimoj*). Это слово принадлежит к тем существительным, которые явно произведены от основ на *-a*.

Весьма важная роль в исследовании заимствований приписывалась финскому *ies* (произошло из **iγes*), род. пад. *ikeen* (получилось фонетически из **ikezen*). Прототипом слова **iγes* принято считать основу праславянского слова **jьgo*, которое, как полагают, уже на древнейшем этапе развития праславянского склонялось по типу существительных среднего рода на *-es-*. Финское существительное считается заимствованием весьма ранней эпохи, когда праславянская основа еще имела форму **jьges-*. Финский языковед профессор Тойвонен предпочитает другое толкование. По его мнению прибалтийские финны заимствовали слово **iγes* в позднейшую эпоху, когда в праславянском языке основа выступала уже в форме **jьž'es-*, причем они подставили вместо чуждого для них шипящего звука акустически близкий к нему щелевой заднеязычный звонкий согласный γ. Согласно мнению финского языковеда Калима и профессора Фасмера в основе прибалтийско-финского слова **iγes* лежит славянское *iže-*, но при заимствовании в прибалтийско-финскую языковую область звук *ž* был под влиянием формы *igo* заменен спирантом γ. Фасмер думает, что прибалтийско-финское существительное заимствовано из древнерусского языка. К сожалению, основа *ижее-* из памятников русского языка неизвестна. Русское слово *иго* склонялось в историческое время только как *иго*, род. пад. *ига* и т. д.

Из предыдущего видно, что все исследователи, которые интересовались вопросом откуда произошло финское *ies*, исходят из предпосылки, что приведенное славянское слово, обозначающее „иго", с незапамятных времен склонялось как имя существительное с основой на *-es-*. Поэтому каждому слависту, освоившему историю языка, ясно, что материал, приведенный в доказательство этой гипотезы, никоим образом не подтверждает ее. Скорее наоборот.

Что касается праславянского **jьgo*, то совершенно необоснованно предположение, что почти с самого начала оно имело в своем склонении формы, образованные по аналогии к основам на *-es-*. Следует иметь в виду, что мы можем вполне уверенно отнести **jьgo* к первоначальным основам

на *-o-* (род. пад. **jьga* и т. д.). В праславянскую эпоху это склонение, судя по показаниям отдельных славянских языков, не подвергалось влиянию основ на *-es-*. Исключительно по типу склонения основ на *-o-* склоняются рефлексы праславянского слова **jьgo* почти во всех славянских языках, м. пр. и в древнецерковнославянском. Чрезвычайно многочисленны примеры склонения *иго*, род. *ига* и т. д. в древнерусской литературе. Полагают, что русское слово *иго* заимствовано из церковнославянского. В древнечешских памятниках также часто встречается *jho*, род. *jha*. Падежных форм, образующихся от основы на *-es-*, наоборот, не встречается. Характерно, что церковнославянская письменность просуществовала более 700 лет до того, как основа *iže̋s-* в первый раз появилась в одном церковнославянском памятнике. Два примера формы мн. числа *iže̋sa*, приведенные Миклошичем из одного сербского церковнославянского текста XVI века, являются первыми и в то же время единственными известными нам церковнославянскими примерами основы *iže̋s-*. Они не особенно доказательны, так как *iže̋sa* в обоих случаях стоит перед последующим за ним *kolesa*, почему представляется весьма вероятным, что форма *iže̋sa* случайно возникла вследствие уподобления следующему за ним существительному среднего рода с основой на *-es-*. Что касается других славянских языков, то основа на *-es-* имеется только в словенском, где русскому *иго* соответствует *igó*, род. пад. ед. ч. *iže̋sa* или *igésa*. Это слово встречается в словенском лишь в единичных говорах. Словенская основа на *-es-*, однако, не представляет достаточного доказательства, позволяющего предполагать исконно славянскую основу **jьže̋s-*. Среди современных славянских языков словенский стоит особо в том отношении, что тип склонения на *-es-*, как самостоятельный, сохранился до нашего времени, при чем склонение этого типа захватило некоторые имена, принадлежавшие и к другим типам склонений. Так напр. *peró* с первоначальной основой на *-o-* обыкновенно склоняется как основа на *-es-* (род. пад. ед. ч. *perésa* и т. д.). Слово *krí* (значит „кровь"), склоняющееся в литературном языке по основам на долгое *-ū-* (род. пад. *krví*), в некоторых говорах имеет падежные формы от основы на *-es-* (род. пад. ед. ч. *krvesa* и т. д.). В словенской псалтыри XVI века встречаем *polje*, им. пад. мн. ч. *polesa*. Это слово, как показывают отдельные славянские языки, относится к первоначальным основам на *-jo-*. Поэтому не советуется делать никаких окончательных заключений, исходя из основы *iže̋s-* словенского языка в виду распространенности типа склонения на *-es-* именно в этом языке.

Некоторые ученые полагают, что праславянское **jьže̋s-* появилось под влиянием затем исчезнувшего существительного **jūgo*, род. пад. ед. ч. **jūže̋se*, слова, соответствующего греческому ζεῦγος. Но в славянских языках нет слов, которые давали бы право предположить существование слова **jūgo* в праславянском языке. Польское слово *jugo*, встречающееся в говорах, которое Фасмер в своем этимологическом словаре производит от названного реконструированного праславянского слова, могло попросту возникнуть из параллельного *igo*, этимологически соответствующего русскому *иго*, как и отметили уже Розвадовский, Брюкнер и некоторые другие польские языковеды.

Конечно, это дело вкуса, считать ли или нет основу *iže̋s-*, встречаемую лишь в позднее время на южнославянской почве, реликтом праславянского

склонения. Я лично не склонен этого думать, а прихожу к тому заключению, что основу *iźes-* следует считать южнославянским новообразованием.

Тот, кто опирается на языковой материал, которым мы фактически располагаем, тот должен сделать вывод, что славянское происхождение финского *ies* весьма сомнительно. Сопоставление в этом случае на самом деле не соответствует строгим требованиям. Не трудно было бы набрать и большее количество таких сопоставлений, когда слова звучат более или менее одинаково. Назовем лишь пары слов: финское *suka* „щетка" — лат. *suka* „щетка" и финское *salko* „жердь" — лит. *žalgà* „жердь". Я не думаю, чтобы кто нибудь в настоящее время стал производить эти финские слова из балтийского или наоборот.

Но если настаивать на соответствии финского *ies* с славянским **jьgo*, то следовало бы предположить, что из славянского заимствованное **ika* по какой-то причине в прибалтийско-финском языке было переиначено в **iγes*. Впрочем, следует подчеркнуть то, что в случае **iγes* можно исходить только из славянского прототипа с начальными *jь-*, потому что славянское *i-* передавалось через долгое *ī-*.

Перехожу к финскому слову *hirsi* „бревно", которое происходит из первоначальной формы **širti*. Даже и в настоящее время некоторые исследователи считают праславянское **ž'ьrdь* прототипом финского слова. А Фасмер в своем этимологическом словаре даже считает возможным предположить, что древнерусское *жьрдь* является прототипом слова * *širti*. Если бы это праславянское слово действительно перешло в язык прибалтийских финнов, то это должно было бы произойти в весьма отдаленную эпоху прибалтийско-финского праязыка, т. е. до начала перехода *š* в *h* и *-ti* в *-si*. Эти звуковые изменения, которые можно найти в заимствованных словах балтийского происхождения, завершились в начале нашей эры, или даже еще и раньше. Заимствованные же в прибалтийско-финские языки славянские слова уже не подвергались этим звуковым изменениям, которые можно указать в финском слове *hirsi*. Вот почему слово *hirsi* никак не могло произойти из славянского слова.

Я хочу еще сделать некоторые замечания по поводу этимологии вепсского слова *Ärškah't'*. Основоположником этой этимологии является знаменитый финский языковед Сетэлэ. Эта этимология принимается также и некоторыми другими учеными. *Ärškah't'* — южновепсская деревня, находящаяся между истоками рек Лиди и Колпи в прежнем Тихвинском уезде Новгородской губернии. По-русски эта местность называется *Pádogoща*. Сетэлэ выводит ее вепсское название *Ärškah't'* из формы **Arsikahti*, которая в свою очередь из **Artikašti*. **Artikašti* же он возводит к праславянской форме, предшествующей нынешнему *Радогоща*, т. е. к праславянской форме этого слова, в которой еще не было перестановки двух первых звуков. Фасмер одобрил это объяснение, которое и ввел в свой этимологический словарь, присоединяясь к мнению Сетэлэ. Так как предложенная этимология требует того, чтобы вепсское слово *Ärškah't'* подвергалось в свое время тем же изменениям (*-si* из *-ti* и *h* из *š*) как и финское *hirsi*, то без дальнейшего ясно, что *Ärškah't'* невозможно выводить из праславянского.

Конечно, Сетэлэ не считает возможным, что праславяне сами создали название *Pádogoща* в его праславянской форме для наименования де-

ревни, которая в настоящее время называется так в вепсской области. Напротив, он — поскольку я его понимаю — того мнения, что местность, называвшаяся так в древнейшие времена, лежала дальше на юг, там где праприбалтийские финны находились когда-то в близких сношениях с праславянами, причем они и приняли название славянской деревни в форме **Artikašti* в свой собственный язык.

Объяснение Сетэлэ предпосылает, что потомки праприбалтийских финнов и праславян, находившиеся между собой в сношениях в местности первичного **Artikašti*, в течение нескольких столетий по крайней мере до некоторой степени соприкасались друг с другом, а затем одновременно заняли местность теперешней вепсской области, на которую впоследствии и перенесли сохранившееся в памяти нескольких поколений двойное местное название *Arškah't'* — *Pádogoща*. Не подлежит никакому сомнению, что восточные славяне пришли в местность, прилегающую к *Arškah't'*, не ранее XI столетия. Но предположения, к которым приводит нас этимология Сетэлэ все же настолько фантастичны, что уже поэтому следует отклонить это объяснение. Ясно, что между вепсским *Arškah't'* и русским *Pádogoща* не существует никакой прямой этимологической связи. Вероятно, что русские, по недостаточному знанию чужого им языка и не имея возможности по слуху точно воспринять вепсское название, благодаря его непривычной для них звуковой форме, заменили его наобум своим собственным названием *Pádogoща*. Мне даже кажется вероятным, что это произошло лишь в сравнительно более позднее время. Мы следовательно имеем дело лишь с некоторого рода этимологической переделкой. В местностях, где соприкасаются два неродственных по языку народа, легко найти примеры того, что чуждое слуху название местности заменяется звучащим более или менее одинаково наименованием, взятым из собственного языка.

Я подверг разбору те прибалтийско-финские слова, которые языковеды обыкновенно считают заимствованиями из праславянского. Как видно из изложенного, я не считаю доказательными те слова, которые приводятся исследователями в подтверждение их тезиса, будто бы древнейшее наслоение прибалтийско-финских заимствований из славянского языка произошло уже в праславянскую эпоху.

Казалось бы, что большего внимания при разборе этого вопроса заслуживает финское слово *sääli* „жаль", „жалко", которое заимствовано в той форме, которая предшествовала русскому *жаль*. Как известно, *жаль* является позднейшей формой праславянского **ž'ělь*. Финское слово *sääli* указывает на то, что славянский прототип имел именно эту звуковую форму. От слова *жаль* его никак невозможно произвести. Славянский звук *ě* в древнейших прибалтийско-финских заимствованиях передавался через долгое *ā*. К древнейшему слою заимствований относятся м. пр. финские слова *lääνä* „хлев" и *määrä* „мера", которые соответствуют древнерусским *хлѣвъ* и *мѣра*. Такие примеры дают нам право установить качество славянского звука *ě*, который лежал в основе долгого финского *ā*. Это был повидимому довольно открытый звук *ā*. Интересующее нас славянское слово впрочем уже весьма рано перешло в латышский, где оно встречается в форме *žẽl* „жаль", „жалко". Славянская форма, к которой восходит латышская, соответствует славянскому прототипу фин-

ского слова *sääli*, но не русскому слову *жаль*, так как для латышского *žę̃l* можно исходить только из славянского **ž'ělь* с открытым долгим звуком *ě*.

Согласно общераспространенному мнению, звук *ě* после *ž'* перешел уже в праславянскую эпоху в долгое *ā*. Поэтому совершенно исключается возможность производить как финское *sääli*, так и латышское *žę̃l*, из русского. Таким образом кажется, что только праславянский язык мог бы считаться источником этих заимствований.

Все же более вероятно, что переход *ě* в *ā* долгое после *ž'*, *š'* и *č'* нельзя относить к такой ранней эпохе, как это думают ученые. Некоторые языковые факты, на которых я не буду останавливаться, говорят за то, что названный переход одного звука в другой совершился только тогда, когда уже существовали отдельные славянские языки. Этот переход принадлежит к тем языковым процессам, которые распространялись на всю славянскую территорию, но которых все же нельзя возводить к праславянскому языку и которые могут быть названы только общеславянскими.

Таким образом, по моему мнению, долгий гласный *ā̃* в финском слове *sääli* не является доказательством его праславянского происходжения.

L. HADROVICS

NEKI PROBLEMI MAĐARSKIH ELEMENATA U SRPSKOHRVATSKOM JEZIKU

1. Obrađivanje tuđih elemenata u srpskohrvatskom jeziku stavlja istraživača pred težak zadatak, i to zbog toga, jer je osim etimoloških proučavanja potrebno baviti se i veoma složenim pitanjima kritike izvora, leksičke geografije i historije leksika. Sve do novijeg vremena srpskohrvatsko jezično područje niti u političkom, niti u kulturnom pogledu nije sačinjavalo homogenu cjelinu. Što se tiče preuzimanja tuđih jezičnih elemenata, ova historijska okolnost imala je odlučujuću ulogu. Posmatrajući bilo grčke, talijanske, njemačke, mađarske ili turske elemente (podrazumijevajući tu i arapske i perzijske), možemo zapaziti, da se zapravo nijedan od ovih utjecaja nije proširio na cijelo srpskohrvatsko jezično područje. U prošlosti su ove pozajmice u velikom broju dopirale uvijek samo do stanovitih granica. Na primjer, gdje je bilo mnogo njemačkih elemenata, tamo nije bilo turskih i grčkih, gdje je bilo mnogo talijanskih elemenata, tamo nije bilo mađarskih, i obratno. Stoga cijeli jezični teritorij, što se tiče leksika, treba razdijeliti na više područja, kojih se granice u suštini poklapaju s granicama starih političkih provincija i kulturnih zajednica, ali se ne poklapaju uvijek s granicama dijalekata ustanovljenima u modernoj dialektologiji uglavnom na temelju fonetskih i morfoloških kriterija.

2. Sa gledišta mađarskih elemenata najvažnije leksičko-geografsko područje jest područje kajkavskog narječja, sa Zagrebom kao kulturnim centrom. Kao što je poznato, današnja istočna granica ovog narječja nastala je za vrijeme turskih osvajanja, kada je uslijed masovne migracije štokavaca prema sjeveru i zapadu kajkavski dijalekat jako potisnut. Tokom cijele historije ovaj kraj je bio u najtrajnijoj političkoj i crkvenoj, ekonomskoj i kulturnoj vezi s Mađarskom, a rezultat toga je bio znatan utjecaj mađarskog jezika na svim poljima kulturnog i svakodnevnog života. Od osobite je važnosti naglasiti, da je sredovječna Slavonija, teritorij koji se skoro sasvim poklapao sa zagrebačkom dijecezom, bila vezana s Mađarskom i u crkveno-organizacionom pogledu. Zagrebačka dijeceza je na početku vjerojatno spadala pod ostrogonsku, a kasnije pod kaločku nadbiskupiju. Ova činjenica se u jezičnom pogledu odrazila ne samo u tome, što je u kajkavsku crkvenu terminologiju prešao velik broj riječi i kalkova mađarskog porijekla, nego i u tome, da se, za razliku od drugih hrvatskih krajeva, na području zagrebačke dijeceze izgovor latinskog jezika ravnao u potpunosti prema

onom u Mađarskoj (na pr. lat. *s* se dosljedno izgovaralo kao *š* i *ž*), pa se stoga i kajkavski pravopisni sistem razvijao slično mađarskom.

Uslijed nedostatka jezičnih spomenika iz Srednjeg vijeka, mađarski elementi se u kajkavštini mogu pratiti tek od XVI. vijeka pa nadalje. Ali njihov glasovni oblik, o čemu ću još govoriti, dokazuje, da veći dio ovih pozajmica potječe još iz Srednjeg vijeka, iz doba od XIII.—XV. vijeka.

Kajkavštini se s juga priključuje čakavština, koja, s obzirom na mađarske elemente, predstavlja jednu drugu, prilično zatvorenu leksičko-geografsku jedinicu. Po svjedočanstvu starih spomenika, mađarski elementi dopirali su tamo do Primorja, ali u Istru i na otoke prelazili su samo u izuzetnim slučajevima. Uslijed geografske udaljenosti ovdje, prirodno, i ne može biti toliko mađarskih elemenata, kao u kajkavštini. Većinom nalazimo u kajkavštini već dobro poznate elemente, nazive iz državne, pravne i vojne terminologije, kao što su: *varoš, orsag ~ rusag, aldomaš, biršag, har(a)c, šator, šereg, porkulab, bantovati, batriti* i t. d. Mnogobrojne mađarske elemente kajkavštine sa područja svakodnevnog života u čakavštini zamjenjuju talijanske riječi. Leksičko blago ovih dvaju dijalekata, osim gornjega, odvojeno je još i jednom drugom važnom razlikom, naime, različitošću crkvene terminologije. U čakavskim krajevima su crkvenim životom rukovodili s jedne strane popovi glagoljaši, nastavljači crkvenoslavenskih tradicija, a s druge strane svećenici latinskog obreda, odgajani na talijanskoj kulturi. Stoga u rječniku crkve skoro i nema mađarskih elemenata.

Ovaj kraj bi se općenito mogao okarakterizirati time, da su mađarski elementi ovamo dopirali samo preko kajkavštine. U čakavštini nema takvog mađarskog elementa, kojeg ne bi bilo i u kajkavštini. No dok se u kajkavštini uslijed blizine mađarskog jezičnog teritorija moglo dogoditi i to, da je stari oblik jedne ranije preuzete riječi zamijenjen mlađim oblikom iste riječi, dotle se u čakavštini sačuvao *stari* oblik. Ovako treba objašnjavati na pr. kajkavski oblik *orsag* i čakavski *rusag*.

Veoma je važno, da se u čakavštini pojedini mađarski elementi mogu potvrditi iz ranijeg doba nego u kajkavštini, premda je sasvim sigurno, da su došli posredstvom kajkavštine; to je stoga, što čakavština ima mnoge spomenike iz Srednjeg vijeka.

Zona kajkavskog narječja istočno graniči s jednim većim, ali ne sasvim homogenim teritorijem, sa Slavonijom i Vojvodinom, u koji bismo do izvjesne mjere mogli uračunati i Šumadiju. Formiranje ove leksičke teritorijalne jedinice odvijalo se u novom vijeku takorekuć pred našim očima. Osnovni dio stanovništva doselio se tu za vrijeme Turaka s juga, iz Bosne i Srbije, te je s jedne strane potisnuo granice mađarskog jezika prema sjeveru mnogo više, nego što je to bilo u Srednjem vijeku, a s druge strane širio se prema zapadu na uštrb kajkavskog narječja.

Na ovom području su mađarski elementi uopće uzevši mlađi, nego u već spomenutim drugim dvjema zonama. Vrijedna je pažnje i činjenica da su se ovdje udomaćili takvi mađarski nazivi, koji većinom označuju druge pojmove nego nazivi u kajkavštini i čakavštini. Izuzevši sasvim mali broj riječi, ovdje ne nalazimo mađarske elemente stare državne, pravne, crkvene, štaviše, ni vojne terminologije, što je toliko karakteristično za ove dvije zone, ali s druge strane, javlja se velik broj izraza za pojmove sva-

kodnevnog života: imena predmeta domaćinstva, odjeće, zanata, alata, kao što su: *ašov, hardov, valov, tašulj, gombar* i t. d.

Znatniji jezični spomenici ovog područja javljaju se od druge polovice XVII. vijeka. Veoma se mnogo dragocjenog materijala skriva u spomenicima, koji nisu nastali s književnim namjerama, kao što su na pr. pisma, ugovori, priznanice, popisi, inventari i t. d. Kao izvor od naročite je vrijednosti rječnik Jakova Mikalje (1649—50). O autoru znamo, da je kao član temišvarske isusovačke misije godinama boravio u ovim krajevima. U njegovom se rječniku nalaze prve potvrde za velik broj mađarskih elemenata. Vuk je također zapisao velik broj mađarskih elemenata već u prvom izdanju svojeg rječnika; mnogo je dragocjenih podataka sačuvano i u rječniku Matije Petra Katančića, kojega se rukopis nalazi u Univerzitetskoj biblioteci u Budimpešti.

S obzirom na mađarske elemente posebnom zonom treba smatrati Bosnu, i to bar središnju Bosnu. Uslijed svojeg specijalnog političkog, vjerskog i kulturnog položaja, ovaj kraj u Srednjem vijeku s Mađarskom nije stajao u takvoj tijesnoj vezi, kao na primjer područje kajkavštine. Prema tome, ako broj mađarskih elemenata u rječničkom blagu središnje Bosne i nije baš sasvim neznatan, ipak se ne može ni usporediti s bogatim materijalom kajkavskog narječja. Nema mađarskih izraza državne, pravne, socijalne i crkvene terminologije. Shodno specifičnim lokalnim uvjetima, ovi izrazi su ovdje nastali na tlu lokalnog narodnog jezika. Kao politički termin je interesantno postojanje riječi *rusag*, koja ne znači samo zemlju, nego i skup sve bosanske gospode.

Poslije je turško osvajanje dalo bosanskom fondu riječi sasvim drugi karakter. Prijelazom jednog dijela stanovništva na muslimansku vjeru, otvorila su se vrata Bosne ne samo vjerskom i kulturnom, nego i jezičnom utjecaju Istoka. Od druge polovine XV. vijeka bujica turskih, arapskih, perzijskih pozajmica uništila je i posljednje tragove mađarskih elemenata u bosanskom dijalektu. Interesantno je, na primjer, zapaziti, da se na mjestu riječi *rusag* iz starih bosanskih diploma u spomenicima XVIII. vijeka već nalazi riječ *vilajet*.

I na kraju dolaze predjeli, koji su bili najmanje izloženi mađarskim utjecajima: Južna Srbija i južni dijelovi Dalmacije (otpr. jugoistočno od Splita). Ovamo su samo slučajno dospijevali mađarski elementi, kao na pr. *kip, varoš, gazda* i sl. I ako se u jeziku nekih starijih pisaca tu i tamo i može naći po koja mađarska riječ, — ova činjenica nema osobito kulturnohistorijsko značenje niti može poslužiti kao leksičko-geografski dokaz.

Ovdje namjerno nisam spomenuo hrvatska i srpska jezična ostrva na području današnje Mađarske. Naime, njihov se jezik s obzirom na mađarske elemente ne može mjeriti istim mjerilom kao jezik zemlje-matice. Prirodna je pojava, da ovakva jezična ostrva redovito preuzimaju iz državnog jezika velik broj novih riječi, ali to je već drugi problem i ne može biti mjerodavan kod ocjene mađarskih elemenata srpskohrvatskog jezika.

3. Kao što smo vidjeli, najstariji i najbogatiji sloj mađarskih elemenata u srpskohrvatskom fondu riječi sačuvan je u kajkavskom dijalektu.

Doduše, pismene potvrde za ovu činjenicu imamo tek od druge polovine XVI. vijeka, ali iz mnogih pojava možemo zaključiti, da se to preuzimanje dogodilo već u Srednjem vijeku. Događa se, da se mađarske riječi prije javljaju u čakavskim spomenicima (na pr.: *aldomaš, biršag, harmica*). U takvu slučaju možemo mirno zaključiti, da su ove riječi u isto vrijeme već postojale i u kajkavštini, jer nije vjerojatno, da bi, takoreći preskočivši krajeve koji su bili najbliži mađarskom jezičnom području i bili najviše izloženi mađarskim utjecajima, došle prvo u čakavštinu, i tek poslije u kajkavštinu.

Mađarski elementi u kajkavštini mogu se, naravno, naći već i u srednjovječnim latinskim izvorima. Tako se, na primjer, često susreće *filjaršćina*, jedna vrsta poreza (prvi podatak iz 1321. MonCivZagr. I. 97), koja potječe od mađarske riječi *fillér* (< njem. *Vierer*); kao pravni termin već se rano javlja *ketušina* 'ortakluk', koja je izvedena iz riječi *ketuš* 'ortak' (mađ. *kettős*; MonCivZagr. VIII, 16 i 495).

Međutim, u ocjeni podataka iz latinskih diploma moramo biti oprezni. Poznato je, da su u srednjovječnim razvodima imena drveta, koja su označavala granične točke, vrlo često navedena na mađarskom jeziku čak i u onim listinama koje se odnose na hrvatske predjele, na pr. *nyír, hárs, tölgy, bükk, szil* (ili *nyírfa, hársfa* i t. d.). Ovakve mađarske riječi se naravno ne mogu smatrati elementima hrvatskog jezika. To dokazuje s jedne strane činjenica, da u kasnijim hrvatskim tekstovima nema o njima nikakvog traga, a s druge strane i to, da se iz riječi *breza, lipa, hrast, bukva, brijest* i t. d. formirao velik broj geografskih naziva, ali nisam našao nijedno takvo hrvatsko ime mjesta, koje bi bilo izvedeno od mađarskog imena jednog od gornjih drveta.

Drugo je opet pitanje velikog broja latinskih riječi, koje se javljaju u istom obliku i u kajkavštini i u mađarskom jeziku. Kao što sam već spomenuo, u zagrebačkoj dijecezi je latinski izgovor bio isti kao i izgovor latinskog jezika u Mađarskoj. Stoga su latinske riječi i u kajkavštinu ulazile u istom obliku kao i u mađarski jezik. U slučaju ovakvih zajedničkih elemenata često se može postaviti pitanje, da li je odnosna riječ ušla u hrvatski jezik iz latinskoga ili iz mađarskoga jezika. Na ovo pitanje se ne može uvijek dati siguran odgovor. Ali općenito uzevši, moramo se odlučiti za direktno preuzimanje iz latinskoga, jer su slični kulturni uvjeti omogućivali, da iste latinske riječi prelaze u oba jezika neovisno jedna o drugoj. Ali u nekoliko slučajeva ima nesumnjivih kriterija, koji dokazuju posredništvo mađarskog jezika. Takvi su na pr. *paradižum, Egiptom, Ciprom*, nasuprot latinskom *paradisus, Aegyptus* i *Cyprus*. Ove su riječi prešle u kajkavštinu s pogrešnim nominativom, koji je konstruiran u mađarskom jeziku. Iz mađarskoga potječu i riječi *kaptolom* (lat. *capitulum*, mađ. *káptalan*) ili *gradiči* 'stepenice' (lat. *gradus*; mađ. *grádics*), koje nose na sebi tragove glasovnih promjena mađarskog jezika.

Slični problemi iskrsavaju i u svezi sa zajedničkim njemačkim elementima. Na to se ovdje ne ću osvrtati, samo ću primijetiti, da je savremena obradba njemačkih elemenata stari i stalno naglašavani deziderat mađarske lingvistike, i ta obradba treba da uzme u obzir i njemačke elemente u slavenskim jezicima, koji se nalaze u susjedstvu mađarskog jezičnog područja.

4. Vraćajući se na pitanje hronologije mađarskih elemenata u kajkavštini, možemo ustanoviti, da su dosadašnja proučavanja obično zanemarivala sistematsku fonetsku analizu riječi, iako se iz toga mogu povući veoma važni zaključci o vremenu pozajmljivanja. Mogućnost za izvođenje hronoloških zaključaka osobito pružaju dvije važne pojave mađarske historijske fonetike, naime prelaženje kratkih vokala u vokale za jedan stupanj otvorenije, i monoftongizacija starih diftonga.

U historiji mađarskog jezika je općepoznata tendencija razvitka, da staromađarski kratki vokali u toku XIII. vijeka postaju za jedan stupanj otvoreniji. Prema tome imamo slijedeće prilično konsekventne glasovne promjene: *i* > *e*, *ū* > *ō*, *u* > *o*, *o* > *ȯ*. Na pr. *higy* > *hegy* 'gora', *kiriszt* > *kereszt* 'krst', *gyüngy* > *gyöngy* 'biser', *humuk* > *homok* 'pijesak', *bukur* > *bokor* 'grm', *fork* > *fark* 'rep'. Ovaj proces kulminira u drugoj polovini XIII. vijeka i na kraju doba dinastije Arpadovića može se smatrati završenim, premda su u izvjesnim slučajevima kratki samoglasnici i poslije mogli postati otvoreniji. A kako u srpskohrvatskom slične glasovne promjene nije bilo, mađarske riječi, preuzete u starijem glasovnom stanju, ostale su u svom prvobitnom obliku.

Na starije mađarsko glasovno stanje ukazuju takve riječi sa sufiksom *-s*, koje su se prije završavale na *-us*, a danas na *-os*, na pr. *sipus* > *sipos*, *dulgus* > *dolgos*. Njima je slično i osobno ime *Lajos*, koje se iz prvobitnog oblika *Lois* (čit.: *Loiš*) preko stupnja *Lajus* razvilo u *Lajos*. Ove riječi se u kajkavskim spomenicima XVI. i XVII. vijeka javljaju u formi *šipuš*, *duguš*, *Lajuš*.

Isto tako su, prema današnjim mađarskim oblicima *gomb*, *lakat*, *paplan*, kajkavski oblici *gumb*, *lokot*, *poplun* sačuvali zatvoreniji stupanj. (Treba primijetiti, da kajk. *lokot* zbog svog glasovnog oblika ne može potjecati od talijanske riječi *luchetto*. Riječ *lakat* je u mađarskom pozajmica iz starofrancuskog.) Ovi oblici dokazuju, da su ove riječi morale postojati u kajkavštini već prije XIV. vijeka. (Za *lokot* mogu navesti jedan stari podatak u izvedenoj riječi *lokotar* 'bravar' MonCivZagr. IV, 212, iz god. 1362.: Nicolaus *Lokotar*, a kasnije još i na više mjesta. *Paplan* je u mađarskom bizantsko-grčkog porijekla. U hrvatskom se može dokazati od 1384. MonCivZagr. V, 222: uno culcitro vulgo *poplun* dicto.)

Nasuprot ovim mađarskim elementima u kajkavštini, koji pokazuju zatvoreniji stupanj, u slavonsko-vojvođansko-šumađinskoj leksičkoj zoni mađarske pozajmice sličnog tipa javljaju se već s otvorenijim vokalizmom. Velarne mađarske riječi sa sufiksom *-s* prihvaćene su ne s nastavkom *-us*, nego *-os*, kao na pr. *doboš*, *kormanoš* (*krmanoš*), mađ. *dobos*, *kormányos*. Istu pojavu nalazimo i u osnovama. Shodno kajkavskom *gumb* i *gumbar*, ovdje imamo *gomba* (u jeziku M. P. Katančića) i *gombar* (najraniji podatak iz 1702 nalazi se u „Libellus alphabeticus". Tyrnaviae, 69).

Slično riječima velarnog reda, u kajkavštini se nalaze na starom stupnju i mađarske riječi palatalnog reda. Tako se na pr. današnje mađarske riječi *béres* (*bires*), *mének* (*mines*), *peres*, *mérték*, *gyöngy* u kajkavskim spomenicima javljaju u oblicima *biruš*, *menuš* (*minuš*), *peruš*, *mertuk*, *đund*, što znači, da imamo posla s preuzetim starim mađarskim formama *bérüs mínüs*, *perüs*, *mértük*, *gyüngy*. U isto vrijeme u slavonsko-vojvođanskoj zoni

u jeziku ugarskih Srba u XVIII. vijeku nalazi se forma *nemeš*. Ali i u samoj kajkavštini ima novijih pozajmica takvog tipa, na pr. *fedveреš* (podatak iz g. 1597: MonHistSlavMerid XV, 265) < mađ. *fegyveres, riteš* (u rječniku Habdelićevu i Bjelostjenčevu) < mađ. *rétes*.

5. Osim zatvorenosti, glavna osobina staromađarskog vokalnog sistema nasuprot današnjem bilo je bogatstvo u diftonzima. Mnogi od ovih diftonga su nestali i na njihovu mjestu su nastali dugi vokali. Tako je na pr. diftong *aų* kroz *oų* mogao postati *ó*; isto tako je od *eų* postalo *ó*. Kako u životu srpskohrvatskog jezika sličnog razvitka nije bilo, mogle su se sačuvati na stupnju diftonga stare pozajmice iz mađ. jezika, koje u današnjem jeziku imaju jednostavan vokal. No prilikom proučavanja ovih pozajmica treba strogo odvajati one riječi, u kojima se diftong javlja u unutrašnjosti riječi, od onih, koje su se završavale na diftong, jer su — kao što ćemo vidjeti — na formiranje kraja riječi utjecali i morfološki momenti. Sa gledišta leksičke geografije i hronologije i ovdje se može zapaziti ista pojava kao kod pozajmica, koje smo dosada tretirali. Kajkavski dijalekat ima stare diftonške pozajmice, dok se u slavonsko-vojvođanskoj jezičnoj zoni mađarske pozajmice sličnog tipa javljaju u mlađem glasovnom obliku, sa jednostavnim vokalom.

Sa diftongom u unutrašnjosti riječi sačuvala su se neka vlastita imena, kao na pr.: *Miklouš* (*Miklovuš*) < mađ. *Miklós*, stariji oblik *Miklous*, a ovaj iz lat. *Nicolaus*. Na to ima primjera u Vramčevoj Kronici, a i u prezimenu poznatog kajkavskog pisca Tome *Mikloušića* sačuvan je ovaj oblik. Drugo je naziv mjesta *Siklós* u Baranji, stari *Soklous*, koji, također kod Vramca, nalazimo u obliku *Šoklouš, Šoklovuš*.

Nasuprot ovim diftonškim oblicima u slavonsko-vojvođanskoj zoni se nailazi samo na mlađi stupanj. Mađarska riječ *hajós* 'lađar' sa sufiksom *-s*, koja je besumnje nastala od starijeg **hojous, *hajous*, ovdje se javlja samo u obliku *hajoš*. (Prvi podatak u Vukovu rječniku.)

Utvrđivanje hronologije naziva, u kojima se diftong nalazi na kraju riječi, već nije tako jednostavan posao. Riječi, koje se u današnjem mađarskom jeziku završavaju na *-ó*, a ranije na *-oų*, u srpskohrvatskom se mogu javljati sa završetkom *-ov*, *-ol*, i eventualno *-o*. Takve su riječi:

akó	>	*akov* (slav. dijal.)
áldó	>	*aldov* (kajk.)
ásó	>	*ašo, ašov* (slav.-vojv.)
biró	>	*birov* (slav.-vojv. i Međumurje)
cipó	>	*cipov* (kajk.)
háló	>	*halov, alov* (slav.-vojv.)
hordó	>	*hordov* i *hardov, ardov* (prvi oblik kajk., a druga dva slav.-vojv.)
hintó	>	*hintov, intov* (kajk., slav.-vojv.)
kincstartó	>	*kinčtarto* (jedan podatak u Vramčevoj Kronici)
korsó	>	*koršol* (kajk.), *koršov* (u slav. pisaca)
mosdó	>	*moždov* (kajk.)
szabó	>	*sabol* (kajk.)
László	>	*Laslo, Laslov* (kajk., u Pergošića)

Ove se riječi u raznim zonama nalaze mješovito sa nastavcima *-ov*, *-o* i *-ol*, i kod istog pisca se jedna riječ kadšto upotrebljava sa oba nastavka (kao *Laslo* i *Laslov* kod Pergošića); šta više, ima potvrda i za to, da *-o* hronološki prethodi nastavku *-ov*, kao na primjer u slučaju *ašo, ašov*, ovdje se najstariji podatak (u Mikaljinom rječniku) nalazi u obliku *ašo*. Baš zbog toga se ne može kao pravilo primiti, da je nastavak *-ov* sačuvao drevni mađarski diftong i da samo nastavak *-o* predstavlja mlađi stupanj razvitka. Naime, ne može biti sumnje, da dobar dio nominativa na *-ov* može biti produkt srpskohrvatskog razvitka, koji je nastao apstrakcijom od kosih padeža. S te točke gledišta interesantno je pogledati ponašanje latinskih riječi na dugo *-ō*, koje možemo naći u starim kajkavskim tekstovima. U Vramčevoj se Kronici, na primjer, imena kao *Leo, Nero, Otto, Scipio* sklanjaju na dva načina. Mogu zadržati svoju latinsku osnovu na *-n* te imati genitiv *Leona, Nerona, Ottona, Scipiona*. Ovakav način sklanjanja su upotrebljavali vjerojatno oni, koji su raspolagali s temeljitom latinskom kulturom; u narodnom je sklanjanju između prvobitnog latinskog nastavka i hrvatskih padežnih nastavaka došao elemenat *-v-*. U Vramčevoj Kronici ima i za to primjera: Benedik posta papa, dole i v vuzu vrgši *Leova* (32); neki su nasleduvali Venceslava, neki Karola, a neki *Otova* hercega bavarinskoga (42). Kako su sve mađarske riječi na *-ó* bile narodne pozajmice, one su se mogle sklanjati na sličan način, dakle: nom. *ašo*, gen. *ašova*, dat. *ašovu* i t. d. Iz kosih padaža su zatim apstrakcijom lako mogli nastati nominativi na *-ov*. Time se može objasniti, da se u spomenicima oblik *ašo* javlja ranije nego *ašov*, ili da nominative *Laslo* i *Laslov* Pergošić još upotrebljava naizmjenično.

Isto tako su nepodesne za ustanovljivanje hronologije i pozajmice, koje se u današnjem mađarskom jeziku svršavaju na *-ő*, a koje su se ranije završavale diftongom *-eű*. Sa svoje strane znam samo za dva takva slučaja:

mező > *mezevo, mezovo* (slav.-vojv.; prva potvrda kod Mikalje, a druga kod slavonskog pisca Lipovčevića g. 1750).

kerengő > *kerengov* (kajk. Ovu riječ poznajem samo iz Bjelostjenčeva rječnika sa značenjem: 'globus, orbis, sphaera, gyrus').

Slično nastavcima velarnog reda, i nastavak *-evo* ili *-ev* mogao je nastati bilo od mađ. *-eű*, ili od *-ó*.

Poštovani slušaoci! U ovom kratkom predavanju nisam mogao ući u detalje svih problema, koji mogu iskrsnuti pri metodičkoj obradbi mađarskih elemenata u srpskohrvatskom jeziku. Svoja istraživanja mogao bih ukratko rezimirati ovako:

Polazna točka je kritika izvora. Stari izvori na srpskohrvatskom jeziku sa gledišta leksičke geografije ne pružaju uvijek čvrst oslonac. Ovo pogotovo vrijedi za one stare rječnike, u kojima su autori obrađivali i materijale rječnika drugih jezičnih zona. Ne samo obradba mađarskih, nego i obradba svih stranih riječi treba da se temelji u prvom redu na materijalu tekstova, koji se mogu lokalizirati, te na modernim dijalektološkim istraživanjima.

Prilikom obradbe izvora na latinskom jeziku u svakom pojedinom slučaju treba ispitati, da li se dotična mađarska riječ zaista može smatrati sastavnim elementom srpskohrvatskog jezika.

U slučaju takvih riječi, koje nisu mađarskog porijekla, ali se može pretpostaviti, da su došle posredništvom mađarskog jezika, treba staviti na vagu sve one fonetske, leksičko-historijske i stvarne kriterije, na temelju kojih se odlučujemo za posredništvo ili protiv njega.

Konačno, u onim zonama jezika, u kojima se doba preuzimanja iz spomenika ne može direktno ustanoviti, dokazi iz fonetike mogu se za određivanje hronologije upotrebiti samo u onom slučaju, ako se uzmu u obzir i fonetski i morfološki momenti razvitka u srpskohrvatskom jeziku.

Eto, to su u krupnim potezima zahtjevi, koje možemo postaviti jednoj suvremenoj obradbi. Samo rezultati jedne takve obradbe mogu da posluže kao siguran temelj za obrađivanje mađarskih elemenata u srpskohrvatskom etimološkom rječniku.

ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВ

КОНЦЕПЦИЯ ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ГУТТУРАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ НА ЭТИМОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ СЛОВ

I

В наши дни идет усиленная работа по составлению этимологических словарей славянских языков: в Польше проф. Фр. Славский издал четвертый выпуск Słownik etymologiczny języka polskiego, в Германии проф. М. Фасмер заканчивает свой Russisches etymologisches Wörterbuch, в Чехословакии проф. В. Махек с сотрудниками подготовил к печати чешский этимологический словарь, а теперь работает над этимологическим словарем славянских языков. В Чехословакии подготовляется тоже этимологический словарь словацкого языка чешским лингвистом В. Полаком. В Югославии проф. П. Скок уже закончил этимологический словарь сербохорватского языка. В Болгарии приступают к работе над этимологическим словарем болгарского языка. Идет работа по составлению этимологического словаря украинского языка. Следовательно, этимология, происхождение славянских слов, является актуальным вопросом современной славистики.

Здесь будет рассмотрен один из вопросов в связи с применением сравнительно-исторического метода при установлении этимологии некоторых славянских слов. В группе славянских слов появляется велярный согласный и спирант в словах одного и того же корня (тип А: русс. *город — зород*) или же велярный, как соответствие спиранта в балтийском, индоиранском, армянском или албанском (тип Б: слав. *гжсь* — лит. *žąsis*). Вопрос касается трактовки т. н. индоевропейских палатальных звуков в славянских языках. Примеры:

Тип А

Велярный согласный и спирант в словах одного и того же корня[1]:

брьснѫти, русс. *бросать* : русс. *брокать*;
градь, русс. *город* : русс. *зород*;
клонати : **слонати*;

[1] Неозначенные слова представляют общеславянскую (древнеболгарскую) форму.

крава : срьна ;
**лысъ*, русс. *лысый : луча ;*
стьнь : сънь ;
цвѣтъ : сѣтъ; и др.

Тип Б

Велярный согласный как соответствие спиранта в балтийском или индоиранском:

бръгъ : авест. *barəzō ;*
гжсь : лит. *žąsis ;*
дрьжати : др.-инд. *dṛ́hyati,* авест. *darəzayeiti ;*
звѣзда : пол. *gwiazda :* лит. *žvaigždė̃ ;*
искати : авест. *isaiti ;*
камы : др.-инд. *áśmā ;*
клѣть : лит. *šliùė̃ ;*
копыто : др.-инд. *śaphaḥ ;*
кръма : лит. *šérti ;*
коса : др.-инд. *śasati ;*
котора : др.-инд. *śatruḥ ;*
**лигати*, укр. *по-лигати :* алб. *lidh*, лат. *ligo ;*
пѣтж : др.-инд. *práśnaḥ ;*
свекръ : др.-инд. *śvaśúraḥ ;*
скокъ, скакати : лит. *šókti ;*
цѣвь : лит. *šeivà ;*
чрѣда : др.-инд. *śardhaḥ ;* и др.

Объяснение этих случаев в новейших этимологических словарях славянских языков различны и зачастую очень колебливы:

1. Заимствования из германских языков.

2. Влияние германских языков, например, относительно слова *гжсь* (Фасмер; с оговоркой Голуб—Копечный).

3. Колебание между заимствованием и вариантом, например в отношении слова *бръгъ* (Голуб—Копечный, Фасмер).

4. Вариант корня, например относительно слов *бръгъ* (Славский), *город — зород, скокъ* (Голуб—Копечный).

5. Дублетные формы, например по отношению слов *цѣтъ — сѣтъ, камы — áśmā, цѣвь — šeivà* (Голуб—Копечный).

6. Констатация факта, без объяснения, напр. относительно слов русс. *город — зород — озород* (Славский, Фасмер), *крава — срьна* (Фасмер), *свекръ — śvaśúraḥ* (Голуб—Копечный).

7. Сомнение относительно правильности этимологии или отрицательное к ней отношение, напр. в отношении слов: *коса — śasati* (Голуб—Копечный, Фасмер), *дрьжати — dṛ́hyati, копыто — śaphaḥ, котора — śatruḥ, кръма — šérti* (Фасмер), *стьнь — сънь* (Голуб—Копечный).

В сущности пометы „вариант“ или „дублетная форма“ отнюдь не представляют собой объяснений, а лишь констатируют факт. С другой стороны, сомнения в отношении таких соответствий или их отрицание — неуместно, потому что в большинстве случаев вопрос идет об очевидных, бесспорных сопоставлениях. Объяснения „влиянием“ германских языков есть ничто иное как эвфемизм, употребленный вместо слова „заимствование“ из гер-

манских языков. Наконец, объяснение этих случаев заимствованием из германских языков нельзя считать правдоподобным. В славянских языках действительно встречаются германские заимствования, однако в нашем случае не может быть и речи о заимствовании. Так, например, если мы допустим, что слова с велярным согласным от корня **gherdh-*, к которым принадлежит др.-болг. *градъ*, заимствованы из германского, то слово др.-болг. *жрьдь*, русс. *жердь*, производное того же корня[2] и содержащее велярный (и.-е. *gi* > слав. *ži*), не может быть объяснено. Праславянская форма *žьrdь* < **girdi-s* не может быть объяснена на основании исторической фонетики германских языков. В германском возможны лишь следующие случаи чередования гласных: *er* = и.-е. *er*, *ar* < и.-е. *or*, *ur* < и.-е. *r̥*, из которых нельзя вывести слав. *ьr*. Славянское *ьr* < *ir* правильно восходит к и.-е. *r̥*: и.-е. **ghr̥dhi-s* > балтослав. **girdi-s* > слав. **žьrdь*. Этот факт свидетельствует о том, что формы с велярным в славянском не могут быть заимствованы из германского, а представляют слова, унаследованные в славянском из общеиндоевропейской лексики. Такие случаи присущи и другим т. н. языкам „*satəm*“, в отношении которых нельзя предполагать влияния германских языков, ср. например следующие древнеиндийские слова:

adrak : adarśat, dr̥ś-;
bhīšak : авест. *baešaz-əm;*
degdhi, digdha- : авест. *daēz-, dišṭa-;*
dik : diši (лок.)*;*
gr̥haḥ : лит. *žárdis;*
ji-ghaya: авест. *zaē-man-;*
karṇaḥ : śr̥noti;
karvara-, karbara- : śarvara-;
nir-mārga-h : *mārṣṭi, mārjati,* авест. *marəzaiti;*
pra-ṇak : naśati;
rekhā : riśati;
rokaḥ : ruśant-;
rujati, rugna-h, roga-h : лит. *lūžis, láužiu;*
saghnoti : авест. *haz-;*
sargaḥ : авест. *hərəzaiti.*

Вообще таких случаев в индоиранских языках отнюдь не меньше, чем в славянских. Причем предположение, что в индоиранском их следует объяснить заимствованием из какого-то неизвестного языка „centum“, невероятно. Подобное объяснение исключено, например, при формах одной и той же парадигмы, как имен. пад. *dik* в сравнении с местным падежом *diši*, вор. *adrāk* в сравнении с *adarśat* и др.

Следует отметить, что объяснения этих славянских слов заимствованием из германских языков принадлежат преимущественно немецким ученым, тогда как большинство языковедов предпочитают говорить о „вариантах“. В сущности тот, кто исходит из концепции о триделении гуттуральных, вынужден искать объяснения этих случаев в заимствованиях, несмотря на то, что другие данные явно противоречат такому взгляду.

[2] Ср., например, M. Vasmer, Russ. etym. Wb., стр. 419.

А. Мейе попытался было объяснить слова *гжсь, звъзда* (пол. *gwiazda*), *косъ, коса, свекръ, звиздати* (чешс. *hvizdati*) как диссимиляторное сохранение велярного под влиянием соседнего спиранта[3]. Это предположение не убедительно, 1) потому что оно не в состоянии объяснить многочисленные примеры в славянских языках, в которых велярный сохранен, 2) потому что оно не разрешает вопроса о подобных случаях в других т. н. языках „satəm" и 3) потому что в славянских языках имеются случаи, противоречащие этому мнению, например: *сьсъ, сысати* : лат. *sūcus*, гот. *sugan* < и.-е. **suk'-*; *сръсть* : древне-верхненем. *hursti* (< и.-е, **k'ṛsti-s*); *свистъ* < и.-е. **k'weis-to-s*[4]. Теза Мейе основывается лишь на четырех примерах, тогда как остальные три случая противоречат подобному объяснению.

II

В сущности все эти неудовлетворительные объяснения и затруднения происходят из-за ошибочной концепции о триделении индоевропейских гуттуральных, все еще господствующей среди многих языковедов, к числу которых принадлежат и цитированные авторы этимологических словарей славянских языков. Эти затруднения неизбежны, потому что при концепции о триделении гуттуральных соответствия велярный—спирант (или аффриката) в т. н. языках „satəm" необъяснимы или же должны считаться заимствованиями из какого-нибудь языка „centum"; это — логическое следствие самой концепции, потому что она ставит резкую, непреодолимую грань между т. н. велярными и палатальными согласными.

Известно, что в т. н. языках „satəm" можно привести немало примеров типа вышеперечисленных. Следовательно, этот вопрос не маловажен.

Концепция о триделении гуттуральных была некогда довольно распространена. Однако это отнюдь не говорит в пользу ее правоты. Правильно двуделение гуттуральных на велярные *(k, g, gh)* и лабиовелярные (k^w, g^w, g^wh), и то по конкретному образцу развития романских языков. При такой концепции спиранты (или аффрикаты) в так наз. языках „satəm" объяснимы как первоначальные велярные, палатализовавшиеся перед *e, i, j* в довольно отдаленную эпоху и постепенно перешедшие в аффрикаты и в дальнейшем спирантизовавшиеся в некоторых из упомянутых языков. Это одно из самых обыкновенных фонетических явлений.

При двуделении гуттуральных, соответствия велярный — спирант (или аффриката), появляющиеся в славянских, как и в других т. н. языках „satəm", объяснимы как правильные фонетические изменения. В таком случае вообще отпадает вопрос о заимствованиях из германских или из других языков, также как и о неубедительных вариантах.

История романских языков дает нам точные параллели этого явления. Оба гуттуральных ряда в латинском языке — велярные и лабиовелярные (например *cantare, centum, quis, quattuor*), — благодаря процессам палатализации, делабиализации и аналогических выравниваний, дают в романских языках те же результаты, что и индоевропейские гуттуральные ряды.

В романских языках также можно разграничить языки „centum" и „satəm", соответствия велярный — спирант и т. д. Так, например, совре-

[3] См. A. Meillet — A. Vaillant, Le slave commun, 2 изд., Париж, 1934, стр. 27 и сл.

[4] Ср. M. Vasmer, Russ. etym. Wb., стр. 324.

менный французский язык представляет язык „satəm", потому что латинские лабиовелярные согласные делабиализировались, а латинские велярные сохранились или же, в определенных условиях, перешли в спиранты, ср. напр. фр. *qui* = *ki*, ит. *cantare*, фр. *chanter*, но ит. *accento*, фр. *accent* (велярный и аффриката или спирант в словах одного и того же корня), ит. *borghese*, фр. *bourgeois* (в итальянском сохраняется велярный, во французском — спирант), фр. *cent* = *sa*, *ça*, *cela* = *sla* (спирант перед *a* или перед консонантным) и пр. С другой стороны логудорский (в Сардинии) и отмерший далматинский являются языками „centum", так как в них латинские велярные сохраняются, например логудорское *dulke* от лат. *dulce(m)*.

Следовательно, в свете нашей концепции, часть случаев соответствий велярный — спирант в т. н. языках „satəm" оказываются фонетически правильными, например:

русс. *брокать* с велярным перед *a*, но *бросить* с спирантом перед *и*;
искати, однако др.-инд. *icchati*, авест. *isaiti* от и.-е. **is-sketi*;
коса < и.-е. **kosā*, но др.-инд. *śasati* < и.-е. **keseti*;
крьма < и.-е. **kr̥-ma*, но лит. *šérti* < и.-е. **ker-*;
цѣвь < и.-е. **(s)kōiwi-s*, но лит. *šeivà* < и.-е. **(s)kēiwā*;
брѣгъ < и.-е. **bhergho-s*, но авест. *barəzah-* < и.-е. **bherghes-*; и т. д.

Наличие спирантов перед согласным или *o*, *u*, *a* объясняется разнообразными изменениями по аналогии („Systemzwang"), например:

русс. *бросать* со спирантом по форме *бросить*;
гжсь < и.-е. **ghan-s-i-s*, преобразованное в основу на *i*, от и.-е. **ghan-s* или **ghə-n(t)-s*, причастия или производного от и.-е. **ghē-*, ср. слав. *зѣя* < и.-е. **ghēiō*[5]: в славянском велярный правильно сохраняется, потому что он стоит перед *a*, однако лит. *žąsis* со спирантом, по аналогии с формами как *žióti*, *žãvas*;
камы, лит. *akmuõ* с правильно сохранившимся велярным, однако др.-инд. *aśmā*, *aśn-*, лит. *ãšmens*, *ašnis* со спирантом по аналогии с др.-инд. *aśan-* < и.-е. **aken-* и др., ср. *aśani-ḥ*;
клѣть с правильно сохранившимся велярным, однако лит. *šlitė́*, со спирантом, по аналогии с формами с **kel*;
плетж < и.-е. **plekt-ō*, однако др.-инд. *praś-ṇa-ḥ*, представляющее первоначально страдательное причастие, имеет спирант по аналогии с глаголом **praśati* < и.-е. **pleketi*, ср.-гр. πλέκω, лит. *klausaũ*, алб. *quhem* < и.-е. **klou-s*, др.-инд. *karṇa-ḥ* < и.-е. **kol-no-s* с правильно сохранившимся велярным, однако др.-инд. *śr̥noti* < и.-е. **kr̥-neu-*, *śrošati*, слав. *слушати* < и.-е. **kleu-s-* со спирантом по аналогии с **kel-*.

градь от и.-е. **ghordho-s*, с правильно сохранившимся велярным, так как последний стоял перед *o*. Форму *жрѣдь* можно считать фонетически нормальной. В таком случае следует принять, что переход и.-е. *r̥* > балтослав. *ir* произошел после самой старой палатализации велярных, но до так называемой первой славянской палатализации. Однако можно предполагать, что балтослав. **girdis* сохранилось при самой старой палатализации под воздействием таких форм, как *градь*, *градити* (ср. ит. *borghese* с сохранившимся велярным, как в *borgo*), и позднее *gi* перешло в *ži* по законам первой сла-

[5] Ср. J. Pokorny, Idg. et. Wb., 412: „Daß idg. *ghan-s- . . . mit gr. χανεῖν . . . und überhaupt mit der Sippe . . . *g'he gähnen* zusammenhängt, also von dem heisern Anfauchen des Tieres bei aufgesperrtem Schnabel den Namen hat, ist um so glaublicher, als auch *g'hē-*, gähnen ursprüngl. dasselbe Ausatmen bei Gähnen bezeichnet hat."

вянской палатализации. С другой стороны русс. *зород* можно объяснить аналогическим воздействием формы **zerd-* < и.-е. **gherdh-*, давно исчезнувшей в славянских языках, но сохранившейся, например, в германском, ср. гот. *gaírda, bi-gaírdan* от и.-е. **gherdh-*.

лит. *klausaĩ*, алб. *qúhem* < и.-е. **klou-s-*, др.-инд. *karṇa-ḥ* < и.-е. **kol-no-s* с правильно сохранившимся велярным, однако др.-инд. *śṛṇoti* < и.-е. **kḷ-neu-*, *śrošati*, слав. *слушати* < и.-е. **kleu-s-* со спирантом по аналогии с **kel-*;

др.-инд. *dik* < и.-е. **dik-s*, однако лок. ед. ч. *diśi* < и.-е. **dik-i*;

др.-инд. *rokaḥ* < и.-е. **louko-s*, однако *ruśant-* < и.-е. **lukent-*; и т. д.

Наличие таких аналогических образований имеет параллели во всех языках, в которых произошли подобные ассибиляционные процессы.

Встречаются также некоторые более особенные случаи. Так в балто-славянских языках консонантное сочетание *sk*, под влиянием диссимилятор-ного воздействия предшествующего *s*, не было затронуто этой самой старинной палатализацией и ассибиляцией велярных — явление, известное во многих других языках, например в латышском *k* перед *e, i* переходит в *ķ* (= *ts*), но *sk-* остается без изменения. С другой стороны известно, что в начале ряда индоевропейских слов появляется „подвижное" *s*. Эти обстоятельства объясняют соответствия подобные лит. *skẽrdžius, kẽrdžius* „пастух", др.-болг. *чрѣда* „стадо" и др.-инд. *śardha-ḥ* „стадо". Корень здесь **(s)kerdh-*. В индоиранском начальное *s* исчезло еще до наступления самой старинной палатализации, потому и.-е. **kerdho-s* в древнеиндийском правильно перешло в *śardhaḥ*. Однако в балтославянском это слово звучало долгое время как **skerdhā*, вот почему оно не изменилось при самой древней палатализации и ассибиляции велярных. Позднее в славянском языке в период между этой самой древней палатализацией и т. н. „первой славянской палатализацией" начальное *s* исчезло, так что форма **kerdhā* правильно перешла в древнеболг. *чрѣда*. Другой пример. Как видно из греческого слова γέρανος, славянское слово (др.-болг. *жерав*ъ) не содержит индоевропейского лабиовеляра. Слав. *ž* вместо *z* можно объяснить следующим образом. Название птицы было звукоподражательным: поэтому звук *g* не изменился во время первой палатализации, как, например, в древнеиндийском названии птицы *kiki-s* вместо **cicis*[6]. Позднее упомянутое слово постепенно утратило свой звукоподражательный характер. Поэтому *ge* правильно изменилось в *že* по законам первой славянской палатализации.

III

Ошибочная теория триделения гуттуральных не только не дает возможности для правильного объяснения звуковых соответствий в рассматриваемых случаях, но препятствует определению этимологии ряда слов. Так, например, очевидные соответствия *коса — śasati, дрожати — dṛhyati, конѣто — śaphaḥ* вызывают сомнения только лишь в силу необъяснимых с точки зрения ошибочной концепции о триделении звуковых соответствий. Связь балтославянских слов др.-болг. *врагъ*, рус. *ворог* „враг, дьявол", лит. *vařgas* „беда, горе, неприятность", др.-прусс. *wargs* „дурной" с германскими др.-норд. *vargr* „волк, злодей, преступник", англосакс. *wearg*, др.-сакс. др.-верхненем. *war(a)g* „разбойник, преступник", гот. *launa-wargs*

[6] Ср. J. Wackernagel, Altindische Grammatik, I, стр. 143; K. Brugmann, Grundriß, I, 2. изд., стр. 576.

„неблагодарный человек" ставится под сомнение только лишь из-за того, что германские слова находятся несомненно в связи с лит. *vẽržti*, др.-болг. *врѣзѫ*, *-врѣсти* и т. д., в которых появляется спирант[7]. В сущности, цитированные балтославянские и германские слова без сомнения родственны между собой и восходят к одной форме, а именно к и.-е. **worgho-s*. Наличие спиранта в глаголах лит. *vẽržti*, др.-болг. *-врѣсти* в противовес велярному в именных формах др.-болг. *врагъ*, лит. *vãrgas* и др. следует объяснить на основании противопоставления именной формы с и.-е. *o* после велярного (и.-е **worgho-s*) в сравнении с глагольной формой (и.-е. **werghe-* или **wergh-je-*) с *e* или *j* после велярного. Кажущиеся отклонения можно объяснить как аналогичные образования, напр. русс. *ворожий* с *ж* от *г*, по аналогии с формой *ворог*, лит. *vẽržti* с *ẽ* перед консонантным — по аналогии *с veržiù* и т. д.

С другой стороны балтославянские слова слав. *рогъ*, лит. *rãgas* остаются совсем изолированными с точки зрения упомянутой теории[8]. В сущности они восходят к и.-е. **rogos* и принадлежат к др.-инд. *rjú-* „прямой, выпрямляющийся", гот. *uf-rakjan* „протягиваю вверх, натягиваю, поднимаю (выпрямляю)", др.-исл. *rakr* „прямой" < и.-е. **rog(o)-* от кор. **reg-*, ср. лат. *rego* „править, направлять", *rigeo* „быть оцепенелым, торчать, вздыматься" и др. С точки зрения триделения такое сопоставление невозможно, потому что к корню **reg-* причисляются слова, в которых появляется спирант (или аффриката) в т. н. языках „satəm", ср. авест. *ərəzu-* „прямой", лит. (жем.), *rėžtis* „тянуться (sich recken)" и т. д. В свете нашей концепции успешно можно сопоставить балтославянские слова др.-болг. *вѣкъ*, буквально „одна человеческая жизнь", лит. *viẽkas* „жизнь, сила", *véikus* „быстрый", буквально „живой = проворный", *vỹkis* „жизнь", *vaĩkas* „мальчик, сын", буквально „живое существо", с греч. οἶκος, диал. *Fοῖκος* „дом, жилище", буквально „(место для) проживание"[10], др.-инд. *veśa-ḥ* и *viś-* „дом, жилище", *viś-aḥ* мн. ч. „люди" и пр. В таком случае слова *вѣкъ*, *vaĩkas*, *Fοῖκος* и *veśaḥ* формально идентичны: они произошли из и.-е. **woiko-s*.

Проблема трактовки индоевропейских гуттуральных была подробно изложена мною, профессором В. Махеком и другими довольно давно[11]. К сожалению, авторитет Бецценбергера—Остхоффа и особенно Бругманна и Вондрака продолжают оказывать свое влияние.

Одна из задач, стоящих сегодня перед языковедами, — усовершенствовать сравнительно-исторический метод. Это усовершенствование состоит именно в том, чтобы произвести переоценку его различных компонентов. Такой переоценки требует также проблема двуделения или триделения т.н. индоевропейских гуттуральных.

---

[7] Ср. A. Walde — J. Pokorny, Vergl. Wb., I, стр. 273 и 320; M. Vasmer, Russ. Etym. Wb., стр. 228.

[8] Ср. J. Holub — F. Kopečný, Etym. slovník jaz. česk., Прага, 1953, под *rok*; M. Vasmer, Russ. Etym. Wb., стр. 228.

[9] См. J. Pokorny, Idg. etym. Wb., стр. 854 и сл.

[10] Ср. нем. *Wohnung* „жилище", буквально „обитание, проживание", отглагольное существительное от *wohnen* „обитать, жить".

[11] См. В. Георгиев, Индоевропейските гутурали, София, 1932; V. Georgiev, Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, LXIV, 1937, стр. 104 и сл.; V. Machek, Slavia, XVI, 1938, стр. 185 и сл.

WITOLD DOROSZEWSKI

DIALEKTOLOGIA A METODA HISTORYCZNO-PORÓWNAWCZA W JĘZYKOZNAWSTWIE

§ 1. Podstawowym zadaniem każdej nauki jest poszukiwanie praw rządzących tą dziedziną rzeczywistości, którą dana nauka bada. Stopień teoretycznej dojrzałości każdej dyscypliny naukowej mierzy się stopniem uporządkowania w niej materiału faktycznego pod kątem jego stosunku do jakichś praw ogólnych, a co najmniej jakichś dających się empirycznie stwierdzać prawidłowości. Podstawowe pojęcia teoretyczne językoznawstwa ustalone w końcu XIX wieku i stanowiące trzon metody historyczno-porównawczej znalazły wyraz w zasadach sformułowanych przez młodogramatyków, o których wiadomo, że należą już do historii językoznawstwa, ale których oddziaływanie w praktyce naukowej często jest jeszcze żywe.

Cechą charakterystyczną doktryny młodogramatyków było pojmowanie materiału fonetycznego języka jako składającego się z izolowanych cegiełek-głosek, które z jednej strony miałyby podlegać prawidłowościom typu fizjologicznego, z drugiej natomiast traktowane były jako uświadamiane składniki struktur wyrazowych. Wiązało się to ze statycznym pojmowaniem „wyobrażeń głoskowych" („Lautvorstellungen") i prowadziło do wielu nieporozumień.

§ 2. Bardzo skrótowo rzecz ujmując można stwierdzić, że w tradycyjnym komparatyzmie — a pojęcie komparatyzmu jest jednoznaczne z pojęciem naukowego językoznawstwa — ze stanowiska metodologicznego da się wyodrębnić następujące składniki, powiązane ze sobą wewnętrznie i jako całość charakterystyczne nie tylko dla pewnego etapu językoznawstwa, ale dla całego okresu w historii europejskiej myśli naukowej:

1. traktowanie badanych faktów tylko pod kątem jakościowym, to znaczy w sposób z konieczności statyczny; w związku z tym
2. pojmowanie elementów fonetycznych języka, czyli głosek, jako elementów podlegających jakościowym substytucjom stanowiącym o przeobrażeniach form wyrazowych,
3. zainteresowanie kolejnymi stanami dającymi się wyodrębnić w historii języków na niekorzyść zainteresowań samymi procesami ewolucji języków, dialektyką tej ewolucji. Najwybitniejszy przedstawiciel klasycznego komparatyzmu, Meillet, który twierdził z naciskiem, że „les faits de langue

sont qualitatifs", widział zadanie językoznawstwa porównawczego w konfrontowaniu, czyli zestawianiu „des états de langue successifs et distincts" (Prace filologiczne, t. XIV, s. 517).

4. skłonność do szukania prawidłowości rozwoju języka w dziedzinie czynników endogenicznych, to znaczy indywidualnie-psychicznych lub indywidualnie-fizjologicznych (tę podstawową zasadniczą endogeniczność czynników językowego rozwoju z przewagą jednego lub drugiego z tych odcieni akcentował bardzo mocno we wszystkich niemal swych pracach J. Baudouin de Courtenay; było to obce Meilletowi).

Z kompleksem wymienionych tu pojęć wiąże się oczywiście psychologizm — jako kierunek upatrujący motory rozwojowe języka w dziedzinie autonomicznej względem bodźców zewnętrznych psychiki jednostkowej. Jest rzeczą charakterystyczną, że Van Ginnenken, autor „Principes de linguistique psychologique" w swym endogenizmie i jakościowo-statycznym ujmowaniu „fonemów" posuwał się tak daleko, że traktował fonemy jako swoiste „geny" językowe przekazywane dziedzicznie przez jedno pokolenie mówiących drugiemu.

A. Belić we wstępie do swej pracy "O jezičkoj prirodi i jezičkom razvitku" (Beograd, 1941) pisze (s. 5) o gramatyce historycznej: „njeni se rezultati moraju razumeti samo kao građa za opštu gramatiku, a ne kao uputstvo kako se razvitak jezika mora shvatiti uopšte". Tę uwagę można rozszerzyć na całe dziedzictwo klasycznego komparatyzmu pod względem metodologicznym: jest ono oczywiście szacowne, ale należy wyjść poza nie, gdy się pragnie rozumieć czynniki stanowiące o ewolucji języka. W tym zakresie więcej impulsów teoretycznych dostarcza dialektologia.

§ 3. Dialektologia bywa często pojmowana jako dział językoznawstwa wyodrębniający się spośród innych nie tyle metodą badania, ile swoim zakresem. Zadanie dialektologii widzi się w rejestrowaniu faktów językowych o ograniczonych zasięgach terytorialnych na obszarze języka i te zasięgi usiłuje się precyzować, w analizie zaś rejestrowanych faktów stosuje się ogólnie przyjęte w językoznawstwie metody badania. Cel pracy dialektologicznej bywa zwykle formułowany jako ocalenie dla historii tych form i wyrazów, które wobec jednolicenia się języków narodowych są skazane na zagładę.

Traktowanie dialektologii tylko jako pewnego rodzaju językoznawstwa stosowanego, o którym w dodatku niektórzy myślą, że jest to robota w gruncie rzeczy łatwa i nie wymagająca szczególnych kwalifikacji naukowych — jest nieporozumieniem i następstwem braku orientacji w tym, co stanowi najistotniejsze cechy swoiste dialektologii w obrębie innych działów językoznawstwa.

Gauchat, jeden z tych dialektologów, którzy widzieli wszechstronność powiązań dialektologii z zagadnieniami językoznawstwa ogólnego, jako motto swych „Tableaux phonétiques des patois suisses romands" (Neuchâtel 1925) umieścił pozornie abstrakcyjne słowa: „c'est l'esprit qui voit et qui entend. Tout le reste est sourd et aveugle". (Są to słowa Epicharmosa: fr. „esprit" ma odpowiadać greckiemu νοῦς: νοῦς ὁρᾷ καὶ νοῦς ἀκούει).

Odwołanie się do tego aforyzmu świadczy o tym, jak daleki był Gauchat od traktowania zapisów dialektologicznych jako pracy tylko mechaniczno-rejestracyjnej, jak na wskroś teoretyczna była jego postawa jako dialektologa. Ktokolwiek dokonywał zapisów tekstów gwarowych, wie, jak ścisły związek zachodzi między tym, co się słyszy, a tym, co się rozumie. Centralne zagadnienie dialektologii widział Gauchat w badaniu „udziału jednostki w rozwoju mowy ludzkiej"

— a jest to istotnie jedno z zagadnień centralnych nie tylko dialektologii, ale językoznawstwa w ogóle. „Atutem" dialektologii jest to, że dostarcza ona możliwości konkretnej, bezpośredniej i owocnej analizy tego zagadnienia. Dialektolog nie tylko patrzy wstecz usiłując rekonstruować przeszłość gwar, ale staje z konieczności wobec mnóstwa zagadnień, z którymi ma do czynienia każdy teoretyk języka, a które on, dialektolog, ma szanse rozwiązywania w sposób rzeczowy, bo oparty na empirycznej, doświadczalnej pracy i daleki od wszelkiej spekulatywności.

Prof. Stieber mówił w swym referacie o zespołowym (kolektywnym) charakterze prac dialektologicznych w Polsce, co jest możliwe dzięki poparciu władz państwowych w skali nigdy przed wojną nie osiąganej. W tej chwili celem moim nie jest złożenie sprawozdania z pracy terenowej, ale rozważenie pewnych zagadnień teoretycznych, dokoła których skupia się część prac Zakładu Językoznawstwa Polskiej Akademii Nauk w Warszawie.

§ 4. Dialektologię można określić jako badanie mowy jednostek dokonywane w skali masowej i z uwzględnieniem momentów geograficznych. Zagadnienie stosunku mowy jednostki do mowy ogółu, które, jak wspomniałem, jest jednym z centralnych zagadnień językoznawstwa, stanowi dla dialektologa problem roboczy wymagający praktycznego rozwiązania w każdej podejmowanej pracy. Podstawą wszelkich wniosków dotyczących jakiegokolwiek obszaru gwarowego, jego historii, jego stosunku do środowisk mówiących językiem ogólnonarodowym, jest zawsze zapisany przez dialektologa materiał gwarowy. Źródłem tego materiału są ludzie mówiący gwarą, cały więc wynik pracy dialektologa zależy od trzech warunków: 1) od tego, czy w sposób właściwy, odpowiadający swemu celowi dobierze on jednostkowych informatorów, 2) od tego, czy dokona wiernego zapisu, 3) od tego, czy ten zapis w sposób właściwy zinterpretuje. Zinterpretować w sposób właściwy mowę jednostkową to znaczy trafnie dostrzec to, co w niej jest typowe i reprezentatywne pod względem środowiskowym i historycznym. Zasadniczo każdy mówiący jest w swej mowie reprezentatywny nie dla siebie tylko, wynika to bezpośrednio ze społecznego charakteru języka (słusznie też pod pewnym względem stwierdzał Rousselot, że „tous les témoignages sont bons, il s'agit seulement de savoir ce que l'on veut en tirer"). Ale oczywiście chodzi w każdym badaniu o takich informatorów, którzy by byli reprezentatywni dla środowiska i okolicy stanowiących w danej chwili przedmiot badania. Chciałbym pewnym konkretnym materiałem zilustrować tezę następującą.

§ 5. Dziedziną, w której można dostrzegać prawidłowości językowego rozwoju, jest nie tylko dziedzina tak zwanej *langue* będącej wytworem teoretycznych uogólnień, ale i dziedzina tzw. *parole*, to znaczy mowy jednostkowej. Prawa rządzące życiem języka nie działają w międzyjednostkowej próżni, lecz determinują społecznie i historycznie zachowanie się (działanie) językowe jednostek mówiących. I do tej dziedziny życia mogą się odnosić poetyckie w formie a jednocześnie pełne rzeczowej treści słowa Goethego: „nach ewigen, eisernen, festen Gesetzen müssen wir alle unseres Daseins Kreise vollenden". Podobną myśl w bardziej konkretnym sformułowaniu znajdujemy u Marksa, który pisał: „jednostka (indywiduum) jest istotą społeczną. Dlatego też (wszelki) przejaw jej życia, nawet gdyby nie miał bezpośredniej formy zbiorowego, jednoczesnego z innymi wyrazu życia, jest przejawem i wyrazem życia społecznego". Jeżeli mowa jednostek podlega — a jest to niewątpliwe — determinacji przez czynniki społeczne i historyczne, to zadaniem analizy mowy jednostkowej musi być zrozumienie jej jako odbicia tych czynników, dostrzeżenie w tym, co jest jednostkowe, tego, co jest ogólne. Do poznawania rze-

czywistości językowej nie prowadzi żadna inna droga jak obcowanie z materiałem językowym za pośrednictwem wzroku — gdy się czyta tekst — lub słuchu — gdy się słucha żywej mowy. Teksty pisane nie są, jak się czasem niektórym wydaje, materiałem „martwym": jest to w zasadzie materiał równie żywy jak mowa, tylko utrwalony graficznie. Można graficznie utrwalać i przelotne brzmienia wyrazów na taśmach magnetofonowych i przed tym sposobem badania fonetyki jest niewątpliwie przyszłość. Ale nawet gdy się zapisuje żywą mowę ze słuchu, ma się możność, dokonując później analizy zapisu, stwierdzenia, jak bogatym źródłem wiadomości o języku środowiskowym może być materiał uzyskany od jednego informatora. Widać wówczas bez żadnej wątpliwości, że fakty żywej mowy jednostkowej są mikrokosmami, w których się odbijają nie tylko język środowiska, ale i jego historia i nurtujące ją tendencje ewolucyjne. Widoczne to jest zwłaszcza w zakresie faktów fonetycznych, ale fakty fonetyczne poddane ścisłej analizie mogą się stawać ilustracjami mechanizmu dokonywania się zmian w różnych dziedzinach życia języka, impulsami do wykrywania ogólnych praw dialektyki rozwoju języka. Ten krąg zagadnień badamy w środowisku warszawskim od dawna. Poświęcone mu były oprócz prac moich prace przedwojenne dra Friedricha, dra Tarnackiego, dra Tokarskiego, a po wojnie — prace dość licznego zespołu pracowników, drukowane dotychczas we fragmentach między innymi w numerze 9 Poradnika Językowego z r. 1952.

§. 6. Poprzestanę w tej chwili na przykładowym omówieniu fragmentów materiału uzyskanego we wsi Sobiekursk położonej o 30 km. na płd.-wschód od Warszawy. Z kwestiami teoretycznymi wiążą się kwestie techniczne. Po to, by zapis fonetyczny mógł być podstawą charakterystyki mowy informatora, a pośrednio — gwary badanej wsi, musi on być wystarczająco obfity. Najlepszym sposobem zdobywania materiału fonetycznego jest zapisywanie tekstów ciągłych i wszystkiego, co się da posłyszeć od informatora w toku jego swobodnych, naturalnych rozmów z otoczeniem. Materiał zapisany w ten sposób byłby jednak przypadkowy i mógłby zawierać luki, które uniemożliwiłyby równomierną charakterystykę wszystkich cech fonetycznych, prócz tego zaś nie nadawałby się do systematycznego porównywania z materiałem uzyskanym w innych punktach. Żeby w pytaniach kierowanych do informatora zachować charakter swobodnej rozmowy a jednocześnie mieć gwarancję, że żaden istotny szczegół fonetyczny nie ujdzie naszej uwagi, w Zakładzie Językoznawstwa P. Ak. Nauk w Warszawie opracowany został kwestionariusz mający pozory kwestionariusza leksykalnego, zawierający około tysiąca pytań układających się w pewne ciągi treściowe, ale mających na celu wydobycie wyrazów, które nas interesują ze względu na pewne cechy fonetyczne. A więc na przykład dla posłyszenia wyrazów zawierających spółgłoski palatalne poruszamy w pytaniu temat, który spowoduje użycie przez informatora wyrazów *miasto* i *wieś*. Te same cechy fonetyczne znajdą się w wyrazach wchodzących w skład odpowiedzi na pytania dotyczące innych wątków treściowych (*piasta*, *piasek* itp.). Całość kwestionariusza jest tak ułożona, że gdy na podstawie indeksu fonetycznego do pytań o charakterze leksykalnym poklasyfikujemy materiał, rozporządzamy dokumentacją pozwalającą operować kilkudziesięciu przykładami na każdy z interesujących nas faktów fonetycznych. Dzięki temu możemy stosować mniej więcej jednakową skalę oceny w charakterystyce fonetycznej rozmaitych punktów.

§ 7. Informatorką moją we wspomnianej wsi była kobieta w siedemdziesiątym ósmym roku życia, urodzona w tej wsi z rodziców urodzonych tamże, stale w tej

wsi zamieszkała, która w dzieciństwie do szkoły nie chodziła, pisać nie umie (jako dorosła nauczyła się czytać).

Oto jak wyglądają w wymowie informatorki pewne cechy fonetyczne z zakresu tych, które służą jako kryteria podziału gwar polskich (zapisy dokonywane były przeze mnie w końcu sierpnia 1955 r.)

Samogłoska nosowa przednia odpowiadająca etymologicznemu *ę* waha się zarówno pod względem charakteru rezonansu nosowego, jak pod względem wartości ustnej. Wśród ogólnej liczby 67 wymówień wyrazów zawierających etymologiczne *ę* mogą się powtarzać te same wyrazy, bo chodzi o głoskę jako o pewien kompleks ruchów artykulacyjnych, a nie o uświadamiany składnik głoskowy postaci fonetycznej określonych wyrazów. Stwierdzamy obok wymówień samogłoski *ę* z nosowością wokaliczną wymówienia, w których prócz rezonansu jednoczesnego z rezonansem ustnym daje się słyszeć element nosowości skonsonantyzowanej, niekiedy stający się elementem nosowości wyłącznym, następującym po samogłosce pozbawionej rezonansu nosowego. Niekiedy rezonans nosowy w ogóle nie daje się słyszeć, są to wypadki tzw. zaniku nosowości mogące zachodzić przy różnych poziomach artykulacji ustnej języka, to znaczy zarówno na poziomie normalnym samogłoski *e*, jak na poziomie nieco obniżonym. Zdarzają się wypadki rezonansu nosowego, etymologicznie nie uzasadnionego, a więc nosowości wtórnej, na przykład w wyrazach *węsele, wę^{a}soły, prowęsło*. W dwóch pierwszych wyrazach nosowość samogłoski utrwaliła się jako jedno ze znamion postaci fonetycznej wyrazu: informatorka stale te wyrazy tak wymawia mając świadomość, że młodzi już tak nie mówią. Ani w wyrazach *węsele, wę^{a}soły* (luz artykulacyjny *e* : *e^{a}* jest przygodny), ani w wymówieniu *prowęsło* wtórna nosowość nie tłumaczy się sąsiedztwem nazalizującej się samogłoski z jakimkolwiek innym elementem nosowym w tym samym wyrazie, bo takich elementów nie ma (podobny charakter ma wtórna nosowość w zaświadczonej na innych terenach formie *jęzoro* : *w tompola* zamiast *topola* ukazanie się *m* może się tłumaczyć wymykaniem się prądu powietrza przez niedomkniętą jamę nosową w momencie poprzedzającym eksplozję zwartego *p*, ale to objaśnienie nie może mieć zastosowania do form *węsele, jęzoro*, w których nosowość ukazuje się przed spółgłoską szczelinową).

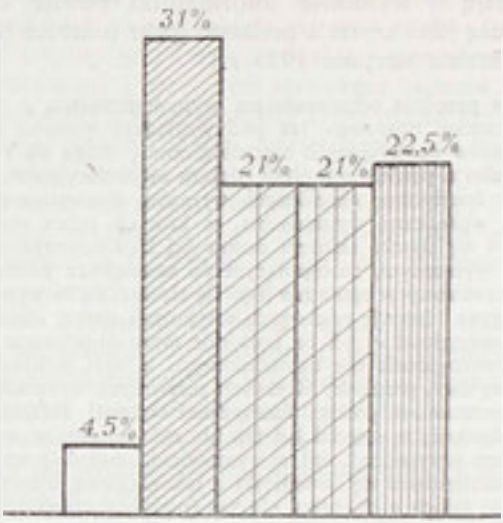
Nawet w takiej interpretacji faktów z zakresu nosowości samogłoski *e* w mowie badanej osoby momenty fonemowo-jakościowe uwydatniają się z wyrazistością większą niż by to obiektywny stan rzeczy usprawiedliwiał. Gdy porównywamy wymówienia: *eT: niedołęga, ęT* — np. *prętko, ęNT* — np. *bę^{n}do, ęNT* — np. *płyągnte, eNT* — np. *dembóm** — to nie możemy mieć wątpliwości co do tego, że nie wchodzą tu w grę alternujące ze sobą wyobrażenia głosek *e: ę: eN:* — (zero), bo rzecz zasadniczo polega na czym innym. Wymówienia typu *ęT: ęNT: ęNT: eNT* są pod względem funkcjonalnym, to znaczy pod względem ich stosunku do uświadamianej postaci fonetycznej wyrazu, całkowicie obojętne, neutralne. W ogólnej liczbie 67 wymówień mamy wymówień typu *ęT* (abstrahując od wartości ustnej samogłoski, to znaczy od stopnia wysokości artykulacji języka, od którego zależy jakość *e* lub *e^{a}*) — 21 (*ięte, m'ędlica, sząk'i, węgel* itd.), wymówień typu *ęNT* (samogłoska z rezonansem nosowym, po której następuje słabo słyszalny element nosowości konsonantycznej: *bę^{n}do, tą^{m}py* itd.) — 14, wymówień typu *ęNT* (nosowość wyraźnie skonsonantyzowana, samogłoska zachowuje jeszcze lekki rezonans nosowy: *xę^{a}ntńe, zę^{a}mbi* itp.) — 14, wymówień typu odpowiadającego pod względem rezonansu nosowego wymowie ogólnoliterackiej, a więc z samogłoską pozbawioną rezonansu nosowego i z następującą po niej normalną spółgłoską nosową (*beńśe, gole^{a}mb'e* itp.) — 15. W tym ostatnim typie dominującą jakością ustną samogłoski jest jakość *e*, sporadycznie tylko zdarzają się wymówienia z samogłoską rozszerzoną, jak w wymówieniu *gole^{a}mb'e*, a niekiedy zwężoną: *pęńćoma, pńżeśunt*.

Wymówienia z zanikiem nosowości zanotowane zostały trzykrotnie: *niedołęga, pam'etom, sce^{a}ka*.

Omówione fakty fonetyczne z zakresu wymówień samogłoski nosowej przedniej w badanej wsi można skrótowo przedstawić w następującej proporcji, zastępując liczby bezwzględne procentami: *eT: ęT: ęNT: ęNT: eNT* = 4,5 : 31 : 21 : 21 : 22,5. Wygodnie jest proporcję zilustrować tabelą, w której kolumna pierwsza od lewej informuje o natężeniu zaniku nosowości (— zero nosowości), druga — o nosowości synchronicznej (wokalicznej), trzecia i czwarta o wypadkach wzmagającej się nosowości konsonantycznej przy zachowaniu rezonansu nosowego w wymowie

* Litera *T* jest symbolem wszelkiej spółgłoski zwartej niezależnie od jej miejsca artykulacji, litera *N* — wszelkiej spółgłoski nosowej, litera *N* nad wierszem — spółgłoski nosowej słabo skonsonantyzowanej, litera *e* — symbolem samogłoski przedniej wahającej się w granicach od *e^{a}* (*e* obniżonego) przez *e*, *ę*, do *i*. Z powodu braku czcionek nosowość normalna jak osłabiona oznaczone zostały z pomocą litery *ę*.

samogłoski (proces słabnięcia nosowości synchronicznej ma symbolizować malejąca gęstość kresek ukośnych), piąta — o wypadkach całkowitego skonsonantyzowania się nosowości kosztem jej zaniku w samogłosce.



(Tablicami tego typu posługujemy się w naszych mapach fonetycznych. Ułatwia to porównywanie stanu rzeczy w różnych punktach).

§ 8. Te typy wymówień mogą się zdarzać, jak wspomniałem, w tych samych wyrazach i to nie powoduje żadnych następstw społecznych w postaci reakcji na obiektywną funkcję wyrazu, na jego stosunek do desygnatu. Różnica między wymienionymi typami wymówień jest różnicą proporcji ruchu opuszczenia podniebienia miękkiego do ruchu artykulacji języka. Dotyczy to zarówno stosunku czasowego obu ruchów, jak i ich intensywności. Te ruchy nie są ustabilizowane jako „wyobrażenia fonemów". Ruchomość elementów artykulacyjnych tworzących zespoły zwane głoskami jest faktem, z którym należy liczyć się zawsze. Na tle luzu, z którym funkcjonują narządy mowy, pewne ruchy artykulacyjne podlegają historycznie dokonywającej się powoli specjalizacji funkcjonalnej. Ruchy narządów mowy są determinowane przez czynniki indywidualnie-fizjologiczne, *funkcje* dźwięków mowy natomiast należą do faktów społecznych, dlatego też specjalizacja funkcjonalna głosek i ich wariantów jest jednym z objawów stopniowo rosnącej w języku przewagi momentów społecznych nad indywidualnymi. Istotnym sensem badania gwar jest obserwacja tych właśnie procesów, w których się odsłaniają przed nami podstawowe czynniki rozwoju języków.

Stwierdzenie, że w mowie jednostkowej zachodzą funkcjonalnie obojętne oboczności głosek, które skądinąd mogą mieć w języku charakter diakrytyczny (np. *eT : eNT : rety : renty, krety : kręty*, itp.) jest tylko jedną z obserwacji, którą nam nasuwa utrwalony w zapisie materiał i oczywiście obserwacją, która zagadnienia nie wyczerpuje. Na podstawie tej obserwacji możemy najwyżej stwierdzić, że na pytanie: czy w gwarze danej wsi panuje typ nosowości synchronicznej czy asynchronicznej (wokalicznej czy konsonantyzującej się) przed spółgłoskami zwartymi? można odpowiedzieć tylko tak: w mowie osoby niewątpliwie repre-

zentatywnej dla gwary danej wsi obserwujemy we wspomnianej pozycji wypadki wymawiania nosowości zarówno synchronicznej, jak i asynchronicznej. Fakt, że wypadki nosowości synchronicznej w gwarze danej wsi są zaświadczone, może komuś wystarczyć do orzeczenia, że wieś należy zaliczyć do obszaru, którego jedną z cech systemowych była nosowość wokaliczna. Tego rodzaju orzeczenie sformułować łatwo, ale materiał, którym rozporządzamy, pozwala na wysnucie z niego dalszych wniosków.

Omówionych wyżej faktów nie można zrozumieć operując tylko kategoriami pojęciowymi jakości. Bez uwzględnienia momentów ilościowych niemożliwe jest zdawanie sobie sprawy z procesów zmian zachodzących w historii języka i niemożliwy jest również adekwatny opis tego, co się ukazuje w naszym polu widzenia, gdy kierujemy uwagę na określony etap w historii języka i usiłujemy dać statyczny przekrój faktów znamiennych dla tego etapu. „Nur die Bewegung ist wirklich", jak pisał w swoim czasie Schuchardt — a to, że „nur die Ruhe ist wahrnehmbar" (co jest dokończeniem zacytowanego zdania), jest to fakt, z którym musimy się liczyć jako z przeszkodą na drodze do rozumienia rzeczywistości językowej, jako z trudnością wymagającą przezwyciężenia, a który nie może oczywiście przekształcać się w teoretyczną podstawę badania. Założenie, że „les faits de langue sont qualitatifs" ułatwia technikę pracy komparatyście, ale uniemożliwia właściwą orientację w tym obrazie rzeczywistości językowej, jaki widzimy badając tę rzeczywistość metodą bezpośredniej, dialektologicznej obserwacji.

Omówiony powyżej stan rzeczy nie jest żadną osobliwością, jest to normalny, na rozmaitych terenach gwarowych przez rozmaitych zapisywaczy stwierdzany objaw charakterystycznego dla wymowy gwarowej luzu w ruchach artykulacyjnych narządów mowy. Kierunek ogólnego rozwoju historycznego języka zarysowuje się jako kierunek od stanu funkcjonalnie obojętnej chwiejności fonetycznej głosek będącej następstwem niedostatecznego zróżnicowania funkcji ruchów narządów mowy do względnej stabilizacji postaci fonetycznej wyrazów i ich głoskowych składników. Jest to, jak wspomniałem, kierunek świadczący o stopniowym wzrastaniu w historii języka przewagi czynników obiektywno-społecznych nad czynnikami jednostkowo-endogenicznymi.

§ 9. Jak widać choćby z tych bardzo fragmentarycznych uwag, szczegółowa analiza materiału fonetycznego dającego się uzyskać od jednego informatora nie sprowadza się bynajmniej do pozbawionego perspektywy porównawczej rejestru drobnych faktów. Gruntowność analizy materiału odnoszącego się do poszczególnych zagadnień fonetycznych może być źródłem wielostronniejszych wniosków niż obfitość faktów rozpatrzonych i pokl'asyfikowanych w sposób powierzchowny i ogólnikowo-normalizujący. W szczególności w zakresie fonetyki można sformułować postulat, że dla porównawczej charakterystyki punktów terenowych należy się posługiwać materiałami zdobytymi jednakową metodą od reprezentatywnych dla każdego punktu informatorów i te materiały poddawać możliwie ścisłej, nie tylko jakościowej, ale i ilościowej analizie. Uzyskuje się wówczas możność nie tylko stwierdzania stanów językowych („états de langue"), ale i dostrzegania tendencji ewolucyjnych języka oraz mechanizmu działania czynników ewolucji dokonywającej się w jego rozmaitych dziedzinach.

W mowie jednostki mogą współistnieć obok siebie cechy zasadniczo należące do różnych systemów językowych. Do takich cech należy na przykład istnienie samogłosek nosowych w języku polskim, brak takich samogłosek w języku rosyjskim, redukcja samogłosek nieakcentowanych w języku rosyjskim, brak tej redukcji w

języku polskim. Takie są stwierdzenia jakościowe. Zalążkowe objawy zarówno zaniku nosowości jak redukowania samogłosek nieakcentowanych, jak spływania w jednym brzmieniu samogłoski będącej wynikiem obniżenia samogłoski nosowej przedniej ze zredukowanym *a*, wreszcie objawy sporadycznej labializacji samogłoski nosowej lub samogłoski znajdującej się w sąsiedztwie spółgłoski nosowej (w wymowie *klucyke°m* = *kluczykiem*) — to wszystko znajdujemy w mowie jednej osoby; w tej mowie możemy w mikroskopijnych rozmiarach, w przygodnych, chwiejnych alternantach dostrzegać punkty skrzyżowania tych rozstajnych dróg, które historycznie prowadziły do społecznie postabilizowanych norm odrębności języków słowiańskich. Na tych bardzo fragmentarycznych przykładach i uwagach muszę w tej chwili poprzestać. Wiele kwestii pozostaje jeszcze otwartych. Jeżeli stwierdzimy, że stosunek wymówień samogłoski wokalicznie nosowej do wymówień z elementem nosowym mniej lub bardziej konsonantyzującym się wyraża się proporcją 21 (εT): 43 ($\varepsilon^N T$. 14 + εNT. 14 + eNT. 15), to z łatwością określimy wymowę typu εT jako cechę recesywną w fonetyce danej gwary, wymowę zaś typu eNT jako szerzącą się i mającą wszelkie szanse całkowitego zapanowania choćby dzięki temu, że jest ona zgodna z wymową ogólnoliteracką. Ale czy wymowa typu eNT jest u informatorki tylko rezultatem oddziaływania na nią wymowy literackiej? Z tą wymową informatorka nie ma częstych kontaktów, ograniczają się one do przygodnego słyszenia mowy młodzieży ulegającej wpływowi szkoły, bo sama informatorka w mieście nie bywa. A zresztą, jeżeli przyjmujemy, że nosowość wokaliczna była punktem wyjścia późniejszej ewolucji samogłosek nosowych w języku polskim, to czym wytłumaczyć, że normą ogólną stała się nosowość asynchroniczna?

§ 10. Z rozumienia *par excellence* społecznego charakteru języka nie może wynikać, jakoby językoznawca nie powinien był dążyć do możliwie ścisłej analizy procesów fizjologicznojęzykowych, do poznawania skomplikowanego mechanizmu działania wyższych ośrodków systemu nerwowego człowieka, czyli działania mózgu. Postulat rozszerzania i uściślania wiedzy o tym wszystkim, co w jednostkowym organizmie ludzkim służy czynnościom językowym społeczno-komunikatywnym, nie jest oczywiście nawrotem do psychologizmu, bo czymś jakościowo, zasadniczo innym jest szukanie praw psychicznych, które miałyby apriorycznie determinować funkcjonowanie każdej jednostkowej świadomości „samej w sobie" od wykrywania praw „dynamicznego równoważenia się" każdego jednostkowego organizmu z nieustannie działającym na niego światem bodźców zewnętrznych. Poza związkami z tym światem istnienie pojedynczych żywych organizmów jest w ogóle nie do pomyślenia. Ten krąg zagadnień nie może być obcy językoznawstwu, a w szczególności temu jego działowi, który z wszelkimi kwestiami dotyczącymi, najogólniej mówiąc, zagadnienia stosunku czynników endogenicznych do egzogenicznych w języku ma bezpośrednio do czynienia w pracy konkretnej, wymagającej technicznych rozstrzygnięć, to znaczy dialektologii.

ВИКТОР НОВАК

ПАЛЕОГРАФИЈА И СЛОВЕНСКО-ЛАТИНСКА СИМБИОЗА ОД VII ДО XV СТОЛЕЋА*

Са продором Словена у просторе античког Illyricum-а или Далмације, у њеном најширем географском значењу, и њиховим устаљењем на њима, почима многовековна словенско-латинска симбиоза. У тој симбиози од VII до XV столећа извршен је низ коренитих преображаја на етничком, политичком, друштвеном, економском, а тако исто и на културном подручју. У проналажењу и утврђивању постојања таквих симбиотичних елемената може много да послужи и корисно да помогне палеографија, једнако латинска као и словенска.

Словени, прилагођујући се новом културном појасу успевају постепено да се упознају са тековинама богате античке баштине, да је заволе и да се у разним облицима и потребама с њима саживљавају. Њихове властите способности биле су у могућности не само да сачувају ту баштину него да је и даље развијају неретко додајући своје творачким снагама особености, различите од оних у осталим западноевропским просторима, па и од онога на супротној, западној обали Јадрана.

Прве потврде за ту историску стварност наилазимо на подручју писмености. Први је уочио ове словенске властитости учени македонски монах, Црноризац Храбар, који је живео крајем IX и на почетку X столећа и добро познавао ученике словенских просветитеља Кирила и Методија. Његове оригиналне мисли сачуване су нам у његовом филолошко-палеографском трактату *О писменех*. Тај трактат је духовита апологија лепота и предности словенске азбуке, које она има над грчким алфабетом и латинском абецедом. Храбар утврђује фонемске предности словенских знакова, слова, које азбука има за све словенске говорне гласове, док такве адекватне знакове ни алфабет ни абецеда за словенски језик не познају.

Утврђено је да у процесу латинског писма, у латинским скрипторијама Далмације и њеног залеђа учествују и словенски бенедиктинци и свештеници. Напосе то важи за све западне јужнословенске области где је у јавном животу и религији преовладавао латински језик и

---

* Овај реферат одржан је био не само на Међународном састанку слависта у Београду (20 IX 1955) него нешто раније (6 IX 1955) и на X Међународном конгресу историчара у Риму. Цео овај реферат у нескраћеном обиму, са читавим научним апаратом, штампа се у Историском часопису Историског института Српске академије наука за 1957. Уз њега биће приложено и 14 факсимила који илуструирају споменуту симбиозу.

римска црква. Са христијанизацијом Словена у време франачке доминације над Далмацијом и Хрватском, као и над словеначким областима, у IX столећу су латински језик, а с њиме и писмо, имали у цркви и државној администрацији јака упоришта, гдегод је црква освојила своје позиције, укључујући ту и школу. Било је то потпуно аналогно и са оним осталим неромањским народима који су на рушевинама Западне римске империје основали и током Средњег века развијали своје националне државе, али са јаким саживљавањем са латинским језиком и старом римском цивилизацијом, која 476 ипак није била збрисана, мада је империја пропала.

Са појавом словенских писама у другој половини IX столећа, глагољица, а онда и ћирилица, прошириле су се и међу оне Јужне Словене који су пристали уз Римску цркву, те су та писма поред латинских била вољена и негована као и у источним областима. Стога управо у тим западнијим областима видљиви су одражаји ове словенско-латинске симбиозе. Они се пак такви не могу нигде другде наћи на Западу.

Ову словенско-латинску симбиозу сугестивно илуструирају сачувани разноврсни двојезични писмени споменици, палеографски и епиграфски. Њихова се појава према сачуваној документацији може пратити већ од X столећа, што не искључује могућности да их је било и раније и да се још увек понеки нови и непознати могу наћи. Међу најстарије свакако спадају *Brižinski spomeniki* који су настали под крај X столећа. Оба текста, старословеначки и латински, писани су истом врсти латинског писма, каролином. Затим има текстова глагољичко-латинских, ћириличко-латинских, и најзад латинских текстова транскрибованих глагољичким словима! Управо тако, као што је у VIII столећу једно грчко еванђеље у Сплиту транскрибовано латинским словима са фонемским карактером! Сам хрватски пак глаголизам у римокатоличкој цркви није само словенско-латински симбиотичан, него се у њему налазе, напосе у најстаријим временима и византиски, грчки елементи, пошто су глагољаши задржали при богослужењу грчки обред. Хрватски глаголизам који се нашао у току свога миленијског живота у сукобима са латинизмом, ипак је једно миленијско сведочанство за ту симбиозу и очигледно укрштавање два супротна културна елемента.

На подручју дипломатике, а то ће рећи и свих осталих правних односа, напосе у далматинским градовима, а највише у дубровачкој канцеларији, има обиље разноврсних сведочанстава која су билингвична и бисриптурална, једнако јавноправног као приватноправног карактера. И то све од XII столећа овамо.

Словенско-латинска симбиоза одразила се и на морфолошким променама код глагољице и ћирилице. Оне су потекле из латинских скрипторија, чија су уметничка, писмена и илуминаторска зрачења утицала на глагољичке и ћириличке скрипторе. Угласти тип беневентане несумњиво има удела при формирању угластог типа глагољице, својствене хрватским скрипторијама. И то, како се сада у најновије време утврђује, постојао је и угласти тип беневентане у Далмацији, који је такође поред доминантног облог типа имао својих заступника. Ова

иста беневентана оставила је несумњиве трагове и на морфологији ћирилице какву познајемо у типу оне у Мирослављеву еванђељу, чија скрипторија претставља највиши успон у једном процесу развитка, о чијим претходним фазама нисмо још довољно обавештени.

На подручју илуминације средњовековних рукописа такође је словенско-латинска симбиоза оставила своје особитости које су биле могуће само у овом нашем културном појасу. Кроз више од седам столећа може се пратити тај развој, од анонимних занатлија са врло скромним творачким снагама и архаизираних примитивизама до изванредних мајстора, великих уметника, од XI столећа па све до Ренесанса, као и на залазу те уметности коју је појава штампане књиге све више кочила и најзад угасила. И управо у том периоду издиже се једна велика уметничка личност, чија је слава сачувана у бројним илуминираним рукописима и сликама које је израдио Јулије Кловић, иначе боље познат у широком свету као Giulio Clovio, који се без оправдања придаје италијанским уметницима, мада Кловић никад није затајио своје хрватско порекло. Његова дела понос су појединих светских библиотека.

Простори словенско-латинске симбиозе показују сасвим изузетну полиграфичност, каква се не може ни тражити нити се може наћи ма у ком другом делу Западне Европе. У процесу развитка писма у овим просторима било је разних типова латинских и словенских писама. Тако поред и после млађег римског курсива који је био посвуда у приватном и дневном животу у употреби цветала је дивна књижна полуунцијала у једном знаменитом скрипторском центру, у Сплиту у другој половини VIII столећа, да се касније као из својих биолошких основа, млађег курсива и полуунцијале, појаве у Далмацији беневентана оба типа, дивна каролина, обе већ почетком IX столећа, ако не и крајем VIII. Иза тога је следео прелазни тип каролине-готице, сама готица књижна и курсив, па и littera psalterialis, и најзад, врло рано, готово једновремено с италијанском и далматинска хуманистика. Глагољица је опет имала два типа, обли и угласти, а у канцеларијским потребама и курсив, док је ћирилица у књигама имала неколико типова, поред курсива, а у Босни је током векова израђен посебни тип назван „босанчица". Ово све казује на подручју писмености о творачким способностима који су се и те како манифестовале разноврсношћу морфолошких варијаната. То су била достигнућа, једнако у Приморју као и у његову залеђу, која су у понеким скрипторијама била на висини најбољих западноевропских центара.

Словенско-латинску симбиозу би такође особито потврдила једна нова хипотеза о пореклу глагољице из латинског прекаролиншког курсива, дакако кад би она била и прихватљива. Она је по тој хипотези, наиме, поникла у венетско-истарском простору, ништа мање него стотину година пре деловања Кирила и Методија. Међутим хипотеза М. Хоција и В. Летенбауера не садржи довољно убедљивих елемената за њено прихватање. Ево само неколико резерви.

У великој славистичкој литератури о томе питању и ова хипотеза биће један покушај више каквих је било и раније да се скрене с пута још увек одрживог и неуздрманог мишљења Тајлор—Јагића о грчком пореклу. Оно је заступало гледиште о грчком минускулном

курсиву, а има и једно новије о грчкој мајускили, која би, по свему изгледа, још више одговарала морфолошкој сродности словенског са грчким писмом. Привидне морфолошке сличности између глагољице и млађег римског курсива, у који се може убројати и прекаролиншки курсив, још не значи утврђивање хипотезе. Јер ауторима ове латинско-курсивне хипотезе треба скренути пажњу на генетичку зависност латинског курсива од грчког, односно грчког од латинског порекла, чији је приоритет у палеографској науци још увек у питању. Свакако не треба сметнути с ума важно Јагићево упозорење да су глагољички рукописи што су старији то су овиснији од грчких извора. Никако није дозвољено да се не води рачуна и о временски најближим изворима деловању Кирила и Методија, који знају само њихов удео у послу мисионарења међу Морављанима помоћу њиховог властитог писма. То су нарочито писма папе Ивана VIII (880), спис *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*, и оба житија, Константиново и Методијево, као и трактат *О писменех* Црнорисца Храбра. Овиснсст словенског писма од грчкога потврђује и номенклатура за свако појединo словенско име, на начин како је то учињено и у грчком алфабету, док се у латинској абецеди свако слово идентификује само с његовим почетним фонемом, са његовим адекватним гласом. Зато управо одатле називи *алфабет, азбука* и *абецеда*. Исто тако много казују за сродност словенског са грчким писмсм и нумеричка вредност појединих слова у оба писма, док тога нема у латинској абецеди. Словенско писмо везује са грчким још и чињеница да су најстарији глагољаши задржали доста дуго грчки ритус, што би било искључено да је најстарије словенско писмо потекло из латинскога и од латинског попа, творца његова на основима латинског курсива. Поред свега досад несумњиво утврђеног и остали историски разлози не могу да подупру Хоције — Летенбауерову хипотезу. Венетско-истарски простор у другој половини VIII столећа није имао потребних услова за такво културно реформаторско дело. Да је оно постојало, оно би несумњиво зрачило и међу Словенима у тој области као и у суседној салцбуршкој дијецези, где се, како је речено, морало прибегавати словним комбинацијама латинске минускуле за појединu словенски глас који није постојао у латинском говору како су то показали каснији *Brižinski spomeniki*. Исто то важи и за акцију Ивана Равењанина у Далмацији управо у исто време кад је имала и настати та азбука која је наводно потекла из латинског курсива. Ивану би и те како требало такво једно писмо за његову акцију међу паганским Словенима. О томе историја сасвим ништа не зна.

Палеографија, као суптилни саставни део културне историје успева да открива и на подручју словенске и латинске писмености занимљива укрштања у далматинским просторима и њима суседнима, која су извирала из културних односа Словена и Латина управо у тим просторима и само на њима, на источном делу Јадрана.

Утврђивања ових чињеница и стварности у процесу развитка средњовековне писмености казује да су доприноси Словена и на томе подручју културе далеко већи и значајнији него што су били досада познати и признавани.

GEORGES LUCIANI

QUELQUES RÉFLEXIONS D'UN ÉTRANGER SUR L'ENQUÊTE DE LETOPIS MATICE SRPSKE AU SUJET DE LA LANGUE LITTÉRAIRE SERBOCROATE

Je me propose de présenter quelques observations qui n'auront qu'un mérite, celui d'être très brèves, sur l'enquête lancée par la grande et glorieuse revue *Letopis Matice srpske* de Novi Sad sur la langue littéraire serbocroate.

Cette enquête, comme vous le savez probablement, a commencé en septembre 1953; elle s'est poursuivie pendant toute l'année 1954 et ne s'est terminée qu'avec le numéro de *Letopis Matice srpske* de janvier 1955. Un grand nombre de savants, de spécialistes et d'écrivains y ont participé et une réunion (sastanak) qui s'est tenue à Novi Sad du 8 au 10 décembre 1954, après avoir discuté toute une série de problèmes linguistiques a abouti à d'intéressantes conclusions. Les débats de Novi Sad ont été intégralement publiés dans le numéro de janvier 1955 de *Letopis Matice srpske*.

La solution des divers problèmes soulevés par cette enquête, à savoir, unité de la langue, nom de la langue, alphabets (latinica ou ćirilica), des dialectes (ékavien ou jékavien), l'orthographe, le vocabulaire, etc. la solution de tous ces problèmes, dis-je, incombe entièrement à nos amis yougoslaves et il serait étrange et déplacé qu'un étranger, même sincère ami de leur pays, se mêlât de leur donner des conseils.

Telle n'est nullement mon intention. Je voudrais simplement, me plaçant au point de vue des étrangers qui étudient ou qui enseignent le serbocroate, présenter quelques réflexions et citer quelques faits à propos de cette enquête.

Je suivrai en gros l'ordre des questions qui a été celui du sastanak de Novi Sad.

I. — D'abord le nom de la langue.

Il a été proposé d'appeler — dans un avenir assez éloigné — le serbocroate »langue yougoslave«. Cette proposition n'a pas été retenue — et avec raison —, du fait de l'existence d'autres langues comme le slovène et le macédonien.

Il faut souligner que l'expression qui a fait fortune à l'étranger est celle de *serbocroate*.

A Paris, la chaire où cette langue est enseignée (à l'École des Langues Orientales) porte ce nom. La grammaire de Meillet-Vaillant s'appelle grammaire de la langue *serbo-croate*. Tel est aussi le titre de la grammaire bien connue de Leskien, Grammatik der *Serbo-Kroatischen* Sprache. Les Italiens disent »*lingua serbo-croata*«, les Britanniques »*serbo-croatian*« ou »*serbo-croat*«.

Ainsi l'expression serbo-croate a fait fortune dans l'Europe occidentale. Il existe déjà une tradition qui impose l'emploi de cette expression et c'est

très bien ainsi, car comme l'écrit notre collègue Radovan Lalić: »Termin srpsko hrvatski je precizan i nedvosmislen, i najbolje izražava suštinu pojma«[1].

La seule question que nous puissions nous poser, nous Français, à propos de ce terme, c'est celle de savoir si nous continuerons à écrire l'expression »serbo-croate« avec un trait d'union ou sans trait d'union, sa crticom ili bez crtice.

Me plaçant toujours au même point de vue, celui des étrangers qui étudient ou enseignent votre langue, je juge préférable de renoncer au trait d'union.

Sur ce point, je partage à nouveau l'opinion de mon ami Radovan Lalić qui écrit: »Ja smatram da je književni jezik Srba i Hrvata jedan jezik, da se on može dalje razvijati samo kao jedan jezik i da ga treba nazivati jednim imenom — srpskohrvatski jezik, bez crtice«[2].

Ce trait d'union est en effet, en fait, un trait de séparation. On dit les relations franco-américaines. Il s'agit là de deux réalités fondamentalement différentes: la France et l'Amérique. Ce n'est pas le cas du serbocroate. Tout le monde est d'accord pour affirmer qu'il s'agit d'une même langue avec des différences insignifiantes selon qu'elle est parlée à Zagreb ou à Belgrade. Je proposerais donc volontiers à mes collègues français de supprimer le trait d'union pour réaliser une unité plus complète. C'est une initiative que j'ai déjà prise à Bordeaux en ce qui concerne les affiches de la Faculté des Lettres. Sur ce programme des exposés d'aujourd'hui, vous avez pu aussi remarquer que j'ai écrit serbocroate sans trait d'union, bez crtice.

Sans doute, nous n'ignorons pas que certains attachent une certaine importance à ce trait d'union. Comme l'écrit Radovan Lalić: »Posle rata postavljalo se pitanje, iako ne možda javno preko štampe, ali dolazilo je do izražaja i u štampi, da li je jezik Srba i Hrvata zaista jedan jezik, da li je pravilno nazivati ga jednim imenom. Naziv jezika pisan je skoro uvek sa crticom i pridavan je veliki značaj toj crtici«[3].

Il est évident que les vraies raisons des personnes qui partagent cette opinion ne sont pas d'ordre linguistique ou scientifique. Ces raisons, quelles qu'elles soient, ne peuvent donc avoir aucun poids pour des étrangers qui doivent soigneusement s'abstenir de se mêler des affaires intérieures de la Yougoslavie et se cantonner rigoureusement sur le terrain de la science.

Or, scientifiquement parlant, il ne fait de doute pour personne que le serbocroate est une seule et même langue.

Dans le même ordre d'idées, je dois signaler à nos amis de Zagreb que l'expression hrvatski *ili* srpski jezik qu'ils emploient fréquemment, *si elle ne présente aucun inconvénient à l'intérieur de la Yougoslavie, peut prêter à confusion à l'étranger.*

C'est ainsi que, ayant eu le bonheur d'assister à trois seminari za strane slaviste en 1951, en 1953 et en 1955, j'ai reçu et soigneusement conservé les brochures *rédigées en français* annonçant le programme des cours et envoyées à tous les participants. La brochure diffusée par l'Université de Sarajevo en 1951 porte: Cours de vacances de langue serbo-croate et de littérature yougoslave. La brochure imprimée par l'Université de Zagreb en 1953, également en français, porte également: Cours de vacances de langue serbo-croate et de littérature yougoslave. Il n'y a aucune remarque à faire sur le libellé de ces deux

[1] Letopis Matice srpske, février 1954, p. 99.
[2] Letopis Matice srpske, février 1954, p. 93.
[3] Letopis Matice srpske, janvier 1955, p. 33.

premières brochures. Mais la troisième, celle qui a été éditée et répandue en 1955 par l'Université de Zagreb porte: Cours d'été de *langue croate ou serbe* et de littérature yougoslave.

Je voudrais éviter tout malentendu et c'est pourquoi je tiens à préciser qu'une brochure destinée au public yougoslave et portant l'expression »langue croate ou serbe« ne présente aucun inconvénient et, en tout cas, ce n'est pas à des étrangers à prendre position sur ce point.

Mais il s'agit d'une brochure rédigée en *français* et destinée à des étudiants et des professeurs *étrangers*, il faut alors souligner que cette expression »langue croate ou serbe« peut créer un malentendu. Elle peut donner à penser qu'il s'agit de deux langues différentes, que dans ces cours de vacances (seminari za strane slaviste), il y a deux sections, la sections croate et la section serbe, que les participants auront la faculté d'opter entre ces deux sections, etc. Les gens avertis savent bien qu'il n'en est rien, mais les débutants peuvent s'y tromper.

Je me permets donc de signaler ce petit danger à nos collègues de Zagreb.

J'ai lu avec une grande attention et le plus vif intérêt les exposés qui ont été faits sur ce point par nos excellents collègues de Zagreb, les professeurs Hraste, Jonke et Hamm, tant dans leurs réponses aux questions de l'enquête que lors des débats de Novi Sad[4].

Je comprends parfaitement ce que veut dire notre collègue Jonke quand il écrit que »u našoj svijesti već gotovo stotinu godina veznik »ili« u ovoj funkciji ima značenje izjednačivanja, a ne rastavljanja«[5].

De même, on lit dans le rapport de Živan Milisavac: Učesnici iz Zagreba smatraju da je opravdaniji naziv hrvatski ili srpski, kako je sada tamo u upotrebi, jer reč »ili« u ovome slučaju ima značenje ujednačavanja a ne razlike (Lj. Jonke)[6].

Il ne m'appartient pas de discuter la valeur de ces arguments. C'est une affaire intérieure des Yougoslaves entre eux. Mais en français, la conjonction »ou« indique et ne peut indiquer qu'une alternative (par exemple, vaincre ou mourir). Il me semble donc préférable *quand on s'adresse à des étrangers, dans une langue étrangère* d'éviter une expression équivoque.

2. — *La question des alphabets.*

Pour les étrangers, cette question ne présente pas de difficultés. Nos étudiants, neuf fois sur dix, ont commencé à étudier le russe avant d'aborder le serbocroate et, par suite, se sont familiarisés avec le cyrillique. Ils se servent indifféremment des éditions d'un même texte, qu'elles proviennent de Zagreb ou de Belgrade.

Cependant, pour des raisons de caractère purement pratique, l'enseignement se fait en latinica. Dans les universités, nous avons tous des textes à taper à la machine (devoirs, épreuves d'examens, etc.). Nous sommes amenés à le faire sur des machines à caractères latins.

Nous avons bien à Bordeaux une machine russe cyrillique. Mais le cyrillique russe n'est le cyrillique serbe et, sur ce point, notre machine russe ne peut nous rendre aucun service.

On est donc amené à se servir surtout de la latinica. Le premier lecteur de langue serbocroate à la Faculté des Lettres de l'Université de Bordeaux

[4] Letopis Matice srpske, mai 1954, p. 361, ibidem, janv. 1955, pp. 38, 41 et 58.
[5] Letopis Matice srpske, mai 1954, p. 361.
[6] Letopis Matice srpske, janvier 1955, p. 11.

était un Serbe de Pančevo. Cependant, spontanément et sans instructions de ma part, il se servait dans son enseignement de la latinica. Et c'est aussi le plus souvent en latinica que nous écrivent les organisations yougoslaves y compris celles de Belgrade.

Il faut ajouter que, si les cursives dans toutes les langues sont parfois difficiles à déchiffrer, la cursive cyrillique serbe — comme la russe — présente souvent des difficultés à la lecture, le coefficient personnel qui existe dans toutes les cursives étant dans ce cas particulièrement élevé.

Cependant, tout en nous servant le plus souvent de la latinica, nous devons signaler à nos amis yougoslaves une ambiguité gênante qui existe dans l'alphabet latin. C'est la notation du son qui s'écrit ђ en cyrillique. Ce son est noté en latinica tantôt đ tantôt dj (et même gj, par exemple dans le dictionnaire Iveković-Broz). Comme l'a écrit justement B. Kovačević[7]: »Tri ђ (đ, dj, gj) koji se upotrebljavaju kako ko hoće (iako dj baš sasvim ne valja, jer *nadjačati* ili *podjarmiti* može neko kajkavsko dete, koje ne zna te reči, čitati *нађачати* i *пођармити*!) ...« Je crains que non seulement des enfants kajkaviens, mais aussi nombre d'étudiants étrangers ne soient embarrassés par ce dj. Je pense qu'il serait préférable, pour éviter toute ambiguité, de s'en tenir à đ. Sans doute, il faudrait ajouter à la main une barre au đ, tel que le font nos machines à écrire françaises, mais c'est déjà ce que nous sommes forcés de faire quand nous ajoutons les signes diacritiques (dans č, ž, etc).

Il est en tout cas une pratique peu justifiable et qui est de nature à rendre perplexes les lecteurs étrangers, c'est celle qui consiste dans un même texte à employer tantôt đ, tantôt dj. C'est le cas dans la traduction de *Quo vadis?*, parue à Subotica en 1955 (Biblioteka Minerva). On trouve à la première page le mot *podmlađen* (écrit avec đ), mais deux pages plus loin, on tombe sur la phrase »Taj rat ide rdjavo« (avec dj)!

Mais c'est le seul point sur lequel il faudrait remédier à une ambiguité et je répète que pour des raisons pratiques, la latinica est plus employée chez nous, bien que nous n'ayons aucune difficulté à user de la ćirilica.

3. — *Ekavština ili ijekavština?*

Je n'ai pas grand'chose à dire de cette question qui ne présente guère de réelle difficulté pour les étrangers. Nos étudiants passent facilement de mleko à mlijeko (et à mliko). Ils sont capables de dire selon les cas: *ti si lepa devojka* ou *ti si lijepa djevojka* ou *ti si lipa divojka*.

Il leur faut cependant apprendre les règles qui gouvernent l'ijekavština et savoir que le génitif singulier de *vrijeme* est *vremena* et que le nominatif pluriel de *brijeg* est *bregovi*. Ils sont excusables de se tromper dans ces cas, puisque si je dois en croire mon collègue et ami Vuković[8], cela arrive même à des écrivains yougoslaves connus ...

Je dirais en conclusion sur ce point que l'ekavština est pour nous plus facile, mais que ijekavština est plus musicale. Nous nous félicitons donc de la décision de Novi Sad qui déclare que »oba izgovora, ekavski i ijekavski su u svemu ravnopravna«.

4. — *La question de l'orthographe* (Pravopis).

Sur cette question, en tant qu'étranger, je n'ai rien à dire, excepté que nous souhaitons tous qu'un accord intervienne le plus vite possible et que la

[7] Letopis Matice srpske, décembre 1953, p. 443.
[8] Letopis Matice srpske, janvier 1955, p. 67.

commission créée à cet effet aboutisse à des conclusions rapides. Il s'agit surtout pour nous de savoir comment nous devons écrire le futur (pisat ću ou pisaću) et les noms et mots étrangers (Bordeaux ou Bordo, etc.).

5. — *Question du vocabulaire* (Rečnik).

J'en arrive à une question plus délicate, celle des différences morphologiques, syntaxiques et surtout lexicologiques dans la langue littéraire des Serbes et des Croates, o razlikama u književnom jeziku Srba i Hrvata.

Il existe des différences de ce genre dans toutes les langues. Il en existe aussi en français, bien que le français soit une langue très unifiée par comparaison aux autres. On emploie par exemple à Bordeaux des mots qui sont inconnus du reste de la France et on y emploie aussi certains mots dans un sens qui n'est pas celui du reste de la France. Mais ces différences sont très peu nombreuses, l'unité française étant réalisée depuis plusieurs siècles.

L'unité yougoslave est relativement récente, mais je suis convaincu que l'évolution effacera peu à peu les différences qui existent aujourd'hui entre la variante serbe et la variante croate de la langue littéraire serbocroate, que dans ce domaine comme dans les autres, le temps fera son oeuvre, et que, dans la lutte pour la vie que les mots se livrent entre eux, les meilleurs, c'est-à-dire les plus pratiques, l'emporteront et s'imposeront à Zagreb comme à Belgrade, quelle que soit leur origine.

Cependant, en attendant, une liste de ces différences, une liste *authentique* et *incontestable* serait bien utile aux étrangers qui étudient ou qui enseignent le serbocroate.

Une telle liste n'existe pas et, actuellement, nous sommes forcés chacun pour notre compte, de nous constituer une liste de ce genre et cela non sans tâtonnements et non sans risques d'erreurs. Les livres traitant de cette question sont ou bien entachés d'exagération ou épuisés.

D'ailleurs, il faut bien reconnaître que tout ouvrage traitant de cette question est condamné à être rapidement dépassé et à prendre un caractère archaïque.

C'est ainsi que la *Serbian Grammar* de Subotić et Forbes, parue en 1918 à Oxford donne encore les deux mots *plajvaz* et *olovka* pour crayon[9]. Or, comme le signale Radovan Lalić[10] »nekad, pre jedno dvadeset godina, u Beogradu se u razgovornom jeziku skoro isključivo upotrebljavala reč *plajvaz;* iako varvarizam, ona je bila mnogo običnija nego *olovka,* koja je smatrana za čisto književni izraz i usto za »hrvatizam«. Sada, međutim, niko ne govori »*plajvaz*«, a deca i ne znaju šta to znači«.

J'ai moi-même remarqué dans l'édition de Belgrade de *Borba* l'emploi fréquent de *domovina* au lieu de *otadžbina* et réciproquement, il m'a été dit à Zagreb que le mot considéré autrefois comme le seul mot croate *časnik* a cédé la place à *oficir*.

Ainsi, la situation est fluide et mouvante et il conviendrait de revoir fréquemment ces listes et d'enregistrer la victoire de certains mots sur d'autres dans le match continuel qu'ils se livrent les uns aux autres.

Je souhaite qu'une liste de ce genre, le plus exacte possible, soit dressée par les soins de nos collègues yougoslaves compétents pour permettre à nos étudiants et à nous-mêmes de nous orienter dans cette matière délicate.

[9] pp. 26 et 27.

[10] Letopis Matice srpske, février 1954, p. 94.

En tout cas, nous vous demandons votre aide pour vérifier et contrôler une liste de ce genre qui serait établie par l'un d'entre nous.

6. — *Invasion des mots étrangers.*

Une dernière petite question et j'ai fini.

Bien que Français, je vois sans plaisir votre langue, surtout celle de la critique littéraire, envahie par une foule de mots étrangers, surtout français.

C'est ainsi que, pour en revenir à l'enquête de *Letopis Matice srpske*, je trouve dans la même page 29[11] trois verbes pour la même idée dont deux ont la même origine étrangère: 1. »... Jer su to glavna pitanja o kojima treba *diskutovati*« (D-r Krešimir Georgijević); 2. »... da se o svim pitanjima može *diskutirati*« (D-r Ljudevit Jonke); 3. »... o kojima ne treba *raspravljati*« (Živan Milisavac).

Je ne puis m'empêcher de penser que, en l'occurrence, c'est M. Milisavac qui est dans le vrai. L'emploi du mot *raspravljati* présente le double avantage de supprimer le problème du choix entre *diskutirati* et *diskutovati* et d'éliminer deux formes d'origine étrangère au profit d'un mot slave parfaitement constitué.

Je m'excuse, mes chers collègues, d'avoir soulevé ces questions, mais elles ont leur importance pour nos étudiants et pour nous-mêmes. Voyez-y la preuve du grand intérêt que nous portons à l'étude de votre belle langue et du désir qui est le nôtre d'en répandre et d'en approfondir la connaissance dans nos pays respectifs.

[11] numéro de janvier 1955.

Ђ. Сп. РАДОЈИЧИЋ

СТАРЕ СРПСКЕ ПОВЕЉЕ И РУКОПИСНЕ КЊИГЕ ЗА ВРЕМЕ ДРУГОГ СВЕТСКОГ РАТА

Повеље српских феудалних држава и старе српске рукописне књиге од великог су значаја и за општу словенску науку. Писане ћирилицом, оне су предмет палеографског проучавања, у коме се долази до закључака необично важних за словенску ћириличку палеографију, науку која се тек изграђује. Повеље садрже податке који су неопходни за научна истраживања о првобитном словенском праву. У српским рукописним књигама налазе се текстови који су основни за историју словенске писмености. Тако су српске рецензије најстарији преписи Биографије Константина-Ћирила. Написана можда између 869 и 876, а свакако пре 891 год., она је без сумње прво оригинално словенско дело. Због узајамне повезаности која постоји међу словенским старим књижевностима, српски рукописи привлаче пажњу књижевних историчара и других словенских народа. Треба само поменути „српску Александриду", о којој се расправља у руској науци, или Познањски белоруски рукопис, у коме је пренесена „с књиг сербских" и ту једино сачувана Повест о витезовима „Трисчану", „Анцалоту" и Бову. Један писац својим животом и књижевним радом повезује стару српску књижевност са бугарском, са румунском на словенском језику и са руском. То је Григорије Цамблак (око 1364—1419/20). Као што се за једног Цамблаковог савременика са Балкана каже да је сербалбанитобулгаровлах (у Јањинској хроници Комнина и Прокла с почетка XV века), тако би се за самог Цамблака могло рећи да је влахобулгаросербомолдаворус. Преводна стара српска књижевност, заједно са осталим словенским књижевностима, служи за литерарноисториска истраживања из области оних књижевности којима припадају оригинали. О још ненађеном грчком оригиналу Виђења Исаијина (с краја I века) улућени смо да закључујемо на основу словенског превода (од шест рукописа три су српске рецензије). Постоји и прерада тога превода (од три рукописа два су српска и то су старији). Виђење Исаијино је апокриф који је био подвргнут богомилској „доктринарној цензури". Однет је на Запад катарима и код њих је са словенског преведен на латински.

Највећи део српских повеља сачуван је у Дубровнику и у светогорским манастирима, нарочито у Хиландару. Дубровачка збирка повеља однета је од аустриских власти у Беч, у Државни и дворски архив (1833). Пре тога повеље су преписане у Дубровнику. Један примерак

тих преписа послужио је за први српски дипломатички зборник, који је објављен у Београду 1840 год. под именом П. Карано-Тврtковића и који је изазвао велику полемику око питања ко је прави „сабирател" и „издаватељ". У Бечу је повеље унео Ф. Миклошич у свој зборник Monumenta Serbica (1858). На основу Сенжерменског уговора о миру повеље су враћене из Беча, али не у Дубровник, већ у Београд (1921). Ту су послужиле Љуб. Стојановићу за његово издање Старих српских повеља и писама (I, 1, 1929; I, 2, 1934). Све до 1941 год., до немачке окупације, повеље су се чувале у Српској академији наука. Окупационе власти одузеле су их од Академије и послале поново у Беч. У ослобођену земљу донете су 1947 год. и предате дубровачком Државном архиву, где им је и право место.

И Св. Гору је захватио Други светски рат. Била је и под окупацијом. У Хиландару су радили немачки научници. Снимали су грчке повеље, које нису носили из манастира. Од сваког снимка остављали су манастиру по једну малу копију. Колико се данас зна, за време окупације ни Хиландару ни осталим светогорским манастирима ништа није пропало од старина. Из Хиландара је нестало једанаест српских повеља. Две су уствари делови Милутинове повеље манастиру св. Ђорђа Горгa код Скопља из 1299/1300 год. (бр. 132 и 133). Осталих девет су Душанове повеље (бр. 22 из 1345, бр. 23 из 1345 бр. 29 из 1355, бр. 30 из 1347/48, бр. 33 из 1348, бр. 34 из 1347, бр, 37 из 1353/54, бр. 38 из 1354/55 и бр. 40 из 1355). Од њих су шест са печатима. Две су на пергаменту. За делове Милутинове повеље не зна се како су нестале. Душанове повеље су 1931 год. послате у југословенски Генерални конзулат у Солуну. Тим повељама су Хиландарци доказивали своје право на неке поседе. Грци су спорили њихову аутентичност. Генерални конзулат је имао да се постара да наши стручњаци проуче повеље и утврде да ли су аутентичне. Повеље су без сумње слате у Београд. Шта је даље било с њима, у манастиру нема никаквих забележака и нико о томе не уме ништа да каже. Нису враћене манастиру. То је поуздано. Могле су на неки начин ишчезнути у Београду. Мало је вероватно, али ипак није сасвим искључено, да су упућене натраг Генералном конзулату и да су ту из било кога разлога остале до 1941 год., до окупације Солуна и Грчке. Тада су могле бити однете, што би било боље, или су уништене.

Из Народне библиотеке у Београду нестале су, за време Првог светског рата, хиландарска повеља Симеона Немање (из 1198—99 год.) и две Душанове повеље манастиру Трескавцу (једна из 1335, а друга из времена после 1337 год.). Трећа Душанова повеља за манастир Трескавац (око 1337 год.) пропала је за време Другог светског рата. Изгорела је 1941 год. заједно са целом Народном библиотеком. Тада је уништена и повеља цара Душана гробу његове матере краљице Теодоре (из 1346 год.). О тој повељи је Ст. Станојевић, као студент у Бечу (у јулу 1893 год.), начинио ову забелешку: *„Истина о овој хризовуљи.* И. Руварац и К. Јиречек причали су ми, да је ова хрисовуља овако нађена: Св. Стеванска Хризовуља била је у Београду ради издавања; Љ. Ковачевић опази да је на листу којим су биле корице изнутра залепљене нешто писано; скине пажљиво тај лист, и — то је била

Душанова Хризовуља. Мађарској Академији пошаљу Св. Стев. Хриз. натраг; наравно нико није опазио, да је шта скидано; Душанову Хризовуљу пак пошаље Ков. Новаковићу и он је овде изда, измисливши беговску породицу" (на Станојевићевом примерку Споменика САН IX, 1891, у коме је Новаковић објавио повељу с објашњењем да је њу „сачувала једна турска беговска породица у Цариграду").

Манастир Жича је у току Другог светског рата веома страдао, али је остала сачувана црква и она њена кула испод које је на зидовима исписана повеља Стефана Првовенчаног (из времена око 1220 год.). Како је манастир Грачаница неповређен, и друга српска повеља коју имамо само на црквеном зиду а не на пергаменту или на хартији, грачаничка повеља, није нестала у ратним вихорима (она је краља Милутина, из 1321 год.).

Док је био професор и директор српске гимназије у Новом Саду (1819—1833), Павле Јосиф Шафарик је ударио основе научном проучавању старе српске књижевности. У његовој Историји српске књижевности (тада завршеној, а објављеној 1865 год., после његове смрти) укратко су описани многи стари српски рукописи из Карловачке библиотеке и из фрушкогорских манастира. Из новосадског периода живота и рада великог слависте потиче и његова лепа збирка старих српских рукописа, која се чува у Чешком музеју у Прагу. После Шафарика мало је рађено на описивању карловачких и фрушкогорских рукописа. Не постоји опис рукописа Карловачке библиотеке. Исте године кад је започео Први светски рат (1914) изишла је прва свеска описа рукописа српских манастира у Карловачкој митрополији. Описани су били рукописи манастира Крушедола у Фрушкој Гори. Од те прве свеске није се ишло даље. Тек после Другог светског рата у Споменику САН 101 (1951) описане су збирке рукописа фрушкогорских манастира Кувеждина, Шишатовца и Гргетега. Подаци су из времена пре рата. У току Другог светског рата фрушкогорски су манастири тешко страдали. Кувеждин је порушен. Црква је остала без кубета и без горњег дела олтарске апсиде. Од звоника се сачувао само доњи зидани део. Конак је претворен у рушевине. Од шишатовачке цркве преостали су само зидови, а црквени кров и камење и цигље од звоника сручили су се између тих зидова. Место конака су рушевине. Одмах после ослобођења око цркве су биле растурене људске кости. Било је и људских жртава. Нису само уништене старине. Манастир Гргетег, из кога се Иларион Руварац борио за победу критичког правца у српској историографији, био је сав у рушевинама. Звоник се срушио на цркву. Од конака голи зидови. Са другим фрушкогорским манастирима било је слично. Крушедол није рушен, али је потпуно опљачкан. И из цркве Велике Ремете однето је све што се могло понети, а конак је спаљен и порушен. Од Хопова, и од цркве и од конака, остале су рушевине. Манастир Врдник (Сремска Раваница) понајбоље је прошао. У олтару су остали чак и неки рукописи. Конак је опљачкан. Црква манастира Јаске је сачувана, али је конак порушен. И црква Мале Ремете није настрадала. Раковац је био сав у рушевинама, и црква и конак. Беочин је неповређен, али опљачкан. Однети су рукописи (80) и библиотека од више хиљада књига. Потпуно је

порушено Бешенево. Дивша је опљачкана, а њен конак је претворен у рушевине. Све је однето из Привине Главе. Из Карловца и фрушкогорских манастира стари српски рукописи, уколико су сачувани, пренети су у Загреб. Одатле су после ослобођења донети у Београд и смештени у Патријаршији. Ту се и данас налазе.

Од запаљивих бомби, које су пале на њу првог дана бомбардовања Београда (6 април 1941 год.), потпуно је изгорела Народна библиотека у Београду. Стари српски рукописи, заједно са осталим реткостима, били су у сандуцима. Спаковани су и били спремни за преношење у склониште далеко од Београда. Било је одређено да се сандуци са библиотечким реткостима однесу баш оног дана када је Други светски рат захватио Југославију. И час је био утврђен. Заказано је товарење сандука за 10 часова, а око 7 часова су пале прве бомбе на Београд. Народна библиотека је страдала и за време Првог светског рата. Тада јој је нестало 46 старих српских рукописа. Међу њима су били ови веома значајни рукописи: богомилско Никољско јеванђеље, на пергаменту с краја XIV или почетка XV века (бр. 112); Минеј на пергаменту XIII и XIV века са Савином службом (бр. 212); Парамејник на пергаменту XIII века са иницијалима (бр. 300); Триод са словима Климента Охридског на пергаменту, писан 1328 год. (бр. 437); Типик Саве Јерусалимског са белешкама о смрти српских владара и црквених поглавара и са једним заметком старих српских летописа, писао Данилац Левооки 1416 год. (бр. 590); Зборник попа Драгоља XIV века (бр. 632). Био је међу несталим рукописима и још један, и то од особите важности, али се између два светска рата појавио на немачком антикварном тржишту. То је Призренски рукопис Душановог законика, с краја XV века или с почетка XVI века (бр. 399). О трговини с тим рукописом почело се да пише у београдским новинама. Рукопис је узет са тржишта и враћен. Није дошао натраг у Народну библиотеку, већ је дат Народном музеју, који је тада носио име кнеза Павла. Ту се и сачувао за време Другог светског рата. Инвентар рукописа Народне библиотеке у доба њене пропасти имао је 1449 бројева. Ту су били и нестали рукописи. Затим је ту било случајних прескакања и празнина насталих због тога што су издвајана писма и увођена у посебан инвентар. Убројени су ту и новији рукописи (149), рукописи дубровачке и приморске књижевности (4), рукописи на туђим језицима (103), снимци (10), ученичке белешке (2), архивски рукописи (199), повеље и преписи повеља и исправа (17), синђелије и др. (8). Тако од 1449 инвентарских бројева треба одузети ова 492 броја под којима нису били заведени стари српски рукописи. Кад се још не узму у обзир нестали рукописи (46), затим други нестали предмети, прескочени или упражњени бројеви (86), добија се број 825. Толико је свега изгорело старих српских рукописа у Народној библиотеци 1941 год. Од значајних рукописа треба поменути: Србљак XVI века, са службом и Житијем Стефана Дечанског од Григорија Цамблака, са Службом и Житијем краља Милутина од Данила Млађег, са житијима краља Драгутина и краљице Јелене од Данила (бр. 21); Живот Св. Саве од Теодосија, два рукописа из XVI века (бр. 26 и 264); Никодимов типик, на пергаменту из 1319 год. (бр. 6); Слова Дамаскина Студита XV—XVI века — у једном од њих се каже да је превод Григорија, епископа

Пелагоније и Прилепа (бр. 315); Зборник прве половине XV века — Словом љубве деспота Стефана и са апокрифом о Асенети, можда већим делом аутограф деспотов (бр. 29); Хамарголове Хронике, с краја XIV века (бр. 328) и из 1549 год. (бр. 1391); Александриде, из XIV или с почетка XV века (бр. 757), из XV века (бр. 122), с краја XV или с почетка XVI века (бр. 117); Поменик призренски, на пергаменту XV века (бр. 227); непроучени и необјављени поменици: Дечански из 1572 год. (бр. 1223), Храма трију светитеља из XVI века (бр. 1224), места званог Белаја из XVI/XVII века (бр. 1227) и пећки из XVI века (бр. 1222); Апостол на пергаменту XII/XIII и XIII/XIV века — са Божидаревим записима из времена Косовске битке (бр. 914); Хронографи, лепавински из XVII века (бр. 1228) и манастира Пиве, такође из XVII века (бр. 1220). Један рукопис није био у библиотеци. Дат је Универзитету у Београду на проучавање. Тако се и сачувао. То је веома важан Марков рукопис из XIV века, који садржи Живот Симеона Немање од Доментијана, Живот Саве од Теодосија, Похвалу Сави од Теодосија и Хиландарски типик (бр. 1366). Рукопис је уствари својина манастира Хиландара на Св. Гори. Одатле је позајмљен од стране једног угледног црквеног човека (1896).

И поред разношења рукописа који су чинили учени путници откако се од почетка XIX века живо ради на славистици, у Хиландару се сачувало до 700 старих српских рукописа, на пергаменту и хартији, из XIII до XVIII века. Српских рукописа има и по другим светогорским манастирима, нарочито у бугарском манастиру Зографу и у руском манастиру Пантелејмону. У Пантелејмону су, како је недавно утврђено, и неки рукописи манастира Св. Павла, који је раније такође био у српским рукама. Пантелејмон има и српских повеља. Све је то у опасности. Некад велики манастир, сагрђен да прими више хиљада калуђера, Пантелејмон је данас готово пуст. Нема ни сто монаха, и то су све изнемогли старци.

Српски рукописи су пропадали за време Другог светског рата по Хрватској, Босни и Херцеговини, Црној Гори и Србији. Тешко је утврдити чега више нема, јер су научни описи врло малобројни и не обухватају многа места у којима је било рукописа. После ослобођења од сакупљених рукописа и других старина са територије Хрватске, из већином разрушених манастира и цркава (у Горњокарловачкој епархији од 189 српских цркава, каже се у једном извештају, попаљено је и порушено 173), створен је Музеј Срба у Хрватској и смештен у Загребу. На изложби која је приређена 1950 год. изложени су српски рукописи на пергаменту и хартији, из XIII—XVII века. Раније су они припадали српским манастирима у Хрватској и Славонији: Лепавини, Ораховици, Гомирју и Пакри. Манастир Житомислић у Херцеговини имао је збирку старих српских рукописа. Она више не постоји

Срећом све збирке српских рукописа по Југославији нису страдале. Остале су сачуване збирке у Љубљани (у Државној библиотеци), у Загребу (у Југославенској академији), у Новом Саду (у Матици српској), у Београду (у Српској академији наука, у Универзитетској библиотеци и три веће приватне збирке: проф. Рад. М. Грујића, проф. А. Ивића и проф. Д. Вуксана), у Сарајеву (у Старој цркви), у

манастиру Крки у Северној Далмацији, у манастиру Савини код Херцегновог, у Цетињском манастиру, и у манастиру Никољцу у Бијелом Пољу, у манастиру Св. Тројице код Пљеваља. Кад је одмах после њене пропасти почела да се обнавља Народна библиотека у Београду, нарочита пажња је обраћена рукописима. Сакупљено је још првих година неколико десетина рукописа, међу њима и веома важни (Живот Св. Саве од Теодосија, из XVI века; Александрида, из XV века; Крмчија, из XVII века; Физиолог, из XVI века). Сталном куповином створена је данашња прилично знатна рукописна збирка Библиотеке. Она је обухватила и збирку проф. Д. Вуксана.

Разасути скоро по целом свету, српски рукописи су нарочито многобројни по библиотекама Совјетског Савеза. Има их затим у Софији, Букурешту, Будимпешти, Бечу, Прагу, Берлину, Паризу, Риму (Ватикану), у многим другим страним градовима. У Другом светском рату пустошене су словенске земље, па је пустошена и Југославија. Из страшнога и дуготрајног рата оне су изишле победничке и слободне. Славистичке студије развијају се у све већој мери не само у словенском свету но свуда по Европи, Америци. Страних слависта је све више. Међу њима има већ великих научних имена. Прошла су времена кад се словенске ствари нису знале. Више се не може да деси случајеви као у Турину 1869 год., кад је директор Универзитетске библиотеке рекао руском научнику В. Макушеву да имају сирски рукопис, а он је уствари био српски (Минеј, писан у Црној Гори 1483/84 год.), или као у Венецији, још почетком овог века, када је један документ на српском језику Скендербега Црнојевића (с почетка XVI века) био изложен у дворани аутографа Државног архива, у тзв. сали Маргерита, међу документима турским и јерменским. Кад је управа архиве била обавештена од Јована Н. Томића, документ је издвојен из те групе и обележен као српски.

TADEUSZ LEHR-SPŁAWIŃSKI

KILKA UWAG O STOSUNKACH JĘZYKOWYCH CELTYCKO-PRASŁOWIAŃSKICH*

Po krótkim rozpatrzeniu dawniejszych poglądów na zagadnienie stosunków językowych między Celtami a Słowianami, zawartych w pracach A. A. Szachmatowa, K. Bugi, M. Vasmera, J. Rozwadowskiego i M. Rudnickiego, autor zwraca uwagę na stwierdzone przez wyniki badań archeologicznych istnienie osadnictwa celtyckiego w 3—4 ostatnich wiekach przed naszą erą na terenie dolnego i średniego Śląska oraz południowo-zachodniej Małopolski. Na tych terenach zatem zachodziła niewątpliwa styczność między plemionami celtyckimi a prasłowiańskimi, która tłumaczy nam istnienie pewnych elementów celtyckich w mowie Prasłowian. Zalicza autor do nich poza kilku nazwami rzecznymi (jak *Nida, Raba, Soła, Radęca, Drwęca,* z których trzy występują właśnie na terenie archeologicznie stwierdzonego osadnictwa celtyckiego w Małopolsce), zapożyczenia leksykalne jak prasłow. *sługa, braga, gunja, černъ, ąkotъ, dągъ, ljutъ, těsto, čersъ, ščitъ* — znajdujące nawiązania etymologiczne na gruncie celtyckim a pozbawione ich w prasłowiańskim, oraz na odwrót — bardzo nieliczne — wyrazy celtyckie, dające się wywieść z prasłowiańskiego, a odosobnione w materiale etymologicznym celtyckim: jak cymr. *talch* — prasłow. *tolkъ*, st.-ir. *tāid* — prasłow. *tatь*. Nadto zaś wysuwa autor — z daleko idącymi zastrzeżeniami — przypuszczenie, że rezultatem wpływu wymowy zasymilowanych resztek ludności celtyckiej mogło być powstanie w zachodniej Małopolsce i na Śląsku tzw. mazurzenia, którego drugie, niezależne od południowego, ognisko mogło kilkanaście wieków później powstać na północy, na Mazowszu w związku z asymilacją elementów językowych pruskich i jaćwięskich (jak to przypuszcza T. Milewski). Rzucałoby to odmienne światło na chronologię mazurzenia na terenie Małopolski i Śląska.

* Całość pracy wraz z mapą archeologiczną układu prof. R. Jamki ukazała się w „Roczniku Slawistycznym" t. XVIII, cz. 1.

BOHUSLAV HAVRÁNEK

K PROBLEMATICE VZTAHU VÝVOJE SPOLEČNOSTI A VÝVOJE SPISOVNÉHO JAZYKA ČESKÉHO

Nelze ani dobře pochybovat o vztahu mezi *vývojem společnosti* a vývojem jazyka příslušné společnosti, jejího jediného prostředku sdělování a dorozumívání. A u *jazyka spisovného*, který je základní formou národního jazyka, vystupuje tento vztah ve světle ještě jasnějším. Vždyť spisovný jazyk je vždy společným dorozumívacím prostředkem, nástrojem celého hospodářského, politického a kulturního života určitého národního celku, musí svými výrazovými prostředky jazykovými reagovat na všechny společné potřeby tohoto života a jim vyhovět, a tudíž stává se i *exponentem* vývojové linie celého tohoto života a jeho jednotným prostředníkem. V tom je specifika spisovného jazyka, která se projevuje v zákonitosti jeho vývoje.

Český spisovný jazyk, který je třetí co do stáří mezi spisovnými jazyky slovanskými, poskytuje již délkou svého vývoje i bohatstvím literárních i jazykových památek, které jej dokládají, dobré východisko ke zkoumání obecné zákonitosti vývoje spisovného jazyka.

Vývoj českého jazyka spisovného probíhal od 10. století *z jediného střediska, pražského*, třebaže tím nechci popírat, že se na jeho vývoji podílely i oblasti jiné, ale vždy jen s významem pouze okasionálním a doplňujícím, zejména retardujícím. Tento vývoj z jediného středu na jedné straně sice celou problematiku jeho zákonitosti zjednodušuje, ale na druhé straně umožňuje s poměrnou bezpečností odlišovat jevy této zákonitosti jednak od jevů nahodilých, omezených na jednotlivé památky (dané na př. neumělostí autora nebo překladatele), jednak od jevů vývoje jen nářečního. Umožňuje nám sledovat, jak přes zřetelné východisko z konkrétního nářečí, středočeského, přerůstá tento dialekt svým specifickým zákonitým vývojem a podmaňuje si i nářečí jiná, a to v různých obdobích, projevujících se určitými jevy jazykovými, v různém stupni zcela v souvislosti s postupující nebo ustupující koncentrací politického, ekonomického i sociálního života českého národního celku.

Vývoj české národní společnosti po všech těchto stránkách byl totiž značně nerovnoměrný; procházel obdobím vrcholné kulminace a opět obdobím tak hlubokých nížin, že bylo možno vyslovovat pochybnosti o její další existenci. Nerovnoměrná byla také účast jednotlivých složek jejího života: na př. při vytváření nového národního jazyka v souvislosti s dotvářením českého novodobého národa na

počátku formace kapitalistické vystupovala nejmohutněji do popředí složka sociálněkulturní, třeba ekonomicky podmíněná, zaostávala složka politická, doplňována více uvědomováním si minulosti.

Již z toho je vidět, že nelze zákonitosti vývoje českého jazyka generalisovat a libovolně přenášet na poměry a podmínky jiné.

Rovněž nelze také vztahy mezi vývojem jazyka spisovného a vývojem příslušné společnosti zjednodušovat, jakkoli vulgarisovat.

Proto nelze postavení spisovného jazyka v úloze jazyka celého novodobého národa přenášet mechanicky na doby minulé, činit z něho měřítko pro jejich jazykové poměry.

Předně nelze vůbec v jednotlivých pokusech o písemný záznam jazyka vidět hned již zjednodušujícím způsobem spisovný jazyk, na druhé straně nelze pochybovat o tom, že jeho úlohu celonárodní plnil často jednotný jazyk mluvený i v době před rozvitým písemnictvím a také ve větším rozsahu, než to mohly činit počátky jazyka písemného. Proto na př. ruský termín „литературный язык", anebo zvláště český termín „spisovný jazyk" (německý „Schriftsprache") zužují nezbytný pojem jednotného národního jazyka viděného v celé šíři a hloubce historického vývoje jazykových potřeb ekonomického, politického a společenského života vytvářejících se národních celků. Proto je správné pro onu dobu užívat již obvyklého termínu jazyk „kulturní". Na př. formování polského jazyka spisovného v prostředí poznaňsko-hnězdenském v době před vznikem polské písemnosti anebo jasné vzájemné vztahy „kulturních" jazyků českého a polského ještě v době před vlastním písemnictvím českým i polským jsou neklamné doklady existence takového kulturního jazyka českého i polského. A význam mluvené formy jazyka celonárodního nelze podceňovat ani později, v dobách jasné existence jazyka psaného, jazyka psané literatury.

Za druhé i tento kulturní jazyk byl ovšem rovněž dorozumívacím prostředkem veškerého politického, hospodářského i společenského života a plnil jeho potřeby, formuje se přitom jako celonárodní jazyk vytvářeného národního celku. Tento bezprostřední vztah k vytváření příslušného etnického společenství je znakem základním. Při pouhém uspokojování jen některých dílčích potřeb bez tohoto základního vztahu nelze mluvit o jazyku celonárodní úlohy. Na př. latina ve středověku nemůže být chápána jako národní jazyk spisovný, neboť tu nebylo onoho vztahu mezi vývojem jazyka a příslušného národního celku; šlo jen o přejetí a užívání hotového souboru mezinárodních jazykových prostředků pro určité speciální úkoly při omezené srozumitelnosti a tím i sdělitelnosti. Naproti tomu při výše uvedeném vztahu jazyka k danému národnímu společenství se mohou měnit během doby jeho aktivní nositelé, aktivní uživatelé — ti byli v středověku značně omezení (u nás na př. v 14. stol. na duchovenstvo, vlastní feudály a vyšší vrstvy městského obyvatelstva) — stejně jako se mění jeho úkoly, ale při obecné srozumitelnosti nejsou v zásadě omezeni jeho nositelé-adresáti, jako tomu bylo při omezené srozumitelnosti latiny. Nelze tedy ani s hlediska aktivisace uživatelů a úloh spisovného jazyka ztotožňovat poměry dnešní s minulostí.

Za třetí vliv vývoje společenských formací se neodráží v jazyce přímo a hned — kromě jistých oblastí lexiky. Na toto značné zpožďování v projevení se ve vývoji jazyka jeho vztahů k vývoji společnosti poskytuje vývoj spisovného jazyka českého velmi průkazné a snadno sledovatelné doklady. Srov. však na př. i obecně jen dlouhé přežívání dialektů anebo aspoň jejich zbytků v období kapitalismu.

Za čtvrté nejde ovšem nijak o bezprostřední, přímý vztah vývoje společnosti a vývoje jazyka, který by se projevil jako bezprostřední přímý vliv potřeb společnosti na jazyk. Jde na jedné straně spíše jen o šíření jistých jazykových jevů v souvislosti se seskupováním, event. rozdělováním jazykových a nářečních celků podmíněnými koncentrací, resp. tříštěním celků společenských, anebo aspoň některých jejich složek.

Na druhé straně jde o velmi složitý proces, jak jazyk reaguje na zvyšující se anebo aspoň měnící se potřeby společnosti, opět zpravidla spíše výběrem a posilováním prostředků zvlášť vhodných, jejich racionalisováním, připouštěním nebo odmítáním cizích vlivů, jež je odrazem ideologií společnosti, projevujících se jako kosmopolitismus, nacionalismus a pod.

Sama mluvnická stavba jazyka vždy souvisí jen s vývojem myšlení, které se ovšem vyvíjí ve vztahu k vývoji společnosti, ovšem způsobem velmi pomalým.

JOSIP HAMM

PRASLAV. *ě* I NJEGOV IZGOVOR

O ovoj temi, o glasu *ě* i o njegovu izgovoru, pisalo se mnogo, i o njoj ne bi trebalo pisati, da se je o tom izgovoru oblikovalo neko jedinstveno zajedničko mišljenje, koje bi u svojoj osnovnoj koncepciji moglo u svemu zadovoljiti. Međutim, to se nije dogodilo, i mišljenja su u pogledu izgovora prasl. *ě* sve do danas ostala podijeljena: jedni su bili za diftong (Šahmatov, Durnovo, Vondrák), drugi za monoftong (Van Wijk, Ramovš, Trubeckoj), no i kod ovih posljednjih nema sloge, pa van Wijk, iako polazi od srednjega *e*-izgovora, dopušta, da je izgovor *jat*-a iza prijelaza **aj, *oj* u *ě* mogao još neko vrijeme biti otvoren (ä-artig), dok Trubeckoj i Ramovš ostaju kod širokoga *ä* (i samo kod njega). Pritom se svi redom, da bi dokazali svoje tvrđenje, pozivlju na varijante u staroslavenskom jeziku i u ostalim slavenskim jezicima, a tu je, kao što je poznato, bogatstvo refleksa vrlo veliko, pa uz diftonške (prijelazne) oblike obuhvata cijelu skalu prednjih vokala (počinjući od *a* i *'a* sve do uskoga, zatvorenoga *i*). Kod toga je onima, koji su polazili od diftonga (napr. od *ie, je*), posao bio olakšan formalno time, što su mogli i sasvim mehanički naznačiti tri puta, kojima je prolazio razvitak mlađih varijanata: jedan, kod kojega je prevladala prva komponenta, i to je davalo *ikavske* oblike, drugi, kod kojega je prevladala druga komponenta, pa je to dovodilo do *ekavskih* oblika, i konačno treći, koji je u osnovi sačuvao diftong i vodio u različne diftonške *(jekavske* i *ijekavske)* oblike.

Onima drugima bilo je znatno teže, jer je mnogo teže bilo od *ä* doći do *i*, nego što je to bilo doći do *i* od *je*, pa se tu redovno morao pretpostaviti dulji proces s različnim stadijima sužavanja artikulacija, a to je sve bilo dosta komplicirano, osobito kada kod nekih — kao na pr. kod naših čakavaca i štokavaca-ikavaca — nije bilo podataka, da bi u isto vrijeme dolazilo do sličnog sužavanja artikulacije i kod nekih drugih samoglasnika. Pa ipak u novije vrijeme kao da je ova monoftongistička koncepcija počela prevladavati (isp. i Vaillant, Gramm. comp. I, 114).

Jednu od najiscrpnijih rasprava posvetio je ovom pitanju u posljednje vrijeme ponovo Fr. Ramovš *(Fonetična vrednost psl. ě,* Razprave SAZU II, 1944, str. 111—124). On ostaje na svojem starom stajalištu (u ČJKZ VI), tj. da je *ě* u prasl. moralo biti široko, i da od širokoga *ě* treba izvoditi sve reflekse za taj glas u slavenskim jezicima, i kod toga ga nisu mogli pokolebati ni noviji rezultati ispitivanja naših ekavsko-ikavskih čakavskih područja (Jakubinskij, K. H. Meyer, Małecki, Vážný). Ako se međutim uzme u obzir, da je Małecki i za Istru u 88—93% slučajeva (i to uzimljući u obzir samo osnovne oblike; s izvedenicama zajedno ovaj bi postotak bio još i veći) utvrdio podudaranje s pravilom, koje su postavili Jakubinskij i K. H. Meyer, i da je pisac to isto mogao utvrditi i za otočje od Cresa, Lošinja i Suska na jug sve do Oliba, Silbe i Isto, onda samo po sebi postaje jasno, da se tu ne radi o nekim izu-

zecima ili slučajnostima, već da se radi o glasovnom zakonu, i da taj glasovni zakon po prirodi svojoj treba dovesti u svezu sa srodnim pojavama na zapadnoslavenskom (lehitskom) i na istočnoslavenskom (ruskom) području. Ramovšev sud (o. c. 123): »Kar pa se tiče *e*/*i*-dialektov, vidim v njih dialektično mešanje, kakor je že svoj čas mislil Belić (z manjšim poudarkom je ponovil to mnenje v Južsl. Fil. X, 212); kjer so si bili ikavci in ekavci sosedje, tam je mlajši rod prevzel to besedo z *e*, ono z *i*, tako da imamo koncem koncev opravka le z dialektičnimi leksikalnimi izposojenkami, čeprav se na prvi pogled zdi, kakor da bi *ě* doživel v takih pasovih dvojno razvojno pot«, treba odbiti, nažalost, kao površinski i subjektivan, a s njim zajedno pada ujedno i glavna potpora njegove hipoteze. Povezivanje s *o*-prijeglasom (na pr. u poljskom jeziku) i s prelaženjem *ó* u *uo* (na pr. u češkom jeziku) kod toga nema većega značenja, kad već prvoga na pr. nema u bugarskom jeziku, a drugo je pojava, koja je u svezi s duljenjem (i s promjenama, do kojih je kod toga dolazilo) uopće, te za samu prirodu prasl. *ě* i za njegov izgovor ne daje nekih podataka, koji bi mogli biti odlučni. Taj je bio (u prvo vrijeme i svakako još dugo u slavenskim jezicima) različit od *e* te se, premda se i sam ubrajao u *e*-glasove, artikulirao s manjom napetošću, tako da je na nj djelovao suglasnik (ili suglasnik + samoglasnik), koji je stajao iza njega. Ako se ovo uzme u obzir, i ako se uzme u obzir, da je to pojava, koja je za sobom ostavila tragove jednako na zapadnoslavenskom (lehitskom) kao i na istočnoslavenskom (ruskom) i evo kod nas na južnoslavenskom (čakavskom) području, autor ne vidi razloga, zašto se ne bi moglo pretpostavljati, da je *ě* i u praslavenskom (u razdoblju općeslavenske zajednice) moglo imati dvojak izgovor, koji se razlikovao prema tome, da li je suglasnik ili suglasnik + samoglasnik iza njega bio tvrd ili mek. Drugim riječima, on se u općoj koncepciji (ne ulazeći zasad u pitanja akcenata) priklanja Mikkoli, iznoseći mišljenje, da bi dosadašnje unitarističko — monoftongističko ili diftongističko — tumačenje o izgovoru prasl. *ě* valjalo zamijeniti drugim, slobodnijim, koje će funkcionalno — prema glasovnim uvjetima — dopuštati i *dva* refleksa, a ne samo jedan.

ИВ. ЛЕКОВ

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ФЛЕКСИВНИЯ СТРОЕЖ НА СЛАВЯНСКИТЕ ЕЗИЦИ*

Дали в бъдещата сравнително-историческа граматика на славянските езици трябва да заемат важно място и такива явления, които се развиват успоредно по времето на самостойния живот на славянските езици и затова според някои по-уместно за тях би било само съпоставителното разглеждане, е въпрос още не изяснен и той тепърва ще се обсъжда. Както и да е, съществуват подобни явления и то в най-важната съставна част на езика — граматичния строеж, които се дължат или на общи наследствени тенденции в някои от славянските езици, независимо от тяхната географска близост, или — в по-съмнителни случаи — на влияние от чужди езикови системи. Въпреки че неведнъж са правени такива наблюдения, все пак в това отношение каточели действителността е по-богата и възможностите да се открият нови черти за класификация на славянските езици са още твърде многообразни и разностранни. Така, ако се погледне на съвременната граматична структура на славянските езици откъм типологична страна[1] и се потърсят в нея елементи на друг нефлексивен строеж, независимо от произхода на подобни явления, ще се видят признаци на извесната пъстрота, своеобразна неравномерна склонност към присвояване на такива структурни похвати, които напомнят било аглютиниращи, било изолиращи езици. Тези белези, разбира се, могат да се използуват за нови синхронични класификационни схеми, що се отнася до славянската езикова група. Без съмнение такава съпоставка съвсем не подценява и не измества генеалогичната класификация, която запазва своето решително значение и стойност при определяне отношенията между славянските езици, но тя сочи на тенденции, които за днешното описателно сравнение на тези езици имат както частно, така и общо теоретично значение и отбиват напълно старите теории за чисти морфологи-

* Реферат проф. Лекова објављен је и на руском језику у часопису „Вопросы языкознания", 1956, № 2, стр. 18—26.

[1] Оправдание на подобен опит може да се открие и в думите на А. С. Чикобава в Введение в языкознание I² М. 1953, стр. 190, където от марксическо гледище се преценява стойността на типологическата класификация по тоя начин: „Следовательно, морфологическая классификация при всех ее недостатках не лишена определенного значения как для разработки описательной грамматики, так и в плане изучения исторической грамматики соответствующего языка".

чески типове и за строго последователния ред на преход от един тип в друг или най-сетне за предимството на флексивния езиковен тип, който според неправилното мнение на някои бил най-съвършен и представял последна фаза на развитие.

Някои досега разпръснати, несистемни, но полезни сведения за проява на друг нефлексивен начин на граматически строеж, както и новите наблюдения са в състояние да дадат материал и за една съпоставка на тези явления с цел да се подготви почва за отговор на редица въпроси от методологично и фактично естество, свързани както с историята, така и със съвременното състояние на националните славянски езици.

Тук ще се направи опит да се разкрият по-типичните от тези явления, за да се види кои от славянските езици са по-засегнати от тях, какви нови взаимоотношения се очертават и в каква връзка стоят тези факти с досега известните делитбени условия и критерии. С това ще се сложи начало на по-изчерпателни изследвания в тази насока.

Известно е, че чешкият езиковед Vladimír Skalička в Vývoj české deklinace (studie typologická) SPLK 4, Praha 1941, 32 сл., 35 сл., 40 и др. допуска, че индоевропейският език-основа е бил на границата между аглютинация и флексия, но се е развивал към флексивния тип. Това се отнася в областта на склонението особено до източната половина на индоевропейските езици, в която спадат и славянските. Според него, сега се пораждала в тях нова тенденция към аглютинация, а това ще рече, че в тази част от индоевропейските езици могат да се открият както стари, така и нови черти на аглютинация. Между старите черти могат да се посочат следните: делението на склоненията според завършетка на основата, сливането на склоненията, образуване на именителен падеж без окончание. Към новите черти Скаличка причислява типа на чешкото склонение на името *Jiří* свр. род. пад. *Jiřího*, тв. пад. *Jiřím*, израза *svatého Jiří* (само с едно окончание) както в унгарския език и изобщо отсъствието на падежни окончания в титли, а също така и силабичния синхронизъм при прегласите в полски и чешки и най-сетне в пренасянето на окончания от едно склонение в друго, срв. сърбохърватските окончания *-ма* в дат. тв. и м. пад. мн. ч. и *-ом* в тв. пад. ж. р. ед. ч. Освен това той е посочил като отличителни черти на аглютиниращите езици изобщо още отсъствието на синонимия и омонимия, на суплетивизъм, многобройни инфинитиви и причастия, рядка поява на подчинени изречения, несвободен словоред и др. (срв. стр. 4).

Щом като е известно, че аглютиниращите езици изразяват отделните граматични значения с отделни само на тях присъщи наставки, би трябвало да се смята, че там, където в славянските езици, по преобладаващ тип флексивни, се наблюдава подобна тенденция, тя напомня на аглютиниращ граматичен строеж[2]. Тогава по-близко до този тип ще бъдат онези от славянските езици, които са създали по-малко полиморфични и омонимични падежни форми. Без съмнение това още не доказва истинско подобие на аглютиниращия тип[3]. Посъществена изглежда оная черта, в която изпъква твърде честата употреба на инфинитива и причастните форми — особено в старо-

[2] Срв. подобно предложение у W. Doroszewski, Podstawy gramatyki polskiej I, Warszawa 1952, стр. 134.

[3] Така напр. в случая руският и словенският език би трябвало да се смятат за по-флексивни от останалите славянски езици, защото са уеднаквили формите на зв. и им. пад. в ед. ч. Но самата загуба на една падежна форма е вече признак на аналитизъм (изолация). Следователно условността на такива единични съпоставки е очевидна.

българския език — както и склонността към безглаголни изречения и към именната конструкция, заменила изречения със спомагателния глагол *сам* в сег. вр. (срв. рус. *он мастер* и под.). По тази особеност, свойствена на източнославянските езици могат да се извеждат вече по-сериозни заключения относно граматическото развитие на тази преобладаваща част от славянското езиково семейство. Тенденция за изпускане на спомагателния глагол в 3 л. ед. ч. мин. сложно време се забелязва не само в българския език, но особено при възвратни глаголи и при изреждане на повече глаголи в едно изречение и в сърбохърватски, срв. *био један човек*, вм. *био је један човек, родио се*, вм. *родио се је* и под.

Чешкият езиковед К. Horálek в статия с заглавие K charakteristice ruštiny (Kniha o překládání, Praha 1953, стр. 154) като обръща с право внимание на тези черти специално на руския език, без да привежда примери, защото не е имал такава пряка цел, смята, че руският език е по-близък до типа на аглютиниращите езици, с които и географски има по-непосреден допир, отколкото чешкия между друго и поради отслабването на съгласуването (конгруенцията) между главните членове на изречението, въпреки че и в чешки се наблюдава несъгласуваност в съчетания като *bratrovo dům* и под. (срв. V. Skalička, цит. с. стр. 4).

Проява на аглютинация се забелязва при склонението на чужди обикновено по-нови думи от категорията на неприсвоените (нем. Fremdwörter) и особено при лични имена в отделните славянски езици, срв. напр. сърбохърв. род. пад. *Русо-а*, дат. *Русо-у*, тв. *Русо-ом*, род. *Гёте-а, Гёте-у* и т. н.

Интересен остава въпросът дали в старобългарските форми *чтого, чтомоу* и т. н. трябва да се приеме, че се отнася до обикновена аналогия след като фузията е станала причина за т. н. перинтеграция, т. е. за разширение на основата, която е имала окончание — *so*, или че тук се проявява стремеж, подобен на онзи в аглютиниращите езици да се добави свободно ново пълно или непълно окончание към форма, която е имала вече свое окончание. Такива явления се наблюдават и в разни други случаи на славянска почва (срв. словенските форми *dnéva, dnevu, dnevom, dnevi, dnevov* и т. н.).

Свободното съгласуване на числителни имена с други думи в ед. ч. в славянските езици също свидетелствува за стремеж както към аглютинация, така и към изолация.

Представките, както и наставките в славянските езици по своя запазен вид напомнят за аглютинираща тип, но особено в сърбохърватски и отчасти в чешки и словашки има склонност към заличаване на префиксната граница, особено когато се касае до геминация (срв. у мене Фонологичната стойност на удължените и удвоени съгласни в славянските езици, год. Соф. у-т XXXVI, 1940, отд. отпеч. стр. 23—28).

За българския език е типично честото натрупване на глаголни представки, което дава впечатление за словоизменителна аглютинация.

Някои смятат за съществена черта на българския и македонския език начинът на образуване степените за сравнение при прилагателните и наречията с помощта на частиците *по-* и *най-*. Но подобна черта в различна степен е известна и в останалите славянски езици. По-характерна е употребата на тези частици с други части на речта, напр. бълг. и мак. *той е по-майстор от тебе, ти най-играеш от всички* и пр. Словообразователна аглютинация

се наблюдава и при образуването на относителните местоимения със суфикса *-то*, срв. *който, защото, когато* и др.[4]

В по-широк, свободен смисъл признаци на такъв морфологичен строеж биха могли да бъдат съзрени и в следните случаи. В словенския език им. пад. на дв. ч. 1 и 2 л. от личното местоимение показва форми *midva, vidva* и пр. < mi + dva и пр., които са образувани чрез прилепване на числителното име *dva* към местоимението. В словашкия език стремеж към аглютинация се забелязва в образуването на формите за дат., твор. и местен падеж на същ. имена от м. р. — с окончания *-om, -mi/-ami, -och*, и от ж. и ср. р. с окончания *-am, -ami, -ach*. (Срв. Fr. Kopečný, Jazyk český a slovenský. V Olomouci 1948—49, стр. 11 и др.)

Прав е Б. Хавранек, когато в Slavia XVIII, 3—4 (1947—48) стр. 267 споменува в задачите на славянското сравнително езикознание и за изследването на отношението между аглютиниращите и флексивни елементи в склонението. Но не по-малко типични случаи на строежни похвати, известни на аглютиниращите езици, се забелязват и в спрежението на славянските езици. Преди всичко тук изпъква на първо място полският език с формите си за минало време, за условно наклонение, за сегашно време от спомагателния глагол *сам (jestem)*, както и с някои други глаголни форми, произлезли от прилагателни имена, като напр. *winienem, powinienem* и пр.

Полският език се отличава от другите славянски езици по строежа на формите за минало време. Тези форми имат ясна граница между окончания и глаголна основа. Окончанията са прилепени като в типа на аглютиниращите езици. Това се вижда и от ударението в мн. ч., което още не е p e n u l t i m a, понеже формите са все още несрастнали, не представят напълно една лексикална единица, срв. напр. *pracowałem, pracowałam, pracowałeś, pracowałaś, pracowaliśmy* и т. н. Освен това, както е известно, личните окончания могат свободно да се откъснат от глаголната форма и да се добавят до друга част на речта, която предхожда глагола (срв. *I takeśmy pracowały do rana, myśmy to zrobili* и под.)

Същото качество притежават и формите за условно наклонение *pisałbym, pisałbyś, pisalibyśmy* и т. н. В тях подвижната част е долепена до формата на миналото причастие. Тук възможностите за добавка на втората съставна част на думата до други думи в изречението са по-ограничени, но все пак съществуват (срв. двете изречения: *przypuszczam, żebym mógł zrobić* и *dobrze by się zdarzyło)*.

Изразителната и неотдавнашна съставност на тия форми удостоверява пак ударението, което още не е парокситонично.

Аглютиниращa структура се наблюдава и при спомагателния глагол *jestem* < *jeśm* чрез 3 л. *jest* + *em*, както и при глаголи, които са образувани от прилагателни имена и като миналите причастия притежават родови разлики, напр. *winiénem, -eś, winien, winniśmy, -ście, winni, winiénbym, -byś, winiénby* и т. н. (вж. J. Tokarski, Czasowniki polskie, Warszawa 1951, стр. 54—60).

В руския език форми като *идёмте, бежимте*, които отговарят на бълг. *да идемте* и под. в диалектна и разговорна употреба, са типични образувания по типа на аглютиниращите езици. В Современный русский

[4] Срв. наблюденията на Ю. С. Маслов в „О морфологических средствах современного болгарского языка", Ученые записки Ленинградского Гос. университета, № 156, Л. 1952, стр. 172—173.

язык, Морфология I 1952 на стр. 287 са причислени към тази категория и форми като *несите, лягте* за 2 л. мн. ч. повел. наклонение, образувани от ед. ч. *неси, ляг* и пр. А. А. Реформатски в Введение в языковедение, М. 1947, стр. 91 дава като пример за аглютинация и формите с възвратния суфикс *-ся* и подбудителния *-ка*, напр. *двигающихся, пошла-ка ты вон, двинемтесь-ка* и т. н. като добавя: „но для строя русской грамматики это не типично".

В разговорната форма на българския език се появяват случаи на съединение на наречие с глаголни окончания в функция на глагол (напр. *да такова -ме, той е такова-л)*. Явлението тук наистина се дължи на контаминация между наречие и глагол, особено при говорене, съпроводено с разсейване или прекъсване на мисълта, но по резултат то представя аглютиниращa глаголна форма. Така и контаминацията между модалната подбудителна частица *хайде* и напр. глаголната форма *тръгвайте* дава сглобената по типа на аглютиниращите езици форма *хайдете* (срв. у А. Т. Балан, Нова българска граматика, София 1940, стр. 204, 378), която се съгласува със срхр. *ајдемо* и под. Срв. също и бълг. *елате*, пол. диал. *cichojcie*.

Сърбохърватските форми за бъдеще време от рода на *навикнућемо, веселићемо* и под. и формите на украинското потенциално бъдеще като *писатиму* отговарят на същата тенденция, а редуването на сърбохърватските форми за бъд. вр. *йисаћу* с *йћи ћеш бийи йисао* напомня за отношенията, които бяха изтъкнати при разглеждането на полското мин. време и условно наклонение[5].

Най-сетне твърде типичният за българския и македонския език похват на присъединяване на постпозитивната членна форма, която особено в ж. и ср. род ед. ч. и трите рода на мн. ч. има ясно очертана форма *(та, то; те, та)*, би могъл да се тълкува не само като белег на аналитичност, но и като строежна особеност, която напомня аглютинация[6].

За проява на аналитичност, която е характерна за изолиращия езиковен тип, във от множеството известни белези на българския и македонския език, като напр. отсъствие на склонение, на инфинитив, поява на членна форма и др., говорят и редица черти в останалите славянски езици[7]. Главно поради това и В. Виноградов в Русский язык, М. 1947, 37, 167 твърди, както впрочем още Бодуен, Богородицки и Крушевски, че и руският език не е чисто синтетичен. Тук трябва да се припомни най-напред развоят на местния падеж към аналитизъм още в старобългарски, а след това в другите славянски езици. Този падеж все повече заслужава името предложен, защото употребата му без предлог е вече рядкост. Освен това и другите падежи все повече се свързват с предлози, а някои дори и с повече от един или два.

[5] В сърбохърватски значителна роля играят т. н. приставни вокали или добавени по еуфонични причини частици както при имена, така и при глаголи (срв. напр. тв. пад. от добар — добром и доброме; *сйаде* вм. *сйа, хйедох* вм. *хйех* в мин. вр., *ћумадбудем*, покрай *будем имао* в бъд. вр. и др.). Всички тия случаи напомнят аглютинация. За приставните вокали в славянските езици вж. B. Havránek, Сб. MNĚMA, Praha 1926, 353—379 стр.

[6] Ю. С. Маслов в цит. съч. стр. 159, 179, 180, 191 и сл. разглежда членната форма в днешното състояние на българския език като подвижна флексия, а не като истинска аглютинация или аналитическо средство, ако и да признава, че исторически взето тя е признак на аналитизъм.

[7] Срв. новия опит за обяснение на тези черти в споменатите езици у W. Lettenbauer, в Münchener Beiträge zur Slavenkunde, B. IV, 1955, стр. 149—162.

Така напр. в словашкия език се забелязва все по-често употреба на творителния падеж с предлог *s, so* (срв. А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология I, Братислава 1954, стр. 131).

В областта на числителните имена южнославянските езици показват загуба на падежни форми (в сърбохърватски при числителни от 5—10, в словенски при *dve sto* (200), *tri sto* (300), *pet sto* (500).

По типичен случай на аналитизъм представя един от начините на образуване на сравнителна и превъзходна степен в руския език, срв. *более сильный, самый полезный* и пр. По същия начин и в словенския е възможна формата *bolj črn, bolj zdrav* и под. В руския език някои изследвачи допускат, че изрази като *„таким образом"* и под., сравнени със съответните френски, свидетелствуват за разширяване на аналитизма (вж. А. В. Исаченко, цит. съч. стр. 334). Пак в руския език в областта на спрежението изпъква аналитичен граматически похват в образуването на формата за условно наклонение срв. *я пришёл бы*, където думата *бы* е била някога склоняема. За успоредица на руския пример служи в словашки *nesol by som, nesol by si* и т. н. както и подобно образуване в лужишки език (срв. B. Havránek, Srovnávací studium gramatické stavby slovanských jazyků, Slavia XXII 1951, стр. 245).

Самото минало време в руски е образец на аналитична постройка, защото, както е известно, тук личните местоимения заместват афиксите (срв. *я был, ты был* и т. н.).

Най-сетне във всички славянски езици съществуват аналитични форми за израз на бъдеще време и други сложни времена като условно и пр. Развоят на модалните частици и появата на все по-голям брой от сложни предлози и съюзи, особено в някои севернославянски езици подкрепя предположението за усилване на аналитичната тенденция (срв. пол. *z przed, po nad, z nad, zacz, nacz, przecz*, чеш. *tentyž, tyž*, сърбохърв. *дедер, нудер* и т. н.)[8].

Моята цел тук не е да изчерпвам материала, което би било задача на бъдещето, а само да приведа по-разновидни примери. Това засяга и онези черти на славянските езици, които напомнят за свойствата на същинския изолиращ езиковен тип. Към тях спада наличието на неизменяемите думи — наречия, сег. действ. причастия и помощни думи. От броя и честотата на употребата на тези части на речта във всеки славянски език и от тенденциите за тяхното бъдеще разширение зависи и условното установяване на елементите на изолиращия морфологичен тип във флексивния по начало строеж на повечето от днешните славянски езикови системи.

С чертите на полисинтетизма биха могли да се оприличат, твърде условно, процесите, извършени в числителните имена в славянски от *десет* нагоре, както и склонността към образуване на сложни думи, чиито брой е доста голям в руски, полски и др. славянски езици[9].

Изводи

Присъствието на елементи от друг нефлексивен морфологичен тип в структурата на славянските езици не бива нито да се надценява, нито да се

[8] В този случай аналитичната тенденция се кръстосва формално и с полисинтетизма, тъй като в резултат се явява сложна дума, усложнена структура.

[9] Образуването на съставните числителни имена В. Виноградов, Русский язык, М. 1947, 305—306 стр. свързва и с похватите на аглютинацията.

пренебрегва. Най-чувствително са засегнати и дори преобразени от тях българският и македонският език. Тези два езика са предимно аналитични с остатъци от флексивност и със слаби единични признаци на друг морфологичен строеж и то понякога в разговорния стил. Останалата част от славянските езици изобщо продължава флексивния си път, характерен за славянския език-основа, но твърде отрано езици като източнославянските започват да развиват черти на аглютинация и изолация, а други като полски проявяват повече тенденция към аглютинация, отколкото към изолация. Най-късно чешкият език, който е в по-значителна степен флексивен, дава възможност на твърде слаби прояви на аглютинация и на някои аналитични склонности вследствие на фонетични причини в областта на известни склонитбени схеми. Словенският и лужишките езици имат най-незначителни примеси от друг нефлексивен граматичен строеж.

Както се вижда, класификацията от това гледище е твърде условна. Но такава е изобщо и всяка друга класификация на славянските езици. Най-малко условно е онова деление, което различава предимно флексивни от предимно аналитични славянски езици. Между признаците на аглютинация в източнославянски и полски разликата е тази, че докато в източнославянски има повече подобни явления в разни структурни части, но предимно с несистемен характер, в полски те са твърде типизирани в една област — спрежението. Доста противопоставен на аглютиниращите езици е чешкият поради честите си омонимични форми в склонението. Той има по-особена насока на развитие главно вследствие на въздействието на неговите фонетични правила върху морфологичния му изглед. Според някои изследвачи (напр. Н. Трубецкой[10], А. Белић[11] и др.) това води към изолация (аналитизъм), според други — това е признак на аглютинация, а според трети (напр. Скаличка, вж. цит. с., стр. 14) — означава флексивен тип. Всичко показва доколко условна е типологическата характеристика и защо чешкият език може да се смята или за многотипен или за индеферентен към всички морфологични типове, вън от флексивния[12].

В тия явления се отразяват разни епохи на развой. При това от гледище на този развой общонационалните езици и диалектите не съвпадат. Обикновено диалектите водят, т.е. в тях се проявяват отначало чуждите типологични черти (срв. в българския и чешкия език), но това не може да се обобщи в правило. Несвойствените на основния тип черти се разпределят неравномерно в разни структурни части на езика. В славянската езикова група съществува в това отношение сложна и пъстра система на комбиниран типологичен строеж със стари и нови черти на флексия, аглютинация и изолация. Източнославянските езици са най-отзивчиви към типологическото разнообразие и в именната и в глаголната структура, в по-слаба степен такъв характер се стреми да получи и сърбохърватският език; чешкият притежава черти, които се повтарят в разни морфологически типове, полският е засегнат от системна аглютинация в глаголни форми, българският и македонският са аналитизирани в областта на имената, а словенският и лужишките са доста отпорни към чертите на друг нефлексивен морфологически строеж и не без основание са смятани изобщо за най-устойчиви граматически.

[10] N. Trubetzkoy, Sbor. Mat. slovenskej XV (1937) стр. 42.

[11] А. Белић, О језичкој природи и језичком развитку, Београд, 1941, стр. 237.

[12] За многотипна или индеферентна черта би могло да се вземе и членната форма в българския и македонския език.

Причините за това състояние са неедиородни. Разглежданите склонности проникват в различен размер в трите славянски езикови групи. Едни от изследвачите като чели са готови да съзрат тук причини от външен характер — съседство с езици от нефлексивния тип, още повече, че напр. аглютинацията е придимно източно явление (Хоралек, цит. съч, стр. 154). Други обаче с не по-малко сериозни основания могат да твърдят, че това състояние на славянските езици е резултат на вътрешни закони на развитие и има предимно самороден характер. (Към това схващане клони изглежда В. Виноградов, срв. Русский язык, 1947, стр. 37).

Би трябвало да не се отричат изцяло нито първата, нито втората възможност. Сегашното състояние е плод на тяхното сложно едновременно или кръстосано въздействие.

Морфологическата класификация изобщо е много по-относителна и по-несигурна от генеалогичната, но не бива да се изоставя съвсем, въпреки скептицизма към нея, който напоследък се усили (срв. Чикобава, Цит. съч. 150).

Няма строго установен път на развой от един тип към друг, както някога се предполагаше, а именно от изолиращ през аглюлтиниращ към флексивен. За това говорят тенденциите в славянското езиково семейство, в немския език, гдето типична аглютиниращa особеност е добавката на наставки *-keit*, *-lein*, *-schaft* и др. както и в езици като френския, за който L. Tesnière (в. Synthétisme et analytisme, Charisteria Guilelmo Mathesio, Pragae 1932, 62—64) напомни, че се стреми да превърне някои свои аналитични (изолиращи) черти в полисинтетични.

Предположението на L. Novák в Základná jednotka gramatického systemu a jazyková typologia, Turč. sv. Martin, 1936, стр. 9, че между флексивните и аглютиниращи езици близостта е по-голяма, отколкото между изолиращите и полисинтетичните е правилно и намира потвърждение в представения тук макар и скромен по обем сравнителен материал. Но аглютиниращият тип има и доста общи черти с изолиращия, затова би могло да се смята, че проявите на аглютинация във флексивни езици като славянските не съставят промяна по степен така значителна, както проявите на изолиращия тип.

С това се обяснява защо фински и унгарски и особено естонски език са предимно аглютиниращи, но и отчасти флексивни. Обаче развоят на славянските езици показва и своеобразие в по-друга посока, а именно, че в някои от тях, както е известно, има не само стари наклонности и към изолация, но и ново доближаване към този по-далечен на флексивния строеж тип, което в български и македонски достига широки и значителни размери. Затова е прав А. Белић в О језичкој природи и језичком развитку, Б. 1941, 226, 234, 241, 244 и др. когато при характеристиката на приликите и разликите между морфологичните типове допуска съществуването на преходни (смесени) типове.

Но все пак, въпреки типологическата пъстрота, всеки славянски език запазва своите наследени или придобити преобладаващи еднотипни черти. В това отношение съществува успоредица с всички други делитбени критерии в славянската езикова група.

Обстоятелството, че в нея проникват, ако и в ограничено и неравномерно количество, всички типологични черти, отново посочва тясното единство на славянските езици в цялата тяхна история.

В. ТОМАНОВИЋ

О НЕКИМ СЛУЧАЈЕВИМА ДИЈАТЕЗЕ У СРПСКОХРВАТСКОМ И РУСКОМ ЈЕЗИКУ

При проучавању глагола с повратном замеником *се* потребно је да се најпре издвоје, односно сведу на основне компоненте, случајеви који су настали мешањем:

улагати се код кога („sich [durch Lügen] einschmeicheln... удварати се код кога лажима" Ив. Бр.[1]), *улагивати се* = *умилити се, умиљавати се* + *лагати*, тј. умилити се некоме лажући.

ушћулити се на кога („уз-ћули се коњ на кога, кад наћули на њ уши... Па дорату мамну полетио, добар се дорат на њег ушћулио, он се не да себи прикучити" Ив. Бр.) = *узнемирити се, узбунити се* + *наћулити* („надићи, тј. уши" Ив. Бр.), тј. узнемиривши се наћулити уши на кога.

обазрети се = *обазрети* („без ријечице се, тј. угледати, видјети... чагодир очими мојима обазрих. Марулић" Ак. Р.[2]), зрети („у значењу видјети гледати" Ив. Бр. рус. зреть, обозреть) + *обратити се* (рус. обратиться), *обрнути се* (рус. обернуться), тј. обрнувши се погледати.

изрећи се („нехоте изрећи што се није хтјело рећи" „sich verreden" „dico quod nolim dixisse" Ак. Р.) = изрећи („aussprechen" „eloquor") *рећи* + *издати се* („Она се није хтјела издати. Нар. прип." Ак. Р.).

обадати се на кога („окашати се, осијецати се. Говори се у Далмацији на пр. Не обадај се на ме... Тамно," Ак. Р.) = *осијецати се, окашати се на кога* + *обадати кога* („као бости... Гди сваки обада коњица и нука. Бараковић" Ак. Р.), тј. осијецати се на кога као бодући га.

носити се („борити се, рвати се. Из XVIII вијека није се нашло ниједнога примјера. У рјечнику Вукову [носити се с ким, ringen, luctor... пак се носе по пољу широку"] Ак. Р.) - *носити* (некога) + *борити се, рвати се*. Овде се фигуративно претставља рвање као ношење: онај који се рве подиже онога другога (носи га) да би њиме омануо и бацио га на земљу; то исто ради и други уколико у томе успе.

---

[1] Ф. Ивековић и Ј. Брозз, Рјечњак хрватскога језика.

[2] Рјечник Југосл. академије у Загребу.

носити се („исто што одијевати се") = *носити одијело* + *одијевати се*. Место „како се носе код вас" може се рећи: „како се облаче код вас?" или „какво одело носе код вас?"

оставити се (од) кога или чега („rimoversi da qualche impresa" „deserere, derelinquere" Ак. Р.) = *оставити кога што* + *удаљити се (од) кога или чега*. Мешањем с истим глаголима постали су и глаголи: *остати се (од) чега* („removere se ab aliquo negotio" „abstinere se" Ак. Р.), *махнути се чега*.

попасться („П. в капкан... в ловушку... в плен... на удочку" Ушаков) = *попасть* + *уловиться*, тј. пануvши у замку, уловити се. Оваквом објашњењу одговара и значење које овај глагол има по К. С. Аксакову у „попался в сеть": „попался... значит попасться самому, быть пойману", В. В. Виноградов „Русский язык" 612.

плакаться („кому-чему на кого-что") = плакать + жаловаться („на что или с союзом »что«, Ушаков; у српскохрв. *плакати се*: „Да ми се веће Дубьровьчане... на порьту царству ми не плачу Mon. serb." Ак. Р.

Од глагола без *се* могли су постати као рефлексивни:

заговорити се („sich durch Gespräche verweilen... говорећи с ким задржати се, забавити се" Ив. Бр.) од *заговорити кога* („кога, aufhalten durch Gespräche... говорећи с њим *задржати*, забавити га" Ив. Бр.) добивеног од *говорити* + *задржати* кога.

изговорити се („sich entschuldigen" „excuso me") од *изговорити некога* („дати добре или зле, праве или криве, истините или лаживе разлоге тако да објекат не буде већ дужан урадити, или му се опрости што је у истину тобоже скривио управ извадити говорењем" Ак. Р.) добивеног од *извући се* + *говорити*, тј. извући некога из неприлике говором; али су могли постати и самостално: *заговорити се* од *задржати се* + *говорити*, а *изговорити се* од *извући се* + *говорити*.

Ово су појединачни случајеви настали мешањем, сваки на свој начин. Међутим као што су неки случајеви с префиксом постали продуктивни (долајати „доћи лајући" = доћи + лајати, Год. Збор. Фил. Фак. Унив. Скопје II, 1949, стр. 219; отплакати „плачући отићи" = отићи + плакати, стр. 220; исплакати „плачући добити" = извући, измамити + плакати, стр. 225; рус. выплакать и др.; одрадити „радећи надокнадити, платити" = радити + одужити се, стр. 228; рус. отработать) тако су и неки случајеви са *се* постали продуктивни:

прокљувати се („Кокоши пилиће легу... који се из љуске прокљују и излупе" Ак. Р) = *прокљувати* + *извући се* (или кљувати + провући се), тј. прокљувавши извући се (или кљујући провући се).

пробити се („тј. протурити се, протиснути се") = *провући се* + *пробити*, тј. пробивши препреке провући се кроз што. У руском *пробиться* од *пробраться* + *пробить*.

упити се („и. п. упио се крпељ [у месо] sich einsaugen... пијући [чему крв] уљести [у њ]" Ив. Бр. = *увући се* + *пити*, тј. увући се пијући; рус. впиться в кого что = *втиснуться*, *вдвинуться*, *вставиться*, и сл. + пить. Тако и всосаться = втиснуться, и сл. + сосать; присосаться к чему и. = прилепиться, приклеиться + сосать.

сроктати се („свиње се сроkhу, тј. роkhуhи стрче се") = *скупити се* + *роктати*, тј. скупити се уз роктање, Год. Зб. Скп. I 87; тако и *збукати се*, II 224, *срикати се*, *свикати се*.

рус. *допроситься* чего („Добиться чего-н. усиленными просьбами"). = добиться + просить; и многи други глаголи по овом обрасцу.

наспавати се, *наспати се* („satis dormire" „dormire a sazietà" „sich satt schlafen", Ак. Р.) = *наситити се* + *спавати*, рус. наспаться („поспать вдоволь" Ушаков); стсл. **насъпати сѧ** („satis dormisse" Miclosich, Et. Wört.).

По овом калупу настали су многобројни глаголи: *наплакати се* („satis superque flevisse"); рус. наплакаться („поплакать много, вдоволь"); *наследати се* („quardar a sazietà" „sich satt sehen"), рус. наглядеться (= насмотреться „посмотреть вдоволь, до полного удовлетворения"); *наслушати се* („sich satt hören auscultando satior" „наслушаться. Вполне насладиться, насытиться слушанием кого-чего-н." Ушаков. Изрази „a sazietà" „satt" „satiôr" „насытиться" показују да су лексикографи осећали ову компоненту у значењу ових глагола. Глагол наситити се долази и одвојен од глагола на који се односи, дајући с њим исто значење које се добије кад се с њим сложи; нпр. у реченици „нико ни се могао наситити, кад је слушао њега бесидити" Ак. Р., где „наситити" и „слушао" одговарају глаголу наслушати се, те би се иста мисао могла исказати реченицом: нико га се није могао наслушати кад је говорио. У речницима се не даје увек потпуно и тачно значење ових глагола који у исто доба исказују и осећање које прати радњу исказивану глаголом. У Ак. Р. даје им се само значење: учинити нешто у обилној мери, а значење заситити се налази се само у цитатима из других речника који се ту наводе, уколико се у њима налази, нпр. горе наведено тачно значење глагола наслушати се „sich satt hören" цитирано је у Ак. Р. поред нетачног „ascoltare più d'una volta qualche cosa" и непотпуног „diu aliquem ascultare" с којим се слаже и оно које даје Ак. Р. („о слушању у обилној мјери"; овако и за друге глаголе, VII 202).

Мешањем су настали и глаголи типа *бијељети се*. Ови облици имају друкчије значење него облици без *се*: бијељети значи постајати бео, albescere, а бијељети се „albere, candere, просипати бјелоћу од себе, сјати бјелоћом, сјати се од бјелоће" Ак. Р. Овај глагол значи и истицати се белом бојом, какво значење поред споменутих имају и други глаголи ове врсте:

жућјети се („gelb aussehen, flavum esse aspectu, жути се, на чему је што жуто, што се показује жуто, што се сја од жутине" Ив. Бр.; *црвењети се*, „бити црвен и својом црвењу као истицати се rubere"; *зеленети се* („grünen, vireo ... сјати се од зелени" Ив. Бр.); *плаветнити се* („blau sein, sum caeruleus" Ак. Р.); *плавити се* („vide плаветнити се... Ал се небо осмехива, ал се река плави... Можда би добро било поставити инф. плавјети; исп. поплавјети, заплавјети." Ак. Р. тако и плаветњети се); *модрити се*, т. ј. модру бити... замодрити се, чинити се модар, livesco, lividus fio... subnigresco... azzurreggiare, inlividirsi, in blauliche fallen, blaulich werden... blau sein, liveo „љубице, које...

цвату у свибњу модрећи се"; *црњети се* („nigrere бити црн и црноћом својом истицати се" Ак. Р.).

Глаголи овог типа без *се* у руском поред значења добивати неку боју имају и исто значење које и они са *се*. Ови глаголи без *се* са оваквим значењем претстављају старије стање: једним истим глаголом означавало се да нешто постаје бело (albescere) и да се показује као бело (albere). Тако и за друге боје. Пошто ови глаголи означују показивање неке боје, ови облици без *се* могли су овакво значење добити према глаголу свьтѣти lucere = давати светлост, јер је и значење ових глагола слично том значењу: кад се светлост одбија од глатких површина предмета (без обзира какве је боје) изгледа да та светлост избија из тих предмета. Нешто што се из даљине види као бело може потсећати на неку светлост која отамо допире („просипати бјелоћу од себе, сјати бјелоћом"; с оваквим значењем и облици без *се* у руском: „Белеет парус одинокий в тумане моря голубом" цит. Ушаков). Пошто се на овај начин предмети истичу бојом ови глаголи су се почели мешати с глаголима: показивати се, истицати се, виднеться и према њима добивати *се*. „У један пут опази где се нешто кроз помрчину беласа. Нар. прип. Вук" Ак. Р. Овако је добио *се* и глагол светлити: светлити се, рус. светиться, стсл. свьтѣти сѧ („ꙗблько на вѣтвии свьте се"); тако су се добили и облици сјати се, блистати се. Овај нови облик са *се* је добро дошао језичком изразу, јер се на тај начин добила могућност диференцирања споменутих значења. У српскохрв. глаголи бељети, жутјети и др. задржали су значење постајати бијел, жут и др., а облици са *се* истицати се неком бојом. То се види и из наведених дефиниција које нису све једнако тачне. Поред осталог мислим да у дефиниције ових глагола није требало уносити значење „бити бијел" „бити црвен" итд. (за руски у речнику Ушакова се и не налази). Истина, оно што се бели или црвени или плаветни итд. најобичније и има такву боју, али понекад због поменутих оптичких узр ка нема: за неко брдо у даљини кажемо да се плаветни или модри, иако знамо да ћемо када до њега стигнемо видети да није плаветно; за неке делове шуме који су у сенци гледајући их из даљине кажемо да се црне, иако знамо да ћемо кад до њих дођемо видети да нису црни; итд. Значење ових глагола са *се* види се добро из примера као што је стих нар. песме „беле јој се руке до лаката". Овим се не каже да јој руке од лаката даље нису беле, али о томе какве је боје онај други део руке који је покривен овде се уопште не говори, јер се овом формом глагола исказује само импресија која се за време опажања добива од предмета, према томе само оно што се у то време види, доживљује. Зато ови глаголи и дају живост овим претставама у фантазији оних који их примају.

Према овим глаголима направљени су још неки са истом компонентом у значењу: *шаренити се* („bunt aussehen" Ив. Бр.); *златнити се* („wie gold glänzen, auro fulgeo" Ив. Бр.), рус. золотиться; *сребрити се*, рус. серебриться („Виднеться [о чем-н. серебристом]" Ушаков); *стаклити се* („сјајати се као стакло" Ив. Бр.).

Глагол *копаться* („Рыться, копошиться разрывая что-н.") могао је постати од копать + копошиться, шевелиться, али је могао постати

и од копать + заботиться, стараться, како ће бити постали и облици: рыться, стучаться, целиться и др., који поред радње коју врши субјект означују и учешће воље при том раду, заинтересованост, Виногр. Р. я. 635.

Из наведених примера види се да се заменица *се* у овим случајевима не односи на глагол при којему се налази, него на други, сакривени глагол који се с њим путем мешања сложио у једну реч. У свим наведеним случајевима глаголи су хотимично сложени путем мешања, и на тај је начин добивена посебна врста сложене елиптичке речи. Овакав начин слагања развио се из нехотичног мешања какав се налази у случајевима као „апелавати се" (од лат. тал. appellare; Мешање јез. твор. Год. 36. Скп. II 215) итд., где су глаголи који су се помешали исти или скоро исти по значењу. Овде су наведени само неки примери из српскохрватског и руског језика, али они се налазе и у другим словенским језицима, јер претстављају наслеђе из прасловенског језика; међутим има и разлика, јер се овакво слагање речи наставило и доцније и данас се врши. Изналажење ових скривених глагола врло је важно не само ради објашњења историје ових речи него и ради тачнијег дефинирања њихова значења. То утолико више што су словенски језици могућност мешања речи, које је старо као и језик, искористили као најпростије, најслободније и најмоћније средство за језичко стварање.

KAREL HORÁLEK

K PROBLEMATICE SROVNÁVACÍ SLOVANSKÉ LEXIKOLOGIE

Srovnávací studium slovanských jazyků nemůže se dobře obejít bez systematických srovnávacích pomůcek, jako je srovnávací mluvnice Vondrákova. Vondrákovo dílo dnes však plně nevyhovuje a to v takové míře, že již není možno dobře pomýšlet na nějaké její přepracované a doplněné vydání. V novější době vyšly dva srovnávací přehledy slovanských jazyků, které aspoň z části Vondrákovu mluvnici nahrazují. Je to jednak kniha akademika R. Nahtigala Slovanski jeziki (vyšla 1938 v prvním a 1952 v druhém poněkud doplněném a opraveném vydání), jednak Vaillantova Grammaire comparée des langues slaves (první vyšel r. 1950, druhý díl je připraven do tisku). Obě tato díla však dosud zůstávají omezena na hláskosloví a tvarosloví. V syntaxi dosud Vondrákova mluvnice nahrazena není. Toho je třeba litovat tím spíše, že její nedostatky metodické se projevují právě v syntaxi nejcitelněji. Hodnotíme-li oba nové srovnávací přehledy slovanských jazyků s hlediska metodického pokroku, musíme dát rozhodně přednost knize Nahtigalově. Obraz praslovanštiny a vývoj jednotlivých slovanských jazyků v době historické podal Nahtigal na základě hlavních vývojových tendencí a to je třeba považovat za hlavní metodickou přednost nejen proti Vondrákovi, ale také proti Vaillantovi, který v celkovém založení své mluvnice zůstává hodně konservativní, konservativnější ještě než jeho učitel Meillet. Výhodou tradičního postupu, jak se ho Vaillant přidržuje, je, že v knize usnadňuje snadnou orientaci a hledání jednotlivostí.

Jde-li však o hlubší a správnější vědecké poznání, nemůže praktické hledisko při rozvržení látky rozhodovat. Při výkladu jazykového vývoje je třeba stejně jako v popisných mluvnicích vycházet z charakteristiky celkového systému a odlišovat stále rysy důležité od méně důležitých. V uplatnění systémového hlediska by dnes mohlo jíti ještě dále, než šel Nahtigal, na př. tam, kde jde o důsledky hláskových změn pro mluvnický systém. Důslednější uplatnění systémového hlediska usnadní také sledování společenského podmínění jazykových změn a souvislosti vývoje jazyka s vývojem myšlení.

Zvýšený zájem o studium slovanských jazyků, jak k tomu v novější době mimo jiné přispívá mezinárodní postavení Sovětského svazu a růst politického a a kulturního významu Slovanstva, dává vznikat i srovnávacím pomůckám jiného typu. Jádrem některých z nich jsou srovnávací charakteristiky jednotlivých slovanských jazyků, jak jsme na ně zvyklí z různých encyklopedií. Podrobnější charakteristiky slovanských jazyků obsahuje anglická příručka na př. de Brayova

Guide to the slavonic languages z r. 1951. Zaměření na podrobnější informace o jednotlivých slovanských jazycích tu jde však tak daleko, že se charakteristiky mění v jednotlivé stručné mluvnice. Na stručnějších charakteristikách jednotlivých slovanských jazyků je založena polská učebnice Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich, jejímiž autory jsou T. Lehr-Spławiński, Wł. Kuraszkiewicz a Fr. Sławski.

Srovnávací charakteristiky jsou skutečně dobrým uvedením do srovnávacího studia slovanských jazyků a mohly by být také historicko srovnávacím přehledům a mluvnicím připojovány jako shrnující kapitoly, musí však být metodicky dobře promyšleny a musí být také pokud možná jednotně vypracovány. V charakteristikách slovanských jazyků, jak se s nimi setkáváme v uvedených příručkách i jinde, bývá různým způsobem kombinováno historické a synchronní hledisko. Obyčejně se tu vychází ze zvláštností, na nichž se zakládá t. zv. klasifikace slovanských jazyků. Za hlavní nedostatek dosud běžných charakteristik je třeba považovat to, že nevytýkají ani v hláskosloví ani v morfologii a syntaxi základní rysy systémové. Při srovnání popisu mluvnických zvláštností by se dnes mohlo využít výtěžků typologie, pomocí níž by ostatně bylo možno prohloubit i výklady historické.

Z jednotlivých skupin slovanských jazyků disponuje dnes nejpropracovanějšími charakteristikami skupina východní. Přehledně podané charakteristiky ruštiny, běloruštiny, a ukrajinštiny (a také nářečí těchto jazyků), obsahuje na př. známá Durnovova učebnice Введение в историю русского языка, jež vyšla v Brně 1927. V různých obměnách vyskytují se charakteristiky východoslovanských jazyků také v novějších příručkách sovětských, na př. v Avanesovově dialektologii a v Černychově historické mluvnici. Propracovanější charakteristiky východoslovanských jazyků podal polský rusista Kuraszkiewicz v zmíněné příručce a také v knize Zarys dialektologii wschodnio-słowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych (1954). Kuraszkiewicz tu podobně jako Durnovo přihlíží k zvláštnostem lexikálním, ale jen náznakovým způsobem, který nestačí vystihnout celou situaci. Správně Kuraszkiewicz vytýká při charakteristice ruštiny, že se odlišuje od ukrajinštiny a běloruštiny cirkevněslovanskými prvky, to se však netýká jen lexikálního složení. Při ukrajinštině a běloruštině vytýká Kuraszkiewicz jako zvláštnost lexikálního složení jen vrstvu polonismů, což je poněkud zavádějící.

Polonismů je v ukrajinštině a hlavně v běloruštině značné množství, jsou to hlavně různé termíny kulturní a knižní výrazy. Při lexikální charakteristice ukrajinštiny a běloruštiny je však třeba na prvním místě vytknout značný počet slov, které se vyskytují v celé západoevropské skupině, nejen v polštině. Bylo by dobré upozornit také na to, že k odchylkám od ruštiny patří v běloruštině a v ukrajinštině také stará slovanská slova, která byla v ruštině nahrazena východními výpůjčkami i jinak. Sem patří na př. ukr. *чересик*, brus. *чарэвік* (příbuzné s českým *střevíc*), za něž je v ruštině *башмак*, dále na př. ukr. a brus. *вежа* za rus. *башня*, a j. K starým bělorusko-západoslovanským paralelám patří na př. také slovesa *галіць*, rus. *брить*, *трымаць*, rus. *держать* atd. V takových případech vznikly rozdíly posouváním významu slov významově blízkých, jež pak někdy také zanikají. U některých slov a výrazů, jež Kuraszkiewicz uvádí, lze pochybovat o správnosti jejich zařazení mezi polonismy. Sotva lze na př. považovat za polonismy slova přejatá, mají-li spíše ráz mezinárodní, i když se do běloruštiny či ukrajinštiny dostala polským prostřednictvím. Tak je tomu na př. u brus. *прапанаваць*, jež má paralelu nejen v pol. *proponować*, ale i v čes. *propono-*

novati. Také k brus. výrazu *на первы погляд* je obdoba nejen v pol. *na pierwszy rzut oka*, ale i v čes. *na první pohled* jež je celkově brus. výrazu podobě bližší. Polsko-běloruská paralela je tu vlastně omezena jen na tvar číslovky. Podrobnější charakteristiku lexikálního složení běloruštiny obsahuje Lomtevova kniha Белорусский язык (1952), ta si však všímá hlavně starého lexikálního dědictví obecně slovanského, jež tvoří spíše součást základního lexikálního fondu, nikoli základních odlišností od ruštiny.

Není pochyby o tom, že mezery i nepřesnosti dosavadních lexikálních charakteristik slovanských jazyků vyplývají především z okolnosti, že se dosud srovnávacímu studiu lexikálního složení slovanských jazyků věnovalo málo pozornosti. S výjimkou zastaralého pokusu Miklosichova nemáme dosud ani prakticky založený srovnávací slovník hlavních jazyků slovanských, tím méně pak všech. Velké mezery dosud vykazuje lexikální etymologie obecně slovanská i jednotlivých slovanských jazyků. Rozvíjet práci v oboru srovnávací slovanské lexikologie je třeba také s hlediska potřeby nového, šíře založeného přehledu slovanských jazyků, jak o něm nedávno uvažoval prof. S. B. Bernštejn. Plně se ztotožňuji s jeho názorem, že do takového srovnávacího kompendia musí být pojat i srovnávací přehled lexikálního složení. Je to nezbytné nejen proto, že by bez přihlédnutí k lexikální zásobě nebyl srovnávací přehled vývoje slovanských jazyků úplný, ale také proto, že vývoj hláskosloví a gramatického systému souvisí s vývojem lexika.

Souvislost vývoje slovní zásoby s vývojem tvarosloví je dobře vidět na př. na rozdílech mezi t. zv. produktivními a neproduktivními flektivními typy. Omezením produktivnosti na menší počet deklinačních a konjugačních typů změnil se podstatným způsobem celkový ráz mluvnické stavby všech slovanských jazyků. Pro mluvnici mohou mít však velký dosah i osamocené lexikální zvláštnosti. Slovanské jazyky, které neužívají modálního slovesa typu čes. *musiti*, pol. *musieć*, vyjadřují příslušný modální význam zvláštní větnou konstrukcí, jež tvoří jejich výrazné specifikum. Podobná situace je i u jiných modálních sloves, na př. u slovanských ekvivalentů německého *sollen*. Pro východoslovanské jazyky jsou charakteristické syntaktické konstrukce, jež nahrazují sloveso vyjadřující possessivitu.

Vývoj slovní zásoby souvisí s mluvnicí na př. také tím, jak se některá plnovýznamná slova formalisují a stávají mluvnickými prostředky. Takové jevy se zpravidla probírají v historických a srovnávacích mluvnicích odděleně na různých místech, ale mají společnou problematiku gramaticko-lexikální a vyžadují také zpracování souborného, nejlépe v lexikologickém oddílu.

Růst slovní zásoby mívá přímé důsledky i pro hláskosloví. Větší množství přejatých slov může změnit celou hláskovou soustavu. Do jazyka vnikají s přejatými slovy nejdříve t. zv. fonologické cizosti, ty pak časem své periferní postavení v hláskovém systému ztrácejí a mohou pronikat i do slov nepřejatých (starých nebo nově tvořených). V hláskovém vývoji jazyka se obrážejí také vývojové přesuny v kategorii výrazů expresivních a onomatopoických. Tyto výrazy se často vymykají pravidelným hláskovým změnám a komplikují tak celkový ráz vývoje jazyka. Hranice mezi expresivními výrazy a ostatní slovní zásobou je pohyblivá a proto není ani inventář fonetických prostředků omezených na expresivní výrazy neměnný.

Na lexikálních faktech bude možno v srovnávacím přehledu slovanských jazyků, ať již bude celkově či v jednotlivostech řešen jakýmkoli způsobem, začít s výklady o souvislostech vývoje jazyka s vývojem společnosti a také s rozvojem myšlení. Po této stránce je poučné již zjištění, jaký podíl na rozmnožování slovní

zásoby mají různé způsoby tvoření pojmenovacích jednotek. Nejdůležitější je tu poměr přejímání a napodobování cizích slov a výrazů k tvoření samostatnému. Svého času ukázal prof. Unbegaun v dobře podložené studii, jak některé slovanské jazyky dávaly v novější době přednost přejímání cizích slov, jiné zase napodobování (kalkování). Jak se při přejímání cizích slov uplatňují různé kulturně politické zřetele, lze sledovat v dějinách všech slovanských jazyků spisovných.

O rozvoji lexikálního složení slovanských jazyků rozhodují nejen objektivní podmínky a tempo kulturního rozvoje, ale také specifické formy národního uvědomění a myšlení. Zde čekají marxisticky orientovanou srovnávací slovanskou jazykovědu zvlášť odpovědné úkoly. Úvahy o souvislostech mezi jazykovými jevy a národní psychikou byly dosud doménou jen vědeckých diletantů hrubého idealistického ražení. Zde stačí připomenout pokusy Vl. Dvornikoviče a E. Chalupného, které ještě překračovaly daleko průměr. Pro tyto pokusy je charakteristické hodnocení některých fonetických zvláštností a odlišností slovanských jazyků jako přímého výrazu národní psychiky. Český sociolog Chalupný na př. vykládal základní rysy české národní povahy z přízvukování slovního počátku. Z pochybenosti těchto pokusů však ještě nevyplývá, že se v jazykových faktech národní psychika neprojevuje vůbec. Souvislosti s národní psychikou lze nejlépe sledovat právě na zvláštnostech vývoje lexikálního složení. Nejde tu však (aspoň ne na prvním místě) o projevy nějakých vrozených povahových disposic, nýbrž o ovlivňování jazykové politiky různými historickými a situačními determinanty. To je dobře patrno na jazykovém purismu, který se nejvýrazněji projevuje právě v oblasti lexika. Purismus nabývá zvláštních forem u národů, které musely těžce bojovat o svou politickou a kulturní samostatnost. Docela zvláštní ráz mívá pak purismus u národů, které se formovaly v opozici k příbuznému národnímu celku. Při formování spisovné slovenštiny se na př. z opozice proti češtině dávala někdy přednost výrazům málo rozšířeným (provinciálním) před výrazy rozšířenějšími. Někdy se sahalo v takových případech i k výrazům neslovanským, přejatým na př. z maďarštiny. K podobným zjevům docházelo také při formování spisovné běloruštiny a ukrajinštiny, jež stály v opozici proti ruštině.

Ve vývoji lexika je možno vedle jevů, u nichž se tak zřetelným způsobem projevuje vědomá sociálně psychická motivace, sledovat jevy, u nichž zůstává sociálněpsychická motivace polouvědoměná či vůbec neuvědoměná, na př. vliv různých hromadných návyků a zálib. Tu se projevují při rozmnožování zásoby na př. v tom, jak se uplatňují různé derivační typy (afixální, kompoziční, perifrastické a j.) — Z rozdílů mezi slovanskými jazyky je na př. možno po této stránce uvést větší množství kompozit v ruštině. Z vývoje slovanských jazyků je možno jako charakteristický diferenční rys uvést t. zv. substantivisaci adjektiv. Některé slovanské jazyky se tomuto tvoření substantiv vyhýbají, v jiných, hlavně v ruštině, je to způsob značně rozšířený. Pro češtinu jsou příznačná „nepravá" adjektivní substantiva, jež nikdy adjektivy nebyla, na př. ponocný, poklasný, pohodný, výběrčí, lovčí, průvodčí atd.

Na adjektivních substantivech je také dobře vidět souvislost vývoje mluvnice s vývojem slovní zásoby. Adjektivní substantiva vytvořila v slovanských jazycích vlastně nový typ deklinace substantiv. K tomuto deklinačnímu typu se pak připojují někdy i substantiva stará, v češtině sem patří typ *Jiří*, v obecné češtině tato deklinace proniká i neutrum typu *uhlí*. Některá přejatá substantiva tvoří v slovanských jazycích třídu substantiv nesklonných. V novější době rozmnožují v slovanských jazycích třídu nesklonných substantiv slova zkratková.

Za dnešní situace lexikografie a lexikologie bylo by možno podat jen stručný a neúplný srovnávací přehled lexikálního složení slovanských jazyků. K propracovanějšímu obrazu se nedostává nejen historických a etymologických slovníků některých slovanských jazyků, ale také základních slovníků, zachycujících dnešní či prostě novodobý stav. Má-li se srovnávací lexikologie slovanských jazyků ustavit a rozvíjet, musí být intensivně pracováno na lexikálním zpracování jednotlivých slovanských jazyků, a to především těch, které dosud základní slovníky nemají.

VINCENT BLANÁR

LEXIKOLOGICKÁ A GRAMATICKÁ PROBLEMATIKA VLASTNÝCH MIEN

Vlastné mená tvoria svojráznu vrstvu v slovnej zásobe jazyka. Onomastika skúma vlastné mená ako materiál, ktorý poskytuje svedectvá pre sídlištné dejiny, pre spoločenské a hospodárske dejiny nositeľov. Vlastné mená možno skúmať tiež ako osobitnú skupinu pomenovacích prostriedkov, teda z hľadiska čisto jazykovedného. Takýto rozbor je súčasťou celkovej charakteristiky daného jazyka. Niet pochýb, že z dosiahnutých výsledkov bude ťažiť i bádanie onomastické. V tomto príspevku budeme charakterizovať vlastné mená z hľadiska jazykovedného.

V prvej časti sa pokúsime zdôvodniť — vychádzajúc z teórie odrazu — zvláštnosti vlastných mien rázu všeobecnejšieho, ktorých korene siahajú ku gnozeologickému rozdielu medzi apelatívami a vlastnými menami. V druhej časti poukážeme na jazykovedné osobitnosti vlastných mien konkrétneho jazyka.

Veci ponímané ako samostatné sa odrážajú v jazykovom pomenovaní dvojako: 1. pomenúva sa druh, rod, skupina bez odlišovania jednotlivých príslušníkov druhu, rodu, skupiny (*dom, zviera, mládež*), 2. pomenúva sa jedinečná vec ako kvalitatívne odlišná (*obloha, nebo...; Váh, Trnava, Ivan Gáfrik...*).

Zmyslové skúsenosti sa zovšeobecňujú tvorením pojmových abstrakcií. Pojmové zvládnutie skutočnosti sa upevňuje jazykovými prostriedkami, slovami[1]. Takže pomenúvanie javov vonkajšej skutočnosti predstavuje vlastne poznávací proces. Dva spomenuté pomenovacie postupy odpovedajú dvom druhom pojmov, ktoré sa v logike odlišujú. V prvom prípade ide o slovné vyjadrenie všeobecného pojmu, v druhom prípade o slovné vyjadrenie jedinečného pojmu.

Jazykovým názvom pre jednorodné predmety je apelatívum. Pretože pojmová náplň slova je v podstate zovšeobecnením zmyslových skúseností, významová stránka apelatívneho podstatného mena má priamy vzťah ku skutočnosti. Označuje sa vo zvukovej forme, ktorá má znakový ráz. Apelatívne podstatné meno má všeobecný lexikálny význam, keď je izolované. Jeho význam sa konkretizuje v syntagmatickom spojení vo vete; tu sa uplatňuje určitý vecný vzťah. Porov. napr. zachytenie významovej stavby slova *dom* v slovníku spisovného jazyka a jeho určitý význam vo vete: *Z diaľky spoznal svoj otcovský dom.*

[1] Porov. napr. K. Horálek, *K theorii pojmenování*, Lexikografický sborník, Bratislava 1953, 9-19, najmä 11.

Pri pomenúvaní jedinečných vecí ide o najdetailnejšie vydeľovanie javov skutočnosti. Tu treba odlišovať nekoľko prípadov. Jedinečný abstraktný pojem sa vytvára len bližším určením abstraktného podstatného mena: *moja prvá spomienka, veľký omyl, Puškinova smrť* a pod. Podstatné mená, ktoré sú slovným vyjadrením jedinečných konkrétnych pojmov, majú takto úzko vymedzený rozsah pojmu ako lexikálne prvky, a nielen v syntagmatickom spojení. Vzhľadom na vzťah pojmového obsahu ku skutočnosti s apelatívami sa zhodujú také jedinečné podstatné mená ako: *obloha, nebo, mesiac, peklo* a i. Osobitnú skupinu tu predstavujú vlastné mená.

Na rozdiel od uvedených jedinečných konkrétnych pojmov (*obloha, mesiac*) vlastným menom vyjadrené pomenovanie označuje jedincov na pozadí príslušného druhového pojmu. Napr. názvami *Váh, Nitra, Dunaj...* sa vzájomne odlišujú jedinci na pozadí genus proximum „rieka". Označovanie jedincov určitého druhu na rozdiel od ostatných druhových príslušníkov možno hodnotiť ako zvláštny, príznakový spôsob pomenúvania. Vyplýva z osobitných spoločenských potrieb. Napr. potreba presnejšej orientácie priviedla už v staroveku človeka k pomenovaniu jeho sídlisk, riek, hôr, v ktorých sa pohyboval, v novšej dobe dostávajú osobitný názov i chotáre, cesty, medze atď. Vzťah medzi pomenovanou vecou a názvom je vždy jedinečný a býva i právne zachytený. Spomeňme len administratívnoprávnu závažnosť pomenovacieho aktu pri osobných menách. Bezprostredné spojenie medzi vecou a názvom má vplyv na zvukovú stránku názvu. Ak ide o oficiálny styk, úradná forma mena sa používa aj v inorečovom prostredí. Iba staré geografické názvy, ktoré často používalo inorečové spoločenstvo, zdomácneli v podobe prispôsobenej domácemu fonologickému systému a domácej pomenovacej sústave: nem.[2] *Wien* — sl. *Viedeň*, č. *Vídeň*, r. *Вена*, b. *Виена*. Iným prípadom je samostatné pomenovanie predmetu niekoľkými inorečovými kolektívmi napr. *Deutschland, Allemagne, Nemecko*. Charakter spojenia medzi vecou a názvom má svoj dôsledok ďalej v tom, že vlastné mená nedržali vždy krok s vývinom obdobných útvarov apelatívnych. Niekoľko príkladov: Vo vlastnom mene sa uchoval archaický odvodzovací základ: sl. rod. m. *Šuja* (*šuj-*), m. m. *Hričov* (*hrič-*); archaická je morfematická stavba názvu vďaka prípone: sl. pom. m. *Turecká dolina* (k *Turiec*) oproti dnešnému adj. *turčiansky*, sl. rod. m. *Uhrín, Uhrinka* oproti dnešnému *Uhor* a pod. Vplyvom pravopisu sa udržalo *au-* v č. rod. m. *Auředníček, Autrata*.

Osobitne sa treba zmieniť o vzťahu apelatívneho významu k pomenovanému objektu. Na pomenovanie jedinečnej veci sa používajú prostriedky už jestvujúce v jazyku. Ide o akýsi druhotný jazykový plán. Často sa tvorí vlastné meno z cudzieho odvodzovacieho základu. Početné vlastné mená sú utvorené od domácich apelatívnych základov. Ako sa tu využíva apelatívna významová stránka odvodzovacieho základu? Jednotná, všeobecne platná zásada sa nedá formulovať. Vzťah medzi apelatívnym významom názvu a pomenovaným objektom treba sledovať vo vývine a v jednotlivých skupinách vlastných mien.

Pri samom prvom pomenovacom akte bolo vlastné meno výrazom istých pomenovacích okolností. Z jazykovej formy geografických názvov sa uvažuje pri toponomastickom štúdiu na pôvodné sídliskové okolnosti. Základ geografického názvu poukazuje na pôvodnú veľkosť lokality, na jej tvar, ráz, polohu, na povr-

[2] Používame tieto skratky v príkladoch: *sl.*: slovenský, *č.*: český, *pol.*: poľský, *r.*: ruský, *sbch.*: srbochorvátsky, *b.*: bulharský, *nem.*: nemecký; *m.m.*: miestne meno, *rod.m.*: rodinné meno, *pom.m.*: pomiestne meno.

chové útvary, významom odvodzovacieho základu sa ďalej poukazuje na svet rastlinný, živočíšny, na kultúrnu činnosť človeka, zamestnanie obyvateľov a pod. Miestne mená odvodené od osobných poukazujú rozličnými morfologickými typmi názvu na hospodársko-spoločenské vzťahy obyvateľov v dobe zakladania osady (porov. význam patronymických a posesívnych prípon vo výstavbe miestneho mena, osobné mená bez prípony v platnosti miestneho mena)[3]. Priebehom ďalších storočí sa vyvíja hospodársko-spoločenské zriadenie tamojšej spoločnosti, v súvislosti s tým rastie osada a viac alebo menej výrečným svedectvom dávnych zakladateľských pomerov zostáva typ miestneho mena. Zmenené vlastnícke pomery našli len niekedy výraz v zmene prípony; k osobnému menu sa pridala prípona, ktorá vyjadrovala živé vlastnícke vzťahy, napr. osada, ktorá sa uvádza r. 1113 bez prípony *Trebeta*, má dnes formu *Trebatice*. No pri dnešnom používaní geografických názvov sa tieto etymologické vzťahy neuvedomujú a nie sú dôležité. Ešte jasnejšie sa to prejavuje pri osobnom pomenovaní.

Základ osobného mena charakterizoval pôvodne telesnú, prípadne duševnú stránku človeka, jeho zamestnanie, stav, činnosť, rodinné vzťahy, pôvod, využilo sa porovnanie s oblasťou živočíšnou alebo rastlinnou. Po ustálení rodinných mien, pri ktorom rozhodujúcu rolu hrali súkromnoprávne a štátoprávne záujmy[4], pôvodná motivácia sa v nasledujúcich generáciách stráca. To znamená, že sa zrušil vzťah medzi apelatívnym významom rodinného mena a pomenovanou osobou. (Osoba, ktorá sa volá *Mäsiar*, môže byť *kovácom*.) Odteraz je také rodinné meno iba pomenovaním príslušnej osoby v pomere a na rozdiel od iných príbuzných a nepríbuzných osôb. S tým súvisí hodnotenie morfematickej stavby názvu. Rodinné meno *Mäsiarik* v ďalších generáciách neoznačuje nejakého „malého mäsiara", ako to je pri apelatívnej forme *mäsiarik*, ale ako jazyková forma slúži na odlíšenie osoby *X* od iných osôb tamojšieho spoločenstva. Podľa toho možno urobiť záver, že tvary rodinných mien, ako: *Mäsiarik, Malovec, Petrikovič*... sú len historicky rozčleniteľné na morfémy *Mäs|iar|ik, Mal|ov|ec, Petr|ik|ov|ič*. Pokiaľ ide o významovú stránku týchto koreňných a odvodzovacích morfém, ich porovnanie s pomenovanou skutočnosťou ukazuje, že apelatívne hodnotenie tu nie je na mieste, ide skôr o útvary morfematicky nerozčleniteľné[5].

Ak hľadíme na vlastné meno ako na prvok príslušnej pomenovacej sústavy (teda z hľadiska jeho sociálnej úlohy), apelatívny význam pomenovania je irelevantný. V tomto zmysle hovorí J. M. Galkina-Fedoruková, že vlastné mená sú len signály alebo znaky, lebo nemajú predmetno logický význam. Ide dokonca tak ďaleko, že im upiera pojmový obsah („neobsahujú logické pojmy")[6].

Doteraz sme hovorili o všeobecnejších znakoch vlastných mien, ako vyplývajú z ich gnozeologickej podstaty a sociálnej platnosti. Špecifické zvláštnosti vlastných mien sa dajú sledovať v jednotlivých jazykoch. Tu sú dané konkrétnym jazykovým systémom a osobitnými pomenovacími okolnosťami. V ďalšom poukážeme na zvláštnosti gramatickej a lexikálnej stavby slovenských vlastných

[3] Pozri napr. J. Stanislav, *Zo slovenského sociálneho miestopisu*, Jazykovedný sborník V, 1951, 58—96.

[4] J. Melich, *Családneveinkről*, Magyar nyelv XXXIX, 271, 273.

[5] Nevzťahuje sa to na tzv. živé pomenovanie. Pretože sa takéto názvy tvoria a používajú (najčastejšie ad personam) v rámci užšieho spoločenstva, za názvom stojí určitá známa osoba. Meno je tu výrazom známych pomenovacích okolností. Porov. *Krivý, Ryšo, Jožino Pekaríkov*.

[6] J. M. Galkina-Fedoruková, *Slovo a pojem ve světle učení klasiků marxismu-leninismu*, Sovětská věda — Jazykověda II, 1952, 263.

mien, sčasti budeme tiež uvádzať inoslovanské paralely. Vyčerpávajúca charakteristika sa z tohto hľadiska doteraz nepodala, preto budem využívať najmä výsledky svojho výskumu na slovenskom materiáli[7].

Pred relatívne najťažšie úlohy sa dostáva jazykové pomenovanie tam, kde treba pomenovať najväčšie množstvo jedincov. Vlastné mená môžeme rozdeliť do 3 skupín: 1. *geografické mená*, 2. *mená živých bytostí*, 3. *mená iných jednotlivostí* (spolky, spoločnosti, úrady, inštitúcie, mená sviatkov a pamätných dní, mená kníh a časopisov a i.). Z týchto troch skupín ako najtypickejšia sa javí prvá. Pri druhej skupine (špeciálne pri úradných osobných menách) ide o ďaleko najväčšie pomenovacie potreby. Časť názvov tretej skupiny má najužší vzťah ku všeobecným podstatným menám; o tom bude reč ďalej.

Teda jazykové prostriedky sú najviac zaťažené pri osobných menách. Pomenovanie osôb sa vyvinulo v osobitnú sústavu, keď sa príslušnosť k pokrvnému príbuzenstvu začala vyjadrovať menom. To sa deje dedičným rodinným menom. Pri úradnom osobnom pomenovaní *využitie jazykových prostriedkov závisí nielen od systému príslušného jazyka, ale aj od rázu pomenovacej sústavy*. Porovnajme dvojmennú sústavu, ktorá sa používa napr. v sl., č., poľ. s bulharskou trojmennou sústavou. Ide nám o ten menný typ bulharskej trojmennej sústavy, v ktorom stojí na poslednom mieste meno dedovo, a nie dedičné meno. Príklad: *Никола* (individuálne krstné meno) *Петков* (posesívna forma otcovho krstného mena) *Стоянов* (posesívna forma dedovho krstného mena). V našej dvojmennej sústave sa označujú členovia pokrvného príbuzenstva rôznymi krstnými menami pri nemeniacom sa mene rodinnom. Pritom sa nevyužívajú tvaroslovné schopnosti jazyka, lebo krstné mená sa vyberajú z pomerne ustálenej zásoby názvov. Je to záležitosť lexikálna: *Ján Stacho, Martin Stacho, Štefan Stacho*. Hoci sa príbuzenským rozvrstvovaním a rovnakým pomenovaním nepríbuzných osôb už v dobe vzniku rodinných mien utvárajú v praxi zložitejšie pomenovacie pomery, v zásade platí, že pokrvne nepríbuzné osoby sa odlišujú nerovnakým rodinným menom. Rodinné meno sa líši tvaroslovnou štruktúrou (*Pekár, Pekárik, Pekarovič...*), alebo je to nový lexikálny prvok (*Spevár, Mráz, Michalík*). Pomer a druh nových lexikálnych prvkov a foriem tvorených derivačnými prostriedkami závisí nielen od príslušného jazykového systému, ale aj od samotnej pomenovacej schémy. Potvrdzuje to uvedená bulharská trojmenná sústava. Pre ňu je príznačná neustála fluktuácia nededičných mien. Schéma generačného vývinu bulharského mena vyzerá takto:

I.	Никола	Петков	Стоянов
II.	. . . . .	Николов	Петков
III.	. . . . .	. . . . .	Николов
IV.	. . . . .	. . . . .	. . . . .

V štvrtej generácii sa stratil z trojčlenného mena i posledný prvok. Ale zaniknutý člen sa hneď vyrovnáva novým, a tak tento pomenovací spôsob poskytuje pre súčasnú dobu dostačujúce možnosti odlišovania, pravda pri nevýhode, že sa rodová kontinuita nemôže signalizovať rovnakým menom ani len pri pokrvne príbuzných

[7] Porov. moju prácu *Príspevok ku štúdiu slovenských osobných a pomiestnych mien v Maďarsku*, Bratislava 1950, str. 138 + [II] a moje štúdie: *K jazykovej výstavbe slovenských rodinných mien*, Jazykovedný sborník I/II, 1946-47, 26—38. — *Poznámky k morfematickej štruktúre slova*, Recueil linguistique de Bratislava I, 1949, 179—189. — *Skloňovanie cudzích rodinných mien v spisovnej slovenčine*, Slovo a tvar I, 1947, 70—80. — *Z ortografickej problematiky osobných mien*, Linguistica Slovaca IV-VI, 1946-48, 90—106.

členoch. Táto bulharská menná sústava je vybudovaná na princípe individuálnych krstných mien. Inventár krstných mien je širší ako napr. v slovenčine. Na rozdiel od pomerov v sl., č., poľ. je nápadné, že tvary, ktoré by sme v spomenutých jazykoch hodnotili ako hypokoristiká k jednému základnému krstnému menu, v bulharčine značia „intelektuálne" krstné mená a ako také môžu potom stáť na ktoromkoľvek mieste trojčlenného názvu, napr. *Митро — Мито — Митко* (k *Димитър*), *Петруш — Петко — Пейо* (к *Петър*); porov. *Иван Петров Петрушев, Васил Митов Митков*. Ale pri porovnaní bulharských krstných mien so sl., č., poľ. rodinnými menami vidíme, že derivačné schopnosti bulharčiny nie sú pri osobnom pomenovaní tak využité, ako je to v uvedených jazykoch.

Dvojčlenné a trojčlenné pomenovacie sústavy podstatne uľahčujú zaťaženie jazykových prostriedkov pri pomenúvaní tisícov, ba až miliónov osôb v jednom štátnom spoločenstve. Na vylúčenie dvojznačnosti sa v úradných aktoch pridávajú k názvu nacionále dotyčnej osoby.

Z gramatickej a lexikologickej problematiky slovenských vlastných mien.

Zo základného významu vlastných mien vyplýva predovšetkým osobitný pomer ku kategórii množného čísla. Množným číslom všeobecného podstatného mena sa označuje viacero jednorodných predmetov, ktoré sa nechápu ako kvalitatívne odlišné: *Stroje sa pohli.* Pretože sa vlastným menom označuje jedinečný predmet ako kvalitatívne odlišný od iných predmetov toho istého druhu, tvary plurálu môžu dostať význam odlišovacích prostriedkov a môžu sa využívať na rozšírenie inventára názvov. Mnohé slovné základy sa používajú v tvare jednotného i množného čísla, napr. *Bariná — Bariny, Hrabina — Hrabiny, Vŕšok — Vŕšky*, pričom veci pomenované názvom v jednotnom i názvom v množnom čísle sa chápu ako samostatní jedinci. Plurál sa využíva lexikálne pri miestnych a pomiestnych menách. Pri slovenských geografických menách sa použili tvary množného čísla ako lexikálny prostriedok na pomenovanie osobitného predmetu asi v jednej tretine skúmaných názvov[8]. S podobným využitím plurálu sa stretávame pri tých skupinách apelatív, kde nemožno pomenúvať počet predmetov, ale kde sa hodnotí miera, kvalita a pod. Porov. mená látky: *víno — vína, žito — žitá*, abstraktá: *láska — lásky, pamäť — pamäti.*

Odlišné je využitie plurálu osobných mien. Plurál je bežný v takomto použití: *Dnešný deň patrí Jozefom, Annám.* Uvedenými množnými tvarmi sa označuje viacero nepríbuzných osôb s rovnakým krstným menom. Príbuzenský vzťah sa vyjadruje tvarom rodinného mena, ktoré je rozvité odvodzovacou príponou *-ovci: Kalíkovci.* V tomto druhom prípade sa pomenúvajú príbuzné osoby s rodinným menom *Kalík* ako koletívny súhrn jedincov[9]. Preto sa v týchto tvaroch neuplatňuje gramatická kategória rodu. Tvarmi *Kalíkovci* sa zahrnujú mužskí i ženskí nositelia.

K využitiu kategórie rodu. Pri miestnych a pomiestnych menách sa uplatňuje gramatický rod, pri osobných menách je zhodný gramatický rod s prirodzeným. Mužskí nositelia majú meno mužského rodu, ženskí nositelia meno žen-

[8] Pozri môj článok *Kategória množného čísla*, Jazykovedný sborník IV, 1950, 89—99, najmä 95—96.

[9] V sémantickom systéme podstatných mien sú s množným číslom zviazané rozličné významy a odtienky, z ktorých stoja oproti sebe dva základné: označenie rozčleneného množstva jedincov a kolektívneho súhrnu alebo celistvej masy jednorodných predmetov. Porov. В. В. Виноградов, *Русский язык* (Грамматическое учение о слове), М.—Л. 1947, 156, 166.

ského rodu bez ohľadu na zakončenie a gramatický rod základu v apelatívnom použití, porov.: *zrelá hruška — priateľ Hruška, tenké bidlo — Anton Bidlo.*

Samostatný rod majú mnohé tvary, ktoré v platnosti apelatív patria k iným čiastkam reči. Bohatá substantivizácia iných čiastok reči, pre ktorú niet obdoby v apelatívnom použití, patrí k typickým prostriedkom pri výstavbe pomenovacích prvkov v tejto oblasti. Ako vlastné mená fungujú predovšetkým adjektívne tvary: sl. rod. m. *Tichý, Plachý,* m. m. *Hlboké,* slovesné tvary: sl. rod. m. *Odstrčil, Kopala; Oberaj, Rozhoň,* č. *Nevím, Nesý,* zriedka i iné čiastky reči, napr. príslovka (č. rod. m. *Tenkrát*), prípadne predložkové väzby: sl. *Odvody, Bezloja, Prezbruch, Zatroch* a slovné spojenia: č. *Nevímsám, Skočdopole.*

V každodennom styku sa s novou osobou a vecou dostávajú do jazyka mnohé cudzie vlastné mená. Zdomácňovanie geografických názvov ukazuje, že rod nových podstatných mien sa ustaľuje podľa ich zakončenia. Na základe zakončenia sa priraďuje vlastné meno k niektorému produktívnemu vzoru. Tak sa napr. stáva, že české miestne mená na mäkkú spoluhlásku, ktoré sú v spisovnej češtine ženského rodu, do slovenčiny sa preberajú ako maskulína; napr. m. m. *Choceň, Třeboň, Olomouc, Třebíč* sú v spisovnej slovenčine mužského rodu.

Pri niektorých slovotvorných typoch miestnych mien nastala v priebehu vývinu zmena gramatického rodu. Napr. miestne mená na *-ici, -ovci, -inci* označovali pôvodne základom názvu pomenovaných príslušníkov pokrvného príbuzenstva, ktorí boli dedičmi obývanej osady, spolu s ich služobníctvom, napr. *Trebatici* k os. m. *Trebata, Levici* k os. m. *Leva, Košici* k os. m. *Koša, Beharovci* k os. m. *Behar.* Tieto miestne mená boli mužského rodu. V ďalšom vývine sa premenili pôvodné vlastnícke pomery sídliska natoľko, že názvom osady sa viac nepomenúvali držiteľské vzťahy, ale názov zostal „len" pomenovaním osady. Tým boli dané podmienky ku zmene rodu. Do tvaru nominatívu prenikla akuzatívna koncovka: *-ice, -ovce, -ince* (napr. *Trebatice, Levice, Košice, Beharovce, Špačince*) a mená sa priklonili k ženskému skloňovaniu; bola tu opora v domácich apelatívach na *-ica* (*pivnica, vinica, lavica*)[10].

Kategória pádu. Vlastné mená sa skloňujú na pozadí domácich apelatívnych vzorov. V skloňovaní sa uplatňujú živé morfologické tendencie príslušného jazykového systému, preto sa pri skloňovaní vlastných mien v jednotlivých slovanských jazykoch stretávame s viacerými odlišnosťami. Nemyslíme tu na prípady, ktoré vyplývajú z typologických rozdielov medzi slovanskými jazykmi (napr. menné skloňovanie v bulharčine a makedónčine). Dobrým príkladom na porovnanie je skloňovanie cudzích vlastných mien v ruštine a slovenčine.

V syntaktickom použití slovenských vlastných mien sa prejavuje tendencia: vlastné meno zásadne skloňovať. Táto tendencia je veľmi výrazná pri osobných menách, menej výrazná pri miestnych menách. Vlastné mená sa začleňujú podľa svojho zakončenia k príslušným domácim paradigmám. Nedomáce mužské mená, ktoré sa končia na iný vokál než *-a, -o* (inými slovami, ktoré majú iné zakončenie ako domáce apelatíva), majú zvláštne skloňovanie. Toto skloňovanie sa dá zhrnúť do nasledujúceho pravidla: 1. Mená vychodiace na krátky alebo dlhý predný vokál skloňujú sa zámenne; vzor *Škultéty, -ho, -mu. . .* 2. Mená, ktoré sa končia na krátky, prípadne dlhý zadný alebo labializovaný predný vokál, skloňujú sa podľa vzoru *Sardou, -a, -ovi. . .* Nedomáci ráz deklinácie v prvom prípade zdôrazňuje pri-

[10] Porov. E. Paulíny, *Rod pomnožných miestnych mien v spisovnej slovenčine,* Sborník: Studie a práce linguistické I, Praha 1954, 154—161, najmä 155, 158.

dávanie zámenných koncoviek k nezmenenému derivačnému základu, v druhom prípade heterosylabické spojenie dvoch vokálov na hranici korennej a koncovkovej morfémy. — V spisovnej ruštine, ktorá sa podľa A. V. Isačenkovej charakteristiky od spisovnej slovenčiny odlišuje menšou tvaroslovnou a slovotvornou štandardnosťou[11], je omnoho vyššie percento nesklonných vlastných mien. V ruštine sa skloňujú len tie podstatné mená, ktoré sa vzhľadom na zakončenie ľahko dajú zaradiť k niektorému produktívnemu vzoru. Preto sa v ruštine nevytvorili osobitné paradigmy pre nedomáce osobné mená a nesklonné zostávajú mená ako: Верди, Линде, Гюго, tiež ukrajinské mená na *-o:* Шевченко, ruské rodinné mená typu Дурново a iné.

Zvláštnosti v stavbe názvu. Medzi vlastnými menami sú početné útvary, ktoré nie sú známe v intelektuálnom slovníku spisovného jazyka, ale ako individualizované názvy dobre plnia svoju úlohu. Najosobitnejšími črtami sa vyznačuje morfematická štruktúra osobných mien, pretože tu sú pomenovacie potreby najväčšie. Nakrátko poukážeme na osobitnosti v stavbe slovenských rodinných mien.

V porovnaní s intelektuálnou slovnou zásobou je rodinné meno novým útvarom vzhľadom na *výber lexikálnych prvkov.* 1. Základom rodinného mena je apelatívum a) interjekcionálnej oblasti jazyka (*Bzduch, Fučala, Gambár, Trlaj...*), b) archaizmus (*Rarek* k *rarъ* „huk", *Taten* k *tatь* „zlodej", *Krupa* ku *krǫpъ* „malý"), c) úradný ráz si podržali mnohé nárečové formy (*Bílý, Slifka, Zámečník, Oríšek...*); 2) až dve tretiny rodinných názvov tvoria mená, ktorých základom je nomen proprium (*Tomaško, Jančák, Francúz, Vajnorák*). Uvedené skupiny názvov podstatne obohacujú menný inventár lexikálne.

Odvodzovací základ sa môže rozširovať príponou, ktorá sa používa len v oblasti osobných mien (*-e, -ie, -enčík, -inovič, čoško* a iné), napr. *Brankovič, Jančoško, Videnčík.*

Rodinné meno je nový útvar morfematickou štruktúrou. 1) Sl. *Starigazda, Novikmec,* č. *Malypetr, Slabihoud.* Menami tohto typu sa rozširujú kompozitá o druh, ktorý nie je známy v apelatívnej oblasti. Dva členy menného kompozita nie sú spojené s morfémou *-o-* (porov. *nov-o-tvar*). Hlavný prízvuk je len na prvej slabike prídavného mena, napr. *Starigazda* atď. Spojenie funguje ako jedno slovo. Vidíme to zo skloňovania: sl. *Starigazda, Starigazdu, Starigazdovi. . .* , č. *Malypetr, Malypetra, Malypetrovi . . .* , 2) Výraznú tvaroslovnú skupinu predstavujú rodinné mená typu: *Malovec, Chudík, Holeš, Duchoň.* Apelatívny základ je rozšírený apelatívnou príponou. V intelektuálnej slovnej zásobe poznáme odvodzovací základ i príponu v iných spojeniach, ale nie je doložené spojenie práve týchto dvoch morfém v jedno slovo.

Medzi našimi rodinnými menami sú napokon také útvary, ktoré sa odlišujú od apelatív intelektuálnej oblasti nie morfematickou stavbou, ale hodnotením tejto morfematickej stavby. Napr. tvary sl. *starých, za troch,* č. *řež, stůj* sa hodnotia ináč, ak ide o tvary apelatívne, ináč ak sú to jednotky v pomenovacej sústave našich osobných mien. Ako osobné mená charakterizuje ich v tejto podobe kategória muž. rodu, životnosti, 1. pádu a jednotného čísla.

Chcel by som ešte upozorniť na jeden metodický problém. Ak porovnávame pomer všetkých názvov a ich odvodzovacích základov, ukáže sa, do akej miery je zaťažený lexikálny výber a koľko prípadov pripadá na odlišovanie odvodzova-

[11] А. В. Исаченко, *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким.* Морфология I, Братислава 1954, 224.

cími prostriedkami. Z tohto hľadiska som porovnával slovenské a maďarské rodinné mená. Pri slovenských rodinných menách som zistil odlišovanie derivačnými prostriedkami v 30% prípadov, pri maďarských menách sa za obdobných okolností odlišuje len v 18% prípadov. Zistené rozdiely sú podmienené flektívnym a aglutinačným typom menovaných dvoch jazykov.

Celkove možno povedať, že rodinné mená vychádzajú z intelektuálnej vrstvy spisovného jazyka, ale na jazykové odlišovanie veľmi početných predmetov sa okrem toho použili prostriedky, ktoré lexikálnym výberom, morfematickou stavbou a hodnotením morfematickej stavby závažne rozširujú slovník spisovného jazyka.

Vzájomný vzťah oblasti druhového a individuálneho pomenovania. Medzi jednotlivými jazykovými javmi nebývajú ostré hranice. Aj v oblasti vlastných mien sú také skupiny, ktoré sa vyznačujú všetkými typickými znakmi vlastného mena, to sú geografické názvy, ďalej také skupiny, ktoré priberajú špecifické znaky, to sú osobné a najmä rodinné mená a tiež také skupiny, ktoré sa niektorými znakmi približujú všeobecným podstatným menám; sú to niektoré druhy názvov z našej tretej skupiny („mená iných jednotlivostí"). Napr. názvy sériových a patentovaných výrobkov, názvy kníh, časopisov pomenúvajú jeden predmet ako taký (*Slovenské pohľady, Kultúrny život, Slovenská reč* . . . ku druhu „časopis"), ale takýchto predmetov s rovnakým obsahom a vlastnosťami je celá séria. Alebo: mená sviatkov a pamätných dní označujú jedinečné veci v rámci jedného roku, ale v širšom časovom rozpätí sa opakujú. Názvy obyvateľov miest, krajov, štátov, svetadielov (*Trnavčan, Poliak, Američan* . . .), názvy príslušníkov spolkov a spoločností (*matičiar, sokol, komunista*) patria do apelatívnej oblasti, lebo zahrnujú všetkých druhových príslušníkov, ktorí majú svoje individuálne osobné meno. Ale vzhľadom na úzky súvis s príslušným individuálnym menom (*Trnava — Trnavčan, Poľsko — Poliak*) a vzhľadom na právnu stránku pomenovania (domovské právo, štátna príslušnosť občana), v niektorých slovanských pravopisných sústavách sa píšu tieto druhové názvy s veľkým písmenom (napr. v sl., č., poľ., sbch.) S malým písmenom sa píšu v r., b. Nie je náhodné, že v slovanských jazykoch sa odlišuje písanie vlastných mien s veľkým písmenom v tých skupinách, v ktorých sa apelatíva a vlastné mená pomerne najviac približujú. Úzky súvis týchto dvoch oblastí jazykového pomenovania ďalej zdôrazňuje skutočnosť, že vlastné meno sa môže zovšeobecniť v apelatívum, porov. názvy vynálezov podľa vynálezcu (*ampér, volt* a i.).

Poukázal som tu len na niektoré základné problémy pri vymedzení miesta vlastných mien v lexikálnej a gramatickej štruktúre jazyka. Sústavný výskum slovanských vlastných mien z hľadiska, ktoré som tu rozviedol, stojí i po základných onomastických prácach Miklosichových ako úloha pred porovnávacou slovanskou jazykovedou.

SRETEN ŽIVKOVIĆ

O SLOVENSKOM GLAGOLSKOM VIDU

Problem vida slovenskih glagola ne silazi sa dnevnoga reda u slovenskoj lingvistici od njegove pojave u *Češkoj gramatici* Benedikta (1603 god.) do danas. On izaziva znatno interesovanje slovenskih i neslovenskih lingvista, iako su studije o njemu od Agrella, Belića, Debrunnera, Koschmiedera, Musića i drugih omogućile jasniji pogled na tu problematiku.

Nije u pitanju gramatička, morfološka strana glagolskog aspekta. Gotovo potpuna je saglasnost u postavljanju morfoloških tipova aspekata kako ih je postavio E. Koschmieder krzyczeć—krzyknąć, robić—zrobić, wrócić—wracać, zarobić—zarabiać, wziąć—brać (Nauka o aspektach czasownika polskiego, str. 7). Saglasnost je i u pitanju razvojnog sistema perfektizacije i imperfektizacije kako ga je postavio prof. Belić *biti* (impf.) — *razbiti* (pf.) — *razbijati* (impf.) — *porazbijati* (pf.) (Južnoslov. filolog, IV, 9—10, 1924). Ali je u pitanju *značenje* perfektivnog i imperfektivnog glagolskoga vida. Da aspektna značenja nisu jednoznačno određena, dokazuju različite definicije aspekata u gramatikama i studijama o njima kao i mnogobrojni nazivi njihovi. Ovde ću izneti mišljenje o značenju aspekata koje im daje pok. Đuro Grubor u svojoj studiji *Aspektna značenja* (Rad Jugoslavenske akademije, knj. 293 i 295, 1953. Rukopis predan 1948).

R- i S- glagoli. — Za pravilno određivanje aspektnih značenja potrebno je distingvirati evolutivne, razvojne (R) glagole, tj. one koji znače radnju i bivanje, od stativnih (S) glagola, tj. onih koji znače stanje. Razvojni glagoli kazuju radnju i bivanje, što ima svoju evoluciju, kojima se nešto stvara, nešto preinačuje: *gradi* kuću, *peva* pesmu, *ore* njivu, *trese* orahe, *toči* vino, *baca* kamen; ili se prevaljuje neki put: *ide* iz Beograda u Zemun, *pliva* s jedne obale na drugu, *prelazi* preko mosta itd. Kod glagola bivanja stvaranje i transformacija biva na (odnosno u) samom subjektu: trava *raste*, ruža *cveta*, drvo *lista*, kukuruzi *vlataju;* ili besubjektno: *sviće, seva, grmi,* itd. Svima im je zajednička karakteristika baš proces, razvoj, tok, evolucija akcije i bivanja s tečajem vremena. Kod glagola stanja, kod stativnih glagola, nema stvaranja, ni trasformiranja bilo čega, ni prevaljena puta, ničega od toga, samo vreme duže ili kraće, prolazi dok se neko ili nešto nalazi u kakvom stanju: *jest, boravi, sedi, leži, spava, bdi, drema, žmiri, ćuti, miruje, zadržava se* itd. Razvojnih je glagola u jeziku kudikamo više od stativnih, koji su u neznatnoj manjini, a stvaranje, rad, akcija od većeg životnog interesovanja nego stanje, mirovanje, neaktivnost. Prema tome je opravdanije u određivanju aspektnih značenja, mnogo opravdanije, poći od razvojnih glagola nego od stativnih.

Aspektna značenja. — Kad gledamo radnju i bivanje u pokretu, u procesu, u razvoju, samu akciju, vršenje, onda to i kazujemo *imperfektivnim* osnovama: *gradi, ore, piše.* To znači, s te tačke gledišta govorimo o radnji ili bivanju. Ali svaka radnja (i bivanje), jer je u tečaju, u pokretu, u procesu, ima uvek do one procesivne tačke, do tačke koja je u pokretu, već i taj deo svršen, iz-

vršen. Obratimo li pogled (»vid«) na taj izvršeni deo radnje, ne gledajući na tačku pomičnu, u pokretu, onda ćemo to reći drugom osnovom istih glagola: *sazida* (recimo) temelje kuće, *uzora* brazdu, *napisa* jednu strofu, *ode* do ugla itd. — već prema tome koliko je radnje izvršeno. Dakle, upotrebićemo *perfektivne* glagole. To vredi pogotovo za radnju u celini: *gradi—sagradi, piše—napisa, ore—uzora, ide—dȍđe* ... Upotreba jedne ili druge glagolske osnove zavisi od gledanja na radnju, od aspekta. Onda je značenje aspekta upravo u tom gledanju na radnju: *ili je gledamo u vršenju ili izvršenu* (bilo deo bilo u celini). Imperfektivni glagoli kazuju vršenje, izvršivanje radnje, radnju u vršenju, akciju; perfektivni glagoli izvršenost radnje, radnju izvršenu celu od početka do kraja, svu, ili deo radnje izvršen sav, od početka do kraja (tog dela), izvršen akt.

Detaljnija analiza pokazuje dalje razlike u značenju aspekata.

1) Vreme.

a) Prema tački govorenja, na pitanje kada? — Sadašnje: *plete, ore, idu, raste, leži;* prošlo: *plela je—oplela je, orao je—uzorao je, išao je—pȍđe (ȍde), rasla je—narasla je, ležalo je—preležalo je;* buduće: *pleše—opleše, oraće—uzoraće, ići će—poći će, rašće—narašće, ležaće—preležaće.* To je rečeno vremenskim oblicima, a ne aspektom glagola; vredi za R- i za S- glagole.

Perfektivni glagol nema sadašnje vreme, pravu sadašnjost; ako i jeste u prezentskom obliku, prezent perfektivnih glagola ne znači nikada i ne može značiti sadašnjost. U tome je važna razlika između perfektivnih i imperfektivnih glagola. O tome će zato biti još govora.

b) Mera vremena. — Kod impf. glagola (dakle kod izvršivanja radnje) pita se: koliko vremena? Odgovor je: *malo, dugo* (vremena), tri sata, godinama, jednu sekundu itd. *ore, čita, piše, svetli, vidi se, sedi* ... I to je rečeno posebnim rečima uz R- i S- glagole.

Kod perfektivnih glagola vreme ne prati razvijanje, »jer se i ne kazuje razvijanje nego razvitost«, ne pita se koliko vremena? nego je (kod pf. R-glagola) glavno pitanje: koliko *predmeta* je urađeno, odnosno puta prevaljeno? a onda: *za* koliko vremena: — *uzorao* njivu za jedan dan, *pročitao* pesmu za pola sata, *napisao* pripovetku za pet dana itd. A kod pf. S- glagola može se pitati (kao kod svih impf.) samo *koliko vremena? preležao* celu noć, *proveo* jedan dan, *zadržao se* sat.

c) Brzina razvitka. — Moguća je samo kod R- glagola, jer imaju dva razvitka: radnje i vremena, pa se može uz impf. i pf. R- glagole dodati *brzo, sporo, piše, čita, raste,* i *napisao je, pročitao, naraslo je;* a uz S- glagole ne može se dodati »brzo«, »sporo«, jer se te reči tiču razvitka radnje u vremenu, a glagoli stanja nemaju radnje. Ne može se reći ni: brzo, sporo *leži* ni *preležao* je.

d) Odnos dveju radnji u složenoj rečenici. — Istodobnost radnje glavne rečenice s radnjom zavisne (vremenske) rečenice — kod impf. glagola: Kad je *orao, sjalo* je sunce. Dok *leži,* neka *bude* mir. Kod pf. glagola je radnja glavne rečenice posle izvršenosti radnje zavisne: Kad je *sagradio* kuću, *priredio* je gozbu.

2) Stadij razvitka radnje imperfektivni aspekt sam sobom ne kazuje, »pa on može biti potpuno neodređen, koji bilo: u početku, na kraju, gdjegod u sredini ne isključujući ni jednoga momenta, ni prvoga, ni posljednjega, ni koga srednjega« (Grubor, 102): *ore, leži,* to se *dogodilo* kad je *orao.* Ali on može biti, doduše drugim rečima u rečenici, približno određen: *ore* sedmi slog; *leži* već treći dan; tačno ili gotovo tačno određen: *Čita* »Đački rastanak«, baš *je* kod stiha »Čas umrli ...«; potpuni razvitak do kraja, do izvršenja i poslednjeg momenta: *Plivali* su preko Save od jedne obale do druge; ili se stadij

razvitka određuje navođenjem izvršenog dela radnje: *Plete* čarape, oplela je 2/3. — Perfektivni »kažu izvršenost bez obzira na ikakav razvitak« (str. 111).

3) Tačka izvršivanja i izvršenosti. — »Ako hoćemo motriti ono što imperfektivni aspekt razvojnih glagola znači, tj. izvršivanje radnje, onda treba uprijeti pogled tamo gdje to biva: u tačku (kompleks) izvršivanja: tamo gdje crtalo reže zemlju, a lemeš odrezuje, diže i prevrće brazdu, te se ona spušta (dakle kompleks od vrha crtala do petice lemeša u akciji); gdje motika sijeće i sitni brazdu; gdje srp reže rukovet po rukovet šenice, a žetelica ih slaže u snop; gdje se pero dotiče papira i pomiče naprijed *(ore, kopa, žanje, piše)*. Tačka (kompleks) izvršivanja pomiče se od početka do kraja, a naš je pogled na tom njezinu putu neprekidno prati motreći kako se radnja izvršuje. To je ono glavno što nam *imperfektivni aspekt* razvojnih glagola *kazuje: pokretnost u tački izvršivanja i pomicanje te pokretnosti.* — Ono što je iza tačke izvršivanja, sve je već izvršeno: *uzorano, uskopano, požnjeveno, napisano*« (str. 103). Možemo izvršeni deo ne otkidati od tačke izvršivanja, pa nam je sastavni deo izvršivanja, sve je u vršenju gledano: *ore, ore* već dva sata. »Može biti i sve izvršeno, a mi se prikazivanjem povraćamo u vrijeme izvršivanja i prikazujemo tačku izvršivanja u pomicanju: Gle, sve je *uzorano;* dobro je *orano,* duboko.« (str. 104).

Perfektivni aspekt razvojnih glagola kaže *izvršenost radnje,* izvršenost onog dela radnje od početka do uključivo tačke izvršenosti. Izvršenost prati izvršivanje u stopu, i kad je i poslednja tačka radnje u vršenju izvršena, izvršena je sva radnja. Uzmimo, na pr., radnju pisanja. Pisanje je povlačenje tačke; izvršivanje radnje pisanja reči »pišem« rečeno je imperfektivnim glagolom *piše,* jer smo gledali na pomicanje tačke, na pokret, na akciju. U svakom stadiju te akcije bio je deo radnje već izvršen, i ako smo pogledali na izvršeni deo te akcije, na one umirene, nepokretne tačke — sve do one koja se i dalje kreće — mogli smo reći: *napisa* »p«, »pi«, »piš«, »piše« itd. Kad je došao do poslednje umirene tačke, do kraja, onda smo mogli reći: napisa reč »pišem«. U tome je bitna razlika između impf. i pf. glagola, suština aspektnih značenja.

4. Količina radnje. — Imperfektivni aspekt ne znači količinu radnje, nego samo tačku izvršivanja, a tek posebnim rečima možemo nju pratiti kroz ceo posao ili deo posla: Kuću je *gradio* lani, a ostale zgrade letos. To je *kosio* Luka, ono Gojko. Trećinu romana *pisao* je u B., dve trećine u Z.

Perfektivni aspekt znači određenu količinu radnje, i to uvek svu određenu količinu. Perfektivni glagoli kazuju:

a) svu radnju (bivanje): *pojede* vuk jagnje (pantivni), *ispeče* stric jagnje (totivni);

b) koji bilo višekratnik radnje: *pojede* vuk dva jagnjeta (pantivni), *ispeče* stric tri jagnjeta (totivni);

c) koji bilo deo radnje: *iskopali* su malo, mnogo (pantivni), *zapevaše* »Uzo deda« (početak, inkoativni), *dopevaše* »Uzo deda« (svršetak, finitivni), *raspevaše se* (izvršiše radnju do vrhunca volje za nju, intenzivni), *popevaše* malo pa odoše (deminutivni);

d) do kraja volje: *nagradio se* kuće, *napevao se* pesama (a radnja može biti svršena i nesvršena, sativni);

e) više nego treba: odviše *si ulio* (pantivni), *prelio si, preradio se* (augmentativni);

f) do pobjede: *natpevali su* ih (izvršili radnju ili deo radnje bolje nego oni — radnja može a ne mora biti svršena; majorativni);

g) do tačke izvršivanja: *ako* mu *uspišeš,* pozdravi ga (supstitutivni). Da su ti glagoli prefiksacijom postali perfektivnima prema glagolima jednakima

bez prefiksa, imperfektivnima; da imperfektivni kazuju izvršivanje radnje, a perfektivni izvršenost iste radnje, — to je značenje aspekata, samo to. A što perfektivni glagoli kazuju ujedno i koliko je radnje izvršeno (ili kako drugi kažu: kako je izvršena), — to je *Aktionsart*, posebna kategorija, i ne treba je mešati sa aspektom.

5. Iterativnost radnje. — »Sve što je rečeno za njih (tj. za durativne glagole) vrijedi jednako i za iterativne. Iterativnost nimalo ne utječe na aspekt; kao da je i nema: *preskače* jarke« (str. 104). »Iterativni perfektivni glagoli kažu pored izvršenosti veće cjeline još i izvršenost manjih cjelinica jedne za drugom: *posagrađivao* mnogo kuća« (111). Njima se kazuje: a) cela radnja: *poisprevaljivao* sve stolove; b) deo radnje: *poisprevaljivao* polovicu, trećinu stolova; c) ponavljanje momentanih radnja: *izbockali* su mu ono mesto (jedinica je *bocnuti*), *pogasio* je sveće (njih 10). »Da li je glagol durativan ili iterarivan, sasvim je sporedno pitanje kad se radi o stvaranju sistema aspekta. Oba su imperfektivna, a to je glavno. Zatreba li nam izvršenost nove radnje presijecanja, iterativne, složimo glagol s novim prefiksom: *poispresijecali* sve hrastove« (str. 156). Vršenje radnje je bitna osobina iterativnih glagola, a ponavljanje sporedna, neobligatna, jer se njihova radnja vrši i ponavlja; ponavljanje može izostati, a vršenje ne može: na pr. *preskače* jarke ima značenje durativno i iterativno, ali u rečenici: *Žûr* I se nekamo, eno baš sad *preskače* — značenje je samo durativno, a ne iterativno. Tako i *sedati, sagibati se, dizati* i dr. imaju u prvom redu značenje izvršivanja radnje (prema izvršenosti radnja *sesti, sagnuti se, dignuti*), oni mogu imati i samo to značenje, a mogu imati i značenje iterativnosti. Samo iterativni su oni pf. glagoli koji znače ponavljanje pf. jedinica u iterativnom i iterat. aspektnom prezentu (On meni *donêsē* vode, a ja mu *dâm* nagradu. Zrela voćka sama *padne*. Vidi dalje kod ličnog perfektiva).

Značenje aspekata i terminologija. — Od stručnih (latinskih) naziva »perfektiv« i »imperfektiv« prvi je bez prigovora, odgovara sasvim značenju »izvršenost«. Naziv »imperfektiv« manje je dobar, jer sadrži negaciju, a značenje tog aspekta je — kao i perfektivnoga — pozitivno: vršenje, izvršivanje radnje. Prema tome bi bolje odgovarao pozitivni naziv (po Gruboru) *facientiv*.

Srpskohrvatski nazivi »svršeni« i »nesvršeni«, koji su doslovni prevodi latinskih, još manje su dobri: »svršeni«, zato što *svršiti* znači »poslu je određen svršetak, kraj, a ni brige ga za ono sprijeda; a pf. glagol nije takav: on se jednako brine za svu radnju, za izvršenost od početka do kraja« (131). Zato je određeni glagol *izvršiti*. A za naziv »nesvršeni« vredi isto što za latinski »imperfektiv«, tj. negativan je. Najbolje odgovaraju nazivi latinski: verba facientiva i perfectiva, a srpskohrvatski: glagoli vršenja (izvršivanja) i izvršenosti.

Nazivi »determinirani« i »indeterminirani« (sh. »ograničeni« i »neograničeni«), ako i pređemo preko negativnosti drugoga, ne pogađaju suštinu aspektnih značenja. Imperfektivni (facientivni) glagoli ne kazuju, istina, sami po sebi ograničenost, ali se mogu, doduše drugim rečima, ograničiti: *pevali su* do dva sata po ponoći, *bežali su* do kraja ćor-sokaka, *plivaju* preko reke. Ako impf. glagoli (tj. radnje koje oni znače) podnose takva gruba ograničavanja, teško da može »neograničenost« biti njihovo suštinsko značenje. A zar je, s druge strane, pf. glagol (na pr.) *skočiti* ograničeniji, kad može značiti: gore, dole, napred, nazad, desno, levo? Ništa on od toga sam po sebi ne znači, ne kaže, nego tek drugim rečima (kao i facientivni). Ili: zar je imperfektivni glagol *presécati* manje ograničen od perfektivnih, kad jasno ograničava radnju na drugu stranu debla?

Nazivi »trajni« i »trenutni« za facientivne i perfektivne glagole imaju vremensko značenje, a impf. i pf. aspekti nemaju vremenskog značenja (osim kod S- glagola). Radnja, bivanje i stanje imperfektivnih glagola doista traju, ali oni ne znače to, nego da se radnja i bivanje vrše, a u stanju da se ko (što) nalazi; trajanje, vrijeme oni ne znače direktno, ali čim se može dodati oznaka trajnosti, vremena« (5). Dodajem: mora značiti i trajanje, jer svako vršenje radnje nužno traje, duže ili kraće vreme, već prema prirodi radnje ili bivanja, a kod S- glagola ima samo trajanja vremena. Osim svega, reč »trajan« ima i značenje »dugotrajan«. Perfektivni se glagoli tumače tako, da znače početni ili završni trenutak radnje, ili pak radnju koja čitava traje jedan trenutak, odakle im i naziv »trenutni«. Taj naziv, međutim, pristaje samo glagolima koji znače trenutnu radnju: *trenuti, jauknuti, kvrcnuti, prsnuti, puknuti, pogledati, stati, sinuti* i dr. Ali nisu svi, čak ni jedni te isti, u svim slučajevima trenutni. Dignuti prst jeste trenutak, ali dignuti zvona na zvonik nije; skupiti prste u šaku jeste trenutak, ali skupiti raštrkana goveda u šumi nije; da padne kreda iz ruke na sto treba samo trenutak, ali da padne papir s tornja, kamen s brega, padobranac iz aviona i sl., treba mnogo trenutaka; *platiti* neku stvar ne znači samo isplatiti poslednju novčanu jedinicu, nego je to mnogo složenija i dugotrajnija radnja; itd.

Da se opravda naziv »trenutni« perfektivnim glagolima, govori se: u jeziku sažimamo radnju označenu perfektivnim glagolima na jedan trenutak, na punkt, po čemu se nazivaju i »punktualni«. Za izvršenost radnje potrebno je izvršiti i onaj poslednji trenutak, poslednji punkt radnje, ali nikako samo taj poslednji trenutak. *Sagraditi* kuću znači graditi i građenje izvršiti i poslednjim udarcem čekića na čavao; ali se ne može reći da ju je sagradio onaj koji je samo taj poslednji čavao zabio. U životu nećemo reći da je njivu *uzorao* neko ko je samo kraj njen uzorao; da se *popeo* na planinu ko se dovezao do pod vrh njen, a penjao se samo preostalih desetak metara; nećemo priznati da nam je *platio* 1000 dinara ko je platio samo onaj hiljaditi deo bez prethodnih 999. Itd. Ako u stvarnosti, u životu toga »stezanja na punkt« nema, zašto bi toga bilo u jeziku?

Neuverljivost dosadašnjih objašnjavanja aspektnih značenja ogleda se već u nazivima. Nije to da u pf. i impf. glagolskom vidu nema ograničenosti i neograničenosti, trajanja i trenutnosti, svršenosti i nesvršenosti, ali je pitanje baš u tome: jesu li to bitne, prave karakteristike vidova, njihovo suštinsko značenje? slažu li se one s utvrđenim jezičnim činjenicama? Navedenim kritikama Gruborovim dodao bih još neke. Činjenica je da se za imperfektivnost glagola pitamo: šta sada radiš? Na to pitanje moramo odgovoriti prezentom imperfektivnoga (facientivnog) glagola, jer se samo njime izriče prava sadašnjost *(pišem, čitam, orem ...)*. Ako impf. glagoli znače trajanje ili neograničenost radnje, zašto ne bismo mogli reći da sada (tj. u trenutku govora) vršimo radnju trajnu i kratkotrajnu, neograničenu i ograničenu? Ali je logički nužno da, na pitanje kakvu radnju vršimo u vreme govora o njoj, odgovaramo onim aspektom glagolskim koji znači *vršenje* radnje, a ne onim koji znači izvršenost. Tako se i s drugom činjenicom, da uz glagol *početi* moramo početu radnju izreći impf. glagolom (počinjem, počeo sam, počeću *pisati, čitati, orati ...)*, a ne perfektivnim. I ta nužnost izlazi iz pravoga značenja aspekata: vršenja i izvršenosti, jer počinjemo *vršiti* radnju, pa ne možemo početi napisati, pročitati, uzorati ... Ako je trajanje značenje aspekta, moramo se, najzad, zapitati: Koliko vremena traje *napisati* pismo, *doći* od stola do vrata i sl.? Očevidno je da te radnje traju toliko vremena koliko traje i *pisati* pismo (do kraja), *ići* od stola do vrata, kad punktualizam isključimo kao nerealnost. Obe radnje traju jednako i obe su jednako ograničene. Vršenje i izvršenost radnje pak odgovaraju jezičnim činjenicama.

1. *Negacija* je u vezi s aspektom. »Glagol *dati* je perfektivan, ali kad je negativan, može biti i imperfektivan«: prez. *nè dȃm* i imperativ *nè dȃj*. »Osobita je pojava u našem jeziku da se prema perfektivnoj zapovedi zabrana uzimlje imperfektivna: *sjedi—ne sjedaj, pukni—ne pucaj, napiši—ne piši*. Ko zapovijeda, želi da se radnja sva potpuno izvrši od početka do kraja, zato glagol perfektivni; a ko zabranjuje, želi ne samo da se sva potpuno ne izvrši, nego da se u radnju uopće ne ulazi, da se i ne počinje« (177). U ruskom je tako u svim oblicima. »Iz toga se vidi: kad se glagolska radnja poriče, poriče se ono što je aspektu bitnost; perfektivnom glagolu poriče se potpunost izvršenosti, a imperfektivnom glagolu poriče se izvršivanje« (178—179).

2. *Aspekt i prezent.* — Prezent je gramatički oblik za užu ili širu sadašnjost, za radnju koja se vrši kad o njoj govorimo. Jer se vrši, izvršuje, nužno je da se za sadašnju radnju upotrebljava prezent imperfektivnih (facientivnih) glagola. Taj je oblik prvobitno, po Streitbergu i Delbrücku, u indoevr. prajeziku imao aspektno značenje, bio je imperfektiv, a ne vremensko. »Ali kako to biva obično u sadašnjosti, dali su mu gramatičari ime prezent mjesto facientiv« (149). To je prava sadašnjost. Svaki prezent imperfektivnih glagola ne mora uvek značiti sadašnjost: *Idem* ja juče gradom i *gledam* nove kuće (prošlost). *Sutra* idem u grad (budućnost).

Prezent imperfektivnih glagola kazuje i radnju koja se vrši svagda, kad god se prilika desi, koja se vršila i vršiće se, pa se može vršiti i u momentu govora (svagdašnjost, svevremenost, bezvremenost, apsolutno vreme). Tako u konkretnim slučajevima: On meni *donosi* ručak, a ja mu *dajem* napojnicu; ili u apstraktnim, u poslovicama: Ruka ruku *mije*. Zrela voćka sama *pada* (gnomski prezent). Tu se radi o iterativnost, a ona se izriče impf. glagolima. Prezent u takvim slučajevima nema značenja sadašnjosti prave; da je može izgubiti i značiti prošlost i budućnost i u pojedinom slučaju, videli smo u rečenicama: *Idem* ja juče gradom. Sutra *idem* u grad. U nepravoj sadašnjosti prezent kao gramatički oblik nema temporalnog značenja, on je *lični imperfektiv, facientiv*, koji se od infinitiva razlikuje što je on ličan, a infinitiv bezličan. U tim slučajevima možemo upotrebiti i perfektivni prezent: On meni *donese* ručak, a ja mu *dam* napojnicu. Ruka ruku *opere*. Zrela voćka sama *padne*. Perfektivni je prezent tu također bez vremenskoga značenja, on je *lični perfektiv*. Perfektivnost i impefektivnost tiču se pojedine radnje, ali kao iterativni prezenti oni su lični perfektiv i imperfektiv.

»Prefektivni prezent u sh. jeziku nema nikakova stalnoga vremenskoga značenja. Značenje sadašnjosti nema ni u drugim slovenskim jezicima; a i ne može ga imati, jer je perfektiv, pa znači izvršenu radnju; a sadašnjosti se hoće samo izvršivanje, facientivnost, imperfektivnost. Futursko stalno značenje u drugim slovenskim jezicima ima, osim u sh. i bug., a kod nas ga je imao pa izgubio. I tako mu je ostala samo perfektivnost, kao i infinitivu, bez vremenskoga značenja« (148). »Može i imperfektivni prezent, i ostajući imperfektiv, izgubiti svoje prezentsko značenje (u gore navedenim slučajevima) i postati samo lični imperfektiv. — Razlika je u gubljenju značenja sadašnjosti što se tu *može* desiti, a ondje je *obligatno* (tj. kod perfektivnih), tako obligatno da su izuzeci isključeni, potpuno isključeni« (ibidem). Tako je i u *scenskom prezentu*, u scenskoj napomeni dramatičara (na pr. zastor *padne* ili *pada*, on se *probode* ili *probada* i sl.). Tu je prezent iterativan, pa može biti pf. i impf. glagol, kao kod poslovica i konkretnih iterativa (On meni *donosi* i *donese* . . .).

Perfektivni prezent *u negativnom pitanju*: Zašto ne sjedneš? također ne kaže pravu sadašnjost, nego mogućnost izvršenosti. »To je potencijalna sadašnjost, modalna« (388). »Pita se (osoba) zašto to ne učini odmah i zašto to

već nije učinila. Radnja bi se po očekivanju i po shvaćanju pitanja imala svaki čas dogoditi, i pitanje se odnosi na koji bilo od tih časova, i pred momentom govorenja i iza njega, na apstraktnu sadašnjost. — (Tu) je pomišljena mogućnost izvršenosti u više mahova: ponavljali su se časovi u koje je bilo moguće sjesti, i njihovo ponavljanje nije prestalo, nego se nastavlja. Ponavljanje časova sa mogućnosti da se sjede jest akcesorno, sintaksno, iterativno imperfektivno značenje perfektivnoga prezenta, kome je semelfaktivna izvršenost rȍđeno značenje« (387).

Najosetljivija tačka slovenskog aspekta je *koincidencija*. Radi se o slučajevima u kojima se radnja izvršuje samim izgovaranjem glagola (praesens efectivum), kad je radnja i govorenje isto (praes. coincidens): *zahvaljujem, prisižem, preporučujem, ispovedam* i sl. Neki slovenski jezici upotrebljavaju u tim slučajevima prezent perfektivnih glagola, slovenački: *zahvalim, prisegnem, izpovem;* poljski: *poproszę, przyznam się, zaproponuję;* tako i lužičkosrpski. Ovamo ide i jevrejski praesens perfectum (sa značenjem: zakunem se, blagoslovim). Tu je slovenski aspekt, tvrdi Debrunner, u škripcu: kaže li imperfektivnim glagolom (ruski: благодарю), rekao je sadašnjost, a izvršenost ne može; kaže li perfektivnim (slov. *zahvalim*), rekao je izvršenost, a sadašnjost ne može. Koschmieder dopušta, jedino tu u koincidenciji, da i perfektivni prezent znači vršenje radnje. Škrabec misli da se radnja izgovaranjem vrši u sadašnjosti, bio glagol impf. ili pf. Musić: »Kȏd efektivnoga prezenta vrijeme imperfektivne radnje pada u užu sadašnjost (tj. kad se govori), a perfektivne u širu sadašnjost, koja zahvaća u onu budućnost u koju za onoga koji govori perfektna radnja pada« (Rad JA 253, § 4); dakle *zahvalim* shvaća kao budućnost.

Taj prezent može biti samo u 1 l. sg., može ga upotrebiti samo onaj koji govori. Grubor objašnjava taj perfektivni prezent leksičkim značenjem, a ne aspekatskim. »*Zahvalim* znači da će u budućnosti doći momenat s čijega ću stajališta moći reći: *zahvalih*. Da je taj momenat samim izgovorom te riječi već došao, nije posao ni aspekta perfektivnosti ni tempusa prezenta, nego korijena ove riječi: *-hval-*. I da sam samo taj korijen izgovorio ili njegovu imenicu *hvala*, bilo bi se isto dogodilo: radnja zahvaljivanja bi se u tom slučaju izvršivala u sadašnjosti i bila bi za momenat iza izgovora izvršena, prošla. To je dakle leksikalno značenje, a ne aspekatsko« (270). Grčki jezik ima takav aorist (ἐπήνεσα u Sofoklovu Ajantu, ἤνεσα u Euripidovoj Ifigeniji), pa i tu Grubor nalazi »izvršenost iza sadašnjosti u kojoj se izvršuje, a ne u sadašnjosti. — Sadašnjost je tamo izrečena, ali ne tim oblicima, nego izgovaranjem tih riječi bez obzira na njihov oblik, oslanjajući se na značenje njihova korijena; izgovaranjem, ne izgovorenošću, i zato nije opravdano reći da je koincidencija perfektivna: *ona pripada sadašnjosti i neposrednoj budućnosti, pa je kao sadašnjost imperfektivna, a kao neposredna budućnost perfektivna*« (368). Ipak nije isključeno da su takvi perfektivni prezenti u slovenskim jezicima nemački uticaj: prema *zahvaliti* za *danken* nastalo i *zahvalim* za ich *danke*.

3. *Aspekt i aorist.* — Aorist *imperfektivnih* glagola znači isto što imperfekt: imperfektivnu radnju; perfektivnu, izvršenu radnju ne može značiti ni u tom obliku; ne može značiti ni to da se radnja vršila i svršila. »*Gradiše* li oni i juče kuću? — *Gradiše*. A nije gradnja kuće izvršena, nije vršena i svršena, došli su samo do prozora. Dakle nije gradiše = građahu i građenje svršiše, nego samo — *građahu*. Ne: građahu dok ne svršiše građenje, nego samo: *građahu*« (269). — Za *gnomski aorist* važi ono što je rečeno i za gnomski prezent (iterativnost radnje): Čudo pasa *ujedoše* — *ȕjedē* vuka.

LJUDEVIT JONKE

IDEOLOŠKI OSNOVI ZAGREBAČKE FILOLOŠKE ŠKOLE 19. STOLJEĆA

1. Zagrebačka filološka škola 19. stoljeća ili, kako se ona sama nazivala, Zagrebačka škola sišla je s pozornice hrvatskoga kulturnog života devedesetih godina 19. stoljeća prilično neslavno. U sukobu dviju koncepcija o jeziku i pravopisu, koje su se ipak u bitnim elementima podudarale, u sukobu dakle Gajeve i Karadžićeve koncepcije vukovci su devedesetih godina iznijeli značajnu pobjedu: god. 1892. izlazi u Zagrebu po službenom nalogu »Hrvatski pravopis« dra. Ivana Broza, zasnovan na fonetskim principima Vuka Stefanovića Karadžića, a god. 1899. izlazi također u Zagrebu Maretićeva »Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika«, zasnovana u potpunosti na jeziku narodne književnosti i na jeziku Karadžića i Daničića. Time je zadan konačni udarac dotadašnjem hrvatskom etimološkom pravopisu i starim oblicima u jeziku hrvatske književnosti. Bilo je to vrijeme, kad su neke pravopisne i jezične osobine Zagrebačke škole nadiranjem štokavskog elementa u književnosti, nauci i javnom životu postale gotovo anahronizam. Nije stoga čudo, što su protivnici Zagrebačke škole u oštroj borbi za pobjedu svojih načela upotrebljavali na račun njezinih predstavnika i preoštre riječi zaboravivši pritom na značajne i upravo historijske zasluge Zagrebačke filološke škole ne samo za hrvatsku i srpsku književnost, nego i za bratstvo i jedinstvo južnoslavenskih naroda.

Zagrebačka filološka škola zasnovana je zapravo godine 1835. i 1836. u okviru t.zv. Ilirskog pokreta pod pokroviteljstvom i sa direktivama samog Ljudevita Gaja. Njezini stručni predstavnici i provoditelji bijahu najprije gramatičari Vjekoslav Babukić i Antun Mažuranić, a poslije njih Adolfo Veber Tkalčević, autor prve cjelovite sintakse našega jezika, leksikograf i terminolog Bogoslav Šulek i u mlađim danima Vatroslav Jagić. Zanimljiv je tu i poučan primjer baš Vatroslava Jagića, koji je ponajprije vatren zagovornik načela Zagrebačke škole, a već 1864. razvija se u njezina odlučnog ispravljača, a donekle i protivnika. Svi ti značajni naši javni radnici imali su pred očima i u svom pravopisno-gramatičkom radu velik politički i nacionalni zadatak, kojemu su kadšto podređivali i jezična pitanja. Ili drugačije rečeno, njihove pravopisne i jezične formulacije trebale su im pomoći u ostvarivanju važnih kulturnih, političkih i nacionalnih zadataka. U štokavskom narječju oni su željeli ujediniti sve južnoslavenske narode, najprije dakako kulturno, pa su i jezičnu i pravopisnu problematiku rješavali tako, da u njihovu rješenju bude pristupačna ne samo za sve Hrvate i Srbe, nego i za Slovence i Bugare. Odatle neki stari, pa i umjetni elementi u njihovu pravopisu i jeziku, odatle i neka neslaganja i različne koncepcije Zagrebačke filološke škole i Vuka Stefanovića Karadžića. Zagrebačka filološka škola postigla je svojim nastojanjem velike uspjehe: ujedinila je u pravopisu i jeziku sve Hrvate, koji su dotada bili rascjepkani po pokrajinama i po govorima, udarila je temelj za jezično i pra-

vopisno jedinstvo Hrvata i Srba i otvorila sjajne perspektive u budućnost. Osamdesetih i devedesetih godina kao da se sve to zaboravilo, pa vukovci zbog neznatnih pravopisnih i jezičnih razlika upućuju na njezinu adresu ne samo oštre prigovore, nego i uvrede, koje se teško mogu oprostiti. Tako na pr. u »Narodnim novinama« godine 1879., u br. 226.—235., Mirko Divković polemizira s Adolfom Veberom i doslovno veli za gramatike pisane po načelima Zagrebačke škole: »... da su naše gramatike nalik matematičnoj zadaći nevaljala učenika, koji sam radi svoj zadatak, a rezultat prepiše od dobroga, t.j. rezultat da je istinit, a put, kojim se do nj dolazi, da nije istinit.« A neki Ψ u zagrebačkom »Viencu« god. 1884., u 34. i 35. broju, u članku »Poraba nekih zamjenica i još nešto« predbacuje Zagrebačkoj školi čak separatizam ovim oštrim riječima: »U pristaša Zagrebačke škole čudna je zebnja od novijih oblika, pa vole biti i nerazumljivi nego da njih upotrebe; n.pr. pišu: noži su ga ranili, mj. nožima; najviše ako u takvu slučaju metnu kvačicu na i: i, nu u govoru? Zašto se nebi radje u takovu slučaju upotrebio noviji oblik? Ali to je Srbski! ... Za mnoge pak pristaše Zagrebačke škole može se misliti, kad bi bili u početku našega preporoda, u doba Gajevo, već odrasli ljudi, da bi bili od pukoga konservativisma postali magjaroni ljući od pokojnoga Joszipovicha.«

Pišući godine 1924. o pravopisnim i jezičnim pogledima iliraca u knjizi »Život i rad Vuka Stefanovića Karadžića«, Ljubomir Stojanović tumači ih na str. 686. nedovoljnim poznavanjem stvari: »... jer što su Iliri tako radili, činili su to iz nedovoljnog poznavanja stvari, a ne što su htelî naročito stvarati nešto novo.« Pa i prof. Aleksandar Belić, ocjenjujući god. 1929. u »Narodnoj enciklopediji srpsko-hrvatsko-slovenačkoj« na str. 1043./IV. jezični rad predvodnika Zagrebačke škole Adolfa Vebera Tkalčevića, kaže za nj, da je bio »dugo vremena u Hrvatskoj zaštitnik svoga pravca u književnom jeziku: da gramatičari imaju pravo da utiču na utvrđivanje najpravilnijeg oblika književnog jezika«. I da spomenem samo još jednu ocjenu rada Zagrebačke škole u doba Veberovo i Kurelčevo, po kojem je do pravopisnih i jezičnih sporova dolazilo stoga, što se ljudi nisu mogli drugačije iživljavati. Slavko Ježić piše god. 1944. u »Hrvatskoj književnosti« na str. 232. ovo: »Kako se ljudi nisu mogli izživljavati na drugim područjima, to su se svom žestinom i ogorčenošću bacili na sitne pravopisno-jezične polemike, pa su se oko šestdesetih godina stvorile i dvie škole: *zagrebačka* ... i *riečka* ..« Potpunosti radi valja spomenuti, da je isti pisac godine 1934. u »Ilirskoj antologiji« na str. 75. s puno priznanja ocijenio rad prvih iliraca: »Ilirski je pokret izvršio svoju historijsku ulogu: preporodio je hrvatski narod i osposobio ga za borbu o egzistenciju. Pravopis se uredio, jezik izgradio, razvila se književnost, organizirala se politička borba — stvorio se narodni ponos, samosvijest, ili, kako se onda reklo: probudila se *narodnost*.« Polemike, koje spominje Ježić u »Hrvatskoj književnosti«, vodio je tada Adolfo Veber braneći načela svojih prethodnika, iliraca, koja su dala tako povoljne rezultate, kako ih ocjenjuje Ježić u predgovoru spomenute »Ilirske antologije«.

Da li je tu zaista pred nama neznanje, separatizam, neki »svoj pravac«, pa i nemogućnost iživljavanja na drugim područjima? Ili možda nešto drugo, značajnije, načelnije, pa i veliko? Da bismo odgovorili na to pitanje, potrebno je prići samim izvorima, štampanim djelima predstavnika Zagrebačke filološke škole i čitavoj kulturnoj i političkoj atmosferi tadašnjeg vremena.

2. Situacija, u kojoj se Gaj 1835. i 1836. prihvatio pravopisno-jezičnih reforama, bila je zaista vrlo nepovoljna. Istina, Vuk St. Karadžić izdao je već 1818. »Srpski rječnik«, zasnovan na ijekavskom govoru štokavskog narječja i na mjestu jata uveo pisanje *ije* u dugim slogovima *(riječ, dijete, mlijeko)* i pisanje

je u kratkim slogovima *(djevojka, pjevati, zjenica)*, uveo je i pisanje samoglasnoga *r* bez popratnih samoglasnika *(drvo, prst)*, a u gen., dat., lok., instr. množine nove štokavske oblike *(jèlēnā, jèlenima; žēnā, žēnama)*, ali sve je to bilo razmjerno lako provesti na području štokavskoga narječja. Gaj je naprotiv trebao provesti jezično jedinstvo na području svih triju narječja, štokavskoga, kajkavskoga i čakavskoga, i na području ikavskoga govora, koji su svi imali prije toga i svoju književnost i svoje tradicije. Gaj je čak namjeravao i Slovence privesti u isto jezično kolo s ostalim južnim Slavenima, jer je za njega jezično pitanje bilo izrazito političko pitanje, čak jedno od osnovnih pitanja kulturnog i političkog programa njegova ilirskog kruga. U svojem Proglasu od 5. prosinca 1835. u »Danici« Gaj izričito kaže, da se sloga ilirskih pokrajina Koruške, Gorice, Istrije, Krainske, Štajerske, Horvatske, Slavonije, Dalmacije, Dubrovnika, Bosne, Crne Gore, Hercegovine, Srbije, Bulgarije i donje Ugarske ne može postići, »dokle se svaka struna posebi tudjemu skladnoglasju prilagadja«. On je izričito protiv toga, da se čitavoj Iliriji nametne za književni jezik govor jednoga kraja: »Na stran dakle sa svakim predsudom, prestanimo svaki za se, kano zli susědi, samo na svoj mlin vodu vući, prestanimo misliti, da je tekar *srbski*, ili samo *dalmatinski*, ili lestor *horvatski* ili ljeprav *kranjski* itd. pravi i jedino *ilirski*... U Iliriji može samo jedan jezik pravi književni biti, njega netražmo u jednom městu, ili u jednoj državi, nego u cěloj velikoj Iliriji.« Gaj tu ne govori kao filolog ili lingvist, nego kao političar. Da Gaj postupa taktički, s namjerom da zadovolji i privuče u književno kolo sve dijelove južnoslavenskih naroda, pokazuju i ove njegove misli, objavljene u članku »Pravopis« (»Danica«, 1835, br. 10.—12.): »Vsih dobrih domorodcev jedna jedina želja je, da se u staro-ilirskih državah stanujući Slavenci vu književnom jeziku zjedine. Načine vendar, kojimi ovakovo zjedinjenje speljati bi se moglo, vnogovrstne snuju i svetuju. Nekoji štimaju, da bi potrebno bilo odmah jedno narječje poprijeti, i vsim ostalim narinuti, i med ovemi zvekšinum vsaki svojega sela reč vsim drugim predpostavlja. Drugi opet sude, da se ze vsih sada obstojećih i navadnih narječjih brže bolje jedan književni jezik skroji ili skuje. Prvim odgovarjamo: da književstvo nesme biti spodobno povodnji; a drugim, da nesme biti spodobno kovačiji; stalno uputjeni, da tak živa, kak pisana reč med naravske stvari spada, i da anda vu svem poleg narave obdelavati i ravnati se ima.« Gaj dakle ne će ni jezične poplave, a ni jezične krparije. Potpuno preuzimanje Karadžićeva fonetskog pravopisa i novoštokavskog ijekavskog govora činilo mu se u tadašnjoj situaciji kao poplava, koja ne bi dala željene rezultate.

Gaj je, kao što je poznato, uredio »ilirski« pravopis, no jezični kodifikator bio je štokavac Vjekoslav Babukić, autor prve gramatike novoga književnog jezika, koja je pod nazivom »Osnova slovnice slavjanske narěčja ilirskoga« izašla već 1836. u »Danici ilirskoj«, u br. 10.—15. Pobijajući izrijekom opravdanost novih imenskih oblika u množini i uvodeći za gen., dat., lok. i instr. množine stare oblike *(jelenah, jelenom, jelenih, jeleni)*, Babukić to opravdava općim duhom slavjanskoga jezika i praksom starijih hrvatskih pisaca: »Mi moramo, ako neželimo tumarati po mraku, takova pravila iznajti, koja se sa občinskim duhom slavjanskoga jezika sudaraju. Dokančanja *om* i *em* u 3 pad. višeb. odgovaraju občinskomu pravilu slavjanskoga jezika; tako n.p. čitam u Katančića... Kačića... Vitezovića.« Pri odabiranju odlučuje dakle ne samo narodni, nego i dotadašnji književni jezik hrvatske književnosti. A potreba ilirske sloge diktira ilircima uvođenje znaka *ě* umjesto Karadžićeva *je* i *ije*. Babukić o tom jasno govori u spomenutoj »Osnovi« na str. 38.: »Naša namĕra ovdě nije predpisavati ljudem zakone, kako imaju taj zabilĕženi *ě* u občem i prostom razgovoru iz-

govarati, nek' ga svaki izgovara kako mu drago; ali za volju sloge ilirske potrebno jest, da se u pismu jednako uvek *ě* piše.« Još je to jasnije i određenije rekao Antun Mažuranić, koji u svojim »Temeljima ilirskoga i latinskoga jezika« god. 1839. usvaja sva osnovna načela Babukićeva, a pisanje *ě* opravdava na str. 5. također ideološkim razlozima: »*ě* izgovara se kao *ie* ili *je;* n.p. *dě̑te, vě̑ra,* čitaj; *diéte* ili *djete, viéra* ili *vjera.* Budući da se nekoje slovke u našem jeziku u različnih stranah jako različno, t.j. ili kano *e,* ili kano *i,* ili kano *je,* ili pak kano *ije,* n.p. *dete, dite, djete, dijete,* izgovaraju; i buduć da se svakomu svoj izgovor i pisanja način nada sve ostale dopada, niti tudjega prigerliti hoće: s toga nije bilo moguće drugačie u pismu sloge želěti, nego da svaka strana malo popusti, i da se svi u tom sjedine, da se takove slovke u naprědak niti sa *e,* niti sa *i,* niti sa *je,* ali niti sa *ije,* nego nijednostrano a ipak najshodnie sa zabilježenim *ě* pisati imaju. Ovaj zabilježeni *ě* može svaki po volji na svoj način izgovarati, samo da se u pismo jednosličnost uvede...« Dakle maksimalno računanje s osjetljivostima na svima stranama, samo da se postigne jezično i pravopisno jedinstvo.

Uvođenje etimološkog pravopisa umjesto Karadžićeva fonetskog brani Babukić u raspravi »Nekoliko rěčih o pravopisu« (Zagreb, 1846, str. 11.) potrebom lakše razumljivosti: »Trěba najviše paziti etimologiu, jer se njome razumljivost najbolje postiže«, a ideološki progovara možda najizražajnije u obrani starih pluralnih oblika u svojoj »Ilirskoj slovnici« (Zagreb, 1854, str. 183.), kad misli, da će se upravo njima najlakše postići književna sloga Hrvata, Srba i Slovenaca: »Osim gori spomenutih razlogah najpretežnii je onaj, što stari i pravilni oblik padežah uzdèržaje uzaimno porazumljenje gornjih i doljnih Ilirah t.j. slovenskih i hèrvatsko-sèrbskih plemenah *(kaj-, ča- i što-*kavacah).«

Dakako, sve su to Babukić i Mažuranić radili u najprisnijem dogovoru s Gajem, kako nam svjedoči Vatroslav Jagić (v. »Izabrane kraće spise« V. Jagića, Zagreb, 1948, str. 523.—531.) i njihov oštri protivnik Fran Kurelac, koji u knjizi »Recimo koju« (Karlovac, 1860, str. 122.) prigovara Babukiću, što se u gramatičkim pitanjima pokorava Gaju: »Iz toga se vidi, da je u nas republika književna jako zanosila na monarkiju, s tom dakako pohvalnom naměrom: da zaprěči anarkiju duhov in grammaticalibus.«

3. Odjek Gajevih pravopisnih i jezičnih reforama po hrvatskim i uopće jugoslavenskim krajevima pokazao je, da su Gajeva taktičnost i računanje s provincijalnim osjetljivostima bili zaista potrebni. Izuzevši oduševljene pristalice njegova kruga na Gajeve se reforme digla vrlo oštra vika sa svih strana. U samom Zagrebu izlazi već 1837. na njemačkom jeziku gramatika dotadašnjeg hrvatskog kajkavskog književnog jezika, što ju je napisao Ignjat Kristijanović (Grammatik der kroatischen Mundart), koji u predgovoru oštro osuđuje »zablude« i »drske napadaje« iliraca na hrvatski književni jezik, koji je narodu isto takva svetinja kao i vjera. No najneugodniji napadaji dolaze iz Dalmacije, gdje se 1844. u Zadru pokreće »Zora dalmatinska«, koja ne usvaja zagrebački pravopis, nego se drži dalmatinskog pravopisa iz 1821. (v. »Zora dalmatinska«, 1847, str. 11.), a priloge objavljuje pretežno ikavski uz manji broj ijekavskih priloga. Neobično su oštri bili napadaji »Zorinih« suradnika na zagrebački pravopis i ijekavski književni jezik. Dok se još »Zora« u prva dva godišta kolebala, u 40. broju III. godišta godine 1846. preuzima uredništvo Ante Kuzmanić i u »Pridgovoru« navješćuje, da »Zora dalmatinska« ostaje vjerna ikavštini: »A mi ćemo Dalmatinci pri našemu starinskom I ostati, jedno što ga ište pridivka našega Lista, a drugo, što ono po nikako jezika nekvari, nego je onoliko staro koliko Ie, i od postanja plemena Slavjanskoga svedjer je donje

od gornjih Slavjanah odlikovalo. Ta i dan današnji u samoj Rusiji ima deset tisućah tisućah (deset miljunah!) ljudih, koji ono I kao i mi izgovaraju ... Neka Serbljі i drugi pišu kako hoće, mi im to nezamiramo, ali opet želimo i prosimo, da nam ni oni nezamiraju, e inače bismo zaista dosta razgovora imali.« I već u 44. broju »Zore« istoga godišta gramatičar Šime Starčević napada oštro Gajev pravopis, »rogati verstopis«, »koi niti je Pemski, ni Poljski aliti Čehski, ni Lehski, ni naš Ilirski«, te veli, da bi volio, da mu svi rukopisi pred očima u vatri izgore, »nego da polak spomenutoga rogatoga verstopisa na svitlo izajdu«. A u 45. broju počinju izlaziti »Poslanice ličke pastirice Stane Gledovich«, koje se nastavljaju iz broja u broj, a pune su neukusnih oštrica, koje postižu vrhunac u osporavanju prava ilircima, da svoja izdanja zovu narodnima i ilirskima, te im se nameće pogrdan naziv Sutlo-Savo-Dravci: »U Sutlosavodravju zamishljena Glumarnica, ako se kada uzidje, mogla bi se pravedno u Zagrebu *Zagrebačka,* ali *Sutlosavodravska,* dali nikad *Narodna,* oli *Ilirska* nazvati« (br. 47., str. 374.). I tako »Zora« ostaje pri ikavštini i starom dalmatinskom pravopisu.

S ilirskim pravopisom i književnim jezikom nije zadovoljan ni književnik Fran Kurelac na Rijeci. U težnji za arhaiziranjem književnog jezika i povezivanjem s ostalim slavenskim jezicima on stvara umjetni jezik, a pritom napada ilirce tako oštro, da im čak osporava pravo na narodno vodstvo i naziva ih zbog približavanja Karadžićevu jeziku »nazovi-Hrvatima, laži-Hrvatima, uskocima«, kao što pokazuje ovaj citat iz njegove knjige »Recimo koju« (Karlovac, 1860, str. 158.): »... er *nazovi-hrvatske* strane, duhom uskočkim bęsne, trkimice u tabor se srbski, još dalji od hrvatskoga, zaletiše, te srbišu kako umędu: halavo i traljavo. Najmanje poznavaju narečja slovenskoga: *pravi Hrvati* već zato ne, er je narečje malko se od njih odvrnilo i odherilo ...; *laži-Hrvati* ne, er uskoci ničesa tako duboko iz uma ne meću nego ogo, čto su bili.« I taj vođa Riječke filološke škole, koji nije osamljen, osporava Gaju priznanje, da nam je uzvisio književni jezik. »Nije ga uzvislo«, veli Kurelac u istoj knjizi na str. 135., »er se mi ni danas još k slavi stare nam knjige primakli nismo; er nam je pisarija loša, kako nikad ne biaše ...«

Ali ni s Karadžićem ilirci nisu bili mnogo bolje sreće. On je bio tako nezadovoljan ilirskim pravopisom, da se bavio mišlju, da sam reformira latinicu za potrebe hrvatskosrpskoga jezika. U polemici s Babukićem god. 1846. on doslovno veli: »Ja sam nova slova za latinsku bukvicu radi naših riječi već pripravio, samo da se izrežu i saliju: ali mi se sad valja nakaniti, da što napišem, u čemu ću ih pokazati i objaviti.« (Skupljeni gram. i polem. spisi Vuka St. Karadžića, Beograd 1896, III., str. 203.). I u svojoj poslanici Anti Kuzmaniću u Zadar 1847. veli, »da je bolje, pravije i pametnije pisati n. p. *dite, lipo, lin* ... nego li *dęte* (ili *djete), lępo* (ili *ljepo), lęn* (ili *ljen*)«, kako ilirci pišu (Skupljeni spisi, III, 305.). Pa kad je Karadžić još izdao »Kovčežić za istoriju, jezik i običaje Srba sva tri zakona« u Beču 1849. i na str. 23. priznao za Hrvate samo one, »koji mjesto *što* ili *šta* govore *ča*«, on je time znatno otežao napore ilираca za književno jedinstvo, kako pokazuje štampa tadašnjega vremena. Zbog svega toga ni »Književni dogovor« od 28. ožujka 1850., u kojem su od pet točaka u četiri točke osuđena načela Zagrebačke filološke škole, nije mogao postići brz uspjeh. Tako su ga i same Gajeve »Narodne novine« u br. 76. godine 1850. popratile s priličnom rezervom: »Vrieme će naskoro pokazati jeda li je ovaj priedlog praktičan i vodi li u današnjem našem položaju k ožudjenoj slozi i jednakosti, ili pako naprotiv k još većemu ciepanju i književnom razdoru.« Upravo ova posljednja misao karakterizira pravopisna i jezična nasto-

janja ilirskoga kruga. Stoga i poslije Književnog dogovora ostaje sve, kao što je bilo i prije.

Sva ta ilirska načela brane njihovi sljedbenici: Veber, Jagić i Šulek pedesetih i šezdesetih godina. U članku »Quomodo scribamus nos?«, koji je izašao u Narodnim novinama god. 1859., u br. 37.—39., Vatroslav Jagić brani načela Zagrebačke škole ovim zanosnim riječima: »Jer kako kod nas još uviek stvari stoje, vèrlo grieši proti napredku našeg mladjahnoga čeda, i naraštaj mu prieči u mjesto da ga uzgaja svatko, ko god bez nužde i to kod sitnarijah, da se upravo tako izrazimo, neslogu uzmnaža i širi ondie, gdie prava jedinstva jošte nikad nije bilo... Moleć svakoga, komu je do našeg napredka štogod stalo, da osobito one rieči gospodina V(ebera) uvaži, gdie se kaže, naš je cilj i svèrha naša, da dobijemo jedan jezik književni...«. A pri tome su predstavnici Zagrebačke škole postepeno popuštali i mijenjali neke pravopisne osobine, na pr. *ě* u *ie, èr, àr* u *r*, ali uvijek s istim obrazloženjem. Tako Bogoslav Šulek u 1. br. »Nevena« godine 1854. u članku »Zašto odbacujemo *e* pred *r*-om u riečih *krv* itd.?« zagovara izbacivanje samogl. *e* upravo potrebom sloge: »Nadalje kažu protivnici, da sloga ište da pišemo svi *e* pred *r*-om; a mi kažemo, da sloga zahtieva upravo da ga izbacimo, jer će onda u ovom pogledu sloga zavladati ne samo kod pisaca služećih se abecedom, nego upravo kod svih jugoslavenskih književnikah, budući da onako pišu svi Srbljі i znamenita većina hrvatskih književnika.« A Veber Tkalčević je branio osnovna načela Zagrebačke škole istim argumentima u zagrebačkom »Viencu« čak g. 1884. u članku »Brus jezika ili zagrebačka škola«: »Zagrebačka je škola imala zadatak, da kajkavce i čakavce privede u kolo štokavaca, kako bi se razširilo književno polje... Pošto je to tako liepo pošlo za rukom, nesmije zagrebačka škola, razboritim načinom, obustaviti svoje spasonosne radnje, jer joj je još književno ujediniti barem Slovence, medju kojimi se upravo sada pojavljuju znameniti učenjaci, težeći za istim ciljem, koji će se sjegurnije postići zagrebačkom, nego li Daničićevom školom.«

Poslije bujnog cvata slovenske književnosti s Prešernom, Levstikom i dr. bio je to sada već, osobito što se tiče Slovenaca, grubi anahronizam. To je prvi realno osjetio Vatroslav Jagić, pa je već 1864. podvrgao znanstvenoj kritici zagrebački pravopis u »Književniku« opširnim člankom »Naš pravopis«. U njemu se Jagić izjašnjava protiv samoglasnika *è* i *à* ispred samoglasnog *r*, protiv nastavka *-ah* u gen. množine, za *ie* i *je* mjesto *ě*, za *ć* mjesto *tj*, ali i za blagu etimologiju, obrazlažući to nerealnošću snova o književnom jedinstvu i sa Slovencima: »Čim su dakle u nas nestala ona vremena, kada bezazleno snivasmo o nekom umjetnim načinom sagradjenom jeziku, koji bi, sastavljen iz svakojakih i svačijih ingredijencija, ugadjao svemu jugu, (nekoji, u kojih bijaše više esprit-a, priokupiše još i sjever!); čim dan današnji, neuspjehom poučeni, shvaćamo, da jedina unutarnja snaga valjano i na temelju podpune sloge medju Hrvati i Srbi razvijene narodne knjige može pritegnuti iztok i zapad: bilo bi, osvjedočen sam, suvišno svako oduže zagovaranje i zaštićivanje onoga, što si dan za danom sve dalje put krči, onoga, što se osniva na sasvim naravskom načelu...«. Iz krila dakle Zagrebačke škole izlazi naučna i ideološka kritika, koja doduše ne će pobijediti odmah, ali će znatno utrti put realističkoj reviziji njezinih pravopisnih i jezičnih načela.

4. Na sve navedene kritike i napadaje predstavnici Zagrebačke škole odgovaraju blago i obzirno, da nikoga posve ne odbiju od jedinstva. Poučan je u tom pogledu nepotpisani polemički članak »Naš pravopis i Zora dalmatinska«, koji je izašao u »Kolu« 1847. (str. 85.—93.), a autor mu je vjerojatno Vj. Ba-

bukić. Pošto je prikazao suštinu spora između Zagreba i Zadra, pisac upravlja usrdnu molbu »Zori«, da pristupi u jedinstveno kolo: »Bratjo Dalmatinci! Kud će suza već na oko? Čujte iskrenu rȅč jednog po rodu Vam i kàrvi brata! Čujte rȅč, u koju pristaju hiljade glavah jedne iste misli! Duh našeg vȅka jest duh probudjenja narodnosti, duh sjedinjenja srodnih silah i težnjah, u kojih se god one pokrajinah našle i pojavile. U tom duhu stoji tvàrda naša vȅra. Za taj pravac zanesla nas je sveta ljubav... Taj isti duh zavladao je i u Ljubljani i Biogradu, u Bratislavu (Požunu) i na Zlatnom Pragu... Pa šta ćete sad, kuda li? Kud drugud već opet u bratsko kolo... Hoće se slušajući ostalu svoju srodnu bratju Sàrblje, Hàrvate i Slovence, da se složite š njima kao s većinom u pravopisu i književnom (koliko bude od potrȅbe) jeziku. Ako to učinite, blago si i nama i Vama! Neuzhajate li, bratjo, za bratsku rȅč, a Vi u Boga našli! zašto nama ćete odsȅći jedan pàrst, a sebi desnicu ruku.« Tako je i Veber odgovorio na spomenute oštre i uvredljive Kurelčeve napadaje godine 1862. raspravom »Brus jezika« razborito, argumentirano, bez uvreda, otmjeno i s neprikrivenim poštovanjem protivnika. I Šulekov odgovor Karadžiću »Srbi i Hrvati« u »Nevenu« 1856. upravo je obrazac razboritosti, argumentiranosti, širokogrudnosti i težnje za bratskom pravednom slogom. Polemizirajući s jezičnim shvaćanjima Karadžićevim, Veber kao predstavnik Zagrebačke škole odaje svako poštovanje Karadžićevim zaslugama, »skida kapu pred Vukom«, ali ističe, da Karadžić ne može biti jedini i vječit uzor. »Nu piše li Vuk najizvrstnije za sve vjekove, je li bio tako filologički izobražen, da se njegov jezik može uzeti za alfu i omegu sve izvrstnosti našega jezika?« postavlja on jednom retoričko pitanje (»Djela A. Vebera«, III, 294), a drugi put opet ističe: »Naš književni jezik nije prihvatio načela, da je samo ono hrvatski dobro, što je u Vuku, mi smo unj gdješto primili i kajkavskih i čakavskih elemenata, osobito riečih, premda nam je jezgra štokavska.« (»Djela A. V.«, III, 75.)

Eto taj obzir i na kajkavce i na čakavce, ne samo na Hrvate, nego i na Srbe i na Slovence diktirao je predstavnicima Zagrebačke filološke škole, da postavljaju onakva pravopisna i jezična rješenja. Računajući s osjetljivostima na svima stranama ilirci uzimaju ijekavski govor štokavskoga narječja, no zadržavaju starije oblike radi kajkavaca, čakavaca, Slovenaca i književne tradicije, zadržavaju etimologičnost i neke tradicionalnosti starijega pravopisa, a pronalaze i srednja rješenja, na pr. ono s *ě*, samo zato, da se sve to što lakše primi na svima stranama. Tako dakako u potpunosti ne zadovoljavaju ni Dalmatince ni Karadžića ni Riječane, a ni neke pristalice kajkavskoga književnog jezika, ali i ne prekidaju svaku vezu ni s kojom stranom. Pritom je upravo karakterističan slučaj s »Književnim dogovorom« godine 1850. Gajevi ga ljudi potpisuju, Gaj ga objavljuje u »Narodnim novinama« s izvjesnom rezervom, ali ga odmah ne primjenjuje u praksi. Kad se iz današnje perspektive gleda sva ona pravopisna i jezična razrožnost u 19. stoljeću, čini se, da je takav postepen i taktičan način provođenja pravopisnih i jezičnih pitanja jedini mogao dovesti do konačnog uspjeha. Samo je tako bilo moguće, da je sam Ante Kuzmanić u 1. broju »Zore dalmatinske« 1. siječnja 1849. napustio dalmatinski »verstopis« i preuzeo Gajev pravopis, s vrlo kratkim obrazloženjem: »deržeći da današnja sloga slavjanska nije prazna rič«. Na taj je način Zagrebačka škola zapravo pripremila put završnom činu Broza i Maretića devedesetih godina. Svoj historijski zadatak, sveden dakako na realističku mjeru, ona je časno izvršila i zbog toga joj treba odati puno priznanje. Vodila ju je pritom velika ideja sjedinjavanja, za nju je pravopisno i jezično pitanje bilo političko pitanje, i to

vrlo važno političko pitanje, pa njezini pogledi nisu bili pogledi jednoga pojedinca, nego čitavoga skupa. Ideološki su dakle bili osnovi njezinih načela, namjerni, svijesni, taktični, tolerantni, zajednički, pa s toga gledišta treba prosuđivati njezine uspjehe i djelomične neuspjehe. Neke su pojedinosti njihova naučavanja doživjele s vremenom svoju korekturu, neke su se nametnule tek u novije vrijeme, premda su se tada nekima činile bogohulne, kao na pr. Veberove misli o posebnom pravu književnog jezika i o leksičkom odabiranju i iz dijalekata, no sve to nije toliko važno, kao što je važna činjenica, da je Zagrebačka filološka škola zaista ostvarila pravopisno i jezično jedinstvo svih Hrvata i utrla zdrave putove za takvo jedinstvo i Hrvata i Srba potkraj 19. stoljeća.

БЛАЖЕ КОНЕСКИ

НЕКОЛКУ БЕЛЕШКИ ЗА ЈАЗИКОТ НА ЈУЖНОСЛОВЕНСКИТЕ АПОСТОЛИ ОД ПРВАТА РЕДАКЦИЈА

Секако е нужно при изучувањето на Апостолот и од јазична страна да не се губи од предвид дека овој дел на Новиот Завет го чинат два, по содржина и стил, сосем различни текста — Дејанија апостолски, едно живо повеству̀вање, и Посланијата, трактат со филозофско-религиозна управеност, обележен со израз апстрактен. Тие две различни стилски ткива поставуваат посебни услови како во подборот на зборовите, така и во однос на лексичките и текстуалните подновувања. Додека зборот истина го среќаваме во Дејанија, во текстот што го содржат полните апракоси, само четири пати, во Посланијата тој се среќава околу шеесет пати. Додека зборот послати само во оная одломка од Дејанија, што ја содржи Слепченскиот апостол, се заменува седум пати од поновото поꙋстити, во Посланијата во истиот тој ракопис тој ни еднаш не е така заменет, иако и таму доста пати се јавува. Па е јасно дека обопштувања правени само врз основа на еден од деловите на Апостолот, или без и инаку да се има предочи споменатата разлика, можат лесно да уродат со едностраност.

Текстот на Дејанија, како поблизок до начинот на народното прикажување, порано и во поголема мера подлегнувал на извесни лексички подновувања, на кои понекогаш може да им се одреди и дијалектната основа. На некои такви подновувања во Дејанија се однесуваат и овие забелешки, направени при изучувањето на еден македонски апостолски текст од втората половина на XIII век, денеска чуван во Југословенската академија во Загреб. Овој ракопис (сигнатурата му е III а 48) треба наскоро да се отпечати во серијата „Стари текстови" што ја издава Институтот за македонски јазик во Скопје. Тој претставува одломка на Дејанија апостолски, заклучно со гл. XVII ст. 15, одломка од еден апостол со целостен текст.

При поблиското одредување на местото на овој ракопис меѓу другите јужнословенски апостоли од т. н. прва редакција пристапив кон споредување на лексиката на двата најстари претставници на таа редакција — Охридскиот и Слепченскиот апостол. Вакво споредување не изврши Г. А. Илјински во своето издание на Слепченскиот апостол, иако тоа ќе беше од важност за неговата теза за источното потекло на овој текст. Илјински се задоволи главно со загледување во местата посочени порано од Куљбакина во студијата за Охридскиот апостол.

Меѓутоа едно полно споредување покажува важни лексички разлики меѓу охридскиот и слепченскиот текст, пред сѐ во Дејанија апостолски. Само во текстот од гл. IX ст. 1 до гл. XVII ст. 15 на Дејанија се избројуваат околу стоипедесет места во кои се јавуваат лексички разлики меѓу нив, со повторување на некои зборови и по повеќе пати. Тие зборови ги претставуваат оние вериги од синоними што се веќе од времето на Јагиќа узнати како карактеристични за македонската, архаична, школа од една страна и за преславската школа од друга страна.

Ќе приведам за пример неколку од тие лексички наспоредици, ставајќи ги зборовите од Охридскиот апостол на прво место, а зборовите од Слепченскиот на второ: година — часъ, горница — въсходница, клеврѣтъ — дроугъ, ковъ — свѣтъ, колѣно — плѣмѧ, млъвити — плищевати, нравъі — законъі, заповѣди, питати — кръмити, послати — поустити, постити — алкати, скръбь — печаль, спира — множъство воинъско, стратигъ — воевода, стрѣшти — блюсти, съзидати — възграждати, сънъмиште — съборъ, сътѧзати сѧ — съвъпрашати сѧ, тлъкнѫти — оударити, ѫзъікъ — страна итн. Посебно ќе забележиме едно место во кое се покажува разлика меѓу двата текста и во самото подновување. Во гл. XVI ст. 27 Шишатовачкиот и Карпинскиот апостол го покажуваат старото читање изємь ножь, заменето во Охридскиот апостол со изъвлѣкъ ножъ (вака и во Хваловиот ракопис; во Загребскиот бр. III а 48 листот со ова место е загубен). Истото место Слепченскиот го подновува поинаку: изъмъкъ ножъ (измокъ ножъ во Толстовскиот апостол од XIV век). Како што се гледа, изємъ се чувствувало доста рано како сметлив архаизам и било заменувано со поразбрани зборови. Самото заменување во Охридскиот и Слепченскиот апостол е доста показателно, бидејќи има и извесна дијалектна подлога. Во западномакедонското наречје е обичен во горното значење глаголот *извлече*, додека *измолкне* (преобразувано од *измокне*) се употребува поретко, со посебна аугментативна нијанса во значењето. Затоа и изборот на формата изъвлѣкъ на споменатото место во Охридскиот апостол не е случаен, како што не е случајно ни претпочитањето на изъмъкъ во Слепченскиот апостол. Тој избор бил потскажан од самата говорна средина.

Споредувањето на Загребскиот ракопис III а 48, од лексичка гледна точка, со Охридскиот и Слепченскиот покажува дека на односните места тој, освен во неколку случаи, се согласува со Охридскиот апостол. Истиот однос можеме да го установиме и за Македонскиот и ли Струмичкиот пракс-апостол, судејќи по описот даден од Ј. Поливка во X том на Јагиќевиот Архив. Така се изделува, значи, една тројка од македонски апостолски текстови од XII—XIII век, блиско поврзани меѓу себе по својата лексика.

Но и споредувањето на односните места со Шишатовачкиот и Хваловиот ракопис покажува дека и тие текстови во најголемиот број од лексичкитенас поредици во Дејанија се согласуваат со Охрид-

скиот апостол, односно натаму и со споменатите македонски текстови. Тоа е само уште една потврда за познатиот факт — дека текстовите од македонската школа, со својот поархаичен јазик, служеле како обрасци за препишување во српското и хрватското подрачје.

Следствено, при работата над поблиската класификација на апостолите од првата редакција, по Воскресенски, работа што допрва чека да биде извршена — не може да се мине и без основно вникнување во нивната лексичка страна. Навистина, не секогаш лексичките совпаѓања меѓу два текста едновремено означуваат и нивно полно совпаѓање во чисто текстово-редакционен поглед. Но ако не секогаш, многу често е токму таков случајот. И обратно, многу често лексичките подновувања одат заедно и со една поширока интервенција во самиот текст, не останувајќи само замена на збор со збор.

Во Симеоновата епоха беше, како што е познато, спроведена извесна ревизија на словенските преводи, која го зафатила и текстот на апостолот. Македонските текстови, иако македонската школа се карактеризира општо со поизразит конзерватизам, не останале незасегнати од таа ревизија. Нејзиното влијание го гледаме изразено и во Загребскиот ракопис III а 48.

Две основни причини можат да се наведат за раното проникнување на тоа влијание во македонските текстови: 1. потребата да се поправат некои расипани места во текстот или да се заменат некои зборови станати необични и 2. комплетирањето на изборните четива во целостен текст, при кое — особено во случај на немање на соодветен комплетен македонски текст — станувало нужда дополнувањата да се вршат спрема текст од преславска редакција.

Едно место, во кое можеме да ги согледаме наедно споменатите подбуди за подновување, имаме во Дејанија гл. XI ст. 26—30. Охридскиот и Слепченскиот апостол ги испуштаат тука стиховите 27 и 28, што секако иде од првобитниот превод. Станувало, по таков начин, нужда за дополнување на текстот. Притоа во апостолот III а 48, како и во Шишатовачкиот, кои го даваат ова место целосно, настанале извесни подновувања и тоа во полза на читањето во Слепченскиот апостол. Во ст. 26 **снимати сѧ** (Охр. ап.) е заменето со **събирати сѧ** (Шиш.), **съврати сѧ** (Загр. III а 48—Карп.), а **оучити народы** е заменето со **наѹчити народъ многъ** (Шиш. **народы многы**). Слепченскиот има: **събирати сѧ** и **наоучити многъ народъ**. Шишатовачкиот текст покажува овде и други подновувања согласно со Слепченскиот: во истиот ст. 26 има **прьвоє** за **прѣжде**, а во ст. 29 **поѹстити** за **послати**. Хваловиот ракопис го задржува **снимати сѧ** во ст. 26, но и тој отстапува од Охридскиот апостол со читањето: **наоучы народъ многъ**. Во целост примеров е показателен за тоа од што можело да се побуди пренесувањето на варијанти од подновениот текст.

За такво пренесување преку дополнувачкиот текст Загребскиот ракопис III а 48 ни дава уште неколку интересни показанија. Не е случајно на пример што во гл. II ст. 12 и 13, кои стихови баш ги

нема во Охридскиот апостол, читаме во него ваков текст со подновувања: Оужасахѫ сѧ вси: и недомышлѣхѧ глаголѧще: что се хоще быти: дрѹзи рѫгаѫще сѧ глаголахѫ: ꙗко пиꙗни сѫть, — наспрема соодветниот текст во Шишатовачкиот апостол: дивлꙗхоу же се кь себѣ глаголюще· чьто оубо хощеть се быти; инии же роугающе се глаголахоу· ꙗко мьстомь испльнѥни соуть (во Хвал. ракопис: дивлꙗхоу же се всы и стезахоу се ...). Очевидно се работи за дополнително прибавување на овие стихови во ракописот III а 48, односно во некој од текстовите што му претходеле, со кое и се внесле тука подновувањата.

Загребскиот ракопис покажува во комплеториот дел неколку лексички отклонувања од текстот во перикопите, од кои е најупадливо заменувањето на предлогот ради со дѣлѣ во гл. III ст. 10, во спојот милости дѣлѣ (Хилфердинговиот апостол бр. 1 од XIV в. и Хваловиот ракопис од поч. на XV в. имаат тука ради). Познато е, имено, дека предлогот дѣлѣ е еден од најкарактеристичните белези на преславската школа. Инаку е интересно дека тој предлог не го среќаваме воопшто во Слепченскиот апостол-апракос.

М. П. АЛЕКСЕЕВ

СЛАВЯНСКИЕ ИСТОЧНИКИ „УТОПИИ" ТОМАСА МОРА

Книга Томаса Мора „о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии" (1516) принадлежит к числу важнейших памятников английской гуманистической мысли; она является книгой, открывшей собою новую страницу в истории социалистических идей, давшей имя своеобразной литературной форме нового времени — „утопическому роману"; с ней связано целое направление общественных идей, давшее исторически важные результаты и в искусстве, и в философской мысли, и в государствоведении, наконец и в практическом строительстве новых форм социальной жизни. Неудивительно, что „Утопии" посвящена обширная научная литература на всех европейских языках. Тем не менее, многочисленные исследователи „Утопии" не смогли еще достаточно убедительно объяснить, как возникла эта книга, под какими воздействиями она создалась и как следует толковать происхождение целого ряда своеобразных особенностей социального строя утопийцев.

В литературе о Т. Море наиболее распространены гипотезы о том, что основная повествовательная рамка второй части „Утопии" — рассказа о государстве справедливых людей, живущих на основе равенства и согласия, — была подсказана ему путешествиями в только что открытый Новый свет; отсюда обычно далается заключение, что Мор локализовал свой воображаемый остров где то на далеком заокеанском Западе, неподалеку от новооткрытого американского континента. Эти гипотезы, однако, неубедительны, так как они не учитывают ни тех весьма ограниченных сведений об Америке, какие могли быть в распоряжении Т. Мора и его современников, ни прямых указаний, данных самим автором в тексте „Утопии" относительно путей странствований его героя. Если вдуматься в эти указания и перевести употребленную Мором топонимическую терминологию на современный географический язык, то, окажется, что Гитлодей, прежде чем открыть остров утопийцев побывал у берегов Индии и на Цейлоне. Это приводит к мысли, что внимание Т. Мора сосредоточено было не на новооткрытой Америке, а на тех районах южной Азии и Африки, о которых гуманистическая география его времени знала из античных источников, и, в первую очередь, из возрожденного гуманистами Птолемея. Что касается перуанского „государства инков", о которых напомнили некоторые недавние исследователи „Утопии", открывая

в его социальном строе известные аналогии с утопийским, то необходимо иметь в виду, что рассказы об инках распространились в Европе только в конце XVI и нач. XVII в., т. е. почти столетие после того как „Утопия" Т. Мора вышла в свет.

К Африке или к Индии влекла внимание Мора, хорошо известная ему по многим источникам, легенда о пресвитере Иоанне и его царстве, — эта своеобразная средневековая „утопия" о блаженной стране, в которой люди живут не зная ни лжи, ни татьбы, ни разврата. Сколь ни различествуют повествование о социальном быте утопийцев и рассказы о жизни подданных пресвитера Иоанна, но Т. Мор все же мог воспользоваться некоторыми подробностями о легендарном царстве пресвитера, заимствовав их, в частности, из „Путешествий сэра Джона Мандевиля".

Гипотеза Г. Брокгауза, сопоставившего государство утопийцев с реальной „монашеской республикой" Афона (H. Brockhaus. Die Utopia-Schrift des Thomas Morus, Lpz.—Berl. 1929) полна преувеличений и натяжек, однако содержит в себе здоровое зерно — попытку связать „Утопию" с районами греческого архипелага и Средиземным морем. Именно в этой части земного шара, столь хорошо известной гуманистам, Т. Мор и мог скорее всего локализовать свою „Утопию", тем более, то он и сам возвел предков утопийцев к „древним грекам". Т. Мор противопоставил строй, изображенный им в „Утопии" строю всех европейских государств, основанных на частной собственности. Поэтому ни рабовладельческое общество Платона, ни коммунистические идеалы, как они рисовались ранним христианским писателям и передовым представителям средневекового сектанства не могли быть источниками „Утопии". Влияние на концепцию Утопии Т. Мора как идей Платона, так и католической литературы средневековья было безусловно слишком преувеличено. Эти источники могли дать только известное направление творческой мысли автора, создававшего в своем воображении государство, в котором господствует полная социальная справедливость (из всех этих источников наибольшее значение для Т. Мора могли иметь дошедшие до него известия о гуситских войнах в Чехии, об идеалах „таборитов", уничтожавших золото и драгоценности и практически осуществлявших обобществление имущества и даже разделение труда, — но этот вопрос подлежит еще особому и доныне отсутствующему исследованию).

Большинство исследователей, изучавших представленные в „Утопии" картины идеального общественного устройства, всегда с некоторым затруднением останавливались перед некоторыми его особенностями, которые казались странными, противоречивыми, не вполне согласующимися с целым. Таковы, например, особое значение семейного начала у утопийцев, наличие „князей" и даже „короля" — при республиканском строе и — существующие у утопийцев своеобразные формы „рабства" — при наличии равенства граждан. В „Утопии" Мора все граждане живут семьями, при этом земля является собственностью государства, а семья и роды владеют недвижимым имуществом только временно.

Все эти очень своеобразные особенности социального и бытового строя утопийцев наводят на мысль, что Т. Мор знал о славянской сельской общине и что „большая семья" („задруга") адриатических славян является прототипом общественного строя справедливых людей в воображаемом идеальном государстве английского гуманиста. В настоящее время можно считать вполне установленным, что „семейная община" представляла собой явление исторически универсальное, существовавшее у многих народов; недаром, однако, именно славянская семейная община, в особенности же ее южнославянская форма, стала основой и первоисточником всего учения об этом своеобразном типе хозяйственно-производственной ячейки, которая в состоянии была существовать в условиях развитого классового общественного строя, продолжая воплощать в себе даже в самые поздние периоды своей исторической жизни типичные пережитки древнего первобытно-общинного начала. Существование „семей" подобного типа у славянских народов засвительствовано в гораздо большем количестве письменных источников, чем относительно любого другого народа Европы, древнего или нового времени. С другой стороны, именно у южных славян семейные общины держались особенно долго, устойчиво сохраняя свои издавна сложившиеся черты и особенно упорно сопротивляясь своему распаду даже в условиях достаточно высоко развитого экономического окружения.

„В деревне на всех полях, — читаем в „Утопии" — имеются удобно расположенные дома, снабженные земледельческими орудиями. В этих домах живут граждане (переселяющиеся туда по очереди из города). Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее сорока человек — мужчин и женщин, кроме двух приписных рабов. Во главе всех стоят отец и мать семейства, люди уважаемые и пожилые, а во главе каждых тридцати семейств — один филарх." В утопийском государстве дети мужского пола и внуки остаются в семействе. Все хозяйство ведется сообща под руководством старейшин. Семьи делятся только тогда, когда количество членов превосходит число, определенное государством. Все эти подробности (родство входящих в общины членов, общность имущества, общий труд, преследующий „общинные" интересы, единоличный принцип управления и т. д.) приводят к выводу, что утопийские общины и славянские „задруги" имеют удивительное и едва ли случайное сходство. „Отца" и „мать" обширной сельской семьи утопийцев нетрудно отождествить с „домачином" и „домачицей" югославской „задруги". Так же, как и в задругах, в семьях утопийцев остаются дети мужского пола, подчиняющиеся старейшему из родственников, — „если только его умственные способности не ослабели от старости". Те же подробности мы находим в родовом строе югославских задруг.

Документальные данные об общинном землевладении у южных славян восходят к первым известиям о славянском населении балкан, а для периода между XII—XV веками имеется уже целый ряд памятников юридического характера, в которых отражена структура общин на Адриатическом побережье. Общинное владание землей, выборность

„князя" (старейшины) хорошо отражено в наиболее древних законах маленьких своеобразных государств — Винодола, Полицы. Общественные должности республики Полицы, входившей в состав Венецианского Государства, напоминают „филархов" и „трибороп" Утопии. Как и у древних славян, у адриатических славян XV века „рабами" были, главным образом, военнопленные, отпускавшиеся за выкуп. Правда, новейшие исследования советских историков (в особенности акад. Б. Д. Грекова в его книгах: „Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице в XV—XVII вв.", М. 1951, и „Винодол", М. 1952) внесли значительные коррективы в построения старых исследователей славянского права (например Ф. Леонтовича) и показали, что уже в XV веке феодальная система пустила глубокие корни на территории Далмации. Общинно-родовой строй уже умирал, но пережитки его сохранялись еще долгое время.

Конечно, Т. Мор не мог быть знаком со статутами и законами Полицы, Винодола и других южнославянских архаических государственных образований. Но следует думать, что он слышал о пережитках родового строя в венецианской Далмации, и что сведения об этом направили его мысль по определенному руслу; правда, дошедшие до него рассказы о славянских общинах должны были подвергнуться в его восприятии довольно значительной творческой переработке. Гипотетически можно наметить и те пути, которыми шли к Т. Мору предполагаемые нами известия об адриатических славянах и их общинно-родовом строе.

Славянские земли Адриатического приморья были хорошо известны в Европе в конце средних веков; особый интерес вызывали они к себе в гуманистической Италии. В конце XV в. территорией Далмации (кроме Дубровника) владела Венеция; полное подчинение славянского приморья Венеция закончила, однако, только к самому концу XV в., к тому времени, когда ожесточенные войны венецианской республики с турками (1468—1479, 1499—1502) привлекли к себе напряженное внимание во всей Европе, в том числе и в Англии.

Славянский элемент играл значительную роль в венецианской культуре, особенно в XV столетии. У поэтов и писателей Италии встречаются многочисленные упоминания о славянах Далмации; в то же время многие дубровчане и далматинцы прославились, как латинские поэты и ученые. Далматинские поэты-гуманисты, печатавшие свои произведения в Венеции и Базеле должны были быть известны английским гуманистам, в первую очередь Т. Мору, как известны они были другу Мора — Эразму Роттердамскому. Томас Мор хорошо знал Венецию, где жил несколько лет один из оксфордских гуманистов, Томас Линакр, обучавший Мора греческому языку. Из Венеции Мор получал издания греческих и римских классиков. Отсюда возникает предположение, что в окружении венецианского типографа Альда Мануция - старшего возникали знакомства и связи английских гуманистов с далматинцами.

Особого внимания заслуживают связи Т. Мора с венецианскими дипломатами в начале XVI века. В течение многих лет Мор поддер-

живал дружеские сношения с венецианским посланником при дворе Генриха VIII — Себастьяно Джустиниани. Т. Мор очень тепло отзывается о Джустиниани („этом почтенном человеке, получившем большую опытность на дорогах жизни") в своем письме к Эразму от 3 сентября 1506 г., а Джустиниани, в свою очередь, дважды писал в Венецию о Т. Море, как о своем „близком друге" (Foor Years at the Court of Henry VIII. A Selection of the Dispatches of Justiniani, ed. Rewdon Brown, vol. II, Lond., 1854, p. 162, 215—216). Этот Джустиниани, до приезда своего в Англию был однако „proveditore generale" Венеции в Далмации и несомненно хорошо знал весь этот славянский край. Возможно, что именно через его посредство Мору и стали известны данные о славянских общинах Далмации. Это тем более вероятно, что по свидетельству Т. Мора Джустиниани был почитателем Эразма, следовательно не только политическим деятелем, но и человеком, причастным к гуманистической культуре.

К первому изданию „Утопии" 1516 г. был приложен „Алфавит утопийцев" и „Четверостишие" на фантастическом „утопийском языке". Высказывалось не-мало предположений относительно того, как возникла в воображении Мора утопийская азбука. Конечно, она имеет сходство с латинскими и греческими литерами, намеренно видоизмененными. Тем не менее обращает на себя внимание и то несомненное сходство, которое некоторые из утопийских букв имеют с глаголическими. Это может служить лишним аргументом в пользу высказанной выше гипотезы. Известно, что ко времени создания „Утопии" глаголица еще широко употреблялась в Далмации. Т. Мор мог и сам видеть глаголические печатные книги и рукописи. Таким образом можно прийти к следующим основным выводам:

1. Исходя из признания Т. Мора о том, что он с особенной охотой слушал рассказы путешественников о различных формах общественного устройства на всех концах известного в то время мира, необходимо внимательно изучить все то, что он мог знать о различных государственных формах его времени.

2. Интересы Т. Мора как гуманиста были сосредоточены на том географическом районе, который был тесно связан с греко-византийской и римско-итальянской культурами.

3. Особый интерес Т. Мора к Венеции дает возможность допустить, что он знал также и о ее славянских владениях. Из печатных источников или устных рассказов Т. Мор мог знать особо и о славянских общинах Адриатического приморья, сохранивших многие архаические черты; о некоторых из них он мог вспомнить, создавая „Утопию", в которой можно найти и другие отзвуки его знакомства со славянским миром.

ANDRÉ MAZON

АРТАѲЕРѲОВО ДѢИСТВО

LA COMÉDIE D'ARTAXERXÈS DE GREGORII LE PASTEUR (1672)

Les historiens de la littérature russe considéraient comme à jamais perdue cette première tragédie jouée en Russie, et ils se voyaient réduits à imaginer ce qu'elle avait pu être. La voilà maintenant retrouvée dans un manuscrit bilingue de la Bibliothèque de la Ville de Lyon provenant d'un don fait au Collège de la Trinité par l'un des jésuites les plus érudits du XVIIe siècle. Ce donateur n'était autre que le R. P. Claude-François Menestrier, l'historien de »la vie civile et consulaire« de Lyon, le célèbre héraldiste, le chroniqueur des pompes royales, des feux d'artifice et des ballets, l'inventeur d'une philosophie des emblèmes à laquelle se rattachera le fameux recueil des *Symbola et Emblemata* imprimé à Amsterdam en 1705 à l'intention de Pierre le Grand, l'archéologue enfin qui pensait avoir identifié dans l'Abbaye de Villiers le tombeau de l'épouse russe d'Henri de Valois, la reine Anna Jaroslavna, l'Анна Ръина, de qui la signature a provoqué parmi les slavistes tant de discussions.

Ce manuscrit laisse apercevoir son histoire et même la raison de sa présence à Lyon. Le Prologue, en allemand, est de la main même du pasteur Gregorii qu'une tradition constante a toujours présenté comme l'auteur de la pièce. L'écriture des parties latines, confrontée avec celle de quelques documents des Archives du ministère des Affaires étrangères de Paris, est l'écriture de Laurent Rinhuber, l'ami saxon qui a préparé le spectacle avec le pasteur (ne prenons point pourtant à la lettre le »me socium sibi adjungens« du vaniteux personnage!). Or la vie aventureuse de ce luthérien en coquetterie avec les papistes, si spirituellement contée par le P. Pierling, l'avait conduit en 1678 à Paris, Fontainebleau, Orléans et Lyon, puis, après un séjour discret à Rome au Collège de la Propagande, en 1681, de nouveau à Paris, où le R. P. Menestrier se trouvait fréquemment, notamment pour y prêcher le Carême et l'Avent. C'est par Rinhuber, toujours impécunieux, que le manuscrit, emporté de Moscou, a dû être vendu au jésuite lyonnais: »Le volume, note Delandine dans son Catalogue, a été acheté par le P. Menestrier qui en a fait don à la Bibliothèque«. L'original allemand est d'une écriture qui ne semble pas être celle du pasteur, bien que celui-ci en soit l'auteur. L'adaptation slavon-russe, qui figure en face du texte allemand, accuse plusieurs mains différentes, et les nombreuses incorrections que l'on y relève, à côté de germanismes, paraissent être imputables à un traducteur étranger plutôt qu'à la négligence des copistes*.

* La Comédie d'Artaxerxès présentée en 1672 au Tsar Alexis par Gregorii le Pasteur. Texte allemand et texte russe publiés par André Mazon et Frédéric Cocron, Paris, 1954 (Bibliothèque russe de l'Institut d'Études slaves, XXVIII).

La pièce, qui comprend 7 actes, a été pudiquement amputée de l'acte II où Artaxerxès avait à choisir Esther entre toutes les beautés de la Perse s'offrant à prendre la place de Vasthi: le talon de 14 feuillets témoigne de cette amputation regrettable. Mais, par contre, les deux pages initiales du manuscrit, entre l'argument en latin et la liste des personnages et des acteurs (tous portant des noms allemands), nous offrent un schéma de l'intermède dont les tableaux se succédaient pendant les entractes: querelle de ménage entre mari et femme *(Mops* et *Elena)*, injures, rossée mutuelle, puis réconciliation finale par l'immolation du tiers qui a causé la querelle (*Myšelov* »Chasse-souris«).

Le drame retrouvé n'a rien de commun, hors la légende biblique d'Esther, avec celui que les historiens de la littérature ont eu parfois l'imprudence d'imaginer sur la seule foi de témoignages indirects et surtout de leurs propres conjectures. Cette *Esther* (Єсѳирь) n'est pas celle des comédiens anglais, non plus qu'aucune autre de celles qui ont été publiées ou analysées; quant à l'intermède, il procède, bien entendu, d'un type connu de scènes de ménage (la femme qui prétend porter la culotte), mais il n'a pas, jusqu'à présent, de correspondant exact. L'auteur a suivi la Bible à la fois d'après la Vulgate romaine et la Vulgate protestante en s'attardant par trop au roman de cour de Vasthi et à la conjuration des eunuques, si bien que le drame véritable ne s'engage qu'au IVe acte. Mais c'est la figure d'Artaxerxès — là est l'originalité de l'écrivain — qui a été placée au centre de la pièce, et qui en assure l'unité: Пртаѯерѯово дѣйство. Sans doute le destin du peuple élu menacé de destruction par Haman et sauvé par Esther et Mardochée demeure-t-il l'essentiel du drame, mais le héros en est Artaxerxès, symbole de puissance, d'équité et de tolérance, tel en somme qu'apparait au pasteur luthérien le tsar Alexis Michajlovič, ce protecteur généreux des chrétiens de la Confession d'Augsburg qui ont trouvé asile à Moscou. C'en serait assez de cette inspiration »locale« pour attester que l'oeuvre a été écrite à Moscou, dans l'atmosphère de la *kirka* des officiers réunis autour du général Baumann, et cela par un pasteur lettré ayant déjà fait ses preuves comme poète et sachant honorer les princes. Que l'on relise les poésies d'occasion signées par Gregorii, et le pieux courtisan se reconnaîtra aussitôt; que l'on relise la *Judith*, avec ses scènes militaires d'avant-poste et ses plaisanteries de corps de garde, et l'on se rappellera le passé romanesque du jeune Saxon qui, certes, ne songeait pas à devenir un jour ministre protestant, alors qu'il servait dans la cavalerie suédoise, puis dans une compagnie de *rajtarowie* polonais. Le texte découvre son auteur.

Mais le manuscrit de Lyon éclaire d'une lumière nouvelle la personnalité de l'écrivain. Le dramaturge est improvisé, et pourtant il ne manque ni de vigueur ni parfois d'habileté. L'écrivain, lui, atteste son expérience par une aisance rare à manier le vers iambique, par la souplesse et la force du mouvement, par la vivacité de ses répliques, par la netteté de ses images, par son sens de la poésie biblique: son oeuvre nous révèle non seulement un humaniste sachant le latin, peut-être le grec, et lisant les Psaumes dans l'original hébreu, un parfait »honneste homme« au langage courtois et parfois même un peu précieux, et mieux encore, au jugement de M. Maurice Gravier qui est un profond connaisseur du théâtre en Allemagne au XVIIe siècle: un vrai poète qui se détache sur son époque par son indépendance de dramaturge autodidacte, plus spontané, plus direct, moins pédant que le savant Gryphius. Le texte allemand que nous venons de publier

avec M. Frédéric Cocron, et que complètent les observations présentées par M. Maurice Gravier dans les *Études germaniques* (1956) et par M. Unbegaun dans la *Revue des Études slaves* (1955), permettra aux germanistes de marquer la place de l'*Artaxerxès* de Gregorii dans la littérature dramatique de son temps, et les comparatistes y relèveront de curieux échos d'un style galant qui rappelle celui des premières comédies de Corneille:

Eilt hin zu meiner Königinne
u. bringt ihr dis mein Gnadenwort:
ich sehne mich mit Hertz u. Sinne,
das sie bey mir mag kommen ein.
Ich kan ohn sie nicht lustig seyn,
last sie mit ihrer Krone gehn
geschmükt, wie sie mir meist gefäll't,
damit auch meine Fürsten sehn,
da sie die schönst ist in der Welt.
Thut das mit Demuth, Dienst u. Ehr!

Il ne saurait être question de peser dans les plateaux d'une même balance l'original allemand et la traduction, ou plutôt l'adaptation slavon-russe de la *Comédie d'Artaxerxès*. Les gaucheries et les obscurités du début, la maladresse qui, par bonheur, va s'atténuant d'acte en acte, les incorrections de morphologie et de syntaxe que M. Frédéric Cocron a relevées dénoncent à l'évidence un traducteur étranger secondé par d'assez mauvais copistes: à savoir le pasteur lui-même recourant à l'aide éventuelle de Russes ou d'Allemands de Moscou (du Service des Ambassades: Посольский приказ) qu'il imaginait mieux qualifiés que lui. Cette traduction, cependant, témoigne dans son ensemble d'une connaissance du slavon-russe fort honorable, et Gregorii, s'il en est l'unique auteur, peut être félicité à juste titre en dépit de certaines fautes et de quelques germanismes bien excusables. On y retrouve souvent, surtout dans les derniers actes, les qualités du poète à qui nous devons l'original allemand: l'allure franche, la vigueur du dialogue, un certain ton courtois et, dans les parties lyriques, les réminiscences des Psaumes s'organisant spontanément en strophes aisées, simples et parfois fortes, comme dans le choeur final où la voix des soldats de Cambyse se confond avec celle des vieux juifs et des jeunes juives qui entourent Esther:

Богъ всѣхъ боговъ,
Спаситель бѣдныхъ,
Все живетъ, воинствуетъ и воздаетъ.

La facture poétique du texte slavon-russe, que M. Unbegaun a pris le soin d'examiner (*Revue des Études slaves*, 1955, p. 32—41), est dans l'ensemble celle d'une prose rimée découpée de manière fantaisiste en vers variant de 11 à 18 syllabes, mais rappelant le plus souvent l'alexandrin polonais alors à la mode en Russie. Il est curieux pourtant de noter, à la suite de M. Unbegaun, que le Ier acte offre plusieurs vers qui ne sont pas du type syllabique, mais d'un type tonique correspondant à celui de l'original allemand, ainsi:

Тáко и нáмъ царёмъ достойтъ сотворя́ти:
всѣхъ подданныхъ своихъ в щедротахъ призира́ті.

Il semble bien que Gregorii comme le pasteur saxon Johannes Ernst Glück (1652—1705), comme le magister Johann-Werner Paus (1670—1734)

et comme aussi le diplomate suédois J. G. Sparwenfeld (1656—1727), se soit d'abord proposé d'adapter au russe le type syllabo-tonique de la poésie allemande. Il devançait ainsi d'une soixantaine d'années la réforme de la versification russe attribuée à Trediakovskij. Mais la tentative, à l'épreuve, lui a paru difficile, et, pressé comme il l'était d'achever sa pièce, d'ordre du tsar, dans le plus court délai, il s'en est tenu au type syllabique, ou présyllabique, qui est, dans l'ensemble, celui de l'*Artaxerxès*.

Le manuscrit de Lyon, s'il a le mérite d'éclairer les conditions dans lesquelles Gregorii a composé sa première oeuvre, oblige les historiens du théâtre russe à réexaminer à nouveau, et en son entier, le répertoire attribué par la tradition au pasteur. Il ne leur est plus possible de s'en tenir aux données du recueil classique de Tichonravov. N'existerait-il pas, pour un ou pour plusieurs drames, un manuscrit bilingue comparable à celui de l'Artaxerxès? Ou bien, si les recherches qui doivent être tentées dans les Archives aboutissaient à un résultat négatif, serions-nous autorisés à supposer que le pasteur, instruit par l'expérience de son premier essai et plus sûr de lui-même, aurait renoncé par la suite à rédiger d'abord ses oeuvres en allemand et se serait risqué à les écrire directement en slavon-russe? Ce serait là une conjecture vraisemblable, mais qui devrait s'accompagner d'indices solides. De toute manière, ce répertoire dit »de Gregorii« est d'un intérêt exceptionnel et vaut d'être soumis à un nouvel examen comparatif et critique, et cela pièce par pièce, car, malgré quelque air de famille, il n'est pas rigoureusement certain que Gregorii soit l'auteur de toutes les pièces qui lui sont imputées.

FRAN PETRÈ

OD MODERNE DO EKSPRESIONIZMA I NADREALIZMA*

U 19. stoljeću predstavljaju jugoslavenske književnosti u svojim glavnim crtama srazmjerno jasan i jednostavan duhovni proces. Pored vlastitih umjetničkih ciljeva one potpomažu naciju u njezinoj borbi za održanje i izgradnju. Ponekad nailazimo upravo u književnim djelima na najsnažnije manifestacije političkih i nacionalnih ideala. Samo iznimne ličnosti popele su se nad te horizonte i održavale korak s traženjima književne Evrope.

Sa nastupom pravca Moderne krajem stoljeća književni proces postaje širi i kompliciraniji. Njegovi pripadnici prenose k nama tekovine simbolizma i pjesničkog impresionizma sa širokom skalom izričito ličnog proživljavanja i osvježenjem izraza. Od tog vremena dalje u književnosti paralelno živi nekoliko smjerova: realizam starije generacije, naturalizam (koji se u svoje vrijeme nije potpuno formirao, pa se zadržao u raznim manje razvijenim oblicima sve do danas), ekspresionizam, nadrealizam i novi, humani ili socijalni realizam.

Sporni su sudovi o vrijednosti oba krajnja smjera u razdoblju između dva rata, o ekspresionizmu i nadrealizmu. U njima su učinjeni izvanredno smioni pokušaji protiv svih granica i literarnih norma, postavljenih za vrijeme romantike i realizma. Ti su pokušaji pobuđivali kod kritike i književne publike strah da književnost kreće na bezizlazne putove, da se srozala visina stvaranja, da je književnost prestala biti umjetnički odražaj životne stvarnosti, da je unijela opasnu anarhiju u književni izraz, da je nastupilo vrijeme bez pravih talenata i da je domet savremene književnosti ispod veličine genija romantičara i realista.

Ondašnja književna kritika nije riješila ta pitanja, a nije ih ni dovoljno osvijetlila. Živjela je pod teretom historizma. U poštivanju dostignuća prošlosti i pod dojmom napora, koji je bio potreban, da se steknu iskustva generacije, ona je privikla gledati unatrag. To joj je priječilo, da se uživljava u ono, što je nastajalo i da na osnovu same geneze prosuđuje vrijednost i perspektivu novih pojava. Uglavnom se smatralo, da ti smjerovi ostaju daleko od naše društvene stvarnosti, uopćivaju nevažne, manje bitne pojave, ukoliko nisu uopće, zbog svojih lutanja po labirintima individualizma, antisocijalne prirode. Više su se primjećivala ekspresionistička i nadrealistička traženja novih načina pjesničkog izražavanja, nego bit pokreta. Nove su forme smetale i odbijale svojom nejasnoćom.

Zadatak povijesti književnosti bio bi da u okviru općeg istraživanja danas već zaključenog razdoblja između dva rata odredi mjesto i vrijednost i tih pojava. Taj cilj postavlja pred nas u prvom redu potrebu da se utvrde primarni

* Ovaj referat, održan na Međunarodnom slavističkom sastanku, objavljuje se u nešto skraćenom obliku u „Die Welt der Slaven".

elementi navedenih smjerova i društveni razlozi zbog kojih je moglo doći do njih. Ta su pitanja u prvom redu idejno-filozofske prirode, dok su određene forme, vrsta pjesničkog izražavanja i jezična građa, kojom se služio jedan ili drugi pravac, tek sekundarnog značaja. Napose treba komparativnim načinom odrediti, u kakvoj su vezi avangardističke pojave iz jugoslavenskih književnosti sa srodnim pojavama u drugim književnostima.

Talijanski futurizam, koji se javio 1910. godine, bio je zapažen u našoj publicistici, no iz ideoloških razloga Marinetti sa svojom grupom nije mogao naći sljedbenika. Njegov panitalijanizam, propaganda tripolitanskog rata, podupiranje talijanskog imperijalizma i zahtjev da bude vlada dinamična, »futuristička«, mogao je naići jedino na otpor. Suviše je radikalan ispao i njegov prijedlog, da se piše bez sintaktičke pravilnosti i interpunkcije, kao i njegovo odbacivanje cjelokupne umjetničke tradicije. Time pravac kao cjelina nije mogao doći do izražaja, ali su se neki pjesnici kasnije, u okviru ekspresionizma, poveli za njegovim manje važnim premisama, naročito u pogledu razbijanja forme i uvođenju tehničkog rječnika.

Ozbiljniji je bio njemački prijedlog obnove poezije, ekspresionizam. Kad bismo se zapitali, koja se tema najčešće pojavljuje u njegovom ranom razdoblju, odgovor bi glasio — strah. Plašili su se za sudbinu čovjeka usred tehnike i mehanizacije, strepili su pred velegradovima, smatrali da je nemoguće očuvati dostojanstvo ljudske individualnosti u uvjetima moderne civilizacije, naslućivali su razaranja bliskog rata, mučile su ih predstave o kozmičkim prostranstvima. U istim godinama kad se formirao njemački ekspresionizam kao likovni i književni pokret, u jugoslavenskim književnostima dotadašnji predstavnici Moderne napuštaju impresionistički metod stvaranja i tipične impresionističke motive. Simbolizam dobiva novu, dublju sadržinu — traženje bitnoga u životu čovjeka. Pjesnike privlače »vječita« pitanja: smisao života, bit materije, vječito obnavljanje, sustav svemira i položaj čovjeka u prirodi. Kozmička pitanja daju obilje tema poeziji. Pjesnici im slijede sa radoznalošću naučenjaka. Istovremeno se obraćaju društvenoj stvarnosti sa nesrazmjerno dubljim osjećanjem odgovornosti, smatrajući da pjesnik mora biti najuže povezan s naprednim snagama u društvenom pokretu. Nove teme tražile su novi rječnik. Nastaje pokret, koji ima svoje korijene u razvojnom putu domaće Moderne i u njezinim misaonim evolucijama, a istovremeno je srodan s njemačkim pretečama ekspresionizma i njegovim prvim predstavnicima. Tu nije više u pitanju podražavanje, nego paralelni put kao rezultat srodnih uvjeta. To je ustvari prvi pravac u našim književnostima, do kojeg nije došlo sa zakašnjenjem, nego istovremeno kao u susjednim književnostima.

Izbijanje Prvog svjetskog rata opravdalo je zla naslućivanja. Ratna lirika dobiva jasno ekspresionistički karakter, što je nehotice podupirala i ratna cenzura, zbog koje se pjesnici izražavaju metaforički u veoma apstraktnom jeziku. Oko g. 1914. konačno se oblikovao njemački književni ekspresionizam, koji je dotada stajao u sjeni likovnog ekspresionizma, i dobio svoje ime. Pjesnici u raznim jugoslavenskim središtima djelomično su poznavali njemačke književne časopise novog pravca, među kojima je zauzimao vodeće mjesto berlinski »Der Sturm«, dok je manje vjerojatno, da su im došle u ruke samostalne ekspresionističke zbirke. Za vrijeme samoga rata, kad su bile književne veze ograničene, hrvatski i slovenski ekspresionizam dobio je svoju čistu i jasnu fizionomiju. Na prvom su mjestu ratne teme, koje u korak prati vizionarna lirika raznih varijanata. Mladi su započeli u Zagrebu sa prvim ekspresionističkim časopisima. Antimilitaristički stav dolazi do izražaja u širokoj skali raznih

oblika društvenog i individualnog protesta, od direktnih optužba do nihilističkog negiranja smisla svega. Ekspresionistički val je zahvatio, tu snažnije, tamo slabije, veći dio mlade generacije. Među srpskim pjesnicima skloni su ekspresionizmu naročito oni iz Vojvodine, koji su živjeli u okviru Austro-Ugarske.

Desetljeće poslije Prvog rata znači zrelost i vrhunac ekspresionizma. Ipak je njegovo težište više na prvim, nego na kasnijim godinama. U to vrijeme on se unutrašnje strogo diferencirao na osnovu idejnih razlika. Uglavnom su se formirale četiri grupe. Anarhički ekspresionizam živi dalje pod dojmom proživljene ratne groze (mladići su se našli na frontovima sa 17. godinom), pa se hrani iz same negacije. Za prikaze kaosa služi se mnogo tehničko-ratnim rječnikom, u čemu se poveo za futurizmom i apokalipsom. Vizionarni kozmički ekspresionizam bježi od realnosti u svoj subjektivni svijet iz onih istih razloga, iz kojih je prvi pribjegavao anarhizmu. U njemu dominira raspon velike fantazije, a njegova je izražajna snaga u smionim metaforama. Socijalno-revoluconarni ekspresionizam nastao je pod utjecajem Oktobarske revolucije i raspada Austro-ugarske monarhije. Povezan sa radničkim pokretom zastupa najsmionije revolucionarne misli ili daje svojim neposrednim jezikom potresne slike prilika u rudarskim naseljima i po predgrađima. Metafizički ekspresionizam nastaje u okviru novokatoličkog kulturnog pokreta i stvara modernu religioznu liriku. Djelomično se naslonio na gotiku i barok, dok su njegovi pjesnički rekviziti pozajmljeni ponajviše iz biblije. Da su ideja i oblik u umjetnosti nerazdvojna cjelina, uvjerava nas i ekspresionizam: pored svih zajedničkih karakterističnih crta ekspresionističkog izraza, idejna se razlika navedenih grupa jasno odražava i u odabiranju određenog tipa rječnika, stiha i oblika.

Sudbina ekspresionizma usko je povezana sa društvenim zbivanjem. Put socijalno-revolucionarnog ekspresionizma prekinut je nastupom političkih vlasti protiv radničkog pokreta i time protiv literature, koja ga je podupirala. Njegovo je razdoblje tim načinom završeno oko 1926. godine. Suprotno tome, religiozni se ekspresionizam razvijao u povoljnim okolnostima učvršćivanja reakcije i trajao takoreći sve do kraja razdoblja između dva rata.

Nadrealizam je našao pogodnije uvjete tamo, gdje se slabije osjetio utjecaj ekspresionizma. Niz srpskih pjesnika imao je direktne veze sa francuskim tvorcima nadrealističkog pravca, a neki su i sudjelovali u francuskim nadrealističkim izdanjima. Na dobre informativne članke o nadrealizmu nailazimo u jugoslavenskim časopisima od 1923. godine dalje, a na prilično iskristaliziranu nadrealističku poeziju i prozu nekako od 1925. godine dalje. U proljeće 1930. istupa beogradska grupa nadrealista sa almanahom Nemoguće. Nadrealistička izdanja izlaze sve do 1940., kad se grupa razišla.

Osnove nadrealističkog umjetničkog stvaranja bitno se razlikuju od ekspresionističkih, dok u društvenim pogledima postoje kod jednih i drugih određene srodnosti. Jasna racionalna koncepcija pjesama ili crtica, kako leži u osnovu čitavog dotadašnjeg književnog stvaranja s malom iznimkom nekih romantičara, u nadrealističkim produktima zabačena je. Na njezino mjesto stupaju kao impuls tvorbe stanja, kojima se mnogo bavila moderna psihologija, a istraživao ih naročito Freud — podsvijest, polusvijest, san i halucinacije. Nadrealisti smatraju, da je psihički automatizam pogodnije sredstvo stvaranja, nego intelekt i osjećaj. I srpski nadrealisti pišu automatske ili poluautomatske tekstove, produkte čulnih senzacija i podsvijesnih naslaga, koje ne kontrolira i ne može kontrolirati intelekt. Kod takve nepovezane sadržajne strane otpadaju i brige za način oblikovanja, koje su toliko morile Modernu i ekspresionizam. Povezivanje takoreći slučajno sastavljenih riječi nije pretpostavljalo

neki naročiti napor ili zahtjev u pogledu akustičke strukture pjesme. Nadrealisti uglavnom zadržavaju tekovine zvuka i ritma, koje su u poetskoj praksi utvrdili dekadansa i simbolizam.

Sa takvim svojim umjetničkim credom nadrealističke grupe pokušale su srediti svoj odnos prema društvu. Zadatak je bio veoma težak, jer je u nekom vidu bio protivurječan. Pjesnik toga pravca ne samo da se u djelima okrenuo od društvenih zbivanja, nego je zanemarivao i svijesne duhovne procese u čovjeku, prepuštajući se kompleksima podsvijesnih psihičkih pokrajina. No do punog izražaja došla je ona strana u ideologiji nadrealizma, koja naglašava, da se revolucionarnost u poeziji usklađuje s otporom protiv postojećih društvenih oblika i da nadrealizam podupire revolucije i bune, jer one ruše stari svijet. Činjenica je, da je većina njegovih predstavnika pripadala borbenoj inteligenciji, koja je razumjela odnose klasnih snaga i jasno zauzela u njima svoj stav. I na području same književne publicistike njezin je rad bio pozitivan, jer je provjetravala ukočene kritičke poglede, naslijeđene iz pozitivizma. Čitava je ta nezadovoljna književna omladina, pored svih svojih kontradikcija i lutanja, zastupala načelo, da je na svim područjima potrebna dosljedna borba za slobodu, protiv dogmatizma, protiv buržoaskog poretka i njegovih ideala.

MARJA BORŠNIK

O DOPRINOSU NOVEJŠE SLOVENSKE LITERATURE K SVETOVNI LITERATURI

Kaj bi mogel tak reven dvomilijonski narodek povedati svetu? Dokler je bil samo hlapec tujemu gospodarju in ni imel ne svojega plemstva ne meščanstva, se je komaj zavedal, kako bridko in zapostavljeno životari. Kolikor ni svojih duhovnih moči posojal tujcem, da so si jih ti prilaščali za svoje, mu je bil pogled omejen z duhovno okostenelimi ščitniki kakor konju, da se ne splaši, da se ne upira, da bolje vleče. Njegovo ljudsko pesništvo pa priča, da je živel v vseh časih intenzivno notranje življenje, ki je še danes zakladnica ne samo naši, marveč tudi tuji ljudski in umetni poeziji.

Kako je mogel iz gmotne in duševne puščave našega tedanjega življenja vzrasti orjaški pojav Prešernov, bi se nam moral zdeti nerazložljiv čudež, če bi ne upoštevali dvojega: Prešernove korenine so bile tako globoko razpredene v našo ljudsko preteklost in tvornost, da so srkale iz njunih najbolj živih sokov — iz bolečine stoletja in stoletja zatirane raje brez samostojnosti, brez junaške zgodovine, brez časti, brez oblasti; hkrati pa iz hlapčevega hrepenenja po človeka dostojnem življenju, po naroda dostojnem življenju v svobodnem bratstvu z drugimi svobodnimi narodi.

Iz takšnih sokov pa se je Prešeren visoko pognal v najnaprednejši evropski svet in ta mu je dal s svojo novo družbenopolitično problematiko zagon in samozavest in vero v izpolnitev tveganih sanj.

Génij, prikovan na takšne bedne, omejene razmere, v kakršnih je životarila naša takratna slovenska provinca, a hraneč se z bogato tradicijo velikih svetovnih kulturnih bogastev, je mogel dati duška svoji bolečini preko klasičnih in modernih form, ki je v njih izklesal voljno izrazilo svojemu osrednjemu doživljanju. Njegov drobni zvezek pesmi ni samo nad vse pretresljiv izraz lastne osrednje rane, krvaveče skozenj iz vsega slovenskega naroda, marveč je hkrati osrednja izpoved tragedije vsega človeštva. Zato je v svetovni liriki redko najti poeta, ki bi kot on ostal do danes svež in živ. Ni čuda, da so ga tudi tujci vzljubili in sprejeli za svojega. O tem govore številni prevodi v velike in male jezike, to potrjuje primer ruskega prevajalca, učenjaka Korša, ki se je v duha Prešernovega jezika tako vživel, da se je samo iz njega naučil slovenščine, potrjuje pa to še nešteto drugih primerov in med njimi ni redek, kakršen se mi je dogodil pred nekaj dnevi, ko mi je naš tukajšnji tovariš, nemški univerzitetni profesor, ki slovenščine drugače ni vešč, na pamet citiral slovenske Prešernove verze.

Ne morem tu govoriti o bogastvu Prešernovih idej in izraza, opozorila bi samo na dva njegova verza:

Zato mladost! po tvoji temni zarji
srce zdihvalo bo mi, Bog te obvarji!

Kakšno težo je moral prestati, da je dosegel zavest, ki jo je mogel zgostiti v podobo: mladost — temna zarja.

Izgubljena mladost — izgubljena spojenost z domačo grudo, s toplino matere in njene vere, ki jo je »grenki sad spoznanja« odtrgal od nje v ledeno odtujenost. Zarja, nekoč temna, ker jo je mračil svet z bridkimi razočaranji, ki jih je pa mlada duša zmogla preboleti, danes temna, ker se več ne vrne.

Temna zarja je simbol, skoraj bi si upala trditi, je osrednji izraz vseh naslednjih generacij, kolikor se opogumijo na pot za Prešernom: hrepenenje po zarji jim pomeni hrepenenje po vsem lepem in dobrem, boj za dosego tega pa je v naprej obsojen na trpljenje in odpoved osebni sreči.

V boju za to zarjo je vstajal in padal Levstik, za njim Jenko, pozneje Aškerc in še marsikdo. Kdor je služil samo njej in se ji vsega žrtvoval, se je mogel imenovati umetnik — večina pa se je zagnala, onemela in izhirala v kompromisih.

Simbolno je izpovedal povezavo svoje generacije s Prešernovo idejo svetlobe Župančič v programski Pesmi mladine:

> Mogočen plamen iz davnine sviga
> – vekove preletel je koprné –
> ker neprekinjena drži veriga
> iz zarje v zarjo in od dne do dne ...

Ta plamen plemenite vere v lepše, čistejše življenje, kot je tisto, ki je nanje prikovan, je kakor Prešernu tudi četvorici »moderne« (Kette, Murn, Cankar, Župančič) dajal vzgon v čudežne svetove poezije, ki bi mogla pomeniti ne samo Slovencem, marveč vsem narodom novo bogastvo, če bi jo mogli doseči v enakovrednih prevodih. Le da se tisto najgloblje, najtanjše prevesti ne dá, ker sovpada z muziko edinstvene besede.

To opojnovzneseno, bleščečo liriko »moderne« grenkó zatemnjuje vase zamaknjena bolečina Alojza Gradnika, ki kakor črn marmor pada na zarje »moderne«, napovedujoč s svojo težko, golo besedo nov čas.

Od Prešerna do Gradnika se je napajala naša poezija ob trojnem vrelcu obupa: z gmotno in duševno bedo naroda, ki mu majhnost, to je vnanja in notranja nesvobodnost onemogočata, da bi dal sproščeno življenje človeku-umetniku; z zavestjo, da je »vera staršev«, ki je bila črnemu življenju prednikov opora v hrepenenju k posmrtni svetlobi, izgubljena; z neuslišano ali nedosegljivo ljubeznijo, ki ne dopušča niti plamenčka osebne sreče.

Školjka se je razbolela in dala biser — poje Župančič. Naša poezija je iz stoletne bolečine dala umetnine.

Redkokateri evropski narod je imel toliko pogojev za težko preizkušenost kot slovenski, redkokateri je v posameznikih dosegel tolikšno zavest. Marsikateri velik narod gre mimo vseh teh subtilnih notranjih trenj, saj ga nikoli niso zadela v živo; ni pa rečeno, da je zato notranje bolj bogat.

Nič čudnega torej, če si je prav Župančič, ko je od omenjene četvorice najvedrejši, hkrati pa tudi oblikovno evropskim tokovom najbližji, pridobil poleg Prešerna najširše evropsko priznanje s svojo občečloveško vsebino in bleščečo formo. Cankar, od te četvorice najbolestnejši in najtrpkejši, ki je evropske tokove, kolikor niso bili le del njega, že na prelomu stoletja prebolel in šel odtlej, ne ozirajoč se na mrzlični razvoj evropskih stilov, svojo pot, tolikšnega razumevanja kljub številnim prevodom v svetovne jezike še do danes ni dosegel. Njegov zapleteni, rahli notranji svet je ostal tujcem v jedru še do danes nedojemljiv, pretresel jih je v glavnem le s svojim odnosom do sočloveka, do

družbe (Hlapec Jernej), s svojo vero v socializem, ki mu je zmogla tu pa tam premostiti bolestno, od matere in njene vere odtrgano osamljenost in zapuščenost. — Cankar je tudi v svojem proznem delu ostal vsaj toliko lirik kot epik, zato ga omenjam že tudi tu, med liriki. S to osebno izpovedno platjo svojega dela pomeni most k povojni generaciji, kolikor je ta iskala izraza svojemu lastnemu notranjemu doživljanju.

Njegovo dediščino je prevzel Srečko Kosovel, tiha, bolestna, a pogumna natura, ki se sicer ni odtegnil mrzličnemu iskanju novega izraza in se je v tem spojil z evropskimi tokovi tedanjih ekspresionističnih »izmov«, a se je kljub zgodnji smrti tako izčistil v lasten izraz, da bo mogel svetu zdaj, ko bo kmalu pristopen Slovencem v celoti, s svojo tenko besedo veliko povedati. Veliko mu bo povedal ne samo o lastni razbolenosti in razklanosti svojega časa, ki je iz njega tako krčevito iskal izhoda, marveč tudi o sintezi, ki je v njej genialno zaslutil rešitev iz lastnih in znova in znova grozečih svetovnih požarov — v duhovni združitvi zapada z vzhodom.

Kosovel je naš zadnji véliki pesniški pojav, ki trga svojo izpoved iz lastnega, narodovega in občečloveškega jedra.

Klasično popolnost, to je, bolj ali manj nadčasno kvalitetnost namreč lahko doseže samo umetnina, ki je izraz ustvarjalčevega osebnega in skozenj prečiščenega stvarnega sveta. Čim širši in čim globlji je ta svet, tem več ima umetnina povedati.

Svet naših najkvalitetnejših dramatikov in pripovednikov je problemsko še zmerom preozek, tujcem more dati več človeško pretresljivega kakor idejno ali oblikovno novega. Zlasti velja to za dramatiko, ki ji je ves naš družbenopolitični in s tem povezan duhovni razvoj povzročal toliko ovir, da se naš ustvarjalec le trudoma disciplinira in notranje sprošča.

Tudi naši pripovedniki in dramatiki koreninijo v Prešernu, kolikor skušajo izpolniti, kar je on nakazal, a ne dal. V sto letih od Levstikovega Martina Krpana in njegovega kritičnega realizma do današnjega novega, socialno poglobljenega realizma in še preko tega pa se zmerom spet vračajo k domači grudi, kakor v težki slutnji, da jim vse propade, če bi se odtrgali od nje. Povečini ne dosegajo svetovnega obzorja in ne obsežejo sočasne svetovne problematike, ker le redko zajemajo trenja našega delavstva in inteligence iz osrednjega jedra, kolikor pa ostajajo pristni glasniki domačega, pretežno kmečkega življenja, so svetu zanimivi vsaj v prikazovanju svojevrstne zemlje in človeka.

Svojsko pot začenja Tavčar, ki se pred grenkobo sveta in puhlostjo meščanske družbe zavestno zateka k rodni grudi. Ta mu na višku moči v predsmrtnem spevu (Visoška kronika) ne pomeni več samo najpristnejšega in najpolnokrvnejšega slovenskega življenja kakor dotedanjim realistom od Levstika naprej, marveč mu postaja simbol prečiščenega občečloveškega in lastnega jedra, zatočišče, spovednica in odveza blodenj in pregreh odtrganca, obračun s samim seboj. Zato Neslovencu ne dá le kos zanimivega tujega sveta, marveč postaja simboličen izraz njega samega. Razumljivo, da se pričenja prevajati tudi v velike evropske jezike.

V edinstveno smer vodi Cankar, ki živi večino svojih najbolj plodnih let v tujini, čuteč kot proletarski deklasiranec s Klanca premajhno spojenost s tistimi kmečkimi sokovi, ki bi mogel črpati iz njih zdravja, optimizma in elementarnosti. Zato pa je tujcu pristopnejši v občečloveški problematiki, saj vidi s svoje perspektive več kot kdor koli, ki je dejansko navezan na dom. S tem, da odkriva najgloblje bolečine in napake slovenskega naroda in njegovo prebridko usodo, postaja izraz vseh zatiranih in zaznamovanih, eden najpretresljí-

vejših glasnikov vseh križanih. Dokler bo mogočnež trl nebogljenca, dokler bo ta v svoji črni stiski hrepenel v drug, čisti svet, bo Cankarjev svet vseh ljudi svet. Cankarjev svet bo vseh ljudi svet, čeprav se njegov Kurent, njegov Martin Kačur ni mogel roditi drugod kot med Slovenci in čeprav osrednja problematika in teža našega človeka, kot jo Cankar s svojimi simboli prinaša v našo zavest, manj preizkušenim ne more biti dostopna.

Enako hrepenenje po domu je gnalo Prežihovega Voranca (Lovra Kuharja), čim bolj ga je zapuščal. Zavedel se je tega hrepenenja po prvi svetovni vojni, ko se je zgrozil, oropan vseh vrednot. In klasičen izraz zanj je našel v tridesetih letih, ko je, preganjan brezdomec, križaril po Evropi. Šele bridke izkušnje širokega sveta so mu pomagale odkriti in izluščiti koroško rodno zemljo v vsej tisti edinstvenosti, kakršna more nekaj svojega povedati tudi tujcu in svetu sploh. Vrsta prevodov njegovih romanov, novel, potopisov in črtic v vse mogoče jezike dokazuje, da Prežihov kleni, krepki prikaz koroškega boja za krpico zemlje in odpora zoper tuje nasilje ni samo lastnina vseh družbeno in človeško ogroženih ljudi, marveč tudi vseh malih narodov, ki so si že osvojili zavest, da imajo pravico do svoje samobitnosti in svoje svobode.

Naša književnost obsega sicer še vrsto pomembnih ustvarjalcev, ki jih tu ne utegnem označevati, čeprav bi mogli marsikaj dragocenega uvrstiti v svetovno zakladnico, je pa kljub temu po obsegu majhna — manjša kot po kakovosti. Saj je vsak človek, vsak narod edinstven organizem, in — naj je še tako majhen, lahko nekaj svojega prispeva skupnosti, če se sebe zave in ostane sebi zvest.

A. SCHMAUS

O UPOREDNOM PROUČAVANJU NARODNIH EPIKA

Treba pozdraviti življe interesovanje koje se, u najnovije vreme, posvećuje narodnoj epici ne samo u Jugoslaviji, nego na pr. i u Bugarskoj i u Sovjetskom Savezu. Iako je, kao u prošlosti, neophodno da se pojedine nacionalne epike proučavaju što podrobnije u svim svojim geografskim i istorijskim datostima, nameće se, pored toga, sve više i potreba za saradnjom slovenskih i vanslovenskih naučnika kao i primena uporednih kriterija i metoda. Radi ilustrovanja ove potrebe samo tri primera.

1) M. Parry je od Međedovića zabeležio odnosno snimio pesmu od preko 12.000 stihova, bar po dužini pravi ep, koji — nažalost — još nije objavljen, nego nam je dosad samo Bowra saopštio kratak prozni izvod. Sa najvećim interesovanjem očekujemo obradu ove epoidne tvorevine koju priprema A. B. Lord, proširujući — po Parryevom primeru — svoju analizu istovremeno na Homerove epove. U vezi sa Međedovićevim »eksperimentom« postavlja se pitanje »prosečne dužine« u pojedinim nacionalnim epikama, njenih društvenih i unutarnjih uslova razvoja, njenog odnosa prema određenim razvojnim fazama epike. Frings dovodi, kao što je poznato, dužinu pesme u vezu sa tri glavne etape u razvoju evropske epike. Njegov zaključak je, u najmanju ruku, preuranjen. Treba uzeti u obzir i razne fenomene »prosečne« i »natprosečne« dužine u epici drugih, na pr. kirgiskog i uzbekskog naroda.

U slučaju Međedovićeve pesme već je na osnovu uporednog posmatranja jugoslovenskih prilika mogućan izvestan — sve dok se ne objavi pesma u celini, naravno samo provizoran — odgovor na pitanje da li imamo pred sobom »junačku pesmu« ili »ep«. Po svojoj dužini ona, besumnje, pretstavlja izuzetak. Ali pri izvođenju daljih zaključaka treba uzeti u obzir da je ona nastala pod neuobičajenim, izuzetnim, donekle veštački stvorenim uslovima. U tome se krije i problematičnost samog eksperimenta. Po svojoj suštini ona, naime, daje samo neobično proširenu varijantu muslimanske pesme br. 49 iz zbirke Matice Hrv. (knj. IV). Proširenje je postignuto ponavljanjem i variranjem određenih kompozicionih postupaka i tehničkim sredstvima koja su, izgleda, izgrađena u Bosanskoj Krajini. Koliko se može suditi po Bowrinom izvodu, Međedovićeva pesma ne pokazuje neke bitno nove strukturalne crte, a razvojni put od pesme do epa vodi u prvom redu preko izmena strukture i ne zavisi — ili zavisi u najmanjoj meri — od mehaničkog proširivanja obima, »dužine«.

2) Drugi primer za potrebu komparativnog proučavanja pruža albanska epika, i to severnoalbanski ciklus o Muju i Halilu. Ona nije autohtonog porekla (St. Skendi), nego je pozajmljena iz bosansko-sandžačke muslimanske epike. Pitanje je: kad i u kojoj formi? Pored svih dodirnih tačaka u sadržini i obliku, albanska pesma pokazuje vrlo često kraći obim i primitivniju kompoziciju u poređenju sa odgovarajućim srpskohrv. muslimanskim pesmama. Presudno je pitanje da li je ovde posredi naknadno uprošćavanje pod posebnim uslovima i

uticajima od strane albanskih pevača, ili se preuzimanje vršilo u vreme kad ni polazna, izvorna pesma još nije bila izgrađena u onom složenijem obliku u kojem se krajinska pesma pojavljuje pod kraj prošlog veka. Pitanje je važno da bi se, s jedne strane, došlo do što preciznijeg datiranja samog pozajmljivanja a, s druge strane, da se eventualno odrede i ranije faze ili regionalne modifikacije srpskohrvatske muslimanske epike.

3) Sovjetska proučavanja azijskih epova (kirgiskog, uzbekskog i dr.) dokazuju da je krajnje vreme da se napusti evropskocentrično shvatanje epike, bar ukoliko se tiče njenih bitnih oznaka, njenog postanka i zakonitosti njenog istorijskog razvoja. Pored sličnosti sižea i motiva interesantne su sličnosti društvenih uslova za život i razvoj epike. U čuvenoj »stepskoj Ilijadi«, kirgiskom epu o Manasu, upadljivi su pored toga kompozicioni postupci koji potsećaju na jugoslovensku muslimansku epiku. Među postupcima za proširenje pesme ističu se na pr. dvostrani sklop radnje, po Bowri jedan od uslova za »extension«, dalje: promena scene i upotreba izveštaja radi unošenja udaljenog i prošlog zbivanja. Uočavaju se, međutim, i razlike. Kirgiskom epu nedostaje scena sa posmatračem koju jugoslovenska muslimanska epika izgrađuje skoro do rutiniranosti. Jugoslovenskoj epici opet nedostaje ona široka upotreba paralelizma radi proširivanja, kakvu pokazuje ep o Manasu, narodna poezija finskih naroda (Steinitz), severnoruska bilina i tužbalica. Kao da se pred nama otkriva širok severnoevropski i severnoazijski pojas paralelizma. Samim konstatovanjem nije, naravno, dato i objašnjenje, njega treba za svaki slučaj tražiti u konkretnoj geografskoj, nacionalnoj i istorijskoj uslovljenosti. Ali ovakvo šire posmatranje pruža bolje mogućnosti da se tačnije uoče i odrede strukturalne promene koje prate odnosno uslovljavaju put od opširne pesme (Radloff) do epa.

Radi definicije epa, pravilnijeg shvatanja uslova i mogućnosti njegovog postanka, života i razvoja treba imati u vidu i ove vanevropske fenomene. Takvo šire posmatranje primorava nas da preciziramo osnovne i pomoćne pojmove, da proveravamo iznova svoju terminologiju, da ne proglašavamo atribute jedne nacionalne epike odmah i jedinim ili bitnim obeležjem epike uopšte. Izvesne zajedničke strukturalne promene, konstatovane na velikim daljinama pod inače sličnim uslovima, otkrivaju možda i nešto o razvoju od pesme do epa.

Organizacijski, ovakvo prošireno posmatranje stvari pretpostavlja širu i intenzivniju saradnju. Metodski, ono nas — nadamo se — dovodi do kritičkog preocenjivanja dosadanjih polaznih gledišta i uobičajenih metodskih postupaka.

МИРАШ КИЋОВИЋ

ВЕРТЕПСКА ДРАМА КОД СРБА У ВЕЗИ СА СЛИЧНОМ СТРАНОМ ДРАМОМ

Срби су, као и неки други хришћански народи, имали свој вертеп, односно вертепску драму. То је један обичај и једна врста народне драме који у најновије време све више ишчезавају, али који су у прошлости у народу играли извесну улогу и којима је у славистици поклоњена прилична пажња. Поред Е. Марковског, који је 1929 у кијевској Академији наука почео издавати њене украјинске текстове са студијом, тај су проблем обрађивали или га додиривали многи научници, међу којима Н. А. Маркевич, Н. Петров, П. Житецки, Гр. П. Галаган, Н. Виноградов, И. Франко, В. Резанов, Д. Теодореску, П. Караман, С. Крчмери, Л. Р. Левитер. Код Срба је о њему дато неколико општих и контрадикторних судова, али поближе није проучаван. Њихов је вертеп настао у Војводини, у средини економски, социјално, национално, политички, верски и културно разнородној, и каогод што им је тамо цео културни живот био изложен разним утицајима, тако је било и са вертепом, Отуда је питање његове старине, оригиналности, лица, лутака и радње сложено. Овде је учињен покушај да се оно реши.

Помени вертепа и текстови. — Постанак речи *вертеп* није јасан. По недовољно убедљивој етимологији А. Брикнера она је, као и реч *врт*, постала од старословенског **врътоградъ**, као позајмице готског *aurtigards* (дословно немачко *Würzelgarten*, откуда је и енглеско *orchards*, од **aufrs* у значењу немачког *Wurzel*, сродног латинском *radix*). По Миклошићу је извесно само то да је та реч од давнина живела код Словена у значењу *пећина* (σπήλαιον, spelunca) и он је као такву прати од старословенског облика **въртъпъ** од кога је постало руско-црквено **вьртьпъ**, руско-украјинско *вертеп* и српскоцрквено **врьтьпь**, вокализовано **врьтопь**, што би у српском имало да гласи *вртај* (код Хрвата има облик *vrtep*). У старословенским споменицима се јавља још од XIII века у значењу места Исусова рођења (пећине) или гроба (*Маријинско јеванђеље, Супрасалски кодекс, Клочев глагољаш*). После се јавља у српском, бугарском, украјинском и руском језику. У српским писаним споменицима **врьтьпь** постоји у значењу *пећина* још од XIII века. Тако код Теодосија, док је код Доментијана за исти случај узета реч *пештера*, према чему су у XIII веку обе речи имале исто значење

Реч **вртлић** имамо у XIV веку код Данила, у једном тексту цара Душана и у рукописима каснијих векова, међу којима и у једном препису Теодосијева *Живота св. Саве* од 1736, после чега је код Срба завладао руско-украјински облик *вертеп*, што значи да је код Срба био у употреби њихов средњовековни облик речи све до доласка руско-украјинских учитеља двадесетих и тридесетих година XVIII века, који су им у књижевности и у цркви наметнули свој рускоцрквени језик (у цркви живи још и данас), па с њим и свој облик речи *вертеп*.

Отуда се код Срба облик речи *вертеп* јавља већ 1733—1736 год. у разним поздравним песмама и говорима карловачких ученика. Год. 1840 требовали је материјал за прављење вертепа, између 1749 и 1768 митрополит П. Ненадовић давао је дарове за вертеп, 1758 је намесник манастира Хопова даривао ђаке који су му донели вертеп, 1764 и 1769 вертеп се спомиње у песмама Ј. Рајића, 1790 у књизи **Пѣсни различнымъ на господскіе праздники** објављене су песме које се певају уз вертеп, међу њима и позната *Шедше тріје цари*. Вертеп се спомиње и у песмама српске грађанске лирике XVIII века, кад имамо и његов први непотпун текст, *Орацију от Ирода* („Откуда ви пришли јесте трије цари"), са Гашпаром, Мелхиором и Валтазаром као лицима радње и са једном „орацијом" на крају сцене у локалном народном духу. Год. 1793 игран је у Вршцу *Ирод*, тј. вертеп, а између 1799 и 1800 и у Сегедину. В. Караџић је 1818 у свом Рјечнику вертеп објаснио као „*die Krippe die die Schulkinder im Weihnachten umherführen*". За вертеп се знало и у Србији кнеза Милоша, 1847 су ђаци у Шапцу о Божићу носили вертеп. У другој половини XIX века вертеп спомињу многи српски књижевници (Ј. Игњатовић, Змај, Ј. Грчић-Миленко, Л. Костић, М. Шапчанин, И. Вукићевић). Крајем XIX века, изгледа 1896, две новосадске књижаре издале су истоветан и први потпунији текст српског вертепа. Год. 1903 П. Софрић је дао опис и текст вертепа и звезде у Сентандреји. Оба ова вертепа су анонимна, онакви какви су живели у усменој традицији. Поред ових текстова постоје још неке необјављене непотпуне варијанте (темишварска, великокикиндска и лешничка) и неколико објављених индивидуалних вертепа (К. Драгосавца, Ј. Удицког, И. Бајића, „Заставин", Н. Барачког, М. Н-а и Н. Марковића).

Територија и извођење. — Главни простор на коме је вертеп игран чини Војводина (Срем, Бачка и Банат са Сентандрејом као најсевернијом тачком), Србија (Београд—Шабац—Врњачка Бања—Лесковац—Приштина), Славонија и Хрватска (Банија).

Вертеп су правили учитељи или деца од разнобојне хартије, сандучића или танких дашчица (понекад је то чинио столар) у облику шталице или црквице са једним или више торњева, отприлике 30 см широк, 60 см дуг и 40 см висок, а било их је и великих и тешких. Његова унутрашњост се састојала свега од једне просторије за непокретне слике или покретне лутке са звездицама у торњевима. Ако су слике или лутке биле непомичне, оне су причвршћиване на зеленој ливади и претстављале су јасле са Исусом, Марију, Јосифа, анђеле, чобане, овце и волове. Ако су биле покретне лутке, у прочељу су стајале јасле са Исусом, с леве стране Марија, с десне Јосиф,

пастири и цареви Гашпар, Валтазар и Мелхиор са даровима; мало даље је пољана са овцама и пастирима, где су: анђео, црквењак, поп, два ђака и ђаво. Унутрашњост је осветљавана свећицом или електричним сијалицама.

Упоредо са вертепом спремано је и одело за вертепаше, који су, поред лутака, изводили радњу (цареви Ирод, Гашпар, Валтазар и Мелхиор, понекад и Петар, и царица Даница, па Чобанин и Губе) и облачили се према својим улогама: цареви стихаре или кошуље, царску круну, појас, наруквице и сабљу, чобанин изврнуту опаклију, а Губе су се облачиле што смешније, као луда, ђаво или пајац са тешком буњдом од овчијске коже, дугачком брадом и брковима од кудеље и дугачким пастирским штапом (мотком) у руци, и са торбом за дарове. Ту је и Безимени са џаком. У лицу су сви маскирани према улогама. — Вертепаши су спремали и драму за приказивање, па су ишли по кућама са вертепом на Бадње вече и сва три дана Божића. У кући су улазили певајући божићне црквене песме. Ако је вертеп био са покретним луткама, прво би оне изводиле игру, а после њих вертепаши. Игра се састојала из два дела: првог озбиљног, црквенобиблиског, на рускоцрквеном (понекад и на српском језику), у коме је приказан сусрет тријух царева са Иродом, и другог, световног, хумористичко-сатиричног, који носи социјално-класно обележје слуге према богатом господару, цркви и војсци, и све то у локалној боји војвођанског, управо бачког хумора. У овом делу су четири лица: Чобанин и три Губе: чича-Ђука, чича-Тодор и чича-Петар. Понекад се Губе зову Тодор или Гвозден, Стакоњ или Зрно. После завршеног приказивања вертепаши би добили поклон, па би ишли даље по кућама.

Поред вертепа Срби су имали и звезду, коју су носили и приказивали о Новој години. Уместо вертепске шталице или црквице звезда је прављена од каквог обода, котура или картона са шест рашаља као златних зракова, са свећицом унутра, провидна и утврђена на мотци, око које се окретала и показивала моменте Исусова рођења који су били на ободу насликани. Лица су као и код вертепа, и радња се изводила слично.

Старина и порекло. — Вертеп се, као игра, код Срба први пут спомиње 30-их и 40-их година XVIII века, а питање је да ли је код њих у неком облику раније постојао, јер је и источна хришћанска црква још у IV веку почела светковати Божић на дан 25 децембра, па је, као и западна црква, могла усвојити и оно излагање Исуса у јаслама на тај дан. Ово утолико пре што је српско средњовековно црквено сликарство обилато неговало библиске сцене које чине саставни део вертепске игре и које су, можда, у сликарство дошле из игре. А питање је и колико би ту могла допринети и лесковачка игра „предвечни", коју Т. Ђорђевић сматра вертепом и која је, може бити, коледски обичај и један од остатака римских календа, чуваних код Словена у вези са божићним обичајима, Исусовим рођењем, Маријом, Јосифом и краљевима, и какав су код Срба на Косову изводиле читаве лепо обучене дружинице са дедицом на челу, који је преко одела носио преврнут и каишем препасан кожух, на глави јанџик са

прорезима за очи и имао од кучина велику браду, бркове и позади повесмо у облику репа, испод колена звонце, на рукама рукавице, о бедрима дрвену сабљу и више ње чашу за скупљање новца. Сличне су игре претходиле вертепским и њихову ће везу требати испитати.

Питање порекла и оригиналности данас познате српске вертепске драме је сложено. Она има и општих и оригиналних елемената. Обичај излагања Исуса у облику лутке започет је још у IV веку наше ере (по нашем мишљењу по угледу на митраистичко претстављање и ношење новорођеног сунца у облику кипа одојчета на дан 25 децембра), па се до IX века наставио у оној симболичној пећини Исусова рођења у цркви, затим од IX до XIII века у литургиској божићној драми, а у XIII веку у првом вертепу што га је од дрвета начинио Фрања Асишки и после га његов ред ширио по свету, какав у XV веку срећемо у Сијени, и који је, најзад, канда у XVI и XVII веку прешао у народ и проширио се народним сценама. Од библиских и световних сцена развила се код Пољака *szopka*, у Украјини, Русији и код Срба *вертеп*, код Румуна *vicleimul* и код Словака *betlehem*. Отуда српска вертепска игра има заједничких хришћанских елемената: библиску легенду, сандучић у облику штапице или црквице са сликама или луткама за приказивање Исусова рођења, ношење сандучића о Божићу и приказивање игре, и локални народни хумор. Али овде постоје и мишљења која чекају на своје коначно решење: порекло пољске шопке и руско-украјинског вертепа, њихов однос према Исусовим јаслицама и њихов међусобни однос. Српска вертепска драма, поред побројаних заједничких црта, има и својих оригиналних: њен се текст не поклапа ни с једним страним текстом и њен други део носи локалну војвођанску боју. Тражи ли се пак њено порекло и ближа веза са неком страном земљом, онда је то у првом реду Украјина, одакле је дошла као саставни део школске драме и задржала њено име, рускоцрквени језик и песме, и поделу на два дела, односно чина, библиски и световни. Ту је унеколико и словачки *betlehem*, с којим је вежу извесна заједничка лица, а понегде и слична радња, и румунски *vicleimul* с којим има заједничку поделу на два дела и извесну сличност у неким лицима и радњи. Таква, она има своју карактеристику и свој значај: она је врста народне драме која је од XVIII века па скоро до данас задовољавала укус једног дела српске публике и својом хумористичко-сатиричном страном приказивала социјалну слику средине у којој је живела.

JULIUS DOLANSKÝ

ZADACI I METODI PROUČAVANJA MEĐUSOBNIH KNJIŽEVNIH VEZA NARODA JUGOSLAVIJE I ČEHOSLOVAČKE

Među radosne zadatke naše slavistike neosporno spada studij međusobnih književnih veza naroda Jugoslavije i Čehoslovačke. Naše uzajamno prijateljstvo izviralo je uvijek iz najživotnijih interesa naših bratskih naroda. Naša je dužnost pokazati kako su i naše međusobne književne veze imale i imaju historijsku zakonitost uvjetovanu društvenim razvitkom. Slika naših međusobnih književnih veza prestaje biti — tako gledana — nanosom pojedinih izoliranih momenata. Dobija jasnu i određenu perspektivu historijskog razvoja cijele društvene zajednice.

Naše uzajamne veze bile su uvijek utoliko intenzivnije, dublje i jače, ukoliko se u njima osjećala i ispoljavala odlučna volja najširih narodnih masa, kako u politici i ekonomici, tako i u umjetnosti. Zato je i slika naših književnih veza najpotpunija i najbogatija u onim periodima kada je odlučujuću riječ imao narod koji je branio svoje interese. Nijedan pojedinac, nijedna takozvana »jaka ličnost« nije mogla stvoriti niti među našim književnostima dugotrajniju vezu, ako se nije oslanjala na kolektiv cijelog naroda i ako nije bila izraz narodnih težnja i stremljenja. To je polazna točka u studiju uzajamnih čehoslovačko-jugoslavenskih književnih veza i uticaja. Nalazimo se na početku puta — ali vjerujemo da će taj put biti uspješan, ako krenemo uzajamno se pomažući.

Obratimo pažnju na najstariji period naših književnih veza. Kakovi tu stoje pred nama zadaci? Obostrano — kako kod vas, tako i kod nas — bilo je napisano već mnogo dobrih i hvale vrijednih studija o našim međusobnim vezama u staroslavenskom periodu. Ostavština solunske braće Ćirila i Metodija privlačila je pažnju mnogobrojnih naučenjaka u objema našim zemljama. Već ta epoha — epoha ranog feudalizma — jasno dokazuje kako smo pred više od hiljadu godina bili bliski jedni drugima. Zar je potrebno naročito naglasiti da već na početku naše književne kulture — u njenim prvim danima — nismo bili bez međusobne suradnje? Ta književna veza i suradnja odnosila se kako na tadanju oblast Velike Morave — ubrajajući ovamo i Češku — tako i na zemlje slavenskog juga — sa Bugarima i Kijevskom Rusijom. Baš iz toga perioda datiraju naše prve književne veze sa staroslavenskom kulturom na teritoriji današnje Makedonije. Mnogo nesebične pažnje i truda posvetili su naši kulturni radnici i naučenjaci studiju glagolskih dokumenata — naročito njihovoj kritičkoj ocjeni i tumačenju. S punim pravom se često spominje jedno od najslavnijih poglavlja na tom polju slavistike — inicijativni čin Karla IV., koji je pozvao hrvatske benediktince u Prag i utro tako put još jačim uzajamnim vezama.

Govoreći o tome, našli smo se već davno u epohi razvijenog feudalizma, kada se naša suradnja nije više ograničavala samo na crkvene i vjerske spise. Ali, kome je služila sva ta književnost? Kakav je bio njen karakter i smisao? Naša naučna istraživanja ostala su još mnogo dužna dubljem obrazloženju tih pojava. Potrebno je podrobnije ukazati na društvene i klasne korijene tih pojava. Bile su to u prvom redu vladajuće feudalne klase, koje su upotrebljavale tokom cijelog Srednjeg vijeka pismenost i književnost — da bi time učvrstile svoje pozicije. I književne veze među češkim i slovačkim i jugoslavenskim zemljama bile su uspostavljane samo tamo gdje je to diktirao interes feudalaca i crkve. Da li je ostao, na primjer, nekakav književni spomenik kod Čeha ili kod Slovenaca iz druge polovine XIII. vijeka — kada je češki kralj Přemysl Otokar II. raširio svoju državu sve do Jadranskog mora? Nema ni traga bilo kakovoj književnoj suradnji iz tog vremena. A kako danas mi gledamo na poznatu tendenciju Karla IV.? Nema najmanje sumnje da je i ona bila diktirana feudalnim interesima! Prijatelj i suradnik rimskog pape pozvao je u Prag hrvatske redovnike-glagoljaše da bi pomoću njih realizirao davni unionistički san o jedinstvu crkve. Dinastičko feudalni interesi rukovodili su Karla IV. da se obrati i na cara Dušana — ali nikakova češko-srpska književna suradnja nije bila realizirana.

Dokle god je književnost bila isključivom povlasticom vladajućih feudalnih klasa, ostale su i jugoslavensko-čehoslovačke književne veze u okviru uskog svijeta feudalne inteligencije i crkve. Do snažnijeg razvoja dolazi tek koncem XIV. vijeka, kada je naobrazba u objema našim zemljama počela postepeno prodirati i u šire slojeve. Na novo otvorenom univerzitetu u Pragu studirali su i mladi ljudi iz jugoslavenskih zemalja. Poznato je, na primjer, da je rektor praškog univerziteta Mistr Jan Hus promovirao mladog Hrvata Martina iz Križevca i udjelio mu bakaloreat. Iz te su sredine vjerojatno proizašli i takovi kulturni radnici kao što je bio autor hrvatskog »Lucidara« — napisanog u prvoj polovini XV. stoljeća prema češkom uzoru. Dosada, nažalost, nije dovoljno prostudirano u kolikoj mjeri su se odrazili u našim književnostima veliki narodni pokreti — na češkoj strani južnoslavensko bogomilstvo, a na slavenskom jugu češko husitsko revolucionarno vrenje. Dosadašnji radovi daju dobar impuls da baš ovamo usmjerimo pojačanu pažnju i interesovanje. Da je husitska revolucija imala uticaj — pozitivni i negativni — također među Slovencima i Hrvatima, općenito je poznato. Malo pažnje je posvećeno burnom periodu vladavine Zikmunda Lucemburskog. Podrobnije bi trebalo objasniti književnost slovenačke i hrvatske reformacije u vezi sa češkim sljedbenicima kaleža.

Mnogo zadataka nas čeka pri studiju čehoslovačko-jugoslavenskih književnih veza od početka XVI. stoljeća. Ali ne ulažemo veliku nadu u to da bi se mogao dokazati dublji interes u tadanjoj Češkoj za slavnu epohu hrvatske književne renesanse. Burni ekonomski, politički i kulturni život kod nas kretao se po sasvim drugim putevima nego što je bila sunčana i topla atmosfera bogate aristokracije u dalmatinskim gradovima na čelu sa dubrovačkom republikom. Premda nam je poznato da je naš »poeta laureatus«, Šimon Lemnický, preveo — sa zakašnjenjem doduše — jedan Marulićev latinski spis, ipak to ništa ne dokazuje. Nije se tu radilo o renesanci, a još manje o direktnom kontaktu češke i hrvatske književnosti. Gdje se međutim otvara široko polje književnog istraživanja kod nas — to su turski ratovi i reakcije na opasnost od Turaka kako na slavenskom jugu, tako i u češkim zemljama i Slovačkoj. Najnovija istraživanja kod nas, na temelju bogatog materijala, jasno ukazuju na veliki in-

teres čeških čitatelja u XVI. vijeku za jugoslavensku dokumentarnu književnost uperenu protiv turskog gospodstva. Veliki uspjeh imao je naročito češki prijevod »Historije ili kronike Turske« od Mihaila Konstantinovića — kao i mnoga druga djela. Ali i ovdje je potrebno odgovorno postupiti da bi se ustanovilo šta u stvari možemo smatrati uzajamnom književnom vezom. Mnogo češće će se ispostaviti da se radi samo o sličnom stavu kakav su zauzimale sve naše književnosti kada se radilo o turskoj ekspanziji, jer je poslije pada Balkanskog poluostrva bila ugrožena cijela srednja Evropa na čelu sa Ugarskom.

Naša nauka je već uglavnom objasnila jedno od najglavnijih poglavlja međuslavenskih književnih veza starijeg razdoblja — barokno slavenstvo. Bilo je to doba kada se klasni antagonizam unutar feudalizma zaoštrio i ispoljio nizom seljačkih buna. Porobljavanje seljačkih radnih masa kulminiralo je. Pobjedonosna protivreformacija širila je među potlačenim narodom svoju nauku ognjem i mačem. Ratovi sa Turcima bližili su se završnoj fazi. Od početka XVII. stoljeća stalno i sve češće u svim slavenskim zemljama čuju se glasovi koji govore o slavenskoj uzajamnosti. Ti glasovi imali su dva izvora. Na jednoj strani nastojali su mobilizirati cijeli slavenski svijet u borbu protiv zajedničkog neprijatelja — Turaka. Na drugoj strani bila je to rimska propaganda, koja je pod lozinkom »slovinstva«, to jest slavenskog srodstva, nastojala dobiti što više »ovčica« u jedan tor — pod okrilje jednog pastira. U hrvatskoj književnosti dovoljno je spomenuti samo tri imena — kod kojih se antitursko slavenstvo ispoljilo najizrazitije: — Juraja Barakovića, Ivana Gundulića i Junija Palmotića. Kod posljednjega, u njegovoj »Captislavi«, nalazimo i češki motiv. Mnogo je više znao o Česima Juraj Križanić; ali je kod njega ideja slavenstva dobila već drugi oblik. Od rimskog misionara postao je jedan od prvih pionira kulturne i političke suradnje tada porobljenog Slavenstva.

Ideja slavenstva brzo se širila i u češkim zemljama porobljenim poslije katastrofe na Bijeloj Gori (1621) od habsburgovaca. Naš je zadatak da još bliže ispitamo šta su i koliko znali o južnim Slavenima takve glasonoše slavenske uzajamnosti kao što su bili Bohuslav Balbin i njegovi sljedbenici.

Barokno slavenstvo je imalo cijeli niz sljedbenika naročito u Slovačkoj. Tamo su se pokazali naročito dobri uslovi za direktan kontakt sa Hrvatima, a kasnije i Srbima, u okviru bivše Ugarske. Grad Trnava sa svojim jezuitskim univerzitetom i tiskarom postao je središte katoličke propagande u cijeloj ugarskoj oblasti. Kako se tu — konkretno — ispoljila uzajamna suradnja naših zemalja? Naučna kritika baš ovdje mora biti budna i na oprezu. Da li je zbilja moguće govoriti o suradnji tamo — gdje je sav rad bio u rukama pravih neprijatelja cijelog našeg naroda? Među pozitivne strane naših uzajamnih veza nećemo sigurno ubrajati niti takvu slučajnost kao što je prisilni boravak srpskog kroničara Đorđa Brankovića u Chebu. Životario je tamo na prelomu XVII. i XVIII. stoljeća kao zatvorenik, a tamo je i umro. Konačno — i to je jedan primjer kako su izgledale naše književne »veze« u vrijeme feudalne tame i reakcije.

Razmjerno najviše na polju naše književne suradnje učinili smo u burnom periodu kapitalizma, kada su nove proizvodne snage donijele i nove odnose među ljudima i narodima. Tek od početka XVIII. stoljeća formirao se narod naših zemalja — koji je tada bio pod jarmom tuđinca — kao moderni narod novog doba. Skoro dva stoljeća trajala je borba naših naroda za slobodu,

a protiv preživjelih ostataka srednjovjekovnog feudalizma. Baš u tim borbama razrasla se naša književna suradnja do takve mjere kakve nije bilo nikada ranije. Nema sumnje da je kako nama — Česima i Slovacima — tako i svim južnim Slavenima veliku podršku i pomoć pružila Rusija. Rusija od vremena Petra Velikog odigrala je aktivnu ulogu u rastu i jačanju naše narodne svijesti. Nikada nećemo zaboraviti ruskoj braći šta su za nas bili još onda kada smo tek ulazili u novi život. Sve naše književnosti obraćale su se od XVIII. vijeka sve češće i češće Rusiji.

Želimo li obuhvatiti u cijelosti taj grandiozni proces koji se odrazio u našim književnostima, onda moramo reći da studij naših čehoslovačko-jugoslavenskih književnih veza stoji pred novim velikim zadacima. Dosada smo malo pažnje obraćali i na tako interesantan momenat kao što je boravak i djelatnost ruskog naučenjaka i pisca Maksima Suvorova, koji je bio književno aktivan još za života Petra Velikog, najprije u Pragu, a kasnije i među Srbima u Ugarskoj. Mi nismo ni izdaleka ocijenili odjek djela fra Andrije Kačića-Miošića »Razgovor ugodni naroda Slovinskoga« koji je to djelo imalo kod nas u češkoj književnosti, koja je u njemu našla pomoć u svom preporodu. Od konca XVIII. stoljeća, u epohi preporoda, razvijaju se naše književnosti u najtješnjoj suradnji. Dovoljno je spomenuti bilo koga od naših istaknutih prosvetitelja i odmah ćemo naći odjek njegovog rada i na drugoj — vašoj — strani. Kod nas su voljeli južne Slavene i poznavali njihovu književnost Durych, Dobrovský, Jungmann, Kollár, Šafařík, Hanka, Čelakovský, Mácha, Erben, Štúr i mnogi drugi. Svi oni su imali na jugu mnogo prijatelja. Od Slovenaca bili su s njima u najtješnjoj vezi skoro svi — počev od Zoisa, Linharta i Vodnika pa preko Kopitara do Prešerna, Čopa i Vraza. Vrlo uvažavani bili su kod nas Srbi — Rajić, Dositej Obradović, Stojković, Solarić, Mušicki, Vidaković, Vuk Karadžić, Sima Milutinović, Njegoš, Branko Radičević i mnogi drugi. Veliko prijateljstvo nas veže uz Hrvate — od Katančića i Krmpotića preko Vrhovca i Draškovića — pa sve do Gaja i iliraca na čelu sa braćom Mažuranićima.

Za narodnog preporoda toliko su se razvili naši uzajamni književni odnosi da su premašili svaku suradnju koja je bila prije toga u periodu od devet stoljeća. Svuda tu nailazimo na mnoštvo neispitanog i neproučenog materijala — u arhivima, u korespondencijama, memoarima, časopisima i publikacijama. Sve je to potrebno ponovo revidirati i ispitati, razdijeliti i objasniti. Ukoliko više i intenzivnije ispitujemo i studiramo te mnogobrojne materijale, utoliko sve jasnije dolazimo do spoznaje da je gusto i jako tkivo naše suradnje izviralo iz interesa koji nije bio slučajan. Međutim, nije dovoljno samo nabrojiti imena pisaca i djela koja su bila napisana. Upravo naši prosvetitelji i takozvani romantici znali su zašto uspostavljaju vezu i zašto rade na polju književnosti na uzajamnoj suradnji. Mi smo tako — jedni drugima — pomagali u borbi za slobodu i za prirođena životna prava naših naroda. Zato su toliko i bile popularne kod nas u Češkoj i Slovačkoj jugoslavenske narodne pjesme koje je sabrao besmrtni Vuk. Zato su tako velik odjek imala kod nas i oba srpska ustanka protiv Turaka i Karađorđeva i Miloševa junaštva. Iz njih smo mi crpli snagu za svoju vlastitu borbu protiv tuđinskog ugnjetavanja. A zato je konačno i na slavenskom jugu — naročito kod Slovenaca i Hrvata »iliraca« — bila tako toplo primljena ideja slavenske kulturne uzajamnosti koju su kod nas poslije Dobrovskog propagirali naročito Kollár i Šafařík.

Sve te radosne uspomene potrebno je ponovo oživjeti i objasniti sa današnjeg gledišta. Ponovo, kritički, moramo pristupiti objašnjavaju i tumačenju burnih događaja revolucionarne 1848. godine — kada je uzajamna suradnja naših naroda prevazišla granice književnosti i prenijela se u politički život. Već je odavno dobro poznato da smo zajednički dopustili teške greške prema mađarskoj buržoaskoj revoluciji. Niko ne opravdava niti politiku Jelačića niti Havličeka Borovskog, — kao i svih onih koji su tada bili na strani Beča ili su Beču ropski služili. Na drugoj strani naša je dužnost istaći i naglasiti sve ono što je bilo napredno u našoj zajedničkoj borbi za slobodu naših naroda. Nije bilo kod nas u Pragu popularnijeg junaka od Kničanina i junačkog Vuka Karadžića, učesnika slavenskog kongresa u Pragu. A i niko više nije tada propagirao suradnju sa južnim Slavenima od Havličeka Borovskog.

Period preporoda sa kulminacijom u 1848. godini dao je trajni osnov i udario kamen temeljac naprednim tradicijama čehoslovačko-jugoslavenskih uzajamnih književnih veza za dalju budućnost. I kod nas, a i kod vas, pojavila se cijela jedna plejada kulturnih radnika — Chocholoušek, Hálek, Neruda, Svatopluk Čech, Krásnohorská, Holeček, Kukučín i mnogi drugi. Kod vas pak — Šenoa, Zmaj, Srpska Omladina, romanopisci Injatović, Vjenceslav Novak, i drugi i drugi, sve tamo do Nušića i Vojnovića. Sve naše književnosti cvale su tokom druge polovine XIX. stoljeća pa sve do Prvog svjetskog rata takoreći pod jednim suncem.

Premda smo se kretali po vlastitim putevima — shodno najživotnijim interesima i potrebama naših naroda — uvijek smo se uzajamno pomagali i uzajamno se poučavali. Mi, Česi i Slovaci, moramo još izrazitije pokazati šta su za nas značili ratovi balkanskih Slavena za svoju slobodu — i kakav su odjek u našoj književnosti nalazili. Holečekove pripovjetke o besprimjernim junaštvima crnogorskih junaka pomagale su našem narodu da ispravi kičmu i da se prkosno uspravi. Dosada, nažalost, nije podrobnije ispitano koliko su potstreka našim umjetnicima dali ratovi za oslobođenje na Balkanu u godinama 1875 — 1878 i 1912 — 1913. Ovdje će morati naša slavistika intenzivnije proraditi. Tada smo stajali pred zajedničkim neprijateljem — austrougarskom monarhijom. Na zajedničkom frontu protiv zajedničkog neprijatelja ispunile su i naše književnosti zajednički borbeni zadatak.

Ali od druge polovine prošlog stoljeća počeo se sve oštrije ispoljavati i drugi front. Borba protiv kapitalističkog eksploatatorskog društvenog poretka i njegovih eksponenata. Baš toj najslavnijoj epohi naših uzajamnih književnih veza ostaje naša nauka najviše dužna. Nisu ispitani odnosi čeških radikalnih demokrata sa J. V. Fričem na čelu — prema Slavenima na jugu. Do danas ne znamo dobro kako je dočekao češki proletarijat pionirski rad srpskih revolucionarnih demokrata, a prije svega Svetozara Markovića. Još uvijek nismo definitivno raskrstili sa stalno akutnim pitanjem — pitanjem »masarikizma« među južnim Slavenima. Poznato je, naime, da su se Masarikovom malograđanskom »realizmu« pripojili mnogi činioci slovenačke književnosti, a također i hrvatska književna kritika u vrijeme kada joj je ton davao Milan Marjanović. Kritički treba objasniti kako su se, i pored ove buržoaske kočnice, naše uzajamne veze razvijale napredno i revolucionarno. Linija uzajamne i međusobne književne suradnje i ovdje je dominirala. Na jednoj strani živ interes kod vas za djela naših pisaca — Hašeka, Wolkera, S. K. Neumanna, Novog,

Hore i drugih — a kod nas opet očigledni uspjesi i simpatije prema Cesarcu, Krleži, Kosovelu, Ćosiću, Prežihovu Vorancu i Milki Žicinoj.

Već u periodu između dva svjetska rata — od 1918. godine pa sve do fašističke okupacije — razvili su se uzajamni i međusobni odnosi svih naših literatura tako snažno da su prodrli u sve grane književne djelatnosti. Sa zahvalnošću se sjećamo velikog broja prevodilaca koji su svojim samoprijegornim i savjesnim radom na objema stranama još više učvrstili uzajamne veze. Nekoji su pali kao žrtve fašizma — Vladimir Petřek, Jovan Kršić, Jaroslav Mali —, a jedan od najboljih — Otokar Kolman — umro je nedavno.

Imali smo dakle i poslije 1945. godine na što da nadovežemo svoj rad. Tada su naši narodi — jedan u Federativnoj Narodnoj Republici Jugoslaviji, a drugi u Narodno-Demokratskoj Čehoslovačkoj Republici — jednom za uvijek obračunali sa kapitalizmom i odlučili se za novi, ljepši i radosniji život u socijalizmu. Učinićemo sve što je u našoj moći kako bismo što prije ispunili prazninu koja je među nama nikla posljednjih godina — kako bi se i naše književne uzajamne i međusobne veze ponovo razvile i bile još snažnije i toplije nego ikada prije. Interes za jugoslavensku književnost nije međutim opao niti poslije 1948. godine. Samo, na primjer, na našem Karlovom univerzitetu u Pragu bilo je za posljednje tri godine predano nekoliko doktorskih disertacija i diplomskih radova. Imamo lijepu studiju o Lucićevoj »Robinji« i njenom jeziku, o filozofiji Njegoševa »Gorskog vijenca«, o filozofskim nazorima Svetozara Markovića, o Domanovićevim satirama, o »Gospodi Glembajevima« Miroslava Krleže, o životu i radu Ivana Gorana Kovačića, o nekojim smjerovima suvremene srpskohrvatske lirike. Na nov način i originalno bio je objašnjen odnos Božene Njemcove prema Slovencima i slovenačkoj književnosti. Kritički su bili razmotreni i srpskohrvatski prijevodi Wolkerovih pjesama. U »Raspravama« naše Akademije nauka nedavno je bio štampan stariji rad Otokara Vašeka o Augustu Šenoi i njegovom odnosu prema češkoj književnosti.

Vrlo široka je naučna problematika naših uzajamnih književnih veza. Postavlja pred nas na svim dionicama velike zadatke. Sada se radi o tome da te sve zadatke savladamo također metodički i organizaciono. Razumljivo je da je prvi preduslov za studij uzajamnih veza u književnosti dobro poznavanje obiju literatura čije dodirne točke želimo utvrditi. Rukovodeći se time — odgajamo naše studente, aspirante i mlade naučne radnike na našim univerzitetima i u Slavenskom institutu Čehoslovačke akademije nauka tako da bi se što podrobnije upoznali sa razvojem jugoslavenskih književnosti. Na međunarodnoj konferenciji slavista u Pragu prošle godine detaljno smo prodiskutirali pitanje književnih uticaja. I u oblasti čehoslovačko-jugoslavenskih odnosa i suradnje uvijek ćemo točno razlikovati lične i društvene književne veze, uzajamne prijevode, odjeke, namjerna ili nenamjerna oponašanja, ideološke i umjetničke uticaje. Znamo da se tu svuda radi o vrlo preciznim i kompliciranim pitanjima, u kojima je potrebno uvijek i u prvom redu imati u vidu domaći razvoj svake pojedine književnosti, a tek onda uzimati u obzir međunarodnu uzajamnost i vezu cijelog kulturnog svjetskog zbivanja. I kad imamo sve to u vidu, — ipak nam ostaje ogroman materijal specifično jugoslavensko-čehoslovačkog karaktera.

Da bi se rad razvijao uspješno — moramo se uzajamno pomagati. Bilo bi korisno da utvrdimo uzajamnu razmjenu svih naučnih publikacija, časopisa i knjiga. Moramo usavršiti uzajamnu pomoć pri izradi i razmjeni fotokopija. Trebalo bi da uzajamno organiziramo razmjenu naučnih planova kako bismo

postigli koordinaciju u radu. Zajednički i uzajamno treba da organiziramo bibliografiju i dokumentaciju. A naši naučni časopisi trebalo bi da publiciraju radove iz obiju naših zemalja. Svi naši univerziteti i sve naše akademije nauka sa svojim institucijama i katedrama trebalo bi da se uključe u tu uzajamnu suradnju, koja bi u objema zemljama bila koncentrirana u jednom centru.

Kakav je smisao i cilj svih tih naših planova i stremljenja? Zar želimo studirati naše uzajamne književne veze samo radi toga da bismo se uvjerili kako se naše prijateljstvo razvijalo u prošlosti? Ne! Cijelih tih hiljadu godina naše zajedničke i obostrane suradnje govore jasno. One sačinjavaju jednu od najljepših i najnaprednijih tradicija u kulturnom razvitku naših naroda. Učimo se na pogreškama prošlosti kako bismo otstranili sve što nas je dijelilo. I nadalje crpimo snagu i elan iz svih tih nebrojenih primjera istinskog prijateljstva i uzajamne suradnje, koja je uvijek rasla iz plamenog srca naših naroda. Studijem čehoslovačko-jugoslavenskih književnih međusobnih veza i uticaja produbljujemo vjekovno bratstvo naših naroda, a time i služimo jačanju mira u svijetu.

IVAN ESIH

NOVA KNJIŽEVNA VRSTA SCIENCE FICTION I SLAVENSKE KNJIŽEVNOSTI

U svjetsku književnost je poslije scenarija ušao novi termin za novu književnu vrstu: fantastični ili utopijski roman, zvan u Americi, u zemlji, gdje je nastao i gdje se najviše razvio: science fiction. Taj je termin zapravo contradictio in adjecto, jer fiction znači pojam upravo suprotan pojmu znanosti, zbilje i činjenice (science).

Poticaj, da obradim ovu temu dala mi je činjenica, što i najveći pregledi svjetske književnosti, pa ni veliki književni rječnici (companioni), ne spominju nijednom riječju, da u slavenskim književnostima postoje fantastični ili utopistički romani.

Pa ni u najvećem evropskom djelu »Utopija i utopije«[1], što ga je izdala Biblioteka suvremene filozofije u nakladi Univerzitetske štampe u Parizu 1950. g. ne spominje autor djela profesor univerziteta u Nancy-u Raymond Ruyer nijednoga Slavena kao autora utopije ili fantastičnoga romana.

Hrvatski kulturni, napose medicinski historik dr. Vladimir Bazala u svojoj studiji »Utopije«[2] spominje iz slavenskih književnosti jedino češkoga pisca Karla Čapeka kao autora djela s utopističkom tematikom.

Mora se priznati, da socijalistički realizam, koji vlada kao metoda književnog stvaranja u nekim slavenskim književnostima, ne pogoduje razvitku utopističkog romana. Socijalistički realizam je metoda, koju stvaralački umjetnik primjenjuje na temelju spoznaja dijalektičkoga materijalizma, da svoje djelo učini djelom borbe za bolju budućnost, da svoje djelo stvara uistinu iz stvarnoga života današnjice i da ono za svoje vrijeme djeluje tipski i direktivno. Glavne značajke djela, izgrađenog prema nazorima socijalističkog realizma jesu: konkretnost i jasnoća, shvatljivost i neposrednost sadržaja. Prema socijalističkom realizmu svako je djelo formalističko, koje bez obzira na društvene odnose, bez strukturalne analize društvenih odnosa, bez dijalektičkog jedinstva čovjeka i njegovih društvenih odnosa samo površno kopira osobine stvarnosti. Socijalistički realisti ne stvaraju prema tomu utopističke romane.

U svagdašnjoj jezičnoj upotrebi i u znanosti kao da se množe pojmovi i riječi, koje su podvrgnute promjeni značenja. Među te neodređene riječi, koje se ne upotrebljavaju u jednoznačnom smislu ide i pojam utopije, pojam utopista. Utopist je u jednom značenju pogrdna riječ za političkog fantastu, a drugi put je opet počasni naziv za čovjeka, koji duboko vjeruje u sve veći napredak ljudskog roda.

---

[1] »L'Utopie et les Utopies«, par Raymond Ruyer, professeur à l'Université de Nancy, correspondant de l'Institut, Paris 1950, pp. 294. (Ruyer je autor značajnih djela o humanizmu, biologiji, strukturi, te djela »Le Monde de valeurs«, Aubier.)

[2] Dr. Vladimir Bazala: »Utopije«, Republika, br. 2–3., Zagreb, 1955.

U Americi vlada hiperprodukcija znanstvenih utopija: svakoga mjeseca izlazi na desetke utopija, a izlaze i zasebni časopisi-magazini: »Galaxy Science Fiction«, »Astouding Science Fiction« i »The Magazine of Fantasy and Science Fiction«.

Pesimistički ton, koji se iza Drugoga svjetskog rata širi u djelima »Science Fiction«, potječe dijelom od straha pred demonskim snagama, koje su djelotvorne u stroju i u termonuklearnoj energiji. George Simenon, autor brojnih bestsellera, drži, da je moda detektivskih romana nestala pred poplavom fantastičnih romana. Science Fiction je najmlađa vrsta popularne masovne literature, koja se počela razvijati prije tridesetak godina. U uskoj je vezi s napretkom prirodnih znanosti i tehnike. Razvitak znanstvene utopije spojen je s razvitkom socijalne historije, industrijskom revolucijom, automacijom, razdobljem ugljena, željeza i čelika, s izumom parnog stroja, pa napokon s napretkom elektrotehnike, radija, televizije i iskorišćavanjem nuklearne energije.

Transatlantsko podrijetlo ove književne vrste očituje se i u tome, što evropske književnosti nemaju ni svoga ustaljenog termina, kojim bi izrazili tu novu književnu vrstu. Englezi su taj naziv preuzeli od Amerikanaca, isto tako i Francuzi (samo što ga izgovaraju u duhu svoga jezika). Nijemci imaju veći broj naziva na pr. »Technizistische Utopie«, »Wissenschaftlicher Roman« ili »Weltraumbücher« (kod Rauchverlaga u Düsseldorfu). Švedska štampa raspisala je natječaj, da se nađe najbolji prijevod za termin »science fiction«, ali taj natječaj nije doveo do rezultata. Suvremeni ruski književni povjesnik i teoretik literature L. I. Timofejev zove taj novi literarni žanr »fantastički roman«. Naš književnik Marko Ristić[3] zove »science fiction« »fantastičnom literaturom« (v. njegov članak u beogradskoj »Politici«, 1—3. V. 1952).

Nije bilo slavenskog učenjaka, pisca velikog formata ili državnika, koji u svojim djelima nije iznio makar koju utopističku crtu, jer je svaki skicirao plan na temu socijalnog preobražaja. Sjetimo se samo slavnoga Jana Amosa Komenskoga (1592—1670) i njegova utopističko-vizionarskoga djela »Labirint svijeta i raj srca«. Veliki srpski borac za oslobođenje radničke klase od kapitalističkog jarma Dimitrije Tucović (1881—1914) predviđao je osvit bolje i ljepše budućnosti čovječanstva.

Aleksej Nikolajević Tolstoj (1883—1945), autor romana »Petar Prvi«, »Hoždenije po mukam«, »Hljeb« i dramatske novele »Ivan Grozni«, istakao se i kao satirički pisac i kao autor djela s fantastičkom temom. U svojim fantastičkim romanima tretira pisac velike društvene probleme. Putem tih romana pokušava da utre put što boljem shvaćanju suvremene stvarnosti. U taj žanr njegova stvaranja ide roman »Aelita«, u kojem Tolstoj prikazuje boljševike, koji su stigli na Mars i koji su tamo organizirali ustanak, zatim roman »Hiperboloid inženjera Garina«, u kojem se osvjetljuje pokušaj, da se izvrši svjetski, u svojoj bitnosti, fašistički prevrat; no taj je pokušaj smrskan u rezultatu narodne revolucije. I u tim se romanima jasno zrcali, da je bogatstvo fantazije — osnovna crta Tolstojeva stvaranja.

Najmlađi od trojice velikih poljskih vizionara, pjesnik ideja — mislilac Zygmunt Krasiński (1812—1859) napisao je kao 21-godišnji mladić djelo »Nie-

[3] Posljednjih dvadeset godina, kako piše književnik Marko Ristić u beogradskim »Svedočanstvima« (1. V. 1952.) u Americi je izašlo nekoliko desetaka hiljada romana i novela, koje spadaju u utopističko-fantastičnu literaturu, zvanu Science Fiction. Ristić ističe, da su utopije na pr. Wellsa, koji je bio i sociolog, »neosporno nadahnute izvesnim plemenitim i optimističkim liberalno-humanističkim težnjama i na prvi pogled su smele i revolucionarne, ali u svojoj su suštini kontrarevolucionarne i jalove«.

boska komedia«, u kojem je očitovao duboko poimanje značajnih socijalno-političkih pitanja, od sretnoga rješenja kojih zavisi opstanak i blagostanje svih budućih generacija. Autor slika revolucionarnog utopistu Pankracija i otvara radosnije perspektive u budućnosti. Djela su Krasińskog prevodili Petar Preradović, Adolfo Tkalčević, Julije Benešić i Petar Budmani, koji je preveo »Nebožiju komediju« i izdao je u Dubrovniku 1870. godine.

Wincenty Kosiakiewicz (1860—1918), pisac velikoga filozofskog i socijalno-političkog obrazovanja, napisao je niz djela s tendencijom, koja prevalira nad vizijom i logikom života. U svom scenskom djelu »Zvonar« (1914) simbolizira svoju tendenciju u liku kralja, koji u fantastičnoj državi poslije jednog razgovora sa sotonom zabranjuje crkvi, da zvone zvona, jer da ta zvona svim srcima govore o bogu. Posljedica je toga bila velika bijeda i demoralizacija. Mladi zvonar stoga diže bunu protiv kralja. U sukobu zvonara i sotone autor je dokazao svoju snagu, ali djelo nije uspjelo, ni u umjetničkom pogledu ni s obzirom na svoju etičko-religioznu tendenciju.

Poslije Henryka Sienkiewicza drugi poljski laureat Nobelove nagrade, autor seljačke epopeje »Chłopi« Władysław S. Reymont (1868—1925) napisao je 1911. godine fantastičnu pripovijetku »Wampir«, u kojoj je slikovito opisao spiritističke seanse, kojima je prisustvovao za svog boravka u Engleskoj. U jednom od svojih posljednjih djela »Bunt« (1924) rješava Reymont socijalne probleme u pobuni životinja protiv njihova cara—lava dajući pritom alegoričku sliku revolucije.

Poljski Jules Verne, koji je umro prije pet godina, Władysław Umiński, istaknuti je pisac fantastičnih romana i s pravom uživa međunarodnu slavu. Njegovo glavno djelo »Pobjednici oceana« (Zwycięzcy oceanu) poznato je u Poljskoj u osam izdanja (prvo je izašlo 1891. g.). Dalja su mu djela »Na valovima Atlantika« (1897.), »U dubinama oceana«, »Čarobnjački brod«, »Zgode podmornice« i t. d. Napisao je i popularno-znanstveno djelo »Ocean i njegove tajne«. Umiński je uvijek za svoja djela posezao za izvorima iz prve ruke, pa fantastički elemenat u njegovim djelima ne prelazi dopuštene granice fikcije. Fantaziju je uvijek znao držati na uzdi. Njegovo djelo »Balonom do pola« izašlo je u deset izdanja; autor je pri redakciji svakog novog izdanja djelo pomlađivao tako, da je posljednje, deseto izdanje, koje je izašlo godinu dana prije autorove smrti, prilagođeno potpuno nivou i stanju najnovijih otkrića na Antarktidi. Da se nije autor tako brinuo za svoja djela, bila bi mu neka zbog snažnog napretka tehnike zacijelo zastarjela. Djela su mu prevođena na ruski, češki, slovački, engleski u Sjevernoj Americi i t. d.

»Pobjednici oceana« preteče su »Kon Tikija« i »Splava očajnika« (od Ensia Tiire). Umiński je naime u tom romanu pokazao, kako se u maloj lađici može preploviti Tihi ocean od San Franciska do Hong-Konga.

Poljski romanopisac Stefan Barszczewski izdao je u Varšavi 1925. g. roman »Czandu« (»Čandu«), s podnaslovom »roman iz XXII. vijeka«. Poljski autor pored utopističkih vizija očitovao je u tom romanu i tipični poljski mesijanizam. U strahovitom naletu Azijata na Evropu Poljska će uspostaviti u Evropi kraljevstvo duha, koji se bez topova i otrovnih plinova može oduprijeti svakom zlu.

Barszczewski je predvidio televiziju, koju je pod nazivom telekinematografija plastički opisao: »ona prenosi — veli pisac doslovno — ne samo zvukove nego i slike na koju mu drago udaljenost« (str. 6.). Pisac se zanosi i za federaciju cijele Evrope, a jedan od stvaralaca evropske federacije je član varšavskog parlamenta Adam Znicz. Autor govori o fotokemičkim izumima bu-

dućnosti, o helikopteru, koji se spušta i na ravne krovove kuća bez šuma i koji vrši krađu dokumenata, špijunažu i t. d. Varšava mu je u geografskom pogledu središte Evrope i stoga igra ulogu u budućnosti. Za nas je zanimljivo, što Barszczewski spominje na str. 106. i 107. svog romana, da su se u XXII. stoljeću ostvarila nagovještenja slavnog jugoslavenskog učenjaka Nikole Tesle, izrečena početkom XX. vijeka, i to ova: poslije prvih uspješnih pokusa radiotelefonije preko Atlantskog oceana, doći će vrijeme da će se prenositi električna energija bez žice na znatne udaljenosti. Sam izraz »Čandu«, naslov romana, bio je u početku tajno geslo krijumčara opijuma, a kasnije postao simbol divnih sanja, koje su trebale da se ostvare.

Suvremeni poljski književnik Antoni Słonimski (rođen 1895) napisao je dva utopistička djela »Teatar u zatvoru«, tmurnu grotesku suvremenog života i »Torpeda vremena«, u kojem autor ide stopama Wellsa iskorišćujući u svojim vizijama i Einsteinovu teoriju relativiteta.

Izdavačka zadruga »Czytelnik« (Warszawa) najavila je, da će izdati jedan utopijski roman E. Majewskog pod natpisom »Profesor Przedpotopowicz«. Kako piše varšavski bibliografski časopis »Nowości wydawnictw polskich«, ta »fantastyczna powieść«, namijenjena omladini, priča nam o prilikama i neprilikama dvojice učenjaka, koji su se našli duboko pod zemljom i bili svjedoci svih sukcesivnih razdoblja u formiranju zemaljske kore i nastajanja različnih vrsta životinja i biljaka. Ovaj fantastični roman je po svojoj tematici posve originalan i taj motiv o životu ljudi pod zemljom mislim, da nije dosada obrađen u svjetskoj utopijskoj književnosti.

Češki književnik Karel Čapek, žrtva fašizma, napisao je niz utopističkih djela. Osobito je karakteristična njegova drama RUR (Rossum's Universal Robot). Robot kao stručni izraz ušao je u svjetske jezike. Rossum, mladi inženjer, našao je način, kako će izrađivati čovjeka kao jednostavni stroj, koji ima razumsku sposobnost, ali nema osjećanja. Orijaške tvornice izbacivale su u svijet milijune robota. Čapek je u tom djelu podvrgao oštroj kritici civilizaciju i gospodstvo stroja, ustao je jetkom satirom protiv duševne i tjelesne lijenosti, bešćutnosti i ostalih sjena socijalnoga života. Spas vidi u iskrenoj i jednostavnoj ljubavi, u povratku prirodi i najčistijim nagonima i snagama čovjeka. To je prva masovna, kolektivna drama. U jezovitoj viziji umjetnih ljudi kritizira Čapek u okviru utopije titanizam mehanizirane civilizacije propovjedajući vječnost altruizma i ljubavi. I u romanu »Krakatit« (1924) Čapek je u filmski napetoj radnji osudio znanstveni titanizam u radu jednog kemičara, koji je pronašao, da se u svakoj materiji potencijalno nalazi strahovito razorni eksploziv. Njegova drama »RUR« prodrla je s pozornice Narodnog divadla u Pragu na mnoge svjetske pozornice. Čapekova drama »Adam — stvoritelj« (prikazivana prvi put u maju 1927. u Pragu) prikazuje Adama, koji topom negacije uništi cijeli svijet i to jednim hicem, pa je sada na njemu red, da iznova stvori novi svijet. Čapek je i u nedavno prevedenom djelu »Borba s daždevnjacima« (Válka s mloky) iznio utopistički simbol, u kojem je dobio dosta prostora za svoju filozofijsku satiru na današnje stanje čovječanstva, civilizacije, socijalnih i političkih poremećaja. Ukratko Karel Čapek je s bujnim utopističkim aparatom vršio oštru kritiku zala i nedaća svoga vremena.

Bugarski književnik Svetoslav Minkov (rođen 1902. u Radomiru) objavio je novelu pod natpisom »Moguća utopija«, u kojoj prikazuje izum holandeškoga inženjera Van Troidena iz Haarlema. Taj izum »fantaskop« omogućava čovjeku, da može vidjeti sve, štogod zaželi. Taj je fantaskop neka panorama

en miniature, on može u jednom hipu iznijeti pred oči čovjeku i cjelokupnu čudesnu legendu, opjevanu u djelu »Tisuću i jedna noć«.

Slovenski književnik Janez Mencinger (1838—1912), poznati slavenofil, osobito pobornik hrvatsko-slovenskoga kulturnoga zbližavanja, u svojim je socijalnim spisima proučavao uvjete za napredak ljudstva, osobito seoskoga, koje je sačinjavalo jezgru slovenskoga naroda. Glavno mu je djelo utopističko-filozofski roman »Abadon« (1893)[4], u kojem jetkom satirom kritizira tadašnju građansku filozofiju. Mencinger je oštro ustajao protiv klerikalaca i nemškutara. U doba mračnoga Bachova apsolutizma oduševljavao se za revolucionarne ideje mlade Evrope, ideje oslobođenja ispod ugnjetavača. U svom »Abadonu« prikazuje pisac socijalizam kao nužnu posljedicu sve većih nepravda kapitalizma i ustaje u obranu eksploatiranog radništva. U djelu »Abadon« dolazi do izražaja njegov optimizam i socijalni humanizam, koji sunčanom svjetlošću obasjava umni i materijalni napredak. Radnja se romana zbiva u 22. odnosno u 24. vijeku, kada juri čovječanstvo i slovenstvo u propast. S pogledom unatrag autor prosuđuje kritično ljude i prilike u 19. vijeku. Sličan je motiv obradio Janez Trdina u bajki »Razodetje«. Za svoj utopijski pogled u budućnost našao je Mencinger poticaja u Bellamyjevoj knjizi »Looking backward«.

Pod pseudonimom dr. Nevesekdo napisao je slovenski književnik dr. Ivan Tavčar (1851—1923) satiričku utopiju »4000«, u kojoj je osudio svjetovnu moć svećenstva, njegovu intoleranciju, duhovnu ograničenost i žeđu za vlašću.

U hrvatskoj književnosti objavio je prvi utopistički roman dr. Mato Hanžeković. Njegov roman »Gospodin čovjek — roman istine«, vizija je o eksploziji otrovnih plinova (Zagreb, 1932). U robinzonadi poslije propasti svijeta, izazvanoj eksplozijom plinova, slučajno je ostao pošteđen benzin, revolver, bilježnice i jedan cio brod sa svim mogućim uređajem, aparatima i hranom. Spasio se i jedan čovjek. Inače je sve organsko uginulo od plinova. Spasili su se i slučajni ljudi, koji su se zadržali na morskoj splavi i u zraku, u avionima. Spasena je — to se kasnije utvrdilo — i jedna Njemica i jedna Japanka. Poslije strahovitog uništenja svijeta autor se poslije nesvjestice našao na obali neke tropske zemlje; namjeri se na nekoga engleskog avijatičara, koji se također slučajno spasio. Autor je plovio morem na splavi. S pomoću aviona spomenuti avijatičar i autor otkriju veliki engleski parobrod krcat hranom, ali bez posade, koja je bila ugušena plinom. Autor i avijatičar plove na tom parobrodu i susreću one dvije žene: Njemicu i Japanku sa sinčićem, a u bivšoj Perziji i jednu djevojčicu. Nastanjuju se na najpogodnijem kontinentu i happy end: Hrvat i Njemica, Englez i Japanka se združuju i osnivaju novo čovječanstvo, koje ne će padati u mahnito bezumlje propalog svijeta i njegove lažne civilizacije, otrovnih plinova i socijalne nepravde. Fantastična radnja, protkana refleksijama o očajnom stanju današnje civilizacije, o uzrocima krize, o genezi dvaju zala: imperijalizma i pomahnitale tehnike — to je sadržaj Hanžekovićeva djela. Srpski književni glasnik (str. 476, 28. IX. 1932). piše o ovom fantastičnom romanu: »Delo će naći svojih čitalaca i pored svih naivnosti, nemogućnosti i neverovatnosti u samoj fabuli (koje su čak i za utopiju nemoguće), a i zbog socijalnih ideja, koje u njemu doduše nisu nimalo nove ili naročito duboke, ali koje su svakako dokumenti za proširenje našeg književnog horizonta daleko

[4] Literaturu o Abadonu v. u članku Josipa Tominšeka sub voce Janez Mencinger u »Slovenskom biografskom leksikonu«, Ljubljana 1933., peti zvezek, str. 92–95. – O Mencingeru v. Stanko Janez: »Pregled zgodovine jugoslovanskih književnosti«, I. knjiga: Slovenska književnost, Maribor 1953., str. 226–228.

u internacionalne sfere, za ulaženje naše prosečne književne produkcije u krug čisto međunarodnih problema i aktualnosti.«

Akademik Vladimir Nazor spjevao je 31 sonet u zbirci »U zemlji Utopije«, — Vizije vidio ih od 1932—1939. od Fantaziusa. Prvi stih glasi:

»Sin Sanjâ ja sam pjesnik, prorok, vrač.«

Pjesnik se zanosi u budućnost, kada će iz kaosa nastati red i sklad, kada će nastati epoha

»I nema više grada i nema sela,
U slobodnome carstvu Utopije.«

U viziji gleda i svjetsku državu, te u jednom stihu veli:

»Nigdje plota i znaka kakvih međa.«

Pjesnik ustaje protiv ropstva, jer smo gospodari svoga rada, buni se protiv stare i ljute tiranije Društva, te ističe: »Sanjah, da zemlja, u dan srdžbe i straha u prah se rasu — sanjao sam, ali moj san će biti java.«

Posljednji je sonet u toj zbirci »Bol i sjena«, koji završava stihovima:

»Na jastuku našem Bol uz Radost dile.
Sjen je potka u tkivu svake nam svjetlosti.«

Premda je naslov zbirke »U zemlji Utopije«, Nazorovi soneti u cjelini nemaju utopistički, nego više vizionarski karakter: pjesnik, vates-prorok gleda optimistički u razvitak ljudskog društva, u kojem će vladati Red i Sklad.

Najveći duhovi svijeta osjećali su najdublje rđavi sastav ljudskog društva i stoga su barem u svojoj mašti sanjarili o novom svijetu, boljem, prosvjetljenijem i socijalno pravednijem. Oni su i u svojim, i filozofskim i beletrističkim djelima stvarali savršeni svijet.

Čitanje takvih fantazija o budućem životu ljudi uvijek je poučno. Iako se još nisu ostvarile države sa savršenim poretkom, kako ih opisuju pojedini utopistički spisi, ipak su se ostvarila mnoga tehnička i socijalna predviđanja. Šibenčanin Fausto-Vrančić, autor djela »Machinae novae« (1605), u kojem je 29 listova teksta s 49 bakroreza, u svojoj je viziji izradio brojne modele drvenih i željeznih strojeva, motora, putnih kola sa željeznim perima. Zanimljivo je, da je Vrančić iznio i sliku »Homo volans« s najstarijim prikazom padobrana. To je prva poznata slika padobrana, koji je danas dobro poznat. Djelo je izašlo i na francuskom jeziku »Recueil des machines« (1617). Bacon filozof, prirodopisac, državnik i književnik, za kojega se jedno vrijeme mislilo, da je napisao Shakespeareove drame, predviđao je neke eksperimentalne, zdravstvene ustanove u korist radnika, tehničke, fizikalne naprave, izume, sintetičke tvari, zavarivanje i konzerviranje hrane, što se sve kasnije i ostvarilo. Prema tome i po Baconovoj Novoj atlantidi se vidi, kako su utopistički pisci pozitivno pridonijeli u misaonom pogledu napretku čovječanstva. Gledali mi kako mu drago kritički na utopistička djela, moramo priznati, da su ona pozitivno pridonijela ideji napretka čovječanstva i čovječnosti. U tom radu surađivali su i brojni suvremeni slavenski književnici.

ANDREJ MRÁZ

SRBSKÁ ĽUDOVÁ POÉZIA VO VÝVINE SLOVENSKEJ LITERATÚRY

Medzislovanské literárne snahy tvoria neobyčajne bohaté a mnohotvárne skutočnosti, ktorých výskum má síce relatívne starú tradíciu, ale ktoré skutočnosti v zvrchovanej miere povolaná je osvetľovať naša súčasná veda o slovesnosti. Pozitivistická buržoázna komparatistika prevažne koncentrovala sa na hľadanie súvislostí medzi literatúrami jednotlivých slovanských národov a literatúrami západnej Európy a len akoby v tieni tejto orientácie najmä od konca XIX. storočia mocnel aj prúd, ktorý hlavnú svoju úlohu videl v osvetľovaní vzťahov vo vnútri jednotlivých slovanských národných literatúr. Na tieto podnety nadväzujeme aj dnes a rozvíjame ich v zmysle marxisticko-leninskej vedy o literatúre.

Problematika medzislovanských literárnych vzťahov je veľmi komplikovaná a okrem iných zreteľov, historických, metodologických a podobne, komplikuje ju aj fakt, na akom materiáli ju osvetľujeme, z ktorých konkrétnych slovanských literatúr vychádzame pri porovnávajúcej práci. Existuje napr. pomerne bohatá vedecká spisba, zapodievajúca sa účinkami ruského literárneho realizmu na literárny vývin ostatných slovanských národov. No temer od začiatkov tohto bádania viac alebo menej jasne sa poznávalo, že veľkí ruskí realisti inak zasiahli do procesu rozvíjania sa literatúry poľskej, ukrajinskej, českej, slovenskej, literatúr juhoslovanských národov, bulharskej a tak ďalej. Aj literárne vzťahy medzi jednotlivými národmi podmieňuje mnoho zložitých faktorov. Momenty sociálno-politické, kultúrno-historicke, stupeň rozvoja príslušnej národnej literatúry, vzájomné styky hospodárske a celá séria ďalších činiteľov.

Tieto a mnohé ďalšie veci musíme mať na pamäti aj pri stručnom náčrte problémov, vzťahujúcich sa na znalosť srbskej ľudovej piesne u Slovákov, na jej účinky pri formovaní sa slovenskej literárnej teórie a praxe v jednotlivých vývinových fázach. Toto všetko okrem iného predpokladá vystopovať, čo v týchto dvoch slovanských národných literatúrach bolo spoločné a čím sa od seba odlišovali, ako v literárnych faktoch odzrkadľujú sa súveké sociálne, politické, kultúrne a iné pomery i snahy, čo ich historicky i v prítomnosti spájalo a oddeľovalo a v akom vzájomnom vzťahu boli perspektívy ich vývinu do budúcnosti.

Na prahu upevňovania sa menších slovanských buržoáznych národov medzi našimi národmi v dnešnom Československu a v dnešnej Juhoslávii vedľa početných spoločných čŕt existovali aj mnohé rozdielnosti. No na oboch stranách stupňoval sa zápas za národnú slobodu proti cudzej nadvláde, za upevnenie atri-

bútov národnej samostatnosti a za prehĺbenie i rozšírenie medzislovanských zväzkov. Proces tento mnohostranne odráža sa aj v oblasti kultúrnej a špeciálne literárnej. Rozvíjajúca sa buržoázia v našich krajinách na rozdielny spôsob síce, ale čoraz priebojnejšie uplatňuje sa aj v kultúre. Stáva sa nositeľom pokrokových celonárodných úsilí. Výrazom týchto snažení rovnako u Srbov ako u Slovákov je aj tvorenie nového spisovného jazyka, tvorenie novej meštiacko-realistickej i romanticko-revolučnej krásnej literatúry a nie na poslednom mieste aj kult ľudovej slovesnosti, ktorý zasahuje aj do formovania sa literatúry umelej.

Prvé prejavy bojovnej meštiackej ideológie v krásnej literatúre tak u Srbov ako u Slovákov v mnohom sú ešte poznačené zvyškami starej kultúry, nasledovaním klasicistických literárnych noriem, ktoré však rapídne ustupujú do úzadia a na ich miesto nastupuje nová literárna orientácia, na jednej strane nadväzujúca na podnety vyspelejších západoeurópskych národov a na strane druhej pre svoje snahy hľadajúca oporu v domácih literárnych a spoločenských skutočnostiah. Typickým predstaviteľom tohto vývinového štádia v českej a slovenskej literatúre je Ján Kollár. No jeho básnická tvorba zostáva vcelku ešte nedotknutá účinkami ľudovej poézie. Prelom, aký nastal v ruskej literatúre vystúpením Puškinovým aj v dôsledku jeho príklonu k folklórnej slovesnosti, ten u Čechov a Slovákov prišiel síce v časoch Kollárových, ale nie i prostredníctvom jeho vlastného básnického diela.

Charakteristické je však, že Ján Kollár a jeho rovesníci, medzi nimi na prvom mieste Pavol J. Šafárik, už sú intenzívne teoreticky zainteresovaní o ľudovú slovesnosť, vysvetľujú ju a hodnotia. Kollár so Šafárikom a Benediktym prví knižne vydávajú zbierky slovenských ľudových piesní v dvoch zväzkoch (1823, 1827), v ktorej práci Kollár v širokom rozsahu i neskoršie pokračoval. Zo stanoviska našej témy nie je bez významu, že tak Ján Kollár, ako najmä Šafárik úzko boli spätí s juhoslovanským životom, oba aj osobne poznali sa s Vukom Karadžićom, udržiavali s ním korešpondenčné styky a kriticky hodnotili jeho prácu. Kollárov a Šafárikov záujem o ľudovú slovesnosť nevznikol priamo aj z podnetov diela Karadžićovho, Šafárik na rozdiel od svojho peštianskeho druha už v svojej študentskej básnickej zbierke Tatranská múza s lýrou slovanskou (1814) využíva motivické a štylistické prvky slovenskej ľudovej piesne, ale na druhej strane je isté, že na náhľady oboch, týkajúce sa folklórnej slovesnosti, pôsobili i zbierky Vukove a hodnotenie srbskej ľudovej poézie slovanskými a inonárodnými jej obdivovateľmi.

Šafárikovsko-kollárovské zainteresovanie o juhoslovanskú ľudovú pieseň, ktorú zainteresovanosť v českej literatúre čoskoro rozšíril Ladislav Čelakovský, tvorí prvú fázu udomácňovania sa srbskej ľudovej poézie u Slovákov. Udomácnenie toto vcelku nieslo sa v znamení romantického kultu folklórnej slovesnosti, kultu rozšíreného aj v západoeurópskych literatúrach, naši dejatelia dali mu len dôrazný slovanský akcent. Novú podobu a nový, aktívny zástoj vo vývine slovenskej vzdelanosti a slovenskej literatúry srbská ľudová pieseň získala si v časoch, keď centrálne postavenie v našich národných snahách mal Ľudovít Štúr a keď mladá pokroková slovenská buržoázna inteligencia radikálne demokratizovala slovenský život vo všetkých sektoroch. A tu už máme dočinenia s omnoho bohatšími a závažnejšími historickými faktami, ktorými treba osvetľovať prenikanie srbskej ľudovej poézie do povedomia Slovákov a jej podiel pri formovaní nielen slovenskej literatúry, ale aj iných zložiek kultúry.

Ľudovít Štúr pomerne zavčasu, už koncom tridsiatych rokov predošlého storočia mal široký rozhľad po juhoslovanských veciach a aktívne ovádal súveký

srbochorvátsky spisovný jazyk. Znalosti tieto nadobudol si jednak z potreby uvádzať do života postuláty kollárovskej idey slovanskej vzájomnosti a jednak pre priaznivé praktické možnosti. Do Štúrovho pôsobiska Bratislavy totiž najmä do r. 1848 húfne chodievali na štúdiá aj srbskí žiaci predovšetkým z bývalého Uhorska a on sa tu s nimi stýkal nielen ako súkromník, ale staral sa aj o ich národnú a kultúrnu výchovu. Okrem toho súveká Bratislava bola snemovým mestom, do ktorého chodili i zástupcovia Chorvátov a vojvodianských Srbov, čo všetko Ľudovít Štúr a jeho slovenskí žiaci využívali pre plodné a tvorivé nadväzovanie stykov s juhoslovanskými pomermi a vzdelanosťou. I v boji proti vzmáhajúcemu sa šovinizmu maďarskej vladnúcej triedy, ako i pri vydobývaní práv pre svoje národy od viedenskej vlády Slováci našli svojich prirodzených spojencov u Juhoslovanov. Štúrov program rovnosti, spolupráce a jednoty slovanských kmeňov najintegrálnejšie sa realizoval práve v spolupráci s juhoslovanskými národmi.

A v týchto súvislostiach musíme sa dotknúť štúrovského formujúceho zásahu do slovenských osudov. Vývin spoločenských vzťahov aj medzi Slovákmi, pri všetkých starých a súvekých prekážkach, dospel na také štádium, že Slováci mohli sa konštituovať ako samostatní slovanský národ, usilujúci sa postupne vybojovať si všetky národné práva a vlastnosti. Ľudovít Štúr a jeho generácia stáli na čele tohto procesu najmä od začiatku štyridsiatych rokov predošlého veku a zákonitou konzekvenciou konštituovania sa Slovákov ako samobytného národa okrem iného bolo i to, že sa vzdali spisovnej reči, ktorú dovtedy prevažne užívali a prijali r. 1843 za reč spisovnú živé domáce nárečie ľudové.

A tu nemohli obísť príklad srbský a chorvátsky. Ľudovít Štúr v svojom teoretickom spise, v ktorom odôvodňoval nezbytnosť spisovnej slovenčiny, výslovne sa odvoláva aj na Karadžićov príklad s reformou spisovného jazyka srbského a s reformou jeho pravopisu. Funkciu, akú mal slavenoserbský jazyk v dejinách srbskej vzdelanosti, v istých súvislostiach na Slovensku suplovala čeština, najmä v užívaní cirkevnom, hoci, rozumie sa, čeština na Slovensku mala oporu v rozvoji tohto jazyka v českom národe. Ale Slováci pri znásobených nárokoch na spisovnú reč, súvisiacich s demokratizovaním spoločnosti, nemohli vystačiť s archaickou češtinou, zaostávajúcou za rozvojom spisovného jazyka v českých krajinách a vedľa slovakizovania češtiny v slovenskom užívaní, čoraz viacej vystupujú do popredia snahy uzákoniť vlastnú celonárodnú spisovnú slovenčinu, čo uskutočnila štúrovská generácia. Pritom je dôležité, že pôvodný pravopisný systém takzv. štúrovskej slovenčiny bol fonetický, čo bolo motivované viacerými príčinami (ohľadom na široké masy, príklad pravopisu bernolákovskej slovenčiny, užívanej katolíckou časťou národa od konca XVIII. storočia), ale na toto rozhodnutie Štúrovo a jeho druhov iste posmeľujúco pôsobil príklad Vukovho pravopisu medzi Srbmi a analogický príklad medzi Chorvátmi.

Štúr totiž a jeho stúpenci, ako to vyplýva už aj z povedaného, mnohostranne boli pospájaní s juhoslovanskými kultúrnymi snahami. Jeden zo Štúrových odchovancov, Ján Francisci, vo vlastnom životopise dosvedčuje, že v knižnici bratislavského Ústavu, ktorý viedol Štúr, už začiatkom štyridsiatych rokov boli i zbierky Karadžićových Srbských ľudových piesní. A Francisci pokračuje: „Mňa zaujímali tieto posledné natoľko, že som ich často a rád čítaval, čím som si srbské nárečie natoľko osvojil, že som so srbskými žiakmi po srbsky obcoval." A Francisci v znalosti srbštiny nebol sám.

Nie sú nám nateraz známe všetky okolnosti, dosvedčujúce tak ideologické, ako i osobné vzťahy Ľudovíta Štúra k Vukovi. No i to čo vieme, dokresľuje našu

tému. Vuk vo Viedni mal význačné postavenie medzi Slovanmi a záujemcami o slovanské veci, udržiaval styky aj s ruskými dejateľmi, precestoval Uhorsko, okrem iných slovanských krajov navštevoval i Prahu a tak vedľa jeho kultúrnej činnosti aj tieto veci priťahovali mladých Slovákov k nemu. Štúr často chodieval z Bratislavy do neďalekej Viedne a tu vyhľadával Vuka Stefanovića Karadžića a 30. IV. r. 1845 aj sám Vuk s Rusom Nikolajom Rigelmanom bol na návšteve u Štúra v Bratislave. Stretli sa i na pražskom Slovanskom sjazde r. 1848 a nepochybne stretávali sa i neskoršie. Vuk posielal Štúrove knihy do Moskvy.

Po týchto odbočeniach treba sa nám vrátiť k vlastnej téme referátu, glosovať, ako sa na Slovensku reagovalo na srbskú ľudovú poéziu od štyridsiatych rokov predošlého storočia. U všetkých slovanských národov na prahu kapitalizmu a špeciálne u národov malých, nerozvitých, žijúcich pod cudzou hegemóniou krásna literatúra mala závažné postavenie, bola z najvýznamnejších upovedomujúcich a mobilizujúcich činiteľov a v nej zároveň najplnšie sa stelesnili túžby, snahy a schopnosti prebúdzajúceho sa národa. Aj slovenský národný pohyb v prvej polovici predošlého storočia skoro do centra svojich úsilí postavil veci literárne, alebo aspoň chápal ich v úzkej spojitosti s ostatnými sektormi činnosti. Preto bolo len logické, že bojovná skupina radikálnych demokratov v slovenskom živote, ktorej vedúcou osobnosťou bol Ľudovít Štúr, tak dôsledne a zásadovite usilovala sa o novú orientáciu, o nový zmysel svojej národnej spisby a literárnej kultúry. V slovenských spoločenských pomeroch nebolo síce možno tak dôsledne viesť boj za novú literatúru z pozícií ľudových, ako tento boj viedol Vuk Karadžić v srbskom národe, na Slovensku mocnejšie boli knižné tradície, užšia spätosť s kultúrami okolitých národov, najmä s nemeckým, okrem toho aj slovenská inteligencia týchto čias napospol regrutovala sa zo vzdelaneckých rodín a v krajine, kde feudalizmus neobyčajne hlboko bol zapustil korene a bol ešte temer pri nenaštrbenej moci, ale i tak štúrovci usilujú sa našu umelú literatúru priblížiť slovesnosti folklórnej, v nej nachádzať podnety, príklady i ducha pre tvorbu spisovateľov, s uzákonením spisovnej slovenčiny ruka v ruke ide i úsilie tvorivo nadväzovať vo všetkých podstatných zložkách na príklad umeleckej tvorby ľudovej.

Temer všetci štúrovci prešli školením na nemeckých vysokých školách a aj v domácom prostredí viacej boli v zajatí súvekej oficiálnej školskej vzdelanosti a náboženskej ideológie ako tomu bolo v prípade Vuka Karadžića a jeho rovesníkov u Srbov. To všetko, pravdaže, vedľa iných momentov, ovplyvnilo aj ich chápanie folklórnej slovesnosti. Na Slovensku v mnohom ju chápali v učených kategóriách estetických a historio-filozofických, odvodených predovšetkým z Heglovej idealistickej filozofie a aplikovaných na slovanské skutočnosti. Preto sa u Slovákov o folklórnej poézii viacej teoretizovalo než by sa bola zapisovala a vydávala ako to robil Karadžić, viacej bola predmetom učených rozpráv než intímne poznanou a milovanou umeleckou realitou, z nej sa vyvodzovali ďalekosiahle závery o idealizovanej minulosti, patetizovanej prítomnosti a tu i tam i mesianisticky poznačených nádejách do budúcnosti než by bola vzorom pre umelú básnickú tvorbu, ako to požadoval Vuk najmä s ohľadom na čistotu a vlastnosti spisovného jazyka.

Ale i tak folklórna slovesnosť u Slovákov, predovšetkým poézia, v Štúrovej generácii podstatne ovplyvnila všetky naše literárne snahy. Revoluční romantikovia typu Janka Kráľa, Sama Chalupku, Jána Bottu a ďalší využívali jej tematiku, jej vlastnosti štylistické a poetiku, pomocou ľudovej piesne slovenské básnictvo v týchto rokoch zbavuje sa nánosov učeneckých a stáva sa ľudovým, tvorivo nadväzujúcim na podstatné črty poézie folklórnej.

Ľudovít Štúr ako zástupca profesora československej reči a literatúry na bratislavskom evanjelickom lýceu, ale najmä ako vychovávateľ slovanskej mládeže v študentských spolkoch a potom ako publicista, literárny kritik i teoretik, ako estetik a sčiastky i básnik od začiatkov tejto svojej činnosti pa.·icky budil záujem o slovanskú ľudovú slovesnosť. Zachovali sa nám texty jeho prednášok o nej, odvolávaním sa na príklad slovanských ľudových piesní a povestí hodnotil našu súčasnú a svetovú literárnu produkciu a tieto jeho snahy vyvrcholili v knihe O piesňach a povestiach plemien slovanských, ktorá r. 1853 vyšla v Prahe.

Na tomto mieste môžeme upozorniť len na niekoľko čŕt tejto Štúrovej knihy, v ktorých sa odzrkadľuje jeho poznanie i hodnotenie srbskej ľudovej poézie, predovšetkým epickej, bohatierskej ako ju on volá. No predtým treba sa dotknúť ešte jednej veci, ktorá zo stanoviska našej témy zdá sa nám dôležitou. Štúr totiž v 4. čísle Slovenských pohľadov na r. 1852, teda v časoch, keď bol pod policajným dozorom viedenskej vlády a keď sa mu znemožnila temer akákoľvek verejná činnosť, publikoval obšírnu recenziu o Pesmach Branka Radičevića a čo nás v tejto recenzii obzvlášť zaujíma je fakt, že Štúr v širokých súvislostiach porovnáva Brankove básne so srbskou ľudovou poéziou. I v tomto Štúrovom príspevku stretávame sa s niektorými jeho idealistickými estetickými konštrukciami, no vcelku správne a bystro postihuje, v čom Radičević nasleduje ľudovú pieseň a v čom sa od nej odkláňa. Štúr tu nežiada od umelého básnictva, aby mechanicky nasledovalo postupy ľudovej piesne, ale vyzdvihuje v čom v otázkach kompozície epických skladieb, vo výbere tém a vo veciach etických a svetonázorových ľudová poézia má byť východiskom a vzorom. Pre nás je dôležité, že i z tohto príspevku názorne vidno, ako Štúr dôkladne poznal srbské ľudové piesne, ktoré sa mu dostali do rúk a ako hlboko domyslel ich niektoré vlastnosti a to tak povahy ideologickej, ako i formálnej. Ináče však Ľudovít Štúr v dôsledku svojej teoretickej vyhranenosti a aj pre predsa len nedostatočnú znalosť srbskej literárnej a spoločenskej situácie Brankovu zbierku (najmä epické skladby) posudzoval dosť negatívne a mladému srbskému básnikovi pripomínal: „Pôvodcovi (rozumej Radičevićovi) treba ešte veľkej náuky do básnictva i veľkej pilnosti, náuky nielen básnictva napospol a menovite národného slovanského (teda ľudového), ku ktorému bádaniu je pomoc znamenitá nevyrovnaná zbierka piesní srbských, slovutným naším Vukom Stefanovićom zobraných, ale aj náuky života a dejov." K predošlým vývodom doložme ešte, že r. 1851 ako o hotovej veci hovoril Štúr v súkromnom liste, že pôjde za profesora „politických vied" na Vysokú školu do Belehradu.

Spis O piesňach a povestiach plemien slovanských koncipoval Štúr po revolúcii z r. 1848—49, v modranskom exile, v ťažkých súkromných a verejných pomeroch. V týchto časoch Bachovho absolutizmu a ochabnutia slovenských národných akcií Ľudovít Štúr v istých súvislostiach viac ako predtým podlieha idealistickým historicko-filozofickým náhľadom a ilúziám. Slovanskú folklórnu slovesnosť ponímа ako celok, v zhode so svojimi politickými názormi z týchto čias, ináče plnými protirečení. Rozborom slovanských piesní a povestí idealizuje slovanskú starobylosť a históriu, glorifikuje prednosti starej slovanskej spoločenskej organizácie a etické vlastnosti predkov, do tejto Štúrovej práce dostávajú sa už mnohé prvky, z ktorých sa skladal systém náhľadov ruských slavianofilov a oficiálnej ideológie cárskeho Ruska, čomu potom dal výraz najmä v svojej posmrtne vydanej knihe Slovanstvo a svet budúcnosti. Pravda, ani tento základný idealisticko-reakčný prístup Štúrov k folklórnej slovesnosti nezabránil mu mnohé veci

vidieť správne, vyvodzovať z nich pravdivé závery, ako sú napr. tie, ktoré súvisia s humanistickým a demokratickým cítením Slovanov a v mnohom sú pozitívne aj konzekvencie Štúrových konfrontácií slovanskej ľudovej slovesnosti s umelou a špeciálne s úpadkovou literatúrou západoeurópskou. No po víťazstve kontrarevolučných síl v Európe r. 1848—49, po opadnutí revolučnej a aktivistickej vlny u slovanských národov po tomto dáte, ktoré skutočnosti obzvlášť citlivo zaťahli na slovenský život, Ľudovít Štúr svoju optimistickú vieru v budúcnosť Slovanstva viacej musel sýtiť z idealistických predstáv o minulosti, ako zo živých skutočností prítomnostných. Veľká, pozitívna a slovansky osobitá minulosť bola mu zárukou víťaznej slovanskej budúcnosti, od ktorej očakával nielen kultúrne, ale aj úzke politické zomknutie sa, spojenie všetkých slovanských národov.

V Štúrovom spise o slovanských piesňach a povestiach spracúva sa látka z ľudovej slovesnej tvorby všetkých Slovanov a dielo toto je i určené všetkým Slovanom. Rozumie sa, bohato sú v ňom zastúpené odkazy na srbskú ľudovú pieseň, predovšetkým historickú a obzvlášť na cyklus kosovský. Medzi citovanou literatúrou Štúr uvádza prvé tri zväzky Vukových Srbských národných piesní, vydaných začiatkom štyridsiatych rokov vo Viedni a zbierku Stanka Vraza Narodne piesni ilirske z r. 1839. Je však isté, že juhoslovanskú folklórnu slovesnosť a literatúru o nej poznal v širšom rozsahu. Pripomína ju aj v plánoch, podľa ktorých dielo toto chcel znovu spracovať a základne rozšíriť.

O piesňach a povestiach plemien slovanských Štúr napísal po slovensky, knižne prácu vydal však v Prahe nákladom Českého múzea a očakával, že vyjde aj v prekladoch v iných slovanských rečiach. Vyšla aj po srbsky v preklade Jovana Boškoviča v Novom Sade r. 1857. Prečo práve Srbi preložili si toto Štúrovo dielo? Iste to má príčiny aj v úzkych vzťahoch medzi našimi národmi v tých časoch (mimochodom môžeme poznamenať, že autor dielo venoval Michalovi Obrenovićovi, ktorý Štúra v ťažkých fázach jeho života podporoval aj finančne), ale podstatnejšia príčina bola v tom, že slovenský autor srbskému čitateľstvu, medzi ktorým bol taký rozšírený kult ľudovej slovesnosti, svojou knihou otváral nové výhľady na spoločenský a umelecký význam slovanskej ľudovej tvorby, ktoré výhľady s takou dôraznosťou a tak široko nerozvádzali sa ani u Vuka, ani u ostatných súvekých juhoslovanských interpretov ľudovej spisby.

Týmto, pravdaže, nekončí sa podiel srbskej ľudovej piesne v slovenskom literárnom vývine, jej účinky na našu literárnu teóriu a tvorbu. Srbské motívy najmä z protiturecých bojov bohato sú zastúpené v našej historickej epike a dramatike v časoch štúrovských, v epoche slovenského literárneho romantizmu, tieto motivické vrstvy rozhojňujú sa v druhej polovici sedemdesiatych rokov predošlého storočia, v časoch rusko-tureckých bojov a na všetkých týchto prácach badať stopy intímnej znalosti srbskej ľudovej epiky. Aj nová fáza vo vývine slovenskej literatúry, víťazstvo realistického smeru, poznačená je plodným príklonom k juhoslovanskej ľudovej poézii. Koncom sedemdesiatych rokov Svetozár Hurban Vajanský, ináče už v rodičovskom dome vychovávaný v zmysle kollárovsko-štúrovských ideí, zúčastnil sa na okupovaní Bosny a Hercegoviny rakúskym vojskom a tento ponižujúci pobyt medzi Juhoslovanmi ešte hlbšie ho pripútal aj k bratskej literatúre na juhu, špeciálne k ľudovej. Jeho básnická kniha Tatry a more (1879) v mnohých lyrických a epických číslach ozýva sa tónom, ktorý tematicky i veršovou technikou je priamym nadväzovaním na vlastnosti juhoslovanskej ľudovej poézie.

V českej a slovenskej literatúre uvedomujeme si, aký závažný význam pre socialisticko-realistickú tvorbu a takú istú slovesnú vedu má aj tvorivé poznávanie a využívanie folklórnej spisby. I z tohto stanoviska znovu vraciame sa k pokladom ľudovej slovesnosti juhoslovanských národov (na Slovensku napr. v nasledujúcom roku vyjde objemný výber prekladov z juhoslovanskej poézie), rozvíjame tak bohaté pokrokové dedičstvo našej minulosti a spĺňame nástojčivé potreby dneška a budúcnosti.

Н. Ф. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ВОЛШЕБНЫЕ СОЛДАТИКИ
(Пушкин и Вашингтон Ирвинг)

Автор устанавливает связь пушкинского отрывка о волшебных солдатиках („Царь увидел пред собой...") с первоначальной редакцией „Легенды о арабском звездочете" В. Ирвинга 1832 г. Отрывок несомненно предназначался для „Сказки о золотом петушке", но не вошел в нее.

Вопреки мнению Б. В. Томашевского (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. III, стр. 516. Издание Академии наук, М. 1949) автор возводит к Ирвингу и вторую часть отрывка.

Х. ПОЛЕНАКОВИЌ

ВРСКИТЕ НА ЈОРДАН ХАЏИ КОНСТАНТИНОВ-ЏИНОТ СО ДРУШТВО СРПСКЕ СЛОВЕСНОСТИ

I

Во мојата студија: „Врските на Јордан Хаџи Константинов - Џинот со Друштво српске словесности" од Белград, што ќе биде напечатена во Годишниот зборник на Филозофскиот факултет во Скопје (книга VIII), јас се обидов, многупочитувани колеги, да ги прикажам врските меѓу еден од највидните македонски преродбеници од XIX век, Јордан Хаџи Константинов-Џинот (1820 — 1882) со Управата на Друштво српске словесности, односно со одделни членови на ова Друштво и други луѓе во Белград.

За овие врски меѓу Џинот (како е вообичаено да се вика Јордан Хаџи Константинов) и Друштво српске словесности, во мојата работа говорам според податоците што сум можел да ги соберам по разни општествени и приватни архиви во Белград, на прво место, се разбира, во архивата на Друштво српске словесности, што денеска се чува во архивата на Српската академија на науките.

Препорачувајќи ја мојата работа на вашето љубезно внимание, овдека ќе бидам слободен — водејќи сметка за ограниченоста на времето со кое располагам — да ви ги изнесам главните резултати до коишто сум дошол во моите иследувања.

Јордан Хаџи Константинов-Џинот е родум од Титов Велес (најверојатно е роден околу 1820 година). Се школувал во родното место, а потоа во Солун, Самоков и се посветил на учителската работа, започнувајќи некаде од 1840 г. па до крајот на својот живот. Поради разни причини Џинот доста патувал, најповеќе по Македонија, а потоа низ Турција, Грција, Романија, Србија. Неколку пати бил во Белград.

Важното во неговата просветителска работа е во тоа што е тој еден од првите учители во Македонија којшто го воведува народниот јазик како наставен јазик во школите и што воведува модерна настава.

Во текот на својот живот Џинот морал да води упорна борба против сите оние што гледале на кој било начин да го попречат просветно-културното издигање на македонскиот народ. А такви имало доста во Македонија, започнувајќи со однародената буржоазија, чорбаџиите, па преку црквените великодостојници: фанариотски владики (било од какво потекло тие да биле), до поповите и

калуѓерите од коишто повеќето биле непросветени, назадни и чревоугодници. Во своите напади против последниве често Џинот се служи со аргументите на Доситеј Обрадовиќ, така што по ова, а и по други свои работи, тој е еден вид Доситеев ученик во Македонија.

Како последица од овие постојани борби се јавуваат честите прогонувања на коишто бил изложен Џинот: апсења од страна на турската власт, затворање на приватните и општинските школи од страна на владиките и буржоазијата, разни малтретирања и — прогонство во Мала Азија (од 1860—1863).

По враќањето од прогонство Џинот ја продолжил својата просветителска работа, работејќи како и пред тоа време на собирање стари книжевно-историски споменици и нумизматички материјали. По својата збирка од стари ракописни книжевно-историски споменици, на времето Џинот бил еден од најпознатите колекционари, чие познанство го барале разни научни работници, дипломати, научни друштва, библиотеки, новинари и др.

Книжевната заоставштина на Џинот е и разноврсна, и обемна макар што за неа не можеме да речеме дека се одликува со некаква особена книжевна вредност. Неговите творби повеќе имаат книжевно-историска отколку уметничка вредност.

Пред сѐ Џинот се бавел со припремање текстови нужни за школската практика. Во науката се тврдеше дека тој издал неколку така наречени таблици, школски текстови. Засега сигурно е констатирана само една таква таблица. Тоа е неговата Таблица прваја, напечатена околу 1840 година. Таблица прваја на Џинот е всушност превод или преработка (во поедини делови) на еден дел од Ижица на Доситеј Обрадовиќ. Важноста на оваа работа е во тоа што таа претставува еден од првите преводи од српски на македонски јазик и прв превод од Доситеја Обрадовиќа на македонски. (Подетално за оваа работа зборувам во мојата книга: „Страници од македонската книжевност", Скопје 1952, стр. 130—142).

Со приближно иста тенденција настанале и повеќето негови ситни драмски слики, што ги изведувал Џинот со своите ученици во скопската школа околу педесетте години на минатиот век. Овие драмски обиди се морализаторско-дидактични творби, прелезни со извесна патриотска тенденција. Се знае дека Џинот преведувал и некои поголеми драмски творби, но што станало со нив денес не ни е познато. Со Џинот, на тај начин, започнува македонското драмско дело. Драмската дејност на Џинот ја имам изложено во мојата студија: „Драмските обиди на Џинот" (објавена во скопското списание „Современост", 1952, бр. 7—8).

Јордан Џинот се бавел и со пишување стихови. Тој е еден од првите македонски стихотворци. Напишал десетина стихотворби. Повеќето од неговите стихотворби се со дидактичен карактер, носејќи, некои од нив, и по некоја патриотска нота. Во мојата книга „Страници од македонската книжевност", стр. 143—155, даден е преглед на неговата поетска дејност и објавена е една негова непубликувана стихотворба.

Поголемиот дел од заоставштината на Јордан Џинот претставуваат низа патеписи објавени главно во бугарскиот „Цариградски вестник", и некои патеписи што останале во ракопис, во архивата на Друштво српске словесности. Со овие патеписи Џинот е прв македонски патеписец, а неговите патеписи даваат низа драгоцени податоци за состојбата на населението во Македонија во педесетте-шеесетте години на XIX век. Во тие патеписи Џинот дава, често и доста опсежни, макар што на места и претерани, податоци за разни места, области, манастири. Зборува за животот и обичаите на македонскиот народ, за прогонувањата на кои бил изложен од страна на фанариотите и власта. Во своите патеписи Џинот доста зборува за богатството на разните манастирски библиотеки со ракописи и книги.

Јордан Џинот напечатил и неколку статии (во „Цариградски вестник") во коишто дискутира за некои правописно-јазични прашања.

На крајот Џинот објавил и неколку стари книжевни споменици (во Гласник Друштва српске словесности, кн. VII, VIII, 1855, 1856 г.).

II

За многу од работите — што со неколку збора овдека се спомнаа — се дознава токму благодарејќи на врските што ги одржувал Јордан Џинот со Друштво српске словесности. Во Гласникот на Друштво српске словесности често го среќаваме името на Јордан Џинот: или во врска со објавувањето неговите прилози или во врска со неговите чести подарувања на разни нумизматички материјали, со неговите подарувања (или продавања) на важни книжевно-историски споменици. Со името на Јордан Џинот многу почесто се среќаваме на седниците на Друштво српске словесности, на кои се разгледувани неговите писма, дописи и книжевни творби, и на кои се одлучувало за разни прашања во врска со предлозите на Јордан Џинот, односно со желбите на Управата на Друштво српске словесности.

Писмата на Џинот, неговите творби, неговите преписи правени од разни книжевно-историски споменици ги имаме запазено во архивата на ДСС.

Во досегашните пишувања за Јордан Џинот — кога се споменуваа неговите врски со Друштво српске словесности — се искажуваа и такви мислења, според коишто би изгледало дека Константинов-Џинот, според едни, бил дописен член на Друштво српске словесности, односно, според други, дека бил дури и почесен член на Српска академија. Ни за едното, ни за другото тврдење не можев да најдам досега некои сигурни, конкретни докази. Дека Константинов-Џинот бил соработник, или како тој вели „сотрудник" на Друштво српске словесности, тоа се гледа и од досега кажаното.

До воспоставувањето на врските меѓу Јордан Хаџи Константинов-Џинот со Друштво српске словесности се дошло, според тоа што можев да констатирам, по овој пат.

Прогонуван како руски шпиун од страна на скопскиот владика и неколку одиародени чорбаџии од Скопје, во текот на 1853 година, Константинов-Џинот бил принуден да го напушти Скопје, и отишол

во Цариград, таму да побара заштита кај рускиот конзул. Но бидејќи рускиот конзул бил отсутен од Цариград во времето кога таму пристигнал Џинот, тој, по препорака на Стефан Верковиќ, познатиот идеен собирач на македонски народни умотворби и книжевно-историски споменици, дошол во врска со австриското пратеништво при Портата, а потоа, преку ова пратеништво, и во врска со Константин Николајевиќ, српскиот капу-ќехаја на Портата.

Капу-ќехајата Николајевиќ му излезе пресрет на молбата на Константинов-Џинот — да го земе во заштита пред Патријаршијата. Ова го стори Николајевиќ и заради интересот што лично тој, а и одговорните луѓе во Белград, го покажувале за големата збирка од важни книжевно-историски споменици, што ја имаше Константинов-Џинот во Скопје, а за која тој даде еден извештај во „Цариградски вестник", за време на својот престој во Цариград, кога, извесно време, и работеше во редакцијата на овој лист.

Откако капу-ќехајата Николајевиќ го снабде Константинова-Џинот со препорака од Патријаршијата до скопскиот владика, последниов да не го вознемирува Џинот, српскиот капу-ќехаја му препорача на Џинот „... ми рече — пишува Џинот — да се соединам с Читалиште Београдско и да истражуеме низ всичка Стара Србија старини за Србска историја".

По враќањето во Скопје Џинот го послуша советот на капу-ќехајата Николајевиќ и стапи во врска со Читалиште београдско. На истото Џинот ја понуди својата услуга: да собира старини по Македонија и Стара Србија.

Читалиштето београдско макар што во тоа време — 1855-1856 г. — беше средиште на културниот живот на Белград, во делокругот на својата работа немаше и такви задачи, како што се тие на собирањето старини надвор од границите на тогашна Србија. Заради тоа Читалиштето ја препорача понудата на Константинов-Џинот на Друштво српске словесности. А ова, како што е тоа добро познато, меѓу другото, организирано работеше на прибирање разновидни книжевно-историски споменици и други старини, и не само од српскиот терен, туку воопшто каде што имало такви материјали, и особено на теренот на средневековната српска држава.

Понудата на Константинов-Џинот беше со радост прифатена од Друштво српске словесности, и тоа му упатува писмо на Џинот со коешто му заблагодарува на готовноста да соработува на прибирањето старини. Друштвото го обавести Џинот и за условите под коишто во иднина би се развивала таа соработка.

Така од почетокот на 1856 година (април месец) може да се смета со директната врска меѓу Константинов-Џинот и Друштво српске словесности. Оттогаш па сè до 1870 г., со извесни прекинувања ќе траат директните врски меѓу Џинот и Друштво српске словесности (односно Српско учено друштво). За тоа време Константинов-Џинот ќе испрати низа писма, дописи, книжевни состави, низа старини —оригинали и преписи, доста нумизматички материјали, а Друштво срп-

ске словесности ќе му испраќа на Џинот, покрај пари, како награда за добиените материјали, — и разни весници, списанија и особено школски книги за разни школи по Македонија. Благодарејќи на овие врски, и заради зацврстување на истите Џинот неколку пати ќе оди во Белград, еднаш добивајќи и заштита од власта од прогонувањата на коишто бил изложен во Скопје.

Врските што Џинот ги воспоставил со Друштво српске словесности ќе ги прошири и на други установи и личности во Белград. Така тој ќе стапи во врска и со Попечителството на просветата на Србија. За неговата значајна збирка од стари ракописи и книги, за нумизматичките материјали, што тој ги имал и ги наголемувал од ден на ден, се покажувал сè поголем и поголем интерес, — отука и доаѓа до наголемувањето на неговите врски со Белград.

Значењето на врските што ги одржувал Константинов-Џинот со Друштво српске словесности (и воопшто со Белград) е во следново:

1. Благодарејќи на Џинот запазени се и на науката станаа достапни низа важни книжевно-историски споменици;

2. Со воспоставувањето на овие врски се дојде до публицирањето на неколку вакви споменици;

3. Благодарејќи на овие врски нам ни се запазени — во архивата на Друштво српске словесности — низа писма и дописи од Џинот, од коишто дознаваме важни податоци за состојбата во Македонија во односното време, дознаваме низа податоци важни за реконструкцијата на животот и работата на овој истакнат наш преродбеник;

4. Благодарејќи на овие врски, ние сме во можност да се запознаеме со некои од неговите книжевни творби (стихови, драмски обиди, афоризми и сл.)

Поради сето ова, јас бев слободен пред вас, ценети колеги, да ги изнесам, во најопшти црти, врските на Јордан Хаџи Константинов-Џинот со Друштво српске словесности. Кореспонденцијата меѓу Џинот и Друштво српске словесности ја публикував оваа година во изданијата на Филозофскиот факултет во Скопје („Материјали", книга 2, 1955), па сум слободен и на ова издание да го обрнам вашето внимание, за да имате целосна слика при читањето на мојата студија: „Врските на Јордан Хаџи Константинов-Џинот со Друштво српске словесности".

J. RAVLIĆ

ODRAZ DOMAĆE STVARNOSTI U DUBROVAČKOJ KNJIŽEVNOSTI

(I. GUNDULIĆ I NJEGOVA „DUBRAVKA")

Nažalost, zbog kratkoće vremena ne ću moći da na ovome sastanku iznesem sve, ili točnije rečeno, sve glavnije odraze domaće stvarnosti u dubrovačkoj književnosti. To smatram važnim, jer su se dosad književni historici zadržavali ponajvećma na tome, da ukažu na neki prijevod, neku preradbu, neku sitnicu koja bi idejno ili zbog sličnih riječi podsjećala na veze s tuđim književnostima. Međutim, nitko se nije pozabavio time, da u pojedinim djelima, kod nekih književnika, pa i u čitavoj književnosti, ukaže na odraze domaće stvarnosti, izuzevši onih djela kod kojih je to jasno (na pr. A. Sasina »Razboji od Turaka«, Gundulićev »Osman«, i t. d.). Neki su pokušali u razrješavanju raznih alegorija, ali u tome nisu pošli do kraja, tako da ni takva djela nisu protumačena kako treba, pa će nas to morati prisiljavati ne samo na novu klasifikaciju, na revalorizaciju, već u pojedinim slučajevima i na reviziju čitava pogleda na pojedinog književnika.

Ne samo da se ne ću moći osvrnuti na čitave periode, već moram u sažetom osvrtu baciti pogled na samo jedno djelo, samo na »*Dubravku*« *Ivana Fr. Gundulića*, pa ćemo vidjeti što će nam ta analiza kazati povezana sa društvenim prilikama u vremenu postanka spomenutog djela.

Ivan Gundulić (1589—1638), kako je poznato, u svojim mladićkim mitološko-pastirskim dramama nema domaće stvarnosti, izuzevši, možda, u nekim sitnicama. Međutim, »Pjesni pokorne kralja Davida«, »Suze sina razmetnoga«, danak su protivreformatorskim nastojanjima, u prvom redu jezuita u Dubrovniku, »Osman« pak — spomenut ću ga prije Dubravke! — obrađuje krupan događaj naš i evropski, što se uvijek spominje u književnostima, a napisan je kao preuranjeni prilog, po želji Congregatio de propaganda fide, o propasti turskoga carstva.

Što se »Dubravke« tiče, o njoj se je dosad govorilo djelomično i netočno: ona je bila alegorijska mitološko-pastirska igra, u stvari »himna slobodi«. Dubravka je Dubrovnik, Miljenko je najbolji čovjek Dubrovnika, a taj je vlastelin; ribar je predstavnik podjarmljenih u nekoj našoj pokrajini s mora; Grdan je pokvarenjak, koji je svojim novcem, mitom, dobio Dubravkinu ruku, ali mističke sile, koje bdiju nad čovječanstvom, ispravljaju tu pogrešku podmitljivog suda.

Nameće nam se pitanje, da li je alegorija do kraja i ispravno razjašnjena? Po mome sudu nije ni jedno ni drugo.

Ribar može biti samo Dalmatinac, jer je Gundulić svijesno htio da mletačku vlast usporedi s dubrovačkom, a nije htio iz političkih razloga da naglasi da je ribar Dalmatinac. Venecija je stalno zaustavljala dubrovačke brodove i naplaćivala porez ili kažnjavala zbog »uzurpiranja« vlasti plovljenja u Jadranu koji su Mlečani stvarno držali kao »svoje more«. Dalmatinski *ribar*, kao autohtoni predstavnik svoga kraja, dobro je odabran da iznese slabo stanje

mletačkog upravljanja u Dalmaciji, koje je prema dubrovačkom vladanju, prema *domaćim* upravljačima, bilo nazadnije. Ma kako Venecija u Dalmaciji nije nastojala direktno naš jezik, škola nije dizala, a nastojala je, da bi više plemićkih i građanskih obitelji promijenilo naš oblik svoga prezimena u tuđi, pa kao takvi tokom vremena postadoše eksponenti tuđinštine. Ekonomski pak znamo, da je Dalmacija upropaštavana, jer su svi važniji dalmatinski proizvodi morali ići po diktiranoj cijeni u trgovinu preko Venecije. Zemlju su obrađivali slabo, ukoliko se uopće na to dospijevalo zbog mletačke eksploatacije dalmatinskoga življa u vojne svrhe. Naprotiv, Dubrovačka republika nije posvećivala nikakvu pažnju »nacionalnom« — ako je tako dopušteno kazati — odgoju omladine; s druge strane u njoj nije prijetila ni opasnost odnarođivanja, kad su svi u svojim domovima govorili hrvatski, uključivo vlastelu. Ekonomski su Dubrovčani bili neuporedivo u boljem položaju od mletačkih podanika. Prema tome, opravdano je iznošenje dalmatinskog ribara na scenu u »Dubravci«, i on se »vlada«, da tako kažemo, potpuno prema ondašnjoj stvarnosti.

Da je *Dubrava* alegorija za Dubrovačku republiku, to je jasno. Tako Dubrovnik i Dubrovačku republiku nazivaju i drugi dubrovački književnici. Ta mala republika zaslužuje divljenje, pored svih svojih nedostataka, jer smo vidjeli da je Dalmacija bila u tuđoj vlasti, drugi naši krajevi bili su ili pod Turcima ili u Austriji, ili su se — u najpovoljnijem slučaju — s tuđinom rvali, prinoseći velike žrtve za slobodu. Prema tome, Dubrovnik je bio izuzetak i svijetla točka među našim krajevima. Osim toga — da to samo spomenem — Dubrovnik je sa svojom okolicom vanredna prirodna ljepota. Dubrava je prema tome u svakom pogledu privlačiva, bilo fizički ili kao država, vlast.

Kako sâm Gundulić kaže, da svatko želi »vlast«, pa za njom »gine«, »blidi«, razumljivo je, da i oni u Dubrovniku koji su imali vlast, da su je nastojali zadržati, a oni koji su je mogli sanjati, da su se željeli nje domoći. Motivi mogu biti različiti. Dubrovačka vlastela koja se bez vlasti nisu mogla zamisliti, jer su se s njom »rodila« — kako Gundulić kaže — počela su tokom vremena identificirati sebe s vlašću, pa je pad njihov u njihovim očima značio i propast Republike, odnosno njene slobode, što se, razumljivo, ne može priznati kao točno.

Iako su vlastela opadala brojem zbog raznih kužnih bolesti, zbog ženidaba i udaja između sebe, i drugih razloga, čini se da je tokom XVI. vijeka bilo najviše 29 vlasteoskih obitelji u Dubrovniku (*Razzi*, La storia di Raugia. Lucca 1595). Početkom XVII. stoljeća, kaže Alfred *Jensen* (Gundulić und sein Osman, 17), da je vlasteoskih obitelji bilo 27, što je vrlo vjerojatno zbog izumiranja čitavih plemićkih obitelji u Dubrovniku (D. *Pavlović*, Kriza vlasteoskog staleža u Dubrovniku XVII. veka, Zbornik radova Instituta za proučavanje književnosti SAN, knj. 2, Beograd 1952). Ako se zna da je za sve javne službe u Dubrovniku i izvan njega u kojima su morala biti vlastela trebalo oko 100 lica, pa ako računamo da je 27 obitelji moglo imati po tri odrasla člana, onda bi te obitelji mogle imati $27 \times 3 = 81$ punoljetna vlasteoskog člana, ili ako zaokružimo, cifru oko 100, onda su vlastela jedva mogla pokrivati svoje potrebe da bi bila na važnijim mjestima administracije.

O tome je vjerojatno bilo govora među vlastelom, jer će biti neka vlastela željela pomoć pučana, dok su druga — kako znamo poslije potresa 1667 — bila protivna tome obnavljanju plemića. Znamo na pr., da je građaninu Vici Stjepoviću Skočibuhi nuđeno velikodušno da uđe među vlastelu, ali ad personam, što je on, razumljivo, odbio; da građaninu Mihu Pracatoviću, koliko znamo,

nije ni ponuđeno da bude vlastelin, iako je on *jedini*, kome su vlastela u Dubrovniku, i to u Dvoru, podignula spomenik. Kako se vidi, vlastela su prema građanskoj klasi htjela biti velikodušna, ali toliko da im se ponudi, a oni da odbiju, ili pak da im se primanje u vlastelu zamijeni nečim drugim, pa čak i jedinim spomenikom.

Vidjeli smo čudan postupak vlastele prema najboljima i najuvaženijima iz mladog građanstva — po njihovoj financijskoj moći, najvećim bogatašima, kako bi kazao Gundulić; po sposobnostima najvrednijima, a po dobroj volji da svojoj državi pomognu, najiskrenijima — pa će nas manje iznenaditi gledanje na ostale građane, trgovčiće, kapetane, zanatlije raznih vrsta (brodograditelje, tvorničke radnike i dr.), mornare, i t. d. Dok su trgovci, razumije se, veći, bili cijenjeni — jer su se i sama vlastela bavila trgovinom! — zanati i zanatlije, ma kako bili korisni, nisu uživali nikakvo poštovanje od dubrovačke vlastele. Usprkos toga mlado je građanstvo jačalo, postalo je glavni financijski činilac u državi, a neki od njih moćni i van nje, dok su vlastela siromašila ekonomski a brojem opadala, pa je postojao trajni i tajni (u najvećoj mjeri!) sukob između onih koji su propadali i onih koji su se energičnim nastojanjima uzdizali. Iz toga se rađala zavist, netrpeljivost, mržnja koja je prema vani poprimila podnošljivu formu; jedni su imali vlast, a drugi materijalna sredstva, pa je prvima bilo do toga da udobrovolje druge, a drugima — prema dugogodišnjem podređenom položaju! — da ne dolaze u otvoreni sukob s prvima (Miho Pracatović i ostali). Taj se jaz zatrpavao poznatom dubrovačkom »skladnošću« s obiju strana, ali antagonizam je postojao, pa je građanstvo čekalo da pukne ta nategnuta žica. Kao da su se kidanja bojali jedni i drugi, pa se tako dalje nastavljalo.

U takvoj Dubravi živi Dubravka, najljepša pastirica, za čiju se ljubav otimaju Miljenko i Grdan. Dubravka je *vlast*, — o kojoj smo netom govorili — koju su u Dubravi imala samo vlastela, pa prema tome Gundulić priznaje da je postojala borba oko te vlasti, a prema sačuvanim dokumentima, samo tajna. Po Gunduliću je mogao postati sudionik vlasti, dakle zaručnik Dubravkin, samo vlastelin od rođenja, ali nikako onaj građanin koji je imao novaca. Sam Gundulić kaže preko Miljenka: »ne daj bog s darovim k Dubravci hoditi . . .« (činj. II., skaz. 5.).

Miljenko je najljepši, razumije se, i najpametniji »pastir« t.j. član te Dubrave, pa bi Dubravka po mišljenju ostalih »pastira« morala pripasti Miljenku. Tko je Miljenko? Ako je najljepši, najdraži, najpametniji, najbolji, onda po shvaćanju Gundulićevu to može da bude samo — vlastelin. Prema tome je Miljenko, iako se pomiješao među masu »pastira«, dubrovački vlastelin, a svi ga »pastiri« t.j. vjerojatno vlastela, i satiri, vjerojatno građani, hvale držeći razumljivim i jedino mogućim, da Dubravka bude njegova, pa prema tome ne smije zdvajati, jer će mu pobjeda i pripasti.

Miljenko sam razmišlja, kako je došlo vrijeme da

> »Ljubav, vjera, služba, lipos
> i običaji i zakoni, –
> sve bi zaman: jaču kripos
> grda u zlatu neman donis«.

Kad Miljenko razvija svoje misli (sam je na sceni), on najednom kliče: »Jaoh, svi muče!« Zar nas opet ovo ne sjeća na neke razgovore među vlastelom, kad je Gundulić ostao sa svojim mišljenjem osamljen, jer mu nitko

nije misao potvrdio. Zar Gundulića ne upoznajemo još bolje, kad Miljenko energično tvrdi da mora razračunati s tom »grdobom«, zašto da ga ne porazi, »ka mi život grabi silom?«

Kako se vidi, Gundulić je nepomirljiv u borbi s Grdanom i njegovim bogatstvom. Šta mu može? Može jedino ustrajati da se Grdanu ne da Dubravka i to propagandom s pozornice, a na pozornici odlučnim utjecajem božanstva, kako bi i ono — u ovom slučaju tobože pogansko — potvrdilo njegovu volju kao želju boga ili bogova, svejedno.

»Pastir« Ljubdrag, prijatelj starih vremena — vjerojatno sam pisac — ali svakako vlastelin, napada svoje vrijeme, u kome se ne radi, a svi ljubakaju. Međutim, to je bila ekonomska kriza, koja je zavladala prije polovine XVI. vijeka, pa su mnoge vlasteoske porodice, koje su živjele od rente, počele propadati. Naprotiv, građani, aktivniji i smjeliji, počeli su se naglo dizati, pa i zabavljati, te odatle i zavist vlastelina, pa i njegova kritika svoga vremena. Ljubdrag napada renesansni život u Dubrovniku, napose raskošno odijevanje. Da je Ljubdrag vlastelin, svjedoče i njegove riječi, koje mu je Gundulić dodijelio da kaže: ... »sad među nam nije čovjeka — ki se krenut s mjesta umije«. I zbilja, vlastela štono riječ, ne imajući ni alata ni zanata, nisu se snalazila u novome vremenu (Razzi: »Non attendono i nobili Raugei ad arte veruna ... ma lasciando essercitij ai cittadini e popolani, vivono per lo più di loro entrare«). Zbog toga vlastela i kude nova vremena, jer ona pokazuju napredak one klase, koja bi mogla postati još opasnijom vlastelí, još »grdnija« za vlastelu, protiv koje su oni i ne dopuštaju joj da se u vlasti mjeri s vlastelom.

Starac Ljubdrag (činj. III., skaz. 3.) u nastavku svoga pričanja veli: da se je skupilo mnogo svijeta: vile (= vlastelinke), pastiri (= vlastela), svaka vrsta žena i ljudi, gorani (= iz unutrašnjosti kopna) i satiri (vjerojatno građani). Svetkovina je zakasnila, jer »najljepša je dana vila — najgrđemu s tamna mita«. On proklinje onoga zbog kojega se na ovaj dan mora sjećati »plačne kobi«, kad je ljepota dana grdobi i nastavlja: »Po zakonu da se imaše — lijepa Dubravka i gizdava — sred Dubrave komu naše — u ljepoti je prava slava«. Ali se »ukloni zakon sili: — grd ju pastir zlatom ote«. I dolaze karakteristični stihovi:

»Tim su smeće srca moga
da na mjestu ne bi ovomu
tko Grdanu bogatomu
smio se oprijet ćića toga«.

(Činj. III., skaz. 3.)

Čini se, da je većina vlastele bila za to, dok je Gundulić, i s njim još netko, bio protiv ulaska građanske klase među vlastelu. Osim toga, opće mišljenje nije se dalo zbrisati.

Pisca smeta još više, jer je Miljenku bila određena Dubravka od djetinje dobi (znači, otkad postoji), a danas pričaju sa svih strana, da se vjerila za »bogatoga Grdana«. To mu je to čudnije da na »dan od slobode« netko robuje zlatu, »i da sila s prike zgode — nad zakonom gospoduje«. Oni koji su do vremena Gundulićeva sačuvali slobodu, imaju da i naprijed vladaju! — lozinka je Gundulićeva.

Ljubdrag prije kraja (činj. III., skaz. 6.) kaže, da je »prikor u dugu tamnilu neznanja«, što se čovjek čovjeku klanja kao rob, zbog zlata. (Ovdje on ponovo govori o moći bogatih pučana i o siromaštini vlastele, koja malo vrijede, jer nisu bogati!). Ako se odredi da je Miljenko uvrijedio »općeno veličan-

stvo« (= vjerojatno predstavnike vlasti, te Malo ili Veliko vijeće), Gundulić nije mislio ono što bismo mi danas kazali: narod! Za njega su »opće veličanstvo« vlastela, koja su predodređena da vladaju. Ljubdrag kaže, da će ga osuditi na smrt »glas puka«, želeći time sugerirati svoje mišljenje širim krugovima naroda!

Ljubdrag na kraju veli: znano mu je da »vladalac višnji s nebi« naročito pazi što se događa na svijetu. Da se on danas ne bi pokazao nad ovom Dubravom, »po tle iđahu svi zakoni, — sloboda se satiraše«. Dakle, ako Miljenko (vlastelin) ne uzme Dubravku (vlast), Dubrovačka će republika propasti, po mišljenju Gundulićevu.

Razumije se, da je Gundulić sve to htio prikazati ljepšim, pa je u usta svojih »pastira« (Brštanko, Ljubmir, Tratorko; činjenje II, skazanje prvo) dao pohvalu vlasti dubrovačkoj i pokudu nekih renesansnih činjenica. U nastavku svi »pastiri« kažu, da će nagovoriti Dubravku da pođe za Miljenka. Vile »pastirice« su plemkinje, kao »pastiri« većinom vlastela (Jeljenka satirica: »Ah, plemkinje prike vile« — činj. II, skaz. deveto). Svi pastiri i pastirice govore istu stvar, a njima se pridružuju i satiri.

Kako vidimo, sud je dosudio Dubravku »najgrđemu s tamna mita«, jer se, *prvo,* »uklonio zakon sili«, a *drugo,* što se Ljubdrag, u stvari jedan od vodećih plemića dubrovačkih, čudi da nema nikoga, tko bi se opro Grdanu (III., 3.). Dok drugi dio može da znači i podijeljenost vlastele u gledanju na pitanje ulaska građana među vlastelu, koja kaže, da je Ljubdrag, t.j. Gundulić sam, takva nepopustljiva mišljenja, obje misli veže jedna koja je vrlo važna: *sud,* zbog kojega se »uklonio zakon sili«.

Kakav je to *sud,* koji je u vlastelinskom Dubrovniku omogućio da se »ukloni zakon sili«?

Je li to neki redovni sud? Jasno je, da to ne može biti, jer bi taj spriječio »gaženje« zakona. Prema tome, da ne duljimo, odmah možemo reći, da to ne može biti nikakav sud, u koji ulaze vlastela, jer taj ne bi smio biti »nepravičan«, a što je važnije, ne bi ga vlastelin Gundulić osudio ovako javno.

Kakav onda može biti sud, na koji se Ljubdrag, t.j. Gundulić, okomio kao na onaj sud koji je kapitulirao pred silom?

To je očito jedno i isto: *sud* je javno mišljenje, a javno mišljenje je ta *sila* koja je htjela »ukloniti zakon« (= nesuvremene običaje!) da bi priznala nova prava ljudima koji su dolazili iz naroda, poslije dosta kušnja i provjeravanja. Pošto je to *narodni sud,* za Gundulića je on nezakonit, jer se »zakon« običaja mora »ukloniti« pred »silom«, voljom naroda. Takav je zakon Gundulić nazvao silom, pa kad ga nije mogao na drugi način onemogućiti, našao se njemu, »krstjaninu spjevaocu«, »deux ex machina«, da mu pomogne u borbi protiv novih traženja mladoga građanstva.

Mržnja između obiju strana diktirala je Gunduliću i ime toga predstavnika »uzurpatorâ«, jer nije mogao sve pučane proglasiti neprijateljima. Kako se vidi, borba između mlade buržoazije i stare vlastele u Dubrovniku glavni je osnov Gundulićeve »Dubravke«. Tko je drugi mogao nekoga u Dubrovniku *potkupiti* da dobije ruku Dubravke? Opće je poznato, da su to mogli postići samo bogati građani. Vlastela nisu trebala, a seljak nije mogao. Da nije to bio *stranac?* Kako znamo, Gundulić je govorio i pisao i o Turcima otvoreno, što je bilo vrlo opasno, zapravo najopasnije; u »Dubravci« govori o ribaru, koji je mletački podanik, pa bi kazao da se i tu radilo o strancu, jer bi tada pogotovo imao na svojoj strani sve simpatije. Da je stranac bio, ako ga ne bi

spomenuo, bio bi učinio nekoliko aluzija da to razumijemo, jer bi mu to bilo u interesu... Međutim, čitava priča o Grdanu postavljena je tako, da svatko mora reći da se tu radi samo o domaćem čovjeku, bogatašu, prema tome o onome koji sve ima, samo se na kraju zaželio — Dubravke, pa se tobože poslužio mitom.

Razumije se — bez obzira, da je u Dubrovniku, kao i svagdje — mito u stanovitim slučajevima postojalo, *koga* je mogao Grdan potkupiti da bi dobio Dubravku? Da je to išlo revolucionarnim putem, odozdo, isključeno je, jer kad znamo slučajeve Miha Pracatovića i Vice Stjepovića Skočibuhe, onda sam sklon vjerovati, da je Grdan mogao *potkupiti* samo — nekog vlastelina ili neku skupinu njih da bi dobio dio vlasti. Na to nas upućuje — iako se to nešto kasnije dogodilo! — postupak neke vlastele prema dizanju spomenika Mihu Pracatoviću, kad su 1633. u Senatu svi bili za spomenik *osim jednoga*, pa se je ponovo moralo govoriti početkom 1638., te je zaključeno da se spomenik postavi u Dvoru. Nije li to simptomatično; zar nije to ustupak i to jedini bogatim građanima, jer takvo što nisu dobivala ni vlastela? Spomenik da, ali vlasti ne! Jedan spomenik se mogao dignuti, pa nek je to i u Dvoru, ali dalje ne! Tako su mislila konzervativna vlastela tipa Gundulića u njegovo doba. I poslije potresa od 1667 neki su bili tvrdokorni u tome!

Šta su sva ostala lica? Jednostavni dekor za kulise oko te borbe za Dubravku, da se stvori novo javno mišljenje, da čin Grdana treba osuditi, jer Dubravka za njega nije. Gundulić to nije htio povoljno riješiti, a što je važno, kao »krstjanin spjevalac« pozvao je u pomoć mističke sile da one gromovima i strijelama odluče u njegovu korist i da time drže na uzdi svaki slučaj takve naravi u budućnosti, da bi zadržao vlast u rukama svoje klase, koja u tome, čini se, nije bila jednodušna.

Prema svemu tome, »Dubravka« je »mitološko-pastirska« igra, po mome sudu, samo po spoljašnim rekvizitima, po sporednom dekoru za zamagljivanje glavne ideje Gundulićeve: borbe protiv odlučujuće riječi građanske klase u dubrovačkom životu i njezina udjela u političkoj vlasti u Dubrovačkoj republici. Himna slobodi — inače umjetnički vrlo lijepa — Gundulićeva je himna vlasteoskoj, klasnoj slobodi, koja je išla za tim da stvori uvjerenje, da bi primanje građana u svoje kolo značilo propast slobode Dubrovačke republike. Kako je to s jedne strane nepravilno, uče nas slučajevi Vice Stjepovića Skočibuhe i Miha Pracatovića. S druge strane, ako bi se radilo o biranju između vlasteoske slobode ili o ropstvu, svaki bi se građanin dubrovački bio pomirio s onim što je imao, ne želeći kužiti zrak koji mu daje Evota. Ni u kojem slučaju ne može se razumjeti postupak Gundulićev, osim s uskogrudnog vlasteoskog gledišta, jer se nikada nije ni radilo o tome, da se Dubrovačka republika demokratizira 100% (pa čak ni revolucionarni pothvat M. Držića nije išao za tim!), već o ulasku samo nekih, provjerenih građana, među vlastelu, koja su im mogla služiti samo na čast.

Zbog svega toga »Dubravka« je prikriveni napadaj Gundulićev na zakonsko uspinjanje građanske klase u svim položajima, koja je — kako znamo — odigrala svugdje pozitivnu ulogu, pa i u malom Dubrovniku. »Dubravka« je propaganda oligarhijske vlasti dubrovačke vlastele; »Dubravka« je politička *satira* Gundulićeva protiv zahtjeva javnog mišljenja da predstavnici građana dijele vlast s dubrovačkim plemstvom.

U ovome bi pravcu, po mome mišljenju, trebalo tumačiti Gundulićevu »Dubravku«, jer je jedino ovako ona pravi odraz domaće stvarnosti i ideja Gundulićevih. Jasno je, da zbog ovoga predstoji i revizija sudova o Gunduliću.

DODATAK

NAPOMENA REDAKCIONOG ODBORA

Redakcioni odbor je imao nameru da u ovome zborniku objavi sve referate koji su bili pročitani na sastanku. Međutim, i pored svih nastojanja koje je uložio, Redakcioni odbor nije uspeo da dobije rukopis referata Jana Kotta o radu na istoriji novije poljske književnosti u posleratnom periodu. Redakcioni odbor veoma žali što je zbog toga rad sastanka nepotpuno prikazan u zborniku.

Registar imena (azbučni i abecedni) za ovaj zbornik izradio je Dragutin Mirković, asistent Beogradskog univerziteta.

АЗБУЧНИ РЕГИСТАР

Абаџијев, Ѓорги́ 124
Абернати, Роберт 421
Аванесов, Р. И. 153, 164, 165, 175, 179, 182, 183, 184, 185, 200, 201, 202, 204, 208, 212, 213, 221, 222, 230, 286
Аввакум (протопоп) 180, 244
Авджиев, Жельо 145
Авдошенко, Е. В. 177, 195
Авилова, Н. С. 158
Авксентије (владика велешки) 120
Адмони, В. Г. 162
Адрианова-Перетц, В. П. 174, 182, 242, 243, 244, 246, 248, 249
Азбелев, С. Н. 243
Азизов, А. 152
Айдарова, В. Н. 177
Акуленко, В. В. 168
Александров, В. 280
Александров, Н. С. 165
Алексеев, М. П. 247, 549, 599—603
Алексеенко, А. Д. 171
Алексей Михайлович (Олексій Михайлович) 224
Алексић, Радомир 29, 36, 69, 85
Алехина, Е. В. 177
Алимпиева, Р. В. 189, 218
Алтайская, В. Ф. 177
Ангелов, Бокьо Ст. 145—146, 146
Ангелов, Димитър, 146
Андоновски, Христо 122
Андреев-Кривич, С. А. 273
Андрейчин, Любомир 10, 131—139, 148, 168, 239
Андриевская, А. П. 170
Андрић, Иво 87
Андронников, И. 273
Аникин, А. И. 162
Анна Ярославна (А́нна Рѫина) 605
Аннануров, А. 152
Анненков, П. В. 275
Арбатский, Д. И. 156
Арнольд, О. В. 168
Архангельский, В. Л. 192
Арциховский, А. В. 247
Асмус, В. Ф. 151
Асник, Адам 147
Атанасов, Павел 147
Ахманова, О. С. 165
Ахтямова, Г. М. 152

Бабайцева, В. В. 170
Бабкин, А. М. 192
Бабовић, Милосав 126
Бадалић, Јосип 126, 128
Багрянский, И. М. 188
Баженов, Н. М. 153
Баженова, С. Л. 191, 220
Бажина, И. Н. 167
Бажов, П. 171
Базанов, В. Г. 271
Базыленко, А. М. 197
Бајић, Илија 620
Бакалов, Георги 141, 144, 145
Бакеева, Н. З. 157
Бакрадзе, К. 151
Балиашвили, О. К. 155
Балль, Г. 168
Банашевић, Никола 83, 85, 86, 87
Бантыш-Каменский, Д. Н. 247
Барац, Антун 128
Барачки, Ненад 620
Баратынский, Е. А. 492
Барзилович, А. М. 158
Бархатова, О. Т. 188
Баскаков, Н. А. 235
Бахилина, Н. Б. 208
Баш, Е. Г. 183, 208
Бевзенко, С. П. 196, 225
Безикович, Е. И. 240
Безлај, Франце 66
Безруч, Петар 127, 287
Белинский, В. Г. (Бјелински, Белински) 126, 128, 166, 175, 176, 257, 258, 273, 274
Белић, Александар (Белич) 18, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 39, 63, 64, 65, 66, 68, 71, 87, 240, 483—484, 557, 558

Белошапкова, В. А. 163
Бельский, А. В. 153
Бельский, Мартын 233
Бельчиков, Ю. А. 176
Бенешић, Јулије 77
Берг, Л. С. 166
Берков, П. Н. 269
Бернштейн, С. Б. 234, 236, 237, 238, 240, 285, 286
Бертагаев, Т. А. 167
Бецценбергер-Остхофф 517
Биржакова, Е. Э. 177
Білодід, І. К. 196
Бірала, А. Я. 226
Бірыла, Н. В. 206
Благой, Д. Д. 249, 253, 254, 268, 271, 316
Благоев, Димитър 141, 142, 144, 145
Блажек, Бл. 155
Блок, А. А. 259
Блумфилд, Леонард 421
Бобаљевић, Савко 83
Богдановић, Милан 87, 88
Богдан, Иоан 459
Богишић, Валтазар 88
Богоевски, Мите 124
Богородицкий, В. А. 555
Бодуэн де Куртенэ, Ян 419, 421
Божидар 541
Болотов, Андрей 177
Бондарко, А. В. 233
Бондарчук, Н. С. 192
Бончов, Вичо 147
Борисова, М. Б. 171
Борко, Б. 126
Борковский, В. И. 11, 188, 189, 199—228
Боров, Тодор 147, 148
Боровой, Л. 169
Бородич, В. В. 232, 235, 240
Боршник, Марја 128
Ботев, Христо 138, 142, 144, 145, 148, 287
Боткин, В. П. 275
Ботяков, А. Д. 189, 219
Бошков, Живојин 87, 88
Бошковић, Радосав 29, 35, 36, 37, 38, 87
Бошковски, Јован 115, 117, 124
Брайнина, Д. 280
Бранденштајн, Вилхелм 67
Бродский, Н. Л. 273
Броз, Иван 77, 559, 560, 561, 562
Брокгаус, Г. 600
Бромлей, С. В. 186, 200, 216
Бругманн, Карл (Бругман) 34, 517
Брысина, В. М. 158
Брюкнер, Александр (Брикнер) 499, 619
Брюсов, В. Я. 259
Бубић, Мухамед 29
Бугазов, Х. Б. 167
Будимир, Милан 38, 64, 65
Буженик, Ф. К. 162
Букатевич, Н. И. 154
Булас, К. 423
Булатова, Л. Н. 194, 215
Булахаў, М. Г. 227
Булаховский, Л. А. 153, 154, 162, 164 168, 172, 189, 196, 211, 223, 224, 230, 233, 235, 238, 240, 246
Бульгина-Шейнкерман, А. М. 235
Бунин, И. А. 258, 286
Бунина, И. К. 238
Бунина, М. С. 163
Бурба, П. В. 177
Бурдин, С. М. 177
Бурина, Сафет 115
Бурнашев, В. 166
Бурсов, Б. 278
Бурсов, В. И. 274
Бурьян, Б. 169
Бушмин, А. С. 170, 280
Бычков, С. П. 276
Бялик, Б. А. 277, 278

Вазов, Иван 138, 142, 144, 145, 148, 287
Вајан, Андре (Вайан) 67, 73, 75, 239
Вайсфельд, И. 169
Вайтович, Н. Т. (Войтович) 197, 206, 207, 226
Валгина, Н. С. 186
Ван Вејк, Никола 73, 74
Ван Схоневелд, Елизавета 424
Ван Схоневелд, Корнелис 424
Ванцаров, Никола Ј. 124, 138, 142, 145
Ванцарова, Бојка 145
Варварова, О. Н. 191, 220
Варсамелеон 74
Василенко, Н. С. 154
Василий Великий 492
Василев, Стефан 137, 138, 148
Васильев, Леонид 491
Васиљев, Душан 88
Вашица, Јозеф 73
Ващенко, В. С. 196
Введенская, Л. А. 170
Введенский, Д. Н. 175
Вейнрейх, Юриэл 417
Велехова, Н. 169
Величко, С. 225
Велчев, Велчо 146, 147
Венедиктова, Г. К. 236
Венелин, Ю. И. 239
Вересова, Э. М. 170
Вересаев, В. В. 259
Верковић, Стефан (Верковик) 117, 650
Видмар, Јосип 126
Видоески, Божо 60, 61
Винавер, Станислав 88
Винер, Норберт 419
Виноградова, В. Л. 192
Виноградов, В. В. 10, 151—197, 218, 234, 266, 267, 415, 555, 556, 558, 560, 563, 575
Виноградов, Н. 619

Виноградов, С. 151
Винокур, Г. О. 159, 165, 174, 182, 185, 419
Винокур, Т. Г. 170
Вишњић, Филип 84
Владимир Мономах 181, 192
Власова, Н. С. 157
Войнова, Л. В. 177
Војар, Елизе 84
Волков, А. А. 277
Волков. А. Г. 195
Волконский, К. Е. 421
Володин, В. Т. 154
Волькер, Иржи (Волкер) 147, 287
Вомперский, В. П. 176
Вондрак, Вацлав 517
Воробьев, В. П. 190
Воровский, В. В. 126
Воронцова, В. Л. 194, 215
Воскресенский, Г. А. 597
Враз, Станко 116
Вранска, Цветана 133, 148
Вујић, Јоаким 86
Вујсвић, Лука 37
Вукићевић, Илија 620
Вукмановић, Саво 88
Вуковић, Јован 29, 32, 34, 35
Вуксан, Душан 541, 542
Вуловић, Светозар 79
Высотский, С. С. 200, 201, 202, 215

Гавела, Ђуро 87, 88
Гадолина (Прево), М. А. 187, 217, 218
Газизов, Р. С. 152
Гайдукевич, И. М. 206
Галаган, Г. П. 619
Галенко, И. Г. 178
Галкина-Федорук, Е. М. 155, 156, 159, 162, 190
Галле, Морис 419
Галогажа, Стеван 124
Гаммерих, Луи 417, 424
Ганич, Д. И 162
Гапанович, П. Н. 197, 207
Гарвин, П. 423
Гардинер, Алан 420
Гаррис, Зеллиг 421
Гауген, Эйнар 416—417
Гвоздев, А. Н. 153, 165
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих 273
Генов, Кръстьо 145
Генрих VIII 603
Георгиев, Владимир 12, 131, 137, 240, 511—517
Георгиев, Емил 133, 138, 146, 147
Георгиев, Любен 136
Георгиева, В. Л. 186, 219
Георгије Хамартол 541
Георгијевић, Крешимир 77, 85, 87, 88, 126, 128
Герасимов, Г. И. 189, 219
Геров, Найден 139
Герцен, А. И. 176, 258, 272, 273, 274
Гецова, О. Г. 183, 202
Гладков, Ф. В. 170, 280
Глазырина, Э. В. 203
Глеђевић, А. 83
Глигорић, Велибор 87, 88, 126
Глинка, Ф. Н. 492
Глишић, Милован (Глишич) 128, 288
Глускина, С. М. 192
Глушков, С. И. 177
Гоголь, Н. В. (Гоголь, Гогол) 128, 146, 147, 175, 263, 272, 273, 275, 277, 287
Голанов, И. Г. 154
Головин, Б. Н. 156, 158
Голуб, Иосиф 512
Голубева, Е. Л. 191, 219
Гольдорт, Г. Я. 159
Гомон, Н. М. 177
Гомонов, И. Т. 175
Гончаров, И. А. 176, 258, 272, 273, 274, 275
Горбатов, Б. Л. 125
Горбунов, В. В. 274
Горбунов, П. Я, 157
Горбунова, А. А. 192
Городецкий, Е. 271
Горский, И. К. 288
Горшков, А. И. 177
Горшкова, О. В. 192, 193, 210
Горшкова, К. В. 179, 185, 186, 208
Горький, А. М. 126, 144, 145, 147, 163, 170, 171, 174, 258, 259, 260, 261, 263, 264, 265, 272, 277, 278, 279, 287
Гошев, Иван 138, 145, 146
Гошкин, Георги Д. 144
Горчеслав 121
Грабар, Андре 425
Гранстрем, Е. 250
Граур, А. 462, 463
Грбић, Миодраг 38
Греков, Б. Д. 243, 283, 285, 602
Грибоедов, А. С. (Грибоједов) 128, 257, 270, 273, 492
Гривец, Франце 72, 73
Григорије (епископ Пелагоније и Прилепа) 541
Григорович, В. И. 116
Григорович, Д. В. 272
Григорьев, А. Л. 168
Григорьева, А. Д. 186, 215
Григорян, В. М. 178
Григорян, С. С. 158
Гринкова, Н. П. 234
Грицкат, Ирена 30, 32, 33, 35, 65, 66
Грошељ, Милан 66
Груздев, И. А. 277
Грујић, Радослав 541
Гуйер, Олдржих 239
Гумецька, Л. Л. 224, 237
Грчић-Миленко, Јован 620

Гудзий, Н. К. 241, 248, 249, 276, 316
Гундулић, Иван 128, 129
Гуриев, Т. А. 167
Гусев, Н. Н. 276

Давыдов, Д. В. 177
Давыдова, М. К. 192
Даль, В. И. 166, 172
Дамаскин Студит 540
Дамјановски, Анатоли 119
Данил Заточник 181, 192
Данилац Левошки 540
Даниленко, В. П. 158
Данило 540
Данило II (архиепископ) 82, 620
Данило Млађи (патријарх) 540
Данилов, С. 278
Даничић, Ђуро 30, 31, 87, 128
Данова, Гроздана 117
Данчев, Пенчо 144, 145
Дворецкий, И. Х. 240
Джафаров, С. А. 152
Джемс, Ричард 193
Дженс, Лоренс 419
Джустиниани, Себастьяно 603
Дзасохова, Т. А. 171
Дзендзелевский, И. А. 205, 206
Дебељак, Антон 66
Делбрик, Бертолд 34
Делчев, Борис 144
Дельвиг, А. А. 492
Дементьев, А. Г. 157
Дементьева, Г. Я. 165
Демина, Е. И. 232—233
Демирчян, Д. 175
Денсушяну, Овид 460
Державин, Г. Р. 177, 180, 269
Державин, К. Н. 142—143
Державин, Н. С. 142, 239, 283, 286
Державина, О. А. 243, 244
Дибров, А. А. 190, 219
Диброва, Е. И. 163
Дилевски, Николай 132, 133, 134, 146
Димитров, Георги 141
Димитров, Михаил 145, 148
Димитрова, Блага 147
Димитровски, Тодор 60
Димов, Димитър 144
Динеков, Петър 11, 138, 141—149
Дмитриев, Л. А. 244, 251
Дмитриев, П. А. 236
Дмитриева, Н. С. 170
Добровит (опат) 70
Добролюбов, Н. А. (Доброльубов) 126, 176, 273
Доконова, О. М. 195
Долгоруков, И. М. 177
Доманović, Радоје (Доманович) 88, 288
Доментијан (Дометијан) 73, 75, 541, 619
Донова, З. П. 158
Донскова, З. В. 161
Дорошевский, Витольд 416
Достоевский, Ф. М. 176, 272, 274, 275
Драгосавац, Коста 620
Драгутин (краљ) 540
Дрижић, Марин 82, 83
Дрижића (опат) 70
Дробњаковић, Боривоје 85
Дружинин, А. В. 275
Дуйчев, Иван 145, 146
Дуриданов, Иван 139
Дурново, Н. Н. 221
Дучић, Јован 88
Душан (цар) 538, 539, 540, 620
Дыбина, Т. В. 158

Ђилас, Милован 86
Ђорђевић, Тихомир 621
Ђорђић, Петар 63—78
Ђурђевић, Стијепо 83
Ђурић, Војислав 84, 85, 88
Ђурчинов, Милан 124

Евгеньева, А. П. 178
Евдокимов, Андрей 134
Едлинская, У. Я. 224
Елезовић, Глиша 29, 38
Елкина, Н. М. 231
Еремин, И. П. 242, 246, 248
Ермилов, В. В. 273
Ермолаева, Н. В. 177
Еськов, Н. А. 156
Ефимов, А. И. 169, 172, 174, 175, 176
Ефимов, Б. Д. 206
Ефремов, А. Ф. 172, 176

Жеромски, Стефан 126
Живановић, Ђорђе 88, 128,
Живковић, Васа 88
Живковић, Драгиша 29, 128
Живковић-Телемак, Стефан 85, 86
Жилко, Ф. Т. 205
Жинзифов, Рајко 117, 122
Житецкий, П. И. 619
Жоголева, М. П. 162
Жуков, В. П. 161
Жуковская, Л. П. 183, 208, 209
Жуковская, Н. Г. 177
Жуковский, В. А. 256, 260, 270, 492
Журавлев, В. К. 238
Журавский, А. И. 226
Жыдовіч, М. А. 226, 227

Забавић, Ј. Ст. 88
Задорожный, Б. М. 235
Зайцева, Т. В. 196
Замкова, В. В. 177
Зарев, Пантелей 144, 145, 147
Захаров, И. М. 169, 177
Звонимир (краљ) 70
Зебель, В. И. 171
Зевакова, Л. Н. 173

Зейдель, Е. 464
Земская, В. В. 187, 217
Земская, Е. А. 158
Зенков, Г. С. 157
Зенько, И. И. 206
Зикеев, Г. И. 183
Зимин, А. А. 244
Зиновьев, В. Н. 153, 165
Зихерл, Борис 126
Златоустова, Л. В. 165
Злидиев, В. И. 143
Знаменская, А. В. 158
Зографов, Христо 115, 118
Зографски, Д. 124
Золотова, Г. А. 161
Золотовая, В. С. 237
Зузорић, Цвијета 83

Иван Грозный 192, 244
Иван Рабенькин 530
Иван III (папа) 530
Иванов, Йордан 146
Иванов, В. В. 183, 203, 239
Иванов, В. Д. 195
Иванов, В. И. 280
Иванова, В. А. 204
Иванова, В. Ф. 158
Иванова, Вера 138
Иванова, Дора 138
Иванова, М. А. 177
Иванова, М. Г. 163
Иванова, Н. Х. 231
Иванова-Яниовская, Е. А. 173
Ивановская, Л. П. 236
Иванчикова, Е. А. 157
Ивековић, Фрања 77, 559, 560, 561, 562
Ивић, Алекса 541
Ивић, Милка 30, 34
Ивић, Павле 30, 33, 36, 37
Ившић, Стјепан 65, 67
Игњатовић, Јаков 87, 88, 288, 620
Игов, Ангел 134
Изяслав 247
Илијашевић, Воја 119
Илић, Јован 87
Илчев, Стефан 136
Ильин, В. С. 196
Ильин, Д. Д. 170
Ильинская, И. С. 175
Ильинская, Т. Г. 175
Ильинский, Г. А. (Илјински) 595
Ильин, Б. А. 155
Ильоски, Васил 60, 115, 116, 117, 118
Имедашвили, Г. И. 248
Иоанн (пресвитер) 600
Ионенко, И. М., 183
Иосиф Волоцкий 245, 246
Иосиф Флавий 244, 250
Иохельсон 417
Ирвинг, Вашингтон 13, 645
Исаев, А. В. 190, 219
Исаев, Георги 134
Исаковский, М. В. 170, 280
Исаченко, А. В. 72, 155, 160, 556, 557
Исмаилов, И. А. 167
Истомин, Карион 180
Истрин, В. М. 241, 244, 250
Истрина, Е. С. 188
Ицкович, В. А. 190

Јакабевич, Г. П. 167

Јеж, Теодор Томаш 147
Јордан, Јоргу 460, 461, 464

Јагић, Ватрослав 118, 128, 529, 530, 596
Јакшић, Ђура, (Якшич) 87, 88, 288
Јашар-Настева, Оливера 60
Језа, Франц 115
Јелена (краљица) 540
Јилемьницки, Петар 127
Јиречек, Константин 538
Јовановић, Војислав 84
Јовановић-Змај, Јован (Йованович) 87, 288, 620
Јојић, Момчило (Йович) 134
Јонке, Људевит 127
Јулинац, Павле 85
Јурковић, Маријан 126

Казарян, С. К. 167
Каламина, И. А. 191
Каламова, Н. А. 159
Калечиц, Е. П. 159
Калима, Ало Лахъя 498
Калинина, И. К. 156
Калитин, Н. 169
Калиьиъ, Л. Э. 183, 203, 230
Кандаурова, Т. Н. 208, 209
Кандря, И. А. 462
Канкава, М. В. 172
Кантемир, А. Д. 176, 180, 260, 268
Капралова, С. Г. 192, 210
Каравелов, Любен 138, 145, 148
Каракостов, Стефан 147
Караман, П. 619
Караманов, Аца 124
Карамзин, Н. М. 177, 180, 256, 270
Карано-Твртковић, П. 538
Караславов, Георги 145, 147
Каратаева, Э. И. 160, 163, 188, 191, 220
Караџић, Вук (Караџић, Караджич) 30, 31, 68, 78, 80, 84, 85, 86, 87, 116, 128, 235, 559, 562, 620
Кардашевский, С. М. 190, 218
Каринский, Н. М. 209
Каровски, Лазо 124
Каролев, Стоян 142, 144, 145
Карпенко, Л. И. 176
Карпенко, М. А. 171
Карский, Ф. Ф. 225

Карцевский, С. И. 160
Касаткин, А. А. 168
Касвин, Г. А. 217
Касторский, С. В. 277, 278
Катанян, В. А. 279
Катенин, П. А. 270
Каухчишвили, А. Н. 152
Кацарова, Райна 148
Качевская, Г. А. 191, 220
Качић-Миошић, Андрија 123
Кейдайтене, Е. И. 215
Кенесбаев, С. К. 167
Кепески, Крум 59
Керемидчиев, Генчо 148
Керницкий, И. М. 188, 225
Кипарский, Валентин 12, 491—495
Кирилл (Кирил, Ћирил) 68, 74, 76, 82, 118, 138, 146, 527, 529, 530, 537
Кириловић, Димитрије 87
Кирпичникова, Н. В. 164
Киселичев, Асен 144
Киселков, Васил Сл. 145
Кићошић, Мираш 85, 86, 619—622
Клагстад, Гарольд 421
Климент Охридски 72, 74, 82, 118, 540
Ковић, Јулије 529
Клопский, Михаил 251
Клопчич, Миле 126
Князевская, О. А. 183, 208
Ковалев, В. А. 170
Ковалев, К. В. 177
Ковалевская, Е. Г. 177
Ковалик, І. І. 231, 234
Ковачевић, Божидар 87, 128
Ковачевић, Љубомир 538, 539
Ковшина, Н. Г. 163
Кодухов, В. И. 190, 220
Кожина, М. Н. 188, 216
Козминская, Т. Б. 237
Козырев, И. С. 161
Коларов, Васил 141
Колас, Якуб 197
Колеватова, Г. И. 195
Коледић, Петар (Коледић) 82, 86, 119, 122
Колесников, Н. П. 163
Колесникова, В. Д. 167
Коллар, Ян 287
Колмогоров, А. Н. 419
Коломиец, В. Т. (Коломієць) 235, 236, 237
Коломиец, Л. И. 224, 225
Кольцов, А. В. 492
Коляда, Г. И. 184
Комнин 537
Кондаков, Н. 151
Коновалова, Г. Ф. 166, 176
Кондрашов, Н. А. 236, 238, 240
Конески, Блаже 13, 59-61, 71, 115, 116, 119, 121, 122, 123, 124, 595—598
Константин (презвитер) 73
Константин Филозоф 81
Константинов, Георги 145
Конусов, А. П. 250
Копечный, Франтишек 512
Копорский, С. А. 172, 176
Копров, Љупчо 122
Копыленко, М. М. 163
Корнейчик, Е. И. 197
Коробчинская, Л. А. 190, 219
Коровин, Ф. Г. 158
Короленко, В. Г. 259, 261
Корубин, Благој 60, 118
Корчикова, С. Л. 176
Коршунов, С. И. 166
Косовский, Б. И. 186
Костић, Ђорђе 38
Костић, Лаза 88, 620
Костић, Мита 72, 85, 87
Костов, Никола 136
Котков, С. И. 183, 203, 246
Котляревский, И. П. 196
Котник, Јанко 76
Котова, Н. В. 238
Коцель (кнез) 74
Коцо, Димче 119
Кочетков, А. К. 161
Кочинева, О. К. 159
Кочић, Петар 88
Кошута, Лео 70
Кошутић, Радован 38, 76
Кравцов, Н. И. 84, 143, 288
Кравченко, П. М. 187
Кравчук, Р. В. 237
Крапивин, П. Ф. 227
Кремер, Л. 152
Крепких, Н. И. 168
Крефт, Братко 126, 129
Кривонкина, М. Я. 171
Кривчик, В. Ф. 193, 227
Кристанов, Цветан 146
Кросс, Самюэл 416
Крушевац, Тодор 88
Крушевский, Николай 421, 555
Крчмери, Штефан 619
Крчовски, Јоаким 118
Крылов, И. А. 177, 270, 492
Крылова, М. В. 161
Крънджалова, Венцеслава 134
Кудрявцев, И. М. 247
Куев, Куйо И. 147
Кузнецов, П. С. 156, 173, 183, 185, 187, 199, 202, 208, 210, 211, 214, 217, 230, 232, 235, 238, 240
Кузьмин, А. 151
Кузьмин, Ф. Ф. 208
Кузьмина, В. Д. 244, 250, 251
Кузьмина, И. Б. 190, 216, 219
Кулагин, А. Ф. 158
Кулаков, Л. И. 269
Кульчицкая, П. М. 161
Кульбакин, Степан 595
Кунгуров, А. Т. 177

Куприн, А. И. 258
Курьлович, Е. 240
Кутина, Л. Л. 192, 193
Кутьина, К. И. 161
Кюлявков, Крум 145
Кюхельбекер, В. К. 270

Лаврентьева, Т. А. 166
Лавров, Б. В. 188
Лавров, И. И. 134
Лавровская, Л. А. 163
Лазаревић, Лаза 88
Лазаревић, Стеван 81
Лалевић, Миодраг 29, 32
Лалић, Радован 28, 87, 125—129
Ламартин, Алфонс 84
Ланг, Горас 424
Лапов, Б. С. 227
Ларин, Б. А. 193, 239, 240, 246
Ларина, О. И. 188, 216
Латковић, Видо 84, 85, 86, 87, 88
Левин, В. Д. 169
Левитер, Л. Р. 619
Левстик, Фран 66
Лежнев, И. 169, 280
Леков, Иван 13, 14, 131—139, 551—558
Ленин, В. И. (Ленин) 126, 174, 256, 257, 262, 264, 278, 279
Леонов, Л. М. 125, 170
Леонтович, Ф. 602
Лер-Сплавинский, Т. 239, 240, 497
Лермонтов, М. Ю. 176, 261, 272, 273, 492
Лесковац, Младен 82, 85, 87, 88
Летенбауер, Вилем 529, 530
Лефевр, А. 265
Лещинская, М. Г. 215
Лишев, Николай 147
Лимаренко, О. Н. 176
Линакр, Томас 602
Липкес, Г. Б. 157
Литвинов, М. И. 166
Лихачев, Д. С. 11, 181, 182, 241—252
Лобанов, С. И. 194, 215
Ломоносов, М. В. 174, 176, 177, 178, 180, 195, 256, 260, 268, 269, 492
Ломтев, Т. П. 185, 187, 188, 210, 211, 217, 227
Лосева, Л. М. 204
Лотте, Д. С. 166
Лудольф, Г. В. 193
Лукаревић, Франо 83
Лукьяненко, А. М. 166
Лукьянов, В. В. 251
Луначарский, А. В. 126
Лунина, М. В. 239
Лурье, С. 244, 251
Лухт, Л. И. 167
Львов, А. Г. (Львов) 76
Львов, А. С. 234, 235
Липунова, О. В. 175
Љубиша, Стјепан Митров 88

Маевская, Н. И. 191, 219
Мажибрадић, Хорације 83
Мажуранић, Иван 128
Майков, А. Н. 275
Макарова, Г. И. 171
Макарова, С. И. 191, 220
Макарова, С. Я. 186, 190, 219
Макаренко, А. С. 170
Макеева, Г. М. 194
Макогоненко, Г. П. 269
Макрја, Димитрие 461, 462
Макушев, В. 542
Маленко, Димче 117
Малин, Т. П. 155
Малов, С. Е. 247
Мальцев, М. Д. 200
Малышев, В. И. 244, 245, 249
Мамин-Сибиряк, Д. Н. 166
Мандевиљ, Џон 600
Манев, Васил 115
Маневић, Тодор (Маневић) 118
Марић, Растко 81
Маркарян, Р. А. 173
Маркевич, Н. А. 619
Марков, А. А. 419
Марков, Борис 60
Марков, Д. Ф. 143, 287
Марковић, Марко 29
Марковић, Н. 620
Марковић, Светозар (Маркович) 88, 144, 147
Марковић, Светозар Б. 29
Марковски, Евген 619
Маркс, Карл 256, 264
Марр, Н. Я. (Мар) 64, 133, 160, 284
Марс, Евгения 145
Мартьянова, С. А. 192, 210
Марулић, Марко 67, 550
Маслин, Н. Н. 279
Маслов, Ю. С. 11, 158, 229—240, 554, 555
Матавуљ, Сима 88
Матвеева-Исаева, Л. В. 235, 238
Матић, Светозар 72, 82, 84, 85, 86
Маткоски, Александар 119
Матусевич, М. И. 164, 165, 236
Махароблидзе, Г. А. 186, 214
Махек, Вацлав 511, 517
Мацкевіч, Ю. Ф. 197, 206, 207
Мацюсович, Я. В. 233
Машинский, С. О. 273
Маяковский, В. В. (Мајаковски, Маяковски) 126, 144, 145, 147, 148, 170, 171, 272, 278, 279, 287
Меделец, Н. М. 163
Мейе, Антуан 239, 514
Мейлах, Б. С. 255—256, 271
Мельничук, О. С. 205
Менац, Антица 129
Меновщиков, Г. А. 167

Мефодий (Методий, Методије, Методи) 68, 74, 118, 138, 146, 527, 529, 530
Метченко, А. И. 279
Мецена, Гај Цилније 64
Мешковская, Н. М. 204
Мещерский, Н. А. 244, 250
Мизиран, В. Н. 158
Мислошич, Фран (Мислошић) 499, 538, 619
Миков, Васил 139
Миладинов, Димитрија 120, 121, 122
Миладинов, Константин 117, 120, 121, 122
Миланович, Бранислав 29
Милев, Александар 146
Милетић, Бранко 31
Милисавац, Живан 87, 88
Милићевић, Живко 87, 88
Милошев, Ѓорѓи 115, 123
Милтон, Џон 86
Милутин (краљ) 538, 540
Мильх, М. К. 162
Миндерович, Чедомир 124
Мирзаев, М. 167
Мирковић, Лазар 74, 81
Мирный, Панас 196
Миртов, А. В. 156, 157
Мирчев, Кирил 131, 132, 137, 145
Митрев, Димитар 115, 116, 122, 124
Митров, Ненад 88
Митропан, Петар 128
Мисирков, Крсте М. 60, 123
Михайлов, М. М. 163
Михайловски, Стоян 144
Михайловский, Б. В. 277, 278
Михајловић, Бориславб 87, 88
Михајловић, Георгије 86
Михалко, И. С. 166
Мицкевич, Адам 147, 148, 235, 287, 288, 416
Мишаева, М. Д. 154
Мишић, Зоран 88
Мищенко, А. Х. 176
Міровчик, Д. І. 175
Младенов, Стефан 131, 137, 138
Младеновић, Живорад 88
Можаева, И. Е. 232
Моисеева, Г. Н. 243, 248, 251
Мојашевић, Мильан 85
Мојсова, Љиљана 126
Мокров, Б. 124
Молотков, А. И. 190, 220
Мор, Томас 11, 13, 599, 600, 602, 603
Мораховская, О. Н. 203, 216
Мордовченко, Н. И. 274
Морозова, М. Н. 170
Морозова, Н. А. 170
Московљевић, Милош 36, 76
Мотина, Е. И. 176
Мошин, Владимир 61, 71, 117
Мревлишвили, Т. Н. 175
Муза, Е. В. 177
Мусулин, Стјепан 128, 129
Мутафчиев, Радослав 138
Мухамедова, М. 152
Мясников, А. С. 11, 253—281, 277

Набоков, Владимир 425
Назаревский, А. А. 246
Назаретский, В. В. 189, 219
Назаров, А. Н. 163
Назарова, А. М. 188, 218
Назечић, Салко 85, 87
Наполеон Бонапарт 271
Насонов, А. Н. 243
Настев, Божидар 122
Наумов, Е. 289
Нахтигал, Рајко 64, 67, 74, 75, 76, 129
Неделковски, Коле 124
Недељковић, Душан 85
Некрасов, Н. А. 176, 258, 266, 272, 273, 274, 275
Немцова, Божена 287
Немченко, Е. В. 233
Ненадовић, Павле 620
Неруда, Јан 127, 287
Нечаева, В. С. 274
Нечкина, М. В. 270
Ниеминен, Эйно 12, 497—502
Никитевич, В. М. 162
Никитин, Афанасий 189, 195, 218-219, 243
Никитин, В. М. 166
Никитина, М. М. 156
Никифоров, С. Д. 182, 185, 186, 187, 188, 216
Никола Зарајски 243
Николајевић, Константин (Николајевић) 650
Николић, Бериславб 36, 37
Николић, Светозар 30
Николов, Малчо 144
Николов, Славко 122, 124
Никольский, С. В. 287
Новак, Виктор 527—530
Новаковић, Бошко 87, 88
Новаковић, Стојан 79, 539
Нойс, Џорџ 416
Новиков, В. В. 279
Новиков, Н. И. 177, 269
Новицкая, В. Н. 176
Новицкий, В. П. 177
Нушић, Бранислав 88

Обнорский, С. П. 154, 175, 181, 182, 185, 186, 187, 192, 211, 217, 246, 247
Обрадовић, Доситеј 85, 119, 648
Обреновић, Милош 118, 119
Огарев, Н. П. 258, 272, 274
Ожегов, С. И. 157, 164, 166, 175, 185
Ожешкова, Елиза 127
Озеров, В. А. 492
Одмстед, Дэйвид 423
Оньшкевич, М. О. 231, 235, 237

Опельбаум, Е. В. 168
Орлов, А. С. 174
Орлов, В. Н. 269, 270
Орлова, В. Г. 185, 200, 202, 212, 222
Орлова, Л. В. 161
Орфелин, Захарије 85, 86
Осинин, Димитър 148
Островский, А. Н. 258, 274, 275
Островский, Н. А. 280
Отрембский, Ян 240
Оцвирк, Антон 63

Павленко, П. 170
Павлов, Тодор 141, 142, 143, 144, 145, 147
Павлова, К. И. 171
Павловић, Драгољуб 79—89
Павловић, Миливој 29, 32, 35, 36
Павлюк, Н. В. 232
Палагина, В. В. 204
Палицын, Авраамий 192, 244
Палмотић, Џоно (Јуније) 83
Панов, М. В. 165
Пантић, Мирослав 83
Панфилов, А. К. 164
Парахина, М. Ф. 186
Партенадзе, М. Х. 188, 219
Пастернак, Б. Л. 265
Паустовский, К. 169
Пејчиновић, Кирил (Пејчинович) 118, 119
Пелегриновић, Мишша 83
Пелин, Елин 142, 145, 147
Пеллико, Сильвио 266
Пелтола, Рейно 494
Пендовски, Бранко 124
Пенушлиски, Кирил 116, 117
Перевощиков, П. Н. 167
Перетц, В. Н. 241
Пересветов, И. С. 192, 244
Перцов, В. О. 278
Петр I (Петар Велики) 85, 180, 189, 208, 219
Петерсон, М. Н. 161, 162, 169
Петковић, Андрија (Петкович) 120
Петковић, Константин 120
Петковић, Миливоје 83
Петковић, Сава 72
Петре, Фран 115
Петренко, А. Я. 225
Петров, Емил 144
Петров, Н. И. 619
Петровић, Велко 87, 88
Петровић-Његош, Петар 30, 33, 34, 36, 80, 86, 87, 128
Петровић, Растко 88
Петрович, Эмиль 459—464
Петрусь, В. П. 230
Петрушевски, Михаил 60, 121
Петрушкин, О. В. 187
Пецо, Асим 30
Пешић, Миодраг 126
Пешковский, А. М. 161, 162, 163
Пигарев, К. В. 269, 271
Пигин, М. И. 220
Пиксанов, Н. К. 492
Пиотровский, Р. 167
Пипаст, Л. О. 155
Писарев, Д. И. 176
Писемский, А. Ф. 275
Питолина, Р. П. 244
Пичета, В. И. 283
Платон 600
Плахотишина, В. Т. 176
Плеханов, Г. В. 126, 257
Плющ, П. П. 196, 223
Погожева, Л. 169
Подгаецкая, И. М. 158
Познина, Г. Ф. 163
Покровская, В. Ф. 250
Покровский, В. Н. 191, 220
Полак, Вацлав 511
Поленаковић, Хараламије (Поленаковић) 13, 60, 115—124, 647—651
Поливка, Јиржи 596
Полицијано, Анџело 82
Полоцкий, Симеон 242
Полторацкева-Зеленина, Э. И. 238
Полторацкая, М. 421
Пољанец, Серафима 126
Помигалова, М. И. 192
Попов, Антон 124
Попов, П. В. 191, 220
Попов, П. С. 151
Попова, З. Д. 219
Попова, И. А. 163
Попова, М. Л. 195
Попова, Т. П. 235
Поповић, Иван 29—30, 36, 37, 38, 67
Поповић, Јован 87, 88
Поповић, Миодраг 88
Поповић, Павле 79
Поповић-Стерија, Јован (Попович) 88, 147
Поповцева, Т. Н. 176
Порохова, О. Г. 192, 210
Посвянская, А. С. 236, 240
Посошков, И. Т. 192, 195
Поспелов, Н. С. 154, 155, 156, 164, 175, 185
Потапов, В. С. 170
Потапов, С. М. 171
Потебня, А. А. 201, 229, 233
Потемкина, А. И. 165
Правдин, А. Б. 154, 231
Прево, М. А. в. Гадолина
Предић, Светислав 29
Предтеченская, Е. А. 175
Преображенский, Н. Ф. (Преображенски) 13, 126, 645
Претнар, Јанко 76
Привалова, М. И. 176
Прилипко, В. М. 194
Примаковский, А. П. 151
Примов, Борислав 146
Приселков, М. Д. 243
Приступа, П. И. 206

Приходько, В. А. 176
Приятзина, А. Ф. 157
Пранчев, Григор С. 117, 122
Прокле 537
Прокопович, Е. Н. 188
Прокопович, Н. Н. 161
Прокопчик, А. В. 162
Пронь, Н. А. 155
Протопопова, У. М. 154
Протченко, И. Ф. 157
Прохорова, В. Н. 192
Прус, Болеслав 147
Птолемей 599
Пугач, С. А. 176
Пугачев, Е. И. 269. 271, 272
Пулатов. М. П. 167
Путинцев, В. А. 176, 274
Пушкарев, Л. Н. 244
Пушкин, А. С. 126, 128, 129, 144, 145, 146, 148, 161, 164, 172, 174, 175, 178, 257, 258, 261, 266, 270, 271, 272, 273, 287, 492, 494, 645

Радевски, Христо 144
Радичевић, Бранко 80, 86, 87
Радищев, А. Н. (Радишчев) 126, 177, 180, 256, 257, 260, 269, 271
Радовић, Буза 88
Радојичић, Ђорђе 81, 537—452
Радојчић, Никола 71
Радојчић, Светозар 81
Радославов, Иван 144
Разилова, З. Р. 162
Рајић, Јован 85, 620
Раковски, Георги С. 142, 145, 148
Рамовш, Фран 65, 66, 67
Рацин, Кочо 123, 124
Рачинский, А. С. 121
Рачки, Фрањо 121
Рашко 84
Рей, Николай 233
Резанов, В. 619
Решетар, Милан 35
Решетников, Ф. М. 172, 176, 275
Реформатский, А. А. 555
Ржига, В. Ф. 248
Рипецкая, О. Ф. 239
Ристић, Марко 88
Ристић, Милован 86
Ритиг, Светозар 63
Робинсон, А. Н. 244, 248, 251
Робинсон (Плотникова), В. А. 191, 220
Робинсон-Талпи, Тереза 415
Рогова, В. Н. 192
Рожкова, Г. И. 194, 215
Розвадовский, Ян 499
Розов, Н. Н. 251
Ройтенберг, Ф. Е. 168
Романович, Е. М. 206
Романовская, В. Д. 194
Романски, Стоян 131, 135, 137
Россетти, А. 462, 463, 464
Рословец, Я. И. 154
Рубан, В. А. 170
Рубинштейн, Герберт 421, 423
Рунарац, Иларион 538, 539
Рудиев, А. Г. 163
Руж, Иван 144
Русакиев, Симеон 147
Русев, Пенью 142, 145, 147
Русић, Бранислав 117
Рыбальченко, Т. П. 240
Рыжков, Н. С. 187, 217
Рылеев, К. Ф. 177, 256, 257, 270, 271
Рыльский, М. Ф. 169

Сава (св. Сава) 73, 75, 540, 541, 542
Сава Јерусалимски 540
Саваткова, А. 167
Савић-Ребац, Аница 86
Сайкиев, Х. М. 154
Салмина. М. А. 251
Салтыков-Щедрин, М. Е. (Салтиков-Шчедрин) 126, 172, 176, 257, 258, 263, 272, 273, 274, 275, 276, 277
Самийленко, С. Ф. 232
Самкова, В. М. 176
Самосюк, Э. В. 161
Самохвалова, Е. И. 195
Самуйлова, К. С. 158
Саркисова, Л. Н. 178
Сарыев, Г. 167
Сахаров, И. Я. 154
Саянов, В. 169
Свенцицкий, И. С. 225
Светловская, Н. Н. 187
Светлышев, Д. С. 157
Седельников, Е. А. 177, 188, 219
Седун, Е. 162
Секулић, Исидора 86, 88
Селиванов, Г. А. 192
Селимовић, Меша 126
Сенкевич, В. А. 203
Серафимович, Александр 259
Сербина, К. Н. 243
Сердобинцев, Н. Я. 170
Серенсен, Г. Хр. 66
Сетэлэ, Емиль Нестор 500, 501
Сидоров, А. С. 167
Сидоров, В. Н. 153, 154, 182, 202, 212, 213
Силукова, В. А. 154
Симеон (цар) 597
Симеон Немања 538, 541
Симонов, К. М. 170
Сиротина, В. А. 171
Скарга, Петр 233
Скворцова, А. А. 188
Скерлић, Јован 79, 102
Скиба, Г. Г. 157, 159
Скляров, А. Ф. 171
Скок, Петар 67, 69, 511
Скрипиль, М. О. 244
Скупский, Б. 186, 215

Славейков, Пенчо П. 138, 144
Славейков, Петко Р. 138, 145, 147
Славский, Франтишек 511, 512
Слепцов, В. 172, 176
Слијепчевић, Перо 86
Словацки, Јуљуш 126
Стьянько, И. И. 225
Смирненски, Христо 142, 145, 148, 287
Смирницкий, А. И. 165
Смирнов, Л. Н. 236
Смирнова, А. М. 190
Смоховска-Петрова, Ванда 147
Снегаров, Иван 145, 146
Собанская, Т. В. 195
Собинникова, В. И. 189, 204, 219
Соболевский, А. И. 154, 174
Советов, С. С. 235
Соколов, А. Н. 271, 273
Соколова, М. А. 182, 185, 190, 192, 210, 219
Солев, Димитар 124
Солев, Коста в. Рацин, Кочо
Соловьев, А. 169
Соловьев, А. В. 247, 426
Соловьева, А. П. 287
Соловьева, Л. В. 190, 219
Сологуб, А. И. 188, 217
Сорокин, Ю. С. 175, 176
Сороколетов, Ф. П. 166
Сосюр, Фердинанд (де Сосюр) 420, 492
Софрић, Павле 620
Спасов, Александар 60, 117, 120, 121, 122, 123, 124
Сперанский, М. Н. 241, 250
Срезневский, И. И. 181
Сталин, И. В. 156, 159, 169, 183, 223, 234, 286
Станислав, Јан 67
Станкевич, Эдуард 422, 423
Станојевић, Станоје 538, 539
Старк, Тайлор 424
Стахеев, Б. Ф. 288
Стефановић, Михаило 27—39
Стендер-Петерсен, Адольф 424
Степанов, Н. Л. 270
Стефан Баторий 244
Стефан Деспот 541
Стефан Дечански 540
Стефан Првовенчани 539
Стефанов, Емил 144
Стешкович, Т. Ф. 206
Стоичкова, Лилия 139
Стоименски, Лъпчо 124
Стойков, Стойко 131, 135, 136, 137, 138, 139
Стойчева, Мита 147
Стојановић, Љубомир 72, 538
Стојићевић, Александар 33
Стоянов, Захари 145
Стоянов, Стоян 137
Стратимировић, Стеван 85
Страхова, Л. А. 176
Стрекалова, З. Н. 233
Стричевић, Ђорђе 81
Строганова, Т. Ю. 201, 203, 213
Строгович, М. С. 151
Суботин, Стојан 127
Сударчиков, М. Ф. 158
Сумароков, А. П. 128, 177, 180, 256, 260, 269
Сумкина, А. И. 188, 220
Сумникова, Т. А. 183, 208, 209
Супрун, А. 158
Сурков, А. А. 170
Сухотин, В. П. 160, 162, 176

Таболова, Г. А. 157
Таванец, П. В. 151
Тагер, Е. Б. 277
Тагиев, М. Т. 161
Тадић, Јорјо 83, 101
Тайвонен, Ирье Хейкки 498
Тамань, В. М. 194, 235
Тамарин, Б. 127
Тамахин, В. 169
Тарановски, Кирил 38, 76, 77, 126
Тарбасова, Н. И. 162
Твардовский, А. Т. 170
Твртко 81
Тейлор, Исак 529
Теодора (краљица) 538
Теодореску, Дим. К. 619
Теодоров-Балан, Александър 131, 134, 136, 137, 138, 139
Теодоров, Евгений 148
Теодосије 81, 540, 541, 542, 619, 620
Теофило (епископ будимљански) 75
Терещенко, Н. М. 167
Терпигорев, А. М. 166
Тибилова, А. А. 152
Тимофеев, Иван 243
Тимофеев, К. А. 162
Тимофеев, Л. И. (Тимофејев) 126, 169
Тимофеева, В. В. 171
Тихомиров, М. Н. 181, 243, 285
Тјач, Ф. Е. 224
Ткаченко, О. Б. 233
Тодоров, Цветан 136
Тодоровски, Гане 122
Толикина, Е. Н. 166
Толкачев, А. И. 185, 186, 216
Толстой, А. Н. 170
Толстой, И. И. 240
Толстой, Л. Н. 126, 146, 176, 257, 258, 259, 264, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 280, 286
Толстой, Н. И. 186, 232, 235
Томановић, Васо 37, 38, 559—563
Томашевский, Б. В. 169, 185, 645
Томић, Јован 542
Топоров, В. Н. 239, 286
Тошев, Крум 59, 60, 61, 115, 119
Травничек, Франтишек 168, 239

Трайков, Никола 147
Трахтенберг, О. М. 190, 219
Трединаковский, В. К. 176, 180, 185, 268
Тренев, К. А. 170
Третьяков, П. Н. 12, 234, 283—288
Третьякова, Н. П. 175
Трифонов, Йордан 134
Тројицки, Сергије 75
Трубачев, О. Н. 234
Трубецкой, Н. С. 421, 557
Трунев, Н. В. 176
Тузова, М. Ф. 192
Тургенев, И. С. 176, 258, 272, 274, 275, 277
Турнин, В. Н. 192
Турьин, Александр 424

Ћосић, Бранимир 88

Ќамилов, Киро 122

Угринова, Рада 60, 115
Удицки, Јован 620
Уйтфилд, Фрэнсис 423
Унбегаун, Б. Г. 154, 186, 214
Усиевич, Е. Ф. 279
Успенский, Н. В. 172, 176, 275
Успенский, С. М. 192
Усъкин, А. С. 163
Утехина, Н. П. 185
Уткина, В. П. 177
Уханов, Г. П. 189, 219
Уханов, И. 280
Ушаков, Д. Н. 166, 167, 560, 561, 562

Фадеев, А. А. 170, 280
Фант, Гуннар 418
Фасмер, Макс 66, 67, 498, 499, 500, 511, 512
Федин, К. А. 170, 280
Федоров, Иван 425
Федорова, К. А. 183, 203
Федорова, М. В. 195
Федосов, И. А. 171
Федотова, Н. А. 173
Фейербах, Людвиг 273
Фелицына, В. П. 192, 193
Феоктистова, А. С. 190, 219
Фессалоницкий, С. А. 151
Фет, А. А. 275
Фигуровский, И. А. 164
Фидровская, А. С. 172
Филин, Ф. П. 166, 181, 182, 192, 193, 200, 204
Филип, Ацо 124
Филиппова, В. М. 161
Филофей (старец) 245
Финкель, А. М. 153
Финци, Ели 88
Флакер, Александар 126, 128
Фолсевский, Збигнев 423
Фонвизин, Д. И. 177, 180, 269
Фортунатов, Ф. Ф. 162, 492
Фохт, У. Р. 253
Франичевић, Марин 126
Франко, Иван 186, 196, 225, 619
Франчук, Е. И. 163
Фрања Асишки 622
Фрейлих, С. 169
Фролова, С. В. 154, 186, 214
Фурманов, Д. А. 280
Фучик, Ю. 147
Фучић, Бранко 71

Хавранек, Богуслав 554
Хам, Јосип 63, 68, 69, 70, 128
Хармосину, Ј. П. 122
Хасенов, А. 167
Хаџи Константинов-Џинот, Јордан 13, 119 120, 647, 648, 649, 650, 651
Хельчицкий, Петр 235
Херодот 64
Хесихије 64, 66, 70
Хиглеј, Р. 493
Хинчин, Александр 419
Хирт, Херман 34
Хмелнина, М. И. 171
Хмельницкий, Богдан 224
Ходова, К. И. 192, 193, 210
Хоралек, Карел 558
Хоџић, М. 529, 530
Храбар Црноризац 69, 74, 527, 530
Храпченко, М. Б. 273
Хрычиков, Б. В. 154

Цамблак, Григорије 537, 540
Цанев, Георги 142, 144, 145, 146
Цапникова, В. М. 207
Цейтлин, А. Г. 253, 254, 271
Цейтлин, Р. М. 234
Цепенков, Марко К. 116
Цицин, С. И. 170
Црнојевић, Илија 82
Црнојевић, Скендербег 542
Црњански, Милош 88
Цыганенко, Г. П. 163
Цыганова, В. Н. 165
Цяпловский, М. А. 271

Чайкина, Ю. И. 166
Чапек, Карел 127
Челаковский, Ладислав 287
Чепасова, А. М. 165
Червенков, Вълко 141, 143
Чередниченко, И. Г. 205, 206
Черемисина, Н. В. 171
Черкасова, Е. Т. 159, 177, 188, 191, 193 233
Чернецкий, В. К. 186
Чернова, В. И. 170
Черных, П. Я. 165, 166, 179, 180, 182, 183, 185, 186, 193, 209, 210, 211, 217, 222

Черњишев. В. И. 154
Черњишевский, Н. Г. (Чернишевски) 126, 147, 172, 175, 176, 257, 258, 274, 275
Черторийская, Т. К. 170
Чехов, А. П. 126, 147, 148, 164, 176, 258, 259, 272, 277
Чешко, Е. В. 158, 232, 235, 236, 238
Чиниликин, А. 169
Чикобава, А. С. 551
Чинтулов, Добри 145
Чиркина, И. П. 158
Чихак, А. 462
Чичагов, В. К. 208
Чоп, Бојан 68
Чричић, Иван 69
Чубриновић, Андрија 83
Чукалов, Сава 133
Чуковский, К. И. 176, 266, 275

Џамбазов, Климе 119—120, 122
Џонић, Урош 87
Џукески, Александар 117

Шабалин, М. Н. 203
Шабалина, В. Ф. 190
Шайтанова, Г. В. 203
Шамић, Мидхад 29
Шамота, Н. З. 266
Шанский, Н. М. 159, 194, 215
Шантић, Алекса 88
Шапиро, А. Б. 155, 156, 159, 173, 204
Шапкарев, Кузман 116, 121
Шапошников, В. Г. 166
Шапчанин, Милорад 620
Шарлемањ, Н. В. 248
Шатух, М. Г. 163
Шаумян, С. К. 235
Шафарик, Павел Јосиф 539
Шахматов, А. А. 154, 160, 161, 181, 185, 186, 221, 226, 241, 250, 494
Шахов, И. Н. 177
Шведова, Н. Ю. 156, 162, 169, 175, 186, 188, 235
Шевченко, Т. Г. 77, 196, 224
Шекспир, Вильям 129
Шелюто, Г. А. 176
Шемборская, Н. В. 158
Шенов, Аугуст 121, 288
Шептунов, И. М. 143
Шерех-Шевелев, Юрий 422
Шестакова, О. А. 171
Шефтель, Марк 425
Шилина, Г. А. 237
Шило, Г. Ф. 231
Шиловский, А. Н. 192
Ширалиев, М. А. 152
Широкова, А. Г. 188, 191, 220, 236, 238, 240
Шишков, А. С. 180
Шишков, В. Я. 170, 266
Шишмарев, В. Ф. 460
Шкловский, В. Б. 266
Шмелев, Д. Н. 162
Шолохов, М. А. 169, 171, 281, 493
Шоптрајанов, Ѓорѓи 119, 122, 124
Шорохова, В. Н. 192
Шоцкая, Л. И. 177
Штампар, Емил 82
Штрекељ, Карел 66
Штросмајер, Јосип Јурај 116, 121
Шутова, В. П. 162

Щепкина, М. В. 248
Щерба, Л. В. 155, 161, 165
Щербина, В. 280

Эвентов, И. 169
Эйснер, Й. 234
Эльсберг, Я. Е. 274, 275
Эндзелин, Я. М. 239
Энгельс, Ф. 256, 264
Эразм Ротердамский 602
Эренбург, И. Г. 170

Юзбашева, Н. Л. 170
Юстратова, Н. В. 186, 192, 193
Юферов, Д. 280

Яворов, Пейо К. 145
Якоб, Людвиг фон 415
Якобсон, Роман (Јакопсон) 11, 67, 76, 415—428
Яковенко, Н. П. 165
Яковлева, А. П. 185, 216
Яковлевская, А. В. 171
Яшменко, Л. 280
Яшмова, Л. В. 156
Якубайтис, Т. А. 186, 215
Якубинская, Э. А. 232
Якубинский, Л. П. 181, 182, 210, 246
Якубова, Х. 152
Янакиев, Мирослав 137
Янко-Триницкая, Н. А. 158
Янкова, Т. С. 207
Янковский, Ф. М. 206
Ярмоленко, Т. С. 196
Яценко, И. Т. 157

ABECEDNI REGISTAR

Abele, Anna 424
Adamczyk, Alexander 443, 445
Adamec, Přemysl 360
Agrell, Sigurd 579
Aitzetmüller, Rudolf 50, 480
Aksakov, K. S. 480
Alaupović, Tugomil 41
Aleksejev, M. P. 10, 11, 13, 22
Aleksej Mihajlović 606, 608
Aleksić, Radomir 23
Andrejčin, Ljubomir 22
Andreyev, Nicholas 435
Andrić, Ivo 100, 453
Ankeria, Santeri 52
Anna Jaroslavna 605
Anthonisse, Pater Zacharias 479
Antoljak, Stjepan 101
Aranza, Josip 101
Argasinski, Joezef Gustav 453
Armbruster, Margarete 453
Armstrong, Terence 437
Arpadovići 507
Asbóth, Oszkár 465, 468, 477
Assorodobraj, Nina 338
Aškerc, Anton 614
August III 332
Auty, Robert 22, 438
Avakumović, Ivan 437
Avancsov, R. I. 566
Awwakum (protopop) 345
Axelrod, P. B. 480

Babinger, Franz 446
Babić, Ljerka 23
Babović, Milosav 23
Babukić, Vjekoslav 587, 589, 590, 591, 592—593
Bach, Alexander 635
Backvis, Claude 396, 397
Bacon, Francis 636
Baczko, Bronisław 338
Badalić Josip 4, 23, 97, 98, 101, 103
Badecki, Karol 302, 316
Badjura, Rudolf 54
Bajec, Anton 10, 23, 47—57
Bakunin, M. A. 480
Balbin, Bohuslav 625
Baleczky, Emil 470, 474, 475, 476
Balvín, Josef 389
Balzac, Honoré de 396
Banašević, Nikola 23, 398
Bancroft, Richard 439
Bandkie, Jerzy Samuel 343
Banović-Šetka, Stipan 102
Barac, Antun 3, 14, 93, 95, 96, 97, 99, 101, 102
Barac, Višnja 102
Baraković, Juraj 52, 525
Barbarič, Štefan 23
Bárczi, Géza 467
Bargiełówna, Maria 296
Barić, Henrik 23, 45, 53
Barker, G. R. 437
Barnetová, Vilma 360
Barszczewski, Stefan 633, 634
Bartol, Vladimir 113
Bartoš, František Michálek 318, 386
Batowski, Henryk 338, 347, 350
Batušić, Slavko 102
Bauer, Jaroslav 360, 362
Baudouin de Courtenay, Jan 290, 291, 306, 308, 413, 520
Baumann (général) 606
Baykov, A. M. 436
Bazala, Vladimir 631
Bazylika, Cyprian 320
Bazylow, Ludwik 346
Beaulieux, Léon 395
Bechyňová-Havlíčková, Věnceslava 381, 390
Becker, Bruno Oscar 479, 480
Bečka, Josef Václav 364, 383, 385, 386
Belić, Aleksandar 3, 5, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 23, 44, 49, 372, 397—398, 455, 520, 550, 579
Belinić, Nikola 45
Belinskij, V. G (Bělinskij, Bielinski) 347, 384, 445
Bellamy, Edward 635
Belostenec, Martin (Bjelostjenec) 508, 509

Belyi, Andrej (Bely) 409, 451
Bena, Leopold 477
Benedikt (papa) 509
Benedikti, Jan Blahoslav 638
Benešić, Julije 45, 76, 633
Berčić, Ivan 43
Berger, Emil 453
Berger, M. D. 417
Berić, Dušan 101
Berkopec, Oton 386
Bernacki, Ludwik 332, 334
Bernard, Roger 395
Bernik, Francè 23
Bernolák, Antonín 472, 474
Bernštejn, S. B. 567
Bersano Begey, Maria 458
Bersano Begey, Marina 458
Berwiński, Ryszard Wincenty 301
Berynda, Pamwa 294
Besharov, Justinia 426
Betts, Reginald Robert 398, 434
Bezemer, Jan Willem 479
Bezlaj, Francè 47, 49, 52, 54, 55, 57, 66
Bezruč, Petr 456
Běhounek, Václav 389
Bělič, Jaromir 354, 356, 358, 360, 365, 383
Białobłocki, Bronisław 344, 351
Bielski, Marcin 301
Biernat z Lublina 319, 320, 321, 322, 325, 349
Birkett, George Arthur 431, 433
Bittner, K. 446
Bizjak, Zvonko 47
Blanár, Vincent 13, 22, 358, 360, 366, 571—578
Blanc, André 397
Blažeković, Tatjana 103
Bliziński, Józef 305
Blok, A. A. 396, 397, 403, 413, 452
Bloomfield, Leonard 423
Bobek, Władysław 344, 352
Bobińska, Celina 338, 346
Bobrowski, Michał 343
Bodniak, S. 320
Bogdanović, Milan 23
Bogusławski, Wojciech 301
Bohorič, Adam 56
Boissin, Henri 22, 395
Bojčević, Milan N. 453
Bolocan, George 22
Bonkáló, Sándor 470
Bonneau, Sophie 396
Bor, Kálmán 476
Boranić, Dragutin 41
Borkovski, V. I. 10, 14, 22
Borowy, Wacław 329, 332
Borščak, Élie 395, 397
Boršnik, Marja 13, 23, 102, 106, 107, 108, 109, 111, 112, 613—616
Bosanac, Stjepan 41
Boswell, Alexander Bruce 431, 434
Boškov, Živojin 23
Bošković, Jovan 642
Bošković-Stulli, Maja 102
Botev, Hristo 390
Botić, Luka 97, 102
Botka, Ferenc 476
Bottló, Béla 471
Botto, Ján 640
Botura, Miroslav 385
Boutchik, Vladimir 396
Bowra, C. M. 617, 618
Boyanus, S. K. 431, 433
Boyer, Paul 394, 396, 398
Brabec, Ivan 41, 43
Braierski, Tadeusz 299
Brandenstein, Wilhelm 53, 67
Branko, Pavol 388
Branković, Đorđe 625
Bräuer, Herbert 444
Braun, Maximilian 441, 443, 445, 446
de Bray, R. G. A. 565
Breznik, Anton 47, 56
Brezovački, Tito 93, 101, 102
Brlek, Mijo 103
Brnčič, Ivo 107
Brnčič-Šermazanova, Vera 23
Broch, Olaf 7
Brodowska-Hanowska, Maria 293, 299
Broz, Ivan 77, 534, 587, 593
Broz Tito, Josip 9
Brozović, Dalibor 23
Brtaň, Rudo 382, 385, 388
Brückner, Alexander 299, 330, 344, 347, 351, 413
Brugmann, Karl 34, 516
Budimir, Milan 23
Budmani, Petar 633
Budzyk, Kazimierz 303, 317, 318, 319, 321, 322, 324, 325, 331
Bugi, K. 543
Buffa, Ferdinand 365
Bujas, Gašpar 102
Bunc, Stanko 53
Bunin, I. A. 452
Buning, J. E. 418
Burgess, Malcolm 438
Burghardt, Oswald 453

Camblak, Grigorije 395
Canal, Martin de 44
Cankar, Ivan 110, 111, 112, 451, 452, 453, 614, 615, 616
Cankar, Izidor 110
Car-Emin, Viktor 94, 99, 102
Carducci, Giosue 457
Cazin, Paul 397
Ceci, Luigi 455
Celestin, Fran 111, 128
Cerovac, Mirko 102
Cesarec, August 99, 628
Cesarz, Andrzej 348

Chaloupecký, Václav 472
Chalupka, Samo 640
Chalupný, Emil 568
Cherry, E. C. 418
Chloupek, Jan 365
Chocholoušek, Prokop 627
Chopin, Frederyk 301, 338
Chróścielewski, Tadeusz 329
Chrzanowski, Ignacy 332, 333, 334
Cini, Luigi 458
Clovio, Giulio v. Knonath, Јулије
Cocron, Frédéric 394, 396, 451, 607
Comestor 319
Constandse, Anton Levien 480
Coolidge, Archibald Cary 405
Corbet, Charles 22, 396, 398
Cornyn, W. G. 421
Coseriu, Eugenio 15
Costello, Desmond Patrick 434
Coquart, Armand 396
Cronia, Arturo 455, 456, 457, 458
Cross, Samuel H. 411, 427
Csopei, László 477
Czajkowski, Michael 452
Czartoryski, Adam 333, 334
Czekanowski, Jan 292
Cyran, Władysław 297

Čaadajev, P. J. (Tschaadajew) 445
Čapek, Karel 457, 631, 634
Čech, Svatopluk 384, 627
Čehov, A. P. (Čechov, Chekhov, Czechow, Tsjechov) 126, 348, 351, 382, 389, 407, 410, 438, 452, 480
Čejchan, Václav 385
Čelakovský, František Ladislav 378, 379, 384, 626, 638
Černiševskij, N. G. (Czernyszewski) 347, 348, 383
Černý, Jan 380
Černych, P. J. 566
Česmički, Ivan 100
Čiževska, Tatiana 426
Čiževskij, Dmitri (Čiževsky, Čiževskyj) 128, 409, 415, 426, 445
Čolaković, Rodoljub 19, 20
Čop, Bojan 52, 58, 626
Čubelić, Tvrtko 23, 102, 103
Čubranović, Andrija 100

Ćirlić, Branislav (Cirlić) 350
Ćosić, Branimir 628
Ćović, Mirko Stefan 452

Damiani, Enrico 457, 458
Daneš, František 363
Daničić, Đura 41, 369, 587, 592
Danilevsky, G. P. 437
Danilov, Kirša 446
Dante, Aligieri 455
Dantyszko, J. 318
Daňhelka, Jiří 362
Darwin, Charles 94
Davie, Ronald 438
Davies, Robert W. 437
Dawson, C. L. 422
Dayre, Jean 396
Deanović, Mirko 23, 41, 45, 101, 398
Debeljak, Anton 50, 66
Debrunner, Albert 579, 585
Decaux, Étienne 394, 398
Décsy, Gyula 470, 471, 473, 476
Dehmel, Richard 446
Dejna, Karol 295, 311, 312, 313, 360
Delbrück, Berthold 584
Delorko, Olinko 102, 103
Dempf, Alois 445
Denis, Ernest 398
Deringer, Stephanie 453
Despot, fra Ivan 452
Despot, Miroslava 102
Devoto, Giacomo 457
Dezső, László 474—475
D'Hermies, Vlasta 396
Dickenmann, Ernest 10, 15, 22, 53
Diels, Paul 9, 22, 441, 443, 444, 446, 486
Dihanich, Herrmann 452
Dikens, Charles 453
Dilthey 319
Dimitrijević, Radmilo 23
Dimitrovski, Todor 23
Dinekov, Petar 10, 14, 22
Di Sarra, Dan Danino 457
Divković, Mirko 588
Długosz, Jan 318
Dłuska, Maria 297, 309, 339
Dmochowski, Franciszek Salezy 332
Dmochowski, Franciszek Xavery 332
Dobner, Gelesius 380, 381, 386
Dobrin, Samuel 434
Dobroljubov, N. A. (Dobrolubow) 347, 396
Dobrovský, Josef 366, 370, 375, 377, 378, 380, 381, 384, 386, 390, 626
Dohnal, Bedřich 390
Dokulil, Miloš 358, 362
Dolanský, Julius 10, 13, 14, 22, 352, 380, 381, 382, 384, 385, 623—629
Doležel, Lubomír 364
Domanović, Radoje 628
Doroszewski, Witold 12, 14, 22, 290, 300, 303, 305, 306, 309, 311, 312, 313, 416, 519, 552
Dostal, Antonín 233, 354, 355, 356, 359, 360, 371
Dostert, L. E. 423
Dostojevskij, F. M. (Dostoevskij, Dostojewski, Dostoevsky, Dostoievski) 343, 396, 403, 407, 413, 438, 444, 445, 446, 453, 446, 480
Doświadczyński, Mikołaj 332
Dražković, Janko 626
Draženović, Josip 97, 102
Driessen, Frederik Christoffel 480
Drobnjaković, Borivoje 23
Drouilly, Jean 396, 398
Drozda, Miroslav 387

Drvodelić, Milan 45
Držić, Marin 20, 93, 101, 104, 480
Dubbink, Jan Hendrikus 479
Duboski, Roman 433
Du Feu, Veronica 437
Dufour, Piotr 333
Dunin-Wąsowicz, Krzysztof 349
Durković, Ljubomir 23
Durnovo, N. N. 549, 566
Dürr-Durski, Jan 316, 318
Dürrigl, Helga 451
Durych, Václav Fortunát 381, 626
Dušan (car) 624
Dutka, Nikolaus 452
Dvonč, Ladislav 363, 366
Dvorník, František 398
Dvornikovič, Vladimir 568
Dvořák, Karel 379
Dworecki, I. Ch. 300

Ďurovič, Ľubomír 155, 358, 361, 388

Đaja, Matko 23
Đalski, Ksaver Šandor 94, 98, 102, 451
Đamić, Antun 101
Đorđević, Miloš 23
Đorđić, Petar 4, 10, 23
Đukić, Trifun 102
Đurić, Miloš 23
Đurić, Vojislav 23, 102

Ebeling, Carl Lodewijk 423, 479
Eckhardt, Thorvi 452
Eekman, Thomas Adam 12, 22, 479—480
Einspieler, Andreas 452
Einstein, Albert 634
Eisenman, Louis 413
Ekblom, Richard 53, 490
Ellis, E. 52
Ellis, Jeffrey O. 437
Engels, Friedrich 318
Enno van Gelder, Hendrik 480
Erazmo Roterdamski (Erasmus) 446
Erben, Karel Jaromír 378, 379, 626
Erbida, Ingeborg 453
Erčić, Vlastimir 23
Erdődi, József 469
Erhardt, Marcelle 22, 396
Erlich, Victor 480
Ernst-Glück, Johannes 607
Erzepki, Bolesław 333
Esih, Ivan 13, 23, 101, 631—636
Euripid 585
Ezop 320

Fadejev, A. A. (Fadějev) 381
Fadner, Frank Leslie 437
Fairbanks, G. H. 424
Falk, Heinrich 445
Fancev, Franjo 97, 458
Fant, C. G. M. 418
Farbe, Jean 397
Fennell, John, L. I. 438
Federowski, Michał 349
Fedorov, Ivan 425
Ferenc, József 465
Ferrell, James 422
Filip, Mihal 23
Filipović, Rudolf 45, 101
Fiol, Świętopełk 294
Fisković, Cvito 101
Fiszman, Samuel 339, 341, 344, 347, 348
Flaker, Aleksandar 23, 98
Florovskij, A. V. 383, 384
Fodor, István 474
Forbes, Nevill 431, 535
Fraenkel, Ernst 443
Francisci, Ján 639
Frančić, Vilim 309, 350
Franěk, Jiří, 389
Frangeš, Ivo 97, 98
Franičević, Marin 97, 98
Franko, Ivan 349, 390, 453
Frček, Jan 353, 355, 371, 372, 387
Fredro, Aleksander 350
Freud, Sigmund 611
Frič, Josef Václav 382, 383, 390, 627
Friedrich, Henryk 312, 522
Frings, Theodor 617
Frinta, Antonín 391
Frol, Ivo 41
Frolow, A. 395
Fučík, Julius 385
Fügedi, Erik 471, 473
Furmanik, Stanisław 297
Furness, Geoffrey 437

Gaďourek, Ivan 480
Gaertner, Henryk 290, 309
Gaj, Ljudevit 587, 588, 589, 590, 591, 593, 626
Galas, P. 304
Galczyński, Konstanty Ildefons 329
Gáldi, László 469, 470, 474, 477
Gałecki, Włodzimierz 308
Galkina-Fedoruk, J. M. 573
Gall Anonim 317, 318, 333, 386
Galster, Bohdan 348
Galton, Herbert 437
Gančikov, Leonida 457
Gansiniec, R. 318
Gardner, Johann 447
Garvin, Paul 422
Gasparini, Evel 55, 456, 457, 458
Gašparík, Mikuláš 382
Gauchat, L. 520
Gavela, Đuro 23
Gawalkiewicz, Jan 335
Gebauer, Jan 362, 366
Geitler, Leopold 377
Gelenius, Sigismundus 446
Genyk-Berezowskyj, Julian 452

Georges, Pierre 397
Georgiev, Vladimir 9, 10, 13, 14, 22, 517
Georgijević, Krešimir 23, 97, 98, 352, 536
Georgijević, Svetozar 23
Gerad, Arnošt 353
Gercen, A. I. (Hercen, Herzen) 347, 382, 480
Gerhardt, Dietrich 441, 443, 445
Gianelli, Ciro 458
Girard, Marcel 396
Giusti, Wolfango 456, 457, 458
Gjurčinov, Milan 23
Glaser, Janko 110, 112
Glauert, Gunter 54
Gligorić, Velibor 23, 94, 99
Glonar, Jože 106, 107, 109
Gnuni, Tamara 23
Goethe, Johan Wolfgang 97, 112, 521
Gogoli, N. V. (Gogol, Gogol') 97, 343, 347, 382, 383, 385, 389, 396, 403, 408, 413, 444
Golicyn, D. W. 347
Gołąb, Zbigniew 293, 295
Gołąbek, Józef 344
Gombocz, Zoltán 466, 467
Gomolicki, Leon 346, 347
Gomulicki, Juliusz W. 333
Gončarov, I. A. (Goncharov) 438
Goodwin, R. A. 422
Gorčakov, A. M. (Gorchakoff) 438
Goriaczko, Anna 335
Goriainov, Serge 397
Gorkij, A. M. (Gorki, Gor'kii) 343, 348, 385, 389, 403, 445, 452, 480
Gorlin, Michel 395
Gorodetzki, Nadejda 22, 438
Gosiewska, Zofia 301
Goudy, Alexander Porter 429, 431
Goy, Edward 438
Górski, Konrad 302, 306, 317, 340
de Graaf, Johannes 480
Grabar, André 395
Grabovac, Filip 102
Grabowski, Tadeusz Stanisław 350
Gradnik, Alojz 111, 614
Grafenauer, Ivan 55, 106, 107, 108, 109
Granjard, Henri 396, 398
Grappin, Henri 298, 394, 395, 397
Gravier, Maurice 606, 607
Grdenić, Dragutin 41
Grebeníčková, Ružena 382, 383
Greč, N. I. 384
Green, M. 438
Grégoire, Henri 396, 397, 425
Gregor, Ferenc 476
Gregorii le Pasteur 13, 396, 605, 607, 608
Gribojedov, A. S. (Gribojedow) 346, 445
Grickat, Irena 23
Grivec, Francè 55, 56, 108, 376
Grošelj, Milan 49, 52
Gruber, Gisela 452
Grubor, Đuro 45, 579, 580, 582, 583, 585
Gryczowa, Alodia 321, 323
Grzegorz Paweł z Brzezin 302, 317
Gspan, Alfonz 23, 106, 108, 109, 112
Guardini, Romano 445
Guberina, Petar 42, 43, 45, 94
Gubrynowicz, Bronisław 332
Gundulić, Ivan 93, 100, 101, 104, 446, 625, 653, 654, 655, 656, 657
Gunnarsson, Gunnar 10, 14, 22

Habdelić, Juraj 508
Habovštiak, Anton 366
Haderka, Karel 380
Hadrovics, László 9, 10, 12, 22, 470, 475, 476, 477, 503—510
Hahn, Josef 444, 446
Hála, Bohuslav 360, 363
Hálek, Vítězslav 383, 627
Halicz, Emanuel 338
Halle, Moris 418, 419, 422
Halm, Hans 450
Hamm, Josip 12, 23, 41, 42, 43, 45, 101, 533, 549—550
Hammerich, Louis L. 417
Hanika, Josef 446
Hanka, Václav 626
Hanusch, Gerhard 443
Hanžeković, Mato 635
Harambašić, August 97
Harkins, W. E. 423
Harper, K. E. 423
Hašek, Jaroslav 382, 627
Haško, Antonín Josef 473
Haugen, Einar 417
Haupt, A. M. 425
Hauptmann, Gerhard 452
Hausenblas, Karel 362, 364
Havlíček-Borovský, Karel 383, 384, 627
Havránek, Bohuslav 9, 10, 11, 12, 14, 22, 353—367, 371, 372, 380, 545—547, 556
Hazard, Paul 107
Heintsch, Karol 293, 376
Helcl, Miloš 358
Henri de Valois 605
Heraskov, M. M. 438
Herbart, Johann Friedrich 105
Hernas, Czesław 325
Hertz, Paweł 329
Hesihije 52
Heydzianka-Piłatowa, Janina 289
Hill, Elizabeth 9, 10, 11, 14, 22, 429—439
Hingley, Ronald 437
Hjelmslev, Louis 485
Hocii, Michael 444
Hodge, C. 423
Hofmann-Brandner, E. 452
Holeček, Josef 627
Holltum, V. E. J. 22
Holthusen, Johannes 446
Holub, Josef 359, 517

Homer 317, 322
Homjakov, A. S. 97
Honorije Augustodunensis 42
Hoppe, Stanisław 305
Hora, Franciszek 350
Hora, Josef 385, 628
Horák, Geza 366
Horák, Jiří 379, 381, 413
Horálek, Karel 13, 22, 354, 355, 356, 358, 359, 360, 361, 364, 371, 377, 378, 388, 390, 553, 565—569, 571
Horecký, Ján 363, 364
Horvat, Jan 438
Høeg, Carsten 426, 427
Hrabák, Josef 362
Hrabec, Stefan 53, 294, 295, 301, 304, 306, 339, 340
Hrabar Crnorizac 55
Hrabě, Vladimír 358
Hraste, Mate 4, 10, 23, 41—46, 533
Hristoforov, P. (Christophorov) 396
Hristov, Kiril (Christov) 390
Hrycaj, Władimir 452
Hubschmid, Johannes 57
Hujer, Oldřich 353, 354, 359, 366, 371, 491
Hulewicz, Jan 333
Humecky, Assya 425
Hurban-Vajanský, Svetozar 382, 383, 385, 642
Hurm, Antun 45
Hus, Jan 384, 626
Husa, Václav 385
Hüttl-Worth, Gerta 394, 425

Ibrovac, Miodrag 23
al-Idrisi 296
Ilek, Bohuslav 361, 388
Ignjatović, Jakov 446, 627
Inzko, Valentin 452
Isačenko, Aleksandr 72, 107, 355, 358, 360, 361
Ivaništin, Nikola 101
Iveković, Franjo 77, 534
Ivić, Milka 23
Ivić, Pavle 23, 424
Ivšić, Stjepan 4, 23, 42, 44, 49, 51, 101
Iwaszczenko 316

Jabłoński, Henryk 338
Jacimirskij, A. I. 395
Jackson, W. A. 425
Jacobsson, Gunnar 10, 22
Jahn, Karel Emil Oscar 479
Jagić, Vatroslav 8, 9, 45, 93, 101, 102, 103, 369, 370, 375, 378, 449, 451, 454, 472, 587, 590, 592
Jagoditsch, Rudolf 10, 11, 14, 22, 101, 449—454, 485
Jakóbiec, Marian 11, 22, 343—352
Jakobson, Roman 9, 10, 14, 22, 56, 417, 418, 422, 424, 425, 426, 427, 428, 485
Jakopin, Franc 23
Jakubinskij, L. P. 549
Jakubowski, Kazimierz Stanisław 308
Jakubowski, Wiktor 302, 306, 308, 345, 346
Jamka, R. 543
Jan z Czarnolasu 323
Jan z Koszyczek 321
Janáček, Karel 359
Janeva, Vera 23
Janez Svetokriški 112
Janež, Stanko 102, 112
Janion, Maria 339
Jánošík, Anton 364
Janów, Jan 289, 294, 302, 311, 343
Jans, Rudolf 480
Janjić, Stevan 23
Japundžić, Marko 43
Jarc, Miran 111
Jasiński, Jakub 328
Jastrun, Mieczysław 328
Jastrzębiec-Kozłowski, Czesław 350
Jaszczun, Wasyl 452
Jaszuński, Samuel 308
Javarek, Vera 22, 438
Jazykov, N. M. 97
Jedlička, Alois 354, 355, 362, 363
Jedvaj, Josip 41, 42, 44
Jelačić, Antun 627
Jeličić, Živko 100, 101
Jelínek, Milan 364
Jenko, Davorin 614
Jensen, Alfred 654
Jernej, Josip 45
Jesenovec, Franče 49
Jesenská, Zora 388, 389
Jesenský, Janko 385
Jesenin, Sergej 385
Jewnina 316
Jezierski, Salezy Franciszek 333
Jeż, Teodor Tomasz 300—301
Ježić, Slavko 95, 101, 102, 588
Jędrkiewicz, Edwin 320
Jirásek, Alois 349, 364, 382
Jirásek, Josef 387
Jíša, Jan 385, 386, 389
Jobert, Ambroise 397
Jodłowski, Stanisław 299
Johnson, D. J. L. 438
Jóna, Eugen 364, 366
Jones, Laurence 418, 419
Jonke, Ljudevit 13, 23, 42, 45, 46, 533, 536, 587—594
Jopson, Norman Brook 430, 431, 434
Josipović, Ljudevit (Joszipovich) 588
Josselson, H. H. 423
Jovanović-Zmaj, Jovan 627
Jovanović, Vojislav 23
Jovkov, Jordan 452
Juhász, József 475, 477
Jungmann, Josef 384, 626
Jurančič, Janko 23
Jurčič, Josip 107, 109, 110, 453

Jurina, Josip 45, 46
Jurišić, Blaž 44
Jurković, Janko 97
Jurkowski, Jan 316

Kačić-Miošić, Andrija 93, 589, 626
Kadlec, Josef 383, 385
Kalan, Filip 113
Kaleta, Roman 330, 334, 335
Kálmán, Béla 474
Kamińska, Krystyna 301
Kanduth, Erika 452
Karadžić, Vuk 505, 508, 587, 588, 589, 590, 591, 593, 626, 627, 638, 639, 640, 641, 642
Karadorđe 626
Karaman, Matteo 56
Karamzin, N. M. 437, 445
Karaś, Mieczysław 297, 304
Karlo IV (Charles IV) 378, 623, 624
Karlovčan, Grgur 99
Karłowicz, Jan 305, 307, 312
Karpiński, Franciszek 332, 334
Karpłukówna, Maria 304
Karaslavov, Georgi 390
Kasprowicz, Jan 301
Kastelec, Matija 56
Kastropil, Stjepan 101, 103
Kaštelan, Jure 99, 100
Katančić, Matija Petar 505, 507, 589, 626
Kayser, Wolfgang 112
Kecmanović, Ilija 23, 98, 101
Keep, John 437
Kelemina, Jakob 52, 53
Kellner, Adolf 355, 356, 360, 365
Kempf, Zdzisław 293, 298
Kepeski, Krum 23
Kerner, Robert T. 405
Kersnik, Janko 109, 110
Kette, Dragotin 614
Kettenbach, Helmut 452
Kidrič, Francè 105, 106, 107, 108, 109, 110, 112
Kieniewicz, Stefan 338
Kimura 15
Kiparsky, Valentin 22, 398, 434
Király, Péter 11, 22, 465—478
Kiril (Ciril, Cyril, Ćiril) 55, 293, 296, 355, 366, 377, 378, 485, 488, 623
Kiril Turovski (Cyrille de Turov) 395
Kisiel, Leon 334
Kiss, Lajos 475
Kitowicz, Jędrzej 332
Kićović, Miraš 13, 23
Klagstad, Harold 421
Klaić, Bratoljub 45
Kleczkowski, Adam 294, 304
Klein, Kurt 452
Kleiner, Juliusz 339
Kleist, Heinrich 452
Klemensiewicz-Bajerowa, Irena 297, 298
Klemensiewicz, Zenon 290, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 306, 307, 309, 339, 375
Klen, Jurij v. Burghard, Oswald
Kliment (episkop rimski) 378
Kliment Ohridski 56
Klimowicz, Mieczysław 333, 334, 335
Klosová, Ljubov 389
Knapski, Grzegorz 305
Knedlhans Liblinský, Jan 383
Kniażnin, Franciszek Dyonizy 332
Kniezsa, István 14, 15, 465, 466, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 475, 478
Knićanin, Stevan Petrović 627
Koblar, Francè 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112
Koch, Hans 441
Kochanowski, Jan 300, 301, 309, 316, 319, 321, 322, 323, 324
Kochol, Viktor 388, 389
Kociubyński, M. M. 349
Kolaković, Fahra 23
Kolar, Slavko 104
Kolarič, Rudolf 23, 47, 55, 56, 57
Kolberg, Oskar 344
Kolbuszewski, K. 332
Kolendić, Petar 23, 101
Kollár, Jan 330, 378, 379, 381, 382, 384, 626, 638
Kolman, Otokar 628
Kolny-Bolotsky 431, 433
Kołłątaj, Hugo 331, 333
Komárek, Miroslav 155, 358, 361
Kombol, Mihovil 100, 101
Komenský, Jan Amos 632
Komorovský, Jan 389
Konáč, Mikus 349
Konarski, Stanisław 332
Koneczna, Halina 297, 299
Koneczny, Wiesław 291
Koneski, Blaže 4, 10, 23, 102
Konovalov, S. A. 22, 431, 434, 439
Konstantin (Konstantyn) v. Kiril
Konstantin Bugarski 56
Konstantinović, Mihailo 625
Konvalinka, Miloň 389
Kopecký, L. V. 358, 361
Kopečný, František 155, 233, 354, 359, 360, 362, 365, 517, 554
Kopernicki, Izydor 344
Kopitar, Jernej (Bartoloměj) 8, 47, 108, 370, 626
Koplenig, E. 452
Koranyi, K. 320
Korbut, Gabriel 325, 340
Korczyński, Adam 316
Korolenko, V. G. 351
Korubin, Blagoj 23
Kořínek, Josef Miloslav 353, 355
Kos, Milko 53

Koschmieder, Erwin 22, 441, 442, 443, 444, 446, 447, 579, 585
Kosiakiewicz, Wincenty 633
Kosík, Karel 382, 383
Kosmas 386
Kosor, Marko 45, 46
Kosovel, Srečko 615, 628
Kosterka, Hugo 385
Kostić, Mita 23
Kostrzewski, Józef 292
Kościuszko, Tadeusz 334
Kot, Stanisław 316, 397
Kotański, Wiktor 303
Kotnik, Janko 54
Kott, Jan 11, 22, 327, 331, 332, 333, 334, 335, 339, 661
Kovács, Ferenc 475
Kovačević, Božidar 23, 534
Kovačević, Srbislava 23
Kovačić, Ante 97, 98, 102, 453
Kovačić, Ivan Goran 99, 100, 103, 628
Kovijanić, Risto 23
Kowalenko, W. 307
Kowalski, Józef 347, 348
Kozarac, Josip 94, 98, 102, 451
Kozierowski, Stanisław 290
Kozłowski, Józef 349
Kożmian, Kajetan 327, 328
Koyré, Alexandre 397
Králík, Oldřich 386
Král, Janko 446, 640
Kranjčević, Silvije Strahimir 93, 97, 98, 103, 104, 453
Krasicki, Ignacy 328, 329, 332, 333, 334, 335, 397
Krasiński, Zygmund 457, 632
Krásnohorská, Eliška 627
Kraszewski, Józef Ignacy 350
Kreft, Bratko 23, 129
Krejčí, Karel 352, 385, 387
Kretzenbacher, Leopold 55
Kristijanović, Ignjat 590
Križanić, Juraj 625
Krklec, Gustav 94
Krleža, Miroslav 93, 94, 100, 104, 452, 628
Krmpotić, Joso 626
Krókowski, J. 324
Kromer, Martin 386
Kršić, Jovan 628
Krzyżanowski, Julian 9, 316, 317, 318, 321, 323, 324, 339, 345, 346, 347, 351
Kryński, Adam 307
Křička, Petr 388
Kubaschek, Emilie 452
Kubiński, Roman 309
Kucharski, Andrzej 343
Kucharzewski, Jan 410
Kučera, Henry 422
Kudělka, Milan 386
Kuhar, Alojz 437
Kuhar, Lovro v. Voranc, Prežihov
Kukučin, Martin 382, 627
Kukuljević, Ivan 472
Kula, Witold 338
Kulin (ban) 42
Kuljbakin, Stepan (Kuľbakin) 487, 488
Kumaniecki, Kazimierz 320
Kumičić, Eugen 97, 102
Kunstmann, Heinrich 444, 446
Kuprešanin, Veljko 23
Kuraszkiewicz, Władysław 289, 290, 293, 295, 297, 299, 300, 301, 302, 304, 308, 309, 311, 313, 317, 566
Kurdybacha, Ł. 320, 324
Kurelac, Fran 588, 591, 593
Kurkowska, Halina 298, 301
Kurz, Josef 10, 14, 22, 355, 356, 359, 360, 369—376, 378
Kuryłowicz, Jerzy 290, 291, 293, 297, 299, 306
Kuzmanić, Ante 590, 591, 593
Kuzmić, Rikard 23
Kuypers, Gijsbert 480
Kyas, Vladimir 360, 383

Labry, Raoul 397
Lalević, Miodrag 23
Lalić, Radovan 4, 10, 11, 19, 23, 532, 535
Lamprecht, Arnošt 360, 365
Lang, David 438
Lasta, Petar 97, 98
Latković, Vido 4, 23, 102
Lauth, Reinhard 445
Lavrin, Janko 104, 431, 434
Lavrov, P. A. 372
Lazarević, Laza 451, 456
Lednicki, Wacław 9, 10, 11, 14, 22, 347, 405—414
Leewe, Gerhard 444
Legiša, Lino 23, 106, 112
Lehmann, R. 443
Lehr-Spławiński, Tadeusz 9, 10, 12, 14, 22, 234, 289—310, 311, 344, 345, 349, 543, 566
Lekov, Ivan 10, 22
Lelewel, Joachim 338
Le Liomais, F. 419
Lenau, Nikolaus 97
Leopardi, Giacomo 457
Lermontov, M. J. (Liermontov) 97, 343, 347, 388, 396, 445
Leskien, August 7, 443, 487, 531
Leskov, N. S. 438, 480
Leskovac, Mladen 4
Leskovar, Janko 97, 102
Leslie, R. 437
Leśnodorski, Bogusław 333
Lettenbauer, Wilhelm 441, 443, 444, 445, 555
Letz, Belo 362
Levkov, Dimče 4, 23
Levstik, Fran 66, 110, 592, 614, 615
Levý, Jakov 361

Lewański, J. 321, 323
Lewicki, Tadeusz 296
Lewitter, Lucien 438
Linde, Samuel Bogumił 305, 307, 343
Lindstrom, Thaïs S. 396
Linhart, Anton Tomaž 109, 626
Lipp, Hedi 452
Lissa, Zofia 338, 346
Locher, Theodor Jakob Gottlieb 479, 480
Lo Gatto, Ettore 14, 398, 455, 456, 457
Logar, Janez 23, 107, 108, 109
Logar, Tine 23, 54, 55, 57
Lomnický, Šimon 624
Lomtev, T. P. 567
Lord, Albert Bates 417, 617
Lord, Robert Howard 405, 411
Lorentz, Friedrich 312
Lortholary, Albert 397
Ložar, Rajko 107
Lowensohn, Leo 431
Luciani, Georges 12, 22, 396, 398, 531—536
Lucić, Hanibal 628
Luckyj, George 423
Lunger, Andrey 437
Lunt, Horace 15, 22, 422, 424, 425, 480
Luther, Martin 446
Lynch, Irena 422

Łobojko, Iwan 347
Łoś, Jan 290, 298, 306, 343

Ljepava, Bosiljka 23

Mach, Otto 443
Mácha, Karel Hynek 385, 396, 455, 626
Mache, Matthias 453
Machek, Václav 291, 356, 359, 365, 517
Macrea, Dimitrie 461
Macûrek, Josef 380, 385, 391, 472
Magarašević, Branko 101
Magnuszewski, Józef 339, 350
Mahnič, Jože 23, 111
Mahnken, Irmgard 443
Maistre, Joseph de 396
Maixner, Rudolf 101
Majakovskij, V. V. 348, 384, 385, 388, 425
Majewski, E. 634
Maksim Grek 294
Małecki, Mieczysław 289, 293, 295, 311, 549
Mali, Jaroslav 628
Malina, Ignát 365
Mally, Janina 301
Mamin-Sibirjak, D. N. 389
Mamuzić, Ilija 23
Mańczak, Witold 297, 298
Manević, Todor 23
Mann, Stuart Edward 438
Mann, Thomas 446
Manning, Clarence A. 411
Manuel Retor 294
Marek, Antonín 382
Mareš, František Václav 359, 360, 371
Maretić, Toma 41, 45, 587, 593
Marinčič, Irma 23
Marinetti, Filippo Tommaso 610
Marinković, Radmila 23
Marjanović, Milan 99, 627
Markov, Boris 23
Marković, Franja 97
Marković, Svetozar 627, 628
Marković, Svetozar B. 23
Marković, Zdenka 101
Markow, Felicitas 452
Marr, N. J. 48, 379, 467
Martin iz Križevca 624
Martinet, André 424, 485
Marulić, Marko 43, 44, 49, 93, 94, 100, 101, 103, 624
Marx, Karl (Marks) 521
Masaryk, Tomáš 384, 430
Maslenikov, Oleg 409
Maslov, J. S. 10, 22
Maštrović, Viekoslav 101, 103
Mathesius, Bohumil 385, 387, 388
Mathesius, Vilém 353, 354, 363, 558
Matičetov, Milko 23, 112
Matić, Svetozar 23
Matić, Toma 52, 101, 102
Matković, Marijan 97, 98, 99, 100
Mátl, Antonín 359, 371
Matl, Josef 51, 449
Matoš, Gustav Anton 93, 99, 102, 103
Matthews, W. K. 10, 12, 14, 22, 48, 424, 434, 438, 439, 485—490
Matuszkiewicz, Janina 453
Maryáš, Jan 386
Maupassant, Guy de 438
Maver, Giovanni 9, 10, 11, 13, 14, 15, 22, 51, 324, 398, 455—458
Mazlová, Vera 365
Mazon, André 9, 10, 11, 13, 14, 19, 20, 22, 56, 394, 395, 396, 413, 605—608
Mazon, Jacqueline 395
Mazzini, Giuseppe 458
Mažuranić, Antun 587, 590
Mažuranić, Ivan 93, 95, 96, 97, 104, 626
Mayenowa, Maria Renata 300, 303, 317, 321, 323, 339
Mayer, Rosa 453
Mayr, Emmanuele 452
Mededović, Avdo 617
Megiser, Hijeronim 51
Meillet, Antoine 7, 395, 398, 487, 514, 519, 520, 531, 565
Melich, János 465, 467, 468, 573
Mencinger, Janez 635
Menestrier, Claude-François 605
Menges, K. H. 426, 427
Merežkovskij, D. S. (Merezhkovsky) 438
Merhar, Boris 106, 108, 110, 112

Meriggi, Bruno 458
Metodije (Metodêj, Metodij, Metodius) 293, 355, 366, 377, 485, 623
Meyendorff, Alexander F. 431
Meyer, Jan Marinus 480
Meyer, K. H. 374, 549
Mešťan, Antonín 380
Michałowski, Piotr 338
Mickiewicz, Adam 126, 301, 337, 338, 339, 340, 341, 343, 346, 347, 350, 351, 352, 381, 408, 409, 410, 413, 446, 455, 480
Micklesen, L. R. 422
Mikalj, Jakov 45, 505, 509
Mikkola, J. J. 487, 550
Miklošič, Franjo (Miclosich, Miklosich) 8, 9, 47, 49, 50, 369, 451, 453, 468, 561, 567, 578
Mikloušić, Toma 508
Mikulski, Tadeusz 11, 22, 327—335, 351
Mikuš, Radivoj 57
Milanović, Borivoje 453
Milanović, Branislav 23
Milčetić, Ivan 43
Milewski, Tadeusz 289, 292, 296, 299, 300, 303, 304, 306, 311, 543
Milidragović, Milica 23
Milika, J. T. 303
Milisavac, Živan 23, 533, 536
Millet, Gabriel 398
Millet, Yves 395, 396, 398
Milutinović, Sima 626
Minissi, Nullo 458
Minić, Miloš 19, 21
Minkov, Svetoslav 634
Minns, Ellis 430, 433
Mirković, Dragutin 23, 661
Mirković, Lazar 23
Mirowicz, Anatol 233, 298, 299, 303, 306, 308, 346
Mitrák, Sándor 477
Mitropan, Petar 23
Mitros, Zofia 301
Mitter, Wolfgang 445
Mitzler de Kolof, Wawrzyniec 334, 335
Mjasnikov, A. S. 22
Mochnacki, Maurycy 446
Modrzewski Frycz, Andrzej 305, 320, 324
Modzelewski, Z. 321
Mohlberg, Cuniberto 374
Mojašević, Miljan 23, 102
Mojsova, Ljiljana 23
Molè, Marian 291, 293
Molè, Wojsław 338, 350
Molnár, Michal 390
Molnár, Nándor 475
Moravec, Jaroslav 361, 388
Morfill, William Richard 429
Morović, Hrvoje 101
Morskoi, Johanna 452
Morsztyn, Jan Andrzej 316
Morsztyn, Zbigniew 316
Moszyński, Kazimierz 291, 306
Moszyński, Leszek 293, 305
Mošin, Vladimir 42
Mousser, Jean 397
Mráz, Andrej 13, 22, 381, 382, 383, 637—643
Mrázek, Roman 360
Mrnavić, Ivan Tomko 52
Mrštík, Alois 383
Mrštík, Vilém 383
Muhina, Ana 23
Mukařovský, Jan 364, 398
Mulligan, R. R. 437
Muljačić, Žarko 101
Murko, Matija 102, 105, 111, 353, 378, 387, 390
Murn-Aleksandrov, Josip 614
Murzynowski, Stanisław 300
Musić, August 41, 579, 585
Musulin, Stjepan 41, 101
Mušicki, Lukijan 626
Müller, Günther 446
Müller, Ludolf 441, 445

Nadolski, B. 321
Nagy, Josip 41
Nahtigal, Rajko 47, 48, 51, 53, 55, 56, 64, 67, 74, 75, 76, 108, 112, 486, 487, 565
Nakonetschna, Hanna 444
Nandriș, Grigore 434, 438
Naruszewicz, Adam Stanisław 332, 334
Nazečić, Anka 23
Nažečić, Salko 4, 10, 23
Nazor, Vladimir 98, 99, 102, 103, 452, 636
Nečuj-Levyckyj, Ivan 453
Nedić, Vladan 23
Nejedlý, Zdeněk 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385
Nekrasov, N. A. (Niekrasow) 348, 351, 396
Németh, Gyula 466, 467
Nenin-Pelić, Radmila 23
Neruda, Jan 382, 383, 627
Neuhauser, Gerda 451
Neumann, Friedrich Wilhelm 444, 446
Neumann, Stanislav Kostka 627
Neumayr, Ernst 452
Nevrlý, Mikuláš 390
Němcová, Božena (Niemcowa, Njemcova) 350, 382, 628
Němec, Igor 359
Niedźwiedzki, Władysław 307
Niemcewicz, Julian Ursyn 351, 446
Nieminen, Eino 9, 10, 22
Nietzsche, Friedrich 397, 445
Nikitin, Afanasij 345
Nikolić, Svetozar 23
Nikolski, N. M. 378, 385
Nitsch, Kazimierz 289, 290, 298, 299 302, 303, 304, 305, 306, 308, 311, 312, 313
Nolde, Boris 397
Nosek, Stefan 292
Novák, Ľudevít 558

Novák, Pavel 362
Novak, Viktor 12, 23
Novak, Vjenceslav 94, 97, 627
Novaković, Boško 4, 23
Nový, Karel 627
Nowak-Dłużewski, Juliusz 332, 334
Noyes, George Rapall 405, 407, 409, 411
Nudožerský, Benedikt 366, 579
Nürnberg, Otto 453
Nušić, Branislav 627

Njegoš-Petrović, Petar 103, 446, 626, 628

Obradović, Dositej (Dimitrije) 409, 438, 444, 626
Obrenović, Mihailo 642
Obrenović, Miloš 626
Obrębska-Jabłońska, Antonina 22, 293, 298, 299, 301, 302, 303, 313, 345
Ocvirk, Anton 4, 47, 63, 107, 108, 111, 112, 113
Oettinger, Anthony G. 423
Ohijenko, Ivan 372
Ohnesorg, Karel 363
Olesch, Reinhold 441, 443, 444
Olmsted, David L. 421
Ondráčková, Jana 363
Ondrus, Pavel 366
Opalek, Kazimierz 333
Orel, Tine 110
Organdžijeva, Cveta 23
Orlyk, K. 397
Országh, Nadezsda 475
Orszak, Grzegorz 300
Orzeszkowa, Eliza 301, 351
Ossowski, Leszek 293, 294, 311
Ostrowska, Ewa 299, 300, 305
Oštir, Karel 23
Otrębski, Jan 291, 292, 293
Otwinowski, Erazmo 323

Pacini, Leone 456, 457
Palárik, Ján 382
Palmotić, Junije 625
Pańkevič, Ivan 384, 390
Pankowski, Czesław 305
Pantić, Miroslav 23, 101
Papp, Ferenc 475
Paprocký z Hlohol, Bartoloměj 387
Pares, Bernard 430, 433
Parolek, Radegast 383
Parolková, Olga 360
Parry, Milman 617
Partridge, Monica 22
Pascal, Pierre 397
Passendorfer, Artur 309
Pastrnek, František 353
Paškov, B. K. 397
Páta, František 390
Páta, Josef 353, 390, 391
Patačić, Adam 45
Paternu, Boris 23, 110
Pauli, Žegota 344
Pauliny, Eugen 354, 355, 362, 364, 365, 366, 379, 476, 576
Paulová, Milada 378
Paus, Johann Werner 607
Pável, Ágost 475
Pavičić, Stjepan 41, 46
Pavlović, Dragoljub 4, 11, 23, 100, 101, 654
Pavlović, Milivoj 4, 23
Pawłowiczowa, Janina 333
Pawłowski, Eugeniusz 303, 312
Pătruţ, Ioan 462
Peciar, Štefan 354, 362
Peco, Asim 23
Pekárek, Václav 382
Pelegrinović, Mikša 100
Penušliski, Kiril 23
Pepłowski, Franciszek 339
Pergošić, Ivan 509
Perković, Luka 103
Perry, J. W. 423
Peschl, Otto 452
Petar I (Petar Veliki, Pierre le Grand) 480 606, 626
Péter, Mihály 474
Petković, Milivoje 100
Petrarca, Francesco 457
Petrè, Fran 4, 13, 23, 106, 107, 111, 609 —612
Petrovici, Emil 10, 12, 14, 15, 22, 459, 461, 462, 463
Petruševski, Mihail 23
Petřek, Vladimír 628
Pettazzoni, Raffaele 458
Pflanzl, Jutta 451
Picchio, Riccardo 457, 458
Pieczyński, Marek 348
Pierling, P. 605
Pietrkiewicz, Jerzy 438
Pigoń, Stanisław 316, 339, 340
Pijade, Moša 5
Pilat, Roman 334
Pinto, Vivian de Sola 438
Pipin, A. N. 110
Pirjevec, August 106, 107
Pirjevec, Dušan 110
Pírková-Jakobson, Svatava 22, 417
Pisani, Vittore 458
Pisarev, D. I. 396
Pisemski, A. F. 396
Piwarski, Kazimierz 294, 338, 349
Pleteršnik, Maks 50
Plezia, M. 317, 322
Pohlin, Marko 112
Pocivauschek, Anita 453
Podhorski-Okolow, Leonard 347
Poggiolli, Renuto 425, 457
Pogonowski, Jerzy 350
Pogorelec, Breda 23
Pohorská, Dagmar 388

Pokorný, Josef 515, 517
Poldauf, Ivan 362
Polenaković, Haralampije 4, 11, 23, 101
Polívka, Jiří 390
Poljanec, Serafima 23
Poljanec, Radoslav 46
Pollak, Roman 302, 316, 325, 332, 456
Polonijo, Mate 43
Poniatowski, Stanisław August 330, 331, 334, 397
Pontana, J. 322
Popelová, Jiřina 390
Popovič, Janez Žiga 112
Popović, Miodrag 23
Popović, Pavle 430
Popović, Stojanka 23
Popović, Vladimir 97, 98
Popowska, Hanna 297
Porębski, Mieczysław 338
Portal, Roger 397
Potebnja, A. A. 375
Potocki, Wacław 301, 316, 322, 324
Potresov, A. N. 480
Pracatović, Miho 654
Pregelj, Ivan 112
Prenant, Marcel 94
Preobraženski, Nikolaj 4, 23
Preradović, Petar 94, 96, 97, 102, 633
Prešeren, Francè 103, 104, 105, 106, 108, 109, 111, 112, 592, 613, 615, 626
Pribić, Nikola 444, 446
Prijatelj, Ivan 101, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111
Procházková, Helena 384
Profous, Antonín 354, 358
Proost, Karel Frederik 480
Prus, Bolesław 301, 446
Przybylski, Ryszard 348
Przybyszewski, Stanisław 351, 446
Přemysl Otokar II 624
Pszywyj, Andreas 453
Ptaszycki, Stanisław 343
Puech, Henri-Charles 395
Puntar, Josip 106
Puškin, A. S. (Pushkin, Puszkin) 97, 126, 294 343, 346, 347, 384, 385, 388, 409, 413, 438, 445, 452, 453, 455, 638
Putanec, Valentin 44, 101
Puzynina, Jadwiga 305
Pyrih, Ivan 453

Raczyński, Edward 332, 333
Rački, Franjo 370
Radičević, Branko 626, 641
Radiščev, A. N. (Radiszczew, Radishchev) 345—346, 351, 438
Radloff, Wilhelm 618
Radojičić, Đorđe 12, 23
Radošević, Natalija 23
Radović, Đuza 23
Raffi, Arshak 430, 433
Ragozin, Sergej 422
Rajić, Jovan 626
Rakowiecki, Ignacy 343
Rammelmeyer, Alfred 10, 22, 441, 445, 446
Ramovš, Fran 47, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 56, 57, 549
Rapp-Rodzianko, Helen 438
Raptschinsky, Boris 480
Ratković, Milan 97, 98, 101, 102
Ravlić, Jakša 13, 23, 97, 101, 102, 653—658
Razzi, Serafino 654, 656
Rednak, Katharina 453
Reiter, Norbert 444
Reithofer, Margarete 453
Rej, Mikołaj 300, 301, 302, 317, 319, 322, 324
Rešetar, Milan 41, 45, 449, 451, 458
Reślińska, Irena 302
Reychman, Jan 303, 338
Reymont, Władysław 633
Rigelman, Nikolaj 640
Rimicius (Rimicjusz) 320
Rinardis, Luka 43
Ripellino, Angelo Maria 457
Ristić, Marko 632
Rittig, Svetozar 93
Rogić, Pavle 41, 44
Rončević, Nikola 41
Rombowski, A. 324
Romportl, Milan 363
Rospond, Stanisław 290, 299, 300, 301, 302, 304, 306
Rostohar, Mihail 23
Rose, William John 398, 431
Rosenkranz, Bernhard 443—444
Rösler, Karl 443
Rouët de Journell, M. J. 397
Rousselot, Jean Pierre 521
Rozenbaum, Karol 382
Rozwadowski, Jan 289, 290, 292, 370, 413, 543
Rubenstein, Herbert 421, 422
Rudnicka, Jadwiga 334, 335
Rudnicki, Mikołaj 289, 290, 292, 299, 304, 543
Rudnyckyj, J. B. 423
Rupel, Mirko 23, 55, 56, 57, 106, 108, 109, 112
Ružička, Josef 354, 362
Ruyer, Raymond 631
Rybakov, B. A. 398
Rysiewicz, Zygmunt 306
Ryšánek, František 355, 356, 362

Sabina, Karel 382, 383
Sacke, Georg 445
Sadnik-Aitzetmüller, Linda 50, 449, 451, 480
Safarewicz, Jan 291, 299, 304, 306
Safarewiczowa, Halina 304

Salomon, Charles 395, 398
Saltikov-Ščedrin, M. E. (Saltykov-Chtchédrine, Szczedrin) 351, 396
Salvini, Luigi 457
Sandecki-Malecki, Jan 300, 302
Sandler, Samuel 351
Sanine, Kyra 396, 398
Sarbiewski, Maciej Kazimierz 317, 322
Saski, Stefan 302, 316
Sava (sv. Sava) 452
Savković, Miloš 94, 99
Schartl, Gottfried 452
Schelesniker, Herbert 453
Schelling, Friedrich 445
Schenker, A. M. 422, 423
Scherer, Franz 453
Scherer, P. 423
Scherer-Virski, Olga 480
Scherrer, Marie 396
Schiller, Friedrich 97
Schlesinger, Walter 443
Schmaus, Alois 10, 11, 13, 22, 102, 441—447, 617—618
Schmid, Alfred 451
Schmid, Heinrich Felix 398, 449
Schmitt, Ludwig Erich 443
Schnayder, Jerzy 303
Schogt, Henri Gilius 479
Schroeder, Hildegard 446
Schröder, Leopold 55
Schuchardt, Hugo 525
Schwarz, Camillo 451
Scott, Walter 438
Seklucian, Jan 300
Seliščev, A. M. 487
Senn, Alfred 398, 424
Seton-Watson, George Nicholas Hugh 434
Seton-Watson, Robert William 430, 431, 433, 434
Setschkareff, Vsevolod 22, 100, 441, 444, 445, 446
Severjanin, Igor 425
Shakespeare, William 636
Shaw, Bernard 453
Siegman, Frank 445
Siehs, Karl 453
Siekierska, Jadwiga 348
Sienkiewicz, Henryk 301, 351, 382, 633
Sieroszewski, Adam 351
Sievers, Eduard 7
Simenon, George 632
Simmons, Ernest J. 411, 425
Simmons, J. S. G. 394
Simonović, Milorad 23
Sinko, Tadeusz 318, 339
Siudut, Andrzej 304, 305, 309
Sipos, István 476, 477
Sivert, Tadeusz 338
Skaličkа, Vladimir 358, 552
Skendi, Stavro 617
Skimina, S. 317, 318, 322
Skok, Petar 41, 42, 43, 44, 45, 52, 53, 94, 101
Skorupka, Stanisław 303
Skoryna, Franciszek 384
Skrovanek, Johann 451
Skulina, Josef 365
Skwarczyński, Zdzisław 330, 333
Skwarczyński, P. 437
Slavejkov, Penčo 457
Slodnjak, Anton 3, 10, 11, 23, 96, 104, 105—113
Sławski, Franciszek 291, 293, 306, 308, 309, 566
Słonimski, Antoni 634
Słoński, Stanisław 300, 308, 309, 370, 372
Słowacki, Juliusz 301, 328, 341, 346, 350, 387, 457
Słuszkiewicz, Eugeniusz 298, 306
Smetánka, Emil 353
Smith, R. E. F. 438
Smodlaka, Josip 44
Smolej, Viktor 23
Smoleński, Władysław 329
Sobierajski, Zenon 301, 312
Sochora, Karel 364
Sofokle 585
Sojka, Jan Erazim 383
Solarić, Pavle 626
Solovjev, Vladimir (Solov'ev) 445
Somborac, Marin 23,
Sontheimer, Ilsa 451
Sotnyk, Bohdan 453
Sovák, Miloš 363
Sowiński, Leonard 344
Sparwenfeld, J. G. 608
Spasov, Aleksandar 23
Spasowicz, Włodzimierz 343, 346, 347
Spitzer, Leo 423
Sreznevskij, I. I. 369
Staiger, Emil 112
Stalin, J. V. 48
Stamatovski, Trajko 23
Stang, Christian 179, 186
Stanislav, Ján 355, 358, 362, 363, 473, 573
Stankevič, Janko 444
Stankiewicz, Edward 422
Starčevič, Šime 591
Starzyński, Juliusz 338
Staszic, Stanisław 333, 346
Staszko, Roman 452
Steinbüchel, Theodor 445
Steinhauser, Walter 51
Steinhoevel 320
Steinitz, W. 618
Stender-Petersen, Adolf 14, 15, 425
Stepun, Fedor 445
Stevanović, Mihailo 4, 10, 23
Stevović, Igrutin 23
Stieber, Zdzisław 10, 22, 289, 293, 295, 296, 297, 299, 301, 303, 306, 309, 311—313, 521

Stief, Carl 10, 22
Stjepović Skočibuha, Vice 654
Stojanović, Ljubomir 588
Stojeński, Piotr 300
Stojković, Atanasije 626
Stojković, Marijan 41
Stošić, Josip 23
Stradecki, Janusz 335
Streitberg, Wilchelm 584
Stritar, Josip 109, 110
Struve, Gleb 422, 431, 434
Strzelczykówna, Zofia 301
Strzygowski, Josef 105
Stupan, Helena 112
Stupkiewicz, S. 325
Subotić, Dragutin 431, 433, 535
Subotin, Stojan 23
Suchodolski, Bogdan 333, 335
Sulán, Béla 470
Sułowski, Zygmunt 295
Sumner, Humphrey 433
Suvorov, Maksim 626
Svyatopolk-Mirsky, Dmitri 431, 434
Svinarski, Kiril 23
Svobodová, Zdeňka 381
Szabó, Miklós 477
Szarzyński Sęp, Mikołaj 323
Szeftel, Mark 425
Szirmai, Zsolt 479
Szmydtowa, Zofia 339
Szober, Stanisław 290, 309
Szuster, Melania 301
Szydłowska, Barbara 294
Szyjkowski, Marian 349, 352, 383, 387

Śliziński, Jerzy 350
Śmiech, Witold 297
Świtkowski, Piotr 335

Šafařík, Pavel Josef (Šafárik) 377, 378, 381, 384, 390, 626, 638
Šahmatov, A. A. (Szachmatow) 543, 549
Šapiro, A. B. 375
Šaumjan, S. K. 485
Ščerba, L. V. 373
Šegedin, Petar 97, 100
Šenoa, August 97, 102, 383, 627
Šepić, Ante 43
Šerech-Ševelov, Jurij 424
Ševčenko, Ihor 425
Ševčenko, Taras (Szewczenko) 349, 384, 385, 390
Šimić, A. B. 100
Šimunović, Dinko 99, 102
Škerlj, Stanko 23, 49
Škrabec, Stanislav 585
Škreb, Zdenko 42, 97, 101
Šlebinger, Janko 107, 109
Šmalc, Matevž 57
Šmilauer, Vladimír 355
Šojat, Olga 23, 96, 102
Šolar, Jakob 48, 56, 57
Šolohov, Mihail (Šolochov) 126, 388, 453
Šop, Nikola 100
Štampar, Emil 4, 11, 23, 91—104
Štarhl-Majurin, Ruža 102
Štefan, Rozka 23
Štefanić, Vjekoslav 23, 41, 42, 43, 93, 101
Štěrbová, Marketa 371
Štol, Ladislav 389
Štolc, Josef 354, 362, 365, 475, 476
Štrekelj, Karel 54
Štúr, Ľudovít 366, 378, 626, 638, 639, 640, 641, 642
Šulek, Bogoslav 46, 587, 592, 593
Švelec, Franjo 23, 101

Tadijanović, Dragutin 94, 97, 98, 99, 102, 103
Tagliavini, Carlo 457
Taine, Hippolyte 110
Tanclinger-Zanotti, Ivan 45
Tangl, Eberhard 441, 445
Taranovski, Kiril 4, 9, 10, 16, 19, 23, 94, 102
Tarnacki, Józef 311, 522
Taszycki, Witold 290, 292, 296, 299. 300, 301, 302, 304, 306, 309, 311, 313, 317, 323, 375
Taufer, Jiří 384, 388, 389
Tavčar, Ivan 107, 109, 615, 635
Thomas, Lavrence 412
Thon, J. 381
Temkin, Hanna 338
Tentor, Mate 54
Terček-Jug, Božena 452
Teršakoveč, Michael 451
Terzić, Bogdan 23
Tesla, Nikola 634
Tesnière, Lucien 54, 393, 395, 558
Teza, Emilio 455, 458
Tietz, Ernest 452
Tihić, Gverin 42
Tihon Zadonski 438
Tihonravov, N. S. (Tichonravov) 608
Tiira, Ensio 633
Timofejev, L. I. 632
Tobolka, Zdeněk 385
Tokarski, Jan 298, 522, 554
Tolstoj, A. K. 452
Tolstoj, A. N. 632
Tolstoj, L. N. (Tolstoi, Tolstoy, Tołstoj) 128, 343, 348, 395, 396, 398, 407, 413, 446, 453, 480
Tołkaczow, Aleksander 348
Tomanović, Vaso 13, 23
Tomaszewski, Adam 312
Tominšek, Josip 635
Tomić, Josip Eugen 94, 97, 102, 103
Tommaseo, Niccolo 396
Tomšič, Francè 4, 23, 57, 112
Topolińska, Zuzana 297
Toporišič, Josip 23
Toporowski, Marian 346
Torbarina, Josip 23

Tolev, Krum 23
Trager, G. L. 422
Trautmann, Reinhold 413, 443
Trávníček, František 354, 355, 358, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 370, 371, 372, 375, 378
Trdina, Janez 635
Trdina, Silva 47, 107, 109
Trediakovskij, V. K. 608
Trembecki, Stanisław 327, 328, 332, 333, 334, 335
Trenczak, Edith 453
Tretiak, Józef 343, 347
Tretjakov, P. N. 22
Treugutt, Stefan 339
Treuguttowa, Zofia 339
Trinkunaite, Martha 452
Triomphe, Robert 12, 22, 394, 396, 398, 399—404
Trivić, Ljubo 23
Trnka, Bohuslav 358
Trofimov, Michael 430, 431
Trogrančić, Franjo 102, 457
Trost, Pavel 358, 364
Trubar, Primož 56, 111, 112
Trubeckoj, N. S. (Trubetzkoy) 450, 451, 485, 486, 487, 488, 489, 549, 557
Tryjarski, Edward 306
Trypućko, Józef 50
Trzecieski, Andrzej 324
Tucović, Dimitrije 632
Turdeanu, Émile 395, 396
Turgeniev, I. S. (Tourguénev, Turgenev, Turgieniew) 98, 343, 351, 395, 396, 407, 438, 451
Tureček, Otto 451
Turić, Jure 97
Turska, Halina 297, 298, 301, 312, 339
Tuwim, Julian 345, 348
Twardowski, Samuel 302, 317
Tyl, Josef Kajetan 364
Tyl, Zdeněk 356, 366
Tymieniecki, Kazimierz 292
Tync, Stanisław 333, 335

Ugrinova, Rada 23
Ujević, Tin 104
Ułaszyn, Henryk 304, 305
Umiński, Władysław 633
Unbegaun, Boris 14, 22, 51, 394, 395, 434, 568, 607
Urban, Zdeněk 390
Urbańczyk, Stanisław 294, 296, 297, 299, 300, 304, 305, 306, 309
Urbančič, Boris 23
Urbani, Urbano 457
Urhegyi, Emília 471, 473, 474
Utěšený, Slavomír 365

Váhala, František 383
Vaillant, André 9, 10, 11, 12, 14, 22, 48, 393—398, 399, 402, 491, 514, 531, 549, 565
Vajs, Josef 48, 355, 371, 378
Valjavec, Fritz 441
Valvasor, Janez Vajhard 112
Van den Berk, Christiaan Alphonsus 22, 479
Van der Meulen, Reider 479, 480
Van Ginneken, Jac. 520
Van het Reve, Karel 480
Van Holk, André Georges Frédéric 423, 479, 480
Van Schooneveld, Eliisabeth 425
Van Schooneveld, Cornelis Hendrik 9, 10, 15, 22, 418, 424, 479—480
Van Wijk, Nicolaas 479, 549
Váňa, Zdeněk 380
Vasmer, Max 14, 398, 441, 442, 443, 444, 513, 514, 517, 543
Vaša, Pavel 354, 364
Vašek, Otokar 383, 628
Vašková-Kolářová, Olga 390
Vašica, Josef 56, 360, 371, 377, 378
Vávra, Emanuel 383
Vávra, Vincenc (Haštalský) 383
Vazov, Ivan 396, 446, 457
Vážný, Václav 355, 356, 360, 365, 549
Veber-Tkalčević, Adolfo 97, 587, 588, 592, 593, 594, 633
Večerka, Radoslav 360
Venevitinov, D. V. 97, 452
Venturi, Franco 458
Verdiani, Carlo 22, 457, 458
Vergilije (Wergiliusz) 317, 322
Verne, Jules 633
Veselinov, Jovan 5
Veselovskij, A. N. 379
Vey, Marc 394, 395
Vidaković, Milovan 626
Vidmar, Josip 107, 111, 113
Vidoevski, Božo 23
Vidrić, Vladimir 99
Vinogradov, V. V. (Winogradow) 9, 14, 16, 18, 22, 300, 403
Vinokur, G. O. 395
Viret, Persida 451
Vitezović, Pavao 589
Vlasto, Alexis 438
Vlk, Eduard 453
Vodička, Felix 364
Vodnik, Francè 107
Vodnik, Valentin 626
Vodušek, Božo 57, 107
Vojnović, Ivo 453, 627
Vojtěch, Jaroslav 387
Vončina, Josip 43
Vondrák, Václav 360, 370, 372, 375, 449, 451, 487, 491, 565
Voogd-Stojanowa, Tatjana 479
Voráč, Jaroslav 356, 365
Voranc, Prežihov 111, 616, 628
Vorenc, p. Xaverius 56
Vostokov, A. H. 369
Votruba, František 379
Vramec, Antun 508, 509

Vrana, Josip 23, 42, 101
Vrančić, Faust 636
Vraz, Stanko 94, 96, 97, 102, 107, 111, 626, 642
Vrchlický, Jaroslav 350, 438, 455, 457
Vrhovec, Ivan 626
Vries-de Gunzburg, Irène de 479
Vrtel-Wierczyński, Stefan 301, 309, 317, 349
Vučenov, Dimitrije 23
Vučetić, Šime 100, 102
Vujović, Luka 23
Vukomanović, Nevenka 23
Vukotinović, Ljudevit 97
Vuković, Jovan 4, 23
Vydra, Bohumil 360

Wackernagel, J. 516
Wacław z Oleska v. Zaleski, Wacław
Wacyk, Nikolaus 451
Wajsblum, Marek 316
Walde, A. 517
Walder, Wolfram 451, 452
Walicki, Andrzej 347, 348
Wallace, W. V. 437
Walzel, Oscar Franz 105
Wassermann, Jakob 446
Wasson, R. G. 425
Watzl, Lilly 453
Ważyk, Adam 327, 328
Webster, Clifford 437
Wehinger, Herta 453
Weingart, Miloš 353, 355, 360, 370, 371, 372, 375, 486
Weinreich, Uriel 417
Weintraub, Wiktor 480
Wellesz, Egon 426
Wells, Herbert George 632, 634
Wereszycka, Helena 333
Westfal, Stanisław 298, 437
Węgierski, Andrzej 332
Wheeler, Benjamin 405
Whitfield, Francis J. 412
Wiener, Leo 405, 411
Wierczyński, St. 349
Willman-Grabowska, Helena 345
Wise, Sheldon 422
Witkowska, Alina 339
Wojciechowski, Zygmunt 294, 307, 349
Woitasiewicz, Olgierd 303
Wolf, Adam 302
Wölfflin, Heinrich 105
Wolker, Jiří 364, 627, 628
Wollman, Frank 11, 22, 360, 370, 371, 372, 377—391
Wollman, Slavomir 380, 381, 389
Wolpe, Henryk 10, 11, 22, 337—341, 347
Woltner, Margarete 441, 442, 443, 445
Woodward, J. 438
Wybicki, Józef 333
Wyka, Kazimierz 339
Wyspiański, Stanisław 396
Wytrzens, Günther 452

Zablatnik, Paul 453
Zabłocki, Franciszek 328, 332, 333
Zahrajówna, Zofia 333
Zajączkowski, Ananiasz 303, 339, 345
Zajączkowski, Stanisław 304
Zaleski, August 430
Zaleski, Wacław 344
Zaninović, Antonin 101
Zaninović, Vice 23, 97, 98, 99, 102
Zaręba, Alfred 289—310, 312
Zathey, J. 318
Závada, Jaroslav 385, 388
Závodský, Artur 384, 389
Zawadowski, Witold 297
Zawodziński, Karol Wiktor 297, 330
Zembatówna, Maria 300
Zgorzelski, Czesław 347
Zíherl, Boris 107, 110, 111
Zikmund Lucemburski 624
Zilynskyj, Orest 390
Ziomek, Jerzy 10, 22, 315—325, 333
Zmorski, Roman 344
Znicz, Adam 633
Zois, Žiga 107, 626
Zola, Émile 396
Zor, Janez 23
Zoranić, Petar 52
Zorec, Vladimir 96
Zubatý, Josef 354, 356, 359, 361, 366
Zwoliński, Przemysław 294, 295, 296, 298, 300, 301, 304

Żmigrodzka, Maria 339

Žaba, Stanislav 360
Žáček, Václav 385
Žganec, Vinko 102
Žic, Nikola 101
Žicina, Milka 628
Žigon, August 105, 106, 107, 108
Živanović, Đorđe 23, 352, 410
Živković, Dragiša 23
Živković, Sreten 13, 23, 41, 579—585
Żółkiewski, Stefan 315, 335, 347
Žukovskij, V. A. 97
Župančič, Oton 57, 110, 111, 112, 456, 614
Županič, Niko 23
Żurawicki, Seweryn 348

Yarmolinsky, Avrahm 417
Yakobson, Sergey 431

БИБЛИОТЕКА
СЕМИНАРА ЗА ЈУЖНОСЛОВЕНСКЕ
И ОПШТУ ЛИНГВИСТИКУ